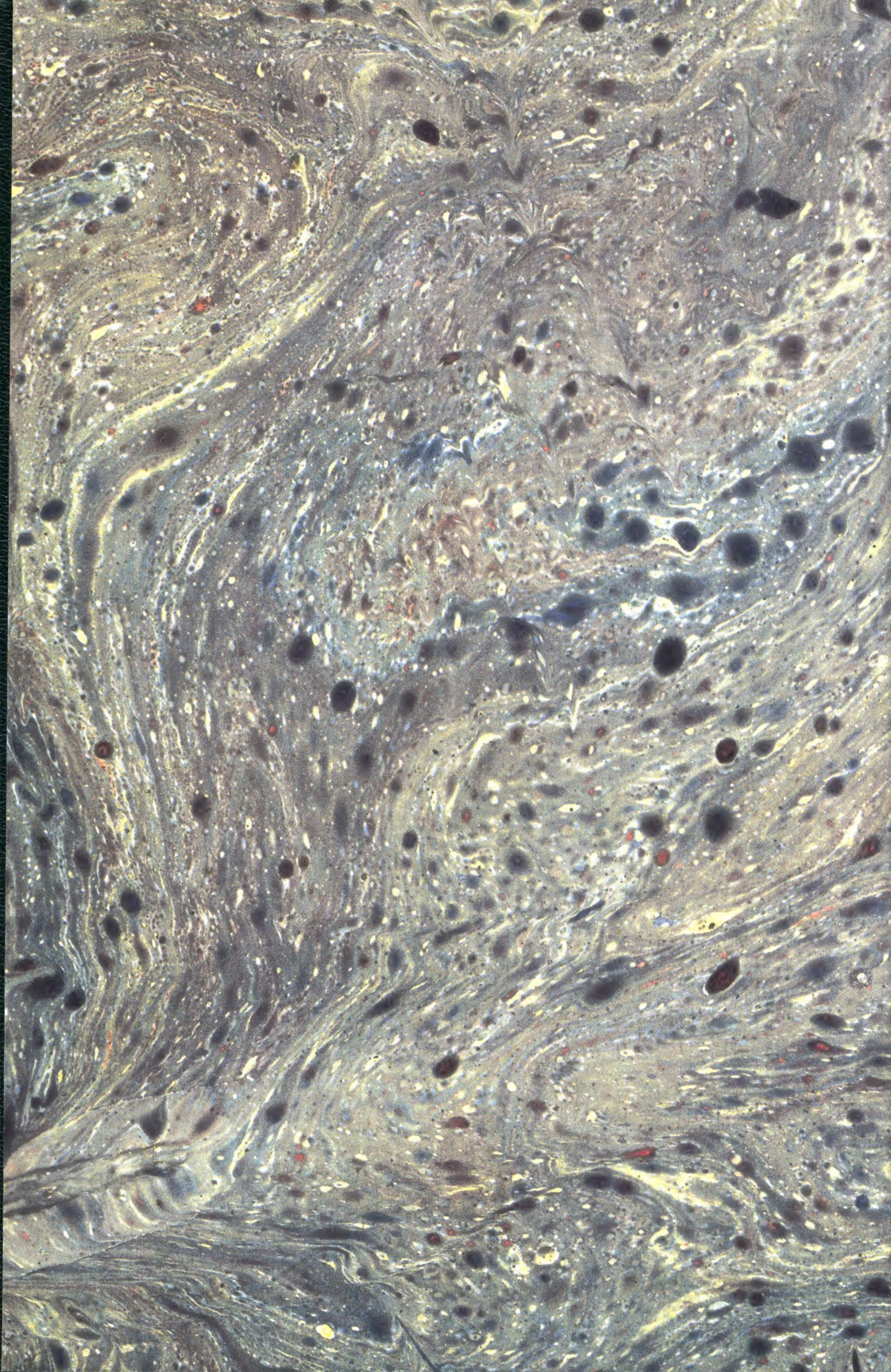
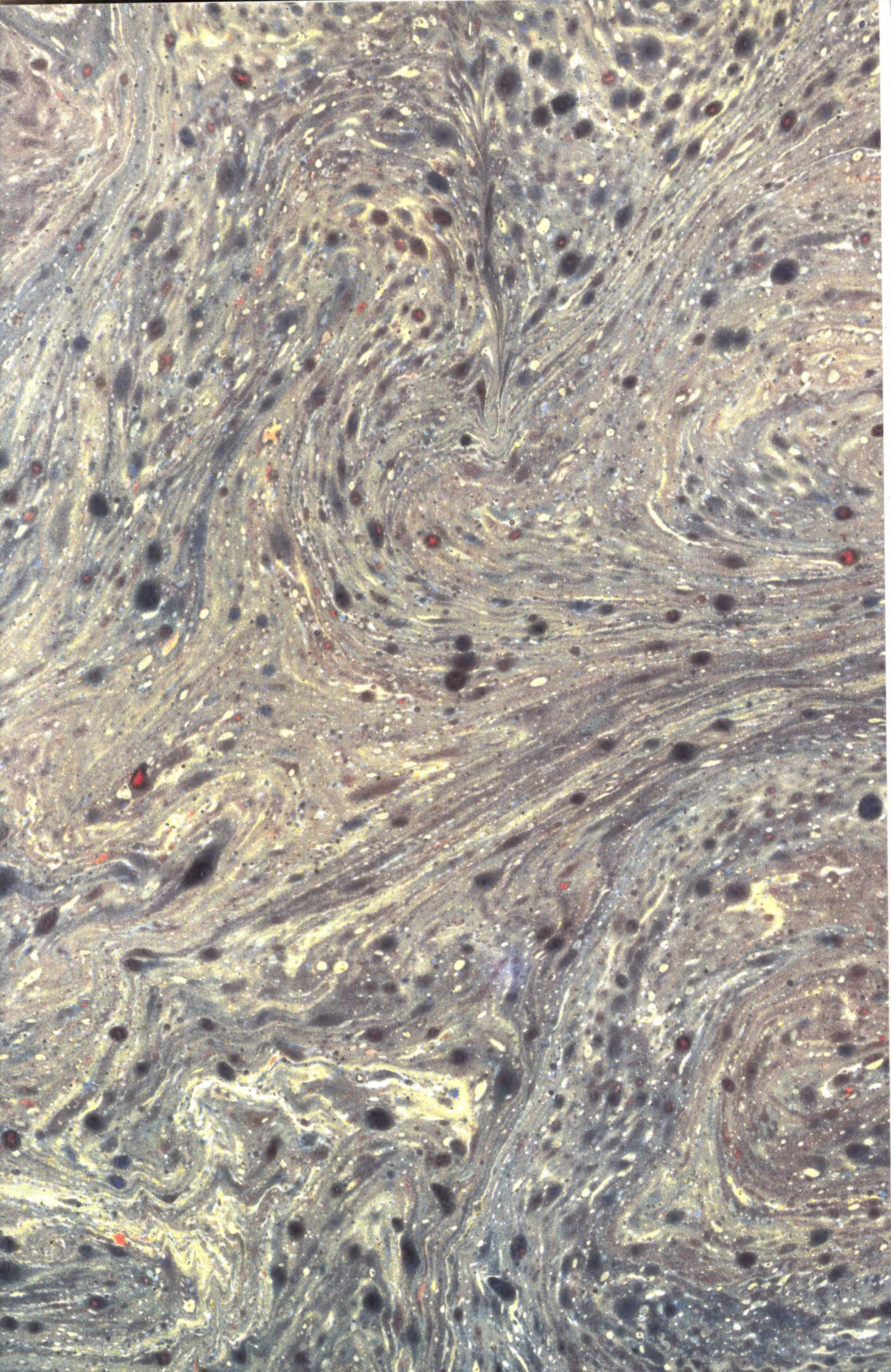
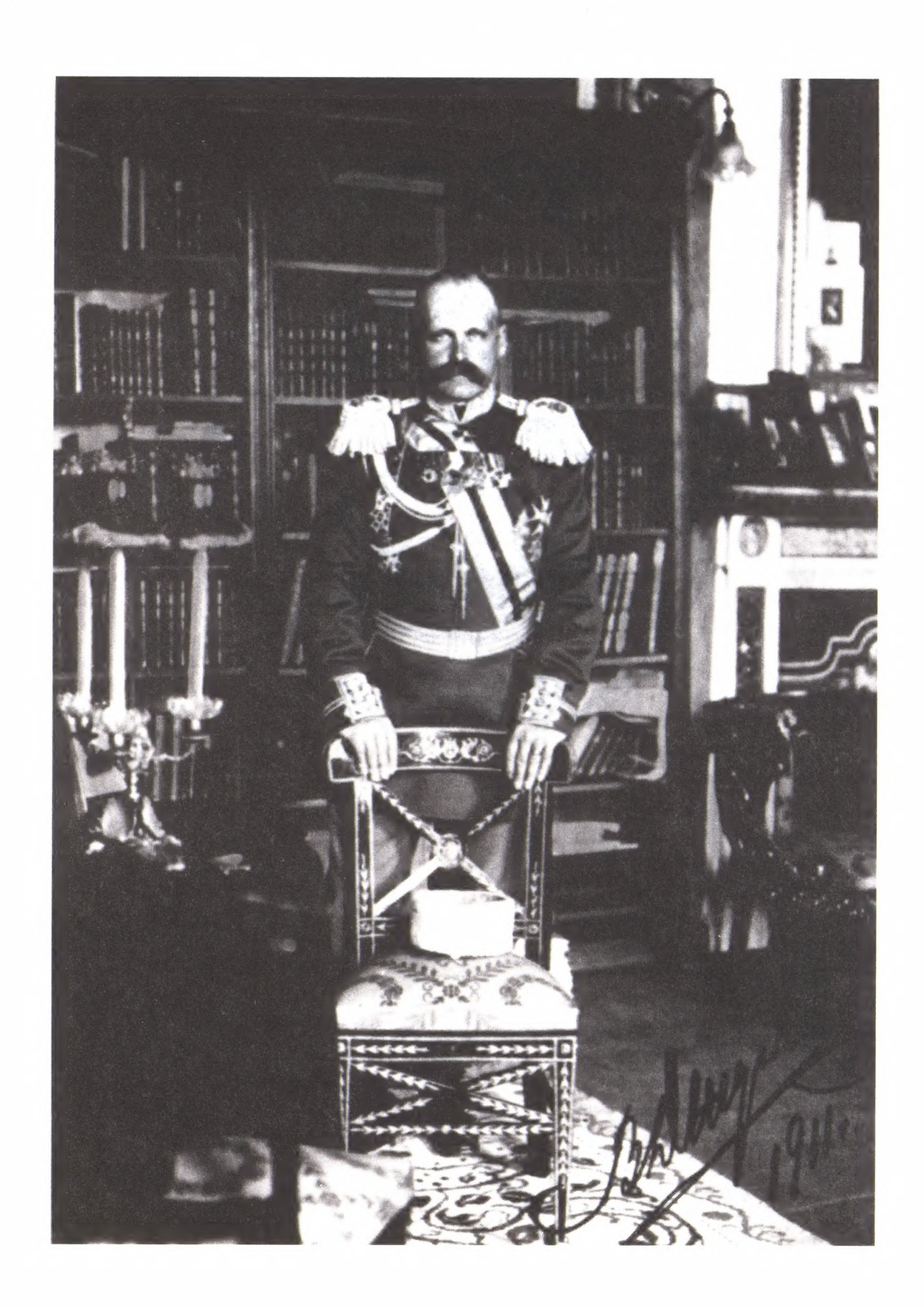
В. Ф. Джунковский
ВОСПОМИНАНИЯ

ЗАПИСИ ПРОШЛОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМ. САБАШНИКОВЫХ

В. Ф. Джунковский
ВОСПОМИНАНИЯ

Под общей редакцией
А. Л. ПАНИНОЙ

В двух томах

ТОМ ПЕРВЫЙ

Москва
Издательство имени Сабашниковых

УДК 947.0
ББК 63.3(2)
Д42

Археографическая подготовка текста

А. Л. ПАНИНОЙ

Предисловие и примечания

И. М. ПУШКАРЕВОЙ и З. И. ПЕРЕГУДОВОЙ

Редактор серии

А. Л. ПАНИНА

Оформление серии

С. И. СЕМЕНОВА

Издательская программа
правительства Москвы

Издание осуществлено при финансовой
поддержке правительства Москвы
к 850-летию Москвы

ISBN 5-8242-0043-2

В. Ф. Джунковский и его воспоминания

Через два месяца после падения российской монархии, в мае 1917 г., в Петрограде перед Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства предстали многие бывшие министры, высшие сановники и придворные. 2 июня главный редактор стенографического отчета комиссии А. Блок записал в своем дневнике: «В. Ф. Джунковский. 5 февраля 1913 г. — 19 августа 1915 г. — товарищ министра внутренних дел, при Маклакове и немного при Щербатове. Погоны генерал-лейтенанта. Теперь начальник 15-й Сибирской стрелковой дивизии. Неинтересное лицо. Голова срезана. Говорит мерно, тихо, умно. Лоб навис над глазами, усы жесткие. Лицо очень моложавое и загорелое. [...] Нет, лицо значительное. Честное. Глаза прямые, голубовато-серые. Опять характерная печать военного. Выражения (удрали, уйма, надуют, как стеклышко). Прекрасный русский говор» [1].

Владимир Федорович Джунковский (1865—1938) был личностью весьма примечательной и неординарной. За десять лет, с 1905 по 1915 г., он прошел путь от капитана до генерал-майора Свиты, получив в эти же годы сначала должность вице-губернатора и московского губернатора, а затем — командира Отдельного корпуса жандармов и товарища (заместителя) министра внутренних дел. Падение же его в августе 1915 г. было более стремительным, чем возвышение, более громким и, пожалуй, более симптоматичным. Но в наши дни лишь немногие ученые-историки знают о его трагической судьбе, а широкому кругу читателей даже имя В. Ф. Джунковского неизвестно. Долгое время мало кому были доступны закрытые в спецхране его воспоминания, охватывающие более чем полувековой период времени, давно уже ставшего Историей. Теперь мы не только можем, но должны узнать и осмыслить отечественную историю во всей ее полноте, открыто и честно посмотреть в глаза ее ушедших творцов, понять их поступки.

С этой целью Издательство имени Сабашниковых предлагает

читателям познакомиться с воспоминаниями В. Ф. Джунковского. Но у нас была и еще одна задача. Эти воспоминания писались по инициативе М. В. Сабашникова для публикации в его издательстве, а сам Владимир Федорович был близко знаком и дружен со всем семейством Сабашниковых, особенно с сестрой Михаила Васильевича, Ниной Васильевной (в замужестве Евреиновой). В имении Евреиновых Борщень в Курской губернии В. Ф. Джунковский часто гостил, встречал Рождество и Новый год, отдыхал летом. Под его крылом начинали свою служебную карьеру старшие сыновья Н. В. Евреиновой. Только закрытие издательства в 1934 г. вынудило Михаила Васильевича оставить надежду на публикацию воспоминаний В. Ф. Джунковского, как, впрочем, и своих собственных.

Издательство имени Сабашниковых, возрождая серию «Записи Прошлого», стремится осуществить программу М. В. Сабашникова. Уже напечатаны его собственные воспоминания и мемуары Е. А. Андреевой-Бальмонт, теперь мы предлагаем читателям труд В. Ф. Джунковского. Но прежде следует сказать несколько слов о личности мемуариста.

Родословная В. Ф. Джунковского восходит к легендарному монгольскому князю Мурзе-хану Джунку, прибывшему в Москву в составе посольства в начале XVI в. при Василии III. Из этого рода вышел известный в свое время воевода Ксендзовский, владевший в Галиции поместьем Джунковка.

Русская ветвь его потомков вела свое начало от жившего в конце XVII в. полковника Кондратия Джунковского. Одним из продолжателей этого рода был в конце XVIII в. Семен Семенович Джунковский, принадлежавший к духовному сословию. В 1764 г. у него родился сын Степан, дед В. Ф. Джунковского.

Степан Семенович получил прекрасное агрономическое образование и в 1780 г. (по рекомендации духовника Екатерины II Самборского) был направлен за границу для «усовершенствования в науках о земледелии». Пробыв около семи лет в Англии, Франции и Фландрии, он вернулся в Россию, был определен в Лейб-гвардии Преображенский полк и назначен учителем английского языка к дочерям наследника престола великого князя Павла Петровича. После восшествия Павла I на престол С. С. Джунковский стал чиновником и в 1811 г., уже при Александре I, занимал должность директора Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. С 1803 г. С. С. Джунковский состоял членом, а позднее секретарем Вольного экономического общества, редактором издаваемых им «Трудов», принимал участие в расселении колонистов, в унификации мер и весов Российской империи. Из-под его пера вышла целая серия работ по вопросам экономики и сельского хозяйства. С. С. Джунковский умер в 1839 г. в возрасте 75 лет.

При Николае I род Джунковских, имевших земли в Полтавской

губернии, был включен в родословную дворянскую книгу Полтавской губернии с пожалованием герба. Латинский девиз на нем гласил: «Deo et proximo», т. е. «Богу и ближнему». В. Ф. Джунковский вспоминал впоследствии, что этот девиз «тщательно хранили в своем сердце» его родители, следовали ему в течение всей своей жизни, «стараясь воспитывать детей в том же духе» [2].

От брака с Анной Александровной Берг С. С. Джунковский имел сыновей: Александра, Петра, Степана и Федора и дочерей: Анну, Елизавету, Марию и Прасковью. Из них наибольшую известность получил старший — Степан. Покинув Россию и поселившись в Риме, он перешел из православия в католичество, вступил в орден иезуитов и даже был кандидатом на должность кардинала этого ордена. Однако, имея сан католического священника, он женился на англичанке Монгомери, за что был отлучен от католической Церкви. Позднее Степан Степанович Джунковский переселился в Париж и стал проповедовать необходимость объединения католичества и православия. Впоследствии, вернувшись в лоно православной Церкви, он возвратился в Россию и служил в Святейшем Синоде. Другой сын, Петр, оставался помещиком Полтавской губернии.

Федор Степанович, отец В. Ф. Джунковского, служил в Петербурге, достиг больших чинов и должностей и удачно женился. У него было четыре сына: Степан, Федор, Николай и Владимир и три дочери: Евдокия, Ольга и Мария. К сожалению, о судьбе братьев и сестер Владимира Федоровича мы почти ничего не знаем. Известно лишь, что Николай Федорович, женатый на Е. В. Винер, был крупным чиновником в Министерстве финансов, а в 1905 г. был переведен в Тифлис, в управление кавказского наместника. Умер он в 1915 г. Незамужняя сестра Евдокия Федоровна бóльшую часть жизни провела вместе с Владимиром Федоровичем.

«Я, — писал о себе В. Ф. Джунковский, — родился 7 сентября 1865 г. в Петербурге. Моему отцу было 49 лет, моей матери 43 года. Отец мой Федор Степанович в то время был в чине генерал-майора и за год до моего рождения был назначен начальником канцелярии генерал-инспектора кавалерии, пост которого тогда занимал один из братьев императора Александра II великий князь Николай Николаевич (старший), и членом комитета по устройству и образованию войск, в каковых должностях и пробыл почти до самой своей смерти. Мать моя Мария Карловна Рошет была лютеранкой, ...она значительно пережила отца и скончалась в 1895 г., через 16 лет после его смерти» [3].

Происхождение и положение семьи открывало перед Владимиром Федоровичем Джунковским широкие возможности в выборе карьеры. Этому способствовало и военное образование, полученное им в одном из самых привилегированных учебных заведений — Пажеском корпусе в Петербурге. По его окончании в 1882 г.

В. Ф. Джунковский был зачислен в 1-й батальон Лейб-гвардии Преображенского полка, которым командовал великий князь Сергей Александрович. Прослужив около двух лет, В. Ф. Джунковский был произведен сразу же, минуя чин прапорщика, в подпоручики, а через четыре года стал поручиком. В этом чине 23 декабря 1891 г. он был назначен адъютантом московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и оставался на этом посту и в этом звании более тринадцати лет. Только 6 декабря 1895 г., в день тезоименитства Николая II, В. Ф. Джунковский получил чин штабс-капитана, а через пять лет, 6 мая 1900 г., был произведен в капитаны.

Судьба В. Ф. Джунковского резко изменилась в 1905 г.: 4 февраля этого года великий князь Сергей Александрович был убит бомбой, брошенной эсером-террористом Каляевым. В своих мемуарах В. Ф. Джунковский описывает это событие очень сдержанно, не выражая своих личных чувств, хотя с деталями и фактическими подробностями. Вряд ли кто осмелится упрекнуть за это мемуариста, помня, что он писал эти строки, когда одна из центральных улиц Москвы была названа именем Каляева — убийцы великого князя, а Сергиевский народный дом был переименован в клуб имени Каляева.

Больше полугода В. Ф. Джунковский продолжал числиться в прежней должности адъютанта погибшего великого князя. Однако за это время он сильно продвинулся по служебной лестнице — в апреле 1905 г., в память о великом князе, он был сразу же, минуя чин подполковника, произведен в полковники.

30 июля 1905 г. В. Ф. Джунковский был назначен московским вице-губернатором, но оставался в этой должности всего три месяца и 11 ноября 1905 г. заменил престарелого московского губернатора Г. И. Кристи. Надо сказать, что В. Ф. Джунковский вполне подходил для этого, так как, состоя при генерал-губернаторе, был не только его адъютантом, но и помощником, готовил документы и решения по многим административным вопросам. Чтобы понять степень полномочий и ответственности губернатора и его место во властных структурах города и губернии, надо посмотреть прежде всего, что же представляла собой первопрестольная столица России в начале XX столетия.

К этому времени Москва заметно расширила свои границы и была одним из крупных промышленных городов мира. Ее население с пригородами составляло более 1,6 миллиона человек, и по числу жителей город вышел на девятое место в мире, уступая лишь Лондону, Нью-Йорку, Парижу, Берлину, Чикаго, Вене, Петербургу и Филадельфии [4]. В течение нескольких предвоенных лет население Москвы ежегодно увеличивалось на 50 тысяч человек — число жителей среднего российского губернского города. Заметно менялся и внешний облик Москвы. Начавшийся в России экономический

подъем вызвал строительную горячку. Быстрыми темпами возводились жилые дома, торговые заведения, банки, роскошные особняки. Строились здания Казанского и Брянского (Киевского) вокзалов, московского почтамта и другие общественные сооружения. Город опоясала Окружная железная дорога, соединившая десять вокзалов, конка была почти вытеснена трамваем, а кареты и экипажи соседствовали с автомобилями. Около 20 улиц в центре освещались электричеством, работал телефон.

В ведении губернатора была и Московская губерния с ее 13 уездами, заштатным городом Воскресенском, Павловским и Сергиевым посадами, 166 волостями, включающими более 3,5 тысяч сельских обществ и более 5,5 тысяч селений. Губерния являлась основной административной единицей Российской империи.

В бытность В. Ф. Джунковского губернатором высшая административная власть в Москве и губернии была представлена генерал-губернатором, губернатором и градоначальником. Наряду с ними существовали выборные представительные органы: губернское земское собрание и его исполнительный орган — земская управа, и городская дума с городской управой и ее председателем — городским головой. В этой системе генерал-губернатор обладал высшей военной и административной властью, которая значительно расширялась в периоды «исключительного положения». Так было во время декабрьского вооруженного восстания 1905 г., подавленного Ф. В. Дубасовым с помощью войск и полиции. Функции же градоначальника в Москве были чисто полицейскими и распространялись только на город.

В руках губернатора была сосредоточена административная власть на территории губернии и города. Он возглавлял губернское правление и больше десятка различных совещательных учреждений — присутствий, комитетов, комиссий. С их помощью губернатор осуществлял надзор за фабрично-заводской промышленностью и рабочими, за губернской полицией, поступлением податей, набором рекрутов, за крестьянскими, земскими и городскими органами самоуправления и проч. В. Ф. Джунковский подробно описал эту сторону своей деятельности и даже привел распорядок дня губернатора в конце пятой главы своих воспоминаний [5].

Роль, которую играл губернатор во властной системе, определялась не только его официальным статусом, но во многом и самой личностью человека, занимавшего этот пост. Так, Г. И. Кристи при генерал-губернаторе великом князе Сергее Александровиче и даже после его гибели оставался обычно в тени, на втором плане, в то время как В. Ф. Джунковский, будучи еще вице-губернатором, исполнял обязанности губернатора de jure и de facto.

На начало его губернаторства приходятся два важнейших политических события, две исторические вехи в судьбе России: первая революция и учреждение высшего представительного законодатель-

ного органа — Государственной Думы. В. Ф. Джунковский был очевидцем обоих событий и отразил их в своих мемуарах в присущей ему деловой и фактографической манере.

Вооруженное восстание в Москве он определяет как «выходящие из ряда вон беспорядки». Его информация о всероссийской октябрьской стачке и декабрьских боях в Москве ограничена теми немногими фактами, свидетелем которых он был лично, и теми, что фигурировали в официальных донесениях в Департамент полиции: бои у дома Фидлера и на Пресне, действия дружинников на Московско-Казанской ж. д. Впоследствии, в 1919 г., Московская ЧК осудила В. Ф. Джунковского за участие в разгроме вооруженных выступлений в Московской губернии в декабре 1905 г. Однако в это время Москва и губерния были объявлены на «исключительном положении», и высшая власть полностью переходила в руки генерал-губернатора, которому предоставлялись чрезвычайные полномочия. Тем не менее в своих воспоминаниях В. Ф. Джунковский не дистанцируется от власти, высоко оценивая действия Ф. В. Дубасова в ликвидации беспорядков в Москве.

Твердость убеждений, сознание правоты и честности своей позиции, ясно и отчетливо выраженные в воспоминаниях, свидетельствуют и о мужестве В. Ф. Джунковского, писавшего их после нескольких лет тюремного заключения. Следует помнить также, что к двадцатой годовщине первой русской революции эти события были окружены героическим ореолом, публиковались многочисленные воспоминания их участников и труды первых советских историков, оценивавших декабрьское восстание 1905 г. в Москве как пролог к будущей великой победоносной революции 1917 г.

Большая часть воспоминаний отражает повседневную жизнь Москвы и губернии. Будни В. Ф. Джунковского редко проходили в его служебном кабинете. Он был в постоянных разъездах, инспектировал земские школы и больницы, следил за санитарным обеспечением губернии, особенно когда возникала опасность эпидемии, проводил смотры пожарных команд и проч. Во время сильнейшего московского наводнения 1908 г., лесных пожаров и других стихийных бедствий В. Ф. Джунковский всегда оказывался в самых опасных местах, организовывал эвакуацию жителей, медицинскую и продовольственную помощь, поддерживал дух и спокойствие населения. Незабываемое впечатление оставляет описанная им в воспоминаниях за 1908 г. картина затопленной Москвы накануне пасхальной службы или рассказ о поездке в отрезанную разливом Оки Белопесоцкую слободу, куда В. Ф. Джунковский приехал на Пасху, утром, захватив для крестьян полтораста куличей и пасх и несколько сот яиц.

Неудивительна поэтому огромная популярность В. Ф. Джунковского у местного населения. Когда он, будучи отозван в Петербург, оставил должность губернатора, семь уездных городов Московской

губернии (Серпухов, Коломна, Верея, Можайск, Клин, Подольск и Воскресенск) присвоили ему звание почетного гражданина. В Рузском уезде его имя дали земской школе, в Верейском — земскому училищу. В Можайском уезде портрет В. Ф. Джунковского был помещен «на вечные времена» в Бородинском музее, созданном при его непосредственном активном участии в 1912 г. к празднованию столетия Бородинского сражения.

Всеобщую благодарность и уважение В. Ф. Джунковский завоевал не только честным и ревностным исполнением служебного долга. Много душевных сил и времени он отдавал благотворительности. Он был попечителем Варваринского сиротского дома Лобовых, Общества попечения о детях-сиротах, родители которых были осуждены и сосланы по судебным приговорам, и множества других благотворительных организаций. Но особенно близко к сердцу принимал он судьбу Московского столичного попечительства о народной трезвости, одним из учредителей, а с 1905 г. и председателем которого был.

В. Ф. Джунковский считал пьянство одним из главных общественных недугов, мешающих благосостоянию русского народа, разрушающим его физическое и нравственное здоровье. Свою боль и тревогу по этому поводу он неоднократно высказывал в обращениях к населению губернии. Образованное общество он призывал принимать конкретные меры для борьбы с этим злом. При непосредственном участии В. Ф. Джунковского в Москве был организован антиалкогольный музей и созван I съезд по борьбе с алкоголизмом и пьянством.

Среди мер, принимавшихся Московским попечительством, — открытие первых наркологических лечебниц для алкоголиков и организация досуга для малоимущих слоев населения в целях отвлечения их от пьянства: устройство дешевых столовых, чайных, библиотек, читален, воскресных школ и курсов, организация народных гуляний. Главная роль в этих мероприятиях отводилась народным домам, которых в Москве в 1911 г. насчитывалось 10. В. Ф. Джунковский приложил немало усилий к их организации, а Сергиевский народный дом был одним из его любимых детищ. Большой театрал, любитель оперы, имевший друзей среди известных московских артистов, В. Ф. Джунковский сумел с их помощью и вместе с другими энтузиастами организовать драматические и оперные спектакли в народных домах, которые привлекали массу зрителей из низших слоев городского населения.

На годы губернаторства В. Ф. Джунковского вообще приходится расцвет культурной, просветительской и общественной жизни в Москве. В 1907 г. открылся Московский коммерческий институт, в 1908 г. — университет имени А. Л. Шанявского, затем Педагогический институт и Педагогическое общество имени Г. Шелапутина, в 1910 г. — Московское общество воздухоплавания, в 1912 г. —

Музей изящных искусств имени Александра III, позже — елизаветинская Марфо-Мариинская обитель служения Богу и ближнему, храм-усыпальница великого князя Сергея Александровича в Кремле и множество памятников: Александру III, генералу М. Д. Скобелеву, доктору Ф. П. Гаазу, первопечатнику Ивану Федорову, Н. В. Гоголю и др. Широко отмечались 100-летие странноприимного дома графа Шереметева, Московского городского архива, пятидесятилетие Московского купеческого общества и многие другие памятные даты. Во всех этих торжествах В. Ф. Джунковский по своему положению губернатора принимал живейшее участие. Он проявлял одинаковое внимание и к сохранению памятников старины, заботясь, например, о реконструкции Китайской стены, и к новейшим достижениям техники, будь то первые автопробеги или авиаполеты.

В 1910 г. он даже поднялся в небо на «Фармане» С. И. Уточкина. «Самолет весил 30 пудов, — вспоминает В. Ф. Джунковский, — площадь поверхности 40 кв. м, наибольшая скорость около 100 км (92 версты). Пилот сидел впереди, пассажир сзади, несколько выше и на крошечном велосипедном сиденье, упора почти никакого, ноги можно было упереть в тоненькую жердочку, а руками держаться за такие же тоненькие передние жердочки» [6]. За организацию перелета Москва — Петербург В. Ф. Джунковский был избран председателем Московского общества воздухоплавания. Все это сохранилось в его памяти, и обо всем он оставил свидетельства в своих мемуарах.

Среди обилия празднеств особенно выделялись торжества по случаю столетней годовщины Бородинского сражения, с большой пышностью отмечавшейся в 1912 г. в присутствии императора, представительной французской и других иностранных делегаций.

Подготовка к юбилею началась более чем за год. Специально учрежденный Комитет по созданию Музея 1812 года стал собирать экспонаты, связанные с Отечественной войной 1812 г., на Чистых прудах было построено здание для панорамы Ф. А. Рубо «Бородино», открылась для посетителей Кутузовская изба в Филях, а в селе Горки Можайского уезда, по дороге из Москвы на Бородино, был сооружен памятник М. И. Кутузову. Любопытно заметить, что для этого В. Ф. Джунковский за свой счет выкупил у местных крестьян сажень земли в свою собственность, и, таким образом, памятник великому полководцу установлен на земле В. Ф. Джунковского.

В. Ф. Джунковский был главным устроителем Бородинских торжеств. Он наблюдал за сооружением памятников воинской славы на Бородинском поле, строительством дорог и специальной железнодорожной ветки для царского поезда, реконструкцией вокзала, размещением многочисленных делегаций от воинских соединений, принимавших участие в военном параде, депутаций от всех губерний России, заботился об организации их питания, медицинской помощи и проч. Немало сил он потратил на сооружение Музея 1812 года в Инвалидном домике, на благоустройство и украшение всех мест,

где проводилось празднество, и, наконец, он обеспечивал безопасность императора, царской семьи и многочисленных высокопоставленных гостей. Во время Бородинских торжеств В. Ф. Джунковский неотлучно находился при императоре, и Николай II по заслугам оценил проделанную им работу и одобрил умелую организацию охраны, которая не мешала царю общаться с народом.

Деятельность В. Ф. Джунковского на губернаторском посту была замечена и высоко оценена императором еще раньше: в 1908 г. он был произведен в генерал-майоры (флигель-адъютантом Свиты В. Ф. Джунковский состоял с весны 1905 г.). Исполняя свои свитские обязанности, В. Ф. Джунковский часто приезжал на дежурства в Петербург, имел свидания с Николаем II и заслужил его расположение. Его приглашали к царскому столу запросто, без посторонних и без официальных церемоний. Здесь, во время бесед за чайным столом, Владимир Федорович имел возможность лучше и ближе узнать Николая II и проникся к нему искренней любовью. Императорская чета отвечала ему симпатией и любезным вниманием. Успех Бородинских торжеств отразился на карьере и судьбе В. Ф. Джунковского. 23 января 1913 г. он был назначен на пост командира Отдельного корпуса жандармов и товарища министра внутренних дел, «курирующего», как мы теперь сказали бы, всю политическую полицию империи.

Отдельный корпус жандармов входил в состав Министерства внутренних дел, и министр внутренних дел считался шефом Корпуса. Корпус жандармов (в начале 1913 г. он насчитывал 12 700 человек) был специальным воинским формированием, военные чины которого составляли основу штата жандармско-полицейских учреждений Российской империи. Согласно «Положению о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. во главе Корпуса стояли командир и штаб с отделениями разного назначения. При этом офицеры Отдельного корпуса жандармов, составляющие штат губернских жандармских управлений, охранных отделений, розыскных пунктов, в своей политической и розыскной работе подчинялись Департаменту полиции Министерства внутренних дел. Во главе этого департамента стоял директор, который назначался министром внутренних дел и находился в непосредственном подчинении товарища министра, заведовавшего полицией. В 1913 г., когда В. Ф. Джунковский вступил в должность, министром внутренних дел был незадолго до того назначенный Н. А. Маклаков, а директором Департамента полиции С. П. Белецкий.

Главной задачей Корпуса жандармов, как следует из Положения 1881 г., была охрана государственного порядка и, вместе с ведомством дворцового коменданта, особы императора, членов императорской семьи и высших должностных лиц государства. Для предупреждения и искоренения всяких посягательств на то и другое

в каждой губернии существовали жандармские управления, к которым впоследствии прибавились охранные отделения в С.-Петербурге, Москве, Варшаве, а затем и в других крупных городах. В 1907 г. по инициативе директора Департамента полиции М. И. Трусевича были созданы районные охранные отделения (по одному на несколько губерний). Кроме того существовали розыскные пункты и жандармско-полицейские управления железных дорог. Каждое из этих учреждений вербовало секретных агентов, организовывало наружное наблюдение, пользовалось перлюстрацией писем и нередко не брезговало ни провокацией, ни шантажем. Финансировалась эта работа, помимо бюджетных средств, еще и из секретного фонда Министерства внутренних дел, подотчетного лишь самому министру.

Познакомившись с деятельностью своего нового ведомства, В. Ф. Джунковский в первом своем приказе по Корпусу жандармов 6 февраля 1913 г. напомнил своим подчиненным слова императора Николая I, сказанные А. Х. Бенкендорфу при учреждении Корпуса жандармов в 1827 г., как «священный завет милосердия, призывавший осушать слезы несчастных» [7]. При этом В. Ф. Джунковский выразил надежду, что в офицерской среде Корпуса он встретит «те качества, которыми гордится русская армия, — а именно — дух товарищества, взаимного доверия и благородного прямодушия в отношении к начальникам, друг к другу и к подчиненным» [8].

Яркое и необычное выступление на полицейском поприще нового руководителя вызвало живейший интерес и резонанс во всех кругах общества. В своих воспоминаниях В. Ф. Джунковский подробно и с юмором описывает, как пытались залучить его в свой стан крайние монархисты во главе с князем В. П. Мещерским, приводит отклики оппозиционной прессы, одобрительные и недоверчивые.

Так, П. П. Рябушинский писал в своей газете «Утро России», что «истинно порядочный человек в частной жизни, В. Ф. Джунковский всецело перенес эту порядочность в область служебных отношений», а это явление «в России редкостное» [9]. Другой журналист из той же газеты, И. Лопатин, со скептицизмом замечал: «...мы, обыватели, пытаемся угадать, кто кого раньше переделает на свой лад: жандармы своего начальника или начальник — жандармов»[10].

В консервативных кругах приход В. Ф. Джунковского в Министерство внутренних дел встретили с большой настороженностью и опаской. Наиболее ярко это отразилось в переписке Д. А. Хомякова с К. Н. Пасхаловым, который для черносотенцев был патриархом и теоретиком одновременно. В своем письме Д. А. Хомяков заметил, что назначение В. Ф. Джунковского «заставляет почесать затылок», поскольку «очень уж ненадежный этот господин, хотя и любимец публики». К. Н. Пасхалов согласился с тем, что выбор «Джунковского в начальники всероссийской полиции действительно побужда-

ет не только устремиться к затылку, но и душу направиться в пятку»[11].

У этих людей были серьезные основания для беспокойства. С первых же дней своей работы В. Ф. Джунковский обнаружил множество таких вещей, с которыми он не мог мириться. Прежде всего он решил покончить с анонимными письмами, поступавшими к нему в огромных количествах. Он объявил, что не будет их читать, как не читал в Москве.

Первым ответственным делом В. Ф. Джунковского на новом посту была организация охраны императора и царской семьи во время их путешествия по русским городам в связи с празднованием 300-летия дома Романовых в мае 1913 г. Маршрут проходил через Владимир, Суздаль, Боголюбово, Нижний Новгород, Кострому, Ярославль и Москву, и В. Ф. Джунковский постоянно сопровождал Николая II. Записи, которые он сделал в это время, дали ему возможность красочно и подробно рассказать в воспоминаниях о том, как проходили встречи царя с народом.

Романовские торжества были ярким событием в деятельности В. Ф. Джунковского и скоро сменились рутинной работой в министерстве. Теперь делом первостепенной важности стала реформа полиции и борьба с порочными методами ее работы, прежде всего с провокаторством.

Необходимость реформирования полиции, статус которой почти с екатерининских времен сохранялся без существенных изменений, первым осознал П. А. Столыпин, при котором был разработан соответствующий законопроект. Но этому воспротивились губернаторы, увидевшие в нем ущемление своих прав. Их поддержал Н. А. Маклаков и отозвал законопроект из Государственной Думы. В. Ф. Джунковский решил прежде всего провести реорганизацию органов политического сыска. В своих воспоминаниях он пишет, что распри и недоразумения, возникавшие между этими учреждениями, настолько мешали делу, что оказалось возможным даже дерзкое покушение на П. А. Столыпина, приведшее к его трагической гибели.

В 1913—1914 гг. В. Ф. Джунковским была ликвидирована бóльшая часть районных охранных отделений, часть охранных отделений была упразднена или преобразована в розыскные пункты, а руководство розыскной деятельностью на местах было сосредоточено в губернских жандармских управлениях. Одновременно он принял меры по реорганизации внутренней агентуры. Циркуляром 1 мая 1913 г. В. Ф. Джунковский запретил вербовать секретных агентов из воспитанников средних учебных заведений и потребовал постепенно избавиться от тех, кто был завербован ранее. «...Розыскным учреждениям, — указывалось в циркуляре, — надлежит прежде всего, в целях сохранения от влияния революционной пропаганды обучающихся в средних учебных заведениях, направить секретную

агентуру на освещение соприкасающейся с ними среды, для чего нет надобности пользоваться услугами самих обучающихся, так как последние являются лишь объектом пропаганды и по своему развитию не в состоянии отнестись сознательно и серьезно к обязанностям секретного агента, и потому использование их в этом направлении может привести только к нежелательным явлениям»[12].

В связи с этим В. Ф. Джунковский касается в воспоминаниях так называемого «Витмеровского дела», нашумевшего в свое время. Суть его состояла в том, что в частной гимназии Витмера полиция арестовала группу гимназистов во время собрания ученической организации, использовав для внедрения в нее агентов-гимназистов. Дело получило широкую огласку в прессе, результатом которой стал запрос в Государственной Думе. В. Ф. Джунковский оценил действия полиции как чудовищное развращение учащейся молодежи.

С этих же позиций оценивал он и деятельность секретной агентуры среди военнослужащих в армии. К тому же, как он понял, там процветали провокация и доносы, порой ложные. Случалось, что сами агенты распространяли в воинских частях революционные прокламации, пытаясь таким путем обнаружить сочувствующих революционному движению. Такими приемами были вызваны волнения в Туркестанском военном округе в 1912 г. В. Ф. Джунковский был убежден, что борясь с провокацией, он тем самым укрепляет дисциплину в армии и ее боеспособность[13].

Воспоминания В. Ф. Джунковского дают представление о том, что провокация стала страшной язвой, разъедавшей не только политическую полицию и армию, но и все общество. Он подробно описывает скандальные дела Д. Г. Богрова, от руки которого погиб П. А. Столыпин, Р. В. Малиновского, Е. Н. Шорниковой и других. Пределом низости и падения считал В. Ф. Джунковский провокаторскую деятельность Е. Ф. Азефа — секретного сотрудника Департамента полиции и одного из руководителей Боевой организации эсеров. Главную ответственность за распространение таких безнравственных и вредных для безопасности государства методов розыскной работы В. Ф. Джунковский возлагал на бывшего командира Корпуса жандармов П. Г. Курлова и директора Департамента полиции С. П. Белецкого. Последнего В. Ф. Джунковский считал самой одиозной фигурой и при первой же возможности избавился от него, заменив в начале 1914 г. своим надежным сотрудником В. А. Брюн де Сент-Ипполитом. Не менее решительно он освобождался и от других чиновников полицейского ведомства, не вызывавших у него доверия и скомпрометировавших себя нечистоплотными методами работы. В то же время В. Ф. Джунковский, во избежание упреков в пристрастности, решил расстаться с полезным и близким человеком, мужем

своей сестры Д. К. Гершельманом — начальником штаба Корпуса.

Своими решительными мерами В. Ф. Джунковский нажил себе множество недоброжелателей. Самым ярым его врагом стал С. П. Белецкий. Впоследствии, после отставки В. Ф. Джунковского, он вновь вернулся в Министерство внутренних дел и сразу же инспирировал издание брошюры Н. П. Тихменева, «разоблачавшего» «либеральное направление генерала Джунковского и его сочувствие освободительному движению» [13].

Абсурдность этого обвинения, как, впрочем, и прямо противоположных утверждений, становится очевидной с первых же страниц воспоминаний. Позиция В. Ф. Джунковского, пожалуй, ближе всего к взглядам П. А. Столыпина, которого он бесконечно уважал и трагическую гибель которого глубоко переживал. Особенно ярко это проявляется в отношении к Государственной Думе, которой отводится много места и в московских, и в петербургских главах воспоминаний. В. Ф. Джунковский со стенографической точностью передает думскую полемику, одинаково не одобряя ни ультраправых, ни ультралевых. Воспроизводя пикировку В. М. Пуришкевича и Н. Е. Маркова 2-го с их постоянными оппонентами П. Н. Милюковым и Н. С. Чхеидзе или описывая противостояние Думы и правительства, он в то же время не пытается встать «над схваткой».

Монархист и консерватор, В. Ф. Джунковский видел свой долг в служении «Престолу и Отчеству» и как человек порядочный и религиозный делал для монархии и России то, что велели ему долг и совесть. При этом он часто вызывал недовольство правых, монархических кругов и выражал мысли, более подходящие оппозиции. Реформаторская деятельность В. Ф. Джунковского и встреченное им сопротивление в высших кругах государственной власти заставляют вспомнить аудиенцию у Николая II Председателя IV Государственной Думы М. В. Родзянко в декабре 1913 г. Он обвинил правительство в том, что оно «не заботится о проведении в жизнь тех реформ, которые действительно могли бы обновить устаревшие части государственного механизма», проявляет «полную инертность», что на местах это «вызывает глубокое нестроение, открывающее в перспективе тяжелые возможности повторения тех взрывов, которые омрачили печальной памяти 1905 год» [14].

Летом 1914 г. В. Ф. Джунковскому самому пришлось иметь дело с одним таким «взрывом» — крупномасштабной стачкой рабочих Бакинских нефтяных промыслов. Он был командирован в Бакинскую губернию с чрезвычайными полномочиями, дающими ему право применить военную силу для подавления стачки [16]. В. Ф. Джунковского потрясли бесчеловечные условия работы и быта рабочих; он увидел в этом причину постоянного недовольства

и будущих конфликтов. Поэтому он использовал свои полномочия для оказания давления на владельцев промыслов, призывая их хотя бы минимально улучшить эти условия, и одновременно предъявил жесткие требования бастующим, добиваясь немедленного выхода на работу. Последнее дало повод члену Государственной Думы А. Е. Бадаеву обвинить В. Ф. Джунковского в «расправе над бакинскими рабочими»[17], но В. Ф. Джунковский отверг эти обвинения и в Думе, и, более подробно — в своих мемуарах. Главным его аргументом было то, что он не воспользовался данными ему чрезвычайными полномочиями и не прибегнул к вооруженной силе.

Начало Первой мировой войны заставило В. Ф. Джунковского поспешить с завершением своей кавказской командировки и с возвращением в Петроград. Здесь его ждали новые задачи, связанные с военным временем. Он не только сопровождал императора во всех поездках по стране, но успевал побывать в намеченных местах высочайшего посещения заранее, чтобы обеспечить усиленную охрану и надлежащий прием. За год с начала войны В. Ф. Джунковский неоднократно посещал вместе с Николаем II действующую армию, а также Киев, Полтаву, Екатеринослав, Одессу, Николаев, города прифронтовой полосы — Львов, Перемышль, ряд предприятий, производивших вооружение, — Путиловский завод в Петербурге, Брянский и Тульский заводы, множество госпиталей и лазаретов для раненых.

Другую заботу В. Ф. Джунковского составляла служба контрразведки, организованная в Департаменте полиции в начале войны. Здесь была разработана и налажена агентурная работа в приграничных районах, на завоеванных территориях в Галиции, а также в тылу врага — в Германии и Австрии. Донесения секретных агентов В. Ф. Джунковский широко использует в своих воспоминаниях при описании экономического положения Германии в 1914—1915 гг., общественно-политических настроений в Западной Украине накануне войны и после побед русской армии, взятия Перемышля и Львова. В этих донесениях представлен весь спектр политических партий, националистических и проавстрийских группировок, действовавших в этом регионе, даны характеристики видных политических деятелей и сделана попытка анализа общей ситуации. На документах Департамента полиции и письмах основывается и рассказ В. Ф. Джунковского об эвакуации Варшавы в связи с немецким наступлением в 1915 г.

Работа полиции и Корпуса жандармов внутри страны с началом войны стала очень напряженной. Объявление всеобщей мобилизации требовало контроля, а подчас и вмешательства В. Ф. Джунковского для обеспечения порядка при сборе призывников и их доставке в места дислокации армии. Была усилена работа на же-

лезных дорогах для выявления иностранных агентов и пресечения утечки за рубеж ценностей и стратегических материалов. Большое внимание уделялось и социалистическим партиям, активизировавшим свою антиправительственную агитацию. В ноябре 1914 г. В. Ф. Джунковский вступил в спор с министром юстиции И. Г. Щегловитовым по поводу того, каким судом, гражданским или военным, судить депутатов Государственной Думы — большевиков. И. Г. Щегловитов настаивал на военном суде, В. Ф. Джунковский, желавший избежать общественного скандала во время войны, стоял за гражданский суд. Вмешательство и поддержка Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича обеспечили ему победу.

В 1915 г. В. Ф. Джунковский оказался втянутым в конфликт, связанный с погромами и выступлениями против «немецкого засилья» в Москве. На этот раз ему пришлось оправдываться в Государственной Думе по обвинению в бездействии полиции и в своем германофильстве. В воспоминаниях он подробно, даже повторяясь, рассказывает о московских беспорядках и совершенно определенно указывает их причину — умышленное попустительство московских властей, прежде всего главноначальствующего Ф. Ф. Юсупова и градоначальника А. А. Адрианова.

Обвинение было снято, однако стан недругов В. Ф. Джунковского пополнился. Теперь среди них были такие влиятельные в придворных кругах лица, как Ф. Ф. Юсупов (старший) и И. Г. Щегловитов, ловкие, беспринципные чиновники как С. П. Белецкий, и другие обиженные, например А. А. Адрианов. Все они плели свои интриги и ждали случая, когда В. Ф. Джунковский споткнется. Таким камнем преткновения стал для него Г. Распутин.

Г. Распутин вызывал у В. Ф. Джунковского не только чувство брезгливости и презрения, но и опасения за престиж и судьбу самой монархии. По его инициативе Департамент полиции установил за Г. Е. Распутиным особое наблюдение, и к 1 июня 1915 г. на рабочем столе В. Ф. Джунковского скопилось множество донесений секретных агентов о пьяных оргиях «старца», в которых он компрометировал императрицу. Тогда В. Ф. Джунковский решился на мужественный и рискованный поступок — составил «всеподданнейшую записку», в которой подробно изложил все известные ему факты, называя вещи своими именами. Это был действительно смелый шаг — император не терпел вмешательства в свою частную жизнь, а Распутин уже стал «Другом» и частью жизни царской семьи. В свое время П. А. Столыпин поплатился немилостью за попытку аналогичного вмешательства. В. Ф. Джунковский, конечно, знал об этом, но для него честь Престола и судьба Отечества были дороже личной карьеры.

Записка готовилась в обстановке величайшей секретности, о ней

знали всего несколько ближайших помощников В. Ф. Джунковского, черновик был уничтожен. И хотя о своих намерениях В. Ф. Джунковский поставил в известность министра внутренних дел Н. А. Маклакова, всю ответственность он брал на себя, выступая только от своего имени.

В июне 1915 г. В. Ф. Джунковский, испросив аудиенцию, был принят императором, представил ему свою записку и доложил ее содержание. Николай II слушал его внимательно, не прерывая, казался ошеломленным, а прощаясь, попросил держать его в курсе дела. В. Ф. Джунковский вышел от царя успокоенный и довольный. В последующие дни Г. Распутин был удален от двора, а к автору записки царь «был более милостив, чем когда-либо».

Однако друзья Г. Е. Распутина и недруги В. Ф. Джунковского, как он пишет, «не дремали и приняли меры» [18]. Его записка была передана императрице Александре Федоровне, и та потребовала, чтобы флигель-адъютант Саблин провел контррасследование. В ходе его и под сильным нажимом бывший московский градоначальник А. А. Адрианов показал, что о «скандале у «Яра» (этот эпизод был ключевым моментом записки) ему ничего не известно. Императрица потребовала отставки В. Ф. Джунковского, а Распутин вернул утраченные позиции.

15 августа 1915 г. В. Ф. Джунковский был отстранен от занимаемой должности, даже без объяснения причин и традиционно принятого выражения благодарности за беспорочную службу. Слух об этом быстро распространился по столице и вскоре достиг и Москвы. Каждый день на домашний адрес В. Ф. Джунковского приходили сочувственные письма и депеши.

«Всей душой с Вами, — писал ему известный политик, бывший Председатель III Государственной Думы, лидер партии октябристов А. И. Гучков. — Знаю, что Вы переживаете. Но не скорбите, а радуйтесь Вашему освобождению из плена. Вы видите — «они» — обреченные, их никто спасти не может. Пытался спасти их Петр Аркадьевич (Столыпин. — *Авт.)* — Вы знаете, кто и как с ним расправился. Пытался и я спасти, но затем махнул рукой. Пытались сделать и Вы, но на Вас махнули рукой. Но кто нуждается в спасении, так это — Россия. И она от Вас не отмахнется. Она нуждается в таких людях, как Вы. Послужите ей. Крепко жму Вашу руку. Глубоко уважающий Вас и искренне преданный А. Гучков» [19].

В. Ф. Джунковский не понял или сделал вид, что не понял горькие слова А. И. Гучкова. В ответном письме он пишет, что не может принять соболезнования, а часть письма у него «вызвала недоумение». «Я не изменю тем идеалам и заветам, с которых начал свою службу монарху и России», — заключил он свой ответ [20].

Отставка была тяжелым потрясением для В. Ф. Джунковского.

Осенью того же года он по собственной просьбе был назначен в действующую армию. Февральская революция застала его на Западном фронте в должности командира 15-й Сибирской стрелковой дивизии.

Интересна аттестация, данная В. Ф. Джунковскому 30 июля 1916 г. генерал-лейтенантом А. Е. Редько: «С большим жизненным опытом и пониманием людей. Отлично поставил себя в дивизии, где пользуется общими любовью и авторитетом. Дело военное любит и предан ему до глубины души... В бою очень спокоен, правильно оценивает обстановку. Прекрасно владеет собой, умеет это передать и окружающим... За девять месяцев работы во время войны приобрел необходимые опыт и знания, а потому считается заслуживающим повышения по должности» [21].

Повышение состоялось, однако только после Февральской революции. В апреле 1917 г. В. Ф. Джунковскому было присвоено звание генерал-лейтенанта. В сентябре того же года единодушным решением солдатского комитета он был «допущен на должность командира 3-го Сибирского армейского корпуса» [22].

Между двумя этими событиями, в июне 1917 г. В. Ф. Джунковский давал показания перед Чрезвычайной следственной комиссией, которая не нашла в его действиях на посту товарища министра внутренних дел и командира Корпуса жандармов ничего противозаконного, а недавняя опала стала дополнительным свидетельством в его защиту.

После Октябрьского переворота, в ноябре 1917 г., В. Ф. Джунковский вместе с группой генералов был арестован в Ставке Верховного главнокомандующего, доставлен в Петроград и заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Из этой беды его выручило, вероятнее всего, доброжелательное отношение к нему солдатского комитета 3-го Сибирского армейского корпуса, которым он тогда командовал. Во всяком случае, В. Ф. Джунковскому, одному из немногих арестованных, удалось сохранить жизнь и свободу. Он сразу же подал рапорт об отставке, формально — по состоянию здоровья, а на деле потому, что он не хотел «участвовать в развале армии», как он признался позднее в своих воспоминаниях [23].

17 декабря 1917 г. В. Ф. Джунковскому, как бывшему царскому офицеру, «относящемуся лояльно к советской власти», была оформлена отставка «ввиду хронической болезни сердца... с мундиром и пенсией от казны в 3270 руб.», которую он стал получать с апреля 1918 г. [24]. Однако с этого времени начались новые превратности его судьбы.

В сентябре 1918 г., направляясь в Путивль к родным, В. Ф. Джунковский был снят с поезда на станции Орша и арестован. Произошло недоразумение, он был принят за разыскиваемого ВЧК офице-

ра, причастного к «Союзу спасения Родины». И хотя личность В. Ф. Джунковского была быстро установлена, его все же не отпустили. В связи с покушением на В. И. Ленина в сентябре 1918 г. в стране был объявлен «красный террор». Бывших офицеров арестовывали, бросали в тюрьмы и расстреливали. В. Ф. Джунковского из Смоленской губчека доставили в Московскую ЧК и заключили в Бутырскую тюрьму.

Помощь пришла с неожиданной стороны. В бытность свою московским губернатором он был страстным театралом, не пропускал ни одной премьеры ни в оперных, ни в драматических театрах и имел широкий круг друзей и знакомых среди актеров. Теперь благодарные артисты заступились за своего горячего поклонника. 14 декабря 1918 г. в Управление делами Совнаркома поступило письмо, подписанное прославленными деятелями сцены — А. В. Неждановой, М. Н. Ермоловой, В. И. Немировичем-Данченко, А. И. Сумбатовым-Южиным, О. Л. Книппер-Чеховой, с просьбой освободить В. Ф. Джунковского из-под стражи [25]. В письме подчеркивалась его лояльность по отношению к советской власти, говорилось о плохом состоянии здоровья.

Трудно сказать, насколько значительную роль сыграло это заступничество, но вначале В. Ф. Джунковский был помещен в тюремную больницу, а затем после обследования врачей ему был создан до суда особый режим. На короткий срок его выпускали домой повидать больную сестру.

6 мая 1919 г. В. Ф. Джунковский предстал перед ревтрибуналом по обвинению в соучастии в подавлении московского вооруженного восстания 1905 г., а именно «в посылке вооруженной силы для подавления революционного восстания на Ляминской мануфактуре при станции Яхрома Дмитровского уезда Московской губернии». И хотя в приговоре отмечалось, что следствием «не установлены расстрелы рабочих и крестьян по распоряжению Джунковского», а напротив, «он проявлял мягкость и гуманность», его приговорили к пяти годам лишения свободы на том основании, что он «все-таки оставался на службе у царской власти, занимал там ответственные посты в самые темные годы реакции... был убежденным монархистом» и «независимо от своей доброты должен был проводить подавление народного пробуждения...» [26].

7 июня 1919 г., после освидетельствования врачами, В. Ф. Джунковский был под поручительство своей сестры помещен в больницу Александровской общины, а в августе 1920 г. переведен в хирургическую больницу Горздрава в Гагаринском переулке.

На протяжении нескольких месяцев В. Ф. Джунковский пользовался относительной свободой, имел даже отдельную комнату в больнице, где давал уроки детям бывшего владельца больницы А. А. Чегодаева, ходил на прогулки в город без сопровождающего, даже посещал церковные службы и бывал у своей сестры. Наблю-

давшие за В. Ф. Джунковским агенты засвидетельствовали все эти факты и донесли также, что он «ведет переписку, весьма ограниченную от наблюдения, ввиду пользования по преимуществу живой почтой» [27].

На основании этих доносов 12 февраля 1921 г. В. Ф. Джунковский был помещен в Таганскую тюрьму, а 18 февраля были произведены обыски у него дома, а также у бывшего прокурора Святейшего Синода А. Д. Самарина, заключенного в Таганскую тюрьму, у директора Исторического музея Н. С. Щербатова и у М. В. Сабашникова [28]. И хотя обыски не дали никаких оснований для обвинения в контрреволюционной деятельности, Московская ЧК по согласованию с Петроградской решила, что В. Ф. Джунковский «свободой лечения без всякого надзора» может причинить «вред Республике», и отменила больничный режим, заменив его заключением в Бутырской тюрьме [29].

Однако уже 28 ноября 1921 г. по постановлению ВЦИК распоряжением ВЧК за подписью И. С. Уншлихта В. Ф. Джунковский был освобожден из-под стражи и 6 апреля 1922 г. прописан у своей сестры, Евдокии Федоровны, в доме № 11 по 1-му Мало-Николопесковскому переулку [30].

Причиной сокращения тюремного срока могла послужить разработка паспортной системы, вводимой советской властью. Имеются сведения, что В. Ф. Джунковского привлекали к этому делу в качестве консультанта и даже привозили к Ф. Э. Дзержинскому, однако это нуждается в проверке и уточнении.

Вернувшись на свободу, В. Ф. Джунковский оказался в чрезвычайно трудном положении. Надо было добывать средства к существованию не только для себя, но и для больной сестры. Приходилось браться за любую посильную работу. Одно время он был церковным сторожем. Знакомые находили для него уроки французского языка. В это же время В. Ф. Джунковский усиленно трудился над своими воспоминаниями, намереваясь опубликовать их в Издательстве М. и С. Сабашниковых. Точное время начала работы неизвестно, но имеются некоторые косвенные указания. Так, на одном из листов главы «1912 год» есть помета В. Ф. Джунковского: «Я его (митрополита Макария. — *Авт.*) навещал последний раз в прошлом, т. е. 1922 г.» [31]. Из этого следует, что к 1923 г. по крайней мере часть воспоминаний была уже написана и перепечатана.

Основой воспоминаний В. Ф. Джунковского послужил его огромный личный архив, с 1913 г. хранившийся в Петербурге в его казенной квартире на Фонтанке, где помещалось Министерство внутренних дел. Здесь были дневники, которые Владимир Федорович вел почти ежедневно в течение нескольких десятилетий, письма, копии официальных документов, вырезки из газет, театральные афиши и многое другое. В 1915 г., после своей отставки,

В. Ф. Джунковский по совету известного юриста, сенатора и академика А. Ф. Кони передал значительную часть этих материалов в Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии Наук (Пушкинский Дом). Для работы над воспоминаниями В. Ф. Джунковский приезжал в Пушкинский Дом, где по мере написания собирались сотни страниц его рукописи. Однако общий ход событий в стране круто изменил судьбу автора и его труда.

В конце 1920-х годов вновь начались гонения на творческую и научную интеллигенцию. В НКВД фабриковались «обличительные дела» на деятелей науки и культуры, чье творчество начиналось до революции. В 1929 г. появилось известное «Академическое дело», одним из поводов которого послужил донос о том, что в Пушкинском Доме хранятся письма Николая II петербургскому генерал-губернатору А. Ф. Трепову, рукописи бывшего командира Корпуса жандармов В. Ф. Джунковского и другие материалы. По этому делу проходил директор Пушкинского Дома С. Ф. Платонов и другие ученые, вскоре арестованные [32].

В. Ф. Джунковский не мог больше пользоваться архивом. К тому же часть его материалов из Пушкинского Дома бесследно исчезла. Машинописная копия воспоминаний была к этому времени готова и хранилась у М. В. Сабашникова, который собирался опубликовать их в своей мемуарной серии «Записи Прошлого», выходившей с 1925 г. Сабашниковы стали и первыми слушателями В. Ф. Джунковского. «По мере написания своих «Записок», — вспоминал позднее М. В. Сабашников, — Владимир Федорович прочитывал их мне и Софии Яковлевне (жена М. В. Сабашникова. — *Авт.*) вслух. Я часто удивлялся его удивительной памяти и добросовестной точности, с которыми он старался описывать иногда и незначительные подробности» [33].

Между тем среди осужденных и высланных оказался С. В. Бахрушин — один из редакторов «Записей Прошлого», а в декабре 1930 г. сам М. В. Сабашников был арестован по другому, также сфабрикованному НКВД делу. И хотя следствие через полтора месяца было прекращено и М. В. Сабашников освобожден, издательство оказалось на грани ликвидации. Его удалось сохранить до 1934 г. под фирмой кооперативно-промысловой артели «Север», но о публикации мемуаров В. Ф. Джунковского не могло быть и речи.

В 1934 г. машинописная копия воспоминаний В. Ф. Джунковского, возвращенная М. В. Сабашниковым автору, была приобретена В. Д. Бонч-Бруевичем для Государственного литературного музея за 50 тысяч рублей. Это дало В. Ф. Джунковскому «средства к жизни на несколько лет» [34]. Когда В. Д. Бонч-Бруевич уведомил о покупке Отдел культуры ЦК ВКП(б), Комиссия партийного контроля ВКП(б) осудила это как покровительство бывшему царскому генералу. Однако благодаря своему авторитету и заслугам В. Д. Бонч-Бруевич смог отстоять интересы Литературного музея, директором

которого он был, и сумел сохранить этот важный и уникальный исторический источник.

Впоследствии рукопись воспоминаний вместе с подготовительными материалами была передана в архив, который в настоящее время называется Государственным архивом Российской Федерации (ГА РФ), где они и хранятся по сей день [35].

Судьба же самого В. Ф. Джунковского, как ни старался он не привлекать к себе внимание новой власти, сложилась трагически. В конце 1937 г. он был вновь арестован и специальной тройкой НКВД приговорен к расстрелу. 21 февраля 1938 г. приговор был приведен в исполнение [36].

Рукопись воспоминаний В. Ф. Джунковского представляет собой машинописный текст на листах in folio с рукописной правкой-автографом и занимает несколько томов архивных дел. Содержание их охватывает более пятидесяти лет, начиная с родословной В. Ф. Джунковского и его детства, которое пришлось на вторую половину 60-х — начало 70-х годов XIX столетия, и кончая первой половиной 1918 г. «Писать дальше свои воспоминания, — замечает он в последних записях, относящихся к 1918 г., — преждевременно да и тяжело. Может быть, через несколько лет, если Господь сохранит мне жизнь, я возьмусь за перо и поведаю и эти годы, проведенные мною в душевном уединении, и за эти годы найдется, может быть, немало ценного материала» [37].

Воспоминания В. Ф. Джунковского — последовательное в хронологическом отношении изложение событий не только служебной и общественной деятельности мемуариста, но и жизни России и прежде всего Москвы. Описывая события десятилетней давности, В. Ф. Джунковский полагался не на одну память. Свои впечатления, так же как и сведения, почерпнутые из других источников (рассказов очевидцев, газетных сообщений и проч.), он подкреплял ссылками на официальные документы: приказы, постановления, циркуляры, исходившие из разных учреждений, например, из канцелярии московского губернатора или из Министерства внутренних дел, на стенографические отчеты заседаний Государственной Думы. В текст включены фрагменты личной переписки и другие материалы, вплоть до меню великосветских обедов. Все эти документы составляют органическое единство, их объединяет личность мемуариста и его индивидуальная, несколько педантичная манера изложения.

В. Ф. Джунковский стремился быть документально точным, сдержанным, беспристрастным в освещении событий, не претендуя на их анализ. Его записки — своего рода хроника, в которой почти отсутствуют резкие политические оценки, характеристики лиц скупы, но достаточно выразительны, а главную ценность составляют факты. Нет сомнения, что эти воспоминания должны занять место

в одном ряду с уже опубликованными мемуарами известных государственных, политических и общественных деятелей России — С. Ю. Витте, В. Н. Коковцова, П. Н. Милюкова, Д. Н. Шипова и др.

Большое значение воспоминаний В. Ф. Джунковского как ценнейшего исторического источника, осознанное в свое время М. В. Сабашниковым и В. Д. Бонч-Бруевичем, было очевидным для многих ученых, которым впоследствии посчастливилось познакомиться с рукописью в архиве. Но имя В. Ф. Джунковского не упоминалось в советских исторических трудах. Нет его даже в пятом томе «Истории Москвы», вышедшем в свет в 1955 г. и посвященном событиям начала XX века. Предложение Института истории СССР АН СССР опубликовать «Записки» В. Ф. Джунковского в 1960-х годах было отклонено Отделом науки ЦК КПСС. В начале 90-х годов новая инициатива Института российской истории РАН и ГА РФ встретилась с желанием Издательства имени Сабашниковых напечатать эти мемуары в возрожденной серии «Записи Прошлого».

Настоящее издание представляет собой фактически первую последовательную публикацию значительной части воспоминаний В. Ф. Джунковского [38]. Большой объем рукописи не дает возможности напечатать их полностью. Для публикации нами выбраны 11 глав, охватывающие период с 1905 по август 1915 г. Они составляют два тома. Первый (1905 — июль 1912 г.) целиком посвящен московскому периоду деятельности В. Ф. Джунковского, когда он последовательно занимал посты московского вице-губернатора и губернатора; второй (август 1912 — август 1915 г.) завершает московский период (глава 8. 1912 год) и отражает его службу на посту командира Отдельного корпуса жандармов и товарища министра внутренних дел вплоть до отставки (главы 9—14. 1913 — август 1915 г.).

При подготовке настоящего издания стиль и правописание оригинала сохранены, исключение составляет лишь употребление прописных букв (они приводятся по правилам современной орфографии). Разночтения в написании имен, фамилий и географических названий устранены в тексте без оговорок, например, из двух вариантов написания имени Елизавета и Елисавета выбран первый. Сокращенно написанные слова в тексте воспоминаний воспроизведены полностью (например: и. д. — исправляющий должность). Опечатки в машинописном тексте исправлены в издании без оговорок, смысловые описки и ошибки оговариваются в примечаниях. Названия подглавок, расположенные на полях рукописи, помещены нами перед текстом каждой главы, сразу после ее названия и выделены курсивом. (В главе 1. «1905 год» они отсутствуют у мемуариста). Из-за большого объема и во избежание повторов опущены

некоторые документы, например постановления и приказы о распределении войск при дворцовых церемониях, разного рода циркуляры, если они не дополняют текст воспоминаний, а только иллюстрируют его, выдержки из газетных статей, часть приветствий, произнесенных на торжественных приемах и, как правило, написанных по единым, принятым в каждом конкретном случае схемам, и потому повторяющихся. Все купюры отмечены в тексте отточием, заключенным в квадратные скобки [...].

Рукопись представлена к публикации Государственным архивом Российской Федерации и Институтом российской истории РАН. Авторы вступительной статьи — доктор исторических наук И. М. Пушкарева и кандидат исторических наук З. И. Перегудова. Археографическая подготовка текста проведена кандидатом филологических наук А. Л. Паниной. Примечания — И. М. Пушкаревой и З. И. Перегудовой. Указатель имен составлен И. М. Пушкаревой, кандидатами исторических наук З. И. Перегудовой и Л. И. Тютюник. Подбор иллюстраций осуществлен З. И. Перегудовой и А. Л. Паниной.

И. Пушкарева, З. Перегудова

Глава I

1905 год

Новый год в Москве встречали далеко не спокойно. Чувствовалось сильное брожение, и хотя правительство уже по собственному почину охотно шло на частичные реформы, но на взгляд русского общества они оказывались недостаточными. Общество постепенно революционизировалось, вспышки и выступления крайних левых партий все учащались, и нет сомнений, что они инспирировались и предпринимались по общим указаниям революционного комитета, находившегося тогда за границей. Кроме того, осенью 1904 г. в Париже состоялось соглашение между оппозиционными и революционными организациями Российского государства, оглашенное в листке «Освобождение», печатавшемся в Париже [1].

Террористические акты в России стали учащаться, угрозы со стороны революционных комитетов сыпались на лиц, занимавших административные посты. Великий князь Сергей Александрович также не избег этой участи — его систематически травили. Под впечатлением всего этого в высших правительственных сферах нашли неудобным и опасным оставлять на посту московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, да и сам великий князь очень тяготился генерал-губернаторством, не сочувствуя политике министра внутренних дел князя Святополк-Мирского, которого он очень уважал, но не разделял его политических взглядов.

1 января, при весьма милостивом высочайшем рескрипте, великий князь был уволен от должности генерал-губернатора и назначен главнокомандующим войсками Московского военного округа, причем в виде особой милости ему был пожалован портрет императора Александра III, осыпанный бриллиантами, для ношения на груди. Великий князь был очень счастлив этой награде, так как брата своего императора Александра III он прямо боготворил.

Одновременно с сим был опубликован указ об учреждении в Москве градоначальства по примеру Петербурга [2], а должность генерал-губернатора было решено временно не замещать; обязанности же генерал-губернатора одновременно с указом о градоначальстве были распределены между градоначальником и губернатором по принадлежности. А. Г. Булыгин тогда же был уволен от должности помощника генерал-губернатора с назначением в Государственный Совет; Д. Ф. Трепов назначен в распоряжение генерал-адъютанта Куропаткина в действующую армию, а московским градоначальником назначен черноморский губернатор, генерал-майор Волков, а помощником к нему генерал-майор Руднев. Все эти меры, направленные не на пользу дела, а скорее в угоду личности, не привели к хорошим результатам, а, напротив, приблизили к катастрофе.

Итак, с 1 января власть в Москве фактически перешла в руки бывшего помощника обер-полицеймейстера, ставшего помощником градоначальника, генерал-майора Руднева, так как великий князь оставил должность генерал-губернатора, Трепов сдал должность обер-полицеймейстера, а Волков еще не приехал. И это в столь серьезное время производило впечатление, что власти в Москве нет, так как Руднев, хотя и был прекрасным человеком, честным и благородным, но в то же время был слабоволен, нераспорядителен и совершенно не годился ни на какую самостоятельную административную должность.

2 января великий князь отправился в Петербург представиться Государю императору по случаю нового назначения. Я сопровождал его высочество. Великая княгиня * оставалась в Москве. Поезд отходил из Москвы в 10 с половиной часов вечера, и великий князь приехал на вокзал за 10 минут до его отхода. На вокзале находились местные власти и между ними и бывший обер-полицеймейстер Д. Ф. Трепов.

Как только великий князь простился со всеми и, пожав руку Трепову, вошел в вагон, я же оставался еще на платформе, около меня раздался выстрел. Обернувшись, я увидел юношу в фуражке какого-то учебного заведения, который, стоя перед Треповым в трех шагах, стрелял в него из револьвера почти в упор. Трепов, стоя в шинели с бобровым воротником, лавировал, делая то шаг вправо, то влево. Все как будто остолбенели и смотрели, как юноша палил из револьвера, в том числе и я, пока один жандармский унтер-офицер не схватил стрелявшего за руку. Тотчас все накинулись на этого юношу, кто-то сказал: «Повалите его на пол», но начальник жандармского отделения распорядился увести его в соседнюю дежурную комнату. Трепов остался невредим, все пули попали в стену.

* Великая княгиня Елизавета Федоровна, жена великого князя Сергея Александровича.

В. Ф. Джунковский. 1886 г.

Семейный портрет Джунковских: отец — Ф. С. Джунковский, мать — М. К. Джунковская (урожд. Рошет), дети — Степан, Николай, Владимир, Евдокия, Ольга

Великий князь, как только услыхал выстрелы, хотел выйти на площадку, но камердинер, очень предусмотрительно, запер дверь от вагона на ключ.

Оказалось, что стрелял студент Полторацкий, бежавший из арестного дома Пречистенского приемного покоя для испытуемых психически больных. Как он пробрался, минуя две линии охраны, осталось загадкой.

Под таким впечатлением поезд двинулся, и великий князь сел писать великой княгине и жене Д. Ф. Трепова, чтоб успеть послать письма из Клина. В Петрограде * великий князь пробыл два дня, после чего возвратился в Москву.

В Москве исправляющий должность градоначальника Руднев был совсем растерян и терроризирован, страшно боялся за жизнь великого князя, так как стали поступать весьма тревожные сведения. Явился вопрос об усилении охраны его личности, и затруднительность охранить его в Нескучном представилась во всей полноте. Но великий князь и слышать не хотел переезжать куда бы то ни было.

В это время в Петербурге назревали события, кончившиеся 9 января крупным столкновением толпы рабочих с полицией и войсками. Большое возбуждение среди рабочих в Петербурге возникло на почве так называемой «зубатовщины» [3], которая началась в Москве, но с тою разницею, что в Москве эта «зубатовщина» была скоро ликвидирована, вернее обезврежена, как только оказалось, что переходит должные границы, переходя в провокацию. В Петербурге же движение это пошло шире и дальше благодаря тому, что во главе этого движения стал ловкий, пронырливый человек — священник Петербургской пересыльной тюрьмы Георгий Гапон, который уже несколько лет назад занялся изучением быта рабочих, главным образом Путиловского завода. Он посещал их квартиры, расспрашивал о нуждах, помогал им и постепенно приобрел доверие рабочих масс, являясь часто ходатаем за них перед заводской администрацией и петербургским градоначальником. Он был отличный проповедник и оратор, что тоже усиливало его влияние. Одновременно с этим он втерся в доверие петербургского градоначальника генерал-адъютанта Фуллона, благодаря чему ему удалось учредить Общество фабрично-заводских рабочих г. Петербурга и самому стать во главе этого общества. Устав этого общества был утвержден законным порядком и имел целью удовлетворение духовных и умственных интересов рабочих и отвлечение их от влияния преступной пропаганды.

Сначала это общество не выходило за пределы своего устава, но постепенно стало выходить из рамок, и когда 2 января правление Путиловского завода уволило 2 рабочих, то депутация от рабочих с Гапоном во главе обратилась к правлению с требованием, сводя-

* Так в тексте. Правильно: в Петербурге.

щимся главным образом: к увольнению одного мастера, возвращению уволенных рабочих, установлению восьмичасового рабочего дня и новой расценки по добровольному соглашению с комиссией из выборных рабочих. Правление ответило, что вопрос о восьмичасовом рабочем дне зависит от Министерства финансов, а вопрос о повышении платы будет внесен в общее собрание акционеров. Это не удовлетворило рабочих, и они объявили забастовку. За ними последовали рабочие Франко-русского завода, затем другие, и к 8 января бастовало уже до 200 заводских предприятий и типографий, а также и железные дороги Петербургского узла.

В это же время, а именно 6 января, во время обычного Крещенского парада и высочайшего выхода из Зимнего дворца на Иордань для освящения воды, произошел несчастный случай, до сих пор оставшийся загадкой, несмотря на тщательное расследование: при производстве установленного салюта одним из орудий, расположенных близ Биржи, был произведен вместо холостого боевой выстрел. Пули снаряда попали в помост у Иордани, где стоял Государь император, и на набережную, а также и в фасад Зимнего дворца, в 4 окнах коего были разбиты стекла. По счастливой случайности ранен был только один городовой, стоявший на посту. Одна пуля ударилась в знамя Морского кадетского корпуса, задев древко и погнув гвоздь, пуля, потеряв свою силу, упала к ногам знаменщика. Церемония продолжалась, никто не двинулся с мест, Государь сохранил полное спокойствие, даже не изменился в лице.

К 9 января к агитации гапоновцев присоединились подстрекательства подпольных кружков, и таким образом она перешла к пропаганде явно революционной. В этот день — это было воскресенье — Гапон устроил провокационное шествие рабочих из 11 районов общества к Зимнему дворцу, якобы для подачи прошения лично Государю императору, отлично зная, что Государь в Зимнем дворце не жил, а пребывал в Царском Селе. Это грандиозное шествие, куда втянуты были Гапоном обманным образом не только рабочие, но и примкнувшие к этому шествию обыватели, было допущено благодаря бездействию полиции и градоначальника до самого Зимнего дворца и кончилось тем, что произошло неминуемое в таких случаях столкновение рабочих с вызванными войсками и полицией. В результате оказалось около 70 убитых и 20 раненых. Не допусти градоначальник всем группам рабочих соединиться, не было бы этих жертв.

В ответ на это кровопролитие забастовали студенты университета и Академии художеств. Гапон, сделав свое гнусное дело, скрылся, отпечатав в литографии «Свободное слово» следующую прокламацию для распространения ее среди рабочих и войск: «9 января. 12 часов ночи. Солдатам и офицерам, убивавшим своих невинных братьев, их жен и детей, и всем угнетателям народа мое пастырское проклятие; солдатам, которые будут помогать народу добиваться

свободы, мое благословение. Их солдатскую клятву изменнику-царю, приказавшему пролить неповинную кровь народную, разрешаю. Священник Георгий Гапон».

В результате Гапон достиг того, чего хотел, — во всех уголках России передавали событие 9 января в самом искаженном виде, везде эти слухи возбуждали кружки недовольных, увеличивали их, революционизировали.

В Москву весть о событиях 9 января достигла в тот же вечер и быстро облетела все фабрики и заводы; рабочие заволновались. В это же время доставлен был исправляющему должность градоначальника план Нескучного сада и дворца, взятый при обыске у одного из рабочих, кажется завода Бромлея, с указанием дорожек, по которым гулял великий князь, и другими отметками. Это побудило градоначальника и всех окружавших великого князя убедительно просить его покинуть Нескучное и переехать в Кремль, где, казалось, легко было обезопасить его пребывание. Великий князь согласился только после того, что ему были представлены доводы, что, оставаясь в Нескучном, он связывает руки градоначальнику, который слишком много внимания должен будет сосредоточивать на охрану Нескучного в ущерб общего охранения порядка в столице.

Это было вечером 9 января. Решено было переехать тотчас же, не откладывая, в Николаевский дворец [4]. Наскоро собравшись, с необходимыми вещами приехали в Кремль. Кроме их высочеств великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елизаветы Федоровны и августейших детей великого князя Павла Александровича в Николаевском дворце поселились фрейлины великой княгини М. А. Торопчанинова и княгиня С. Л. Шаховская, воспитатель великого князя Дмитрия Павловича генерал Лайминг, состоявшая при великой княжне Марии Павловне Е. Ф. Джунковская — моя сестра и я.

Для дворцового начальства переезд великого князя был так неожиданен, что в Николаевском дворце начали все готовить уже по приезде туда их высочеств, и первую ночь в комнатах дворца было не более 4 градусов. Все переговоры об охране великого князя в Кремле велись с начальником Дворцового управления и градоначальником через меня, мне же была поручена охрана внутри дворца. Великий князь очень не любил сам принимать какие-либо меры предосторожности, и потому в этом отношении с ним было очень трудно. Он скрывал ото всех окружавших те угрожающие письма, какие он получал, даже от меня, никому их не показывал и уничтожал. Только один раз он мне проговорился, когда я докладывал ему о мерах охраны, организованных мною во дворце. Вся корреспонденция на имя великого князя шла непосредственно от почт-директора в больших конвертах, и великий князь всегда сам вскрывал их и вынимал письма.

Для охраны во дворце были учреждены, помимо обычной двор-

цовой охраны, посты из нижних чинов 5-го гренадерского Киевского полка, шефом коего состоял великий князь. Полицейских постов и агентских от охранного отделения по желанию великого князя не было, да и мне было гораздо спокойнее иметь дело только со строевыми чинами.

Событие 9 января и начавшиеся по всей России волнения рабочих масс вызвали в правительственных сферах в Петербурге особенную реакцию, и 11 января высочайшим указом учреждена была должность петербургского генерал-губернатора с чрезвычайными полномочиями, на каковую должность назначен был Свиты генерал-майор Трепов, бывший московский обер-полицеймейстер. На другой день этого назначения по высочайшему повелению от имени министра финансов В. Н. Коковцова и петербургского генерал-губернатора Д. Ф. Трепова расклеено было по всем улицам Петербурга следующее воззвание к населению столицы:

«Спокойное течение общественной жизни в Петербурге нарушено, в последние дни прекращены работы на фабриках и заводах. Оставив занятие к явному для себя и своих хозяев ущербу, рабочие предъявили ряд требований, касающихся взаимных отношений между ними и фабрикантами. Возникшим движением воспользовались неблагонамеренные лица, которые избрали рабочих орудиями для выполнения своих замыслов и увлекли трудящихся людей обманчивыми и несбыточными обещаниями на ложный путь. Последствием преступной агитации были значительные нарушения порядка в столице и неизбежные в таких случаях вмешательства вооруженной силы. Явления эти прискорбны. Порождая смуту, злонамеренные лица не остановились перед затруднениями, переживаемыми нашей Родиной в тяжелое военное время. В руках их трудящийся люд петербургских фабрик и заводов оказался слепым орудием. Не дав себе ясного отчета о том, что именем рабочих заявлены требования, ничего общего с их нуждами не имеющие, заявляя эти требования и прекращая обычные занятия, рабочие петербургских фабрик и заводов забыли также то, что правительство всегда заботливо относилось к их нуждам, как относится и теперь, готовое внимательно прислушиваться к их справедливым желаниям и удовлетворять в меру, предоставляющую возможность.

Для такой деятельности правительству необходимо прежде всего восстановление порядка и возвращение рабочих к обычному труду. В пору волнений немыслима спокойная, благожелательная работа правительства на пользу рабочих. Удовлетворение заявлений, как справедливы они бы ни были, не может быть последствием беспорядка и упорства. Рабочие должны облегчить правительству лежащую на нем задачу по улучшению их быта, и можно сделать это одним путем: отойти от тех, кому нужна одна смута, кому чужда истинная польза рабочих, как чужды истинные интересы Родины, и кто выставил их как предлог, чтоб вызвать волнения, ничего

общего не имеющие с этими пользами. Они должны возвратиться к своему обычному труду, который столь же нужен государству, сколько и самим рабочим, так как без него они обрекают на нищету себя, своих жен, детей; и, возвращаясь к работе, пусть знает трудящийся люд, что его нужды близки сердцу Государя императора, так же как и нужды всех его верноподданных, что его величество еще столь недавно повелеть соизволил по личному своему произволению приступить к разработке вопроса страхования рабочих, имеющего своей задачей обеспечение их в случае увечья, болезни, старости; что этой мерой не исчерпывается забота Государя императора о благе рабочих, и что одновременно с сим с соизволения его императорского величества Министерство финансов готово приступить к разработке закона о дальнейшем сокращении рабочего времени и таких мер, которые бы дали рабочему люду законные способы объявлять и заявлять о своих нуждах. Пусть знают также рабочие фабрик и заводов и других промышленных заведений, что, вернувшись к труду, они могут рассчитывать на защиту правительством неприкосновенности их самих и домашнего их очага. Правительство оградит тех, кто желает и готов трудиться, от преступных посягательств на свободу их труда злонамеренных лиц, громко взывающих к свободе, но понимающих ее только как свое право не допускать путем насилия работы своих же товарищей, готовых вернуться к мирному труду».

С 13 января рабочие стали вступать на работу, и в течение ближайших дней забастовка сразу пошла на убыль и прекратилась, но в других городах полоса забастовок и террористических актов еще продолжалась. В промежуток времени с 12 по 20 января беспорядки были во всех городах Финляндии, Гельсингфорсе, где был убит прокурор Сената Ионсон, в Риге, в Варшаве, в Одессе, где был ранен полицеймейстер Головин.

В Москве события 9 января тоже отразились на спокойствии рабочих, и на фабриках и заводах начались забастовки, а кое-где и беспорядки. Опасаясь, чтобы не возникли серьезные беспорядки, и видя, что вся гражданская власть в Москве находится в руках безвольного Руднева, человека честнейшего, но совершенно растерявшегося, я решил вмешаться не в свое дело и, пользуясь своим влиянием среди рабочих — посетителей народных домов, столовых и чайных Московского столичного попечительства о народной трезвости [5] , должность председателя коего за отсутствием генерала от инфантерии Пеймерна я исполнял, я предложил исправляющему должность градоначальника свою помощь, если бы он таковую нашел полезной для успокоения рабочих. Он отнесся к моему предложению весьма сочувственно, поблагодарил и сказал, что, по его мнению, воззвание к рабочим г. Москвы от такого нейтрального органа, как Московский комитет попечительства о народной трезвости, может иметь отрезвляющее значение.

Заручившись его согласием, я экстренно созвал Комитет и предложил издать воззвание к рабочим. После сильных дебатов постановлено было согласиться на мое предложение, поручить составить текст воззвания и по отпечатании его в сотнях тысяч экземпляров передать градоначальнику для расклейки и распространения на фабриках и заводах. Составив текст воззвания, я отправился к А. Г. Булыгину, проживавшему тогда в Москве, и мнением коего я очень дорожил. Он вполне одобрил как самую мысль о воззвании, так и само воззвание, внеся только несколько очень ценных поправок. Получив одобрение А. Г. Булыгина, я прошел к великому князю и доложил ему обо всем этом, показав ему текст, так как не хотел ничего предпринимать без его ведома. Великий князь, к моему огорчению, весьма несочувственно отнесся к моей идее, находя, что это не дело Попечительства, что я слишком много на себя беру. Как я ни убеждал великого князя, что конечно это так, но когда Москва находится без власти, то кто-нибудь должен же выступить на помощь со здоровым предложением — великий князь как будто немного сдался, оставив у себя проект воззвания. А так как на следующий день великий князь мне ничего не сказал, то я, считая вопрос исчерпанным, передал воззвание в типографию и оттуда исправляющему должность градоначальника, так что 14 января оно уже было расклеено по всему городу. [...]

Когда воззвание было отпечатано и расклеено и великий князь узнал об этом, то остался очень недоволен, так как хотел еще о нем поговорить со мной в присутствии А. Г. Булыгина. Его высочество мне не высказал этого прямо, но по тону, с каким он говорил со мной, и по лицу его я понял, что поступил не совсем корректно, и меня мучило, что я возбудил его недовольство в такое время, когда я знал, сколько он переживает тяжелого. Через некоторое время, когда я увидел, что недовольство мною у великого князя проходит, я сам заговорил с ним о воззвании, извинившись, что тогда так поспешил, но боялся, как бы воззвание не явилось запоздавшим. Инцидент был исчерпан.

Воззвание Комитета и мысль об его распространении были одобрены Министерством финансов и С. Ю. Витте, что дало мне большое удовлетворение. Итак, все власти отнеслись к почину Московского столичного попечительства, направленному к успокоению рабочих, сочувственно, и только один великий князь был против, находя, что такого рода обращение не от правительства, а от учреждения, имеющего скорее частный характер, компрометирует и умаляет власть. Но что же было делать, когда власти-то в Москве и не было.

Вскоре после этого брожение в Москве улеглось, и через несколько дней все фабрики и заводы работали полностью. Конечно, я далек от мысли приписать это обращению к рабочим со стороны Попечительства, но во всяком случае оно не подлило масла в огонь,

а, быть может, на некоторую часть рабочих и подействовало отрезвляюще.

Назначение Трепова с почти диктаторскими полномочиями, естественно, вызвало увольнение министра внутренних дел князя Святополк-Мирского, и 18 января на его место назначен был А. Г. Булыгин, бывший московский губернатор и помощник московского генерал-губернатора — человек безукоризненно честный, государственного ума, правдивый до мозга костей, уравновешенный и благороднейший. Рассказывают, что, будучи впоследствии главноуправляющим Собственною его величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии [6], после всеподданнейшего своего доклада Государю в 11 часов вечера, когда Государь, прощаясь с ним, сказал: «Я надеюсь, Александр Григорьевич, что вы мною довольны, ведь я все ваши представления утвердил», Булыгин ответил: «Я очень тронут вниманием вашего величества, а главное, я спокоен, что после меня сегодня никто уже не будет иметь доклад у вашего величества». Государь улыбнулся, но ничего не ответил.

Товарищем к А. Г. Булыгину, с особыми правами и с оставлением в должности петербургского генерал-губернатора, назначен был Трепов. Несомненно, что назначение это состоялось не по желанию А. Г. Булыгина, которому в силу необходимости пришлось только этому подчиниться. Думаю, что немало неприятных минут приходилось переживать Булыгину, когда его товарищ Трепов самостоятельно делал распоряжения, казавшиеся ему самому блестящими, но далеко не полезные на деле.

15 января уволен был добрейший петроградский градоначальник генерал-адъютант Фуллон, и на его место назначен генерал-майор Дедюлин, не имевший никакого значения, так как исполнял только указания Трепова.

16 января приехал в Москву новый градоначальник генерал-майор Волков, но никаких новшеств или перемен по улучшению службы полиции не внес. Единственно, все заметили, что он стал ездить по Москве не в мундире, а в сюртуке, как простой обыватель, и выезд с пристяжной заменил выездом в дышло [7], что было очень непривычно глазу московского обывателя. За время своего градоначальства он ничем себя не проявил, и подчиненные так и не узнали его требований. Его назначение в Москву в такое время было каким-то недоразумением.

22 января состоялось в Москве чрезвычайное дворянское собрание [8]. Брожение, царившее повсюду, не могло не отразиться и на общественных кругах. Дворянское собрание прошло с огромным оживлением, так как еще до собрания были составлены две записки противоположного характера и содержания. Одна записка была составлена группой дворян во главе с А. Д. Самариным и высказывалась за необходимость твердой власти и незыблемость принципов самодержавия, другая была составлена группой дворян во главе

Панорама Москвы

с князем С. Н. Трубецким, отражая на себе настроение либеральных кругов, высказывалась за необходимые реформы в конституционном духе. Мысли этих двух записок были положены в основу двух адресов, которые и были прочитаны на дворянском собрании — адрес первой группы был прочитан А. Д. Самариным, второй группы — князем П. Д. Долгоруковым. После оживленных дебатов баллотировали оба адреса. Большинством голосов прошел адрес группы Самарина, который и был послан Государю императору.

В Николаевском дворце тем временем жизнь постепенно налаживалась, и времяпрепровождение у их высочеств ничем не отличалось от жизни в генерал-губернаторском доме. Утром были обычные приемы и доклады до завтрака, в час завтракали, после чего великий князь выезжал в город, возвращаясь домой к дневному чаю к 4—5 часам, занимался затем у себя до обеда, в 8 часов обедали. За обедом часто бывали гости, после чего одни играли в карты, другие читали или работали что-нибудь. Если же гостей не было, то великий князь уходил к себе и возвращался к чаю к 10 с половиной — 11 часам, расходились около 12-ти. К завтраку и обеду раз навсегда были приглашены все лица свиты, проживавшие в Николаевском дворце, и генерал Степанов, состоявший при великом князе. Я лично редко завтракал, только в дни дежурств, так как в это время всегда работал в канцелярии Попечительства о народной трезвости.

Как я уже говорил, великий князь ежедневно выезжал в определенные часы или в карете, или в одиночных санях. С того времени, как стали поступать сведения о готовящихся покушениях, великий князь не изменил своих привычек, а только перестал брать с собой адъютанта, к нашей большой обиде (в то время адъютантами были А. А. Стахович, граф Л. Н. Игнатьев, граф В. А. Олсуфьев, граф А. А. Белевский и я), и ездил всегда один, никогда заранее не говоря, куда едет. Много мне пришлось с ним говорить по этому поводу и убеждать не выезжать всегда в определенное время, тем более что его выезды резко бросались в глаза, и издали все всегда видели, когда появлялась карета или одиночка с кучером в белой бархатной шапке и с белыми вожжами. Великий князь оставался непреклонен и как бы нарочно бравировал, выезжая ежедневно в те же часы. В два с половиной часа всегда можно было его видеть выезжающим из Кремля.

Не прошло и месяца, что великий князь переехал в Кремль, как его не стало. В Кремле, где, казалось, легко было бы охранить великого князя, полиция настолько преступно бездействовала, что дала возможность средь бела дня совершиться злодеянию — великий князь был убит, вернее растерзан брошенной в него бомбой.

В обычное время, между 2 и 3 часами дня, 4 февраля его высочество выехал в карете, как всегда один, из Николаевского дворца, направляясь в генерал-губернаторский дом, где он заказал себе баню. За ним следом в санях на лихаче ехали два агента

охранного отделения (этот способ охраны представлял собой какую-то нелепость, а между тем практиковался в то время везде). Когда карета поравнялась с воротами Окружного суда, раздался взрыв страшной силы, поднявший густое облако дыма. Через момент мчались лошади с изломанной, исковерканной каретой без кучера, которого отбросило на мостовую в двадцати шагах от взрыва, всего израненного. Лошади были остановлены по выезде из Кремля. Когда рассеялся дым, то представилась ужасающая картина: щепки кареты, лужа крови, посреди коей лежали останки великого князя. Можно было только разглядеть часть мундира на груди, руку, закинутую вверх, и одну ногу. Голова и все остальное были разбиты и разбросаны по снегу.

Городовой, стоявший на посту, и кто-то из обывателей бросились и задержали преступника. Первыми к месту взрыва подбежали следовавшие за великим князем два агента охранного отделения, несколько лиц судебного ведомства и солдаты и офицеры Екатеринославского гренадерского полка, квартировавшего напротив. Через несколько минут в санях, в ротонде, без шляпы подъехала несчастная великая княгиня Елизавета Федоровна, как оказалось, выбежавшая из Николаевского дворца на звуки взрыва. Великая княгиня бросилась к останкам, встав на колени, и с ужасом на лице стала собирать их, как передавали затем свидетели. Появились носилки, которые принесли из Кремлевского склада великой княгини, уложили останки, один солдат снял с себя шинель и покрыл ею останки великого князя. В это время, как только подняли и понесли носилки, я подъехал на извозчике.

В этот день я великого князя не видел, я ушел, как обычно, на Воздвиженку в канцелярию Попечительства о народной трезвости, где сидел и занимался в своем кабинете. Вдруг раздался звонок телефона, я взял трубку и слышу: «Великий князь сейчас убит». Я бросился в канцелярию, успел сказать эту весть служащим и, сев на первого извозчика, поехал в Кремль. Трудно описать грустную картину, представившуюся моим глазам, — полная тишина вокруг, народу мало, солдаты и офицеры несут что-то покрытое солдатской шинелью, за которую придерживается великая княгиня с спокойным лицом. Вокруг лица свиты и несколько посторонних. Я подбежал, взял руку великой княгини, поцеловал и, придерживаясь за носилки, побрел за ними. Принесли во дворец и прямо пронесли в Алексеевский храм Чудова монастыря, поставив близ раки Святителя Алексея, где тотчас отслужена была первая панихида.

В это время кучера Андрея Рудинкина, очень тяжело раненного — у него оказалось на спине более 100 ран, — отвезли в Яузскую больницу. Он пришел в себя и попросил священника, исповедался и причастился. Первое, что он спросил: «А великий князь?» Ему сказали: «Жив, немного ранен». Он сказал: «Слава Богу». Немного спустя великая княгиня в сопровождении меня

навестила его в больнице, поехав в светлом платье, дабы скрыть от него, что великий князь убит, так как доктора сказали, что лучше пока его не волновать. Андрей Рудинкин трогательно, забывая сильные боли, расспрашивал великую княгиню о великом князе, и она настолько мужественно брала на себя, что не выдала своего горя и волнения.

В 7 часов вечера того же дня, по переложении останков в гроб, их перенесли в трапезную Алексеевского храма, где поставили посреди на катафалк. В 8 часов состоялась первая официальная панихида, на которой присутствовали, кроме великой княгини и августейших детей великого князя Павла Александровича, лица свиты, представители московской администрации, сословных учреждений и общества. 5 числа прибыла депутация Преображенского полка во главе с генералом В. Гадоном, бывшим адъютантом великого князя.

В этот же день прибыл великий князь Константин Константинович представителем Государя императора. Говорят, что в первый момент Государь хотел ехать в Москву на похороны своего дяди, но благодаря влиянию Трепова не поехал. То же было и с великим князем Владимиром Александровичем, старшим братом Сергея Александровича, который, как говорят, со слезами на глазах умолял Государя отпустить, но Государь не позволил ему ехать. А между тем, я думаю, если бы Государь не послушался Трепова и приехал бы в Москву, то это произвело бы колоссальное впечатление и подняло бы ореол царя среди народа.

Ко дню отпевания прибыла из-за границы сестра великого князя, великая княгиня Мария Александровна, герцогиня Кобургская с дочерью принцессой Беатрисой, великий князь Павел Александрович, герцог Мекленбург-Стрелицкий, великий герцог Гессенский, брат великой княгини, с супругой великой герцогиней Элеонорой и сестра великой княгини принцесса Виктория Баттенбергская. Помимо высочайших особ прибыло много частных лиц и депутаций. Было возложено много венков, гроб утопал в зелени, народ ежедневно в известные часы допускался поклониться праху; пропускали зараз по 100 человек. Панихиды служились все время, почти без перерыва, с утра до вечера. Великая княгиня пожелала, чтобы народу не делали какие-либо стеснения, и Кремль был открыт для свободного прохода всем; только когда съезжались на официальные панихиды, проезд частным лицам прекращался. Великая княгиня получала массу писем, и так как она фактически не успевала их прочесть, то доверила их мне. Вся почта поступала ко мне, я откладывал письма родных и близких, которые передавал тотчас, а другие письма вскрывал и докладывал их содержание; затем от имени великой княгини я отвечал на них, почему ни одно письмо не осталось без ответа. Но, к сожалению, были и такие письма, которые я прямо сжигал, не докладывая, письма эти, почти все анонимные, были

полны ругательств по адресу покойного великого князя, а в некоторых были и угрозы относительно великой княгини. Я не покидал дворца все время до похорон, и в течение всего дня мне приносили разные предметы из одежды великого князя, а также и частицы его тела, костей... Все это складывалось мной, вещи передавались великой княгине, а частицы останков были помещены в металлический ящик и положены в гроб. Сила взрыва была так велика, что части тела и костей найдены были даже на крыше здания Судебных установлений.

На второй или третий день мученической кончины великого князя ее высочество, движимая христианским чувством всепрощения, решилась поехать навестить убийцу своего мужа — Каляева, который содержался в то время в Серпуховском полицейском доме. Сопровождали великую княгиню бывшая фрейлина Е. Н. Струкова и бывший адъютант великого князя Гадон, это были в то время единственные лица, посвященные в этот, можно сказать, подвиг великой княгини, конечно, если не считать градоначальника Волкова, без разрешения которого великая княгиня не могла бы посетить Каляева. Какой был разговор у великой княгини с Каляевым, неизвестно, так как присутствовавших при этом не было. С кратких слов великой княгини можно было только заключить, что это свидание доставило удовлетворение христианскому чувству великой княгини, что сердце Каляева было затронуто: он взял от нее иконку и поцеловал ее руку. Через несколько дней, когда первое впечатление у Каляева, очевидно, прошло и заговорил в нем ум, а не сердце, он, чувствуя себя как бы виновным в своей слабости перед своей партией, написал великой княгине письмо, полное неуважения и упрека. Многие в то время осуждали великую княгиню, что она решилась на такой шаг, но кто знает великую княгиню, тот отлично поймет, что иначе великая княгиня поступить не могла. Она, по своему характеру всепрощающая, чувствовала потребность сказать слово утешения и Каляеву, столь бесчеловечно отнявшему у нее мужа и друга.

7 февраля скончался от ран кучер великого князя Андрей Рудинкин. Великая княгиня с лицами свиты присутствовала на отпевании и затем шла за гробом пешком от Яузской больницы до Павелецкого вокзала, ведя под руку вдову. Тело отвезли в деревню на родину, в Серпуховской уезд. За гробом шла толпа народа.

10 февраля происходило отпевание тела великого князя по особому, высочайше утвержденному церемониалу. Была масса народа; после отпевания гроб с останками был перенесен в Андреевскую церковь Чудова монастыря и поставлен посреди на небольшом возвышении, покрыт чехлом, обшитым парчой, и сверху покровом, так он оставался до устройства склепа церкви-усыпальницы под храмом Чудового монастыря, где покоятся мощи Святителя Алексея.

Московский генерал-губернатор
великий князь Сергей Александрович. 1886 г.

Великая княгиня Елизавета Федоровна,
жена великого князя Сергея Александровича. 1888 г.

На следующий день все прибывшие на погребение августейшей особы и депутации стали разъезжаться, остались только сестра великой княгини принцесса Баттенбергская и великая княгиня Мария Александровна с дочерью. Жизнь стала входить в колею. По желанию великой княгини я остался жить в Николаевском дворце.

На средства, отпущенные великой княгиней, были устроены поминальные обеды во всех народных домах и столовых Попечительства о народной трезвости с 12 февраля по 15 марта — сороковой день кончины великого князя. Было выдано всего 45 000 обедов по билетам, выдававшимся неимущему населению участковыми попечительствами о бедных.

18 февраля, прежде чем осуществление мероприятий 12 декабря 1904 г. могло отразиться на ходе государственной жизни, сделан был еще шаг вперед по пути преобразований. Утром были опубликованы высочайший манифест и указ Сенату[9], которые производили впечатление, что конец колебаниям наступил и что будто решено вернуться к прежним бюрократическим началам. Манифест этот всех поразил, так как такой исход представлялся совершенно неправдоподобным. Действительно, вечером того же дня был опубликован рескрипт на имя А. Г. Булыгина, которым делалась уступка в новом направлении и в котором призывали общественные силы для совместной работы с правительством. С появлением рескрипта манифест получил совершенно иное освещение, рескрипт явился ему дополнением, но логически все же рескрипт противоречил манифесту. В этом видны были колебания и быстрые смены настроений, происходившие в высших сферах.

В течение последовавшего затем месяца общество питалось самыми разноречивыми слухами: то о созыве Народного Собора, то о созыве Думы. До общества доходили слухи, что происходят частные совещания между высокопоставленными лицами, что намечаются переговоры с руководителями земских групп; это означало, что учреждено Особое совещание при Министерстве внутренних дел под председательством министра А. Г. Булыгина и только. 18 марта воспоследовало правительственное сообщение, далеко не разъяснившее недоумение. Оказалось, что за истекший месяц собирались и рассматривались разные материалы, а также и разные проекты от разных лиц и учреждений, отличавшиеся полным разнообразием взглядов и суждений. Председатель совещания А. Г. Булыгин предполагал заняться самостоятельно — независимо от собирания материалов — составлением первоначальных соображений об основаниях, на которых могло бы быть осуществлено предположение о созыве представителей; затем эти основания он предполагал передать на обсуждение в Совет Министров и только после этого приступить к окончательному разрешению вопроса о совещании, намеченном в высочайшем рескрипте. Для всего этого надо было время, и времени много, а между тем нервность и возбуждение

общества требовали скорейшего выполнения выраженной в рескрипте монаршей воли.

События жизни шли тогда с такой головокружительной быстротой, что являлись опасения, что разрабатываемая реформа при такой медлительности утратит всякое практическое значение. Правда, после Цусимской катастрофы [10], о которой я буду говорить ниже, рассмотрение предположений о созыве народных представителей пошло ускоренным темпом, и совещания министров происходили чуть ли не ежедневно, но все это мало удовлетворяло общество. Настроение его было таково, что движение государственных дел по медлительной бюрократической рутине, раздражая широкие круги интеллигенции, вселяло в них полное недоверие к существовавшему тогда строю и убеждало, что при старых формах жить нельзя.

5 апреля слушалось дело Каляева Особым присутствием правительствующего Сената при участии сословных представителей. Заседания проходили в здании Судебных установлений в Москве. Обвинял обер-прокурор Кассационного департамента Сената И. Г. Щегловитов — будущий министр юстиции. Защитниками были М. Л. Мандельштам и В. А. Жданов. Председательствовал старичок-сенатор, фамилию его не помню. Заседание происходило при закрытых дверях, но я получил разрешение и потому присутствовал на этом заседании. Потом я об этом очень сожалел, так как нравственно было очень тяжело присутствовать на нем и слушать все прения.

Каляева я до того не видел; он произвел на меня впечатление довольно отталкивающее. Держал он себя как-то несерьезно, мелочно, далеко не героем, хотя, казалось, хотел им быть, но именно от этого у него и выходило все не геройски, а скорее нахально. Он оказался родившимся в Варшаве в 1877 г., отец его был некоторое время околоточным надзирателем, потом кассиром на фабрике, умер он в 1898 г., оставив вдову и 8 человек детей. Мать — полька, чем и объяснялось отличное знание Каляевым польского языка, по-русски он говорил с большим акцентом. На суде присутствовали его мать и сестра, они всего за 10 дней до суда узнали, что он убил великого князя, когда в Варшаве к ним пришли с обыском. До того они его не видели два года и думали, что он находится в Львовском университете. Матери и сестре давали свидание в Бутырской тюрьме 1 и 3 апреля, по часу, в присутствии помощника начальника тюрьмы. Каляев был бодр и просил мать не подавать прошения о помиловании.

Председатель суда, старичок-сенатор, вел заседание нервно, несдержанно, входил с Каляевым в препирательства при его выходках и вообще держал себя далеко не с должным достоинством. Своими препирательствами он вызывал Каляева на дерзости, следствием чего было то, что Каляева выводили из зала заседания. При

этом страшно волновался его защитник М. Л. Мандельштам. Обвинитель И. Г. Щегловитов был также далеко не на высоте, казалось бы, особенно ему разглагольствовать и не следовало, факт ведь был налицо, и чем короче было бы его обвинение, тем оно было бы сильнее, он же размазал свою обвинительную речь, говорил долго, скучно, хотя и довольно гладко, но когда он кончил, нельзя было вывести ясного заключения, чего он хотел. Хотел ли он сугубо наказать преступника или просил снисхождения. Вообще речь его была без должного достоинства. На меня его речь произвела удручающее впечатление, тем более что дала возможность Каляеву поглумиться: он очень ловко подметил неудачные места речи и сказал, что если б эту речь произнес жандармский вахмистр, то это было бы простительно, но слушать ее из уст человека образованного, со звездою на груди как-то странно. Под очень тяжелым впечатлением я оставил зал заседания.

В Москве в то время градоначальником все еще был генерал-майор Волков, далеко не удовлетворявший своему назначению, чувствовалось отсутствие власти. Это и послужило причиной к назначению в Москву вновь генерал-губернатора. Выбор пал на генерала от кавалерии А. А. Козлова, бывшего в Москве обер-полицеймейстером с 1878 по 1881 и с 1882 по 1887; в промежуток 1881 — 82 гг. он был градоначальником в Петербурге. А. А. Козлов пользовался очень большой симпатией и уважением среди всех слоев московского населения, не исключая и рабочих, и простого люда, а также и учащейся молодежи *. Эти его качества и послужили тому, что А. Г. Булыгин рекомендовал его Государю императору для назначения на пост генерал-губернатора.

А. А. Козлов был назначен 12 апреля при весьма милостивом рескрипте. Козлов долго, как сам мне рассказывал, отказывался от этого назначения, ссылаясь на свои преклонные годы — ему было тогда 68 лет — и на то, что не обладает уже должной энергией; но в конце концов принужден был все же уступить, но поставил при этом условие, что если он по истечении 3 месяцев убедится, что не в силах приносить пользы, то его удерживать не будут. Условие это было принято. В то время генерал от кавалерии Козлов, занимая должность почетного опекуна Московского присутствия, проживал очень скромно в меблированных комнатах Троицкой у Никитских ворот. Прислугой у него была только одна кухарка. Как только вышел высочайший приказ, Козлов, захватив ручной багаж, вдвоем со своей кухаркой пошел пешком по Тверскому бульвару и пришел в генерал-губернаторский дом, оставив за собой комнаты у Троиц-

* Среди последней он даже был популярен. Рассказывают, что во время одной из забастовок на Высших женских курсах он прискакал верхом, с нагайкой в руке и, въехав в толпу курсисток, крикнул им: «Ерша вам родить против шерсти, чего бунтуете!» Толпа моментально расхохоталась от неожиданности, настроение забастовочное понизилось, и все окончилось мирно *(Примеч. В. Ф. Джунковского)*.

кой. Так оригинально произошло вступление нового генерал-губернатора в должность. Москва приветствовала это назначение, хотя мало придавала ему значения.

Генерал Козлов, чудной души человек, честнейший и благороднейший, мог бы в другое время принести много пользы, но будучи 68 лет от роду, он давно отошел от дел; у него не было должной энергии, главное, не было любви к тому делу, на которое его призвали. Он работал, правда, добросовестно, но работал без одушевления, заставляя себя работать из чувства долга. Он, конечно, обратил главное внимание на полицию, что было для него, по прежней службе, делом привычным, при нем, кроме чиновников особых поручений, стали дежурить участковые пристава полиции взамен адъютантов, которых при нем и не было.

Назначение Козлова вызвало уход генерал-майора Волкова, который был назначен таврическим губернатором. Всеми своими назначениями Е. Н. Волков был обязан тому, что снискал к себе расположение Государя императора, будучи еще офицером Лейб-гвардии гусарского полка его величества, в то время, когда Государь в бытность свою наследником отбывал службу в этом полку, а потом Е. Н. Волков сопровождал Государя во время его путешествия наследником-цесаревичем на Дальний Восток и в Японию.

Московским градоначальником был назначен генерал-майор П. П. Шувалов, большой друг А. А. Козлова и любитель, если можно так выразиться, полицейского дела, которым он еще с юношеских лет увлекался. Граф Шувалов родился в 1859 г. и по окончании Пажеского корпуса вышел в артиллерию непосредственно на театр военных действий во время Русско-турецкой войны. Затем он был адъютантом при великом князе Сергее Александровиче и заведующим его двором с 1894 по 1897 г., когда был назначен одесским градоначальником, но пробыл в этой должности недолго. Граф Шувалов принялся очень ретиво за свои обязанности и работал рука об руку с генералом Козловым, который имел на него отличное влияние и умел сдерживать его увлечения. В минус графу Шувалову можно поставить то, что он мало интересовался всем тем, что не было чисто полицейским делом, но работал он очень много и все свое время отдавал службе. Он был очень умен и не без хитрости. Его жена, рожденная графиня Воронцова-Дашкова, была на редкость очаровательная женщина, умная, образованная, имевшая отличное влияние на мужа.

Вскоре после этих назначений 17 апреля последовал высочайший манифест о распечатании старообрядческих храмов [11]. На Москву, где очень много старообрядцев, это событие произвело огромное впечатление, тем более что именно в Москве были запечатаны храмы, особенно чтимые старообрядцами, в Рогожской. Манифест был издан за несколько дней до Пасхи, что еще более усугубило праздничное настроение старообрядцев. В Москву был коман-

дирован по высочайшему повелению флигель-адъютант граф Шереметев для приведения в исполнение этого высочайшего указа. Одновременно с сим был опубликован и высочайший манифест о сложении продовольственных долгов с населения. Таким образом, старообрядцы встречали Пасху особенно восторженно, а населению оказана была большая материальная помощь.

Мое личное положение все это время было крайне неопределенно: со дня кончины великого князя я должен был бы быть откомандирован в Преображенский полк, в котором числился, а между тем я занимал по высочайшему повелению должность товарища председателя Московского столичного попечительства о народной трезвости. Для откомандирования надо было ждать высочайшего приказа, а его не выходило. Я продолжал поэтому носить адъютантскую форму и жить в Николаевском дворце, работая в Попечительстве о народной трезвости. За несколько дней до Пасхи, кажется в Страстную пятницу, меня вызвал по телефону из Петербурга А. Г. Булыгин и сказал: «Поздравляю вас, покупайте к Пасхе белую шапку. Я понял, что меня Государь император назначает флигель-адъютантом, и действительно, в субботу, накануне Пасхи, я получил депешу от министра императорского двора о назначении меня флигель-адъютантом к его императорскому величеству. Я был, конечно, очень счастлив такому исключительному монаршему вниманию.

Встретив Пасху в Чудовом монастыре, получив массу приветствий, я выехал в первый же день Пасхи в Петербург, чтобы представиться и благодарить Государя за его монаршую милость. Свитской формы мне, конечно, ни один портной на праздниках сшить не мог, и мне пришлось поехать в Царское Село представиться Государю в адъютантской форме, прицепив вензеля на эполеты и надев белую свитскую барашковую шапку, которую мне прислала великая княгиня Елизавета Федоровна. Приехав в Петербург, я тотчас явился министру императорского двора барону В. Б. Фредериксу, который меня принял более чем любезно, выразив радость по поводу моего назначения и дав указание на другой же день быть в Царском Селе в Александровском дворце к девяти с половиной часам утра и через камердинера доложить о себе Государю императору.

Его величество меня тотчас принял и был трогательно милостив ко мне, разрешив мне продолжать мою работу в Попечительстве о народной трезвости в качестве товарища председателя оного и жить в Москве, приезжая на дежурства в Царское Село. При этом внимание Государя не остановилось на этом. Его величество повелел предоставить мне помещение в Кремлевском дворце. Затем Государь повел меня в апартаменты императрицы, где я имел счастие представиться ее величеству императрице Александре Федоровне. От ее величества я прошел в другую половину дворца и был принят Государыней императрицей Марией Федоровной, которая трога-

тельно вспомнила покойного великого князя, говорила о нем с большим чувством и выразила мне радость, что Государь взял меня в Свиту. В тот же день был обычный пасхальный прием лиц Свиты в Большом Царскосельском дворце, и я в первый раз участвовал на нем со всей Свитой, приносившей поздравления их величествам, и удостоился получить из рук Государынь пасхальные яйца.

Вернувшись в Петербург, я тотчас заказал себе свитскую форму, изготовление ее заняло несколько дней, и когда все было готово, принялся исполнять все обязательства, сопряженные с таким назначением. Надо было представляться всем особам императорского дома, военному министру и всем лицам Государевой свиты, а младшим себя лицам Свиты сделать визит.

Вся свита Государева находилась на учете Военно-походной канцелярии его величества и в ведении командующего Императорской главной квартирой, каковая должность обыкновенно соединялась с должностью министра императорского двора. При моем назначении и до конца царствования Николая II министром двора и командующим Главной квартирой был барон, впоследствии граф В. Б. Фредерикс, человек на редкость благородный, преданный Государю, но, к сожалению, подпадавший под чужое влияние, и не всегда хорошее. Начальником Военно-походной канцелярии был флигель-адъютант князь В. Н. Орлов, человек тоже очень хороший, доброжелательный, но большой барин, не знавший жизни и потому в делах часто становившийся на ложный путь, не разбираясь в людях. Помощником у него были флигель-адъютант К. А. Нарышкин и А. А. Дрентельн. Первый из них был человек безличный и представлял собой совершенно отрицательную величину, второй же — это был светлый луч среди всех окружавших Государя лиц. Можно смело сказать, что то был самый благородный, правдивый и положительно лучший из всех окружавших Государя, будучи при этом очень умным и образованным человеком.

В то время Свита государева состояла из 119 человек, в том числе 57 генерал-адъютантов, 23 Свиты генерал-майоров и 39 флигель-адъютантов. Число флигель-адъютантов было даже меньше, чем в конце царствования Александра III, который, как известно, за все свое царствование назначил в Свиту не больше 10 человек, считая в этом числе и великих князей, которые всегда назначались флигель-адъютантами по достижении ими совершеннолетия. Большое количество флигель-адъютантов, а именно 48, к концу царствования императора Александра III объяснялось тем, что от Александра II к Александру III перешло огромное число лиц Свиты. К концу царствования Александра II состояло генерал-адъютантов 138, Свиты генерал-майоров — 122 и флигель-адъютантов — 149: всего 409 лиц Свиты, почти в четыре раза больше, чем тогда, когда я удостоился этой чести. Император Александр II при всяком удобном случае назначал к себе в Свиту; был такой случай, что капитан

Ильин попал во флигель-адъютанты только за то, что в Ильин день был начальником караула в селе Ильинском, когда там пребывал Государь, и таких случаев было много. При Александре III были только единичные случаи назначения в Свиту. Первым попал в Свиту случайно прапорщик фон Кауфман, командированный в 1881 г. к императору Александру II с радостной вестью о взятии Геок-Тепе [12]. Пока он ехал, Александр II был убит и на престол вступил Александр III, который, выслушав его доклад, сказал: «Мой отец вас бы назначил в Свиту, поэтому я вас назначаю флигель-адъютантом».

Другой случай назначения флигель-адъютанта был на параде Лейб-гвардии конного полка в день полкового праздника. Государь, приняв строевую записку от полкового адъютанта князя Ю. Д. Оболенского, сказал ему, что назначает его флигель-адъютантом. Оболенский был так далек от этой возможности, что даже не поблагодарил и решил, что ему это только показалось, но все же доложил командиру полка, сказав, что он не разобрал слов Государя, но ему показалось, что Государь сказал слово флигель-адъютант. Командир полка доложил об этом министру двора, который сказал, что этого быть не может, чтоб Государь назначил в Свиту. Когда же министр двора спросил у Государя: «Что, ваше величество, изволили сказать князю Оболенскому?», Государь просто ответил: «Назначил его флигель-адъютантом».

Звание флигель-адъютанта было всегда большим отличием и давало известные права: в полках флигель-адъютанты не занимали вакансии и производились в чин со старшим, каждое лицо Свиты имело право представляться Государю императору в любой приемный день без испрошения на то особого разрешения, а только записавшись у дежурного флигель-адъютанта. В случае же надобности явиться Государю по экстренному делу они могли испрашивать разрешение через Военно-походную канцелярию у командующего Императорской главной квартирой.

В течение двух недель по моем приезде в Петербург я каждый день или являлся кому-нибудь из особ императорского дома, или делал визиты лицам Свиты. Помню особенно милостивые приемы у великих князей Михаила Николаевича, Владимира и Алексея Александровичей, а также и у великой княгини Марии Александровны. Из генерал-адъютантов помню хорошо трогательный прием у генерал-адъютанта Рылеева, который был уже преклонного возраста, никуда не показывался и жил лишь одними воспоминаниями об императоре Александре II, которого при жизни боготворил и был очень приближенным к Государю лицом. Вся обстановка, как он жил, была трогательная, он был окружен исключительно предметами памяти Александра II и не пропускал ни одного дня, чтоб не побывать в крепости на могиле царя-освободителя. В то время прошло уже 24 года со дня кончины Александра II, но тем не менее

Император Николай II, императрица Александра Федоровна, великая княгиня Елизавета Федоровна

его можно было ежедневно встретить на Троицком мосту, пешком направляющегося в крепость. Он очень ласково меня принял, и от него веяло какой-то необыкновенной грустной добротой, если только можно так выразиться.

Окончив все визиты и представления, я вернулся в Москву и вскоре переехал в Кавалерский корпус Кремлевского дворца, где мне отвели очень хороших три комнаты. Каждый месяц я ездил в Петербург на дежурства при Государе. Помню, как первый раз я волновался, чтоб не сделать какой-нибудь ошибки.

При Государе было постоянное дежурство одного флигель-адъютанта, очередь велась в Военно-походной канцелярии. Флигель-адъютантам, находившимся в Петербурге, приходилось дежурить в то время приблизительно раз в три недели. Полное дежурство, то есть генерал-адъютант, Свиты генерал-майор и флигель-адъютант, назначалось только в дни празднеств, выходов, парадов и т. п. В остальное же время суточное дежурство нес только флигель-адъютант. Смена происходила около 11 часов утра, к каковому времени надо было прибыть во дворец. В Петербурге — на квартиру, а за городом — на вокзал высылалась от придворно-конюшенной части коляска, запряженная тройкой, которая и была круглые сутки в распоряжении дежурного флигель-адъютанта для служебных поездок. Во дворце, по месту пребывания Государя, имелось специальное помещение из двух-трех комнат для дежурного флигель-адъютанта. Смена заключалась в том, что старый дежурный давал новому прошения или бумаги, если таковые оставались еще не доложенные. В 11 часов начинался прием, и дежурный флигель-адъютант к этому времени должен был находиться в приемной Государя. Если были представляющиеся, то дежурный флигель-адъютант должен был проверить их по спискам, присланным из церемониальной части, или по записке Военно-походной канцелярии, подписав два экземпляра списков, один передать камердинеру для доклада его величеству с испрошением указания, в каком порядке и где Государю угодно будет их принять, другой же список направлялся в канцелярию Министерства двора для напечатания в газетах.

Обыкновенно некоторых лиц Государь принимал у себя в кабинете, других на общем приеме в зале, этих последних дежурному флигель-адъютанту приходилось ставить по старшинству чинов, независимо от должности, сначала военных, а потом гражданских чинов, после чего Государь в сопровождении дежурного флигель-адъютанта их обходил; каждый при этом должен был себя называть и говорить, по какому случаю представляется. Прием продолжался до часа, когда Государь завтракал. К завтраку некоторые флигель-адъютанты удостаивались приглашения, если же нет, то завтракали у себя в дежурной комнате, полагался завтрак по 1-му разряду.

Ко мне Государь все время моего флигель-адъютантства был

очень милостив, и я удостаивался приглашения к завтраку к их величествам каждое мое дежурство, иногда и к обеду. За завтраком кроме их величеств и августейших дочерей никого не бывало, помню только, один раз завтракал еще принц П. А. Ольденбургский. Государь был всегда очень разговорчив, расспрашивал о Москве, о разных делах, императрица же говорила мало, августейшие дочери, бывшие тогда еще детьми, стеснялись нового лица. После завтрака переходили в комнату императрицы, где подавали кофе и ликеры. Августейшие дети уходили, и императрица обыкновенно начинала какой-нибудь разговор о текущих событиях, после чего дежурного флигель-адъютанта отпускали и он шел в дежурную комнату. Около трех часов дня на обязанности дежурного лежал прием просителей, которые являлись, чтобы лично подать просьбу Государю.

В Царском Селе прием этот происходил в другом дворце, так что туда приходилось ездить, а в Петергофе около самой дежурной комнаты. Просители допускались все, кто бы ни пришел, и дежурный флигель-адъютант обязан был выслушать каждого и взять у него прошение. При этом, если дело особой важности, то сделать на прошении надлежащую отметку, в случаях, если проситель просил пособия, то он направлялся в Военно-походную канцелярию, если же просил дать ему бесплатный билет для проезда на родину обратно, то дежурный флигель-адъютант на имевшемся для этой цели бланке на имя градоначальника писал о выдаче такому-то бесплатного билета для проезда по такой-то железной дороге до такой-то станции. Обойдя и отобрав прошения всех просителей, дежурный флигель-адъютант возвращался в дежурную комнату. Просителей в среднем бывало от 10 до 20. Вернувшись к себе, дежурный флигель-адъютант должен был составить реестр всем прошениям, для чего имелись особые разграфленные бланки. В эти графы вписывалось имя, отчество и фамилия подателя, его адрес, краткое содержание прошения. На прошении ставился штемпель «Принято дежурным флигель-адъютантом такого-то числа» (тот же, что на реестре). Проделав всю эту работу, дежурный флигель-адъютант должен был подписать реестр и вместе с прошениями вложить в конверт, на котором значилось: «Его императорскому величеству от флигель-адъютанта такого-то», последнее, то есть фамилию, надо было приписать. Конверт не заклеивался, а печатался только особым сургучом с приложением печати дежурного флигель-адъютанта. Делалось это для того, чтобы Государю не приходилось разрезать конверт, а просто просунуть руку и вскрыть конверт. Окончив все это, дежурный флигель-адъютант отправлялся к Государю в 6 часов вечера, чтобы через камердинера передать Государю этот конверт с прошениями; если же какое-нибудь прошение требовало особого внимания, то флигель-адъютант мог просить доложить о сем Государю или же сообщить содержание того проше-

ния в Военно-походную канцелярию. Государь никогда не задерживал эти прошения, и на другой день они шли с резолюциями Государя по принадлежности. Прошения, на которых была отметка «Принято дежурным флигель-адъютантом», разбирались в Министерстве вне очереди.

Вечером Государь обыкновенно обедал в 8 часов, если не было поездки в театр. Иногда я удостаивался приглашения и к обеду, тогда обед происходил самым интимным образом. Обедали не в столовой, а подавался маленький стол на троих в покоях императрицы. Августейшие дети не обедали, посторонних ни разу при мне не было. Говорить можно было совершенно свободно, так как их величества держались очень просто и были удивительно гостеприимны и добры. После обеда с полчаса сидели в кабинете императрицы за кофе, после чего, милостиво простившись, их величества отпускали. Если была поездка в театр, то дежурный флигель-адъютант сопровождал их величества и в театре помещался в большой средней царской ложе. Ночью дежурный флигель-адъютант имел право раздеваться и спать.

6 мая, в день рождения Государя императора, я был произведен в полковники в сравнение со сверстниками по полку и со старшинством с 17 апреля, с оставлением в звании флигель-адъютанта и в списках Лейб-гвардии Преображенского полка.

16 мая вся Россия содрогнулась — получено было потрясающее известие о гибели эскадры адмирала Рожественского под Цусимой. Русский флот погиб, из 11 броненосцев, 9 крейсеров, 9 миноносцев, 4 транспортов только 2 крейсера и 2 миноносца пробились через кольцо японской эскадры. Страшное несчастие обрушилось на Россию, все было забыто, только «Цусима» была у всех на устах. Крейсер «Алмаз», предназначавшийся как яхта наместнику, с роскошным адмиральским помещением, весь из дерева, по счастливой случайности не потонувший (одного крупного снаряда было достаточно, чтобы его потопить), один, без больших аварий, под командой капитана 1-го ранга Чагина пробрался во Владивосток. Чагин был награжден званием флигель-адъютанта. Он первый по телеграфу из Владивостока донес о случившемся. Адмирал Рожественский, раненный, был взят в плен и отвезен в Сасебо, в госпиталь.

26 мая состоялось первое заседание Совета Министров под председательством графа Сольского для рассмотрения проекта А. Г. Булыгина о народном представительстве.

2 июня великий князь Алексей Александрович высочайшим приказом при рескрипте был уволен от должности генерал-адмирала и главного начальника флота по настоятельной его просьбе. Великий князь как благородный честный человек не счел возможным после гибели флота оставаться в должности генерал-адмирала и на другой же день после рокового для России дня просил Государя уволить его, но Николай II не хотел и только после долгих настояний

великого князя согласился. Вслед за увольнением великого князя последовал указ об упразднении должности генерал-адмирала как главного начальника флота, это звание осталось только как почетное. Управляющий Морским министерством назначен был морским министром с присвоением ему прав главного начальника флота.

2 июня последовало высочайшее повеление о назначении меня председателем Московского столичного попечительства о народной трезвости на место ушедшего генерала от инфантерии Цеймерна, а товарищем председателя был назначен действительный статский советник Н. Н. фон Вендрих. Я был очень рад этому назначению, так как хотя я не был стеснен в своих действиях, будучи товарищем председателя, все же я не был вполне самостоятелен. С назначением председателем у меня были развязаны руки, и я мог всецело предаться тому делу, которое создалось при моем ближайшем участии и давало мне полное удовлетворение. К этому времени деятельность Попечительства о народной трезвости в Москве настолько расширилась, что захватила почти все районы Москвы. Под флагом Попечительства состояло 10 народных домов, одна чайная с конторой по найму рабочих и ночлежным приютом, одна столовая, лечебница для алкоголиков, театры оперный и драматический, 10 бесплатных читален и платных библиотек, воскресные школы, народные курсы по специальным занятиям и т. д. Деятельность была крайне интересна, и я всей душой отдавался ей, к тому же состав работников был вполне соответствующий, все работали дружно, сознательно, не за страх, а за совесть. Можно смело сказать, что все служащие составляли как бы одну семью, работая сплоченно для одной цели — на действительное благо народа.

6 июня Государю императору в Фермерском дворце в Петергофе представлялась депутация от объединившихся земских и городских деятелей левого крыла. Среди них были граф П. А. Гейден — опочецкий предводитель дворянства, князь Е. Б. Львов — председатель Тульской губернской земской управы, Н. Н. Львов — гласный саратовского земства, И. И. Петрункевич — гласный тверского земства, Ф. А. Головин — председатель Московской земской управы, князь П. Д. Долгоруков — рузский предводитель дворянства, Н. П. Ковалевский — харьковский губернский гласный, Ю. А. Новосильцев — темниковский уездный предводитель дворянства, Ф. А. Родичев — кандидат Весьегонского уезда, князь Д. И. Шаховской — ярославский губернский гласный, князь С. Н. Трубецкой — ординарный профессор Московского университета, барон П. Л. Корф — гласный Петербургской думы, А. Н. Никитин — заместитель председателя С.-Петербургской городской думы и М. П. Федоров — гласный Петербургской думы. Цель депутации была высказать Государю их взгляды на народное представительство. Речи говорили князь С. Н. Трубецкой, М. П. Федоров. Они выразили глубокое недоверие к полицейско-бюро-

кратическому укладу русской жизни и неотложную необходимость перехода к творческой деятельности при участии опирающихся на доверие общества общественных деятелей, а М. П. Федоров подчеркнул, что надлежит призвать к жизни все, что есть даровитого и талантливого. Эти речи Государь удостоил весьма благосклонным ответом.

Государь сказал: «Я рад был выслушать вас, не сомневаюсь, что вами, господа, руководило чувство горячей любви к Родине в вашем непосредственном обращении ко мне. Я вместе с вами и со всеми народами моими всей душой скорбел и скорблю о тех бедствиях, которые принесла России война и которые еще необходимо предвидеть, и о всех внутренних неурядицах. Отбросьте ваши сомнения: моя воля, воля царская, созвать выборных от народа — непреклонна; привлечение их к работе государственной будет выполнено правильно. Я каждый день слежу и стою за этим делом. Вы можете передать об этом всем вашим близким, живущим как на земле, так и в городе. Я твердо верю, что Россия выйдет обновленной из постигшего испытания. Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всей Русью, общение между мной и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам. Я надеюсь, вы будете содействовать мне в этой работе».

После этого вся депутация была приглашена к завтраку и разъехалась в радостном настроении. Слова Государя и речи депутатов передавались везде и производили сильное впечатление, а в правых рядах сильное замешательство. Правые стали сплачиваться, хотели сказать и свое слово; собралась группа людей всех званий и состояний, от духовенства, дворян, крестьян, торговцев, промышленников и людей науки. Они все объединились на почве незыблемости самодержавия. Составив из себя депутацию, они испросили аудиенцию у Государя, которая и была им дана 21 июня в Петергофе. В нее вошли: гласный орловского земства Нарышкин, генерал-лейтенант Киреев, звенигородский предводитель дворянства граф П. С. Шереметев, гласный петербургского губернского земства и городской думы граф Бобринский, курский губернский предводитель дворянства граф Дорер, гласный Московской городской думы и выборный от московских старообрядцев Расторгуев, новгородский мещанин Матросов, крестьяне Московской губернии — Гришин и Баженов, Смоленской губернии — Яковлев и Медынского уезда — Несчастный.

Первым говорил граф Шереметев. Указав на то, что они не сомневаются в искренности людей иных взглядов по поводу осуществления возвещенных с престола желанных преобразований, граф Шереметев прочел Государю императору от соединившихся групп русских людей адрес, в котором отстаивались незыблемые основы самодержавия. После прочтения адреса говорили другие

члены депутации: граф Бобринский, подчеркивая принципы самодержавия, и, коснувшись закона 18 февраля [13] о призыве выборных, просил этих избранников вызвать из освященных историей бытовых групп. Нарышкин, отстаивая также самодержавие, выражал опасения, как бы новый закон о выборах не явился бы попыткой парламентарного учреждения с теми последствиями, которые и на Западе вызвали жалобы со стороны мудрейших людей.

Государь император ответил членам депутации следующими словами: «Искренно благодарю вас всех, господа, и вас тоже, братцы, за мысли и чувства, которые привели вас ко мне. Мне в особенности отрадно то, что вами руководили чувства преданности, любви к родной старине. Только то государство и сильно и крепко, которое свято хранит заветы прошлого. Мы сами против этого погрешили, и Бог за это, может быть, нас и карает. Что же касается опасений, вами выраженных, скажу вам, что сама жизнь укажет нам пути к устранению тех несовершенств и погрешностей, которые могут оказаться в таком новом и большом деле, которое я задумал на благо всех моих подданных. Убежден, что вы все и каждый в своем кругу поможете мне водворить мир и тишину в земле нашей и тем самым сослужите мне ту службу, которую от всех верных моих подданных ожидаю, в чем, господа, да поможет Господь». Сказав эти слова и обойдя всех и поговорив с некоторыми, Государь простился.

В промежуток между этими двумя депутациями произошел бунт среди матросов в Одессе, последствием чего один из броненосцев, «Потемкин» [14], вместе с одним миноносцем отказались идти со всей эскадрой в Севастополь и остались в Одесском порту, подняв красный флаг. Выпустив два боевых снаряда по городу Одессе, броненосец, на котором были перебиты и брошены в море матросами как командир, так и офицеры, отправился вдоль Черноморского побережья. С 16 по 25 июня броненосец безнаказанно блуждал по Черному морю, заходя в порты и наводя везде панику. Посланные ему вдогонку миноносцы не могли нигде достичь его. Наконец 25 июня, когда «Потемкин» стал ощущать недостаток пресной воды и продовольствия и в команде начались раздоры, броненосец сдался румынским властям в Констанце, сопровождавший же его миноносец возвратился в Севастополь и передался русским властям, принеся повинную. Матросы с «Потемкина» в числе 700 были отправлены румынскими властями в разные города Румынии, откуда выпущены на свободу, многим позволили вернуться в Россию. Броненосец же по приказанию короля был возвращен России и доставлен на буксире в Севастополь 29 июня.

Позорный инцидент с «Потемкиным» отразился и в Кронштадте, где на некоторых судах начались волнения, скоро ликвидированные.

В июне месяце по высочайшему повелению была объявлена 8-я

частичная мобилизация на укомплектование частей запасных нижних чинов; при этом для присутствования при мобилизации и поверке ее в разных губерниях Государь император повелел командировать Свиты генерал-майоров и флигель-адъютантов. Я попал в число командируемых — мне было повелено отправиться в Ефремовский уезд Тульской губернии и в Малоархангельский — Орловской губернии. Это была первая моя командировка по высочайшему повелению; естественно, что я отнесся к ней с особенным волнением и старался оправдать доверие Государя точнейшим выполнением возложенных на меня обязанностей. Кроме того, принимая во внимание неспокойное вообще время, я мог опасаться при мобилизации каких-либо беспорядков. К счастью, эти мои опасения не оправдались, и настроение запасных в обоих уездах было очень хорошее, я заметил только их беспокойство, что семьи их не будут должным образом обеспечены, так как они недоверчиво относились к обещаниям пособий для поддержания их семейств. Мои беседы с ними по сему поводу, как лица государевой Свиты, возымели желаемое действие; вообще было заметно, что командирование по высочайшему повелению доверенного лица Государева оказало очень благотворное действие на настроение запасных. Мобилизация прошла в обоих уездах хорошо, так как число неявившихся было ничтожно — по Ефремовскому уезду 1%, по Малоархангельскому 2%, но зато по этому уезду явилось добровольно не получивших карточки призыва 9 человек.

Вообще все распоряжения по мобилизации и условия, при которых она совершалась, нельзя было не признать правильными, только одно распоряжение, на которое я и указал во всеподданнейшем отчете, — это невнимательное отношение со стороны органов, заведовавших передвижением войск. Маршруты составлялись часто небрежно, и не обращалось должного внимания на распределение пищи; так, в 6 маршрутах, просмотренных мною, пять раз назначалась горячая пища по ночам, не считая дней выступления, когда неминуемо приходилось кормить людей в 4 — 5 часов утра. Это, конечно, вызывало неудовольствие. На продовольственном пункте в Орле, помню, был такой случай. Перед обедом большая часть запасных умоляла заведующего пунктом разрешить купить водки, говоря, что им надо опохмелиться, другие, что пища не полезет в рот без водки и т. д. Заведующий обратился ко мне по этому поводу. Принимая в соображение, что по дороге на станцию имелось три лавки с продажей водки, и опасаясь, как бы запасные, если им запретить, не ослушались, да и находя их просьбу уважительной, я решил взять на себя и, взяв слово с них, что они будут вести себя чинно, приказал открыть одну казенную винную лавку на полчаса. Запасные очень остались довольны, отлично пообедали и в большом порядке дошли до вокзала. Вообще было заметно больше беспорядков там, где во время мобилизации закрывали винные лавки, это

всегда возбуждало запасных, и они готовы были идти на эксцессы. В своем всеподданнейшем отчете я тоже указал на некоторые дефекты по вопросу о призрении семейств нижних чинов, возвращавшихся по болезни на родину, а также и о неправильных действиях некоторых воинских начальников, отправлявших раненых не прямо на родину, а этапным порядком. По прошествии некоторого времени я узнал, что все мои замечания приняты были в соображение и по Военному министерству были сделаны соответствующие распоряжения, что дало мне большое удовлетворение.

22 июня военным министром был назначен генерал-лейтенант Редигер на место генерал-адъютанта Сахарова. Генерал Редигер был несколько лет управляющим канцелярией Военного министерства, человек весьма толковый, дельный, отлично знакомый с делом, человек кабинетный, не боевой, но огромной трудоспособности, не стеснявшийся говорить правду.

Одновременно с этим была учреждена самостоятельная должность начальника Генерального Штаба с непосредственным подчинением Государю императору. В ведение начальника Генерального Штаба отошла Николаевская академия Генерального Штаба, Корпус военных топографов и мобилизационная часть. На эту должность назначен был генерал-лейтенант Палицын — человек весьма образованный, отлично знавший дело, глубоко порядочный, но без определенного характера и чересчур заискивающий. Положение его было довольно трудное, и несомненно между военным министром и начальником Генерального Штаба неминуемо должны были происходить столкновения, так как их служебные интересы слишком сталкивались, и определить точную границу роли каждого было невозможно. На деле это, конечно, отражалось вредно.

В конце июня, 28 числа, в Москве был совершен новый террористический акт. Во время приема просителей московский градоначальник граф П. П. Шувалов был ранен тремя пулями в то время, когда углубился в чтение прошения, поданного ему одним из просителей. Граф Шувалов сразу упал, потерял сознание и, не приходя в себя, умер между 2 и 3 часами дня. Тотчас прибыл генерал-губернатор А. А. Козлов, на глазах которого он и умер. Убийцей оказался слушатель Петербургского учительского института Куликовский, который был задержан в Москве несколько времени назад по обвинению в политическом преступлении и содержался в Пречистенском полицейском доме, откуда бежал несколько дней назад.

В три с половиной часа дня была первая панихида в присутствии великой княгини Елизаветы Федоровны, семьи почившего, членов московской администрации, сословных учреждений, полиции и общества. На третий день кончины состоялось отпевание тела, которое и было перевезено в Петербург для погребения в имении графа «Вартемяки».

Я в это время не был в Москве, так как ездил на короткое время

за границу, и об убийстве графа Шувалова я узнал из берлинских газет. Для меня это было большим и личным горем, так как с графом Шуваловым я был очень дружен.

29 июня последовало назначение адмирала Бирилева морским министром. Это был известный моряк, энергичный, честный, прямой, в обществе, несмотря на свои годы, был большим балагуром.

В этот же день С. Ю. Витте назначен был уполномоченным для мирных переговоров в Вашингтоне [15]. Это назначение вызвало большое оживление в печати; большинство, особенно заграничной, приветствовало этот выбор. В России мнения разбивались. Одна часть приветствовала назначение, другая часть была недовольна и старалась возбудить высшие сферы против, подрывая к Витте доверие. Во всяком случае это событие было особой важности, и все взоры обратились к предстоящим событиям в Портсмуте.

В Москву я вернулся в первых числах июля и нашел у себя следующее письмо от министра внутренних дел А. Г. Булыгина:

«Глубокоуважаемый Владимир Федорович, Вас удивит мое письмо, но, пожалуйста, не сердитесь и будьте так же откровенны со мной, как я с Вами. За последовавшей кончиной бедного Шувалова должность московского градоначальника освободилась. Как кандидата на нее я, между прочим, назвал Государю Вас, и моя мысль ему *очень* понравилась. Но я, конечно, оговорился и доложил, что совершенно не разделяю мысли о том, что служба — повинность и что всякий, кому что предложат, *обязан* принять. Я на себе чувствую, насколько это невозможно тяжело, несправедливо и т. д., и я думаю и глубоко убежден, что служба будет *возможна* лишь при *безусловно добровольном* принятии должности. Хотите быть исправляющим должность московского градоначальника? Да или нет? Это всецело зависит от Вашей доброй воли. Если да, это будет очень приятно его величеству, если почему-либо Вы не пожелаете, Ваш отказ не будет принят неблагоприятно и нисколько не повлияет на дальнейшую Вашу службу. Поступайте как Господь Бог положит Вам на сердце. Я не считаю себя вправе давать Вам какие-либо советы. Помолитесь Богу и решите, ответив мне кратко депешей, да или нет. Всей душой с Вами. Искренно преданный Вам А. Булыгин. Суббота, 2 июля 1905 г.».

Получив это письмо, я долго колебался. С одной стороны, глубоко уважая А. Г. Булыгина и тронутый его столь деликатным обращением ко мне, я не хотел ему отказывать, с другой же стороны, чисто полицейская должность, как градоначальника, была мне совсем не по душе, а в то время полной разрухи я еще опасался, справлюсь ли я. Сумею ли оправдать доверие? И вот под влиянием этих колебаний, а также и принципа, которого я держался всегда: «На службу не напрашивайся и от службы не отказывайся», я поехал в Петербург, чтоб лично поговорить с А. Г. Булыгиным.

Результатом этих переговоров было то, что я решил отказаться от

предложенной должности и вернулся в Москву. Но тут вновь сомнения овладели мною, мне показалось, что я, может быть, нечестно поступил и смалодушничал, отказавшись от боевой должности, каковой надо было тогда считать должность градоначальника. Чтобы разрешить свои сомнения, я пошел к генерал-губернатору А. А. Козлову, которого я тоже уважал. Генерал Козлов меня стал уговаривать принять должность, доказывая, что она вовсе не так сложна, как я себе представляю, и соблазнял меня той пользой, каковую я, по его мнению, несомненно принесу; при этом развернул передо мною целую программу моих будущих действий. Вернувшись от Козлова, я послал депешу А. Г. Булыгину с согласием принять должность градоначальника. В ответ на депешу я получил следующее письмо от 8 июля:

«Глубокоуважаемый Владимир Федорович, только собрался я Вам писать, как сегодня получил Вашу депешу. Сегодня утром я был с докладом в Александрии *. Все обошлось, как я Вам обещал. Ваши сомнения не только были поняты, но и очень хорошо приняты; я усиленно подчеркивал, что Вам ничего не предлагал, но лишь вел с Вами переговоры о возможности Вам предложить. Поэтому с Вашей стороны был не отказ, а лишь соображения отрицательного свойства, но тем не менее Вас очень смущает мысль, что может явиться предположение о Вашем отказе. Мне приказано Вас успокоить в этом отношении, так как ни минуты не сомневаются, что не только приказание, но и желание Вы немедленно исполните. В данном же случае ни того, ни другого нет, но конечно были бы рады, если бы моя мысль осуществилась. Очень надеюсь, что из всего вышеизложенного Вы ясно видите, что Вам мучиться не следует. Дело с назначением замедлилось, так как рождается генерал-губернатор. Кто — еще не знаю, идут переговоры с Дурново. Очевидно, градоначальник должен быть ему люб. Если Вы не раздумаете и будете настаивать на Вашем *согласии*, пожалуйста, по получении этого письма мне телеграфируйте, и тогда я Вас назову Дурново, а до получения Вашей депеши говорить о Вас не буду. Ввиду отъезда Государя мой доклад будет лишь в конце будущей недели, и время поэтому есть. Желаю всего хорошего. Крепко и сердечно преданный А. Булыгин».

Получив это письмо, я успокоился, решив, что, значит, не судьба быть мне градоначальником, и отправился к генералу Козлову сказать окончательно мое мнение. А. А. Козлов выслушал меня, обнял и расцеловал, сказав, что он очень рад, что я отказываюсь от градоначальства, так как ему было бы очень жаль меня, если бы я оказался в этой каше и неразберихе, которая происходит, что уговаривал он меня раньше только по совести, думая только о пользе

* Летняя резиденция Государя императора в Петергофе. *(Примеч. В. Ф. Джунковского)*.

дела, но любя и уважая меня как человека ему жутко было бы видеть меня на своем посту.

Не прошло и пяти дней, как 13 июля я получил вновь письмо от А. Г. Булыгина:

«Добрейший Владимир Федорович, простите, но я о Вас Дурново говорить не могу. Это не герой моего романа, Вам между ним и Треповым придется очень жутко. Мне представляется, что мой доклад в Александрии был настолько удачен, что у Вас не может быть даже и малейшего угрызения совести, а потому, мне кажется, всего лучше с этим вопросом покончить. Но вот новое Вам предложение, не столько блестящее *, но гораздо более симпатичное и серьезное. Сабуров подал в отставку. Хотите быть в Москве вице-губернатором? Правда, придется немедленно вступить в исполнение должности губернатора, так как Кристи в отпуску, но это устрашить Вас не может. На Полянского ** можете вполне надеяться. Если это Вам улыбается, то телеграфируйте мне кратко «согласен», и Ваше назначение не замедлит состояться. Как Бог все устраивает к лучшему. Мне представляется, что Вы вполне можете сохранить и трезвость ***. Примите сердечный мой привет. Буду ожидать ответа. Ваш А. Булыгин. Привет к пятнице» ****.

Получив это письмо, я был очень счастлив; эта должность была мне совсем по душе, и я тотчас послал депешу о согласии. Назначение мое состоялось 30 июля, когда вышел по сему поводу высочайший приказ.

В течение июля произошло нижеследующее событие. 10 июля произошло свидание Государя императора с императором германским Вильгельмом в Бьерке. Свидание это было большой неожиданностью не только для публики, но и для некоторых министров. Император Вильгельм прибыл на яхте «Гогенцоллерн». Свидание происходило на яхте «Полярная звезда».

15 июля генерал-адъютант Козлов, согласно усиленной его просьбе, был уволен от должности московского генерал-губернатора и на его место назначен генерал от инфантерии П. П. Дурново, но так как в то время место градоначальника было еще вакантно, то А. А. Козлов счел своею обязанностью остаться еще при исполнении дел до приезда или генерал-губернатора, или нового градоначальника, каковым вскоре после назначения П. П. Дурново был назначен генерал-майор барон Медем. Накануне приезда сего послед-

---

* Должность градоначальника была 4-го класса с содержанием 14000 руб. в год и 12.000 руб. на представительство при готовой квартире с освещением и отоплением; должность вице-губернатора 5-го класса с содержанием 5000 руб. и без квартиры. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

** Правитель канцелярии, бывший еще при Булыгине, когда он был губернатором. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

*** Имеется в виду должность председателя Московского столичного попечительства о народной трезвости.

**** 15 июля день моих именин. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

него, а именно 26 июля, А. А. Козлов, простившись со всеми членами генерал-губернаторского управления, отправился тем же порядком, как и пришел, со своей кухаркой, пешком на свою старую квартиру в номера Троицкой в конце Тверского бульвара и вскоре, не заезжая в Петербург, получив бессрочный заграничный отпуск, 2 августа выехал за границу, откуда и по сие время не возвращался. При моих поездках за границу я встречался там с А. А. Козловым, который на мой вопрос, не тяжело ли ему жить все время за границей, ответил, что в России ему было бы еще тяжелее, так как он не в силах был бы видеть весь тот хаос, среди которого жила Россия последние годы, и быть свидетелем, как она постепенно катится под гору. Ему слишком было бы это тяжело, и он предпочитает остаток дней проводить вдали от этого кошмара.

27 июля прибыл вновь назначенный градоначальник барон Медем. Это был жандармский генерал, но не специфический, так как командовал только строевыми частями: сначала Московским, а потом Петербургским жандармскими дивизионами. Последнее время он был помощником начальника штаба Отдельного корпуса жандармов. Это был недурной человек, весьма доброжелательный, старавшийся угодить населению столицы, но не отдававший себе отчета в том, что происходило вокруг, и потому все его распоряжения как-то не соответствовали переживаемой эпохе. Когда начались беспорядки, он совершенно спасовал, не выезжал из дому, и полиция не получала должных директив, кроме того, он не имел поддержки от генерал-губернатора Дурново, который его всячески третировал, несмотря на то, что он был его ставленником. Когда приехал генерал-губернатор Дубасов, Медем почти не выезжал из дому и все время болел.

30 июля я вступил в должность вице-губернатора и губернатора, так как Г. И. Кристи был в отпуску. Сабуров, сдав должность, уехал. Приняв всех чинов канцелярии и губернского правления, познакомившись с теми, с кем еще не встречался, я стал знакомиться с делами. Правителем канцелярии был А. М. Полянский, который отлично знал дело губернаторского управления и вообще был в курсе всех дел, прошедший отличную школу при А. Г. Булыгине в бытность его губернатором, а при Кристи, который не особенно любил заниматься делами, Полянский был совершенно самостоятелен и, можно сказать, управлял губернией. Он был очень умный, толковый работник, с ним было легко и приятно работать, я ему многим обязан, особенно во время беспорядков и волнений в Москве; кроме того, это был человек чуткий, угадывавший желания, и потому никаких недоразумений с ним у меня никогда не было. Впоследствии, когда я уже был назначен губернатором, вошел совершенно в курс дела и вникал во все дела сам, и роль Полянского свелась постепенно на нет, что, конечно, его не удовлетворяло. Он, как умный человек, учел это и устроил себе, благодаря своим связям, должность правителя дел в Московской купеческой управе, что

материально его хорошо обеспечивало. Я с ним расстался дружно и сохранил с ним самые лучшие отношения.

Состав чинов канцелярии был очень хороший, работа поставлена была в ней благодаря Полянскому отлично. Губернское правление оставляло желать много лучшего, так как советники были не на должной высоте, работа шла по шаблону, залежей бумаг было много. Непременные члены присутствий В. С. Ходнев, Н. Н. Полянский, А. М. Устинов, М. Н. Оловенников и М. П. Смирнов — все были безукоризненны по своей работоспособности, знакомству с делом и добросовестности. Состав полиции был в общем удовлетворительный, а в некоторых уездах — очень хороший. Тюремная инспекция имела во главе тюремным инспектором Д. В. Юферова, человека честнейшего и безукоризненного в смысле порядочности и благородства, весьма трудолюбивого и отлично знавшего дело. К сожалению, он был чересчур мелочно самолюбив, что вредило делу, он боялся сойти с пьедестала, а между тем это иногда бывало необходимо. При таком составе ближайших моих помощников я и вступил в управление губернией.

На другой день моего вступления прибыл вновь назначенный генерал-губернатор П. П. Дурново. На вокзале его встречали начальствующие лица, среди которых был и я как исправляющий должность губернатора.

П. П. Дурново было в то время 70 лет от роду, но физически он был довольно бодр. Это был очень богатый человек, но скупой, и, как многие богатые люди, страдал самодурством. К делу он не был приспособлен, хотя до этого занимал серьезные административные должности: в 70-х годах — московского губернатора, затем при графе Воронцове-Дашкове — директора Департамента уделов, в последнее время состоял гласным Петербургской городской думы и председателем ее. Человек неглупый, но заниматься делами любил только на словах и при этом всегда хвастался. Престижа не внушал, также и доверия, обращая внимание только на мелочи и на внешнюю сторону. Своим генерал-губернаторством упивался и, если можно так выразиться, хорохорился. В серьезные минуты не то что терялся, но не понимал их и не учитывал обстановки, старался брать с генерал-губернаторства то, что ему нравилось, а до всего другого ему как будто дела не было. К счастью, в мои дела как губернатора не вмешивался, предоставляя мне полную самостоятельность. В первый же день приезда он мне сказал: «Вы можете быть спокойны, я в ваши дела вмешиваться не буду, так как помню, как мне всегда было неприятно, когда в бытность мою губернатором тогдашний московский генерал-губернатор князь Долгорукий вмешивался в мои распоряжения». Зато все свое внимание обратил на градоначальника, приставал к нему с глупыми вопросами и вообще очень мешал ему заниматься делом. Его пребывание на посту генерал-губернатора было анекдотично и печально.

Прибыв в Москву, П. П. Дурново по старым традициям прямо с вокзала проехал в Иверскую часовню, откуда в Чудов монастырь поклониться праху покойного великого князя Сергея Александровича и оттуда в генерал-губернаторский дом, где состоялся завтрак, к которому были приглашены градоначальник, я и управляющий канцелярией генерал-губернатора милейший А. А. Воронин. П. П. Дурново был хлебосольным хозяином, повар у него был замечательный, а потому завтраки и обеды всегда были выдающиеся. Когда подошли к столу, П. П. Дурново попросил сесть градоначальника справа от себя, а меня слева, а потом добавил, обращаясь ко мне: «А когда вас произведут в генералы, то вы будете сидеть справа, а градоначальник слева». Я не понял тогда, шутка ли это, во всяком случае неуместная, или просто глупость. Но потом мне стала ясна эта фраза, когда я заметил, что Дурново всегда старался подчеркнуть, что должность губернатора почетнее градоначальнической; делал он это, чтоб себя самого приподнять этим, так как в свое время был губернатором в Москве. Но это постоянное неуместное подчеркивание ставило меня всегда в неловкое положение.

3 августа состоялся в генерал-губернаторском доме официальный прием всех должностных лиц всех ведомств г. Москвы. Генерал-губернатор сказал речь, в которой указал, что назначение московским генерал-губернатором ему особенно приятно, потому что он уже служил в Москве губернатором с 1872 по 1878 г., затем сказал, что ему приходится занять настоящий пост в тяжелое время, но что он надеется найти в окружающих деятельных помощников. Затем упомянул о предстоящем законе о народном представительстве и пригласил всех оказать поддержку новым начинаниям. Окончив свою речь, П. П. Дурново обходил всех присутствовавших и говорил с каждым, особенно долго беседовал с представителями городского управления, сказав, что дела городов ему особенно близки, так как он давно работает на пользу г. Петербурга как гласный. Но не со всеми он говорил так удачно. Подойдя к группе чинов Конторы императорских театров во главе с фон Боолем, П. П. Дурново спросил, имеется ли уже распоряжение о предоставлении ему императорской ложи в театрах, и узнав, что не имеется и что для генерал-губернатора имеется ложа № 1 в бенуаре, Дурново сказал, что князь Долгоруков всегда сидел в царской ложе, и если они хотят его видеть в театре, то пусть устраивают ему царскую ложу, в другую он не поедет. Это произвело на присутствующих очень невыгодное впечатление.

Московская губернская земская управа, председателем коей был в то время Ф. А. Головин, не явилась на прием генерал-губернатора, не считая для себя достаточным полученную ею повестку о предстоящем приеме, полагая этим показать самостоятельность, во всяком случае неуместную, и обособленность от всех других ведомств и сословных учреждений. Конечно, генерал-губернатора это покороби-

ло, а мне как губернатору было очень неприятно. Я позвонил по телефону к Ф. А. Головину и высказал ему всю по меньшей мере некорректность управы и его в том числе, на что он мне пробормотал какие-то слова сожаления, что случилось недоразумение и т. п.

Прием губернской управы состоялся отдельно 5 августа в составе председателя Ф. А. Головина и членов Н. М. Хмелева и Е. Д. Артынова. Генерал-губернатор, расспросив их о положении земских дел в губернии, спросил между прочим, какие газеты они читают; они были, конечно, очень удивлены подобным вопросом. Ф. А. Головин ничего не ответил, а Н. М. Хмелев сказал: «Русские ведомости» [16], на что Дурново заметил: «А «Московские ведомости» [17]? Это тоже хорошая газета, я вам советую и ее почитать».

6 августа был издан манифест по поводу учреждения Государственной Думы. В манифесте установлены были и пояснены те начала, на которых была организована Государственная Дума и которые регламентировали ее права и обязанности. Основные начала нашей политической жизни признаны были в манифесте «неразрывным единением царя с народом и народа с царем» и должны были выразиться «согласием и единением царя с народом». Этому придавалось в манифесте большое значение и говорилось, что это «великая нравственная сила». Для достижения этой цели и учреждалась Государственная Дума.

В Учреждении Государственной Думы определенно было установлено как назначение Думы, так и форма единения и общения верховной власти с народом: «Ныне настало время... призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение государственной росписи доходов и расходов». Основания для такого порядка указаны были в 1 статье Учреждения Государственной Думы: «Государственная Дума учреждается для предварительной разработки и обсуждения законодательных предположений, восходящих по силе Основных законов через Государственный Совет к верховной самодержавной власти». Далее было высказано, что Учреждение Государственной Думы подлежит дальнейшему усовершенствованию: «Мы сохраняем всецело за собой заботу о дальнейшем усовершенствовании Учреждения Государственной Думы, и когда жизнь сама укажет необходимость тех изменений в ее Учреждении, кои удовлетворяли бы вполне потребности времени и благу государственному, не преминем дать по сему предмету соответствующие в свое время указания».

7 августа в Москве был обнародован манифест, прочитанный в Успенском соборе митрополитом Владимиром после торжествен-

ного богослужения. Митрополит произнес прочувствованное слово и приглашал всех помолиться, чтобы новое учреждение выполнило бы с честью свои обязанности и внесло бы мир и покой. Во всех сословных учреждениях были совершены молебствия и назначены чрезвычайные собрания.

Учреждение Государственной Думы обсуждалось во всех уголках России и хотя и было приветствуемо, но далеко не удовлетворило общество. Общество сочло себя обездоленным и неудовлетворенным, найдя права, вообще предоставляемые Государственной Думе, крайне обуженными и признавая круг лиц, имевших право на политические выборы, урезанным. Но главное, не нравилось, что Дума в области составления законов являлась только законосовещательной. Надо думать, что русское общество вполне бы примирилось на законосовещательной Думе и избирательном законе 6 августа раньше, когда еще верило в готовность правительства дать неотложные преобразования и считало, что правительство вооружено всевластием и что от доброй воли его зависит, дать преобразования или не дать; но 6 августа 1905 г. такой уверенности уже не было, значение и сила правительства были умалены, государственная власть колебалась, ставила себя в зависимость от впечатлений, моментами закрывая глаза на действительную опасность, а потому могла только поощрять рост оппозиционного и революционного движения.

Революционно настроенные группы стали собираться для обсуждения мер, кои надлежит им принять в противовес манифесту. Получены были сведения, что в тот же вечер, когда опубликован был манифест, т. е. 7-го, будут сходки в разных местах, преимущественно на окраинах. Вследствие сего были мной отправлены по разным направлениям разъезды по 5 человек от 34-го Донского казачьего полка, находившегося в моем распоряжении. Один из таких разъездов наткнулся в Баулинском лесу близ 10-й версты Владимирского шоссе на засаду, причем один из казаков был убит. Мне дали знать об этом по телефону с прибавлением, что казачья сотня в большом возбуждении, а кругом несколько тысяч народа. Отдав распоряжение успокоить казаков, я поехал тотчас сам на место происшествия. Оказалось, что казачий разъезд из 5 казаков заметил в лесу группу людей и вместо того, чтобы сообщить об этом сотне, подъехал к лесу сам. Из кустов в это время грянуло несколько залпов, один казак, Сухоруков, был убит, другие растерялись. Когда на выстрелы подоспела сотня, то было уже поздно, преступники скрылись. Это были члены Боевой организации революционной партии. Удалось арестовать только двоих, при них найдены были револьверы. Мое появление подействовало успокаивающе как на казаков, так и на рабочих окрестных фабрик, которые были возмущены и просили меня разрешить им в следующее воскресенье сделать облаву на эту шайку, которая только тревожит их покой.

Потребовав священника и отслужив панихиду, я поехал домой. 10 августа состоялось торжественное отпевание и погребение первой жертвы долга после моего вступления в исполнение должности губернатора.

16 августа телеграф принес радостное известие о заключении мира с Японией. Мирные переговоры в Портсмуте окончились для России, можно сказать, вполне благоприятно, мир был не унизительный. С. Ю. Витте пожаловано было графское достоинство.

24 августа последовал высочайший рескрипт на имя великого князя Михаила Николаевича об увольнении его от председательства в Государственном Совете с назначением его почетным председателем.

25 августа через Москву проезжал шах персидский Музафер-Эдин в сопровождении двух персидских принцев и свиты. На вокзале был выставлен почетный караул от Лейб-гвардии Екатеринославского полка и были начальствующие лица. Шах принимал отдельно у себя в вагоне генерал-губернатора П. П. Дурново, командующего войсками генерала Малахова, градоначальника, меня и городского голову князя Голицына, поднесшего шаху хлеб-соль от Москвы. Приняв нас всех, шах вышел из вагона и обходил караул, причем за него с караулом здоровался состоявший при нем Свиты генерал-майор Николаев; он же и благодарил после прохождения караула мимо шаха. Я провожал шаха до границы Московской губернии.

27 августа опубликован был указ Сенату, устанавливающий временные правила для управления университетами на началах автономии [18]. Авторами этого указа, к удивлению публики, были Трепов и Глазов (министр народного просвещения). Автономия признавалась ими как главнейший способ для умиротворения непрекращающихся годами волнений в высших учебных заведениях и необходимой для придания академической жизни правильного и спокойного течения. Они и не подозревали, что играли в руку революции и подрубали сук, на котором сами сидели. Действительно, автономия была самочинно истолкована студенчеством не в смысле самостоятельного обсуждения академических и научных вопросов, а в смысле бесконтрольной свободы по доступу в учебные заведения лиц, ничего общего с научной деятельностью не имевших, но привлекавшихся в целях политической агитации. И вот во всех высших учебных заведениях большинство студенчества высказалось за обращение аудиторий в революционные очаги и в политическую школу, привлекая туда широкие массы и подготовляя их к совместному выступлению с целью свержения самодержавия до учреждения демократической республики включительно. В течение полутора месяцев представители революционных организаций под сенью автономной неприкосновенности учебных заведений открыто призывали к социальной революции. Советы университетов неоднократно

обращались к правительству о закрытии аудиторий учебных заведений для митингов, но правительство вплоть до указа 12 октября о нормировке народных собраний ничего не предпринимало для урегулирования вопроса о митингах.

В течение августа месяца я ездил на несколько дней в Петербург представляться Государю по случаю моего назначения и был принят более чем милостиво; Государь выразил большое свое удовлетворение, видя меня вице-губернатором. Заезжал я между прочим и к Трепову, с которым был в хороших личных отношениях, застал его у громадного стола, на котором лежала груда бумаг, донесений с его аккуратными как всегда резолюциями. Когда я его спросил, что это у него такая масса бумаг, он мне сказал: «Все ругаюсь со всеми губернаторами».

В скором времени я и на себе испытал эту руготню. Департамент полиции возвратил мне одно из моих донесений Трепову при сопроводительной бумаге: «Препровождается с резолюцией его превосходительства», а резолюция на моем донесении, по моему адресу, была: «Какое безобразие». Я был глубоко этим возмущен и написал собственноручно на бумаге Департамента: «Возвращаю, как по ошибке мне посланную», приказав отправителю моей канцелярии отослать эту бумагу обратно в Департамент. После этого я уже не получал таких бумаг.

В конце августа возвратился из отпуска губернатор Кристи и вступил в должность, а я обратился к своим обязанностям вице-губернатора, стал ближе знакомиться с делами губернского правления, после чего в сентябре уезжал дней на 10 отдохнуть в Крым и вернулся в середине месяца. Кристи тогда тотчас же уехал в деревню, а я опять вступил в исправление должности губернатора.

В это время среди части гласных Московской городской думы царило весьма оппозиционное настроение, и в заседаниях думы стали произноситься речи с революционным оттенком. Эти речи в сентябре месяце были вызваны расквартированием в Москве 34-го Донского казачьего полка, который был прислан в Москву в распоряжение губернатора. Это был второочередной полк, каких было сформировано несколько, и все они предназначались в помощь полиции, ввиду повторявшихся беспорядков.

Гласные Московской городской думы В. В. Пржевальский, Н. Н. Щепкин и граф С. Л. Толстой воспользовались этим, чтобы облить казаков грязью, высказываясь за отказ в отводе помещения и требуя даже удаления их из города как вредного элемента. Им возражали гласные А. П. Геннерт и А. С. Шмаков. Пока в думе шли дебаты, вернее сводились личные счеты, ни в чем не повинные казаки, которых оторвали от семей и направили в Москву для несения нелегкой полицейской службы по охранению порядка, валялись на голом полу в казармах, а лошади мокли на плацу под проливным дождем.

К октябрю месяцу в воздухе чувствовалось определенно революционное настроение, чувствовалось, что правительство как будто было бессильно воспрепятствовать развитию этого настроения и вызванного им движения, тем более что этому движению особенно благоприятствовало отсутствие в Европейской России сколько-нибудь внушительной военной силы. И Россия была прямо оголена от войск, и при возникновении беспорядков местные административные власти оказывались совершенно без рук.

А в Москве генерал-губернатор П. П. Дурново не отдавал себе отчета в том, что происходит, а может быть, и не хотел отдавать себе отчета и делал вид, будто это вовсе не сознательно нарождающийся переворот. Он продолжал заниматься глупостями, мешал градоначальнику работать разными неуместными вопросами, как, например, звонил ему по телефону, спрашивая, почему околоточные ходят с портфелями, затем, вернувшись с какой-нибудь поездки по городу, звонил опять и проверял градоначальника, знает ли он, доложено ли ему из участков, по каким улицам он проехал и т. д.

Градоначальник изводился, раздражался. Раз был такой случай. Группа забастовщиков-телеграфистов явилась на телеграф в дом генерал-губернатора и, переломав аппараты, безнаказанно скрылась. И это тогда, когда во дворе дома генерал-губернатора стоял эскадрон драгун для охраны. Генерал-губернатор позвонил мне по телефону и просил меня приехать. Когда я приехал, П. П. Дурново мне рассказал об этом случае, я, естественно, спросил его: «А градоначальник?» Дурново на это: «Я ему говорил, а он сказал, что разговаривать со мной не хочет, поезжайте, пожалуйста, к нему, — прибавил он, — и скажите, что так нельзя, чтоб он принял меры».

Я отказался от такой роли и сказал Дурново, чтобы он командировал для сего управляющего своей канцелярией или чиновника особых поручений. Тогда Дурново решил отправить к градоначальнику управляющего канцелярией А. А. Воронина, но при этом просил очень и меня поехать вместе с ним. Мы застали градоначальника вне себя. Он и нам повторил, что с генерал-губернатором разговаривать не желает, что он его третирует и отдает распоряжения, ничего общего со службой не имеющие, что вчера он ему по телефону приказал поехать на вокзал встретить знакомую балерину и устроить ее в гостинице, что он не лакей генерал-губернатора, а градоначальник. После долгих увещаний мы добились, что градоначальник примет должные меры, а мы убедим генерал-губернатора быть корректнее. С того дня отношения между Дурново и Медемом остались натянутыми до самого ухода Дурново.

3 октября в Москве состоялись похороны князя С. П. Трубецкого, первого ректора автономного Московского университета. Левые группы воспользовались этим случаем, а к ним присоединились и революционеры, чтоб произвести демонстрации и бес-

порядки. Каждый день приносил вести о каких-нибудь беспорядках и забастовках.

3 октября на митинге в Военно-медицинской академии в Петербурге рабочими был решен вопрос о политической всеобщей забастовке, после чего забастовка начала охватывать всю железнодорожную сеть [19]. Забастовочное движение начало приостанавливать работу на фабриках, заводах, остановились трамваи, конки, стачка широкой волной охватила всю Россию.

К 10 октября в Москве забастовка была уже в полном разгаре, она не коснулась только служащих в правительственных учреждениях, а также и учреждениях Попечительства о народной трезвости, которые продолжали функционировать без перерыва. Была попытка снимать служащих с работы в народных домах, но личным моим вмешательством эта попытка была тотчас парализована.

Опасаясь за водопроводные сооружения, я командировал воинские части для охраны водопроводов. Москва в то время снабжалась водой из двух водоемов — Мытищинского и Рублевского. Оба приблизительно в 20 верстах от Москвы, но в противоположных сторонах друг от друга, поэтому для охранения целости этих сооружений приходилось, помимо пехотных частей на станциях, держать еще непрерывные конные разъезды по всей линии водопроводных сетей. 11 и 12 октября я ездил в Рублево и Мытищи, объехав всю водопроводную сеть и лично дав соответствующие указания полиции и начальникам войсковых частей.

11 октября в городской думе обсуждалось заявление Рабочего правления [20], в котором рабочие городских сооружений предъявили ряд требований политического характера под маской экономических. Делегат от рабочих С. С. Красников, допущенный в зал заседания вместе с другими семью делегатами, держал себя очень вызывающе и доминировал над всеми гласными, которые, по-видимому, растерялись, и из речей их видно было, что они сами не знают, чего хотят, что ведут политику так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, а это, конечно, политика самая фальшивая, и никогда она до добра не доводила. С. А. Муромцев, один из всех, сказал определенно то, что думал; он посмотрел на поднятые вопросы, не задумываясь, и решил их одним предложением — «только конституция может умиротворить и успокоить, и потому надлежит ее требовать». В конце концов заседание 11 октября ни к чему не пришло, делегат же от рабочих Красников в заключение заседания огласил воззвание от лица Рабочего правления в угрожающем тоне по адресу городской управы. И как бы в ответ на это дума по предложению гласного Н. Н. Щепкина, закрывая собрание, выразила благодарность делегатам рабочих за то, что «они терпеливо разделяли с гласными сегодняшнюю работу».

12 октября толпа агитаторов из рабочих, между которыми, конечно, были и посторонние, ворвалась в думу и заставила прекра-

тить занятия и собраться всем служащим в думском зале, где открыла заседание, выбрав председателем одного из своих главарей, И. О. Горностаева, который и занял место городского головы. Только обещание городского головы князя Голицына, что им всем разрешено собрание на другой день, т. е. 13 октября, заставило благоразумную часть служащих показать пример и удалиться из зала.

В это время князь Павел Долгоруков, пользуясь своим председательством в Обществе вспомоществования учащимся в земских училищах Рузского уезда, вел определенную пропаганду среди уезда через врача земской больницы Оржанникова и санитарного врача Скаткина, которые снабжались от него инструкциями. Последствием сего, собрание предводителей дворянства Московской губернии, обсудив характер участия князя Долгорукова в современном политическом движении и выслушав князя Долгорукова, обратилось к нему с коллективным письмом, в котором было высказано, что, к величайшему сожалению, они вынесли из беседы с ним то убеждение, что смущавшие их слухи об участии его в современном политическом движении по существу оказались справедливыми. Далее в письме говорилось: «Хотя мы готовы верить, что Вы не принадлежите непосредственно к революционной партии, однако мы видим, что Вы не только слишком легко относитесь к явной революционной пропаганде среди крестьян Рузского уезда, но находите возможным поддерживать близкие сношения с лицами, которые ведут ее. Такой образ действий, с Вашей стороны, вследствие Вашего общественного и служебного положения не мог не получить широкой огласки и не быть истолкованным в смысле сочувствия пропаганде; и действительно, народная молва не замедлила тесно связать Ваше имя с революционным движением. Допуская вполне различие во взглядах и убеждениях и признавая полную свободу мнений, мы в то же время считаем, что государственная служба, и особенно служба в должности предводителя дворянства, налагает безусловную обязанность строго устраняться от каких бы то ни было действий, могущих колебать власть и направленных, хотя бы и косвенными путями, против законного порядка. Между тем Вы, по нашему мнению, своею деятельностью и влиянием в Рузском уезде именно и оказывали такую косвенную поддержку революционному движению. Будучи уверены, что Вы в данном случае поступали вполне сознательно, и находя, что такой образ действий несовместим с занимаемой Вами должностью, мы, Ваши товарищи, как это нам ни тяжело, не можем не выразить Вам полного осуждения. Князь П. Трубецкой, П. Базилевский, граф Олсуфьев, граф Павел Шереметев, А. Шлиппе, барон В. Шеппинг, П. Рюмин, А. Катков, А. Пушкин, А. Варженевский, А. Самарин, князь В. Голицын, князь С. Мещерский».

В ответ на это письмо князь П. Д. Долгоруков прислал на имя князя Трубецкого нижеследующее письмо:

«Милостивый Государь князь Петр Николаевич, из Вашего коллективного письма я вижу, что в основу Вашего осуждения меня Вы ставите «слухи, распространившиеся среди лиц разных кругов» и «народную молву, тесно связывающую мое имя с революционным движением». Опровергнув в беседе с Вами приведенные Вами фальшивые слухи и злостные сплетни обо мне, я, казалось бы, привел достаточно доказательств неправильности Ваших подозрений и склонности Вашей видеть в моих поступках действия, направленные «против законного порядка». Но очевидно, я своим объяснением не рассеял Ваших опасений и подозрений, слухи и молва остались для Вас «в сущности справедливыми», и Вы удостоили оказать мне доверие лишь в том, что «Вы готовы верить, что я не принадлежу непосредственно к революционным партиям». И это после того, что один из Вас, выслушав мои возражения во время нашей беседы, отбросил все слухи и неверные газетные сведения и поставил вопрос совсем иначе, а именно о возможности совмещать должность предводителя дворянства с участием в Конституционно-демократической партии [21]. Такая постановка вопроса, основанная на конкретных фактах, мне еще несколько понятна. Но к моему удивлению, Вы снова возвращаетесь в письме к первоначальной постановке вопроса, к слухам, народной молве и к близким сношениям моим с лицами, «ведущими революционную пропаганду». Я действительно подтверждаю Вам, что не прекращал сношений с ранее знакомыми мне в уезде лицами, причастными к Крестьянскому союзу [22]. Но какое Вы имеете право судить о частных моих знакомствах и отношениях к незнакомым Вам лицам, совершенно притом искажая характер этих отношений. Вы столько же имеете право вмешиваться в частные мои знакомства и отношения, сколько и я в Ваши. Вмешиваясь в эти отношения, Вы впадаете в грубую ошибку и приписываете мне революционные действия, из предвзятости ли Вашей, из политической ли нетерпимости, Вы склонны поверить в содействие революционным поступкам. Я энергично доказываю Вам необоснованность подобных суждений, и если понадобится, могу привести еще веские доказательства Ваших заблуждений. Объясняю Ваше заблуждение разгаром политических страстей и уверен, что через некоторое время, когда Вы будете в состоянии судить хладнокровно, Вы сами пожалеете о столь же категорическом, сколько необоснованном осуждении. Поэтому я, с своей стороны, воздерживаюсь от осуждения Вас, но должен настаивать, что Ваше осуждение меня само собой налагает на Вас тяжелую нравственную ответственность, так как утверждение Ваше, что я не устранился от «действий, могущих колебать власть, направленных, хотя бы косвенными путями, против законного порядка», столь же тяжелое обвинение, сколь неверное. Охотно верю, что Вам тяжело было выражать мне осуждение. Осуждающему в данном случае, конечно, тяжелее, чем осуждаемому. Имея со своей стороны гораздо больше оснований осуж-

дать Вас, я ограничусь выражением моего искреннего сожаления, что в разгаре политических страстей Вы обнаружили такое отсутствие объективности и нетерпимость к чуждым Вам политическим взглядам. Князь Павел Долгоруков».

13 октября состоялось обещанное князем Голицыным общее собрание служащих городской думы под председательством статистика В. Г. Михайловского, вынесшее ряд требований политического характера. Когда же произошло разногласие по поводу того, когда начать забастовку, сейчас или после 17 октября, то большинство крайних левых выбрало нового председателя, отставного генерал-майора Аверьянова, и под его председательством вопрос о немедленной общей забастовке прошел единодушно, не исключая больниц и водопровода. Таким образом, малодушие городского головы князя Голицына ускорило то бедствие, которое пало, главным образом, на неимущее население столицы, когда Москва осталась без воды, а больные в больницах были брошены на произвол судьбы.

14 октября встревоженная городская управа созвала чрезвычайное заседание городской думы по поводу объявленной Рабочим правлением забастовки в больницах и на водопроводе. Гласный Н. Н. Щепкин предложил для пользы дела присутствие на заседании председателя Рабочего правления Красникова, собственно инициатора забастовки, кому два дня перед тем дума, по предложению того же Щепкина, выразила благодарность.

Городские инженеры и архитекторы, как оказалось, присоединились к забастовке, а без них, по мнению управы, возобновить действие водопровода невозможно. Гласный А. И. Гучков сказал, что забастовка на политической почве — это покушение с негодными средствами, что политические забастовщики совершают тягчайшее преступление — они покушаются на жизнь и здоровье населения. Политическая забастовка — это позорное и грязное пятно в освободительном движении; пройдет угар через несколько дней, и забастовщикам будет стыдно. В городских больницах не дают лекарств, по логике забастовщиков лекарства могут готовить только для больных, находящихся при смерти. Забастовка водопроводных служащих и фармацевтов — это грязное пятно в истории русской жизни. От бездействия водопровода будет страдать, главным образом, бедный люд, богатые и гласные думы будут иметь воду, но горе бедняку. В действиях забастовщиков А. И. Гучков усматривал проявление коллективного психоза, охватившего русское общество. Гласный П. М. Калашников, соглашаясь с Гучковым, говорил, что забастовки бы не было, если б некоторые из гласных не возбуждали бы ее своими действиями.

Защитником забастовщиков явился гласный М. В. Челноков, который сказал целую речь в их защиту, сочувствуя политической забастовке. С. А. Левицкий стал тоже на сторону забастовщиков

Водонапорная башня у Крестовской заставы

и находил нужным войти в соглашение с забастовщиками, опасаясь, что если соглашение не будет достигнуто, то стачка будет иметь обратное значение и политическая забастовка не достигнет цели.

А. И. Гучков, возражая, удивлялся, как можно сочувствовать и оправдывать лиц, каторые чужим здоровьем, чужой жизнью хотят добиться своего благополучия, требуя одновременно, чтоб им выдавали жалованье и нанимали жилые квартиры в то время, когда кругом бедные будут умирать от голода и холода. Главный врач Морозовской детской больницы Н. Н. Алексеев изобразил тот ужас, в каком находилась больница вследствие отсутствия воды, освещения, канализации.

Дума, выслушав все это, постановила отправить немедленно депутатов в университет на митинг рабочих и просить их стать на работу, но они вскоре вернулись оттуда, освистанные, с вынесенной им резолюцией о передаче думой всей власти революционному комитету.

15 октября продолжалось заседание думы под председательством уже Д. Д. Дувакина, так как князь Голицын совершенно растерялся, сделался невменяем. Открывая заседание, он сказал такую растерянную речь, что гласные в лице Н. М. Кишкина сами предложили ему оставить председательство. «Не найдете ли вы возможным, князь, передать председательство другому лицу? Вы очень больны, говорю как врач», — сказал Кишкин. Князь Голицын ответил: «Я очень благодарен любезным словам Николая Михайловича, который в качестве специалиста удостоверил вас о том состоянии, в котором я нахожусь. Я скажу откровенно, что сознаю себя разрушающимся в настоящую минуту и председательствовать не могу. Если вы, мои друзья, а я всех вас считаю друзьями, считаете меня неспособным нести эти обязанности, я с охотой сложу их, потому что обстоятельства сильнее меня, и обстоятельств этих я, может быть по старости лет, больше не понимаю».

Гласные Н. М. Кишкин, Н. Н. Щепкин и М. С. Зернов полагали необходимым войти в соглашение и переговоры с «Союзом союзов» [23], гласный же К. А. Казначеев находил, что не следует, а надо постараться самим восстановить действие водопровода и заняться практическими вопросами.

В этом заседании присутствовал Н. П. Зимин, строитель водопровода, к нему и обратились гласные, прося пособить горю и помочь пустить водопровод. Но Зимин не согласился, согласился только войти в переговоры с инженерами и рабочими и склонить их стать на работу. Делегаты от рабочих согласились пустить воду, но при непременном условии, чтобы водопровод был передан в их полное распоряжение, чтобы военная охрана была снята, но и при этом рабочие не гарантировали беспрерывную работу водопровода. Таким образом, соглашения не последовало.

Вечером 15 октября по возобновлении заседания в собрание были допущены члены Комитета по урегулированию забастовки, которые предложили пригласить товарищей немедленно приступить к работам, но с тем, чтобы в случае репрессий к бастующим рабочим и населению немедленно остановить водопровод.

На это дума постановила: 1. Принять эти заявления к сведению. 2. Допустить рабочих к работам по водопроводу. 3. Ассигновать три тысячи рублей на помощь семьям забастовавших. Это постановление явилось уже запоздавшим — на станции уже работали саперы и нанятые мной специалисты, и, во всяком случае, я на такое не гарантирующее предложение согласиться бы не мог.

В то же заседание внесено было заявление революционного характера 12 гласных: Н. Щепкина, А. Голикова, Н. Кишкина, П. Столповского, А. Шамшина, Н. Шустова, Г. Мейнгардта, В. Астрова, Н. Лазарева, В. Пржевальского, С. Протопопова и А. Бурханского об организации Комитета общественной безопасности: 1) для защиты освободительного движения и достигнутых уже им результатов от великих опасностей, ему угрожающих и впредь угрожать ему могущих, откуда бы таковые ни исходили; 2) для обеспечения свободы совещаний и собраний, с мирными целями происходящих; 3) для защиты неприкосновенности личности, жилищ и имущества московских граждан; 4) для обеспечения правильного и беспрерывного удовлетворения их насущнейших потребностей в продовольствии, чистой воде, освещении, отоплении и врачебной помощи... и т. д., в последнем пункте предлагалось немедленно приступить к организации городской милиции, а городской управе открыть соответствующий кредит.

Пока в городской думе разговаривали, спорили, вносили заявления, я принимал необходимые меры к возобновлению водопровода. Все 14 число я посвятил приисканию рабочих специалистов, съездив предварительно на Рублевскую станцию узнать, каких и сколько надо рабочих. Оказалось, что для Рублевской станции надо 33 специалиста, для Мытищ — 19 и для Александровской водокачки — 11. К вечеру выяснилось, что на другой же день я могу иметь около 40 человек от саперных частей и от электрической станции дворцового ведомства. Затем благодаря инженеру Рублевской станции я узнал, что у Бромлея на фабрике имеется инженер, хорошо знакомый с Рублевской станцией. Я лично поехал к нему, чтобы уговорить его помочь делу. Он согласился под условием, что я его туда доставлю в карете и никто не будет знать, что он поехал. Когда у меня все это наметилось, то я приехал в думу и объявил, что водопровод будет пущен мерами администрации. К моему заявлению отнеслись весьма скептически, но потом, видя мое твердое решение, дали нужные мне необходимые данные. Все мои посещения думы обставлялись всегда так, чтобы кто-нибудь из Рабочего правления не увидел, что со мной разговаривают. Когда я потребо-

вал от городского головы открытые листы для моих инженеров для свободного доступа ко всем сооружениям водопровода, то мне их выдали за подписью князя Голицына, но без номера и без печати и скрепы секретаря. Все время я имел дело с членом управы В. Ф. Малининым и должен отдать ему справедливость, он шел навстречу всем моим требованиям и желаниям, одно только — он боялся ко мне приходить днем и появлялся поздно вечером или ночью, когда он мог пройти незаметно.

15 утром я собрал у себя совещание инженеров и саперов, и по обсуждении всех данных было решено: 1) принять в свое ведение Рублевскую насосную станцию и возобновить в ней действия; 2) принять в свое ведение городскую водопроводную сеть и наблюсти за правильным ее функционированием. Что касается Мытищинской станции, то решено было ее пока оставить, так как количество ведер, которые могла давать Рублевская станция, было достаточно для населения при нормальных условиях, а справиться с двумя станциями было трудно.

Для выполнения первой задачи тотчас после заседания выехали в Рублево военные инженеры капитан Стерлигов и штабс-капитан Навережский, техник дворцового ведомства капитан Колонтаев, инженер завода Бромлея, машинисты и слесаря от дворцового ведомства и 6 машинистов и слесарей от саперов. В их ведение поступили 1) Рублевская насосная станция со всеми устройствами (рабочие были изолированы, и им за цепь воинской охраны запрещено было выходить); и 2) водопровод из Рублева к Воробьевскому напорному резервуару.

Для выполнения второй задачи назначен был инженер-капитан Керков, в его ведение поступили Воробьевский напорный резервуар и городская водопроводная сеть. В помощь ему было дано 6 саперов из бывших слесарей. Предстояло с таким ничтожным числом рабочих принять городскую водопроводную станцию с ее чертежами и документами, могущими оказаться полезными при возобновлении действий водопровода; осмотреть Воробьевский резервуар, убедиться в его исправности и что задвижки на водопроводе из резервуара в Москву отперты, поставить воздушники в высоких местах сети для выпуска из нее воздуха; открыть задвижку у Краснохолмского моста, где соединяется Рублевский водопровод с Мытищинским, и в случае порчи городской сети немедленно исключать задвижки неисправных частей сети, приступая в то же время к их исправлению. Все это требовалось сделать немедленно, чтобы к ночи пустить воду. Труд был нелегкий, и я очень волновался, справятся ли командированные мною чины с таким сложным специальным делом.

Первое донесение я получил в тот же день к вечеру от капитана Колонтаева, которому было поручено принять всю станцию со всеми сооружениями. Заведующий Рублевской станцией инженер Бирюков и его помощник наотрез отказались помочь указаниями для

пуска машин, ссылаясь на угрозы рабочих их убить. Пары́ в котлах и электрическое освещение удалось дать уже в четыре с половиной часа дня 15 октября. Паровые котлы и паровые машины, а также и холодильники оказались в некоторых скрытых деталях разобранными, что было весьма искусно замаскировано. Несмотря на это, благодаря инженеру завода Бромлея, удалось все это восстановить, но это задержало пуск воды на несколько часов. Кроме того, машины плохо шли, оказалось, что отсутствовали болтики в катарактах, они были найдены в одном из ящиков, после чего машины стали работать исправно.

Рабочие Рублевской станции смотрели в это время из своих казарм и, как говорят, были вполне уверены, что без них не удастся пустить воду, но когда вечером 15-го сразу вся станция осветилась электричеством и запылали и дуговые фонари, осветив всю окружающую местность, они упали духом. В 5 часов утра на другой день вода показалась в Воробьевском резервуаре, откуда мне и сообщили по телефону. Я вздохнул свободно, а то всю ночь, получая телефонные сведения, что работа не ладится, был очень встревожен.

Сначала вода стала подаваться со скоростью по 1 200 000 ведер в сутки, так как машины еще неровно работали. 16 октября целый день вода подавалась уже по 1 500 000 ведер, что составляло около 3/4 обычно подаваемого количества воды. В этот же день пришлось заняться чисткой всех фильтров.

Вечером 16-го состоялось собрание рабочих, на которое был приглашен заведующий станцией. Рабочие просили заведующего о допущении их к работам. Я наотрез отказал им в этом. 16 числа, после того как появилась в городе вода из Рублевского водопровода, рабочие Мытищинской станции и Алексеевской водокачки стали на работу сами.

В этот день вечером в заседании думы было оглашено заявление: «Постановление комиссии по урегулированию забастовки о прекращении забастовки в водопроводе приведено в исполнение на Алексеевской водокачке и в Мытищах, что же касается Рублева, то работающие там саперы воды пустить не могут, а рабочие не станут на работу до снятия саперов. Поэтому комиссия считает необходимым настаивать на том, чтобы военная сила, как саперы, так и войска, были удалены из помещений в Рублеве, а также и из Алексеевской водокачки, а равно и полиция должна быть удалена из всех водопроводных сооружений. Вместе с тем комиссия требует немедленного освобождения двух товарищей рабочих, арестованных 15 числа, — Конькова и Ефимова. При неудовлетворении этих требований забастовка на водопроводе возобновится». (Арестованные мной освобождены не были, и войска охраняли водопроводы еще долгое время.)

17 октября я посетил Рублевскую станцию, осмотрел все работы, поблагодарил инженеров, саперов и рабочих, которые действитель-

но, не зная отдыха, самоотверженно работали с полным сознанием важности положения дела. Рабочие станции просили меня их принять для подачи заявления о готовности прекратить забастовку. Я принял делегатов и заявил им, что допущу их только тогда, когда мне будут даны гарантии, что дальнейших забастовок не будет. Рабочие ответили, что гарантии без разрешения Рабочего правления дать не могут. Я им посоветовал обсудить обстоятельства и то положение, в которое их поставило Рабочее правление, а что мне для работ они не нужны.

18 октября работа была уже вполне урегулирована, фильтры были вычищены, и подача воды была нормальная, около 3 000 000 ведер. Вечером этого дня рабочие были у меня в Москве и представили необходимые гарантии. Я им разрешил встать на работу на другой день в 10 часов утра. Машины работали настолько уже хорошо, что к 9 часам утра в Воробьевском резервуаре запас воды достиг 330 000 ведер. 19 числа в 10 часов утра я был на Рублевской станции; отслужен был молебен, после чего мои рабочие были заменены городскими.

Так окончилась грустная эпопея забастовки водопровода. Рабочие были очень довольны встать на работу, но были и сконфужены. Я оставался на станции, пока не уехали мои рабочие, тогда я вновь обошел всю станцию уже в сопровождении заведующего городского инженера. Капитану Стерлигову я поручил сдать все по описи, а городскому инженеру Бирюкову принять и составить акт с перечислением поломанных и испорченных частей за время работы саперов. По оценке оказалось попорченных частей на сумму 70 руб., каковая сумма и внесена была мной в кассу городской управы.

Подробный доклад военных инженеров был препровожден мною в городскую думу для сведения. Об этом городским головой было доложено в заседании 1 ноября, и дума постановила выразить благодарность за энергичное участие в деле восстановления Рублевского водопровода мне, инженерам и всем участвовавшим и ассигновать 1000 руб. в мое распоряжение для раздачи работавшим по моему усмотрению.

Это не помешало «Русским ведомостям» год спустя восстановление водопровода поставить в заслугу М. Я. Герценштейну, указав, что только благодаря его усилиям Москва в прошлом году не осталась без воды и избегла бедствия. Такое ложное известие было тотчас же опровергнуто в газетах некоторыми гласными.

Пока я занимался обеспечением снабжения Москвы водой, в городской думе все время происходили дебаты на политические темы. Гласные, можно сказать, потеряли голову и говорили иногда такие абсурды, как, например, В. В. Пржевальский в ответ на заявление С. В. Пучкова: заведовавший Александровской больницей, где имелась Пастеровская станция, врач С. В. Пучков заявил о невозможности работать вследствие забастовки газового завода, так что

пришлось прекратить действие Пастеровской станции, так как все аппараты — стерилизаторы и термостаты — нагреваются газом. На это В. В. Пржевальский заявил: «Факты, которые приводит Сергей Васильевич, не могут не затронуть сердца гласных, но больница Александровская — казенная, а не городская, и при таких условиях данное явление должно быть устроено мерами Министерства внутренних дел. Это характерный образчик равнодушия правительственной администрации к нуждам населения. Если газ, который нужен для нагревания термостатов, отсутствует, они могут поставить динамо-машины или устроить иным путем. И из этого надо констатировать два факта: 1) печальное положение больных; 2) полнейший индифферентизм Министерства внутренних дел к нуждам граждан».

17 октября в заседании думы опять некоторыми гласными, не желавшими примириться с мыслью, что администрации удалось пустить воду из Рублевского водопровода, подняты были дебаты по поводу объявления градоначальника, напечатанного в газетах: «Путем особых мер, принятых администрацией, без содействия городских рабочих, отказывавшихся работать, вчера удалось возобновить снабжение водой из Рублевского водопровода. Затем одновременно с Рублевским был открыт и Мытищинский, единственно городскими рабочими, без вмешательства администрации». С. А. Левицкий требовал протеста этому объявлению, как компрометирующему городское управление.

В первой половине октября, когда в Москве забастовка была в полном разгаре, поезда не ходили, на улицах была темнота, я получил телеграмму от министра внутренних дел, что Государь император велел обеспечить проезд по Московской губернии великому князю Николаю Николаевичу и доставить его высочество в Петербург. Одновременно с сим я получил сведение от тульского губернатора, что великий князь выехал по направлению к Серпухову из своего имения верхом в сопровождении свиты, так как железные дороги не действовали. Я распорядился приготовить в Серпухове для великого князя две тройки и, кроме того, выслать из Москвы еще две подставы по две тройки. Серпуховскому исправнику Протопопову, это был большой ловкач, удалось как-то уговорить машиниста и соорудить локомотив с одним вагоном, который и довез великого князя до 10-й версты от Москвы, где его высочество пересел в ожидавшую его тройку. Я выехал навстречу к Серпуховской заставе. Великий князь был очень доволен устроенным ему удобством, доехал на тройке до Николаевского вокзала, я его провожал. На Николаевском вокзале было жутко из-за полной темноты, в царских комнатах горели стеариновые свечи; подали чай и закуски в ожидании поезда. Поезд был сооружен военной командой: локомотив и два вагона. Тихо, без огней, в полном мраке отошел поезд и благополучно прибыл на другой день в Петербург.

За устроенный благополучный проезд великого князя я получил благодарность, а серпуховский исправник — орден Святого Владимира 4-й степени.

17 октября к вечеру совсем неожиданно пришла весть о манифесте, а на другой день, 18-го, прислан в Москву и сам манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» [24]. «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей, — гласил манифест, — великою и тяжкою скорбию преисполняют сердце наше. Благо российского Государя неразрывно с благом народным, и печаль народная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное — угроза целости и единству державы нашей. Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий и охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы для успешного выполнения общих, предназначаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанности правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли: 1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов. 2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку (т. е. согласно закону 6 августа 1905 г. Дума и Государственный Совет). 3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтоб выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действия поставленных от нас властей. Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».

Одновременно с этим был опубликован доклад статс-секретаря графа Витте, которому Государь император несколько дней перед тем повелел принять меры к объединению деятельности министерств, впредь до утверждения законопроекта о Совете Министров. Законопроект этот был опубликован 19 октября, и в тот же день Председателем Совета Министров назначен был граф Витте. Законом этим создавался Кабинет Министров, председателем коего

являлся премьер-министр с правом влияния на всех министров, кроме военного и морского и отчасти министра иностранных дел.

В докладе графа Витте с высочайшей надписью: «Принять к руководству» говорилось, что корни волнения, охватившего разнообразные слои русского общества, лежат в «нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни», что Россия «переросла форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы». Далее в докладе значилось: «Первую задачу правительства должно составлять стремление к осуществлению теперь же основных элементов правового строя: свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности». При этом указывалось, что такое предоставление прав свободы «должно сопутствоваться законным ограничением ее для твердого ограждения прав третьих лиц, спокойствия и безопасности государства».

Следующей задачей в докладе признавалось устроение правового порядка, чтобы экономическая политика правительства была «направлена ко благу широких масс», с ограждением при этом «имущественных и гражданских прав, признанных во всех культурных странах».

Коснувшись осуществления намеченных оснований правительственной деятельности, граф Витте указывал, что «принципы правового порядка воплощаются лишь постольку, поскольку население получает к ним привычку — гражданский навык...», что «сразу приготовить страну с 135-миллионным разнообразным населением и обширнейшей администрацией... не по силам никакому правительству». Поэтому «чтобы водворить в стране порядок, нужны труд, неослабевающая твердость и последовательность». Далее, переходя к мерам осуществления сего, граф Витте докладывал, что для этого необходимым условием должны быть «однородность состава правительства и единство преследуемой им цели. Положение дела, — говорилось далее, — требует от власти приемов, свидетельствующих об искренности и прямоте ее намерений. С этой целью правительство должно поставить себе непоколебимым принципом полное невмешательство в выборы в Государственную Думу и искреннее стремление к осуществлению мер, предрешенных указом 12 декабря» [25]. Далее в докладе говорилось о Государственной Думе и Государственном Совете, как они должны быть поставлены, и как правительство должно себя держать по отношению к Думе, и какие реформы необходимо сделать в Государственном Совете, и в конце доклада приводились те принципы, которыми должны были руководствоваться власти на всех ступенях: «1. Прямота и искренность в утверждении на всех поприщах даруемых населению благ гражданской свободы и установление гарантий сей свободы. 2. Стремление к устранению исключительных законоположений. 3. Согласова-

С. Ю. Витте

ние действий всех органов правительства. 4. Устранение репрессивных мер против действий, явно не угрожающих государству, и 5) Противодействия действиям, явно угрожающим обществу и государству, опираясь на закон и в духовном единении с благоразумным большинством общества».

В заключение доклада граф Витте говорил, что «осуществление поставленных задач возможно лишь при широком и деятельном содействии общества, ...что следует верить в политический такт русского общества, так как не может быть, чтобы русское общество желало анархии, угрожающей, помимо всех ужасов борьбы, расчленением государства».

18 октября Москва приняла праздничный вид, забастовка в городских предприятиях закончилась, железные дороги стали функционировать. Везде чувствовался большой подъем. Но одновременно с сим и оппозиционные и революционные кружки не дремали и старались везде внести беспорядок. Появились процессии по улицам, одни — с портретом Государя, другие — с красными флагами, между ними происходили стычки, одни пели гимн, другие — революционные песни. Те и другие бесчинствовали, учиняли насилия над прохожими, которые не снимали шапок. Полиция, не имея директив, смотрела и не принимала никаких мер, разнузданность толпы наводила панику на мирного обывателя. Толпы с красными флагами украсили ими подъезд дома генерал-губернатора, который до того растерялся, что выходил на балкон своего генерал-губернаторского дома совсем невпопад. Когда я приехал к Дурново и, увидав на его подъезде красные флаги, сказал ему: «Прикажите убрать красные флаги, ведь это неудобно, толпы смеются», он мне сказал: «Ничего, не надо раздражать, ночью дворники уберут».

А на другой день Дурново принимал депутацию от бюро революционных союзов[26] в составе князя Д. И. Шаховского, П. Н. Милюкова и адвоката Гольдовского, которые, обратившись к генерал-губернатору словом «товарищ», просили о разрешении торжественных похорон убитого революционера Баумана и о принятии мер к охранению порядка по пути следования похоронной процессии. Генерал-губернатор, хотя и был очень шокирован обращением к нему депутации словом «товарищ», на что и ответил: «Какой я вам товарищ?», тем не менее обещал сообщить градоначальнику, чтоб никаких препятствий следованию процессии не было и чтобы полиция и войска были удалены с пути следования процессии, так как сами устроители похорон взяли на себя наблюдение за порядком.

Бауман был неожиданно убит черносотенцем, когда шел во главе толпы с красными флагами, убит ломом. Революционеры отнесли его тело в Техническое училище, откуда 20 октября и состоялось похоронное шествие через весь город на Ваганьковское кладбище. Гроб Баумана, обитый красным сукном, покрытый красным покры-

валом, на высоком катафалке, утопал в зелени; множество красных знамен с революционными надписями и плакатами, венки, все с красными лентами и соответствовавшими характеру похорон надписями, несли многочисленные делегации. За гробом шли толпы народа, которые стояли также и по пути следования. Между венками были венки и от Московской городской управы, и от Московской губернской земской управы. Учащаяся молодежь приняла деятельное участие и шла группами с пением революционных песен.

На кладбище были произнесены речи самого революционного содержания, толпы долго не расходились. Уже были сумерки, когда присутствовавшие на похоронах возвратились в город. Вид таких грандиозных похорон, такой грандиозной процессии через весь город глубоко возмутил правые группы, войска и благонамеренную часть населения. Когда толпы шли обратно мимо Манежа, то находившийся там наряд казаков вышел из Манежа, произошло столкновение между толпой и казаками, в результате чего были убитые и раненые. Вообще после манифеста 17 октября толпа как будто разнуздалась. Тот «такт русского общества», о котором писал в своем всеподданнейшем докладе граф Витте и в который ему хотелось верить, отсутствовал, и русское общество не знало границ и удержу стремлениям, оно шло по пути анархии и само вызывало эксцессы, подстрекаемое революционными группами, для которых это было выгодно.

Эти дни после 17-го в тюрьмах настроение было повышенное, они осаждались народом, который требовал амнистии, т. е. освобождения в силу манифеста политических заключенных. Амнистия была объявлена только спустя несколько дней после манифеста. Когда в Совете Министров обсуждался этот вопрос, то все высказывались относительно необходимости политической амнистии. Манухин, бывший тогда министром юстиции, высказывался за широкую амнистию, но за исключением убийц-революционеров. Это мнение было принято и амнистия объявлена.

Когда был получен акт об амнистии, то я сейчас же сделал распоряжение по тюремной инспекции о немедленном ее применении по тюрьмам. Политические в то время содержались в Бутырской и Таганской тюрьмах. В Бутырской тюрьме никаких недоразумений не было. Начальником тюрьмы был генерал-майор Мецнер, честнейший и благороднейший человек, его все уважали и любили, и у него все прошло гладко. В Таганской же тюрьме, где начальник тюрьмы был не на должной высоте, произошло осложнение. Толпа в несколько тысяч осадила тюрьму и требовала, чтоб их пустили для поверки применения амнистии. Об этом мне сообщили по телефону. Я тотчас же поехал на одиночке. Подъезжая к тюрьме, я увидел, что улица Малые Каменщики была буквально запружена народом с красными флагами. Подъехав к самой толпе и видя, что дальше ехать нельзя, я слез и стал пробираться через толпу. Увидя меня,

некоторые меня узнали, стали кричать, чтобы мне дали дорогу. Я с трудом пробрался до ворот и увидел, что, к счастью, толпа за ворота не прошла, хотя и была возбуждена. Обещав им, что я сейчас все разберу, я вошел в калитку. Это их немного успокоило. Пройдя в контору тюрьмы, я застал там полный хаос, посередине стоял бородач огромного роста в папахе, с красным флагом в руке, около него еще трое из публики. Первым долгом я спросил начальника тюрьмы, что это за посторонняя публика, получил ответ, что это делегаты от толпы, пришедшей за амнистируемыми. На мое требование, обращенное к делегатам, снять шапки и поставить в угол красный флаг, они тотчас повиновались и держали себя с тактом. Тут были прокурор судебной палаты фон Клуген, прокурор окружного суда, жандармские офицеры, ведшие политические дела, и др.

В указе об амнистии приведены были номера статей Уголовного уложения, по которым политические должны были быть освобождены. Но при этом оказалось, что статья, рядом стоящая и почти однородная с той, по которой политические освобождались, приведена не была, и выходила таким образом нелогичность. Когда я узнал это от прокурора палаты, то, обсудив положение, мы решили применить амнистию и по этой как бы забытой статье, т. е. всем, кроме участников в убийствах. Но ни я, ни фон Клуген не решились на такой шаг собственной властью, к счастью, нам удалось соединиться телефоном с графом Витте, который и разрешил вопрос в благоприятном смысле.

Тогда освобождение пошло быстрым темпом. Во время этих формальностей настроение стоявшей у тюрьмы толпы все повышалось, она нервничала, кроме того, послышались провокаторские выстрелы, приходилось их успокаивать. Наконец, подлежавшие освобождению, около 60 — 70, появились в конторе, не освобожденных политических осталось в тюрьме всего 11 человек. Собравшись в конторе, освобожденные были тоже нервно настроены и под влиянием раздавшихся провокаторских выстрелов не решались выйти на улицу, боясь, что их перестреляют. Мои уговоры подействовали только тогда, когда я предложил им, что сам их выведу — это их успокоило, и они пошли за мной. Выйдя на улицу, толпа их приветствовала, стала петь, но по моей просьбе немедленно прекратила пение. Я дошел с толпой до моей одиночки, сел и поехал к Таганской площади, а толпа с освобожденными пошла к центру города.

Доехав до Таганской площади, я повернул по Воронцовской обратно в тюрьму; я боялся, что, может быть, в сутолоке и те 11, которые не подлежали освобождению, пожалуй, тоже ушли, и мне хотелось это проверить. Мое возвращение в тюрьму было очень неожиданно, начальство уже разошлось. Пройдя быстро внутрь тюрьмы, я прошел прямо к камерам политических, где меня догнал

начальник тюрьмы. Проходя мимо камер, я вдруг, к моему удивлению, увидел в одной из них накрытый стол с яствами. Я вошел, вижу: на столе, накрытом скатертью, канделябры со свечами, масса закусок, фруктов и т. д. Начальник тюрьмы был очень сконфужен, когда я в недоумении спросил его, что это значит. В это время подошел студент и сказал мне, что их 11 политических, к которым не применена амнистия, и что они просили начальника тюрьмы разрешить им отпраздновать товарищей, которых освободили, и что они очень просят меня снисходительно отнестись к этому. Все 11 оказались налицо, и я дал им разрешение, взяв слово, что в 12 часов ночи они все будут уже в своих камерах. Уезжая из тюрьмы и проходя мимо уголовных, я был ими остановлен. Они разразились претензиями: «Как это, нас, верноподданных, не освобождают, — говорили они, — эти же шли против царя, и их освободили». Они просили моего ходатайства за них. Я их успокоил как мог и уехал.

В это время в городской думе шли большие дебаты на политические темы, манифест не успокоил гласных, а казалось, раздразнил их, и речи чисто революционного характера полились ручьями. Дума перестала работать на пользу города, а взяла на себя роль управлять Россией и вмешиваться в дела правительства. 21 октября состоялось заседание думы, посвященное событию, происшедшему накануне у Манежа: столкновению казаков с толпой возвращавшихся с похорон Баумана. Председательствующий Д. Д. Дувакин огласил положения, принятые в частном совещании гласных 21 октября: «1. Представить генерал-губернатору о необходимости немедленного удаления из Манежа всякого рода войск. 2. Представить о необходимости удаления из пределов города казаков. 3. Признать необходимым обратиться к населению города с особым воззванием, имеющим целью успокоить его. 4. Поручить городской управе немедленно приискать в разных местах города помещения для митингов, для чего разрешить израсходовать потребную сумму. 5. Поручить городской управе войти в соглашение с военным ведомством о предоставлении помещения Манежа для народных митингов, а также и с другими учреждениями (Комитет о народной трезвости) об отводе подходящих помещений для той же цели. 6. Представить о необходимости, чтобы представитель города присутствовал при производстве дознания и следствия по происшествию, имевшему место в ночь на 21 октября, а также по происшествиям, связанным с совершившимися событиями. 7. Признать необходимым подчинение наружной городской полиции городскому управлению, часть полиции, имеющей отношение к судебному и следственному делу, подлежит передаче в ведение прокурорского надзора, охранное отделение немедленно прекращает свою деятельность. 8. Впредь до полного осуществления положения в пункте 7 признать неотложно необходимым: а) чтобы представители города принимали постоян-

ное участие в распоряжениях администрации по охранению спокойствия в городе, б) чтобы передана была в заведование города хотя бы часть полиции, в) чтобы организована была немедленно милиция. Избрать особую комиссию для немедленной разработки проекта образования милиции».

Одновременно с сим Д. Д. Дувакин доложил, что «общественный и адвокатский митинг, состоявшийся в здании Судебных установлений 19 октября 1905 г. постановил: «Отправить в Московскую городскую думу депутацию с требованием: 1. Немедленно организовать городскую милицию. 2. Немедленно удалить казаков из Москвы». Вместе с тем митинг постановил предупредить думу, что если она хотя сколько-нибудь будет медлить и продолжать бездействовать, то кровь, которая льется и, возможно, еще прольется на улицах Москвы, падет на нее; участники же митинга принуждены будут вооружаться самостоятельно и с предложением защищать население Москвы и организовывать вооруженную оборону обратятся к другим организациям». [...]

Выслушав все эти заявления, городская дума приступила к прениям. Первым говорил Н. М. Кишкин. Он говорил о той роли, какую дума приняла на себя еще в прошлом году, т. е. 30 ноября 1904 г., когда она, изверившись в возможности продуктивности своей работы при том режиме, который существовал, решила заявить, что этот режим должен быть изменен в пределах, ею намеченных тогда же, 30 ноября 1904 г. Последствием этого явились многочисленные ходатайства перед высшей властью, которая указ за указом давала то, что просили; но это не успокаивало, а, напротив, производило раздражение, пока наконец учреждение Думы 6 августа на бюрократических основаниях ясно показало, что ходатайствами ничего сделать нельзя. Дальнейшее, по словам Кишкина, взяли на себя революционные и социал-демократические организации, которые подняли могучие волны рабочих; появилась громадная забастовка, и все кончилось указом, даровавшим свободу. «Дума в это время приняла на себя роль Красного Креста, — говорил Кишкин, — она входила в сношения с рабочими, то там, то здесь приходила на помощь населению, чтобы оно не страдало от этого бедствия».

После указа 17 октября общество не успокоилось. Кишкин сравнил настроение, царившее тогда, с волнами, с рябью, которые остаются в обществе после той громадной волны, которую сделала забастовка. Он говорил, что «после указа 17 октября революционеры и социал-демократы, стремившиеся не к тому, что было дано, были недовольны; реакционеры также, прогрессивные умеренные изверились окончательно, что им в этом акте что-нибудь дано. Одним словом, наступил какой-то хаос, народ не понимал, что произошло, кидался из стороны в сторону». И вот среди этого хаоса, по мнению Кишкина, «должна заговорить дума, оставив уже

роль Красного Креста, должна действовать, должна идти к монарху и сказать: «Я обязана тебе помогать, сейчас же, немедленно, как своим советом, так и своим делом». Далее Кишкин представляет себе один выход, чтобы «немедленно городскому управлению была передана городская полиция и чтобы сейчас же были предоставлены закрытые помещения для митингов народа» — этим и кончает он свою речь, наивно думая такой мерой успокоить народ.

Следующую речь произнес гласный М. С. Зернов. Он говорил о том, что для умиротворения населения внешних средств недостаточно, что все эти возмутительные явления, бессмысленные нападения, междоусобия происходят исключительно от невежества массы, что нужна просветительская работа. Он соглашался на передачу полиции городу, находя, что городское самоуправление постарается вернуть ей доверие местного населения, без которого служба ее и тяжела, и непроизводительна. Но он, главным образом, предлагал организовать целый ряд популярных лекций и бесед на политические темы, имеющие отношение к современному освободительному движению, и принять меры к изданию популярных брошюр.

После речи М. С. Зернова председательствующий предложил на обсуждение вопрос об удалении из Манежа всякого рода войск. По этому вопросу говорили П. Н. Шубинский, В. В. Пржевальский, С. К. Говоров, П. А. Столповский, Н. Н. Щепкин, А. И. Гучков. Все соглашались ходатайствовать перед генерал-губернатором о выводе войск из Манежа, который предоставить для митингов. В. В. Пржевальский же настаивал, чтобы одновременно было требование и об удалении вовсе казаков из города, к чему присоединились и С. К. Говоров, и Н. Н. Щепкин; А. И. Гучков возражал на это, говоря, что такая мотивировка оскорбительна для целой корпорации войск. В. В. Пржевальский же настаивал, говоря, что если казаков не удалить, то сами 1 600 000 населения Москвы сумеют их вывести, так как казаков всего 1000, и население с ними справится.

Предложение об удалении войск из Манежа было принято, и для выполнения этого постановления отправлена была депутация к генерал-губернатору. После этого опять был поднят вопрос об удалении вовсе казаков и начались дебаты. А. И. Гучков защищал казаков, говоря, что нельзя все сваливать в одну сторону, что надо быть беспристрастным, а ведь известно и то, что демонстранты стреляли в казаков, и кто первый начал стрелять, это вопрос спорный. Н. М. Кишкин, С. К. Говоров и особенно В. В. Пржевальский не соглашались с Гучковым, и по баллотировке решено было представить графу Витте и генерал-губернатору об уводе казаков из Москвы.

3-е предложение, председательствующего, было по поводу обращения к населению с воззванием от города. После препирательств А. И. Гучкова с В. В. Пржевальским прошло в благоприятном смысле.

4-е предложение о приискании в разных местах города помещения для митингов прошло тоже без особо острых прений.

Затем дума перешла к самому острому вопросу о передаче наружной полиции городскому управлению. Н. Н. Шустов, В. В. Пржевальский, Н. М. Кишкин, П. А. Столповский, С. К. Говоров очень горячились и настаивали на немедленном ходатайстве перед графом Витте; А. И. и Н. И. Гучковы возражали, находя, что такой способ незаконен, а тем более после 17 октября, когда все, казалось бы, должны строго придерживаться правового порядка, неуместно думе показывать пример нарушения его. В. В. Пржевальский возражал, находя, что «в революционную эпоху не надо думать о форме и что соблюдет ли граф Витте те или другие обряды, когда даст то, что необходимо, — это безразлично». При баллотировке вопрос прошел большинством против 12 голосов. Также прошли вопросы о передаче сыскной полиции прокурорскому надзору и упразднении охранного отделения. А. И. и Н. И. Гучковы остались при отдельном мнении.

Затем В. В. Пржевальским был поднят вопрос об упразднении Корпуса жандармов, но сочувствия не встретил. А. И. и Н. И. Гучковы возражали, находя, что дума, очевидно, хочет «залпом брать законодательные препятствия», и что «если дело идет о политической демонстрации, то пусть участвуют в ней, кто желает, но это недостойно думы». Кроме того, Н. И. Гучков находил, что если поднимать вопрос для всей России — об упразднении жандармов, то отчего же не коснуться и разных других специальных полиций, как, например, в Нижнем имеется речная полиция. После слов С. А. Муромцева, находившего, что из всех видов полиции конные жандармы самая дисциплинированная часть, лучше казаков, драгун и обыкновенных городовых, предложение В. В. Пржевальского было отклонено.

В конце заседания рассматривался вопрос об учреждении «мирной» милиции для охраны порядка на митингах и других собраниях. Много спорили, толковали. Граф С. Л. Толстой находил странным само название «мирная милиция», говоря, что это все равно что «паровая конка». Так дебаты ничем и не кончились.

Следующее заседание думы было 25 октября. В этом заседании было оглашено письмо князя В. М. Голицына о сложении с себя обязанностей московского городского головы, так как при настоящих обстоятельствах он не считал возможным сохранить за собой вверенные ему полномочия. С. А. Муромцев в ответ на это сказал весьма прочувствованную речь по адресу князя Голицына с предложением выразить ему глубокую признательность и поместить в зале заседаний портрет его.

В конце заседания дума рассматривала вопрос, поднятый еще 14 октября по заявлению 12 гласных, об учреждении в г. Москве городской милиции, независимо от существующей полиции. Докладчиком

был С. А. Муромцев. С. В. Пучков, А. С. Шмаков, Н. И. Гучков, В. С. Баршев говорили против, Н. Н. Шубинский, В. В. Пржевальский говорили за, а граф С. Л. Толстой предлагал несуразный новый проект об учреждении какого-то комитета из офицеров и солдат. После долгих дебатов, споров и даже оскорблений предложенный вопрос был отклонен.

В районе Московской губернии, вслед за опубликованием манифеста 17 октября, под влиянием черносотенной агитации стали замечаться случаи нападения крестьян и рабочих на земские учреждения и на земских служащих. Вследствие сего, помимо распоряжений моих по полиции, я обратился с нижеследующим циркулярным предложением к земским начальникам:

«За последние дни в разных местах Московской губернии имели место печальные случаи нападения толп крестьян и рабочих на учреждения, принадлежащие земству, и на лиц земского служебного персонала. Признавая такие действия совершенно недопустимыми, я сделал по полиции распоряжение о прекращении подобных беспорядков самыми решительными мерами и привлечении виновных немедленно к законной ответственности. Принимая во внимание, что указанные беспорядки стали возникать по опубликовании высочайшего манифеста 17 октября 1905 г., я не могу не установить, что они возникают от непонимания крестьянским населением высочайших милостей, дарованных Государем императором этим манифестом всему населению. Ввиду этого предлагаю Вам разъяснить населению вверенного Вам участка, а в особенности должностным лицам крестьянского управления, что непреклонная воля Государя императора, выраженная в высочайшем манифесте 17 октября 1905 г., состоит в том, чтобы все население напрягло все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле, а потому население, производящее беспорядки и насилия над личностью или имуществом кого бы то ни было, является нарушителем царской воли; при этом Вы должны обратить особое внимание крестьян, что больницы, школы и все вообще учреждения существуют, главным образом, для потребности крестьян и что нападение на них и на служащих в них лиц, помимо нарушения царской воли, является бессмысленным и грубым действием. Вы должны разъяснить населению, что нарушение законов кем бы то ни было будет преследоваться законом поставленными властями и что население не имеет права ни в каких случаях производить насилие над кем бы то ни было.

Я глубоко уверен, что понимая трудную задачу правительства по восстановлению спокойствия, Вы, в исполнение непреклонной воли Государя императора, приложите все старания к направлению жизни вверенных Вашему попечению крестьян Вашего участка к мирному труду и к ограждению всего населения, без различия положений, партий и национальностей, от каких бы то ни было насилий. Вместе с этим для установления доверия и уважения к правительству,

представителем которого Вы являетесь, Вам надлежит с особой внимательностью в настоящее время относиться к законом возложенным на Вас обязанностям, действуя на строго законных началах, согласуя административные Ваши действия с духом начал манифеста 17 октября 1905 г.».

С назначением графа Витте Председателем Совета Министров ему предстояло озаботиться образованием Кабинета. В первые дни премьерства графа Витте оставили свои посты обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, министр народного просвещения генерал Глазов, попавший в министры по какому-то недоразумению и единственно обративший на себя внимание тем, что после посещения им женских гимназий на другой день воспитанницы получали от него конфекты, и министр внутренних дел А. Г. Булыгин, этот честнейший, благороднейший человек, попавший в министры вопреки своему желанию и все время просивший его освободить, так как вредное для дела направление его товарища Трепова, поставленного в совершенно самостоятельное от министра положение, не давало ему покоя.

На место обер-прокурора Синода назначен был князь А. Д. Оболенский, генерала Глазова заменил граф И. И. Толстой — вице-президент Императорской Академии художеств, а на пост министра внутренних дел был назначен Петр Николаевич Дурново, бывший долгое время товарищем министра при Сипягине, Плеве, Святополке-Мирском и Булыгине. Бывши ранее еще директором Департамента полиции, Дурново отлично знал дело, был очень умен, но, к сожалению, человек без всяких принципов и далеко не щепетильный в делах нравственности. Когда он уже был министром, мне приходилось являться к нему по делам в роли московского губернатора, и должен сказать, что всегда я уходил от него весьма удовлетворенным, так как ко всем вопросам Дурново относился всегда практически-жизненно, чуждаясь формальностей, и при этом сразу, на лету схватывал суть дела и разрешал вопросы тотчас же.

Министрами военным, морским, юстиции, иностранных дел остались министры, бывшие и до 17 октября — генерал Редигер, адмирал Бирилев, С. С. Манухин и граф Ламздорф. Министром финансов назначен был И. П. Шипов, земледелия — Н. Н. Кутлер, торговли и промышленности — В. И. Тимирязев и путей сообщения — начальник Юго-Западных дорог Немешаев, а Государственным контролером — Философов. С. С. Манухин оставался недолго. Он был обвинен, вернее, его ведомство, в слабости репрессий и бездействии, вследствие чего представлялось очень трудным бороться с революцией. В ноябре он должен был уступить Министерство юстиции Акимову. С. С. Манухин не производил благоприятного впечатления, но это был высокопорядочный человек, юрист

в полном смысле этого слова, и был бы отличным министром юстиции в обыкновенное мирное время, а не в революционное, с которым он не умел считаться. Мне пришлось только один раз с ним столкнуться, когда я по одному делу, касавшемуся одной близкой мне семьи, опекуном которой я состоял, обратился в Сенат и получил отказ совершенно для меня неожиданный. Между тем тождественные ходатайства Сенатом всегда разрешались. Этот отказ вовлекал опеку в большие убытки. Я тогда обратился к министру юстиции с ходатайством об испрошении высочайшего соизволения, объяснив подробно суть дела. С. С. Манухин очень недоброжелательно отнесся ко мне, сказав, что раз Сенат отказал, то значит так и надо, и докладывать его величеству он сможет только в отрицательном смысле, не входя даже в рассмотрение дела. Когда же я имел неосторожность намекнуть на не всегда беспристрастное отношение Сената, то С. С. Манухин меня прервал, заявив, что он не позволит к высшему государственному учреждению относиться без должного уважения и потому в моем деле участия не примет.

М. Г. Акимов был женат на сестре жены А. Г. Булыгина, это был очень умный, знающий дело юстиции, высоко порядочный человек, державшийся правых взглядов, но умевший считаться и со временем.

Из министров еще и Н. Н. Кутлер принужден был покинуть свой пост во время премьерства графа Витте, а именно в феврале 1906 г., после того, как он стал проводить мысль о платном принудительном отчуждении части частновладельческих земель в пользу крестьян малоземельных. На его место назначен был А. Никольский.

Д. Ф. Трепов оставался товарищем министра внутренних дел и генерал-губернатором петербургским до конца октября, когда был назначен дворцовым комендантом, на обязанности коего лежала охрана жизни Государя.

При Александре III была должность начальника охраны, каковую занимали граф Воронцов-Дашков и генерал-адъютант Черевин, а с вступлением на престол императора Николая II эта должность была упразднена и заменена должностью дворцового коменданта. Первым дворцовым комендантом был генерал Гессе, затем короткое время после смерти Гессе состоял князь Енгалычев, после которого и был назначен Трепов. К этому времени охрана Государя значительно разрослась, и канцелярия дворцового коменданта представляла собой второй Департамент полиции.

26 октября великий князь Владимир Александрович был освобожден от должности главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, на каковую должность назначен был великий князь Николай Николаевич. Великий князь Владимир Александрович был человек по душе не военный, но это был благороднейший и очень образованный человек, высоко державший знамя великого князя. Великий князь Николай Николаевич любил военное

дело и в душе был настоящий честный солдат, его мать великая княгиня Александра Петровна старалась в нем развить смирение и для этого с детства окружала его детьми простых служащих — конюхов, лакеев и т. д., которые, конечно, никогда не противоречили ему и способствовали этим только развитию в нем высокомерия. Но это не мешало ему быть очень добрым по душе человеком, хотя и вспыльчивым. Последнее качество мешало ему разбираться хладнокровно в делах, и он делал ошибки под влиянием минуты. Разбираться в делах ему было трудно, а поэтому он легко подпадал под чужое влияние, к счастью, всегда почти хорошее, чутьем различая белое от черного. Большими положительными качествами его были искренняя прямота и природная честность; сделав ошибку под влиянием минуты, он всегда в ней сознавался и старался ее загладить. Последние годы службы на Кавказе его высокомерие и вспыльчивость значительно сгладились, и он весь ушел в работу.

28 октября я совершенно неожиданно для себя получил шифрованную депешу от графа Витте: «Его величество выразил желание назначить Вас московским градоначальником, но поручил ранее узнать о Вашей готовности принять этот пост».

Эта депеша меня крайне смутила, я уже полгода назад отказался от должности градоначальника, и вдруг мне опять ее предлагают, и еще в то время, когда я исполнял должность губернатора уже несколько месяцев почти без перерыва, так как Г. И. Кристи, хотя и жил в Москве, но не вступал в должность, намереваясь подать в отставку. Кроме того меня смущало то обстоятельство, что мне предложили место градоначальника, когда градоначальник барон Медем и не подозревал, что на его место уже намечен кандидат.

Так как депеша была шифрованная, не подлежащая оглашению, то я сказал о ней только губернатору Г. И. Кристи и генерал-губернатору П. П. Дурново, которым доложил и о моем решении отказаться, показав текст моего ответа графу Витте: «Глубоко тронут оказываемым мне доверием. Желание его величества для меня свято, и я бы ни минуты не колебался, если б этот исключительно политический пост отвечал моему характеру. Меня смущает ответственность при полном отсутствии самостоятельности. Очень сожалею, что не имею возможности лично откровенно высказать Вашему сиятельству все мои сомнения».

Г. И. Кристи вполне одобрил мое решение и при этом сказал, что он подает в отставку и хорошо, если б я просил о назначении меня губернатором, так как раз мне предлагают равнозначащую должность градоначальника, то это даже не будет нескромно с моей стороны.

Генерал-губернатор был неприятно удивлен, что должностью градоначальника распоряжаются свыше, без его ведома. Я очень просил его не говорить ничего градоначальнику, так как он мог бы подумать, что я интригую против него. Дурново дал мне слово.

На другой день я получил опять депешу от графа Витте: «Прошу Вас, буде возможно, приехать на один день лично переговорить со мной». В тот же день, испросив разрешение на отъезд у генерал-губернатора, я выехал в Петербург, а в должность губернатора вступил Г. И. Кристи.

В Петербурге я останавливался всегда у моего друга и товарища по корпусу Э. Р. Зейме, который был полицеймейстером Зимнего дворца и имел квартиру в запасном доме дворца на набережной, рядом с домом дворцового ведомства, где жил граф Витте. Переодевшись в парадную форму, я отправился к графу Витте, который меня сейчас же принял в своем рабочем кабинете.

Кабинет этот представлял собой довольно большую комнату, поражало в ней отсутствие мало-мальски удобной мебели. Наискось к окну стоял большой стол, обыкновенный, не письменный, на четырех ножках, покрытый сукном, по стенам стулья и еще какой-то стол, вот и все убранство. Стол был завален бумагами, а весь пол устлан в беспорядке брошенными конвертами. Видно было, что граф Витте сам вскрывает бумаги и письма. Помню, как этот беспорядок меня поразил.

Граф Витте с усталым видом начал меня расспрашивать, я ему объяснил, что уже три месяца исполняю обязанности губернатора, втянулся, полюбил это дело, и мне очень не хотелось бы его оставить и сменить на другое, которое мне не по душе; сказал, что Кристи подает в отставку, очищается должность губернатора, и если мне предлагают должность градоначальника, то, может быть, это оттого, что не знают об уходе Кристи. Граф Витте выслушал меня, как мне показалось, сочувственно и сказал, что согласен со мной и моими доводами, но посоветовал обратиться к управляющему Министерством внутренних дел П. Н. Дурново и рассказать ему все и что он лично не имеет ничего против.

П. Н. Дурново жил тогда в доме Министерства внутренних дел на Морской. Он тотчас меня принял, был очень предупредителен, сказал по моему адресу много лестного, но когда я ему доложил все, что докладывал графу Витте, он так же, как и Витте, хотя и согласился с моими доводами и даже сказал, что должность губернатора для меня, конечно, более подходящая, но прибавил, что испрашивать для сего доклада у Государя находит неудобным и что лучше мне самому поехать к Государю и лично доложить все его величеству.

Я так и сделал. На другое утро с первым поездом я выехал в Петергоф, предупредив по телефону Военно-походную канцелярию, и прямо с вокзала в высланной за мной придворной карете поехал в Александрию, где был ровно в девять с половиной часов. Вызвав камердинера его величества, я спросил, можно ли доложить обо мне Государю. Камердинер сказал, что сейчас их величествам подают кофе, после чего он доложит. Но не прошло и пяти минут,

как тот же камердинер отворил дверь из приемной в кабинет Государя и сказал, что его величество пожелали меня принять до кофе. Я вошел в кабинет Государя. Государь, протянув мне руку, сказал: «Вы приехали мне представиться по случаю назначения московским градоначальником?»

Эти слова меня очень смутили, и я не сразу нашелся. Я извинился и доложил Государю все мои сомнения, а также и то, что Кристи уходит и освобождается должность губернатора, каковые обязанности я исправляю уже три месяца.

Государь сказал: «А разве Кристи уходит? Я не знал. В таком случае, конечно, вам лучше быть губернатором, и я предпочитаю вас видеть на этом посту. Мне было бы обидно, если б вы совсем отказались, а раз вы охотно идете на должность губернатора, я очень рад, поезжайте к графу Витте и скажите ему от моего имени, чтоб он заготовил указ о вашем назначении губернатором».

Я был очень счастлив таким удачным оборотом дела, вернулся в Петербург и проехал прямо с вокзала к П. Н. Дурново и графу Витте, оба были очень довольны результатом.

2 ноября я выехал обратно в Москву, успокоенный и довольный. Как только я приехал в Москву, то получил от губернатора Г. И. Кристи очень характерное письмо за № 13775, где он официально писал: «Ввиду возвращения Вашего в Москву имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, вступить в исполнение обязанностей по должности губернатора». Из этого письма видно, как упорно со дня начала беспорядков Г. И. Кристи не хотел путаться в происходящем хаосе. Я ничего против этого не имел, так как за эти три месяца, что я исправлял должность губернатора, я уже успел изучить губернию и войти вполне в курс дела.

Г. И. Кристи и П. П. Дурново очень остались довольны результатом моей поездки.

В тот же день, когда я вернулся в Москву, ко мне позвонил градоначальник барон Медем, прося его принять. Я сейчас же почувствовал, что, очевидно, до него дошло известие, что мне предлагали его место. Действительно, оказалось так. Генерал-губернатор П. П. Дурново взболтнул, и это поставило барона Медема в очень глупое положение. «Значит, меня не хотят оставлять на этом посту», — сказал мне Медем. Я ничего не мог ему на это ответить, так как это, конечно, было так. Он совсем растерялся и спрашивал моего совета. Я ему посоветовал поехать в Петербург к министру внутренних дел и объясниться, но он моему совету не последовал и оставался на посту градоначальника до конца года, когда его место занял генерал Рейнбот.

Мне очень было жаль барона Медема, и я негодовал на П. П. Дурново, что он нарушил данное мне слово, проговорившись Медему. Когда я приехал по сему поводу к Дурново, то он мне совершенно откровенно сознался, что поспорил с Медемом, и когда тот стал

ему говорить, что он служить с ним не будет, то П. П. Дурново ответил, что его никто и удерживать не будет, так как я уже назначен на его место. При этом Дурново прибавил: «Это я ему нарочно сказал, а то он меня вдруг своим уходом запугивать вздумал».

В это время революционные волны не оставляли в покое ни одного уголка России, а в Петербурге с 13 октября открыл свои действия Совет рабочих депутатов и просуществовал 50 дней, пока 26 ноября не был арестован его главарь Носарь-Хрусталев, а 3 декабря и весь наличный состав Совета в числе около 190 человек. Первое заседание, 13 октября, было посвящено обращению к рабочим, призывавшему к забастовке, и предъявлению политических требований, равносильных для государственности самоуправлению. Второе заседание, 14 октября, состоялось в физической лаборатории Технологического института, на котором обсуждались вопросы о мерах к дальнейшим забастовкам и были произведены выборы. Председателем был выбран помощник присяжного поверенного Носарь, носивший также фамилию Хрусталев. На этом же заседании выработаны были требования для предъявления Петербургской городской думе через особую депутацию, которая и предъявила их 16 октября. В число депутаций вошли и представители Союза союзов и несколько профессоров Технологического института.

Депутация предъявила требования: 1. Немедленно принять меры для регулирования продовольствия рабочей массы; 2. Отвести помещения для собраний. 3. Прекратить всякое довольствие, отвод помещений, ассигновок на полицию, жандармов и т. д. 4. Указать, куда израсходованы 15 тысяч руб., поступивших для рабочих Нарвского района. 5. Выдать из имевшихся в распоряжении думы народных средств деньги, необходимые для вооружения борющегося за народную свободу пролетариата и студентов, перешедших на сторону пролетариата и т. д.

Депутации этой не удалось воздействовать на городское управление: когда вслед за рабочими депутатами на думской трибуне вздумали выступать еще и представители от Союза союзов, то гласные не пожелали их слушать, а студенческую депутацию и вовсе не пустили в зал. А так как у подъездов думы стояли усиленные наряды городовых, а на лестнице рота пехоты, то депутация ничего не добилась, так как эта воинская сила, очевидно, подействовала отрезвляющим образом на умы гласных, чего не было в Москве.

Третье заседание состоялось 15 октября опять в Технологическом институте, число депутатов достигло к этому времени 226. Условлено было собраться на курсах Лесгафта и оттуда направиться закрывать магазины, но это не удалось из-за мер, принятых полицией.

Четвертое заседание было 17 октября в Вольном экономическом

обществе [27]. Избран был Исполнительный комитет [28] в составе 31 [человека]. В этот же день вышел первый номер «Известий Совета рабочих депутатов» [29]. В пятом заседании 18 октября постановлено было продолжать забастовку в доказательство того, что манифест 17 октября не удовлетворил заданий рабочих масс. В «Известиях», резолюциях, дебатах в заседаниях Совета и районных собраниях красной нитью проводилась мысль о том, что «сила творит право».

Но либеральные элементы бюрократии получили перевес, и вся администрация, армия и полиция остались во власти государства, поэтому Совету оставалось только организовать анархию и подготовляться к восстанию. Но и тут у них ничего не вышло. 19 октября под влиянием манифеста 17 октября забастовка сама собой стала ослабевать и железные дороги стали постепенно функционировать, поэтому Совет, видя, что забастовка ускользает из-под его рук, постановил прекратить стачку с 21 октября.

Одновременно начались во всех городах и контрреволюционные выступления, окончившиеся для возбудителей революции плачевно. Это вынудило рабочие массы иметь орудия самозащиты, и на металлических заводах стали спешно выделывать плети, пики, кинжалы и т. п. Из-за границы при участии Женевского революционного комитета [30] выписано было оружие, между прочим, один транспорт такового было поручено водворить в Россию священнику Гапону на судне «Крафтон» через Финляндию, но это не удалось. Все же было вооружено до 6000 человек.

Для того, чтобы обезопасить войска, Совет стал стараться революционизировать их. Закипела работа по распропагандированию их листками, прокламациями и т. д., стали устраивать восстания в войсках и во флоте. 26 октября среди матросов в Кронштадте вспыхнули беспорядки, но они перешли в пьяную оргию и были подавлены 28 октября.

29 октября Совет в своем заседании постановил установить восьмичасовой рабочий день с захватным правом, на что все рабочие живо откликнулись. Но при первом же осуществлении этого восьмичасового рабочего дня насильственным путем рабочие столкнулись с локаутом: капиталисты, почуяв силу правительства, объединились и твердо начали осуществлять локаут на деле.

Рабочие поняли, что сила не на их стороне, и престиж Совета был подорван, особенно после того, как Совет, видя неудачу, придумал компромисс: отменить повсеместно проведение восьмичасового рабочего дня, рекомендуя в то же время рабочим «на их страх» немедленно и дружно добиваться возможного сокращения рабочего времени. 12 ноября из заседаний Совета выяснилось полное крушение предложенного рабочим компромисса, так как локауту подверглись десятки тысяч рабочих. 13 ноября разбирался вопрос о защите и поддержке рабочих, подвергшихся локауту, и внесено было пред-

ложение реагировать новой забастовкой, но предложение это было отвергнуто. 14 ноября по свидетельству самого Совета рассчитано было уже свыше 100 тыс. рабочих. Исполнительный комитет предъявил было требование капиталистам прекратить локаут, угрожая проведением всероссийской всеобщей забастовки, но это не произвело уже никакого впечатления ни на промышленников, ни на население. Тогда Совет сделал призыв об оказании материальной помощи безработным, но и это практического успеха не имело, собрано было мало, нужды рабочих и их разочарование росли с каждым днем.

Правительство решило покончить с Советом. 20 ноября арестован был Носарь (Хрусталев), а 27 ноября состоялось избрание в Совете трехглавого президиума [31] вместо Носаря, причем внесенное предложение объявить опять забастовку в знак протеста против «взятия правительством в плен товарища Носаря» было отвергнуто.

2 декабря в 8 либеральных столичных газетах от имени Совета и других организаций был напечатан манифест с приглашением отказываться от выкупных платежей, выбрать вклады из государственных сберегательных касс и т. п. За напечатание этого манифеста в тот же день закрыты были газеты: «Начало» [32], «Новая жизнь» [33], «Сын отечества» [34], «Русь» [35], «Наша жизнь» [36], «Свободное слово» [37], «Свободный народ» [38] и «Русская газета» [39], а на следующий день весь состав Совета рабочих депутатов в числе 190 человек был арестован.

В виде протеста на это крайние партии призывали к третьей всеобщей забастовке, но в Петербурге это не встретило сочувствия, а нашло себе отголосок только в московском восстании.

Когда в Петербурге революционная волна благодаря умелым тактическим действиям управлявшего тогда Министерством внутренних дел П. Н. Дурново при содействии графа Витте постепенно входила в берега, в Москве эта волна все разрасталась, находя благоприятную почву как в содействии властей — генерал-губернатора П. П. Дурново и связанного по рукам в своей деятельности московского градоначальника барона Медема, так и в поддержке революционных стремлений со стороны значительной части интеллигенции и общественных групп, которые в своих противоправительственных выступлениях не знали границ.

В Московской губернии хотя и было сравнительно спокойно, но волостные и сельские сходы в некоторых уездах под влиянием агитаторов стали выносить приговоры, сводящиеся главным образом к передаче в общую собственность народа государственных, удельных, монастырских и частновладельческих земель, при этом некоторые требовали, другие ходатайствовали.

Высочайший манифест от 3 ноября о сложении выкупных платежей дал пищу злонамеренным лицам, которые на сходках стали объяснять цель манифеста на свой образец, волнуя крестьян. Поэ-

тому для противодействия этой агитации я обратился к населению губернии 8 ноября со следующим объявлением:

«Высочайшим манифестом в 3 день ноября сего года дарована крестьянскому населению великая милость, а именно — Государь император повелел: 1. Выкупные платежи с крестьян, бывших помещичьих, государственных и удельных, уменьшить с 1 января 1906 г. наполовину, а с 1 января 1907 г. взимание этих платежей вовсе прекратить. 2. Дать Крестьянскому поземельному банку возможность успешнее помогать малоземельным крестьянам в расширении покупкою площади их землевладения, увеличив для сего средства банка и установив более льготные правила для выдачи ссуд. О приведении этих мер в исполнение даны Государем императором особые указы.

Приветствуя сельское население Московской губернии с этой высочайшей милостью и вполне доверяя его чувству благодарности за эту великую заботливость Государя о своем народе, я обращаюсь к населению с просьбой принять этот манифест с должным спокойствием и напоминаю, что причитающиеся к уплате в текущем году до 1 января 1906 г. платежи должны быть исполнены крестьянами. Я уверен, что крестьяне, в ознаменование чувства их глубочайшей признательности к Государю за дарованные милости, не позволят себе в этом случае ни малейшего проявления каких-либо противных закону действий. Я уверен, что крестьяне, напротив, немедленно прекратят теперь все толки о каких-то, якобы возможных для них, захватах чужой земли или леса, все равно, будь то частные владения, удельные или государственные.

Всякие такие действия, как я уже объявил, повлекут с моей стороны принятие самых решительных мер против виновных в захватах чужой собственности, которая должна быть так же неприкосновенна, как и крестьянская. Свобода, которая провозглашена манифестом 17 октября сего года, прежде всего требует уважения к чужой личности и к чужому имуществу. В особенности прошу не верить являющимся в селения разным лицам, которые побуждают крестьян к захвату земли, леса, к неплатежу повинностей и к неповиновению начальству».

Фабрики после 17 октября почти все работали, и потому на них было спокойно.

В городе Москве к этому времени заседали два съезда: Всероссийский крестьянский [40] и представителей городов и земств [41]; оба они своими речами и резолюциями подливали масло в огонь и вместо успокоения вносили свою лепту, далеко не маленькую, в дело революции и надвигавшегося восстания.

Всероссийский крестьянский (больше по названию) съезд, допущенный попустительством генерал-губернатора П. П. Дурново, заседал в земледельческом училище с 6 по 11 ноября. Делегаты от крестьянских организаций, к которым присоединились и такие

элементы, для которых Крестьянский съезд служил боевым революционным оружием, официально говорили, что они съехались с целью рассказать то, что творится в разных уголках России, и обсудить, что надо предпринять, чтобы «осуществить обещанную манифестом 17 октября свободу».

Собралось около 300 человек. На втором заседании присутствовал писатель Н. Н. Златовратский, выбранный почетным председателем. Съезд с первого же дня принял крайнее течение, последствием чего явились резолюции чисто революционные. [...]

Съезд земских и городских деятелей вмещал в себя тогда всю земскую и городскую оппозицию. Он уже собирался в июле месяце сего года, причем уже тогда съезд этот взял на себя функции чуть ли не Учредительного собрания и вынес резолюции не только крайнего, но и революционного характера, вылившиеся в агитационном воззвании «К русскому народу». [...]

Этот раз съезд собрался в доме графа Орлова-Давыдова и заседал с 6 по 13 ноября. Председателем съезда был Н. И. Петрункевич, товарищами председателя — А. А. Савельев, Ф. А. Головин и Н. Н. Щепкин, секретарями — Н. И. Астров, Т. И. Полнер и В. А. Розенберг. Съезд был многолюдный. Видное место занимали земские и городские деятели, стоявшие во главе оппозиции: князь Долгоруков, князь Голицын, князья Трубецкие, Д. Н. Шипов, Ф. А. Головин, Милюков, граф Гейден, С. А. Муромцев, Стаховичи, Р. И. Родичев, Н. И. Петрункевич, В. Д. Кузьмин-Караваев, князь Г. Е. Львов и др.

В течение целой недели земские и городские деятели говорили речи более или менее одного оттенка, то сгущая краски, то ослабевая, все сводилось к тому, что манифест 17 октября не дал того, чего хотело общество, что манифест не удовлетворил, так как он хотя и явился бесспорным признанием конституции, но это слово произнесено не было, царь остался самодержцем, а следовательно, в любой момент может отнять все свободы, дарованные манифестом. Это и вызывало и недоверие, и боязнь, что вдруг все отнимут, отсюда вывод — надо скорее все закреплять, все требовать. Вот Съезд земских и городских деятелей с лихорадочной поспешностью и выступил на путь предъявления правительству целого ряда требований политического, чтобы не сказать революционного, характера, что видно из резолюции сьезда, как то: предоставление первому собранию народных представителей «учредительных функций», отмены исключительных положений вообще и специально в Польше — военного, автономии Польши, введения местных языков (польского, литовского, латышского, украинского и т. д.) в школах, равноправия евреев и т. п. Позже представители купечества, не желая отстать от городской и земской оппозиции, тоже требовали ограниченного самодержавия, среди них С. Т. Морозов дошел до того, что дал крупную сумму революционерам, а когда окончательно попал к ним в лапы, то кончил самоубийством [42] . Одним словом,

все общественные группы, а некоторые и сословные, находились в состоянии революционного психоза.

15 ноября началась забастовка почт, телеграфов и телефона и продолжалась до 29 числа, когда забастовка прекратилась после того, как были арестованы главари — инженер-электротехник Двужильный, потомственная дворянка А. С. Ракк, почтово-телеграфный чиновник С. М. Гоголев, инженер С. К. Мелодиев, А. А. Роде, Червинский, Л. В. Залуцкий, В. Р. Дьячков и др.

16 ноября в Севастополе произошел бунт матросов под руководством бывшего лейтенанта флота Шмидта, который был быстро подавлен военной силой. По этому поводу в собрание Московской городской думы 19 ноября поступило заявление от гласных с предложением «представить правительству, что в целях предотвращения междоусобной борьбы виновникам севастопольских событий должно быть оказано милосердие в виде освобождения от смертной казни». Это заявление вызвало острые прения. Гласные А. С. Шмаков, В. С. Баршев, В. С. Новицкий, И. А. Лебедев, П. Н. Сальников и П. М. Калашников протестовали против него, говоря, что не дело думы вмешиваться в дела, ее не касающиеся, дело милосердия к преступникам — дело Государя. Гласные В. В. Пржевальский, Н. Н. Щепкин, Н. А. Столповский, Л. Г. Урусов говорили в пользу заявления, а В. В. Пржевальский внес еще предложение о ходатайстве отмены вообще смертной казни, к каковому предложению присоединилось еще 19 гласных.

29 ноября, после весьма страстных прений, обошедшихся не без взаимных оскорблений, дума отклонила одним голосом предложение гласных об отмене смертной казни вообще, предложение же А. И. Гучкова с ходатайством о возможном смягчении участи взбунтовавшихся матросов принято было 43 голосами против 32-х. Затем были отклонены предложения: о выражении благодарности войскам, усмирившим мятеж, а также и об ассигновании 10.000 руб. их семьям. Больным же и раненым воинским чинам постановлено было ассигновать потребную сумму, снесясь по сему поводу с севастопольским городским головой. В этом же заседании оглашено было об утверждении высочайшей властью нового городского головы Н. И. Гучкова, избранного в заседании 17 ноября.

11 ноября состоялся высочайший указ Правительствующему Сенату о назначении меня исправляющим должность губернатора. Так как я фактически исполнял обязанности, сопряженные с этим званием, уже три месяца, то назначение это не вызвало изменения в моей деятельности, я только переехал в губернаторский дом, как только семья Кристи оттуда выехала. Это было в конце месяца. Вице-губернатором был назначен А. С. Федоров, бывший чиновник особых поручений при покойном великом князе Сергее Александровиче. Назначение это мне было не особенно приятно, так как я считал А. С. Федорова человеком, не привыкшим к работе и лени-

вым, а между тем губернское правление в то время находилось в хаотическом состоянии, требовавшем очень усиленной работы, и на помощь Федорова я надеяться не мог. Только когда мне удалось пригласить на должность старшего советника П. Д. Шереметевского, бывшего непременного члена Вологодского губернского присутствия, а на должность советника — П. В. Истомина, этих образцовых, добросовестнейших и знавших отлично дело работников, дела в губернском правлении сразу приняли другой оборот.

Мне пришлось согласиться на назначение Федорова, так как это было желание А. Г. Булыгина, который из дружбы к семье жены Федорова — Шереметевым, просил за него П. Н. Дурново. А я тоже был очень близок к этой семье, особенно почитал честнейшего, благороднейшего старика Бориса Сергеевича Шереметева, а кроме того, пойти и против желания А. Г. Булыгина я не мог из уважения к нему.

Федоров таким и оказался, каким я себе его представлял, и потому у меня всегда было такое чувство, как будто вице-губернатора у меня не было. Во время московского восстания я не мог его никуда командировать, так как он сейчас же заболевал. Впрочем, я убежден, что это последнее происходило не по его вине, а по вине его супруги, а главное, его тещи, Ольги Николаевны Шереметевой, которые обе его боготворили и оберегали больше, чем было нужно. Они же отчасти были и причиной того, что он мало работал, так как удерживали его от работы, находя, что я его эксплуатирую, и боясь, чтобы он не переутомился.

20 ноября уехал в Петербург московский генерал-губернатор П. П. Дурново, и хотя об его уходе держались упорные слухи и в высших сферах знали об его отрицательной деятельности, но он этим слухам не верил и, уезжая, говорил мне, что вернется через несколько дней, как только ему удастся достигнуть расширения своих прав. Оказалось, что, приехав в Петербург, он на другой день поехал представиться Государю. Его величество с ним очень милостиво разговаривал, расспрашивая о Москве, а когда он от Государя вернулся домой, то нашел записку об увольнении его от должности, подписанную два дня назад.

Так Москва его больше и не видела, а 25 ноября состоялось высочайшее повеление о назначении генерал-адъютанта Ф. В. Дубасова московским генерал-губернатором. В то время Дубасов находился в Курской или Черниговской губернии, куда был командирован с особыми полномочиями для прекращения аграрных беспорядков. Как рассказывали, Дубасов действовал там очень энергично и держал себя отлично, не вызывая никаких нареканий. Я лично совсем не знал Ф. В. Дубасова, только видел его несколько раз, но никогда с ним даже не разговаривал. Будучи вызван из Курской губернии, он проезжал через Москву, приказ об его назначении уже был, и я поехал его встретить на Курский вокзал. Первое

Ф. В. Дубасов, московский генерал-губернатор
в 1905—1906 гг. 1906 г.

впечатление от свидания с ним было очень хорошее. Он пожелал между поездами проехаться по Москве и пригласил меня с собой. По дороге он меня расспрашивал о положении дел, выказывая мне полное доверие. С Николаевского вокзала, куда я его проводил, он уехал в Петербург, чтобы приехать окончательно 3 декабря.

Накануне приезда генерал-губернатора были беспорядки во 2-м гренадерском Ростовском полку, к счастью скоро ликвидированные.

3 декабря на вокзале собрались все начальствующие лица, генерал-адъютант Дубасов прямо с вокзала проехал со мной к Иверской, затем в Чудов монастырь поклониться праху великого князя Сергея Александровича и в Николаевский дворец представиться великой княгине Елизавете Федоровне, оттуда в генерал-губернаторский дом, где принял чинов генерал-губернаторского управления.

5 декабря состоялся общий прием всех должностных лиц и общественных учреждений г. Москвы в генерал-губернаторском доме. Когда все собрались, вышел генерал-губернатор Ф. В. Дубасов и, сделав общий поклон, обратился к присутствовавшим со следующей речью:

«С высочайшего Государя императора соизволения я назначен московским генерал-губернатором, и этим почетным назначением мне оказана честь, которою я не могу не гордиться. Москва — первопрестольная столица России — всегда была хранительницей самых лучших и самых дорогих заветов русской жизни. Она всегда стояла на страже самых коренных устоев государства, общественного строя России, и потому вполне естественно, что назначение на пост московского генерал-губернатора увенчивало карьеру самых выдающихся слуг Престола и Отечества. Уже потому одному я не мог иметь притязаний на такое почетное назначение, и не имел я этих притязаний еще и потому, что вся служебная деятельность моя протекала в совершенно иной области. Вот почему, если б мое назначение состоялось при обыкновенных нормальных обстоятельствах, я почел бы своим долгом отклонить эту высокую честь. Но это назначение произошло при обстоятельствах совершенно исключительных и можно сказать «чрезвычайных», чрезвычайных, к сожалению, в прискорбном смысле.

С некоторого времени Москва изменила свой образ. Я не говорю, что она «изменилась», но что она изменила свой образ. В той самой Москве, в которой всегда билось сердце России, билось глубокой и горячей любовью к Родине, свили теперь гнезда элементы самой преступной и самой разрушающей пропаганды. Эта же Москва сделалась сборищем, рассадником мятежников, дерзко поднявшихся на разрушение коренных основ существующего порядка; и в этой же Москве совершилось злодейское убийство, глубоко возмутившее собой не только всех честных людей Москвы, но и всей

России. При таких обстоятельствах назначение на пост московского генерал-губернатора приобрело совсем иное значение, и вот почему я без всяких колебаний принял его, как принимают *боевой пост*. Но есть еще и другие причины, почему я не задумываясь пошел на этот боевой пост.

Я уже говорил, что Москва изменила свой образ, но я убежден, что Москва *не изменилась* и что в глубине своего сердца она осталась такою же, какою она всегда была. Я нисколько не сомневаюсь, что все, что произошло и посейчас происходит в стенах Москвы, глубоко возмущает и оскорбляет чувства чести и справедливости лучших людей Москвы и что эти лучшие люди пойдут вместе и заодно со мной в деле, возложенном на меня доверием Государя императора.

Совершенно уверенный в этом, я призываю вас оказать мне твердую и дружную поддержку в этом святом деле, причем ни на минуту не сомневаюсь, что мой призыв не заглохнет в этих стенах. Я должен сказать при этом, что, по моему глубокому убеждению, победа над крамолой должна быть достигнута не столько штыками и залпами, сколько нравственным воздействием и твердостью лучших общественных сил России, которых я приглашаю объединиться и сплотиться для дружной борьбы с крамолой.

Но поведение этой крамолы и тон, которым она позволяет себе говорить с законным правительством, предъявляя ему свои дерзкие требования, и обращения к нему с поднятыми кулаками переходят всякие пределы, и я, разумеется, ни на одну минуту не могу допустить этого. Во всех таких случаях я не остановлюсь ни перед какими самыми крайними и самыми суровыми мерами и буду непреклонно применять их так, как мне повелевает долг.

Призывая вас еще раз к содействию в выполнении возложенной на меня задачи, и я со своей стороны готов всячески облегчить ваш труд, как бы он ни был мал или велик. Для этого я предлагаю вам обращаться ко мне без всякого стеснения и во всякое время, так как при настоящих обстоятельствах я себя считаю на службе день и ночь».

Речь эта произвела огромное впечатление на всех присутствовавших, все почувствовали, что наконец в Москве водворилась твердая власть, что есть к кому обратиться, все были взволнованы. Впечатление произвели также и величественная фигура генерал-адъютанта Дубасова и тот твердый искренний тон, с которым он говорил.

После своей речи генерал-губернатор обошел всех присутствовавших и, простившись со всеми, удалился. Много было разговоров. Бóльшая часть уходила успокоенная, довольная, что наконец есть власть, другая же была сконфужена и, может быть, и недовольна, чувствуя себя не по себе после некоторых слов Дубасова, которые они не могли не принять по своему адресу.

После этого приема губернский предводитель дворянства князь

Трубецкой и все уездные предводители посетили меня в губернаторском доме по случаю моего назначения губернатором.

Надо отдать справедливость, назначение Ф. В. Дубасова нельзя не признать удачным для такого времени, которое мы все тогда переживали. Это был человек с железной волей, это был честный, благородный солдат, он не был администратором, дела он не знал, но у него был здравый смысл и он умел различать честное от нечестного. В душе он был добрым человеком и гуманным, но вспыльчивость его не знала границ, он в эти минуты забывал все и бывал очень неприятен, так как переходил должные границы. Часто эта вспыльчивость бывала от недовольства самим собой, когда ему что-нибудь докладывали, и он не мог схватить сути дела. Тогда он начинал сердиться, и тут ему противоречить нельзя было, так как он выходил из себя. Такими поступками он наводил панику на подчиненных, которые робели, а робости он также не переносил. Благодаря этому случались недоразумения, и он обрушивался иногда совсем несправедливо на кого-нибудь из своих подчиненных. Но это всегда бывало поправимо, так как ему стоило только потом спокойно и прямо доложить, что он не прав, и логически ему это доказать, он сейчас же менял тон и призывал того, на кого он напрасно накричал, и просил у него извинения, сознаваясь в своей неправоте.

Ко мне лично Дубасов все время относился с исключительным доверием и во время вооруженного восстания, когда ему времени не было заниматься текущими делами по генерал-губернаторскому управлению, передал все эти дела мне на разрешение, дав мне полномочие подписывать бумаги за него, что было даже не совсем законно, но оправдывалось обстоятельствами.

Во время вооруженного восстания он ни минуты не терялся, сохраняя полное присутствие духа. Его упрекали в излишней жестокости при подавлении восстания, но положение было такое трудное, что вряд ли подобное обвинение можно считать справедливым, а кроме того, ведь надо принять в соображение, что исполнителями его распоряжений были люди, люди разные, понимавшие его тоже по-разному, и, конечно, ошибки, излишества не могли не быть. Одно известно, и это факт, что как только восстание было подавлено, он сейчас же написал Государю, прося судить всех виновных обыкновенным судом, и настоял на этом исключительно благодаря своей твердости, так как управлявший тогда Министерством внутренних дел П. Н. Дурново высказывался за военный суд. Таким образом, подавив восстание, Дубасов считал, что достоинство власти требует не мстить, а разобрать виновность каждого наиболее доступным беспристрастным образом на основании общих законов; благодаря этому ни одного смертного приговора вынесено не было.

Ниже я буду еще говорить о том, какое участие генерал-адъютант Дубасов принял в оказании помощи семьям жертв восстания.

6 декабря, день тезоименитства Государя императора, был отпразднован в Москве как всегда, несмотря на тревожное настроение. В Успенском соборе было торжественное богослужение, на котором присутствовали все должностные лица и представители общественных учреждений во главе с генерал-адъютантом Дубасовым, по инициативе которого по окончании службы в Успенском соборе на Красной площади при огромном стечении народа было устроено всенародное моление за царя и Родину, причем порядок был образцовый. Никому и в голову не приходило, что на другой день Москва будет объята восстанием. В театрах везде шли праздничные спектакли, пели гимн, и только в императорском Большом театре вместо традиционной в этот день оперы «Жизнь за царя» была поставлена опера «Евгений Онегин».

На следующий день, т. е. 7 декабря, начались волнения. Советом рабочих депутатов была объявлена с 12 часов дня общая политическая забастовка, долженствовавшая перейти во всеобщую, так как предполагалось, что днем позже к ней должны примкнуть Петербург и затем вся Россия. Но день прошел, петербургские газеты продолжали выходить, междугородный телефон работал, функционировала и Николаевская ж. д., даже рабочие Путиловского, этого передового завода, продолжали еще работу, об остальных и говорить нечего. Этот индифферентизм Петербурга еще больше озлобил московских забастовщиков и придал им дерзости и энергии для дальнейшей борьбы в надежде, что они одни смогут достигнуть желаемых результатов. Они и не остановились поэтому перед решением начать вооруженное восстание. При этом Совет рекомендовал до начала восстания избегать столкновения с полицией и войсками. Первыми забастовали типографии, потом крупные заводы и фабрики — Прохоровская мануфактура и бóльшая часть фабрик Пресненского района, затем Замоскворечье, Кожевники, Сыромятники, Лефортовский и Сокольнический районы. Забастовали железные дороги Московского узла, кроме Николаевской. Кое-где собирались митинги забастовавших рабочих. Торговые заведения были в некотором колебании, но понемногу и они стали закрываться.

Союз инженеров решил присоединиться и забастовать, все технические конторы закрылись. В банках было волнение. Работа не прекращалась, но забастовка была как бы предрешена. На забастовку откликнулись и учебные заведения, куда являлись делегаты от Союза учащихся и требовали прекращения занятий.

Забастовала Центральная электрическая станция, следствием чего деятельность учреждений, получавших энергию из этой станции, само собой, прекратилась около 3 часов дня. К вечеру прекратилось движение конок. Только водопровод и газовый завод распоряжением главарей забастовки продолжали работать, последний — ввиду того, что при морозах от чрезмерного накопления газа

могли лопнуть газовые трубы и причинить большие непоправимые бедствия помимо воли забастовщиков.

Начатая забастовка очень скоро утратила мирный характер, и в этот же день произошли первые столкновения забастовщиков с войсками и полицией. Демонстранты, ходившие с красными флагами и требовавшие закрытия магазинов, разгонялись войсками и полицией. Вечером вышел первый номер «Известий Совета рабочих депутатов», отпечатанный в типографии Сытина, где забастовщиками была арестована вся администрация и задержана до окончания печатания этого номера и вывоза отпечатанных номеров из типографии. В этом номере «Известий» было объявлено, что Московский совет рабочих депутатов в союзе с Социал-демократической партией постановил объявить всеобщую забастовку с тем, чтобы перевести ее в вооруженное восстание. Далее указывались условия, при которых забастовка должна быть проведена. Вечером ни в одном театре, как казенном, так и частном, спектаклей уже не было.

В этот же день в большом думском зале под председательством отставного генерал-майора Аверьянова состоялся митинг забастовавших служащих центрального управления городской управы. На этом митинге было решено организовать для правильного течения забастовки забастовочный комитет и признать, что во всех отделениях управы должны оставаться дежурные, дабы забастовка не отражалась пагубно на делах города; но уже 9 числа Исполнительный совет [43] снял с занятий всех без исключения служащих. Примеру городского управления последовала и Московская губернская земская управа, хотя неофициально она все же понемногу работала.

В этот день генерал-адъютант Дубасов созвал военное совещание для выработки мер при совместных действиях войск и полиции. Совещание это происходило у командующего войсками генерала Малахова, куда прибыл и Дубасов со мной, и градоначальник. Последствием этого совещания явилось первое объявление генерал-губернатора, в котором он объявляет Москву и Московскую губернию в положении чрезвычайной охраны. Одновременно с сим начались аресты. Арестован был весь состав рабочих депутатов, но его тотчас заменил другой состав. Были арестованы также члены Бюро Железнодорожного союза [44]: Красов, Переверзев и Богданов.

Между тем на улицах царило большое оживление, всюду, казалось, было спокойно, магазины то закрывались, то опять открывались, в зависимости от появления демонстрантов, требовавших их закрытия. У многих магазинов с зеркальными стеклами шла спешная работа — устраивали деревянные щиты для предохранения их.

В этот день демонстранты уже начали кое-где прибегать к насилиям и пускать в ход оружие. В некоторых частях города были попытки устроить манифестации, полиция и драгуны рассеивали

манифестантов. Были случаи самосудов с той и другой стороны. Число бастующих достигло 100 000. Одна биржа устояла и не примкнула к забастовке.

События начали разыгрываться в ночь на 9 декабря после грандиозного митинга в «Аквариуме», где собралось более 10.000 человек и где настроение было очень возбужденное; речи лились потоками, возбуждая и без того наэлектризованную толпу. На этом митинге, между прочим, было постановление арестовать генерал-губернатора Ф. В. Дубасова. Пока шли дебаты, войска — казаки, драгуны и пехота — обложили «Аквариум», заседание было прервано, все бросились к выходу, но тут каждый был подвергнут обыску — отбиралось оружие; арестовано было не более 100 человек, часть которых по удостоверении личности была отпущена. Полиция упустила при этом из виду, что не особенно высокий забор позади отделял «Аквариум» от переулка. Благодаря этому главарям и большинству «боевых дружин» удалось выбраться из сада через этот забор на свободные от войск улицы. Часть укрылась в Комиссаровском училище. Наутро в саду «Аквариум» было найдено несколько сот револьверов, кинжалов и ножей, брошенных участниками митинга. Конечно, не обошлось без толков об убитых и раненых. Но это была неправда. Это столкновение обошлось без всяких жертв.

В ночь на 9-е в Москве, если можно так выразиться, разыгрался первый бой с засевшими в реальном училище Фидлера в Лобковском переулке революционерами. В эту же ночь два молодых человека, оставшиеся неизвестными, на лихаче проезжая мимо охранного отделения в Гнездниковском переулке, бросили туда две бомбы, произошел страшный взрыв. Последнее время в училище Фидлера происходили ежедневные многочисленные митинги, а в этот день должна была собраться боевая дружина, которая на рассвете должна была захватить Николаевский вокзал, взяв в свои руки сообщение с Петербургом, другая же боевая дружина должна была завладеть городской думой и Государственным банком, объявив временное правительство.

Утром 9 числа я, больше из любопытства, так как за порядок в городе, находившемся в ведении градоначальника, не отвечал, поехал посмотреть на результаты обстрела дома Фидлера, а также и последствия взрыва в охранном отделении. Было половина восьмого утра, когда я верхом выехал из губернаторского дома и направился по бульварам в Лобковский переулок. Погода была чудная, легкий мороз, солнце ярко светило, на улицах казалось спокойно, нельзя было предполагать, что через несколько часов начнется восстание. Приехав в Лобковский переулок, я увидел огромные зияющие дыры от снарядов на фасаде дома Фидлера, на улице и во дворе полнейший хаос, внутри все переломано, исковеркано. В это время дом был оцеплен, судебные власти производили осмотр, никого не пропускали.

От свидетелей я узнал, что еще в 10 часов вечера вся местность, облегающая реальное училище Фидлера, была оцеплена драгунами Сумского полка, частью Самогитского, городовыми и жандармами. В 12 часов ночи прибыло два орудия конной батареи под прикрытием сумских драгун. Командовал всем отрядом ротмистр Сумского полка Рахманинов. В это время в доме Фидлера находилось несколько сот человек. Когда прибыли войска, то к ним вышел сам директор училища Фидлер. Ему и было предъявлено требование, чтобы участники митинга сдали оружие. Революционеры не согласились, тогда им дан был час времени на размышление, после чего в случае нового отказа, по троекратном сигнале войска откроют огонь.

За 5 минут до назначенного срока из окон раздались выстрелы, пехота ответила залпом; брошенными из окон бомбами один офицер был убит, другой тяжело ранен. Тогда по дому Фидлера было выпущено из орудий 4 боевых снаряда. Перепуганные участники митинга, видя, что с ними не шутят, стали убегать из помещения через соседние дворы, куда они спускались по веревочным лестницам. Квартиранты соседнего дома задержали трех из них и передали полиции. Другие выбросили белый платок в знак сдачи. Но как только войска вошли в здание, они были встречены одиночными выстрелами. Тогда из орудий выпущено было еще несколько снарядов. Осажденные сдались. Это было около 3 часов утра. Оказалось убитыми 5 и ранеными 15 революционеров, среди них и директор Фидлер. Когда войска и следственные власти вошли в здание, то наткнулись на баррикады, в комнатах найдены были револьверы, ножи, бомбы; в отдельной комнате оказался лазарет с ранеными, которым уже была оказана первая помощь их же санитарным отрядом. Все арестованные, около 120 человек, были отправлены в Бутырскую тюрьму, где я их видел: это была все больше зеленая молодежь.

Из училища Фидлера я проехал в Гнездниковский переулок, где застал картину полного разрушения, причиненного взрывом. Разрушена была целая часть фасада охранного отделения, причем был убит находившийся внутри здания околоточный надзиратель и тяжело ранен сторож. Начальником охранного отделения был в то время ротмистр Петерсон — очень нераспорядительный и не соответствовавший занимаемой им должности офицер. Осмотрев разрушенное охранное отделение, я поехал домой.

Выехав на Страстную площадь, я увидел посреди Тверской улицы разношерстную толпу, некоторые были в высоких папахах (впоследствии оказалось, что это были группы революционеров, собиравшиеся начать вооруженное восстание). Подъехав к этой толпе, я попросил их дать мне дорогу, на что они, как бы неохотно, посторонились, и я шагом доехал до своего дома. Это было около 10-ти утра. Как только кончился у меня доклад правителя канцелярии и я стал разбирать бумаги, раздался звук орудийного

выстрела так близко, что все стекла у меня задребезжали, затем грянул следующий. Посмотрев в окно, выходившее на Тверскую, я увидал толпу, бегущую в панике со стороны Страстной площади; когда же эта толпа пробежала, то на панели напротив остались лежать два трупа — очевидно, шальные пули настигли их. Когда я поднялся наверх, где у меня было окно, из которого видна была Страстная площадь, то моим глазам представилась необычайная картина: на всех углах видны были группы людей в папахах, которые прячась, по одному выбегали за угол и куда-то стреляли. На площади стояли орудия, пехота, стрелявшие в разные стороны.

В это время раздался телефонный звонок, я узнал голос Ф. В. Дубасова, который меня пригласил сейчас же к нему приехать. Я ответил, что сейчас буду, и приказал как можно скорее подать сани. В это время ко мне вошел околоточный надзиратель, чтобы предупредить меня, что я отрезан от дома генерал-губернатора, так как все переулки вокруг моего дома заняты боевыми дружинами. Очевидно, и Дубасову это было доложено, так как в эту минуту раздался звонок телефона — Дубасов предупреждал меня, что он высылает для сопровождения меня полуэскадрон драгун. Действительно, через несколько минут мой дом был окружен этим полуэскадроном. Когда я уже садился в сани, директор гимназии, находившейся на Страстной площади, по телефону обратился ко мне с просьбой помочь, говоря, что у них было родительское совещание и что все родители в полной панике, не зная, как пробраться домой. Я ответил, что сейчас приеду, и приказал прямо ехать в гимназию, куда я и подъехал, окруженный драгунами. Расставив драгун цепью, я предложил всем родителям выйти на улицу под охраной драгун и идти скорее на Страстной бульвар, а оттуда по домам.

Когда я приехал к генерал-губернатору (революционеры, увидав внушительную силу, куда-то попрятались, так что даже не стреляли), то застал у него начальника штаба округа барона Рауш фон Траубенберга, градоначальника барона Медема и управляющего канцелярией А. А. Воронина. Решено было созвать совещание из представителей всех ведомств, общественных и сословных учреждений, чтобы осведомить всех о принятых и принимаемых мерах. Начальник штаба и градоначальник уехали, а я еще остался, чтобы помочь составить список членов совещания. Все это время по телефону поступали донесения от градоначальника, начальников войсковых частей, занимавших разные районы города; донесения эти были все тревожного характера.

Около 4 часов дня я попросил разрешения генерал-губернатора проехать домой проведать, что творится в губернии, просмотреть донесения, с тем чтобы вернуться к вечеру. Полагая, что теперь революционеры уже оттеснены со Страстной площади, я поехал в своей одиночке без эскорта, но доехав до площади, убедился, что

переехать ее не могу — перекрестный ружейный огонь не прекращался. Тогда я приказал повернуть, надеясь свернуть в переулок и окружным путем проехать к себе. Но как только я въехал в Козицкий переулок, то сразу увидал, что попал не туда — на подъезде одного из домов развевался флаг Красного Креста и стояла группа в папахах (революционеры устраивали перевязочные пункты во многих улицах и переулках и для обозначения вешали флаги Красного Креста). Поворачивать было поздно, я приказал кучеру ехать полным ходом. Меня не узнали, и я проехал так быстро, что они и спохватиться не успели.

Выехав на Дмитровку, я хотел повернуть налево, но увидел опять группу в папахах, тогда пришлось взять вправо — меня заметили, но, очевидно, не узнали, так как послышались крики: «Офицер», и вслед за сим несколько человек, стреляя вдогонку, побежали за моими санями. Пули свистели, но ни одна не попала в меня. Доехав до Столешникова переулка, я повернул в Козьмодемьянский, тут уже стояла цепь полиции, и я благополучно вновь приехал в генерал-губернаторский дом, не имев возможности доехать до своего дома. Только вечером, уже около 10 часов я вернулся к себе, но не один, а в сопровождении взвода драгун. Так прошел для меня первый день московского восстания.

На другой день генерал-губернатор командировал в мое распоряжение 15 драгун, которые все время беспорядков оставались у меня во дворе для охраны моего дома, сменяясь через сутки. Из числа этих драгун четверо меня всегда сопровождали при моих выездах, а выезжать приходилось ежедневно по нескольку раз; к генерал-губернатору я ездил все время беспорядков по два раза в день, кроме того, приходилось ездить еще и к градоначальнику, и в штаб округа, и в губернское правление, и в Кремль.

Внутри дома мне пришлось изменить несколько порядок и переехать в комнаты, выходившие во двор, тем более что во многих окнах на улицу не было стекол, они были выбиты от сотрясения воздуха при пальбе из орудий и пострадали от шальных пуль. Эти комнаты ночью охранялись двумя внутренними часовыми, кроме того, стоял пост у ворот с подчаском на случай тревоги. От полиции в моем распоряжении был околоточный надзиратель и 6 чинов жандармского дивизиона, из них два конных для посылок.

В течение всего 9 числа, первого дня восстания, в разных местах города происходили стычки демонстрантов и революционеров с войсками. Местами начались отдельные нападения на городовых и одиночных военных. Много демонстрантов было арестовано, среди них курсистки и студенты, некоторые с револьверами. У женщин находили револьверы за чулками.

Первые выстрелы со стороны войск, как оказалось впоследствии, раздались в Москве на Страстной площади по толпе, избившей городового и сделавшей несколько выстрелов по проезжавшим дра-

гунам, причем 2 драгуна, раненные, свалились с лошадей. Было столкновение и у Николаевского вокзала, где большая толпа революционеров пыталась захватить вокзал, чтобы прервать сообщение с Петербургом, но войска энергично рассеяли толпу. В эту же ночь произошло еще одно значительное столкновение на Тверской улице, против Триумфальных ворот, где боевая дружина, сняв провода электрического трамвая, устроила проволочное заграждение, чтобы казаки и драгунские патрули не могли свободно проезжать. Тут же были устроены баррикады из бочек, сорванных с домов вывесок, телеграфных столбов и т. д. При разгроме этих баррикад ночью было немало раненых, большинство увезено было дружинниками на извозчиках, одного извозчика, отказавшегося везти раненого, дружинники убили и завладели его лошадью.

Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов особыми прокламациями объявил вооруженное восстание на 6 часов вечера 10 декабря, предписав даже извозчикам кончить работу к этому времени. Но вооруженные столкновения начались гораздо раньше этого срока, и 10 декабря восстание с утра уже было в полном разгаре. В этот день участились случаи нападений, разоружения и убийств отдельных чинов полиции и офицеров. На углу Тверской и Газетного переулка толпа напала на проходившего офицера и, сорвав с него погоны, когда тот выхватил револьвер, растерзала его. На Тверской, возле магазина Елисеева, был такой случай: какой-то юный субъект пристал к проходившему офицеру, требуя от него выдачи шашки. Офицер смутился, но в это время из парикмахерской Буланова выскочил какой-то полковник и спросил у престававшего к офицеру, что ему нужно. Услыхав, что тот требует шашку, и заметив у него револьвер, полковник не долго думая выстрелил и наповал убил революционера. В этот же день по Малой Грузинской улице шел штабс-капитан 98 пехотного Лифляндского полка Горанский, эвакуированный с Дальнего Востока. Его настигли три дружинника и потребовали выдачи оружия, но штабс-капитан Горанский отказал, за что и был тут же убит.

Число баррикад, несмотря на то, что некоторые из них разбирались чинами полиции, войсками и пожарными, все возрастало и возрастало. Первые баррикады — у старых Триумфальных ворот, на Брестской улице, по Садовой от Тверской до Кудрина, по Пресне, по бульварам, в некоторых переулках, на Долгоруковской, где баррикады были особенно основательные, на Лесной, где баррикады строили из трамвайных вагонов, на Арбате и т. д. Были и такие баррикады, которые строились инженерами, эти действительно помогли революционерам, так как были построены фундаментально. В этот день уже вся Москва огласилась одиночными и групповыми выстрелами дружинников, которые большею частью стреляли из-за угла и тотчас разбегались.

На Страстной площади стояли орудия и пулеметы, из этих

орудий разбивали баррикады, строившиеся у Триумфальных ворот. Так как из некоторых домов дружинниками производились выстрелы в проходящие войска, то было отдано распоряжение обстреливать эти дома.

В три с половиной часа удалось сбить баррикады у старых Триумфальных ворот, и войска очистили всю Тверскую улицу и, обстреляв затем Садовую, продолжали разбирать баррикады. К 11 часам вечера все стихло. В этот день разграблен был оружейный магазин Торбека на Театральной площади, войскам удалось подоспеть вовремя и арестовать всех находившихся в магазине. Почта и телеграф продолжали работу, но за отсутствием электрического света ночью не принимали депеш.

11 декабря вся жизнь в городе замерла. С утра вновь загрохотали орудийные выстрелы, главным образом по баррикадам, с целью их разрушить; трещали ружейные залпы и одиночные выстрелы. Драгуны и казаки, без отдыха находясь в седле, на морозе, конечно, были озлоблены. То и дело раздавалась стрельба по толпе, где бы она ни собиралась, при малейшем подозрении, что среди нее находятся дружинники. Последние же совершали партизанские нападения, выскакивали из-за угла и, постреляв, рассеивались и разбегались, желая этими вылазками утомить войска. Революционеры распускали слухи, что это все только начало, что генеральный бой будет тогда, когда из Орехово-Зуева прибудет 30 тысяч вооруженных рабочих, а от латышей прибудет артиллерия; они рассчитывали и что войска Московского гарнизона в решительную минуту перейдут на сторону мятежников, но войска, несмотря на свою малочисленность (половина была на Дальнем Востоке), остались верны правительству, перенося тяжелые условия с редким самоотвержением.

В этот день произошло большое столкновение в Каретном ряду. Жандармы дивизиона, помещавшегося в казармах по Петровке, были посланы разобрать баррикады у театра «Эрмитаж», но их там окружили дружинники, потребовавшие, чтобы они им сдались. Жандармы ответили револьверными выстрелами. Произошло целое сражение, жандармы одержали верх, открыв сильный огонь, жертв было много.

Одновременно в разных местах города войска обстреливали ряд домов, из окон которых стреляли по войскам: дом Обидиной на Петровке, меблированные комнаты «Централь» на Дмитровке, трактир «Волна» в Каретном ряду, дом Шугаева, из которого полурота Киевского полка была буквально засыпана пулями, дом Базыкина, откуда революционеры стреляли из английского пулемета. Форменное сражение было вновь у Николаевского вокзала, где упорство революционеров было особенно сильно, но все их усилия были опять разбиты.

К вечеру после колоссальных усилий войскам удалось освободить баррикады на Садовой и Неглинной, но уже ночью новые

баррикады выросли на их месте. Случаи убийств революционерами одиночных [чинов] войск и полиции участились, городовым приказано было снять форму, а в некоторых местах городовые стояли под охраной часовых. По всем улицам ходили патрули, на перекрестках, где стояли пропускные посты и прохожие подвергались обыску, горели костры.

В 11 часов вечера по приказанию генерал-губернатора были выключены все телефоны, за исключением телефонов должностных лиц, согласно списку, утвержденному генерал-адъютантом Дубасовым. К 12-ти ночи стрельба стала утихать, с Сухаревой башни город стал освещаться огромным прожектором. Ночью были нападения на участки Бутырский, второй Рогожский и Хамовнический.

По городу было расклеено следующее объявление московского генерал-губернатора от 11 декабря:

«Упорство, с которым все еще поддерживается мятежническое движение, и тяжесть утомительной службы полиции и войск, непрерывно занятых подавлением этого движения, вынуждают меня принять на время следующие новые охранительные меры:

I. 1. После шести часов вечера все находящиеся на улицах лица будут подвергаемы обыску, и в случае, если у них окажется оружие, при отсутствии установленного разрешения на ношение такового, такие лица будут задерживаемы и подвергаемы аресту или штрафам в порядке, установленном ранее объявленными постановлениями.

2. Так как не только собирающиеся на улицах толпы, но и незначительные кучки всегда являются прикрытием для мятежников, стреляющих в полицию и войска, то обыватели предупреждаются, что против всяческой образовавшейся на улице кучки более трех человек полиции и войскам предписано употреблять оружие.

3. Мятежники, между прочим, сформировали отряды для медицинской помощи своим раненым, именующие себя отрядами Красного Креста и присвоившие принадлежащие этому учреждению внешние отличия. Объявляется обывателям, что мятежникам, раненным в вооруженном столкновении с войсками, медицинская помощь будет оказываема наравне со всеми лицами, нуждающимися в этой помощи, учреждениями, находящимися в ведении законных властей; медицинские же отряды, действующие в соучастии с мятежом, будут везде задерживаемы и подвергаемы законному преследованию, а в случаях, когда они сами действуют оружием (такие случаи уже установлены) или смешиваются с мятежническою толпой, против которой вызваны полиция или войска, они будут обстреливаемы этими войсками.

4. Напоминается обывателям, что за повреждение телеграфа и телеграфных столбов закон карает: лишением всех особенных прав и заключением в арестантские отделения или лишением всех прав состояния и ссылкой в каторжные работы; в некоторых же важнейших случаях даже и смертною казнью. Поэтому лица, захваченные

при указанных повредительствах на месте преступления, будут предаваемы суду; но при затруднительности, а часто и невозможности задержания таких преступников полиции и войскам приказано прекращать всякие покушения на телеграф выстрелами.

II. В дополнение уже опубликованных в столице обязательных постановлений объявляю, что ввиду все продолжающихся случаев стрельбы по чинам полиции и войскам из засад, а также под прикрытием темноты мною впредь до отмены постановлено:

1) В местах, где прекращено освещение, с наступлением темноты воспрещается открывать форточки или окна, обращенные на улицы; а стекла таких окон должны быть завешены.

2) Воспрещается всем, кроме лиц должностных, исполняющих свои служебные обязанности, выходить на улицу от 9 часов вечера до 7 часов утра.

Настоящие обязательные постановления издаются на основании Правил о положении чрезвычайной охраны, распространяются на г. Москву, вступают в силу сего числа, а виновные в их нарушении подвергаются в административном порядке заключению в тюрьме или крепости на 3 месяца или аресту на тот же срок, или денежному штрафу до 3.000 руб.».

12 декабря утром было сравнительно спокойно, в центре царила тишина, бой перешел на окраины. Относительное спокойствие в центре позволило торговцам на некоторое время открыть свои магазины и лавки, пока одиночные выстрелы не возобновились и заставили вновь всех спрятаться. Часть Тверской возле дома генерал-губернатора была окружена нарядами и воинскими патрулями — тут никого не пропускали, также и в Китай-город, и Кремль.

В этот день на жизнь градоначальника барона Медема, находившегося на улице у своего дома, покушался какой-то субъект с повязкой Красного Креста на руке. Но он не успел даже произвести выстрел, как был арестован с сопровождавшей его женщиной.

С 4 часов дня город погрузился в темноту, так как хотя газовый завод и работал, но фонарщики перестали зажигать фонари, кроме того, многие фонари пошли на устройство баррикад. Город освещался прожекторами. Весь день по городу сновали кареты, полицейские и больничные, собиравшие раненых и трупы, больницы все переполнились.

Новое объявление генерал-губернатора, гласившее, чтобы ворота и двери домов и дворов были бы закрыты, причем ответственность за это, а также и обязанность следить, чтобы в домах не хранилось оружие и взрывчатые вещества, возлагалась на домовладельцев и управляющих под страхом секвестра имущества, возымело действие — домовладельцы уже без войск, собственными силами стали разбирать баррикады и ставить ворота на свои места, а три дня назад эти же домовладельцы, управляющие домами и другие из

трусости и малодушия, быть может, сами помогали революционерам и тащили сами свои ворота на баррикады. В этот день стали функционировать отряды добровольной милиции, действовавшей под руководством полицейских офицеров.

На заседании, бывшем у генерал-губернатора в первый же день начала восстания, князь Щербатов предложил, ввиду малочисленности полиции и войск, организовать из добровольцев «Союза русских людей» [45] особую милицию в помощь полиции, на что Ф. В. Дубасов выразил согласие, но с тем условием, чтобы эта добровольческая полиция была набираема исключительно из лиц с хорошей рекомендацией и чтобы она действовала отнюдь не самостоятельно, а была раздроблена по участкам и всецело подчинена приставам. Это не особенно понравилось добровольцам, так как они хотели быть самостоятельными, и потому на этот призыв откликнулось сравнительно очень небольшое количество добровольцев, да и просуществовали эти отряды недолго.

Вечером на Пятницкой улице революционеры засели в типографии Сытина, были осаждены войсками, но отказались сдаться. Осада кончилась пожаром, истребившим всю типографию дотла; так и не удалось узнать, кто поджег, сами ли дружинники, чтобы во время суматохи легче спастись, или драгуны.

Одновременно приехавшими по Казанской дороге революционными дружинами в числе нескольких сот была сделана новая попытка овладеть Николаевским вокзалом. Часть их засела в потребительской лавке против вокзала и стала оттуда обстреливать стоявшие у вокзала войска, которые в свою очередь ответили артиллерийским огнем и разрушили лавку со всем ее содержимым. Дружинники, потеряв многих убитыми и ранеными, отступили на Казанскую дорогу, которая в то время была всецело в их власти. [...]

13 декабря утром было тихо, не слышно было даже ружейных выстрелов, но с полудня вновь раздались орудийные и ружейные выстрелы. Ввиду того, что револьверы оказались плохим средством защиты для городовых, большинство их снабдили берданками, а оставшихся при револьверах приказано было переодеть в штатское платье.

Передвижение по улицам по-прежнему сопряжено было с большой опасностью. В этот день меня обстреливали два раза, когда я выезжал из ворот своего дома, чтоб ехать к генерал-губернатору: какой-то субъект, вооруженный маузером, палил при моем выезде из слухового окна дома Шаблыкина, а из-за витрины с фотографиями стреляли другие. Драгуны, выскочив на выстрелы, тотчас на них ответили, а затем бросились к витрине и на чердак, но дружинников, конечно, и след простыл. После этого случая при всех моих выездах драгуны осматривали окружающую местность и выходили, держа наизготовку ружья, в разных направлениях, пока я проезжал через ворота. На Страстной площади в меня стрелял тоже кто-то из

форточки 7-й гимназии. К счастью, ни одна пуля не попала в сопровождавших меня драгун, ни в кучера.

В этот же день на Тверской, недалеко от дома губернатора, революционеры открыли стрельбу из засады по проезжавшему военному обозу. Драгуны из моего дома и войска, сопровождавшие обоз, ответили дружинникам залпами. Сильно пострадала в этот день от выстрелов аптека Рубановского на углу Живодерки. Число жертв, зарегистрированных по 13 число, было около 50 убитых и 350 раненых, из коих 30 умерло в больницах. К вечеру началась ожесточенная канонада у Прохоровской мануфактуры, где рабочие, хорошо вооруженные, повели партизанскую войну с городовыми, околоточными и небольшими патрулями войск.

Все эти дни генерал-адъютант Дубасов, сознавая, что если восстание продлится еще несколько дней, то малочисленный московский гарнизон будет прямо не в силах продолжать дальнейшую борьбу, и может произойти катастрофа, вел усиленные переговоры по телефону с Петербургом о командировании свежих войск на помощь. В Петербурге не особенно сочувственно отнеслись к этому и потому медлили. Было только сделано распоряжение военным министром о командировании в Москву из Царства Польского Ладожского пехотного полка. Но прибытие этого полка запоздало, так как революционеры, еще далеко от Москвы, спустили с рельс несколько вагонов поезда, в котором находился один из эшелонов полка. После долгих переговоров и настояний Петербург смилостивился, и в Москву был командирован Лейб-гвардии Семеновский полк и батарея конной артиллерии с прикрытием полуэскадрона Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. 14 декабря сразу с двух сторон прибыли подкрепления: из Варшавы — Ладожский полк, из Петербурга — Семеновский с артиллерией. Генерал-губернатор вздохнул свободно.

В центре города в это время стало значительно спокойнее, открылись лавки, торгующие съестными припасами, на улицах стали появляться любопытные. Но артиллерийская стрельба, к которой обыватели уже несколько привыкли, не прекращалась; из орудий обстреливались некоторые дома в Миуссах, откуда стреляли по войскам, тут же на Лесной расстреливали баррикады около Бутырской тюрьмы.

Бутырская тюрьма в это время была совершенно изолирована, так как телефонное сообщение было прервано, восстановить его не было возможности, и я ничего не знал, что там происходит. С другими тюрьмами сношение инспекции не прекращалось, и я о них не тревожился. Бутырская же предоставлена была сама себе, правда, конвойная команда, помещавшаяся рядом, приняла на себя охрану как тюрьмы, так и больницы, но это меня не удовлетворяло. Чтобы проникнуть туда и получить сведения, я просил вице-губернатора пройти в тюрьму, пользуясь тем, что его обыватели не знают и при-

мут его за частное лицо, и потому, может быть, ему удастся умело пройти через баррикады. Он мне тотчас ответил, что сейчас отправится, но приехав домой, позвонил мне и сказал, что ему очень нездоровится. Я понял, что жена его не пускает, и обратился тогда в тюремную инспекцию. Помощник тюремного инспектора Козлов вызвался пройти и доложить мне о результатах. Ему удалось пройти через три баррикады, раз его остановили дружинники, но благодаря его находчивости благополучно пропустили.

Оказалось, что тюрьме пришлось выдержать несколько наступлений революционеров, и только благодаря умелым энергичным действиям конвойной команды под руководством опытного начальника тюрьмы генерал-майора Мецнера тюрьма устояла. Начальник тюрьмы просил прислать провизии и для конвойной команды патронов. Я доложил об этом генерал-губернатору, который и приказал сбить баррикады вокруг тюрьмы и отправить под прикрытием двух рот Таврического полка съестные припасы для тюрьмы и патроны для конвойной команды.

Между тем случаи убийств одиночных солдат и городовых все увеличивались, в этот день в разных частях города было убито до 20 городовых. Общее же число убитых и раненых с обеих сторон насчитывалось уже до 1000. Эти дни стал замечаться отлив народа из столицы, по шоссейным дорогам в разных направлениях от заставы можно было видеть целые толпы — это крестьяне, рабочие и извозчики разъезжались по деревням.

Войска постепенно овладевали находившимися в распоряжении революционеров ближайшими железнодорожными станциями к Москве. Среди рабочих некоторых районов началось движение в пользу прекращения забастовки, нужда давала себя знать. С этого дня строго стало соблюдаться распоряжение генерал-губернатора, по которому движение по улицам, за исключением служебной надобности, разрешалось только до 9 часов вечера, а между 6 и 9 часами все подвергались обыску.

Частные абоненты городской телефонной сети по-прежнему оставались выключенными по распоряжению Дубасова, также и телеграф предоставлен был только правительственным учреждениям. Отсутствие газет особенно остро дало себя чувствовать, так что когда в этот день появились петербургские газеты, то они раскупались нарасхват, а на Николаевском вокзале произошло даже столкновение между газетчиками, желавшими воспрепятствовать продаже прибывших газет оптовым торговцам.

Доставка крестьянами в столицу продуктов и припасов почти остановилась, так как на окраинах нападали оборванцы и отнимали припасы.

Поздно вечером получено было донесение об ужасном по обстановке случае революционного суда над А. И. Войлошниковым — начальником сыскной полиции. В 6 часов вечера в квартиру Вой-

лошникова в Волковом переулке на Пресне явилось 6 вооруженных маузерами дружинников и под угрозой выломать дверь потребовали, чтобы ее открыли. Направив револьверы на Войлошникова и окружавших его жену и трех малолетних детей, дружинники запретили им двигаться. Был прочитан смертный приговор о расстрелянии, и ему предложено было проститься с родными. Напрасны были мольбы и слезы семьи, Войлошникова вывели на улицу и расстреляли. А. И. Войлошников был очень честный и можно сказать гуманный, благородный человек.

Такие же приговоры объявлены были и многим другим чинам полиции, агентам сыскной полиции, приставам, околоточным (Сахаров) и др. Иногда эти приговоры не приводились в исполнение, заменялись арестом, некоторых же выпускали под честное слово.

15 декабря в центре столицы все было спокойно. Количество прибывших войск позволило усилить число и состав патрулей, партизанская война продолжалась больше на окраинах. Число убитых городовых возрастало, в одной Сретенской части было убито 17 городовых. Произведено было много арестов, в доме Толмачева на Тверской улице удалось захватить 10 человек революционеров с адскими машинами, бомбами и важными документами и также переписку, скомпрометировавшую многих видных москвичей.

В течение дня постепенно разбирались оставшиеся баррикады в районе Садового кольца, работа шла успешно, так как противодействия со стороны дружинников и стрельбы не было. Многие магазины в этом районе открылись.

Ввиду многочисленных арестов были попытки освобождения арестованных нападением на участки, разгромлены были участки Тверской, Арбатский и один из Сущевских.

Под Москвой, у станции Перово, войска задержали 2 вагона, груженных оружием — 3000 винтовок, препровождавшихся из-за границы не без участия германского правительства. Впоследствии в лесу близ Кускова, уже год спустя, найдено было несколько металлических ящиков, зарытых в земле, заграничной укупорки, заполненных совершенно новыми германскими винтовками Маузера и винчестерами. Я их взял к себе и устроил в зале губернаторского дома четыре пирамиды, на которые и поместил эти «трофеи» печального времени с соответствующей надписью. Все, кто бывали у меня, всегда обращали внимание на эти пирамиды с ружьями, стоявшие в зале, они не укрылись от взоров и принцессы Ирины Прусской, супруги младшего брата императора Вильгельма принца Генриха, а также и великого герцога Макленбург-Стрелицкого и принца Генриха Баварского, в разное время удостоивших меня своим посещением.

16 декабря жизнь столицы, за исключением Пресни, куда отступали революционеры, мало-помалу начала приходить в нормальную колею, открылись магазины, баррикады продолжали разби-

раться пожарными, которые лихорадочно работали с помощью жителей. Все вокзалы были заняты войсками, и по линиям железной дороги направлены воинские отряды для возобновления железнодорожного движения, особенно сильный отряд был направлен по Казанской дороге, где боевая дружина была полным хозяином и упорно держалась. Пресня же продолжала быть окруженной баррикадами, в ней сосредоточились отступавшие мятежники и находился главный штаб революционеров. Все они, как оказалось впоследствии, были вооружены германскими винтовками Маузера и занимали укрепленные позиции.

А электрическая станция тем временем заработала, и в 3 часа дня все квартиры осветились электричеством — обыватели радостно вздохнули. [...]

Посмотрим теперь, что происходило в эти дни в городской думе, пока генерал-губернатор напрягал все свои силы, чтобы вернуть Москву в русло мирной спокойной жизни. Заседания думы происходили с 13 по 16 декабря ежедневно. В первом заседании 13-го гласные были сильно возбуждены, были прочитаны два заявления очень тревожного характера и написанные в довольно резкой форме, одно от гласного В. В. Пржевальского, другое от Конституционно-демократической партии. Суть заявлений одна и та же: говорится о расстреливании мирных жителей, отрядов Красного Креста и ничего о восстании, как будто войска и полиция сами начали междоусобицу. Оба заявления призывают думу обсудить «невыносимо тягостное положение города». По этому поводу возникли весьма острые прения и дебаты, все гласные разделились на два лагеря, одни защищали действия генерал-губернатора, другие порицали. Председатель, городской голова Н. И. Гучков, очень умело и умно примирял расходившиеся страсти.

Некоторые гласные говорили удивительные вещи, как, например, А. И. Геннерт, который находил, что «действия революционеров едва ли могут быть остановлены, так как они ведут борьбу из-за идеи», а В. В. Пржевальский, говоря, что «войска при подавлении восстания часто стреляют без надобности», находил, что «расстреливание артиллерией имеет последствием то, что мятежники мнят о себе слишком много» и что «баррикады — это декорация, которую администрация почему-то дает устраивать, не принимая мер противодействия». В другой же своей речи В. В. Пржевальский, отрицая, что Москва переживает восстание, сказал: «Я не боюсь торжества «его величества пролетариата», в России пролетариат никогда не будет торжествовать над массой народа. В России пролетариата мало, т. е. тех, кто живет личным трудом, вся масса — собственники. У нас 100 000 000 собственников, и говорить, что пролетариат может торжествовать, — нельзя».

Большие дебаты были по поводу слухов об обстрелах и арестах отрядов с повязками Красного Креста. В заседании 14 декабря

городской голова доложил о своем разговоре по сему поводу с генерал-губернатором, который заявил, что он может отдать распоряжение о неприкосновенности лиц, носящих повязки Красного Креста, только в том случае, если они будут иметь пропуска и удостоверения от городского головы или городского управления, так как с Красным Крестом было слишком много злоупотреблений со стороны революционеров, как то: два лица, снабженные повязкой Красного Креста, подошли к градоначальнику на расстояние 10 шагов и, вынув револьверы, хотели стрелять, но были обезоружены и арестованы. Затем на Арбате из редакции «Гриф», где висел флаг Красного Креста, обстреливали войска, и таких случаев было много. Предложенный генерал-губернатором порядок и был принят думой, которая и сделала по сему поводу соответствующее распоряжение.

Гласные Н. М. Кишкин и В. В. Пржевальский требовали учреждения милиции, причем первый позволил себе предложить предъявить генерал-губернатору совершенно неуместные требования: 1. Чтобы был немедленно образован Совет, выбранный городской думой, без совета которого генерал-губернатор не принимал бы никаких мер. 2. Устроить из жителей города милицию, руководимую комитетом, выбранным думой. 3. Разрешить всем жителям подавать помощь раненым и иметь повязки Красного Креста, и чтобы они были неприкосновенны и т. д. Но эти требования Н. М. Кишкина так и остались в воздухе, гласные его не поддержали. С. А. Левицкий тоже подал неуместное заявление, говоря, что для прекращения восстания надо «возложить на правительство ответственность за жертвы в московском вооруженном столкновении и созвать Учредительное собрание».

А. И. Гучков указывал, что положение гораздо опаснее, чем думают гласные В. В. Пржевальский, Н. Н. Щепкин и М. В. Челноков, и обратил внимание гласных на то, что городское управление собственными руками гласных явилось «цитаделью революции», что «во главе революции идут служащие города» и потому, «если бы полиция перешла в наши руки, — говорит Гучков, — то во главе ее стал бы генерал-майор Аверьянов, и, вероятно, он и был бы оберполицеймейстером, а как ни плох нынешний градоначальник, все же он его предпочитает Аверьянову». Далее Гучков предлагал отвергнуть все резолюции, так как считает, что «городское управление все равно при настоящих условиях справиться ни с чем не сможет, и не диктовать ему поэтому надо условия, а помогать». Такой вывод, сделанный Гучковым, вызвал в публике большие аплодисменты.

В заседании 15 октября * отличался, если так можно выразиться, М. В. Челноков. Шли дебаты о воззвании к населению. Он говорил

* Так в тексте. Правильно: 15 декабря.

против воззвания, основываясь на том, что «население и так совершенно спокойно», и при этом прибавил: «Вы обращаетесь к населению с просьбой прекратить кровопролитие, но население участвует только в том, что его кровь проливают, революционеров у нас мало».

В последнем заседании, 16 декабря, городским головой были доложены результаты заседания, бывшего накануне у генерал-губернатора, в котором принимали участие и представители думы. Этот доклад, по-видимому, удовлетворил гласных, так как он разъяснил все бывшие недоразумения и осветил с правильной точки зрения все распоряжения генерал-губернатора, только один Н. М. Кишкин не мог успокоиться и протестовал, но поддержки не встретил.

С этого дня у генерал-губернатора постоянно происходили совещания, на которых докладывались все принятые меры, выслушивались мнения представителей общественных учреждений, а также и доклады губернатора и градоначальника, после чего давались соответствующие директивы.

Председатель губернской земской управы Ф. А. Головин относился к совещаниям, по-видимому, не особенно сочувственно, так как на первом же заседании предложил генерал-губернатору вопрос: как понимать приглашения на эти совещания, являются ли члены ответственными за все меры, принимаемые для усмирения восставших, или же их только приглашают, чтобы они были в курсе дел. На это генерал-губернатор его успокоил, сказав, что члены совещания ни за какие действия, безусловно, не будут нести ответственности, что приглашает он их, чтобы выслушать мнения каждого и узнать, что происходит в подведомственном члену совещания учреждении, и чтобы на основании этих данных иметь возможность обсудить, как прийти на помощь, если в таковой учреждение нуждается. «Поэтому, — прибавил Ф. В. Дубасов, — вы можете быть покойны, никто от вас ответа не потребует, за все неудачи я беру ответственность всецело только на себя, успех же, конечно, я разделю со всеми членами совещания, так как считаю, что каждый присутствующий и высказывающий свое мнение тем самым приносит пользу, помогая мне ориентироваться».

К 17 декабря, как я говорил выше, остались только два района, занятых революционными дружинами: 1) Московско-Казанская ж. д. от Москвы до Коломны, тот участок, который служил подвозом боевых дружин из окрестностей, и 2) Пресня с фабриками Прохорова и Шмидта, где формировались главные боевые кадры мятежников. В эти районы и направлены были войска вечером 16 числа. Для восстановления движения по Московско-Казанской ж. д. и освобождения ее от мятежных элементов было отправлено 6 рот Лейб-гвардии Семеновского полка, 2 орудия Лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и 2 пулемета 5-й Туркестанской пулеметной роты под командой полковника Римана. Цель и назначение отряда,

согласно приказу командира Лейб-гвардии Семеновского полка флигель-адъютанта Мина, были: «захватить постепенно станции Перово, Люберцы и Коломну, уничтожить боевые дружины и восстановить железнодорожное движение».

Экспедиция эта выполнила задание к 20 декабря, когда весь участок был освобожден от мятежников, водворены законные агенты, восстановлена правильная их служба и открыто правильное железнодорожное движение по расписанию. Полковник Риман выполнил данную ему задачу, но, насколько мне кажется, жестокость его приемов не вполне оправдывалась положением дела. Он расстрелял, насколько мне память не изменяет, 63 человека, причем нескольких собственноручно, что, конечно, было не нужно. Сделал он это, очевидно, считая своим долгом показать пример своим подчиненным, но пример, не вызывавшийся обстоятельствами. Мне кажется, что ему следовало назначить военно-полевой суд — это было бы все-таки известное правосудие, и тогда нареканий не могло бы быть. Но Риман был человеком, понимавшим приказ в буквальном смысле, а в приказе было написано «арестованных не иметь и действовать беспощадно». Но, конечно, это надо было понимать — в случае сопротивления, а экспедиция Римана сразу навела панику на революционные дружины, и потому сопротивления уже не было. Эта экспедиция Римана и оставила поэтому какой-то неприятный осадок, какую-то черную страницу на общем фоне усмирения мятежа.

Для выполнения второй задачи — освобождения Пресни от засевших там боевых дружин — направлены были 10 рот Лейб-гвардии Семеновского полка, Ладожский пехотный полк, артиллерия и конно-гренадеры. Рано утром в 5 часов означенные войсковые части двинулись к Пресне под общей командой флигель-адъютанта полковника Мина. Артиллерия занимала позицию у Ваганькова кладбища, у Москвы-реки и у Зоологического сада. В задачу входило намерение выбить из частных домов мятежников и, заставив их сосредоточиться в каком-нибудь одном пункте, забрать их всех вместе.

Как только войска вступили в район Пресни, тотчас из домов — окон, чердаков и крыш раздались выстрелы. Семеновцы и ладожцы, не перестроившись еще в боевой порядок, были застигнуты врасплох и сразу понесли потери. Мосты Пресненский и Горбатый были забаррикадированы, и их пришлось брать штурмом, при этом был убит фельдфебель роты его величества Основин и несколько нижних чинов. Особенно сильному обстрелу подверглись семеновцы из дома Купчинской, который тоже пришлось брать штурмом. Войска продвигались по Пресне, встречая сильное сопротивление, и приходилось брать один дом за другим.

Главный контингент революционеров засел на фабрике Шмидта, где и помещался склад боевых снарядов всех дружин, вещевой склад и главная их касса. Фабрику бомбардировали, и она вся погибла

под развалинами. Сам Шмидт был арестован в доме Плевако на Новинском бульваре во время происходившего там совещания присяжных поверенных. Кроме фабрики Шмидта пришлось предать огню и несколько других домов, из которых мятежники открывали огонь по войскам. К вечеру широкое огненное зарево от пылающих домов на Пресне освещало весь город. В ночь на 18 декабря часть рабочих Прохоровской мануфактуры пришли к начальнику отряда флигель-адъютанту полковнику Мину с ходатайством не стрелять по жилым помещениям этой мануфактуры, чтобы дать возможность женщинам и детям оставить помещения. Поэтому все военные действия были прекращены на все 18 число.

Впоследствии выяснилось, что просьба о женщинах и детях была только предлогом для прекращения стрельбы, так как этим воспользовались боевые дружины и бежали на новый сборный пункт, устроенный ими на сахарном заводе в полутора верстах от Прохоровской фабрики. Войскам пришлось брать и этот завод, что и было приведено в исполнение 19 декабря, когда свыше 450 рабочих сдали огнестрельное и холодное оружие. Таким образом, Пресня — последний оплот революционеров — была ликвидирована. Раненых чинов полиции и офицеров было 17, нижних чинов 49. У забастовщиков 42 убито и 131 ранено.

Не могу не упомянуть о весьма прискорбном случае, имевшем место 17 декабря на Пресне, когда в своей квартире был убит доктор В. В. Воробьев приставом 2 участка Тверской части ротмистром Ермоловым. В 12 часов дня Воробьева позвали к раненому в один из домов на противоположной стороне улицы, он пошел, сделал перевязку; потом его позвали к другому раненому. Когда он переходил улицу и шел к своему дому, то в него начали стрелять, он поднял руки в доказательство того, что он безоружен, и благополучно вернулся домой. Едва он успел войти к себе, как на парадной послышался звонок и к нему вошел полицейский офицер с шестью солдатами. Ротмистр Ермолов обратился к нему с вопросом: «У вас Красный Крест?», так как на подъезде висел флаг Красного Креста. «Нет», — ответил доктор. «Вы сочувствуете революционерам?» — «Я не сочувствую им, но моя обязанность как врача подавать помощь всем, кто в ней нуждается». — «У вас есть оружие?» — «У меня есть револьвер, но я имею разрешение градоначальника». При этом доктор повернулся, пристав же Ермолов вдруг вынул револьвер и выстрелил Воробьеву в затылок. Случай ужасающиий, объяснить его можно только страшным мозговым и физическим переутомлением Ермолова, который буквально не знал отдыха ни днем, ни ночью с самого начала восстания. Это был очень хороший пристав, и зверских наклонностей у него не было, в участке он пользовался симпатиями обывателей, заступался всегда за меньшую братию. Ермолов был предан суду и приговорен к лишению дворянства, чинов, орденов с отдачей в исправительное арестантское отделение на

4 года, а вдове доктора Воробьева суд обязал Ермолова уплачивать по 75 руб. в месяц, а дочери до совершеннолетия по 50 руб. Впоследствии Государь помиловал Ермолова.

19 декабря была еще маленькая вспышка — с 3 часов утра началась стрельба со стороны вдовьего дома по расположенным во дворе Пресненского полицейского дома войскам. Дружинники были выбиты из вдовьего дома, причем убито было четыре дружинника, а нижних чинов и полицейских ранено 7 человек.

Этой вспышкой вооруженное восстание кончилось, и к 31 декабря жизнь на Пресне, так же как и во всем городе, стала входить в колею. В этот день по высочайшему повелению приезжал генерал-адъютант барон Мейендорф благодарить от имени его величества войска за доблестные действия по усмирению мятежников. Вслед за сим генерал-губернатор обратился к жителям с объявлениями. [...]

В районе Московской губернии за все это время беспорядков в Москве было сравнительно спокойно, даже почти все фабрики работали, только в некоторых уездах были нервно настроены, как, например, в г. Богородске, в Мытищах. Своевременными арестами, а также недопущением в г. Богородск поезда с боевыми дружинами, которые были захвачены благодаря дружному содействию населения, удалось предотвратить боевые столкновения. Особенно долго бастовала фабрика Лямина у станции Яхрома Савеловской ж. д., и хотя там было совершенно тихо, но забастовка упорно держалась даже после того, как в Москве восстание кончилось и жизнь вошла в колею. Ходили слухи, что агитаторы не позволяют встать на работу, терроризируют рабочих и угрожают испортить машины и даже сжечь фабрику, если рабочие начнут работать. Поэтому я решил принять необходимые меры и послать вооруженную силу, дабы парализовать влияние агитаторов. С разрешения генерал-губернатора был отправлен батальон Лейб-гвардии Семеновского полка под командой полковника Римана, вернувшегося из экспедиции на Казанскую ж. д.

Когда я узнал, что командируется полковник Риман, то я, опасаясь, как бы он не переборщил и не повторилось бы то, что было на Казанской ж. д., дал ему строжайшую инструкцию отнюдь не применять оружие, так как Ляминская фабрика известна была своей патриархальностью, и я не допускал мысли, чтобы рабочие оказали какое-либо противодействие. Я приказал только доставить мне в Москву трех главарей, которые были известны и которые держали всю фабрику в терроре. Как я и ожидал, появление внушительной силы подействовало, и мирные рабочие в тот же день встали на работу, чувствуя поддержку. Фабрика была окружена, и рабочие выдали своих главарей, которые и были доставлены в Москву.

С возвращением отряда этого в Москву город и губерния вернулись к мирной жизни. Но так как под влиянием Крестьянского

союза среди сельского населения не прекращалась агитация, то я решил обратиться к населению с следующим предупреждением:

«1. Московская губерния находится ныне на положении чрезвычайной охраны, т. е. местная административная власть усилена чрезвычайно и увеличена намного ответственность населения за неисполнение обязательных распоряжений этой власти; могут быть назначены в административном порядке: арест, заключение в крепости, в тюрьме до 3 месяцев, денежный штраф до 3 тысяч руб.; может быть арестовано имущество виновных; в некоторых случаях виновные предаются военному суду и прочее, как подробно указано в законе «Положение о мерах к охранению государственного порядка», в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений, изд. 1890 г., и в именном высочайшем указе Правительствующему Сенату 29 ноября 1905 г.

2. Все толки о возможности отобрания крестьянами в свою пользу чужих земельных и лесных угодий или о каком-то разделе земель совершенно неуместны и бесцельны, потому что *всякая собственность* в Российской империи, как и во всех государствах, неприкосновенна. Поэтому крестьяне не имеют ни малейшего права завладевать насильно чужой землей или лесом, останавливать рубку или вывозку леса, самовольно рубить лес, препятствовать работам в имениях, касаться владельческих усадеб и тому подобное. Если крестьяне имеют спор с землевладельцем о земле, то могут обратиться в суд, а отнюдь не завладевать самовольно такой землей. Предупреждаю, что правительство не остановится ни перед чем для прекращения подобных противозаконных насильственных действий и в отношении виновных будут приняты самые суровые меры и даже может последовать высылка на места военной силы для подавления беспорядков.

3. Так как крестьяне подобным образом действуют, очевидно, по наущению членов самозванного Крестьянского союза или других революционных агитаторов, научавших крестьян на так называемых «митингах» идти против *законной власти*, то крестьяне должны знать, что все деятельные члены Крестьянского союза и агитаторы правительством арестуются, а «митинги» и все сборища обязательным постановлением московского генерал-губернатора ныне воспрещены.

4. Те противозаконные приговоры или постановления, которые были подписаны крестьянами по предложениям членов Крестьянского союза или других революционных агитаторов, *недействительны*, и лица, подписавшие их, могут быть привлечены к уголовной ответственности, если не уничтожат эти противозаконные приговоры и постановления.

5. Крестьяне тех селений, которые позволяют себе отказываться от платежа окладных казенных, земских, продовольственных и других законных сборов, должны знать, что главнейшая обязанность

каждого подданного государства — уплачивать существующие повинности; в случае соглашения крестьян не платить повинности такие крестьяне подлежат уголовному наказанию по 273 статье Уложения о наказаниях, изд. 1885 г. (т. е. заключению в тюрьму до 1 года и 4 месяцев, а зачинщики и подговорщики — заключению в тюрьму до 2 лет, с лишением некоторых особенных прав и преимуществ и имущественной ответственности).

6. Свои нужды крестьяне могут излагать в приговорах сходов, законно составленных; такие приговоры подлежат представлению через местного земского начальника, и я всегда окажу полное содействие к удовлетворению правильных ходатайств крестьян.

7. О выборах в Государственную Думу крестьяне могут прочитать в изданных на этот предмет законах и правилах и убедиться, что интересы крестьян в Государственной Думе достаточно обеспечены; поэтому крестьяне должны спокойно приступить к выборам на волостных сходах, когда об этом поступит мое распоряжение.

Предупреждая о вышеизложенном, прошу сельское население Московской губернии обратить самое серьезное внимание на мое объявление. Я надеюсь на благоразумие большинства населения, которое с своей стороны, конечно, приложит все усилия к тому, чтобы не заставить меня прибегнуть к крайним мерам».

Тотчас по прекращении мятежа генерал-губернатор Дубасов в своем донесении Государю императору просил, как я уже говорил выше, поставить крест и судить всех общим порядком, а затем он же обратился к Государю с ходатайством об отпуске необходимых средств для оказания помощи жертвам восстания, на что последовало высочайшее повеление — отпустить 100.000 руб., которые и были ассигнованы. [...]

Приступив к работе по оказанию помощи населению, я как председатель комиссии обратился к населению с нижеследующим объявлением: «Его императорскому величеству Государю императору — вследствие ходатайства господина московского генерал-губернатора — благоугодно было повелеть отпустить в распоряжение генерал-губернатора 100.000 руб. для выдачи пособий неимущему населению Москвы, невинно пострадавшему при устранении происходивших беспорядков, и кроме сего для той же цели поступили и продолжают поступать пожертвования от учреждений и частных лиц. Распределение пособий между пострадавшими жителями г. Москвы возложено на состоящую под моим председательством комиссию. Ввиду сего неимущие жители столицы, невинно пострадавшие при восстановлении порядка и нуждающиеся в помощи, могут обращаться ко мне (Тверская, губернаторский дом) с письменными или словесными заявлениями ежедневно от 10 часов утра до 2 часов дня. Вместе с тем покорнейше прошу всех имеющих сведения о пострадавших и нуждающихся в пособии не отказать сообщить мне об этих лицах с указанием их места жительства.

Исправляющий должность московского губернатора флигель-адъютант Джунковский».

Пожертвования полились щедрой рекой, и все, что можно было сделать для облегчения пострадавших, благодаря инициативе Ф. В. Дубасова было сделано. Следующим распоряжением генерал-губернатора было обращено внимание на положение арестованных. Так как несомненно полиции и войскам при арестах в такое время было трудно разобраться и невольно могли произойти ошибки и недоразумения, то Дубасов счел своим долгом приказать немедленно приступить к разбору дел всех, без исключения, арестованных, чтобы поскорее выделить невинно арестованных и освободить их, что видно из следующего объявления:

«ОТ МОСКОВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА»

В видах облегчения родственникам получения сведений о заключенных по «Положению об усиленной охране» в московских губернской и пересыльной тюрьмах и полицейских арестных домах мною установлено, что таковые сведения будут даваться ежедневно, не исключая воскресных и праздничных дней, московским градоначальником от 2 до 3 часов дня и исправляющим должность московского губернатора от 10 до 11 часов утра, куда желающим и надлежит обращаться к дежурному члену наблюдательной комиссии московских мест заключения или лицу, уполномоченному на прием этих заявлений градоначальником и исправляющим должность губернатора. Независимо от сего предложено означенным наблюдательным комиссиям наблюсти за законным и правильным содержанием означенных лиц в местах их заключения, для чего они должны и могут посещать тюрьмы и арестные дома.

Что же касается до разрешения свиданий, то таковые на основании 42 статьи Положения о содержании политических арестантов могут быть разрешаемы родственникам (супругам, родителям, родным братьям и сестрам) градоначальником или исправляющим должность губернатора, по принадлежности, в зависимости от того, за кем числятся арестованные. При этом свидания будут производиться два раза в неделю, в дни и часы, установленные начальниками мест заключения».

На основании сего объявления я просил существовавшую при Московском тюремном благотворительном комитете наблюдательную комиссию московских мест заключения распределить между членами комиссии работу по тюрьмам, а также и у меня во время приема. Из тюремной инспекции я затребовал списки всех арестованных с указанием, когда, где, кто арестован, по какой причине и за кем числится, так что все сведения находились под рукой, и дежурный член комиссии мог сразу каждому просителю дать соответствующую справку. В помощь дежурному члену комиссии были назначены еще по два из состоявших при мне чиновников особых поручений.

С раннего утра моя приемная наполнялась народом за справками и за получением разрешений на свидания. Каждый получал просимое в тот же день. Конечно, выдача этих справок и прием посетителей не ограничивались 10 и 11 часами утра, справки выдавали всем, кто только приходил до 11 часов утра, прием затягивался ежедневно до 3-4 часов дня.

Для облегчения подачи медицинской помощи населению генерал-губернатор 23 декабря отдал следующее распоряжение:

«Ввиду того, что изданное мною 22 сего декабря обязательное постановление, воспрещающее выход на улицу от 12 часов ночи до 7 часов утра, затрудняет подачу в эти часы медицинской и акушерской помощи, а также получение ночью лекарств, иногда крайне необходимых для больных, я признал возможным предоставить московскому градоначальнику право снабжать по его усмотрению практикующих врачей и акушерок разрешениями на проход и проезд по улицам в течение всей ночи, давая таким образом возможность оказывать помощь больным во всякое время. За получением подобных разрешений следует обращаться в канцелярию московского градоначальника.

Вместе с тем мною сделано распоряжение о том, чтобы чины полиции оказывали полное содействие к беспрепятственному в ночное время доставлению в родильные приюты рожениц и новорожденных младенцев. Кроме того, полиции предложено оказывать содействие обывателям при вызовах в ночное время врачей для подачи немедленной медицинской помощи, а также к получению ночью необходимых лекарств из аптек. Поэтому во всех тех случаях, когда между 12 часами ночи и 7 часами утра представляется надобность в приглашении врача для подания медицинской помощи или в приобретении из аптеки лекарств, обыватели должны обращаться за содействием в местный полицейский участок или к ближайшему чину полиции».

25 декабря было обычное торжественное богослужение в храме Христа Спасителя в присутствии должностных лиц и массы молящихся.

27 декабря хоронили павших семеновцев на Пресне, тела погибших торжественно перевезены были на Николаевский вокзал для погребения в Петербурге, а 30 декабря гвардейский отряд с Лейб-гвардии Семеновским полком во главе, выполнив свой долг, отправился к месту своего расположения в Петербург. Ладожский полк оставался еще некоторое время и тоже возвратился на место своей стоянки.

Все это время великой княгини Елизаветы Федоровны в Москве не было — ее высочество выехала из Москвы в начале декабря, чтобы 6 декабря — день тезоименитства Государя императора — провести в Царском селе и затем вернуться в Москву. Но начавшееся вооруженное восстание и депеша генерал-губернатора Дубасова на имя Государя с просьбой, чтобы великая княгиня не приезжала в Москву впредь до его уведомления, заставили ее высочество

отложить свое возвращение. Когда же мятеж был подавлен, великая княгиня тотчас собралась ехать к себе, но этому помешала вторичная депеша генерал-адъютанта Дубасова с просьбой отложить приезд до января.

Великая княгиня была крайне огорчена этим. Ее тянуло в Москву, к деятельности, к оказанию помощи нуждающимся, бедствующим. 23 декабря я получил от заведовавшего двором графа Менгдена письмо с просьбой переговорить от имени великой княгини с Дубасовым и убедить его, что она своим приездом нисколько не осложнит работу чинов московской администрации. При этом к письму графа Менгдена было приложено и письмо ее высочества, адресованное ему, письмо, полное самоотвержения и душевного благородства:

«Я нахожу, что он (Дубасов) кругом не прав — он ведь не может знать, как и чем я буду заниматься, а в таком случае нет причины, чтобы я не оставалась здесь еще месяцы, так как из-за Думы беспорядки обязательно возобновятся. Революция не может кончиться со дня на день, она может только ухудшиться или сделаться хронической, что по всей вероятности и будет. Я себя чувствую здесь как за границей, я порываю связь с Москвой, а между тем мой долг заняться теперь помощью несчастным жертвам восстания. Я попросту считаю себя *подлой*, оставаясь здесь, предпочитаю быть убитой первым случайным выстрелом из какого-нибудь окна, чем сидеть тут, сложа руки.

Я покинула свой пост, как всегда, чтобы принести поздравление 6 декабря, потом было немыслимо вернуться, это было бы глупо и причинило бы властям лишние осложнения. Теперь я должна вернуться 26-го. Я осталась, чтобы встретить праздник Рождества — это нормально, но дальше не имеет уже смысла, и Москва — настоящая, не анархисты, — меня не поймет, если я не вернусь, и будет права; покажите это письмо Джунковскому, он может объяснить Дубасову, что я снимаю с него всякую ответственность. Я принадлежу Москве. Оставаясь еще, как я уже говорила, я порываю нить со своими бедными и закрепляю за собой слово *«подлая»*. Пошлите это письмо Джуну — человеку долга, который, я думаю, знает Москву. Не надо бояться смерти, надо бояться жить. Я понимаю Дубасова, но он меня не понимает, так как меня не знает. Я благословляю его энергию, его труды. Елизавета. Царское Село, 22 декабря 1905 г.» *.

Как только я получил это письмо, тотчас переговорил с Дубасовым, который и дал свое согласие на приезд ее высочества. Получив мою депешу, великая княгиня 26 декабря возвратилась в Москву и ушла вся в дела благотворения и помощи ближнему и заботы о раненых, наполнявших устроенный ею лазарет.

С 24 по 30 декабря генерал-губернатор Дубасов совершил несколько поездок верхом в сопровождении градоначальника и меня

* Перевод В. Ф. Джунковского. В оригинале приведен текст на французском языке и перевод.

и некоторых лиц, состоявших при нем, для осмотра пострадавших от погромов мест и посещения некоторых учреждений. Первая поездка была 24-го по г. Москве в наиболее пострадавшие места, затем Дубасов посетил почтамт и главный телеграф, обойдя все отделения и расспрашивая об успехах работы, затормозившейся забастовкой. В последних числах декабря Ф. В. Дубасов посетил Пресненский район, Прохоровскую фабрику, где говорил с представителями рабочих, а также и Даниловский сахарный завод, и, наконец, последняя поездка была в Петровско-Разумовское, где генерал-губернатор обошел Петровскую сельскохозяйственную академию в сопровождении директора и профессоров, бывших налицо.

Одновременно в Москве производились обыски в разных домах и учреждениях, где по имеющимся данным хранились боевые припасы и оружие.

27 декабря было приостановлено издание газеты «Русские ведомости» за то, что они, явно поддерживая мятежное движение, собирали открыто значительные пожертвования в пользу разных забастовочных комитетов, политических ссыльных, борцов за свободу и проч. На собранные же суммы генерал-губернатором был наложен арест.

Накануне Нового года по городу было расклеено следующее объявление от генерал-губернатора: «Имея в виду, что благочестивая Москва издревле привыкла начинать наступающий Новый год молитвою, для чего во всех церквах столицы совершаются в полночь установленные молебствия, и что при настоящих обстоятельствах всякий православный христианин более чем когда-либо будет стремиться встретить Новый год в молитвенном единении с своими близкими в приходском храме, я признал возможным ради удовлетворения этой духовной потребности жителей разрешить в ночь на 1 января 1906 г. беспрепятственно движение по улицам до 2 часов ночи, о чем и объявляю во всеобщее сведение».

Так кончился полный тревожных и исключительных событий 1905 год.

Повергая на воззрение его величества обзор и состояние Московской губернии за минувший год, я в своем всеподданнейшем отчете, докладывая о деятельности земства, не мог, к сожалению, не указать, что оно отступило от целей и задач, положенных в основу деятельности земских учреждений, и обратилось на путь политики. Масса видных земских работников приняла участие в политических партиях, всецело отдалась им, и хозяйственная деятельность остановилась. Я мог указать в отчете только на трех лиц, стоявших во главе земских учреждений и сумевших в это трудное время силой своей воли сохранить должный порядок в земском хозяйстве. Это были председатели управ: Московской — П. Ф. Рихтер, Можайской — граф Уваров и Богородской — граф Ламакин.

Глава 2

1906 год

Новый год. — 6 января. — Увольнение барона Медема. — Производство Мина в генералы. — Новый градоначальник генерал Рейнбот. — Съезд дворян. — Кончина генерал-адъютанта Данилова. — Назначение Гершельмана командующим войсками. — Отъезд Дубасова в Петербург. — Случай с С. И. Четвериковым. — Увольнение генерала Руднева. — Земство. — Государственная Дума. — Уход правителя канцелярии А. М. Полянского и назначение С. В. Степанова. — Объезд губернии. — Выборы в Думу. Предвыборные собрания. — Выборы в Государственный Совет. — Выборы в Государственную Думу. — Правила о собраниях. — Адрес Ф. В. Дубасову. — Неправильные действия князя Д. Долгорукова и продовольственные капиталы. — Убийство Слепцова. — Поездка моя в Подольский и Клинский уезды. — Выборы от земства в Государственный Совет. — Голодовка в Таганской тюрьме. — Перемены в составе Совета Министров. Уход Витте. — Покушение на Ф. В. Дубасова. — Преобразования в морском ведомстве. Основные законы. — Открытие Думы. — Празднование открытия Думы в Москве. — Прием Председателя Государственной Думы в Царском Селе. — Открытие Государственного Совета. — Выборы в Государственной Думе. — Присоединение пригородов к Москве. — Государственная Дума. — Государственный Совет. Ответ на тронную речь. — Государственная Дума. Отклонение депутации. — Декларация Председателя Совета Министров. — Отголоски в России. — Отъезд Ф. В. Дубасова из Москвы и уход с должности генерал-губернатора. — Агитация членов Думы. — Разоблачение деятельности Департамента полиции в Государственной Думе. — Волнения в войсках. — Моя поездка в Бронницкий и Коломенский уезды. — Убийство Чухнина в Севастополе. — Убийство Козлова в Петергофе. — Празднование пятилетия Московского столичного попечительства о народной трезвости. — Храм-усыпальница и погребение останков великого князя Сергея Александровича. — Назначение Гершельмана генерал-губернатором. — Поездки мои по губернии. — Государственная Дума. Роспуск. — Перемена в составе Совета Министров. — Выборгское воззвание. — События в Московской губернии после роспуска Думы. — Убийство Герценштейна. — Восстания во флоте. — Политические забастовки в С.-Петербурге и Москве. — Арест революционной организации во Всехсвятском. — Поездка моя в Рузский уезд. — Покушение на Скалона. — Покушение на Столыпина на Аптекарском острове. — Убийство генерала Мина. Покушение на генерала Стааля. — Убийство генерала Вонлярлярского. — Военно-полевые суды. — Недоимки и пьянство в Московской губернии. — Высочайший указ по земельным делам. — Военно-полевой суд. Мои препирательства с генерал-губернатором. — Кончина Трепова. — Съезд кадетов в Гельсингфорсе. — Совещание у меня по земельному устройству крестьян. — Отмена правовых ограничений для крестьян. — Освящение моста в Рузском уезде. — *Ограбление в Петербурге*

в Фонарном переулке. — Годовщина 17 октября. — Поездка в Подольский уезд. — Покушение на Рейнбота. — Освящение церкви во 2-й гренадерской артиллерийской бригаде. — Дежурство мое у Государя. — Обыск в губернской земской управе. — Московское уездное земское собрание. — Уплата повинностей. — Военно-полевой суд над братьями Кобловыми. — Похороны убитого городового. — Выборы в Московском уездном земстве. — Покушение на Дубасова в Петербурге. — Чрезвычайное губернское дворянское собрание. — Губернское земское собрание. — Убийство генерала Лауница. — Губернское земское собрание. — Преследование печати. — Убийство главного военного прокурора Павлова. — Обращение к населению по поводу выборов. — Назначение Драчевского. — Заключение.

К 1 января Москва поприукрасилась, и только кое-где разрушенные или поврежденные снарядами, с зияющими ранами, дома напоминали о том, что пришлось пережить обывателям в течение последнего месяца минувшего года. На самый день Нового года меня пригласил к себе генерал-губернатор и передал мне высочайше пожалованный мне орден Св. Владимира 3-й степени, при этом Ф. В. Дубасов страшно сокрушался, что все его убедительные просьбы, обращенные к военному министру, а затем и непосредственно к Государю, о производстве меня в генерал-майоры остались безрезультатными. Чувствовалось, как Дубасов действительно был этим расстроен. Я же, со своей стороны, был очень рад, что желание Дубасова не исполнилось, так как производство мое в генералы было бы в то время неслыханной наградой (еще году не было, что я был произведен в полковники, а по правилам надо было пробыть в чине полковника не менее 3 лет), и такое неслыханное отличие возбудило бы слишком много зависти и нежелательных толков. В этом мнении своем я еще больше укрепился, когда представлялся Государю, чтобы благодарить его за награду, его величество мне сказал: «А вы знаете, что Дубасов вас представил к производству в генерал-майоры и усиленно меня просил об этом, но я нашел, что это еще слишком рано, ведь вы только в мае произведены в полковники, а кроме того, вам ведь было бы неприятно, если бы я вас не оставил в Свите».

А так как Дубасов, мужество и политическая честность которого единственно спасли положение, не получил никакой награды, то мне было бы более чем неловко, если бы меня так выделили. Думаю, что Ф. В. Дубасов был обойден исключительно благодаря интриге Дурново, управлявшего тогда Министерством внутренних дел, к которому Дубасов всегда относился весьма отрицательно, не уважал его и игнорировал. Кроме того, погашение восстания в Москве Дурново хотел приписать себе, хотя был тут ровно ни при чем. В результате и было, что Дурново 1 января произведен был в действительные тайные советники, был утвержден в должности министра внутренних дел, а дочь его назначена фрейлиной.

Как мне рассказывали потом, на имя Дубасова заготовлен был даже рескрипт с выражением благодарности и назначением его членом Государственного Совета, но под влиянием Дурново, а мо-

жет быть и Трепова, эта мысль была оставлена, и только 17 января, как бы между прочим, Дубасов был назначен членом Государственного Совета с оставлением в должности генерал-губернатора.

В губернии у меня хотя и не было никаких открытых беспорядков, тем не менее чувствовалось какое-то беспокойство и волнение в крестьянских массах под влиянием агитации членов Крестьянского союза и других агитаторов. Чтобы несколько парализовать эти нежелательные и вредные влияния на крестьянское население и рабочих фабрик и заводов губернии, я принял тактику обращения к населению для разъяснения тех или других вопросов и явлений путем особых объявлений, брошюр, листков, которые составлялись мною и за моею подписью рассылались по всем городам, деревням и селам, где расклеивались на видных местах и раздавались населению. Я считал, что такие меры, когда население получало разъяснение на волнующие его вопросы непосредственно от меня, должны иметь успех, так как парализовывали всевозможные нежелательные толки и слухи, пускаемые в ход агитаторами. [...]

При этом я всегда старался неукоснительно и со строгой последовательностью проводить в жизнь все вопросы, которых я касался в моих объявлениях, и было заметно, как крестьяне и рабочие постепенно, привыкая к моим обращениям, проникались к ним доверием. Я считал, что главной обязанностью администратора должно [быть] стремление приобрести не популярность, а доверие населения, а для сего прежде всего необходимо внедрить в себе сознание, что не население существует для власти, а власть для населения, а это, к сожалению, многие администраторы у нас не учитывали. Но недостаточно еще проникнуться этим сознанием, надо это сознание суметь передать своим подчиненным, а передать его можно не словами, а делом, надо показать им пример *как* надо работать, *как* надо относиться к своим обязанностям. Не строгость, а пример должен, по моему мнению, стоять на первом плане.

Сейчас же после Нового года возник вопрос о 6 января [1] и связанном с этим днем крестном ходе из Успенского собора на Иордань и крещенском параде. Было устроено частное совещание для обсуждения вопроса, ехать ли генерал-губернатору в собор и сопровождать ли крестный ход. Градоначальник барон Медем представил по сему поводу тревожные данные, указывая на имеющиеся сведения о готовящихся покушениях на генерал-губернатора, и что во время крестного хода представляется особенно трудной его охрана, так как не допустить народ нельзя, а профильтровать его нет возможности. Я всецело поддерживал желание генерал-губернатора участвовать в крестном ходе, находя, что его появление и шествие с крестным ходом, окруженного народом, произведет на всю Москву ободряющее действие и будет учтено в благоприятном смысле

В. Ф. Джунковский. 1906 г.

благонамеренной частью населения, а на революционно настроенную произведет должное впечатление, между тем как уклонение от участия будет учтено обеими сторонами в обратном смысле. Но дабы не заслужить упрека, что этим я подвожу градоначальника под ответственность, я сказал, что предложу генерал-губернатору поехать со мной в собор и на крестный ход. Эта мысль была потом горячо поддержана женой Дубасова (Александрой Сергеевной, рожденной Сипягиной), весьма почтенной и умной женщиной.

6 января генерал-губернатор и выехал со мной в открытых санях в Успенский собор, после чего, сопровождая крестный ход, спустился через Тайницкую башню к Москве-реке, где была устроена Иордань. Народу была такая масса, что, казалось, вся Москва праздновала наступление спокойствия в столице. Вернувшись с крестным ходом обратно в собор, Дубасов благополучно вернулся со мной в генерал-губернаторский дом.

С тех пор, куда бы ни ездил Дубасов, я всегда сопровождал его, то в его экипаже, то в моем. Его жена всегда просила меня об этом, у нее была какая-то уверенность, что со мной ничего не случится. Это очень не нравилось адъютантам, задевая их самолюбие.

8 января градоначальник барон Медем был произведен в генерал-лейтенанты с отчислением от должности, а на его место назначен казанский губернатор генерал-майор Рейнбот. В этот же день командовавший Лейб-гвардии Семеновским полком во время усмирения московского восстания полковник Мин произведен был в генерал-майоры с зачислением в Свиту его величества.

Новый градоначальник Рейнбот прибыл в Москву 15 января и тотчас вступил в должность, произведя очень хорошее впечатление на подчиненных своей умной, содержательной речью, с которой он обратился к ним. На другой же день своего приезда Рейнбот успел уже объехать много полицейских участков и пожарных команд. Видно было, что новый градоначальник полон сил и энергии и внесет свежую струю в полицейское дело столицы после патриархального бездействия барона Медема. Рейнбот представлял собой очень умного, энергичного, ловкого администратора, но, к сожалению, это был человек беспринципный, искавший популярности и не стеснявшийся [в средствах] для достижения тех или иных целей, умел показать товар лицом и втереть очки. Первое время Рейнбот, можно сказать, был очень хорошим градоначальником, но постепенно успех его вскружил ему голову, он стал тратить громадные деньги, ни в чем себе не отказывая. Истратив все состояние своей первой жены, милейшей, достойнейшей женщины из простой купеческой семьи, имея двух сыновей, он с ней развелся, чтобы жениться на богатой вдове, Зинаиде Григорьевне Морозовой, вдове фабриканта Саввы Тимофеевича Морозова. После этого ореол Рейнбота стал понемногу падать, ему, как говорится, море стало по колена, он не стал уже

так добросовестно относиться к своим обязанностям, свалив бóльшую часть дел на плечи своих подчиненных, из которых не все были на высоте и своими темными делишками компрометировали Рейнбота. Стали распространяться неблагоприятные слухи, и все это постепенно привело к увольнению его от службы и преданию суду после произведенной сенатором Гариным ревизии градоначальства.

Такой финал Рейнботом все же заслужен не был; как у градоначальника у него было больше положительных сторон, нежели отрицательных, и в первое время своего градоначальствования он сделал много хорошего. Ревизия была произведена сенатором Гариным более чем пристрастно, со всеми недостойными приемами мелкого сыщика, и все найденные злоупотребления были значительно преувеличены — Гарин несомненно хотел выслужиться и из кожи лез, чтобы очернить Рейнбота. Этого ему удалось достигнуть благодаря вниманию, которым он пользовался еще со времени могущества Трепова, когда Гарин был его ближайшим советчиком по политическим делам.

В это время, с 7 по 11 января, в Москве, в помещении Российского благородного собрания заседал съезд губернских и уездных предводителей дворянства под председательством московского губернского предводителя дворянства князя П. Н. Трубецкого. Цель съезда — дружной работой прийти на помощь стране, переживавшей столь трудные и тяжелые минуты, дабы путем разных выработанных мер способствовать ее умиротворению. В съезде участвовало 106 предводителей. Занятия съезда прошли очень дружно, и после 4 дней работы съезд высказал свои пожелания, каковые просил князя П. Н. Трубецкого довести до сведения Государя. Главные эти пожелания были:

1. Сильная, твердая, закономерная правительственная власть, проводящая последовательные и разумные меры для подавления революционного движения в ограждение мирного населения от насилия.

2. Уверенность, что Государственная Дума будет собрана.

3. Ограждение свободы выборов и законных предвыборных собраний.

По вопросу об единстве России:

1. Россия едина и неделима, поэтому интересы отдельно входящих в состав ее народностей должны уступить общегосударственным интересам России.

2. При широкой веротерпимости во исполнение манифеста 17 октября русский государственный язык и православная вера должны сохранить то первенствующее положение, которое им подобает.

3. Необходимо представить широкое самоуправление окраинам в хозяйственном отношении, но интересы русского населения должны быть при этом непременно ограждены.

По аграрному вопросу:

1. Коренное разрешение аграрного вопроса должно быть поставлено в первую очередь в Государственной Думе.

2. При разрешении аграрного вопроса должен быть поставлен в основание принцип неприкосновенности частной собственности.

3. Должно быть дано широкое облегчение свободного перехода от общинного владения к подворному и хуторскому с правом свободной продажи своего участка при переходе к новой оседлости.

4. Крестьянский банк должен поставить главной задачей своей воспособление и содействие покупкою земли малоземельным и действительно нуждающимся земледельцам, и существующие ныне платежи по ссудам Крестьянского банка должны быть понижены до платежей в Дворянском.

17 января в Москве в глубокой старости скончался генерал-адъютант М. П. Данилов, председатель Московского отдела Российского общества Красного Креста. Это был чудный, благороднейший старик с детской душой кристальной чистоты, был очень близким человеком покойному великому князю Сергею Александровичу, который его глубоко уважал и почитал. Он был совершенно одинок; за три месяца до смерти он призвал к себе гробовщика и, приказав снять с себя мерку, заказал гроб. Когда гроб был готов и принесен к нему на квартиру, то М. П. Данилову показалось, что он мал. На это гробовщик ему ответил: «Не извольте сомневаться, как раз впору, не угодно ли попробовать». На это старик очень обиделся и сказал: «Дурак, я еще не умер. Отнесите в сарай». Затем он сделал все распоряжения, аккуратно все записал, отложил деньги для похорон и передал все это своему глубоко преданному слуге.

18 января командующим войсками Московского военного округа назначен был генерал-лейтенант С. К. Гершельман, очень честный, скромный, отлично знающий военное дело и глубоко ему преданный человек; недостатками его были упрямство и сухость.

21 января по городу было расклеено объявление генерал-губернатора о разрешении беспрепятственного движения по улицам в течение всей ночи, ресторанам разрешено было продлить торговлю до 1 часа ночи. В этот же день Дубасов выехал по делам службы в Петербург, где пробыл до 30 января. На вокзал из предосторожности я его отвез в своем экипаже и несколько кружным путем, так как сведения о готовящихся на него покушениях все еще не прекратились.

В это время у меня в районе губернии произошел весьма прискорбный случай. В Богородском уезде имелась фабрика Четверикова, рабочие которой были все время настроены весьма оппозиционно, и что особенно было странно, такое оппозиционное настроение среди рабочих поддерживалось отчасти и самим владельцем фабрики С. И. Четвериковым, и, главным образом, его сыном. Поэтому

постоянно приходилось иметь наблюдение за этим обширным районом. Как-то в эти дни, в 20-х числах января, приехал на фабрику фабричный инспектор и, узнав, что С. И. Четвериков только что отъехал, просил пристава послать кого-нибудь просить его вернуться. Тот послал конного стражника — казака. Казак догнал его. С. И. Четвериков повернул сани и поехал к фабрике. В это время, ни с того ни с сего, казак два раза ударил его нагайкой по спине. Как он объяснил потом при допросе, он это сделал не отдавая себе отчета, будучи сильно возбужден против оппозиционно настроенной семьи Четвериковых. Тотчас мне было об этом доложено по телефону. Приказав стражника арестовать, я послал чиновника особых поручений произвести дознание, а сам поехал на квартиру С. И. Четверикова, чтобы лично выразить ему чувство сожаления и извиниться за моего озверевшего стражника. Мне ужасно было неприятно и неловко перед всей семьей Четверикова, который при этом отнесся очень снисходительно к случившемуся с ним, умоляя меня не взыскивать со стражника. Вследствие этого я не предал его суду, а после соответственного взыскания перевел в другой уезд.

В заседании городской думы этот инцидент был оглашен, но благодаря принятым уже мною мерам дума ограничилась выражением соболезнования С. И. Четверикову как пострадавшему общественному деятелю.

7 февраля был уволен от службы помощник градоначальника генерал-майор Руднев и покинул Москву. Это был очень достойный, образованный человек, много вынесший на своих плечах, благороднейший, хотя и не без некоторых слабостей. Москва его провожала с чувством искреннего сожаления. Он оставил в сердцах всех знавших его чувство глубокого уважения.

Февраль месяц был полон инцидентов и волнений в земстве. Как я уже упоминал ранее, среди земских служащих царило весьма революционное настроение, под влиянием которого к концу минувшего года работа в земстве почти остановилась, ее заменила политика. Это не могло не отразиться в больницах — на больных, в школах — на учении. Приходилось прибегать к крайним мерам — к аресту и увольнению служащих. Борьба была очень затруднительна, так как многие председатели управ сами занимались больше политикой, чем делом, и конечно, не только не останавливали служащих, а наоборот поощряли их политиканство.

Это особенно отражалось на работе губернского земства, председателем управы коего состоял Ф. А. Головин, всецело ушедший в политику. Не могу сказать, чтобы мне было с ним очень трудно; нет, Ф. А. Головин был всегда очень корректен и благороден, и с ним всегда можно было сговориться. Но служащих губернского земства он невольно распустил, так как не считал себя вправе вмешиваться в их политические взгляды, проявляемые ими не только

на словах, но и на деле, он этим самым поощрял их в политиканстве в ущерб делам. Благодаря этому учреждения губернского земства, главным образом больницы, раскиданные по всем уездам, представляли собой очаги революционной пропаганды, где врачи и другие служащие за спиной своего председателя вели преступную пропаганду. В уездных земствах эта революционная пропаганда была менее заметна, примеру Московской губернии всецело следовали в то время только три уездные управы — Рузская с А. М. Цыбульским, Звенигородская с В. Ф. Кокошкиным и Дмитровская с Поливановым во главе.

Стоявший во главе Московской уездной земской управы Н. Ф. Рихтер держался очень твердой линии, предъявляя служащим неукоснительные требования, сводившиеся к одному — чтобы врачи занимались своим непосредственным делом, а не политикой, не оставляли бы без попечения больных, не распускали бы низший персонал в ущерб уходу за больными и т. д.; учителя обучали бы грамоте, не примешивая политики.

Это не очень нравилось врачам, которые находили требования Рихтера невыносимыми. Они его упрекали еще в том, что он не протестует и недостаточно защищает увольняемых и арестуемых администрацией врачей и других служащих земства. Врачи угрожали, что покинут службу, но Рихтер твердо стоял на своем; тогда врачи исполнили свою угрозу, и 6 февраля целый ряд врачей Московского уезда подали прошения об увольнении. Но и это не смутило Рихтера, он принял прошения и, не уговаривая их остаться, стал приискивать других врачей на их место. Врачи, видя твердость Рихтера и в душе желая остаться на службе, придумали себе такой выход: если Рихтер согласится добиться обеспечения права «несправедливо» уволенного их товарища Смирнова и других и если он согласится заместить уволенных их товарищей не постоянными, а временно приглашенными лицами, то они согласны остаться. Но Рихтер не пошел на эту удочку и ответил: «Это что же, замаскированная поддержка Смирнова? Нет, я на это не пойду».

В конце концов бóльшая часть врачей ушла, надеясь, что никто не пойдет на их места, но случилось обратное — заместители появились. Это смутило ушедших врачей, и они снова стали колебаться. Гласные приняли в них участие и обратились к Рихтеру, вызывая его на компромисс. В результате Н. Ф. Рихтер согласился написать письмо гласным относительно врачей в смягчающей форме и с согласием принять обратно на службу двух уволенных врачей. Это письмо удовлетворило как гласных, так и врачей, которые и просили вернуть их отставки — инцидент оказался исчерпанным.

18 февраля открылось чрезвычайное Московское земское собрание взамен очередного. По закону очередное должно было быть созвано не позднее 1 февраля, между тем губернская земская управа,

благодаря тому что ее служащие занимались больше политикой, чем своим делом, не успела, конечно, подготовить доклады в срок, и управе пришлось просить о разрешении собрания после 1 февраля.

Министр внутренних дел разрешил собрание на 18 февраля, но не очередное, а чрезвычайное, на котором по закону могли рассматриваться только те вопросы, которые разрешит губернатор. Вот это и дало повод председателю управы Ф. А. Головину по открытии собрания сказать пространную речь, обвиняя министерство и меня в желании стеснить земство, чтобы «свободное слово земского собрания не было бы свободным». Кончил же свою речь Головин следующими словами: «Я затрудняюсь подыскать должное парламентское выражение, чтобы заклеймить нынешний поступок правительства». (Последние слова относились к тому, что мною не были допущены к рассмотрению собрания два тенденциозно составленных доклада: «О правовом положении служащих» и «Об участии земских гласных в съезде городских и земских представителей».)

На следующий день Головин опять посвятил целую речь на тему об отношении администрации к служащим, говоря, что вмешательство администрации несет чрезвычайно печальные последствия, что наносится непосредственный ущерб, часто материальный, земскому делу, когда арестовывают и увольняют ответственных служащих, занимающих хозяйственные и специальные должности. Поэтому Головин от имени управы внес предложение:

1. Признавая, что увольнение земских служащих по требованию администрации, не основанное на решении суда, противоречит смыслу манифеста 17 октября и наносит существенный ущерб земскому делу, и принимая во внимание, что такие требования администрации являются следствием применения закона об усиленной и чрезвычайной охранах, губернское земское собрание заявляет о необходимости отмены исключительных положений.

2. Уполномочить управу в случае увольнения служащих не по самостоятельному решению управы выдавать уволенным единовременное пособие в размере трехмесячного оклада.

В ответ на это гласный А. И. Гучков задал Головину вопрос: «Не были ли эти уволенные служащие прикосновенны к революционному движению, и принимала ли управа меры для предотвращения этой прикосновенности служащих к движению?»

На это Ф. А. Головин заявил, что иметь надзор за убеждениями служащих управе не к лицу. Это не удовлетворило А. И. Гучкова, и он, продолжая говорить, что страна находится в конце первого периода вспышки революционного движения и в первой его стадии и что центральные органы губернского земства и целый ряд других учреждений примкнули к этому движению, пояснил, какая цель была у этого движения, и потому предложил другую резолюцию:

«Безусловно осуждая политические забастовки, мы считаем недопустимым участие в них земских учреждений и отдельных служащих и просим управу принять меры к пресечению и предупреждению этих забастовок в земских учреждениях». При этом он еще добавил, что «конечно, управа будет в двойственном положении, так как большинство открыто отстаивало забастовочное движение», а относительно вмешательства администрации сказал, что «ни одно правительство нигде не могло бы примириться с создавшимся положением, и вполне понятно, что оно принимает исключительные меры».

Во время горячих дебатов, последовавших за сим, Н. Н. Щепкин, горячо поддерживая забастовки, говорил, что это есть общее европейское могучее оружие в борьбе за свободу, и потому нельзя осуждать земских служащих, принимавших в них участие. В спор Н. Н. Щепкина с А. И. Гучковым вмешался Д. Н. Шипов, который, осуждая чрезвычайную охрану, старался примирить их и, поддержанный Ф. Ф. Кокошкиным, внес новое предложение: «Не давая никаких поручений управе, просто осудить забастовки как средство политической борьбы и признать недопустимыми забастовки в земских учреждениях и для земских служащих».

В конце концов А. И. Гучков предложил: 1. Выразить несочувствие политическим забастовкам. 2. Указать на допустимость в исключительных случаях исключительных мер, признавая одновременно необходимым безотлагательное издание законов взамен исключительных мер».

Баллотировкой, большинством голосов предложение управы было отклонено, а предложение А. И. Гучкова — принято. В результате управа обиделась, и 23 февраля я получил прошения об отставке председателя управы Ф. А. Головина и членов М. В. Челнокова, Ф. Ф. Кокошкина, Е. Д. Артынова и Н. Н. Хмелева. Только один член управы барон Черкасов прошения об отставке не подал. Получив прошения, приняв их отставки и сделав представление министру внутренних дел, я просил Ф. А. Головина и остальных членов не оставлять занятий в управе впредь до назначения новой управы, так как ввиду остающегося срока полномочий менее года, в силу 123 статьи Положения о земских учреждениях, предстояло на этот срок назначить новый состав распоряжением административной власти.

27 февраля заседание губернского земского собрания продолжалось. Заслушан был вопрос о выходе в отставку почти всего состава управы, причем от имени 21 гласного прочитано было заявление о возбуждении ходатайства, чтобы на оставшийся срок (менее года) разрешено было произвести выборы вопреки 123 статье Положения о земских учреждениях. Гласный же Мануйлов внес предложение просить управу остаться до конца года, чтобы не

повредить земскому делу. После прений выяснилось, что главная причина коллективного ухода управы заключается в том, что в предложении А. И. Гучкова, принятом большинством собрания, управа усмотрела возложение на нее обязанности сыска и надзора за служащими. Вследствие этого гласные обратились к А. И. Гучкову за разъяснением, имел ли он действительно это в виду. На следующий день, 28 февраля, А. И. Гучков, обстоятельно изложив свою мысль, разрешил этот вопрос в благоприятном для управы и гласных смысле, почему вопрос оказался исчерпанным. Управа была удовлетворена, и я получил от председателя собрания князя П. Н. Трубецкого письмо с просьбой не давать хода прошениям управы, что мною и было исполнено. По моей депеше министру внутренних дел прошения об отставках были возвращены, и страсти улеглись.

В это же время произошел инцидент и в звенигородском земстве. Председатель управы В. Ф. Кокошкин и член управы С. М. Матвеев подали в отставку вследствие постановления управы об увольнении от службы врачей Дорфа и Шапиро согласно моего требования на основании 20 статьи Положения об охране за революционные выступления. Получив прошения Кокошкина и Матвеева, я тотчас сделал распоряжение об удовлетворении их просьбы, так как считал Кокошкина как председателя управы вредным для дела элементом.

12 февраля получено было высочайшее повеление о назначении дня открытия Государственной Думы на 27 апреля. По сему поводу я обратился к крестьянскому населению с объявлением, в котором, приветствуя крестьянское население Московской губернии с великой милостью царской, я уведомлял их о назначении на 23 февраля волостных сходов для избрания в установленном порядке по двое уполномоченных от каждой волости для участия в уездных съездах и разъяснял порядок выборов [2]. При этом я просил крестьян Московской губернии отнестись с должной серьезностью, рассудительностью и спокойствием к предстоящим выборам и избрать в уполномоченные не крикунов, а людей благоразумных и честных, желающих установления твердого порядка и мира на Родине, и на которых крестьяне действительно могли бы положиться, что они будут соблюдать общие крестьянские интересы, а не свои личные.

20 февраля опубликован был высочайший манифест о преобразовании Государственного Совета и Государственной Думы согласно высочайшим указаниям после манифеста 17 октября. В этих указах было предусмотрено, как правительство будет поступать при прекращении занятий Государственной Думы, т. е. при ее вакациях. В манифесте было сказано: «Если чрезвычайные обстоятельства

вызовут необходимость такой меры, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней нам непосредственно. Мера эта, однако, не может вносить изменений ни в Основные государственные законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет». Эта статья вошла целиком в Основные законы, опубликованные в день открытия Государственной Думы 27 апреля, была хорошо всем известна как статья 87, которой покойный П. А. Столыпин не раз пользовался для спешного проведения разных законопроектов [3], представлявшихся ему не терпящими отлагательства, или кои, он опасался, не встретят сочувствия в Думе.

25 февраля правитель моей канцелярии А. М. Полянский перешел на службу в Московскую купеческую управу, а на его место назначен С. В. Степанов. С большим сожалением я расстался с А. М. Полянским, которому я многим был обязан — он был мне верным помощником в делах, и не раз я пользовался его советами и даже указаниями в некоторых делах, с которыми мне пришлось впервые столкнуться по моем назначении губернатором.

Вновь назначенный С. В. Степанов получил образование в Императорском училище правоведения в Петербурге [4], был благороднейший, честнейший человек и отличный, аккуратнейший исполнитель всех моих распоряжений. Я всецело всегда мог положиться на него и чувствовал в нем все время моего губернаторства преданнейшего мне человека и работника, а главное, понимавшего меня и мои требования.

Наконец, только с марта месяца я мог приступить к объезду и ревизии подведомственных мне учреждений в районе губернии. Начал я свой объезд с Богородского уезда, которому посвятил три дня. Этот уезд — один из крупных в Московской губернии, с большим фабричным населением. Несмотря на преобладание фабричного населения, тревожные дни конца 1905 г. мало отразились на этом уезде, и даже такая огромная фабрика, как Богородско-Глуховская мануфактура с 12 тысячами рабочих, сохранила полное спокойствие. Работа на ней не прерывалась.

Но что особенно выделялось в этом уезде, это образцовая деятельность крестьянских учреждений во главе с уездным съездом [5], председателем коего состоял уездный предводитель дворянства А. Д. Самарин. Благодаря его превосходному знанию крестьянского

дела и той заботливости, которые присущи ему, уездный съезд, ведавший все крестьянские дела, находился в блестящем состоянии. А. Д. Самарин представлял собой достойный подражания образец уездного предводителя дворянства, это была душа уезда, все слои его одинаково уважали, гордились им. Он сумел так объединить деятельность земских начальников [6] своего уезда, так умело и с такой любовью к делу руководил ими, что Богородский съезд мог считаться настоящей служебной школой для земских начальников, которые почерпали под руководством своего достойного предводителя как обстоятельные знания для своей служебной практики, так и разъяснения на все вопросы этой практики, покоящиеся на строго законных основаниях. Земские начальники в этом уезде были действительно друзьями населения — заботливость о нуждах населения и тщательное удовлетворение просителей положены были в основу их деятельности. Они значительную часть своего времени, как я мог заметить, отдавали на помощь населению в виде широкой подачи советов и разъяснений по всевозможного рода делам и вопросам, с которыми население шло к земскому начальнику, оставляя в стороне все формальности. Эта живая сторона их деятельности устанавливала ту нравственную связь между населением и правительственной властью, которая несомненно существовала в Богородском уезде. Такая плодотворная деятельность земских начальников в этом уезде оставила среди крестьянского населения до настоящих дней благодарную память, и уже после революции, когда земские начальники были упразднены и введены были народные судьи, ряд волостей Богородского уезда выбрали народным судьей к себе своего бывшего земского начальника Полковникова. В неоценимую заслугу предводителя дворянства А. Д. Самарина нельзя не поставить также приведение в волостных правлениях [7] в образцовый порядок посемейных списков, имевших столь важное значение при разборе и решении крестьянских дел.

Все три дня, проведенные мною в Богородском уезде, то повышенное, бодрое, доброжелательное [настроение] всех слоев населения, которое мне всюду сопутствовало, гостеприимство, все это вместе оставило во мне такое чудное впечатление после пережитых в Москве ужасов, что я вернулся в Москву с совсем обновленной душой.

В этом же месяце я посетил и Серпуховской уезд, который объехал в течение трех дней. Предводителем дворянства был в то время П. Н. Рюмин, очень почтенный старик, но благодаря своей болезненности и некоторым странностям он, конечно, не мог держать уездный съезд на должной высоте и объединить деятельность земских начальников было ему не по силам. Зато городское управление г. Серпухова благодаря деятельному и всеми уважаемому городскому голове Игнатову было поставлено превосходно, и все городские учреждения были в блестящем порядке.

В течение всего месяца шли усиленные подготовки к выборам в Государственную Думу, происходили предвыборные собрания всевозможных групп и партий. Собрания эти происходили между прочим и в народных домах Попечительства о народной трезвости, находившегося под моим председательством. Везде они проходили очень оживленно и в большом порядке. Я ограничивался исключительно только указаниями и теми или иными разъяснениями, когда я замечал неправильное толкование закона или узнавал о распространении каких-либо ложных слухов. В выборы я отнюдь не вмешивался и не пытался влиять на них, того же я требовал и от своих подчиненных. Когда я узнал, что на фабриках уполномоченные для избрания выборщиков присваивают себе особые права и под влиянием злонамеренных лиц агитируют и вносят волнение, я тотчас обратился к рабочим с особым объявлением. [...]

18 марта в зале Российского благородного собрания состоялось чрезвычайное Московское дворянское собрание для избрания выборщиков в Государственный Совет [8] от дворянства. Собрание было открыто генерал-губернатором Ф. В. Дубасовым. Обратившись к дворянам с приветственной речью, с пожеланием им успеха в осуществлении поставленной им задачи по выбору дворянских представителей в Государственный Совет, Дубасов сказал: «Действительно, несмотря на то, что над нашим горизонтом кое-где виднеются отдельные тучи, впереди уже занимается светлая и яркая заря будущего; творческое начало везде берет верх над всем остальным, и мы неудержимо близимся к тому новому государственному и общественному строю, который должен увенчать собой великодушные заботы о государственном благе, нисходящие с высоты Престола, и горячие желания и стремления всех лучших людей нашей Родины. Отныне никто и ничто не может помешать этому». Затем генерал-губернатор объявил собрание открытым и оставил зал; дворяне же приступили к выборам, причем избранными оказались Ф. Д. Самарин и князь П. Н. Трубецкой.

26 марта в том же зале под председательством губернского предводителя дворянства князя П. Н. Трубецкого состоялось губернское избирательное собрание для окончательного выбора членов Государственной Думы. Избранными оказались: от крестьян — Иван Петрович Павлов, крестьянин Верейского уезда, беспартийный; от рабочих — Василий Николаевич Чурюков, слесарь, социал-демократ. От остальных групп — барон Крюденер-Струве, директор Коломенского завода, октябрист; В. С. Баршев, директор коншинской фабрики, торгово-промышленной партии; Я. В. Ильин, островской волостной старшина, монархист, и князь Г. Г. Гагарин, землевладелец Клинского уезда, монархист. Выборы ясно указали на отсутствие оппозиционного настроения в губернии, что мне дало большое удовлетворение.

Из других событий в марте месяце припоминаю следующие:

4 марта опубликованы были высочайше утвержденные Временные правила об обществах и союзах, а также о собраниях [9]. Правила эти давали возможность внести должный порядок в деятельность обществ и союзов и регулировать порядок на собраниях; они явились большим облегчением для администрации при разрешении разных вопросов, касавшихся обществ, союзов и собраний.

11 марта Ф. В. Дубасову был поднесен адрес от группы домовладельцев с выражением благодарности по восстановлению порядка в городе, причем они выражали и уверенность, что с того времени все обыватели, без различия своих убеждений, получат возможность добиваться своих прав только силой своего разума и будут гарантированы от произвола и насилия. Дубасов их очень благодарил и просил всегда к нему обращаться с теми или иными нуждами просто и открыто.

16 марта губернское присутствие под моим председательством рассматривало неправильные действия рузского предводителя дворянства князя П. Д. Долгорукова, по инициативе коего съезд роздал 20 000 рублей продовольственного капитала крестьянам без особой их нужды, только по их требованию, сопровождавшемуся угрозами. Дело направлено было в Сенат по обвинению в превышении власти.

Вообще во всех уездах наблюдалось стремление требовать раздачи по рукам продовольственных капиталов; это происходило вследствие агитации злонамеренных лиц, старавшихся уверить крестьян, что правительство хочет завладеть их продовольственными капиталами. Точно так же среди крестьян шла агитация с целью не платить повинностей, и действительно поступление платежей одно время почти прекратилось. Дабы парализовать эту агитационную деятельность, я обратился к населению губернии с объявлением, которое, к моему удовлетворению, возымело должное воздействие настолько, что во всех уездах вдруг стали усиленно поступать сборы. В этом объявлении я указал, что минувшая война и внутренние смуты, тяжело отразившиеся на экономической жизни России, не могли не повлиять на правильность поступления с населения окладных сборов, и во внимание к затруднительному материальному положению крестьянского населения правительство предоставило населению целый ряд льгот, а высочайшим манифестом 3 ноября 1905 г. выкупные платежи с крестьян были уменьшены наполовину, а с 1 января 1907 г. совсем отменены. Таким образом, за уменьшением наполовину выкупных платежей и за широким применением к лицам, находившимся в исключительно дурном материальном положении, различных податных льгот, оставшиеся в весьма незначительной мере окладные сборы приведены были в полное соответствие с платежными силами населения и должны быть безнедоимочно уплачены в назначенные сроки.

Затем я разъяснил в своем объявлении, как надо смотреть на уплату повинностей, указав, что нельзя смотреть на это как на

тяжелую и неприятную обязанность, а надо смотреть как на свой священнейший долг перед Родиной, выяснив при этом, для чего взимаются подати и на что они идут. В конце моего объявления я указал, что по моим наблюдениям, плохое поступление платежей происходит под влиянием преступной пропаганды, и хотя огромное большинство населения настолько благоразумно, что само справедливо оценило всю ложь противоправительственной пропаганды, все же остаются такие легковерные, которые еще поддаются заманчивым обещаниям злонамеренных людей. Я призывал их не верить этим обещаниям и приступить не медля к исполнению одной из важнейших обязанностей, лежащих на каждом верноподданном, — уплате повинностей.

25 марта в Твери был убит губернатор Слепцов, возвращавшийся домой по открытии им земского собрания. Брошенной в экипаж бомбой он был буквально растерзан на части. Убийца оказался юношей 18 лет, Партии социалистов-революционеров.

В апреле мне удалось совершить две поездки по губернии — посетить г. Подольск и объехать Клинский уезд. В Подольском уезде предводителем дворянства был А. М. Катков, весьма добросовестно относившийся к своим обязанностям, сумевший объединить деятельность всех органов управления уезда. Заметна была весьма дружная работа всех. Городской староста И. П. Чуркин был человек в высшей степени добросовестный, с полной энергией и заботливостью относившийся к городским нуждам, и потому все городские учреждения были всегда у него в образцовом порядке.

В Клинском уезде я объехал ряд волостей в сопровождении предводителя дворянства барона Шеппинга. Это был в высшей степени благородный человек, достойный полного уважения и преданный своему делу. К сожалению, болезненное состояние не позволяло ему всецело отдаваться службе и, кроме того, он был слабохарактерен и потому не мог иметь достаточного влияния на членов уездного съезда. В Клинском уезде не было так спокойно, как в первых трех уездах, кои я посетил, и были волости, охваченные революционной пропагандой. На эти волости и было мною обращено главное внимание.

10 апреля в помещении Благородного собрания состоялось чрезвычайное губернское земское собрание для избрания выборщика от земства в Государственный Совет. Избран был Д. Н. Шипов 47 голосами, против 21. Этим закончились выборы членов как в Государственный Совет, так и в Думу от Московской губернии.

Перед их отъездом в Петербург я пригласил их к себе в губернаторский дом, где в домовой церкви был отслужен напутственный молебен, после чего состоялся завтрак, за которым я их приветствовал с пожеланием счастливого пути и полного успеха в их ответственной работе на пользу Родине. После завтрака в зале губернаторского дома приглашенным фотографом была снята группа.

Депутат от рабочих, социал-демократ Чурюков, держал себя очень скромно и присматривался во время завтрака к другим. Уходя, он обратился ко мне с просьбой, если я буду рассылать им группы, то нельзя ли ему прислать ту, на которой он снят сидящим. Я ему пообещал прислать обе.

В это время, 19 апреля, в Таганской тюрьме заключенные объявили голодовку. Причина этому — когда выставили зимние рамы и открыли окна, то арестованные стали петь и переговариваться через окна. Никакие уговоры надзора не действовали, когда же они оказали еще сопротивление закрытию окон, то начальник тюрьмы лишил их свиданий на месяц. В результате — голодовка.

На 4-й день голодовки я приехал в тюрьму и, собрав политических, заявил им, что приехал по просьбе их взволнованных и обеспокоенных родных, чтобы поговорить с ними и просить прекратить голодовку. Я заявил им, что могу разрешить открыть окна, если они мне обещают, что не будут петь и переговариваться через окна, но могу это сделать только тогда, когда жизнь в тюрьме придет в норму, т. е. прекратится голодовка. Что касается других заявлений — об удлинении прогулок, о бане, я сказал, что это находится в связи с наличным числом арестованных, количеством надзора и пр., но что возможно — будет сделано. Одно заявление, которое я нашел вполне законным, чтобы рабочим давались свидания с родными в воскресные и праздничные дни, взамен вторника и пятницы, я разрешил тотчас же. На этом я уехал, вечером мне было доложено, что голодовка прекратилась. Я приказал открыть окна и разрешить свидания.

22 апреля высочайшими рескриптами на имя графа Витте и П. Н. Дурново граф Витте был освобожден от должности Председателя Совета Министров, а П. Н. Дурново — от должности министра внутренних дел. Оба рескрипта были изложены в весьма милостивых выражениях. Графу Витте [был] пожалован орден Св. благоверного великого князя Александра Невского с бриллиантами, и в конце рескрипта, перед подписью, рукою Государя было приписано: «и искренно благодарный». П. Н. Дурново [был] пожалован статс-секретарем.

Вместо графа Витте назначен был Председателем Совета Министров И. Л. Горемыкин, министром внутренних дел — П. А. Столыпин (саратовский губернатор). Затем были назначены: министром иностранных дел — Извольский, финансов — В. Н Коковцов, юстиции — И. Г. Щегловитов, народного просвещения — Кауфман, путей сообщения — Шауфус, Государственным контролером — Шванебах, главноуправляющим землеустройством и земледелием — Стишинский и обер-прокурором Синода — князь А. А. Ширинский-Шахматов. Министры: военный — Редигер, морской — Бирилев и торговли — Федоров остались на своих местах. Таким образом, перед открытием Думы все министры, за исключением трех,

были новые. Думаю, что для дела это имело скорее отрицательное, нежели положительное значение. Думаю, что этот шаг, особенно с назначением Председателем Совета Министров И. Л. Горемыкина, подлил масла в огонь и способствовал только полевению и без того левой Думы.

23 апреля Москва омрачилась злодейским покушением на жизнь генерал-губернатора Ф. В. Дубасова. Это был день тезоименитства Государыни императрицы Александры Федоровны, и потому генерал-губернатору предстояло ехать в Успенский собор на торжественное богослужение. Хотя накануне Ф. В. Дубасов мне ничего не сказал о поездке с ним в собор, я тем не менее, полагая, что, быть может, он это сделал из деликатности, в 10 часов утра на всякий случай приехал к нему, чтобы, если он пожелает, поехать с ним. Но как только я вошел, его ординарец граф Коновницын поспешил меня предупредить, сказав: «Адмирал сказал, чтобы я ехал с ним». Видно было, как граф Коновницын был счастлив, что наконец генерал-губернатор поедет с ним, и увидя меня встревожился, как бы я своим приездом не отнял у него эту честь. Я подождал, пока генерал-губернатор отъехал с графом Коновницыным, и поехал вслед с управляющим канцелярией генерал-губернатора А. А. Ворониным. По окончании богослужения Дубасов с графом Коновницыным заехал в Кремле к заведовавшему тогда дворцовой частью графу А. В. Олсуфьеву, а я вернулся прямо домой.

Как только я переоделся, то услыхал страшный взрыв — я сразу подумал, не несчастье ли с Дубасовым, и, накинув пальто, на первом попавшемся извозчике поехал в генерал-губернаторский дом. Подъезжая, увидел наряды полиции, не пропускавшие никого к подъезду, и на мостовой, почти у самого подъезда, труп убитого своим же, брошенным им, снарядом злоумышленника. Оказалось, что посидев минут 10 у графа Олсуфьева, Дубасов возвращался домой по заранее установленному по соглашению с градоначальником маршруту — через Троицкие ворота по Никитской улице и Чернышевскому переулку. Когда коляска Дубасова поравнялась с воротами генерал-губернаторского дома, которые были открыты и куда ожидался приезд генерал-губернатора, и кучер хотел повернуть, граф Коновницын вдруг (от себя ли, или по приказанию Дубасова — это не выяснилось) крикнул кучеру: «Прямо, с большого подъезда». Коляска и выехала на Тверскую, где при повороте к подъезду какой-то человек в морской форме бросил в коляску коробку от конфект с приколотым к ней букетиком. Раздался страшный взрыв, которым Дубасов был выброшен из коляски на мостовую, но мог сам подняться и дойти до подъезда, где и упал на руки подбежавших слуг, у него только связки на ноге оказались вытянутыми. Граф Коновницын взрывом был убит, также и бросивший снаряд неизвестный. Оба они лежали тут же, на мостовой. Кучер Птицын был сброшен с козел, получил рану в лоб и ушиб

правой руки. Коляска с провалившимся кузовом, без кучера, с мчавшимися лошадьми, была остановлена только в Кисельном переулке на углу Рождественки.

Дубасова положили в постель, у него, кроме ушиба ноги, заметно было потрясение всего организма, но это не мешало ему казаться совершенно спокойным, и только одно его волновало — предстоящее свидание с графиней Коновницыной, вдовой убитого ординарца, за которой поехали его товарищи, чтобы подготовить ее к ужасной вести и привезти в генерал-губернаторский дом, куда было внесено тело ее мужа и положено на катафалке в церкви.

Дубасов получил массу приветственных телеграмм. Первая телеграмма была от Государя императора, затем от Государыни императрицы Марии Федоровны и прочих особ императорской фамилии и от разных лиц со всех концов России. Особенно трогательные депеши были от вдовствующей императрицы: «Нет слов, достаточно сильных, чтобы выразить Вам и Вашей супруге все, что я испытываю за Вас. Благодарю Всевышнего, спасшего Вас столь чудесным образом. Усердно молю Бога всегда оказывать Вам свою священную защиту. Мария». И спустя несколько дней: «Всегда думаю о Вас. Надеюсь, что Вы чувствуете себя лучше и менее страдаете от Ваших ран. Очень желаю иметь вести о Вас. Не зная лично бедную графиню Коновницыну, прошу Вас передать ей выражение моего глубокого сочувствия в постигшем ее ужасном горе. Мария».

26-го состоялись торжественные похороны графа Коновницына, тело которого предали земле на кладбище Ново-Девичьего монастыря.

24 апреля опубликован был рескрипт на имя морского министра Бирилева о преобразовании морского ведомства и учреждении Управления Морского генерального штаба для заведования стратегической и мобилизационной частями ведомства.

В этот же день были опубликованы Основные законы, выработанные Советом Министров под председательством графа Витте, но с некоторыми несущественными изменениями, как то: ограничено право Государя императора издавать указы, и все указы Государя должны были скрепляться Председателем Совета Министров или подлежащим министром; кроме того, веротерпимость (статья 39) несколько сужена.

Наконец наступило 27 апреля — день торжественного открытия первого созыва Государственного Совета и Государственной Думы. За несколько дней перед тем я обратился к населению с нижеследующим объявлением, оповещая об открытии Думы с предупреждением относительно могущих быть демонстраций:

«27 апреля состоится в Петербурге торжественное открытие Государственной Думы. Это высокорадостное событие является несомненным народным праздником, а потому считаю долгом своим объявить жителям Московской губернии, что они могут в день

открытия Государственной Думы украсить свои дома национальными флагами, но вместе с тем призываю жителей губернии к соблюдению в этот день полного порядка и спокойствия, чем единственно и может быть достойно выражена радость по поводу дарованных великих прав народу и благодарность возлюбленному монарху. Никакие демонстративные шествия с красными флагами, сборища и беспорядки допущены быть не могут, и я твердо верю, что население губернии своим спокойным и достойным поведением отметит великий исторический день и не омрачит его беспорядками, малейшее проявление которых будет прекращено властями, хотя бы для этого пришлось применить силу. Флигель-адъютант его императорского величества Джунковский».

В самый день открытия Думы Государь император с Государыней императрицей Александрой Федоровной и великим князем Михаилом Александровичем в девять с половиной часов утра отбыли из Петергофа на яхте «Александрия». Прибыв в Петербург и пересев на паровой катер «Петергоф», направились в Петропавловскую крепость, а оттуда в Зимний дворец, где согласно особого высочайше утвержденного порядка состоялся высочайший выход в Георгиевский тронный зал, где уже были собраны Государственный Совет и Государственная Дума.

После торжественного молебствия Государь, вступив на трон, произнес с высоты престола следующую речь: «Всевышним промыслом врученная мне власть побудила призвать выборных людей к содействию законодательной деятельности. Побуждаемый пламенной верой в светлое будущее России, приветствую в вашем лице тех лучших людей, которых я повелел избрать своим возлюбленным подданным. Вам предстоит трудная и сложная работа, но я верю, что любовь и воодушевление помогут вам разрешить трудные задачи. Я же обещаю сохранить непоколебимыми установления, дарованные мною народу. Я верю, что вы посвятите все силы выяснению нужд любезного нашему сердцу крестьянства, просвещению и благосостоянию Родины, памятуя, что для духовного возрождения нужна не одна свобода, но и порядок на основании права. Я буду счастлив передать своему наследнику государство крепкое и просвещенное. Да поможет мне Господь Бог осуществить мои желания в единении с Государственным Советом и Государственной Думой. Да будет нынешний день знаменовать день обновления нравственного облика и возрождения лучших сил России».

Громовое «ура» было ответом на тронную речь, после чего Государь в сопровождении всей царской семьи проследовал из Георгиевского зала во внутренние покои.

Из Зимнего дворца все депутаты направились в Таврический дворец, где в 4 часа в думском зале было отслужено молебствие, а в 5 часов депутаты заняли свои места в зале заседаний. Весь состав министров во главе с Горемыкиным поместился в ложе министров, члены Государственного Совета — в своей ложе.

На председательскую трибуну вошел статс-секретарь Фриш и заявил, что Государем императором на него возложено почетное поручение открыть Государственную Думу. Государственный секретарь барон Икскуль фон Гильдебрант прочел высочайший указ от 24 апреля о порядке открытия Думы, после чего статс-секретарь Фриш произнес краткую приветственную речь и объявил заседание открытым. Затем предложил выслушать текст торжественного обещания членов Государственной Думы, подписать его и приступить к избранию Председателя. Подавляющим большинством (426 против 10) избран был С. А. Муромцев. Э. В. Фриш ему низко поклонился и уступил председательское место.

С. А. Муромцев, не отвечая на приветственную речь, произнесенную Э. В. Фришем, и как бы игнорируя его, предоставил слово члену Думы И. И. Петрункевичу, который и выступил с резким словом, требуя амнистии. Затем слово взял С. А. Муромцев и обратился к Думе с следующей речью: «Благодарю за высокую честь избрания, но теперь не время благодарностей. Предстоит великое дело, воля народа впервые получила возможность деятельно участвовать в законодательном устроении России. Впереди великие подвиги. Дай Бог, чтобы у членов Государственной Думы хватило сил. Сохраняя должное уважение к прерогативам конституционного монарха, мы и призваны использовать всю силу и ширину прав избравшего нас народа».

Так открылась Государственная Дума, с первых слов председателя коей чувствовалось, что Дума эта не удовольствуется поставленными ей рамками, в самом законе об ее учреждении указанными, и выйдет из них на путь оппозиционный.

День открытия Думы праздновали во всех городах России. В Москве было торжественное богослужение в Успенском соборе, царило праздничное настроение. В городской думе состоялось торжественное собрание, посвященное этому знаменательному для России дню. Председателем оглашен был текст приветственной депеши на имя Государственной Думы: «В великий день, когда избранники народа приступают к высшей государственной деятельности, когда истомленная и измученная страна видит наконец осуществляемым начало великой реформы, которая одна только может вывести Россию на путь мирного развития, древняя Москва приветствует избранников народа. Да будет благословен их труд на благо и счастье Родины. Да послужит он животворной силой, которая создаст новый строй великой, обновленной и свободной России. Москва полна веры, что великий подвиг, принятый на себя представителями народа, одухотворенный горячей любовью к России, внесет в жизнь страны мир и будет оплотом торжества законности и свободной гражданственности. Пусть избранники народа бодро идут к этой цели путем созидающего труда, памятуя, что в их великом служении народу поддержка страны будет всегда за ними. Да воссияет над Россией свет правды».

Большинством голосов 41 против 25 текст телеграммы был принят. Гласные Н. Н. Щепкин, В. В. Пржевальский, А. А. Мануйлов, граф С. Л. Толстой, Д. И. Тихомиров, Н. М. Кишкин, С. А. Левицкий и Г. А. Мейнгард остались при особом мнении, находя текст депеши не соответствующим времени и настроению.

28 апреля Председатель Государственной Думы С. А. Муромцев был принят Государем.

В этот же день состоялось открытие преобразованного Государственного Совета. После молебствия, отслуженного митрополитом Антонием, все члены Государственного Совета заняли свои места, и государственный секретарь барон Икскуль фон Гильдебрант прочел высочайшие указы: о назначении почетным Председателем Государственного Совета великого князя Михаила Николаевича, Председателем — графа Д. М. Сольского и вице-председателем — Э. В. Фриша.

Приветствуя собравшихся членов Государственного Совета, граф Сольский, указав, что в течение 100 лет своего существования Государственный Совет был ближайшим советником и пособником российских монархов, сказал: «С введением в Совет выборных членов Государственный Совет войдет в тесную связь с жизнью населения, что даст ему новую силу, и хотя учреждение Государственной Думы изменяет его отношение к законодательному делу, но ему отводится видное в этом деле участие. Ему предстоит блюсти согласие преобразовательной деятельности с вековыми устоями Русской земли, с лучшими заветами ее истории и с условиями здорового роста государства». Кончил свою речь граф Сольский словами: «Открывая первое заседание, твердо уповаю, что мудрость русских людей, призванных на дело благоустройства отчизны, успешно поборет все препятствия и приуготовит России светлое будущее». Затем все члены Государственного Совета подписали присяжные листы.

29 апреля в Государственной Думе произведены были выборы товарищей Председателя и других должностных лиц. Товарищами Председателя избраны были: князь Долгоруков и Гродескул, секретарем — князь Шаховской.

30 апреля в Москве состоялось присоединение в полицейском отношении к градоначальству пригородов и образование в них полицейских участков. Для меня как губернатора это было большим облегчением, так как при малочисленности уездной полиции крайне трудно было сохранять порядок в этих пригородах, густо населенных и представляющих собой продолжение города с чисто городским населением. Таким образом к градоначальству в полицейском отношении отошли: Марьина роща, Алексеевское-Богородское, Черкизово, Благуша, Андроновка, Хохловка, Кожухово, Шелепиха и другие места. Это дало мне возможность усилить состав полиции

в сельских местностях и дачных поселках Московского уезда, где особенно нуждались в этом в летнее время.

Первые дни мая месяца в Государственной Думе шли горячие прения по поводу ответа на тронную речь Государя, 4 мая текст адреса был принят Думой. Адрес Думы показывал ясно, что она не желает работать в рамках, предоставленных ей законом, а посягает даже на прерогативы верховной власти. Дума в своем адресе указала:

«1) что спокойная и правильная работа Государственной Думы может быть только при условии ответственности всех без исключения министров перед народным представительством и что прежде всего необходимо освободить Россию от действия чрезвычайных законов;

2) что весь народ с истинною силою и воодушевлением будет выполнять творческое дело обновления жизни только тогда, когда между ним и Престолом не будет стоять Государственный Совет, составленный из назначенных сановников и выборных от высших классов населения, и когда никакими особыми узаконениями не будет положен предел законодательной компетенции народного представительства;

3) что условием плодотворной работы Дума считает издание точных законов о неприкосновенности личности, свободе слова, союзов, стачек и т. д., а также обеспечение за гражданами права обращаться с петициями к народному представительству;

4) что исходя из убеждения, что ни свобода, ни порядок не могут быть прочно укреплены без установления равенства всех граждан перед законом, Дума полагала бы необходимым выработать закон о полном уравнении всех граждан, независимо от их национальных привилегий и пола, и прежде всего закон об отмене смертной казни навсегда. «Ныне же, — говорилось в адресе, — страна ждет приостановления Вашей, Государь, властью исполнения всех смертных приговоров»;

5) что «наиболее многочисленная часть населения страны — трудовое крестьянство — с нетерпением ждет удовлетворения своей острой нужды в земле, и первая русская Государственная Дума не исполнила бы своего долга, если бы она не выработала закона для удовлетворения этой нужды путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетных, монастырских и церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих»;

6) что считает необходимым: а) выработать законы о равноправии крестьян и охране наемного труда, б) выработать закон о всеобщем бесплатном обучении, в) обратить внимание на справедливое распределение налогов и г) коренным образом преобразовать местные управления и самоуправления на началах всеобщего избирательного права;

7) что «Государственная Дума озаботится укреплением в армии и флоте начал справедливости и права»;

8) что «Государственная Дума считает неотложным удовлетворение давно назревших требований отдельных национальностей»;

9) что страна ожидает амнистии, «распространенной на все предусмотренные уголовным законом деяния, кои вытекали из побуждений религиозных или политических, а также и аграрных». При этом заключительными словами были: «Государь, Дума ждет от Вас полной политической амнистии как первого залога взаимного понимания и взаимного согласия между царем и народом».

В это же время, 5 мая, в Государственном Совете также был принят текст адреса Государю, но в нем по поводу амнистии было сказано:

«В течение веков знаменательные в жизни Российского государства события запечатлевались в памяти народной актами царской милости к узникам и впавшим в преступления. Относясь с глубоким негодованием к непрекращающимся доныне злодеяниям, совершаемым в увлечении политической борьбы, Государственный Совет, во внимание к чрезвычайной важности переживаемого времени, решается повергнуть на великодушное воззрение Вашего императорского величества участь тех, кои в неудержимом стремлении к скорейшему достижению желанных свобод или в борьбе за охрану порядка нарушили грани законных постановлений, но не посягнули при этом на чужую жизнь и имущество, а также не вовлекли в эти преступления неразвитых и слабых».

Государственная Дума, приняв 4 мая текст адреса, постановила просить о принятии Государем депутации от Думы, которая и вручила бы адрес, но такая просьба была отклонена, и Председателю Думы предложено было препроводить Государю адрес при всеподданнейшей записке. Это весьма задело самолюбие членов Думы, которые и выступили по сему поводу с соответствующими речами, но в конце концов, дабы не создавать конфликта, приняли нижеследующую смягченную форму перехода к очередным делам: «Дума, признавая содержание адреса более важным, нежели форму его передачи, постановила предоставить Председателю, по его усмотрению, каким он найдет возможным способом передать адрес и переходит к очередным делам».

В ответ на этот адрес Председатель Совета Министров И. Л. Горемыкин выступил в заседании Думы 13 мая с заявлением от имени Совета Министров. И. Л. Горемыкин сообщил, что Совет Министров, полагая в основание своей деятельности соблюдение строгой законности, выражает [готовность] оказывать полное содействие разработке всех вопросов, возбужденных Государственной Думой, которые не выходили бы из пределов предоставленного ей законодательства. Сказав это, И. Л. Горемыкин перешел к затрагиваемым Думою вопросам в отдельности:

«1. Изменению избирательного права правительство несомненно окажет содействие, но сейчас оно находит этот вопрос преждевременным, так как Дума только что приступила к законодательной работе и не могла поэтому еще успеть выяснить себе потребность в изменении этого права и форму.

2. К удовлетворению насущных нужд сельского населения, к вопросам о равноправии крестьян, начальном образовании, налоговой системе и преобразовании местного самоуправления правительство отнесется с особым вниманием.

3. Изданию законов о неприкосновенности личности, свободе собраний, союзов и т. д. правительство также придает большое значение; но при выполнении этих законопроектов ставит необходимым условием вооружение административной власти действительными способами к тому, чтобы при действии законов, рассчитанных на мирное течение государственной жизни, власть эта могла бы предотвращать злоупотребления дарованными свободами и противодействовать посягательствам, угрожающим обществу и государству.

4. Земельный вопрос — на основаниях, предложенных Думою, правительство считает недопустимым, так как начала неотъемлемости и неприкосновенности собственности являются во всем мире краеугольным камнем народного благосостояния и общественного развития, без коего немыслимо существование государства. Не вызывается предлагаемая Думой мера, по мнению правительства, и существом дела, так как земельный вопрос может быть разрешен успешно без разложения самого основания нашей государственности.

5. По вопросам об установлении ответственности перед народным представительством министров и упразднении Государственного Совета правительство находит, что эти вопросы касаются коренного изменения Основных государственных законов, не подлежат рассмотрению Думы.

6. По вопросу об установлении начал справедливости и права в войсках армии и флота правительство заявляет, что в войсках его императорского величества начала эти с давних пор установлены на незыблемых началах. Ныне же заботы державного вождя и императора направлены к улучшению материального быта армии и флота, а вот изыскание средств составляет одну из главных задач прежних властей и вновь установленных законодательных учреждений.

7. По вопросу об устранении действий исключительных законов и незаконных деяний отдельных должностных лиц правительство находит, что это вопросы государственного управления, и в этой области полномочия Государственной Думы ограничиваются в праве запросов министрам и главноуправляющим. Что касается исключительных законов, то правительство считает себя обязанным

ограждать спокойствие всеми ныне существующими законными способами, пока не будут изданы другие гарантирующие законы.

8. Относительно общей политической амнистии Совет Министров находит, что настоящее смутное время не отвечало бы благу помилования преступников, участвовавших в убийствах, грабежах и насилиях».

В конце своего слова И. Л. Горемыкин подробно коснулся предположений Совета Министров в области законодательной.

Государственная, обоснованная речь Председателя Совета Министров не удовлетворила Думу, возбудив весьма бурные прения. Чувствовалось, что атмосфера все больше и больше сгущается. При этом газеты все время подливали масла в огонь, некоторые прямо натравливали. 13 мая в Думе были произнесены весьма резкие речи против действий правительства. Дума прямо требовала отставки всех министров. Все это действовало возбуждающе, особенно в провинции. Со всех концов России приходили вести о беспорядках, погромах, убийствах административных и должностных лиц. Казалось бы, с открытием Думы должно было бы наступить успокоение, между тем произошло как раз обратное — под влиянием отчетов думских заседаний, расходившихся по всей России, с властью перестали считаться, посыпались всевозможные жалобы в Думу на действия должностных лиц, большею частью несправедливые или преувеличенные. В Думе на основании этих жалоб предъявляли запросы министрам и главноуправляющим — время тратилось по пустякам. Происходила какая-то неразбериха. В Московской губернии было сравнительно спокойно, но в некоторых уездах все же чувствовалось брожение.

10 мая всем губернаторам была послана министром внутренних дел П. А. Столыпиным циркулярная депеша с весьма ценными руководящими указаниями. Вследствие этого предложения министра я циркулярно обратился к земским начальникам и начальникам уездной полиции, а к населению с особым объявлением, предостерегая население не верить злонамеренным слухам, подстрекавшим к сопротивлению власти, беспорядкам и насилиям. [...]

23 мая генерал-губернатор Ф. В. Дубасов, оправившись после произведенного на него покушения, выехал в Петербург. Перед своим отъездом он много говорил со мной как о служебных делах, так и о своих личных, и сказал мне, что решил просить Государя об увольнении его от должности генерал-губернатора, что он чувствует потребность отдохнуть и полечиться, так как организм его сильно расшатался, а брать долгосрочный отпуск в такое тревожное время он не считает себя вправе. При этом Дубасов спросил мое мнение — кого ему назвать Государю, если бы его величество на его просьбу об увольнении спросил бы, кто же бы мог его заместить. Подумав, я ответил, что мне кажется, для пользы дела хорошо было бы

назначить С. К. Гершельмана — командующего войсками, который уже успел несколько ознакомиться с Москвой; а кроме того, объединение в одних руках и гражданской, и военной власти имеет свои положительные стороны, что я знаю Гершельмана как очень честного человека долга. Потом я очень раскаялся в своей рекомендации, так как как генерал-губернатор он оказался не на должной высоте — об этом я буду говорить ниже. Мне лично было очень трудно с ним служить.

Дубасов со мною согласился и действительно рекомендовал Гершельмана как могущего его заместить. Государь сочувственно отнесся к этой мысли. Я узнал это из письма, которое получил от Дубасова перед его отъездом за границу. В начале июля Гершельман был назначен генерал-губернатором с оставлением в должности командующего войсками. До этого же времени обязанности генерал-губернатора были распределены между мною и градоначальником по принадлежности.

19 мая во многих газетах появилось воззвание 14 членов Государственной Думы к рабочим с призывом к борьбе с правительством. Опасаясь, как бы это воззвание не имело печальных последствий, я счел долгом обратиться к рабочим с разъяснительным объявлением. [...]

8 июня в Думе князем С. Д. Урусовым была произнесена речь с разоблачением незаконной деятельности Департамента полиции, а 19 июня во время выступления военного прокурора Павлова в ответ на запрос Думы ему не дали говорить и заставили его сойти с кафедры.

В последних числах мая месяца и в начале июня стали учащаться случаи волнений и беспорядков в войсках. Революционная пропаганда проникла и в казармы. Этого не избег и Лейб-гвардии Преображенский полк, в котором я начал службу и будучи губернатором продолжал числиться в 4-й роте полка, привыкши всегда гордиться полком, имеющим репутацию выдающегося и по своему праву занимавшим первое место среди гвардейских полков.

12 июня, когда полк находился в Петергофе, в резиденции Государя, среди нижних чинов 1-го батальона началось брожение, перешедшее в неповиновение начальству, к счастью не дошедшее до открытых беспорядков. Батальон был изолирован и отправлен в Петербург, после чего высочайшим повелением все офицеры батальона и все нижние чины были арестованы и под конвоем отправлены в село Медведь Новгородской губернии, где и были размещены в казармах. Батальон был лишен прав гвардии и переименован в особый батальон. Офицеры и нижние чины преданы суду.

Кара постигла и высшее начальство — высочайшим приказом главнокомандующему войсками Петербургского военного округа великому князю Николаю Николаевичу поставлен на вид недоста-

точный внутренний порядок и дисциплина в 1-м батальоне Лейб-гвардии Преображенского полка, командиру гвардейского корпуса генерал-адъютанту князю Васильчикову объявлено замечание с отчислением от должности, командующий дивизией Свиты генерал-майор Озеров уволен в отставку, командиру 1-й бригады генерал-майору Сирелиусу объявлен выговор, и командир полка Свиты генерал-майор Гадон уволен от службы.

Такая исключительная строгость, очевидно, была применена к Преображенскому полку, так как этот полк, в котором по традиции все Государи начинали свою военную службу, пользовался всегда и исключительным их вниманием, а потому, естественно, должен был служить примером всем другим полкам гвардии, и малейшее отступление от дисциплины являлось для него уже тяжким преступлением. Так грустно окончилось недостойное поведение чинов 1-го батальона полка. Я, как числившийся в 4-й роте, был переведен в 8-ю.

Только 18 августа 1-й батальон был вновь сформирован, и я был вновь переведен из 8-й в 4-ю роту, в которой и числился до производства моего в генералы в декабре 1908 г. По сформировании 1-го батальона, 21 августа, совершено было торжественное молебствие в помещении роты его величества, по окончании которого была послана Государю императору за подписью командира полка генерал-майора Драгомирова депеша. [...]

В июне месяце мне удалось совершить поездку по губернии в Бронницкий и Коломенский уезды, с 11 по 14 июля. В Бронницком уезде предводителем дворянства и председателем земской управы был А. А. Пушкин, внук великого поэта. Это был очень хороший человек, я с ним был очень близок, так как мы были одного выпуска из Пажеского корпуса. В деловом отношении он был несколько слабоват по своей слабохарактерности, а кроме того, ему приходилось очень трудно, так как он сильно нуждался, будучи стеснен в средствах. Вообще состав должностных лиц этого уезда заставлял желать лучшего, зато настроение среди крестьянства было хорошее, этот уезд мне никогда не причинял беспокойств, и огромная фабрика в Раменском также выделялась тем, что никаких революционных выступлений на ней никогда не было.

В эту мою поездку, доехав по железной дороге до Люберец, я на лошадях проехал до г. Бронницы, останавливаясь попутно в волостных правлениях, в коих к этому времени собирались сельские должностные лица селений, находившихся в трехверстном оттуда расстоянии. Пока я вел беседы с крестьянами и выслушивал их нужды, непременный член губернского присутствия производил ревизию волостного правления, по окончании которой тут же докладывал мне о результатах, на основании коих я давал соответствующие указания. Попутно я осматривал и больницы и школы.

В Бронницах по осмотре всех местных учреждений я обедал у предводителя дворянства А. А. Пушкина и, переночевав, рано утром выехал дальше, направляясь в Коломенский уезд и заезжая по дороге в волостные правления, школы, больницы. Пришлось проехать и через историческое место — погост Спасо-Заворово, где Дмитрий Донской получил благословение на Куликовскую битву от преподобного Сергия Радонежского. На этом месте был монастырь, в то время уже упраздненный, от него уцелел только деревянный забитый храм.

Везде, где я останавливался, собирались толпы крестьян, с которыми приходилось беседовать, давать ответы на волновавшие их вопросы, разъяснения. Благодаря этому я прибыл в Коломенский уезд с большим опозданием. По дороге я заехал к старику М. П. Щепкину, весьма почтенному земскому деятелю, сыновья которого — старший был председателем Коломенской земской управы, очень работящий, деловой и умный, с ним было очень приятно иметь дело; другой исполнял в то время при мне обязанности чиновника особых поручений, был очень умен и приятен во всех отношениях. К Щепкиным прибыл и коломенский уездный предводитель дворянства Д. А. Бутурлин. Этот последний принадлежал к левому крылу дворян, прошел в уездные предводители не за свои таланты, которых у него не было, а исключительно благодаря тому, что настроение дворян Коломенского уезда было оппозиционное и Д. А. Бутурлин им казался самым подходящим кандидатом, как довольно безличный и примыкавший к левым.

От Щепкиных я направил свой путь на Озеры, крупное село на берегу Оки, заезжая по пути в волостные правления. Но так как меня повсюду задерживали и я не уезжал ниоткуда, не дав населению на все вопросы исчерпывающих ответов, то везде приходилось заставлять себя ждать, что было всегда неприятно. В этот день мои разговоры особенно везде затянулись, и в Верховлянское волостное правление я прибыл вместо 6 часов вечера в 11 часов, так что меня уже перестали ждать, и я застал только старшину и старост. В следующем селе — Бояркине — я был в 1 час ночи, а в Горах — в 3 часа утра. Тут меня уже совсем не ждали; я посетил больницу и волостное правление. В Озеры я приехал в 4 часа утра и ночевал в высланном для меня вагоне на станции железной дороги.

Озеры большое село, чисто фабричное, с двумя крупными фабриками: Щербакова и Моргуновых. Расположено оно на берегу Оки, местность очень красива. Уже в 7 часов утра ко мне явились депутаты от рабочих фабрики Т-ва Моргуновых, которая в то время не работала, будучи закрыта со времени забастовки самим товариществом, правление которого было не меньше в этом виновато, чем и сами рабочие. Рабочие набросали мне яркую картину постигшего их от закрытия фабрики бедствия и просили моего содействия. Я обещал переговорить с правлением и обсудить положение дела

и сообщить им о результатах. Переговорив с ними, я отправился на фабрику Щербакова, осмотрев по дороге вновь сооруженный на средства В. М. Моргунова понтонный мост через Оку, соединяющий Московскую губернию с Рязанской. Это грандиозное сооружение было выстроено за какие-нибудь полгода и заменило собой жалкое деревянное суденышко-паром, на котором до открытия моста совершалась переправа. Нечего и говорить о том громадном значении, которое этот мост приобрел и для всего населения, и для промышленности. Кроме того, тут же Моргуновым была выстроена и оборудована спасательная станция. На фабрике Щербакова рабочие находились в хороших условиях и ни с какими ходатайствами ко мне не обращались. Фабрика была очень хорошо оборудована, школа и больница не оставляли желать лучшего. Но что всего замечательнее — это была пожарная дружина. Пожарный обоз дружины по своему оборудованию и по роскоши занимал первое место в России. В нем сосредоточены были все последние усовершенствования по пожарному делу, роскошь и красота были доведены до того, что все бочки были полированного дуба, лошади, одна лучше другой, все одной масти.

Сначала я осмотрел все помещение обоза и пожарной добровольной команды, затем был дан сигнал, и не прошло и пяти минут, как пожарный обоз был готов к выезду, и по второму сигналу холеные, красивые, сильные лошади, как одна мастью, в отличных надежных запряжках, несли в карьер бочки, линейки, паровую машину и прочие приспособления для тушения пожара. Предположено было, что загорелся четырехэтажный корпус фабрики. Надо было видеть, как моментально воздвигнуты были лестницы, по которым на крышу стали стремительно взбираться люди в блестящих касках, таща длиннейшие рукава. В стороне заработала паровая машина и с помощью быстро размотанных рукавов стала обдавать мнимо горевшее здание обильной водой. Все это делалось среди полной тишины, по сигналам, исходившим от брандмейстера Михаила Федоровича Щербакова — он же и владелец фабрики. Будучи хорошо знаком с работой пожарных команд Москвы и Петербурга, я никак не ожидал встретить такую отважную работу и в добровольной дружине из фабричных рабочих.

По осмотре фабрики я произвел смотр полусотне 34-го Донского казачьего полка и, простившись со всеми и поблагодарив их, выехал по железной дороге на станцию Голутвин для осмотра Коломенского машиностроительного завода. Завод в это время работал полным ходом и производил огромное впечатление. Переходя из одного отделения мастерских в другое, можно было видеть, как постепенно из стали и железа делались части паровозов, а затем из этих частей возникал и паровоз. Осмотрев завод, я на лошадях проехал в г. Коломну, в собор, а оттуда в городскую управу. Городским головой был Посохин, имевший большую слабость к крепким напит-

кам, что не могло не отражаться и на делах городского управления. Этот Посохин при посещении Коломны Государем императором, поднося его величеству по коломенским традициям вместо хлеба-соли пастилу местного приготовления, вместо приготовленной речи, которую от смущения он забыл, сказал: «Ваше императорское величество, — помолчав немного, опять: Ваше императорское величество, — и опять помолчав: Я городской голова... а вот и пастила...» Государь улыбнулся и взял пастилу из рук совсем растерявшегося Посохина.

После городской управы я посетил земскую управу, мужскую гимназию, уездные присутственные места и в ночь выехал по железной дороге в Москву.

18 июня в Севастополе был убит адмирал Чухнин в тот момент, как собирался сесть в катер. Это была очень большая потеря для флота. Чухнин был выдающийся моряк и честнейший человек.

3 июля в Нижнем саду в Петергофе в 10 часов вечера на глазах многочисленной публики был убит генерал-майор Козлов. Убийца, социал-революционер, объяснил, что принял его за Трепова. На последнего это произвело очень тяжелое впечатление.

1 июля Московское столичное попечительство о народной трезвости праздновало пятилетие со дня своего основания. По сему поводу я как председатель обратился к членам комитета со следующими словами: «Сегодня — день первого пятилетия существования Московского столичного попечительства о народной трезвости. Я счастлив, мои дорогие сотрудники, что все еще состою в ваших рядах, и, поздравляя вас с пятилетием существования всем нам родного дела, особенно приветствую тех, кто служит с первого дня его существования. Тот факт, что созданное нашими общими трудами дело просуществовало пять лет и за эти истекшие годы не умалилось, а беспрерывно росло, дает нам отраду думать, что мы не напрасно трудились, и дело, которому мы отдавали силы и время, оказалось делом небесполезным и для нашей Родины. Пусть же это сознание даст каждому из нас силы и впредь бодро и честно нести свои обязанности при служении делу Попечительства. Сложные обязанности по исполнению должности московского губернатора не дают мне теперь возможности по-прежнему работать среди вас; но расстаться с вами мне было бы больно, потому что короткая по времени работа над делом Попечительства — это мой лучший отдых в настоящее время, в ней все до мелочей мне знакомо, все создавалось и росло на моих глазах. Но если я сохраняю возможность не прерывать с вами, то этим я обязан тому обстоятельству, что все вы так же усердно, так же добросовестно продолжаете работать, как и в те дни, когда я имел возможность постоянно входить в близкое общение со всеми вами на почве интересов нашего общего

дела. Примите же все вы, мои дорогие сотрудники, благодарность Попечительства за ваши труды, и да растет и процветает дело Попечительства на благо нашей дорогой Родины».

В начале июля месяца было закончено устройство храма-усыпальницы, сооруженного по мысли великой княгини Елизаветы Федоровны и на ее средства как место вечного упокоения останков убиенного великого князя Сергея Александровича. Сооружен он был в нижнем покое Чудова монастыря, представлявшем две палаты под храмом святителя Алексия, который сохранился доныне в том самом виде, в каком он был при его создании в 1680—86 гг. Храм-усыпальница устроен был по предположениям художника П. В. Жуковского, сына известного поэта, строителем был академик Р. И. Клейн.

Когда приступили к работам, обе палаты имели вид сараев с земляными насыпными полами, кирпичными избитыми стенами и таковыми же сводами; в них хранились дрова, доски и т. п. предметы, и в какой-нибудь год с небольшим этот сарай превратился в роскошный художественный храм благодаря неусыпным заботам великой княгини, вложившей в это сооружение всю свою беззаветную чудную светлую душу.

Усыпальница занимала помещение, состоящее из центрального — с низко начинающимся сводом, посередине достигающим, однако, довольно значительной высоты. К этому центральному помещению примыкала слева от входа большая полукруглая ниша, заложенная золотой мозаикой, ниша, в которой помещалось мраморное белое надгробие — саркофаг.

Алтарь помещался в узкой и длинной нише, заканчивающейся абсидой. Алтарная ниша была вполне закрыта мраморным иконостасом, не достигавшим свода. Затем, направо от входа — дверь, ведшая в Николаевский дворец, и еще правее окно, проделанное в толще стены; оно одно освещало всю церковь несильным, но достаточным светом. Вся нижняя часть стены (ниша-саркофаг) обложена была мозаичной панелью с архаическими украшениями, изображающей драпировку со складками.

Мраморный иконостас сплошь был покрыт иконами. Иконы были многофигурны и составляли для глаз нечто такое красочное, которое в сопоставлении с холодным по тону мрамором еще сильнее привлекало глаз и удовлетворяло создавшееся религиозное настроение, сосредоточивая благочестивое внимание молящихся. Посередине иконостаса — Царские врата были из темной бронзы, низкие и имели вид крещатой решетки. Местные иконы Спасителя и Божьей Матери были оправлены в мраморные рамы. Над Царскими вратами помещены были обе части «Евхаристии», исполненные по московским письмам XVII в.

Мраморное надгробие и впадина в стене над ним производили

глубокое впечатление своей изящной простотой. Очертания впадины были сделаны по мысли П. В. Жуковского, а рисунок надгробия исполнен был Р. И. Клейном.

Все иконы писаны были московскими иконописцами под наблюдением академика Кл. Петр. Степанова, который сам лично написал четыре местных иконы. Все иконы написаны были древним приемом, известным у наших иконописцев под названием письма «вапами», заключавшимся в том, что живопись производилась тем же способом, как пишут водяной краской, с прибавлением к краске незначительного количества желтка, растворенного водой, а затем, когда живопись готова, то она поливалась олифой или вареным маслом, которыми и пропитывался наложенный живописью слой краски, и наконец после некоторого времени снимался, давая ей наивысшую степень прочности, которой нельзя было бы достигнуть никаким другим способом. Красота красок икон была поразительна.

4 июля храм-усыпальница был освящен во имя преподобного Сергия Радонежского, в тот же день вечером, после парастаса (заупокойной всенощной) в Андреевском храме, в присутствии великой княгини Елизаветы Федоровны, августейших детей великого князя Павла Александровича — великой княжны Марии Павловны и великого князя Дмитрия Павловича, прибывших особ императорского дома * и других лиц, гроб был поднят и отнесен в Алексеевский храм. После краткой литии у раки Святителя Алексия гроб перенесли чрез Николаевский дворец, Царскую площадь и ворота Чудова монастыря в храм-усыпальницу чрез его западные двери. По совершении литии гроб был отнесен в склеп, который после этого закрыли и заделали отверстие в полу.

Это было в одиннадцатом часу вечера. Был тихий, чудный вечер. Из Андреевского храма подняли и несли гроб великие князья и приближенные почившего, прислуга держала концы длинных полотнищ, пропущенных под гроб, впереди шел взвод киевских гренадер. На площади развернутым строем стояла рота ее высочества Киевского гренадерского полка. Все шли со свечами, которые не гасли, так как ни малейшего ветерка не было. Это шествие производило сильное впечатление, когда под сенью дивного очертания колокольни Ивана Великого и кремлевских соборов приносили на вечный покой останки великого князя, принявшего мученический венец в стенах священного Кремля. Скромное своим порядком, но трогательное и внушительное благодаря обстановке, шествие это навсегда запечатлелось в памяти присутствовавших.

5 июля состоялся высочайший приказ о назначении генерал-лейтенанта С. К. Гершельмана московским генерал-губернатором

* К этому дню съехались в Москву: королева эллинов Ольга Константиновна с сыном королевичем Христофором, великий князь Борис Владимирович, великий князь Алексей Александрович и великий князь Константин Константинович с великой княгиней Елизаветой Маврикиевной. *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

с оставлением в должности командующего войсками Московского военного округа.

В течение июля месяца я совершил две поездки по губернии: 1) в Клинский и Волоколамский уезды и 2) в Можайский и Верейский уезды. В Клинском уезде я посетил несколько волостей, между ними и Круговскую волость, где среди крестьян замечалось некоторое брожение и недовольство. Особенно это сказывалось в деревнях и селениях, примыкающих к обширному майоратному имению князя Меньшикова-Корейш (24 000 десятин земли). В этих деревнях и селах крестьяне имели насущную потребность в увеличении земельного надела, и соседство такого колоссального владения, в земельных угодьях которого они нуждались, действовало на них возбуждающим образом. Князь Меньшиков-Корейш выражал полную готовность продать крестьянам нужное им количество земли, но так как это был майорат, то он не имел права этого сделать без высочайшего на то соизволения. После продолжительной беседы с крестьянами мне удалось их успокоить, и они мне обещали, что будут спокойно ждать разрешения их больного вопроса, лишь бы только он был удовлетворен.

В Клинском уезде я посетил одну из крупных фабрик с 5 000 рабочих при деревне Некрасино Т-ва Высоковской мануфактуры. Я обошел всю фабрику, беседовал с рабочими, которые своим настроением произвели на меня очень хорошее впечатление, никаких жалоб на администрацию фабрики заявлено мне не было, если не считать двух незначительных претензий, которые тут же были разрешены мною совместно с директором.

Из Клинского уезда я проехал в Волоколамский, где настроение крестьян отличалось более возбужденным состоянием вообще и особенно среди населения Марковской, Кульпинской и Яропольской волостей, где агитационная пропаганда достигла большого успеха.

Предводителем дворянства в этом уезде был князь С. Б. Мещерский, высокоблагородный человек с душой кристальной чистоты. Кроме того, князь Мещерский был глубоко предан своему делу предводительства и свято хранил светлые традиции дворянства, был человек глубоко и сознательно преданный идее царя.

Объехав сначала волости более спокойные, я направился в самую революционно настроенную — Марковскую. Я нарочно поехал в сопровождении одного только исправника. Из этой волости, где крестьянство было хорошо обеспечено и землей, и заработками, вышел ряд приговоров революционного содержания. Уездный съезд, рассмотрев в связи с этими приговорами деяния волостного старшины Рыжова, постановил удалить его от должности. Рыжов отказался исполнить постановление съезда и сдать должность. Кроме того, на данное мною ему письменное приказание явиться ко мне в г. Волоколамск ответил отказом. Подъезжая к марковскому волостному правлению, я увидел толпу крестьян, занимавшую всю пло-

щадь перед правлением. Толпа эта стояла в большом порядке, впереди волостной старшина Рыжов с хлебом-солью. Остановившись и не выходя из экипажа, я сказал, что не желаю разговаривать с ними и отказываюсь принять их хлеб-соль. Сказав это, я приказал кучеру ехать дальше и направился к предводителю дворянства князю Мещерскому в его имение Лотошино. Это имение известно по своему сыроварению и старинному барскому дому, оно принадлежало боярину Морозову, времен царя Алексея Михайловича.

Крестьяне были очень озадачены и прислали ко мне в Лотошино депутацию с просьбой объяснить, почему я их обидел, не заехав к ним. Я ответил, что они сами должны чувствовать почему, и что я приеду к ним только тогда, когда их старшина исполнит постановление съезда и сдаст свою должность на законном основании кандидату, а крестьяне явятся ко мне с сознанием своей вины.

От князя Мещерского я вместе с ним выехал в Кульпинскую волость, тоже революционно настроенную. Когда я подъехал к волостному правлению, меня поразило отсутствие народа, меня встретили волостной старшина и старосты, а крестьян почти не было. Войдя в правление, я начал ревизию его. По мере того, как я рассматривал книги, народ стал прибывать — я сразу заметил царившее возбуждение. Стали ломиться в правление, где я сидел. Приказав им выйти и прислать ко мне только выборных, с которыми я и буду разговаривать, я сказал, что с толпой говорить не буду. Толпа подалась, благоразумные стали уговаривать не лезть, выступили выборные, я начал с ними говорить, но толпа не унималась, начала снова наседать, многие были выпивши, держали себя развязно, стали задавать вопросы вызывающим тоном, волнение все увеличивалось; говорить уже нельзя было, и я решил уехать, убедившись, что дальше все будет хуже и хуже. Сказав им: «Раз вы меня не слушаете и продолжаете наседать, то я сам от вас уйду, дайте сейчас же дорогу». Послышались недовольные голоса, выкрики, но тем не менее толпа несколько расступилась, и я мог, хоть и с трудом, выйти на крыльцо и вместе с князем Мещерским сесть в коляску. Кругом стояла такая толпа, что коляска и лошади были прямо облеплены, не было возможности двинуться вперед. Тут начали мне предлагать разные вопросы, я отвечал, стараясь быть спокойным, пьяные все прибывали. Тогда, видя, что медлить уже не имеет смысла, я встал во весь рост в коляске и обратился к толпе со словами: «Видно, что сегодня разговаривать с вами нельзя, вы слишком возбуждены и сами не сознаете, что говорите; но я прощаю ваше поведение, так как приписываю это Казанской (было 8 июля). Очевидно, вы чересчур усердно ее попраздновали». В ответ на это послышались голоса: «Верно, верно, Казанская», и раздался хохот. Воспользовавшись минутной переменой настроения, я крикнул толпе: «Так дайте дорогу!» Коляска моя двинулась, народ расступился.

Приехав в село Ярополец, в котором бывал и работал наш поэт А. С. Пушкин, я застал в волостном правлении много народа, и хотя крестьяне и вели себя приличнее, но выражали мне свои нужды и претензии в весьма вызывающем и крайне несдержанном тоне, причем заметно было раздражение к соседним помещикам.

Вернувшись в Москву под впечатлением настроения этих трех волостей и опасаясь аграрных беспорядков, я сделал распоряжение о расквартировании в селе Ярополец сотни 1-го Казачьего полка, приказав арестовать всех лиц, замеченных в агитации среди крестьян. Одновременно с сим я разослал для расклейки по Волоколамскому уезду нижеследующее мое обращение к населению этого уезда:

«Сделав на этих днях объезд многих местностей Волоколамского уезда, я убедился, к большому прискорбию, что настроение крестьянского населения далеко не имеет того мирного характера и спокойствия, которые столь необходимы и столь желательны в народной жизни и без которых немыслимо никакое улучшение ее. Я убедился, что многие крестьяне Волоколамского уезда, волнуемые людьми, которым не близки и не дороги крестьянские интересы, проявляют неповиновение местным властям, делают попытки к захвату чужой собственности и вообще питают несбыточные и неосновательные надежды своими силами и средствами устроить свою жизнь.

Оберегая всеми мерами спокойствие и мирную жизнь населения высочайше вверенной мне Московской губернии, я не могу допустить никакого проявления своеволия со стороны кого бы то ни было, никакого покушения на частную собственность, ни малейшего неповиновения властям. А потому, убедившись в отсутствии должного порядка в жизни крестьянского населения некоторых волостей Волоколамского уезда, я должен буду обратить все свое внимание на водворение этого порядка и не остановлюсь ради этого ни перед какими законом мне предоставленными средствами.

Но крестьяне Волоколамского уезда должны понять, что подавление беспорядков и своевольства будет всегда сопряжено с тяжелыми, часто непоправимыми жертвами для них самих, и в своих интересах, ради своих семейств, не должны вынуждать власть к принятию строгих необходимых мер. Поэтому я призываю крестьянское население Волоколамского уезда обратиться на путь мирной жизни, порядка и закона. Насилием и самоуправством никогда и ничего достигнуть нельзя, и выступление крестьянства на этот путь неминуемо задержит, если не остановит вовсе, введение в крестьянскую жизнь улучшений в земельном владении и в других отношениях, предначертанных Государем императором и уже недалеких от осуществления.

Пусть верят и знают крестьяне, что все законные желания их будут исполнены мною и подчиненными мне властями, и интересы

их, как и всякого другого сословия, будут строго охраняться. Я лично готов всегда выслушать каждого крестьянина и помочь ему во всяком правом деле. Но пусть крестьяне помнят постоянно, что ни своеволие, ни неповиновение властям мною допущены не будут.

В заключение я должен указать, что благоразумная часть крестьянства Волоколамского уезда открыто высказала мне свое неодобрение тем насильственным и самоуправным действиям, которые позволяют себе некоторые селения. Зная исконную преданность русских крестьян царю и существующему государственному порядку, я особо надеюсь на эту благоразумную часть крестьянства и призываю ее прийти ко мне на помощь, вразумить заблуждающихся односельчан и обратить их на путь порядка и закона».

С прибытием сотни и арестом нескольких главарей арестован был и Рыжов — марковский волостной старшина; сразу же настроение среди этих волостей изменилось, и ко мне явилась депутация от Марковской волости с выражением полного повиновения законному порядку.

Потом уже, спустя некоторое время, я узнал, что в Марковской волости Рыжов устроил мне такую торжественную встречу с тем, чтобы когда я войду в правление, окружить меня, предъявив ряд требований революционного характера, и не выпускать меня, пока я не дам согласия. В Кульпинской же волости, когда узнали, что я проехал мимо марковского волостного правления, и полагая, что я то же самое проделаю у них, крестьяне устроили засаду в версте от деревни на дороге, по которой мне предстояло проехать, когда буду ехать из Лотошина, намереваясь меня окружить и заставить приехать в Кульпинское волостное правление. Оттого и не было народа в Кульпине, когда я подъехал к правлению. Таким образом, расчеты крестьян как в Маркове, так и в Кульпине не оправдались, и из затеянных ими планов ничего не вышло. Впоследствии Марковская волость стала одной из исправнейших.

В конце июля я совершил поездку в Можайский и Верейский уезды — в этих уездах, особенно в последнем, настроение было очень хорошее. В Можайском уезде — этом историческом уезде, где под Бородином в 1812 г. сошлись две великие армии, Александра I и Наполеона I, покрыв себя неувядаемой славой, — волости Осташевская и Глазовская выделялись своим несколько повышенным и возбужденным характером, но после моей продолжительной беседы с крестьянами настроение их как будто смягчилось, и никаких репрессивных мер принимать не пришлось.

При посещении мною Глазовской земской больницы, находившейся в ведении губернского земства, я обратил внимание, что в тифозной палате с тремя мужчинами была помещена четырнадцатилетняя девушка. Приказав немедленно перевести ее в другую женскую палату, я запросил по сему поводу объяснение от губерн-

ской земской управы, на что получил от Ф. А. Головина ответ, что этот порядок был временный.

В Верейском уезде я посетил в Наро-Фоминском большую фабрику с 6 000 рабочих В. В. Якунчикова, застав там забастовку на экономической почве. После беседы с рабочими и разъяснения обстоятельств, послуживших причиной забастовки, удалось убедить их в преувеличенности некоторых из их требований, выходивших из пределов возможного, и на другой день рабочие стали вступать на работу.

В Верейском уезде предводителем дворянства был А. А. Шлиппе, очень почтенный человек, относившийся к своим предводительским обязанностям весьма добросовестно и аккуратно. Председателем земской управы был П. А. Тучков, мой товарищ по Пажескому корпусу, одного со мною выпуска, человек весьма правых убеждений, добросовестный работник, но не всегда достаточно серьезный, нетерпеливый и потому хватавший больше верхи, не углубляясь в суть дела.

Верейский уезд был одним из наименьших и бедных уездов губернии, и потому земской деятельности в нем было отведено весьма небольшое место, но все учреждения — больницы, особенно школы, которые мне удалось посетить, — все были на должной высоте.

В Можайском уезде как предводитель дворянства А. К. Варженевский, так и председатель земской управы граф Ф. А. Уваров оба принадлежали к крайне правым группам. А. К. Варженевский был очень почтенный старый предводитель дворянства, жил постоянно в своем имении, так что был отлично знаком с жизнью уезда, относился к своим предводительским обязанностям с особенным вниманием. Это был большой любитель и знаток садоводства, у него были чудные оранжереи, которые славились, главным образом, своими орхидеями.

Граф Ф. А. Уваров также жил постоянно в деревне, все свое время отдавая земству, благодаря чему все земские учреждения были всегда в порядке, все работали добросовестно, политика не имела места. Если и были какие-либо недоразумения, то только благодаря не совсем уживчивому и нетерпимому характеру графа Ф. А. Уварова.

Пока я объезжал Волоколамский уезд, а именно 7 июля, в Государственной Думе в Петербурге принят был текст воззвания к народу по аграрному вопросу с указанием, что Дума не отступила от принятых на себя задач и выработала закон о принудительном отчуждении частновладельческих земель в пользу крестьян.

Последствием этого шага Думы было высочайшее повеление о роспуске ее. Роспуск Думы последовал по настоянию И. Л. Горемыкина, который, как он сам этого не отрицал, был с докладом у Государя, как только текст обращения к народу прошел в Думе.

Государь дал согласие на роспуск и подписал манифест. Горемыкин, приехав домой, тотчас послал указ в Сенат для опубликования. Исполнив это и, вероятно, опасаясь, как бы Государь под влиянием Трепова и кадетской партии, с которой этот последний вел переговоры, не изменил своего решения, лег спать и не приказал себя будить ни в коем случае. Ночью, как рассказывали, действительно Горемыкин получил высочайшую записку с повелением указ задержать, но так как он приказал себя не будить, то записку прочел только утром, когда указ уже был напечатан. [...]

Одновременно с роспуском Думы И. Л. Горемыкин уволен был от должности Председателя Совета Министров, а на его место назначен П. А. Столыпин с оставлением в должности министра внутренних дел. Петербург и Петербургская губерния объявлены были в положении чрезвычайной охраны, а Киевская губерния — на военном положении [10].

Назначение Столыпина было приветствуемо всеми хорошо его знавшими, я лично за краткое время знакомства с ним — до назначения его министром внутренних дел с ним знаком не был — успел проникнуться к нему как государственному деятелю глубоким уважением. Докладывать ему о делах было удовольствием, он моментально все схватывал и практически, умно разрешал все вопросы, будучи далек от формальностей. Поэтому я лично всей душой приветствовал это назначение. Кроме того, я считал, что назначение Столыпина, который и в Думе сумел приобрести уважение, и уход Горемыкина, которого Дума не переваривала, ослабят несколько остроту вопроса роспуска Думы.

Роспуск Думы вопреки ожиданиям не вызвал в столицах никаких революционных выступлений. Были приняты экстренные меры на случай беспорядков, но как в Петербурге, так и в Москве спокойствие не нарушилось.

С уходом Горемыкина были уволены Стишинский и князь Ширинский-Шахматов; главноуправляющим земледелием был назначен князь Васильчиков, обер-прокурором Синода — Извольский, брат министра иностранных дел. Рассказывали, что увольнение Стишинского последовало для него совершенно неожиданно. Он долгое время после своего назначения не решался переезжать на казенную квартиру, наконец 8 июля, думая, что его положение уже упрочилось, переехал и, встав на другое утро, позвал к себе экзекутора и стал с ним говорить о ремонте, какой он намерен сделать в квартире. Тот слушал его и улыбался, а потом не выдержал и показал ему номер «Правительственного вестника» [11], где уже был напечатан указ о его увольнении.

После роспуска Думы депутаты, в числе 180-ти, выехали в г. Выборг, с президиумом во главе, устроив в гостинице «Бельведер» совещание, которому они хотели придать характер продолжения законной думской сессии. Из посторонних был только Милю-

ков. Первой задачей этого совещания было выработать воззвание к народу, что и заняло у них все время. Подписав это воззвание, написанное в революционном духе, с приглашением крестьян и рабочих протестовать против роспуска Думы, не давать ни копейки в казну, ни солдат в армию и т. д., депутаты спешно разъехались, предупрежденные губернатором.

Граф Гейден, Стахович и 6 членов Думы «Польского коло» [12] хотя и присутствовали, но от подписи этого воззвания отказались. Таким образом, воззвание подписали только представители левых групп думских, более же умеренные не приняли участия, а большинство депутатов из крестьян немедленно уехали на родину.

Многие участники Выборгского митинга не могли не сознавать всей беспочвенности своей затеи, рассчитанной на сочувствие революционных элементов русского общества, со стороны же большинства русского населения их выходка не могла встретить одобрения. Своим воззванием к русскому народу, получившим название «Выборгского», они лишний раз подтвердили непонимание ими народной психологии, и этот призыв несомненно лег тяжким бременем на их совесть.

В Московской губернии роспуск Думы не отразился на спокойствии, но я все же в противовес Выборгскому воззванию, которое стало распространяться по губернии, со своей стороны обратился к народу с объявлением, в котором указал, что бывшие члены Государственной Думы, распущенной по воле Государя, составили преступное воззвание к народу, которое стараются распространить среди населения и в котором приглашают стоять за них, не давать рекрутов, не платить податей и т. п. В объявлении своем я предостерегал население Московской губернии не поддаваться внушениям, которые делают бывшие члены Государственной Думы в своем воззвании, так как это воззвание имеет явно мятежный характер и направлено против священной царской власти, так как они, лишенные по воле Государя, на основании 105 статьи Основных законов, своих полномочий, призывают русский народ к открытому противлению царю и закону и готовят этим явную гибель Родине.

В конце объявления я снова призывал население к сохранению порядка, подтверждая то, что говорил раньше в прежних объявлениях, что все «обещанное монархом будет исполнено и не может быть не исполнено», что надо только прийти на помощь к царю, а это можно сделать только терпеливым ожиданием, исполнением закона, повиновением властям и отнюдь не поддаваясь никаким внушениям, призывающим к беспорядкам и смуте.

18 июля в Териоках совершено было гнусное убийство Герценштейна, бывшего члена Государственной Думы. Покойный шел с женой и дочерью по дороге, недалеко от своей дачи, как вдруг из-за забора выскочил неизвестный и выстрелил два раза по направ-

лению к нему. Пуля попала в сердце. Одной из пуль была ранена дочь в руку. Преступник скрылся.

19 июля началось восстание в Свеаборге, к которому присоединились четыре только что прибывшие из Ганге военных судна с офицерами, в полной боевой готовности. Восстание это отразилось на Кронштадте, где также вспыхнул бунт среди матросов трех экипажей, помещавшихся в одном здании. Одновременно на броненосце «Память Азова», стоявшем в 20 милях от Ревеля, матросы, убив командира Ловинского и вахтенного начальника Заборовского, подняли мятеж. К счастью, все эти мятежи были скоро ликвидированы войсками, не изменившими присяге. В Свеаборге восстание было подавлено к 21 июля, в Кронштадте мятеж был прекращен на другое же утро, 20 июля, а на «Памяти Азова» бунт прекращен частью команды, не примкнувшей к мятежникам.

23 июля, в целях поддержания волнений, вспыхнувших в Финляндии, Кронштадте и других флотских командах, была объявлена всеобщая политическая забастовка в Петербурге и продолжалась три дня; кое-где произошли столкновения.

В Москве забастовка, объявленная на 24-е, не удалась, так как среди партийных организаций произошел раскол. На забастовке настаивали только социал-демократы, представители же различных профессиональных союзов и Партии социалистов-революционеров высказывались против. Бастовало всего 20 000 человек из 200 000 рабочих в Москве. Принятые градоначальником Рейнботом энергичные предупредительные меры также значительно помешали осуществлению забастовки. В районе губернии не было даже попыток к забастовкам.

28 июля в селе Всехсвятском уездной полицией обнаружен был типографский станок, на полном ходу, с тремя наборами прокламаций к войскам, и четвертая прокламация в черновике, писанном писарем штаба Гренадерской дивизии. Когда полиция и жандармы оцепили дом Козлова, в нем оказался только один студент Крылов, который успел выйти из дома и спрятаться в болоте, где он и был обнаружен. При дальнейшем обыске была найдена печать Военной организации Социал-демократической партии и план движения на случай вооруженного восстания. Этим арестом типографии и захваченными документами установлено было, что в доме Козлова находился главный комитет Военной организации. Были обнаружены и бомбы и шимозы * последнего типа.

В начале августа я совершил поездку в Рузский уезд. Должность предводителя дворянства исполнял за уходом князя П. Д. Долгорукова профессор Н. Ю. Зограф, бывший до того кандидатом предводителя. Н. Ю. Зограф очень тяготился ролью предводителя, дела он не знал и имел вид совершенно растерянный. Председателем

* Шимоза *(яп.)* — взрывчатое вещество; другие названия: мелинит, лиддит.

управы был А. И. Цыбульский, принадлежавший к кадетской партии и старавшийся всегда щегольнуть своей оппозицией по отношению к правительству, когда на него смотрели его избиратели, в кабинете же губернатора, с глазу на глаз, его взгляды менялись.

Когда я приехал в Рузу и принимал всех должностных лиц в помещении съезда, то Цыбульский, очевидно для популярности перед своими левыми друзьями, встретил меня не в мундире, как полагалось должностным лицам и как были одеты все, а просто в статском неформенном сюртуке. Я, конечно, сделал вид, что не замечаю этой некорректности, так как считал, что он не столько виноват передо мной, как неприличен по отношению к другим должностным лицам, явившимся в мундирах, о чем я ему и высказал, пригласив его приехать ко мне через несколько дней по делам службы. В Рузском уезде я пробыл два дня, успев объехать пять волостей, где беседы с крестьянами доставили мне большое удовлетворение.

5 августа получено было известие о покушении на варшавского генерал-губернатора генерал-адъютанта Скалона — брошено было 6 бомб, когда он проезжал в коляске. Убит был околоточный надзиратель и посторонний. Ранено несколько человек. Скалон остался невредим.

17 августа совершено было неслыханное по своей дерзости и бесчеловечности покушение на жизнь П. А. Столыпина. В тот же день эта ужасающая весть достигла Москвы. Оказалось, что в этот день, во время приема на даче министра на Аптекарском острове, к даче подъехало открытое ландо, в котором сидело трое — двое в офицерской форме и один статский. Запись на прием уже окончилась, и потому швейцар не хотел пускать посетителей, из которых один силой хотел войти в приемную, но, будучи остановлен, обронил портфель, находившийся у него в руках, а может быть, нарочно бросил его. Раздался взрыв неимоверной силы, от которого разворочены были стены прихожей, дежурной комнаты, приемной и подъезд и снесен балкон второго этажа. Министр принимал в это время посетителей у себя в кабинете. У него сидел симбирский предводитель дворянства Поливанов и председатель Симбирской управы Беляков. Дети находились на балконе верхнего этажа, который был снесен силой взрыва. У несчастной дочери министра, Натальи, оказались раздробленными обе ноги с переломом голени правой и открытием суставов, у малолетнего сына Аркадия — перелом правого бедра и рваная поверхностная рана на голове.

К вечеру доставлено было в Петропавловскую больницу 28 трупов и 24 раненых. Среди убитых — генерал Замятин, С. А. Хвостов, А. А. Воронин, управлявший канцелярией московского генерал-губернатора, с оторванной головой, князь Накашидзе, князь

Н. В. Шаховской, старик швейцар Клементьев, прослуживший более 40 лет при 16 министрах, чины полиции, жандармы и другие. Некоторые из находившихся в совершенно разрушенной приемной остались по какой-то счастливой случайности невредимы, так например, вице-губернатор Крейтон стоял и разговаривал с генералом Замятиным. Этот последний был убит, прямо разорван на части, а Крейтон даже не был ранен.

Столыпин не потерял присутствия духа, и несмотря на постигшее его несчастье, несмотря на страшные страдания и мучения, которые переносили его дети, он держался бодро, и никто не услышал от него никакой жалобы.

13 августа, на другой же день, новое злодейское покушение — в Новом Петергофе, на перроне вокзала, пятью пулями был убит командир Лейб-гвардии Семеновского полка, Свиты генерал-майор Мин. Стрелявшая в него женщина из Партии социалистов-революционеров, Коноплянникова, была тут же арестована, у нее в руках была найдена еще бомба. Стрелявшую схватила за руку жена покойного Мина.

В тот же день, в Петергофе же, в Нижнем саду, во время музыки было совершено покушение на жизнь генерала Стааля. Какой-то неизвестный хотел бросить взрывчатый снаряд, но вовремя был схвачен агентом охранного отделения и арестован. Генерал Стааль имел большое сходство с генералом Треповым, на жизнь которого и было направлено это покушение.

15 августа в Варшаве был убит военный губернатор генерал Вонлярлярский тремя пулями каким-то злоумышленником, вскочившим на подножку его экипажа и затем скрывшимся.

Эти возмутительные покушения, одно за другим, не могли не приводить в ужас и негодование самого хладнокровного обывателя. Даже противники Столыпина замолкли перед столь ужасающим по обстановке покушением на его жизнь; со всех уголков России посыпались телеграммы сочувствия. По высочайшему повелению Столыпину предоставлено было помещение в Зимнем дворце, куда он и переехал с семьей 15 августа.

Последствием всех этих злодейских покушений на должностных лиц, а также и вооруженных ограблений (с 1 января по 30 августа 1906 г. наиболее выдающихся проявлений революционного движения было: покушений на жизнь должностных лиц — 37 и вооруженных, наиболее крупных, грабежей — 11) явилось постановление Совета Министров «Об учреждении военно-полевых судов», высочайше утвержденное 19 августа 1906 г.

Об учреждении военно-полевых судов Совет Министров полагал:

«I. На основании статьи 87 Свода Основных государственных законов, изд. 1906 г., постановить: в местностях, объявленных на военном положении или в положении чрезвычайной охраны, гене-

рал-губернаторам, главноначальствующим или облеченным их властью лицам предоставляется в тех случаях, когда учинение лицом гражданского ведомства преступного деяния является настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании, предавать обвиняемого военно-полевому суду с применением в подлежащих случаях наказания по законам военного времени для суждения в порядке, установленном нижеследующими правилами:

1. Военно-полевой суд утверждается по требованию генерал-губернаторов, главноначальствующих или лиц, облеченных их властью, в месте по их указанию, начальниками гарнизонов или отрядов и главными командирами и командирами портов по принадлежности в составе председателя и четырех членов из офицеров от войска или флота.

2. Распоряжение генерал-губернаторов, главноначальствующих или лиц, облеченных их властью, должно следовать безотлагательно за совершением преступного деяния и по возможности в течение суток. В распоряжении этом указывается лицо, предаваемое суду, и предмет предъявляемого обвинения.

3. Суд немедленно приступает к разбору дела и оканчивает рассмотрение оного не далее как в течение двух суток.

4. Разбирательство дела производится при закрытых дверях присутствия по правилам, установленным в отделении пятом главы третьей раздела IV Военно-судебного устава.

5. Приговор по объявлении на суде немедленно вступает в законную силу и безотлагательно и во всяком случае не позже суток приводится в исполнение по распоряжению военных начальников, указанных в статье первой настоящих правил.

II. Поручить военному и морскому министрам по принадлежности безотлагательно выработать и представить в установленном порядке на высочайшее утверждение однородные с указанными в отделе I правила относительно учреждения военно-полевых судов для чинов военного и военно-морского ведомств.

На сие положение Совета Министров Государь император 19 августа 1906 г. высочайше соизволил».

Эти суды не оправдали тех ожиданий, которые Совет Министров на них возлагал, думаю даже, что они принесли больше вреда, чем пользы, так как способствовали произволу, увеличивая кадр недовольных, и часто предание такому суду зависело от характера и взгляда отдельных лиц. Некоторые генерал-губернаторы стали предавать этому суду не только за выдающиеся покушения на должностных лиц, но и за простые вооруженные грабежи. Между тем военно-полевой суд, составленный не из юристов, а из заурядных строевых офицеров, не стесненный никакими рамками, мог вынести по однородным совершенно делам совершенно разные приговоры, что и случалось не раз — все зависело не от статей закона, а от характера и взглядов случайных членов суда. Кроме

того, мне кажется, что введение военно-полевых судов имело характер какой-то мести, а такое чувство для правительства недостойно. Военно-окружной суд являлся, по моему мнению, вполне достаточной гарантией.

В Московской губернии в это время хотя и было спокойно, но недоимки все росли, население очень плохо вносило платежи, а между тем тайная торговля вином все больше и больше распространялась, и пьянство среди населения заметно увеличивалось. Вследствие этого я решил обратиться к населению с объявлением, наглядно указав ему, сколько им выбрасывается денег на вино:

«Во время поездок моих по губернии в течение нынешнего лета я неоднократно слыхал жалобы крестьян на обременительность для них уплаты повинностей и вообще на тяжелое их материальное положение. Между тем из сведений, полученных мною от губернского акцизного управления, оказывается, что потребление вина в губернии (не считая г. Москвы) за первую половину сего года значительно превысило потребление его за то же время прошлого года (на 150 000 ведер). Из этого надо заключить, что материальное состояние населения не так уж плохо, если оно имело возможность только за полгода выбросить на вино 1 200 000 руб. *лишних* против прошлого года.

Имея в виду, что на крестьянах Московской губернии числится в настоящее время недоимок всех сборов, как государственных, так и земских, около 1 070 000 руб., ясно, что излишне против прошлого года израсходованные только за полгода деньги на вино покрыли бы с избытком все недоимки окладных сборов. Эта сумма может покрыть с начала 1907 г. весь годовой оклад сборов всякого рода с крестьян, так как за сложением по высочайшему повелению с 1 января 1907 г. выкупных платежей, общая сумма сборов не превысит 1 200 000 руб. в год.

Из этого видно, какие громадные деньги истрачены населением в первую половину текущего года на вино совершенно излишне, непроизводительно и с явным вредом для себя; этими деньгами не только можно было покрыть все сборы и этим выполнить свой гражданский долг, но также и значительно улучшить свое хозяйство, так как всем известно, что хозяин, излишне употребляющий алкоголь, уже не может работать и вести хозяйство с таким успехом, как его ведет человек трезвый.

Но не один только материальный ущерб несет население от неумеренного употребления спиртных напитков. Значительное увеличение числа проступков и беспорядков всякого рода стоит всегда в связи со страшным людским пороком — пьянством, и можно смело сказать, что было бы много меньше беспорядков и проступков, если бы меньше пили вина...»

24 августа последовал высочайший указ о предоставлении в пределах Европейской России свободных казенных земель для обеспечения нуждающихся в земле крестьян.

В конце августа в Москве состоялся первый военно-полевой суд над студентом Мазуриным, а затем над Зверевым; они обвинялись в организации систематических покушений на жизнь городовых. По этому поводу у меня возник целый конфликт с генерал-губернатором, который приказал отправить их в губернскую тюрьму после объявления приговора для приведения его там в исполнение. Я протестовал против этого, находя, что тюремный двор не создан для производства казни, что по закону казнь должна быть совершена распоряжением полиции, т. е. градоначальника. Но генерал-губернатор Гершельман остался на своем решении, которому пришлось подчиниться.

Когда 4 сентября, опять по приговору военно-полевого суда, были казнены 6 человек за вооруженное нападение на контору Франка в Кисельном переулке в Москве, то я уже не допустил этой казни во дворе губернской тюрьмы, и их казнили на месте огородов исправительной тюрьмы, где 12 сентября был казнен также и некто Грачев за вооруженное нападение на лавку. Это была последняя казнь в подведомственных мне местах заключения. Мое представление с протестом о незаконности требования генерал-губернатора приводить в исполнение приговоры о казнях в тюрьмах, на имя министра юстиции, возымело действие, и следующие за тем казни стали приводиться в исполнение распоряжением градоначальника, как начальника полиции в Москве.

В начале сентября от разрыва сердца скончался Д. Ф. Трепов. Последнее время он был очень нервен, мнителен, ему все казалось, что за ним следят, что дом, где он жил, окружен революционерами; он доходил, как говорят, до галлюцинаций, особенно после покушения на генерала Стааля, которого злоумышленник принял за него. Он совсем не выходил из дому и не мог уже сопровождать Государя в шхеры, куда их величества уехали в конце августа. На его место дворцовым комендантом был назначен генерал Дедюлин, бывший в то время начальником штаба Корпуса жандармов. Дедюлин был очень честный и хороший человек, весьма приятный в обращении, но он сразу подпал под влияние своих подчиненных и потому ничем не проявил себя за все семь лет, что был дворцовым комендантом. Ничего дурного он не сделал, но и хорошего тоже. Влияния никакого не имел.

24 сентября в Гельсингфорсе состоялся съезд кадетской партии. По прошествии некоторого времени, просматривая журнал «Ниву» [13], я увидал группу кадетов, снятую в Гельсингфорсе, и среди них Ф. А. Головина. Так как он состоял председателем губернской земской управы, а по закону председатель губернской земской управы обязан для отлучек испрашивать разрешение губернатора, то я, усмотрев в данном случае нарушение закона, запросил письмом Ф. А. Головина, действительно ли он снят на группе в Гельсингфорсе, и если да, то какими мотивами он руководился, уехав в отпуск, не испросив на то моего разрешения.

На это я получил ответ, что на группе действительно снят он, а что уехал он на съезд не испросив моего разрешения, то поступил он так, уверенный, что я ему разрешения на поездку в Гельсингфорс на кадетский съезд не дам. Через некоторое время я узнал, что М. В. Челноков, бывший членом губернской земской управы, ездил на этот съезд также без разрешения. Запросил я его и получил очень оригинальный ответ, что он на службе уже 15 лет и за это время много раз путешествовал по России, бывал даже за границей и никогда не испрашивал разрешения, да и губернаторы — князь Голицын, Сипягин, Булыгин и Кристи — никогда не возбуждали этого вопроса. Он и считал поэтому установившимся обычаем, чтобы служащие в земстве пользовались такою свободой.

По рассмотрении в губернском по земским и городским делам присутствии, куда я внес вопрос об ответственности Головина и Челнокова за нарушение закона, присутствие постановило: представить министру внутренних дел об объявлении Головину выговора, а Челнокову замечания, на что и последовало согласие министра. Оригинально то, что председатель окружного суда В. Н. Давыдов, который, казалось бы, должен был стоять на страже закона, в качестве члена присутствия подал отдельное мнение, не согласившись с присутствием.

28 сентября я устроил у себя совещание, пригласив предводителей дворянства и председателей земских управ для обсуждения вопроса по земельному устройству крестьян. Совещание приняло возбужденные мною вопросы очень близко к сердцу и признало необходимым организовать землеустроительные комиссии. Главными задачами этих комиссий совещание признало содействие крестьянам при покупке ими земель от частных владельцев и Крестьянского банка, при обмене земельных участков и уничтожении чересполосиц, а главное — содействовать правильному отграничению владений. Последняя задача, по мнению совещания, должна была быть поставлена на первом плане, так как большинство возникавших среди крестьян недоразумений вызывалось всегда вследствие неопределенности границ.

5 октября последовал высочайший указ об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний. Этим указом права крестьян и мещан уравнивались с правами остальных сословий; отменена была подушная подать и круговая порука в уплате сборов; предоставлено было крестьянам, обладающим установленным цензом помимо надельной земли, участвовать во вторых земских избирательных съездах независимо от участия их в выборах от сельских обществ уезда [14], отменено было правило об утверждении губернатором земских гласных от сельских обществ; установлено, что уездные съезды могут отменять приговоры по представлениям земских начальников только в тех случаях, когда эти приговоры составлены несогласно с законом, а никак не по существу, и пр.

6 октября я ездил в Рузский уезд, где состоялось освящение моста через Москву-реку на шоссе между станцией Шелковка Московско-Брестской ж. д. и городом Рузой. Мост был сооружен губернским земством и представлял собой грандиозное сооружение. После молебствия через мост открыт был свободный проезд и проход.

14 октября в Москве было получено известие о грандиозном ограблении, имевшем место в Петербурге на углу Фонарного переулка и Екатерининского канала. В 11 часов утра на этом месте появилась карета Экспедиции заготовления государственных бумаг, эскортируемая конными жандармами и городовыми. В это время два молодых человека, выскочившие из ворот, бросили две бомбы. Лошади забились, карета остановилась, несколько жандармов и городовых были ранены, другие бросились за убегавшими бомбометателями. В это время из соседнего дома выскочили несколько человек и бросились к карете, которую, пользуясь суматохой, ограбили; украдено было около 600 000 рублей. Часть преступников была поймана.

Это дерзкое ограбление среди дня произвело удручающее впечатление, оно лишний раз доказало, что военно-полевые суды не устрашили и не оправдали ожиданий Совета Министров.

17 октября Москва, как и остальные города России, праздновала годовщину манифеста о даровании населению гражданских прав. За несколько дней до этого празднования я обратился к населению с особым объявлением, разосланным по всем городам и селениям. В этом объявлении, приглашая отпраздновать годовщину издания высочайшего манифеста о даровании населению гражданских прав, я призывал население Московской губернии украсить свои жилища флагами и мирно отпраздновать годовщину 17 октября, решительно предостерегая его от всякого нарушения порядка, сборищ, манифестаций и т. п. Я просил население соблюдением порядка показать всем достойный пример сдержанности, спокойствия и подчинения закону.

На другой день после 17 октября я выехал в Подольский уезд для объезда волостей, так как в последнюю мою поездку я посетил только город Подольск и осматривал городские учреждения. Эта поездка оставила во мне прекрасное впечатление; везде, в волостных правлениях, в школах, больницах я нашел полный порядок, а главное, меня очень порадовало, что налоги после моего последнего обращения к населению стали поступать очень исправно. В Спас-Купле я был поражен ответами учеников церковно-приходской школы, а также и количеством наглядных пособий. Ученики держали себя отлично, отвечали бойко и осмысленно. В этом же селе я посетил вдову убитого крестьянина Галдилкина, который так трагически покончил жизнь, бросившись на поимку разбойников, совершивших вооруженное нападение на дом купца Ломтева. После Галдилкина осталась вдова с восемью детьми.

В селе Троицком я обошел постройки грандиозной окружной психиатрической больницы, только что отстроенные, на 2000 больных. Эта больница, выстроенная на средства Министерства внутренних дел, должна была обслуживать не только Московскую губернию, но и соседние. В такой больнице давно чувствовалась крайняя нужда, так как во многих деревнях можно было встретить психических больных, находившихся в ужасных условиях — бывали случаи, что некоторых буйных держали на цепи. И все это было за неимением мест в больницах. Постройкой этой больницы вопрос этот был отчасти разрешен. В то время больница эта еще не была готова и в ней было много дефектов, о которых я буду говорить ниже. Недалеко от этой больницы помещалась также больница губернского земства при селе Мещерском, тоже психиатрическая, на 600 больных. Я обошел ее, посетив все палаты. Произвела она на меня очень хорошее впечатление своим устройством. В 1905 г. и в начале 1906-го эта больница давала мне немало хлопот — революционным настроением своих служащих.

В деревне Мисайлове я посетил бывшего члена Думы Я. В. Ильина — местного старшину Островской волости. Царившая в его доме патриархальная обстановка переносила к древнему допетровскому укладу русской жизни.

30 октября Москва омрачилась новым злодейским покушением. Когда градоначальник А. А. Рейнбот шел пешком по Тверской, направляясь к церкви Василия Кесарийского на освящение школы и богадельни, в него была брошена бомба, которая, по счастливой случайности, перелетев через него, упала на мостовую и взорвалась, не причинив никому вреда. Преступник был схвачен, но в эту минуту успел еще сделать несколько выстрелов из револьвера, тоже никого не задевших. Рейнбот выстрелил преступнику в голову, что, конечно, было лишнее и произвело неприятное впечатление, так как преступника в это время уже держали. Градоначальник продолжал свой путь и только после молебствия вернулся домой, показав стойкое хладнокровие.

6 ноября в Павловской слободе, где квартировала 2-я гренадерская артиллерийская бригада, состоялось освящение вновь устроенной церкви бригады в казармах. По приглашению командира бригады генерал-майора Глазенапа я присутствовал на освящении, после чего в офицерском собрании состоялся завтрак, на котором командир и офицеры проявили самое дружеское широкое гостеприимство.

10 ноября я выехал в Петербург по делам службы и для дежурства при Государе императоре 13 числа. Его величество проявил ко мне большое внимание и после приема пригласил меня к завтраку. Завтрак был исключительно в семейной обстановке: их величества, августейшие дочери и я. Наследник-цесаревич был еще мал и завтракал отдельно, в конце завтрака его привели в столовую, и им-

ператрица посадила его возле себя. Государь во время завтрака много расспрашивал о московских делах, о покушении на Рейнбота, о настроении. Не помню как, но разговор зашел о Самарине. Я тотчас этим воспользовался и, конечно, рассказал, какой он прекрасный предводитель дворянства, как он относится к делу, выделяясь между всеми предводителями, и как желательно было бы для примера его выделить, между тем его даже нельзя представить ни к какой награде к 6 декабря: к званию камергера — как не достигшего чина статского советника, а произвести его в статские советники Танеев отказал, так как Самарину не хватало для этого чина двух лет. Государь все это выслушал, но ничего не сказал, мне даже стало неловко, я подумал, не сделал ли я какой бестактности.

После завтрака как обыкновенно пили кофе в будуаре императрицы, после чего Государь отпускал. Отпуская меня, его величество сказал: «Сегодня в 6 часов вечера у меня будет с докладом Танеев — принесите мне к этому времени памятную записку о производстве Самарина в статские советники вне правил, на 6 декабря». Я очень был растроган таким вниманием и, конечно, с особым вниманием заготовил памятную записку. Около 6 часов записка эта была мною вручена камердинеру его величества для немедленной передачи Государю. В 6 часов ровно приехал Танеев, я его встретил в приемной, Государь его принял, я остался ждать окончания приема. Когда отворилась дверь из кабинета Государя, я сразу заметил в руках Танеева мою памятную записку. Танеев, очень недовольный, показывая мне записку, сказал: «Это ваша записка. Вы просили. Это невозможно, невозможно нарушать правила, но что же делать, вы меня подвели. Государь категорически приказал это исполнить». Я вернулся к себе в дежурную комнату; не прошло и получаса, как явился скороход и доложил о приглашении меня на обед к Государю. Я был тем более счастлив таким новым вниманием, что этим мне представлялась возможность лично поблагодарить Государя. Обед был накрыт в кабинете императрицы, августейшие дочери не обедали, было всего три прибора. Я, конечно, первым делом поблагодарил Государя за его более чем милостивое отношение к Самарину и к моей просьбе. Государь спросил: «А что, Танеев вам ничего не сказал?» Я рассказал, как он на меня наткнулся. Государь засмеялся и сказал: «Да, он и меня хотел уверить, что это совершенно невозможно». 6 декабря, к моему большому удовлетворению, Самарин был произведен в статские советники и пожалован званием камергера.

В мое отсутствие из Москвы 17 ноября в помещении губернской земской управы чинами полиции по приказанию генерал-губернатора был произведен обыск, причем в шкапу найдено было 8 ружей и 12 штыков. Когда я узнал об этом, то мне это было крайне неприятно. Генерал-губернатор предоставил мне распорядиться по своему усмотрению. Левые группы земства были возмущены вторже-

нием администрации в помещение управы, но так как обыск был с результатами, то им оставалось только сконфузиться.

20 ноября состоялась очередная сессия Московского уездного земского собрания под председательством П. А. Базилевского. По открытии заседания оглашено было заявление гласных-крестьян: «Мы, нижеподписавшиеся гласные от крестьян Московского уезда, вступая впервые в состав Московского уездного собрания по свободному выбору, считаем своею первейшею обязанностью предложить Московскому уездному собранию повергнуть через министра внутренних дел к стопам его величества, нашего премилостивейшего Государя, выражение воодушевляющих нас чувств глубокой признательности и благодарности за дарованные им нам милости и заботы о нас, крестьянах, проявившиеся [как] в законах 5 октября и 9 ноября с. г., так и в передаче казенных и удельных земель для наделения ими малоземельных наших братьев-крестьян».

Прочтя это, Рихтер сказал пространную речь, поддерживая это заявление и прося собрание присоединиться. В ответ на это поднялись бурные прения. М. В. Челноков, поддержанный П. А. Каблуковым и К. К. Мазингом, протестовал, говоря, что все эти милости не касаются земства, что дано все это крестьянам, а не земству, за что же земское собрание будет благодарить, что надо просто передать адрес по назначению от имени крестьян. После долгих дебатов 30 гласных ушли из зала, не желая участвовать в баллотировке этого вопроса, а остальные гласные присоединились к заявлению крестьян.

25 ноября мне опять пришлось обратиться к населению с воззванием по поводу уплаты повинностей, так как в некоторых сельских местностях все еще повторялись упорные отказы от платежа. К этим отдельным неисправным плательщикам я и обратился с особым объявлением. Я напомнил им их серьезные податные обязанности перед государством и предупредил, что не потерплю малейшего уклонения от этих обязанностей. Я говорил, что тот, кто действительно нуждается вследствие постигшего его какого-либо бедствия и не в состоянии уплатить лежащие на нем повинности, тот или уже получил необходимые податные льготы, или получит их по представлению местной власти, самовольная же отсрочка платежей недопустима. В конце объявления я заявил, что приведу упорных неплательщиков к повиновению закону и для этого не остановлюсь пред самыми суровыми мерами, но что я искренно желаю, чтобы мне не пришлось к ним прибегнуть.

27 ноября военно-полевой суд рассматривал дело о двух братьях Кобловых по обвинению их в убийстве городового в Павловском Посаде. Суд приговорил их к бессрочной каторге. Генерал-губернатор Гершельман нашел, что приговор немотивирован и в нем не было необходимых ссылок на закон, и поэтому приказал не приво-

дить его в исполнение, передав это дело на новое рассмотрение суда в другом составе. 28 числа суд приговорил их к смертной казни через повешение.

Так как это убийство совершено было в пределах губернии, убит был городовой уездной полиции, то, конечно, это дело близко меня касалось. Я находил, что раз военно-полевой суд приговорил к бессрочной каторге, то никто не имеет права отменять это постановление. Статья 5 раздела 1 Положения о военно-полевых судах говорила: «Приговор по объявлении на суде немедленно вступает в законную силу и безотлагательно приводится в исполнение». Кроме того, Совет Министров издал еще в октябре циркуляр, коим повторил закон, что «приговоры военно-полевого суда не могут быть ни в каком случае отменены, а потому передача завершившихся сими приговорами дел на вторичное рассмотрение военно-полевого суда или другого судебного места недопустима».

Я долго уговаривал Гершельмана не отменять приговора, приводя эту статью и циркуляр, но он, будучи упрям и не желая ни с чем считаться, как только со своим личным мнением, несмотря на мои горячие протесты, все же сделал по-своему. Затем, когда открылась Дума второго созыва, то Дума единогласно после речи члена Думы В. А. Маклакова приняла запрос по этому делу к Председателю Совета Министров о незакономерных действиях Гершельмана. 30 апреля 1907 г. в ответ на этот запрос выступили министры: военный — Редигер, юстиции — Щегловитов и товарищ министра внутренних дел Макаров. Все они говорили в защиту Гершельмана, но весьма неубедительно, особенно Щегловитов и Макаров приводили весьма шаткие доводы. После дебатов и новой речи В. А. Маклакова Дума большинством против 8 голосов нашла, что незакономерные действия Гершельмана установлены и что объяснения министров неудовлетворительны.

На этом деле я окончательно разошелся с Гершельманом, подумывал даже уйти, и наши отношения остались натянутыми. Но это было последнее столкновение мое с ним. Гершельман был вызван в Петербург, после чего его отношение к передачам дел в военно-полевой суд значительно изменилось, и ряд последующих дел уже в декабре месяце направлены были в военно-окружной суд.

30 ноября состоялись похороны убитого городового в Павловском посаде. Я ездил на похороны, в которых принимал участие весь город. В этот день в Московском уездном земском собрании состоялись выборы — председателем управы выбран был Фирсов, членами — Месснер, князь Оболенский и Ржевский.

2 декабря получено было известие о новом злодейском покушении на бывшего московского генерал-губернатора Дубасова в Петербурге. В 12 часов дня Ф. В. Дубасов вышел из своего дома на прогулку в Таврический сад, но не успел сделать и 50 шагов, как неожиданно три молодых человека — юноши, из них один был

в студенческой форме, сделали ряд выстрелов по направлению к Дубасову. К счастью, ни одна пуля не попала. Потом один из них бросил бомбу. Дубасов упал, но тотчас поднялся и, упираясь на палку, подошел к покушавшемуся на него, которого уже держали агенты, и стал его рассматривать. У Дубасова оказалась неопасная рана на левой ноге.

Весть эта глубоко взволновала всех знавших Дубасова, в Москве она передавалась от одного к другому. Поехав в Петербург к 6 декабря, ко дню тезоименитства Государя императора (в этот день Рейнбот был зачислен в Свиту), я на другой день посетил Дубасова, который как всегда был бодр, но сокрушался, что казнили этих юношей, которые на него покушались. Он говорил, что когда смотрел на того юношу, который стрелял в него, то видел такие испуганные глаза, что видно было, что он сам испугался, что стрелял. Дубасов находил, что таких невменяемых юношей нельзя убивать, и писал даже Государю, прося судить юношу общим порядком, но его просьба не была уважена.

15 декабря состоялось открытие чрезвычайного губернского дворянского собрания под председательством П. А. Базилевского. Собрание открыто было генерал-губернатором Гершельманом, который обратился к дворянам с приветствием. Первый вопрос, поднятый на собрании, — о выходе в отставку губернского предводителя дворянства князя П. Н. Трубецкого и о предложении депутатскому собранию поместить его портрет в предводительском зале и образовать одну или несколько стипендий в одном из учреждений московского дворянства, вызвал заявление одного из членов собрания дворянина Андреева. Он сказал, что так как одним из главнейших достоинств князя Трубецкого было умение примирять различные течения среди дворян и избегать возникновения раздоров, то лучшим способом почтить его память было бы снять с обсуждения вопрос о Выборгском воззвании, которое может вызвать рознь в дворянстве. В зале послышались голоса неодобрения, с ним не согласились и перешли к вопросу о Выборгском воззвании и отношении дворян к лицам, его подписавшим.

Собрание предводителей и депутатов полагало, что московское дворянство должно громко присоединить свой голос к голосу тех дворянских обществ, которые в подобных же случаях устраняли виновных от участия в их собраниях. Поступив таким образом, московское дворянство не только исполнит свой долг, но в то же время протянет руку тем дворянским обществам, которые назвали настоящим именем поступок лиц, подписавших Выборгское воззвание, и тем самым последует делу объединения русского дворянства.

Дело шло о Ф. Ф. Кокошкине, которого депутатское собрание полагало устранить от участия в выборах и прочих действиях собраний дворян, как губернских, так и уездных, предоставив ему

через предводителя своего уезда представить собранию для своего оправдания объяснения, какие он найдет нужным, дабы вопрос о решительном его исключении обсуждался бы на следующем губернском дворянском собрании. По этому вопросу возникли горячие прения — В. Н. Мартынов предлагал отложить обсуждение до более благоприятного времени, когда можно будет хладнокровно судить обо всем этом; князь Е. Н. Трубецкой также хотел говорить, но П. А. Базилевский, ввиду отсутствия у него ценза, не допустил его, чему выразил протест Ю. А. Новосильцев.

Н. В. Давыдов (председатель окружного суда) сказал, что пока суд не вынес своей резолюции, дворянам рано говорить об этом, тем более что многие не знают сути дела. Он, например, не читал воззвания и не знает, что в нем написано. К этому присоединился и Андреев. Граф Хребтович-Бутенев соглашался, что воззвание отвечает понятиям «явного и бесчестного», но что все же лучше подождать решения суда. А. Д. Самарин решительно высказывался против откладывания. Он полагал, что самый факт внесения предложения об исключении дворянина указывает, что единомыслия в дворянстве нет, да и быть не может. По его мнению, дворяне виноваты уже тем, что и так долго молчали. «Пусть же мы обрисуемся, — сказал он. — Пусть все знают, каковы мы», — прибавил он. Он говорил далее, что вот советуют отложить до окончания следствия, но ведь неизвестно, вдруг дело прекратят, тогда придется опять собираться. Он удивлялся, что Н. В. Давыдов, будучи председателем суда, не знает содержания воззвания, что странно не знать воззвания, которым усыпали улицы в провинции. «Всякий знает о воззвании, — говорил Самарин, — и потому надо рассмотреть немедленно». Князь А. Г. Щербатов поддержал Самарина и добавил: «Поезжайте в Рузу, и вы увидите, что там сделано, наше осуждение будет не осуждением лица, а целого явления. Из Рузского уезда выслано много, а главарь там». На голоса: «Кто?» — «Князь П. Д. Долгоруков», — ответил князь А. Г. Щербатов. М. М. Щепкин, Семенкович и Д. Н. Шипов присоединили свои голоса к отложению дела. А. Д. Самарин, возражая им, опять сказал, что «наш суд не карает, а охраняет сословие».

Баллотировкой 180 голосами против 87 постановлено было рассмотреть не откладывая. После последовавших за сим прений предложение депутатского собрания было поставлено на баллотировку и 192 голосами против 80 было принято.

18 декабря открылось губернское очередное земское собрание под председательством исправляющего должность губернского предводителя дворянства П. А. Базилевского. По открытии заседания Базилевский доложил собранию полученные им от меня предложения об отстранении от исполнения обязанностей гласных М. А. Комиссарова и С. А. Муромцева как привлеченных к суду по 129 статье Уголовного уложения, и В. В. Пржевальского, и графа С. Л.

Толстого как вступивших в число гласных в качестве кандидатов, которых в земском собрании законом не предусмотрено. Последнее мое предложение вызвало ряд весьма острых прений. Многие из гласных находили мое распоряжение незаконным, говорили, что в прошлой сессии был точно такой же случай, когда гласные Осетров и Столповский вступили в качестве кандидатов и это не было опротестовано. В конце концов председатель собрания поставил вопрос на баллотировку, признает ли собрание для себя обязательным мое предложение об удалении из состава гласных В. В. Пржевальского и графа С. Л. Толстого. Большинством 36 против 32 голосов собрание нашло его необязательным. После этого собрание было отложено до следующего дня. Узнав о таком незаконном постановлении собрания, я экстренно созвал губернское по земским и городским делам присутствие, которое, опираясь на ряд сенатских разъяснений, нашло необходимым удалить из состава гласных как Пржевальского и графа Толстого, так и Осетрова и Столповского, вошедших в качестве кандидатов в прошлую сессию.

19 числа губернское земское собрание возобновилось, и председатель П. А. Базилевский, прочтя постановление присутствия, предложил поименованным гласным оставить собрание. После этого возникли прения, как быть, ввиду того, что город сразу лишился в собрании четырех своих представителей. Решено было сделать перерыв на три дня, в течение которых город успеет провести новые выборы.

В этот промежуток времени в Петербурге совершено было злодейское покушение на жизнь градоначальника Лауница после торжественного открытия отделения по кожным болезням в Институте экспериментальной медицины, находившемся под покровительством принца Ольденбургского. После молебна, когда он сходил с лестницы, в него выстрелил революционер-анархист, явившийся на торжество элегантно одетый, во фраке, с пригласительным билетом. Лауниц был убит наповал.

21 декабря губернское земское собрание возобновилось. Накануне в заседании городской думы были произведены выборы гласных, которые, допущенные к исполнению своих обязанностей градоначальником по соглашению со мной, явились в собрание. Выбранными оказались В. В. Пржевальский, Н. А. Осетров, П. А. Столповский и Н. К. фон Вендрих.

Собрание началось с горячих прений по поводу того, обжаловать ли в Сенат постановление присутствия об изъятии гласных, вступивших в качестве кандидатов, или нет. Председатель губернской земской управы Ф. А. Головин, гласные В. В. Пржевальский, Д. Н. Шипов, А. И. Цыбульский и другие горячо поддерживали вопрос об обжаловании. Н. Ф. Рихтер не находил достаточных данных для обжалования, барон Н. Г. Черкасов — также. После долгих споров вопрос об обжаловании 42 голосами против 28 был

отвергнут. В. В. Пржевальский не успокоился и заявил, что подаст жалобу в Сенат лично от себя за попранные его права.

После этого гласный граф П. С. Шереметев внес на рассмотрение собрания предложение 37 гласных о посылке депеши Тверскому губернскому земскому собранию с выражением сочувствия и негодования по поводу убийства графа А. П. Игнатьева, который был убит в Твери 9 декабря, находясь на земском собрании. Текст депеши, предложенный графом Шереметевым, гласил: «Московское губернское земское собрание, в душе возмущенное убийством гласного Тверского губернского земского собрания графа А. П. Игнатьева, явившегося в земское собрание мирно потрудиться на пользу родной губернии, считает своим нравственным долгом выразить тверскому земству свое искреннее и глубокое сожаление по поводу этого ничем не оправданного убийства. Московское губернское земское собрание твердо верит, что скоро под влиянием общего негодования подобные гнусные способы борьбы станут невозможными».

Предложение графа Шереметева вызвало большие резкие прения сначала по существу, а потом и относительно текста депеши, который особенно не понравился князю П. Д. Долгорукову, и он внес предложение об изменении текста, но после дебатов большинством 40 голосов против 30 текст графа Шереметева был принят.

В это же время, в течение декабря, мне пришлось прибегнуть к строгим мерам по отношению к печати. В Московской губернии впервые, а именно в Богородске, появилась газета (в то время газеты появлялись явочным порядком) «Богородская жизнь» под редакторством Суходрева, человека весьма неуравновешенного и оппозиционно настроенного, принадлежавшего к левому крылу кадетской партии. После первого же номера газету пришлось закрыть и конфисковать ее номера, так как она представляла собой чисто агитационный листок с революционной пропагандой. Как только я закрыл эту газету, Суходрев выпустил точно такую же под заглавием «Богородская неделя», а по закрытии и ее — «Богородские известия». Эту последнюю газету Суходреву не удалось даже и выпустить, так как я приказал конфисковать все номера, как только их вынесут из типографии. Я должен был прибегнуть к такой строгости, опасаясь, что распространение газеты такого вредного направления в провинции может вредно повлиять на некультурные массы. Богородский же уезд представлял собой крупный фабричный центр.

П. А. Суходрев был крайне возмущен таким моим к нему отношением, подавал ряд жалоб и долго не мог успокоиться. В настоящее же время, когда я пишу эти строки, он, по-видимому, сильно изменил свои взгляды, так как недавно он сказал одному моему знакомому, с просьбой передать мне, что я его «слишком мало драл в свое время, следовало больше».

27 декабря Петербург вновь омрачился дерзким покушением на жизнь главного военного прокурора генерала Павлова. Он был убит шестью револьверными выстрелами, произведенными в него несколькими нападавшими, когда он ехал в карете по Мойке, направляясь в Главный военный суд.

В последних числах декабря, согласно высочайшего повеления о созыве Государственной Думы второго призыва на 20 февраля 1907 г., надлежало приступить к выборам, почему я и обратился как к крестьянам, так и к рабочим с объявлениями, в которых подробно изложил весь порядок выборов.

В конце года петербургским градоначальником назначен был генерал-майор Драчевский, бывший до того градоначальником в Ростове-на-Дону. Первое время он хорошо повел дело, но выдержки у него не хватило, и последние годы его деятельности были довольно печальны. Ему пришлось оставить должность; я был в то время товарищем министра внутренних дел и, должен сознаться, способствовал его уходу.

Так окончился 1906 г., унесший много жизней лиц, занимавших высокие посты. В своем всеподданнейшем отчете я не мог не указать, что несмотря на то, что в Московской губернии было сравнительно спокойно, тем не менее общее положение России не могло не отразиться и на Московской губернии — губернии прежде всего торгово-промышленной. Эта торгово-промышленная деятельность не могла еще оправиться от потрясений последних лет и в 1906 г. продолжала идти на сокращение, выразившееся в том, что 351 фабрика прекратила свое существование, а действовавшие сократили свои обороты почти на 13 миллионов рублей, что, конечно, весьма неблагоприятно отразилось на торговле. Коснувшись земского дела, я отметил в отчете, что 1906 г., так же как и 1905-й, пришлось считать в земской жизни потерянным, так как при почти полном отсутствии созидательной деятельности и равнодушии к интересам местного населения, революционном настроении земских служащих, некоторые уездные земства, а главное, губернское, стремились все время к отрицанию закона и власти. Только к концу года общая усталость от политических треволнений и созданная ими явная необеспеченность жизни и имущества заставила умеренную часть земских людей сделать крутой поворот в сторону порядка, в земских собраниях получили преобладание более консервативные элементы, и развращающее влияние на население со стороны земских служащих было до известной степени обуздано, так что к новому 1907 г. в земстве стало обнаруживаться деловое отношение. Говоря о деятельности предводителей дворянства, я не мог не отметить, что они, будучи отвлечены делами, как сословными, так и своими хозяйственными, не всегда могли отдавать занятиям в уездных съездах столько времени, сколько того требовал успех дела, и что только люди с выдающимися способностями и трудолюбием,

как богородский предводитель Самарин, могли поставить деятельность уездного съезда на должную высоту. Прочтя это, Государь сделал собственноручную заметку: «Искренно благодарю Самарина».

В конце своего отчета я коснулся все увеличивавшегося пьянства в связи с тайной продажей вина и указал на ряд неблагоприятных условий, в которые поставлена была тогда казенная продажа. Государь дважды отчеркнул это место, вследствие чего Советом Министров было запрошено объяснение от министра финансов, который был очень недоволен высказанным мною мнением, но все же внес некоторые изменения в дело продажи вина в одни руки.

Глава 3
1907 год

Катастрофа в Быкове. — Назначение Дикова морским министром вместо адмирала Бирилева. — Покушение на Сандецкого. — Губернское земское собрание. — Убийство пензенского губернатора Александровского. — Покушение на графа Витте. — Выборы в Думу. — Покушение на жизнь великого князя Николая Николаевича. — Увольнение в отставку Г. А. Рачинского. — Открытие Государственной Думы. — Открытие Государственного Совета. — Представление Головина Государю. — Выборы Президиума в Думе. — Покушение на жизнь Неплюева и Думбадзе. — Катастрофа в Таврическом дворце. — Декларация Столыпина. — Кончина Победоносцева. — Поездка в Серпуховской уезд. — Государственная Дума. — Поездка в Звенигородский уезд. — Государственная Дума. — Назначение Климовича. — Чрезвычайное губернское земское собрание. — Назначение Акимова Председателем Государственного Совета. — Государственная Дума. — Отмена военно-полевых судов. — Закладка храма на Ходынском поле в память погибших при исполнении служебных обязанностей. — Пожар в деревне Третьяково. — 6 мая в Царском Селе. — Распоряжения по тюрьмам. — Заговор против особы Государя. — Государственная Дума. Аграрный вопрос. — Съезд врачебно-санитарных организаций. — Аресты на квартире врача Елеонского. — Государственная Дума. Отклонение законопроектов. — Ограбление в Звенигородском уезде. — Закладка памятника Н. В. Гоголю. — Государственная Дума. Об амнистии. — Взыскание с Челнокова 33 руб. 33 коп. — Государственная Дума. Социал-демократы. — Роспуск Второй Думы. — Новый избирательный закон. — Роспуск Думы. Впечатления в Москве. — Общеземский съезд. — Покушения, готовившиеся на мою жизнь. — Выборы в Звенигороде. — Слухи по поводу роспуска Думы, волнения. — Открытие губернской землеустроительной комиссии. — Закладка Сергиево-Елизаветинского убежища. — Ограбление в Подольском уезде. — Свидание монархов в Свинемюнде. — Моя поездка в Красное Село и Коломну. — Освящение храма Воскресения в С.-Петербурге. — Общеземский съезд. — Пожар в Ильинском. — Авария в шхерах с яхтой «Штандарт». — Закладка памятника на месте убиения великого князя Сергея Александровича. — Открытие виадука Московско-Брестской ж. д. — Выставка птицеводства в Острове. — Назначение Харитонова государственным контролером. — Съезд общеземской организации. — Закладка памятника первопечатнику Федорову в Москве. — Кончина В. А. Грингмута. — Объезд школ в Московском уезде. — Прибытие принца Шведского, жениха великой княжны Марии Павловны. — Чрезвычайное губернское дворянское собрание. — Поездка в Дмитровский уезд. — Новый закон о выборах. Выборы. — Убийство Максимовского. — Холера. — Освящение Московской окружной лечебницы. — Пожар Солодовниковского театра. — Открытие Третьей Думы. — Настроение в народе. — Прием Председателя Думы в Царском

Селе. — Выборы в Президиум Думы. — Назначение генерала Экка. — Мое путешествие на Кавказ. — Юбилей И. Е. Забелина. — Государственная Дума. Вопрос об адресе. — Декларация Столыпина. — Покушение на жизнь Гершельмана. — Георгиевский парад. — Приговор по делу социал-демократической фракции Думы второго созыва. — Законопроект об упразднении Попечительства о народной трезвости. — Кончина Философова. — Ревизии в Рузском и Звенигородском уездах. — Отчисление Рейнбота от должности. — Приговор по делу Выборгского воззвания. — Кончина старообрядца Фортова. — Кончина В. С. Самариной. — Заключение.

Новый 1907 г. начался с ужасной катастрофы, случившейся недалеко от Москвы, в Бронницком уезде близ села Быкова, в имении Ильиной, где заживо сгорели во время пожара шесть человек. В одном из домов этого имения проживал управляющий удельным ведомством Бронницкого уезда граф Н. А. Толстой, племянник графа Л. Н. Толстого, с женой Татьяной Константиновной, рожденной Шиловской, по первому браку Котляревской, известной певицей цыганских романсов. 2 января на дачу к Толстым приехал С. С. Перфильев — старший советник губернского правления, В. К. и А. К. Шиловские — братья графини Толстой, А. А. Попов, сын бывшего председателя Московской судебной палаты, граф Никита Толстой и барышня Кодынец.

В 12 часов ночи, поужинав, пошли спать, А. К. Шиловский уехал к себе. В шестом часу утра графиня Толстая проснулась от стука и дыма, увидала огонь. Лакей Кудинов пытался его потушить. Графиня бросилась во второй этаж и на лестнице столкнулась с гостями: все проснулись и бежали к выходу. В это время граф Н. Толстой крикнул, что у него в железном сундуке 10 000 руб. казенных, и побежал за ними. С. С. Перфильев тоже вспомнил о своем кошельке и побежал за ним. Графиня Толстая успела захватить свои бриллианты из шифоньерки и, взяв Кодынец за руку, тащила ее, но та от испуга вырвалась и бросилась назад. Лестница в это время была уже в огне. Графиня Толстая, разбив раму, выбросилась из второго этажа, упала на крышу террасы, откуда соскочила на землю. В этот момент рухнула крыша и погребла всех под собой; дом превратился в пылающий костер. Сгорели все, спаслись только А. А. Попов и граф Никита Толстой.

Тотчас дано было мне знать по телефону, и я немедленно выехал на место катастрофы. Приехав, я застал груду обгорелых обломков и еще дымившегося пепла. При мне начались раскопки, вынимали из-под пепла обуглившиеся трупы и части трупов. Зрелище было ужасающее. Нашли и железный сундук, из-за которого, быть может, все и погибли; бумаги и бумажные деньги истлели, монеты оказались в целости. С места пожарища я проехал в село Быково, на дачу Шиловского, куда спаслась графиня Толстая, чтобы ее навестить. Она лежала в постели, обе ноги у ней были поранены, она их порезала стеклами при падении, возле нее я застал ее первого мужа, Котляревского, с которым она недавно разошлась, чтобы выйти

замуж за графа Н. А. Толстого. Ее наружное спокойствие меня очень поразило, казалось, она еще не отдает себе отчета в том, что произошло, и говорила со мной без всякого волнения, только то, что она курила одну папиросу за другой, выдавало ее нервное состояние. Первый ее муж, Котляревский, очень трогательно заботился о ней; по-видимому, он ее очень любил и не переставал любить и после замужества.

В этот самый день, 3 января, в ресторане «Метрополь» должен был состояться обед, который он заказал в честь «молодых» — графа и графини Толстых, пригласив друзей и знакомых своей бывшей жены, что, конечно, было довольно оригинально. Рассказывали, что когда он заказывал меню обеда, то буфетчик выразил удивление, что он заказывает блины — блюдо, подходящее для поминального стола, а никак не для новобрачного. Котляревский ответил, что это ничего, что это любимое блюдо его бывшей жены.

Вернувшись в Москву, я взял на себя тяжелую миссию подготовить бедных жен В.К. Шиловского и С. С. Перфильева и сообщить им о трагической их кончине. 7 января в Москве состоялось погребение всех жертв катастрофы.

11 января последовало увольнение адмирала Бирилева с поста морского министра с назначением его членом Государственного Совета и назначение морским министром старого адмирала Дикова, человека весьма порядочного, но совершенно не подходящего к такой должности ни по своим годам, ни по своим способностям, тем более в такое время, какое переживал наш флот после Цусимы. Назначение это было случайное, как я узнал это от Дубасова, с которым был в переписке, а когда бывал в Петербурге, то постоянно к нему заезжал. От Дубасова я и узнал, что когда ушел Бирилев, Государь его вызвал и предложил ему занять пост морского министра. Адмирал Дубасов, сославшись на свое здоровье, отклонил от себя это предложение; но главной причиной его отказа была та дезорганизация морского ведомства, с которой, как казалось Дубасову, он не справится вследствие существовавших в то время посторонних влияний, с которыми бороться было бы невозможно и благодаря коим ушел и Бирилев [1].

Когда Дубасов отказался, Государю мелькнула мысль о назначении адмирала Алексеева, и он спросил по этому поводу мнение Дубасова. Дубасов, как прямой и честный человек, будучи самого отрицательного мнения об Алексееве, имя которого он хладнокровно не мог слышать, считая его роль на Дальнем Востоке позорной, конечно, высказал Государю весь ужас, представлявшийся ему от этого назначения. Искренний и решительный тон Дубасова, очевидно, повлиял на Государя, последствием чего и был назначен Диков, а не Алексеев.

В этих же числах генерал Сандецкий, бывший командиром

Гренадерского корпуса, чуть было не сделался жертвой готовившегося на него покушения. Генерал Сандецкий пользовался репутацией человека весьма строгого, как начальника даже жестокого, хотя я должен сказать, эта репутация им не была заслужена. Это был грубый человек, но честнейший и с благороднейшей душой, это был солдат, строгий к себе до мелочей; таким же он был и относительно своих подчиненных, снисхождения он не понимал и поблажек никому не давал, а так как Гренадерский корпус был распущен донельзя, то, конечно, «подтяжка» командира корпуса, который не считался ни с какими протекциями, не нравилась ни начальствующим лицам, ни офицерам, ни солдатам.

И вот к Сандецкому на прием явилась одна девушка, на которую пал жребий его убить. Явилась она с прошением, ее пропустили, и она села против Сандецкого на предложенный ей стул. Сандецкий сразу заметил какое-то ее смущение, когда она начала нескладно объяснять ему свое дело; он заметил, что она что-то перебирает в муфте. Получая постоянно угрозы, ему явилось подозрение, и он заметил ей: «Отложите вашу муфточку, вам неудобно с ней». Тут она отложила муфточку, в которой был револьвер, не выдержала, разрыдалась и... рассказала ему все; про весь ужас ее окутанной ложью жизни, про муку, испытанную ею, когда она решилась на «подвиг» — сделаться убийцей. Сандецкий ее выслушал, успокоил, открыл ей дверь и, проводив ее, отпустил ее домой, не спросив даже ее фамилию. Так благородно поступил тот, кого считали зверем. Я лично всегда его глубоко уважал; последний раз я его видел в 1919 г. в Бутырской тюрьме, когда его оттуда неожиданно взяли, чтобы больше уже не вернуть.

15 января выборы в председатели губернской земской управы в возобновившемся после праздничного перерыва губернском земском собрании окончились довольно позорно. Записками был предложен Н. Ф. Рихтер, получивший 41 записку от 79 бывших налицо гласных. Остальные кандидаты получили всего по нескольку записок. Рихтер поблагодарил и выразил желание баллотироваться. Когда начали считать шары, оказалось 39 избирательных против 40 неизбирательных. Таким образом, Рихтер был забаллотирован — три гласных поступили не особенно благородно. Рихтер отнесся к своему провалу спокойно, поблагодарив этих трех неизвестных гласных за то, что они избавили его, быть может, от многих неприятностей, которые ему могли предстоять. Так как никто больше не пожелал баллотироваться на должность председателя, то решено было отложить выборы до экстренной сессии, предположенной к созыву в марте месяце. Но затем, когда на выборах в Государственную Думу второго созыва в члены Думы были избраны Ф. А. Головин и М. В. Челноков, бывшие председателем и членом губернской земской управы, то решено было созвать чрезвычайное губерн-

ское земское собрание раньше, чтобы успеть избрать состав управы до открытия Думы.

16 февраля и состоялось чрезвычайное губернское земское собрание под председательством П. А. Базилевского, исправлявшего должность губернского предводителя дворянства. По открытии собрания Базилевский предложил гласным обсудить в частном совещании, может ли Н. Ф. Рихтер баллотироваться в председатели, будучи забаллотирован в очередной сессии, так как в законе нет на это прямого указания, и вопрос этот спорный — считать ли чрезвычайное собрание продолжением очередного или нет; в законе говорилось только, что нельзя забаллотированному баллотироваться вновь в том же собрании.

Когда частное совещание окончилось, то П. А. Базилевский заявил, что он из обмена мнений в частном совещании вывел заключение, что ему, ввиду разноречивых разъяснений Сената, надлежит руководствоваться статьей 119 Земского положения, не допускающей вторично баллотироваться только лицам, не утвержденным администрацией, но не говорится о невозможности вновь баллотироваться лицу, забаллотированному на ранее бывшем собрании. Ввиду этого он своей властью допускает Рихтера к баллотировке. На это Д. Н. Шипов от имени 30 гласных заявил особое мнение, ссылаясь на указ Сената от 27 марта 1902 г. за № 2775, определенно указывавший, что «под земской выборной сессией, в течение коей не допускается перебаллотировка забаллотированных в ту же сессию лиц, следует разуметь совокупность заседаний, необходимых для замещения посредством выборов всех открывшихся в то время вакансий», но прибавил, что он подчиняется воле председателя, заявляя, что ими будет подана жалоба в Сенат.

На это заявление Д. Н. Шипова публика огласила зал рукоплесканиями. П. А. Базилевский в ответ на это предложил публике оставить зал заседаний, на что часть гласных протестовала, указывая, что статья 190 Земского положения говорит, что публика может быть удалена только тогда, если после предупреждения она будет продолжать себя вести несоответствующим образом. П. А. Базилевский остался при своем решении, тогда Ф. А. Головин со словами «Я не остаюсь в зале и ухожу» демонстративно ушел, за ним Челноков, Шипов и др. Публика в это время кричала: «Черная сотня» и свистела. Гласных осталось 49, собрание решило продолжать занятия, так как кворум не был нарушен. В это время из соседней залы послышались новые свистки — оказалось, что удаленная публика не могла найти выход.

По улажении и этого инцидента собрание продолжалось. По баллотировке Н. Ф. Рихтер оказался избранным в председатели управы 43 голосами против 4 и еще одного голоса гласного, не удалившегося из собрания, но отказавшегося принять участие в бал-

лотировке. Членами управы были избраны А. Е. Грузинов — 44, А. А. Выборни — 42, М. А. Норожницкий и М. М. Людоговский — по 40 и С. К. Родионов — 27 голосами.

17 февраля в собрании были оглашены два заявления, поданные группой гласных — Ф. А. Головина, Д. Н. Шипова, М. В. Челнокова и др.; первое с протестом за незаконное удаление публики из залы заседаний 16 февраля, и второе о допущении Н. Ф. Рихтера к баллотировке. В результате все выборные члены управы были утверждены, а Н. Ф. Рихтер, дабы не создавать прецедента, был не утвержден министром внутренних дел, а назначен на должность председателя высочайшим приказом. Это было неожиданно, так как я представил Н. Ф. Рихтера к утверждению, ссылаясь на указ Сената от 10 апреля 1906 г., в коем ясно было указано о законности выборов, имевших место в Харьковской губернии по совершенно аналогичному случаю.

25 января в Пензе при выходе из городского театра был убит губернатор Александровский; злоумышленник, спасаясь от преследования, убил еще помощника полицеймейстера Зарина и одного городового, после чего застрелился сам. Александровский недавно был назначен губернатором, это был толковый, гуманный администратор.

29 января было обнаружено готовившееся покушение на жизнь графа Витте в его доме по Каменноостровскому проспекту в Петербурге. Истопник, собираясь затопить печь, заметил в ней конец веревки, потянув которую вытащил ящик, оказавшийся адской машиной, действовавшей посредством часового механизма. По осмотре всего дома оказалось, что машина эта была спущена по трубе сверху, так как на крыше были обнаружены свежие следы на снегу от крыши соседнего дома Лидваля. На другой день при осмотре всех труб в доме графа Витте обнаружена была и вторая адская машина в другой трубе. Покушение это, не доведенное в своем расследовании до конца, осталось загадкой. Охранное отделение, во главе которого стоял тогда известный Герасимов, а одним из офицеров отделения тоже небезызвестный провокатор ротмистр Комиссаров, вело себя как-то странно, судебные же власти тоже не проявили в этом деле должной энергии. Все это вместе взятое наводило подозрения весьма прискорбного свойства, что дело это не обошлось, пожалуй, без участия некоторых членов «Союза русского народа» [2].

В течение января и первой половины февраля происходили выборы выборщиков в избирательные собрания для выборов в Государственную Думу второго созыва. Вторая Дума зарождалась при мрачных ожиданиях, ей предрекали разгон, опасались выступлений левого блока. Действительно, выборы сопровождались большой агитацией со стороны политических партий крайнего направления,

особенно левого, которые ничем не стеснялись для своих целей, явно извращая действия и намерения правительства. Это вынудило меня обратиться к населению с особым объявлением, которое я и привожу здесь полностью:

«Наблюдая за ходом выборов по Государственной Думе в Московской губернии, нельзя не заметить, что некоторые политические партии крайнего направления в целях склонения в свою сторону избирателей не только распространяют среди населения свои воззрения и программы, но явно извращают действия и намерения правительства, с тем, чтобы провести в Думу лиц, враждебно относящихся к властям. Отнюдь не оказывая давления на совесть избирателей и не считая возможным вмешиваться так или иначе в борьбу политических партий, особо ярко выражающуюся в период выборов, я как представитель правительственной власти в губернии считаю своим долгом громко заявить населению Московской губернии, что политика и намерения правительства в отношении улучшения народной жизни остаются и теперь такими же неизменными, как и ранее, несмотря на все усилия врагов порядка подорвать в народе доверие к правительственной власти.

Злонамеренные люди распространяют слухи о намерении правительства созвать Думу с тем, чтобы распустить ее и возвратиться к прежним порядкам, осужденным Государем императором. Это ложь. Созываемая вторично по воле Государя Государственная Дума встретит в правительстве живейшее и искреннейшее стремление к совместной работе в целях создания крепких государственных устоев и порядка, которые только одни могут обеспечить спокойное проведение в жизнь реформ, но само собой разумеется, что правительство неуклонно будет держаться существующих законов, так как лишь строгим исполнением их оно и Дума могут сохранить монаршее доверие, без которого невозможна никакая плодотворная работа. Правительство сознает всю трудность разработки многих вопросов по преобразованию государственного строя и в согласованной с Думой работе видит залог удачного разрешения этих вопросов. Оно искренно готово выслушать от Думы критику своих предположений и отдаст все свое внимание обсуждению проектов Думы.

Я считаю необходимым перечислить кратко те предположения правительства, которые оно внесет на обсуждение Думы.

1. Одним из первых и наиболее важных вопросов признается правительством улучшение земельного быта крестьян. Оно желает не только создать земельный запас с тем, чтобы передавать его крестьянам на посильных и справедливых условиях, но и предоставить каждому трудолюбивому работнику возможность создать свое хозяйство, не нарушая чужих прав, на законно приобретенной земле.

2. Не менее важным является предположение правительства о создании на местах мелких земских органов в виде всесословных волостей, с целью дать возможность большему кругу мелких собственников принять участие в земских делах, не ограничивая притом круг этих дел, но значительно его расширяя и усилив средства земств и городов передачей им некоторых казенных доходов.

3. Предполагается введение местных выборных судей и объединение административной власти в уезде и губернии.

4. Обращено самое серьезное внимание на улучшение положения рабочего класса.

5. Предполагается введение всеобщего обучения.

Из этого краткого перечня видно, что все заботы правительства ныне направлены к укреплению и установлению тех благих начинаний, кои возвещены Государем императором, и что всякое противодействие работе правительства только отдалит введение реформ во вред самому населению. Вот почему я призываю население Московской губернии твердо верить, что все намерения правительства клонятся ко благу и только ко благу народа, и помочь осуществить эти намерения избранием в Думу людей разумных и покойных, способных в согласованной работе с Государем поставленными властями исполнить волю его о создании лучшего строя жизни.

Только такая работоспособная и стоящая на страже порядка Государственная Дума создаст счастье народа, только такая Дума нужна русскому народу, а стало быть, надо отнюдь не допускать, чтобы в нее были избраны нарушители закона и порядка, люди, возбуждающие народ против властей. Избрание таких людей ляжет на голову самих избирателей. Насилием и беспорядком не создается народное благо. Счастья можно достичь только миром и дружной общей работой. Пусть же население губернии пошлет в Думу лучших людей своих, одушевленных стремлением к миру, порядку и неустанной закономерной работе на благо Родины.

Флигель-адъютант его императорского величества Джунковский. Января 18-го дня 1907 г.».

В результате из 108 выборщиков по Московской губернии оказалось правых и левых одинаковое число, по 54, на окончательных же выборах левые всецело взяли верх; избранными оказались: М. В. Челноков и Ф. А. Головин — оба Партии народной свободы (кадетской), А. Е. Кимряков, Афанасьев, И. А. Губарев и И. П. Морев — все крайние левые. От г. Москвы в Думу прошли исключительно кадеты: князь Павел Долгоруков, А. А. Кизеветтер, Н. В. Тесленко и В. А. Маклаков.

Перед открытием Думы выяснилось, что левые группы значительно преобладали, а именно: правых одна треть всего состава, левых — две трети. Такой результат сказался, несомненно, благодаря особенностям избирательного закона, который давал явное

преимущество левым элементам, проявившим притом крайнее напряжение предвыборной своей агитационной деятельности, которая не останавливалась перед самыми неблаговидными приемами и средствами ради привлечения на свою сторону избирательных голосов. Умеренная же и положительная часть населения не проявила в данном случае достаточной энергии и оказалась побежденной.

1 февраля раскрыто было покушение на жизнь великого князя Николая Николаевича. Против входа в императорский павильон Царскосельской железнодорожной ветки, на пути, по которому должен был пройти императорский поезд с великим князем Николаем Николаевичем, была положена бомба. Это было замечено главным кондуктором поезда, который, быстро сбежав на полотно, успел схватить неизвестного, одетого в форму железнодорожного машиниста; но тот вырвался и убежал, оставив снаряд, оказавшийся большой разрывной силы.

В начале февраля советником губернского правления был назначен Истомин, бывший до того земским начальником в Верейском уезде. Он заменил собой Г. А. Рачинского, который вследствие болезни не мог продолжать службу и в то время находился на излечении в г. Риге. Как с советником я расстался с Рачинским без сожаления, так как он совершенно не подходил к этой должности и дело у него весьма страдало, но как человек это был благороднейший и честнейший, очень умный и весьма образованный, начитанный. Когда я окончательно решил с ним расстаться и откровенно написал ему об этом, прося прислать прошение об отставке, то в ответ получил от него письмо, которое привожу здесь целиком, так как в нем чувствуется его душа, полная благородства:

«Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Федорович.

Сердечное Вам спасибо за Ваше дружеское, прямо братское письмо и за Ваши хлопоты о моей судьбе. Я никогда не сомневался в Вашем душевном ко мне расположении, меня волновала мысль, что неопределенность моего положения тяжело отзовется на здоровье моей, и без того измученной душой и телом, жены. Мне пишут, что она бодра и спокойна: большой она молодец; вообще она и ее сестры — образцовые жены. Это у них наследство от матери, недаром ее так любил покойный великий князь Сергей Александрович. Уж что другое, а любвеобильность, честность и прямоту в людях он чуял как редко кто. Недаром его не обманула холодная маска А. Г. Булыгина. Я глубоко понимаю и ценю ту честь, которая мне будет оказана отставкой с мундиром. Еще раз убеждаюсь в Вашем понимании меня и уважении ко мне. Раз идет речь о пенсии, да еще усиленной, так, конечно, и говорить нечего об уплате мне лишнего содержания. Прошение прилагаю, а свидетельство о болезни вышлю на днях: сейчас у Соколовского инфлуэнция, и я не хочу его

беспокоить. Очень буду рад поздравить Петра Владимировича с назначением в советники; дай ему Бог пойти в отца, понадобится и трудоспособность, и политика. Шереметевского я помню хорошо по губернскому правлению: он очень неглуп, трудолюбив, в типе покойного И. И. Сергиевича, но значительно менее воспитан и образован, чем последний. Впрочем, Сергиевич как чиновник был величиной на редкость. Степа Перфильев был в общем малый хороший и по-своему благородный и честный, но невыносим, как старая дева, обидчив и несчастен в семейной и личной жизни. Он терзал и мучил меня, искренно полагая, что уважает и понимает меня. Его самоуверенность и честолюбие были в значительной мере привитые. Христос зачтет ему и страдания и мученическую смерть. Губернское правление всегда жило на моей памяти в Москве по инерции. Но одни ушли, другие сошли в могилу, старики вроде Святославова выдохлись и устали. А ведь какой был чиновник лет пятнадцать назад. Материал наличного губернского правления, конечно, ниже всякой критики: Багриновский — еще жив; Падурову, который работает усердно, но без всякого интереса, я за десять лет не мог втолковать элементарной теории сложных процентов, Пиленков — отличный фактор типографии, но нимало не чиновник, что как умный человек знает сам; Полонский — лучше других, когда соберет свои мысли. Остальные... да, впрочем, Вы все это знаете не хуже меня. Что касается меня самого, то менее пригодного на должность советника губернского правления человека я еще не встречал; удивительная судьба Рачинских — вечно они попадают не на свои места. Здоровье мое теперь недурно, только очень я устал душевно и телесно. Зато и лечат меня на славу, приеду со штемпелем: «Made in Germany» *. Поступил в кафедральный собор на клиросное послушание, читаю Часы, Апостол [3] и всенощную, протоиерей мною доволен. Дальнейшее в руках Божиих и воле епископов. На душе мир, не тот, который мир дает, а который дает Он. Если Бог приведет послужить родной Церкви, то с радостью приду на Тверскую в домовую церковь московского губернатора.

Еще раз душевное Вам спасибо: Вы отпустили меня с любовью и миром, да будет и с Вами всегда и навеки любовь и мир.

Глубоко уважающий Вас и сердечно преданный Григорий Рачинский. 6 февраля 1907 г. Рига».

20 февраля в Петербурге последовало открытие Государственной Думы второго созыва в Таврическом дворце. В аванзале было молебствие, на котором присутствовал, кроме депутатов, весь состав Совета Министров во главе с Председателем П. А. Столыпиным, все они были в сюртуках. Впереди их стоял товарищ Председателя

---

* Сделано в Германии *(англ.)*.

Государственного Совета статс-секретарь Голубев, в мундире, с александровской лентой через плечо. Ему было высочайше повелено открыть Думу.

После молебствия и исполненного гимна депутаты заняли свои места в зале заседания, министры поместились в министерской ложе, а статс-секретарь Голубев занял председательское кресло. Раскланявшись на все стороны, статс-секретарь Голубев произнес: «Возложив на меня почетное поручение открыть заседание Государственной Думы в составе избранников от населения в 1907 г. — членов ее, Государь император повелел мне прочесть от высочайшего его имени членам Думы его пожелания: «Да будут с Божьей помощью труды ваши в Думе благотворны для блага дорогой России».

Как только правые услышали слова «Государь император», то поднялись с мест, центр же и вся левая [сторона] остались сидеть — это была первая демонстрация оппозиции. По окончании слов статс-секретаря Голубева в рядах правых раздалось: «Да здравствует Государь император!» и крики «Ура!». Социал-демократы отсутствовали и вошли, когда стали подписывать присяжные листы.

После этого состоялись выборы Председателя. Избран был Ф. А. Головин 356 голосами против 102. Заняв председательское кресло, Ф. А. Головин обратился к Думе с приветственною речью: «Воля Государственной Думы для каждого из ее членов закон. Памятуя это, я без колебания принимаю на себя обязанности Председателя Думы. Велика честь, оказанная вами, господа, мне, велика моя к вам признательность. Сделаю все, что могу, чтобы оправдать ваше ко мне доверие. Несмотря на различие мнений, нас разъединяющее, нас объединяет одна цель. Эта цель — осуществление на почве конституционной работы блага страны. Стремясь к беспристрастному ведению прений и охране свободы слова, я почту своим долгом неуклонно заботиться о поддержании достоинства Думы. Мы все хорошо знаем, с каким нетерпением ожидает наша страна от Государственной Думы облегчения своих страданий. Прямой путь к осуществлению этой трудной задачи намечен Первой Государственной Думой и остается таким же и в настоящее время. Проводить в жизнь конституционные начала, возвещенные манифестом 17 октября, и осуществлять конституционные законодательства — таковы две великие задачи, поставленные на очередь Первой Государственной Думой. Сделаю все, чтобы они осуществились Второй Государственной Думой. Могуче народное представительство. Раз вызванное к жизни, оно не умрет. В единении с монархом оно неудержимо проведет в жизнь волю и мысль народа. Господа, согласно закона, Председатель Думы имеет представить Государю императору о состоявшемся избрании, ввиду чего объявляю настоящее собрание закрытым, а о следующем за-

седании господа члены Думы будут оповещены особыми повестками».

В Государственном Совете в тот же самый день, после открытия Думы, собрались все члены Государственного Совета и Совета Министров в полном составе. После молебствия статс-секретарь Фриш занял председательское кресло, а государственный секретарь барон Икскуль фон Гильденбрандт прочел указ о закрытии и открытии второй сессии Совета, список членов и умерших за время вакации. Член Государственного Совета граф Олсуфьев предложил послать сочувственную депешу семье убитого графа А. П. Игнатьева. Статс-секретарь Фриш предложил послать депеши семьям всех умерших, что и было принято. Затем члены Государственного Совета расписались на присяжных листах.

21 февраля Ф. А. Головин был принят Государем в Большом Царскосельском дворце в продолжительной аудиенции. Во дворце его встретил обер-церемониймейстер граф Гендриков.

23 февраля в Государственной Думе были избраны товарищи Председателя — Н. Н. Познанский, примыкающий к кадетам, и М. Е. Березин — трудовик; секретарем избран был М. В. Челноков.

В феврале были получены известия о двух террористических актах: 21 февраля в Севастополе брошена была бомба в проезжавшего генерала Неплюева, который был ранен, так же как и городовой и случайно проходившие женщина и ребенок. 26 февраля в Чукурларе, близ Ялты, брошена была бомба в коляску полковника Думбадзе, который получил легкое поранение; при этом тяжело были ранены два офицера и двое солдат; злоумышленник застрелился.

2 марта в Таврическом дворце, как раз в зале заседаний, в 6 часов утра, к счастью, когда никого в зале не было, обвалилась часть потолка. Произошел большой переполох; говорили о бомбах, злоумышлении и т. д., но выяснилось, что это произошло просто от непростительного технического недосмотра. В Думе перебывали все власти, как только узнали об этом, приезжали дежурный при особе Государя и министр императорского двора. Пришлось на время перенести заседания в другое помещение, пока обрушившийся потолок не был восстановлен.

6 марта Столыпин прочел декларацию правительства как в Государственной Думе, так и в Государственном Совете. В начале своей речи он сказал, что перед началом совместной с Государственной Думой деятельности считает необходимым с возможной полнотой и ясностью представить законодательному собранию общую картину законодательных предположений, которые министерства решили представить высокому вниманию Думы, но что раньше этого он не может не остановить внимания Думы на положении, которое займет правительство по отношению вносимых им законопроектов, т. е. существа и порядка их защиты. Затем Столыпин коснулся

законопроектов, кои им были проведены по 87 статье [4], объявив те причины, которыми руководилось правительство при издании их; после этого он перешел к детальному перечислению законодательных предположений и законопроектов, осветив мысли правительства, вложенные в них. В заключение Столыпин сказал: «Я не выполнил бы своей задачи, если б не выразил уверенности, что лишь обдуманное и твердое проведение в жизнь высших законодательных учреждений новых начал государственного строя поведет к возрождению великой нашей Родины. Правительство готово в этом направлении приложить величайшее усилие. Его труд, его добрая воля, накопленный опыт представляются в распоряжение Государственной Думы, которая встретит в качестве сотрудника правительство, сознающее свой долг хранить исторические заветы России и восстановить в ней порядок и спокойствие, т. е. правительство стойкое и чисто русское, каковым должно быть правительство его величества».

Речь произвела, как говорили, очень хорошее впечатление своей деловитостью и искренним доброжелательным тоном. Но социал-демократы, конечно, не были удовлетворены, и сейчас же за Столыпиным выступил член Думы социал-демократ Церетелли и произнес длинную речь в резком тоне, говоря «о полевых судах», «о старой крепостнической России», «о помещиках, высасывающих соки из трудового народа» и т. д. Крупенский и Пуришкевич (правые) стучали при этом по пюпитрам, кричали: «ложь» и разные другие слова. После Церетелли говорили и другие ораторы, все больше крайнего левого блока, делая выпады по адресу правительства и как бы вызывая Столыпина на ответ. Он и решил выступить вторично, чтобы ответить нападающим.

«Господа, — сказал Столыпин, — я не предполагал выступить вторично, но тот оборот, который приняли прения, заставляет меня просить вашего внимания. Я хотел бы установить, что правительство во всех своих действиях, во всех своих заявлениях Государственной Думе будет держаться исключительно строгой законности. Правительству желательно было бы отыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа, найти тот язык, который был бы одинаково понятен. Я отдаю себе отчет, что такой язык не может быть языком злобы и ненависти. Я этим пользоваться не буду. Возвращаюсь к законности. Я должен заявить, что о каждом нарушении ее, о каждом случае, не соответствующем ей, правительство обязано будет громко заявлять: это его долг перед Думой и страной. В настоящее время утверждаю, что Государственной Думе, волею монарха, не дано права выражать правительству неодобрение, порицание или недоверие. Это не значит, что правительство бежит от ответственности. Безумием было бы предполагать, что люди, которым вручена власть во время великого исторического перелома, во время переустройства государственного устоя, не испробовали тяжести, взяв на себя ответственность».

Далее Столыпин, коснувшись волнений и беспорядков в стране и подавления их, сказал: «Ударяя по революции, правительство, несомненно, не могло не задеть частных интересов; борясь с исключительными средствами в исключительное время, правительство вело и привело страну во Вторую Думу. Я должен сказать, и желал бы, чтобы мое заявление было слышно далеко за стенами этого собрания, что тут волею монарха нет ни суда, ни обвиняемых, что эти скамьи (показывая на скамьи министров) — не скамьи подсудимых, а места правительства. За наши действия в эту историческую минуту, действия, которые должны вести не к взаимной борьбе, а к благу Родины, мы, точно так же как и вы, дадим ответ перед историей».

Далее Столыпин говорил, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение каких бы то ни было неустройств и злоупотреблений, так как людям всяким свойственно ошибаться, увлекаться и злоупотреблять властью. «Пусть эти злоупотребления, — продолжал Столыпин, — будут разоблачаться, пусть они будут судимы и осуждены, но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения в атмосфере, которая должна готовить открытое выступление. Этими нападками рассчитывают на то, чтоб вызвать у правительства, у власти паралич воли и мысли. Все они сводятся к двум словам, обращаемым к власти: «Руки вверх!». На эти слова, господа, правительство с полным спокойствием сознания своей правоты может ответить только два слова: «Не запугаете». Под бурные аплодисменты справа Столыпин после этих слов сошел с кафедры.

7 марта в Думе были уже оглашены поступившие законопроекты.

10 марта умер К. П. Победоносцев [5] — честнейший государственный деятель светлой памяти царствования Александра III. С его воззрениями, не соответствовавшими переживаемой эпохе, можно было не соглашаться, но относиться к нему иначе, как с уважением, нельзя было.

14 марта я совершил двухдневную поездку по Серпуховскому уезду, обревизовав несколько волостей. Всюду был большой порядок и настроение крестьян хорошее, поступление выкупных платежей и других повинностей везде шло успешно, то же было и в других уездах, о чем меня известила Московская казенная палата [6], к моему большому удовлетворению.

20 марта в заседании Государственной Думы разбирался бюджет, выступал министр финансов, ему возражал член Думы Н. Н. Кутлер, который в своей речи сделал выпад по адресу Министерства внутренних дел, обвиняя ведомство, что в то время, когда манифестом 17 октября были дарованы свободы слова и печати, были увеличены оклады начальника Главного управления по делам печати и его помощников. В ответ на это выступил Столыпин и докумен-

К. П. Победоносцев

тально доказал, что данные Кутлера не соответствовали действительности, так как никаких прибавок содержания начальнику управления сделано не было, а помощников у него не было вовсе. Кончил Столыпин следующими словами: «Здесь был нанесен вверенному мне ведомству удар сильный и смелый, но пришелся он, поистине, не по коню, а по оглоблям».

24 марта я совершил поездку в Звенигородский уезд, посетив г. Звенигород, где обревизовал подведомственные мне учреждения, а по дороге — волостные правления. В деловом отношении это был один из наиболее слабых уездов в губернии. Кроме уездного города Звенигорода в уезде был еще заштатный город Воскресенск в 20 верстах от Звенигорода. Городское управление в г. Воскресенске было более на высоте, состав городской управы и городской староста были люди дела, тогда как в Звенигороде городской староста занимался больше политикой в ущерб делу.

Близ этих городов находились чтимые монастыри — Саввинский близ Звенигорода, на Сторожевской горе, очень древний, основанный в конце XIV в. звенигородским князем Юрием Дмитриевичем, и где покоились мощи первого игумена монастыря преподобного Саввы Звенигородского, открытые в 1652 г. по повелению царя Алексея Михайловича. Другой монастырь, близ г. Воскресенска, называемый Ново-Иерусалимским, где проживал викарный епископ, управлявший монастырем. В этом монастыре, расположенном среди весьма живописной местности, совершалась пасхальная служба по примеру Иерусалима, с пением «Христос воскресе» в течение всего года.

Предводителем дворянства в Звенигородском уезде в то время был граф Павел Сергеевич Шереметев, принадлежавший к разряду тех предводителей дворянства, которые, будучи отвлекаемы своими личными делами и разными посторонними увлечениями, не могли отдавать достаточно времени для добросовестного исполнения служебных обязанностей, сопряженных с деятельностью предводителя дворянства, и были всегда заняты разными своими делами в ущерб своих прямых обязанностей. Граф П. С. Шереметев по свойству своего характера не мог работать так, как этого требовал долг службы предводителя, и потому ко всем своим обязанностям, сопряженным с этой должностью, кроме сословных, относился небрежно и с большим попустительством. От этого, конечно, и дела уездного съезда и всех присутствий, председателем коих он состоял, были запущены. Он постоянно отсутствовал из уезда и даже манкировал председательствованием в воинском присутствии при наборе новобранцев. Это был единственный из предводителей, с которым у меня вышла неприятность за все время моего губернаторства за 9 лет.

После того, как он два года подряд отсутствовал при наборе новобранцев, я решился написать ему письмо с напоминанием его

обязанностей. В ответ на это я получил от него письмо, написанное в совершенно неуместном тоне. Это вынудило меня обратиться к губернскому предводителю дворянства А. Д. Самарину с письмом, в коем, изложив суть дела, я просил его «взять на себя труд в товарищеском кругу предводителей дворянства обсудить этот печальный инцидент и помочь мне достойным образом покончить его, не прибегая к постановке дела на официальную почву, что было бы для меня крайне нежелательным из чувства уважения к дворянству». Последствием сего граф Шереметев явился ко мне с губернским предводителем дворянства, в присутствии которого принес мне извинение, выразив сожаление происшедшему инциденту — это было в 1909 г.

Председателем уездной земской управы в то время, после политикана В. Ф. Кокошкина, был князь А. В. Голицын, врач по профессии, державшийся оппозиционного направления, при этом весьма слабохарактерный, легко подпадавший под дурное влияние крайних групп. Естественно, что он благодаря этому ничего хорошего в деловом отношении сделать не мог, углубил только среди земских служащих оппозиционное направление.

27 марта пришли вести из Петербурга о первом разногласии Столыпина с Государственной Думой. П. А. Столыпин написал письмо Ф. А. Головину — Председателю Думы — о незаконности приглашения в думские комиссии сведущих лиц, находя это «недопустимым», а в заключении письма просил сообщить ему о мерах, кои Ф. А. Головин намерен принять к недопущению этого явления.

Головин ответил, что по точному смыслу закона законодательные учреждения призваны следить за закономерными действиями исполнительной власти и что законом не дано министрам права делать запросы Государственной Думе, почему Государственная Дума и не находит возможным сообщить, на каких основаниях Дума приняла совершенно правильное решение о приглашении в комиссии компетентных лиц.

29 марта Столыпин в свою очередь ответил, что так как участие этих лиц не предусмотрено законом и так как Председатель Думы отказывается с своей стороны принять какие-либо меры к недопущению их, то он отдает распоряжение заведующему охраной Таврического дворца не допускать в стены дворца никаких посторонних лиц, за исключением указанных в утвержденных 18 февраля с. г. правилах. Одновременно с сим в частном письме Столыпин написал Головину, что в Думе он не может допускать посторонних, так как это было бы нарушением Учреждения Государственной Думы, а вне Думы, конечно, могут происходить какие угодно совещания с приглашением посторонних. В конце концов после обоюдных уступок инцидент был улажен.

30 марта в Государственной Думе были очень резкие выпады по

поводу привлечения к суду депутатов Кубстас, Кузнецова и Геруса, обвинявшихся по 126 и 127 статьям Уголовного уложения в принадлежности к преступному сообществу и в речах, направленных к ниспровержению существующего строя.

31 марта в Москве помощником градоначальника назначен был полковник Климович. До этого назначения Климович был начальником Московского охранного отделения. Климович представлял из себя выдающегося по уму администратора. Отлично знал секретно-агентурное и розыскное полицейское дело, это был честный человек и отличный семьянин, благодаря чему был человеком нравственным. В то же время это был большой ловкач, не без хитрости и себе на уме, карьерист, но не в ущерб делу. Как помощник градоначальника был вполне на месте, был головой выше своего начальника генерала Рейнбота, но умел себя так поставить, что это никому и в голову не приходило. Я лично очень ценил его способности и считал его выдающимся для полицейской службы человеком, поэтому в бытность мою товарищем министра выдвинул его в серьезную минуту на пост московского градоначальника, и не ошибся в нем.

9 апреля в Государственной Думе правыми депутатами был внесен на обсуждение Думы вопрос о порицании политических убийств, вызвавший весьма резкие дебаты. В результате большинством голосов порицание политическим убийствам было отклонено; этим самым те, которые голосовали против, оправдывали эти убийства. Таков был грустный результат голосования. Он придал только больше смелости террористам-революционерам, которые сделались наглее, и это, конечно, легло на совесть депутатов.

10 апреля в Москве состоялось чрезвычайное губернское земское собрание по поводу избрания гласных в землеустроительные комиссии. В этом заседании группа гласных, в числе 16-ти, во главе с Д. Н. Шиповым подала заявление с отказом от участия в этих выборах, мотивируя свой отказ тем, что они не хотят участвовать в решении аграрного вопроса, когда таковой разбирался в то время в Думе. Вообще во всех земских собраниях, где преобладали оппозиционные элементы, наблюдалась тенденция об отказе от участия в этих выборах, хотя цель землеустроительных комиссий вовсе не преследовала решение аграрного вопроса в его полном объеме и ничего не предрешала; землеустроительные комиссии являлись только органом содействия крестьянам в их острых земельных нуждах — восстановлении границ, уничтожении чересполосиц и содействии при покупке частных земель.

Оппозиционные группы в то время боялись всякого начинания правительства, клонившегося к улучшению быта крестьянского населения, так как начинания эти парализовывали то враждебное настроение, которое оппозиционные элементы все время старались поддерживать в крестьянстве против правительства. За отказом 16

гласных в участии в выборах, выборы все же состоялись. Благодаря этой демонстрации землеустроительная комиссия только выиграла, так как оппозиционные элементы, тормозившие всякое, даже самое благое, намерение правительства, в нее не попали.

В Звенигородском уездном собрании протест против выборов в землеустроительную комиссию пошел еще дальше. Председатель земской управы князь А. В. Голицын произнес целую речь против этих комиссий, подговаривал гласных отказаться от участия в выборах, вследствие чего выборы и не состоялись вовсе. Усмотрев в деяниях председателя управы князя А. В. Голицына подговор гласных в официальном собрании к неисполнению закона, я передал это его деяние на рассмотрение губернского по земским и городским делам присутствия, которое нашло его виновным в подговоре и постановило представить министру внутренних дел на предмет удаления князя Голицына от должности.

15 апреля скончался Председатель Государственного Совета статс-секретарь Фриш, и на его место назначен был М. Г. Акимов — это было первый раз, что столь почетное назначение досталось человеку хотя безукоризненно честному и достойному всякого уважения, но не сановнику и не имевшему за собой большого государственного опыта, что не помешало ему в роли Председателя проявить много твердости и самостоятельности.

16 апреля состоялось закрытое заседание Государственной Думы по вопросу о контингенте новобранцев. Заседание это кончилось большим скандалом, когда депутат Зурабов позволил себе оскорбить армию, сказав, что [при] самодержавии русская армия способна сражаться с внутренним врагом, внешним же, на Западе и на Востоке, она была и будет бита. Поднялись крики, шум, депутаты правого крыла повскакали с мест. Головин — Председатель Думы — проявил большое малодушие, он не хотел согласиться, что Зурабов оскорбил армию, и даже вступил на защиту его, говоря, что его слова не так были поняты. Депутаты не могли успокоиться: крики, ругательства заставили сделать перерыв. Во время перерыва Головину доказали, что оскорбление было нанесено, и тогда по возобновлении заседания он заявил, что ознакомившись со стенограммой он видит в словах Зурабова оскорбительные по адресу армии выражения, поэтому объявляет ему замечание. Такое снисходительное отношение Председателя снова подняло шум и протесты — правые, умеренные, октябристы и беспартийные крестьяне оставили зал заседания в знак протеста, ушли также все представители Военного министерства. После вмешательства Столыпина и переговоров его с Головиным последний, очевидно, понял свое малодушное поведение как Председателя Думы и решил загладить свой промах. Он был лично у военного министра, чтоб выразить сожаление по поводу случившегося печального инцидента, и обещал на первом же заседании Думы особой манифестацией дать удовлетворение армии.

18 апреля в заседании Думы Ф. А. Головин сказал: «Вчера мы были свидетелями печального инцидента в Государственной Думе. По отношению к нашей доблестной армии было высказано здесь мнение, которое, конечно, должно быть признано для нее обидным. Я считаю, что наша армия всегда отличалась своей самоотверженностью в исполнении тяжелого долга, всегда отличалась высокой дисциплиной и непоколебимой преданностью Отечеству и своему верховному вождю. Такие достоинства армии признаны всеми и конечно заслуживают похвалы и уважения, и очевидно, Государственная Дума, без сомнения, протестует против тех выражений по отношению к русской армии, которые были высказаны здесь одним из членов Думы». После криков «Да здравствует доблестная русская армия! Ура!» конфликт, возникший было между Думой и военным министром как представителем армии, был улажен.

20 апреля закон о военно-полевых судах был отменен, и они перестали существовать.

Утром митрополитом Владимиром в Алексеевском храме Чудова монастыря была отслужена панихида по великом князе, после чего из Кремля двинулся крестный ход на Ходынское поле [7]. Был чудный летний солнечный день. По прибытии крестного хода началось молебствие в присутствии генерал-губернатора С. К. Гершельмана, лиц бывшей свиты великого князя и представителей города и военных частей. В конце молебствия состоялась закладка: первый камень положил митрополит, затем генерал-губернатор и другие лица. По окончании закладки Гершельман обратился с краткой речью к войскам, выстроенным вокруг места закладки, провозгласив здравицу за верховного вождя, пропустил войска церемониальным маршем. Крестный ход тем временем двинулся обратно в Кремль.

В тот же день в деревне Третьяково Клинского уезда произошел пожар, истребивший 65 дворов; только несколько изб уцелело. Крестьяне этой деревни были трудолюбивый зажиточный народ, никогда никаких неприятностей в этой деревне не было, все лежавшие на них повинности крестьяне платили добросовестно и аккуратно, поэтому я особенно близко принял участие в постигшем их несчастии. Так как я ехал в Петербург, будучи назначен дежурным при Государе на 6 мая, то, конечно, не мог лично приехать на место пожарища, поэтому я командировал туда непременного члена губернского присутствия, чтобы произвести обследование пострадавших от пожара крестьян, выяснив нужду каждого, дабы по возвращении прийти к ним на помощь.

По приезде моем в Петербург я 6 мая утром выехал в Царское Село и, проехав прямо в Александровский дворец, вступил на дежурство при Государе. По случаю дня рождения его величества в этот день состоялся высочайший выход в церковь Большого Царскосельского дворца. Выход открывал обер-церемониймейстер граф Гендриков, затем шли первые чины двора: обер-егермейстеры Бала-

шов, граф С. Д. Шереметев, Линдер и обер-гофмаршал князь Долгорукий, который предшествовал Государю.

Государь в мундире своих лейб-гусар шел с императрицей Марией Федоровной. За Государем следовали: министр императорского двора, генерал-адъютант барон Фредерикс, дворцовый комендант Свиты генерал-майор Дедюлин и дежурство: генерал-адъютант Дубасов, Свиты генерал-майор князь Оболенский и я как дежурный флигель-адъютант.

Императрица Александра Федоровна шла с великим князем Михаилом Александровичем. Далее великий князь Владимир Александрович с великой княгиней Ольгой Александровной * и прочие особы императорского дома. За высочайшими особами шли придворные дамы и фрейлины. По пути шествия стояли военные чины, государева Свита и др.

Церковь была наполнена высшими государственными сановниками, министрами, был и Председатель Государственной Думы Головин и члены Государственного Совета по выборам. После обедни и молебствия шествие в таком же порядке проследовало во внутренние покои, после чего состоялся высочайший парадный завтрак в Большом золотом зале и в двух смежных залах того же дворца. Были накрыты круглые столы, на 10 приборов каждый, в общем более чем на 400 человек. Все столы были убраны цветами, было очень торжественно и нарядно. Во время завтрака играл придворный симфонический оркестр. После завтрака я вернулся в дежурную комнату Александровского дворца, затем принимал просителей, явившихся с прошениями на имя Государя.

Вечером пришел ко мне скороход (это была особая должность при высочайшем дворе, на их обязанности было исполнять разного рода поручения внутри дворца; они были непосредственно подчинены гофмаршалу, их было всего четверо, и они дежурили по очереди как при дворце Государя, так и вдовствующей императрицы Марии Федоровны; одеты они были как камер-лакеи высочайшего двора, только фалды ливреи были короче и на голове при исполнении ими придворных обязаностей они имели шлем особой формы со страусовыми перьями государственных цветов). Скороход мне сообщил о приглашении меня к высочайшему обеденному столу к 8 часам вечера.

Такое внимание Государя меня глубоко растрогало, и ровно в 8 часов я был в гостиной императрицы, куда внесен уже был небольшой стол с тремя приборами. Так как это был день рождения его величества, то обед был несколько параднее обыкновенного, было несколько больше закусок, пять блюд вместо четырех и подавали шампанское. Официанты, подававшие к столу, были в белых чулках и парадных красных с золотым шитьем ливреях. Их величес-

* За Государем, императрицей и великими княжнами следовали камер-пажи. *(Примеч. В. Ф. Джунковского)*.

тва держали себя так просто, так были радушно гостеприимны, что то волнение, которое невольно охватывало в первую минуту среди такой интимной обстановки, быстро сменялось чувством восторженности и особого благоговения. Государь был очень в духе в этот день и разговорчив, расспрашивал о Москве, о настроении среди крестьян. Докладывая, я упомянул и о пожаре в деревне Третьяково, случившемся как раз перед моим выездом из Москвы, и рассказал, как особенно жаль этих крестьян, живших так хорошо, исправно вносивших все повинности и потерявших сразу все свое трудами накопленное добро. Государь проявил большое участие, вдаваясь в подробности пожара. После обеда перешли в кабинет императрицы пить кофе. В одиннадцатом часу их величества милостиво простились со мной, и Государь при этом, обратившись ко мне, сказал: «Принесите мне завтра утром памятную записку о пожаре с указанием количества сгоревших дворов». Я не знал, как благодарить его величество за такое внимание, ушел к себе в дежурную комнату взволнованный и растроганный. На другой день в девять с половиной часов я передал записку камердинеру Государя для передачи его величеству.

Вечером я сидел дома у своего друга Э. Р. Зейме, у которого в Петербурге всегда останавливался. Раздался звонок, оказалось, что приехал фельдъегерь и привез мне от высочайшего имени конверт с пятью тысячами рублей, пожалованных Государем императором в пособие погорельцам деревни Третьяково. Легко себе представить, как я был счастлив такому монаршему вниманию и заботе, не говоря уже о сумме. На такое пособие каждый домохозяин мог поставить себе хороший сруб.

По возвращении в Москву я отвез эти деньги в деревню Третьяково, где после молебствия лично роздал их всем пострадавшим домохозяевам поровну. Для крестьян такая щедрая царская милость была совершенно неожиданной. Они устроили мне торжественную встречу, пригласив священника отслужить благодарственный молебен за здравие Государя. Место для молебна было очень красиво убрано русскими вышитыми полотенцами, которыми была устлана вся площадка. При входе же на нее сооружена была арка с надписью: «Дорогому гостю». Когда я сказал несколько слов крестьянам, то у многих появились слезы, все были взволнованы, просили телеграфировать Государю, благодарить.

Ровно через год после этого вся деревня уже отстроилась и никаких следов от пожарища не осталось. Пожар, благодаря царскому дару, способствовал украшению, избы были выстроены гораздо лучше тех, кои были раньше.

В конце апреля участились случаи проноса родственниками политических заключенных разных недозволенных предметов в тюрьмы, поэтому я вынужден был сделать распоряжение, изложен-

ное в нижеследующем объявлении: «За последнее время участились случаи проноса в вещах и припасах, передаваемых заключенным, различных запрещенных предметов, до оружия включительно. Несмотря на неоднократные предупреждения, родные и знакомые заключенных продолжали такую незаконную передачу и, помимо этого, на личных свиданиях приносили с собой недозволенные вещи: пилки, стамески, ножи, револьверы, водку, спирт, газеты и пр. Ввиду злоупотребления оказанным мною доверием с 1 мая сего года мною более не будут даваться разрешения на свидания без решеток и отдано распоряжение по Тюремной инспекции допускать передачу лишь в пределах, указанных законом, т. е. исключительно чаем и сахаром (параграф 44 Правил о содержании в тюрьмах политических арестантов, утвержденных министром юстиции 1 ноября 1904 г.)».

7 мая в Государственной Думе оглашен был запрос к Председателю Совета Министров по поводу заговора против особы Государя императора, за подписью 34 членов Думы. В ответ на этот запрос Столыпин огласил как в Государственной Думе, так и в Государственном Совете правительственное сообщение о том, что в столице образовалось преступное сообщество, поставившее ближайшей целью своей деятельности совершение ряда террористических актов. Установленным наблюдением обнаружен был круг лиц, как вошедших в состав указанного сообщества, так и имевших с членами его непосредственные сношения. Сношения эти происходили на конспиративных квартирах, постоянно менявшихся, в условиях строгой таинственности, и были обставлены паролями и условными текстами в тех случаях, когда сношения были письменные. Круг лиц прикосновенных, в числе 28 человек, был задержан 31 марта. Выяснилось, что преступное это сообщество поставило себе целью насильственное посягательство на изменение в России образа правления.

Предварительным следствием установлено было, что из числа задержанных лиц значительное число изобличалось в том, что они вступили в образовавшееся в составе Партии социалистов-революционеров сообщество, поставившее целью посягательство на священную особу Государя императора и совершение террористических актов против великого князя Николая Николаевича и Председателя Совета Министров, причем членами этого сообщества предприняты были попытки к изысканию способов проникнуть во дворец Государя, но попытки эти успеха не имели.

Дума единогласно (отсутствовали социал-демократы, социал-революционеры, народные социалисты и трудовики) постановила принять следующую формулу перехода к делам: «Охваченные чувством живейшей радости по поводу счастливо избегнутой опасности, грозившей его императорскому величеству, и относясь с глубо-

ким негодованием к обнаруженному преступному замыслу, Государственная Дума переходит к очередным делам».

В Государственном Совете по поводу сообщения Председателя Совета Министров председательствующий Голубев произнес следующую речь: «Каждый из нас возмущен проявлениями политической, экономической и классовой борьбы посредством убийств, грабежей, взрывов, мятежных подстрекательств юношей и во́йска и всяческих преступных насилий. Ныне же мы узнали, что образовалось сообщество для насильственного изменения образа правления, для злодейских покушений на представителя исполнительной власти и на члена императорского дома и даже для дерзновенного посягательства на священную особу Государя императора. Буду выразителем воодушевляющих Совет чувств, сказав, что готовящиеся злодеяния вызывают глубочайшее негодование, и мы преисполнены беспредельной радостью, что они были предупреждены. Осталась безуспешною даже попытка злодеев приблизиться к священной особе императора. Да пребудет всегда всемилостивейший Государь император под святым покровом Всевышнего, да продлится на многие годы его царствование для счастья дорогой России».

Речь Голубева покрыта была единодушным «ура» и гимном, исполненным всеми присутствовавшими. От Совета была послана всеподданнейшая телеграмма Государю с выражением одушевляющих Совет чувств.

От московского дворянства после молебствия, совершенного 1 мая в зале Дворянского собрания, послана была Государю следующая телеграмма: «Благодарение Богу, предотвратившему от русского многострадального народа этот новый позор и тягчайший удар. Да сохранит Господь неисчерпаемою милостию своей драгоценные дни Ваши, Государь, на счастие и благо Родины. Исправляющий обязанности московского губернского предводителя дворянства Базилевский». Подобные же депеши были посланы и от городской думы и других сословных учреждений с разных концов России.

Дело о заговоре по окончании следствия было передано на рассмотрение Военного окружного суда, который приступил к слушанию его 7 августа под председательством генерал-майора Мухина. Как выяснило следствие, обвиняемыми оказались: 1. Отставной лейтенант Никитенко, сын коллежского советника Наумов (Пуркин), Мария Прокофьева и Анна Пигит в том, что вступили в Боевую организацию при Центральном Комитете Партии социалистов-революционеров, поставившей себе целью посягательство на жизнь Государя и изменение образа правления в России имевшимися средствами для взрывов и складом оружия. Устроив конспиративные квартиры, они собирали сведения как для совершения цареубийства, так и для лишения жизни главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, выработали текст условных депеш, которыми извещали членов о предстоящих проездах главнокоманду-

ющего, и подговаривали других лиц лишить жизни Государя посредством кинжала или разрывного снаряда. Они заручились согласием Наумова, принявшего на себя исполнение цареубийства, снабжая его деньгами для обучения пению на предмет поступления певцом в придворную капеллу, чтобы указанным способом дать ему возможность осуществить цареубийство, и с тою же целью приобрели план Баболовского парка как места обычных прогулок Государя и план Царскосельского дворца с указанием внутреннего пути на нем, где под кабинетом его величества предполагали бросить снаряд. Осуществить не успели, так как были арестованы 31 марта.

2. Дворянин Колосовский, присяжный поверенный Тарасов, Ольга Тарасова, присяжный поверенный Феодосьев, Софья Феодосьева, Антония Эмме, Вера Педькова, крестьянка Бибергаль и Булгаковский в том, что, вступив в вышеназванное общество, они, находясь в постоянных сношениях с главными руководителями Боевой организации, обсуждали с ними план цареубийства и план лишения жизни главнокомандующего, исполняли разные поручения и т. д.

3. Воспитатель Александровского лицея Эмме, присяжный поверенный Чибаров, Завадский и Брусов в том, что, не принадлежа к составу преступного сообщества, но зная о нем, они для подготовления указанных преступлений и содействия Боевой организации предоставляли членам ее свои квартиры, куда можно было проникнуть по определенным паролям.

В результате после девятидневного разбирательства суд вынес следующий приговор: Никитенко, Синявский и Наумов как виновные в приготовлении посягательства на жизнь Государя приговорены были к смертной казни; Нигит, Бибергаль, Рогальский и Колосовский к каторжным работам, первые три на 8, а последний на 4 года; Прокофьева, Педькова, Тарасов и двое Эмме к ссылке на поселение; остальные оправданы.

10 мая в Государственной Думе шли прения по аграрному вопросу, выступали представители всех партий, прения приняли весьма страстный характер, большинство стояло за принудительное отчуждение земель в пользу малоземельных крестьян. Выступил Столыпин с блестящей речью, он решительно высказывался против разрушения собственности, против проекта социалистов. Он допускал отчуждение только в случае необходимости обеспечения для крестьян свободного прохода, прогона для скота, пастбища; он находил, что отчуждение должно быть «качественного», а отнюдь не «количественного» характера. Он говорил о стремлении уничтожить общину и сделать всех собственниками. Кончил он свою речь следующими словами: «Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия». Речь

Столыпина произвела сильное впечатление, она особенно подкупала искренностью своего тона.

10 мая в Москве, в помещении Московской губернской земской управы, открылся 16-й очередной съезд членов врачебно-санитарных организаций Московской губернии под председательством Н. Ф. Рихтера как председателя губернской земской управы. Съезд этот созван был согласно Нормального устава, утвержденного в 1901 г., съехалось до 200 человек. Такой съезд уже собирался в 1902 г.

Согласно Нормального устава могли принимать участие в съезде только те гласные, кои были уполномочены на то своими земствами, т. е. специально избранные для участия в съезде; между тем съезд выбрал в председатели К. К. Мазинга, который хотя и состоял губернским гласным, но права участия в съезде не имел, не будучи на то уполномочен какой-либо земской управой или собранием. Я сообщил письмом, что по вышеизложенным причинам утвердить Мазинга председателем съезда не могу. Это произвело большое смущение, и съезд постановил отправить ко мне депутацию в составе Н. Ф. Рихтера — председателя губернской земской управы, И. В. Попова — председателя санитарного бюро, и А. Н. Мазинга, ссылаясь на традиции земских съездов, на которые всегда допускались все гласные.

Я ответил, что в моем требовании нет нарушения закона, что иначе я поступить не мог, так как для чего-нибудь же издан Нормальный устав, и если его не соблюдать, то он, значит, и не нужен, что же касается традиций, то откуда они могли взяться, когда это всего второй съезд после утвержденного Нормального устава.

Депутация ничего не могла мне возразить и, возвратившись в заседание съезда, доложила о моем решении. Председатель санитарного бюро врач И. В. Попов не мог при этом не подлить еще масла в огонь, начав говорить о притеснениях медицинского персонала, произволе администрации и т. п., предлагая даже закрыть съезд, но большинство участников решило произвести новые выборы. Выбрали князя А. В. Голицына — врача по профессии, председателя Звенигородской земской управы. Князь А. В. Голицын, так же как и Мазинг, не имел права участвовать на съезде в качестве члена, так как не состоял ни членом, ни председателем санитарного совета и не располагал полномочиями своего уездного земского собрания. Ясно было, что выбор Голицына представлял собой демонстрацию, так как всего месяц назад мной было сделано представление в Министерство внутренних дел об удалении его со службы за подговоры к неисполнению закона. Конечно, я опять должен был ответить отказом в утверждении Голицына, сославшись на несоблюдение Нормального устава, не дававшего права Голицыну быть избранным.

Съезд обиделся и решил прекратить занятия, вынеся по предложению врача Попова следующее постановление: «16-й губернский съезд представителей и членов врачебно-санитарных организаций московского земства, выслушав предложение губернатора о неутверждении избранного в председатели съезда председателя Звенигородской уездной управы князя А. В. Голицына и усматривая в толковании губернатора, вопреки сущности дела и точному пониманию устава, полное стеснение коллегиальной работы и изолирование земского медицинского персонала от представителей земств, признает невозможным плодотворно работать при наличии таких стеснений и отсутствии представителей земств. Не видя возможности в настоящее время устранить такие препятствия, вносящие в земское врачебное и санитарное дело полный разрыв с прошедшим, и не видя со стороны управы содействия к устранению таких препятствий, 16-й губернский съезд оказывается вынужденным, несмотря на всю неотложность обсуждения серьезных практически важных врачебно-санитарных вопросов и готовность с своей стороны заниматься, прекратить работы 16-го съезда».

Таким своим решением съезд себя выдал и подтвердил предположение, что большинство собралось на съезд не для дела, а исключительно для политики и агитации.

15 мая на квартире земского врача Измайловской земской больницы Елеонского арестовано было больше двадцати лиц, принадлежавших к социал-демократическому Крестьянскому союзу. При обыске и аресте в квартире было найдено много сожженных бумаг, брошенных в печь в момент входа полиции.

11 мая Государственная Дума отклонила закон, представленный министром юстиции о наказании за восхваление преступных деяний в речи или печати, а также и законопроект о дополнении воинского устава новой статьей — о порядке исполнения воинской повинности лицами, привлеченными к дознанию по государственным преступлениям или состоящими под гласным надзором полиции.

22 мая Дума отклонила законопроект Министерства юстиции «О предохранительных связках» (наручниках) для воспрепятствования побегу при поимке преступников, а также и об усилении ответственности за агитацию в армии.

25 мая близ г. Звенигорода в имении бывшем Медведниковых во время богослужения в местной церкви имел место ужасающий случай. Во время богослужения вошли в храм грабители с целью похитить чудотворную икону в ризе, стоимостью 40 000 руб. Во время пения «Херувимской» они внезапно выхватили револьверы, обратившись к священникам и публике со словами «Не трогаться с мест». Один грабитель заставил священника отступить в алтарь и запер его там, псаломщик вздумал вступиться, его тотчас убили. Другой грабитель бросился к иконе и молотком хотел разбить

стекло, но не успел, так как по набату стал сбегаться народ. Грабители, боясь быть окруженными, бежали из храма, отстреливаясь, и не успев ничего захватить, скрылись в соседнем лесу. Ранеными оказались вдова священника и 6 крестьян. Так и не удалось напасть на следы грабителей.

27 мая состоялась закладка памятника Н. В. Гоголю на Пречистенском бульваре в Москве. Торжество было очень скромное, как бы семейное, приглашены были кроме чинов Комитета по сооружению памятника очень ограниченное число лиц, даже гласные городской думы не были приглашены. Среди приглашенных были градоначальник Рейнбот, попечитель учебного округа Жданов, ректор Императорского Московского университета Мануйлов, председатель Общества любителей российской словесности А. Е. Грузинский. Я был в качестве члена Комитета. Присутствовал и художник-скульптор М. А. Андреев, автор памятника.

После молебствия спустились в фундамент, где и заложили доску с соответствующей надписью. Н. И. Гучков, городской голова, в двух словах передал историю постройки памятника, напомнив присутствовавшим, что первая мысль о сооружении памятника пришла А. А. Потехину в торжественный день открытия памятника А. С. Пушкину, 8 июня 1880 г. В том же году, спустя два месяца, последовало высочайшее соизволение на открытие всероссийской подписки, а через 10 лет учрежден был и самый Комитет по сооружению памятника. В прошлом, т. е. 1906 г., выбрано было место, удостоившееся высочайшего утверждения.

После Гучкова говорил А. Е. Грузинский, а поэт Гиляровский прочел стихотворение, написанное им к этому дню. После закладки все отправились в ресторан «Прагу» на завтрак. Художник Андреев приготовил очень интересное, художественно выполненное меню с изображением гоголевских типов. Самое меню было составлено из любимых блюд гоголевских персонажей.

1907 год 27 мая

Фриштик *

Закуски: грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, лепешки со всякими припеками: припекой с лучком, припекой с маком, припекой с творогом, припекой со сняточками и невесть что — со стола Коробочки.

Грибки с чабрецом, с гвоздикой и волошскими орехами, грибки с смородинным листом и мушкатным орехом — из кладовой Пульхерии Ивановны.

Колбасы и окорока, искусно приготовленные Гапкой из бурой свиньи, съевшей прошение Ивана Никифоровича.

Лабардан от купца Абдулина, по заказу А. Ф. Земляники.

* Фриштик — испорч. нем. frühstück — завтрак.

Рыбный магазин в Москве. Нач. 1900-х гг.

Арбуз в семьсот рублей, всякие солености и иные возбуждающие благодати.

Водки: на персиковых листьях, на черемуховом цвете, на золототысячнике, на вишневых косточках — из хозяйства Пульхерии Ивановны. Бутылки-толстобрюшки от купца Абдулина. Рябиновка, имеющая совершенный вкус сливок, из погреба г. Ноздрева. Горилка Тараса Бульбы, чистая, пенная. Горилка с выдумками, с изюмом и всякими вытребеньками, и другие.

1. Кулебяка на четыре угла, от П. П. Петуха.
2. Суп в кастрюльке прямо на пароходе из Парижа.
3. Осетр — произведение природы, с полицеймейстерской кухни.
4. Бараний бок, от Собакевича.
5. Вареники, от Пацюка.

Вина: Херес, портвейн, губернская мадера от купца Абдулина.

Бурдашка из погреба штабс-ротмистра Поцелуева.

Бургиньон и шампаньон вместе, из погреба г. Ноздрева.

Клико-матрадура с ярмарки, привоза его же, г. Ноздрева.

За завтраком было очень оживленно, много было остроумных речей, очень хорошую речь произнес Рейнбот по адресу городского управления.

28 мая в Государственной Думе разбирался вопрос об амнистии и для дальнейшей разработки передан был в комиссию. По этому вопросу выступал министр юстиции И. Г. Щегловитов, речь его сводилась к тому, что Дума не вправе принимать такой законопроект, что этим она берет на себя прерогативы верховной власти. Дума с этими доводами не согласилась.

30 мая в губернской земской управе получена была интересная бумага с взысканием с С. В. Челнокова 33 руб. 33 коп. Дело заключалось в следующем: когда Челноков 16 лет тому назад поступил на службу по земству и занял должность, сопряженную с правами государственной службы, то ему предстояло внести в фонд Александровского комитета о раненых сумму, равную части получаемого им оклада. Челноков отказался внести эту ничтожную сумму, говоря, что он не желает пользоваться правами государственной службы и заранее отказывается, и на будущее время, от чинов и орденов. Началась переписка, дошедшая до Сената, который и разъяснил, что лицо, отказывающееся от прав государственной службы, раз занимает таковую должность и получает содержание, должно и платить, поэтому и постановил взыскать причитающиеся с Челнокова деньги.

1 июня было полно тревог для Государственной Думы, так как в этот день от правительства было внесено в Думу следующее заявление: «5 мая полиция получила сведения, что помещение члена

Государственной Думы Озоля, в котором происходят фракционные заседания членов думской Социал-демократической партии, посещают члены военно-революционной организации. Сведения эти подтвердились арестами некоторых членов указанной организации, и это послужило поводом для производства обыска у Озоля. Обыском этим было установлено, что 55 членов Думы, составляющие социал-демократическую фракцию Государственной Думы, образовали преступное сообщничество для насильственного ниспровержения государственного строя путем народного восстания и осуществления демократической республики. В лице одного из своих членов — члена Государственной Думы Геруса 29 апреля того года в С.-Петербурге они, руководимые одной из организаций названного преступного сообщества, приняли наказ от частей войск Виленского и С.-Петербургского гарнизонов, приняли депутацию от войск, имели фальшивые паспорта для снабжения ими подпольных агентов и т. д. Эти 55 членов Думы на основании вышеизложенных данных привлечены в качестве обвиняемых и в силу закона подлежат временному устранению от участия в собраниях Думы, а 16 из них, наиболее видных, подлежат взятию под стражу».

Для обсуждения этого заявления в тот же день, 1 июня, назначено было в Думе закрытое заседание. По открытии его выступил Столыпин и решительно, открыто, категорически требовал немедленной выдачи обвиняемых депутатов. Дума не решилась на это и постановила передать рассмотрение этого вопроса в комиссию из 22 лиц, среди них 12 кадетов, с тем, чтобы комиссия высказалась по этому вопросу не позднее как через сутки. Это не удовлетворило правительство, и оно решило реагировать на эту оттяжку Думы роспуском ее.

2 июня заседание Государственной Думы открылось как обычно, и Председатель Головин предложил перейти к обсуждению основных положений о местном суде, стоявших на повестке дня. Член же Думы Церетелли внес предложение перейти к вопросам о бюджете и аграрному, а когда Головин ему заявил, что этого нельзя, так как этих вопросов нет на повестке дня, то Церетелли дерзко заявил: «Когда мы на пороге государственного переворота, то все формальности должны быть отброшены», а в конце речи сказал: «Правительство поставило штыки на повестку дня». Предложение Церетелли было отклонено Думой, и начались прения о местном суде. Этими прениями и закончились занятия Второй Думы, и на следующий день, 3 июня, Дума была уже распущена.

Ночь на 3-е чувствовалось большое напряжение, тревога. В 3 часа ночи Столыпин выехал в Петергоф к Государю с докладом о роспуске, вернулся на рассвете и немедленно сдал в сенатскую типографию манифест и указ о роспуске Думы, а в типографию «Правительственного вестника» — текст нового избирательного закона. В 10 часов утра уже все было отпечатано и расклеено по

улицам. Особого впечатления все это не произвело, так как все уже были подготовлены к такому финалу. [...]

Вслед за опубликованием манифеста и указов о роспуске Думы произведены были аресты. Первым был арестован Церетелли, за ним и другие, согласно постановлению судебного следователя по важнейшим делам. [...]

Оба наказа эти производили какое-то странное впечатление. Да и во всей формулировке обвинения, предъявленного к 55 членам Государственной Думы, чувствовалась какая-то натяжка и неискренность. Несомненно, конечно, что привлеченные в качестве обвиняемых члены Думы стремились к ниспровержению государственного строя, поставив себе это целью, но развить это дело путем установления связи с войсками вряд ли бы им удалось, если бы им в этом отношении не пришло на помощь охранное отделение путем провокации, в чем я убедился в бытность мою товарищем министра внутренних дел, когда случайно всплыло наружу дело Шорниковой, привлеченной вместе с вышеназванными 55 членами Думы в качестве обвиняемой. Дело ее как скрывшейся было приостановлено впредь до розыска, вместе с делом и 17 членов Думы, также скрывшихся.

Эта Шорникова оказалась жертвой охранного отделения. Она была замечена в политической неблагонадежности, была арестована, и охранное отделение, во главе которого стоял тогда небезызвестный полковник, впоследствии генерал, Герасимов, запугало ее так, что ей не оставалось другого выхода как согласиться сделаться орудием охранного отделения для спровоцирования членов Думы социал-демократической фракции. Она попала всецело в лапы охранников и принуждена была действовать по их указке; по их же указке она проникла в Центральный Комитет Социал-демократической партии, завязала с ними сношения, приобрела доверие и взялась установить связь социал-демократической фракции Думы с военной организацией. Для сего она взялась доставить во фракцию наказ от войск С.-Петербургского гарнизона, наказ этот был сочинен охранным отделением, Шорникова его переписала, затем ознакомила с ним несколько солдат, с которыми завела знакомство, и уговорила их отнести этот наказ во фракцию. Когда охранное отделение арестовало всех участников этой затеи, то, конечно, дало Шорниковой возможность скрыться, снабдив ее соответствующим паспортом, с которым она и жила нелегально до 1913 или 1914 г., когда она сама явилась местным властям и разоблачила себя. Это произвело большой переполох как в Департаменте полиции, так и в Министерстве юстиции, где боялись, что Шорникова, которой уже терять было нечего, выведет на свет Божий все, что с ней проделало С.-Петербургское охранное отделение, всю провокацию в деле социал-демократической фракции Второй Думы, члены коей находились уже на каторге в Сибири. Поднялась переписка, все,

кто были замешаны в этом грязном деле, чувствовали себя не особенно хорошо.

Это сказалось в переписке министра юстиции со мной. К сожалению, у меня она не сохранилась, и потому я боюсь быть неточным, если начну ее приводить. Суть была в том, что Щегловитов, отлично зная подкладку дела, так как процесс социал-демократов Второй Думы был при нем, ставил вопрос так, что он ничего не знает, но по делу видит, что Шорникова укрылась от суда, а потому ее дело надлежит поставить на суд, а ее взять под стражу; вместе с сим видно было, что он сам этого не хочет.

По сему поводу Председателем Совета Министров Коковцовым было созвано частное совещание министров для решения вопроса, как быть с этим делом. Я тоже был приглашен на это заседание, так же как и прокурор Петербургской судебной палаты Камышанский, захвативший с собой все судебное дело о членах Второй Думы. Помню два заседания, которые были у Коковцова на даче на Елагином острову. Больше всех волновался сам Коковцов, так как ему как Председателю Совета Министров пришлось бы выступать в Думе и давать объяснение, если бы дело получило огласку, а между тем он в этом деле решительно был ни при чем и, конечно, был им глубоко возмущен. Министр юстиции Щегловитов держал себя строго официально и все время стращал тем, что если Министерство внутренних дел не предпримет само каких-нибудь мер, чтобы затушить это дело, то надо будет дело поставить на суд, а тогда, ввиду новых данных, весь процесс придется пересмотреть, возвратить осужденных депутатов и т. д.

Видно было, что Щегловитов хочет умыть руки и предоставить все министру внутренних дел. Остальные министры больше молчали. Меня очень возмутило поведение Щегловитова, и я попросил слова. Я сказал, что Шорникова является жертвой правительства, что она была у меня, я ее видел, говорил с ней, что это совершенно конченая женщина, комок нервов, ее всю дергает, она не собирается ни мстить, ни разоблачать, на это у нее и сил больше нет, она просит ее судить, как будет угодно, лишь бы только легализоваться, так как жить так, как она жила эти 7 лет, она не в силах — от социал-демократов она должна скрываться, от правительственных властей также, это ей свыше сил.

Поэтому я находил, что судить ее и осудить тому же правительству, которое ее привело в такое состояние, недостойно, и в данном случае правительство является виновным перед ней, а не она. Я настаивал, что ее надо так устроить, чтобы она могла остаток дней своих прожить спокойно, надо ее вознаградить за все перенесенное, за все нравственные страдания, которые тяжелее физических, а перенесла она их благодаря правительству. А как это сделать, как достойным образом ликвидировать это дело — это уже дело министра юстиции. Я был горячо поддержан министром земледелия Кри-

вошеиным, а также Харитоновым. Коковцов обратился к Щегловитову, но тот опять уклонился и стал говорить о необходимости все дело социал-демократов Второй Думы пересмотреть, ввиду новых обнаруженных обстоятельств. Тогда я задал ему вопрос: «Если бы Шорникова вовсе не фигурировала бы в этом деле, то были бы виновны социал-демократы в посягательстве на ниспровержение государственного строя и были бы они осуждены так, как были осуждены?» Щегловитов ответил, что были бы. Этот ответ министра юстиции склонил всех на мою сторону, и Совет Министров поручил Щегловитову, как он там знает, но обставить это дело достойным для правительства образом.

В конце концов дело Шорниковой назначено было к слушанию в распорядительном заседании Сената на предмет его прекращения. В это заседание была вызвана Шорникова и я, как представитель Министерства внутренних дел, для засвидетельствования о том, что она принимала участие в деле социал-демократической фракции. Распорядительное заседание Сената и постановило — дело прекратить и освободить Шорникову от дальнейшего преследования. Вслед за сим я приказал ее снабдить заграничным паспортом и выдать ей железнодорожный и пароходный билеты для следования в Америку, куда она выразила желание ехать, и еще 500 руб. на расходы.

Уже после революции, во времена Керенского, Чрезвычайная комиссия по расследованию незаконных действий министров под председательством Н. К. Муравьева, наткнувшись при разборе дел Департамента полиции на дело Шорниковой, вызвала меня с фронта для дачи объяснения. Комиссия признала мои действия правильными, удивившись только моей скупости, что я дал Шорниковой такое ничтожное пособие.

Меня всегда интересовало, по инициативе кого прибегло охранное отделение к провокации, дабы ускорить падение Думы. Сомневаюсь, чтоб П. А. Столыпин участвовал в этом деле, не допускаю даже мысли, слишком он мне представлялся всегда чистым с нравственной точки зрения. Допускаю, что на это мог решиться С. Е. Крыжановский — товарищ министра внутренних дел, автор нового выборного закона, или И. Г. Щегловитов — министр юстиции, и что с молчаливого согласия их Герасимов — начальник охранного отделения — привел этот план в исполнение при поддержке директора Департамента полиции и с ведома товарища министра, заведовавшего тогда делами этого Департамента. Во всяком случае, вся эта история является печальной страницей за время министерства Столыпина, так как недостойно для правительства, себя уважающего, прибегать к провокации, в чем бы таковая ни выражалась.

Возвращаюсь, однако, к 1907 г. Как я уже говорил выше, одновременно с роспуском Думы был опубликован и новый избиратель-

ный закон. Закон этот сохранил общие основания действовавшего избирательного закона. Выборы, как и прежде, должны были производиться особыми собраниями выборщиков от тех же слоев населения, которые избирали и ранее. Ни один класс, ни одно лицо, имевшие избирательные права, не были лишены участия. Отличие нового закона заключалось в том, что он обеспечивал каждому классу населения известный обязательный минимум представительства. С другой стороны, новый закон давал преимущество культурным и устойчивым в общественном отношении классам, увеличивая число выборщиков от них в избирательных собраниях по сравнению с представителями некультурных классов, перевес коих в Первой и Второй Думах имел следствием переполнение Думы депутатами, совершенно неподготовленными к пониманию дел государственного управления. Наконец, новый закон сократил число представителей от тех окраин государства — Польши и Кавказа, которые не настолько еще слились с империей, чтобы депутаты их могли проникнуться пониманием общности их интересов с интересами коренного русского населения. На окраинах же, совершенно неразвитых в гражданском отношении, в Туркестане, степных областях и Якутской области, выборы были приостановлены. Одним словом, новый закон должен был дать в Думу представителей, имеющих уже опыт местного самоуправления и привыкших к мирной и спокойной работе.

В Москву весть о роспуске Думы пришла рано утром, принята была спокойно и не произвела сенсации, даже летучки о роспуске продавались туго. В рабочих сферах тоже наблюдалось полное спокойствие. Назначенный одновременно новый срок выборов действовал успокаивающим образом. На бирже наблюдалась даже тенденция к повышению. 4 июня я объехал верхом ряд подмосковных деревень и фабричных мест, чтобы лично убедиться, как население реагировало на роспуск; везде наблюдалось полнейшее спокойствие. Течение жизни нигде не было нарушено, настроение превосходное.

С 10 по 18 июня в Русской палате «Славянского базара» заседал Общеземский съезд; прибыло около 120 членов; председателем съезда избран был М. В. Родзянко. Направление съезда было правое, прения все шли главным образом вокруг избирательного закона, никаких инцидентов не было, держались строго деловой стороны.

В последнем заседании получена была весть о кончине графа П. А. Гейдена — крупного земского деятеля, пользовавшегося большим уважением во всех кругах. Н. Ф. Рихтер по сему поводу сказал несколько прочувствованных слов, была отслужена панихида, а семье почившего послана депеша с выражением соболезнования. Граф П. А. Гейден скончался 67 лет от роду. Он был заметной величиной в Первой Думе и, несмотря на свои годы, был живой, энергичный.

По политическим взглядам принадлежал к умеренным прогрессивного направления, никогда не боялся высказывать свои мысли и умел самые резкие из них облекать в безусловно корректную форму, даже изящную. Им руководили всегда чистые мотивы высшего порядка. Всякий, кто имел с ним общение, не мог не относиться к нему с уважением. 17 июня состоялся вынос его тела из гостиницы «Метрополь» на Виндавскую ж. д. для погребения в селе Глубоком Псковской губернии в родовой его усадьбе.

В это самое время я получил предупреждение из Департамента полиции, что, по имеющимся сведениям, на меня готовится покушение, и что потому им даны соответствующие указания Московскому охранному отделению для принятия мер к охране моей личности. Вслед за этим я получил письмо от товарища министра внутренних дел, заведовавшего делами Департамента полиции, с просьбой на некоторое время ограничить, насколько возможно, мои выезды и избегать выезжать на своей лошади, дабы меньше обращать на себя внимание. От охранного отделения я получил по нескольку экземпляров фотографий с нескольких лиц, на коих выпал жребий совершить покушение на мою жизнь. Фотографии эти рекомендовалось раздать дежурным при мне чиновникам особых поручений. Одновременно с сим охранное отделение командировало в мой дом для присутствия во время приемов двух агентов. Эти агенты смешивались с просителями, причем один из них всегда садился и брал газету и делал вид, что читает, а сам наблюдал за входящими, проткнув для сего пальцем газету, что было довольно комично.

Помню, на первый же день получения мною письма с предупреждением, я как раз собирался ехать к «Яру» обедать с несколькими друзьями. Меня отговаривали ехать, но я все же поехал, поехал на трамвае, чтоб не выезжать на своей лошади. Чрез некоторое время градоначальник мне сообщил, что один из злоумышленников арестован рано утром на улице, это был швейцарский подданный Виктор Брудерер, прибывший из Парижа месяц тому назад, как он сам объяснил, чтобы совершить покушение на мою жизнь, и что он намеревался привести это в исполнение у меня на приеме.

Вслед за сим был также арестован и другой — Ваня Коломийцев, совершенно случайно. При ликвидации группы максималистов был арестован некто Нил Ковальский, согласно его паспорта. Когда же на другой день его вымыли, так как он был крашеный, и смерили голову, то он оказался Ваней Коломийцевым. Об этом мне сейчас же сообщил градоначальник, прислав мне и новую его фотографию.

10 июня в г. Звенигороде состоялись выборы на должность председателя земской управы на место удаленного от должности князя А. В. Голицына. Избран был Ю. Г. Карпов, человек очень

хорошего направления, но, к сожалению, не дельный и неустойчивого характера, почему ему трудно было совладать с оппозиционными элементами звенигородского земства и у него далеко не все шло гладко.

Между тем в губернии стали ходить разные слухи по поводу роспуска Думы и нового избирательного закона, который злонамеренные агитаторы старались всеми силами изобразить в невыгодном свете, призывая к бойкоту его. Дабы парализовать эти слухи, я обратился к населению со следующим объявлением:

«3 сего июня Государь император повелел распустить Государственную Думу, указав срок созыва новой Думы на 1 ноября сего года. Новые выборы будут произведены по высочайше утвержденному того же 3 июня положению, в котором за всеми слоями населения сохранены избирательные права.

Между тем люди, стремящиеся к водворению в стране смуты и беспорядков, а также и некоторые газеты стараются распространить среди населения слухи, что новым положением о выборах в Государственную Думу нарушаются права населения и что даже самый роспуск Второй Думы не вызывался необходимостью. Такие слухи могут распространяться только крамольниками.

Государственная Дума второго созыва была распущена, как это объявлено в высочайшем манифесте 3 июня, за дело неслыханное. Судебною властью был раскрыт заговор целой части Государственной Думы против государства и царской власти. Когда же правительство потребовало временного, до окончания суда, устранения обвиняемых в преступлении этом пятидесяти пяти членов Думы и заключения наиболее уличаемых из них под стражу, то Государственная Дума не исполнила немедленно законного требования властей, не допускавшего никакого отлагательства.

Для каждого из нас вполне понятно, почему Дума второго призыва не могла более существовать и почему Государь император в неустанных заботах о благе народа должен был изменить способ призыва выборных от народа в Думу таким образом, чтобы каждая часть населения имела в ней своих действительных избранников и радетелей о нуждах народа, а не сеятелей смуты и заговорщиков против царской власти.

По новому положению о выборах ни одна часть народа не только не теряет своих избирательных прав, но напротив, эти права распределяются между различными группами населения более справедливо, нежели это было ранее. Крестьяне, рабочие, горожане и землевладельцы по новому положению обязательно выбирают из своей среды по одному члену Думы, что дает им возможность иметь действительных представителей их интересов в Думе, и уже одно это имеет громадное преимущество перед старым порядком выборов, при котором, благодаря преобладанию числа выборщиков от

какой-либо одной части народа, в Думу не могли проходить представители от всех слоев населения.

Я убежден поэтому, что население Московской губернии встретит новое положение о выборах в Государственную Думу с твердой верой в его благотворность и приложит все меры и все старание, чтобы выполнить при предстоящих выборах волю Государя императора об избрании членов Думы, достойных этого звания и тех надежд, которые возлагаются на них населением и которые, к великому сожалению, не были оправданы прежними избранниками народа. Прежний опыт слишком тяжел и достаточно поучителен для того, чтобы при новых выборах население не сознало всю важность лежащей на нем задачи. Не люди, преследующие преступные политические цели, не враги законной власти должны быть посланы в Думу, а приверженцы порядка и закона. Только они могут, работая рука об руку с правительством, создать счастье страны.

Я приглашаю население Московской губернии серьезно и вдумчиво отнестись к предстоящим выборам, не верить никаким злонамеренным толкам и принять все меры к сохранению порядка и спокойствия как во время выборов, так и до них. Лично я готов всеми силами содействовать населению в достижении этого, и как всегда дом мой открыт для всякого желающего получить от меня совет и разъяснение. Но самовольные нарушители порядка, подговорщики и все, действующие путем насилия и произвола, терпимы быть не могут. По силе данной мне власти, по долгу службы и в интересах всех благомыслящих граждан, я не остановлюсь даже пред самыми крайними мерами, чтобы сохранить спокойствие во вверенной мне губернии.

Флигель-адъютант его императорского величества Джунковский».

22 июня у меня в губернаторском доме открылась губернская землеустроительная комиссия [8] под моим председательством в составе: вице-губернатора, непременных членов губернского присутствия и уездных землеустроительных комиссий, представителей земских собраний, инспектора сельского хозяйства, управлявшего казенной палатой и представителей других ведомств. После молебствия в домовой церкви приступлено было к занятиям. В первую очередь решено было собрать и систематизировать все крестьянские приговоры о малоземелье, чересполосице и приобретении земель. Из уездных землеустроительных комиссий к тому времени уже функционировали Можайская, Звенигородская, Волоколамская, Подольская, Клинская и Богородская.

Выяснилось, что в земельный фонд поступило 13 000 десятин казенной земли, 12 000 десятин удельных и 7 000 десятин частновладельческих в Крестьянском поземельном банке. Решено было, что все ходатайства крестьян должны быть направлены в уездные земле-

устроительные комиссии, в их же распоряжение должен поступить и земельный фонд, кроме того, высказано было желание, чтобы уездные комиссии занялись бы также поднятием крестьянской земледельческой культуры, содействием к возникновению сельскохозяйственных обществ, кредитных товариществ и разных экономических мероприятий.

Благодаря тому, что состав землеустроительных комиссий не оставлял желать лучшего, что все непременные члены были люди дела, знающие, трудолюбивые, а некоторые прямо талантливые, работа с первых же шагов пошла очень успешно, и население Московской губернии, преимущественно фабричное и кустарное, мало интересовавшееся сельским хозяйством, постепенно прониклось интересом к нему, и не прошло и двух-трех лет, как все пустыри стали засеваться, крестьяне стали дорожить каждым клочком земли, поднимать культуру, появились кредитные товарищества, сельские общества, крестьяне стали переходить на отруба, появились хутора и т. д. Работа по землеустройству закипела, несмотря на отсутствие содействия со стороны земства.

Одновременно с открытием землеустроительных комиссий мною было обращено внимание и на улучшение межевой части в губернии. Для сего применены были две меры: 1. Увеличение личного состава чертежной, каковой состав был доведен до 16 человек межевых техников вместо 5, кроме того, по специальному делу землеустройства 37 селений бывших государственных крестьян на пространстве 16 000 десятин в Рогачевской волости Дмитровского уезда было особо командировано 10 землемеров. Я мог это сделать благодаря отзывчивости Управления межевой части и его начальника Н. А. Чаплина, на редкость предупредительного и достойнейшего человека. Число исполненных дел возросло до 150 вместо обычных 50—75, и процент успешности поднялся с 50 до 88. 2. Распространение среди населения, путем печатных объявлений, сведений о порядках возбуждения и исполнения межевых дел. Опыт показал, что мера эта во многих случаях подвигала частных владельцев и крестьянские общества на принятие мер к упорядочению своих поземельных и пограничных отношений.

5 июля состоялась закладка Сергиево-Елизаветинского трудового убежища для увечных воинов Русско-японской войны, устроенное и обеспеченное средствами, завещанными великим князем Сергеем Александровичем. На молебствии и закладке присутствовали великая княгиня, генерал-губернатор С. К. Гершельман, А. А. Рейнбот, помощник командующего войсками генерал Глазов, почетный опекун А. А. Пушкин (сын поэта), я и много других. После молебствия и закладки все были приглашены великой княгиней на чай, сервированный в палатке.

В этот день, среди бела дня, в Подольском уезде было совершено дерзкое ограбление Сухановского волостного правления во

время раздачи крестьянам деревни Калиновки денег за землю, отошедшую под Рязано-Уральскую ж. д. Когда крестьяне, получив деньги, отправились пить чай, а в правлении осталось всего несколько человек, появился неизвестный и с ним еще несколько с револьверами в руках. Крикнув: «Руки вверх!», они бросились к кассе, забрали 3500 руб. и, стреляя по крестьянам, бросившимся за ними, скрылись; только одного толпа поймала, и начался самосуд. Подоспевшим властям с трудом удалось прекратить расправу и отправить грабителя, еле живого, в тюрьму.

21 июля состоялось свидание Государя императора с императором германским Вильгельмом в Свинемюнде, куда прибыли две эскадры — германская и русская во главе с императорами. В течение 4 дней происходили торжества, смотры, маневры эскадр, завтраки, обеды то на германских, то на русских судах. Встреча была весьма сердечная. 27 июля Государь благополучно вернулся в Петергоф.

В начале августа я ездил в Петербург на полковой праздник Преображенского полка 6 августа. Полк был в лагере под Красным Селом, где и состоялся церковный парад в высочайшем присутствии, после чего все офицеры и начальствующие лица были приглашены к высочайшему завтраку в красносельской дворцовой палатке. Вечером я в полку не оставался, так как должен был ехать в Москву. Приехав в Москву, я в тот же день выехал в Коломну, в окрестностях коего города были маневры в присутствии генерал-губернатора С. К. Гершельмана.

20 августа в С.-Петербурге состоялось торжественное освящение храма Воскресения Христова на месте, где было совершено 1 марта 1881 г. покушение на жизнь царя-освободителя Александра II, когда он мученически скончался. На освящении присутствовал Государь, прибывший для сего на яхте из Петергофа. По Марсовому полю от набережной и до храма выстроены были шпалерами войска, среди коих и проехал Государь, восторженно приветствуемый войсками и народом. Освящение храма совершал митрополит Антоний. Великий князь Владимир Александрович, председатель комитета по постройке храма, и генерал-адъютант граф Татищев, его помощник, удостоились получения всемилостивейших рескриптов. Я, к сожалению, не мог быть на освящении, мне это тем более было досадно, что в 1883 г. я присутствовал на закладке храма, командуя взводом строевой роты Пажеского корпуса.

25 августа в Москве в помещении «Славянского базара» состоялся Общеземский съезд под председательством М. В. Родзянко. Съезд был очень малолюдный, кончился он 29 числа, главным образом обсуждался вопрос о мелкой земской единице [9]. Прошла формула графа Уварова, чтоб мелкая земская единица по ее законодательном утверждении вводилась только соответственно хо-

датайств губернских земств. М. В. Родзянко остался при особом мнении.

30 августа в 5 часов утра мне было доложено по телефону, что в Ильинском большой пожар. Решив тотчас ехать, я позвонил по телефону московскому бранд-майору Гартье, прося его не отказать поехать со мной. Он очень любезно согласился, и мы на автомобиле очень скоро добрались до Ильинского, куда прибыли в начале седьмого часа утра в самый разгар пожара. Горели деревянные службы у скотного двора и конюшни, огонь легко мог перекинуться на дворцовые постройки, которые все были деревянные. Мы застали на пожарище великую княгиню, которая ободряла служащих, потерпевших от пожара. Дружными усилиями пожарных частей из соседних деревень и пожарной команды Ильинского под руководством опытного Гартье огонь скоро был локализован и опасность миновала. В 10 часов утра я уже возвратился в Москву.

В это самое время в Финском заливе произошло очень печальное событие, к счастию обошедшееся без жертв. Во время плавания Государя императора в финляндских шхерах яхта Государя «Штандарт», огибая остров Гроншер, наскочила на подводный камень, не обозначенный на карте, и плотно села посредине. Удар был настолько силен, что котлы сдвинулись с мест. Государь с Государыней и августейшими детьми перешли на посыльное судно «Азия», на котором и провели ночь. На другой день прибыла яхта «Александрия», на которой их величества и продолжали плавание. Сначала предполагали, не было ли какого покушения, но затем скоро убедились, что это был просто несчастный случай. Виновным, конечно, был флаг-капитан его величества генерал-адъютант Нилов, который по своей должности являлся ответственным лицом во время плавания. Это был очень хороший человек и один из преданнейших Государю лиц; Государь в свою очередь очень любил Нилова, ценил его преданность и весьма снисходительно относился к его слабости к спиртным напиткам. Нилов постоянно сопровождал Государя везде, не только на море, но и на суше. Говорили, что финляндские лоцманы предупреждали, что на такой большой яхте, как «Штандарт», плавание в шхерах является небезопасным, но на это не было обращено внимания. Только через 10 дней удалось снять «Штандарт» с камня и отвести в док для капитального ремонта.

4 сентября в Москве состоялась закладка памятника в Кремле на месте злодейского убиения великого князя Сергея Александровича в присутствии великой княгини Елизаветы Федоровны, лиц ближайшей свиты и высшей администрации. Покоем к месту закладки был выстроен 1-й батальон 5-го гренадерского Киевского полка, шефом коего был покойный великий князь. Памятник — простой металлический крест древнерусского стиля по рисунку известного худож-

ника В. М. Васнецова, на небольшом фундаменте. Под звуки «Коль славен» была заложена доска с соответствующей надписью.

9 сентября в Москве торжественно открыт был виадук над путями Московско-Брестской ж. д. шириной 20 саженей. Это грандиозное сооружение соединило Тверскую улицу с Петербургским шоссе.

Я не был на этом открытии, так как ездил в Островскую волость Подольского уезда на выставку птицеводства, устроенную крестьянами. Выставка была очень интересна. В этой волости птицеводство было весьма развито и крестьяне особенно успешно занимались разведением особой породы кур, помеси французских пород с туземными. Здесь же, в селе Остров, я посетил два духовных приюта, устроенные епархиальным ведомством, открытые в 1871 г. Число призреваемых ко дню моего посещения было 400, из них на долю приюта слабоумных и эпилептиков, открытого в 1901 г., приходилось 40 мест. Приюты эти были отлично оборудованы, и призревавшиеся обставлены были прекрасным уходом и заботами.

12 сентября последовало увольнение государственного контролера Шванебаха и назначение на его место Харитонова. Харитонова я знал хорошо, познакомившись с ним на заседаниях Совета Министров в бытность мою товарищем министра внутренних дел, когда мне приходилось принимать участие в так называемых заседаниях Малого Совета Министров, которые происходили под председательством Харитонова. Мне он казался человеком умным, хорошо знающим все дела, отлично вел заседания и как председатель был очень приятен. Я лично, кроме хорошего, от него ничего не видел и вспоминаю его всегда с очень хорошим чувством и большим уважением.

14 сентября в помещении губернской земской управы состоялось открытие съезда общеземской организации. Съезд был многолюдным, из 34 земских губерний отсутствовали председатели только 10 губерний. Председатель князь Г. Е. Львов в небольшой речи обрисовал краткую историю возникновения общеземской организации и как она развивалась постепенно в течение 4 лет своего существования и остановился на главной деятельности организации по оказанию помощи голодающему населению.

Затем съезд подробно разбирал вопрос о переселенческом деле [10] и о желательности общеземской организацией прийти на помощь этому делу, тем более что и Столыпин, и князь Васильчиков, Председатель Совета Министров и министр земледелия, выразили желание, чтобы съезд обратил свое внимание на этот вопрос государственной важности. Князь Г. Е. Львов развернул при этом яркую картину постановки переселенческого дела во всей его грандиозности и со всеми неприглядными и даже ужасными сторонами этого дела и представил съезду, как мало нужно денег для того, чтобы обеспечить здоровую и спокойную доставку переселенцев на новые

места — по его мнению, достаточно было бы иметь всего два лишних вагона в каждом поезде для кухни и для больнички. После небольших прений съезд единогласно пришел к заключению взять на себя оказание помощи по переселенческому делу.

22 сентября в Москве состоялось скромное торжество закладки памятника первопечатнику русскому Ивану Федорову в сквере у Китайской стены, близ Третьяковского проезда. Инициатива сооружения этого памятника принадлежала Императорскому московскому Археологическому обществу, главным образом его энергичному председателю — глубокоуважаемой графине П. С. Уваровой. На торжестве присутствовали представители города и Археологического общества, градоначальник Рейнбот и секретарь Общества истории и древностей российских В. К. Трутовский. Положенная доска была с характерной, выдержанной старинным стилем надписью:

«Изволением Отца и споспешением Сына и свершением Духа, при благочестивейшем самодержавнейшем Государе императоре Николае Александровиче, в первопрестольном граде Москве подвиги и тщанием Императорского московского археологического общества, председателем онаго графиней П. С. Уваровой, Императорского общества истории и древностей российских, книжных ревнителей и доброхотных дателей, труды же и снисканием ваятеля С. М. Волнухина, зодчего И. П. Машкова и литерщика фрязина Ребенки создался памятник сей первому дела печатных книг мастеру диакону Ивану Федорову Москвитину в летох от создания мира 7415, от воплощения же Бога Слова 1907, месяца сентября в 21 день. Наше, убо есть, еже со смиренномудрием просити и начинати, Божие же еже миловати и совершати, тогох благодатию и человеколюбием, да пребудет всем грядущим по нас родам в память и вразумление. Аминь». Надпись эта была выдержана в стиле послесловия первопечатника Ивана Федорова к напечатанному им «Апостолу» [11].

28 сентября скончался председатель монархических партий в Москве и редактор издания «Московские ведомости», публицист и общественный деятель В. А. Грингмут. Это был яркий представитель самого крайнего консерватизма, человек безусловно образованный. Он происходил из евреев, принял православие и сделался ярым юдофобом, что не соответствовало его наружности — был он определенного еврейского типа. В Москве он сначала был преподавателем классических языков в Катковском лицее и сотрудничал во времена Каткова в «Московских ведомостях», помещая статьи в защиту классического образования. Затем он был директором лицея, а впоследствии, когда умер редактор «Московских ведомостей» С. А. Петровский, то на его смену явился Грингмут. 1 октября состоялись его похороны. Отпевание происходило в церкви епархиального дома в Лиховом переулке, была масса духовенства во

главе с митрополитом и очень много народа, преимущественно «союзники» [12]. Погребение состоялось на кладбище Скорбященского монастыря.

В конце сентября месяца я совершил ряд объездов школ Московского уездного земства. Объезды эти я делал верхом совершенно один, никого никогда не предупреждал, куда еду, поэтому мои посещения всегда были большой неожиданностью для учительского персонала. Во многих школах обнаружены были мною большие непорядки, что для меня не было неожиданностью — московское земство по своему направлению было одно из либеральнейших, а такие земства занимались всегда политикой в ущерб делу. Припоминаю следующие найденные мною непорядки. В селе Спасском, в 20 верстах от Москвы, я нашел в учебные часы школу закрытой. Учительница объяснила мне, что занятий нет, так как в этот день была получка жалованья и все учителя поехали в земскую управу. В Мневниках, в 8 верстах от Москвы, оказалось, что занятия в младшем классе еще не начинались, так как парты и учебные пособия не были еще доставлены из управы. В Хорошеве, в 6 верстах от Москвы, учительница не могла мне предъявить классного журнала, заявив, что таковой не получен еще из управы, а также и письменные приборы и учебники.

Вернувшись с объезда школ, я затребовал объяснение от Московской уездной земской управы, так как находил, что снабжение школ необходимыми пособиями должно было быть окончено к началу занятий, т. е. не позже 1 сентября. На мое предложение управа мне ответила пространной бумагой, приводя разные доводы, совершенно не заслуживавшие уважения, что вынудило меня предложить Московскому уездному земскому собранию рассмотреть неправильные действия управы и принять меры к восстановлению порядка в школах. Земское собрание ограничилось «принятием к сведению» моего заявления. Тогда я перенес этот вопрос в губернское земское собрание.

6 октября в Москву прибыл августейший жених великой княжны Марии Павловны принц Вильгельм Шведский, герцог Седерманландский. На вокзале была торжественная встреча. Эта предстоявшая свадьба была близка моему сердцу, так как моя сестра состояла при великой княжне с шестилетнего ее возраста. Естественно поэтому, что судьба великой княжны очень интересовала и мою сестру, и меня. Принц Вильгельм представлял из себя большого роста, худого, юного молодого человека, в нем было очень мало мужественного, производил он впечатление человека малообразованного и недалекого, но хорошо воспитанного; он был всегда вежлив и предупредителен. Мне лично он сразу не понравился, и я ничего хорошего от этого брака не предвидел. Мне казалось, что великой княжне, живой, образованной и всем интересовавшейся, скажу также, и избалованной жизнью, будет скучно с ним, безличным, ничем

не интересовавшимся, а это чувство скуки в брачной жизни до хорошего никогда не доводит. Так оно и вышло — через несколько лет они развелись.

8 октября открылось чрезвычайное губернское дворянское собрание, в коем главным образом обсуждался вопрос о реформе местного самоуправления. Собрание было открыто генерал-губернатором С. К. Гершельманом, после чего в зале Дворянского собрания был отслужен молебен по случаю избавления царской семьи от опасности при аварии «Штандарта». Генерал-губернатор и я были приглашены остаться на молебен. После молебна послана была от собрания верноподданническая депеша и приступлено было к прениям по делам местного самоуправления.

В результате, после долгих споров и страстных дебатов, собрание присоединилось вполне к мнению Ф. Д. Самарина, восторжествовавшему в собрании предводителей и депутатов дворянства, и выразило пожелания, чтобы реформа местного управления произведена была не путем одновременного коренного переустройства на новых началах всех тогдашних учреждений, а путем постепенно вводимых в действие частичных поправок и изменений, так как коренная ломка всех местных учреждений ввиду исключительных обстоятельств, которые переживала тогда наша Родина, признавалась несвоевременной, а предполагавшаяся реформа сельского управления, по мнению собрания, не могла бы достигнуть той цели, ради которой она предпринималась, и потому могла бы вызвать только целый ряд неудобств и существенных затруднений. Из всех мер, кои были предложены правительством, собрание находило полезным и даже необходимым в тех сельских населенных пунктах, которые тогда были лишены какой бы то ни было организации или по своему типу приближались к посадам, образование особой общественной организации, по своему характеру приближавшейся к городскому общественному устройству.

8 октября я выехал в Дмитровский уезд для ревизии подведомственных мне учреждений и ознакомился с уездом. Я начал с г. Дмитрова, где мною были осмотрены все, как правительственные, так и общественные, учреждения. Предводителем дворянства в то время был граф М. А. Олсуфьев, милейший человек, проживший бóльшую часть времени в уезде и весьма аккуратно относившийся к своим обязанностям; у него не хватало только знания дела, оно у него было поверхностное, и потому руководить деятельностью земских начальников он не мог, они были предоставлены сами себе. Его в уезде все глубоко уважали, врагов у него не было, и я думаю, никто про него никогда не сказал дурного слова, он себя держал очень скромно и был ко всем весьма доброжелателен. С земством у него тоже были налаженные хорошие отношения. Председатель земской управы Поливанов оставлял желать лучшего. Я не скажу, чтобы он плохо работал — он очень усердно и добросовестно

относился к своим обязанностям, но это был человек чересчур молодой, совершенно безличный, и он всецело подпадал под влияние служащих в земстве, влияние нехорошее, так как большинство их было весьма оппозиционно настроено, и земская деятельность в уезде была далеко не на должной высоте.

Крестьянское население в уезде было хорошо настроено, при объезде мною волостей никаких особенных прошений мне подано не было, и беседы мои с крестьянами доставили мне большое удовлетворение. При проезде моем по деревням в районе 2 стана случился небольшой инцидент: пристав этого стана Снытко, очевидно желая мне доставить удовольствие, старался приготовить мне встречу со стороны местного населения. Следуя перелесками из одной деревни в другую, я увидал на прогалине группу крестьян, как оказалось, вышедших ко мне навстречу из соседней деревни, через которую мой путь не лежал. Я остановился, расспросил их, как они живут, нет ли жалоб, прошений. Переговорив с ними и простившись, я приказал кучеру ехать дальше. В эту самую минуту я услыхал возглас за толпой: «Кричите ура, черти!» Толпа загалдела, я обернулся и увидел за толпой пристава Снытко. По возвращении в Москву в приказе по полиции я обратил внимание исправника Грибовского на бестактные действия пристава и дал по сему поводу соответствующие указания всем исправникам. Мой приказ, очевидно, произвел впечатление и обратил на себя внимание, так как был переведен и напечатан в Берлине в «Berliner Tagesblatt» * в виде особой корреспонденции из России под заглавием «Empfänge à la Potemkin» **.

Бедный старик Грибский, дмитровский исправник, был в отчаянии, что его подчиненный сделал такую глупость. Сам Грибский был честнейшим и благороднейшим человеком, все в уезде его уважали, это был уже старик, ему было за 60, и конечно, в его годы трудно было ему держать своих подчиненных в руках; я нашел довольно много дефектов в канцелярии полицейского управления.

В уезде я посетил и фабрику Лямина в Яхроме с пятью тысячами рабочих, обошел все мастерские, квартиры рабочих, школу, больницу. По устройству быта рабочих это была одна из лучших фабрик в губернии. Многие рабочие так сроднились с фабрикой, что работали из поколения в поколение. Я видел там много рабочих, которые уже 30 и более лет работают на фабрике. Беседа с рабочими доставила мне большое удовольствие.

Теперь постараюсь вернуться к 3 июня с. г., ко дню роспуска Второй Думы и обнародованию нового закона о выборах. Как я уже говорил, новый закон о выборах значительно изменял состав народных представителей, давая предпочтение буржуазным элементам.

---

* «Берлинский ежедневный листок» *(нем.)*.

** Прием в духе Потемкина *(нем.)*.

Автором этого закона был С. Е. Крыжановский, весьма талантливый, умный, бывший в то время товарищем министра внутренних дел и правой рукой Столыпина. Крыжановский отлично знал все слабые стороны характера Столыпина и очень умело и ловко ими пользовался для достижения тех или иных целей. По уму он был выше Столыпина, все смелые законопроекты, все распоряжения, как-то: закон 3 июня, земства в Западных губерниях, ограничения евреям и т. д. — все они инспирировались Крыжановским, который был их автором, но провести эти законы Крыжановский бы не мог, у него на это не хватило бы храбрости открыть забрало. Столыпин же, если так можно выразиться, был на это ходок, он был храбрый, смелый человек, открытый, и проводил он все эти «страшные» законы со свойственной ему настойчивостью. Таким образом, Крыжановский являлся ему незаменимым подручным.

К сожалению, Крыжановский, будучи по уму на голову выше Столыпина, по нравственным своим качествам стоял неизмеримо ниже. Он пользовался часто некрасивыми приемами, компрометировавшими Столыпина. Например, при выборах в Третью Думу Крыжановский как автор нового закона, не желая себя скомпрометировать, старался принимать всевозможные меры для того, чтобы большинство нового состава Думы получилось бы из людей, преданных правительству, с которыми легко было бы работать. Он старался воздействовать на губернаторов, вызывая их в Петербург и давая соответствующие указания сообразно местным условиям. При этом он не останавливался и перед подкупом на казенные средства, дабы провести в Думу желательных кандидатов.

Дело было так: в бытность мою в Петербурге я был приглашен к Крыжановскому, который мне стал говорить о подготовке к выборам по новому закону, спрашивая мое мнение, как я думаю сорганизовать предварительные съезды, какого размера ценза я буду придерживаться при подразделении съездов и т. д. После довольно долгого обмена мнений Крыжановский стал мне говорить, что Москва и Московская губерния являются как бы выразительницей мнения России, а потому особенно желательно, чтобы они дали желательных выборщиков, и что министр очень надеется, что Рейнбот и я примем все меры, чтоб достигнуть желательных результатов. Я ответил, что Московская губерния даже в Первую Думу дала умеренных депутатов, и потому я не вижу оснований опасаться, чтобы прошли нежелательные элементы. Тогда он меня спросил, не надо ли мне денег на расходы по выборам, что он может мне дать любую сумму, лишь бы только достигнуть результатов. Я был очень удивлен такому предложению, так как не привык к такой щедрости Министерства внутренних дел. Обыкновенно даже на самые неотложные нужды приходилось без конца писать, клянчить, чтобы отпустили хотя бы ничтожную сумму. Подумав и сообразив, что на

делопроизводство по выборам и на печатание разных объявлений у меня совсем мало средств, я поблагодарил и сказал, что это будет не лишнее.

Он при мне открыл железный шкаф, вделанный тут же в стене его кабинета, и я увидел обе полки, туго набитые пачками кредитных билетов. Он вынул несколько и предложил взять 15 000 руб., если это не мало. Я ответил, что такая большая сумма мне не нужна (я не подозревал, что мне хотят дать денег для подкупа, я даже не допускал этой мысли), и сказал, что мне достаточно несколько тысяч. «Ну возьмите пять, — сказал Крыжановский. — Если будет мало, вы всегда можете получить еще». Затем он просил меня дать расписку и сказал, что эти деньги даются бесконтрольно на выборы и что отчетность по ним надлежит доложить ему лично. Я написал на листке, что получил 5 000 руб., и уехал в Москву.

Благодаря этим деньгам я мог широко развить переписку по выборам, печатать, не стесняясь средствами, объявления населению и т. д., приобрел даже, как мне помнится, пишущую машину, одним словом, поправил несколько скудные средства канцелярии, накупив бумаги и разных канцелярских принадлежностей. Щедро расходуя эти деньги на делопроизводство и пригласив даже лишнего писца на эти средства, я не мог все же израсходовать более 2000 руб. с сотнями. По окончании выборов я составил перечень расходов, приложил оправдательные документы и отвез в Петербург вместе с оставшеюся у меня суммой. Не застав Крыжановского (он был в отъезде), я отдал оставшиеся деньги и отчет директору Департамента общих дел, прося его по возвращении Крыжановского передать ему от моего имени, и в тот же день уехал в Москву.

Когда я приехал в Петербург опять и поехал к Крыжановскому, то он обрушился на меня, что я не соблюл конспирацию и передал эти деньги и отчет чрез Департамент, когда об этих деньгах никто не должен был знать. Из полунамеков я понял, что расходовал их не для тех целей, для которых они были отпущены. Тут я только стал понимать, что эти деньги были для подкупа, потом же я окончательно в этом убедился после разговора моего с Рейнботом, который получил сумму значительно более крупную, чем я.

Хочу думать, что Столыпин в этом деле был ни при чем, он не решился бы на такой шаг, хотя, говорят, в западных государствах правительства при выборах всегда прибегают к подкупам.

Итак, еще в июне месяце я начал подготовительные работы по выборам в Думу, так как новый закон требовал самой тщательной подготовительной организационной работы по выборам в Думу. 17 июля я созвал под своим председательством совещание из уездных предводителей дворянства, председателей Московской губернской земской управы и Подольской и непременных членов. На этом совещании были разрешены вопросы относительно подраз-

деления предварительных съездов в каждом уезде в зависимости от характера участников в каждом из них. Затем совещание определило в каждом уезде ту долю ценза, с которой участники съездов должны были быть выделены в отдельную группу, а также и те уезды, где избирателей необходимо отделить и по роду ценза.

После этого совещание признало необходимым в Московском уезде, имевшем громадное число избирателей, образовать четыре съезда и еще один для крупных землевладельцев, в Богородском два съезда. Все эти постановления были затем сообщены в уезды, куда я командировал для разъяснения непременного члена М. Н. Оловенникова, выдающегося, способного, неутомимого работника, умного и тактичного.

Ознакомив таким образом с производством выборов по новому закону все инстанции на местах, наступило время и выборов. Весь сентябрь месяц происходили предварительные съезды: выбирали выборщиков, а 14 октября произведены были и окончательные выборы в Государственную Думу, давшие следующий результат: М В. Челноков — кадет, барон Н. Г. Черкасов — правый, барон Е. Е. Тизенгаузен — октябрист, барон А. А. Криденер-Струве — октябрист, крестьянин Спирин — правый, рабочий Захаров — социал-демократ. От г. Москвы 19 октября избраны были: Ф. А. Головин, В. А. Маклаков, А. И. Гучков и С. Ф. Плевако.

Таким образом, выборы в Третью Думу дали перевес правым партиям. Этому способствовало изменение избирательного закона, уменьшившее превалирующую роль неблагонадежных общественных элементов; но и помимо этой причины действовало и настроение обывателей, клонившееся в сторону порядка — революционная деятельность Первой и Второй Дум заставила встрепенуться людей порядка и объединила их, обеспечив удовлетворительный исход выборов.

15 октября в Петербурге пал жертвой террора начальник Главного тюремного управления Максимовский. Он был убит молодой девушкой 18—20 лет, Рагозниковой, которая явилась к нему под предлогом хлопот об облегчении участи брата ее мужа Новоселова, содержащегося в пересыльной тюрьме, прося разрешения заменить ему тюремный стол домашним, ввиду его болезненного состояния. Чиновник особых поручений посоветовал ей обратиться к инспектору тюрем Огневу, который ее и принял, удовлетворив ее просьбу. Но она, тем не менее, настаивала на приеме ее Максимовским и осталась в приемной. Как только Максимовский вышел в приемную, то Рагозникова выстрелила в него в упор из браунинга. Максимовский скончался чрез несколько минут. У убийцы найден был на теле мешочек, начиненный экстра-динамитом чрезвычайно разрушительной силы. Если б она успела дернуть за шнурочек, то от дома остались бы одни развалины. Оказалось, что она в июле

месяце сбежала из дома для душевнобольных, где находилась на испытании, будучи арестованной по политическому делу.

Осенью в приволжских и других городах России стали появляться случаи холерных заболеваний, а в начале октября в Коломенском уезде обнаружено было два подозрительных по холере заболевания. Я был очень встревожен этим и потому обратился к населению с нижеследующим предупредительным объявлением:

«В приволжских и других губерниях, находящихся в недалеком расстоянии от Московской, появились отдельные случаи заболевания холерой. Отнюдь, конечно, не желая преувеличивать той опасности, которою может грозить Московской губернии появление холеры на Волге, я тем не менее, по мудрой народной пословице «береженого Бог бережет», считаю необходимым предупредить население Московской губернии, что возможно и у нас ждать появления холеры ввиду постоянных сношений столицы с указанными местностями, в особенности теперь, когда происходят непрерывные сообщения с Нижегородской ярмаркой по железной дороге и по реке Москве. А если возможно ждать появления холеры, то конечно, необходимо теперь же, заблаговременно, принять все зависящие от нас меры к тому, чтобы предотвратить его и не допустить распространение болезни. Земские и городские управы по моему предложению уже делают все необходимые приготовления к тому, чтобы по возможности не допустить появления холеры в губернии. Полиции мною приказано строжайшим образом следить за чистотою в городах и селениях и в местах большого скопления народа — на фабриках, заводах и проч. Но все усилия мои и общественных учреждений не принесут никакой пользы, если само население не примет решительных мер оберечь себя от заразы.

Для этого прежде всего необходимо отнюдь не противиться беспрекословно исполнять все распоряжения врачей и полиции по санитарной части, а также изданные земством и городами обязательные санитарные постановления. Следует соблюдать самую тщательную чистоту в домах и на дворах, а в особенности в отхожих местах, которые в наших уездных городах и селениях находятся в ужасном виде. Затем надо обратить внимание на пруды и колодцы, теперь же вычистить их и привести в полную исправность, потому что зараза легче всего передается через воду, а следовательно, чистая вода есть необходимое условие при борьбе с холерой. Сырые овощи и плоды следует употреблять в возможно небольшом количестве. Неумеренного употребления вина следует всячески избегать, так как замечено, что холера прежде всего поражает людей, предающихся пьянству.

К владельцам фабрик, заводов, гостиниц, съестных лавок и других подобных заведений я обращаюсь с просьбою в точности исполнять изданные, на предмет содержания сих заведений, губернским

земством обязательные постановления, дабы не принуждать меня применять к владельцам заведения тех взысканий, кои определены московским генерал-губернатором за нарушение санитарных правил обязательным постановлением его от 26 сего августа, а население прошу помогать сим лицам соблюдением чистоты в упомянутых заведениях и вообще в местах большого скопления людей.

При таком соблюдении разумных санитарных мер, при исполнении всех требований врачей и полиции и при умеренном образе жизни я уверен, что с Божьей помощью холера минует Московскую губернию или ограничится самыми ничтожными единичными случаями».

Одновременно с сим я обратился с циркулярным предложением в Московскую уездную земскую управу и в другие, чтобы в больницах были отделены особые места на случай холерных заболеваний. Московская уездная земская управа ответила мне, что не может исполнить моего предложения, так как все места в больницах заняты госпитальными больными. Я был крайне возмущен таким ответом и предложил в ближайшем земском собрании обсудить такое недопустимое отношение управы к прямым своим обязанностям при таком серьезном положении вещей, когда каждый день можно ожидать появления холеры по течению Москвы-реки, а если даже ее и не будет теперь, то для встречи ее к весне надо быть готовыми.

24 октября состоялось освящение Московской окружной лечебницы для душевнобольных, состоявшей в ведении Министерства внутренних дел. Больница эта была построена при селе Троицком в Подольском уезде. Мысль о создании этой лечебницы возбуждена была еще в 1867 г. московским губернатором. Основной задачей больницы предположено было обслуживать Московскую и 9 прилегающих губерний, призревая главным образом иногородних по отношению к Москве больных, а равно поступавших по требованию судебных и административных властей. В 1900 г. население обслуживаемого округа исчислялось в 13 000 000 человек, а количество душевнобольных среди них 20 000 человек, из коих около 30% составляли «больные с затяжными формами душевного расстройства, по характеру своих болезненных припадков представлявшие, вне специального призрения, безусловную опасность для окружающих, для самих себя». Призрение этой категории больных признано было лежащим на обязанности государства. Эта категория больных имела также особое значение для государства, так как в ряду этих больных чаще всего встречались преступники, освобожденные судом от наказания по невменяемости, испытуемые по распоряжению суда и воинских присутствий и, наконец, помещаемые для пресечения их вредного влияния на окружающую их среду.

В план устройства лечебницы для такого рода больных и вошла широкая постановка дела не только лечения, но и общего воспита-

ния больных, в смысле так называемого «дисциплинирования», т. е. выработки в них общительности, доверчивости и привычки к труду.

Место, выбранное для Окружной лечебницы, по моему мнению, было неудачно: во-первых, ближайшая железнодорожная станция «Столбовая» была не узловой станцией, к которой можно было бы без пересадки доставлять больных из разных мест; во-вторых, от станции до больницы было 10 верст частью шоссированной, а частью грунтовой дороги, и способ доставки больных был очень неудобен; в-третьих, отдаленность лечебницы от крупного рынка должна была отразиться на стоимости всего потребляемого населением лечебницы.

Перед открытием лечебницы, еще за полгода, по моему настоянию Министерством внутренних дел была назначена ревизионная комиссия, а через три месяца — приемочная; в обе комиссии вошли и мои представители во главе с состоявшим при мне Г. И. Апариным, человеком, которому я безусловно доверял и считал очень опытным в строительном деле. Согласно актов этих комиссий все дефекты, найденные мною год тому назад и о которых я доносил министерству, подтвердились. От этого, конечно, было не легче, так как многие дефекты исправить уже нельзя было, как например, отсутствие помещений для персонала низших служащих на 300 приблизительно человек, а с семьями и до 1500. Уже после заключения этой комиссии главный медицинский инспектор действительный статский советник Малиновский поднял вопрос о переделке под квартиры для служащих части совершенно неприспособленных подвальных помещений, которые проектировались и строились нежилыми.

Вообще, к сожалению, пришлось констатировать факт необычайного легкомыслия, с каким решалось и осуществлялось дело постройки такого крупного сооружения, как эта лечебница. Из ознакомления с возражениями главного инженера по поводу моего заключения, а также и с авторитетными отзывами со стороны председателя медицинского совета тайного советника Рагозина и бывшего главного медицинского инспектора тайного советника фон Анрепа можно было вывести одно заключение: дабы парализовать впечатление, произведенное моим заключением по поводу упущения и ошибок в производившейся в то время постройке лечебницы, было пущено в ход все — от отрицания со стороны главного инженера фактов, которые вновь были констатированы работами последней комиссии, до перенесения центра тяжести на почву чисто личную.

Усилия высших представителей медицинского надзора увенчались успехом, и поднятый мною вопрос о немедленном принятии мер, могущих гарантировать правильное выполнение строительных работ, был признан возбужденным без достаточных оснований и потому был в то время погребен, и делу постройки лечебницы предо-

ставлена была полная возможность идти прежним путем. Когда же постройка была уже почти закончена, то конечно, никакие комиссии уже не смогли исправить сделанного, а могли только констатировать упущения и ошибки. Досадно было то, что если бы за полтора года до открытия лечебницы сторона, наиболее заинтересованная в целесообразном сооружении лечебницы — ведомство Медицинского департамента, пришла на помощь посильным моим стремлениям и обстоятельно потрудилась бы над выяснением истинного положения дела, то никто не был бы вправе сказать, что высшие представители медицинского надзора в лице тайных советников Рагозина и фон Анрепа виновны наравне с главным инженером в том, что центр России, давно и настоятельно нуждавшийся в лечебнице для душевнобольных, будет иметь ее не удовлетворяющую современным научным требованиям.

Директором лечебницы назначен был доктор медицины Колотинский — человек, по-видимому, очень хороший, добросовестный, опытный и весьма ретиво принявшийся за дело. Но условия были так трудны, что надо было удивляться, как он еще справлялся с делом. Входя в его положение, я всячески старался ему прийти на помощь и дал ему разрешение обращаться ко мне постоянно во всякое время по телефону.

30 октября в Москве произошел грандиозный пожар — сгорел Солодовниковский театр, одно из лучших театральных зданий. Пожар возник в четвертом часу утра. В суматохе забыли пустить так называемый «дождь», не воспользовались пожарной сигнализацией и не опустили железного занавеса.

1 ноября в Петербурге было торжественное открытие Государственной Думы третьего созыва. В 11 часов в думском зале митрополитом Антонием отслужен был молебен в присутствии действительного тайного советника Голубева, Кабинета Министров и членов Думы. После молебствия — гимн, исполненный три раза, подхваченный громкими криками «ура!» Затем депутаты разместились по своим местам, и действительный тайный советник Голубев в мундире, с александровской лентой через плечо взошел на кафедру и произнес следующую речь: «Государь император, удостоив меня высокого поручения, повелев мне при открытии заседания Государственной Думы третьего созыва передать от монаршего имени, что его императорское величество всемилостивейше приветствует вновь избранных членов Государственной Думы и призывает благословение Всевышнего на предстоящие труды Государственной Думы для утверждения в дорогом Отечестве порядка и спокойствия, для развития просвещения и благосостояния населения, для укрепления обновленного государственного строя и для упрочения великого нераздельного государства Российского. По указу его императорского величества открываю первое заседание Государственной Думы».

Речь действительного тайного советника Голубева была выслушана стоя, покрыта громкими криками «ура!», два раза она была прерываема возгласами «Да здравствует Государь император! Ура!».

После речи представителя Государя было приступлено к выборам Председателя. Председателем Думы избран был Н. А. Хомяков 371 голосом. Голубев уступил председательское кресло Хомякову, низко ему поклонившись. Н. А. Хомяков обратился к членам Думы с следующими словами: «Вам угодно было, господа, возложить на меня обязанности Председателя Государственной Думы. Я не должен отказаться от этой великой чести, несмотря на то, что чувствую свое бессилие, недостаточное знание, недостаточный опыт. Я всхожу на эту эстраду с недоверием к себе, но я должен принять ваш приговор, ибо я вошел сюда, на эту эстраду, с другой верой, верой в светлую будущность великой и нераздельной России. С непоколебимой верой в ее Думу, с верой в вас, господа. Я верю, нет, я знаю наверно, вы все пришли сюда, чтобы исповедать ваш долг пред государством. Вы пришли сюда, чтобы, умиротворив Россию, покончить вражду и злобу партийную. Вы пришли сюда, чтобы уврачевать язвы исстрадавшей Родины, осуществляя на деле державную волю царя, зовущего к себе избранных от народа людей, чтобы осуществить тяжелую и ответственную государственную работу на почве законодательного государственного строительства. Бог вам в помощь, господа. *(Бурные аплодисменты.)* Следующее заседание будет назначено своим порядком, и о нем будет объявлено особо повестками. Заседания не может быть до представления избранного вами Председателя Государственной Думы его императорскому величеству. Объявляю заседание закрытым».

Открытие Думы ничем не отозвалось на настроении народном. В Петербурге царило некоторое оживление на улицах, главным образом на прилегающих к Думе, в Москве этот день ничем себя не проявил.

2 ноября Председатель Думы был принят Государем императором в Царском Селе, прием был весьма милостивый.

5 ноября в Государственной Думе состоялись выборы Президиума. Товарищами Председателя оказались избраны князь Волконский — правый, он же и заместителем Председателя, и барон Мейендорф — октябрист. Секретарем избран Сазонович — правый. Состав Третьей Думы резко отличался от составов Первой и Второй Думы. Представитель социал-демократической фракции Покровский в одном из первых заседаний Думы назвал Думу третьего созыва «Думой 3 июня, Думой контрреволюции», за что был неожиданно награжден оглушительными аплодисментами правых.

5 ноября командиром Гренадерского корпуса в Москве вместо генерала Сандецкого назначен был генерал-лейтенант Экк. По своему характеру это была совершеннейшая противоположность

Сандецкому. Экк представлял собой воплощение деликатности и благожелательности. Строгий к себе, скромный, красивый, представительный, он был обворожителен в обращении своем с равными и подчиненными, с начальством держал себя с достоинством. Офицеры и солдаты после строгости и грубости Сандецкого вздохнули свободно. К сожалению только, Экк был чересчур добр и доверчив, и находились люди, которые этим доверием злоупотребляли.

8 ноября я получил отпуск и выехал на Кавказ к моему брату, который в то время был членом Совета наместника в качестве представителя Министерства финансов и торговли. Наместником на Кавказе был граф Воронцов-Дашков — этот благороднейший, чудной души человек, весьма обаятельный в обращении. Долгое время он был министром императорского двора во все время царствования Александра III и в первые годы царствования Николая II.

Так как в то время на Кавказе только-только начинало восстанавляться спокойствие, и сообщение по Военно-Грузинской дороге сопряжено было еще с известным риском, а мне непременно хотелось проехать от Владикавказа до Тифлиса в экипаже, то для безопасности я взял с собой, кроме моего камердинера, еще одного стражника, казака Терской области из бывших конвойцев, семья которого проживала на родине близ Владикавказа. Прекрасно и со всеми удобствами, в отдельном вагоне, предоставленном мне благодаря любезности и предупредительности начальника Московско-Курской ж. д. инженера Добровольского, я доехал до Владикавказа.

По выходе из вагона я был приветствован помощником наказного атамана Терского казачьего войска генералом Орбелиани. Оказалось, что граф Воронцов-Дашков, узнав от моего брата, что я еду в Тифлис, сделал распоряжение, чтобы мне было оказано содействие к благополучному проезду по Военно-Грузинской дороге. Такая предупредительность меня глубоко тронула. Почтовая коляска, запряженная четверкой, стояла уже у подъезда станции. Поговорив с Орбелиани, который был товарищем по Пажескому корпусу и по Гусарскому полку с моим двоюродным племянником князем Хилковым (толстовцем) и большим его другом, поблагодарив его очень за любезность, я с моими спутниками сел в коляску и двинулся в путь, заехав с визитом к начальнику Терской области. Когда я от него отъехал, направляясь на Военно-Грузинскую дорогу, проехав мост через Терек, я услыхал за собой топот копыт. Обернувшись, я увидел лихо и красиво мчавшихся казаков-терцев. Когда они поравнялись с коляской — их было 6 казаков, то старший мне доложил, что прислан наказным атаманом сопровождать меня. Мне это было не особенно приятно, так как стесняло меня, но нарушить распоряжение я был не вправе, и пришлось подчиниться. Всю дорогу до самого Тифлиса меня конвоировало от 4 до 6 казаков,

сменяясь каждые 10—15 верст. Кроме того, что это было стеснительно, оно и было накладно, так как каждому казаку я давал по серебряному рублю, а старшим — по три. Оказалось, что власти весьма опасались нападения горцев, два почти года почтового сообщения по Военно-Грузинской дороге не было, я был первый пассажир, который проехал по этой дороге после восстановления почтовых станций. Я никогда не забуду того, скажу потрясающего, колоссального впечатления, которое на меня произвело это путешествие. Как мал и ничтожен я казался себе перед представившимся моему взору величием природы.

Целый день мы ехали безостановочно, меняя лошадей на каждой станции, погода была теплая, проехали станции Балта, Ларс с Дарьяльским ущельем, замок Тамары, приехали на станцию Казбек, где остановились, чтобы позавтракать. Как раз против станции высился Казбек со своей снежной вершиной, но удивительно, он не производил впечатления своей громадой. Утро было чудное, и лучи солнца играли и переливались на укутанной снегом вершине. Трудно было оторваться от этого зрелища. Позавтракав шашлыком из «карачаровского барашка», выпив хорошего кавказского вина, я двинулся дальше. От Казбека температура постепенно понижалась, воздух стал делаться реже, прозрачнее, на дороге появился снег. Около станции Коби его было уже много, а по мере подъема его все прибавлялось, по сторонам расчищенной дороги кое-где были устроены высокие стены из снега против метелей, а на более открытых местах — деревянные туннели. На самой высшей точке, Крестовой горе, между Коби и Гудауром весь видимый горизонт был покрыт снежной пеленой, ни одного деревца, ни одной темной точки не было видно, все вокруг бело, а над этим снегом ярко-синее небо; солнце светило так ослепительно, что на снег невозможно было смотреть. С этого места начался спуск к Гудауру, где было еще 8° мороза. От Гудаура шел крутой спуск к Млетам, дорога шла извилинами. Станция Млеты видна была сверху, она казалась маленькой точкой. Тринадцативерстный спуск до Млет мы сделали на паре лошадей. Привычные лошади очень ловко удерживали на крутых спусках экипаж. Снег быстро стал исчезать, таял, и когда мы приехали в Млеты, то и следов снега уже не было, было 5° тепла.

Млеты — это очень комфортабельная станция, и на ней обыкновенно все ночуют, но так как я совершил переезд этот неимоверно быстро и было еще совсем светло, то решил для выигрыша времени проехать еще одну станцию и прибыл в Пассанаур. Там меня ждали только на следующее утро, ничего не было приготовлено, и пришлось кое-как устроиться в плохонькой комнатке на сомнительном по чистоте диване. В Пассанауре было совсем тепло. Воздух был мягкий, странным казался этот резкий переход от зимы к лету. Переночевав кое-как, рано утром двинулись дальше, проехали станцию Ананур, красивую Душетскую долину, Мцхет с древним монастырем. В Мцхете меня встретил мой брат, и оставшиеся 20 верст

мы сделали вместе. Я долго был под впечатлением величия природы Военно-Грузинской дороги, оно было гораздо сильнее того, которое я испытывал при переезде чрез Альпы. В Тифлисе я прожил у брата около двух недель и вернулся в Москву в конце ноября, проехав обратный путь по железной дороге, кружным путем, через Баку.

За время моего отсутствия Москва оказалась свидетельницей редкого празднества. 12 ноября И. Е. Забелин, хорошо известный Москве своими многочисленными историческими трудами на пользу отечественной истории, профессор-историк, товарищ августейшего председателя Императорского исторического музея, праздновал 70-летие своей государственной службы. Маститый юбиляр, несмотря на свой преклонный возраст, был еще довольно бодр и продолжал всем интересоваться и работать на пользу истории. Исторический московский музей всецело обязан Забелину своим существованием, он явился организатором его и создателем. Все слои московского общества чтили, уважали и гордились им — это ясно сказалось на юбилее, когда со всех уголков России маститый юбиляр получил бесчисленное количество приветствий, когда вся Москва перебывала у него в этот день. Государь император почтил И. Е. Забелина следующей милостивой депешей: «В день 70-летней годовщины столь плодотворной деятельности Вашей на поприще отечественной истории от души приветствую Вас, уважаемый Иван Егорович, и сердечно желаю Вам силы и здоровья для продолжения столь полезной службы Вашей великой России. Николай».

В Государственной Думе за время моего отсутствия работа стала налаживаться. 13 ноября в Думе разбирался вопрос об адресе Государю императору в ответ на царский привет, причем на обсуждение предложен был нижеследующий текст, выработанный октябристами: «Всемилостивейший Государь! Вашему императорскому величеству благоугодно было приветствовать нас, членов Государственной Думы третьего созыва, и призвать на предстоящие нам законодательные труды благословение Всевышнего. Считаем долгом выразить Вашему императорскому величеству чувства преданности верховному вождю Российского государства и благодарность за дарованное России право народным представителям упрочить основные законы империи. Верьте нам, Государь, мы приложим все наши силы, все наши познания, весь наш опыт, чтобы укрепить обновленный манифестом 17 октября Вашей монаршей волей государственный строй, успокоить Отечество, утвердить в нем законный порядок, развить народное просвещение, поднять всеобщее благосостояние, упрочить мощь нераздельной России и тем оправдать доверие к нам Государя и страны».

Предложенный текст вызвал горячие дебаты: трудовики протестовали, требуя повторения адреса Первой Думы, кадеты требовали упомянуть слово «конституция», правые — вставки слова «самодер-

жавного». Особенно красивую, яркую речь произнес член Думы Плевако, защищая текст адреса. Оратор призывал к миру и успокоению: «Перед монархом нет ни пасынков, ни париев. Есть русские граждане, и долг их сказать монарху, уделившему права народным представителям, что они будут беречь эту храмину гражданской свободы. Прошли 2 года, и до сих пор еще не пришло русское спасибо к подножию трона. Спасибо за великую победу, одержанную Государем: он победил соблазн власти и от своего могущества уделил часть народу своему».

Обращаясь к кадетам, Плевако сказал: «Вы требуете внесения слова «конституция». Но это слово не вошло еще в жизнь, и вы сами это отлично поняли, переименовав Конституционно-демократическую партию в Партию народной свободы, ибо слово «конституция» только трещит в ушах, и услышав это слово, какой-нибудь крестьянин скажет своему соседу: «Много я слышал мудреных слов от господ кадет, но что к чему, мне знать не дано».

Затем он обратился к правым: «С кем спорите? С самим главой государства. До 17 октября был такой порядок, что учитель физики писал законы, заставляя жизнь их исполнять, а теперь жизнь будет диктовать законы, а дело учителя — их записывать и замечать. Поймите это, поймите, что монарх не поймет вашего обращения. Он скажет: «Я признал вас взрослыми, я надел на вас тогу мужей, а вы просите детскую рубашку». И я вам скажу: не прикасайтесь к помазаннику Божьему, не возражайте против его воли и подчиняйтесь его царственной воле. Я знаю, теперь в ваших сердцах образуется некоторая пустота, сквозь щели, заполненные страхом перед властьпредержащими. Я скажу вам — наполните эту пустоту истинной любовью к нашей Родине». После речи Плевако текст адреса был принят большинством Думы.

16 ноября Председатель Совета Министров выступил с декларацией правительства. Столыпин говорил громко, внятно, подчеркивая отдельные слова и выражения. Он наметил правительственную программу в общих чертах, говорил о необходимости совместной правильной работы правительства и Думы и сказал, что правительство внесет свои законопроекты, в общем те же, что были внесены во Вторую Думу, но прибавил при этом, что с тех пор обстоятельства изменились: «1. Для всех ясно, что разрушительное движение, вызванное в стране крайними левыми партиями, перешло в открытое разбойничество, разоряющее мирное население и развращающее молодое поколение. Этому движению можно противопоставить только силу *(взрыв аплодисментов центра и крайних правых)*. Одновременно с сим, видя спасение в силе, правительство все же находит необходимым скорейший переход к нормальному порядку. 2. Правительство не допустит, чтобы его агенты своей политической деятельностью проявляли бы свои личные политические взгляды *(аплодисменты справа)*. 3. Правительство потребует внутренней дисциплины в школах, несмотря на изменившиеся условия

(аплодисменты справа). 4. Правительство ждет от Думы обличения незаконных действий администрации, в чем бы они ни выражались — в превышении ли власти или в бездействии. 5. Спокойное внутреннее устроение, — говорилось в декларации, — недостижимо без улучшения быта коренных земледельческих классов. Улучшение это правительство находит возможным достигнуть только старым земельным законом, изданным уже в порядке 87 статьи. В издании этого закона правительство видит исполнение своего долга, оно допускает, что Дума подвергнет его критике, но надеется, что она его санкционирует».

Затем Столыпин, коснувшись судов, высказал от имени правительства пожелание, чтоб оно не было доведено до необходимости, хотя бы временно, ограничить судебную несменяемость. Это последнее вызвало после декларации большие протесты со стороны кадетов. В заключительных словах Столыпин призывал Думу к совместной работе, обеспечивающей «прочный правовой уклад», заявляя при этом, что у нас существует новый «представительный» строй. Это слово он повторил дважды, как бы подчеркивая его. Но вместе с тем Столыпин говорил и об «исторической самодержавной власти». По мысли Столыпина, нормальный порядок в обновленной России являл представительный строй, и только в минуты исторических потрясений верховная власть, во имя блага страны, проявляет свою самодержавную волю.

В ответ на декларацию выступили представители всех партий: от октябристов — А. И. Гучков внес формулу простого перехода к очередным делам. От правых умеренных — граф Бобринский заявил, что Первая Дума шельмовала правительство, Вторая осаждала, а Третья будет содействовать правительству. От крайних правых — Марков 2-й обратился с приветом к правительству «самодержца всероссийского» и находил программу правительства правильной, говоря, что если правительство наполовину все выполнит, то и тогда Россия воссияет. От социал-демократов — Покровский напомнил своей речью речь Церетелли во Второй Думе, но без той смелости; он говорил, что социал-демократическая фракция будет работать в Думе, урывая у большинства какую-либо уступку для рабочего люда, будет разоблачать народных начальников и т. д. От Польского коло — Дмовский говорил о разорении культуры окраин и насильственном политическом обрусении, и что если и впредь правительство будет вести такую же политику, то поляки не помирятся с положением граждан второго сорта. От кадетов — В. А. Маклаков коворил, что декларация вызовет глубокое чувство скорби и печали. «Пароксизм революции кончился, и наступило время реформ, а между тем там все признаки революции, все то же, и ни малейшего желания поставить силу на твердую почву права. Только люди, которые не любят правды, могут выступать с апологией

силы». Затем он протестовал против угроз нового ограничения независимости судей и сказал, что трудно ожидать осуществления манифеста 17 октября от тех, кто хотел бы этот манифест ликвидировать.

В ответ на эти обвинения Столыпин выступил вторично. Он защищал акт 3 июня: «В этом акте проявилось право Государя спасать вверенную ему Богом державу», и прибавил по адресу правых, что Государь даровал представительный строй, «обязательный для всех». Отвечая Маклакову, сказал, что правительство не грозит отменить несменяемость судей, но при теперешних политических условиях судебный аппарат иногда может оказываться слишком тяжеловесным. Что касается партийности чиновников, то правительству необходим совершенный исполнительный аппарат. «Напрасно, — говорил Столыпин, — обвиняют правительство в желании стиснуть страну в тисках произвола. Мысль правительства — поднять население до возможности разумно пользоваться гражданской свободой, а для этого надо поднять культуру, создать мелкую собственность, поднять благосостояние». Отвечая Дмовскому, Столыпин сказал: «Правительство не против демократизации местных самоуправлений, но эти учреждения должны явиться национальной силой. Поляки должны сплотиться общим цементом с русским населением. Имя русского гражданина должно быть для них дорого, и на все их последние разрушительные попытки правительство скажет им: «Нет».

При дальнейшем обсуждении, когда с резкой критикой правительства выступил член Думы Ф. И. Родичев, произошел небывалый скандал. Заговорив о попрании суда, палладиуме правосудия, Родичев сказал: «В чем ваш палладиум? В этом? — и нервным движением руки изобразил, как вздергивают человека на виселицу. — Вот ваш палладиум. Пуришкевич назвал его муравьевским воротником, а смотрите, скоро его назовут столыпинским галстухом».

Бурные и неудержимые вопли протеста послышались на эти слова. Все повскакали с мест, бросились к трибуне с поднятыми кулаками, угрозы, проклятия слились в один гул. Столыпин и все министры покинули зал. Хомяков оставил кресло Председателя и ушел, Дума была предоставлена сама себе.

Родичев стоял бледный как полотно и, по-видимому, хотел что-то сказать, но ему не давали говорить; он сошел с кафедры и, окруженный своими товарищами по партии, вышел из зала. Все разошлись по фракциям для обсуждения инцидента. Родичев был вызван в министерский павильон, где после разговора с уполномоченными от Столыпина Щегловитовым и князем Васильчиковым он принес извинения Столыпину.

Через час заседание Думы возобновилось. Хомяков предложил исключить Родичева на 15 заседаний, применив к нему таким образом высшую меру. По наказу Родичев имел право дать объясне-

ние. Он сказал: «Я беру свои слова обратно, личные свои извинения я уже принес господину Председателю Совета Министров, а теперь только прошу, чтобы слова мои были точно воспроизведены в стенограмме. Тогда вы убедитесь, что то, что я говорил, было искренно и соответствовало объективной правде». Большинством голосов против 96 Родичев был исключен на 15 заседаний. На кафедру после этого вошел член Думы Крупенский и предложил выразить Столыпину волнующие их чувства. В это время в ложу вошел Столыпин, гром аплодисментов встретил его.

17 ноября получена была резолюция Государя на адрес Думы: «Готов верить выраженным чувствам. Ожидаю плодотворной работы».

21 ноября в Москве произошло покушение на жизнь генерал-губернатора Гершельмана, когда он ехал в санях со своим адъютантом князем Оболенским, направляясь в военный госпиталь на празднество 200-летия со дня основания госпиталя. Когда генерал-губернатор поворачивал с Хапиловской улицы в Госпитальный переулок, то какая-то женщина, сидевшая на скамейке у ворот какого-то дома с корзиной, наполненной рыбами, вскочила и быстро что-то бросила по направлению к саням. Раздался страшный взрыв. Когда дым взрыва рассеялся, то представилась следующая картина — слева от саней стоял генерал-губернатор и рядом с ним князь Оболенский, с земли невдалеке поднимался кучер, раненые лошади бились в агонии, около них ничком лежала женщина.

Гершельман с князем Оболенским взяли извозчика и доехали на нем до госпиталя, кучера доставили туда же в приемный покой, он был легко ранен и скоро оправился. Преступница была жива, у ней был вырван один глаз, разбита часть черепа и повреждена нога. В карете «скорой помощи» ее отвезли в Басманную больницу; оттуда, после перевязки, — в тюремную. Она потом оправилась, ее судили, имени ее так и не узнали, приговорена была она к смертной казни.

Генерал-губернатор приехал в госпиталь совершенно спокойный, как будто ничего особенного не произошло, все его приветствовали. Началось торжество, молебствие, после чего Гершельман сказал несколько слов, что Государю императору благоугодно было в ознаменование 200-летия существования Московского военного госпиталя, долгое время бывшего первой и единственной в России школой медицинских знаний, присвоить наименование «Московский генеральный императора Петра I военный госпиталь», а несущим службу в оном дать права ношения особого нагрудного знака и шифра на погонах с инициалами державного основателя.

Начальником госпиталя в то время был генерал-майор Синельников, которого я не могу не вспомнить добрым словом. Это был редкой души человек, необыкновенной, христианской кротости и смирения, очень строгий к себе и снисходительный к другим. Он долгое время был штаб-офицером комендантского управления

(плац-майором) и тогда еще стяжал себе славу гуманнейшего и справедливейшего. Офицерство, которое ему многим обязано, всегда будет вспоминать его с признательностью.

Я вернулся в Москву с Кавказа 24 ноября, узнав о покушении на Гершельмана в вагоне; по приезде я вместе с представителями подведомственных мне губернских учреждений был у генерал-губернатора, и в память чудесного спасения его жизни мы поднесли ему икону святого ангела-хранителя от имени всех чинов губернаторского управления.

Гершельман получил массу депеш, приветствий. От Государя императора: «Приветствую Вас от души с явлением над вами милости Божией. Продолжайте служить в полном сознании честного исполнения долга передо мной и Родиной. Николай». От великой княгини Елизаветы Федоровны: «Мои мысли и молитвы всем сердцем с Вами и Вашей женой. Надеюсь, Ваше здоровье хорошо. Елизавета».

26 ноября я присутствовал на параде георгиевских кавалеров в Манеже. Было очень красиво и торжественно. Парад принимал генерал-губернатор Гершельман — кавалер ордена Св. Георгия. После молебствия все представители частей Московского гарнизона проходили церемониальным маршем. Были также и подведомственные мне чины уездной полиции, конной стражи и тюремного надзора, имевшие георгиевские кресты или медали. Когда они проходили церемониальным маршем, я шел на фланге головного отделения подведомственных мне частей.

1 декабря Особым присутствием Правительствующего Сената с участием сословных представителей вынесен был приговор по делу социал-демократической фракции Государственной Думы второго созыва. Рассмотрение дела о названном преступном сообществе в Особом присутствии Сената началось 22 ноября и закончилось 1 декабря. По открытии судебного заседания после вступительного опроса первоприсутствующим всех обвиняемых подсудимые Серов и Церетелли объявили о своем желании сделать Особому присутствию заявление, на что первоприсутствующий объявил им, что в настоящий момент процесса стороны не могут делать заявлений. Тогда один из защитников заявил Особому присутствию, что предметом заявления подсудимых является их ходатайство об открытии дверей судебного заседания. Объявив защитнику, что вопрос этот уже был рассмотрен в распорядительном заседании Особого присутствия, причем, в видах сохранения общественного порядка и обеспечения правильного хода судебных действий, постановлено слушать дело при закрытых дверях присутствия, первоприсутствующий распорядился огласить списки вызванных по делу свидетелей, но обвиняемые нарушили своими криками порядок судебного заседания, почему первоприсутствующий приказал судебным приставам удалить из зала заседания подсудимых, нарушавших порядок. По

удалении из зала заседания 30 подсудимых, которые заявили, что отказываются от защитников, последние также покинули зал заседания, в котором после этого остались 19 подсудимых и их защитники. Затем оглашен был список свидетелей. После доклада о причинах неявки некоторых из них по ходатайству защитников был объявлен перерыв заседания, ибо защитники заявили, что должны обсудить вопрос о значении для дела показаний неявившихся свидетелей. По возобновлении заседания 19 присутствовавших в заседании подсудимых заявили Особому присутствию, что не желают принимать участие в процессе, отказываются от защиты и просят удалить их из зала. По удалении обвиняемых и выходе защитников был прочитан обвинительный акт и заседание было прервано до следующего дня.

23 ноября перед открытием судебного заседания, по распоряжению первоприсутствующего, приставы обошли в доме предварительного заключения камеры всех подсудимых, опросив, не желают ли они или кто-либо из них присутствовать в заседании. Семеро заявили о своем желании участвовать в процессе, первоприсутствующий сделал распоряжение о приводе в зал семерых подсудимых и об извещении об этом их защитников, из коих некоторые прибыли в тот же день, остальные явились 24-го вместе с подсудимыми, за исключением одного, который 24-го вновь отказался участвовать в процессе, и оставались на заседаниях до окончания дела. Оповещение подсудимых через приставов о ходе процесса и возможности для каждого из них вернуться в зал заседания производилось во все дни заседания ранее их открытия.

После допроса свидетелей в течение трех с половиной дней производилось оглашение значительного числа документов, приобщенных к делу в качестве вещественных доказательств, найденных при обысках, произведенных 8 мая в помещении думской социал-демократической фракции и 1 июня у 55 подсудимых, принадлежавших к составу фракции. Оглашением документов было установлено, что в апреле 1906 г. состоявшийся в Стокгольме съезд Российской социал-демократической партии, оценивая учреждение Думы как нового представительного законодательного установления в империи, пришел к заключению, что революционная деятельность тайных партийных организаций должна быть направлена к тому, чтобы Думу из орудия контрреволюции обратить в орудие революции [13]. С этой целью партийный съезд, отказавшись от бойкота партией выборов в Думу, предложил всем тайным партийным организациям принять участие в выборах и провести в число членов Думы возможно большее число партийных кандидатов, а своему исполнительному органу, Центральному Комитету партии, поручить образовать в Думе из партийных кандидатов, прошедших в члены Думы, фракцию, которая, являясь легальной партийной организацией, действовала бы под руководством и контролем Цент-

рального Комитета, согласно директивам съезда. Вместе с тем партийный съезд 1906 г. указал, что борьба, направленная, чтобы вырвать государственную власть из рук правительства и заменить установленный в империи Основными законами образ правления учреждением в России демократической республики, уже ставила на очередь вопрос о вооруженном восстании и вновь поставит народ перед необходимостью такого восстания, успех которого мыслим только в случае дезорганизации войск и перехода хотя бы части их на сторону восставшего народа. Такая измена части войск возможна, по мнению съезда, лишь по деятельной подготовке путем пропаганды как войск и воспитанников военно-учебных заведений, так и крестьянства и мелкой городской буржуазии, участие которых в восстании может произойти на почве постепенного вовлечения этих слоев населения в активную борьбу с правительством. Поэтому съезд, направляя революционную деятельность партийных организаций, предложил им в качестве директив усилить пропагандистскую организационную деятельность в войсках и военно-учебных заведениях, обострять все конфликты Думы с правительством, сплачивать вокруг социал-демократической фракции все революционные элементы страны; всеми средствами связывать экономические требования крестьян с политическими задачами, агитировать среди крестьян в пользу организации стачек, отказа от платежа налогов, захвата помещичьих полей и хлеба без платежа арендных денег, бойкота правительственных учреждений, замены местных властей выборными, и в то же время приводить массу населения к сознанию невозможности соглашения с царем и его правительством и необходимости вооруженного восстания.

В числе оглашенных в суде документов оказалась резолюция Центрального Комитета партии, в силу коей до открытия Думы, на началах, указанных съездом, организованы были сначала комитет думской социал-демократической фракции, в который вошли как избранные уже в члены Думы партийные кандидаты, так и члены тайного Центрального Комитета, затем и самая фракция. Определенная съездом подчиненность думской фракции тайному Центральному Комитету не только в ее внедумской деятельности, но и в официальном участии ее в работах нового законодательного учреждения империи была так велика, что даже декларация фракции, прочитанная подсудимым Церетелли в заседании Думы 6 марта 1907 г., оказалась составленной не им и даже не комитетом фракции, а одним из членов тайного Центрального Комитета.

Сверх того, из оглашенных документов, главным образом писем самих подсудимых, выяснилось, что за немногими исключениями они поддерживали тесные связи с тайными революционными партийными организациями в разных местностях империи и писали им, что своей задачей ставят не труды законодательства, а революционную агитацию среди масс населения, хождение на митинги для

возбуждения и сплачивания разных групп населения и обращение Думы в главный штаб революции. Авторы этих писем указывали на необходимость сохранить существование Думы как можно долее, ибо чем дольше просуществует Дума, тем успешнее ведется с ее трибуны агитация за народную борьбу и тем более сплачиваются революционные силы.

В то же время на судебном следствии выяснилось, что социал-демократическая фракция составляла, размножала тайным образом и распространяла письменные обращения как к тайным партийным организациям, так и ко всему населению империи. В обращениях фракция, заявляя, что направляет свою деятельность к революционизированию общественных отношений вне Думы, приглашала население вмешиваться в законодательную деятельность Думы, тенденциозно освещала все возникавшие в Думе вопросы, предлагала населению составлять о своих нуждах наказы и отправлять их в социал-демократическую фракцию и, наконец, в каждом своем обращении призывала население организоваться и сплачиваться, ибо только организованною силою можно будет вырвать власть у правительства и передать ее в руки народа. Результатом этих обращений явились те многочисленные, свыше двухсот, наказы разных групп населения и некоторых войсковых частей, которые были найдены в помещении фракции и у отдельных ее членов. Наказы заключали требования об учреждении в России демократической республики и обещание по призыву Думы силою, с оружием в руках поддерживать ее революционные требования. При этом оказалось, что некоторые наказы, составленные в различных местностях империи, были совершенно тождественны не только по содержанию, но и по форме изложения; что большинство составлено по просьбе членов фракции, которые в одних случаях рассылали образцы наказов, а в других составляли их сами; что почти все наказы составлялись по почину партийных агитаторов и членов местных организаций и что при составлении их, в целях включения в них революционных требований и собрания под ними подписей, агитаторы скрывали от подписавшихся истинный смысл этих требований.

По тщательном и всестороннем рассмотрении на судебном следствии всех обстоятельств дела и по выслушании прений сторон Особое присутствие Правительствующего Сената 1 декабря признало из числа подсудимых 38 виновными в приписываемых им преступных деяниях и определило: 1) 26 подсудимых: Аникина, Анисимова, Джапаридзе, Ломтатидзе, Егора Петрова, Серова, Церетелли, Чащина, Сомотницкого, Морозову, Субботину, Баташова, Белоусова, Вагжанова, Виноградова, Голованова, Кириенко, Махарадзе, Миронова, Юдина, Архипова, Воробьева, Долгова, Ковалева, Колясникова и Эпштейна лишить прав состояния и сослать на каторгу: первых 11 — на 5 лет каждого, остальных на 4 года

каждого; 2) 12 подсудимых: Белоновского, Вовчинского, Измайлова, Калинина, Лопаткина, Нагих, Ивана Петрова, Приходько, Рубана, Федорова, Попова и Фишера лишить прав состояния и сослать на поселение; 3) Вахрушева, Губарева, Гуменко, Канделаки, Кациашвили, Марева, Рыбальченко, Сахно, Степанова, Фомичева и Краменскова, ввиду недоказанности их виновности, признать оправданными по суду; сверх того, постановило: приговор, по вступлении в законную силу, представить чрез министра юстиции на усмотрение его императорского величества в отношении Белоновского, Джапаридзе, Кириенко и Церетелли.

В начале декабря в Государственном Совете начались прения по представленному 34 членами Государственного Совета во главе с Череванским законопроекту об упразднении попечительства о народной трезвости. Это возбудило весьма страстные прения. В защиту попечительства о народной трезвости и против законопроекта говорил министр финансов, А. Ф. Кони выступил защитником законопроекта против попечительства о народной трезвости.

Для меня как председателя Московского столичного попечительства, которое основалось и развивалось при ближайшем моем участии, все эти нападки на попечительство весьма больно отражались. Досадно было то, что большинство членов Государственного Совета, подписавших законопроект, недостаточно были знакомы с работой в попечительствах и совершенно голословно обвиняли их. Казалось бы, раньше внесения такого законопроекта не мешало бы авторам его познакомиться на месте с учреждениями попечительств и постановкой дела, хотя бы в таких крупных центрах, как г. Москва, где деятельность попечительства значительно отличалась от деятельности Петербургского городского попечительства. Но ни один из подписавших законопроект не поинтересовался, как это дело поставлено было в Москве. Я разослал всем видным членам Государственного Совета отчеты за ряд лет, чтоб они могли, хотя по ним, ознакомиться с нашей деятельностью. Досадно было еще и то, что во внесении этого законопроекта нельзя было не усмотреть похода против графа Витте, по мысли которого были введены попечительства, вследствие чего объективности быть не могло.

В отчете за 1907 г. я в моем заключении не мог не коснуться этих нападок, которые в этом году сыпались на голову попечительства как из рога изобилия. Я писал так:

«Усиленное пьянство за последние годы не может не внушать тревоги за ближайшее будущее русского народа. Экономическое расстройство народных масс, физическое и моральное вырождение их и передача ими этих бед своему потомству — таков ближайший результат того бедствия, угрожающий рост которого наблюдает сейчас русское общество, наблюдает без видимых попыток борьбы с этим злом.

Необходимость энергичной и безотлагательной борьбы с пьянством давно сознается всеми, но ничего соразмерного силам бедствия до сих пор не предпринято. От упразднения попечительства о народной трезвости шансы на успешную борьбу, конечно, не увеличатся, наоборот, поставленные правильно и снабженные средствами, соответствующими размерам своей задачи, эти попечительства, несомненно, окажутся весьма полезными в деле борьбы с пьянством. Без этого нельзя ждать сколько-нибудь решительных результатов от разрозненных попыток со стороны отдельных организаций и учреждений.

Отчетный 1907 г. отличается обилием суровых нападок на попечительства о народной трезвости. За весьма редкими исключениями, попечительства не отвечали на эти нападки, и основанием для этого служило сознание собственного достоинства, не позволявшее отвечать на голословные обвинения, а также и то, что трудно быть праведным судьею в собственном деле. Однако сознание выполненного по мере сил и разумения долга дает деятелям Московского столичного попечительства о народной трезвости право надеяться, что в своих начинаниях оно встретит и прежнее содействие правительственных сфер и сочувственную поддержку всех тех, кто сознает необходимость продолжать деятельность старых органов борьбы с пьянством.

Как в прежнем, так и в настоящем отчете Московское столичное попечительство с полною объективностью вскрывает недочеты своих учреждений и своей организации, и в этом сказывается его понимание своего назначения совершенствоваться и развиваться и его бесстрашие перед справедливою критикою, в которой нельзя не видеть могучего орудия к усовершенствованию, но, к сожалению, огромный по объему обвинительный материал, коим так богат был прошлый 1907 г., не мог быть утилизирован попечительствами в целях самоусовершенствования, так как в нем, в том материале, можно найти только усилия к разрушению, но там нет материалов для созидания».

Законопроект в Государственном Совете не прошел, впоследствии правительством был составлен проект о передаче попечительства о народной трезвости из Министерства финансов в Министерство внутренних дел на несколько иных началах. Но его так и не успели провести.

6 декабря в Петербурге в ложе Мариинского театра во время праздничного спектакля «Жизнь за царя» от разрыва сердца скоропостижно скончался министр торговли Философов, верный сторонник идеи политики графа Витте.

9 декабря я командировал непременного члена по земским и городским делам М. Н. Оловенникова обревизовать звенигородское городское управление и Рузскую уездную земскую праву. В результате дела городского управления найдены были в большом

беспорядке, городское хозяйство и отчетность велись неправильно, вследствие чего городской староста Мигачев был мною отстранен от должности. В Рузской земской управе, где я также ожидал встретить недочеты, дела оказались в удовлетворительном виде, замечены были только формальные отступления при ведении денежной отчетности.

12 декабря последовало отчисление генерала Рейнбота от должности градоначальника, согласно его прошения. Последнее время у него отношения с генерал-губернатором были весьма натянутые. Гершельмана, как безукоризненно чистого с нравственной стороны человека, строгого к себе, скромного, не могло не шокировать ухарское поведение Рейнбота и такое же его отношение к делам, и потому он стал предъявлять ему требования, делать запросы и т. д., что, конечно, Рейнбот, при его самолюбивом и властном характере, переварить не мог. Но не только это заставило его уйти, он сам чувствовал, что зарвался и что если он останется еще, то может кончиться скандалом. Он и ушел, но все же не рассчитал, ушел слишком поздно, без ореола, и от скандала он не избавился — Гарин со своими приспешниками накинулись как коршуны на добычу и, пользуясь недостойными приемами, вылили ушат грязи на голову Рейнбота. Его уход искренне огорчил городское управление, которое во главе с Гучковым возбуждало хлопоты об оставлении Рейнбота. 23 декабря городское управление поднесло ему прочувствованный адрес. Многие слои населения весьма сожалели Рейнбота.

18 декабря состоялся приговор по делу Выборгского воззвания. Все бывшие депутаты, участвовавшие в нем, были приговорены на 3 месяца тюремного заключения. Приговор этот, столь снисходительный, произвел благоприятное впечатление — ожидали приговора гораздо более сурового. Когда Муромцев выходил из зала судебного заседания, его забросали цветами.

24 декабря в г. Богородске скончался известный во всем старообрядческом мире знаток древнего церковного Знаменного пения И. А. Фортов. Весь круг церковно-певческих книг, изданный Обществом древней письменности, собран его трудами. Он создал также известный во всей России старообрядческий «Морозовский» церковный хор. Им же создан был и Морозовский женский хор при Богородско-Глуховской мануфактуре.

В конце декабря скончалась в Москве Вера Саввишна Самарина, жена богородского предводителя дворянства, рожденная Мамонтова, дочь Саввы Ивановича. Это была чудная женщина, редкая жена и мать. Я был глубоко потрясен этой преждевременной смертью, она угасла в течение нескольких дней и ушла в другой мир во цвете лет, оставив мужа с тремя малолетними детьми. Это была одна из тех женщин, с которыми, когда поговоришь, то делаешься лучше. Они так счастливо жили вместе, так уютно у них было в Богородске, что невольно, побывав у них, делалось как-то светлее

на душе. Хоронили ее в Абрамцеве, в имении С.И. Мамонтова, историческом месте, где жил Аксаков и написал свою «Семейную хронику», где бывал и Гоголь. Я ездил на похороны, мне хотелось отдать последний долг этой необыкновенной женщине, оставившей в моей памяти неизгладимое впечатление. Этим грустным событием закончился для меня 1907 год.

В всеподданнейшем моем отчете за минувший год Государю угодно было обратить особое внимание на мои слова, что потребление вина в губернии не уменьшилось и пьянство приобрело характер бедствия народного, захватив своим влиянием даже женщин и девушек в крестьянской семье, причем из недр самого народа раздавались глубоко скорбные, полные отчаяния голоса, указывавшие на разложение семьи, упадок нравственности, на нищету как на прямое следствие пьянства. Государь против этого места в отчете написал: «Необходимо стать на путь действительной и самой решительной борьбы с этим страшным для России злом». Другая высочайшая отметка, «практично», была написана Государем против того места моего отчета, где я писал о практиковавшемся способе распространения среди населения путем популярных печатных объявлений сведений о порядках возбуждения и исполнения межевых дел, а также и других сведений по земельным делам.

Кроме того, Государь отчеркнул некоторые места в моем отчете, дабы этим самым обратить внимание соответствующих министров: 1. Где я писал, что борьба с корчемством с помощью репрессивных мер по-прежнему не дала ощутительных результатов и что вряд ли можно рассчитывать на получение их, пока не будет изменена самая постановка казенной продажи питей на местах, тем более что правилами Министерства финансов от 12 сентября 1907 г. допущенное более льготное открытие трактиров 3-го разряда и свободное открытие винных лавок не уменьшили ни тайной продажи, ни пьянства на улицах.

2. О влиянии матерьяльной необеспеченности земских начальников на понижение института в качественном отношении и о недостатке в руководительстве делами уездных съездов ввиду отвлечения уездных предводителей дворянства занятиями по другим учреждениям.

Говоря о положении торговли и промышленности, я отметил в отчете, что 1907 г. дал положительные результаты, фабрики и заводы расширили свои обороты, столь сократившиеся за последние 2 года. Этому благоприятствовали не только упорядочение отношений между рабочими и предпринимателями и в связи с этим сокращение забастовок, но до известной степени способствовала и причина отрицательного характера, заключавшаяся в том, что продолжавшиеся забастовки в Западном крае повысили требования на хлопчатобумажный и другой товар московского рынка.

Коснувшись земских учреждений, я свидетельствовал о благоприятном изменении направления деятельности местных земских учреждений в 1907 г. Я говорил, что губернское земство, оказывающее в Московской губернии громадное воздействие на уездные земства, в течение многих лет находилось в заведовании лиц оппозиционного направления. Бывший долго председателем губернской земской управы Д. Н. Шипов, не принадлежа лично к крайним партиям, систематически предоставлял полную свободу действия громадному служившему по найму земскому персоналу, сорганизовавшемуся в последние годы его службы в сплоченное сообщество, распространившее свое влияние на все уезды и вносившее при помощи гласных крайнего направления дух протеста во все проявления земской жизни.

Со вступлением на должность председателя управы Головина это оппозиционное направление служащих и некоторых гласных носило уже почти революционный характер, и только к концу 1906 г. в земских собраниях получили преобладание консервативные элементы. После тяжелой борьбы, облекаемой оппозицией даже иногда в форму скандалов, губернскому земству удалось в начале 1907 г. поставить во главе земского управления, может быть, не столь опытную в земских делах, но из умеренных членов, желавших работать вне политики, губернскую земскую управу под предводительством К. Ф. Рихтера — человека сильного характера, громадной земской опытности, умеренного образа мыслей и полного закономерности. Картина земской деятельности сразу изменилась. Собрания носили уже более деловой характер. В течение года рассмотрено было столько вопросов по земскому хозяйству, сколько их не было разрешено в общем за последние два-три года. На этот путь серьезной работы выступить было тем более трудно, что оппозиционная группа гласных всеми мерами старалась дискредитировать новую управу и новое деловое настроение, стараясь обратить собрание опять на путь политических словопрений; эти гласные не останавливались даже перед бойкотом собрания и управы, удаляясь в большом числе из зала заседания. Но терпение и стойкость умеренной части гласных восторжествовала, земские служащие («третий элемент»), вносившие тревогу и волнение в земскую жизнь, были поставлены в надлежащее подчиненное положение к земским исполнительным органам, и к новому 1908 г. деятельность земства вошла в нормальные условия.

Кончил я свой отчет словами, что 1907 год — это первый из трех лет управления мною губернией, когда чувствовалось наступление победы над смутой и возвращение жизни в прежнее русло.

Глава 4
1908 год

Награда Столыпину. — Назначение Шварца. — Губернское земское очередное собрание. — Прибытие сенатора Гарина для ревизии градоначальства. — Болезнь великой княгини Елизаветы Федоровны. — Убийство португальского короля. — Государственная Дума. Исключение Пуришкевича на 15 заседаний. — Юбилей 25-летия сценической деятельности А. И. Южина. — Московское губернское дворянское очередное собрание. — Чествование С. М. Борденава. — Обед у меня в честь предводителей дворянства и земства. — Государственная Дума. Законопроект 180 членов Думы о вспомоществовании пострадавшим от разбойнических деяний и революционных партий и лиц. — Прием членов Думы Государем императором. — Пожар в Коломенском уезде. — Назначение нового градоначальника генерал-майора Адрианова. — Возобновление сессии губернского земского собрания. — Обед от дворян и земцев. — Кончина А. И. Чупрова. — Анонимные жалобы. — Кончина генерал-адъютанта О. Б. Рихтера. — Прибытие Адрианова. — Мое объявление к населению о трактирах и питейных заведениях. — Совет по делам местного хозяйства в Петербурге. — В виду ожидания холеры. — Чрезвычайное губернское земское собрание. — Приезд великого герцога Гессенского. — Празднование 200-летия со дня основания 5-го гренадерского Киевского полка. — 50-летний юбилей службы в офицерских чинах барона В. Б. Фредерикса. — Приезд великого князя Владимира Александровича в Москву и освящение памятника-креста на месте убиения великого князя Сергея Александровича. — Принесение поздравлений великой княжне Марии Павловне по случаю ее бракосочетания представителями разных учреждений в Москве. — Наводнение в Москве. — Открытие автомобильного движения между станцией Щелковка и г. Верея. — Прибытие в Царское Село шведского короля на бракосочетание своего сына с великой княжной Марией Павловной. — Бракосочетание великой княжны Марии Павловны в Царском Селе. — Юбилей обер-пастора Дикгофа в Москве. — Дело Пуришкевича в суде по оскорблению меня как должностного лица. — Государственная Дума. Речь Коковцова («Слава Богу, у нас нет парламента»). — Дело по отчуждению земли крестьян села Павшина под Московско-Виндавскую ж. д. — 6 мая в Царском Селе. — Оставление кассационной жалобы по делу о Выборгском воззвании без последствий и приведение приговора в исполнение. — Обед в честь великого князя Дмитрия Павловича. — Международная автомобильная выставка в Москве и пробег автомобилей Петербург — Москва. — Назначение Кривошеина министром земледелия. — Закладка храма при приюте для раненых воинов на Б. Ордынке. — Государственная Дума. Законопроект об отпуске 35 000 руб. Комитету попечения о русской иконописи. — 500-летие Лужнецкого монастыря. — Убийство экзарха Грузии Никона в Тифлисе. — 1 съезд земских начальников для обсуждения закона 9 ноября 1906 г. — Государственная Дума. Смета Министерства народного просвещения. —

Назначение Модля помощником московского градоначальника. — Освящение вновь открытого поселка в Новогирееве. — Кончина М. П. Щепкина. — Государственная Дума. Сыскные отделения. Дуэль между Марковым и Пергаментом. — Открытие Московской окружной ж. д. — Праздник Преображенского полка в Красном Селе. — Открытие школы в Таганской тюрьме. — Юбилейная выставка Общества акклиматизации в Зоологическом саду. — Освящение соборного храма во имя Иверской Божьей Матери при Николо-Перервинском монастыре. — Появление на озимых улитки, уничтожавшей всходы. — Открытие Университета Шанявского. — Московское уездное земское очередное собрание. — Кончина артиста Малого театра А. П. Ленского. — Поднятие колоколов на Рогожском старообрядческом кладбище. — Освящение Сергиево-Елизаветинского убежища во Всехсвятском. — Кустарные мастерские губернского земства в Сергиевом Посаде. — Кончина великого князя Алексея Александровича. — Государственная Дума. Прения по аграрному вопросу. — 75-летний юбилей графа Д. А. Милютина в офицерских чинах. — Увольнение Рейнбота от службы. — Осенняя сессия Совета по делам местного хозяйства. — Мое последнее дежурство в качестве флигель-адъютанта при Государе и производство в генерал-майоры с зачислением в Свиту. — Вооруженное сопротивление, оказанное при обыске в местности Лосиноостровская. — Травля меня «Русским народным союзом имени Михаила Архангела». Прокурор окружного суда Арнольд. — Землетрясение в Италии. Гибель Мессины. — Кончина отца Иоанна Кронштадтского. — Кончина Ф. Н. Плевако. — Закон 9 ноября и землеустройство в Московской губернии.

1 января при высокомилостивом рескрипте Столыпин был пожалован в статс-секретари его величества с оставлением в занимаемых им должностях.

В этот же день последовало также назначение А. Н. Шварца министром народного просвещения. Это был весьма достойный старик, очень твердых убеждений, честный, решительного характера. Его считали отсталым, чересчур консервативным, не подходящим к переживаемому времени, а между тем он стремился только к одному — создать здоровые условия развития здоровой школы.

На следующий день, 2 января, последовало открытие очередной сессии Московского губернского земского собрания под председательством исправляющего должность губернского предводителя дворянства П. А. Базилевского. Открывая земское собрание, я впервые после двух лет моего губернаторства обратился к губернским гласным с речью: «Господа губернские гласные! Открывая сессию губернского земского собрания в два предыдущих года, я, ввиду малого знакомства с губернией, не признавал еще за собой права обращать внимание почтенных собраний на те стороны громадного земского хозяйства, кои требовали тех или иных улучшений. В настоящее время, объехав все уезды губернии, последовательно ознакомившись с земскими учреждениями и с лицами, стоящими в их главе, я получил ту осведомленность, которая позволяет мне обратиться к собранию с несколькими словами, подсказанными мне также и горячим желанием успеха живому земскому делу.

Народное образование, врачебно-санитарное и дорожное дело — вот те краеугольные камни, твердая и правильная постановка которых только и может обеспечить прочность и красоту земского

здания. На обсуждение настоящего собрания будет, между прочим, предложено постановление Московского уездного земского собрания, принявшего только к сведению мое сообщение по поводу некоторых очевидных неустройств школьного дела в уезде и не признавшего нужным принять какие-либо действительные меры к их устранению. Это постановление, отдельно взятое, мало интересовало бы меня как представителя местной власти, но оно глубоко затрагивает принципиальную сторону дела.

Я думаю, что всякое сообщение, подтвержденное фактами, сделанное земскому собранию в интересах его прямого ведения, от кого бы таковое ни исходило, заслуживает по меньшей мере внимания, но не формального, холодного «принятия к сведению». Вот почему я счел нужным отдать постановление уездного собрания на суд губернского как высшей инстанции, которой закон вверил право суждения о постановлениях уездных земств, носящих в себе признаки прямого нарушения интересов населения. Отнюдь не в защиту своего протеста я позволил себе высказать это, но только и исключительно в видах пользы дела народного образования, столь же мне дорогого, как и вам, господа гласные. Ваше решение по этому делу будет иметь руководящее значение для всей губернии не для одного только школьного, но и для всех областей земского дела.

Переходя далее к дорожной и врачебно-санитарной части, я позволю себе остановить внимание собрания на крайнюю необходимость хотя бы частичного улучшения путей сообщения в некоторых пунктах губернии, хорошо известных губернской земской управе. Стесненное положение земской кассы не позволяет, конечно, в настоящее время производить крупных расходов на дорожную часть, но, может быть, ожидаемая отсрочка взноса в казну части земского займа на дорожное дело и даст средства выполнить частичные улучшения.

Возможное появление холеры весной заставляет озаботиться принятием действительных мер предупреждения и борьбы с эпидемией. С этим вопросом связаны не только устройство и оборудование достаточного числа бараков, но главным образом общее улучшение врачебно-санитарной части. Необходимо усилить земский надзор за санитарным состоянием городов, селений, общественных мест, фабрик и пр. Необходимо не только точное исполнение доселе изданных земствами обязательных постановлений, но и издание дополнительных, вызываемых новыми требованиями жизни, в особенности в подгородных подмосковных местностях.

В заключение я позволю себе засвидетельствовать, что администрация губернии всегда готова идти навстречу всем закономерным начинаниям земства и содействовать силами своего разумения проведению в жизнь земских мероприятий на пользу населения. Идти

рука об руку с земством в пределах закона будет всегда составлять мое искреннейшее желание.

Пожелав вам, господа губернские гласные, полного успеха и дружной работы в предстоящих вам трудах на пользу дорогого земского дела, я на основании статьи 69 Положения о земских учреждениях объявляю Московское очередное губернское земское собрание открытым».

Открыв таким образом земское собрание и поговорив с некоторыми гласными, я уехал, после чего собрание приступило к своим занятиям, которые и велись до 20 января. Главным предметом занятий было обсуждение доклада финансовой комиссии, которая развернула весьма печальную картину земского хозяйства. Финансовое положение губернского земства за последние годы неудержимо катилось под гору, увеличивая дефицит; в течение 1906 г. недостаток кассовой наличности возрос до 800 000 руб., увеличившись за один только год на 200 000 руб., что неминуемо должно было привести к катастрофе и совершенно нарушить правильное течение земской жизни. Для предотвращения этого финансовая комиссия и наметила ряд систематических постепенных мероприятий, которые и предложила вниманию собрания.

Доклад финансовой комиссии сильно задел гласных, входивших в состав прежней управы и являвшихся в данном случае виновными, и вызвал большие острые и весьма страстные прения. Гласные эти — Головин, Челноков и прочие не хотели признать за собой вины и старались свалить все на администрацию, которая плохо, мол, собирает недоимки земских сборов, благодаря чему в уездные земские кассы поступает мало денег, и уездные земства в свою очередь не в состоянии уплачивать свои недоимки в кассу губернского земства. Вследствие этого гласный Д. Н. Шипов и предложил собранию обратиться ко мне с просьбой понудить полицию к более энергичному ее вмешательству в дело взыскания земских сборов с населения.

Гласный же из крестьян Я. В. Ильин возражал на это, считая несправедливым и несвоевременным принимать чрезвычайные меры к взысканиям с крестьян недоимок. Он находил нормы оценок, установленные «хваленой земской статистикой», преувеличенными и работу статистиков не соответствующей действительности. Он порицал хозяйственные действия прежней управы, говорил о непроизводительных расходах и закончил свою речь словами, что земству следует «по одежке протягивать ножки».

Д. Н. Шипов и Н. Н. Щепкин возражали Ильину, но тот никак с ними не соглашался и стал развивать свою мысль, говоря, что «земство дает крестьянам не то, что им нужно» и что для удовлетворения разных земских «затей» крестьянину нередко приходится продавать последнюю овцу и лишать детей молока. Самой непроизводственной «затеей» Ильин считал земские статистические работы,

на которые, по его мнению, истрачены были чересчур крупные суммы из народных средств, а между тем эти работы не только оказались не полезными, но и прямо вредными, так как статистики, интересуясь больше политикой, чем делом, умели только заниматься агитацией, к делу же относились халатно; в Московском, например, уезде статистики оценили леса ниже, чем леса в глухих уголках других уездов губернии, и таких примеров, по мнению Ильина, было много.

Большие дебаты вызвал и другой доклад — о постановке дела в земском приюте для сирот им. Александра II, причем прения по этому вопросу с очевидностью выяснили, что положение дела в этом приюте было поставлено прежней управой крайне ненормально. За три года сменилось 15 воспитателей, а недавно пришлось уже новой управе отстранить от должности и заведовавшую приютом г-жу Филатову. Докладывая об этом, Рихтер раскрыл ужасающую картину, которую он застал в приюте, посетив его. Это очень задело бывшего члена управы М. В. Челнокова, который выступил в защиту приюта и бывшей начальницы Филатовой, заявив, что эти наговоры несправедливы, что дети всегда себя держали прекрасно и воспитание было поставлено образцово, при этом он протестовал против суровых наказаний, которых будто бы намерена была держаться новая управа. Член новой управы Выборни, возражая Челнокову, говорил, что в приюте невозможная распущенность, детей никогда нельзя собрать для занятий, они разбегаются, воспитатели не в силах с ними справиться, что бывали случаи, когда дети накидывали петли на голову воспитателей и подтаскивали их к столам, был случай, что воспитанник раскаленным железом обжег руки учителю, причем заведовавшая приютом Филатова старалась извинить этот проступок тем, что воспитанник проделал это ради опыта.

Член управы Грузинов прибавил к этому, что все проступки детей объяснялись всегда их болезненным состоянием, и как только кто-нибудь из воспитанников совершал проступок, ему ставили градусник, чтоб убедиться, не болен ли он. Гласный Я. В. Ильин, присоединяясь к словам Выборни и Грузинова, говорил, что как крестьянин Подольского уезда он хорошо знает приют и может засвидетельствовать, что благодаря прежней управе дело там поставлено так, что питомцы приюта вместо облагораживающего влияния на народ вносят одну заразу, и что пора земству отказаться от этой дорогой и во вред народу затеи земства, что лучше отдавать сирот в крестьянские семьи и оплачивать их воспитание, тогда на те же средства можно было бы с большим успехом воспитывать не 70, а 200 детей.

Гласные И. Ф. Михайлов, К. К. Мазинг и Н. Н. Хмелев старались защитить прежнюю головинскую управу и заведовавшую приютом Филатову, которая будто бы отдавала всю душу детям,

действуя с редким благородством и энергией. Мазинг говорил, что все дети приюта выдержали экзамен, а потому, значит, дело образования в приюте поставлено хорошо. Но Ильин не находил возможным и с этим согласиться, говоря, что окончание курса в земском училище ничего еще не доказывает, так как он наблюдал, как ученики в первый же год по выходе из школы не могли даже правильно читать.

Такую же неприглядную характеристику представил собой и доклад по губернскому сельскохозяйственному складу, в котором состояние склада было охарактеризовано «состоянием полного хаоса и беспризорности»; там не велось никакого счетоводства и отчетности, так как прежний заведующий презрительно относился к такого рода «канцелярщине», вел одни только товарные книги, но и те велись им с полной небрежностью, в них было найдено много ошибок. По подсчету валовая прибыль за три года выразилась в сумме 22 000 руб., но оказалось, что это только теоретически, так как вся эта сумма, и еще с превышением, ушла на оплату персонала склада, путевые, почтовые и другие расходы.

Таким образом, все почти затронутые в этом собрании вопросы дали яркую картину, насколько прежняя управа, увлекшись всецело политикой, мало обращала внимания на деловую сторону земского хозяйства. По упущениям, найденным в делопроизводстве корзиночной мастерской в селе Вяземах, собрание, большинством 24 против 19 голосов, постановило даже произвести расследование в отношении действий прежнего состава губернской земской управы. Левая группа гласных все время старалась подчеркнуть тенденциозное отношение правых к действиям прежнего состава управы и оправдать действия последней, но факты говорили сами за себя, и потому она осталась в меньшинстве.

Что касается моего предложения о найденных мной непорядках в школах Московского уезда, после очень длинных и страстных дебатов вопрос был рассмотрен в особой комиссии, по представлению которой собрание постановило возвратить дело в Московское уездное земское собрание на предмет нового детального рассмотрения и постановления определения по существу.

Пока шло земское собрание, в Москву 8 января прибыла сенаторская ревизия под председательством сенатора Гарина для расследования неправильных действий чинов Московского градоначальства. Вместе с Гариным прибыли директор Департамента полиции Зуев, чиновники особых поручений при Министерстве внутренних дел Фрейнат и при дворцовом коменданте А. Н. Тимофеев, представители Департамента Государственного казначейства Н. А. Дмитриев и Министерства юстиции П. А. Гассман и Д. П. Бусло. Последний представлял из себя форменного провокатора и был правой рукой Гарина, почему ревизия и приняла с первых же

своих шагов характер не сенатской ревизии, а какого-то мелкого сыска.

В этот же день великая княгиня, ввиду предстоявшей ей операции, переехала во вновь устроенный ею лазарет для увечных воинов Русско-японской войны. Лазарет этот был устроен в октябре 1907 г. в одном из домов большого владения, приобретенного ее высочеством на Б. Ордынке для устройства совершенно нового благотворительного учреждения в строго христианском духе, получившего наименование «Марфо-Мариинской обители милосердия». Кроме дома, где находился лазарет, было еще несколько домов и большой сад. Вслед за лазаретом через год в одном из других домов открылся кружок детей «Детская лепта». Цель кружка была, чтоб дети состоятельных родителей с раннего возраста помнили, что есть дети, которые нуждаются в самом необходимом, и что помогать этим детям своим трудом и излишком своего имущества есть обязанность каждого христианина.

При лазарете был небольшой состав сестер милосердия. Операция, достаточно сложная, была произведена профессором Рейном, специально для этого приехавшим из Петербурга, и, к счастью, очень удачно. Великая княгиня, оправившись от болезни довольно быстро, через 6 недель могла вернуться в Николаевский дворец.

Вся Москва, привыкшая смотреть на великую княгиню как на свою, узнав о болезни и операции, которые явились для всех, даже самых ее близких, большой неожиданностью, с тревогой следила за выпускаемыми бюллетенями. На третий день после операции для ухода за августейшей сестрой прибыла принцесса Ирина Прусская, которая и оставалась при великой княгине до ее выздоровления.

21 января получено было потрясающее известие об убийстве в Лиссабоне португальского короля и его наследного принца. Король с семьей возвращался из виллы Викоза в Лиссабон; когда королевский кортеж приближался ко дворцу, то из рядов публики выдвинулась группа в 15 человек, в длинных накидках, со спрятанными карабинами, и как только расстояние от них до кортежа сократилось до выстрела, они открыли стрельбу.

Король, приподнявшись в коляске, тотчас упал, сраженный тремя пулями. Наследник, также сраженный несколькими пулями, упал на руки матери — королевы Амелии, которая только по случайности осталась жива. Второй сын, Дон-Мануэль, был контужен. Диктатор Франк успел выскочить из экипажа и скрыться. На площади поднялась безумная паника и давка, масса людей были раздавлены. Испанец Кордоба — убийца короля — был убит конвойным офицером, другой — полицейским, удалось задержать только троих. На престол вступил Дон-Мануэль.

В Москве 26 числа в церкви Петра и Павла в Милютинском

переулке по короле была отслужена торжественная траурная месса в присутствии принцессы Ирины Прусской, великой княжны Марии Павловны, великого князя Дмитрия Павловича, лиц высшей администрации и сословных учреждений и португальской колонии. В Государственной Думе в Петербурге и в Государственном Совете память убитых почтена была вставанием и посланы были депеши с выражением соболезнования королевскому дому и португальскому народу.

22 января в Государственной Думе обсуждался вопрос о закрытии дверей в заседаниях Комиссии по государственной обороне. Говорил А. И. Гучков, прося от лица Комиссии по государственной обороне разрешения Думы закрывать двери во время заседаний в тех случаях, когда представители ведомств заявят, что та или другая тайна, которую они пожелают сообщить, носит характер военного секрета. Сдержанность и корректность, с которыми Гучков обратился к Думе, очевидно, не понравилась Пуришкевичу, который, войдя на трибуну, протестовал против такой осторожности Гучкова и прибавил: «Если бы я был морским или военным министром *(всеобщий хохот)* и если бы в эту комнату вошел депутат Милюков, я бы застегнулся на все пуговицы и поднял бы воротник» *(шум, возгласы, крики «Долой!» «Вон!»)*.

Пуришкевич пошел на свое место, крича: «Милюков — мерзавец, подлец!» Тогда Хомяков, Председатель Думы, обратился к Пуришкевичу: «Член Государственной Думы Пуришкевич, предлагаю вам извиниться перед Думой, иначе я предложу вас исключить на 15 заседаний». Пуришкевич на это отвечал: «Ввиду того, что я себе позволил, как это тут называется, непарламентское выражение, я беру свое слово назад, но заменяю другим, которое начинается с той же буквы, что и имя «Милюков».

На этот новый вызов Хомяков сказал: «Ввиду того, что член Думы Пуришкевич позволил себе оскорбить одного из наших товарищей, я предлагаю исключить его на 10 заседаний». Пуришкевич, давая объяснение, входя на кафедру, ответил: «Я всхожу на эту кафедру с тем, чтоб повторить то, что имел честь сказать. Я предпочитаю быть исключенным на 10 заседаний и с удовольствием плюну Милюкову...» *(шум, звонок председателя)*. После этих слов Пуришкевича Хомяков предложил исключить его на 15 заседаний, что и было принято Думой.

24 января в Малом театре состоялось редкое торжество: юбилейный спектакль «Отелло» в честь А. И. Южина, праздновавшего свой 25-летний юбилей. Зрительная зала была совершенно полна, много было представителей искусства, печати, группы депутаций, все было нарядно, все, что было в то время в Москве выдающегося, все

было в Малом театре. Первое появление дорогого всем в Москве А. И. Южина (Отелло) встречено было шумными аплодисментами. После сцены в Сенате происходило чествование окруженного артистами труппы и депутациями юбиляра. Первым приветствовал его Малый театр, от лица которого А. П. Ленский, впервые появившийся после болезни, прочел следующий адрес: «На этом светлом празднике перед лицом Москвы, с радостным единением собравшейся сегодня в старых стенах нашего театра, чтобы благодарить художника, уже четверть века щедро расточающего перед нею дары своего разностороннего духовного богатства, мы, ближайшие ваши товарищи, счастливы выразить вам, дорогой Александр Иванович, чувства нашего общего уважения и горячей любви. Подчиняясь отличающей вас редкой способности отдавать всего себя интересам того дела, в которое вы раз поверили, вот уже 25 лет все силы своего ума, своей благородной души и прекрасного таланта вы посвящаете исключительно заботам о благе нашего дорогого театра и стойкой борьбе за художественную независимость актера. Как же нам не любить вас, как нам не гордиться вами, верный рыцарь и неутомимый защитник нашей общей святыни». Адрес вызвал гром рукоплесканий, во время которых юбиляру поднесен был традиционный юбилейный жетон, украшенный бриллиантами.

За Ленским выступила М. Н. Ермолова, появившаяся на сцене также первый раз после целого года отсутствия. Ее приветствовали рукоплесканиями, перешедшими в целую овацию по адресу артистки. Трогательно прочла она письмо от отсутствовавшей маститой артистки Г. Н. Федотовой. Г. Н. Федотова приветствовала Южина как своего товарища-артиста, как свидетельница его первых шагов на сцене, поздравляла благородного, неутомимого защитника актерской семьи от всевозможных «влияний». Это приветствие вызвало целую бурю. Южин, получив письмо, приложил его к губам.

А. А. Бахрушин прочел прочувствованный адрес от Императорского русского театрального общества и передал папку с адресом. Затем выступал Ф. П. Горев от Александринской сцены и подал золотой венок. От оперной труппы Тютюнник, Салина, Трезвинский, от балетной Гельцер, Тихомиров и Мосолова. П. Д. Бобрыкин прочел адрес от Общества любителей российской словесности, а Л. М. Лопатин от Театрально-литературного комитета. От Художественного театра в присутствии Станиславского, Самаровой, Москвина и Вишневского В. И. Немирович-Данченко прочел следующий адрес: «Глубокоуважаемый князь Александр Иванович! Двадцать пять лет назад вы вступили на эти подмостки Чацким. Спустя три года сыграли графа Дюпуа и Мортимера и этим помогли Малому театру, имевшему уже свою большую славную историю,

найти обновление в репертуаре сильных, красивых произведений романтизма, отмеченных громадным вдохновением и свободной, возвышенной мыслью. Всем собравшимся сегодня приветствовать вас хорошо памятны эти прекрасные страницы Малого театра, на которых ваше имя стоит рядом с именами М. Н. Ермоловой и А. П. Ленского. Вы составили блестящее артистическое трио, которое с энтузиазмом благородной мысли и увлекательной убежденности, наперекор враждебным условиям эпохи призывало к героизму и самоотверженности. Тем же отношением широкой искренности, безупречной добросовестности и независимым проявлением индивидуальных черт вашего дара был проникнут и весь ваш 25-летний творческий путь. Художественный театр плохо понимал бы вершины своих стремлений, если бы не счел себя обязанным приветствовать в вас, дорогой Александр Иванович, артиста, который всегда оставался непоколебимым и неизменно верным благородной, культурной миссии театра».

Затем шли приветствия от провинциальных деятелей сцены — И. О. Пальмина, который говорил от имени «громады», с лишком 1000 подписей, от театра Корша и от «маленькой Грузии», представитель коей, соотечественник Южина, одетый в национальный костюм, очень остроумно сказал, прощая юбиляру, что он посвятил свои силы не грузинскому театру: «Твоя «Измена» исключает всякую измену», намекая на пьесу князя Сумбатова-Южина. Это вызвало гром аплодисментов.

По окончании приветствий Южин, обратившись к публике, сказал: «Господа! Сейчас в той роли, которую я сегодня играю, я произнес одну фразу, которую я повторю: «Я груб в речах». Я не умею говорить. Все то, что я встретил сегодня от вас, что нашел в лице массы лиц, приветствовавших меня сотни раз, превосходит мои заслуги, то, что я сделал. Все, чему я обязан сегодняшним днем, поистине великим для меня, это вот этим подмосткам и тем товарищам, тем друзьям, которые были моими учителями и руководителями, и этим священным стенам и кулисам Малого театра. Я до земли кланяюсь и благодарю эти кулисы и эту родную мне сцену, которые привели меня оттуда, с галереи, сюда, на сцену. Господа! Искренно благодарю и низко кланяюсь дорогой, родной мне Москве за этот привет, который она мне сегодня подарила».

Этим торжество окончилось, но в 1-й картине, при новом появлении Южина, театр опять задрожал от рукоплесканий — в течение 5 минут ему не давали говорить. Спектакль затянулся за полночь, я уехал, полный впечатлений от этого дружно единодушного чествования маститого артиста.

В этот же день утром открылось очередное Московское губернское дворянское собрание. В исходе одиннадцатого часа утра в Российское благородное собрание прибыл московский генерал-губер-

натор С. К. Гершельман со мною и был встречен всеми дворянами во главе с исправляющим должность губернского предводителя П. А. Базилевским. Гершельман проследовал в большой Колонный зал и объявил очередное Московское губернское дворянское собрание открытым, пригласив дворян в Чудов монастырь к слушанию литургии и молебствия и к принесению установленной присяги.

Генерал-губернатор уехал, а я и все дворяне направились в Чудов монастырь. После литургии была отслужена панихида по великому князю Сергею Александровичу, а затем молебствие. Перед приведением дворян к присяге преосвященный Серафим, епископ Можайский, обратился к дворянам с краткой речью, призывая их твердо держать знамя дворянства и ревностно защищать права и прерогативы верховной власти.

Вернувшись в собрание, дворяне приступили к занятиям, перед началом коих по предложению П. А. Базилевского послана была приветственная телеграмма великой княгине Елизавете Федоровне следующего содержания: «Помолившись об упокоении души незабвенного великого князя Сергея Александровича, московское дворянство, памятуя всегда милостивое и благожелательное отношение покойного великого князя и Вашего высочества к дворянству, повергает перед Вами чувства неизменной преданности и выражает Вашему высочеству искреннее пожелание скорейшего и полного выздоровления».

Первые дни собрания были посвящены разным хозяйственным докладам и вопросам, проходившим гладко и без особых прений. 28 же января под влиянием вспышки партийных страстей собрание приняло почти бурный характер. Попытка одного из дворян Н. М. Андреева защитить молодое поколение от обвинений в деморализации и развращенности была встречена в собрании шумным протестом, когда он произнес слова, что «молодежь отличается только меньшим лицемерием и ханжеством», а когда он прибавил, что «не русскому дворянству бросать грязный комок в наше молодое поколение, которое во время освободительного движения проявило такое гражданское мужество...», то поднялась целая буря, ему не дали говорить, заглушая всякие его попытки говорить криками и вынудив его, наконец, сесть.

Инцидент этот произошел при рассмотрении доклада уполномоченных от московского дворянства «О съезде уполномоченных дворянских обществ», происходившем весной 1907 г., когда князь П. Н. Трубецкой, коснувшись вопроса изменения наследственных прав крестьян, заявил, что «каждый из дворян, живущих в деревне, знает, насколько в настоящее время деморализована крестьянская молодежь. В умах молодого поколения в деревне царит полная анархия, которая грозит нашей Родине величайшей опасностью. Об этой полной деморализации и разнузданности молодежи я говорил

не раз со стариками, — продолжал Трубецкой, — и все указывали на необходимость изменения наследственных прав на началах, уже одобренных московским дворянством. Старики жаловались на чрезмерное вмешательство сельских сходов и волостных судов во всю крестьянскую жизнь, говоря, что такое вмешательство и положило начало деморализации и потому необходимо усиление родительской власти».

Ф. Д. Самарин, соглашаясь с этим заявлением Трубецкого, находил, что все сказанное им о крестьянском молодом поколении вполне применимо и ко всем остальным сословиям, и потому предлагал вопрос расширить. Он считал первой причиной распущенности молодежи упадок авторитета родительской власти, и потому находил необходимым не только изменение закона о наследовании, а общий подъем власти, укрепление родительской власти и обращение внимания и на духовную сторону, в которой развитие уважения к родителям должно было бы играть главную роль.

29 января в собрании обсуждался вопрос о решительном исключении из московского дворянства Ф. Ф. Кокошкина, подписавшего Выборгское воззвание. В этот день дворяне явились в громадном числе, их было 352 человека. Все хоры были заняты дворянскими семьями, много публики было и за колоннами. Доклад собрания предводителей и депутатов по делу Ф. Ф. Кокошкина был прочитан секретарем дворянства и прослушан с напряжением. [...]

Председатель собрания П. А. Базилевский по выслушании доклада заявил, что никаких новых обстоятельств, которые могли бы послужить основанием для пересмотра дела по существу, не имеется, и что никаких объяснений Ф. Ф. Кокошкин звенигородскому предводителю дворянства не представил, а потому собранию предстоит лишь постановить окончательное решение.

В защиту Ф. Ф. Кокошкина выступили П. А. Столповский, В. В. Пржевальский, князь Е. Н. Трубецкой, Ю. С. Кашкин и князь П. Д. Долгоруков. П. А. Столповский говорил о неправильном применении статей 165 и 166 IX тома, которые гласили, что только дворянин, опороченный судом, может подлежать исключению, а Ф. Ф. Кокошкин хотя и был под судом, но приговор суда еще не вошел в законную силу, и следовательно, он еще не опорочен судом. В. В. Пржевальский говорил, что Кокошкин поступил честно и вполне сознательно, что «пассивное сопротивление» является лишь одной из конституционных мер борьбы и потому-де допустимо.

Князь Е. Н. Трубецкой, оговорившись, что отрицательно относится к Выборгскому воззванию, все же не усматривал явного бесчестного поступка, так как Кокошкин не преследовал корыстных целей и речь его на суде дышала благородством и искренностью, так как он принес себя в жертву идее.

Ю. С. Кашкин, в глубоком волнении, говорил, что нельзя драть

с одного вола две шкуры, что Кокошкин уже осужден судом и что «не дай Бог, чтобы московское дворянство опозорило себя исключением Кокошкина».

Князь П. Д. Долгоруков произнес пространную речь и в конце ее сказал: «Помните, что вы судите избранника Москвы в Первую Государственную Думу, и имей он право вновь избираться, он был бы вновь послан той же Москвой и во Вторую и в Третью Думу. И при выборах в Третью Думу с их классовыми перегородками он был бы избран десятками тысяч голосов, при всеобщем же голосовании за него подали бы сотни тысяч, и ему было бы оказано Москвой предпочтение перед всеми нами, находящимися в этом зале. Таким образом, называя Кокошкина бесчестным, вы бросаете всему московскому населению, всей Москве вызов».

Против Ф. Ф. Кокошкина говорили барон Н. Г. Черкасов, С. С. Бутурлин, Н. А. Жедринский, граф Д. А. Олсуфьев, Ю. П. Бартенев, К. Н. Пасхалов, Ф. Д. Самарин. Барон Н. Г. Черкасов привел пример, как отнеслась Государственная Дума к действиям одного из своих членов, когда он призывал правительство иностранного государства поддержать наш народ и материально помочь ему для борьбы с правительством, и как Дума тогда заявила, что поступок ее члена настолько позорен, что большинство не желает даже присутствовать при объяснениях этого члена, заклеймившего себя позорным словом. Черкасов находил, что поступок Кокошкина хуже.

С. С. Бутурлин, говоря после Ю. С. Кашкина, заявил в противовес его заявлению, что «не дай Бог, чтоб московское дворянство опозорило себя, не исключив Кокошкина». Н. А. Жедринский в горячей речи, раскрыв весь ужас Выборгского воззвания, если б народ пошел по его стопам, сказал, что постановление московского дворянства об исключении Кокошкина может вызвать ропот только в иудействующей части московского населения, а никак не во всей Москве, как говорил князь П. Д. Долгоруков.

Граф Д. А. Олсуфьев явился твердым защитником исключения Кокошкина. Ему представлялось странным, что защитники Кокошкина, представители кадетской партии, хотят удержать его в среде дворянского собрания, с их точки зрения являющейся анахронизмом. Он не обвинял Кокошкина в бесчестном поступке, допускал, что многие, быть может, анархисты не бесчестны, но говорил, что мыслимо ли, чтоб анархист требовал, чтоб его оставили в московском собрании.

Ю. П. Бартенев рассматривал поступок Кокошкина как измену, как бесчестное деяние, которое могло вызвать целые потоки крови. К. Н. Пасхалов говорил, что «если обелим Кокошкина, то похороним московское дворянство». Ф. Д. Самарин говорил последним и, присоединяясь к соображениям графа Олсуфьева, сказал, что если собрание отклонит предложение об исключении Кокошкина, то тем самым оно одобрит Выборгское воззвание.

Закрытой баллотировкой собрание большинством 260 голосов против 92 решило исключить Ф. Ф. Кокошкина из Московского дворянского собрания. Объявление результатов баллотировки было встречено гробовым молчанием.

31 января принят был текст всеподданнейшего адреса, который накануне подвергся обсуждению в частном совещании. Адрес был принят большинством 198 голосов против 122. А. Д. Самарин прочел адрес:

«Великий Государь! В дни тяжелых испытаний, не раз посещавших Русскую землю, древнее служилое сословие вместе со всеми русскими людьми в течение веков и делом, и словом являло свою веру в зиждительную силу самодержавной царской власти во всей ее полноте и нераздельности. Эта вера не поколебалась и доныне в московском дворянстве.

Государь! Склони снисходительный слух к голосу верноподданного твоего дворянства и милостиво прими его искреннее, от глубины души идущее слово. Ныне, как и встарь, нет на Руси политической силы, равной царской власти. Царь — единый представитель своего народа, державный выразитель его совести. Он один — верховный руководитель его судеб, ответственный лишь перед Богом. Правда царская — в сознании народном — выше и сильнее преходящего внешнего права, и слово царское животворит мертвую букву закона.

Проникнутое этой верой, московское дворянство радостно приветствует властное решение твое, Государь, возвещенное 3 июня минувшего года, видя в нем проявление свободной воли царя: только он, в единении с народом, может дать желанное обновление Русской земле. Судьбы России вверены тебе, Государь. Под гнетом соблазнов и сомнений доселе мутится народная жизнь... Царственной волею своей утверди целость державы твоей, Государь. Водвори в ней законный порядок и охрани жизнь и благосостояние всех твоих подданных. Мы же, готовые по заветам отцов и дедов наших служить тебе и Родине до последней капли крови, повергаем перед Престолом твоим одушевляющие нас чувства любви и упования. Такова наша мысль, таково наше чувство. Молим Всевышнего, да узрит Отечество наше — великая, единая, нераздельная Россия, верная своему историческому прошлому, — годы счастия, мира и благоденствия в роды родов».

Чтение адреса покрыто было восторженными кликами «ура» и продолжительными рукоплесканиями. Когда все успокоились, поднялся князь Е. Н. Трубецкой и от группы дворян (по преимуществу кадетского лагеря, в лице 51 человека) прочитал следующее особое мнение с просьбой приложить его к журналу заседания:

«Вполне сочувствуя единодушному желанию московского дворянства выразить наши верноподданнические чувства монарху и признавая посему желательным подачу приветственного адреса,

мы, нижеподписавшиеся, считаем, однако, долгом заявить следующее. Основная мысль принятого на дворянском собрании адреса сводится к отрицанию законодательных прав народного представительства, что в корне противоречит манифесту 17 октября, всему Учреждению Государственной Думы, а также статьям 7 и 86 Основных законов. Адрес заключает в себе несомненное пожелание об изменении существующего государственного строя, а потому представляется нам неприемлемым по существу и незаконным по форме.

Принимая во внимание, 1) что заявления о необходимости изменения государственного строя не входят в компетенцию сословных учреждений; 2) что заявления об общегосударственных нуждах представляются в настоящую минуту излишними ввиду существования представительных учреждений, призванных о них заботиться; 3) что в силу постановления дворянского собрания от 30 января была исключена самая возможность официального обсуждения адреса, и стало быть, и голосования каких-либо поправок; 4) что официальное обсуждение на дворянском собрании ни в коем случае не могло быть заменено обсуждением частным ввиду невозможности делать на частном собрании какие-либо постановления, мы просим приложить наше особое мнение к журналу заседания».

1 февраля Н. Ф. Рихтер от небольшой группы дворян внес по поводу принятого всеподданнейшего адреса особое мнение: «Не считая возможным по долгу верноподданного, по совести и принятой нами присяге подать свой голос за принятие предложенного нам в заседании 31 января сего года проекта всеподданнейшего адреса как противоречащего Основным законам и манифесту 17 октября 1905 г., мы, нижеподписавшиеся, подали свои голоса за его отклонение. Но так как упомянутый адрес в собрании не обсуждался и принят закрытой баллотировкой, то, не желая принимать на себя нравственной за оный ответственности, мы просим настоящее наше мнение приложить к журналу заседания 31 сего января». Это особое мнение, кроме Н. Ф. Рихтера, подписали: граф Ф. А. Уваров, А. Д. Грузинов, князь Л. М. Голицын, граф А. Гудович, А. А. Шлиппе, П. Дурново, А. Аверкиев, барон А. А. Крюднер-Струве, В. Рихтер, граф Мусин-Пушкин, князь А. В. Голицын, В. Р. Расторов, граф Д. С. Шереметев, князь В. С. Мещерский и М. М. Людоговский.

После этого князь П. Н. Трубецкой и граф Д. А. Олсуфьев предложили собранию выразить обособленно Государственному Совету и Государственной Думе пожелание плодотворной работы и успеха на благо исстрадавшейся Родины и на счастие и величие обожаемого монарха. Против этого предложения выступил А. Д. Самарин, произнесший горячую речь, сильную по своей ясности и прямоте. Он заявил, что новое предложение имеет целью толкование принятого всеподданнейшего адреса и как бы его дополнение. Никакое толкование, по его словам, к принятому адресу не может быть допущено, иначе пришлось бы вернуться к вторичному обсуж-

дению адреса. Самарин самым решительным образом протестовал против всяких дополнений и толкований адреса, находя это несовместимым с достоинством московского дворянства. По рассмотрении в депутатском собрании внесенного предложения большинством двух третей голосов оно высказалось против посылки телеграммы в Государственный Совет и Государственную Думу. Собрание присоединилось к этому решению депутатского собрания. После этого, прежде чем приступить к выборам на дворянские должности, собрание выразило П. А. Базилевскому глубокую благодарность за труды, понесенные им по исправлению должности губернского предводителя дворянства в течение полутора лет при трудных обстоятельствах. Затем было приступлено к уездным выборам.

По Московскому уезду предводителем дворянства избран был П. А. Базилевский, кандидатом — П. В. Глебов, помощником — Л. М. Савелов и депутатом князь — В. А. Голицын. По Богородскому уезду: предводителем дворянства — А. Д. Самарин, кандидатом — П. П. Кисель-Загорянский, депутатом — Н. И. Андросов. По Серпуховскому уезду: предводителем дворянства — П. А. Янов, помощником предводителя — А. Н. Писарев, депутатом дворянства — П. Н. Костылев. По Звенигородскому уезду: предводителем дворянства — граф П. С. Шереметев, депутатом — Н. Ф. фон Штейн и помощником предводителя — Т. Г. Карпов. По Бронницкому уезду: предводителем дворянства — А. А. Пушкин, единогласно, помощником предводителя — А. А. Варгин, депутатом — П. А. Агапов. По Можайскому уезду: предводителем дворянства — А. К. Варженевский, единогласно; помощником предводителя — С. Г. Варженевский и депутатом — М. М. Людоговский. По Подольскому уезду: предводителем дворянства — А. М. Катков, депутатом — А. П. Сабуров. По Дмитровскому уезду: предводителем дворянства — граф М. А. Олсуфьев, единогласно, кандидатом к предводителю — А. В. Макаров, помощником предводителя — Ф. И. Тютчев, единогласно, депутатом он же, единогласно. По Волоколамскому уезду: предводителем дворянства — князь С. Б. Мещерский, единогласно, помощником предводителя — князь А. Д. Голицын, депутатом — Д. В. Телегин. По Рузскому уезду: предводителем дворянства — граф В. В. Мусин-Пушкин, кандидатом предводителя — П. Ю. Зограф, помощником предводителя — Н. Н. Дурново, депутатом — Н. В. Кадышев. По Клинскому уезду: предводителем дворянства — барон В. Д. Шеппинг, помощником предводителя — М. А. Нарожницкий, депутатом — князь Ю. М. Козловский. По Коломенскому уезду: предводителем дворянства — Д. А. Бутурлин, депутатом — В. Р. Расторов. По Верейскому уезду: предводителем дворянства — А. К. Шлиппе, депутатом — генерал-майор Е. М. Пржевальский.

2 февраля назначены были выборы кандидатов на должность московского губернского предводителя дворянства. В залах Благо-

родного собрания царило большое оживление. Дворянские семейства наполняли хоры. Когда все было готово, председатель П. А. Базилевский предложил дворянам приступить к выборам на должность губернского предводителя дворянства, причем им было оглашено письмо князя Трубецкого, который по закону имел право баллотироваться как бывший предводитель, но не пожелал и отказался. Затем П. А. Базилевский последовательно обращался с предложением баллотироваться к графу С. Д. Шереметеву, к П. М. Рюмину и уездным предводителям, прослужившим трехлетие и более, но все отказывались выставить свою кандидатуру.

Когда очередь дошла до А. Д. Самарина, то сразу раздались крики: «Просим, просим». Почти все дворяне поднялись с мест и огласили зал рукоплесканиями. А. Д. Самарин низко кланялся, отклоняя просьбу, а когда рукоплескания стихли, то обратился к собранию со следующей речью:

«От всей души благодарю господ дворян, которые оказали мне высокую честь, предложив баллотироваться в кандидаты на должность московского губернского предводителя дворянства. Не умею передать словами того смущения, которое овладевает мною в настоящее время.

Пятнадцать лет моей службы прошли в уезде. Круг моей деятельности был сравнительно не обширен и ограничивался почти всецело пределами уезда. Неся по избранию дворянства государственную службу, я всегда считал, что и в уезде я служу дворянству, так как службой своей я всегда старался привлечь доверие к дворянству со стороны всего местного населения, в особенности же со стороны крестьянства.

Теперь вы желаете, чтобы я посвятил себя несравненно более широкой, более почетной, но в то же время и гораздо более ответственной деятельности. Сомневаясь в своих силах и чувствуя недостаточную подготовленность к этому почетному делу, я усердно прошу вас не возлагать на меня столь тяжелого бремени и дать мне возможность по-прежнему служить царю и Родине в родном мне Богородском уезде».

Снова раздались слова «просим, просим», снова овации. На новый горячий призыв А. Д. Самарин ответил такими словами: «Позвольте мне еще раз горячо поблагодарить вас за оказанную мне честь. Я уже высказал вам те сомнения, которые заставили просить вас не подвергать меня баллотировке. Теперь, видя ваше настойчивое желание, я не считаю себя более вправе задерживать собрание своим отказом. Но принимая такое решение, я считаю себя обязанным пред всем собранием открыто заявить, что если мне придется занять должность московского губернского предводителя дворянства, я буду стараться по мере сил и возможности проводить в своей деятельности те начала, которыми до сих пор было живо и крепло московское дворянство и верность которым оно вновь так ярко подтвердило в настоящем собрании».

Согласие Самарина было встречено громом рукоплесканий и криками «браво», «ура». Приступили к баллотировке, и А. Д. Самарин получил 186 избирательных и 87 неизбирательных голосов. Его приветствовали горячими дружными овациями. Выбор другого кандидата остановился на князе С. Б. Мещерском, который получает 151 избирательный и 122 неизбирательных шара.

Я был очень удовлетворен и счастлив избранию Самарина, с которым мне как губернатору предстояло постоянное общение. Дворянство в лице его получило твердого вождя с ясными политическими убеждениями, сильной волей и лучшими традициями и преданного долгу. 3 февраля дворянское собрание закончилось молебствием в Чудовом монастыре.

31 января исполнилось тридцатипятилетие государственной службы управлявшего канцелярией московского генерал-губернатора С. М. Борденава. Это был честнейший человек, кристальной чистоты, скромный, отдававший всего себя службе, щепетильный до мелочей. Он всю почти свою службу провел в генерал-губернаторском управлении, начав ее еще при князе Долгоруком, был долгое время помощником управляющего канцелярией. Все знавшие его не могли не уважать его, не преклоняться перед его преданностью долгу. Он был, правда, мелочен, имел узкий взгляд чиновника, не мог бы занимать ответственного административного поста, но как исполнитель это был редкий по аккуратности человек. В день юбилея его честной службы, не имевшей ни одного темного пятнышка, сослуживцы горячо приветствовали его, а вечером в честь его был устроен обед в «Эрмитаже», в котором приняли участие как его сослуживцы, так и все, кто только имел когда-либо общение с ним.

[31 января состоялся] обед у меня в честь предводителей дворянства и земства. Этим обедом я хотел выразить представителям уездов мою благодарность за то радушие и истинно русское гостеприимство и отзывчивость, которые я встречал с их стороны всюду в уездах при моих постоянных поездках по губернии. Это я и подчеркнул в своей речи, когда пил за здоровье дорогих гостей и единение дворянства, земства и администрации в общей работе на благо и процветание Московской губернии.

8 февраля в Петербурге в Государственной Думе обсуждался законопроект группы 180 членов Думы о вспомоществовании из средств Государственного казначейства пострадавшим от разбойнических деяний, революционных партий и лиц. Автором этого законопроекта был граф В. А. Бобринский, который преследовал цель не только помощи пострадавшим, но и принципиального осуждения террора, т. е. представлял собой тот акт, который правительство тщетно ожидало от Первой и Второй Думы.

Признавая центр тяжести своего законопроекта именно в прин-

ципиальной стороне дела, граф Бобринский поспешил оговорить, что это в сущности даже не законопроект, и он предвидит всевозможные упреки, а именно, что надо было вспомнить и жертвы несчастной японской войны. «Но, — прибавил граф Бобринский, — соответствующий законопроект по этому поводу скоро будет внесен в Думу». Далее оратор объяснил, почему фонд для помощи жертвам террора он предполагал назвать фондом царя-освободителя и мученика. Этим, по его словам, он хотел связать свой проект с делом Государя, уничтожившего у нас рабов и рабовладельцев, давшего великие реформы, готовившие первый абрис представительного образа правления, и погибшего жертвой террора.

Товарищ министра внутренних дел А. А. Макаров в своей речи заявил, что Министерство внутренних дел с чувством глубочайшего удовлетворения приветствует законопроект и видит в нем авторитетное осуждение революции, то, что оно тщетно ждало от первых Дум, но что тогда, по-видимому, разделяли мнение, что законодательное строительство должно осуществляться путем революции, грабежей, убийств, путем «кровавого тумана». Проект графа Бобринского Макаров назвал светлым лучом среди этого тумана, который облегчит борьбу с революцией, к сожалению еще не кончившейся, но [которая], надо надеяться, будет скоро побеждена.

От духовенства выступил протоиерей Разнатовский и поддержал вопрос с точки зрения религиозно-нравственной.

Со стороны оппозиции выступали трудовик Булат и социал-демократ Покровский. Они произносили длинные речи, говорили, что от революции пострадали не только союзники правительства, но и его противники, и еще гораздо в большем количестве, затем обвиняли агентов администрации в противозаконных действиях. Человеколюбивых побуждений, по их словам, у авторов законопроекта не было, ими руководили только стремления поощрить тех, кто охранял их покой, чтоб покой этот им был обеспечен.

Затем выступали А. И. Гучков, барон Мейендорф и Шингарев. Гучков, горячо сочувствуя идее законопроекта, приглашал все партии объединиться. Барон Мейендорф, к удивлению октябристов, вывел заключение совсем для них неожиданное. Он сказал, что революционный террор не есть порочность отдельных субъектов, а великое общественное бедствие. «К сожалению, — сказал он, — весь наш русский прогресс пропитан кровью, и бороться с террором одной только силой нельзя. Нужно суметь доказать, что революционная тактика вредна и безнадежна и так же не приводит к цели, как и современные приемы борьбы с нею правительства». Принимая данный законопроект, по мнению барона Мейендорфа, надо выразить вместе с тем и пожелание, чтобы правительство нашло бы в себе достаточно нравственной силы, дабы в борьбе с крамолой стать на почву законности и потребовать того же и от своих агентов.

Шингарев, присоединяясь к мнению барона Мейендорфа, вы-

ставил единственный метод для успокоения страны — последовательное проведение в жизнь законности и широких социальных реформ; что же касается законопроекта графа Бобринского, то от имени партии конституционных демократов он заявил, что партия поддерживать его не будет, находя его негодным с технической стороны и бессодержательным.

Затем выступили правые в большом числе и по адресу своих политических противников предались нападкам. В конце концов большинством голосов законопроект был передан в комиссию о неприкосновенности личности.

12 февраля члены Государственной Думы были приняты Государем в Царском Селе, причем его величество обратился к ним со следующими словами: «Я рад видеть вас у себя и пожелать вам успеха в налаживающейся, по-видимому, работе в Государственной Думе. Помните, что вы созваны мною для разработки нужных России законов и для содействия мне в деле укрепления у нас порядка и правды. Из всех законопроектов, внесенных по моим указаниям в Думу, я считаю наиболее важным законопроект об улучшении земельного устройства крестьян и напоминаю вам о своих неоднократных указаниях, что нарушение чьих-либо прав собственности никогда не получит моего одобрения; права собственности должны быть священны и прочно обеспечены законом. Я знаю, с какими чувствами и мыслями вы явились ко мне, Россия росла и крепла в течение тысячи лет горячей верой русских людей в Бога, преданностью своим царям и беспредельной любовью к своей Родине, и пока это чувство живо в сердце каждого русского человека, Россия будет счастлива, будет благоденствовать и укрепляться. Молю Бога вместе с вами, чтобы эти чувства постоянно жили в сердцах русских людей и чтобы солнце правды засияло над нашей могучей родной землей».

Эти слова Государя императора я приказал отпечатать для ознакомления с ними населения губернии и расклеить с нижеследующим моим разъяснением:

«В этих высочайших словах крестьянское население России вновь находит драгоценное подтверждение неуклонных намерений монарха создать благоденствие крестьян путем улучшения земельного устройства и путем ограждения прав собственности их наравне с другими сословиями. Но в этих словах заключается также твердый приказ царя, чтобы крестьяне соблюдали полный порядок и с уважением относились к чужой собственности.

Исполняя свой долг пред Государем и пред населением вверенной моему управлению губернии, я вновь, как делал это и прежде, обращаюсь к крестьянам с душевным советом и просьбой хранить спокойствие и порядок. Только при соблюдении этого спокойствия и порядка возможно проведение реформ и улучшение быта крестьян.

Я уверен, что московское крестьянство оправдает мои надежды, как оно и ранее оправдывало их, что мир и полное уважение к чужой собственности будут сохранены, как сохраняются ныне, и что мне не придется прибегать к каким-либо крайним мерам».

13 февраля я получил весьма грустное сообщение о пожаре в одном из волостных правлений Коломенского уезда. Сгорело все дотла, все дела и среди них сам волостной старшина Поляков, обуглившийся труп которого был извлечен из груды мусора и пепла без головы, ног и рук. Причина пожара осталась загадкой.

16 февраля высочайшим приказом назначен был в Москву градоначальником генерал-майор А. А. Адрианов. Он окончил курс в Павловском военном училище в Петербурге, затем, прослушав курс в Военно-юридической академии, пошел по военно-судебному ведомству. С генерал-губернатором Гершельманом [он] познакомился в бытность свою военным судьей Московского округа в 1906 и 1907 гг., когда и обратил на себя внимание Гершельмана, который и выдвинул его на пост градоначальника. Последнее время он был военным судьей в Петербурге. А. А. Адрианов был резкой противоположностью Рейнботу, это был аккуратный, незаметный работник, не блестящего ума, строгий законник, популярности не искал, работал честно и добросовестно, но так как он был чересчур кабинетный работник, то как градоначальник был слаб и нераспорядителен. Был очень хорошим семьянином.

Жена его Анастасия Андреевна была хорошая женщина, гостеприимная, но представляла собой несколько провинциальную барыню с претензиями. На мужа имела большое влияние, не всегда хорошее, благодаря своему тщеславию. За время моего губернаторства у меня все время с Адриановым были отличные отношения, и по служебным делам с ним всегда было приятно иметь дело. Впоследствии, когда я был уже товарищем министра, в 1915 г., а в Москве главноначальствующим был князь Юсупов, попавший на такой пост по какому-то печальному недоразумению и малодушию министра внутренних дел Маклакова, не решившегося пойти против этого смехотворного назначения, Адрианов совершенно не сумел себя поставить в самостоятельное положение и, трепеща перед Юсуповым, сын которого был женат на племяннице Государя, стал в положение «как прикажете», боясь заявить свое мнение.

Благодаря этому Адрианов, оставив всякую инициативу и исполняя только глупые и несуразные распоряжения Юсупова, проявил полную несостоятельность и попустительство во время глупейшего погрома немцев, вернее просто открытого грабежа под фирмой «немцев» — этого позора, случившегося в Москве в мае 1915 г. По моему докладу тогда Государю по возвращении моем из Москвы, Адрианов был отчислен от должности, но об этом я буду говорить в свое время.

16 февраля возобновились заседания губернского земского собрания, на котором постановлено было предъявить гражданский иск прежнему составу управы за понесенные земством убытки вследствие упущений в делопроизводстве корзиночной мастерской в Вяземах. С этим постановлением собрания я не согласился и, опротестовав его, внес в губернское по земским и городским делам присутствие для отмены. Мотивировал я свой протест тем обстоятельством, что нельзя делать постановления о предъявлении иска, не разрешив предварительно вопроса о незаконности тех действий, коими старой управой был нанесен ущерб земскому хозяйству. Губернское присутствие согласилось со мной, и постановление было отменено.

Представители старой управы таким постановлением остались недовольны. Не усматривая в своих действиях ничего незаконного, они предпочитали разбор дела на суде, а не прекращение его административным порядком, каким являлось постановление губернского присутствия. Поэтому представители старой управы во главе с Головиным решили внести в ближайшее чрезвычайное земское собрание подробно мотивированное заявление с доказательствами возможности предъявления им иска. В конце концов гражданский иск предъявлен не был, сумма ущерба представляла собой всего три тысячи руб. с небольшим, да и не следовало его вовсе предъявлять, так как злоупотреблений, повлекших ущерб, конечно не было. Собрание погорячилось.

В том же присутствии, в котором было отменено постановление о предъявлении иска, рассматривались и неправильные действия воскресенского городского старосты и Рузской земской управы во главе с Цыбульским. Присутствие постановило первому объявить строгий выговор за несвоевременные записи расходных денег, а относительно Рузской земской управы представить министру внутренних дел об объявлении такового же выговора всему составу управы во главе с председателем ее Цыбульским за неотопляемость больниц в уезде.

18 февраля дворяне и земцы чествовали меня обедом в ресторане «Эрмитаж». Обед был многолюдный, трогательный, было провозглашено много тостов на почве объединения дворян, земцев и администрации. У моего прибора лежало художественное меню, любезно исполненное акварелью членом губернской земской управы С. К. Родионовым в русском древнем стиле.

Меню изображало Кремль, от которого гирляндой спускались гербы Московской губернии и уездов, как бы отвечая тому, что и в 17 веке, когда впервые начало слагаться русское земство, то и тогда оно слагалось и тянулось возле Москвы и к Москве. Это очень ярко было подчеркнуто в речи графа П. С. Шереметева, когда он говорил о роли земства в объединении общественных сил.

Московский генерал-губернатор С. К. Гершельман, московский губернатор В. Ф. Джунковский, московский градоначальник А. А. Адрианов. 1908 г.

14 февраля из Мюнхена получено было известие о кончине А. И. Чупрова — известного профессора Императорского Московского университета и весьма популярного среди молодежи. Он известен был своими талантливыми трудами по политической экономии, пользовался большой любовью со стороны студенчества, которое наполняло всегда его аудиторию. Он подкупал слушателей своей необычайной чуткостью, был человеком очень добрым и всегда был готов прийти на помощь каждому. Он профессорствовал с 1874 по 1899 г. Я познакомился с ним в 1897 г., во время всероссийской переписи, когда мы одновременно с ним состояли членами Московской переписной комиссии, бывшей под председательством старика Ахшарумова — председателя межевой канцелярии в Москве. Он оставил тогда во мне очень хорошее впечатление.

А. И. Чупров умер совершенно неожиданно, от разрыва сердца, на квартире мюнхенского профессора Лотца, в ту минуту, когда он пришел его навестить и здоровался с его женой. Он почувствовал себя дурно и тут же скончался. Тело Чупрова прибыло в Москву 3 марта, отпевание происходило в университетской церкви, похороны — на Ваганьковом кладбище. Присутствовала масса народа, всевозможные депутации, венков было бесконечное количество. Я присутствовал при его отпевании в университетской церкви.

С начала 1908 г. ко мне вдруг стали поступать анонимные жалобы по разным делам, главным образом касавшиеся городского управления Павловского Посада, большинство жалоб были присланы по почте со штемпелем «Павловский Посад». Вообще я должен сказать, что очень редко получал анонимки, так как все привыкли к тому, что я на них никогда не обращал внимания и не читая бросал в корзинку. У моего подъезда дома губернатора был ящик для опускания прошений. Ключ от этого ящика находился у меня, я сам его вскрывал и вынимал находившиеся в нем бумаги и письма. Иногда попадались обыкновенные письма с наклеенными марками на имя разных лиц, которые по рассеянности нашей публики опускались в мой ящик вместо почтового.

Над ящиком было соответствующее объявление, гласившее о том, что ящик вскрывается мной и все прошения, туда опускаемые, попадают непосредственно в мои руки, при этом была и оговорка, что прошения и письма без подписи или с подписью, но без адреса, как анонимные, не будут читаться, а подвергаться уничтожению. И вдруг, совершенно для меня неожиданно, на меня посыпались анонимки из Павловского Посада.

Я решил тогда обратиться к населению Павловского Посада с следующим объявлением:

«К жителям Павловского Посада. Ко мне в значительном количестве стали поступать за последнее время из Павловского Посада неподписанные (анонимные) жалобы жителей на действия город-

ского управления и по другим делам. Имея в виду, что каждый обыватель Посада имеет полное право открыто, не скрывая своего имени, заявлять мне о неправильных действиях как городского управления, так и других местных властей, и что каждый скрывающий свое имя поступает нечестно, не желая или боясь подтвердить личным показанием свое заявление, объявляю жителям Посада, что такие анонимные заявления я, не читая, буду уничтожать, так как безымянному доносу не может быть дано никакой веры.

Вместе с тем обращаюсь к жителям Посада с просьбой воздействовать на своих сограждан к прекращению предосудительного обычая посылки анонимных кляуз и доносов. Такого рода доносы только кладут тень на город. Пусть каждый житель Посада идет ко мне открыто с своей жалобой, если она справедлива, или пишет мне за полной своей подписью и верит, что такую справедливую жалобу я всегда готов удовлетворить».

2 марта в Петербурге скончался состоявший при особе Государя императора генерал-адъютант О. Б. Рихтер. Это был маститый старик, он был генерал-адъютантом еще Александра II с 1871 г., в царствование же Николая II был назначен состоящим при особе Государя в 1898 г. Рихтер был долгое время командующим Императорской главной квартирой и начальником Канцелярии по приему прошений на высочайшее имя, и состоя в этих должностях, сеял вокруг себя много добра. Ко всем обращавшимся к нему он относился со свойственной ему доступностью, мягкостью и добротой, для каждого у него находилось слово утешения, он имел способность терпеливо выслушивать каждого, с какой бы несуразной просьбой к нему бы ни обращались. До конца своих дней он сохранил доброту и любовь к людям. Все Государи, от Николая I, при котором он начал свою службу, и до Николая II, глубоко уважали его за его честную безукоризненную натуру и за правдивость.

Николай II, узнав о кончине О. Б. Рихтера, прислал его вдове нижеследующую депешу: «Государыня императрица и я со скорбью получили известие о кончине вашего мужа. Оттон Борисович был верным другом и честным слугою моего деда и отца. Я его любил и уважал, как самого близкого мне человека. Да поможет Господь перенести эту тяжелую утрату. Николай».

Похороны состоялись в Александро-Невской лавре в Петербурге 4 марта, мне было очень жаль, что мне не удалось отдать последний долг и помолиться у гроба незабвенного Оттона Борисовича, которого я нежно и глубоко почитал.

7 марта прибыл в Москву Адрианов и вступил в должность. Принимая представлявшихся, он обратился к ним с речью, требуя законности, закономерных действий, энергии и преданности делу, прибавив при этом, что таковые требования отвечают и пожеланиям Председателя Совета Министров. Он просил всех непосредственно

обращаться к нему за советом и помощью. Служебные помещения в доме градоначальника он перенес в третий этаж, что, конечно, было не особенно удобно для приходящей публики.

В последнее время я стал получать множество крестьянских приговоров с ходатайствами о разрешении на открытие трактиров и пивных лавок. Будучи вообще против распространения таких заведений в деревнях и зная, что ходатайства эти являются следствием известной мзды, которую крестьянские общества незаконно берут с трактирщиков, я обратился к населению с объявлением, в котором указал, что по количеству ходатайств об открытии питейных заведения можно бы заключить об известной зажиточности населения, позволявшего тратить на вино излишние средства после того, как им выполнены все повинности. Между тем ходатайства, главным образом, поступали из мест наиболее задолженных. Были случаи, что одни и те же общества сначала просили закрыть винную торговлю, а потом, очень скоро, просили об открытии, говоря, что трактирщики обязались уплатить им ту или другую сумму. Ввиду этого я указывал им в моем объявлении, что буду очень осторожно относиться к приговорам их. Взимать плату за открытие питейных заведений обществу я признал противозаконным. Я указал, что все приговоры о закрытии питейных заведений я буду приветствовать, но и при этом я потребую с общества ответственности за недопущение шинкарства и тайной продажи, что же касается разрешения на открытие питейных заведений, то я буду давать разрешение исключительно безнедоимочным обществам.

5 марта я получил письмо от Председателя Совета Министров, в котором П. А. Столыпин, признавая мое участие в предстоящих заседаниях Общего присутствия Совета по делам местного хозяйства при обсуждении в нем законопроекта по земской реформе полезным, приглашал меня прибыть в Петербург в качестве члена означенного Совета, заседания которого предположено открыть 11 марта.

Я был очень рад этому приглашению, так как все вопросы, подлежавшие рассмотрению, весьма интересовали меня как губернатора, я принимал их очень близко к сердцу, и потому участвовать самому в разработке их меня, конечно, привлекало. Одно меня заботило — в Москве у меня была такая масса работы, что я не знал, как мне со всем этим справиться. Благодаря близости Петербурга (10 часов в курьерском поезде) я надеялся, что смогу в случае надобности всегда отлучиться из Совета и приехать на денек в Москву.

11 марта я и приехал в Петербург, остановился, как всегда, в запасном доме Зимнего дворца у моего друга Э. Р. Зейме. В 12 часов дня в тот же день последовало открытие заседаний в зале Совета Министров в Мариинском дворце. Совет по делам местного

хозяйства собирался впервые, это была мысль П. А. Столыпина. Он хотел заготовленные министерством законопроекты раньше внесения в Думу подвергнуть критике общественных деятелей, как городских, так и земских, и некоторых губернаторов, в присутствии представителей ведомств, участвовавших в составлении законопроектов. Около 2 часов дня зал Совета Министров стал наполняться съехавшимися со всей России представителями земств и городов.

Я почти никого не знал, так как от Москвы было только двое — Н. Ф. Рихтер и Н. М. Перепелкин, а из губернаторов также двое — петербургский, А. Д. Зиновьев, милейший симпатичнейший и весьма знающий человек, и я, так что сначала я чувствовал себя как-то не по себе среди всего незнакомого разнообразного люда.

В 2 часа прибыл Столыпин, и начался молебен, а затем все перешли в зал заседания Совета Министров и заняли свои места за полукруглым столом. Заняв председательское место, П. А. Столыпин прежде всего огласил список высочайше утвержденных 10 марта в звании постоянных членов Общего присутствия Совета председателей губернских земских собраний, а затем обратился к присутствовавшим с [...] речью. [...]

Сказав это, Столыпин встал, и дальнейшее заседание продолжалось уже под председательством С. Е. Крыжановского. Решено было, что заседания Общего присутствия будут проходить в Мариинском дворце, а заседания комиссий в здании Министерства внутренних дел на Морской, 61, куда и решено было собраться на другой день для обсуждения вопросов о порядке занятий и разделения на группы, т. е. комиссии.

Состав Общего присутствия определился таким образом: председатель — П. А. Столыпин, заступающий — С. Е. Крыжановский; затем товарищи министра А. А. Макаров и А. Н. Лыкошин. Представители отделов Министерства внутренних дел и других министерств в числе 18. Представители земств в числе 35 и городов в числе 12. Управляющий делами Совета был М. В. Иславин, который своей любезностью и предупредительностью оставил во всех членах совещания самое дорогое благодарное воспоминание.

12 марта состоялось распределение членов по комиссиям. Всего образовано было 4 комиссии: 1) по обсуждению законопроекта о поселковом управлении, 2) о волостном управлении, 3) избирательном цензе и 4) выделении городов в самостоятельные единицы. Я записался в первую комиссию, о поселковом управлении, интересуясь этим вопросом, так как в Московской губернии за последние годы поселковая жизнь получила большое развитие. Председателями комиссий были выбраны: П. И. Стерлигов — гласный тамбовского земства, он производил впечатление человека, хорошо знакомого с земским делом, но несколько поспешного в выводах и неглубокого, как председатель был несколько грубоват. С. А. Бекетов — гласный казанского земства, человек весьма корректный, осторожный в выво-

дах и очень добросовестно разбиравший каждый вопрос; как председатель комиссии очень приятный. Ю. В. Шидловский — гласный воронежского земства, прекрасно вел заседания в своей комиссии, давал всем высказываться и сам, обладая широким практическим взглядом, не вдавался в мелочи. Барон В. В. Меллер-Закомельский, гласный петербургского земства, мой товарищ по Пажескому корпусу, человек очень серьезный и обстоятельный, несколько только медлительный. Занятия комиссий происходили ежедневно от 11 до 5 часов. По выработке ряда вопросов назначались общие собрания под председательством С. Е. Крыжановского или, за его отсутствием, А. Н. Лыкошина. П. А. Столыпин председательствовал только два раза.

Конечно, самые приятные и дельные заседания были, когда председательствовал Столыпин, на этих заседаниях достигалось больше всего результатов. Затем шел С. Е. Крыжановский, но он не всегда проявлял интерес к делу и вел заседания с некоторым ухарством, хотя надо отдать ему справедливость, заседания под его председательством, когда он не торопился, проходили успешно, он их вел мастерски. Зато добрейший А. И. Лыкошин совершенно не умел вести заседаний, мямлил, давал говорить не по существу рассматриваемого вопроса, не умел резюмировать сказанного, разрешал говорить без очереди, вообще не умел соблюсти порядка в заседании, отчего при нем всегда рассматривалось вдвое меньше вопросов, чем при председательствовании Крыжановского.

Занятия в Совете продолжались ежедневно до 5 апреля включительно. Общих присутствий за это время было 14. Заседания происходили иногда и утром, и вечером, проявлено было много интереса, все работали на совесть, и результат был несомненен. Кроме того, нельзя отрицать и той пользы, которую все присутствовавшие вынесли от знакомства друг с другом, обмена мнений. Все сблизились, за все время не произошло ни одного недоразумения, не было ни интриг, ни ссор. Общее присутствие Совета представляло собой дружное сообщество, члены коего были объединены общей идеей принести своими знаниями и опытом посильную помощь Родине.

На другой день после закрытия весенней сессии мы все были приглашены на завтрак к П. А. Столыпину. Завтрак был в доме министра на Фонтанке. Столыпин очень радушно встречал гостей, все чувствовали себя непринужденно, и завтрак прошел весьма оживленно. Столыпин благодарил всех за труды, ему от имени всех присутствовавших отвечал Рихтер. «На меня, — сказал он, — товарищами моими, представителями земств и городов, возложено приятное поручение приветствовать вас, глубокоуважаемый Петр Аркадьевич, и провозгласить тост за ваше драгоценное здоровье. Но прежде чем исполнить поручение, прошу разрешения сказать несколько слов, искренних и нелицеприятных, идущих из глубины моей души и сердца. Моя задача, не скрою, очень трудна. Эта трудность

заключается в том, что я не нахожу слов, да, впрочем, их и не найдется во всем обширном русском словаре, чтоб выразить вам всю глубину чувств, завоеванных вами в наших сердцах. Призванные волею державного вождя земли Русской в годину тяжелых испытаний на высокий и ответственный пост руководителя судьбами нашей истерзанной врагами Родины, вы, Петр Аркадьевич, первый проявили твердую решимость не преклониться перед врагом, где бы он ни был. Вы проявили ту решимость, которой так недоставало руководителям наших судеб на полях Маньчжурии, в Портсмуте, в Петербурге, наконец, во всей России. Вы решили действовать безбоязненно, полагаясь только на Бога, руководствовались одним стремлением исполнить свой долг пред царем и Родиной. Вы приступили к этой задаче, не щадя жизни и здоровья самых близких вам лиц, не оберегая ваши силы. Этой решительностью, твердостью и готовностью жертвовать собой на благо царя и Родины во всякую минуту вы снискали себе наше восторженное преклонение, вы воскресили в нас надежду, что далеко еще не все потеряно. Одним словом, вы явились нам тем Мининым, который спас нашу Родину в наше неблагополучное время. Да хранит вас Бог и его Святая Матерь на благо царя и Родины! Думаю, господа, что я верно выразил ваши мысли и чувства. Господа, за здоровье Председателя Совета Министров, глубокоуважаемого Петра Аркадьевича Столыпина!»

Вечером в тот же день в ресторане «Медведь» мы давали ответный обед Столыпину, который за столом в своей речи подчеркнул, что в тесном сближении представителей он видит будущее России. Обед был оживленный, но непродолжительный, так как приехавшие издалека спешили вернуться домой и торопились на поезд. Я тоже выехал в Москву в тот же вечер. В течение всей сессии я несколько раз ездил в Москву по срочным делам.

В ожидании возможного появления холеры, так как в Поволжье в разных местах уже было несколько случаев, я обратился 16 марта к владельцам фабрик и заводов с [...] объявлением. [...] Одновременно с сим я снесся с губернской и земской управой, отдал необходимые распоряжения по полиции. К счастью, весна и лето прошли благополучно, к осени стали появляться подозрительные по холере заболевания, но только единичные. 1 сентября Москва и Московская губерния объявлены были угрожаемыми по холере, все поезда останавливались, не доезжая до Москвы, и происходила проверка среди пассажиров, нет ли между ними заболевших. Мною было назначено несколько санитарно-врачебных комиссий для осмотра наиболее угрожаемых мест. Комиссии эти обратили внимание на антисанитарное состояние полей орошения г. Москвы и неудовлетворительное состояние жилищ рабочих там же. Подвергнув штрафу инженера, заведовавшего полями орошения, и инженеров, в ведении которых находились рабочие, я обратился с просьбой

к градоначальнику предложить городскому управлению обратить внимание на санитарное состояние подведомственных городу учреждений, находившихся в пределах губернии.

Земские управы и земские врачи проявили большую энергию в борьбе с холерой, и надо отдать им справедливость, что благодаря им холера по губернии не распространилась. Среди единичных случаев холеры, бывших в губернии, общее внимание врачебного мира привлекла женщина, находившаяся уже 10 дней в заразном бараке Измайловской земской больницы и бывшая, по-видимому, совершенно здорова, не дававшая никаких холерных явлений. Между тем троекратное бактериологическое исследование обнаружило у нее в огромном количестве холерные вибрионы, притом самого злокачественного и убийственного качества. По совету известного бактериолога Берсенева женщина эта оставлена была в больнице еще на две недели в надежде, что этим временем она избавится от вибрионов. Этот случай подтвердил мнение некоторых врачей, что есть организмы, которые совершенно не реагируют на заразу холеры.

Так как в последнюю очередную сессию Московского губернского земского собрания много вопросов осталось нерассмотренными, то пришлось разрешить чрезвычайное губернское собрание, которое и открылось 17 марта, но, к сожалению, сессия эта просуществовала недолго, на третий день пришлось ее закрыть, так как часть гласных, недовольная направлением, которое приняли прения на последних заседаниях собрания, стала бойкотировать и не посещать заседаний, вследствие чего кворум отсутствовал и два дня подряд гласные съезжались безрезультатно. По моему распоряжению собрание было закрыто.

18 марта со всеми чинами Свиты я был на встрече великого герцога Гессенского, брата императрицы и великой княгини Елизаветы Федоровны, который прибыл в Россию вместе с супругой великой герцогиней Элеонорой. Их высочества прибыли в Царское Село, где в императорском железнодорожном павильоне и состоялась торжественная встреча. Был выстроен почетный караул, Государь император был в форме Гессенского своего имени полка и встречал великого герцога вместе с императрицей и августейшими дочерьми. 15 марта их королевские высочества отбыли в Москву к великой княгине Елизавете Федоровне и поселились в Николаевском дворце, где и оставались до 3 апреля.

20 марта Киевский гренадерский полк, шефом коего был покойный великий князь Сергей Александрович, а после его кончины великая княгиня Елизавета Федоровна, праздновал свой 200-летний юбилей. По сему поводу на Александровском плацу, против казарм, состоялся церковный парад, который за отсутствием командующего войсками принимал всеми любимый командир корпуса генерал Экк.

25 марта командующему Императорской главной квартирой министру двора барону В. Б. Фредериксу исполнилось 50 лет со дня его производства в офицеры. Барон в это время находился за границей, и от имени нас, лиц Государевой Свиты, к которым барон Фредерикс всегда относился с удивительным вниманием и предупредительностью и которого мы все глубоко почитали, послана была следующая депеша за подписью помощника его по должности генерал-адъютанта Долгорукова: «Генерал-адъютанту барону Фредериксу. Я имею честь представить Вашему высокопревосходительству поздравления от лиц Государевой Свиты. Мы все, преисполненные самыми сердечными к Вам чувствами, просим Вас в день 50-летия Вашей службы в офицерских чинах принять выражение наших искренних сердечных пожеланий. Ко всем проявлениям симпатии, которые Вас окружают сегодня, позвольте присоединить и наши благодарные воспоминания о том доброжелательном и рыцарском отношении, которое Вы всегда проявляли к нам. Проникнутые этим, мы просим Всевышнего сохранить Вас еще долго среди нас, уважающих Вас до глубины наших сердец и горячо Вас любящих».

1 апреля в Москву прибыл великий князь Владимир Александрович для присутствия при освящении памятника-креста в Кремле на месте убиения великого князя Сергея Александровича. В 4 часа дня у места памятника отслужена была панихида от чинов Киевского полка в присутствии великой княгини Елизаветы Федоровны, а в 6 часов состоялось освящение храма-усыпальницы. На другой день совершено было торжественное богослужение в Чудовом монастыре, после чего под звуки «Коль славен» хоров музыки частей войск, построенных на Сенатской площади, из монастыря двинулся крестный ход к месту памятника. Во главе духовенства шли митрополит Владимир, епископы Трифон, Евдоким и Анастасий, архимандрит Чудова монастыря Арсений и бывший духовник великого князя протопресвитер Зверев. Затем следовали августейшие особы — великий князь Владимир Александрович, великая княгиня Елизавета Федоровна, великий герцог Гессенский с супругой, великий князь Дмитрий Павлович и великая княжна Мария Павловна, за ними лица Свиты.

Все приглашенные к этому времени уже разместились в особо устроенном павильоне. После молебствия и окропления памятника и знамени святой водой была провозглашена «вечная память» великому князю Сергею Александровичу и возложены были венки. Венки были следующие: «Своему командиру — преображенцы», «Незабвенному шефу — 5-й гренадерский Киевский», «От Свиты», «Незабвенному командующему войсками — чины штаба округа», «Августейшему командующему войсками — московские лейб-драгуны», «Незабвенному председателю — Императорский исторический музей», «Народный дом имени великого князя Сергея Александровича» и др.

Памятник был сооружен по эскизу художника В. М. Васнецова: бронзовый крест с эмалью с изображением Распятия и Скорбящей Божьей Матери над ним. Крест укреплен был на постаменте из темно-зеленого лабрадора, положенного на гранитном основании. Внизу на кресте была надпись: «Отче, отпусти им — не ведят бо, что творят».

7 апреля в Николаевском дворце в Москве великая княжна Мария Павловна принимала поздравления от общественных и сословных учреждений и разных лиц по случаю предстоявшего брака ее с принцем Шведским. При этом присутствовали великая княгиня Елизавета Федоровна, великий князь Дмитрий Павлович, моя сестра, состоявшая при великой княжне, воспитатель Дмитрия Павловича полковник Лаймиг и я.

Депутация московского дворянства во главе с А. Д. Самариным поднесла великой княжне икону Св. Марии Магдалины — копию с картины В. М. Васнецова в Киевском соборе, икона была написана дочерью Васнецова. Самарин приветствовал великую княжну перед вступлением в брак и просил принять икону, как благословение на счастливую жизнь на утешение великой княгине Елизаветы Федоровны, радости и скорби которой были всегда близки московскому дворянству.

Н. И. Гучков, П. И. Калашников и С. Я. Мамонтов от городского управления поднесли икону Иверской Божьей Матери, причем Н. И. Гучков сказал: «Москва привыкла считать вас, ваше императорское высочество, московской великой княжной, вы коренная москвичка, вы родились под Москвой, воспитались в стенах Москвы, и ваша деятельность по оказанию помощи бедным протекала совместно с деятельностью великой княгини Елизаветы Федоровны. Теперь вы покидаете Москву, и Московская городская дума поручила мне совместно со старейшими гласными напутствовать вас особо чтимой в Москве иконой Иверской Божьей Матери».

От купеческого общества Лосев, Усачев и Проскурняков и старшина биржевого общества В. Г. Сапожников приветствовали великую княжну словами: «Московское купечество, неизменно преданное своим Государям, их царственному роду, всегда находило в сердце своем отзвук на всякие события в их семье, и ныне оно радуется радостью вашего высочества и молит Всевышнего, да сохранит Он вас и ниспошлет счастия на многие лета».

От мещанского общества были Н. А. Королев, Сенаторов и художник Пашков. Затем был ряд депутаций от хоругвеносцев храма Спасителя, от Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны, от войск Московского гарнизона во главе с генералом Глазовым и др. Группа дам в числе более 100 во главе с М. Н. Ермоловой поднесли ларец из серебра с адресом: «Ваше императорское высочество, — гласил адрес, — примите наше сердечное поздравление и пожелания полного счастия в семейной жизни в Вашем новом отечестве. На

память о Москве, где под дорогой опекой дяди и тети протекали годы молодости Вашей, позвольте в этом русском ларце поднести Вам Святое Евангелие — благословение московских дам, сердечно Вас любящих и Вам верно преданных».

Весной 1908 г. Москву и Московскую губернию посетило страшное бедствие. В среду на Страстной неделе появились тревожные слухи о быстром подъеме воды в реках, а в ночь на четверг пришло и первое известие, что река Москва выступила из берегов и затопляет деревню Мневники Хорошевской волости Московского уезда, в 6 верстах от Москвы. Так как вскоре за этим пришло второе известие, что в Мневниках и соседней деревне Терехове один за другим затопляются дома и жителям грозит опасность, то я рано утром, захватив с собой спасательные круги и веревки, выехал на место и вместе с исправником Виноградовым и земским начальником Мясновым принял участие в спасании людей и скота, а затем прибыл и член управы Мессенер, принявший на себя по поручению земской управы заботы по продовольствию.

2 —3 теплых дня кряду и несколько дождей сразу настолько дружно подвинули таяние снегов и разрыхлили лед, что быстрый и многоводный разлив реки Москвы был вне сомнения, но все же не ожидали такого сильного подъема. Еще 8 числа, во вторник на Страстной неделе, стоявшая почти на летнем уровне вода стала быстро подниматься.

Быстро поднялся в Москве местный лед, быстро взломался и прошел, когда стал прибывать лед с верховьев реки. Почти одновременно, по полученным мной телеграммам, лед двинулся из Рузы и Можайска, вскрылись все многочисленные речонки и понесли свой лед. Вода стала подыматься чрезвычайно быстро. 9-го, когда я поехал в Терехово, она поднялась уже на 4 аршина, затем 10-го еще на столько же. Вода в городе подошла к самому карнизу набережных и начала выступать на мостовую. Около трех часов дня весь левый берег был еще свободен от воды, но в Замоскворечье вся набережная была уже залита водой, которая быстро проникала во все улицы и проулки. В угловые владения обеих Якиманок можно было подъезжать только на лодках. После пяти часов вечера вся площадь между рекой Москвой и Водоотводным каналом представляла собой картину потрясающую, но удивительной красоты. Начиная от дома Протопопова у Каменного моста нельзя уже было проехать ни по Неглинному, ни вдоль Кремлевской стены, ни по Москворецкой набережной — все было залито водой. Небольшой сухой оазис был только у въезда с Балчуга на Москворецкий мост. Далее по Москворецкой набережной можно было проехать только до Китайского проезда: вперед по направлению к Устьинскому мосту двигаться на лошадях было нельзя, и городовые бросались в воду, чтоб останавливать пытавшихся проехать.

На Устьинский мост можно было проехать кружным путем, через Китайский проезд, Солянкой, что я и сделал верхом, чтобы попасть в окруженный водой народный дом в Садовниках, но и тут приходилось переезжать громадное озеро, причем вода была выше брюха лошади, и мои ноги, когда я ехал верхом, были в воде. При переезде через Устьинский мост жуть брала, старый мост дрожал от напора воды, проносившиеся льдины почти касались наката моста. К народному дому в Садовниках я не мог подъехать верхом, пришлось пересесть в лодку, в которой я и подъехал прямо ко второму этажу.

«Болото» превратилось в настоящее бушующее море. В воде отражались огни фонарей и квартир, расположенных во втором этаже, в первых была абсолютная темнота. С большими трудностями я выехал на Раушскую набережную в наиболее высоком ее месте, вода бурлила, лошадь со страху фыркала.

Особенно красивая картина была вечером между мостами Каменным и Москворецким, возвышавшимися над сплошной водной поверхностью. В воде ярко отражались освещенные электрические фонари обоих мостов, а по линии набережных почти над поверхностью воды горели газовые фонари, от которых виднелись только верхушки и которых не успели потушить — казалось, что это плавающие лампионы на воде. Кое-где виднелись лодки, наполненные пассажирами с горящими свечами в руках, — это возвращались богомольцы из церквей после 12-ти Евангелий в Страстной четверг.

Крымский вал был сух, но зато огромные пустыри близ Голицынской и Городской больниц, Хамовники — низкая его часть, огороды близ Новодевичьего — это было сплошное море. Дорогомилово, Пресня представляли собой Венецию.

11 числа, в Страстную пятницу, вода продолжала подниматься, теплая ночь и солнечное утро как будто придали ей силы. На одну треть Москва была покрыта водой. Новый ряд улиц был под водой, где я еще накануне проезжал верхом, проехать уже нельзя было, всюду сновали лодки; протянуты были кое-где канаты, попадались наскоро сколоченные плоты с обывателями, вывозившими свои вещи. Дорогомилово было отрезано от города, и попасть в Дорогомиловский народный дом я не мог. Со стороны церкви Благовещения в Ростовском переулке открывался чудный вид. Насколько хватало глаза, весь противоположный берег реки Москвы, все улицы обратились в море сверкающей воды, к Потылихе и Воробьевым горам глаз тонул в безбрежном пространстве бурлившей воды. Только вдали виднелся как бы висящий в воздухе мост Окружной дороги. К 6 часам вечера 11 числа вода поднялась на 13 аршин. На Павелецком вокзале вся площадь была залита водой. Последний поезд отошел в 6 часов вечера с большим трудом, колеса не брали рельсов, наконец, подав поезд назад, с разбега удалось поезду двинуться, и он, рассекая воду подобно пароходу,

вышел на сухое место. Вода на станции достигала второй ступеньки вагонов.

В это время отовсюду стали поступать сведения — в Дорогомилове вода залила склады сахарного завода, где хранилось 350 тысяч пудов сахару, залило станцию Французского электрического общества, и половина Москвы осталась без света и т. д.

В этот день из уездов ко мне стали поступать сведения, одно донесение за другим, одно тревожнее другого. Из Завидова я получил депешу: «Погибаем от наводнения реки Шоши, спасите». (Шоша — пограничная река с Тверской губернией.) Тотчас я командировал двух чиновников своих, Даксергофа и Андросова, с спасательными принадлежностями и продовольствием. Через час по получении депеши они уже выехали на специальном паровозе до самой реки Шоша. Оказалось, что вода хлынула сразу и затопила деревню Селивестрово. С опасностью для жизни пришлось работать Андросову и Даксергофу, спасая жителей и скот, захваченный в домах ночью быстрым напором воды. Существенную помощь при этом оказал член Клинской уездной земской управы Рогожин, быстро доставивший на место необходимый для устройства плотов лес и принявший участие вместе с чинами полиции в спасении жителей и снабжении их хлебом.

Одновременно я направил один отряд на помощь в Бронницкий и Коломенский уезды, другой в Звенигородский. По окончании работ в деревне Селивестрове я командировал Андросова в Звенигород, а Даксергофа в Коломну. Андросов с звенигородским исправником и приставом Чуфаровским на лодке, а где и пешком, посетили все затопленные выше г. Звенигорода селения.

В 8 часов вечера 11 числа вода стала идти на убыль, такие же сведения я получил и из уездов относительно рек Пахра, Яхрома, Пехорка. Я несколько успокоился, как вдруг 12 числа, в Страстную субботу, я получил тревожное донесение от серпуховского исправника — Ока, до сих пор державшаяся, вдруг поднялась и затопила все прилегающие деревни. В ночь на 12-е вода в Оке близ Серпухова поднялась настолько, что размыла все жилые помещения станции Ока и разрушила их, снесла их, а затем и самую станцию. Начальник станции был унесен водой, спасти его нельзя было. Опасались моста чрез Оку, но вода дошла до самых рельс, не перейдя их, и мост устоял. Вода поднималась до 10 с половиной сажен. Дом, где жил помощник начальника станции Ивановский, также был снесен. Когда жена его выносила вещи, то вдруг, на глазах всех присутствующих, она провалилась под пол и была унесена водой, попав в бушующий водоворот.

Не успел я получить этих печальных вестей из Серпухова, как новая депеша известила меня о страшном бедствии в Белопесоцкой слободе того же уезда, на линии Павелецкой ж. д., на берегу Оки против г. Кашира. Это было вечером около 6 часов в Страстную

субботу. Я решил тотчас выехать, но вспомнив, что приеду туда как раз в Светлое Христово Воскресенье, заказал по телефону Филиппову полтораста куличей и пасох и несколько сот яиц, которые были доставлены мне в вагон на вокзал. Поезд отошел в 11 часов вечера, и к утру 13 апреля я был на полустанке, откуда до слободы было не более одной с половиной версты. Я застал удручающую картину. Вся слобода была в воде, кое-где виднелись крыши домов, а местами одни трубы, только нескольких изб вода коснулась слегка, все пространство до противоположного нагорного берега реки Оки, где виднелся г. Кашира, было покрыто водой. Жители со своим скарбом, который успели спасти, с лошадьми, телегами, скотом расположились на горе близ слободы. По улицам слободы сновали лодки, плоты со стражниками и чинами полиции, спасавшими остатки из домов, которые были не совсем еще залиты. Ужас был на лице крестьян, когда я подъехал; увидя меня, бабы заголосили, а старики стали креститься. Тут же был и священник сельский, успевший спасти часть утвари из залитой водой церкви. Как только подвезли куличи и пасхи и разложили их, был отслужен пасхальный молебен, освящены пасхи и куличи. Крестьяне были взволнованы, многие плакали, ведь они все заготовки к Пасхе оставили в избах, спасли только попавшее им под руки. Оказалось, что река Ока все эти дни не проявляла ничего особенного, и жители стали надеяться, что все обойдется, как вдруг поднялся ветер, какой-то необыкновенный шум, и высокая водяная стена устремилась на слободу и залила ее всю; к счастью, сначала было мало воды, и потому люди успели выбраться и вытащить скот, потом вода стала быстро подыматься, она продолжала подыматься и при мне. Вслед за мной к вечеру прибыл и санитарный отряд, снаряженный на средства М. В. Катковой, первой отозвавшейся на мой призыв о помощи.

Сделав все необходимые распоряжения, я выехал обратно в Москву и на следующий день отправился в г. Коломну и Озеры, где разлив реки Оки достиг колоссальных размеров, но тут уже такого бедствия не было. Предупрежденные жители успели заблаговременно принять все возможные меры для спасения имущества и скота.

В Коломне на слиянии рек Москвы и Оки подъем воды был настолько велик, что пароход, на котором я шел, проходил совершенно свободно по полям, не задевая земли. Были места, где видимый горизонт сливался с водой. И среди этой воды два монастыря, как два неприступных оазиса, отражались в воде. Посетил я и деревню Колонец в Бронницком уезде на обратном пути из Коломны в Москву, где около 150 дворов было в воде.

В г. Москве вода стала убывать с утра Страстной субботы, но крайне медленно, и обыватели Замоскворечья, Дорогомилова и других мест провели весьма тяжелую ночь на Светлое Христово Воскресенье. Многие остались без освещения, без припасов, без возмож-

ности двинуться. Из Кремля, откуда открывался вид на все Замоскворечье, в эту ночь вместо обычно расцвеченных разноцветными фонарями и бенгальскими огнями многочисленных церквей взору открывалась картина мертвого города — окруженные водой церкви не открывались. Такого наводнения Москва никогда не видела; последнее было в 1856 г., но и тогда вода была на целую сажень ниже, чем в 1908 г.

В первый день праздника вода стала заметно убывать, и днем уже многие улицы освободились от воды, а на второй день вода уже вернулась в свои берега. Глазам обывателей представилась полная картина последствий наводнения — на освобожденных от воды занесенных илом и песком улицах мостовые были местами разрыты, валялись разные обломки, старые поломанные бочки, разбитые баржи, всевозможный скарб. Понадобилось несколько дней усиленной работы пожарных, саперов, обывателей, чтоб привести Москву в порядок.

В течение всей Пасхальной недели я совершил ряд объездов, посетил все села и деревни, пострадавшие от наводнения. Когда я объезжал Туровскую волость и возвращался из села Турова, находившегося на берегу реки Оки, в 15 верстах от станции, верхом, так как иначе проехать из-за низин, покрытых водой, не было возможности, и меня сопровождал также верхом, несмотря на мои уговоры не ехать, председатель Серпуховской управы А. И. Писарев, случилось комичное, но неприятное происшествие. Проезжая по лесу, пришлось довольно долго ехать по воде, причем вода достигала до брюха лошади, а местами и выше. Вдруг лошадь Писарева приостановилась и преспокойно стала садиться в воде, желая, очевидно, выкупаться. Бедный Писарев почти с головой окунулся в воду, нас сопровождал только один стражник, с трудом могли мы его вытащить. К счастию, до станции оставалось всего несколько верст, и он мог переодеться в моем вагоне, натереться спиртом и согреться. Я очень боялся за его здоровье, но, слава Богу, холодная ванна ему не повредила. [...]

Что касается земских управ, то ввиду непроявления должной заботливости со стороны трех земских управ из семи к пострадавшему населению и непринятия своевременных мер подачи помощи я привлек к ответственности Бронницкую, Звенигородскую и Серпуховскую земские управы.

Под впечатлением этого бедствия, которого я был свидетелем, которое причинило населению неисчислимые убытки — многие остались без крова, а некоторые и без пищи, — я во вторник на Пасхе, 15 апреля, созвал совещание, пригласив предводителей дворянства, председателей земских управ и чинов моего управления с целью обсудить вопрос о помощи.

Ознакомившись с положением дела и выяснив, что бедствие коснулось главным образом уездов Московского, Бронницкого, Зве-

нигородского, Клинского, Коломенского и Серпуховского, совещание постановило: 1) открыть комитеты по оказанию помощи пострадавшим от наводнения: губернский — под моим председательством, а в случае моего отсутствия — губернского предводителя дворянства; и уездные: Московский, Звенигородский, Клинский, Коломенский и Серпуховской под председательством уездных предводителей дворянства; 2) открыть сбор пожертвований деньгами, вещами и пищевыми продуктами путем публикации в газетах; 3) открыть текущий счет в Волжско-Камском коммерческом банке для взноса сумм, не требовавших немедленного расходования; 4) обратиться к митрополиту Московскому с просьбой об открытии сбора в церквах и об отпуске возможно большей суммы из остатка специального капитала, собранного для помощи пострадавшим от беспорядков в 1905 г.; 5) собрать точные сведения о размерах бедствия и 6) собрать экстренные заседания уездных съездов по вопросу о семянных ссудах.

В состав губернского комитета, кроме меня как председателя и заменявшего меня губернского предводителя дворянства А. Д. Самарина, вошли: московский вице-губернатор А. С. Федоров, начальник Московско-Тверского управления земледелия и государственных имуществ Н. И. Акоронко, управляющий Московским удельным округом П. Б. Шереметев, уездные предводители дворянства: московский — Н. А. Базилевский, богородский — И. Н. Кисель-Загорянский, бронницкий — А. А. Пушкин (он же председатель уездной земской управы), верейский — А. К. Шлиппе, волоколамский — князь С. Б. Мещерский, дмитровский — (исправляющий должность) А. В. Макаров, звенигородский — граф П. С. Шереметев, клинский — барон В. Д. Шеппинг, коломенский — Д. А. Бутурлин, можайский — (исправляющий должность) С. Г. Варженевский, подольский — А. М. Катков, рузский — граф Б. В. Мусин-Пушкин и серпуховской — П. А. Янов; председатели земских управ: Московской — (исправляющий должность) В. В. Месснер, Звенигородской — Г. Г. Карпов, Клинской — А. А. Аверкиев, Коломенской — А. Р. Расторов и Серпуховской — В. Н. Писарев. Представители Московского биржевого комитета В. Б. Крестовников и Э. Я. Цоппи и Купеческого общества П. И. Иванов и Г. П. Немчинов; непременные члены губернского присутствия П. П. Полянский и губернского по земским и городским делам присутствия М. Д. Оловенников, советник Московского губернского правления П. В. Истомин и состоящие при Министерстве внутренних дел и откомандированные в распоряжение московского губернатора А. М. Полянский, Г. М. Виноградов (исправляющий должность московского уездного исправника), И. М. Языков, С. В. Степанов (управлявший канцелярией губернатора) и А. В. Аврорин. Делопроизводителем комитета был избран А. В. Аврорин. Впоследствии в состав комитета были приглашены: представитель епархиального

ведомства преосвященный епископ Дмитровский Трифон и председатель Рузской уездной земской управы А. И. Цыбульский.

Всех заседаний губернского комитета было семь. Ко дню первого заседания уже имелись почти все необходимые данные, и оказалось, что площадь разлива рек охватила громадное пространство около 600 квадратных верст при подъеме воды в реках до 10 саженей, а в затопленных местах до 5 саженей, пострадало 183 селения и всех 3423 домохозяев, причем выяснилось, что кроме уездов, о которых говорилось на совещании, сильно пострадал еще уезд Рузский.

Открыв свои действия, губернский комитет, обсуждая вопрос о помощи населению, остановился на трех категориях: 1) помощь собственно крестьянам, потерявшим всецело или отчасти жилища, семена, живой и мертвый инвентарь; 2) помощь крестьянским обществам на ремонт колодцев, мостов и общественных сооружений и 3) если останутся деньги, помощь частным владельцам и вообще более зажиточным лицам. План этот впоследствии был несколько изменен.

Благодаря вовремя принятым мерам (по обилию выпавшего зимой снега и отсутствию правильных осадков его предвидели сильный подъем воды и по возможности подготовились), несчастий с людьми и животными почти не было. Людей утонуло только двое, и то один по своей неосторожности, случаи гибели скота были только единичные.

Население всей России горячо отозвалось на помещенное в газетах воззвание. Пожертвования деньгами и вещами присылались из самых отдаленных местностей империи, и к 15 апреля у губернского комитета было уже около 23 000 руб. Из числа крупных жертвователей первым отозвалось московское дворянство, приславшее 1000 руб., такая же сумма была милостиво отпущена великой княгиней Елизаветой Федоровной, 1000 руб. получено через московского генерал-губернатора, 5000 руб. от московских Биржевого и Купеческого обществ, 1000 руб. от В. И. Солдатенкова, 1000 руб. от Литературно-художественного кружка и 5000 руб. были отпущены на первоначальную помощь Министерством внутренних дел.

Все эти деньги были немедленно разосланы в наиболее пострадавшие местности, в том числе и в Рузский уездный комитет, где так же, как и в других пострадавших уездах, был образован уездный комитет по оказанию помощи. Сверх того на помощь населению пришли Общество Красного Креста, Московское местное управление коего для удовлетворения первоначальной острой нужды в пище и одежде направило свои отряды в Белопесоцкую слободу Серпуховского уезда, в селения Золотово, Алешино, Михалево и Фаустово Бронницкого уезда и в Ягунино Звенигородского уезда, где устроило питательные пункты, кормившие ежедневно свыше 600 человек. Отряд в Белопесоцкой слободе, как я уже говорил, функци-

онировал исключительно на средства, предоставленные М. В. Катковой, которая первая отозвалась на мой призыв и личным трудом, и денежными средствами.

Помимо этого я лично и чиновники особых моих поручений раздавали на местах нуждающимся хлеб и одежду, последнюю удалось получить благодаря милостивому участию великой княгини Елизаветы Федоровны, при первых же известиях о бедствии приказавшей отпустить из своего склада различную мужскую и женскую одежду на 500 человек.

Но нужда была еще велика, и требовалось еще много денег на ее покрытие. Вскоре были получены от Комитета при Управлении московского генерал-губернатора из высочайше пожалованных его императорским величеством сумм 34 000 руб., дополненные впоследствии еще 4000 руб., а также было пожертвовано 1000 руб. великим князем Константином Константиновичем с августейшими сыновьями князьями Иоанном и Гавриилом Константиновичами, каковые деньги по выраженному его высочеством желанию употреблены были на выдачу пособий пострадавшему населению Рузского уезда.

Не оскудевала и рука жертвователей, особенно в этом отношении выделялись московские Биржевое и Купеческое общества, представители которых отзывчиво приняли горячее и щедрое участие в судьбе несчастного пострадавшего от наводнения населения Московской губернии и не раз выводили губернский комитет из затруднительного положения, в которое его ставила невозможность покрыть наличными средствами суммы, заявленные уездными комитетами. В общем, названными обществами было отпущено 40 000 руб. и сверх того 3518 руб. в личное мое распоряжение на покрытие убытков должностных лиц, и кроме того, названные общества приняли на себя удовлетворение ходатайств торговцев и промышленников, обращавшихся в Комитет, когда выяснялось, что они, как отнесенные к 3-й категории, должны будут ждать того времени, когда определятся остатки, и рискуют остаться неудовлетворенными как по возможному отсутствию остатков, так и по слишком крупным размерам своих убытков, покрытие которых могло оказаться губернскому комитету не по силам. Из числа частных лиц очень крупной жертвовательницей оказалась В. А. Морозова, которая кроме 1000 руб., присланных в губернский комитет, дала еще 13 000 руб., лично распределив их между комитетами наиболее пострадавших уездов.

В мае месяце великая княгиня Елизавета Федоровна выразила желание принять на себя заботы о населении Звенигородского уезда и покрыть из личных средств всю ту сумму, которой не будет доставать уездному комитету на покрытие убытков от наводнения, таким образом, Звенигородский уезд перестал нуждаться в помощи губернского комитета. Существенную помощь населению оказали

ведомства удельное и государственных имуществ путем бесплатного отпуска леса, а также епархиальное ведомство, которым в июне месяце было прислано в губернский комитет 23 631 руб. 94 коп. из капитала, оставшегося из сумм, собранных в свое время на помощь пострадавшим от беспорядков 1905 г.

Постепенно, приблизительно через полтора месяца после открытия действия губернского комитета, удалось из собранных сумм покрыть неотложные нужды и наиболее ощутительные убытки населения и в дальнейшем пришлось приходить на помощь только в отдельных единичных случаях. Так, например, в феврале и марте текущего года было закуплено сено для крестьян селений Константиново и Маришино Спасской волости Бронницкого уезда, всего в количестве 5580 пудов, на 1025 руб. 40 коп. Из 177 325 руб. 62 коп., собранных губернским комитетом, им было роздано пособий на покрытие убытков в виде первоначальной помощи пострадавшим 130 025 руб. 87 коп. Все эти выдачи были закончены к июлю месяцу, и к этому же времени были получены из уездов краткие отчеты.

Так как при производстве обследования выяснилось, что некоторые селенья губернии, будучи расположены в низинах, систематически из года в год заливаются паводками, то было решено предложить желающим переселиться на более высокие места и остаток собранных денег обратить на нужды переселения. В июле были собраны сведения о желающих переселиться, и немедленно же началась раздача пособий в размере в среднем по 100—150 руб. на двор. Однако выдачу таких пособий пришлось растянуть на более продолжительное время, так как комитет, во избежание злоупотреблений, не нашел возможным выдавать их вперед, ограничиваясь лишь небольшими авансами на расход по сломке переносимых строений, и притом многие домохозяева могли тронуться не ранее весны 1909 г. Всего пособий на переселение было роздано 32 308 руб. 77 коп. 282 домохозяевам.

В общем, считая и расходы по делопроизводству, губернским комитетом было израсходовано 167 717 руб. 66 коп. и из образовавшегося остатка в сумме 11684 руб. 69 коп. было решено ассигновать 1800 руб. на переселение еще не переселившихся 12 домохозяев деревни Селивестрово Клинского уезда, отпустить 60 руб. на ведение делопроизводства и 300 руб. на печатание отчета. 8000 руб. внести в одно из надежных кредитных учреждений для наращения процентов, предоставив управление этим капиталом московскому губернатору, чтобы как самый капитал, так и имевшие наросли на него проценты, образовали бы фонд на случай какого-либо стихийного бедствия в Московской губернии, а остальную сумму предоставить в распоряжение московского губернатора на оказание помощи беднейшему населению губернии в единичных случаях убытков от каких-либо несчастий, как, например, паводка, пожара и т. п.

Оперируя на пожертвованные деньги, губернский комитет и его

агенты на местах, принимавшие все старания к тому, чтобы прийти на помощь действительно нуждающимся и чтобы в свое время иметь возможность дать полный отчет в каждой израсходованной копейке, вместе с тем заботились, чтобы оказание помощи не затягивалось излишним формализмом обследований, памятуя, что «вдвое дает тот, кто дает скоро». При этом нельзя не отметить, что во время производства обследований, особенно в первое время, почти не было случаев преувеличения нужды и получения лишнего, наоборот, все пострадавшие, как бы сознавая, что нуждавшихся много, были скорее склонны уменьшить сумму понесенных ими убытков, прося помочь только в самом насущном.

Губернии удалось выйти без особого потрясения из тяжелого ниспосланного испытания. Благодаря щедрым пожертвованиям, благодаря исключительной помощи со стороны общественных организаций, а также и той отзывчивости, которую проявили вообще москвичи, удалось справиться с бедствием, и не только справиться, но и предотвратить на будущее подобное стихийное несчастие. Удалось оказать содействие к переселению всех домохозяев, дома коих были залиты, на новые безопасные места. Этим последним я обязан был исключительно представителям Биржевого и Купеческого обществ, главным образом Э. Я. Цоппи и Г. И. Немчинову, не пропускавшим ни одного заседания и внимательно прислушивавшимся ко всем моим заявлениям. Стоило мне только намекнуть, что желательно было бы оказать помощь такую-то такому-то селу или деревне, а средств не хватает, как тотчас Цоппи или Немчинов вставали с заявлением, что Биржевое или Купеческое общество берет этот расход на себя.

Ничтожное количество несчастных случаев с людьми во время наводнения, прямо единичные случаи, я отношу всецело заботе и неутомимой работе чинов полиции, которые первыми являлись для подания помощи — я их встречал мокрыми, оборванными, голодными. Московское уездное земское собрание, несмотря на то, что в составе его преобладали гласные оппозиционного направления, 7 мая, рассмотрев доклад управы о наводнении, бывшем в Московском уезде, единогласно постановило просить меня выразить благодарность собрания уездной полиции за ее прекрасную деятельность во время народного бедствия.

Население всюду отзывалось о них с огромной признательностью. Правление Московского округа Российского [общества] спасания на водах прислало нижеследующую бумагу от 19 августа 1908 г.:

«Правление Московского округа Императорского российского общества спасания на водах, рассматривая в своих заседаниях в мае, июне и июле сего года при докладах инспектора округа присланные полицейские протоколы о случаях спасания во время бывшего в апреле весеннего наводнения разлившихся рек в уездах Московской

губернии, выразившегося в небывалом размере и захватившего огромный район гибнувших на водах людей, имущества и скота, которые большею частью были спасены, и принимая во внимание, что такое благодетельное явление было следствием самоотверженного действия всех чинов московской губернской полиции под личным наблюдением и распоряжением Вашего превосходительства, являвшегося в самые опасные места для руководства и принятия мер к спасению застигнутых наводнением семейств, снабжением их провизией, медикаментами и водворением в безопасные прибрежные места — по предложению господина председателя правления округа Георгия Александровича Смирнова, в заседании своем, состоявшемся 24 июля сего года, подтвердившего правлению о высшей степени полезной во время наводнения деятельности московской губернской полиции во главе с Вашим превосходительством, возбудил пред правлением о внесении в обсуждение имеющего быть в марте 1909 г. общего годичного собрания господ членов Московского округа предложения об избрании Вашего превосходительства в почетные члены Московского округа Общества, и вместе с тем за Ваши энергичные распоряжения, сопряженные до известной степени с опасностью для Вашей жизни при спасении застигнутых наводнением семейств в деревнях Мневники и Терехово и Белопесоцкой слободы, ходатайствовать чрез московского генерал-губернатора пред господином военным министром о представлении Вас к высочайшей награде — серебряною медалью с надписью «За спасение погибавших» для ношения на груди на Владимирской ленте, и, кроме того, просить Ваше превосходительство выразить благодарность правления Московского округа всем чинам московской губернской полиции за их примерную деятельность и поддерживаемый ими образцовый порядок в столь тяжелое от наводнения бедствием время».

В промежутках между моими поездками в пострадавшие от наводнения местности я 18 апреля присутствовал на открытии пассажирского автомобильного омнибусного движения между г. Верея и станцией Шелковка Московско-Брестской ж. д. Расстояние это в 24 версты приходилось делать на лошадях, что было и дорого, и отнимало три часа времени. Автобус же проходил это расстояние от 40 до 50 мин., причем стоимость проезда обходилась каждому пассажиру вдвое дешевле, чем на лошадях. Дабы поощрить это культурное начинание, я и поехал лично на открытие. Кроме того, мне хотелось лично поговорить и с крестьянами, которые, подстрекаемые ямщиками, боявшимися потерять заработок, смотрели косно на это новшество, проявляя даже некоторую враждебность. К сожалению, это автобусное движение просуществовало недолго из-за небрежности шоферов и несовершенства машин, они часто портились, и движение постоянно прерывалось, так как автобусов было только два и их не успевали чинить.

18 апреля по случаю предстоящей 20 числа свадьбы великой княжны Марии Павловны с принцем шведским в Царское Село прибыл король шведский Густав, а вечером в тот же день наследный принц румынский Фердинанд с супругой принцессой Марией (дочерью великой княгини Марии Александровны).

Во время парадного обеда в Царскосельском дворце Государь, подняв бокал, произнес на французском языке: «Самым сердечным образом приветствую ваше величество и выражаю радость, которую доставляет императрице и мне и всему моему дому предстоящий союз моей возлюбленной двоюродной сестры с сыном вашего величества.

Это счастливое семейное событие, совершаясь в моменты, когда Россия и Швеция только что рядом друг с другом присоединились к политическому соглашению, призванному способствовать сохранению равновесия и всеобщего мира в Европе, представляет мне сугубо ценный залог искренней дружбы, которая соединит наши два государства, и все большее закрепление, которое я принимаю близко к сердцу. Проникнутый этим чувством, я поднимаю бокал за здоровье его величества короля Густава, ее величества королевы Виктории, об отсутствии которой я глубоко сожалею, и всего королевского дома и за процветание Швеции — соседа и друга».

Шведский король ответил следующими словами: «Государь! Глубоко тронутый милостивыми словами, с которыми ваше императорское величество изволили обратиться ко мне, я считаю долгом выразить глубокую благодарность за чарующий прием, который ваше императорское величество изволили оказать мне с момента моего пребывания в России, и в то же время, исполняя данное мне королевой поручение, выразить ее самое искреннее сожаление, что она не могла мне сопутствовать. Не со вчерашнего дня существуют узы дружбы, которые соединяют наши дома, и я уверен, что союз между нашими семьями, который чрез несколько дней получит торжественное освящение, обновит их и сделает еще более тесными. Я прошу ваше величество быть уверенным, что великая княжна, моя будущая невестка, будет принята с искренней сердечностью не только мною и моей семьей, но также и ее новым отечеством. Уже благодаря своему географическому положению Швеция находится в близких сношениях с великой подвластной скипетру вашего величества нацией, и я горячо надеюсь, что соглашение, недавно заключенное между державами Балтийского моря, будет содействовать еще большему укреплению дружеских отношений между обеими нациями. Это соглашение, которое я приветствовал с живейшим удовлетворением, положит начало, я надеюсь, новой эре мира и взаимного доверия между нашими странами. Сердечно вожделея об осуществлении этих пожеланий, я позволяю себе, Государь, пить за здоровье его величества Государя императора Всероссийского, их

величеств Государынь императриц, императорской семьи и за процветание великого и могущественного русского народа».

20 апреля состоялась свадьба великой княжны Марии Павловны с шведским принцем Вильгельмом. Получив приглашение и будучи также назначен дежурным при Государе в этот день, я накануне выехал из Москвы и, переодевшись в вагоне, поехал прямо в Царское Село в Александровский дворец, где заступил на дежурство при Государе.

В 9 часов утра 5 пушечных выстрелов в Кронштадте и в Царском Селе известили население о предстоящем бракосочетании. В 2 часа дня начался съезд приглашенных в Большой Царскосельский дворец, где главный подъезд и вся лестница превращены были как бы в сад массой тропических растений и цветов.

В церкви собрались высшие чины, председатели Государственного Совета Акимов и Государственной Думы Хомяков. В зале перед церковью стоял почетный караул от дворцовых гренадер в их красивых мундирах с красной грудью, с золотыми портупеями, в медвежьих шапках. Вышитое золотом красивое знамя роты эффектно выделялось. Наверху в залах выставлены были караулы Конной гвардии в парадных белых мундирах с красными супервестами, в лосинах и ботфортах, и гусары его величества в красных доломанах с белыми ментиками и в бобровых шапках. В Арабесковом зале придворные дамы, фрейлины в русских придворных костюмах и кокошниках. В Серебряной столовой, стены коей были украшены серебряными орнаментами, — военные чины и т. д. В трапезной церкви устроено было квадратное возвышение, покрытое малиновым бархатным ковром, справа были места для их величеств.

Все высочайшие особы собрались во внутренних бывших покоях императрицы Марии Александровны. Там в уборной — Лионской комнате — приготовлен был туалет с золотыми приборами для невесты. Туалет этот был исторической ценности — перед этим туалетом в свое время одевалась к венцу императрица Анна Иоанновна, и с тех пор перед ним одевались всегда к венцу все русские великие княжны. По сторонам туалета, на двух круглых столах, на розовом атласном плато лежали с одной стороны маленькая корона и диадема из крупных бриллиантов, с другой — драгоценное бриллиантовое ожерелье, браслеты, серьги. Тут же, на кресле — бархатная, подложенная горностаем малиновая мантия с длинным шлейфом. Отдельно на столе стояла художественная икона и блюдо с хлебом-солью для благословения.

В эту комнату в назначенное для одевания невесты время вошли придворные дамы, среди которых была и моя сестра, и по окончании обряда одевания вернулись в портретный зал, а обер-церемониймейстер граф Гендриков об окончании обряда одевания известил жениха. Государь император с императрицей благословил невесту, после чего шествие двинулось в церковь при салюте из орудий 21

выстрелом. Впереди шли гоф-фурьеры [1], камер-фурьеры [2], затем придворные чины. За ними, с высоким жезлом, гофмаршал граф Бенкендорф, а затем обер-гофмаршал князь Долгоруков с жезлом, украшенным орлом, предшествовал их величествам.

Государыня императрица Мария Федоровна шла с королем шведским, затем Государь с королевой Ольгой Константиновной, имея позади себя министра двора барона Фредерикса, дворцового коменданта Дедюлина и дежурство — генерал-адъютанта Дубасова, Свиты генерала князя Юсупова и меня как дежурного флигель-адъютанта. Шел и камер-паж Государя — фельдфебель Пажеского корпуса. Государыня императрица Александра Федоровна шла с великим герцогом Гессенским, за императрицей — великие княжны Ольга, Татьяна и Мария Николаевны. Наследный принц румынский Фердинанд шел с великой герцогиней Гессенской. Королевич Николай греческий с принцессой румынской. После них — жених с невестой, длинный шлейф которой несли четыре камергера и поддерживал граф Менгден — заведовавший двором великой княгини Елизаветы Федоровны. Королевич Андрей греческий шел с великой княгиней Еленой Владимировной; королевич Христофор греческий с королевной Алисой; принц Карл шведский с принцессой Ингеборг шведской; великий князь Михаил Александрович с великой княжной Марией Павловной и т. д.

За высочайшими особами шли придворные дамы, фрейлины, сенаторы, почетные опекуны и т. д. После встречи духовенством в храме началось венчание. Два придворных протоиерея на золотом блюде подали обручальные кольца, подошли шафера — великий князь Михаил Александрович, великие князья Борис и Андрей Владимировичи, великий князь Дмитрий Павлович, королевич Христофор, великий князь Сергей Михайлович и князья Иоанн и Гавриил Константиновичи.

После венчания молодые приносили благодарность их величествам, после чего было отслужено молебствие, по окончании которого при пении «Тебе, Бога, хвалим» произведен был салют в 101 выстрел. Обратный выход из церкви был в том же порядке, но первыми шли высоконовобрачные.

Шествие шло через Большой зал по искусственному коридору, образованному шелковыми белыми ширмами на золоченых колонках, дабы скрыть уже накрытые для обеда столы, по шелку вились гирлянды из нежной тончайшей зелени. Вдоль всего прохода стояли шагах в 10 друг от друга егеря и служители царской охоты в своих парадных красных и темно-зеленых с золотом и красных мундирах.

Шествие вышло в аванзал, где было уже все приготовлено для лютеранского венчания. Стена против окон утопала в тропической зелени, и на темном ее фоне красиво выделялись сплошные группы лилий и сирени, а посреди — распятие над устроенным лютеранским алтарем, покрытым малиновым бархатом.

Епископ г. Лунда Биллинг совершил лютеранское венчание, произнесши проповедь. Во время богослужения профессор Главач на гармониуме артистически аккомпанировал капелле, исполнявшей по-шведски 135-й псалом и хорал, после чего одним хором a capella * исполнен был гимн Бетховена «Пробуждение природы».

Вечером в 7 часов состоялся парадный обед на 300 приборов. Царский стол стоял покоем, и к нему тянулись радиусами длинные столы с приглашенными. Все столы утопали в зелени и цветах. На всех приборах лежало меню в виде раскрывающейся карты, обе стороны которой расписаны были изображениями из классической мифологии, а внутри на одной стороне в красках изображен был Кремль и отпечатана программа музыки, а на другой — парадный въезд невесты в золоченой карете и меню обеда. На царском столе, на скатерти, было устроено плато из живых цветов, изображавшее шведский флаг. Во главе царского стола, между Государем и императрицей Марией Федоровной, сидели высоконовобрачные.

В 10 часов вечера в том же дворце состоялся высочайший вечерний выход (куртаг). Придворные арапы в своих живописных одеждах, белых чалмах, красных, расшитых золотом куртках, с дорогими шалями чрез плечо отворили двери зала, и в него из бывших покоев императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I, последовал высочайший выход. Два церемониймейстера, обер-церемониймейстер и обер-гофмаршал князь Долгорукий предшествовали их величествам. Под звуки полонеза из оперы «Жизнь за царя» их величества и некоторые особы императорского дома сделали несколько туров. Первый тур императрица Мария Федоровна шла со шведским королем, Государь — с греческой королевой, императрица Александра Федоровна — с великим герцогом Гессенским, наследный принц румынский — с великой герцогиней Гессенской и новобрачные. Второй тур — Государь с новобрачной, императрица Мария Федоровна с новобрачным, королева греческая с наследным принцем румынским и т.д.

После полонеза подан был чай и кофе, во время которого придворным оркестром были исполнены сочинения Лядова и Глазунова. С куртага императрица Александра Федоровна с королем шведским в сопровождении почетного эскорта Конвоя отбыли в Александровский дворец для встречи и приема новобрачных. Вслед за императрицей выехали новобрачные в парадной карете, были приняты императрицей и затем по царской ветке отбыли в Петербург во дворец великой княгини Елизаветы Федоровны, которая их там встретила и где им отведено было помещение. 22 апреля в Зимнем дворце высоконовобрачные принимали поздравления от дипломатического корпуса, министров и высших чинов гражданского управления, военных, придворных дам, дам высшего

* Хоровое пение без инструментального сопровождения.

общества, Государевой Свиты, представителей городских и сословных учреждений и др.

20 апреля в Москве обер-пастор евангелической лютеранской церкви св. Апостолов Петра и Павла Г. Г. фон Дикгоф, известный в Москве своей благотворительностью, праздновал свой 50-летний юбилей священнослужения. После богослужения в церкви Петра и Павла в зале Петро-Павловского общества состоялось торжественное заседание в честь всеми уважаемого юбиляра. Дикгофу было тогда 75 лет от роду, он родился в России и окончил курс по богословскому факультету в Юрьеве.

24 апреля Московский окружной суд, рассмотрев дело об оскорблении меня как должностного лица В. М. Пуришкевичем, приговорил его к 25 руб. штрафа. Дело было в следующем. 24 марта 1907 г. В. М. Пуришкевич в качестве товарища председателя Главного совета «Союза русского народа» обратился ко мне с запросом, почему член «Союза русского народа» Скорняков не утвержден мной в должности члена Коломенского уездного училищного совета. На это я ответил, что утверждение в указанной должности, согласно высочайше утвержденного 7 февраля 1894 г. мнения Государственного Совета, принадлежит исключительно власти губернатора, и единственно только Сенат может требовать от губернатора, в случае принесения жалобы, разъяснения. Ввиду этого я, не признавая за Советом «Союза русского народа» права требовать от меня разъяснений, оставляю обращение Совета без исполнения. Это мое отношение возвращено было Пуришкевичем обратно со штемпелем члена Совета «Союза русского народа», причем мое отношение было перечеркнуто крестообразно синим карандашом, каковым была сделана и приписка: «А если б я сделал запрос в Думе?» и далее: «А я за неприличный тон бумаги возвращаю ее обратно гу-ру. В. Пуришкевич». Возвращено было мне это отношение при препроводительном письме, представлявшем клочок бумаги в 1/8 листа: «По распоряжению г. товарища председателя Главного совета при сем возвращается Вашему превосходительству письмо ваше от 16 апреля». Я и привлек Пуришкевича по 2 части 286 статьи Уложения о наказаниях (оскорбление должностного лица неприличными словами).

24 апреля в Государственной Думе в Петербурге во время прений о расходах по эксплуатации железных дорог произнесено было много речей, отметивших крайне неудовлетворительное состояние железнодорожного дела, и после обмена мнений поднят был вопрос об образовании специальной комиссии для обследования этого дела и выработки мер для его улучшения. Выступивший по сему поводу министр финансов Коковцов, не возражая против уч-

реждения комиссии, находил, однако, нежелательным учреждение ее в законодательном порядке, настаивая на учреждении ее в порядке управления. На это возражал член Думы Милюков, в свою очередь настаивая на «парламентской комиссии», так как только тогда, по его словам, комиссия сможет получить то право и полномочия, какими Дума захочет ее снабдить.

Министр финансов, возражая Милюкову, заявил, что бюджетная комиссия имела в виду так называемую анкету исследования, что о «парламентской» анкете он не говорил, так как «у нас, слава Богу, парламента еще нет», — произнес он вдруг совсем неожиданно. Послышались рукоплескания правых и крики «браво», но общее шиканье и шум слева заглушили их. У Коковцова на лице скользнула тень растерянности, но он овладел собой и докончил свою речь. Слова его, неосторожно сказанные, подняли целую бурную полемику: Милюков заявил, что слово «парламентское» он употребил без всякой двусмысленности, так как Дума, по его мнению, есть один из видов парламента, и прибавил: «Тот, который говорит, что у нас, слава Богу, нет парламента, должен сказать, что у нас, слава Богу, нет и конституции, но что он этого не думает и говорит «слава Богу, у нас есть конституция».

Целый последующий день, 25 апреля, Дума продолжала обсуждение слов Коковцова, пока Председатель Думы не остановил прений, отвлекших Думу от рассматривавшегося вопроса. Но остановив прения, Хомяков несколько неуважительно выразился о словах Коковцова. Последний счел себя оскорбленным, а Столыпин нашел, что словами Хомякова задет весь Кабинет, и потребовал от него взять слова назад, иначе он подаст в отставку. Хомяков извинился перед Думой, что не дал ораторам касаться слов Коковцова по существу, а перед Кабинетом — что не имел права квалифицировать слова Коковцова. Этим инцидент был исчерпан, все были удовлетворены.

В конце апреля, к моему большому удовлетворению, крестьяне села Павшина после продолжительной моей переписки с министерством и личных переговоров получили, наконец, дополнительное вознаграждение в размере 50 000 руб. за отчужденную у них землю под Московско-Виндавскую ж. д. Дело это началось еще несколько лет тому назад. Близ села Павшина, ввиду устройства запасных путей на станции Павшино Московско-Виндавской ж. д., понадобилось отчуждение для сей цели нескольких десятин земли, большей частью крестьянской, и среди них только несколько десятков квадратных саженей церковной земли. Согласно закона, оценка таковой земли производилась распоряжением губернского правления, особой оценочной комиссией, затем составлялся журнал, который представлялся на мое утверждение, а затем все дело шло по инстанциям в Государственный Совет, в Особое присутствие по делам о прину-

дительном отчуждении недвижимых имуществ и вознаграждений их владельцев. По сношении с министром финансов и рассмотрении дела в этом присутствии составлялся всеподданнейший доклад, который и представлялся на высочайшее утверждение, после чего никаких изменений допускаемо быть не могло. В Государственном Совете редко соглашались с оценочной комиссией губернского правления, так как министр финансов, соблюдая интересы казны, всегда старался сократить испрашиваемый кредит. Не помню сейчас точно цифры оценки и количества квадратных саженей, подлежавших отчуждению по делу Павшина, но когда в губернское правление в 1907 г. пришло высочайше утвержденное мнение Государственного Совета и было доложено мне, то я был совершенно озадачен: Государственный Совет сократил представленную мной для крестьянской земли оценку наполовину, что же касается церковной, то оставил оценку губернского правления, между тем, вся земля была в одном куске и представляла собой совершенно однородную и по качеству, и по стоимости.

Выходила страшная несправедливость. Мне было совестно объявить такое решение крестьянам, и потому я решил не объявлять им, пока я этого вопроса не выясню и не добьюсь справедливого решения. Но крестьяне узнали об этом стороной и явились ко мне с заявлением о случившейся несправедливости и об отказе своем брать назначенную сумму. Я их успокоил, сказав, что я сам обратил внимание на происшедшую несправедливость, что, очевидно, это недоразумение и что я постараюсь дело уладить, что же касается отказа их в получении назначенной им суммы, то этого я допустить не могу, это было бы противодействием исполнению закона, так как мнение Государственного Совета утверждено Государем. Они согласились взять причитающиеся им деньги, а я решил все сделать, лишь бы добиться справедливости. Так как мотивов в присланной мне из Государственного Совета бумаге не было, то я первым делом попросил прислать мне мотивированное заключение, но Государственный Совет отказал мне в этом, пришлось тогда частным образом достать журнал, где изложены были мотивы. Оказалось, что ввиду того, что церковной земли было ничтожное количество квадратных саженей, а крестьянской много, Государственный Совет решил, что сокращать оценку церковной не стоит, а сократить оценку только крестьянской.

Узнав эти мотивы, не выдерживавшие критики, я почувствовал почву под ногами и поехал хлопотать в Петербург. Но там я не встретил поддержки ни в Министерстве внутренних дел, ни в Министерстве финансов. Со мной согласились, что вышло неудобно, но заявили категорически, что изменять высочайшее повеление нельзя, пересматривать высочайше утвержденный вопрос также. Что же мне было делать? Предупредив министерства, я решился на последнее средство — рассказать все Государю.

Воспользовавшись одним из своих дежурств при Государе, я рассказал этот случай, ничего не скрывая, объяснив, как такие случаи подрывают веру в народе в царя. Государь отлично понял произошедшую несправедливость, и еще прикрытую его именем, и сказал мне, что он это исправит, чтоб я составил памятную записку с подробным изложением этого дела и принес бы ее ему. Так как все материалы были со мной, то мне нетрудно было составить такую записку. Ее мне любезно переписали в Военно-походной канцелярии, и я представил ее Государю. Записка эта была послана Столыпину при надписи Государя восстановить справедливость, выдав дополнительное вознаграждение в размере 50 000 руб., что примерно составляло сумму разницы оценки.

Казалось бы, вопрос исчерпан, но моя памятная записка с резолюцией Государя стала переходить из одного министерства в другое, она побывала и в Министерстве путей сообщения, и даже в Министерстве земледелия — никто не знал, откуда же и из какого кредита взять деньги, один министр сваливал на другого. Я все время ездил вслед моей записке от одного министра к другому, пока, наконец, министр внутренних дел Столыпин взял на себя это дело и по соглашению с министром финансов всеподданнейшим докладом испросил у Государя выдачу крестьянам села Павшина 50 000 руб. из десятимиллионного фонда на непредвиденные расходы.

29 апреля депутация крестьян, получив деньги, явилась ко мне с приговором общества и поднесла мне икону Скоропослушницы Пресвятой Богородицы, прося повергнуть к стопам Государя их благодарность.

К 6 мая, ко дню рождения Государя, я ездил в Царское Село для принесения поздравлений Государю императору. В этот день был высочайший выход и парадный завтрак в присутствии инфанта испанского короля, приехавшего приветствовать Государя от имени испанского короля. Мне удалось в этот день поблагодарить Государя за его милость к крестьянам села Павшина.

10 марта в Уголовном кассационном департаменте Правительствующего Сената рассматривалось дело по кассационным жалобам 144 лиц из 155 бывших членов Государственной Думы первого созыва, осужденных за участие в распространении Выборгского воззвания. Обер-прокурор П. А. Кемпе дал по сему делу заключение, что Судебная палата, по его мнению, правильно применила 3 пункт 1 части 129 статьи Уголовного уложения к преступным действиям 155 подсудимых, бывших первыми народными представителями, которые такими своими преступными действиями закончили свои депутатские обязанности.

Прикрываясь воображаемой ненаказуемостью их на финляндской территории, они своим воззванием, по мнению Кемпе, толкали

народ на преступление, а Родину на разорение, и потому, ввиду отсутствия каких-либо поводов к отмене приговора, указанных во 2 пункте 912 статьи Устава уголовного судопроизводства, он полагал бы кассационную жалобу всех подсудимых оставить без последствий. Сенат с этим заключением согласился, и приговор вступил в законную силу. Приведен он был в исполнение 13 мая.

Все осужденные получили в этот день повестки явиться в свои участки, откуда они были препровождены в губернскую (Таганскую) тюрьму. Только к одному из выборжцев — к князю П. Д. Урусову, вероятно, как к бывшему товарищу министра, пристав явился сам на квартиру и отвез его непосредственно в тюрьму. Привезены были Г. Ф. Шершеневич, князь Петр Долгоруков, В. Е. Якушкин, М. Д. Лебедев, М. Г. Комиссаров, Ф. Ф. Кокошкин, А. Р. Ледницкий и В. С. Нечаев. У тюремных ворот толпа поклонниц подносила им цветы и выражала знаки сочувствия. Затем привезли Савельева и Садырина, последним был С. А. Муромцев, ему толпа устроила овацию и поднесла букет.

Режим для выборжцев ничем не отличался от режима для вообще заключенных в одиночных камерах, им было дано только разрешение оставаться в своем платье. Свидания давались с самыми близкими, два раза в неделю (сестра, брат, отец, мать, сын, дочь). Прогулки два раза в день. Передачи — чай и сахар, так как остальные продукты и хлеб продавались в тюремной лавочке. Желая избежать каких-либо инцидентов, я отдал распоряжение по тюремной инспекции, чтобы тюремное начальство относительно выборжцев строго придерживалось закона и утвержденных правил для содержания заключенных той категории, к которой принадлежали бывшие депутаты, но при этом чтобы корректность и тактичность с их стороны сугубо соблюдалась.

Из родственников заключенных за все время пребывания в тюрьме ко мне обращались только жена С. А. Муромцева и двоюродная сестра князя П. Д. Долгорукова Е. П. Васильчикова, другие никто не обращались ни с какими заявлениями. Жена Муромцева приехала ко мне на другой или на третий день его заключения и обратилась ко мне с несуразной просьбой — я убежден, что ее муж был бы очень недоволен, если б узнал об ее бестактном вмешательстве. Она просила меня разрешить передать мужу, насколько я помню, халат, что я и разрешил, а затем еще и склянку духов и одеколона, так как, как она выразилась, «Сергей Андреевич очень любит по утрам, когда встает, вытереть себе усы». На это я заявил, что разрешить этого не могу, так как и духи, и одеколон принадлежат к разряду спиртных препаратов. Затем я получил от нее еще одно письмо после инцидента со Стаховичем, о котором я сейчас буду говорить, в этом письме она просила не лишать мужа свидания.

В конце июня произошел неприятный инцидент. В газете «Речь»

появилась статья А. А. Стаховича, который описывал свое посещение Таганской тюрьмы, как он свободно проник с родственниками заключенных к князю П. Д. Долгорукову, как разговаривал с ним, как затем подходил и к другим. Заметка эта мне была препровождена, насколько я помню, министром юстиции. Прочитав ее, я произвел расследование. Оказалось, что Стахович проник в комнату посетителя, пользуясь доверчивостью тюремного начальства, полагавшего, что Стахович — ближайший родственник Долгорукова и имеет на это право.

Объявив начальнику тюрьмы выговор, подвергнув дежурного помощника аресту на гауптвахте, переведя дежурного надзирателя на низший оклад жалованья, я приказал князя Долгорукова лишить свидания на месяц, а остальных заключенных, о которых Стахович упоминал в своей статье и среди коих был Муромцев, лишить свидания на одну неделю. Последнее я на другой же день моего распоряжения отменил, так как оказалось, что Стахович разговаривал только с Долгоруковым, а к остальным даже не подходил, написал же это в статье только из бахвальства. Князь Долгоруков мне написал после этого заявление, прося ему объяснить его вину, я приказал ему сообщить, что он, зная существующие правила свиданий, должен был отказаться от незаконного свидания со Стаховичем, введшего в обман тюремный надзор.

17 июля тюремный инспектор доложил мне просьбу князя Долгорукова на свидание с его управляющим Белкиным по неотложным делам, каковую просьбу я разрешил, а 18 июля я получил письмо от двоюродной сестры князя Долгорукова Е. П. Васильчиковой, бывшей свитной фрейлины императрицы Александры Федоровны; в этом письме она, описывая ужасное положение, в котором находилась жена Долгорукова с больным, внушавшим серьезные опасения за жизнь сыном, просила моего совета — нельзя ли испросить высочайшей милости разрешить на несколько дней выпустить отца к больному сыну с тем, чтоб потом он эти дни досидел бы, что если это возможно, она будет просить Государыню. Так как я в таких случаях никогда не отказывал даже и каторжанам, то решил разрешить и Долгорукову — на это высочайшее повеление испрашивать не надо было, я только запросил министра юстиции о неимении препятствий и запросил только ввиду того, что это был выборжец, заключенный, бывший слишком на виду. Чрез несколько дней Долгоруков был отпущен на несколько дней, каковые дни он отбыл по окончании срока, сын его поправился.

10 августа все выборжцы были освобождены, оставались только те, коим срок еще не вышел.

После переворота в феврале 1917 г., во времена Керенского, камера, в которой содержался Муромцев, была выделена, отремонтирована, и в память пребывания в ней С. А. Муромцева повешен был его портрет, украшенный серебряным венком на средства тю-

ремного надзора. Впоследствии, уже в 1921 г., в то время, когда я содержался в Таганской тюрьме, венок этот был украден, что произвело большой переполох. Виновный так и не был обнаружен, венок же через некоторое время был найден и сохранялся после этого у начальника тюрьмы в кабинете.

14 мая я давал обед в честь великого князя Дмитрия Павловича вследствие оставления им Москвы. Он уезжал на службу в Петербург. Благодаря тому, что в это время известный оркестр родного мне Лейб-гвардии Преображенского полка давал концерты в Москве на международной автомобильной выставке, я мог пригласить его играть во время обеда. Это придало большое оживление, и после обеда присутствовавшие долго слушали прекрасную игру струнного оркестра, среди которых было много солистов.

3 мая в Москве открылась первая международная выставка автомобилей, велосипедов и спорта под покровительством великого князя Михаила Александровича, устроенная в городском Манеже Российским автомобильным обществом. В выставке приняли участие Франция, Германия, Австрия и Италия. Выставка была очень красиво устроена и представляла большой интерес, убранство отличалось богатством и вкусом. Было выставлено очень много красивых машин и несколько автобусов. Играли два оркестра музыки, салонный и военный струнный Лейб-гвардии Преображенского полка. Открытие было обставлено с большой торжественностью. После молебствия и осмотра автомобильным клубом предложен был завтрак.

Выставка эта продолжалась до 20 мая, в течение какового времени были устроены пробеги грузовиков различных систем от Москвы до Подсолнечной и обратно (120 км) и автомобилей Петербург — Москва. Пробеги эти были под покровительством великого князя Сергея Михайловича. Испытания грузовиков состоялись 11 мая с 8 часов утра до 4 дня, а пробег автомобилей — 19 числа. Это был первый пробег автомобилей на такое большое расстояние. Я заранее ознакомил с целью пробега население г. Клина и прилегающих деревень и сел, обратившись с особым объявлением, в коем предостерегал от могущих быть несчастных случаев и озорства деревенской молодежи. К счастью, пробег в пределах Московской губернии прошел без всяких инцидентов.

Старт был близ Петербурга, на Московском шоссе, финиш — на 13-й версте, не доезжая Москвы, близ деревни Никольской, расстояние — 644 версты. 19 числа уже с 6 часов утра начался съезд приглашенных и публики к месту финиша, прибыли королевич греческий Андрей с королевной Алисой. В 8 часов утра выяснилось, что расчеты гонщиков не оправдались и автомобили опаздывают. Контрольные пункты были устроены в Чудове, Новгороде, Крестцах, Вышнем Волочке, Твери и Клину. В этих пунктах автомобили

останавливались на некоторое время для осмотра машин. С этих контрольных пунктов все время по телефону поступали сведения о ходе машин. Из Вышнего Волочка первой шла машина Бенца, затем Дитриха, Даррака; из Твери первым Даррак, затем Бенц. Но близ финиша у Даррака испортился зажигатель и он отстал. Бенц прошел 644 версты в 11 часов 47 минут и получил первый приз. В Москву прибыло 10 машин, остальные 17 не дошли.

21 мая ушел князь Васильчиков, и министром земледелия назначен был А. В. Кривошеин. Это назначение всеми искренно приветствовалось, он очень хорошо был знаком с ведомством, в котором пробыл товарищем главноуправляющего в 1905—1906 гг. до назначения своего управляющим Дворянским и Крестьянским земельными банками. Он много работал по землеустройству и по переселенческому делу, был энергичен, отзывчив, с ним было очень приятно иметь дело.

22 мая состоялась закладка храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы при приюте для раненых воинов на Большой Ордынке в присутствии великой княгини Елизаветы Федоровны, принцессы Баттенбергской, королевны Алисы греческой, лиц Свиты и властей.

26 мая в Государственной Думе во время обсуждения законопроекта об отпуске Комитету попечения русской иконописи пособия в размере 35 000 руб. произошел крупный инцидент. После речи епископа Евлогия, говорившего в защиту законопроекта, на трибуну вошел Чхеидзе, кавказский социал-демократ, и заявил, что когда говорил преосвященный Евлогий, ему казалось, что он предложил, чтоб богатейшие лавры и монастыри взяли этот расход на себя, но, к сожалению, его надежды не оправдались; затем прибавил, что в России икон вообще очень много и по верованию православных христиан иконы обладают животворной силой, поэтому ему бы казалось, что раз эта сила существует, то искусство должно быть поддерживаемо этой силой, а раз этого нет, то дело он считает безнадежным.

Едва зарвавшийся социал-демократ произнес эти слова, оскорблявшие чувства верующих, в зале поднялся невероятный шум: «Долой, вон, уберите его, — кричали правые, — это богохульство, он оскорбляет Думу, верующих...» — «Здесь не кабак, — кричал Пуришкевич, — уберите его вон». Правые вскочили с мест, один депутат пытался стащить Чхеидзе с трибуны. Председательствовавший князь Волконский, по-видимому не слыхавший слов Чхеидзе, совершенно растерялся и не знал, что предпринять. «Что вы думаете? Чего ждете? Уберите мерзавца, кавказскую балду, богохульника!» Наконец, принесли стенограмму. Волконский прочел слова Чхеидзе и дал ему слово как обвиняемому. Чхеидзе повторил свои слова и сказал, что если кто-нибудь ему докажет, что православные христиане не должны так смотреть, то он извинится. Опять поднял-

ся шум. «Пошел вон, негодяй!» и т. д. Сделан был перерыв. После перерыва князь Волконский предложил исключить Чхеидзе на 15 заседаний. Большинством Думы против кадетов, социал-демократов, трудовиков и других левых партий Чхеидзе был исключен на 15 заседаний. После этого все социал-демократы демонстративно покинули зал заседания.

27 мая древний Лужнецкий монастырь близ г. Можайска праздновал 500-летие со дня его основания. Я ездил на это редкое торжество. Лужнецкая обитель основана была преподобным Ферапонтом Белозерским по желанию и усердию удельного князя Можайского, Андрея Дмитриевича, сына Дмитрия Донского. В обители было четыре храма, из коих один возведен был в 1408 г. На кладбище встречались могилы XVI в. При обители имелась церковно-приходская школа, богатая ризница и редкая по ценности и древности библиотека. Монастырь страдал от моровой язвы, пожаров, разорялся поляками, а в 1812 г. французы обратили его в крепость. В Введенской церкви французы молотили рожь, в другой устроили столярную мастерскую, уходя же, подожгли монастырь, но возвратившаяся братия спасла его.

28 мая получено было известие о гнусном убийстве экзарха Грузии Никона в Тифлисе. Он был убит двумя туземцами, одетыми в священнические рясы; убийцы скрылись. Высокопреосвященный Никон был назначен экзархом в 1906 г. и как русский архиепископ был встречен грузинским духовенством, а частью и грузинским обществом, весьма недружелюбно. Грузинское духовенство с первых же дней его бойкотировало и при въезде его в Тифлис не вышло даже его встретить. Невзирая на все это, а также и на получаемые угрозы, покойно, стойко работал [он] над упорядочением церковного дела на Кавказе и на поступки грузинского духовенства смотрел с снисхождением, считая, что оно идет не самостоятельно, а на буксире террора. Он всегда всех принимал с любовью и лаской, держа высоко знамя православной церкви. Благодаря этому духовенство грузинское постепенно стало с ним сближаться, стыдясь своих поступков, но все же нашлись фанатики, покончившие с ним. 6 июня его тело провозили чрез Москву, в особом вагоне церкви Закавказской ж. д., для погребения в г. Владимире. Я присутствовал на панихиде, отслуженной во время стоянки поезда на Курском вокзале.

5 июня открылся съезд земских начальников при участии предводителей дворянства, управлявшего казенной палатой С. И. Урсати, начальника отделения палаты Давыдова, непременных членов губернского присутствия и землеустроительных комиссий. Цель созыва съезда — установление однообразного толкования закона 9 ноября о выходе из общины [3]. Подобный съезд земских начальников созывался впервые — мне хотелось ближе ознакомить-

ся с деятельностью земских начальников и объединить их в работе, особенно в таком серьезном вопросе, как выход из общины. Открытие состоялось в моем доме и под моим председательством, после краткого молебствия, отслуженного в домовой церкви губернаторского дома.

После молебствия, когда все заняли свои места, я обратился к собравшимся с следующей речью:

«Я просил вас собраться, господа, для совместного обсуждения вопросов, связанных с применением на местах высочайшего указа 9 ноября 1906 г. о выходе из общины. Вам известно, какое огромное значение правительство придает этому законодательному акту, и поэтому я прошу вас всеми силами содействовать правильному проведению его в жизнь.

Приглашая вас к правильному проведению в жизнь закона 9 ноября, я имею в виду очень распространенное мнение о том, что закон этот направлен к уничтожению сельской общины. Я хочу предупредить вас, чтобы вы, применяя этот закон, не держались такого взгляда. На самом тексте именного высочайшего указа 9 ноября вы читаете, что «действительное осуществление признанного законом за крестьянами права свободного выхода из общины встретит практические затруднения в невозможности определить размер и произвести выдел участков, причитающихся выходящим из общины домохозяевам», и «только в устранение имеющихся в действующих узаконениях препятствий к действительному осуществлению крестьянам упомянутых их прав» поставлены были правила о выходе из общины.

Таким образом, выход из общины остается совершенно свободным, и всякие попытки к искусственному разложению общины там, где она еще вполне жизненна, не только не соответствуют взглядам правительства, но совершенно противоречат основной идее закона 9 ноября. Если вы замечаете стремления правительства к усиленному распространению в населении сведений о законе 9 ноября, то стремления эти вызваны желанием не разрушить общину, а прийти на помощь к тем крестьянам, которые сами тяготятся условиями общинного землевладения и не знают о своем праве выхода из общины. Только в этих целях пропаганда закона 9 ноября является желательной, и разумное разъяснение земскими начальниками крестьянскому населению их прав относительно землевладения и землепользования принесет огромную пользу.

Как сказал Председатель Совета Министров при открытии съезда непременных членов, задача правительства сводится к тому, чтобы без коренной ломки на местах предоставить каждому крестьянину самостоятельно устроить свое хозяйство, а земский начальник, достигнув того, что каждый из крестьян его участка будет знать о том, что он должен сделать для этой цели, и выполнив по отношению к заявившему о таком своем желании крестьянину воз-

ложенные на него законом обязанности, может с спокойной совестью сказать, что он исполнил свою задачу.

Каждому из вас, господа, уже приходилось применять закон о выходе из общины, и, вероятно, у многих из вас на практике встречались всевозможные сомнения и недоумения. Я прошу вас сообщить их нам, и мы общими силами постараемся дать им правильное разрешение. В этом отношении большую пользу принесут нам труды съезда непременных членов губернских присутствий, бывшего в С.-Петербурге в конце октября прошлого года, с которыми, вероятно, вы успели уже познакомиться.

При этом я должен только предупредить вас, что возбуждаемые вами вопросы могут вытекать только из действительного применения закона на практике, суждения же общего характера и принципиальных вопросов о неудобствах закона я допустить не могу. Помимо отдельных вопросов, выдвинутых практикой, нам предстоит заняться выработкой форм: 1) заявлений о выходе из общины; 2) приговоров сходов и постановлений земских начальников об укреплении земли и 3) установлением сроков для предоставления земскими начальниками в уездные съезды жалоб на их постановления об укреплении и об отказе в укреплении.

Кроме вопросов, связанных с применением закона 9 ноября, я хотел бы воспользоваться настоящим съездом, чтобы обсудить некоторые меры к более успешному взысканию окладных сборов с крестьянских надельных земель Московской губернии. С отменой выкупных платежей окладные сборы с крестьянских надельных земель очень понижены, и, казалось бы, поступление их должно идти безнедоимочно, между тем как за прошлый год, так и за первые месяцы этого года сборы поступают неудовлетворительно. Такое явление не может быть объяснено иначе как упорством неплательщиков и недостаточными мерами понуждения к уплате сборов. Вот на это я и обращаю серьезное внимание земских начальников. Отдельным лицам, находящимся в исключительно дурных материальных условиях, предоставляются и будут предоставляться широкие податные льготы, остальное же население должно исправно нести свои податные обязанности. В этом отношении я требую самой энергичной деятельности земских начальников как по надзору за должностными лицами крестьянского общественного управления, так и по выполнению возложенных на земских начальников лично обязанностей по взысканию недоборов. Я прошу земских начальников обменяться взглядами по поводу применяемых ими принудительных мер взыскания недоборов и по приезде на места безотлагательно проявить самую напряженную податную деятельность.

В заключение, выражая надежду на плодотворную работу настоящего съезда, я от души желаю, чтобы вы, господа, ознакомившись между собой и установив определенные и единообразные

взгляды на общее всем нам дело, вынесли бы из этого съезда впечатления, которые воодушевили бы вас в дальнейшей вашей работе. Объявляю общий съезд земских начальников Московской губернии открытым».

Открыв таким образом заседание и приступив к занятиям, я первым делом попросил каждого из земских начальников доложить съезду положение дел с выходом из общины в каждом их участке отдельно, указав и на причины, вследствие коих у них остались неразрешенные ими дела. Затем я предложил им избрать из своей среды две комиссии: редакционную — для выработки подлежащих обсуждению съезда форм, и юридическую — для предварительного разрешения представленных членами съезда вопросов. Комиссии эти были избраны — первая под председательством земского начальника Рузского уезда Васильева, и вторая — земского начальника Московского уезда Мяснова. Я просил их окончить свои работы в течение вечера и представить на другой день на обсуждение общего собрания съезда.

Так как помещение в моем доме оказалось весьма тесным, то я обратился к губернскому предводителю дворянства А. Д. Самарину с просьбой не отказать в разрешении перенести занятия съезда в зал Дворянского собрания. Самарин любезно пошел навстречу моей просьбе. [...]

Занятия съезда продолжались по 6 июня включительно. Съезд принял ряд резолюций по вопросам применения закона 9 ноября на практике. Земские начальники проявили большой интерес к делу, что доставило мне большое удовлетворение, поэтому я решил для пользы дела и в будущем периодически созывать подобные съезды для объединения деятельности земских начальников, более близкого с ними знакомства и разработки вопросов, касавшихся их практической деятельности.

В первой половине июня месяца в Государственной Думе происходили дебаты по поводу сметы Министерства народного просвещения. Это вызвало бесконечные страстные прения по вопросам о постановке школьного образования. Все почти речи были наполнены нападками на ведомство, на министров, как бывших, так и настоящих. При этом ораторы совершенно не стеснялись в своих выражениях и сыпали огульными, неподтвержденными фактами, обвинениями. Среди этих речей на кафедру вошел В. М. Пуришкевич и обратился к Думе с длиннейшей, малоинтересной речью, которая длилась в течение четырех часов, под конец он так утомил и надоел всем, что говорил уже при почти пустом зале, но это его отнюдь не смущало. Его речь не преследовала никакой политической цели, она просто была описательная, никакого отношения к смете Министерства народного просвещения, по существу, не имевшая. Он рассказывал об Ушинском, о Рачинском, прочтя о них

целую лекцию, говорил о разных книгах, разбирая их достоинства, говорил о школах в разных государствах, о студенческих корпорациях в Западной Европе, восхваляя германские, куда евреи, по его словам, не допускались, уверяя, что там даже надписи имеются над учреждениями националистического характера: «Вход с евреями и собаками воспрещен». Это последнее вызвало замечание Председателя, что можно пояснить свои мысли, не оскорбляя ничьего чувства, и что он просит его избегать в будущем подобных экскурсов, при которых трудно бывает иногда сохранить порядок. Пуришкевич ответил, что повинуется в твердой уверенности, что «слово не воробей, вылетит — не поймаешь».

По окончании всех речей выступил министр народного просвещения Шварц и произнес спокойную, полную здравого смысла речь. Он начал с того, что всходит на кафедру с чувством глубокого изумления, что он слышал горячие речи, целые диссертации, слышал и обвинения против целого ряда бывших министров, и умерших, и ныне здравствующих, и особенно много обвинений против него самого. Но что он изумлен не этими нападками. Ему, как служившему делу воспитания русского юношества в течение 40 лет, пора привыкнуть к радостям и горестям его ремесла, и он слишком долго занимался техникой ораторского искусства для того, чтобы не знать, как мало риторы по профессии интересуются истиной, как много для них играет роль вероятий, весь этот калейдоскоп остроумных замечаний, сопоставлений и т. п., так что в этом отношении ему изумляться было нечего. Но он изумлен той легкостью, с которой русские люди вообще и многие из говоривших ораторов касались обнаженных язв нашей школы, с каким злорадством бередили они раны, с какой злобой и сарказмом они глумились над школой и над ее деятелями, хотя они не могли не посылать своих детей именно в эти школы и вверять их этим педагогам, потому что других школ нет. Он думал: неужели же эти столь почтенные люди не могли взвесить то влияние, которое будут иметь их слова на учащих и учащихся на местах, неужели же не могли они без этого негодования, без этих окриков, спокойно и серьезно обсудить серьезный вопрос о бюджете. Перейдя затем к вопросу о средствах и отвечая на нападки депутата фон Анрепа, обвинявшего Министерство народного просвещения, что оно не нашло денег, Шварц напомнил членам Думы, что Партия народной свободы сулила министерству 40 миллионов рублей, а более благоразумные поставили кредит в 6 миллионов, но и эту ничтожную сумму Дума не нашла в своем кармане, между тем находить деньги — это обязанность Думы, хотя бы для сего ей пришлось бы прибегнуть и к займу. Далее, коснувшись высших учебных заведений, Шварц заявил, что они не оправдали оказанного им с высоты Престола доверия, и предложил ознакомиться с постановлениями Первого департамента Сената, говоря, что тогда им раскроется картина деятельности некоторых

В. Ф. Джунковский с членами общества благоустройства поселка Новогиреево. 1908 г.

ректоров и проректоров университетов, раскроется, как они расходовали те крохи, кои собирались со студентов.

Он сказал, что политика правительства не изменилась, что оно должно стоять на страже закона и не может допускать тех «захватов», о которых говорил депутат Милюков. В конце своей речи Шварц назвал себя сторонником всеобщего обучения и изложил всю свою дальнейшую программу. Он заявил, что к высшим знаниям должен быть открыт доступ для всех, но из-за этого он не может быть предоставлен всем. Надо возможно больше школ всяких типов, в коих каждый по мере своих способностей мог бы получить то, что ему суждено. Доступность знаний не должна их обесценивать. Россия — великая держава, и она нуждается в широко образованных людях. Широкий доступ надо совместить с возможным отбросом. Повышение знаний в среде учащих и учащихся, — закончил Шварц, — кладется в основу школьной политики.

16 июня высочайшим приказом полковник Модль назначен был помощником московского градоначальника. Модль происходил из чинов Отдельного корпуса жандармов, принадлежал к хорошему составу офицеров этого корпуса, был безукоризненно честным человеком, человеком долга, справедливым, но был чересчур горяч и вспыльчив, забывая в эти минуты всякое приличие и бывая груб, что, конечно, было не к лицу помощнику градоначальника. На пожарах он был слишком нервно суетлив, и эта нервность отражалась на работе его подчиненных. Он вступил в должность 8 июля, оставался в этой должности до 1915 г., последние годы его характер значительно выровнялся, и он был очень хорошим помощником градоначальника. В бытность мою товарищем министра я его выдвинул на пост керченского градоначальника.

15 июня состоялось торжественное открытие вновь устроенного на совершенно европейский лад поселка в Новогирееве. Это местечко было недалеко от Москвы по Нижегородской дороге в полутора верстах от Кускова. В течение нескольких лет на месте, где стоял частью сосновый, частью еловый лес, вырос поселок на прекрасно распланированном участке. К моменту открытия выстроено было уже 200 домов и платформа на линии железной дороги в древнерусском стиле. По всем дорогам между дачами были устроены торцовые мостовые, везде была проведена вода, электрическое освещение, на углах улицы стояли сторожа в особой форме, и в довершение всего этого — конка от вокзала. Добровольная пожарная дружина во главе с брандмейстером Штейном производила прекрасное впечатление. После освящения вокзала я проехал в сопровождении членов общества благоустройства поселка по всем улицам, после чего состоялся завтрак, на котором было произнесено много пожеланий, чтобы примеру Новогиреевского поселка последовали и другие поселки, окружавшие Москву.

17 июня скончался М. П. Щепкин, известный общественный деятель, много лет состоявший гласным Коломенского уездного земства, Московского губернского земства и Московской городской думы, где одно время занимал должность городского секретаря. Он много работал в газетах и журналах по вопросам городского и земского хозяйства, написав весьма ценную книгу по истории московского городского самоуправления [4]. В земских сферах он пользовался огромным авторитетом. Отпевали его в церкви Св. Спиридония, погребение состоялось в Донском монастыре. Почтить его достойную память собралась масса народа, все видные земские и городские деятели и представители администрации были налицо.

20 июня в Государственной Думе разбирался вопрос о сыскных отделениях. Происходили дебаты, выступало много членов Думы, преимущественно левого крыла; очень много говорили, но о сыскных отделениях говорили только товарищ министра внутренних дел А. А. Макаров, члены Думы Замысловский и Пергамент. Остальные выступавшие депутаты занимались совсем другими вопросами, они острили и под шум и выкрики наносили друг другу оскорбления. Кончилось тем, что Марков 2-й потребовал от Пергамента удовлетворения и тот принял вызов.

Дуэль должна была состояться в ночь на 23 июня в Удельном парке. Дуэль не была тайной, во втором часу ночи масса автомобилей катила по направлению к Удельному парку. Катили автомобили с журналистами, с фотографами, репортерами. Одним словом, были все принадлежности французских парламентских дуэлей, о которых знали заранее все подробности. Когда подъехал на автомобиле Марков 2-й с Пуришкевичем, народу собралось уже много. Затем прибыл и Пергамент со своим секундантом Карауловым. Прибыла и санитарная карета с врачом. Шульгин, секундант Маркова 2-го, отмерил 25 шагов; команду должен был подать Караулов. Затем были испробованы пистолеты, для чего секунданты выстрелили в воздух. В этот момент из кустов появился пристав Лесного участка и от имени градоначальника заявил, что дуэль допущена быть не может, отобрал пистолеты, положил их в ящик и, заперев его, взял ключ с собой. Затем появилось 40 пеших и конных городовых, и все разъехались по домам. Разочарованная публика также.

Такой комичный финал не остановил их. На другой же день в дачной местности Зиновьево состоялась дуэль, так как уже все было обставлено тайной. К счастью, все обошлось благополучно. Противники выстрелили одновременно, никто не был ранен. Обменявшись выстрелами, противники пожали друг другу руки, честь была восстановлена.

19 июля состоялось открытие Московской окружной дороги. Торжество происходило в очень живописной местности при станции Серебряный бор в нескольких верстах от Москвы. Погода была чудная. Все приглашенные, в том числе и я, прибыли в специальном

поезде, красиво убранном флагами, цветами, лентами. На одном из путепроводов совершено было молебствие при пении Чудовского хора. Присутствовали министр путей сообщения генерал-лейтенант Шауфус и все представители администрации и сословных учреждений, масса инженеров и железнодорожного начальства. После молебствия митрополит Владимир окропил святой водой стоявший наготове поезд, а жена генерал-губернатора Гершельмана перерезала заграждавшую путь зеленую ленту, после чего движение по Окружной дороге объявлено было открытым. Затем состоялся обед при станции воинского питательного пункта. Среди ряда тостов министр путей сообщения предложил почтить вставанием память великого князя Сергея Александровича, исключительно благодаря поддержке которого можно было приступить к постройке дороги. Строитель дороги инженер Рашевский пил за здоровье всех присутствующих. Городской голова в своей небольшой речи выяснил все огромное значение, которое новая дорога будет иметь для Москвы и ее населения. Генерал Шауфус пил также за здоровье рабочих, которые присутствовали тут же, и передал им благодарность от имени Государя.

Новая дорога представляла собой грандиозное сооружение протяжением в 50 верст, при длине путей до 270 верст. Провозоспособность рассчитана была на 30 пар поездов в сутки, но постепенно должна была быть доведена до 90 пар. На четырех станциях воинских питательных пунктов были устроены приспособления последнего усовершенствования для варки пищи на 6 000 нижних чинов в каждом. Это должно было иметь большое значение при передвижениях новобранцев и разных войсковых эшелонов. По окончании торжества присутствующие сели в приготовленный поезд и совершили круговую поездку.

6 августа я провел в Красном Селе на празднике Лейб-гвардии Преображенского полка. Накануне впереди лагерного расположения полка была отслужена торжественная всенощная, во время которой был освящен Галерный флаг Петра Великого, пожалованный 3-й роте в память морских путешествий этой роты с императором Петром I. В самый день праздника был парад в высочайшем присутствии, погода к этому времени совершенно испортилась, и пошел дождь, не прекращавшийся до самого конца парада, когда же Государь обходил столовые нижних чинов, то пошел ливень, все промокли. После парада все офицеры были приглашены на завтрак в красносельскую дворцовую палатку. Хорошо у кого было что переодеть, я предусмотрительно взял с собой второй мундир, многим же пришлось ехать насквозь промокшими.

16 августа в моем присутствии последовало открытие школы для заключенных на 60 человек в Таганской тюрьме. Занятия предназначались по группам. Учителя были приглашены мужским тюремным благотворительным комитетом. После молебствия приступлено

было к занятиям, я просидел часть урока и был очень удовлетворен тем интересом, какой проявили арестанты к этому первому уроку.

24 августа в Зоологическом саду состоялось открытие юбилейной выставки, устроенной Императорским Русским обществом акклиматизации животных и растений в память 50-летия существования общества. Представителем Министерства земледелия был Н. А. Крюков — директор Департамента земледелия, приехавший из Петербурга. После молебствия и обхода выставки состоялся завтрак, на котором Н. А. Крюков в пространной и весьма содержательной речи очертил успех, сделанный в России акклиматизацией животных за истекшие 50 лет. Он указал на ряд растений и промысловых животных, пересаженных на русскую почву и привитых к русской культуре, родиной которых служила не только благодатная по климату часть Западной Европы, но и далекие Китай, Япония, Маньчжурия, Америка и Африка. Он приветствовал выставку как праздник русской культуры, русского просвещения и русской науки.

Выставка была замечательно интересна, разнообразна. Среди выставленных животных и растений была замечательная партия экспонатов из известного зоологического сада Фальц Фейна, где производилась акклиматизация и приручение диких животных. Из этого сада, между прочим, выставлены были дикие лошади и помеси чистокровного английского жеребца и дикой кобылы, были и зеброиды (помесь лошади с зеброй), употребляемые для езды и работы и отличавшиеся колоссальной выносливостью. Были также помеси зубров и бизонов с коровой, употреблявшиеся с успехом для сельской работы, отличавшиеся от домашних большей силой и крепостью. Выставка имела огромный успех и привлекла массу народа.

8 сентября в Николо-Перервенском монастыре в 12 верстах от Москвы состоялось торжественное освящение соборного храма во имя Иверской Божьей Матери. К этому дню собралось до 30 000 богомольцев, масса народа сопровождала и крестный ход из Москвы, который прибыл накануне и у ворот монастыря был встречен митрополитом Владимиром.

В сентябре месяце во многих уездах Московской губернии появилась на полях улитка (limas agrestis), уничтожившая озимые всходы. Полевая улитка эта, родиной которой была всегда Московская губерния, в этом году размножилась в огромном количестве вследствие небывалого обилия дождей и вообще сырого лета и сырой осени. Улитка поедала всходы, главным образом по вечерам и рано утром, днем же ее не бывало видно, она пряталась в землю.

На созванном мною по этому поводу особом совещании при участии специалистов определилась степень серьезной опасности, которая могла угрожать озимым посевам от распространения этой улитки, пожиравшей зелень до самого корня. Необходимо было, не теряя времени, принять все меры к предупреждению дальнейшего ее

распространения, для чего надлежало установить тщательное наблюдение за посевами и о каждом случае появления на полях улиток безотлагательно сообщать в уездную управу, которой принадлежало руководство в этом деле.

В этом смысле я и обратился к земским начальникам и уездным исправникам, предписав земским начальникам к 1 числу октября доставить мне сведения по каждому отдельному селению (с итогами по волостям и по уезду), а уездным исправникам — по каждому отдельному общинному землевладению (с итогами по волостям и по уезду) о количестве десятин: а) совершенно уничтоженных улиткой и б) частью поврежденных ею.

Вместе с тем по всем селам и деревням я разослал листовки с указанием мер борьбы с улиткой, меры эти были таковы: 1. Улитка, как известно, продвигалась на озимых полях полосой. Для того, чтобы преградить дальнейший путь ее, существовали следующие способы. По границе неповрежденных ею всходов следовало прокопать канаву глубиной до 2 —3 вершков и засыпать ее в палец толщины слоем соли или извести-пылянки, или золы. Особенно скоро улитка гибла от соли и извести. Кроме того, на случай, если бы часть улиток каким-нибудь образом перебралась через канаву, следовало, отступя немного от первой канавы, провести вторую такую же и засыпать ее тем же способом, как и первую. Можно было также вдоль борозды раскладывать куски тряпок, рогож, коры, щепки, под которыми улитка пряталась бы днем, и тут ее потом собирать и уничтожать. 2. Рассыпка по полям, где находилась улитка, соли до 20 пудов на десятину также способствовала уничтожению улитки. Рассыпку надо было делать рано утром, пока улитка не спряталась в землю. На случай дождей рассыпку соли следовало повторить.

Благодаря энергии, с которой крестьяне принялись за уничтожение улиток, бедствие было значительно ослаблено и перепахивать и пересеивать пришлось не более 1/3 озимой.

1 октября в зале городской думы состоялось заседание по поводу открытия Народного университета имени А. Л. Шанявского. Заседанию предшествовало молебствие, которое отслужил преосвященный Анастасий, один из выдающихся и разносторонне образованных викариев того времени. Городской голова Н. И. Гучков, открывая заседание, указал, что городское управление с 60-х гг. шло всегда навстречу нуждавшимся в просвещении, а председатель Совета университета Шанявского В. К. Рот, известный профессор по нервным болезням, очертил личность А. Л. Шанявского как гуманиста 60-х гг., всегда тяготевшего к просветительным целям. Н. В. Давыдов, как член Совета, говорил о программе и задачах народных университетов, о преподавателях и сообщил, что уже имеется 370 заявлений о желании слушать курсы. Далее говорил профессор Мануйлов от имени Московского университета, а профессор Вино-

градов, только что вернувшийся из Оксфордского университета, отметил, что «мы возвращаемся в науке к эллинской эпохе, когда наука не носила замкнутого частного характера и была доступна всем». Он приветствовал шаг к свободе преподавания. Чтение лекций в университете началось 3 октября.

10 октября открылось Московское уездное земское очередное собрание. При обсуждении сметы и разных вопросов по народному образованию резко выразилось оппозиционное настроение гласных левого направления, которые составляли в собрании большинство. Началось с того, что собрание решило обжаловать постановление губернского училищного совета, не допустившего на основании постановления уездного училищного совета к исполнению обязанностей учительницы Казачову, армяно-грегорианского вероисповедания. Губернский училищный совет находил, что при излишке учителей и учительниц православного вероисповедания нет оснований допускать учительницу инославного вероисповедания и вручать ей десятки русских детей.

Затем поднялись дебаты по вопросу о законоучителях, назначавшихся законоучителями в школы духовным ведомством помимо управы. Гласные-кадеты находили это несовместимым с достоинством земства и предложили обжаловать распоряжение Святейшего Синода в Сенат. М. В. Челноков при этом пошел дальше и предложил прекратить уплату жалованья законоучителям земских школ, пока они будут назначаться духовным ведомством, и на эту сумму сократить бюджет по народному образованию. Представитель духовного ведомства возражал на это, доказывая несправедливость и незаконность, говоря, что такая постановка вопроса противоречит самой элементарной логике, так как законоучители, назначаемые духовным ведомством, обязаны заниматься в школах. Гласный Каблуков тоже поддерживал духовное ведомство и не соглашался с Челноковым. Тем не менее собрание приняло заведомо незаконное предложение Челнокова, конечно, с исключительной целью выразить этим только недоверие правительству. Дело же народного образования в уезде пострадало, так как скромный бюджет на нужды народного образования был еще сокращен. Постановление это, как явно незаконное, я, конечно, опротестовал и внес в губернское присутствие для отмены. Оно было отменено, жалованье законоучителям было таким образом восстановлено, но бюджет по народному образованию остался сокращенным, и, конечно, от такой выходки пострадало только школьное дело в уезде по существу.

В это самое время, когда шло земское собрание, вследствие полученных сведений, что в Сухаревской земской больнице Московского уездного земства больным даются читать книги нелегального содержания, по моему распоряжению произведен был обыск, давший положительный результат: в запертом шкафу лечебницы, находившемся в ведении фельдшерицы на предмет хранения медикамен-

тов, найдено было 57 книг нелегального содержания, запрещенных цензурой. По расследовании выяснилось, что означенные книжки фельдшерица раздавала для чтения не только больным, но и окрестным крестьянам, и таким образом вела явную пропаганду. С ней вместе занимались этим и две акушерки. Все они были арестованы и уволены со службы.

13 октября Императорский Малый театр лишился выдающегося таланта. Скончался заслуженный артист и главный режиссер А. П. Ленский, прослуживший 33 года на императорской сцене. Это была огромная потеря для артистического мира. 14 октября я присутствовал на панихиде по великом артисте в присутствии всей труппы и многочисленного круга его почитателей. Тело было перевезено на вокзал для следования в Киевскую губернию и погребения на родине.

19 октября на Рогожском старообрядческом кладбище с большой торжественностью совершено было поднятие колоколов на новую колокольню, сооруженную старообрядцами в память распечатания храмов 17 апреля 1905 г. [5]. Среди присутствовавших был и член Государственного Совета Таганцев, и вся московская администрация. К колокольне подошел крестный ход во главе с епископом Иоанном, который окропил святой водой колокола, после чего их с большими усилиями подняли и водрузили на место. Колокола пожертвованы были известной благотворительницей Морозовой, самый большой колокол был весом в 1025 пудов, самый маленький весил 211 пудов. По окончании церемонии состоялась трапеза, за которой профессор Н. С. Таганцев произнес речь, указав, что ныне спали позорные оковы, связавшие старообрядцев, предложил тост за снявшего эти оковы — Государя императора.

25 октября с большой торжественностью освящено было устроенное великой княгиней Елизаветой Федоровной Сергиево-Елизаветинское трудовое убежище для увечных воинов Русско-японской войны. Закладка его была совершена в 1907 г., построено оно в вековой Всехсвятской роще. Убежище представляло собой трехэтажное здание, вполне приспособленное для обучения ремеслам ветеранов Русско-японской войны, главным образом ремеслам, пригодным в деревне. Присутствовала основательница убежища, незабвенная великая княгиня Елизавета Федоровна, вся высшая администрация, представители сословных учреждений и жертвователи.

В это время я посетил кустарные мастерские губернского земства в Сергиевом Посаде. В Кустарном музее устроен был специальный отдел промыслов Московской губернии, дававший полную систематическую коллекцию разнообразных промыслов губернии и картину постепенного хода работ по каждой отрасли. Кустари Сергиева Посада в это время стали работать изделия из папье-маше по образцам кустарных изделий, вывезенных из Лейпцига. Один из кустарей, работавших для губернского земства, преимущественно

резной мастерской Сергиева Посада, крестьянин Варнсаков, стал сам заниматься как составлением рисунков кустарных изделий, так и изготовлением их по самостоятельным образцам. Эти изделия были до того характерны, что Кустарный музей устроил для них специальную выставку. Вообще развитие кустарных промыслов губернии надлежало поставить губернскому земству в крупную заслугу, так как оно целым рядом принятых им мер к поднятию кустарной промышленности, как то выдачей ссуд кустарям, устройством художественно-столярной, щеточной и корзиночной мастерских и школы кружевниц и т. д., не только давало крестьянам заработок, не отрывавший их от сельского хозяйства, но и ставило промыслы на высоту, вызывавшую удивление у нас и за границей. В Париже и Лейпциге деревянные и корзиночные изделия московских кустарей, выставленные земством, признаны были верхом совершенства в художественном отношении. В своем всеподданнейшем отчете за 1908 г. я все это засвидетельствовал Государю императору, который соизволил собственноручно начертать против этого места в отчете: «Благодарю губернское земство за содействие развитию кустарного дела в Московской губернии».

1 ноября телеграф принес известие о кончине в Париже великого князя Алексея Александровича. Это был четвертый сын императора Александра II, родился он в 1850 г., участвовал в Русско-турецкой войне в 1877—78 гг.[6], во время которой командовал Дунайской флотилией; и переправы, и мосты у Зимницы и Никополя были устроены под его руководством. За это он получил орден Св. Георгия 4-й степени. С 1881 г. он стал во главе русского флота и занимал эту должность до несчастного боя под Цусимой, когда весь наш флот погиб, и великий князь, как благородный человек, считая себя как главного начальника флота косвенно виновным в этой катастрофе, просил освободить его от этой должности. Великий князь Алексей Александрович фигурой и лицом очень напоминал своего брата, императора Александра III, а также и своим редким благородством. Я с ним встречался несколько раз и всегда уходил от него под впечатлением большого обаяния.

8 ноября тело его было привезено из Парижа до Вержболово в экстренном поезде, а затем в особом траурном императорском поезде в Петербург на Николаевский вокзал. Здесь оно было встречено их императорскими величествами и всеми особами императорского дома, лицами Свиты, министрами, высшими начальствующими лицами и др. Гроб вынесли из вагона и поставили на бархатный черный катафалк печальной колесницы. Над гробом был золотой четырехугольный балдахин с орлами на углах, а над серединой балдахина высилась золотая великокняжеская корона. По бокам балдахина были вензеля почившего великого князя. 6 лошадей цугом со страусовыми перьями на головах и черных попонах с гербами почившего великого князя везли колесницу. Впереди процессии ехал

эскадрон Кавалергардского полка в блестящих кирасах и касках. Затем, согласно церемониала, шли депутации, несли ордена и т. д., по бокам всей процессии шли пажи с горящими факелами. За колесницей шли пешком Государь император, все великие князья и Свита, затем их величества Государыни императрицы в парадной траурной карете, запряженной 8 лошадями цугом, вслед за каретой императриц остальные великие княгини в траурных каретах. Все фонари по Невскому и по пути следования до Петропавловского собора горели, прикрытые флером, по всему пути стояли шпалеры войск. По совершении отпевания гроб перенесли во вновь устроенный при соборе мавзолей, где тело почившего великого князя и предали земле.

5 ноября в Государственной Думе начались прения по аграрному вопросу и продолжались несколько дней. При обсуждении закона 9 ноября о порядке выхода из общины прения в первый же день приняли весьма бурный характер, благодаря выступлению депутата Милюкова, который явился ярым противником этого закона, хотя по существу не сказал почти ни слова. Вся его речь не явилась критикой закона 9 ноября, она вылилась только в ряде нападок на городовых, на дворян, которым он приписывал разные козни, говорил о Черной сотне [7] , о Гамбетте [8], о земских начальниках. Вообще вся его речь сводилась к огульным обвинениям всех, кто так или иначе примыкал к правительственным сферам. Правые при этом вели себя недостойно, прерывая оратора с мест, Пуришкевич, как всегда, позволял себе непристойные выходки, крича: «Шулер слова, выборгская лягушка, молодец-провокатор», и в конце концов вынул из кармана большой свисток и свистнул на всю залу. Милюков, вместо того, чтобы не обращать внимания на эти выходки, реагировал на них, потому в зале в воздухе стояла какая-то ругань. Милюкову возражали многие ораторы, особенно яркое выступление было со стороны Н. Львова, который сказал блестящую речь как по форме, так и по искренности, подверг серьезной критике аграрную программу кадетов, которая, по его мнению, была составлена наспех, под выкрики «земли и воли». Очень обстоятельную, аккуратную, если можно так выразиться, речь в защиту закона 9 ноября сказал товарищ министра внутренних дел К. И. Лыкошин. Он по пунктам доказывал жизнеспособность закона 9 ноября. После Лыкошина прения продолжались с еще большим ожесточением. Вообще прения по аграрному вопросу отличались тем, что в них ни о чересполосице, ни об общине, ни о мобилизации земли, ни, в особенности, о совокупности указа 9 ноября не было и речи, были все одни повторения, а депутат Келеповский, правый, низвел эти речи до самого низкого пошиба, грубого тона и ругательства, направленных по адресу разных лиц, как Милюков, граф Витте, Кутлер и др., за что он был не раз останавливаем Председателем.

И среди всех этих, недостойных большею частью, речей вы-

ступление А. В. Кривошеина повеяло чем-то иным, светлым, полным достоинства и деловитости. Он выступил с весьма обоснованной, строго деловой речью, не касаясь бывших выходок и нападок со стороны многочисленных ораторов. Он представил ряд веских аргументов в пользу закона 9 ноября, он поразил Думу теми цифрами, которые он приводил и которые сами говорили за себя в пользу этого закона. Он заявил, что по 1 июля 1908 г. было представлено приговоров по полному разверстанию чересполосиц от 1500 обществ с 70 000 дворов, и это только от общинников. Землемеры успели исполнить работы в 474 селах с 15 000 дворов на 195 000 десятин. Он предложил Думе сравнить какую угодно из этих цифр, оставленных ли приговоров или законченных разверстаний, с тем нулем, круглым нулем, который мы имели в этом деле за все время до указа 9 ноября. И «вы поймете, — сказал он, — закрепляет ли чересполосицу закон 9 ноября, как это думает меньшинство Думы, или является могучим средством для устранения этой чересполосицы, составляющей основное зло нашей сельскохозяйственной культуры». Кончил свою речь Кривошеин целым рядом убедительных доводов, опровергавших мнение многих ораторов, что будто бы закон 9 ноября способствует образованию слишком многочисленного пролетариата. Речь Кривошеина слушалась с большим вниманием и покрыта была шумными аплодисментами. Она и решила участь закона 9 ноября, который и был принят Думой.

8 ноября граф Д. А. Милютин праздновал исключительный по редкости юбилей — 75 лет со дня производства в офицеры. С именем маститого, глубоко почитаемого всей Россией юбиляра связано было много воспоминания славного прошлого; много великих событий и грандиозных реформ императора Александра II связано было с его именем. Он родился в 1816 г. и по окончании Московского университета в 1833 г. поступил юнкером, а затем произведен был в прапорщики в Гвардейскую артиллерию, затем прошел курс Академии Генерального Штаба. В 1856 г., будучи начальником штаба Кавказской армии, сделался правой рукой фельдмаршала князя Барятинского и способствовал пленению Шамиля. Военным министром он был с 1861 по 1881 г., и благодаря ему в 1874 г. была введена всесословная воинская повинность и срок службы был сокращен с 25 лет до 6.

Как государственный деятель граф Милютин стоял всегда в Государственном Совете за предоставление земству возможно больших прав и самостоятельности. В 1878 г. он получил графское достоинство, а при оставлении им должности военного министра в 1881 г. при рескрипте получил двойной портрет императора Александра II и Александра III, усыпанный бриллиантами, для ношения на груди. С этого года граф Милютин был уже не у дел и проживал безвыездно в своем крымском имении Симеиз, где писал свои воспоминания. Только один раз, в 1898 г., граф Милютин приезжал по

Д. А. Милютин

приглашению Государя в Москву на открытие и освящение памятника царю-освободителю и в этот день присутствовал на этом торжестве в качестве дежурного генерал-адъютанта при Государе.

У меня с личностью графа Милютина связаны еще юношеские воспоминания. Я помню, как не раз приезжал граф Милютин, будучи военным министром, в Пажеский корпус и как мы, пажи, всегда радовались его приезду. Он бывал удивительно прост и ласков с пажами, приезжал, по большей части, во время уроков, садился, слушал ответы пажей и сам задавал вопросы, но всегда с таким доброжелательством, что его никогда не боялись, а все радостно его встречали, радостно отвечая на его приветствие. Это была противоположность Исакову — главному начальнику военно-учебных заведений, которого мы не любили за его суровость и сухость. Последний раз я его видел уже в Симеизе после моего назначения в Свиту, осенью 1905 г., я был ужасно счастлив и даже взволнован, что он меня принял. В это время Д. А. Милютин почти не выходил уже из своих комнат своего скромного маленького уютного местечка в Крыму. Он меня принял очень ласково, вспоминал моего отца, и я ушел от него — этого великого, честного, благородного сподвижника Александра II — под большим впечатлением.

13 ноября, ввиду привлечения Рейнбота сенатором Гариным к следствию, он был уволен высочайшим приказом от службы.

В ноябре месяце я опять получил от министра внутренних дел Столыпина приглашение принять участие в осенней сессии Общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. Этот раз все заседания происходили уже во вновь отремонтированном для сего помещении в здании Миинстерства внутренних дел на Морской улице. Помещение было очень удобное, тут же была столовая и буфет, так что не надо было отлучаться для завтрака или обеда, все можно было получить тут же. Кроме того, был очень хороший читальный зал, где находились всевозможные газеты и журналы, как русские, так и иностранные, была и библиотека. Одним словом, все было устроено с большим вниманием вроде клуба, чтоб члены Совета смогли себя чувствовать уютно и непринужденно. Это, конечно, располагало к работе, создавало обстановку семейную, неофициальную. Зал общих присутствий был только несколько мал, и хотя он был в два света, тем не менее из-за плохой вентиляции в нем бывало под конец заседаний чрезвычайно душно.

Заседания Общего присутствия открылись 20 ноября, но я получил от министра дополнительное письмо с приглашением прибыть 18 числа для предварительного обсуждения вносимых в Совет законопроектов об участковых начальниках и уездной реформе. Я и приехал в Петербург 18 числа и на предварительном обсуждении законопроектов ознакомился с ними. К рассмотрению в Совете были заготовлены следующие законопроекты: 1) о преобразовании

учреждений губернского управления, 2) уездной реформе, 3) об участковых начальниках и 4) о справочном бюро при Совете местного хозяйства. Ознакомившись с законопроектами еще до начала заседаний, я нашел их, кроме последнего, составленными неудовлетворительно и нежизнеспособными.

20 ноября последовало открытие сессии под председательством министра внутренних дел статс-секретаря П. А. Столыпина. [...] В ответ на речь Столыпина от имени членов Совета выступил гласный псковского земства И. С. Брянчанинов. Он отметил важность и необходимость всех реформ последнего времени, предпринятых правительством с целью усовершенствования государственного порядка и согласованности местного управления с новыми началами. В конце своей речи он просил Столыпина повергнуть к стопам Государя чувства беззаветной преданности и благодарности за оказанное высокое доверие и готовность приложить в предстоящих занятиях весь жизненный опыт, все знание и любовь к Престолу и Родине.

Состав Совета, этот раз, был многочисленнее, чем во время весенней сессии. Он был дополнен губернаторами, которых было 10 вместо двух, бывших весной, и 10 губернскими предводителями дворянства, которых в весенней сессии не было вовсе. Среди представителей земств и городов почти все были прежние, так что я встретился с ними как со старыми знакомыми. Из губернаторов, кроме А. Д. Зиновьева и меня, бывших в первой сессии, на этот раз были еще виленский — Д. Н. Любимов, милейший человек с очень хорошо подвешенным языком, но не деловой; вологодский А. Н. Хвостов, узкий черносотенец, многоречивый; киевский — граф П. Н. Игнатьев, очень серьезный, знающий, дельный; курляндский — Л. М. Князев, весьма почтенный, от него веяло необыкновенным благородством; нижегородский — М. Я. Шрамченко не производил впечатления серьезного администратора; саратовский — граф С. С. Татищев — выделялся своей деловитостью и логическим разрешением всех вопросов, говорил красиво, подкупая какой-то особенной искренностью; симбирский — Д. Н. Дубасов, ничем себя не проявлял, сторонясь всех, и тверской — Н. Г. фон Бюнтинг, прекрасно разбиравшийся во всех вопросах, по всему видно было в нем опытного губернатора с практическим жизненным опытом, но неприятного характера.

Из губернских предводителей дворянства: екатеринославского — князя Н. П. Урусова, казанского — С. С. Толстого, курского — графа В. Ф. Доррера, московского — А. Д. Самарина, полтавского — Н. Б. Щербатова, рязанского — В. А. Драшусова, симбирского — В. Н. Поливанова, смоленского — князя В. М. Урусова, харьковского — К. А. Ребиндера и ярославского — князя И. А. Куракина, все производили очень серьезное впечатление. Это были люди большого жизненного опыта, замечания их всегда были прак-

тически дельными. Исключение составляли: граф В. Ф. Доррер, который представлял собой несдержанный узкий тип несерьезного человека; князь В. М. Урусов, мало способный и мало знавший человек, князь И. А. Куракин, чересчур много говоривший в ущерб делу, и князь Н. В. Щербатов, не углублявшийся в вопросы, а хватавший только верхи. Среди земских и городских представителей выделялись деловитостью и практичным разрешением вопросов самарский губернский предводитель дворянства А. Я. Наумов, елизаветградский предводитель дворянства С. Т. Варун-Секрет, член Государственного Совета Д. К. Гевлич, несмотря на свой весьма преклонный возраст, гласный Московской думы Н. М. Перепелкин, гласный бессарабского земства М. В. Пуришкевич, председатель Московской губернской земской управы Н. Ф. Рихтер и председатель С.-Петербургской земской управы барон Меллер-Закомельский.

В первый день заседаний мы, члены Совета, разделились на 3 группы, составив три комиссии по числу законопроектов, не считая четвертого о справочном бюро, ввиду несложности этого последнего, который был предложен на непосредственное рассмотрение общего присутствия. Председателями комиссий были избраны: барон Меллер-Закомельский — губернской реформы, Н. Ф. Рихтер — уездной и И. И. Стерлигов — об участковых начальниках. Занятия комиссий происходили с 11 до 5 или 6 часов вечера. Общих присутствий было 11, последнее было 9 декабря, когда сессия и закрылась. Все законопроекты возбудили очень страстные прения. Законопроекты найдены составленными неудовлетворительно, как в конструктивном, так и в редакционном и принципиальном значении. Губернскую реформу так и не рассмотрели до конца, дальнейшее обсуждение отложено было до следующей сессии. Что же касается уездной, то вопрос о председательствовании в уездном совете вызвал очень горячие споры, Совет разделился на две группы; 39 голосов, в числе коих был и я, стояло за уездного начальника, а 30 голосов — за уездного предводителя дворянства. Эти последние составили особое мнение, которое и приложили к журналу, прося отложить окончательное решение этого вопроса до следующей сессии. Таким образом, из четырех законопроектов вполне рассмотрены были только два: об участковых начальниках и о справочном бюро.

10 декабря губернаторы и губернские предводители дворянства по окончании сессии собрались в «Кюба» и в дружной товарищеской беседе очень приятно и оживленно провели вечер. Эта сессия, со своими страстными обменами мнений, еще более сблизила всех, чем первая сессия. По окончании сессии Совета я получил приглашение еще от товарища министра внутренних дел А. А. Макарова принять участие в особой комиссии по преобразованию полиции, так что пришлось еще остаться в Петербурге несколько дней.

Во время сессии Совета местноо1оаго хозяйства, 3 декабря, я был назначен дежурным при Государе императоре. Так как 6 декабря мне предстояло быть произведенным в генерал-майоры, то это было мое последнее дежурство как флигель-адъютанта. Государь в этот день проявил ко мне исключительное внимание. Как только я вступил на дежурство, то получил приглашение, переданное мне камердинером, к высочайшему завтраку. За завтраком никого, кроме их величеств и августейших дочерей, не было, а наследника привели к концу завтрака. Он уже был бойкий мальчик, смелый, живой, в задаваемых им вопросах чувствовался любознательный ум. После завтрака довольно долго продолжалась беседа за кофе, Государь сам наливал ликеры и угощал; отпуская меня, императрица пригласила меня прийти к дневному чаю к пяти часам.

Когда я пришел, Государя еще не было, он пришел позже, императрица этим временем показывала мне свои собственноручные работы, приготовленные для предстоящего благотворительного базара. Было очень много красивых художественных рисунков, календарей, блокнотов, записных книжек, раскрашенных акварелью. Императрица очень хорошо рисовала, были также некоторые предметы работы великих княжен. Я просил разрешения приобрести на память одну из работ. Императрица сама выбрала для меня очень красивый блокнот, который и хранится у меня до сих пор. Когда пришел Государь, сели пить чай, который разливала императрица. После чая Государь пригласил меня к обеду в 8 часов, так что я почти целый день моего дежурства провел с их величествами. Только около 10 с половиной часов вечера со мной простились. Государь очень интересовался работами в Совете местного хозяйства, спрашивал мое мнение о губернской и уездной реформах, вдаваясь во все детали. Это последнее мое дежурство оставило во мне неизгладимое впечатление. Сейчас, когда я пишу эти строки, прошло с тех пор очень много лет, но память об этом дне ярко сохранилась в благодарном моем сердце.

6 декабря состоялся высочайший приказ о моем производстве в генерал-майоры с зачислением в Свиту его величеста и по гвардейской пехоте. Так как я был предупрежден об этом за несколько дней, то успел себе сшить и форму, соответствовавшую новому моему чину и званию.

Рано утром, в 8 часов, я надел генеральскую форму и отправился в Преображенский полк, 1-й батальон которого праздновал в этот день свой батальонный праздник. С производством моим в генералы я больше не мог числиться в списках полка и был зачислен по гвардейской пехоте. В этот день минуло 25 лет, что я числился в 4-й роте полка. Когда я приехал в полк и после молебствия подошел к своей родной 4-й роте, чтоб ее поздравить с праздником, ко мне вышел ее командир и в присутствии всех построенных ее чинов

произнес несколько слов, вспомнив мою службу в роте в эти четверть века, в течение коих я хотя и числился только номинально, но никогда не забывал своей роты. В память этой тесной духовной связи с ротой в течение 25 лет командир роты просил меня принять от чинов роты благословение — нагрудный золотой образок с эмалью Св. Николая Чудотворца на золотой цепочке с соответственной надписью. Растроганный до слез, я не знал, какими словами выразить благодарность. Я надел этот дорогой для меня образок и с тех пор никогда его не снимал. Командир полка великий князь Константин Константинович, отдавая приказ по полку о моем производстве в генералы и исключении меня из списка полка, оказал мне также большую честь и внимание дорогими, незаслуженными словами по моему адресу, с которыми он обратился ко мне в приказе.

Из полка я проехал на Царскосельский вокзал, чтоб успеть до начала высочайшего выхода (это был день тезоименитства Государя) представиться его величеству по случаю моего производства в генералы и поблагодарить за оставление меня в Свите. Государь меня тотчас же очень ласково принял и сказал мне, что зная, что 3 декабря было мое последнее флигель-адъютантское дежурство, он и императрица хотели особенно подчеркнуть этот день в моей памяти. После высочайшего выхода в этот день я уже со всеми лицами Свиты официально приносил поздравление их величествам.

Накануне моего возвращения в Москву, 13 декабря, в людной дачной местности при станции Лосиноостровская было оказано беспримерное вооруженное сопротивление чинам полиции со стороны одного злоумышленника-анархиста, продолжавшееся целые сутки. Накануне начальником районного охранного отделения полковником фон Котеном были назначены обыски в Мытищенском и Лосиноостровском районах и между прочим на даче Власова. Дача эта была двухэтажная, низ занимала семья дачевладельца, верх — слесарь Сидоркин с женой, к которому часто приезжал какой-то неизвестный, внушавший подозрение. Когда жандармский офицер вошел с полицейским нарядом в квартиру Сидоркина, то из-за печки одной из комнат раздались выстрелы из револьвера; в другой же комнате навстречу бросился сам Сидоркин с браунингом в руке и хотел выстрелить, но был обезоружен и легко ранен сам. Воспользовавшись происшедшим минутным замешательством, неизвестный, стрелявший из-за печки, выбежал в коридор и затем в чулан, откуда поднялся на чердак и забаррикадировался. Чины полиции оказались отрезанными от входной лестницы, так как, стреляя с чердака, преступник расстреливал каждого, пытавшегося пройти мимо чулана. В это время Сидоркин, воспользовавшись смятением, несмотря на рану, пытался бежать, но его успели задержать и отправить в тюремную больницу. В это время случайно проезжал мимо дачи

жандармский корнет Макри, очень храбрый офицер, и, узнав о происходившем, недолго думая, полез со стражником прямо на чердак. Когда же стражник его предупредил, что из слухового окна чердака виден преступник, то Макри, отстранив стражника, быстро полез сам вперед, но был сражен пулей в щеку, стражник же был ранен в живот. Оба упали с лестницы в коридор. Чины охраны, находившиеся в комнатах, перенесли раненых туда же, стражник скоро скончался. Из Москвы к этому времени прибыло подкрепление во главе с полковником Котеном и его помощником подполковником Пастрюлиным. Котен распорядился прорубить потолок из первого этажа во второй. Когда это было готово, то находившиеся в засаде наверху могли спуститься вниз, перенести туда же раненого Макри и увезти его в больницу. В это время преступник продолжал стрелять с чердака из сделанного им отверстия. Котен был ранен в плечо, Пастрюлин в грудь и один из агентов в локоть. Все раненые доставлены были в Екатерининскую больницу. Вызвана была пожарная команда в надежде, что залив чердак водой, удастся заставить преступника оттуда выйти, но он, несмотря на мороз, оставался на чердаке в одном пиджаке в течение 15 часов. Тогда стали обстреливать чердак из винтовок, преступник был наконец ранен, ему предложили сдаться, но он ответил: «Анархисты не сдаются, а умирают». Следующая пуля, пронзившая ему голову, покончила с ним. Преступник оказался Розановым, давно разыскивавшимся полицией.

Пока я был в Петербурге, в газете «Колокол» [9] появилась статья, озаглавленная «От Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела [10] — сообщение из Коломны». Длинная и пространная статья была всецело направлена против коломенского исправника Бабина и председателя Коломенской земской управы М. М. Щепкина, которых обвиняли в способствовании развитию революционного движения в Коломне, приводились разные факты, в коих действительность совершенно искажалась, приводились разные инсинуации и т. д., косвенно, конечно, касались и по моему адресу, так как я покровительствовал и поддерживал Бабина. Вся подоплека была в том, что Бабин, как умный, уравновешенный и прекрасный исправник, держал себя совершенно самостоятельно, не позволяя отделу «Союза Михаила Архангела» и его низкопробным агентам и шантажистам вмешиваться в административные дела и распоряжения. Эти негодяи ничем не брезгали и так как не могли благодаря Бабину проделывать свои темные делишки, то и писали всюду доносы на него, смешивая его с грязью и выставляя революционером, а меня, поддерживавшего его, — вредным губернатором.

Благодаря поддержке Столыпина мне удалось сохранить Бабина на месте и уничтожить все козни против него. В то время прокурором окружного суда был Арнольд, который совершенно не

умел себя поставить, был очень бестактен, любил принимать заявления и кляузы с заднего крыльца, и так как в то время в Москве фигурировала знаменитая по своим приемам гаринская ревизия, то Арнольд в этой ревизии почувствовал почву под ногами. Кроме того, Арнольд был недоволен мною, что я пресек его незаконные вмешательства в дела тюремной инспекции и отдельно тюрем. Он вообразил себя начальником тюрем и предъявлял тюремному инспектору, находившемуся по должности в одном классе с ним [11] , требования чисто начальника к подчиненному — выходил ряд конфликтов, а когда он стал посещать тюрьмы и, здороваясь с арестантами, требовал от них, чтобы они по-военному ему отвечали, то я принужден был ему заметить, что это право только начальников тюрем и губернатора, а прокурору, являющемуся только контролирующим лицом над применением судебных приговоров, начальнических функций предоставлено не было, и потому он рисковал нарваться на неприятность, арестанты могли ему не ответить, так как они очень хорошо знали, кому они обязаны отвечать и кому нет. Арнольд на меня обиделся, но все же перестал здороваться [с арестантами].

Одновременно я случайно узнал, что у Арнольда в суде собираются разные кляузы, доносы со стороны темных личностей на Бабина и на меня, и что все это заносится в журнал, и по этим доносам составляется даже целое секретное дело. Тогда я спросил его, действительно ли дошедшие до меня слухи справедливы, и если да, то на основании каких статей закона это делается, так как жалобы и доносы на губернатора могут приноситься только в Сенат. Он уклонился от прямого ответа, тогда я обратился к прокурору палаты, а затем к министрам Столыпину и Щегловитову. Последний поручил расследование прокурору палаты, причем выяснилась справедливость дошедших до меня слухов; действительно, у Арнольда с тайного согласия членов гаринской ревизии что-то злоумышлялось против моих подчиненных и меня. Тогда я попросил Столыпина оградить меня от таких грязных поползновений, в которых позволяет себе принимать участие прокурор суда. Столыпин был глубоко возмущен этим, потребовал от Щегловитова увольнения Арнольда, что и было исполнено. Прокурором назначен был благороднейший, честнейший В. А. Брюн де Сент-Ипполит.

16 декабря телеграф принес потрясающую весть о постигшем остров Сицилию и Калабрию землетрясении. Цветущий город Мессина погиб под развалинами, из 160 000 жителей спаслось несколько тысяч. После землетрясения огромная морская волна прошла по всему городу, как будто желая совсем смести этот чудный город садов. Король с королевой и всей королевской семьей выехали немедленно для личной подачи помощи. Первыми после этой

страшной катастрофы явились на помощь русские моряки, проявившие геройские усилия для спасания жителей. В первый же день они извлекли из-под обломков до 300 человек. Когда первое судно прибыло в Мессину, глазам моряков представился пролив, усеянный трупами, обломками зданий, разбитых предметов и лодок. Моряки «Адмирала Макарова» вызвали всеобщую признательность Италии, они спасли сотни несчастных из-под развалин, спасли и кассу с 20 миллионами франков.

Со всех концов света полились в Италию сочувствия, везде производились сборы, Россия щедро отозвалась, в Думе и Государственном Совете состоялись специальные заседания для выражения сочувствия и оказания помощи несчастным жертвам.

20 декабря умер в Кронштадте отец Иоанн Кронштадтский. Это был, если можно так выразиться, народный священник. Его дни протекали среди несметных толп народа, собиравшихся всюду, где он появлялся, и в частных домах, где он сеял милосердие, помощь, чудеса. У отца Иоанна был высокий дар — высшая какая-то сила христианина, помогавшая и исцелявшая молитвой. За помощью к нему, в твердой уверенности ее получить, шли люди на краю последних страданий, и когда оказывалось бессильным всякое человеческое могущество, знания и наука, шли не одни православные, но лютеране, католики и даже магометане, евреи. Он шел просто навстречу всемирной нужде, всем страданиям. В этом явлении было столько умилительной трогательности, поразительности и одновременно простоты и величия, что было совершенно понятно, почему около него образовалось такое народное движение, восхищение, изумление. Много, конечно, преувеличивали, молва часто невольно поднимала его выше, рядом со слезами умиления стояла и клевета мелких мещанских душонок, умов здравомысленных, но в здравомыслии немощных. У него был несомненный дар свыше, и этот дар поднял вокруг него неописуемое волнение — люди потянулись к нему, никем не подстрекаемые, как бы к живому свидетелю небесных сил, как бы к живому источнику благодати. Его замечательная книга «Моя жизнь во Христе» переведена на все языки. Русская церковь лишилась своей славы и украшения, но для верующих приобрела молитвенника и ходатая у Престола Божия. Все знавшие его привыкли видеть его не по летам бодрым, живым, и только последние годы, когда ему было уже под восемьдесят, он стал прихварывать.

Я лично с ним виделся много раз, он всегда оставлял во мне обаятельное волнующее чувство, какой-то светлый луч лился из него; казалось, он все видел насквозь своими маленькими яркими проницательными глазами. Один раз он навестил и мою мать во время ее тяжелой болезни. Он служил и говорил отрывисто, служба его была совсем особенная, он как-то особенно делал ударения, он не просил,

он требовал, и в его требовании звучала уверенность, что то, что он требует, обязательно будет дано свыше.

Во время болезни императора Александра III — этого благочестивейшего и благороднейшего Государя — отец Иоанн был приглашен в Ливадию за несколько недель до кончины Государя и оставался там, поддерживая и молитвенно утешая императрицу и Государя до самой его кончины. Я там часто виделся с ним, а затем и в Москве, когда он приезжал посещать больных; несколько раз мы встречались в поезде между Москвой и Петроградом. Он ездил обыкновенно в купе I класса и всегда с открытым окном, какой бы мороз ни был; он не ложился спать, а одетый в шубе, сидя, дремал. Я всегда к нему заходил, он говорил, что как уроженец Архангельской губернии привык к морозам и свежему воздуху, при этом он любил рассказывать о своей родине, Пинежском уезде. Был я у него и в Кронштадте один раз, ездил попросить его помолиться за одного больного.

Он скончался совершенно тихо, спокойно, предузнав свою кончину. Еще в ноябре месяце он разослал всем почтальонам, рассыльным и т. п. людям, исполнявшим его разные поручения, праздничные деньги на Рождество, — «а то и вовсе не получат», — сказал он. За 7 дней до своей кончины он отслужил последнюю обедню в Кронштадтском соборе, после этого он уже не выходил и все слабел. 18 числа спросил игуменью Ангелину, которое число. «Ну хорошо, значит еще 2 дня», — сказал он и потерял сознание. 20-го его не стало.

23 декабря скончался в Москве известный адвокат Ф. Н. Плевако, имя которого занимало одно из первых мест среди самых выдающихся русских судебных ораторов. Весть об его кончине встречена была в обществе с искренним сожалением. Хоронили его 26 декабря в Скорбященском монастыре. На могиле особенно горячо и искренно говорил Н. П. Шубинский. Он очертил покойного как человека с гениальным талантом, любвеобильным сердцем и проникновенным умом. Он сказал затем: «Явившись в русский парламент, Плевако нес с собой программу прогресса и мира. Его политической верой было полное обновление России путем мирного переустройства и перемен. И велико было горе его друзей, видевших, что этот могучий ум, это чудное сердце уже надломлено обессилившей его болезнью. Прости же, товарищ, прости, великий деятель, пусть же мои слезы будут последней данью моего чувства к тебе, почивший друг».

Оканчивая свои воспоминания за 1908 г., я хочу еще коснуться того благотворного влияния, каковое оказал на население закон 9 ноября о выходе из общины и о землеустройстве. Крестьянское население в 1908 г. проявило значительный интерес к земле, и это,

конечно, нельзя было не поставить в связь с изданным законом 9 ноября. Едва заметные в предшествовавшем году первые робкие шаги крестьян к материальным благам, предоставленным им законом 9 ноября, в истекшем году превратились в смелое, уверенное движение, захватывавшее все большие и большие массы и обещавшее в недалеком будущем вылиться в форму неудержимого стремления к личной собственности. Число заявлений об укреплении надельной земли к концу 1908 г. увеличилось против предыдущего года в 13 раз.

В связи с стремлением крестьянского населения к упрочению своей земельной обеспеченности обращали на себя внимание заботы об улучшении своего экономического быта крестьянских обществ, расположенных вблизи столицы, с весьма малыми наделами, вследствие отчуждения значительной части их земель под линии железных дорог и городские сооружения. Эти крестьяне строили свое благосостояние на ежегодно развивавшейся дачной жизни столичных обывателей. С этой целью они приспосабливали свои постройки и строили новые дачи, улучшали пути сообщения и увеличивали молочное хозяйство, употребляя для него средства, полученные ими за отчужденные земли.

В соответствии с новыми требованиями крестьянской жизни изменилось и направление деятельности крестьянских учреждений. Огромное большинство производившихся в них дел связано было с вопросами землепользования и землеустройства. Землеустроительных комиссий за 1908 г. прибавилось пять, так что к концу года функционировало уже 11 комиссий. Деятельность комиссий распространилась на 54 000 десятин крестьянских надельных земель. В том числе на площади 40 000 десятин были размежеваны однопланные селения, а на 4000 десятин производилось уничтожение чересполосицы, раздел целых селений, разверстание на отруба и выдел хуторов отдельным домохозяевам. В землеустроительные комиссии население, главным образом, стало обращаться с ходатайствами о разверстании угодий, то есть об удовлетворении наиболее ясно им сознаваемой потребности. Переход же к единоличному владению не мог сказаться с той интенсивностью, как в чисто земледельческих губерниях. Интерес к хуторскому хозяйству стал проявляться лишь в наиболее земледельческих уездах и местностях, где землеустроительной деятельности предшествовали работы по введению многопольных севооборотов с травосеянием на общинных землях. Отношение населения к землеустроительным учреждениям было самое безукоризненное.

Земство явилось на помощь землеустройству рядом агрономических мероприятий, ими учреждено было много новых складов сельскохозяйственных машин и орудий, образованы были показательные поля, введено травосеяние и т. п. Затем земство пришло

к заключению о необходимости введения участковой агрономии, с целью дать возможность населению на месте получать компетентные указания по ведению хозяйства. Московское уездное земство приняло на себя крайне симпатичный почин по сбыту крестьянского молока в столицу. Образовав склады в нескольких местах уезда, куда крестьяне ежедневно свозили молоко, и вступив в непосредственные сношения с потребителями, земство дало крестьянам возможность сбыта молока по высокой цене, а потребителям получение неподдельного продукта.

В заключение не могу не сказать, что 1908 г. явился первым годом моего губернаторства, который можно назвать годом спокойной созидательной работы правительственных органов и общественных управлений, не нарушенным никакими потрясениями политического характера.

Глава 5

1909 год

Кончина И. Е. Забелина. — Новый состав городской думы. — Назначение П. Г. Курлова товарищем министра внутренних дел, С. С. Хрулева — начальником Главного тюремного управления и А. В. Степанова — прокурором Московской судебной палаты. — Кончина московского коменданта Гурковского. — Упорядочение вопроса об уплате населением налоговых обязательств. — Назначение Б. И. Тимирязева министром торговли и промышленности. — Московское губернское земское очередное собрание. — Кончина начальницы Александровского института. — Трагический случай в губернской тюрьме. — Выставка Музея 12 года и Особый комитет по устройству военно-исторического музея в Москве в память Отечественной войны 1812 г. — Кончина великого князя Владимира Александровича. — Закрытие финляндского Сейма. — Кончина артиста Малого театра А. А. Федотова. — Эксплуатация русских рабочих в Германии. — Арест бывшего директора Департамента полиции А. А. Лопухина. — Мой приказ о бестактных действиях полиции при моих поездках. — Тиф в Бутырской тюрьме. — Открытие Общества содействия хуторскому и отрубному хозяйствам. — Уход Н. П. Рудина. — Весенняя сессия Совета местного хозяйства в С.-Петербурге. — Кончина князя М. И. Хилкова. — Назначение Сухомлинова военным министром. — Убийство пристава Белянчикова. — Уход генерала Гершельмана, назначение Плеве командующим войсками Московского военного округа. — Чествование 100-летия со дня рождения Н. В. Гоголя. — Кончина С. В. Сабашникова. — Покушение на помощника начальника Бутырской тюрьмы. — Освящение храма в память павших от террора на Ходынском поле. — Министерский кризис из-за вопроса о штатах Морского генерального штаба. — Открытие памятника Н. В. Гоголю в Москве. — 6 мая в Царском Селе. — Трагическое происшествие в Серпуховской полицейской команде. — Кончина И. Ф. Тютчева. — Переход на хутора 94 домохозяев деревни Колонец в Бронницком уезде. — Открытие памятника Александру III в С.-Петербурге. — Чрезвычайное губернское земское собрание. — Отмена чрезвычайной охраны. — Торжественное восстановление церковного почитания Святой Благоверной великой княгини Анны Кашинской. — Стоверстная автомобильная гонка под Москвой. — Проследование Лейб-гвардии Семеновского полка через Москву. — Полтавские торжества 27 июня 1909 г. — Побег 12 каторжанок из женской тюрьмы. — Обед Преображенскому полку. — Увольнение меня в отпуск. — Высочайший проезд через Московскую губернию. — Мой отъезд в отпуск. — Кончина А. К. Шлиппе. — Чрезвычайное губернское собрание. — Открытие памятника первопечатнику И. Федорову. — Прибытие принца Баварского. — Открытие памятника Ф. Н. Гаазу. — Чрезвычайное губернское дворянское собрание. — Поездка в Клинский уезд на открытие рукодельной школы. — 5 октября — тезоименитство наследника цесаревича. — Народный дом имени наследника. — Земские выборы 1909 —

1912 гг. — Мое назначение попечителем Московской практической академии коммерческих наук. — Поездка в Подольский уезд и Звенигородский. — Торжество 200-летия со дня блаженной кончины Св. Дмитрия Ростовского. — Кончина великого князя Михаила Николаевича. — Панихида по короле бельгийском Леопольде II. — Убийство начальника охранного отделения Карпова в Петербурге. — Заключение.

Накануне Нового года в Москве скончался И. Е. Забелин, маститый старец, историк, обогативший нашу русскую историческую литературу своими капитальными произведениями по древней истории русской, особенно московской, о чем я уже говорил, описывая его юбилей в 1907 г. Характерной чертой его как историка была вера в самобытные творческие силы русского народа. Глубокое знакомство его со стариной и любовь к ней отражались и на языке Ивана Егоровича. Язык его был выразителен и оригинален, с архаическим оттенком. Он заболел 20 декабря воспалением легких; накануне смерти на вопрос, кончил ли он пить кофе, он сказал: «Скоро старик все кончит». С его смертью осиротела история русского быта, осиротела, в частности, и «История Москвы», так хорошо им начатая, но не законченная. Забелин успел напечатать только 1 том. Он скончался на 89 году своей трудолюбивой и честной жизни. Отпевали его в университетской церкви, погребение состоялось на Ваганьковском кладбище. Вся Москва собралась на его похороны, чтобы почтить память почтенного старца — труженика на пользу русской старины.

2 января, по окончании избрания гласных, состоялось первое заседание новой городской думы. Всего избрано было 139 гласных, а с членами управы и с представителем духовенства общий состав выразился в сумме 149, из них 76 оппозиции и 73 так называемых гучковцев. 7 января состоялось избрание городского головы. Баллотировались двое: Н. И. Гучков и М. В. Челноков, первый был избран 73 голосами против 65.

В начале января товарищ министра внутренних дел А. А. Макаров был назначен государственным секретарем, а на его место назначен был П. Г. Курлов, бывший в то время начальником Главного тюремного управления. Почему выбор Столыпина пал на Курлова, я не знаю, во всяком случае выбор этот повредил Столыпину в общественном мнении. Я знал Курлова давно, еще с тех пор, как он был в Москве товарищем прокурора, а затем, благодаря своей дружбе с состоявшим при великой княгине Елизавете Федоровне Н. А. Жедринским, попал в секретари Дамского комитета, состоявшего под председательством ее высочества [1].

Оба они, как Жедринский, так и Курлов, принадлежали к типу людей бестактных и как-то не подходили к светлому образу великой княгини, которая по своей доброте и снисходительности не замечала их недостатков. Великий князь Сергей Александрович по своей чуткости замечал, конечно, их недостатки и, если можно так выразиться, только переносил их, это чувствовалось особенно ярко в его

отношениях к Курлову, о котором он был невысокого мнения. Ума от Курлова отнять нельзя было, но это был человек с шаткими принципами. Последнее проявилось в нем особенно сильно, когда он сделался товарищем министра внутренних дел, а затем соединил в себе и должность командира Отдельного корпуса жандармов. Он окружил себя недостойными людьми, которые его компрометировали, только один Сенько-Поповский, состоявший при нем, представлял собой исключение, будучи безукоризненно честным человеком. Он и своим подчиненным показал пример неустойчивости в нравственных принципах, разведясь со своей женой, весьма достойной и милейшей женщиной, чтобы жениться на жене своего адъютанта Вилламова. Один плюс получился от назначения — уход с должности директора Департамента полиции Трусевича, этого типа полицейского сыщика-провокатора, принесшего много вреда в делах политического розыска. На его место был назначен П. П. Зуев, человек безвольный, всегда далеко стоявший от политического розыска, но зато безукоризненно честный. Думаю, что Курлов остановился на нем, так как считал себя знатоком политического розыска, хотел лично его вести и обезопасить себя от вмешательства директора Департамента полиции.

С. С. Хрулев, назначенный начальником Главного тюремного управления, представлял из себя весьма порядочного, умного, но без широкого взгляда администратора. Он не был формалистом, и с ним было приятно иметь дело.

А. В. Степанов, назначенный прокурором Московской судебной палаты, был благороднейшим, честнейшим человеком с обширным умом и практическим жизненным опытом.

9 января скончался А. П. Гурковский, два года перед тем назначенный московским комендантом. Это была светлая личность, боевый честнейший офицер; во время Русско-турецкой войны 1877 г. был контужен в ногу и ранен осколком гранаты в грудь, участвовал в бою под Плевной, за то награжден был орденом Св. Георгия 4 степени. Я давно знал А. П. Гурковского, еще в 1883 г., когда я кончал Пажеский корпус, а он был назначен туда ротным офицером. Мы его все глубоко любили и уважали за его всегда справедливо-ровное отношение и доброжелательность. В Москве он тоже пользовался всеобщими симпатиями. Великая княгиня Елизавета Федоровна была на панихиде по нем и на похоронах; отпевали Гурковского на Знаменке, в церкви Св. Николы, погребение состоялось на Ваганьковом кладбище.

По всей России издавна установился обычай, на основании коего взыскание всяких государственных и общественных сборов и налогов производилось чинами полиции, между тем закон обязывал такого рода платежи вносить в казначейство самим платель-

щикам. Этот обычай имел и хорошие, и дурные стороны; несомненно, что взыскание сборов чинами полиции способствовало их успеху, но, с другой стороны, крупные суммы, попадавшие на руки чинам полиции, являлись для них соблазном, и бывали случаи растраты и вторичного взыскания этих сумм с плательщиков, когда нельзя было доказать, что причитавшиеся деньги плательщиком были не уплачены, а это всегда могло случиться, так как чины полиции выдавали плательщикам только простые расписки, иногда же и вовсе их не выдавали. Ввиду этого я счел необходимым упорядочить это дело и поэтому обратился с циркуляром к уездным исправникам и объявлением к населению.

«Всем уездным исправникам
и полицеймейстеру Сергиевского посада

За время управления моего Московской губернией мне неоднократно приходилось встречаться с прискорбными случаями растраты чинами полиции денежных сумм, вносимых населением в уплату государственных и общественных сборов и налогов. При ближайшем рассмотрении причин, вызывавших эти явления, я убедился, что они являются последствием, прежде всего, уклонения от установленного законом порядка платежа упомянутых сборов и налогов. По точному смыслу подлежащих законоположений и уставов всякого рода денежные повинности как текущих окладов, так и перешедших в недоимку, должны были вноситься самими плательщиками непосредственно в уездные и губернское казначейства или же в сословные и общественные учреждения с получением на руки установленных квитанций. Что же касается до чинов уездной и городской полиции, то они уполномочены были принимать денежные суммы от плательщиков только в случае принудительного взыскания недоимок с их имущества. Отсюда следовало бы заключить, что обязанность плательщика сборов и налогов может считаться вообще исполненной только при получении им установленной квитанции. Между тем, на практике установился другой порядок, при котором многие плательщики, затрудняясь посещать казначейство, передавали следуемые с них денежные суммы исполнительным чиновникам полиции и даже низшим ее агентам, оказывая им таким образом полное доверие.

Не признавая возможным изменить издавна установившийся порядок, так как это невыгодным образом отразилось бы на поступлении сборов и налогов, я в то же время признаю своевременным и необходимым ввести однообразную организацию в это важное дело, ибо случаи растрат чинами полиции доверенных им плательщиками денежных сумм подрывают авторитет и достоинство полиции в глазах населения. Из имеющихся у меня сведений я усматриваю, что в большинстве уездов чины полиции, получая на руки

сборы и налоги, выдают плательщикам частные квитанции или расписки на окладных листах, далеко не всегда заменяя их впоследствии подлинными квитанциями казначейства. При таком порядке, не говоря уже о случайных ошибках, вызываемых забывчивостью, всегда возможны и злоупотребления, ибо старшим чинам полиции трудно и даже невозможно установить правильный контроль за действиями подчиненных им лиц. Только в некоторых уездах введены однообразные квитанционные книжки, чем достигнута сравнительно лучшая организация платежа населением сборов и налогов.

С начала 1909 г. я устанавливаю для всех уездов следующий однообразный порядок: полицейские управления заготовляют квитанционные книжки образца, рекомендованного мною на последнем совещании, происходившем 30 ноября минувшего года. Книжки эти, прошнурованные и скрепленные в полицейском управлении, раздаются тем чинам полиции, коими получаются денежные повинности с населения, с тем, чтобы на всякую сумму, хотя бы и в несколько копеек, безотлагательно выдавалась плательщику квитанция, заменяемая впоследствие квитанцией казначейства с надлежащей ей отметкой на обороте корешка. В тех случаях, когда становыми приставами под их личной ответственностью получение денежных повинностей доверяется полицейским урядникам, квитанционные книжки, выданные этим последним, должны быть контролируемы приставами не менее 2 раз в течение месяца. Такой же контроль производится по всему уезду не менее 1 раза в месяц полицейским управлением. Настоящим циркуляром я напоминаю господам уездным исправникам, что раз население, доверяя полиции, вручает ей денежные суммы для взноса их по принадлежности, то в таких случаях следует приложить особое старание к тому, чтобы суммы эти незамедлительно поступали в казначейство, и плательщикам выдавалась бы на руки подлинная квитанция казначейства или же засвидетельствованная копия с нее, когда квитанция выдана на несколько лиц.

Я вполне уверен, что все уездные исправники и полицеймейстер Сергиевского Посада, сознавая серьезность вопросов, затронутых настоящим циркуляром, без малейшего замедления и в точности осуществят преподанные мною указания и строгостью контроля устранят возможность повторения растрат денежных сумм, вносимых населением в уплату государственных и общественных сборов и налогов. Вместе с тем считаю необходимым указать на желательность ведения в полицейских управлениях особого настольного реестра исключительно для записи бумаг, имеющих денежный характер, что представит значительные удобства как при извлечении из настольного реестра нужных справок по денежной части, так и при ревизии делопроизводства у исполнительных чиновников. Незави-

симо от всего вышеизложенного предлагаю исправникам и полицеймейстерам производить общую ревизию делопроизводства подведомственных им исполнительных чиновников полиции не менее трех раз в течение года и о результатах ревизии доносить мне.

Свиты его величества генерал-майор Джунковский.

От московского губернатора объявление к населению

Согласно действующим законам и уставам всякого рода государственные, земские, городские и сословные сборы и налоги, как текущих окладов, так и перешедшие в недоимку, должны быть вносимы самими плательщиками в губернское и уездные казначейства или же по принадлежности в земские, сословные и городские учреждения. При этом крестьяне, уплачивающие казенные, земские, продовольственные и мирские сборы по раскладке сельских обществ, должны вносить платежи сельским старостам (или сборщикам податей, где таковые сборщики имеются). Только получение на руки плательщиком установленной квитанции, удостоверяя бесспорно факт взноса денег, гарантирует плательщика от возможности вторичного их взыскания.

Между тем на практике установился порядок, при котором плательщики (главным образом землевладельцы и хозяева торговых заведений в селениях), затрудняясь почему-либо посещать казначейство, передают следуемые с них денежные суммы для взноса в казначейство чинам полиции, оказывая таким образом последним личное доверие.

Во избежание каких-либо недоразумений и отнюдь не изменяя существующего порядка уплаты всякого рода сборов и налогов объявляю во всеобщее сведение, что все чины уездной и городской полиции вверенной им губернии имеют скрепленные в полицейских управлениях книжки с временными квитанциями для выдачи таких квитанций плательщикам сборов и налогов в тех случаях, когда плательщики пожелают доверить полиции взнос в казначейство следуемых с них денежных сумм. Выдача чинами полиции каких-либо частных квитанций, а тем более расписок на окладных листах, мною воспрещена. Получение временной квитанции из упомянутой выше книжки не является, однако, бесспорным доказательством выполненной плательщиком сборов и налогов обязанности, лежащей на нем по закону. Ввиду этого каждое лицо, доверившее полиции взнос денег в казначейство, независимо от размера суммы, должно впоследствии требовать от полиции подлинную квитанцию казначейства (или засвидетельствованную копию с последней, буде в квитанции казначейства показаны суммы, следовавшие от разных плательщиков). Если в течение месячного срока требование плательщика о выдаче ему квитанции казначейства (или, как выше сказано, копии с нее) подлежащим поли-

цейским чином не будет исполнено, то заинтересованному лицу надлежит немедленно заявить об этом уездному исправнику или помощнику его, в случае же безуспешности такого обращения — послать заявление непосредственно мне.

При этом считаю необходимым напомнить населению губернии, что никто ни под каким предлогом не имеет права уклоняться от своевременного платежа государственных, земских и всяких других законных сборов, и каждый должен сам заботиться о том, чтобы следуемые с него суммы поступили по назначению. К сожалению, 1908 г., так же как и прежние годы, показал, что в среде населения вверенной мне губернии имеется много лиц, недостаточно проникнутых сознанием своего гражданского долга, результатом чего явилось значительное накопление недоимок; признавая такое явление совершенно недопустимым, предупреждаю всех плательщиков сборов и налогов, что наряду с предпринятыми общими мерами к упорядочению взыскания чинами полиции недоимок мною отныне будут приниматься самые решительные предоставленные мне законом меры против лиц, уклоняющихся от платежа, в каком смысле я вместе с сим отдал распоряжение всем уездным исправникам.

Свиты его величества генерал-майор Джунковский».

14 января на место И. П. Шипова министром торговли и промышленности назначен был Б. И. Тимирязев, который уже в 1905 г. был министром торговли в кабинете графа Витте, но в 1906 г. вышел в отставку. Его назначение приветствовалось биржевыми и торговыми кругами, так как он отлично знал дело и был в курсе его.

15 января в зале Благородного собрания открылась очередная сессия Московского губернского земского собрания. Когда мне дали знать, что гласные собрались в законном составе, то я прибыл в собрание и обратился к гласным со следующей речью:

«Господа губернские гласные! В прошлом году очередное земское собрание, как известно, не рассмотрело многих докладов управы, а последующие сессии его или сделали мало, или не состоялись вовсе. Вследствие сего я вынужден был взять на себя ответственную роль — направить некоторые неотложные доклады в порядке 95 статьи Положения о земских учреждениях, каковой порядок применен был впервые со времени введения в Московской губернии земских учреждений. Поэтому, открывая настоящее земское собрание и приветствуя вас, особо приветствуя вновь избранных гласных, я, прежде всего, желаю вам достичь наибольших, по сравнению с прошлым годом, результатов в настоящей работе вашей.

Среди вопросов, подлежащих обсуждению настоящего собрания, имеются два, внесенных по моему почину. Первый из них — об

организации пожарной помощи в пригородах Москвы, вопрос наболевший. Городское управление отказывается ныне бесплатно посылать пожарные команды в пригороды, и эти выезды за последнее время делаются исключительно только благодаря любезности господ московских градоначальника и бранд-майора, каждый раз по особым моим просьбам. Согласитесь, что такое положение дела нельзя признать нормальным. Пригородам грозит неминуемая и страшная опасность от огня, если губернское земство не придет к ним на помощь. Уплачивая большие земские сборы, они вправе рассчитывать на это. Вопрос этот может быть разрешен устройством самостоятельной противопожарной организации в пригородах и путем соглашения с городом. Предлагая губернской управе возбудить настоящий вопрос в собрании, я, между прочим, сообщил ей цифровые данные о выездах команд, из коих видно, что число таких выездов в минувшем году не превысило 80. При справедливой оценке стоимости каждого выезда получается сумма, которая не обременит земство, а город удовлетворит за понесенные расходы. Что касается самостоятельной организации противопожарной помощи, то она также необходима как для подачи помощи до прибытия городской команды, так и для борьбы с огнем в тех местах пригородов, куда вследствие бездорожья городская команда прибыть не в состоянии. Самостоятельная организация могла бы быть создана без больших затрат в виде насаждения добровольных пожарных дружин при поддержке губернского земства. Вполне рассчитывая на отзывчивое отношение собрания к возбужденному вопросу и на доброе посредство господ городских гласных между собранием и думой, обращаю на это важное дело самое серьезное внимание собрания.

Помимо этого мною внесен в губернское земское собрание протест на постановление Богородского собрания об отказе в постройке моста через реку Клязьму. Губернскому собранию в этом деле предстоит использовать одну из важнейших прерогатив своих — право суждения о нарушении уездными собраниями интересов местного населения. Не останавливаясь на подробностях дела, изложенных в моем протесте, я надеюсь на участие губернского собрания к нуждам целого района, поставленного в тяжелое положение неожиданным отказом уездного земства в удовлетворении самой настоятельной потребности.

Независимо от этих наиболее важных вопросов, считаю своим долгом упомянуть о насущной необходимости благоприятного разрешения собранием ходатайства Бронницкого уездного земства о выдаче ссуды на постройку больницы в г. Бронницах. Я могу засвидетельствовать перед собранием, что состояние бронницкой больницы, постоянно переполненной больными, настолько ужасно, что откладывать далее постройку новой не представляется никакой возможности.

Желательно было бы также удовлетворить ходатайство Верейского земского собрания о выдаче пособия на постройку нового моста в селе Наро-Фоминском. В этом мосте является действительная надобность, и в настоящее время фабрика Цинделя выражает желание отпустить на постройку моста весьма крупную сумму при условии отпуска земством некоторой сравнительно небольшой субсидии. Если соглашение теперь не состоится, фабрика может выстроить мост исключительно для себя, в другом месте, не на земском тракте, что нанесет громадный ущерб местному населению и обойдется в будущем земству гораздо дороже.

Обращаясь в заключение к деятельности земских учреждений в минувшем году, я считаю приятным для себя долгом отметить перед собранием выдающуюся по своему усердию работу земских врачей по предупреждению и прекращению холеры. Губерния в прошлом году жила в опасении появления этой страшной болезни, но несмотря на несколько бывших спорадических случаев заболевания, эпидемия в губернию не была допущена. Заслуга в этом отношении принадлежит, главным образом, участковым земским врачам и эпидемическим отрядам, по первому известию являвшимся на каждое подозрительное заболевание и быстро принимавшим необходимые меры.

Пожелав еще раз собранию плодотворной и успешной работы, я на основании 69 статьи Положения о земских учреждениях имею честь объявить Московское очередное губернское земское собрание сессии 1908 г. открытым».

По приведении к присяге гласных от г. Москвы, избранных в состав губернского земского собрания, начались занятия под председательством московского губернского предводителя дворянства А. Д. Самарина, который, открывая первое заседание очередной сессии, просил гласных оказать ему содействие в том, «чтобы по окончании наших занятий мы ушли отсюда с сознанием того, что сессия была деловой, работной * сессией».

Вслед за сим начались большие, весьма оживленные дебаты по вопросу нескольких докладов губернской управы, не обсуждавшихся в земском собрании, которые я рассмотрел лично и утвердил на основании 95 статьи Положения о земских учреждениях. Это очень задело гласных; поступил же я так вследствие того, что очередное собрание прошлого года за неимением времени многих докладов управы не рассмотрело, последующие же сессии рассмотрели ничтожное число докладов, а некоторые и вовсе не состоялись из-за бойкота, устроенного левой группой гласных во главе с кадетами.

Прения открыл гласный А. И. Геннерт. Он заявил, что примене-

* Так в тексте.

ние мною 95 статьи представляется единственным случаем не только в практике земств Московской губернии вообще, но и на практике земских учреждений в России, поэтому он предложил обсудить вопрос, насколько мною правильно применена 95 статья, стараясь объяснить смысл этой статьи, не дававший, по его мнению, права на ее применение. Он находил желательным принесение жалобы в Сенат, говоря, что тогда земское собрание будет иметь по крайней мере точное толкование этой статьи закона. Для составления же этой жалобы Геннерт полагал избрать особую комиссию. С этим последним согласился и Рихтер, но с тем, чтобы комиссия текст жалобы представила бы на рассмотрение собрания.

Д. Н. Шипов в горячей речи высказал, что факт представления губернской управой на мое утверждение докладов, не рассмотренных земским собранием, произвел на него крайне тяжелое впечатление, так же как и сообщение, что эти доклады подверглись моему рассмотрению и утверждению. Гласного удивили мои слова, что я вынужден был утвердить доклады, еще более его удивила управа, которая о таком небывалом случае не доложила собранию. Гласный утверждал, что лично справлялся в Сенате по этому делу и узнал, что ни в одном земском собрании действительно статья 95 никогда не применялась. Соглашаясь с Геннертом, Шипов находил, что собрание должно выступить на защиту своих прав и признать, что мои действия представляют превышение власти.

Гласный Ф. А. Головин, в дополнение к речам Геннерта и Шипова, сообщил, что мною был утвержден доклад по страховому делу, между тем выводы в оном сделаны были совершенно неправильно, а потому он находил необходимым, чтоб земское собрание выбрало комиссию, которая внимательно рассмотрела бы этот доклад, не основываясь на доверии к авторитету управы и ко мне.

Н. Ф. Рихтер объяснил, что управа вовсе не спешила представлять мне доклады на утверждение, а что я сам потребовал их и на основании статьи 95 предложил привести к исполнению. Он заявил, что приветствует назначение комиссии для пересмотра доклада о страховом деле и рассмотрения тех новшеств, которые новая управа внесла в это дело, и надеется, что комиссия попутно ознакомится и с прежней постановкой дела, в котором царил невообразимый хаос, а также и с теми улучшениями, которые ввела новая управа.

Собрание постановило избрать комиссию для рассмотрения вопроса, правильно ли применена мною статья 95, не предрешая пока подачи жалобы в Сенат. После этого собрание перешло к рассмотрению очередных докладов во главе с докладом по народному образованию, главным вопросом которого было всеобщее обучение, причем выяснилось, что для этого в губернии недостает еще 129 школьных комплектов.

17 января собрание открылось панихидой по скончавшимся в прошлом году гласным М. П. Щепкину, А. П. Гарднеру и Ю. П. Бартеневу, причем Н. Н. Хмелев обратился со следующей речью, посвященной памяти М. П. Щепкина: «Всем, кто принимал участие в работах Московского губернского земского собрания за последние 10 лет, хорошо памятна характерная фигура М. П. Щепкина, этого старца с седыми волосами и молодой душой. М. П. Щепкин был убежденным и горячим поборником идеи широкого развития общественной самодеятельности. Он полагал, что земские учреждения должны получить более широкую сферу деятельности, которая открывала бы им возможность рассматривать и разрешать все дела, касающиеся местных польз и нужд. Земство, крепкое своей близостью к населению, широкое по своей компетенции и поставленное самостоятельно, — вот тот идеал, который он проводил как в своих литературных трудах, особенно в основанном им журнале «Самоуправление», так и в своей земской деятельности». Перечислив затем отрасли земского дела, привлекавшие его внимание, Хмелев в заключение сказал: «Крупная личность М. П. Щепкина останется навсегда в памяти всех тех, которым пришлось с ним работать, она не пройдет без следа и в деятельности московского земства. Самое лучшее, что может оставить после себя на земле человек, это добрая о нем память и глубокий след от его деятельности».

19 января собрание рассмотрело предложение губернской земской управы об ознаменовании 80-летия со дня рождения графа Л. Н. Толстого открытием в пределах губернии народных библиотек его имени. Это предложение встретило сильное противодействие со стороны 18 гласных, доказывавших, что имя графа Толстого, как врага православия и государства, не может быть присвояемо правительственным учреждениям, к каковым несомненно принадлежат народные школы, что земство может в своем кругу увековечивать память Толстого, а не в той области, которая принадлежит правительству. Они говорили, что народ может быть ему благодарен за раскрытие народных язв, за бичевание пьянства, разврата, лености среди народа, но что народ также хорошо знает, что Толстой отлучен от церкви [2], что он высказывается против войны, против несения военной службы, уплаты податей и т. д.

В заключение прений говорил председатель собрания А. Д. Самарин. Он говорил о школе, об установлении того просветительного принципа, которого, по его мнению, в деле народного образования должно держаться земское собрание, а затем, перейдя к вопросу об устройстве народных библиотек с портретами Толстого, сказал: «Д. Н. Шипов подчеркнул, что земство чествует Толстого как великого художника, как писателя, популярного среди народа, учащего его любви и правде. Но земство, как государственно-общес-

твенное учреждение, не может отделять одной стороны деятельности Толстого от другой. Он весь перед нами в одном образе — художника и моралиста, и вся его литературная деятельность как художника заслоняется второй половиной его деятельности как религиозного и политического мыслителя. Земству нельзя чествовать Толстого и потому, что он идет против государства. Становясь на эту точку зрения, земство станет вразрез с самой сущностью своего существования. Если земство не желает стать в противоречие со своей прежней деятельностью и порвать духовную связь с массой крестьянского населения, то оно не может и не должно чествовать Толстого. Губернской управе не следовало посылать приветственной телеграммы по поводу 80-летия рождения Толстого. Нельзя присоединять к чествованию со стороны управы и наше, это значило бы присоединяться к тому чествованию Толстого, в котором он чествуется не только как художник, но и как религиозный и политический деятель последних лет».

Затем председатель пригласил собрание баллотировать предложение губернской управы. Предложение управы об учреждении 13 народных библиотек имени И. С. Тургенева было принято собранием единогласно, а предложение об открытии 13 библиотек имени графа Л. Н. Толстого — большинством против 18, из коих 12 гласных подали отдельное мнение. [...]

В собрании 21 января рассматривался вопрос о содействии губернского земства крестьянам, выделившимся из общины на основании закона 9 ноября. Это также вызвало острые прения: гласные Д. Н. Шипов и вся левая половина собрания резко выступили против предложения управы, но все же большинством голосов предложение управы было принято.

В конце сессии вниманию собрания предложено [было] определение комиссии из председателей земских управ по вопросу, поднятому мною еще в прошлогоднюю сессию, о замеченных мною непорядках в школах Московского уезда, когда уездное земское собрание приняло только к сведению мое предложение об устранении этих непорядков. Комиссия, рассмотрев мой протест, предложила собранию возвратить его в Московское уездное земское собрание для нового рассмотрения и определения решения по затронутому мною вопросу.

Из-за этого предложения комиссии в собрании 25 февраля и поднялась целая буря. Ряд прогрессивных ораторов доказывали несправедливое решение комиссии, находя, что мой протест не подлежит рассмотрению губернского земского собрания, так как вопрос, на нем затронутый, не подходил к случаям, указанным в законе, и что принятием предложения комиссии устанавливался нежелательный инцидент * в смысле посягательства губернского

* Так в тексте; правильно — прецедент.

земского собрания на самостоятельность уездных земств. Д. Н. Шипов горячо доказывал необходимость указать мне мою ошибку в направлении протеста, заметив, что противность решения была бы странной угодливостью перед администрацией.

Это слово «угодливость» задело гласных, участвовавших в решении комиссии, и вызвало с их стороны негодование: «Я не угодлив, — заявил Н. Ф. Рихтер, — это все знают, кто знает мою 40-летнюю земскую службу, но я не фрондер, который готов хулить все, что исходит от администрации». Председатель Верейской земской управы П. А. Тучков, протестуя также [против] слова «угодливость», заявил, что Московский уезд обиделся на губернатора, что тот указал на недостатки в школьном деле, «а что же тут обижаться, я лично, — прибавил он, — очень жалею, что Верейский уезд так далек от Москвы, что губернатор редко в него ездит, и я был бы очень рад, если б он почаще посещал земские учреждения Верейского уезда.»

В конце концов, после долгих споров, большинством голосов собрание признало мой протест правильным и постановило утвердить предложение комиссии. 26 февраля сессия закрылась.

17 января в Москве скончалась начальница Александровского института [3] М. В. Веселкина, вдова бывшего херсонского губернатора. Это была удивительно умная, уравновешенная женщина, образцовая начальница, с золотым сердцем. Она проявляла большие заботы к бедным воспитанницам института, окончившим курс, которые благодаря ей получали одежду и места; принимала близкое участие во многих благотворительных учреждениях. Скончалась она от порока сердца, отпевали ее в институтской церкви 20 января, хоронили в Донском монастыре. Венков на гроб, по желанию покойной, возложено не было, а деньги на венки переданы были в фонд выдачи пособий нуждавшимся бывшим воспитанницам института. Для института ее кончина была большой потерей, все ее оплакивали, но были несколько утешены, когда на должность начальницы назначена была дочь покойной О. М. Веселкина, деятельность которой стала продолжением деятельности ее матери. Я лично очень хорошо знал покойную Матильду Валериановну и всегда глубоко ее почитал.

19 января в губернской тюрьме в Москве произошел трагический случай. В ней содержался некто Седачев, приговоренный к смертной казни за вооруженное нападение на товарную станцию Московско-Казанской ж. д. Когда надзиратель вошел к нему в камеру, то в этот самый момент Седачев ударил его кирпичом по голове с такой силой, что тот свалился. После этого Седачев потащил потерявшего сознание надзирателя на площадку висячего коридора, пытаясь перебросить его за перила и одновременно стараясь выхватить у него из кобуры револьвер. Но это ему не удалось, так как

другой дежурный надзиратель, увидя это, выстрелил и ранил Седачева в ногу. Схваченный Седачев заявил, что единственной целью у него было взять револьвер у надзирателя, чтобы убить своего товарища, выдавшего его. Затем он сделал важное признание, что осужденные за убийство сиделицы казенной винной лавки невиновны, так как убил сиделицу он со своими товарищами. Его предали вторично военно-окружному суду. Надзиратель, к счастью, поправился, проболев довольно долго. Неправильно осужденные были освобождены.

Еще в прошлом, 1907 г. под председательством генерал-губернатора с высочайшего соизволения учрежден был Особый комитет по устройству в Москве военно-исторического музея в память Отечественной войны 1812 г. В состав комитета вошел и я, по приглашению генерал-губернатора Гершельмана. Комитет с первых же дней своего существования очень ретиво принялся за работу, привлек много ценных сотрудников, заинтересовал путем печати широкие круги общества, благодаря чему будущий музей стал постепенно наполняться разными историческими документами и предметами эпохи Отечественной войны, так что уже к началу 1909 г. было столько предметов, что представилась возможность устроить им выставку.

Выставка эта и открылась 20 февраля в залах Исторического музея. Среди выставленных предметов было много весьма ценных, представлявших исторический интерес, как то: подлинный печатный станок Наполеона I, бывший с ним в походе в Москве. Станок этот в 1813—14 гг. был куплен в Москве на аукционе вологодским помещиком Макеевым, хранился сперва в кабинете владельца, а после его смерти станок очутился в сарае, откуда был извлечен и приобретен некиим Гудковым, который содержал в Вологде типографию. Станок был ручной, красного дерева, с французской меткой «Pagnier C. Y.», разборный. Высочайшая грамота от 24 января 1818 г. за подписью императора Александра I на имя Барклая-де-Толли о даровании ему княжеского достоинства, а также и золотая сабля, поднесенная ему от г. Лондона, оцененная в то время в 2000 гиней (20 тысяч руб. золотом) с английскою надписью: «За талант и храбрость, проявленные в деле охранения вольностей, покоя и счастья Европы». Оригинальный отчет обер-полицеймейстера за 1811 г., когда в Москве числилось каменных домов 2567, деревянных 6584, гимназий 1, театров 1, клубов 2, благородных и купеческих собраний 2, жителей: мужчин 157152, женщин 113032; пожаров за год было 68, убийств 6 и самоубийств 32.

Среди картин и гравюр обращал на себя внимание «Подвиг генерала Костенецкого» [4] в бою под Бородином, когда польские уланы наскочили на резерв конной артиллерии; около пушек все

были перебиты, тогда генерал Костенецкий, человек колоссальной силы, схватил деревянный банник * и так им «угостил» улан, что они ускакали, оставив убитых. Впоследствии он просил заменить деревянные банники железными, на что Александр I сказал: «Железные банники у меня могут быть, но откуда взять Костенецких?»

Другая картина изображала генерала Бибикова [5], который под Бородином был послан пригласить принца Вюртембергского к Милорадовичу. Принц спросил, где стоит Милорадович, Бибиков поднял правую руку, но в это самое время бомба оторвала ему эту руку, тогда он поднял левую и указал направление, где был Милорадович.

4 февраля скончался великий князь Владимир Александрович, третий сын императора Александра II. Он уже несколько времени чувствовал некоторое недомогание, как вдруг в ночь на 4-е число в его здоровьи последовало внезапное ухудшение от нарушенного мозгового кровообращения с последствиями отека мозга, отчего и последовала смерть. Покойный великий князь родился в 1847 г., представлял из себя благороднейшего и весьма многосторонне образованного человека, держал себя с большим апломбом, соединенным с достоинством, выразительно и красиво говорил. Как военный начальник не был на высоте, так как военное дело не любил, обязанности же президента Академии художеств, каковую должность он занимал до своей кончины, были ему больше по душе. К сожалению, он мало обращал внимания на воспитание своих сыновей, и они не унаследовали от отца благородства души и по нравственным своим качествам оставляли желать лучшего.

7 февраля состоялось перевезение тела почившего великого князя из его дворца на Дворцовой набережной для отпевания и погребения в Петропавловскую крепость по особо утвержденному Государем церемониалу. На похороны великого князя прибыли из-за границы представители германского и австрийского императоров, иностранные принцы, а также и Фердинанд I, царь Болгарский. Этот последний очень ловко воспользовался кончиной великого князя, чтоб заслужить признание Россией независимости Болгарии. Незадолго до этого времени Фердинанд, будучи князем Болгарским, провозгласил Болгарию независимой, а себя королем, не испросив предварительно согласие держав, вследствие чего и не был признан ими, что, конечно, ему не давало покоя. И вот, как только он получил известие о кончине великого князя, он телеграфировал Государю, прося «позволить ему приехать отдать последний долг благодарной дружеской памяти почившему великому князю, при

* банник — цилиндрическая щетка на длинном древке для чистки каналов артиллерийских орудий.

полном забвении всех политических вопросов». Это прибавление и решило его участь, и пока в различных столицах Европы вопрос о признании независимости Болгарии и князя ее королем оставался открытым, в С.-Петербурге в ответ на телеграмму князя решено было не только его принять, но и признать болгарским монархом. Когда поезд с Фердинандом подошел к дебаркадеру станции в Петербурге, то вышел из вагона скромный и чуть согнувшийся, не зная ничего о последовавшем на его счет решении, князь Болгарский, как вдруг, проходя мимо выставленного ему для встречи почетного караула, он услыхал в ответ на приветствие волшебные слова: «Здравия желаем вашему царскому величеству». Все присутствовавшие, среди которых был и я, заметили, как он сразу преобразился, радостная улыбка озарила его лицо и он принял величественную осанку.

После этого возник политический вопрос — как рассадить за высочайшим обеденным столом представителей Германии и Австрии и Фердинанда Болгарского. Как король он должен был сидеть выше принцев, а так как для Германии и Австрии он был только князем, то значит ниже принцев. Чтоб выйти из этого затруднительного положения, принцы были приглашены к высочайшему обеденному столу, а Фердининд Болгарский — на другой день к высочайшему завтраку.

8 февраля в политических и общественных кругах произвело большое впечатление и даже некоторое волнение полученное известие о роспуске финляндского Сейма. Сейм был распущен за речь Свинхувуда, который, несмотря на предупреждение, подверг в заседании Сейма резкому осуждению высочайше утвержденное положение Совета Министров о порядке направления финляндских дел, касавшихся интересов империи [6].

8 февраля скончался в Москве А. А. Федотов, сын знаменитой артистки Г. Н. Федотовой. Он пользовался большой популярностью как преподаватель драматических искусств, состоял профессором в училище Филармонического общества, а затем и Императорского театрального училища. Скончался он от грудной жабы, 45 лет от роду. Так неожиданно и так рано ушел из Малого театра один из даровитейших, высокоинтеллигентных и прекраснейших его деятелей. Все его глубоко любили и уважали, он много режиссировал и на домашних спектаклях и так всегда умело и талантливо направлял интеллигентную молодежь. Я хорошо его помню еще в начале девяностых годов прошлого столетия, когда он режиссировал на домашнем спектакле у Самариных на Поварской.

11 числа его хоронили. Гликерия Николаевна, его мать, обожавшая своего единственного сына, не была в Москве в день кончины сына, приехав только ко дню похорон. По болезни она не в состоянии была присутствовать ни в церкви, ни на кладбище. Поддерживаемая друзьями, с трудом могла она только пройти за гробом до

лестницы, откуда только глазами проводить дорогие ей останки любимого сына. Отпевали Федотова в церкви Козьмы и Дамиана, хоронили на Ваганьковском кладбище.

Храм и улица были переполнены лицами, собравшимися отдать последний долг покойному. Очень содержательную и прочувственную речь на могиле сказал П. Н. Сакулин от имени Общества любителей российской словесности [7]: «Ты был, — сказал он, — одним из дорогих звеньев, которые соединяли и соединяют наше Общество с заслуженной сценой Малого театра. Ты принес в нашу среду благоговейное уважение к искусству и сразу вошел во все интересы нашего Общества. Тебе легко было это сделать не только потому, что твоя необыкновенная скромность, благородная простота, артистическая чуткость и добросовестность в исполнении общественных обязанностей делали тебя незаменимым сотрудником во всякой общественной работе, но и потому, что литература и искусство были родной твоей стихией. Ты был любителем русской словесности в лучшем смысле этого слова. Ты питал трогательную любовь к художественному слову, особенно к слову старых русских мастеров. Исполнение произведений доставляло тебе самому высокое наслаждение, и ты умел передавать слушателям то настроение, которое возбуждали в тебе образы и чувства поэтов. Нам не забыть твоего последнего выступления в Обществе любителей российской словесности на торжественном чествовании Льва Николаевича Толстого: нам долго будет памятно твое простое, изящное чтение, согретое любовью к гениальному художнику и одухотворенное пониманием тонких изгибов его творческой мысли. Впереди тебя ждал Гоголь со своими бессмертными созданиями. Вместе с нами трудился ты, чтобы создать достойное писателя торжество. Теперь мы стоим перед твоей свежей могилой и с чувством искренности говорим: спасибо тебе, честный и даровитый работник».

В феврале месяце я узнал от приехавших из Германии об ужасной эксплуатации, которой подвергаются крестьяне и рабочие, преимущественно царства Польского, нанявшиеся к немецким помещикам на работу в Германию. Опасаясь, чтоб и крестьяне Московской губернии не подверглись случайно этим невыгодным сделкам, я оповестил об этом население губернии следующим объявлением за своей подписью:

«За последнее время во многих губерниях России агенты одной посреднической конторы по приисканию для немецких помещиков полевых рабочих, находящейся в пограничном германском городе Каттовицах, уговаривают крестьян подписывать с ними договоры о найме на работы в Германию, соблазняя обещаниями высокой заработной платы, будто бы доходящей от 2 до 5 руб. в день, дешевизной харчей и прочими хорошими условиями жизни. Однако, как ныне уведомил меня императорский российский консул

в Германии, все эти обещания оказались сплошным обманом. Люди, нанявшиеся рабочими к немецким помещикам, получают плату не более 58 коп. в день, а фабричные рабочие не более 1 руб. 20 коп., причем продовольствие значительно дороже, нежели у нас в России. Попавшие в Германию крестьяне терпят много притеснений от помещиков и за недостатком денег долгое время не могут возвратиться на родину. Ввиду сего, предупреждаю об этом крестьян Московской губернии на тот случай, если бы агенты вышеназванной конторы проникли в пределы нашей губернии».

18 января на квартире бывшего директора Департамента полиции А. А. Лопухина в С.-Петербурге был произведен обыск, после чего он был арестован и препровожден в тюрьму «Кресты». 19 января по сему поводу появилось правительственное сообщение:

«Согласно опубликованным в заграничной прессе данным, инженер Явно Азеф, состоя членом тайного сообщества, именовавшегося Партией социалистов-революционеров, доставлял розыскным органам полиции сведения о преступных замыслах означенной группы, членами последней уличен был в сношении с полицией, причем в этом разоблачении деятельности Азефа принимал участие бывший директор Департамента полиции, действительный статский советник А. А. Лопухин. Произведенным расследованием выяснилось, что Лопухин действительно доставил названной революционной партии доказательства против Азефа, известные Лопухину исключительно по прежней его службе в означенной должности, причем упомянутое деяние его имело прямым последствием исключение Азефа из партии и прекращение для него возможности предупреждать полицию о преступных планах сообщества, ставившего целью совершение террористических актов первостепенной важности. Собранные по этому поводу материалы послужили основанием к возбуждению предварительного следствия, к коему Лопухин после произведенного у него обыска привлечен в качестве обвиняемого и заключен под стражу».

В директорá Департамента полиции Лопухин попал совершенно случайно во времена Плеве. Когда последний приехал в Харьков для расследования дела о полтавских беспорядках, а Лопухин был там прокурором, то Плеве пригласил его к 9 часам вечера для доклада. Лопухин не явился, тогда Плеве телеграфировал министру юстиции Муравьеву, жалуясь на ослушание Лопухина. Муравьев послал Лопухину депешу с предложением немедленно явиться к Плеве. В трехчасовом докладе Лопухин доложил Плеве ход революционного движения в губернии, очертив перспективы революционного движения по всей России, указав на несомненный общий взрыв недовольства и говоря о необходимости коренных реформ. Результатом этого доклада Плеве и предложил ему занять пост директора Департамента полиции. Будучи директором Депар-

тамента полиции, Лопухин три раза писал Плеве о готовившихся на него покушениях и что будучи не в силах их предотвратить, просил его уволить. Плеве не соглашался. 15 июля 1904 г. он был убит. В начале 1905 г. убит был великий князь Сергей Александрович, после чего Лопухин был смещен на должность эстляндского губернатора и в октябре того же года, будучи губернатором, предложил Ревельской городской думе организовать милицию. Город согласился и предложил выполнение сего рабочим. Те потребовали выпуска всех арестованных, Лопухин приказал освободить их, но прокурор ему в этом отказал. Тогда Лопухин своей властью приказал выпустить. Последствием этого в городе три дня царило наружное спокойствие, на четвертый же день возникли серьезные беспорядки, последствием чего до 200 человек было убито. Лопухина уволили без пенсии. Лопухин пожелал перейти в адвокатуру, но его туда не приняли.

20 января в Государственной Думе предъявлено было два запроса правительству по делу Азефа, один от социал-демократов, другой от кадетов. Суть обоих запросов заключалась в том, что Азеф, будучи видным представителем Партии социалистов-революционеров, с самого основания партии участвовал в совершении ряда террористических актов, состоя в то же время агентом Департамента полиции. Запросы были переданы в комиссию по запросам, которая 27 января подвергла их обсуждению. Председателем заседания избран был Шубинский. Открыв заседание, он старался выяснить понятие о провокации. По его мнению, провокационный акт — это такой, когда преступление умышленно устраивается, но не доводится до конца. «Можно устраивать, — говорил он, — покушения, привозить революционную литературу, но с тем, чтобы покушение не состоялось, литература не дошла и чтобы полиции выдать преступника. Это и будет настоящей провокацией». Но если покушение доводится до конца, то это, по мнению Шубинского, является уже соучастием в преступлении.

Граф Бобринский как докладчик предлагал оба запроса рассмотреть отдельно, так как, по его мнению, запрос социал-демократов, как основанный на голословных данных преступных организаций, материалы коих не имели документальных данных, неприемлем. Социал-демократ Покровский, защищая свой запрос, говорил, что особо трудно провести грань между соучастием и чистой провокацией. Провокатор может лишь инспирировать покушение, а независимо от него все же покушение может состояться.

Депутат Крупенский говорил, что бульварная печать раздувает Азефа, Думе же непристойно этим заниматься, раз нет документальных данных о провокации. Н. Н. Львов, напротив, утверждал, что дело Азефа имеет громадное значение, так как оно — явление не исключительное, а является прямым следствием известной системы, применяемой русской политической полицией. Система эта когда-то называлась «зубатовщиной», затем эта система привела к «гапо-

новщине», система эта устроила и 9 января. В этом и ужас, и позор всей системы, говорил он. Он говорил также, что, может быть, Партия социалистов-революционеров и не заслуживает доверия, но не следует забывать, что публикуя свои разоблачения, партия совершает самоубийство, поэтому можно думать, что в такой момент она говорит правду.

После долгих дебатов большинством голосов комиссия постановила предложить Думе принять запрос кадетов, социал же демократов отклонить, так как он по характеру своему является не запросом, а скорее обвинительным актом, предъявляемым правительству. Запрос же кадетов комиссия находила желательным принять, надеясь, что при обсуждении его в Думе дело Азефа получит полное освещение.

11 февраля в Думе и рассматривался запрос по делу Азефа. Все депутаты были на своих местах, ложа министров была переполнена, места для публики также. В великокняжеской ложе присутствовали царь Фердинанд Болгарский и великий князь Николай Михайлович. В защиту запроса социал-демократов выступили социал-демократ Покровский, а затем и Булат, привезший, как говорили, из Парижа очень «важные» документы, разоблачавшие террористическую деятельность Азефа. Эти «важные документы» оказались двумя письмами, из коих одно было даже не подлинное, оба письма были наполнены голословными бездоказательными данными об участии Азефа в террористических актах.

После ряда ораторов выступил депутат Пергамент и сказал речь прекрасную по форме, но полную одних общих фраз, ядовито нападая на министра внутренних дел Столыпина. Последний по свойству своего характера не мог, конечно, оставить эти нападки без возражения и выступил с обычной своей прямотой. [...]

После Столыпина выступал еще ряд ораторов, так что и весь последующий день Дума посвятила вопросу об Азефе, вернее, прениям по поводу речи Столыпина, давшей для этих прений большой материал. Азефа, собственно говоря, забыли, а выступавшие депутаты главным образом останавливались на сообщении Столыпина об участии Милюкова, Набокова и князя Павла Долгорукова в Парижской конференции социалистов-революционеров и об их стараниях помешать удачной реализации и русского займа за границей [8].

Маклаков среди всех ораторов выделился своей блестящей речью, он выступил с критикой многих мест речи министра, говоря, что она представляет большой материал для характеристики постановки дела в Департаменте полиции и для критического анализа вопроса об Азефе. Но и он не опроверг данных, представленных Столыпиным в доказательство неучастия Азефа в террористических актах. В результате большинством голосов Дума приняла формулу перехода к очередным делам группы умеренно-правых, националистов и октябристов с выражением доверия правительству и одобре-

ния всех мер борьбы правительства с террором. Это было большой победой Столыпина.

27 апреля опубликован был обвинительный акт, предъявленный Лопухину. Этот обвинительный акт начинался с описания возникновения и развития социал-революционной организации, затем указывалось на отношение Азефа к полиции и подробно перечислялись услуги, оказанные им делу розыска за последние 8 лет, причем особенно крупные его заслуги, согласно обвинительного акта, совпадали как раз с тем временем, когда директором Департамента полиции был Лопухин. После этого обвинительный акт коснулся начала вкравшихся подозрений в среде социал-революционной партии против Азефа и предъявленных ему вследствие сего обвинений и, наконец, суда партии над Азефом.

Суд этот состоялся в конце октября месяца 1908 г. Объяснения, представленные Бакаем и Бурцевым, признаны были неубедительными, и тогда Бурцев, потребовав сохранения тайны, неожиданно заявил, что он виделся с бывшим директором Департамента полиции Лопухиным, который категорически удостоверил, что за время его службы в Департаменте инженер Азеф все время оказывал услуги розыскным органам Министерства внутренних дел. После такого заявления трибунал потребовал от Бурцева, чтобы он принял все меры к явке Лопухина на суд с представлением прямых доказательств, а если бы Лопухин не пожелал явиться в суд, то потребовать от него письменного показания и доказательств. Расходы на поездку Лопухина за границу Партия социалистов-революционеров приняла на себя.

Когда все это стало известно Азефу, он в первых числах ноября 1908 г. приехал в С.-Петербург к начальнику местного охранного отделения генерал-майору Герасимову, которому за последние три года он, Азеф, доставлял все сведения, и, сообщив все вышеизложенное, просил совета, как выйти из этого тяжелого положения, которое создал ему в партии Лопухин. Герасимов этому не поверил, не допуская мысли, чтобы Лопухин мог иметь какое-либо общение с революционерами, и посоветовал Азефу лично повидать Лопухина и убедиться в лживости заявления Бурцева. Исполняя этот совет, Азеф 11 ноября 1908 г. был у Лопухина, после чего, вернувшись, рассказал Герасимову, что хотя Лопухин отрицал факт разговора своего с Бурцевым о нем, Азефе, но из дальнейшей беседы он, Азеф, не вынес твердого убеждения, как поступит Лопухин, если Центральный Комитет Партии социалистов-революционеров или партийный суд станут добиваться от него устного или письменного показания.

Уклончивое поведение Лопухина поколебало к нему доверие и у Герасимова, который решил по делу Азефа лично переговорить с Лопухиным и вручить ему письмо последнего. В письме этом Азеф, выражая свое удовольствие, что Лопухин не выдал его Бурцеву

и такого разговора с ним не вел, предупреждает, однако, Лопухина, что «революционеры будут всячески добиваться допросить его лично, и избежать этого допроса невозможно, а потому лучше прямо рассказать так, как было в действительности, то есть что он, Лопухин, никакого разговора с Бурцевым о нем, Азефе, не вел, и ни на какие дальнейшие вопросы не отвечать, ссылаясь на то, что не может же он как бывший директор Департамента полиции рассказывать обо всем, что при нем было». Далее в письме этом Азеф советует Лопухину «твердо держаться занятой позиции и не отступать с нее даже в случае очной ставки с Бурцевым. Тогда, конечно, поверят ему, Лопухину, а не Бурцеву, и дело кончится благополучно». Заканчивалось письмо просьбами Азефа «спасти его от смерти физической, а его семью — от смерти нравственной» и напоминанием того, что он, Азеф, спас однажды его, Лопухина, когда расстроил заговор революционеров на его жизнь, хотевших отомстить ему за арест Гершуни в 1903 г.

21 ноября 1906 г. Герасимов был у Лопухина, но письма этого, однако, ему не передал, так как из личной беседы с ним вынес убеждение в возможности предательства с его стороны и не хотел давать ему в руки новой и несомненной против Азефа улики. В этой беседе своей с Герасимовым Лопухин, не отрицая факта своего свидания с Бурцевым за границей по делам редакции «Былого» [9], отрицал, однако, ссылку на него Бурцева и утверждал, что никакого разговора с ним об Азефе не вел, что на суд революционеров он, без сомнения, не пойдет, но если ему приставят браунинг, он, конечно, должен будет сказать правду. Ни напоминание генерала Герасимова о долге присяги, ни указание на значение этой тайны для государственной безопасности на Лопухина не подействовали, и он, видимо желая прекратить этот неприятный для него разговор, дал понять своему собеседнику, что он занят, после чего Герасимов перестал убеждать Лопухина, но уходя, намекнул ему, однако, что какова бы ни была в будущем его роль в этом деле, она будет обнаружена и тайною не покроется.

В тот же день, 21 ноября 1908 г., Лопухин написал три одинаковых по содержанию письма: одно — на имя Председателя Совета Министров гофмейстера Столыпина, другое — на имя бывшего тогда товарищем министра внутренних дел сенатора Макарова и третье — на имя директора Департамента полиции Трусевича. Назвав, прежде всего, в письмах этих Явно Азефа агентом Департамента полиции в то время, когда сам он был директором этого Департамента, Лопухин описывает затем подробно посещения его Азефом и Герасимовым, их просьбы не открывать роли Азефа судилищу революционеров, и усматривая в сопоставлении цели этих посещений с намеком генерала Герасимова об его будущей осведомленности в этом деле прямую, направленную против него, Лопухина, угрозу, просит оградить его «от назойливости и нарушающих

его покой, а может быть и угрожающих его безопасности действий агентов политического розыска».

Затем в обвинительном акте приведено было письмо Азефа к Герасимову, в котором он писал, как его окончательно разоблачили на суде партии и как он тогда, пользуясь перевывом, скрылся. Далее шли показания ротмистра Андреева, которого Департамент полиции командировал в Париж со специальным поручением выяснить роль Лопухина в деле Азефа, после чего, когда уже не оставалось никакого сомнения, что Лопухин вступил в непосредственные сношения с членами социал-революционной [партии] и изобличил перед ними Азефа, против него возбуждено было уголовное преследование с привлечением его в качестве обвиняемого, в квартире же его произведен обыск, во время которого Лопухин представил одно полученное им от Бурцева письмо, в котором тот благодарил его от всего сердца и просил не сердиться за то, что случайную беседу их он, Бурцев, передал третьему лицу, чего нельзя было избегнуть в его положении.

Произведенным следствием все изложенные данные нашли себе подтверждение, но Лопухин не признал себя виновным в приписываемом ему преступлении. Об активной же роли Азефа в терроре показал следующее. В сентябре 1908 г., возвращаясь из прирейнского курорта в С.-Петербург, он, Лопухин, в поезде между Кельном и Берлином случайно встретил Бурцева, который зашел к нему в купе и стал рассказывать о тех разоблачениях в Партии социалистов-революционеров, которыми он занят в последнее время, изобличая провокаторов в различных партийных организациях, причем Бурцев сказал, что главной задачей его в данный момент является изобличение некоего Азефа, состоящего членом Центрального Комитета Партии социалистов-революционеров, для чего у него и имеется уже достаточно улик. Перечисляя эти улики, Бурцев, между прочим, рассказал, что после ареста Гершуни Азеф, по его сведениям, стал во главе Партии социалистов-революционеров и Боевой ее организации, что будто все решения, выбор жертв, выбор исполнителей и способы исполнения исходили от него, а убийства Плеве и великого князя Сергея Александровича были даже непосредственно им организованы, что тем же Азефом летом 1908 г. было организовано покушение на жизнь Государя императора, и все было уже подготовлено, но не удалось это злодеяние только вследствие обстоятельств случайных. Как ни трудно было поверить этому рассказу Бурцева, но он успел убедить его, Лопухина, тем, что никакие доказательства предательства Азефа не действовали на Центральный Комитет Партии социалистов-революционеров, у которого было одно возражение, что не может быть предателем человек, не только задумывающий убийства, но непосредственно выполняющий такие акты, как убийства великого князя и Плеве. После этого Бурцев спросил его, Лопухина, знал ли он, что Азеф состоит

агентом, причем оговорился, что нужно ему это знать не для ссылок перед Центральным Комитетом Партии социалистов-революционеров, а для его, Бурцева, нравственного убеждения в своей правоте, при этом предупредил, что если ответ последует отрицательный, не соответствующий истине, то все последующие жертвы террора и казни будут на его, Лопухина, совести. Тогда он, Лопухин, дал ответ утвердительный, но потребовал от Бурцева, чтобы тот, без предупреждения, не ссылался на него перед революционным трибуналом и чтобы Азеф не был убит партией. Получив такой ответ, Бурцев заявил, что он имел в виду разыскать его, Лопухина, для того, чтобы поставить тот вопрос, который он теперь поставил. На этом и окончилось свидание его с Бурцевым. 10 ноября, будучи уже в С.-Петербурге, он, Лопухин, получил от Бурцева письмо, произведшее на него впечатление обращения человека, совершенно потерявшего голову: в письме этом не говорилось прямо, но по содержанию его не оставалось сомнений в том, что Бурцев сослался на него, Лопухина, перед Центральным Комитетом Партии социалистов-революционеров и требовал немедленного его приезда в Париж. Письмо это он, Лопухин, уничтожил и оставил без ответа.

Коснувшись свиданий своих с социалистами-революционерами за границей, Лопухин показал, что когда он 10 — 25 декабря 1908 г. был в Лондоне, к нему за два часа до его выезда в гостиницу, где он жил, явились Чернов, Савинков и Аргунов и заявили, что пришли переговорить с ним по делу Азефа, над которым партия учредила суд ввиду обвинения его Бурцевым, с его, Лопухина, слов, в предательстве; поэтому они и просят дать ответ, действительно ли Азеф состоял агентом. На это он, Лопухин, ответил утвердительно, так как не считал возможным отказаться, раз уж он говорил Бурцеву. Тогда же он по настоянию допрашивавших его лиц описал приметы Азефа, костюма же не описывал, так как его об этом не спрашивали. Ни своего последнего письма к Столыпину, ни каких-либо иных документов он, Лопухин, допрашивавшим его революционерам не передавал, но на дальнейшие расспросы о списке террористов, о Бриллианте, о Мак-Куллохе («Швейцаре») сообщил все то, что знал как по слухам, так и по прежней своей службе в Департаменте полиции. На требование сообщить несколько случаев из деятельности Азефа как агента он, Лопухин, возразил, что для него это тяжело, а для дела не нужно, тогда допрашивавшие просили его сказать только, действительно ли он подтвердил Бурцеву, что Слетов был арестован по указанию Азефа, и он, Лопухин, удостоверил им и это обстоятельство. Окончив допрос, один из революционеров поблагодарил за оказанную партии услугу, на что он, Лопухин, возразил, что им руководили соображения общечеловеческого свойства, и потому действия его не следует рассматривать как услугу Партии социалистов-революционеров. При прощании он, Лопухин, выра-

зил желание, чтобы Азеф остался жив, но на это никакого ответа от своих собеседников не получил.

Отвечая на отдельные вопросы, Лопухин допускал возможность, что удостоверил перед Бурцевым роль Азефа как агента на протяжении всего времени своей службы в Департаменте, а затем дал показание о своем знакомстве с Азефом.

Когда оказалось, что объяснения обвиняемого Лопухина, с одной стороны, во многом сходились с данными предварительного следствия, с другой же стороны — во многом не соответствовали действительным обстоятельствам дела, он, Лопухин, был передопрошен, на каковом передопросе он изменил ранее данные объяснения и, прежде всего, отказавшись от прежнего своего утверждения, признал, что копия последнего письма его к министру Столыпину действительно была с его согласия передана революционерам; однако способ этой передачи он объяснить первоначально отказался, но затем, при последующем передопросе, признал факт командирования Центральным Комитетом Партии социалистов-революционеров своего сочлена в С.-Петербург для расследования азефского дела и факт своих сношений с этим делегатом при содействии третьего лица, и наконец, объяснил о способе передачи копии своего письма к министру Столыпину в Партию социалистов-революционеров.

При последующих допросах обвиняемого Лопухина он в своих объяснениях заявил, что единственным источником осведомленности правительственных розыскных органов по группе социалистов-революционеров был Азеф и что все сведения его отличались большой точностью; что арест кружков, подготовлявших покушение на жизнь Плеве, арест замышлявших заговор на жизнь того же Плеве и Победоносцева, указания на террористическую деятельность Мельникова и Павла Крафта, подтвержденные документальными доказательствами, причем первый из них был арестован, все это ликвидировано было по указаниям Азефа. Он же, как утверждает Лопухин, кроме общих характеристик отдельных террористов, первый указал на значение в этой группе Бориса Савинкова, на вступление в Партию социалистов-революционеров князя Дмитрия Хилкова * и на его замыслы по пропаганде аграрного террора; от

* Князь Д. А. Хилков, сын моей двоюродной сестры, окончил Пажеский корпус в 1875 г., вышел в лейб-гусары, но когда началась Русско-турецкая война, то он перевелся в армию на Кавказ в Хоперский казачий полк. Отличался большой храбростью и в короткое время за боевые отличия достиг штаб-офицерского чина. Возвратился с войны увешанный боевыми наградами. На Кавказе на него оказали сильное влияние духоборы. Вернувшись в свое имение в Харьковской губернии, он, по выходе в отставку, раздал крестьянам всю свою землю, оставив себе небольшой кусок, на котором построил себе крестьянскую хату и поселился как простой крестьянин, сделавшись толстовцем. Много лет я с ним не встречался, изредка только имел о нем кой-какие сведения. Когда началась великая война с Германией в 1914 г. и я был в то время товарищем министра, ко мне неожиданно приехал князь Хилков

того же Азефа исходили сведения предупредительного характера о принятых социалистами-революционерами способах водворения в Россию нелегальной литературы в бочках с маслом и в комнатных ледниках, о съездах членов этой партии в Париже и Амстердаме, где, между прочим, не только обсуждался план цареубийства, но и были намечены лица, которым была поручена организация этого преступления.

В объяснение мотивов им содеянного обвиняемый Лопухин показал, что ни противодействие правительству в его борьбе с Партией социалистов-революционеров, ни содействие партии уберечь ее тайные замыслы от осведомленности правительственных органов в его побуждения не входили, что он поступил так во исполнение долга каждого человека не покрывать молчанием гнуснейшие из преступлений, к числу которых относятся совершенные Азефом.

Обвинительный акт кончился формулой предъявленного Лопухину обвинения: Лопухин, 45 лет, обвинялся: «1) что в ноябре 1908 г. в Петербурге дал подробное показание посланному для сего из-за границы члену Центрального Комитета Партии социалистов-революционеров, в каковом показании удостоверил, что Азеф в течение ряда лет сообщал русской полиции сведения о положении и преступных замыслах сообщества социалистов-революционеров, причем в доказательство этого привел целый ряд фактов из деятельности Азефа, известных ему по прежней деятельности директора Департамента полиции, и, кроме того, передал в Центральный Комитет Партии социалистов-революционеров копию своего письма к русским властям от 21 ноября 1908 г., в котором Азеф назван им агентом правительства и помещены подробные сведения о явке к нему, Лопухину, в том же ноябре месяце начальника Петербургского охранного отделения генерала Герасимова и самого Азефа, просивших не выдавать революционерам деятельности последнего; 2) в том, что в декабре 1908 г. в Лондоне лично вновь дал показание членам сообщества Партии социалистов-революционеров, явившихся к нему заведомо для него с целью допроса, удостоверив перед ними со ссылкой на ряд изобличающих обстоятельств, по прежней своей службе ему известных, что Азеф действительно за деньги доставлял русскому правительству сведения как о лицах, принимавших участие в сообществе, так и об умышленных сообществом тяжких преступлениях, чем он, Лопухин, и оказал существенную

и умолял меня устроить его на войну прежним чином в Хоперский казачий полк. Я был страшно поражен таким его желанием, но он убедил меня в искренности своей просьбы. Военный министр любезно согласился исполнить мою просьбу за Хилкова, и не прошло и трех дней, как высочайшим приказом он был определен на службу в Хоперский казачий полк прежним чином войскового старшины. Я помог ему экипироваться, снарядиться, и он выехал на Карпаты, где в то время находился его полк. Не прошло и месяца, как пришло известие, что князь Хилков геройски погиб в бою: будучи окружен неприятелем, отказался сдаться и был изрублен. *(Примеч. В. Ф. Джунковского)*.

помощь преступному сообществу социалистов-революционеров. Преступление это предусмотрено 3 пунктом 51, и 1 и 3 пунктами 102 статьи Уголовного уложения».

29 апреля дело Лопухина слушалось в суде. Речь прокурора явилась повторением обвинительного акта, ничего нового он не сказал. Защита была слабая. Лопухин в последнем слове сказал, что все шаги, которые он совершил, были исключительно вызваны побуждениями человечности. На другой день, 30 апреля, вынесен был приговор — 5 лет каторжных работ с лишением всех прав состояния. Лопухин спокойно выслушал суровый приговор и обратился к суду с просьбой об освобождении его под залог на несколько дней, мотивируя необходимостью ликвидации целого ряда дел, ему доверенных. «Для меня каторга легче эмиграции, — сказал он, — я не убегу, тем более, что залог внесен не мною, а посторонним лицом, я не украду». По рассмотрении этого ходатайства в распорядительном заседании оно было отвергнуто.

Процесс не удовлетворил публику, так как два кардинальных пункта не были освещены в полной мере. Что Лопухин поступил преступно, нарушил тайну, которой он обладал по своему служебному положению, стоя во главе политической полиции — это не подлежало сомнению, но чтобы он действительно «примкнул» к социал-революционной партии, как говорил прокурор, чтоб он вступил в эту преступную партию — этого суд не установил и даже не осветил. Суд также не осветил и роли Азефа, не устранив подозрений, которые возбуждала его двойственная роль. Ибо, если допустить, а противное тому процесс не доказал, что Азеф, оказывая услуги политической полиции, в то же время сам организовывал террористические акты, то по крайней мере моральная вина Лопухина была бы другая. Но насколько на суде подчеркивалась активность Азефа, настолько слабо коснулись его революционной деятельности — суд как будто уклонялся от этого вопроса, боялся углубиться в него.

Дело Лопухина — Азефа осталось недостаточно выясненным. Одно было ясно, что Лопухин явился предателем, главным образом в моральном значении, проявив нравственную дряблость и моральную распущенность, упадок чувства долга и сознания ответственности. Только находясь в таком состоянии, Лопухин мог выдать служебную тайну при случайной встрече с Бурцевым в вагоне заграничного поезда. Он не мог не знать, кто такой Бурцев, и своею откровенностью он отдал себя в руки его партии. После этого «фатальная необходимость», как выразился сам Лопухин, превратила его в раба и сотрудника партии.

22 мая Сенат рассматривал апелляционную жалобу по делу Лопухина и вынес определение: изменить приговор в смысле лишения прав и ссылки на поселение [10]. Этот приговор, конечно, более соответствовал вине Лопухина, которым не руководил злой умысел.

24 февраля мне пришлось вновь обратить внимание полиции на неуместность подготовки мне встреч при моих поездках по губернии. Я издал следующий приказ:

«Приказом от 7 ноября 1907 г. за № 105 я поставил на вид бывшему дмитровскому исправнику бестактные действия пристава, старавшегося подготовить мне встречу местного населения. К сожалению, истекший год убедил меня в том, что случай этот не единичный и что некоторые чины полиции и ныне при поездках моих по губернии прилагают усилия к устройству мне торжественных встреч с приветственными кликами. Мне крайне грустно говорить даже о возможности столь недостойного угодничества и непростительной бестактности. Предупреждаю всех чинов полиции, что подобный образ действия я буду рассматривать впредь как доказательство полной непригодности виновного лица к полицейской службе. Господам уездным исправникам предлагаю принять все меры к тому, чтобы в подведомственных им чинах до низших должностей включительно, вкоренилось твердое убеждение, что случаи отмеченного мною угодничества роняют достоинство должностных лиц и колеблют авторитет высшей власти, внушая населению ложную мысль, что начальник губернии может придавать цену приветствиям, искусственно подготовленным подчиненной ему полицией».

Свирепствовавший в г. Москве и губернии сыпной тиф не миновал и Бутырскую тюрьму, среди арестантов коей заболевания увеличивались с каждым днем. Этому способствовали, главным образом, пересыльные арестанты, которые все обязательно проходили через Бутырскую тюрьму. Принимаемыми энергичными мерами удавалось несколько ослабить заболеваемость, но потом вдруг вновь эпидемия усиливалась. К началу марта тюремная больница была переполнена тифозными больными, причем сыпняк принял весьма острозаразную форму, почти весь персонал, врачи, фельдшера, сиделки, санитары — все переболели. Получая такие тревожные сведения о положении больницы, почти лишенной своего персонала, я отправился лично, чтобы обсудить создавшееся положение.

Приехав в тюремную больницу, я застал там потрясающую картину: войдя в один из заразных бараков, я увидел в большой палате, предназначавшейся на 40 больных, — по крайней мере до 200 больных, большая часть которых находилась в бредовом состоянии. Между койками прохода не было, они стояли в ряд одна возле другой, что, конечно, очень затрудняло уход. Многие были привязаны к кроватям, так как персонала было так мало, что не было никакой возможности иначе предотвратить могущие случиться несчастья, когда больные в бреду вскакивали с постелей, накидывались на других больных или бросались табуретками, посудой и т. д. А бредовые явления у арестантов каторжного разряда — убийц и других подобных преступников — были всегда весьма буйного характера. Такого рода картина и стоявший стон в палате от бреда

больных представляли собой какой-то кошмар. Я долго не мог отделаться от этого впечатления. И что всего удивительнее, смертность, несмотря на такие ужасные условия, была минимальная, не достигала нормального процента.

Посетив и заболевших лиц персонала, я уехал из больницы и по приезде домой переговорил по телефону с начальником Главного тюремного управления, который мне обещал на другой же день перевести дополнительный кредит на наем дополнительного персонала для ухода за больными.

Находясь под этим кошмарным впечатлением моего посещения больницы, в то время, когда я сидел у себя в кабинете и занимался, ко мне вошел чиновник особых поручений и говорит, что какая-то г-жа Кожушко просит ее принять. Я попросил ее войти. Ко мне вошла красивая, нарядная молоденькая женщина, оказалась она бывшей сестрой милосердия одного из госпитальных судов, входивших в состав эскадры адмирала Рожественского и принимавших участие в несчастном Цусимском бою. Она просила у меня места, хоть какого-нибудь, так как не имеет никаких средств. Подумав, я сказал ей, что мест вакантных у меня нет, но я могу ей предложить только одно место, место сестры милосердия в тюремной больнице в тифозный заразный барак, при этом я не скрыл от нее, что работа там тяжелая, адская и зараза почти неизбежна. Она посмотрела на меня удивленными глазами — не ожидала такого предложения, но согласилась. Я тут же написал несколько слов главному врачу, и на другой же день она вступила на работу. Меня сильно мучила совесть, что я такую молоденькую красивую барышню послал на такую кошмарную работу, и я справлялся о ней по телефону. Она оказалась прекрасной сестрой, весьма добросовестной, не гнушалась никакой грязной работой, доктора были очень довольны. Прошло недели три, и я узнаю от главного врача, что Кожушко заболела. Мне это было крайне неприятно, и я поехал в больницу, чтобы ее навестить, уверенный, что она заболела сыпняком. К счастью, выяснилось, что заболела она от чрезмерного переутомления, у ней оказались легкие не в порядке, и доктора нашли невозможным для нее продолжать такую тяжелую работу. К тому же и тиф стал заметно уменьшаться. Она уехала из Москвы и была потом учительницей в гимназии.

3 марта в помещении Московской губернской земской управы в моем присутствии открылось учредительное собрание членов Общества содействия хуторскому и отрубному хозяйствам. Председателем собрания был избран Н. Ф. Рихтер, который и открыл собрание вступительной речью. Инспектор сельского хозяйства Ф. В. Шлиппе приветствовал собрание с точки зрения агрономических преуспеяний населения с переходом на отруба. Губернский землемер Рудин говорил о значении хуторских хозяйств в смысле упорядочения землепользования и землеустройства.

Затем были произведены выборы в правление. Избранными оказались: В. И. Герье, Д. С. Коссович, А. Г. Карпов, Р. А. Леман, М. П. Рудин, Ю. В. Вульферт, П. Н. Кулешев, М. А. Нарожницкий, Ф. В. Шлиппе и А. М. Катков. После выборов произнесены были речи: профессор Межевого института Герман, ссылаясь на практику хуторских хозяйств за границей, выражал надежду, что такие хозяйства могут с успехом привиться и в русской действительности, но советовал прививать их не насилуя население, а только оказывая возможное содействие и идя навстречу желаниям выделяющихся хозяйств. Н. Ф. Рихтер призывал в своей речи будущих деятелей Общества руководиться в своей работе исключительно интересами населения в этой области, не примешивая никакой политики. Общество это работало первые годы очень хорошо, шло рука об руку с землеустроительными комиссиями и оказывало действительную помощь желавшим перейти на отруба или хутора.

На другой день этого заседания губернский землемер Н. П. Рудин получил высшее назначение, на его же место назначен был Мунтян. Мне было очень жаль расстаться с Рудиным, который упорядочил межевое дело в губернии и значительно поднял его. Это был очень умный, способный человек, живого темперамента, энергичный, с большим жизненным опытом, большой ловкач, немного фокусник, умевший втирать очки, но с блестящим умом и работник незаменимый. Кроме того, это был человек компанейский, умел собирать вокруг себя дельных сотрудников. Его заместитель, Мунтян, был несколько в другом роде. Он не был столь блестящ, но это тоже был выдающийся работник и по своему знанию дела, и по работоспособности. Пожалуй, был и серьезнее Рудина, и более верный, если так можно выразиться, сотрудник. Очки он никому не втирал, был занят исключительно делом.

6 марта в Петербурге открылась весенняя сессия Общего присутствия Совета по делам местного хозяйства, на которую я опять получил приглашение. Министр внутренних дел Столыпин по болезни не мог открыть первое заседание сессии, поэтому открыл ее С. Е. Крыжановский, который сообщил, что господин министр внутренних дел, статс-секретарь П. А. Столыпин имел намерение, по примеру прошлых сессий, лично открыть первое заседание предстоящей сессии Совета, но будучи лишен возможности осуществить это намерение, вследствие серьезной болезни, от которой ныне стал поправляться, поручил ему открыть заседание и передать господам членам Совета свое приветствие и пожелание плодотворной работы, не сомневаясь, что результат ее будет так же успешен, как и двух бывших сессий. Тогда встал Я. Г. Гололобов и, указав, насколько весть о тяжкой болезни статс-секретаря П. А. Столыпина произвела всюду на местах горестное впечатление, настолько же известие об улучшении его здоровья вызывает теперь искреннее удовольствие, просил сенатора С. Е. Крыжановского от имени всех

членов Совета передать статс-секретарю П. А. Столыпину их приветствие и пожелание скорейшего полного выздоровления.

После С. Е. Крыжановский, обратясь к совещанию, сообщил, что обсуждению текущей сессии Совета подлежат проекты: 1) о преобразовании губернского управления, в существенной части уже рассмотренного предыдущей сессией; 2) о земских гужевых дорогах; 3) о взаимном земском перестраховании. Председатель предложил господам членам, соответственно числу проектов, разбиться на три комиссии. При этом сенатор С. Е. Крыжановский полагал, что комиссия по проекту о преобразовании губернского управления могла бы быть образована в том же, как и в прошлую сессию, составе, так как бывшие члены комиссии уже подробно ознакомились с означенным проектом, и, следовательно, разработка оставшейся части его, имеющей, главным образом, технический интерес, не представится для них особенно сложною и едва ли вызовет в таком составе членов продолжительные прения. Две же остальные комиссии для предварительной разработки составленных Главным управлением по делам местного хозяйства проектов о земских гужевых дорогах и о взаимном земском перестраховании могли бы быть образованы по принятому в прошлую сессию принципу пропорционального представительства в этих комиссиях от каждой из четырех групп господ членов Совета.

По поводу предложенного порядка образования двух последних комиссий А. Д. Зиновьев, основываясь на том, что проект о земских гужевых дорогах касается, между прочим, определения прав и обязанностей губернатора по дорожной части, проект же о взаимном земском перестраховании имеет лишь значение вопроса чисто земско-хозяйственного, полагал бы целесообразным, чтобы все члены Совета из губернаторов, не вошедшие в комиссию по проекту преобразования губернского управления, приняли, по возможности, участие в занятиях комиссии по проекту о земских гужевых дорогах.

Сенатор С. Е. Крыжановский с своей стороны признал возможным предоставить предложение А. Д. Зиновьева разрешению самих губернаторов, так как по образовании этой комиссии может представиться необходимость в разделении состава ее на две подкомиссии соответственно делению проекта на два обширных отдела: на общий устав о гужевых дорогах и на положение о натуральной дорожной повинности.

В заключение председатель, отметив, что разработка проекта о взаимном перестраховании представляется особенно спешной, так как желательно, чтобы еще в ближайшем будущем законодательные учреждения могли бы иметь о нем окончательное суждение, предложил господам членам ныне же приступить к образованию намеченных комиссий, после чего и закрыл заседание.

Сессия открылась в том же составе, как осенью прошлого года. Председательствовал на заседаниях большей частью С. Н. Гер-

бель — бывший начальник Главного управления по делам местного хозяйства, человек весьма почтенный, знавший отлично дела местного хозяйства, опытный в председательствовании и весьма доброжелательный, но формалист, практически рассматривавший каждый вопрос. Это был один из лучших сотрудников Столыпина. Для рассмотрения законопроектов было образовано три комиссии под председательством барона Меллер-Закомельского, князя Куракина и Н. Ф. Рихтера.

Сессия работала очень успешно, и к 21 марта все законопроекты были уже рассмотрены. Проект о перестраховании между земствами имущества от огня не встретил больших возражений и был принят с небольшими поправками. Проект устава земских гужевых дорог также был составлен министерством весьма тщательно и, являясь, бесспорно, крупным шагом вперед в упорядочении дорожного дела, не вызвал особых возражений.

Проект же о губернской реформе вызвал весьма страстные, разноречивые прения. Особенно горячо обсуждалась глава третья проекта — о губернском совете. Среди членов Совета обнаружилось два противоположных течения, одни стояли на почве действовавшего губернского строя и полагали сохранить существовавшее деление губернских коллегий по предметам управления, другие же члены полагали нужным принять предлагаемое проектом деление по порядкам управления. За схему проекта было подано 33 голоса, против — 28, среди которых был и мой голос.

Соглашаясь с тем, что порядковое распределение дел внесет некоторое улучшение в систему, придаст ей большую стройность, я не мог в то же время придавать этому изменению столь существенное значение, какое придавалось ему составителями проекта. По моему мнению, это изменение группировки дел не внесло бы ничего существенно нового и не послужило бы ни к упрощению, ни к улучшению делопроизводства — в сущности, все осталось бы по-старому. Не внесло бы никакого существенного улучшения и увеличение личного состава Совета; случайность состава, случайность решений и безответственность только усилились бы, и напрасно думали составители проекта, что введением порядковой системы влияние канцелярий устранилось бы и делопроизводство вернулось бы к коллегии. А между тем нарушена была бы жизненность коллегий, так как действовавшие губернские коллегии создавались постепенно и применительно к нарождавшимся потребностям жизни. Каждое из учреждений соответствовало при этом известному порядку интересов, и дела каждого рода рассматривались тем из учреждений, которому они были ближе всего знакомы. Круг компетенции каждой коллегии не мог укладываться в рамки одного ведомства, а потому нельзя было и вмещать их в пределы ведомственных учреждений Министерства внутренних дел, как это предполагалось проектом. Существовавший разнородный строй губернского управления являл-

ся неизбежным последствием существовавшего строя жизненных интересов. По мере хода развития и перемены жизненных интересов учреждения обнаруживают способность приспособляться к изменившимся условиям, и коренная ломка их могла быть оправдываема лишь исключительными условиями исторического момента, каковых условий в момент рассмотрения проекта о губернской реформе не было.

По окончании сессии, 21 марта, я сейчас же вернулся в Москву.

8 марта скончался бывший министр путей сообщения князь М. И. Хилков. При нем был построен Великий Сибирский путь [11]. Он считался прогрессистом и сторонником конституционных начал, но своих убеждений не отстаивал, отстраняясь от активной политики. Это был скромный труженик, честнейший человек, отличный знаток железнодорожного дела, но не в широком смысле, так как широкого взгляда администратора у него не было и, как министр, он был слабоват. В Государственном Совете выступал редко, примыкая к «диким» [12] . Последние годы был председателем Красного Креста, снискал на этом поприще большую любовь и уважение и был более на месте, чем в должности министра путей сообщения.

Еще в декабре месяце генерал В. А. Сухомлинов назначен был начальником Генерального Штаба на место генерала Палицына, и тогда уже носились слухи, что Сухомлинов будет военным министром. Слухи эти оправдались, и 11 марта состоялся высочайший приказ о назначении генерала от кавалерии Сухомлинова военным министром, а начальником Генерального Штаба генерала Мышлаевского.

В то время темп германской подготовки заставлял думать, что войны с Германией не избежать, и, судя по приготовлениям немцев, надо было думать, что война будет в 1915 г. Поэтому выходило естественным, что к ней надо было готовиться, и на военного министра поэтому ложилась тяжелая ответственная работа по этой подготовке. Генерал Сухомлинов представлял из себя умного и хорошего администратора, но для поста военного министра он не подходил. Я его знал давно, еще с начала 80-х годов прошлого столетия, когда, в бытность мою еще в Пажеском корпусе, он читал нам лекции по тактике, а потом, когда я был командиром Отдельного корпуса жандармов, мне постоянно приходилось иметь с ним дело. Он быстро схватывал и давал указания по существу и отлично мог руководить работой, но по своему характеру, отсутствию выдержки и терпения он не любил вдаваться в детали, да и не умел. Прохождение вопросов через законодательные учреждения часто требовало присутствия министра для дачи объяснений в Государственной Думе и Государственном Совете, а также и в комиссиях этих учреждений. Это требовало детального знания проводимых вопросов, а этим Сухомлинов похвастаться не мог; кроме того, Сухомлинов, будучи очень интересным собеседником и рассказчиком

при небольшом числе слушателей, совершенно как-то терялся в большой аудитории и потому в Думе всегда читал заранее составленную речь, что производило впечатление далеко не в его пользу. В комиссиях, где необходимо было знать все детали рассматриваемого вопроса, он терялся и не всегда мог ответить и дать соответствующее разъяснение. Вследствие сего впоследствии Сухомлинов взял к себе в помощники генерала Поливанова, который и заменял его всегда в законодательных учреждениях. Поливанов был как раз весьма подходящим для сего, он всякое дело изучал до мельчайших деталей, хорошо, свободно говорил, и работа Думы с Военным министерством, благодаря ему, шла очень гладко.

Этому способствовало также и то, что с конца 1908 г., с разрешения генерала Редигера, а затем и Сухомлинова, генерал В. И. Гурко на своей частной квартире собирал представителей различных отделов Военного министерства и некоторых членов думской комиссии, чтобы знакомить лидеров разных партий Думы с различными вопросами по обороне, их интересовавшими. На этих собеседованиях сообщались такие секретные данные, которые не могли быть оглашаемы в Думе. Благодаря этому работа Думы с Военным министерством проходила в Третьей, а затем и в Четвертой Думе без особых затруднений. К сожалению только, отношения между Сухомлиновым и Мышлаевским (начальником Генерального Штаба) уже к концу лета испортились, и осенью Мышлаевский получил корпус на Кавказе, а на его место был назначен генерал Гернгросс, человек совершенно не подходящий на должность начальника Генерального Штаба, и еще в такое серьезное время. Гернгросс был отличным строевым начальником, безукоризненно честным и порядочным, но со времени окончания Академии ни в одном штабе он не служил, и потому ему нехватало служебного опыта офицера Генерального Штаба. Дело, конечно, с уходом Мышлаевского стало страдать. В начале 1911 г. с Гернгроссом случился удар, и на его место назначен был генерал Жилинский — весьма опытный офицер Генерального Штаба.

В ночь на 11 марта в районе губернии произошел трагический случай — четырьмя выстрелами из револьвера был убит один из лучших становых приставов Московского уезда Белянчиков. В 2 часа ночи, возвращаясь домой по Измайловскому шоссе, Белянчиков обратил внимание на проезжавших по шоссе двух молодых людей, у которых позади саней были привязаны лошади. Заподозрив в них конокрадов, Белянчиков вышел из саней и окликнул их. Ехавшие быстро погнали лошадей. В это время откуда-то появились на шоссе еще двое людей, Белянчиков двинулся быстро к ним навстречу, окликнул их, но в эту самую минуту пал, сраженный четырьмя пулями, ранен был и кучер. Покойный пристав отличался бес-

страшием и вел неутомимую борьбу с конокрадами, благодаря чему в его стане за последнее время почти прекратились кражи лошадей. Когда по тревоге, поднятой раненым кучером, на место происшествия сбежались урядники и стражники, то пристав Белянчиков был уже мертв, а невдалеке в лесу были найдены лошади, брошенные бежавшими конокрадами. [...]

14 марта в церкви села Измайлова состоялось отпевание покойного пристава. Храм был переполнен, у гроба стояли вдова покойного и 6 малолетних детей и старик отец — волостной писарь. Кроме начальствующих лиц и сослуживцев покойного, было много крестьян, среди коих Белянчиков пользовался большой популярностью и симпатиями. Гроб утопал в зелени и цветах, возложено было до 30 венков, среди коих выделялись надписи: «От крестьян — погибшему за защиту имущества крестьян», «Доброму приставу, погибшему за защиту крестьян» и т. д. Погребение состоялось в селе Всехсвятском.

17 марта состоялся высочайший приказ о назначении московского генерал-губернатора и командующего войсками Московского округа Гершельмана командующим войсками Виленского военного округа, а генерал от кавалерии Плеве — командующим войсками Московского военного округа. Таким образом ушел Гершельман, и должность генерал-губернатора не была замещена. Ходили разные слухи по этому поводу. Кандидатом называли графа Воронцова-Дашкова, другие говорили, что должность генерал-губернатора будет совсем упразднена. 10 апреля выяснилось, что должность временно замещена не будет, и согласно высочайшего повеления разрешение дел по московскому генерал-губернаторскому управлению и учреждениям, состоявшим непосредственно в ведении сего управления, временно было возложено на меня.

Затем, уже в сентябре месяце (очевидно, ввиду чересчур длительного периода незамещения должности) последовало новое высочайшее повеление от 31 сентября с. г. на время незамещения должности московского генерал-губернатора представить разрешение дел генерал-губернатора в следующем порядке:

Министру внутренних дел: 1) по заведованию личным составом московского генерал-губернаторского управления; 2) по учреждениям, состоящим в ведении генерал-губернатора (Московская глазная больница, больница имени императора Александра III, Варваринский сиротский дом Лобковых, высочайше утвержденный Особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 г., Училище живописи, ваяния и зодчества), и по тем, где председателем состоит генерал-губернатор по своей должности, с возложением председательствования в означенных учреждениях в подлежащих случаях на московского губернатора; 3) по комиссии чтений рабочих; 4) по разрешению лечебных заведений в Москве евреям; 5) по назначе-

нию представителей генерал-губернатора в разные учреждения по закону или по уставу этих учреждений.

Московскому губернатору: по выдаче и расходованию кредитов по генерал-губернаторскому управлению.

Московскому градоначальнику: 1) по выдаче заграничных паспортов по Москве и Московской губернии и видов на проживание иностранцам в столице и губернии; 2) по выдаче пособий бедным жителям столицы из сумм, жертвуемых лицами и учреждениями в распоряжение генерал-губернатора.

Почему Столыпину пришло в голову изменить налаженный порядок, установленный в апреле месяце, я не знаю, полагаю, что он это сделал под чьим-нибудь влиянием. Для дела, конечно, это было хуже, так как внесло больше осложнений. Учреждения завопили, так как им приходилось по всяким мелочным вопросам обращаться в Петербург. Министр, не будучи в курсе дела, запрашивал меня или градоначальника, и получалась совершенно излишняя переписка и проволочка. Для меня лично было облегчение, я перестал быть ответственным лицом за какие-либо непорядки в учреждениях, подведомственных генерал-губернатору, и роль моя ограничивалась только председательствованием в комитетах и учреждениях и разрешением кредитов.

Очень скоро выяснился весь абсурд этого нового порядка, и роль министра внутренних дел осталась чисто номинальной, личный состав был разделен между мною и градоначальником, распоряжения по второму пункту всецело отошли ко мне, по третьему — градоначальнику, и только по 4 и 5 пунктам распоряжения остались за министром внутренних дел. Так оно и продолжалось вплоть до переворота 1917 г., так как должность генерал-губернатора более не замещалась. Гершельман оказался последним генерал-губернатором. 15 апреля он покинул Москву, чтобы ехать к новому месту своего служения, в г. Вильно. Проводы его носили сердечный характер, многие весьма жалели об его уходе.

20 марта Москва чествовала память 100-летия со дня рождения Гоголя. К Данилову монастырю, месту упокоения Гоголя, стекалась вся культурная Москва. С раннего утра по Большой Серпуховке шли группы учащейся молодежи, двигались фуры с коробами, скрывавшими венки, ехали почетные гости, духовенство. В монастыре царило большое оживление, все дорожки были вычищены, посыпаны песком. Собрались ученые, чины администрации, студенты, литераторы, артисты, курсистки, военные и др.

Торжество началось обедней в соборе, затем была торжественная панихида на могиле великого Гоголя. Яркое весеннее солнце дополняло величественную картину этого моря голов, окружавших могильный памятник. После панихиды многочисленные депутации возлагали венки: «Город Москва — бессмертному Гоголю», «От

Н. А. Хомякова — незабвенному крестному отцу Н. В. Гоголю», «Великому Гоголю — Императорский Малый театр», «Пророку-обличителю — слушательницы Высших женских курсов» и т. д. Могила Гоголя обратилась в колоссальный храм свежей зелени, пышных цветов, лент.

Много было произнесено и речей. Городской голова Н. И. Гучков сказал: «Мощен тот, кто объединяет около себя людей; бесконечно велик тот, кто объединяет вокруг своего имени и своей памяти людей без различия их взглядов и направлений. Сегодня, в день 100-летия со дня рождения великого Гоголя, объединились около его могилы все мы в едином порыве, в неудержимом стремлении к тем великим идеалам, которые лежат в основе учения великого учителя — к идеалам всеобщей взаимной любви и правды. На долю Москвы, сердца России, выпало счастие быть хранительницей останков великого Гоголя и воздвигнуть памятник над ними. От имени Москвы земно кланяюсь великому учителю. Да будет Москва не только охранительницей твоей могилы, но и хранительницей твоих заветов».

23 марта скончался С. В. Сабашников, которого я очень любил и со всеми его близкими был в тесных дружеских отношениях. Он скончался во цвете лет, совсем еще молодым. Естественник по образованию, он проявлял особый интерес к вопросам своей специальности и, основав вместе со своим братом пользующееся огромной известностью «Книгоиздательство М. и С. Сабашниковых», выпустил в свет очень много тщательно изданных книг естественнонаучного характера. Он состоял гласным Московской городской думы, принимал большое, близкое участие в Университете Шанявского и оказывал материальную помощь многим просветительным учреждениям. 26 марта в Москве состоялось отпевание, после чего похоронная процессия двинулась в Спас-Сетунь в сопровождении близких, родных и знакомых для погребения на местном кладбище рядом с могилами его родителей.

30 марта при обходе Бутырской тюрьмы помощником начальника означенной тюрьмы Сердюком, когда он вошел в камеру, где содержалось 25 человек бессрочно каторжных, к нему обратился с вопросом относительно книг из библиотеки один из содержавшихся, Базельчук. Не успел Сердюк ему ответить, как тот выхватил нож и хотел нанести удар, но, к счастию, нож скользнул по рукаву Сердюка, не причинив ему вреда. Арестанты бросились было к Базельчуку на помощь, но вбежавшие надзиратели, выстрелив в них и ранив трех каторжан, заставили их отступить. Базельчук объяснил свой поступок невыносимо строгим режимом. Сказав это, он вдруг зашатался, упал и тут же внезапно умер — по вскрытии оказалось, что он принял яд. Это трагическое происшествие меня сильно встревожило, и я отправился в тюрьму, чтобы лично расследовать

происшествие и ближе ознакомиться с условиями содержания каторжан.

В то время, только недавно, в московской Бутырской тюрьме открылось каторжное отделение на 1500 человек. Для сего была отделена половина всей тюрьмы, камеры, на 25 человек каждая, были совершенно заново отремонтированы, и в них впервые применены были гигиенические койки взамен бывших деревянных нар. Койки эти представляли собой рамы из железных стволов, на которые натягивался брезент. Рамы эти были на шарнирах, могли опускаться и подниматься, опускались койки эти только на ночь, между 9 часами вечера и 6 часами утра, а также и после обеда, от часу до трех, для отдыха. Посреди камеры стоял большой длинный стол, и на каждого арестанта полагался табурет, представлявший собой и комодик для хранения мелких вещей и провизии, он же служил и подставкой под койку, когда она опускалась.

С того же момента, как после японской войны Сахалин как место отбытия каторжных работ перестал существовать, каторжан отправляли для отбытия наказания в специально для сего устроенные тюрьмы в Европейской России. Кроме Москвы, такие тюрьмы были устроены еще в Смоленске, в Орле, в Шлиссельбурге и еще в каких-то городах. В этих тюрьмах были устроены и специальные мастерские, в которых работали каторжане.

Каторжане делились на разряды, причем каждый разряд пользовался соответствовавшим режимом. Строже всех содержались осужденные на бессрочную каторгу и на 20 лет. Таких в Бутырской тюрьме в то время было несколько сот, они помещались в отдельном коридоре, и на них было обращено самое серьезное внимание, их никуда не выпускали из камер, за исключением прогулок на специальном дворе, и притом с особыми предосторожностями. Коридор этот получил название «Сахалина». Когда я содержался в Бутырской тюрьме после переворота [13], то около года провел именно в этом коридоре и оценил тогда удобство рамочных коек.

Затем следовали каторжане меньших сроков, причем эти делились на два разряда: отбывавших кандальный срок (1/3 всего срока) и уже отбывших. Первые из них закованы были в ножные кандалы, которые у них никогда не снимались, за исключением у больных по предписанию врача. Отбывшие кандальный срок пользовались наиболее льготным режимом, их выпускали и на наружные работы. Кандальные же работали только в мастерских внутри тюрьмы. Работы были поставлены очень хорошо, для интеллигентных (среди них было больше всего политических) были устроены художественные мастерские, из коих выпускали весьма художественные вещи.

Режим бессрочно-каторжных в то время был действительно невыносим. Они были обречены на полное безделие, так как работы для них еще не были организованы, и конечно все их время проходило в придумывании способа, как бы устроить побег или досадить начальству. Библиотека, правда, была очень хорошая, каторжане могли широко пользоваться книгами, было много научных, философских книг, было много и беллетристики. Интеллигентному каторжанину представлялась возможность заниматься, но и для этого надо было иметь привычку, так как сосредоточиться в камере, наполненной 25-ю самого разнообразного характера арестантами, было трудно. В то время руководились правилом размещать каторжан так, чтобы в каждой камере было поровну политических и уголовных. Так как они никогда не сходились между собой, то этим достигалась цель препятствовать сговору для устройства побега или какого-либо беспорядка.

После происшествия с Сердюком я обратил самое серьезное внимание тюремного инспектора на ненормальные условия, в которые были поставлены бессрочно-каторжные, и предложил ему ускорить организацию каких-либо доступных работ в камерах, что и было исполнено. Затем была устроена и школа для неграмотных и полуграмотных каторжан, куда допускались и бессрочные; постепенно все наладилось, я часто посещал тюрьмы, не пропуская никогда камер бессрочных, что, по-видимому, эти последние очень ценили, это чувствовалось в тоне их ответа на приветствие. Жалобы бывали редки.

5 апреля на Ходынском поле состоялось освящение храма, сооруженного известным благотворителем И. А. Колесниковым в память великого князя Сергея Александровича и павших от террора. Храм этот предназначался для 1-го Донского казачьего полка. На освящении присутствовали великая княгиня Елизавета Федоровна, высшее начальство, представители высшего общества и общественных учреждений. После освящения состоялся парад войскам, по окончании которого получивший новое назначение в Вильне генерал Гершельман прощался с войсками, обратившись к ним с речью, в которой выразил надежду встретиться с ними, но уже на поле брани против врага России — немцев. В то время это было смело, но несколько неуместно и бестактно, хотя и прозорливо.

В феврале месяце П. А. Столыпин проболел довольно долго, так что [на] некоторое время устранился он даже от дел, а потом по предписанию врачей должен был уехать на юг в отпуск; в отсутствии он был с конца марта по 22 апреля. Противники Столыпина, главным образом, представители «Союза русского народа», пользу-

ясь его болезнью, стали под него подкапываться, не останавливаясь ни перед какими инсинуациями.

Этому в значительной мере помог и вопрос о штатах Морского генерального штаба. Столыпин настаивал на проведении этих штатов чрез законодательные учреждения, правые же проводили мысль об изъятии суждения о них из сферы компетенции законодательных палат. Вначале они одержали верх, и вопрос о штатах был снят с повестки в Государственном Совете. Изъятие это было ударом [по] Столыпину, допустившему уже суждение по этому вопросу в Государственной Думе в прошлом году, когда Дума и утвердила штаты.

Он решился настоять на своем, и ему удалось достичь того, что 18 марта в Государственном Совете вопрос о штатах был предложен вниманию членов высшей палаты. По этому поводу в заседании произошла большая борьба между правыми и центром. Финансовая комиссия минувшей сессии находила, что этот вопрос должен исходить непосредственно от высочайшей воли, и постановила его отклонить — законопроект и остался висеть в воздухе.

Морское министерство, признавая вопрос о штатах неотложным, вошло вновь с представлением, указывая, что неутверждение штатов останавливает выполнение задач первостепенной важности. В соединенной комиссии Государственного Совета (финансовой и законодательной) мнения разделились: большинство стояло за утверждение, меньшинство, крайне правые, за отклонение, считая, что законодательные учреждения не вправе касаться обсуждения вопроса о штатах Морского генерального штаба. Докладчик же С. С. Манухин, бывший министр юстиции, находил необходимым утвердить, говоря, что ни одна статья Основных законов не будет при этом поколеблена.

Министр морской Воеводский настаивал на утверждении. П. Н. Дурново, представитель правых, находил утверждение противным духу Основных законов, говоря, что это расшатывает устои, на которых в России покоится военная мощь государства, и считал это вторжением в область управления, Государственному Совету не принадлежавшую.

Граф С. Ю. Витте, присоединяясь к правым, предлагал «не закрывать глаза на этот, будто бы маленький вопрос», на самом же деле «затрагивавший прерогативы верховной власти». Он говорил, что ему как бывшему министру финансов известно, что в росписи каждый найдет 10 миллионов на сверхместные надобности в течение года, между тем как Морскому ведомству требуется для штатов всего 50 000 руб. Следовательно, по мнению графа Витте, не в деньгах дело, смешно говорить: «Скорее утверждайте, кончайте это дело, так как здесь вопрос сводится к 50 тысячам руб.». Чтобы

утверждать, что проектируемые штаты не подлежат непосредственному повелению Государя императора, по мнению Витте, надо доказать и то, что Морской генеральный штаб является нестроевой частью, и то, что эта часть не имеет отношения к устройству Вооруженных Сил обороны Российского государства. Он ссылался и на японскую конституцию, в которой по отношению вопроса [вооруженных] сил и обороны страны императору предоставлена власть, обширнее власти российского императора. «Императорская армия, — сказал Витте, — создала необъятную Российскую империю, которая ныне, пожалуй, более всего недомогает от своего объема. Не рано ли нам менять ее на армию случайного дилетантизма?»

После Витте выступали В. Ф. Трепов, Пихно, Дубасов и Нарышкин, поддерживавшие Дурново. За болезнью Столыпина в защиту Кабинета Министров выступил В. Н. Коковцов. Он говорил, возражая Витте и делая по его адресу выпад, по поводу слов последнего о 50 000 руб., которые будто бы правительство не может найти без законодательных учреждений. «Может быть, это и было бы смешно, — сказал Коковцов, — если бы центр тяжести сомнений правительства лежал в том, что у него нет этих 50 тысяч. Их найти нетрудно, но вопрос лишь в том, достойно ли с точки зрения правительственной власти допускать, чтобы то или иное учреждение, которое в порядке верховного управления призвано к жизни, не имело определенных ресурсов для своего существования. Правительству такая точка зрения представляется во всяком случае недостойной». Далее Коковцов горячо отстаивал правительство. По баллотировке законопроект прошел, но всего 12 голосами. Победа Столыпину досталась нелегко.

Принятый Государственным Советом законопроект о штатах вызвал целую бурю в реакционных кругах. Деятельность кабинета резко критиковалась. Указывалось, что кабинет обнаружил стремление закрепить свое положение перед Думой, пренебрегши главной своей обязанностью — стремлением к упрочению своего положения перед верховной властью. Политические противники Столыпина старались скомпрометировать его инсинуациями о превышении власти, доказывая, что правительство уклонилось от правильного истолкования Основных законов. Крайние реакционные круги, противники Думы, стремились свалить Столыпина, надеясь, что тогда Дума уклонится влево и ее распустят, а дальше этого они не загадывали. Таким образом, все противники Столыпина объединились в мысли как-нибудь повлиять, чтобы законопроект о штатах не получил высочайшего утверждения.

Столыпин вернулся 22 апреля, в самый разгар страстей, и в заседании Совета Министров представил свои соображения, указав, что неутверждение законопроекта создаст весьма затруднительное

положение для кабинета и чрезвычайные осложнения возможности работать в палатах. Кабинет переживал решительный момент.

27 апреля опубликован был высочайший рескрипт на имя П. А. Столыпина: «Не признав возможным утвердить законопроект о штатах Морского генерального штаба, поручаю Вам совместно с министрами военным и морским в месячный срок выработать в пределах, указанных государственными Основными законами, правила о том, какие из законодательных дел по военному и морскому ведомствам подлежат непосредственному моему разрешению, предначертанному в статье 96 сих законов порядку, и какие из означенных дел должны восходить ко мне на утверждение в общем законодательном порядке. Таковые правила, по обсуждении их в Совете Министров, имеют быть мне представлены и по одобрении мною преподаны к неуклонному исполнению. Вся деятельность состоящего под председательством Вашим Совета Министров, заслуживающая полного моего одобрения и направленная к укреплению основных начал незыблемо установленного мною государственного строя, служит мне ручательством успешного выполнения Вами и настоящего моего поручения, согласно моим предуказаниям. Пребываю к Вам неизменно благосклонный Николай».

Этим рескриптом министерский кризис был улажен. Столыпин уступил и остался у власти, на это его решение повлияло, главным образом, твердо выраженное желание Государя видеть его и впредь во главе кабинета. Он подчинился этой воле, категорически ему выраженной. Помог этому и некоторый разлад в составе кабинета, где многие мининстры находили, что факт неутверждения штатов не может служить достаточным поводом для выхода кабинета в отставку. Кроме того, Столыпин, как говорили, считал себя удовлетворенным, что в рескрипте на его имя были приведены выражения о незыблемости нового государственного строя. Все же влиянию премьера и всей его политике был нанесен ощутительный и непоправимый удар. От этого удара ему уже не суждено было оправиться. Один депутат очень умно сказал: «Он остался у власти, но власть отошла от него».

Он мог дать решительный бой, настаивая на закрытии «Союза Михаила Архангела» и «Союза русского народа» за их бесчинства, за открытое неподчинение и демонстративную борьбу против правительственной власти, государственного строя и Основных законов, но он на это не решился и уступил их натиску. А что бы было, если б он одержал победу, трудно, конечно, сказать, но мне кажется, что с этого момента Россия начала медленно катиться под гору, сдерживаемая еще кое-как до 1915 г., когда она, ничем уже не сдерживаемая, а подхлестываемая подонками общества и управляемая ничтожествами, полетела в бездну.

26 апреля в Москве состоялось торжественное открытие памятника Н. В. Гоголю на Пречистенском бульваре. Прежде чем приступить к описанию этого торжества, я не могу не коснуться злополучных трибун, которые город так неудачно построил для публики и что так омрачило торжество. Трибуны были построены городскими архитекторами. За два дня до торжества они были осмотрены технической комиссией от градоначальника и членами городского технического совета совместно с представителями города и администрации. Результат осмотра оказался неутешительным. Члены технической комиссии от градоначальника В. М. Альберти, Н. Д. Поликарпов и Б. М. Эппингер признали трибуны безусловно опасными. Участковые архитекторы Мейснер и Соловьев держались средней точки зрения — находили возможным допустить публику, но при устройстве добавочных скреплений. Гражданские инженеры Квашнин и Гунст, к моему большому стыду, так как они были подведомственны мне, предложили испытать трибуны «живой» нагрузкой, отправить на них солдат и пожарных. Это вызвало естественные протесты: «Разве солдаты и пожарные не люди?»

Городской голова Гучков и другие представители города говорили, что трибуны солидны, градоначальник же настаивал на добавочных скреплениях. В конце концов трибуны так и остались незанятыми, отчего праздник был значительно испорчен. Упорствовавшие в своей непогрешимости строители не пожелали выполнить всех требований, предъявленных им техническим надзором, и трибуны распоряжением градоначальника были закрыты для публики. Благодаря этому вся публика, имевшая на них билеты, сосредоточилась на площадке перед памятником, отчего давка была невообразимая.

26 апреля вся молодежь Москвы стремилась к месту открытия памятника, и к 10 часам утра она наполнила всю Арбатскую площадь. Все они стояли под своими значками-знаменами, длинные ряды детей стройно стояли между канатами, протянутыми по площади. Заняты были народом и все соседние улицы и крыши домов. Зрелище было очень эффектное. В толпе острили, видя пустые трибуны: «Городская управа всех на ноги поставила», другие досадовали, что «Гоголь всех вывел, и чиновников, и городничих, и других, а архитекторов ни одного, вот они и объявились сами».

Торжество началось в храме Христа Спасителя. Среди почетных гостей была принцесса Елена Георгиевна Саксен-Альтенбургская, Председатель Государственной Думы Н. А. Хомяков, много депутатов, иностранные гости — виконт де Вогюэ, Леруа Болье, Луи Леже, чешский писатель Голечек и др. После торжественного богослужения в храме Спасителя духовенство и все гости направи-

лись к памятнику и состоялось его открытие. Когда спала пелена, закрывавшая памятник, этот момент, столь высокоторжественный, особенного впечатления не произвел, так как давка в эту минуту была неописуемая и всем было как-то не по себе. Только когда раздались стройные чудные звуки гимна, все как будто опомнились и обнажили головы.

После этого выступил Гучков и от имени Комитета по сооружению памятника просил город принять памятник в ведение городского управления. Гучков сказал: «Состоящий под высочайшим покровительством Комитет по сооружению памятника Н. В. Гоголю по исполнении возложенного на него поручения и по открытии памятника сего в присутствии городских властей и собранных из многих местностей России и других стран депутаций от различных ведомств, учреждений и обществ, сим передает означенный памятник в ведение городского общественного управления. Составив в удостоверение сего настоящий акт, Комитет поручает это драгоценное народное достояние просвещенной заботливости московского городского управления».

Брянский, товарищ городского головы, ответил: «Москва издревле являлась хранительницей богатств русского народа. В настоящее время она получает новое богатство — памятник незабвенному писателю Гоголю. Москва является сердцем России, и всякое народное явление получает в ней сочувственный отзвук. Поэтому она несомненно будет хранить и свято чтить памятник, передаваемый вами. Низко кланяюсь и благодарю от лица первопрестольной столицы».

Затем с речью выступил председатель Общества любителей российской словесности А. Е. Грузинский, его речь была длинная и скучнейшая, говорил он монотонно и без всякого подъема, все с нетерпением ждали, когда он кончит, чтоб начать возложение венков. Первый венок был возложен генерал-адъютантом князем Одоевским-Масловым от имени Государя императора, затем от г. Москвы: «Гоголю — Москва» и много-много других. После возложения венков дефилировали бесконечные ряды учащихся, что было очень трогательно и торжественно.

В университете в этот же день состоялся торжественный акт. В группе иностранных гостей внимание всех привлекала яркооранжевая мантия молодого профессора Лиронделя. В первом ряду сидели принцесса Саксен-Альтенбургская, родственники Гоголя, Н. А. Хомяков, С. А. Муромцев, чины администрации, за колоннами — студенты, курсистки.

Заседание было открыто профессором Мануйловым, который приветствовал племянников Гоголя Быковых и его крестного сына Н. А. Хомякова. Мануйлов говорил о громадном значении творчества Гоголя для пробуждения и обновления русской общественной

жизни и заключил свою речь словами: «Слава тебе, прославившему Россию».

Затем А. Е. Грузинский говорил об избрании в почетные члены Общества любителей российской словесности виконта де Вогюэ, Леруа Болье, Фр. Шпигагена и др. и произнес речь о Гоголе, указав на черты истинно национальные, которые в своем совершенном развитии приводят его к приобщению мировой культуре. С. А. Муромцев говорил о Гоголе как о писателе по преимуществу общественном.

Речь князя Е. Н. Трубецкого была полна широких обобщений. Проследив у Гоголя стремление к страничеству, оратор охарактеризовал это стремление как черту глубоко национальную, выросшую среди беспредельных и уныло однообразных наших равнин, и установил тесную связь странничества с исканием правды, с богоискательством.

Маститый академик де Вогюэ по-французски, в немногих словах, но тепло и изящно обрисовал тот живой интерес, который вызван на Западе исключительной гуманностью русской литературы, и приравнял ее корифеев к славным именам Запада, затем, перейдя на русский язык, высказал свою радость о приезде в Россию вновь, через 25 лет, и свое «спасибо» за сердечный прием.

Славянские гости говорили о том, что Гоголь для их народов стал родным поэтом.

От Пушкинского общества среди депутатов был сын великого А. С. Пушкина, седой как лунь старик, своим появлением он вызвал шумные овации.

27 апреля в городской думе был раут, который сгладил неблагоприятное впечатление, произведенное на гостей в первый день торжества открытия памятника. Было очень красиво, торжественно, город явился самым радушным, гостеприимным и хлебосольным хозяином. Гучков сказал очень хорошее, прочувственное слово, подняв бокал за дорогих гостей. 28 апреля был банкет в «Метрополе» от лица Комитета по сооружению памятника. Этим торжества закончились.

Вспоминая неудачу и беспорядок во время самого открытия памятника, мне становится очень стыдно, так как я не могу не принять вины и на себя как члена Комитета по сооружению памятника, мы все виновны в недостаточной осмотрительности и неумелой распорядительности. Кроме того, я не могу не упрекнуть себя, что я в свое время не уговорил Н. И. Гучкова, председателя нашего Комитета, пригласить в качестве члена Комитета градоначальника, что было бы и естественно, и, может быть, полезно. Будучи таким образом обойденным, градоначальник и держал себя в стороне, строго официально, не оказывая никакого содействия ни Комитету, ни городскому управлению, предоставив Комитету самому разби-

раться, как ему будет угодно. Может быть, и история с трибунами не приняла бы такого острого характера, и дело могло бы быть улажено. Мое положение как губернатора относительно градоначальника было щекотливое, я должен во всей этой истории держаться в стороне, чтобы не быть обвиненным во вмешательстве в дела градоначальника. Все это вместе взятое, конечно, было очень прискорбно, из самого торжества открытия вышла небывалая сумятица, колоссальный кавардак, было очень стыдно перед съехавшимися иностранцами, которые недвусмысленно высказывали удивление нашему неумению устраивать празднества.

К 6 мая я ездил в Царское Село для принесения поздравления Государю императору по случаю дня рождения его величества. В этот день состоялся высочайший выход и затем, после принесения поздравлений, завтрак, к которому были приглашены все лица Свиты. В этот день мне была высочайше пожалована серебряная медаль «За спасение погибавших» для ношения на груди на Владимирской ленте, согласно представлению Общества спасания на водах, за мои распоряжения и принятые меры во время наводнения в 1908 г.

8 мая я был назначен дежурным Свиты генералом при Государе во время приема Государем японского принца и высочайшего по сему случаю завтрака в круглом зале Александровского дворца, после чего я выехал обратно в Москву.

9 мая в г. Серпухове в городской полицейской команде имел место ужасающий по своей трагичности случай: младший городовой Блинков убил старшего городового Леднева. Возмущенный до глубины души таким позорным поступком городового, я издал по полиции следующий приказ:

«9 сего мая, вечером, в г. Серпухове младший городовой полицейской команды Блинков тремя пулями из казенного револьвера убил старшего городового Александра Леднева. По объяснению убийцы, он совершил злодеяние потому, что покойный Леднев доложил по начальству о плохом несении им полицейской службы, за что ему предстояло дисциплинарное взыскание. После убитого остались вдова и пять детей в возрасте от 3 до 9 лет. С чувством глубокого возмущения узнал я о совершившемся гнусном преступлении. Надеюсь, что то же чувство переживают все чины полиции вверенной мне губернии. Единодушное осуждение всех пусть заклеймит имя убийцы, презревшего долг человечности, товарищества и чести. Приняв немедленно меры к обеспечению обездоленной несчастной семьи Леднева, честно павшего на своем посту, я считаю долгом сказать, что нравственная ответственность за его смерть ложится в известной мере на всех членов серпуховской уездной полиции, имевших служебное отношение к нему. Старшие из них виновны в том, что в течение 3 лет пребывания Блинкова в составе

городской полицейской команды не сумели узнать истинного характера этого человека, очевидно, обладавшего низкой, преступной душой, и не сумели его воспитать. Нравственно ответственными я считаю также всех сослуживцев Блинкова — городовых серпуховской команды, ибо я твердо убежден, что при безупречном исполнении ими служебного долга, безусловной покорности дисциплине и чистоте нравственных правил в их среде не мог бы явиться человек, способный решиться на столь гнусное злодеяние. С сожалением должен я признать, что в составе команды, видимо, царит некоторая распущенность и отсутствует добрый пример, силе которого покоряются дурные инстинкты и чувства. Только неуклонно-честное и совестливое исполнение всеми членами команды долга службы может вернуть ей в будущем поколебленное ныне положение и смыть с нее позорное пятно, созданное беспримерным злодейством городового Блинкова».

19 мая в Москве состоялось отпевание тела И. Ф. Тютчева в Никитском монастыре, после чего тело его было перевезено в имение покойного Мураново для погребения. На отпевании присутствовала великая княгиня Елизавета Федоровна. На гроб был возложен чудный крест из живых цветов от их величеств.

С И. Ф. Тютчевым я познакомился еще в 1891 г., когда, будучи назначен адъютантом к великому князю Сергею Александровичу, приехал в Москву, а Тютчев состоял тогда в распоряжении великого князя. Это был честнейший и благороднейший человек, великий князь пользовался всегда его услугами, когда нужно было произвести какое-нибудь серьезное дознание или расследование, требовавшее и служебного опыта, и знания. Он был сыном известного поэта Федора Ивановича Тютчева, жена его, рожденная Баратынская, была также весьма почтенной женщиной, и вся семья была выдающейся по своему благородству. Я глубоко почитал эту честную семью и сохранил с ней и до сего времени самые дружеские отношения.

22 мая я совершил поездку в Бронницкий уезд в деревню Колонец по приглашению крестьян, перешедших на хутора, устроивших по сему поводу небольшое торжество. К этому времени все работы были закончены, избы были перенесены на участки, достроены, и в результате получилось 94 отдельных хутора. В этом деле крестьяне выиграли еще в том отношении, что деревня Колонец при больших подъемах воды всегда заливалась, теперь же, с переходом на хутора, удалось избы поставить на местах, не заливаемых водой. Крестьяне были очень довольны и, радостные и полные энтузиазма, встретили меня; целый день я обходил все хутора, осматривая их новое хозяйство, заходя в их новые избы.

Вся земля была разбита на правильные четырехугольники, только заливные луга по Москве-реке остались в общем пользовании.

Вообще землеустройство шло большими шагами вперед, так что число землемеров пришлось к 1909 г. увеличить больше чем втрое, вместо 27 стало 91. Этим составом удалось разделить 230 одноплановых селений на площади 97 тысяч десятин, разверстать 15 целых селений на отруба и хутора в составе 800 дворов, произвести выдел 285 отдельных домохозяев на хутора и уничтожить чересполосицу с частными владельцами на площади 500 десятин.

Число заявлений и желаний перейти на хутора росло с каждым днем; этому способствовали результаты в деле улучшения хозяйства уже перешедших на хутора крестьян. Многие из них в короткое время имели возможность ввести такие усовершенствования в хозяйстве, которые не были доступны при общинном землевладении. Такие изменения в рутинном крестьянском хозяйстве объяснялись как более благоприятными условиями ведения его на отдельных земельных участках, так и большим интересом к делу улучшения хозяйства, вызываемого сознанием личной собственности. Кроме этих усовершенствований сельскохозяйственной техники, единоличное владение, насколько мне удалось заметить, оказывало благотворное влияние и на духовный уклад крестьянской семьи — члены семьи, искавшие заработка на стороне, возвращались в семью, чтоб работать на своем участке, улучшать его. Отношение населения к землеустроительным учреждениям, за весьма редкими исключениями, было безукоризненное, полное симпатии и доверия — в этом я всегда с такой радостью убеждался при моих постоянных разъездах по губернии.

23 мая в С.-Петербурге состоялось торжественное открытие и освящение памятника императору Александру III, согласно особого высочайше утвержденного церемониала. Ко времени открытия памятника собрались на особо устроенном помосте лица Свиты, особы дипломатического корпуса, Государственный Совет, Президиум Государственной Думы, особы первых четырех классов [14], военные чины, представители общественных учреждений, вся Петербургская городская дума в полном составе, волостные старшины Петербургской губернии и много депутаций. Вокруг памятника расставлены были войска.

Государь император прибыл из Петергофа в особом поезде на Николаевский вокзал, откуда с Государынями императрицами и прочими особами императорского дома проследовал к месту памятника. По обходе Государем войск началось молебствие с коленопреклонением. После многолетия протодиакон возгласил вечную память императору Александру III, и пелена, покрывавшая памятник, медленно стала спадать. Взору всех присутствовавших открылась величественная могучая фигура Александра III на мощном коне.

Государь обнажил шашку и сам скомандовал: «На караул».

Величественный, эффектный момент: забили барабаны, зазвучали горны, оркестры заиграли петровский Преображенский марш, под чудные звуки которого склонились знамена и штандарты — линии войск отдавали честь. Трезвон во всех церквах, салюты пушек — все слилось в один общий торжественный гул. По сигналу все стихло, снова обнажили голову, и новое многолетие воинству и всем верноподданным завершило церковное торжество.

Войска стали строиться к церемониальному маршу, а Государь со всеми особами императорского дома обошел памятник. Во главе войск, салютуя памятнику, прошел Государь и, остановившись, пропустил мимо себя войска. После этого состоялось возложение венков различными депутациями.

Памятник работы художника Павла Трубецкого, цель которого была изобразить великую простоту и мощь и одновременно силу, непоколебимость и величие, представлял из себя конную фигуру Александра III на высоком гранитном постаменте, по сторонам коего поставлены были бронзовые роскошные канделябры. Вокруг памятника были устроены газоны, обрамленные бортами низкорослых цветов. Памятник вызвал большую критику как в обществе, так и в печати, и нападки на его автора Трубецкого.

2 июня открылось чрезвычайное губернское земское собрание для рассмотрения докладов, которые очередная сессия не успела рассмотреть. На этом собрании поднятый мной вопрос об урегулировании противопожарной помощи в пригородных местностях был разрешен во вполне благоприятном смысле к большому моему удовлетворению.

Большие разговоры возбудило мое распоряжение об оштрафовании мною губернской земской управы, допустившей в земской лечебнице в Кузьминках свалку нечистот и тем нарушившей обязательное постановление по санитарной части.

8 июня, согласно ходатайства московского градоначальника и моего, к большому удовлетворению населения, чрезвычайная охрана была заменена усиленной [15].

12 июня в г. Кашине Тверской губернии состоялось торжество восстановления открытого почитания благоверной княгини Анны Кашинской. Святая Анна Кашинская была дочь князя Ростиславского Дмитрия Борисовича; в 1294 г. она вышла замуж за великого князя Михаила Ярославича Тверского. По кончине мужа, замученного в Орде (1318), великая княгиня Анна постриглась в Тверском девичьем монастыре, откуда по просьбе сына своего переехала к нему на жительство в г. Кашин, где и скончалась в 1338 г. и была погребена в Успенском соборе.

В 1649 г. духовенство и граждане Кашина решили довести до сведения Государя царя Алексея Михайловича о чудесах, совершавшихся при ее гробе. Царь приказал в том же году тверскому архиепископу Ионе открыть и освидетельствовать мощи, что и было

исполнено им 21 июня. В 1650 г. царь с царицей ездили в Кашин и 12 июня перенесли мощи из ветхого Успенского собора в Воскресенский, после этого и установлено было празднование памяти святой Анны Кашинской.

Противники никоновского исправления чинов и обрядов и перемены в крестном знамении двоеперстия на троеперстие начали в подтверждение истинности двоеперстия ссылаться на мощи св. Анны, утверждая, что правая рука ее лежит «на персях согбенно, яко благословляющая»; желая уничтожить веру в это свидетельство, патриарх Иоаким решил отменить установленное празднество святой княгине Анне. В начале 1677 г., спустя 27 лет после канонизации, был совершен досмотр мощей, после чего Собор, составленный в Москве из архиереев, постановил запечатать гроб, икон не писать, молебнов не петь, а творить панихиды. Великий Собор, созванный в 1678 г., утвердил это.

В народе, между тем, все время жила память о «многоскорбной» преподобной Анне Кашинской как о святой, пока наконец в 1908 г. по ходатайству архиепископа Алексия Синод представил Государю о восстановлении церковного почитания св. Анны Кашинской.

12 июня 1909 г., в самый день, когда 259 лет назад царем Алексеем Михайловичем святые мощи благоверной княгини Анны перенесены были из Успенского собора в Воскресенский, торжество восстановления почитания святой Анны Кашинской состоялось в присутствии великой княгини Елизаветы Федоровны. Ее высочество приехала для сего из Москвы 10 июня в сопровождении своей гофмейстерины графини Олсуфьевой, секретаря А. П. Гжельского, игуменьи московского Вознесенского монастыря Евгении и меня.

На станции великую княгиню встретили тверской губернатор Н. Г. фон Бютинг и начальствующие лица города. С вокзала великая княгиня при колокольном звоне всех церквей проследовала в коляске в собор, где была приветствуема духовенством во главе с архиепископом Алексием.

Архиепископ Алексий приветствовал великую княгиню и в своей прочувствованной речи сказал: «Настоящее торжество в честь многострадальной благоверной княгини Анны изволением промысла Божия суждено разделить с нами именно лично тебе, многострадальная, возлюбленная, благоверная великая княгиня, тебе, как близкой с нею по судьбе и родной по духу. Не будем мы тревожить сердце твое и наболевшее в последние годы сердце всего православного русского народа тяжелыми воспоминаниями о пережитых бедствиях и жалобами на пережитые скорби; да подаст тебе Господь благодатное утешение терпеливо нести свой тяжкий крест, да успокоит во царствии Своем родного тебе и нам великого князя — мученика».

По окончании речи было совершено молебствие, и великая княгиня проехала в женский Сретенский монастырь, где ей было

отведено помещение. Погода была чудная, улицы были полны народа. В 3 часа дня великая княгиня посетила Воскресенский собор, где приложилась к святым мощам. Тут находилась и древнейшая икона Спаса Нерукотворенного, перед которым молилась святая Анна. Эта икона, один из драгоценнейших памятников древности, отлично сохранилась, она была украшена старинной серебряной ризой с жемчугом и драгоценными камнями.

В 7 часов вечера в этом соборе было совершено заупокойное бдение (парастас). Служили архиепископ, епископ и более 20 протоиереев, диаконствовал известный протодиакон московского Успенского собора Розов. Величественное богослужение, стройное пение чудных стихир и песнопений парастаса производили глубокое впечатление.

11 числа прибыли митрополит Владимир, обер-прокурор Синода С. М. Лукьянов, генерал Плеве и много других лиц; в 12 часов начался печальный перезвон к торжественной панихиде, к которой вышло до 100 священнослужителей. Богослужение было совершено в трапезной части собора, у мощей святой Анны. Это была последняя заупокойная служба перед гробницей праведницы, которую в тот же день вечером прославляли.

Всенощные были совершены во всех церквах, и кроме того, ввиду чрезвычайного скопления народа, была совершена всенощная и на площади на открытом воздухе между соборами, что произвело огромное впечатление. В Воскресенском соборе всенощная была особенно торжественна. Перед литией из собора вышел крестный ход на площадь, где была отслужена лития. После литии протодиакон Розов громко и замечательно внятно прочел послание Синода об открытии мощей святой Анны, после чего крестный ход возвратился в собор. Тут у гробницы святой Анны прочитана была молитва, после чего при пении «Святая благоверная великая княгиня Анна, моли Бога о нас» архиерей и архимандрит подняли раку с мощами и понесли ее на средину собора. В перенесении раки приняла участие и великая княгиня Елизавета Федоровна. Началось поклонение мощам, продолжавшееся всю ночь. Кашин в то время насчитывал 8000 жителей. На это же торжество стеклось более 120 тысяч паломников.

12 июня в 8 часов утра к Вознесенской церкви двинулись крестные ходы из всех кашинских церквей и монастырей, а также и городов Бежецка, Твери, Корчевы, Кимр и Калязина. Литургию совершал митрополит Владимир с архиепископами Тихоном (впоследствии Патриархом Москвы и всея России) и Назарием. Десятки тысяч народа переполняли площадь за оградами, крыши, городской вал — все было переполнено народом. В 12 часов закончилась литургия, и началось торжественное молебствие святой Анны. При пении тропаря святой Анне рака с мощами была поставлена на носилки из красного дерева и крестным ходом обнесена вокруг

собора. Стоявшие по пути становились на колени, масса была больных и калек, которых проносили под ракой с мощами. Духовенство и певчие пели стройно канон, со всех храмов торжественно разносился звон колоколов, полковые хоры двух полков играли молитву «Коль славен». При чудной, ясной, теплой погоде вся эта величественная обстановка производила захватывающее впечатление. По возвращении крестного хода рака была перенесена в серебряную гробницу на постоянное место. Коленопреклоненная молитва и многолетие завершили богослужение.

Вечером великая княгиня Елизавета Федоровна отбыла в Москву в особом поезде, с этим поездом уехал и я, под чудным впечатлением всего перечувствованного, увозя с собой и частицу святых мощей, данных мне митрополитом, которые и хранились затем в домовой церкви губернаторского дома, вделанными в икону преподобной.

14 июня в пределах Московской губернии состоялась 100-верстная автомобильная гонка, к сожалению, омраченная большим несчастием. Еще до начала гонки, на 111 версте от Москвы, А. А. Вершинин со своим шофером Гецом, упражняясь на своей машине, не рассчитав скорость на крутом повороте на мост через реку Шошу, со всего разбега налетев на мостовые перила и сбив их, полетели в реку. Оба разбились насмерть, их изуродованные трупы доставлены были в Черногрязскую земскую лечебницу. Это происшествие, конечно, расстроило весь праздник, чествования были отменены. Первым пришла машина «Фиат» Прохорова, который сделал 100-верстное расстояние в 1 час 15 мин.

15 июня через Москву следовал Лейб-гвардии Семеновский полк, направляясь в Полтаву на торжества празднования 200-летия со дня Полтавской битвы [16]. Так как после 1905 г. семеновцы первый раз проезжали через Москву, то я пригласил всех офицеров полка к обеду, перед которым в домовой церкви губернаторского дома была отслужена панихида по бывшем командире полка, Свиты генерале Мине, павшем жертвой усмирения в Москве восстания.

За несколько дней до полтавских торжеств я приехал в Полтаву и по приглашению губернатора графа Муравьева остановился у него в доме, все время торжеств пользуясь его дорогим гостеприимством. Как дворянин Полтавской губернии и бывший преображенец я воспользовался своим правом присутствовать на полтавских торжествах и был очень счастлив, что это мне удалось.

В Полтаве, когда я приехал, царило большое оживление; прибыли полки Петровской бригады Преображенский и Семеновский в полном составе, а от всех полков, участвовавших в Полтавском бою, были присланы роты, эскадроны, депутации. Весь город принарядился, всюду были флаги, арки, задрапированные цветами

и материями, столбы же фонарей и колонны зданий были перевиты зеленью и драпировками. Все удивительно красиво сочеталось с зелеными садами, в которых утопал город. Народу была масса, но везде царил образцовый порядок. Надо было отдать справедливость Муравьеву, все его распоряжения были продуманны, и он сумел себе подобрать дельных помощников, между которыми и распределил распорядительные функции. Ума в нем отрицать нельзя было, он со всеми был в хороших отношениях, не суетился, а это все, что и требовалось.

26 июня в 9 часов утра прибыл Государь император. Для высочайшего пребывания была устроена особая царская Ставка, к которой проведена была особая ветка. Ставка эта была на самом поле битвы, недалеко от братской могилы. Против Ставки размещен был биваком Преображенский полк, а в некотором отдалении и Семеновский. Государь имел пребывание в поезде.

На платформе к приходу поезда собрались великие князья, министры, Свита и местные власти и построен был почетный караул от 33-го Елецкого пехотного полка, постоянно квартировавшего в Полтаве. Обойдя почетный караул, приняв хлеб-соль от города и поговорив с начальствующими лицами, Государь возвратился в вагон, а затем около 10 часов утра, сев в коляску с великим князем Михаилом Александровичем, отбыл на братскую могилу, у ограды коей был встречен митрополитом Киевским. На братской могиле была отслужена панихида по павшим на поле брани воинам. Была трогательная картина, когда при провозглашении «вечной памяти» героям, погибшим на поле брани 200 лет назад, все опустились на колени. По окончании панихиды Государь сел на коня и объехал войска, построенные вокруг могилы. Загремели оркестры, склонились знамена, и русское могучее «ура», сливаясь с гимном, огласило поле славной Полтавской битвы.

Днем, около 2 часов, Государь отбыл в город в открытом экипаже и проехал в Успенский собор, где отслушав краткое молебствие, проехал в Спасскую церковь. В этой самой церкви царь Петр Великий после победы слушал молебствие; около церкви поставлен был особый памятник «Победа» на том месте, где Петр I отдыхал после сражения. Спасская церковь эта была выстроена за 25 лет до Полтавской битвы, чтобы сохранить ее, она впоследствии была заключена в каменный щит.

Из Спасской церкви Государь проехал в Полтавскую губернскую земскую управу, где был встречен всеми гласными, во главе с председателем управы Лизогубом. Государь обошел выставку кустарных изделий, обратив большое внимание на рукодельные работы малороссиянок и на керамический отдел Гоголевской миргородской школы. Затем состоялось открытие и освящение памятника полковнику Келлину, коменданту г. Полтавы во время Полтавской битвы. Памятник этот — двуглавый орел с лавровым венком

в когтях — увенчивал гранитный столб, у подножия которого на монолите лежал бронзовый лев.

После освящения памятника войска и кадеты проходили церемониальным маршем. В 4 часа Государь посетил Дворянский дом. Встреченный у подъезда губернским предводителем князем Щербатовым, поднялся во второй этаж, где в большой зале собрались полтавские дворяне с их семьями, тут же были и потомки участников Полтавского боя.

После беседы со многими из присутствовавших, пробыв на дворянском рауте около часу, Государь отбыл в Ставку, а в 7 часов вечера совершенно неожиданно, вне программы, проехал на народный бивуак сельских выборных, которых было около 4000 человек — по 15 крестьян от каждой волости. Государя сопровождали несколько великих князей, Председатель Совета Министров и дежурный флигель-адъютант. Я, к сожалению, не знал об этом посещении и поэтому не был. Государь, как рассказывали, очень милостиво, просто и ласково говорил со многими выборными, обратил внимание на особенности костюмов некоторых уездов: одни имели синие кушаки, другие — красные, у одних были серые смушковые шапки, у других черные и т. д. Государь отличал легко уезды по этим приметам, что приводило выборных в восторг, и выразил удовольствие тому, что они не бросают своих национальных костюмов. Уже начинало темнеть, когда Государь возвратился в Ставку, заехав еще на шведский памятник.

27 июня, в день празднования Полтавской победы, с раннего утра шел дождь, к 8 часам утра перестал, и засияло солнце. В церкви св. Сампсония у братской могилы началось богослужение, к которому прибыл Государь с великими князьями, Столыпиным, министрами и Свитой. По окончании обедни двинулся крестный ход к аналою, поставленному на поле Полтавской битвы, где и началось молебствие. К аналою были вынесены знамена, среди коих были и бывшие в Полтавском бою.

После молебствия Государь в сопровождении Свиты объехал войска, и начался церемониальный марш. Парад был дивный, несметные толпы народа стояли вокруг. После парада Государь заехал к себе в Ставку, а потом направился к памятнику «Славы», сооруженному на том месте, где полтавский комендант Келлин встретил Петра I при въезде в Полтаву 28 июля 1709 г. Государь подъехал к памятнику в то время, когда депутации возлагали венки к его подножию, а соединенный оркестр Преображенского и Семеновского полков исполнял ряд музыкальных пьес. У памятника стояли часовые в прежней петровской форме. Пробыв некоторое время у памятника, Государь проследовал в кадетский корпус, где назначен был завтрак в высочайшем присутствии на 1000 приглашенных.

Во время завтрака Государь произнес речь: «С чувством глубо-

кого волнения переживал я последние два дня. И вы вместе со мною, вероятно, испытали те же чувства на тех же полях Полтавы, где 200 лет тому назад решалась судьба нашего Отечества и волей Господа Бога, гением Петра и стойкостью русского народа была одержана победа, давшая России величие. Россия только что пережила времена невзгод, но я верю, что отныне она вступит на путь развития и благоденствия и что будущим поколениям легче будет жить и служить своей Родине, а для этого нужно, чтобы все верные мои подданные помогали своему Государю. Нужна вера в силу своего Отечества, любовь к нему и любовь к своей старине. Я пью за то, чтобы Россия развивалась в духе единения царя с народом и в тесной связи всего населения нашей Родины со своим Государем. Пью за потомков славных героев, которые сражались там же, где сегодня порадовали меня своим блестящим видом здесь собранные войска. Пью за их здоровье, за всю армию и за великую нашу матушку Россию».

Одновременно с завтраком в здании корпуса был устроен также завтрак и для волостных старшин в особом шатре в саду корпуса. По окончании завтрака Государь удостоил их посещением, причем двое старейших старшин поднесли хлеб-соль на майоликовом блюде, сработанном миргородской школой имени Гоголя, покрытом полотенцем, сотканным местными кустарями.

Побеседовав со старшинами, Государь прошел на корпусной плац, где кадеты проделали гимнастику, а затем проходили мимо Государя церемониальным маршем. Поблагодарив кадет и обласкав их, Государь, сев в экипаж, отбыл в Ставку, а оттуда в С.-Петербург.

Вечером город был красиво иллюминован, в трех местах были народные гулянья, а у бивуака сельских выборных был сожжен великолепный фейерверк. Этим закончились торжества, глубоко запавшие в душу каждого, кому посчастливилось принять в них участие.

Вечером 27 числа, после отъезда Государя, я обедал в Семеновском полку, откуда поехал в кадетский корпус на бал, затянувшийся далеко за полночь. Проведя следующий день на бивуаке родного мне Преображенского полка, я уехал в Москву, полный самых дорогих воспоминаний.

1 июля утром я возвратился из Полтавы в Москву, где меня ждала большая неприятность. В эту ночь из Новинской женской тюрьмы бежало 12 каторжанок. Об этом мне тотчас доложили, как только я вошел к себе, и я, не раздеваясь, сейчас же отправился в тюрьму, чтоб на месте узнать все подробности. Оказалось, что они так безнаказанно бежали при участии бежавшей вместе с ними надзирательницы Тарасовой, недавно принятой в число надзирательниц по просьбе и рекомендации охранного отделения. В камере, из которой они бежали, найдено было оставленное ими казенное арестантское платье, а также и принадлежности грима.

В камере содержалось 14 каторжанок, из коих две не приняли участия в побеге, одна — политическая с двумя детьми, другая — уголовная. Бежали самые серьезные, во главе с Климовой, осужденной в бессрочную каторгу за участие в покушении на Столыпина на Аптекарском острове; среди бежавших террористок часть из них была присуждена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. В тюрьме ничего не знали о побеге, дежурный помощник очень удивился, когда его по телефону из охранного отделения спросили, все ли в тюрьме благополучно. Этот вопрос, когда мне о нем доложили, показался мне подозрительным, так же как и то, что к тюрьме подошел полицейский наряд, направленный охранным отделением.

В конце концов закулисная сторона этого побега оказалась следующая: уже давно отношение градоначальства, а в частности охранного отделения и жандармского управления, по отношению к тюрьмам было отрицательное. Им очень не нравилось, что как я, так и тюремный инспектор твердо держались правила не дозволять им никакого вмешательства в дела тюремной инспекции, не допускать в тюрьмы, благодаря чему охранное отделение было лишено возможности вербовать себе сотрудников из политических заключенных в тюрьмах. Все их недовольство было направлено против тюремного инспектора, благороднейшего Юферова. Очевидно, охранное отделение, во главе которого тогда стоял полковник фон Котен, задумало смелый шаг. Оно решило скомпрометировать тюремного инспектора, устроив побег из женской тюрьмы, а самому отличиться поимкой их, как только они выйдут на улицу. Для сего охранное отделение инструктировало свою сотрудницу Тарасову, которую всучило начальнику женской тюрьмы на должность надзирательницы. Начальник тюрьмы, не желая отказывать Котену, принял ее на службу и назначил, как сотрудницу охранного отделения, в самый серьезный коридор, где помещались бессрочно-каторжные политические.

Тарасова постепенно приносила в камеру принадлежности мужских костюмов, затем сделала восковой слепок от ключа двери, соединявшей этот коридор с конторой, попросив для сего ключ у надзирателя, дежурившего в конторе. Слепок этот Тарасовой был передан охранному отделению, которое, сделав по слепку ключ, передало его Тарасовой. В ночь на 1 июля Тарасова угостила дежурного надзирателя, находившегося в конторе, подсыпав ему сонного порошка. Надзиратель, конечно, уснул, его едва добудились, когда был обнаружен побег. Тарасова со всеми 12 каторжанками, переодевшись в мужское платье, отворила ключом, сделанным в охранном отделении, дверь в контору, а затем и дверь из конторы на улицу, и вывела всех 12 каторжанок, заперев все двери на ключ. Так как на улице, куда выходила дверь из конторы, никаких постов не было, то они все безнаказанно вышли. Тарасова надула охранное

отделение, она сыграла двойную роль, вышла она часом или двумя раньше, чем было условлено с охранным отделением, почему наряд, посланный этим отделением, чтоб захватить их, когда они уйдут из тюрьмы, запоздал.

Из 12 бежавших поймано было случайно только три — постовому городовому показались подозрительными мужчины с женскими голосами, и он задержал их и препроводил в участок. Остальные очутились за границей, откуда год спустя, ко дню св. Пасхи, они прислали депешу в тюремную инспекцию с приветом: «Христос воскресе».

В результате пострадал тюремный инспектор Юферов, ему пришлось оставить службу, защитить его я не мог, так как при расследовании выяснились и упущения со стороны тюремной инспекции, а именно отсутствие наружных постов со стороны конторы, а также и недостаточная изолированность коридора от конторы, где помещалось каторжное отделение. Мне было очень жаль лишиться Юферова как честнейшего, энергичного и опытного чиновника, положившего за 13-летнюю службу свою в тюремном ведомстве немало труда и здоровья. Мне удалось только оттянуть его уход и сделать этот уход добровольным. В январе 1910 г. он оставил службу в инспекции, получив назначение по учреждениям императрицы Марии.[...]

Что же касается охранного отделения и его начальника фон Котена, то дело было замято Курловым, а Котен был переведен в Петербург, получив таким образом повышение. Он был назначен туда начальником охранного отделения. Когда я был назначен товарищем министра и в мое ведение перешел Департамент полиции, ко мне по службе явился представиться фон Котен. Я его принял и заявил ему, что мы вместе служить не можем. Когда же он сделал удивленные глаза, то я прибавил: «Почему мы не можем служить вместе, вы должны понять лучше меня, вспомните побег из женской тюрьмы». Он опустил глаза, ничего не ответил и на другой день подал в отставку.

8 июля чрез Москву проследовал Лейб-гвардии Преображенский полк, возвращаясь из Полтавы в Петербург. Полк имел дневку, я воспользовался этим, пригласив офицеров родного мне полка к обеду. Они приехали ко мне после панихиды, которую они отслужили у гробницы великого князя Сергея Александровича. Я был очень счастлив, что мог принять у себя моих полковых товарищей.

С начала года я себя чувствовал неважно, сердце мое начинало пошаливать, и доктора настаивали на моем отъезде за границу в Наухгейм для лечения. Испросив для сего двухмесячный отпуск, я 24 июля выехал в Берлин, откуда по освидетельствовании меня профессором Френкелем направился в Наухгейм.

Курорт этот входил тогда в состав Великого герцогства Гессен-

ского, владетельным герцогом коего был брат великой княгини Елизаветы Федоровны. Первое впечатление от Наухгейма было довольно отрицательное: местность ровная, однообразная, парк сравнительно небольшой, растительность довольно жалкая, масса гостиниц, меблированных комнат, отдельных вилл, окруженных садами. Я очень быстро нашел себе хорошую комнату на одной из вилл, чистую, просторную, за 30 марок в неделю. Доктор Янковский, к которому я обратился, мне очень понравился, почти все русские лечились всегда у него, он был уроженцем Варшавы, где он пользовался известностью как врач по сердечным болезням. На время сезона он всегда приезжал на практику в Наухгейм. Он прописал мне очень серьезное лечение, к которому я и приступил на другой же день моего приезда, начал брать ванны. Для лечения в Наухгейме все было отлично приспособлено, ванное здание было роскошно отделано со всеми последними усовершенствованиями.

Приехал я в Наухгейм усталый и измученный, чувствовал себя плохо, и потому все меня раздражало, все мне не нравилось, раздражала меня вылизанность в парке, излишняя немецкая аккуратность, проявляемая во всем, всевозможные немецкие предупредительные надписи, как, например, надписи на почтовых ящиках: «Не забывайте написать адрес, наклеить марки», как будто все люди это какие-то идиоты, или, например, в лесу, в какой-нибудь прогалине, откуда открывался самый обыкновенный вид на поле, надпись: «Schöne Aussicht» (красивый вид).

В Наухгейме я встретился с милейшими москвичами профессором А. А. Корниловым и доктором Лянтцем, которые тоже приехали лечиться. Я был очень рад их видеть, и мы ежедневно вместе где-нибудь обедали и делали прогулки. Вообще же я старался избегать знакомств и потому не появлялся вовсе в курхаусе, куда к 4-5 часам дня на музыку стекался положительно весь Наухгейм. Но когда в первый праздник я отправился к обедне в русскую церковь, то сразу был окружен и знакомыми, и полузнакомыми, среди коих я встретил баронессу Старк, муж которой в то время был курдиректором в Наухгейме. Она была русская и вышла замуж за барона Старка, когда тот еще был шталмейстером при великой княгине Марии Александровне, герцогине Кобургской, и приезжал с ее высочеством в Россию. Великая княгиня еще при жизни великого князя Сергея Александровича приезжала с ними несколько раз в Ильинское, где я с ними познакомился и подружился.

Баронесса Старк сейчас же меня пригласила к себе на чашку чая, так что пришлось нарушить свой уединенный образ жизни. У баронессы Старк я застал бельгийского сенатора графа Мерод с женой и герцога Мекленбургского — брата великой княгини Марии Павловны (старшей). Граф и графиня Мерод оказались очень интересными людьми, они очень много путешествовали, были очень образованны и изысканно любезны, я с ними очень сблизился

и с удовольствием потом бывал у них. Жили они постоянно в Брюсселе, откуда и приехали в Наухгейм прямо на своих двух автомобилях.

Герцог Мекленбургский, с которым я встречался в Петербурге и которому был представлен во дворце великой княгини Марии Павловны, выразил большую радость при встрече со мной, а когда мы все вместе вышли от баронессы Старк, то пошел проводить меня до дому, был удивительно прост, говорил, что страшно скучает и надеется со мной часто видеться. Последние его слова меня очень смутили, так как это совсем не входило в мои планы, я хотел отдыхать и лечиться и вообще жить скромно, а герцог Мекленбургский любил проводить вечера в ресторанах, ужинать, слушать музыку. Мне удалось отклонить от себя эту честь, сославшись на лечение, которое мне необходимо было серьезно проделать и которое требовало, чтобы после 9 часов вечера я никуда не выходил.

Через несколько дней после этого я получил от графа и графини Мерод приглашение на обед, который они делали в честь герцога Мекленбургского. Обед был поистине царский, они жили тогда в лучшей гостинице, где занимали чудное роскошное помещение. Обеденный стол на 12 приборов утопал в цветах, сервировка была дивная, вина все были привезены из Брюсселя из погреба графа Мерода. Хозяева были милы, радушны и умели объединить гостей, так что все себя чувствовали хорошо и уютно.

Из Наухгейма я ездил во Франкфурт, где в то время была очень интересная выставка аэропланов. В то время воздухоплавание только-только начинало развиваться, и в Германии появились первые дирижабли — воздушные корабли. Два имени были на устах всех в Германии: Парсеваль и Цеппелин. Выставка была очень интересна, главное внимание всех, конечно, сосредотачивалось на дирижаблях этих двух великих имен.

Воздушный корабль Парсеваля представлял собой большой продолговатый шар, напоминавший большую сигару, с подвешенной лодочкой, на которой были установлены пропеллеры. Они и двигали лодочку, которую шар поддерживал в воздухе. У Цеппелина же пропеллеры были приделаны к шару, который также имел вид сигары, но несколько неправильной формы, а две лодочки для пассажиров были к нему привешены снизу.

Погода была очень хорошая. Шар Парсеваля на моих глазах вывели из огромного сарая-гаража; он весь блестел золотистым шелком. Раздался свисток — как на железной дороге — пошел в ход мотор; раздался второй свисток — заходили висевшие с обеих сторон лодочки пропеллеры, завертелись, и шар вместе с лодочкой стал быстро подниматься, направляясь к Висбадену. Это было так быстро, так необычно, так красиво, так легко, что можно было ахнуть от удивления. Меня охватило настроение чего-то важного, какого-то громадного события в поступательном движении человечества, кото-

рое ни понять, ни оценить не умеешь и не можешь, но что наполняло меня всего и от чего я долго не мог отрешиться. Теперь мы уже привыкли и почти равнодушно смотрим на летающие в далекой выси аэропланы, но тогда, когда это было так ново, так непривычно, то этот шар, который поднимался как птица и летел куда хотел, производил в душе волнующее чувство какого-то восторга.

Другой воздушный корабль, Цеппелина, превосходил по своим качествам Парсеваля, он был гораздо сильнее, мог поднимать больше, но зато был менее подвижен. К сожалению, мне так и не удалось его увидать. Когда я был на выставке, то он только накануне улетел оттуда в Фридрихсгафен. Это меня очень огорчило, так как вторично приехать во Франкфурт мне уже нельзя было.

Гуляя по выставке, я, между прочим, зашел в какой-то балаган, где согласно афише показывали панораму воздушных полетов. Тут со мной произошел комичный инцидент. Взяв один из дешевых билетов, я вошел в балаган и направился к своему месту. В это время какой-то субъект, не то распорядитель, не то сам хозяин, подошел ко мне и, очень любезно раскланявшись, стал просить меня занять первое место. Я отказывался, показывая ему свой билет, но он не унимался и сказал: «Das schadet nicht, Sie sind ja von der Presse» («Это ничего не значит, ведь вы корреспондент»). Когда же я его разочаровал, сказав: «Nein, ich bin ein Kauffmann» («Нет, я купец»), то он сразу переменил тон и сказал: «Schön! Dann werden Sie auch gut von hier sehen» («Отлично, тогда вы хорошо будете видеть и отсюда») — и указал мне на взятое мной место. Меня это очень позабавило, и я сел на свое место.

В Наухгейме я пробыл до 15 августа, так как получил известие о предполагаемом 26 августа высочайшем проезде через Москву и Московскую губернию по пути в Крым. Я решил поэтому прервать свой отпуск и вернуться в Москву. Перед отъездом из-за границы я заехал еще к принцессе Виктории Баттенбергской, старшей сестре великой княгини Елизаветы Федоровны. Она жила в то время в своем небольшом имении недалеко от Дармштадта и приглашала меня заехать к ней, когда я буду в Наухгейме. Мне хотелось воспользоваться ее приглашением, так как я ее глубоко почитал, это была выдающаяся по уму и уравновешенности женщина.

Прелестное небольшое имение принцессы Баттенбергской, вернее, дача с небольшим количеством земли, расположено было среди соснового леса в нескольких верстах от маленького полустанка по дороге в Дармштадт. Скромный по размерам и убранству дом напоминал усадьбу мелкого помещика. Принцесса жила со своими детьми совершенно просто, никакого двора при ней не было, она сама занималась хозяйством, входя во все детали, была радушной, гостеприимной и симпатичной хозяйкой. Как умная женщина и любящая мать, она отлично воспитывала своих детей, обожала своего достойного мужа, это была образцовая семья. Под гостеприимным

кровом принцессы я пробыл три дня, которые были для меня после лечения настоящим отдыхом среди чудного соснового леса, в уютной, радушной, семейной и скромной обстановке. Принца не было, он был на морских маневрах в Англии, где он числился адмиралом флота. Эти три дня прошли для меня очень быстро и незаметно, и я с большим сожалением покинул гостеприимный дом принцессы, чтоб вернуться в Москву.

По дороге я остановился в Берлине, чтоб посмотреть прилет Цеппелина на его воздушном корабле из Фридрихсгафена, назначенный как раз на другой день моего приезда в Берлин. Когда я ехал в вагоне, то слышал только одни разговоры. Один немец, очень солидный, почти со слезами на глазах говорил, что день, когда он увидел летающего Цеппелина, был лучшим днем его жизни, что он видел это чудо и может умереть спокойно. Другой с гордостью рассказывал, как Цеппелин устоял во время урагана.

В Берлине мне удалось с большим трудом найти себе комнату, все было переполнено, со всех углов Германии съехалась масса народа, чтоб принять участие в национальном празднике, каковым немцы считали прилет Цеппелина из Фридрихсгафена в Берлин. Когда я вышел на улицу в назначенный для прилета день, то вся Фридрихштрассе была настолько запружена народом, что с трудом можно было двигаться. По всем улицам по направлению к Темпельгофскому полю, где Цеппелин должен был спуститься, текли десятки, сотни тысяч народа, все стремились к полю. Но порядок был изумительный — на перекрестках улиц толпа, как один человек, по мановению руки полицейского останавливалась, чтоб пропустить экипажи и автобусы, а затем, по такому же мановению, стройно двигалась дальше. На Темпельгофском поле устроены были трибуны. Я занял свое место. Но увы, не суждено мне было увидеть Цеппелина. Между тем трибуны все были переполнены народом, который занимал и огороженное пространство на поле. Невдалеке была устроена императорская ложа, в которой Kaiser * со всеми герцогами и принцами и блестящей свитой ожидал появления Цеппелина, чтоб приветствовать великого старца — победителя воздуха.

Но вот наступило время, когда Цеппелин должен был бы уже появиться, немецкая публика, привыкшая к аккуратности, стала выказывать беспокойство, нервничать. В конце концов получено было известие, что Цеппелин, вследствие сильного встречного ветра, должен был остановиться в Нюренберге и может прилететь в Берлин только на следующий день. Как мне рассказывали потом, император Вильгельм, узнав о задержке Цеппелина близ Нюренберга, командировал в Биттерфельд к Цеппелину кронпринца, чтоб переговорить с ним и решить, когда он может прибыть в Берлин. Вечером был получен ответ от кронпринца, что Цеппелин ждет

* Кайзер *(нем.)*

приказания императора. Император решил, что в 12 с половиной часов дня он будет его ждать на Темпельгоферфельде. Цеппелин ответил, что в 12 с половиной часов, согласно приказания Кайзера, он будет в Берлине. И ровно в 12 с половиной часов Цеппелин был в Берлине.

Мне так и не удалось увидеть это торжество. Я должен был спешить в Москву, билет уже был взят, и я выехал накануне прилета Цеппелина, оставив свой билет на трибуны А. А. Корнилову, который должен был приехать в Берлин на другой день утром. По его рассказам, впечатление от полета Цеппелина было удивительное, картина, которую он наблюдал на Темпельгоферфельде, была не поддающаяся описанию, восторг миллионной толпы превзошел всякие ожидания.

В Москве по моем приезде я сразу окунулся в служебные дела, так как до высочайшего проезда оставалось всего четыре дня, в течение коих предстояло еще много поработать по принятию мер охраны в районе Московской губернии во время высочайшего проезда, который и состоялся 26 августа.

Покончив со всеми необходимыми распоряжениями, я выехал в Клин для встречи императорского поезда и сопровождения его в пределах губернии. Великая княгиня Елизавета Федоровна выехала также в Клин и сопровождала их величества до станции Чернь Московско-Курской ж. д.

Между Клином и Москвой я удостоился представиться Государю и подать всеподданнейший рапорт о состоянии Московской губернии. Во всеподданнейшем рапорте всегда докладывалось о том, что в губернии все обстоит благополучно (если же случалось какое-нибудь происшествие, то, конечно, докладывалось о нем); к рапорту следовали два приложения: краткий статистический обзор губернии и 10-верстная карта, подклеенная на шелку и сложенная по размеру писчего листа бумаги. Все это вкладывалось в конверт из плотной бумаги листового формата, который и подавался Государю незаклеенным.

В Москву императорский поезд прибыл в час дня и остановился у императорского павильона соединительной ветки. На платформе выстроен был почетный караул, находились начальствующие лица, митрополит Владимир, городская дума, представители всех сословий и 17 волостных старшин во главе с земскими начальниками Московского уезда и непременным членом. Приняв рапорты и обойдя караул, Государь подошел под благословение к митрополиту и затем, обойдя присутствовавших военных, направился к депутациям.

Первыми были дворяне, поднесшие хлеб-соль на деревянном резном блюде с надписью: «Самодержцу Всероссийскому — московское дворянство». [...] Государь очень долго говорил с Рихтером, расспрашивая о положении в деревне. Обойдя депутации от купе-

ческого, биржевого, мещанского и ремесленного обществ, Государь подошел к депутации от крестьян в лице 17 волостных старшин с земскими начальниками и непременным членом Н. Н. Полянским во главе. Волостной старшина Троицкой волости Михеев поднес хлеб-соль. [...] Поговорив с крестьянами, Государь предложил нам подойти к вагону, в окне которого стоял наследник-цесаревич, окруженный августейшими своими сестрами, и Государыня императрица. Вскоре после этого поезд отошел, унося с собой царскую семью в Ливадию.

По случаю столь радостного для волостных старшин дня я пригласил их, земских начальников и непременных членов к себе на обед, который я устроил в садике губернаторского дома.

После проезда Государя императора я выехал из Москвы, чтоб использовать свой отпуск и отдохнуть. Я направился в Курскую губернию к моим друзьям Евреиновым, где уютно и хорошо провел недели две, окруженный радушным гостеприимством заботливой хозяйки, после чего остальную часть отпуска провел в Крыму в имении Княжевич «Кучук-Узень» близ Алушты. Отдохнувший, бодрый, я вернулся в Москву в конце сентября.

В мое отсутствие 31 августа скончался верейский уездный предводитель дворянства А. К. Шлиппе. Мне об этом написали в деревню, и я очень сожалел, что не мог присутствовать на похоронах и отдать последний долг этому достойнейшему предводителю и благороднейшему человеку.

23 сентября, тоже в мое отсутствие, состоялась чрезвычайная сессия Московского губернского земского собрания для выбора представителя от земства в Государственный Совет. Выбран был граф Ф. А. Уваров 37 голосами против 25.

Выборам этим предшествовала большая агитация и довольно продолжительное частное совещание, так как определенного кандидата с обеспеченным числом голосов не было. Собственно, большинство собрания, состоявшего из правых и октябристов, склонялось на выборы Рихтера или графа Уварова, но отдельные голоса все же дробились. Было известно, что все кадеты положат налево. Своего кандидата у левых не было, так как их ставленник князь В. М. Голицын отказался, и для них было все равно, кого бы ни выбрали, им нужно было только, чтоб кандидат прошел не подавляющим большинством голосов. Рихтер отказался, остался граф Уваров, которого и выбрали.

На второй день собрания были бурные прения по поводу правительственного законопроекта о мерах помощи населению в случае неурожая. Особое совещание председателей управ и земских гласных отнеслось к правительственному законопроекту отрицательно, не разделяя точки зрения, что обеспечение продовольствием сельского населения при неурожаях и других бедствиях должно составлять прежде всего обязанность самого населения

и должно исполняться путем накопления натуральных запасов или капиталов. Совещание председателей управ, губернская земская управа, а в собрании и целый ряд гласных отстаивали ту точку зрения, что в указанных случаях обеспечение продовольственной потребности должно лежать на государстве. Граф Уваров и Кисель-Загорянский восставали против «развращения» населения казенным пайком и настаивали на самовзаимной помощи. После долгих споров большинство все же высказалось против законопроекта, присоединившись к мнению особого совещания.

27 сентября, в день моего возвращения в Москву, состоялось открытие памятника первопечатнику Ивану Федорову в Москве, в сквере близ Третьяковского проезда, у Китайской стены. Все рабочие печатного дела, находившиеся в Москве, явились отдать долг памяти первопечатнику. Налево от памятника стояла масса депутаций, в сквере — вся администрация, профессора, Археологическое общество, разные другие ученые общества и т. д. Епископ Анастасий произнес прекрасное слово о значении Ивана Федорова для просвещения и церкви. «Он был не только сыном, но служителем церкви, — говорил Анастасий, — и широко насаждал очаги просвещения на родной земле».

Едва окончился молебен, как по поданному сигналу пелена спала и при единодушном «ура» открылся памятник Ивану Федорову. Памятник исполнен был по проекту скульптора С. М. Волнухина. Фигура бронзовая, весом 130 пудов, в одной руке Иван Федоров держит и рассматривает сделанный им же оттиск, а другой рукой придерживает поставленную на скамье печатную доску, возле которой лежат ручные инструменты для пользования типографской краской. Доска — развернутый лист перевода печатной русской книги — «Апостола». На одной половине листа изображен святой апостол Матфей, а на другой — текст из «Деяний» [17]. На лицевой стороне памятника надпись: «Николы Чудотворца Гостынского диакон Иван Федоров». Над надписью бронзовый герб первопечатника с датой «1563 года, 19 апреля». Памятник был очень талантливо исполнен, но, к сожалению, место для него в узком небольшом сквере, по-моему, выбрано неудачно.

По открытии памятника депутациями была возложена масса венков. В связи с открытием памятника состоялся целый ряд собраний, посвященных памяти Ивана Федорова. Главное торжество состоялось в Историческом музее, где Императорское археологическое общество достойным образом отметило светлую память московского диакона, первопечатника Ивана Федорова.

30 сентября проездом с востока прибыл принц Генрих Баварский. Это был еще молодой человек, племянник баварского короля, очень симпатичный, воспитанный и скромный. В России он был первый раз и ко всему проявлял большой интерес. За обедом, который я дал в его честь, он на всех произвел очень хорошее

впечатление. После обеда, разговорившись с ним, я понял, что ему бы очень хотелось посмотреть что-нибудь необычное, помимо достопримечательностей. Подумав, я ему предложил, не желает ли он посетить одну из московских тюрем, а именно Бутырскую, чтоб ознакомиться, как у нас содержатся каторжане. Он страшно обрадовался, и я с ним условился, что на другой день я заеду за ним, и мы отправимся вместе, причем я решил не предупреждать об этом ни тюремного инспектора, ни начальника тюрьмы. Мы и приехали с ним в тюрьму, совершенно для тюремного начальства неожиданно, в сопровождении его адъютанта и чиновника особых моих поручений.

Принц и его адъютант были в статском, почему тюремное начальство и не подозревало, кто это. Мы обошли почти всю тюрьму, обратив главное внимание на каторжное отделение вообще и на бессрочно-каторжных в частности. Я давал объяснения принцу на немецком языке, его интересовали все малейшие детали. Большое впечатление произвело на него, как каторжане стройно и бодро отвечали на мое приветствие. Я провел его в мастерские, где он дольше всего задержался в художественной мастерской, где большей частью работали политические каторжане, и среди коих в то время был профессор Минор из Варшавы, впоследствии, во времена Керенского он был городским головой. Ему принц сказал несколько слов на английском языке. Я сознавал, что посещением бессрочных каторжан я поступаю несколько рискованно, но такими смелыми приемами и посещениями я всегда считал, что возбуждаю в каторжанах доверие. Думаю, что в этом предположении я не ошибался. Принц очень остался доволен и не знал, как выразить всю свою признательность. Уезжая из тюрьмы, я открыл его инкогнито и представил ему все тюремное начальство уже как принцу.

Вскоре после этого я получил от министра юстиции письмо, в коем он выражал удовольствие, что при посещении тюрьмы принцем Баварским все обошлось благополучно, заметив все же, что такие рискованные предприятия с иностранцами не могут быть признаны желательными.

Днем 1 октября в Москве состоялось торжественное открытие памятника доктору Ф. П. Гаазу, вся жизнь и деятельность которого были посвящены облегчению участи страждущих, больных, нуждавшихся и заключенных в тюрьмах. Будучи в сороковых годах прошлого столетия директором Московского попечительного о тюрьмах комитета, доктор Гааз много способствовал улучшению в тюрьмах положения арестантов, и главным образом пересыльных, помогая также и семьям заключенных. Он основал в Москве Гаазскую больницу, названную впоследствии больницей императора Александра III. Все свои заработки от частной практики, все свое жалованье, все это он тратил на помощь ближнему и арестантам, сам отказывая себе во всем, и когда он умер — его, за отсутствием

средств, хоронила полиция. Это был замечательный человек, редкой гуманности. Москва почтила его добрую незабвенную память открытием памятника, сооруженного в сквере той самой больницы, которая им была основана и где больные при его жизни окружаемы были его теплой лаской и заботой.

Торжество началось панихидой на Введенских горах, на могиле доктора Гааза, а затем состоялось и открытие памятника, в сквере больницы. Инициатором торжества и душой его был главный врач Александровской (Гаазской) больницы С. В. Пучков, благодаря энергии и заботам коего удалось соорудить достойный памяти Гааза памятник.

Ровно в 2 часа перед закрытым пеленой памятником преосвященным Анастасием отслужен был молебен, за которым пели два хора — арестантский и детский, последний ввиду особой любви Гааза также и к детям. При трогательном пении арестантами «Вечной памяти» пелена была сдернута, и взорам присутствовавших представился на пьедестале бюст «святого доктора», как называли Гааза все те, кто пользовался его добротой и заботой.

На памятнике выделялась надпись: «Ф. П. Гааз. 1780—1853. Спешите делать добро» — девиз, который он свято исполнял всю свою жизнь. На торжестве, кроме чинов администрации и представителей города, присутствовали лица судебного мира, врачи и многочисленные депутации от благотворительных учреждений, больниц, а также и арестантов московских тюрем и Рукавишниковского исправительного приюта. По открытии памятника депутациями возложено было до пятидесяти венков, среди них выделялся крест из белых цветов от великой княгини Елизаветы Федоровны и венок от старинной дворянской семьи с надписью «От семьи Самариных». Депутация от арестантов, присутствовавших на открытии памятника, с моего разрешения возложила также венок с соответствующей надписью.

После окончания этого торжества перешли в здание больницы, где под моим председательством состоялось торжественное собрание, посвященное памяти Гааза. Открыв заседание, я сказал несколько слов, посвященных незабвенной славной памяти доктора Ф. П. Гааза — этого яркого луча любви и добра. Много речей было произнесено, много прочитано было рефератов, посвященных памяти знаменитого филантропа, и, что было особенно отрадно, ни одной тенденциозной, перемешанной политикой речи не было. Торжество, соответствовавшее по своей скромности и искренности характеру Гааза, прошло трогательно и единодушно.

2 октября состоялось чрезвычайное губернское дворянское собрание. Когда все дворяне были в сборе, то, согласно обычаю, старейшие из дворян член Государственного Совета В. К. Шлиппе и депутат Коломенского уезда старик Тиханов прибыли ко мне доложить, что дворяне собрались, и я поехал в собрание, чтоб его

открыть. Эта честь выпала на мою долю первый раз, так как это было первое дворянское собрание после ухода Гершельмана и незамещения должности генерал-губернатора.

На этом собрании был подвергнут резкой критике правительственный законопроект о предположенной реформе уездного управления, в которой роль уездного предводителя дворянства была значительно умалена. Ф. Д. Самарин находил, что лишение предводителей некоторых функций может подорвать их престиж и доверие к ним со стороны населения, которое в этом акте усмотрит умаление их значения и лишение предводителей доверия верховной власти. Большинство присоединилось к мнению Самарина, и собрание вынесло постановление: представить на благоусмотрение высшего правительства высказанные соображения.

4 октября я ездил в Клинский уезд в Подсолнечное по приглашению княгини М. А. Львовой на открытие рукодельной мастерской, устроенной ею для обучения рукоделию местных крестьянок. Торжество было совсем скромное, носило чисто семейный характер, приглашенных было всего несколько человек, но зато много было крестьян изо всех окрестных сел и деревень.

На другой день был день тезоименитства наследника цесаревича — к этому дню я приурочил открытие и освящение нового, только что отстроенного народного дома. Открытие это весьма волновало — это был первый дом, выстроенный Попечительством о народной трезвости; до того времени все народные дома находились в нанятых помещениях. Открытие было назначено мной в 5 часов дня, так как все утро у меня было распределено по часам. К 9 часам утра я проехал на автомобиле в Останкино, где отряд конной стражи праздновал свой храмовый праздник. Выслушав молебен, произведя смотр отряду конной стражи, поздравив их с праздником, я вернулся в Москву, проехав прямо в Успенский собор на торжественное молебствие, а в 12 с половиной часов был уже в Манеже на параде московской городской полиции по случаю ее храмового праздника, откуда к 2 часам прибыл в село Всехсвятское на открытие и освящение вновь устроенной гимназии для совместного обучения детей обоего пола. В гимназии под моим председательством состоялся акт, перед началом которого я вручил директору гимназии большой портрет наследника цесаревича в память того, что открытие гимназии состоялось как раз в день его тезоименитства.

В селе Всехсвятском давно ощущалась большая потребность в такой гимназии, так как местному населению приходилось посылать детей учиться в город, что сопряжено было с большими неудобствами и тратами. Я всегда старался оказывать всякое содействие к устройству в губернии гимназий такого типа. Сначала Министерство народного просвещения не особенно сочувствовало устройству гимназий для совместного обучения мальчиков и девочек, но затем,

ввиду представленных мною веских данных, разрешение было дано. В том же году такая же гимназия открыта была и близ станции Малаховка по Московско-Казанской ж. д., где население поселка, значительно разросшегося за последние 20 лет, по отношению к образованию своих детей было поставлено почти в безвыходное положение и вынуждено было или посылать их ежедневно в Москву за 30—40 верст, что сопряжено было с значительными издержками и переутомлением детей, или же, за неимением средств, оставлять детей совсем без образования. Такое ненормальное положение заставило родителей и сочувствующих делу образования местных интеллигентных лиц сплотиться в Общество для распространения в данной местности среднего образования. Я, конечно, весьма сочувственно отнесся к этому начинанию и утвердил устав Общества, разрешив и собрания для выборов и установления программы деятельности Общества, а затем обратился и в Министерство народного просвещения с ходатайством о разрешении открыть гимназию, что и увенчалось успехом. Вскоре после этого были оборудованы 2 приготовительных и 1-й и 2-й основные классы гимназии. Просвещенным деятелем и инициатором всего этого дела был всеми уважаемый местный земский врач М. Леоненко, который все свое свободное время посвящал гимназии.

В 5 часов дня 5 же октября состоялось открытие законченного постройкой и оборудованием нового народного дома в Грузинах. Поставленное в безвыходное положение спорностью того владения, где помещался первый, самый крупный из народных домов — Грузинский народный дом, и невозможностью ни приобрести это владение, ни принудить кого-либо из спорящих за обладание этим владением привести арендуемые помещения в безопасный для жилья вид, Попечительство о народной трезвости решило: приобрести в собственность где-либо по соседству землю и перенести на нее это наиболее доходное и крупное свое учреждение. Заботы эти принял на себя по желанию Комитета мой ближайший неоценимый сотрудник, товарищ председателя, уважаемый Н. К. фон Вендрих.

В течение 1907 г. было подыскано и сторговано крупное владение М. И. Громова в Грузинах, 3570 квадратных саженей по 65 руб. за сажень, в сентябре того же года приобретено за 232 000 руб. Задача, предстоявшая Попечительству, — приобрести землю и выстроить заново все сооружения, необходимые не только для народного дома, но и для народных гуляний, задача эта была весьма затруднена тем обстоятельством, что для покрытия предстоявшего полумиллионного расхода у Попечительства не было иных ресурсов, кроме каких-либо сокращений в своем обычном годовом бюджете и залога нового владения в Кредитном обществе. Но это не испугало Попечительство.

В сентябре 1907 г. Н. К. фон Вендрих спешно приступил к постройке тех сооружений, которые необходимы были для обслужива-

ния народных гуляний, так как эти сооружения надо было закончить к открытию сезона, иначе Попечительство понесло бы крупный недобор в своей обычной выручке от этой доходной статьи. Фундаменты строений были возведены до начала морозов, а самые строения возводились в продолжении всей зимы и начала весны.

27 июня 1908 г. народные гуляния были открыты, и в течение оставшейся части сезона удалось устроить 47 гуляний, собравших 229 132 посетителя, и поставить на открытой сцене 31 оперу с 205 133 посетителями и 9 драматических спектаклей с 11 955 посетителями.

Торжественное освящение и открытие гуляний состоялось в присутствии московского генерал-губернатора, должностных лиц г. Москвы, представителей от города, членов Комитета, заведующих отделами и учреждениями и многочисленных служащих Попечительства.

Место народных гуляний представляло собою большую усыпанную песком площадь, обсаженную молодыми деревьями, в глубине которой высилось крупное здание открытой летней сцены с железным навесом. Перед ней 1300 платных сидячих мест для посетителей. Направо и налево от главного хода расположены были две крытые чайные террасы; в глубине владения: налево — роскошно оборудованная летняя кухня и за нею две крытые террасы для обедающих и музыкальная беседка, а направо — ряд павильонов для торговцев лакомствами и затем большая крытая танцевальная эстрада и вблизи нее карусели и качели.

Вечером, во время гуляний, вся эта огромная площадь сплошь бывала залита электрическим светом. До 500 столиков для посетителей обслуживались штатом служащих более 200 человек.

А через год с небольшим было окончено постройкой и зимнее помещение для народной столовой, читальни-библиотеки и канцелярии Попечительства. Учреждения эти поместились в крупном двухэтажном каменном здании, выходившем своим фасадом в Васильевский переулок, тогда как летний сад для народных гуляний имел главный ход с Ильинской улицы.

Много было положено труда на создание этого дома, но благодаря дружному, единодушному содействию всех моих сотрудников по Попечительству трезвости дело увенчалось успехом и Попечительство имело полное право гордиться своим новым детищем. Приурочив освящение и открытие нового народного дома на 5 октября — день тезоименитства наследника цесаревича, — мне хотелось исходатайствовать и присвоение этому дому имени наследника. Эта моя мысль была поддержана членами комитета Попечительства и одобрена министром финансов В. Н. Коковцовым. Оставалось только испросить высочайшее соизволение. Не желая сделать какой-либо некорректности, я решил предварительно запросить мнение по сему поводу министра двора, и только по

получении от него благоприятного ответа войти с официальным представлением. Я и послал барону Фредериксу в Ливадию, где в то время находился Государь, шифрованную депешу, прося меня уведомить, не будет ли с моей стороны нескромно просить о присвоении народному дому имени наследника. Я надеялся получить ответ на другой же день, но, к моему большому смущению, ни на второй, ни на третий и последующие дни ответа не было. Так наступило 5 октября — я считал дело потерянным, и это меня весьма огорчило. И вдруг, вернувшись утром из Останкина с праздника отряда конной стражи, я нашел у себя депешу министра двора, извещавшую меня, что высочайшее соизволение на испрашиваемое мною присвоение народному дому наименования «Народный дом наследника цесаревича Алексея Николаевича» последовало.

Легко себе представить, какая это была для меня радость. Барон Фредерикс не только сочувственно отнесся к моей мысли, но во избежание излишней официальной переписки непосредственно доложил Государю мою частную депешу к нему, предупредив таким образом мои дальнейшие хлопоты.

Освящение и открытие нового дома совершено было с большой торжественностью. В народном доме собрались: командующий войсками генерал Плеве, должностные лица г. Москвы, представители от городского самоуправления, дворянства, мещанского и ремесленного сословий, обществ трезвости, члены Комитета, служащие Попечительства и многие другие лица.

Молебствие и освящение дома совершены были митрополитом Московским Владимиром и епископом Анастасием. Митрополит произнес речь, в которой призывал всех, особенно русскую женщину, по мере сил и возможности принять участие в борьбе с пьянством. Надо заметить, что митрополит Владимир был первым из митрополитов в Москве, строго преследовавшим пьянство, при нем на торжественных обедах в монастырях в дни праздников прекращено было подавать не только водку, но и вино, на столах стояли только квас и фруктовые воды. Такое новшество было особенно заметно в Троице-Сергиевой лавре, где до митрополита Владимира в дни празднования Преподобного Сергия 5 июля и 25 сентября на торжественных обедах весь стол был всегда сплошь уставлен разными винами, а закусочный стол — разными водками.

По окончании молебствия я неожиданно для всех прочел депешу, полученную мною из Ливадии от министра двора о последовавшем высочайшем соизволении на присвоение народному дому имени наследника. Так как я никому не говорил о моей переписке с бароном Фредериксом и все полагали, что я буду хлопотать об этом только по возвращении Государя из Ливадии, то это известие вызвало общий восторг — звуки народного гимна слились с кликами «ура» всех присутствовавших. Затем мною был прочитан текст телеграммы на имя Государя, которую я предложил вниманию

присутствовавших и которая по одобрении ее текста была послана за подписью митрополита Владимира и моей. [...]

По окончании торжества собравшиеся осматривали помещения нового народного дома. Обширная, прекрасно освещенная огромными окнами столовая вмещала около 100 обеденных столов черного полированного мрамора; вечером вся она была залита электрическим светом; в центре столовой помещался большой портрет Государя императора во весь рост, затем по бокам портреты Государынь императриц и наследника. Кроме этого портрета цесаревича над деревянной панелью был развешан ряд фотографий наследника, начиная с первого года его рождения, которые когда-либо были сняты. По мере появления новых фотографий они приобретались Попечительством и в хронологическом порядке развешивались; таким образом, вся жизнь наследника, имя которого возглавляло народный дом, была перед глазами посетителей.

Кухня отделена была от столовой стеклянной стеной; щегольски отделанные приборы ее, как то плита, кипятильники, котлы для варки жидкой пищи, отапливались газом; машины для чистки картофеля, для рубки мяса и резки хлеба работали при помощи электрической энергии. Судомойня, также отделенная от столовой только стеклянной стеной, получала горячую воду из никелированного газового кипятильника. Рядом со столовой помещалась контора народного дома, а под нею обширная читальня-библиотека и канцелярия Попечительства.

После осмотра все присутствовавшие разместились за столиками и им предложен был чай, а вечером в 8 часов у меня в доме состоялся обед, на который я пригласил всех членов Комитета, заведовавших отделами и домами, а также и строителей нового народного дома.

Читальня-библиотека соединяла в себе бесплатную читальню и платную библиотеку для выдачи книг на дом. В бесплатной читальне были исключительно книги сокращенного каталога, разрешенные для чтения в народных читальнях, в библиотеке же для выдачи книг на дом имелись книги, вообще разрешенные цензурой, без какого-либо ограничения. Чтоб иметь на это право, библиотека была сделана платной. Плата эта была вполне доступная — 15 коп. в месяц при залоге в 1 рубль. Таких читален-библиотек в то время в Попечительстве насчитывалось девять в разных концах города. С первых же дней читальня-библиотека нового дома была осаждена посетителями, количество посещений в бесплатной читальне за 3 последних месяца года было 3884, количество же подписчиков достигло 500. По образованию наибольший процент дали в бесплатных читальнях окончившие сельские школы, а в библиотеках — средние учебные заведения, по занятиям — наибольший процент в читальнях составили рабочие, в библиотеках — учащиеся.

В заседании 26 ноября Комитет, считая, что пьянство в народе

развивается в молодом поколении и часто замечается и у подростков после школьного возраста, когда они остаются без всякого присмотра, постановил обратить внимание на это поколение и, по предложению члена комитета В. А. Бахрушина, устроить ряд профессиональных ремесленных училищ для детей после школьного возраста. Член Комитета М. А. Сабашникова, заведовавшая тогда просветительным отделом Попечительства, предложила организовать сначала при одной из читален совместные чтения с подростками и параллельно с этим ввести обучение их лепке, рисованию, выклеиванию картин, а уже затем постепенно перейти к обучению ремеслам. Кроме того, она предложила организовать также разного рода экскурсии как по Москве, так и за пределами ее, так как такие экскурсии могли бы иметь не только притягательную силу для подростков, но и большое значение для их развития. Комитет сочувственно отнесся к этим предложениям и постановил избрать новый дом имени наследника первым для организации в его стенах труда и развлечения уличных подростков.

Это новое святое дело началось в скромных размерах, но Попечительство надеялось, что когда почва для этого дела будет достаточно исследована и пути благотворительного воздействия на беспризорных детей будут достаточно проверены, этому самому трудному из начинаний Попечительства будет предстоять большая будущность, ибо всегда легче предупредить пьянство, нежели его искоренить.

Всю осень во всех уездах происходили земские выборы на трехлетие 1909—1912 гг., в большинстве уездов царило правое течение, и левые терпели поражение. Большие разговоры ходили вокруг забаллотирования старого земского деятеля Д. Н. Шипова, который потерпел неудачу даже в Волоколамском уездном земском собрании, где он был избираем в гласные в течение чуть ли не четверти столетия. Его кандидатура в гласные по Московскому уезду, прогрессивному, также не прошла, его там забаллотировали. В пользу Шипова, который во что бы то ни стало хотел пройти в губернские гласные, велась энергичная агитация, благодаря чему он в московском земстве и получил записками абсолютное большинство голосов, но при баллотировке шарами у него не хватило 5 голосов. Все удивлялись и толковали о том, что Шипов, с именем которого неразрывно связано было московское земство, последовательно забаллотирован по двум уездам. Он мог, конечно, еще пройти от Московской думы, но он считал этот маневр некорректным, так как всегда на собраниях являлся ярым противником городских интересов. Политические друзья его предлагали выбрать его бесплатным членом управы по Волоколамскому уезду и тогда, уже в качестве такового, провести в губернские гласные.

Действительно, 31 октября он и был избран Волоколамским уездным земским собранием на должность бесплатного сверхштат-

ного члена управы, а 23 декабря, за отказом графа А. А. Бобринского, был избран и в губернские гласные.

Членом управы Д. Н. Шипов был мною утвержден, так как я никаких данных для его неутверждения не имел. Шипов в своих воспоминаниях на стр. 538 [18] пишет, что были сделаны шаги, клонившиеся к неутверждению его в должности члена управы, и что я будто бы советовался по сему поводу с П. А. Столыпиным, после какового разговора я его утвердил. Не помню, как это было, во всяком случае, совета, как поступить, я у Столыпина не спрашивал, так как всегда все брал на себя и никакого давления на себя в таких случаях не допускал, утверждение или неутверждение всегда решал сам, справляясь только с законом и не считаясь с веяниями. С Столыпиным же мог иметь только разговор, но и разговора не помню.

Что касается выбора Шипова в губернские гласные, то я действительно опротестовал это постановление собрания и внес в губернское присутствие, которое его и отменило.

Опять-таки я действовал в данном случае не вследствие давления на меня со стороны реакционных элементов и главным образом А. Д. Самарина, как пишет опять-таки Шипов в своих воспоминаниях на той же странице, а исключительно основываясь на Земском положении, в котором ясно говорилось, что губернские гласные избираются из уездных гласных, Шипов же был забаллотирован в уездные гласные и как член управы пользовался только правами уездного гласного во время уездных земских собраний.

Уверения Шипова совершенно не соответствуют действительности, да и не в характере Самарина было участвовать в каких-либо интригах, в этом никто никогда не вправе был бы его обвинить. Самарин всегда держался безукоризненно корректно, не вмешиваясь никогда в чужие дела и стоя строго на законной почве. В этом деле он мог только высказать свое мнение в заседании губернского присутствия как член этого присутствия.

Волоколамское уездное земское собрание, созванное в феврале следующего года, постановило обжаловать постановление присутствия, и как только уездная управа представила мне означенную жалобу, я с особой поспешностью направил ее в Сенат, который со своей стороны необычно быстро ее рассмотрел и указом от 11 апреля отменил постановление присутствия. Шипов тотчас был допущен к исполнению обязанностей губернского гласного.

Меня такое решение Сената нисколько не поколебало в моей точке зрения, и я считаю решение Сената случайным; всем известно, что часто по одному и тому же делу Сенат постановлял разные решения. Сенаторы были тоже люди, которым свойственно было ошибаться и иметь свои личные мнения — все зависело от состава присутствия Сената.

28 октября в Дмитровском уезде в губернские гласные забаллотирован был Ф. А. Головин, получивший две трети неизби-

рательных голосов. Но он прошел по Бронницкому уезду, где на собрании произошла ожесточенная борьба между гласными-кадетами и гласными-крестьянами. Крестьяне требовали ревизии земских школ, критикуя ведение земского хозяйства, доказывая, что оно ведется не экономически. Они настаивали, чтобы им дали два места при выборе губернских гласных, а также и чтобы оба члена управы были от крестьян. На другой день после этого собрания я получил жалобу, что в означенном собрании во время заседания и выборов шло угощение и на столе стояла бутыль с водкой. Меня такое заявление крайне смутило, и я почувствовал как-то неловким отдать распоряжение о производстве дознания по такому скандальному поводу. Оставить же такую жалобу без внимания я также не считал себя вправе. Тогда я решил командировать в Бронницы непременного члена Оловенникова, человека крайне тактичного и всеми уважаемого, дабы произвести расследование об обстоятельствах, при коих протекало земское собрание. К сожалению, жалоба подтвердилась, и я вынужден был внести ее на рассмотрение присутствия для отмены всех постановлений, вынесенных на этом собрании.

16 ноября состоялось новое Бронницкое собрание взамен отмененного. Часть гласных негодовала, другая была сконфужена. Головин требовал обжаловать постановление присутствия в Сенат. Граф Уваров предложил выйти из создавшегося положения не жалобой в Сенат, а не касаясь вовсе постановления присутствия, пересмотреть все вопросы, обсуждавшиеся в очередной сессии, и постановить прежние решения, что и было сделано. Только Пушкин — председатель управы — был забаллотирован, его обвинили, что он не защитил передо мною честь собрания; за Пушкиным и все кандидаты на эту должность были также забаллотированы.

В конце ноября мне опять пришлось внести в губернское присутствие протесты на постановления как Московского земского собрания, так и Бронницкого. В первом пришлось отменить выборы, так как оказалось, что в баллотировке принимал участие гласный, лишившийся ценза [19], а в Бронницком собрании вторично баллотировался на должность председателя Пушкин, только что забаллотированный на ту же должность. Вообще я не помню такого количества протестов, какие выпали на долю земских собраний, бывших в течение осени 1909 г.

В ноябре получены были два указа Сената — первый о признании правильным действия П. Н. Базилевского, который в дворянском собрании при рассмотрении дела Ф. Ф. Кокошкина не дал голоса князю Е. Н. Трубецкому, не имевшему законного ценза, и второй — о том, что перевыв очередного собрания знаменует собой окончание сессии. Этот указ подтвердил, таким образом, правильность избрания Н. Ф. Рихтера в свое время.

15 октября последовало высочайшее повеление о назначении

меня попечителем Московской практической академии коммерческих наук. Назначение это последовало по ходатайству Совета Академии по предварительному соглашению со мной.

Академия состояла в то время в ведении Министерства торговли и управлялась совершенно особым учреждением и уставом, высочайше утвержденным 17 декабря 1810 г. еще императором Александром I. Этот устав за все время существования Академии, со дня ее основания, подвергся самым незначительным изменениям. Александр I, утверждая устав, осчастливил первого попечителя Академии действительного тайного советника Валуева следующим рескриптом:

«Петр Степанович, утвердив представленный от вас проект учреждения Коммерческой практической академии, я поручаю вам по званию попечителя Академии, открыв оную, принесть в исполнение все содержащиеся в учреждении ее распоряжения. Видя в сем новом опыте усердия вашего к пользе общей ту же благонамеренность, которою руководствуетесь вы во всех возлагаемых на вас делах, мне приятно изъявить вам мою признательность за доставление сему полезному заведению прочного основания без всякого от казны пособия. В знак моего благоволения к благотворительности купечества, участвовавшего в сем заведении, вслед за сим получите вы чрез министра финансов награждение тем лицам, которые означены в представлении вашем. Пребываю впрочем вам благосклонный. Александр. Дано в С.-Петербурге, 17 декабря 1810 г.».

Согласно устава, Академия находилась «под главным заведованием попечителя, назначаемого непосредственно его императорским величеством». Академия числилась при Обществе любителей коммерческих знаний, цель которого была «доставать средства к безбедному и прочному содержанию Академии. Попечитель Академии был непременным президентом Общества, который, занимая первое место в собраниях, назначал оные по своему благоусмотрению, предлагал дела на разрешение присутствовавших членов и имел первый голос во всех случаях» — так гласил устав. Академия управлялась Советом, который являлся посредником между Академией и попечителем и все свои распоряжения приводил в исполнение не ранее как получив согласие попечителя.

Ввиду такого положения я вступил в новые свои обязанности попечителя не без некоторого смущения. Решился же я взять на себя такую ответственную должность только из памяти к великому князю Сергею Александровичу, который в течение 14 лет, будучи генерал-губернатором, совмещал и должность попечителя Академии и очень близко принимал к сердцу ее интересы. Первое время мне пришлось особенно много поработать, чтобы хорошенько ознакомиться со всеми порядками Академии, познакомиться с составом Совета и Общества любителей коммерческих знаний, директором, учебным и воспитательным персоналом. Я часто ездил в Академию, посещая

ее во всякое время, и во время уроков, и по вечерам, так как в Академии был в то время также и интернат.

Большим облегчением при сознании огромной ответственности было мне то, что я чувствовал полное доверие и крайнюю предупредительность к себе как со стороны всего Совета во главе с его председателем, глубоко уважаемым почтенным В. Г. Сапожниковым, так и со стороны всего учебного персонала во главе с директором Реформатским. Они все всячески старались мне помочь во взятом на себя деле, хотя и почетном, но чрезвычайно сложном и трудном, тем более, что я по характеру своему не мог никогда относиться формально к принятым на себя обязанностям и всегда принимал их очень близко к сердцу, вдаваясь во все детали.

Академия в то время, пользуясь правами среднего учебного заведения, была совершенно на исключительном положении. В нее принимались дети почетных граждан, купцов, мещан и иностранцев купеческого сословия, и только в случае свободных мест могли быть принимаемы, и то не иначе как каждый раз с особого разрешения Совета, дети лиц, принадлежавших к другим сословиям. Оканчивавшие курс Академии пользовались и особыми правами: 1) все воспитанники, оканчивавшие с отличием, удостаивались звания кандидата коммерции; 2) воспитанники купеческого и мещанского сословий по окончании полного курса удостаивались звания личных почетных граждан; 3) отличнейшие по успехам награждались, кроме того: а) малыми серебряными медалями, б) большими серебряными, в) малыми золотыми без права ношения в петлице и г) малыми золотыми медалями для ношения в петлице на Аннинской ленте (этой награды удостаивались только воспитанники из потомственных почетных граждан); 4) относительно поступления на государственную службу на должности, требовавшие познания по коммерческой специальности, а равно и в высшие учебные заведения пользовались правами окончивших курс реальных училищ; 5) по воинской повинности окончившие с успехом не ниже шести классов получали наравне с окончившими полный курс права на льготу первого разряда, не ниже третьего класса — второго разряда, остальные — третьего разряда.

Полный курс учения в Академии состоял из 8 классов (шесть гимназических и два специальных). В двух последних, кроме закона Божьего, русского языка, истории и математики, входили предметы: бухгалтерия, коммерческая арифметика, торговый и вексельный уставы, коммерческая корреспонденция на немецком, французском и английском языках, политическая экономия, механика, химия, товароведение, сведения из технологии важнейших производств и коммерческая география. Кроме того, имелись два приготовительных класса — младший и старший для неприготовленных к поступлению в 1 класс — в эти классы принимались дети от 8 до 10 лет. Учение было поставлено очень серьезно, преподаватели были луч-

шие, среди них было несколько профессоров. При Академии была богатейшая библиотека, множество наглядных пособий, товарный музей, великолепная лаборатория, физический и химический кабинеты.

Первое время моего попечительства я только присматривался и знакомился со всей постановкой дела, впечатление было хорошее, только воспитательная часть оставляла желать лучшего, учебная же и спортивная (гимнастика и танцы) были поставлены очень хорошо. Главное свое внимание я и обратил поэтому на воспитательную сторону дела, но об этом я буду говорить впоследствии, когда перейду к 1910 г.

В двадцатых числах октября я собрался объехать часть Подольского уезда с предводителем дворянства А. М. Катковым, с которым я и выехал вместе на автомобиле. Я намеревался осмотреть несколько больниц и школ, а также фабрику Зингера в г. Подольске. Но подъезжая к деревне Сосенки, где шоссе было очень узкое и покатое, шофер не успел затормозить катившуюся под уклон машину и, желая объехать воз, слишком круто повернул машину, последствием чего автомобиль попал в канаву и почти перевернулся. Это был один момент. К счастью, все обошлось благополучно. Я вылез совершенно невредимым, у Каткова же только пальто и котелок оказались порезанными осколками разбитых стекол. Шофер отделался легким ушибом.

Так как продолжить путь на автомобиле нельзя было, то мы наняли подводу и доехали до ближайшей станции Бутово, откуда по железной дороге проехали в Подольск. Пообедав у Каткова, мы успели только осмотреть фабрику Зингера, эту образцовую, устроенную по всем последним усовершенствованиям фабрику. Вернувшись в Москву на другой день, я отправился, уже верхом, в г. Звенигород на набор новобранцев, присутствовал в заседании воинского присутствия и, указав на некоторые неправильности, поговорив с призывными, уехал в село Аксиньино и затем в Тимошкино, где посетил земские школы и ткацкую фабрику. Везде я нашел полный порядок, учительницы произвели на меня очень хорошее впечатление. Заехав в имение княгини Голицыной Никольское, в окрестностях которого за последнее время был ряд грабежей, я вернулся в Москву, куда прибыл только в 2 часа ночи, сделав верхом около 80 верст. Благодаря моему удачному лечению в Наугейме, я совершил эту поездку без особенной усталости.

На другой день 28 октября, вечером, я выехал в г. Ростов Ярославской губернии, будучи приглашен на торжество 200-летия со дня блаженной кончины святителя Дмитрия Ростовского. Торжество началось торжественным богослужением в соборе, после чего состоялся крестный ход из всех ростовских церквей к молебствию на площади. Молебствие, на котором было колоссальное стечение народа, происходило под чудные переливающиеся звуки настроен-

ных колоколов. Картина на фоне Ростовского кремля, при ослепительном солнце, была удивительной красоты и величия.

После богослужения состоялось юбилейное заседание, на котором пели духовные канты святителя Дмитрия и говорили речи, посвященные его памяти. После длиннейшего и очень утомительного обеда у архиерея я вернулся в Москву.

5 декабря телеграф принес принес печальную весть о кончине в г. Каннах, во Франции, великого князя Михаила Николаевича, старейшего из дома Романовых. Великий князь родился в 1832 г., был четвертым сыном императора Николая I, имел редчайший орден Св. Георгия I степени и звание фельдмаршала. Время его наместничества на Кавказе было одними из лучших годов управления русскими властями этой окраиной. Он принимал также участие в работах комиссий по освобождению крестьян, был долгое время Председателем Государственного Совета и Комитета о раненых. Русская армия потеряла в его лице одного из лучших и почтеннейших своих представителей, выдающегося боевого генерала и редкой души человека.

26 ноября 1852 г., по достижению им совершеннолетия, покойный великий князь присягал. Император Николай I в своем манифесте по сему поводу написал: «Да будет он руководим верой и верностью, путем чести и славы, памятуя деяния великих предков наших». Честь и была его девизом на всех поприщах его служения, начиная с многострадальных дней севастопольских и кончая Карсом в Русско-турецкую войну [20]. Он пользовался огромной популярностью на Кавказе, и, будучи фельдцейхмейстером *, также среди артиллерии, где о нем иначе не говорили как «наш великий князь».

С его кончиной отошел в вечность последний современник великого преобразования из числа тех, кто подписал окончательное мнение Государственного Совета об освобождении крепостных, утвержденное царем-освободителем.

Его высокая фигура старого рыцаря производила обаятельное впечатление на всех, кто с ним имел соприкосновение. Он умел соединить величие с удивительной простотой. Он был очень добрый человек. Я лично никогда не забуду того внимания, которое он проявил ко мне в 1894 г., когда он летом гостил у великого князя Сергея Александровича в Ильинском, а я лежал там больной суставным ревматизмом. Он не пропустил ни одного дня, что не зайти ко мне, навестить меня, просиживал у моей кровати, до слез трогая меня своей заботой и лаской. Он был единственный из великих князей, сохранивших еще с некоторыми обращение на «ты», и это «ты» звучало в устах великого князя чем-то родным и дорогим. Все императоры, до Александра II включительно, обращались всегда ко

---

* Фельдцейхмейстер (от *нем.* Feldzeugmeister) — главный начальник артиллерии.

всем своим подданным, без различия возраста и положения, на «ты». Александр II переходил на «вы» только тогда, когда начинал сердиться. Из великих же князей последними, говорившими «ты», были сыновья Николая I, сыновья же Александра II обращались уже на «вы». Император Александр III не изменил этому и по вступлении своем на престол.

Последние годы покойный великий князь был очень болен общим склерозом; сначала он долгое время болел у себя в Михайловском, близ Стрельны, где я его видел в последний раз. Он был недвижим, полупарализован, но голова его по временам была совсем свежа, и он бывал всегда очень тронут, когда его навещали. Потом его перевезли в Канн, где он скончался.

18 декабря тело его прибыло на крейсере «Богатырь» в Севастополь, откуда по железной дороге перевезено было в Петербург для погребения в Петропавловском соборе. В Севостополе тело было встречено Государем и императрицей, которые после панихиды на крейсере «Богатырь» отбыли в императорском поезде в Царское Село. После этого гроб с останками великого князя был перенесен в вагон траурного поезда, который и отправился чрез Харьков, Курск, Москву в Петербург. В Москву траурный поезд прибыл 20 декабря и остановился у императорского павильона, на платформе коего собрались все начальствующие лица и депутации и выставлен был почетный караул от 6-го гренадерского Таврического полка, шефом коего состоял почивший великий князь. По совершении митрополитом Владимиром торжественной панихиды, депутациями были возложены венки, после чего присутствовавшие поклонялись праху. В траурном поезде находились августейшие сыновья покойного великого князя с семьями, сопровождавшие тело отца из Канн. Я уехал в Петербург тотчас вслед за траурным поездом, который имел большую остановку в Бологом, благодаря чему поезд, в котором я ехал, мог обогнать его и прибыть в Петербург раньше, что мне и было необходимо, так как я был назначен дежурным Свиты генералом при Государе во время перевезения тела в Петропавловский собор.

Согласно особого церемониала состоялось перевезение тела в крепость. Гроб был поставлен на лафет от 2-й батареи гвардейской Конно-артиллерийской бригады. Государь и все великие князья и иностранные особы, среди коих был и принц Генрих Прусский, брат императора Вильгельма, шли пешком за гробом. За Государем шел министр двора и дежурство — генерал-адъютант Максимович, Свиты генерал — я, и флигель-адъютант Гаврилов. Императрицы и великие княгини ехали в траурных каретах, но с меньшим числом лошадей, затем придворные дамы и фрейлины. Отпевание и погребение состоялись 23 декабря после торжественного богослужения.

В то время комендантом в крепости был генерал Комаров, очень дряхлый старик, заслуженный георгиевский кавалер. Комендантами в Петропавловскую крепость вообще назначались всегда заслуженные боевые генералы, преимущественно георгиевские кавалеры на склоне своих лет; этот пост всегда был для них последним служебным этапом.

Первый комендант, которого я помню, был генерал Гонецкий, герой Русско-турецкой войны 1877—78 гг., он был комендантом в то время, когда я, будучи молодым офицером Лейб-гвардии Преображенского полка, несколько раз в году бывал в карауле в крепости. Гауптвахта помещалась как раз против подъезда комендантского дома, и приходилось очень внимательно следить за этим подъездом, не выйдет ли комендант, чтоб успеть вовремя вызвать караул.

После Гонецкого комендантом был назначен генерал Веревкин, очень требовательный, строгий к себе и к своим подчиненным, он никому не давал поблажки и очень строго следил за правильностью исполнения чинами караула своих обязанностей. Все его страшно боялись, хотя в душе он был очень добрым человеком, безукоризненно честным и благороднейшим во всех отношениях. Я лично был хорошо знаком со всей его семьей, старик ко мне очень хорошо относился, с сыном его, моим однополчанином, впоследствии виленским губернатором, я был очень дружен. Старик Веревкин страдал глухотой на оба уха, с ним с трудом можно было говорить. В связи с его глухотой ходила легенда, будто он, когда над его головой раздавался двенадцатичасовой выстрел из пушки, от чего содрогался весь дом, говорил всегда спокойным голосом: «Войдите», принимая выстрел из пушки за стук в дверь.

Со мной лично произошел такой казус: в Исаакиевском соборе шла торжественная панихида по великом князе Николае Николаевиче старшем, служил митрополит Исидор, который, будучи преклонного возраста, говорил очень тихо. Я тоже был на панихиде среди военных начальствующих лиц и очутился рядом с генералом Веревкиным. В то время, когда при полной тишине в храме раздавался только едва слышный голос митрополита Исидора, старик Веревкин вдруг обратился ко мне и на ухо крикнул мне на всю церковь: «Вы на извозчике приехали?» — думая, конечно, что говорит шепотом. Все, конечно, обернулись, я не знал, куда деться, и скорее встал на колени, чтоб остановить Веревкина от дальнейших расспросов.

Среди старых генералов, подверженных глухоте, был также большой друг Веревкина, генерал Бельгард, и когда они встречались вместе на Невском или на другой улице и передавали друг другу секреты, то эти секреты делались достоянием всей улицы.

9 декабря в Москве во французской католической церкви состоялась торжественная заупокойная месса по скончавшемся короле

бельгийском Леопольде II. Затянутая траурной материей, с колоннами, перевитыми черным крепом и украшенными государственными гербами Бельгии, церковь имела печально-торжественный вид. Посреди храма воздвигнут был огромный балдахин, опушенный горностаем и увенчанный крестом, под балдахином гроб, покрытый золотым покровом, что производило несколько странное впечатление. По обе стороны гроба светильники. Огромный венок дополнял печальную картину: «Своему оплакиваемому королю Леопольду II — бельгийская колония». Пели оперные артисты под аккомпанементы органа и скрипки. На богослужении присутствовала вся официальная Москва и бельгийская колония.

В этот же день получены были сведения, что в Петербурге при трагических обстоятельствах погиб начальник Петроградского охранного отделения полковник Карпов. Он был убит своим же секретным сотрудником Петровым, он же Воскресенский. Петров этот вместе с Бартольдом, оба осужденные за принадлежность к Боевой организации [21], содержались в тюрьме. Петрова заагентурило охранное отделение, он согласился давать сведения, Карпов ему доверился и просил Курлова устроить как-нибудь освобождение как Петрова, так и Бартольда. Курлов, по-видимому, на это пошел и с согласия, как он это пишет в своих мемуарах [22] Столыпина дал возможность обоим им убежать из тюрьмы. Петров поступил на службу к Карпову, который ему вполне доверился. В результате на конспиративной квартире, при свидании, Петров убил Карпова и безнаказанно скрылся.

Оканчивая свои воспоминания и описание событий за 1909 г., я не могу не сказать, что это был первый год моего губернаторства, когда спокойное течение жизни в Московской губернии во всех ее проявлениях дало возможность правительственным и общественным учреждениям губернии почти всецело посвятить себя работе над проведением в жизнь начинаний, положенных в основу улучшения и преобразования народного быта, и укреплением их. Я лично мог также урегулировать свою работу и точно распределить свои занятия, что необходимо было для их успеха, не опасаясь, что какие-либо внешние причины, как это было в первые годы моего губернаторства, заставят меня выйти из колеи.

Текущая работа моя с 1899 г. была твердо поставлена в определенные рамки — вставал в 7 часов утра и в 8 часов принимался за занятия в своем кабинете. Доклады начинались в 9 часов утра и продолжались в дни приема просителей, три раза в неделю, до 11 часов, и до часу дня, когда приемов не было. Первый доклад в 9 часов утра, не исключая и праздников и воскресных дней, был правителя канцелярии, и только один раз в неделю этому докладу предшествовал доклад непременного члена присутствия по воинской повинности в восемь с половиной часов утра. Доклад прави-

теля канцелярии продолжался от получаса до часа, после чего бывали очередные доклады разных присутствий и отделов. На это уходило все время до часу дня, иногда, если я не успевал, то доклады продолжались и после завтрака.

В промежуток докладов я принимал являвшихся по делам службы предводителей дворянства, председателей управ и других лиц, имевших до меня надобность. Три раза в неделю от 11 до часу дня я принимал просителей — всех, кто бы ни пришел, без всяких записей заранее. Дежурные чиновники особых моих поручений обязаны были опросить каждого, и если дело, по которому они обращались ко мне, находилось в канцелярии или в одном из присутствий, то затребовать его, дабы я, тут же рассмотрев его, мог дать соответствующее разъяснение или сообщить ту или другую мою резолюцию.

Просителей обыкновенно бывало около пятидесяти человек, но иногда и больше. Я выходил в зал и обходил просителей, лично отбирая прошения, прочитывая их и тут же делая соответствующие распоряжения или кладя ту или другую резолюцию. Если же кто из просителей просил быть принятым отдельно в кабинете, то я таковых принимал по окончании приема. Иногда прием затягивался до 2 часов и далее. В час дня, а иногда и с запозданием, я завтракал.

Вторая половина дня была обыкновенно заполнена заседаниями по заранее составленному расписанию на целый год. Как пример приведу расписание на сентябрь 1908 г.

1. Вторник.	Воинское присутствие.
2. Среда.	Судебное губернское присутствие.
3. Четверг.	Губернское жандармское управление.
4. Пятница.	[нет]
5. Суббота.	Промысловое присутствие.
6. Воскресенье.	Общество глухонемых.
7. Понедельник.	Лесоохранительный комитет.
8. Вторник.	[нет]
9. Среда.	Административное губернское присутствие.
10. Четверг.	Врачебного управления особое присутствие.
11. Пятница.	Тюремная строительная комиссия.
12. Суббота.	Промысловое присутствие.
13. Воскресенье.	[нет]
14. Понедельник.	[нет]
15. Вторник.	Экзамены на должность земского начальника.
16. Среда.	Судебное губернское присутствие.
17. Четверг.	Губернское жандармское управление.

18. Пятница.	Губернское по земским и городским делам присутствие. Присутствие об обществах.
19. Суббота.	Промысловое присутствие.
20. Воскресенье.	[нет]
21. Понедельник.	Губернский комитет мелкого кредита.
22. Вторник.	Воинское присутствие.
23. Среда.	Административное губернское присутствие.
24. Четверг.	Врачебного управления особое присутствие.
25. Пятница.	Губернский комитет попечения о народной трезвости.
26. Суббота.	[нет]
27. Воскресенье.	[нет]
28. Понедельник.	Фабричное присутствие.
29. Вторник.	Губернская землеустроительная комиссия.
30. Среда.	Судебное губернское присутствие.

Заседания начинались в 3 часа дня, кроме врачебного и воинского — в 1 час дня, промыслового в 2 часа, землеустроительной комиссии в 4 часа и тюремной строительной в 9 часов вечера. За редкими исключениями, я всегда сам председательствовал на заседаниях губернского присутствия, врачебного, промыслового, по земским и городским делам и землеустроительной комиссии, на остальных заседаниях, как воинского присутствия, Алексеевского комитета, мелкого кредита и др. председательствование я поручал вице-губернатору. Заседания продолжались обыкновенно до шести часов, иногда же затягивались до семи, в семь с половиной часов я обедал, после чего мог располагать своим временем, но на просмотр поступивших прошений, исполненных бумаг и подписи их по вечерам требовалось не менее 2-3 часов.

Заседания губернского присутствия делились на административное и судебное, они происходили всегда по средам и чередовались. Непременные члены — докладчики были весьма опытные, дельные работники, по административному присутствию — Н. Н. Полянский и А. М. Устинов, по назначении коего, по кончине А. С. Федорова в марте 1910 г., вице-губернатором, замененный земским начальником С. Мясновым, а по судебному присутствию — почтенный В. С. Ходнев. П. Н. Полянский был выдающимся, аккуратнейшим до мелочей работником, но немного кропотливым — зато он никогда не уходил из канцелярии присутствия, не докончив работы, никогда не откладывал ее до следующего дня. Это был скромный добросовестный труженик, у него, правда, не было широкого взгляда, но дело он знал отлично, и я всегда был в нем вполне уверен, что он не подведет.

А. М. Устинов представлял собой тип честнейшего, благороднейшего, весьма образованного чиновника. Образование он получил в С.-Петербурге в Императорском училище правоведения, это был кабинетный работник, но широких взглядов, был способнее Полянского и работал гораздо быстрее. Всякое дело он схватывал быстро и очень талантливо излагал его на бумаге. Это был один из самых неоценимых, близких мне, дорогих и преданных сотрудников, почему по кончине вице-губернатора А. С. Федорова мой выбор и остановился на нем, и я его провел в вице-губернаторы.

С назначением его вице-губернатором я почувствовал огромное облегчение, получив верного, неутомимого и добросовестного помощника. С этого момента я был совершенно спокоен и за губернское правление, которое благодаря своему новому составу в лице советников — добросовестнейшего и аккуратнейшего П. Д. Шереметевского и весьма талантливого Н. Д. Истомина, во главе с новым вице-губернатором сразу преобразилось и в короткое время из рутинной канцелярщины обратилось в живой подвижный организм. Кроме того, я мог всегда, без опасения какого-либо ущерба делу, поручать ему председательствование во всех заседаниях присутствия, что давало мне возможность не ограничивать моих разъездов по губернии, когда того требовали обстоятельства и польза дела.

Земский начальник С. П. Мяснов, заменивший Устинова в должности непременного члена, оказался вполне подходящим к новым своим обязанностям, благодаря прекрасному знанию дела и добросовестному к нему отношению. В. С. Ходнев был самый старый из всех чинов управления губернатора, он как нельзя более подходил к должности непременного члена именно судебного присутствия, благодаря отличному знанию законов, аккуратности, строгости к себе и необходимому в судебных делах формализму. Я его вспоминаю всегда с большим уважением.

В землеустроительной комиссии непременным членом был Ф. В. Шлиппе — агроном, знаток сельского хозяйства и отлично знавший землеустроительное дело не только в теории, но и на практике. Будучи по природе человеком живого ума, широкого взгляда, не рутинер, он был незаменимым мне помощником в деле землеустройства в губернии. Он умел подбирать себе и сотрудников, объединять их деятельность, благодаря своему уживчивому, всегда ровному характеру у него сложились отличные отношения с губернскими землемерами, сначала Рудиным, а затем и Мунтяном, о которых я уже говорил, и со всеми землемерами, работавшими по землеустройству. Вследствие всего этого все деятели по землеустройству под руководством воодушевлявшего их энергичного Ф. В. Шлиппе работали как одна семья, и успех дела был несомненен.

По земским и городским делам непременным членом был М. Н. Оловенников, которому я весьма обязан за его тактичную, полную знаний работу в связи с разными возникавшими, подчас щекотливы-

ми, вопросами при проверке законности тех или иных постановлений земских и городских собраний, а особенно — при выборах в Государственную Думу. Стоя всегда на строго законной почве, он никогда не задевал самолюбия представителей общественных учреждений, чем значительно способствовал установлению самых дружеских, если можно так выразиться, отношений между земствами и городскими управлениями и мной. Я никогда не забуду его как одного из ближайших неоценимых моих сотрудников, как чудной души и преданнейшего мне человека. Помимо его прямых обязанностей, я часто к нему обращался и по другим вопросам, давая ему поручения, требовавшие особого такта, и я ни разу в нем не ошибся. Прибегал я к нему иногда и в тех случаях, когда мне надо было составить какую-нибудь серьезную убедительную бумагу или обращение к народу — никто не схватывал так ясно и живо мою мысль, никто так ясно не мог изложить ее на бумаге, как М. Н. Оловенников. На его же обязанности я возложил и делопроизводство по мелкому кредиту, по делам об обществах и по Алексеевскому комитету.

Врачебное управление, ведавшее дело первостепенной важности — охрану народного здравия, нуждавшееся в особых заботах и неослабном попечении, находилось в положении, не отвечавшем его назначению, и совершенно не могло удовлетворять всем предъявляемым ему требованиям, что составляло предмет моих больших забот и беспокойств. Действительно, быстрый рост населения губернии, исключительное развитие в ней промышленности, многочисленность общественных и частных лечебных заведений, а также и другие условия местной жизни в губернии, казалось, должны были бы занимать всецело внимание и силы врачебного управления, а между тем ему приходилось уделять значительную долю энергии и труда на осуществление медицинского надзора и в столице.

Кроме того, совершенная необеспеченность чинов врачебного управления, нищенские оклады, получаемые ими, служили причиной большого соблазна при рассмотрении дел о разрешении аптек в столице, когда каждый подававший прошение об открытии аптеки готов был дать любое вознаграждение, попросту говоря, взятку, чтобы его дело удовлетворили.

Во главе врачебного управления я застал еще В. М. Острогглазова — с ним мне было очень трудно, так как это был очень упрямый старик, находивший, что все у него идет очень хорошо, рутинер, бумажный чиновник, умевший хорошо отписываться. После него было еще двое, но и они меня не удовлетворяли. Последним был П. И. Кольский, очень честный хороший человек. Инспектором при нем был П. Н. Эсаулов, который очень старательно относился к своим обязанностям, но оба они были люди не талантливые, серенькие, и оживить деятельность управления не могли. Светлой личностью во врачебном управлении был милейший, достойнейший

Н. Я. Суслов, занимавший должность непременного члена. Это был очень скромный, незаметный, но поистине труженик, все свое время отдававший службе врачебного управления.

Во врачебном управлении я обратил особенное внимание на дела о разрешении аптек и об освидетельствовании умалишенных на предмет наложения на них опеки. Дела об аптеках меня тревожили, так как, как я говорил выше, при разрешении их требовалось особенное беспристрастие и осторожность. Я успокоился только тогда, когда Устинов взял эти все дела на себя.

Освидетельствование умалишенных происходило по четвергам в особом присутствии врачебного управления, состав коего был предусмотрен в законе. Помимо врачей в него входили судебные власти в лице председателя суда и прокурора, предводителя дворянства в случае освидетельствования дворян, представителя сиротского суда и др. Освидетельствование происходило в зале заседания губернского правления, куда привозили больных, и только в случае невозможности по состоянию здоровья привезти больного все присутствие отправлялось на квартиру больного или в ту больницу, в которой он находился.

В первый же год моего губернаторства меня поразила та рутина, граничащая с небрежностью, которой придерживалось врачебное управление в этом деле. Заседания особого присутствия происходили не регулярно, а по мере накапливания дел, а если предстояли поездки на квартиру больного или в больницу, то выжидали удобного времени, чтоб не ездить из-за одного больного в больницу, а ждать, когда их будет несколько, и т. д. Кроме того, формально относились и к запросам историй болезни, не торопили присылки их, почему освидетельствование откладывалось и т. д.

Для упорядочения этого дела и чтоб не было залежей, заседания особого присутствия были назначены мной раз навсегда по четвергам, причем врачебному управлению вменено было в обязанность, чтобы все без исключения дела, поступившие до заседания в течение последней недели, были поставлены на повестку, не исключая и поездок. Последнее представляло иногда большие неудобства, так как в один и тот же день приходилось иногда бывать в противоположных концах города, например на Канатчиковой даче и в Петровском парке или в Преображенской больнице, но я все же твердо держался этого порядка, и так как я всегда, когда не был в отсутствии, сам ездил с присутствием, не стесняясь временем (при дальних поездках освидетельствования затягивались иногда до 8 часов вечера), то на меня не могли претендовать, тем более что поездки эти, заведенные мной, производились первые годы в двух ландо, которые я специально нанимал для этой цели, а когда появились автомобили, то на двух автомобилях, таким образом, члены присутствия материально не терпели никаких убытков.

Один раз поездка присутствия на Канатчикову дачу и оттуда

в Преображенскую больницу была совершена не без оригинальности. Это было, кажется, в 1908 г., когда заведены были автобусы для перевозки арестантов. Таких автобусов для московских мест заключения было два, один вмещал 20 человек арестантов, другой — 10. Каждый из них представлял собой деревянный ящик, обитый снаружи железом, с решетчатым окном на потолке, входная дверь была со стороны шофера. Внутри были устроены сиденья, как в трамвае, с полками для вещей. Когда эти автобусы были готовы, то чтобы испытать их, я предложил Особому присутствию вместе со мной совершить в них предстоящую поездку по больницам. Это было зимой, и несмотря на глубокий снег за городом, автобусы выдержали испытание отлично. Не могу сказать, чтоб это доставило удовольствие всем членам присутствия, некоторые были немного шокированы, но так как я сам был среди них, то они старались faire bonne mine au mauvais jeu *. Я никак не предполагал тогда, что чрез 12 лет после этого я опять в этом же автобусе буду вторично ехать, но уже не как губернатор, а как заключенный, перевозимый из ВЧК в Бутырскую тюрьму, арестованный по обвинению в том, что занимал пост губернатора.

Освидетельствования умалишенных производились по ходатайствам родственников, на предмет наложения опеки, но они не всегда достигали цели. Иногда действительно больной признавался здоровым и в опеке отказывалось, и наоборот. Происходило это вследствие того, что вопросы, предлагавшиеся больному, как: «Имя? Отчество? Фамилия? Есть ли родственники? Имеет ли он капитал?» и т. п., часто не достигали цели, так как бывали случаи, что больной психически, и даже в острой форме, отвечал гладко и правильно на все предлагаемые ему вопросы, почему Сенат, получив такой бланк со здравыми ответами, признавал больного здоровым и отказывал в опеке. Другой, здоровый, наоборот, так иногда терялся в необычной торжественной обстановке губернского правления, что отвечал невпопад и его признавали больным. Хотя особое присутствие и приглашало всегда совещательного члена управления по душевным и нервным болезням, но надо было много внимания с его стороны и наблюдательности, чтоб составить себе понятие о психическом состоянии больного, тем более, что истории болезней в больницах не всегда составлялись с должным вниманием.

Я всегда чувствовал большое волнение при освидетельствовании умалишенных, так как сознавал ту огромную нравственную ответственность, лежавшую на мне как председателе присутствия. За годы моего губернаторства я перебывал во всех больницах, как частных, так и городских, посещая и буйные, и спокойные отделения. Некоторые больные производили потрясающее впечатление, от которого с трудом можно было отделаться. Так, я помню одного

* Делать хорошую мину при плохой игре *(фр.)*.

больного, который целыми днями с напряжением тянул веревку, которая была привязана к окну, воображая, что он держит солнце. Он ни с кем не говорил, не отвечал на вопросы, как только начинало чуть-чуть рассветать, он вскакивал с кровати и бежал к окну, хватаясь за веревку, оставлял он ее только тогда, когда наступали сумерки. Его изможденное лицо выражало одновременно и гордость, и неимоверные страдания.

Особое присутствие, в случае признания больного сумасшедшим или безумным, не налагая опеки над ним и над его имуществом, должно было представить все дело на благоусмотрение Сената и до получения указа Сената, принимало только законные меры к призрению страждущего и к охранению его имения. По самому свойству дел о душевнобольных, разрешение их обыкновенно требовало продолжительного времени. Между тем с того момента, как особое присутствие признавало кого-либо сумасшедшим, приостанавливалась его гражданская дееспособность. Доверенности его теряли свое действие́. Кредитные учреждения отказывали даже жене больного в выдаче принадлежавших ему не только капиталов, но и процентов, а казначейство — пенсии. Такое положение, вызываемое самим законом, ставило нередко целый ряд людей в безвыходное положение. Семья, еще накануне жившая на средства мужа и отца, оказывалась обездоленной. Наконец, и сам больной мог остаться без должной помощи и призрения, ибо его капитал оказывался временно арестованным. Мне очень часто приходилось выслушивать заявления и просьбы от членов семейств душевнобольных, впадавших действительно в безвыходное бедственное положение. Это положение усугублялось тем, что Сенат не торопился рассматривать представления особого присутствия, и бывали случаи, что ответ получался чрез полгода, а иногда и позже. Торопить Сенат я по закону права не имел, тогда я решил, в случае не получения ответа из Сената в течение двух недель, писать полуофициальное письмо первоприсутствовавшему в Судебном департаменте Сената, в то время сенатору Вешнякову, прося его любезности не отказать обратить внимание на рапорт Особого присутствия губернского правления от такого-то числа и за таким-то номером, и ускорить его рассмотрение. К моему большому удовлетворению, это возымело действие, и сенатор Вешняков всегда к моим письмам относился с большим вниманием, особенно первое время. Но на следующий год я заметил, что Сенат опять стал задерживать ответы. Вскоре причина выяснилась — мой брат, будучи как-то в Петербурге по делам службы, встретился случайно с Вешняковым, который, узнав, что я его брат, высказал ему претензию по моему адресу, что я, часто бывая в Петербурге, ни разу у него не был, а между тем постоянно к нему обращаюсь с просьбами по делам, и он их всегда исполнял, а раз я его игнорирую, то он мои просьбы исполнять не будет. Меня очень удивила такая логика, как будто я обращался к нему лично для себя.

Кроме этой меры для облегчения поставленных в бедственное положение семейств душевнобольных, я, считая, что власть, в силу своей священной обязанности оказывать каждому посильную помощь в нужде, не может относиться равнодушно к столь тягостному положению ни в чем не повинных людей, и имея в виду, что глава семьи обязан был по закону выдавать содержание детям своим и жене, я брал на свою ответственность выдачу лицам, близким к душевнобольному, обыкновенно его жене, частей капиталов больного, хранившихся в кредитных учреждениях, пенсий из казначейств и других средств. Действуя таким образом, я, конечно, сознавал, что совершаю превышение власти и могу ответствовать по гражданским искам, но другого выхода не было.

Губернское по промысловому налогу присутствие, на обязанности коего лежал разбор поступавших жалоб на неправильное обложение налогами, было для меня совершенно новым специальным делом. Первое заседание этого присутствия я только хлопал глазами, соглашаясь с мнением управлявшего казенной палаты, вернее, с докладчиками, и подписывал журнал. Но такая роль меня, конечно, удовлетворить не могла, я стал изучать обширный том о государственном промысловом налоге, но и это меня не удовлетворило. Я был как в лесу, тем более, что я заметил, что и управлявший в то время казенной палатой, милейший С. И. Урсати, недалеко ушел от меня, будучи плохо знаком с делом. А потому присутствие было всецело в руках докладчиков, так как хотя в качестве членов на заседаниях и присутствовали всегда представители плательщиков, но их мнение тонуло в праве управляющего казенной палатой заявлять протест на постановление присутствия, каковой протест приостанавливал решение, и дело шло на разрешение Сената. Другими словами — откладывалось в дальний ящик, а деньги, уже внесенные плательщиками, непроизводительно для них оставались в казне и в случае удовлетворения жалобы возвращались ему без всяких процентов, иногда по истечении года и более; между тем суммы дополнительного налога доходили иногда и до нескольких десятков тысяч рублей.

Промысловое присутствие ведало дела: 1) по основному промысловому налогу, делопроизводство коего велось в моей канцелярии помощником управляющего канцелярией А. В. Авроринным, и 2) по дополнительным налогам разных наименований, делопроизводство по которым велось в казенной палате — докладчиком по этим делам был И. А. Стефановский, начальник отделения казенной палаты.

Жалобы по основному налогу не представляли затруднений для меня, я очень скоро освоился с этим делом, и разрешение их протекало вполне нормально и своевременно; залежей, благодаря аккуратности А. В. Аврорина, не было, он очень хорошо знал дело и очень обстоятельно всегда докладывал.

Что касается дел по дополнительным налогам, то это было сложнее и серьезнее. Не будучи еще знаком с делом, я обратил внимание на совершенно невозможную постановку делопроизводства означенного присутствия в казенной палате, на огромное количество накопленных дел, на постоянные жалобы плательщиков, на медленность и вообще на полный хаос в этой части делопроизводства.

Чтоб явиться во всеоружии при восстановлении порядка в этой области и предъявлении требований к казенной палате, я решил подробно изучить это довольно сложное дело и в течение нескольких месяцев занимался с моим другом Н. М. Бакуниным, бывшим податным инспектором, содержавшим податное бюро и отлично знакомым с промысловым налогом, и таким образом изучил промысловое дело, которое оказалось не столь уж хитрым. После этого я распорядился, чтоб все дела, подлежавшие рассмотрению присутствия, присылались мне за день или за два до заседания, чтоб иметь время с ними ознакомиться и на заседаниях быть в полном курсе дел. Что касается залежи бумаг, то к 1910 г. в казенной палате оставалось еще до 600 нерассмотренных жалоб. Я решил назначить ряд экстренных заседаний присутствия, продолжавшихся с утра и до позднего вечера, с перерывами только для обеда. Такая мера значительно сократила число нерассмотренных жалоб, а когда на место Урсати управляющим казенной палатой назначен был энергичный, требовательный и отлично знавший дело П. Н. Кутлер, в котором я нашел большую поддержку, то дела по рассмотрению жалоб пошли успешнее, особенно когда кроме Стефановского — этого несносного по медлительности и от которого веяло мертвящей скукой, чиновника — назначен был еще другой и более живой и энергичный чиновник казенной палаты Б. Н. Шрамченко.

Губернское правление с назначением вице-губернатором А. М. Устинова, как я уже говорил выше, и с такими выдающимися во всех отношениях советниками, как П. Д. Шереметевский и П. В. Истомин, понемногу стало приобретать характер образцового учреждения, но это им стоило большого труда и забот, особенно по некоторым отделам. Среди них, главным образом, строительное отделение находилось в хаотическом состоянии. Во главе его в первые годы моего губернаторства должность губернского инженера занимал старый, больной Грудистов; приверженец архаических порядков, он всецело находился в руках своих помощников, оставлявших желать много лучшего и в душе считавших, что строительное отделение создано для инженеров, а не инженеры для строительного отделения. При Грудистове было очень трудно что-нибудь сделать. По выходе его в отставку во главе отделения стал честнейший Вейденбаум. С ним удалось немного улучшить дело, а главное, поставить сверхштатных техников, которых при отделении было более 20-ти, в известные рамки и несколько их обуздать. После него

некоторое время был Н. Г. Фалеев, а затем был назначен А. С. Федосеев, человек очень хороший, но совершенно безвольный; это совпало как раз с назначением Устинова вице-губернатором, которому я и поручил упорядочить дело строительного отделения, влив в него и свежую струю в лице гражданского инженера А. А. Андреевского и удалив самого вредного из старых деятелей отделения Поздеева. Но поставить строительное отделение на должную высоту так мне и не удалось, а ведь на нем лежала весьма сложная и ответственная работа по строительной части в пределах всей губернии и в пригородных местностях столицы.

Служебная работа отделения носила исключительно сложный характер, осуществляясь в столичной губернии с ее сильно развитой фабрично-заводской промышленностью. Между тем для московского строительного отделения существовал обычный, как и для всех других губерний империи, штат должностных лиц, получавших притом крайне скудное содержание. Так, губернский инженер получал всего 2500 руб. в год, из коих на одну квартиру ему приходилось тратить не менее 1200—1500 руб. Естественно поэтому, что он должен был искать заработка на стороне, что отнимало у него и время, и внимание, а между тем для роли руководителя и начальника строительного отделения требовалось лицо, обладавшее обширными познаниями и безупречными личными качествами. В аналогичных условиях с губернским инженером находились и другие должностные лица штата строительного отделения. Что касается сверхштатных техников, то они состояли на службе без содержания и вынуждены были ввиду этого путем посторонних заработков снискивать себе средства для существования, а путевое довольствие при командировках (прогоны), благодаря их небольшим чинам, не окупало даже производимых ими при командировках расходов. Ввиду таких обстоятельств, требовавших коренных реформ, я и не мог упорядочить дело так, как бы мне хотелось.

Под надзором строительного отделения находилась и стена Китай-города. Стена эта относится к числу древнейших памятников города Москвы и была начата постройкой в XVI в. Связь этого памятника с выдающимися событиями истории России и представляемый им интерес в археологическо-художественном отношении, как образчика древнерусского зодчества, казалось, обязывали правительство к особо бережному и заботливому его охранению. К сожалению, этого не наблюдалось, и строительное отделение губернского правления равнодушно относилось к ее охранению от разрушения, а отпускавшийся на ее ремонт, правда ничтожный, кредит в размере 188 руб. в год, оставался часто даже не использованным. Поэтому стена Китай-города от незаконных захватов частными лицами приходила в постепенное разрушение, в некоторых местах застраивалась многоэтажными зданиями, закрывавшими вид на многие ее части. Борьба с этим печальным явлением началась только

с 1908 г., когда она возложена была на особую комиссию, образованную под моим председательством и по моей инициативе министром внутренних дел из чинов состава губернского правления.

Постепенное разрушение Китайской стены являлось, между прочим, особенно прискорбным потому, что в сороковых годах прошлого столетия были израсходованы крупные суммы на восстановление ее в первобытном виде. 16 февраля 1830 г. статс-секретарь Муравьев уведомил московского генерал-губернатора князя Голицына, что Государь император Николай I высочайше повелел: «Отныне впредь начать постепенное исправление Китайской стены, с худшей ее части, приводя ее в первобытный вид». При этом Николай I выразил, что «Древний памятник, столь известный в нашей истории, многоуважаемый, должно поддерживать всеми силами». Поэтому в то время ассигновывались ежегодно по высочайшему повелению по 25 000 руб. на исправление стены, независимо от одновременного отпуска 4160 руб. на ремонт отдельных ее частей. Эта сумма постепенно, благодаря непонятному равнодушию бывших у власти, сокращалась и дошла до 1188 руб.

Принимая все это во внимание, и то, что стена Китай-города, один из древнейших памятников русского зодчества, приходит в упадок, я предложил комиссии прежде всего выяснить размер потребного для полного ремонта ее кредита, дабы испросить таковой к отпуску в законодательном порядке, но так как заранее можно было предвидеть, что необходимые для ремонта стены на всем ее двухверстном протяжении средства будут крайне велики и потому вызовут затруднение к отпуску их из Государственного казначейства, комиссия, стремясь выйти из этого положения, остановилась на способе, который являлся, по-видимому, наилучшим и наиболее справедливым.

Китайская стена в течение прошлого столетия, благодаря отсутствию надзора, во многих частях сделалась предметом безвозмездного пользования со стороны владельцев, примыкавших к ней своими земельными участками и строениями. Пользование это выражалось в самых разнообразных формах и в некоторых случаях, например, при занятии ниш, обыкновенно с целью торговли, не представляло опасностей для стен. Это безвозмездное пользование частями стены комиссия и решила перевести постепенно на арендное право, поскольку это оказывалось возможным при соблюдении главной задачи комиссии — всеми мерами охранять стену от какого-либо нарушения ее целости как памятника древнерусского зодчества. В течение года с разными лицами были заключены договоры в общей сложности на 32000 руб. Я и предполагал эти доходы зачислить в особый фонд, из которого черпались бы и средства на ремонт стены. К сожалению, контроль высказался против такой комбинации, находя необходимым испросить на сие разрешение

в законодательном порядке, что и было сделано, но, конечно, потребовало много времени.

Тем не менее комиссии удалось много сделать для дальнейшего сохранения стены не только от разрушения, но и от посягательства на нее со стороны городской думы. В 1909 г. она возбудила ходатайство об изменении высочайше утвержденного плана урегулирования Театральной площади для обращения ее и прилегающей к бульвару Китайской стены и занятой самим бульваром в строительный квартал. Я был крайне возмущен этим и сообщил градоначальнику мое мнение, что едва ли может быть разногласие в том, что наиболее характерною частью Китайской стены, как по вольности ее, так и по художественности ее архитектурных линий, следует признать часть, выходившую именно на Театральную площадь. Не представило также сомнения и то, что простор площади значительно увеличивал силу художественного впечатления. Между тем проектировавшаяся городской управой постройка нового здания думы закрыла бы совершенно Китайскую стену на значительном протяжении и лишила бы Москву одного из красивейших ее видов, полного исторических воспоминаний. Императорское Московское археологическое общество всецело присоединилось к моим соображениям. А Государь император на моем всеподданнейшем отчете после высказанного мною по сему поводу мнения собственноручно написал: «Вполне согласен». Ходатайство Московской думы, таким образом, и было отклонено.

Среди дел, которые также были возложены позже на губернское правление, важнейших по объему и значению являлось также заведование Московским губернским архивом — хранилищем многоценных исторических материалов. Я невольно обратил внимание на крайне неудовлетворительное его состояние. За неимением специального для него помещения, все старые дела хранились в башнях стены Китай-города и Кремля и в кладовой одного из зданий губернского правления. Некоторые из этих помещений, ввиду сырости, отсутствия печей, света, вентиляции, совершенно не соответствовали своему назначению, и хранившиеся в них дела подвергались гниению и гибли массами. Несмотря на все принимавшиеся к усовершенствованию отмеченных помещений меры, удалось достигнуть весьма немногого, и губернский архив продолжал находиться в состоянии упадка, угрожавшего медленным его уничтожением. Между тем ценность архива была чрезвычайно велика, ибо он хранил в себе не менее 1 500 000 дел, по приблизительному только подсчету, относившихся не только до свыше вековой деятельности разнообразных московских учреждений, но и до истории Москвы в самом широком смысле этого слова. Поэтому я возбудил ходатайство о постройке нового особого здания для архива, каковая мысль встретила большое сочувствие у министра внутренних дел Столыпина.

Строительное отделение еще при мне разработало и план, и смету, а городское управление дало согласие на уступку участка земли для постройки архива. Кроме того, для разбора архива, находившегося в сильно запущенном состоянии, я возбудил ходатайство о назначении особой комиссии при губернском правлении с отпуском для сего необходимой суммы, так как существовавшие согласно штатов для заведования архивом смотритель, получавший 80 руб. в месяц, и его помощник — 48 руб., конечно, справиться с этим сложным делом не могли. Смотритель, поступивший на эту должность в 1903 г., при добросовестном отношении к делу в течение 5 с половиной лет успел принять только 200 000 дел, откуда следовало, что для разбора всего архива потребовалось бы еще не менее 30 лет. Комиссия была назначена и приступила к работам, но последовавшие события не дали возможности докончить уже налаживавшееся дело по приведению в порядок как Китайской стены, так и губернского архива.

Из остальных дел губернского правления серьезное внимание приходилось уделять положению опекунской части в губернии в лице сиротских судов, ведавших попечение о личности и имуществах малолетних сирот купцов, мещан, цеховых, личных дворян и разночинцев, а равно опеки над лицами и имуществами, учреждавшейся по другим, кроме малолетства, поводам: над сумасшедшими и безумными, о которых я уже говорил выше, касаясь врачебного управления и дворянских опек, ведавших таковые же дела потомственных дворян.

Роль сиротских судов в устроении местной жизни была особенно велика, и от их правильного функционирования зависели сложные имущественные интересы опекаемых. Между тем эти учреждения имели старинное устройство, выполняя свои задачи крайне неудовлетворительно. Это происходило главным образом вследствие того, что бедность и неудовлетворительность личного состава сиротских судов (городские, общественные управления отпускали весьма незначительные средства на содержание этих судов) делали эти учреждения мало полезными в жизни, и опекунская часть в губернии сильно страдала. Помочь этому делу я не мог, так как при ревизиях дел городских управлений мог только констатировать факт, изменить же порядок можно было только в законодательном порядке. Но не только уездные сиротские суды находились в таком неудовлетворительном состоянии, но и Московский сиротский суд, ведавший опекунствами в пределах столицы и имевший в 1909 г. в своем заведовании имуществ на сумму свыше 68 миллионов рублей, находился также в плачевном состоянии. Дворянские опеки, находившиеся несколько в лучшем состоянии, тоже оставляли желать большего.

Во всеподданнейшем моем отчете за 1909 г., коснувшись этого больного вопроса, я подробно и откровенно изложил неудовлет-

ворительную постановку дел в вышеуказанных учреждениях, высказав при этом и свое мнение о необходимости коренных реформ. Это обратило внимание Государя, который собственноручно отчеркнул это место, обратив внимание министров внутренних дел и юстиции.

В этом всеподданнейшем отчете, коснувшись опек за расточительность (над имуществами расточителей-крестьян), я указал на крайнее неудобство рассмотрения этих дел в губернском правлении и высказал свое мнение о необходимости передачи этих дел из ведения губернского правления на разрешение уездных съездов с предоставлением администрации права налагать запрещение на имущество таких лиц во всякой стадии производства дел. Государь, обратив на это внимание, отчеркнул это место собственноручно, обратив внимание министра внутренних дел. Такое свое мнение я позволил себе высказать по следующим причинам: в отчетном году в производстве губернского правления находилось 334 дела, возбужденных по жалобам на разорение крестьянских хозяйств. Несмотря на все стремление губернского правления разрешать со всей возможной скоростью такого рода жалобы, нередко бывали случаи, когда учреждение опеки не достигало своей цели, ибо расточитель во время производства дознания и рассмотрения о нем дела успевал промотать все свое достояние. Столь ненормальное явление объяснялось прежде всего тем, что действовавшие законы возбраняли налагать запрещение на имущество лица, обвиняемого в расточительности, за исключением дворян, до тех пор, пока губернским правлением не будет поставлено об учреждении опеки. С передачей же этих дел из ведения губернского правления в ведение уездных съездов делопроизводство значительно бы сократилось и упростилось бы, а право налагать запрещение сохранило бы крестьянские хозяйства от разорения.

Переходя затем к остальным отраслям ведения губернатора, укажу на следующие: ветеринарная часть находилась в ведении губернского ветеринарного инспектора М. Д. Никольского, человека весьма почтенного, старательного. Эпизоотий за время моего губернаторства не было, и поэтому деятельность по этой части была весьма скромная.

Губернская тюремная инспекция возглавлялась сначала тюремным инспектором Юферовым, о котором я уже говорил, а затем его заменил А. А. Захаров, отлично знавший тюремное дело и прекрасно поставивший арестантские работы в тюрьмах. Но по характеру своему и отношению своему к подчиненным он оставлял желать лучшего. После Д. В. Юферова он меня не удовлетворял. Состав начальников тюрем был удовлетворителен.

Московский столичный и губернский статистический комитет представлял из себя весьма громоздкое учреждение по своему составу, в лице 43 его членов под моим председательством. Существовал он номинально, ни разу за все 9 лет моего губернаторства не

собирался. Секретарем был В. Н. Пенкин, вполне соответствующий такому мертворожденному учреждению, каким был этот комитет.

Московский лесоохранительный комитет с назначением начальником Московско-Тверского управления земледелием и государственных имуществ почтенного и добросовестнейшего Акоронко работал очень хорошо, и я был за его спиной совершенно покоен за это дело в губернии.

Губернский распорядительный комитет имел очень мало дел и собирался несколько раз в году, так как в губернии войска квартировали только в г. Серпухове.

Фабричное присутствие, имевшее очень большое значение в Московской губернии из-за огромного количества фабрик, функционировало удовлетворительно, а с назначением старшим фабричным инспектором П. В. Бартенева, в лице которого я получил верного и энергичного помощника по фабричным делам, все дела проходили быстро и гладко.

В заключение упомяну о канцелярии моей во главе с С. В. Степановым, моим дорогим и преданным мне сотрудником. Несмотря на мизерные оклады, все чины канцелярии отлично и преданно работали не за страх, а за совесть, я всегда относился с большим уважением к их добросовестной работе.

Окончив краткий обзор и характеристику всех отделов управления губернатора, я этим кончаю мои воспоминания за 1909 г., когда нелегкая работа моя по управлению губернией была уже вполне налажена и в 1910 г. шла уже по проторенной дорожке.

Глава 6

1910 год

Всероссийский съезд по борьбе с пьянством. — Празднование 300-летия снятия осады с Троице-Сергиевой лавры. — Меры к упорядочению автомобильного движения. — Назначение Н. Г. Фалеева губернским инженером. — Очередное губернское земское собрание. — Адрес Д. Н. Шипову. — Инцидент в Государственной Думе с Марковым 2-м во время прений о местном суде. — 40-летие артистической деятельности М. Н. Ермоловой. — 20-летие со дня введения института земских начальников в Московской губернии и II съезд их в Москве. — Кончина артистки В. Ф. Комиссаржевской. — Инцидент с Пуришкевичем при обсуждении сметы Министерства внутренних дел в Государственной Думе. — Прибытие в Москву эмира Бухарского. — Кончина В. А. Бахрушина. — Несчастный случай с М. П. Степановым. — Кончина Ф. С. Мочалкина. — Законопроект о попутном сборе в Государственном Совете.— Разыгравшийся скандал в Государственной Думе при обсуждении сметы Министерства народного просвещения. — Назначение меня председателем Особого совещания по храму Христа Спасителя. — Отмена обязательных постановлений о полицейских сторожах. Мое объявление к населению. — Приезд короля Петра I Сербского. — Кончина вице-губернатора А. С. Федорова. — Прения в Государственной Думе по поводу статьи 96 Основных законов. — Приезд принцессы Ирины Прусской. — Посвящение великой княгини Елизаветы Федоровны и 18 сестер Марфо-Мариинской обители служения Богу и ближнему. — Выставка воздухоплавания. — Пробег автомобилей Москва — Тула — Орел. — Заупокойное торжественное богослужение. — Открытие колонии для лиц, отбывших наказание в тюрьме. — Открытие памятника Петру I в сквере Преображенского полка на Кирочной улице в Петербурге. — Задержание убийцы пристава Белянчикова. — Открытие первого крестьянского приюта в Бронницком уезде. — Автомобильная гонка С.-Петербург — Киев — Москва — С.-Петербург. — Столетие со дня основания Странноприимного дома графа Шереметева. — 100-летие русского аршина. — Празднование 200-летия со дня основания 3-го гренадерского Перновского полка. — 100-летие со дня рождения князя В. А. Долгорукого. — Кончина М. П. Садовского. — Приезд управляющего Межевой части сенатора Н. Д. Чаплина. — 6 августа в С.-Петербурге. — Озорство при проезде королевы эллинов по Виндавской дороге. — Приезд П. А. Столыпина в Москву. — Закладка часовни в Филях. — Кончина посла А. И. Нелидова в Париже. — Приезд П. А. Столыпина в Москву по возвращении с Дальнего Востока. — Назначение Кассо министром народного просвещения. — Гибель авиатора Мациевича; полет его со Столыпиным. — Закладка Московского почтамта. — 200-летие присоединения Эстляндии к Российской империи. — Кончина С. А. Муромцева. — Дар Москве от А. А. Бахрушина. — Литературно-театральный музей. — Уход графа Л. Н. Толстого из Ясной Поляны; его кончина. — Благушинская

библиотека. — Осенняя сессия Общего присутствия Совета по делам местного хозяйства. — Георгиевский праздник. — Предание суду А. А. Рейнбота и полковника Короткого. — Граф Д. М. Сольский, кончина его и погребение. — 100-летний юбилей Московской академии коммерческих наук. — Дело Рузского уездного съезда в судебной палате. — Открытие Солдатенковской больницы. — 50-летний юбилей Арнольдовской школы глухонемых. — Кончина Е. П. Ермоловой.

Новый год я встретил у своих друзей в Курской губернии, куда приехал как раз накануне его и очень приятно провел несколько дней в деревне, окруженный радушным гостеприимством. В Москву я вернулся 4 января. В это время в Петербурге I Всероссийский съезд по борьбе с пьянством, за занятиями которого я следил с большим интересом, еще продолжался. Съезд этот открылся еще в конце прошлого года, 28 декабря, в Петербурге, в Дворянском собрании. От председательствуемого мною Комитета Московского столичного Попечительства о народной трезвости в качестве членов съезда делегированы были члены Комитета — Г. А. Апарин, профессор Л. С. Минор, Н. А. Осетров, протоиерей Н. А. Любимов и М. А. Сабашникова, заведовавшая просветительным отделом Попечительства. Что касается меня, то я присутствовал только на открытии съезда, а затем вернулся в Москву, представители же попечительства оставались на съезде все время.

Съезд этот был организован Комиссией по вопросу об алкоголизме, состоявшей при Обществе охранения народного здравия, и преследовал задачу изыскания возможно более действенных мер борьбы с народным пьянством в зависимости от его производящих причин, вне всяческих политических партийных взглядов. Программа съезда была намечена организационным комитетом, работа съезда была разделена на три секции: 1. Алкоголь и человеческий организм, другими словами, физиологическое и патологическое действие алкоголя, алкоголизм у отдельных лиц, причины и меры борьбы с ним; 2. Алкоголизм и общество, т.е. общественные причины и последствия пьянства и 3. Меры борьбы с алкоголизмом — эта последняя секция была подразделена на подсекции: а) законодательные и общественные меры борьбы с алкоголизмом как массовым явлением; б) предупредительные государственные и общественные меры борьбы с алкоголизмом; в) система продажи вина; г) попечительства о народной трезвости и д) общества умеренности и трезвости.

В 12 $^{1}/_{2}$ часов дня в зале Дворянского собрания 28 декабря состоялось торжественное открытие съезда. Огромный зал собрания кишел пестрой толпой: сановники в расшитых мундирах, в лентах с орденами, военные и скромные простолюдины в косоворотках, видные ученые и девушки типа курсисток, члены Государственной Думы, профессора, лица свободных профессий, рабочие... Много также духовных лиц, чуть ли не самая многолюдная группа членов съезда. На съезде было представлено 120 докладов, среди них

много ценных научных обследований. Заседание было открыто председателем организационного комитета М. Н. Нижегородцевым, который горячо приветствовал съезд. В своей речи он предлагал выработать общий план систематической государственной и общественной борьбы с пьянством и настойчиво, хотя и постепенно, осуществлять его совместными усилиями законодательной и правительственной власти, органов самоуправления — земств и городов, организаций частной инициативы и отдельных деятелей. При этом он привел поражающую справку: в Европе за 30 лет XIX столетия умерло, благодаря алкоголю, 7 миллионов человек, тогда как все болезни войны, вместе взятые, поглотили то же количество жертв в течение целого столетия.

После Нижегородцева говорил председатель исполнительной комиссии Д. А. Дриль, который, доложив о работах по организации съезда, призывал членов съезда щадить его, не вносить партийности, избегать всего того, что может подорвать общую дружную работу.

По выборе президиума съезда, председателем коего был избран В. И. Ковалевский, а также и бюро секций, речей двух членов Государственной Думы епископа Митрофана и А. И. Шингарева, начались приветствия съезду. Первое приветствие было от графа Л. Н. Толстого. Д. Н. Бородин своевременно поставил в известность Льва Николаевича Толстого о возникновении мысли созвать Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством. Сообщая ему, как великому учителю и наставнику трезвой жизни, о состоявшемся решении созвать съезд и о ходе работ организационного комитета, Д. Н. Бородин просил Льва Николаевича отметить так или иначе столь крупный момент в истории противоалкогольного движения, как созыв первого съезда по борьбе с пьянством. На это обращение Д. Н. Бородин получил от Л. Н. Толстого следующее письмо: «Дмитрий Николаевич, очень рад буду содействовать, чем могу, Вашему прекрасному намерению. Чем больше я вижу зло, происходящее от пьянства (а вижу я это зло в ужасных размерах), и чем чаще мне приходится говорить об этом зле со страдающими от него, тем больше я убеждаюсь, что спасение от него, преимущественно, если не исключительно, в сознании людей губительности — не для тела, а для души — этого греха. Избавиться от него человек может не тогда, когда он будет лишен возможности пить, а тогда, когда не станет пить, хотя бы перед ним в его комнате стояло бы вино и он слышал бы его запах и ему стоило бы только протянуть руку. А это будет только тогда, когда человек будет считать благо духовное выше блага телесного. А такое предпочтение души перед телом может быть только у человека религиозного. Так что, по моему мнению, пьянство — от отсутствия религиозного сознания, и спасение от него — в пробуждении этого сознания. С совершенным уважением Лев Толстой. 4 декабря 1909 г. Ясная Поляна».

По прочтении письма Толстого начались приветствия: от имени Русского общества охранения народного здравия съезд приветствовал профессор Губерт; В. С. Кривенко и А. Э. Вори приветствовали от петербургского городского самоуправления; М. М. Ковалевский — от С.-Петербургского университета; полковник Черепанов — от имени принца Ольденбургского; В. Е. Бехтерев вместе с приветствием призывал не ограничиваться полусловами и не скрывать за ними глубоких язв российского организма; от Военного министерства И. В. Сажин приветствовал съезд прекрасной речью, закончив ее стихами трезвенников. После Сажина наступил мой черед, и я обратился к съезду со следующими словами:

«От лица Комитета Московского столичного Попечительства о народной трезвости приветствую Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством. Комитет особенно горячо приветствует этот съезд, так как еще шесть лет тому назад, в своем отчете за 1903 г., он высказал мысль о желательности объединения сил, борющихся у нас с пьянством, и, как на первый шаг к этому, указал на необходимость созвания ныне приветствуемого мною съезда.

Представляемый мною Комитет всегда сознавал необходимость безостановочно двигаться вперед, развивая свою деятельность вширь и глубь, и этот свой долг он выполнял стойко, несмотря на тяжелые условия последних годов, когда деятелям Попечительства о народной трезвости пришлось испытать немало угнетающих и парализующих энергию и инициативу впечатлений: средства для осуществления возложенных на Попечительство задач все сокращались, деятельность их не встречала объективной оценки, и требовалось много стойкости и веры в свое дело, чтобы при таких условиях работы не опустились руки.

В настоящий знаменательный день открытия съезда Московское столичное Попечительство о народной трезвости возлагает большие надежды, что съезд послужит к объединению всех лиц и учреждений, преследующих цели борьбы с пьянством, и что при выработке общей стройной программы для борьбы с этим злом посильная деятельность и нашего попечительства не будет оставлена без внимания. Для участия в трудах съезда председательствуемый мною Комитет посылает пять своих членов в полной уверенности, что сотрудничество их будет принято съездом вполне доброжелательно и что, благодаря восьмилетнему опыту деятельности Московского попечительства, они внесут немало ценных указаний при разработке разных вопросов обширной программы съезда.

В заключение, выражая съезду самые искренние пожелания полного успеха, прошу господ членов съезда не отказать, в случае их приезда в Москву, посетить и наши учреждения — каждое такое посещение для ознакомления с нашей деятельностью будет служить нам удовлетворением в нашей работе».

После меня говорил профессор В. Д. Кузьмин-Караваев от

имени Юридического общества и другие. С особенным вниманием и удовольствием съезд выслушал приветствие члена ордена «Добрых храмовников» депутата шведского парламента Варваринского, делегата из Германии от 130 тысяч абстинентов * А. Смита, а также от целого ряда феррейнов и корпораций Германии — Шмидта и делегата Пражского университета Э. Форманена, призывающих к миру и единению между народами. Затем был прочитан ряд приветственных телеграмм.

С 29 декабря начались доклады и продолжались до 6 января — дня закрытия съезда. 29 декабря состоялся доклад доктора Л. С. Минора, представителя Московского столичного Попечительства о народной трезвости, который с начала работ по устройству съезда был членом его организационного комитета, а в первом общем заседании всех секций алкогольного съезда был избран почетным председателем. Врач лечебницы председательствуемого мною Комитета Московского попечительства доктор И. И. Введенский был избран почетным секретарем, а в один из следующих дней избран был почетным председателем одного из заседаний секций. Представитель попечительства Г. И. Апарин был также избран секретарем одной из секций. Этим было оказано со стороны съезда внимание к Московскому попечительству.

Л. С. Минор сделал съезду очень обстоятельный доклад из практической деятельности по лечению алкоголизма в Московском попечительстве: «Некоторые числовые данные из лечебницы для алкоголиков. Алкоголизм и увечья» и «Проект нового здания для лечения алкоголиков при Народном доме имени наследника».

Первые дни заседания съезда прошли гладко, но понемногу страсти начали разгораться и левые группы стали уклоняться в сторону политики, появились митинговые ораторы и чуть было не провалили съезда.

А 3 января посыпались обвинения по адресу Министерства финансов, которое будто бы покровительствует тайной продаже спиртных напитков, причем в этих обвинениях некоторые члены съезда дошли до того, что казенную продажу питий называли государственным преступлением, а графа Витте государственным преступником. Председательствовавший Д. Н. Бородин ничем не реагировал на такое оскорбление правительства и не остановил оратора, последствием чего все представители Министерства финансов покинули съезд.

На следующий день, 4 января, представители духовенства последовали примеру чинов Министерства финансов и также покинули съезд. Причиной этому было исключение слов «религиозно-

---

* Абстиненты (от *лат.* abstinens, abstinentis) — лица, требующие полного воздержания от употребления спиртных напитков и полного запрещения их производства и продажи.

нравственных устоев» из постановления съезда о необходимости вести культурную борьбу с пьянством. Таким образом, в среде членов съезда произошел раскол. С особенной остротой раскол этот сказался в последний день съезда, 6 января, в торжественном заключительном собрании, вызвав резкий конфликт между президиумом и значительной частью собрания. В 2 часа дня в Дворянском собрании заседание открылось под председательством В. И. Ковалевского. Представителей Министерства финансов и духовенства не было. Присутствовал только один иеромонах отец Павел, так как президиумом ему было обещано, что в резолюции о школьном обучении выключенные из нее слова о «религиозно-нравственном воздействии» будут внесены.

Первая часть заседания прошла спокойно: М. М. Ковалевский подробно изложил историю обсуждения борьбы с пьянством в Государственном Совете, выяснив при этом и свой личный взгляд на вопрос о борьбе с этим злом. Он заявил, что рост алкоголизма среди сельских и городских рабочих тесно связан с искусственным отделением крестьянского населения от земли, с разделением труда на фабриках и заводах, которое приковывает рабочего в течение многих часов к выделыванию булавочных головок и т.п. Тяжелое психическое состояние заставляет рабочего искать забвение в алкоголе. К тому же, по мнению М. М. Ковалевского, ведет и несовершенство в техническом отношении обстановки рабочего на фабриках и заводах, где высокая температура и обилие пыли вызывают жажду и толкают рабочего все к тем же спиртным напиткам. Смена занятий, сокращение рабочего времени, применение технических усовершенствований и т.п. меры несомненно, по мнению оратора, устранили бы ряд этих причин. Наиболее действенные средства он усматривал в пропаганде идей трезвости в школе и печати и, как пример, привел Соединенные Штаты и Финляндию. «Борьба может быть успешна, — говорил он, — если общество возьмет на себя эту задачу», а в деревнях, по его мнению, пропаганда — это дело священников, «но, к сожалению, — прибавил он, — они чересчур свято чтут слова великого князя Владимира, что «Руси есть веселие пити».

После Ковалевского на кафедру вошел Д. Н. Бородин, приступив к чтению резолюций. Исключенных слов о «религиозно-нравственном воздействии» в них не оказалось, что же касалось резолюций о винной монополии, то все они оказались значительно измененными в сторону смягчения выражений, по мнению президиума, особенно резких.

Это не понравилось левым группам, и они подняли шум, раздались крики: «Протестуем», «голосовать», «подлог» и т.д. С большим трудом удалось водворить порядок, после чего председатель объявил, что действительно резолюции смягчены, но на это у президиума было право, согласно положению о съезде. Тогда все левые

демонстративно покинули зал, резолюции были оглашены без них и съезд был объявлен закрытым.

Несмотря на раскол и печальный инцидент, происшедший на последнем заседании, съезд несомненно сыграл свою роль. Ожидания, связанные с созывом Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, имели совершенно определенный характер: требовалось положить начало сознательной и организованной борьбе с пьянством как с крупным государственным злом.

Чтобы сделать предстоящую борьбу сознательной, необходимо было, во-первых: выяснить размеры зла и значение его, как для народных масс, так и для отдельных лиц, с различных точек зрения; во-вторых: наметить, возможно полнее, различные пути к постепенному ослаблению народного пьянства, чтобы дать возможность принимать участие в борьбе с ним самым различным общественным силам.

Для того, чтобы сделать предстоящую борьбу организованной, требовалось раньше всего, пробудив в русском обществе живое сознание необходимости безотлагательно приняться за борьбу с пьянством, привлечь к участию в этой борьбе крупные общественные силы; затем необходимо было ободрить немногих одиноких и рассеянных по всей Русской земле борцов за народную трезвость, дав им возможность объединиться на Всероссийском съезде, завязать личные сношения, поделиться наблюдениями, опытом и мыслями, а главное, дать им возможность почувствовать, что они больше не одиноки и что дело их отныне признается государственно важным, а не донкихотством, как это часто бывало доселе, в особенности с абсолютными трезвенниками (абстинентами).

Из представленных 135 докладов съездом заслушаны были 90, сопровождавшиеся нередко многочасовым обсуждением их; доклады эти и прения по ним дали участникам съезда огромный материал, не только освещавший вопрос с самых различных точек зрения, но во многих отношениях и с исчерпывавшей полнотой. Особенно хорошо вопрос был освещен с медицинской точки зрения: многочисленными и авторитетными работами членов съезда — врачей было доказано, что алкоголь должен быть исключен из числа пищевых веществ и отнесен к числу наркотических ядов.

Важнейшими постановлениями съезда явились: признание алкоголя наркотическим ядом и провозглашение принципа абсолютной трезвости как единственно пригодного руководящего принципа при борьбе с пьянством. Значение последнего постановления было особенно подчеркнуто представителем германских обществ трезвости, высказавшим уверенность, что путь, избранный Первым Всероссийским съездом, единственно правильный, так как опыт Германии, предпринявшей борьбу исключительно с потреблением водки, учит, что подобный путь ведет к неимоверному усилению потребления

пива и других спиртных напитков и нисколько не служит к уменьшению потребления алкоголя.

Несравненно слабее был освещен вопрос об алкоголизме с точки зрения экономической, и по вопросу о монополии не было дано ни одного вполне обстоятельного и научно обоснованного доклада.

Среди других постановлений должно отметить еще одно принципиальное, принятое, главным образом, ввиду признания наукою, что и самые малые дозы алкоголя ослабляют способность организма бороться с инфекциями, что умеренное употребление спиртных напитков настолько же мало имеет оправдания, как и умеренное употребление всякого другого наркотического яда.

При обсуждении мер борьбы с пьянством признано было, что замена крепких напитков содержащими более слабый раствор алкоголя не может служить рациональным средством борьбы с пьянством; что свободная организация союзов трезвенников, в особенности в школах, — один из наиболее надежных способов борьбы с пьянством; что таковым же признается и преподавание в школах о вреде потребления спиртных напитков, что необходимо предоставить обществам, сельским и городским, право запрещать торговлю спиртными напитками на своей территории.

При обсуждении мер борьбы с последствиями пьянства постановлено было: а) признать необходимым устройство обширной сети лечебниц и амбулаторий для лечения алкоголиков, причем содержание их должно быть возложено на ведомство, извлекающее доходы от торговли спиртными напитками, и б) в ограждение интересов семей пьяниц, над личностью и имуществом их должно устанавливать опеку.

По вопросу о передаче попечительств в ведение общественных самоуправлений постановлено было признать, что таковая передача могла бы иметь благоприятное значение только при условии, если состав этих самоуправлений будет предварительно подвергнут демократизации.

Нападки на попечительства о народной трезвости базировались, главным образом, на противоречии между взглядом, проводившимся при создании попечительств тогдашним министром финансов графом С. Ю. Витте, на значение участия именно общественных сил в деле питейной реформы и между созданным в действительности составом комитетов попечительств. Только в одном из заседаний нападки были обращены на определенное попечительство, а именно на Петербургское городское, причем ему было поставлено в вину: во-первых, торговля пивом в народном доме и, во-вторых, положение прислуживавших в народном доме девушек, не только не получивших ни одежды, ни квартиры, ни жалованья, но уплачивавших еще в кассу народного дома на бой посуды по 3 руб. в месяц. При этих нападках один из нападавших внес даже предложение обязать Петербургское городское попечительство воздерживаться,

по примеру Московского столичного, от продажи спиртных напитков.

В конце съезда вообще отношение к попечительствам настолько утеряло свою остроту, что по заслушании, например, доклада доктора Мендельсона о вытрезвлении пьяных было принято постановление о желательности передать дело вытрезвления пьяных не только в руки общественных самоуправлений и обществ трезвости, но и попечительств о народной трезвости.

Не всегда достаточные находчивость и опытность руководителей съезда и плохо скрытый антагонизм их между собою были не меньшим тормозом продуктивности работ съезда, чем частые столкновения отдельных групп членов между собою и стремление некоторых из этих групп использовать съезд для своих партийных и классовых целей; безусловно все три крупных столкновения, имевшие каждое своим последствием выход из состава съезда отдельных групп, было вполне возможно или предотвратить, или сгладить.

Но ни эти трения, ни излишняя нервность атмосферы съезда не могли умалить его действительно крупного общественного значения, которое так метко, хотя и не полно, при закрытии съезда охарактеризовал представитель саратовского губернского земства И. Е. Усачев. «Если раньше на нас, борцов за трезвость, смотрели с усмешкою, то теперь, после участия в трудах съезда, я чувствую себя настолько сильным в вопросе борьбы с пьянством, как если бы прошел целый курс университетский».

В конце концов, съезд выяснил размеры зла: России потребление всех вообще спиртных напитков в то время обходилось в один миллиард рублей в год. Съезд выяснил значение потребления алкоголя как для всего народа, так и для отдельных лиц: для народа это неуклонно прогрессирующее обмельчание и вырождение, доказанное, между прочим, и данными рекрутских наборов; для отдельных лиц — это разложение семьи и личности.

Съезд выяснил многоразличные причины пьянства и соответственно этому наметил столь же многоразличные пути к постепенному ослаблению его. Съезд пробудил тревогу в дремлющем общественном сознании, фиксировал внимание общества на вопросе о борьбе с пьянством.

По моему глубокому убеждению, Первый съезд по борьбе с пьянством оставил в русской жизни глубокий и плодотворный след, несмотря на то, что он не смог выполнить существеннейших задач — не объединил борцов против пьянства и не дал им общего плана.

Не прошло и пяти лет, как пьянство было окончательно осуждено с высоты престола — высочайшим повелением было запрещено винокурение, запрещена была продажа спиртных изделий, Россия стала трезвой державой.

12 января исполнилось 300 лет со дня снятия осады с Троице-Сергиевой лавры[1]. В этот день был опубликован высочайши рескрипт на имя священно-архимандрита Троице-Сергиевой лавры митрополита Владимира: «Триста лет тому назад, среди внутренних раздоров с начала XVII в., когда вражеское нашествие грозило великим бедствием Русскому царству, на победоносном пути его восстала малая воинскою ратью, но сильная духом своего основателя преподобного Сергия Радонежского, Свято-Троицкая Сергиева лавра. Заключенные в стенах своих, около 3000 иноков, боярских детей, стрельцов, казаков и крестьян, объединенных горячей верой в небесного предстателя преподобного Сергия, преданностью своему Государю и беззаветной любовью к Родине, они в продолжении 16 месяцев, с изумительным мужеством, выдержали осаду 30-тысячных полчищ Сапеги и Лисовского. Ни насилье недругов, ни голод, ни болезни — ничто не могло сокрушить доблестных защитников общерусской святыни народной. Ввиду исполнившегося ныне 300-летия со дня освобождения Свято-Троицкой лавры от осады и с молитвенной признательностью вспоминая подвиги и заслуги сей досточтимой обители, я обращаюсь к ней с монаршим приветствием и выражаю сердечные пожелания: да не оскудевает она и впредь по ходатайствам подвижника земли Русской преподобного Сергия, духовным иночеством и духовной благой ревностью о сохранении спасительных заветов прошлого во славу Святой Церкви православной и к всемерному утверждению нравственной мощи народа русского. Поручая себя молитвам вашим, пребываю к вам благосклонный Николай».

Торжество в лавре началось еще с 10 января, когда была отслужена заупокойная всенощная (парастас) в память сподвижников осады лавры. Поминались царь Василий Иоаннович Шуйский, патриарх Гермоген, архимандрит Иоасаф, бывший настоятель лавры, и написавший историю ее осады Авраамий Палицын, инок Афанасий Ощерин, воеводы Григорий Долгорукий, Алексей Голохвастов и князь Михаил Скопин-Шуйский, крестьянин села Климентьева Никифор, по прозвищу Шило, и другие воины и поселяне, мужественно подвизавшиеся в защиту обители преподобного Сергия и за веру, царя и Отечество живот свой положившие.

Я приехал на торжество накануне, 11 января, ко всенощной, со мной прибыл и командир 17-го Армейского корпуса, милейший, благороднейший генерал-лейтенант Яковлев. Одновременно, для участия в празднестве прибыла и рота 221-го пехотного резервного Троице-Сергиевского полка со знаменем и оркестром музыки. Этот полк составился из стрельцов, защищавших 300 лет назад лавру от поляков.

Всенощная прошла очень торжественно, окончилась она около 11-ти вечера. На другой день, 12-го, после литургии, состоялся крестный ход вокруг лавры, сопровождаемый многими десятками

тысяч народа. Во всех местах, связанных с историческими воспоминаниями, служили литии. Крестный ход растянулся почти на версту, было и торжественно и красиво. Затем состоялась общая трапеза, на которой, за отсутствием заболевшего митрополита Владимира, председательствовал преосвященный Федор, ректор Академии. За трапезой я огласил текст всеподданнейшей депеши, которая, по одобрении всеми присутствующими, была мною послана Государю императору. [...]

На празднестве присутствовала также депутация Московского отдела Русского военно-исторического общества, в последнем заседании своем, посвященном 300-летию снятия осады с лавры, постановившего поместить на стенах лавры две памятные доски: одну из них в память подвига славных защитников лавры вообще, а другую в честь двух героев этой обороны Шилова и Слоты, взорвавших в критический момент осады подкоп поляков и избавивших, таким образом, защитников лавры от угрожавшей им опасности. По проследовании крестного хода доски были укреплены на стенах лавры.

В Москве и губернии автомобильное движение постепенно стало приобретать права гражданства и развиваться с большой быстротой. К сожалению, крестьяне долго не могли никак привыкнуть к этому новшеству, и случаи озорства и неприязненного отношения к автомобильному движению повторялись изо дня в день. Поэтому я решил обратиться к населению с нижеследующим объявлением: «За последнее время ко мне все чаще и чаще стали поступать жалобы от лиц, проезжающих на автомобилях, на насилия со стороны крестьян, особенно молодежи, выражающиеся в бросании палок, камней и даже в нанесении поранений пассажирам и вожатым. Такие поступки могут быть объяснены только полным невежеством и дикостью.

Я уверен, что благоразумная и более развитая часть населения не может принимать участия в этих бессмысленных и преступных нападениях, и к этой-то части населения я и обращаюсь с просьбой обуздать безобразников и озорников, разъяснить им, насколько недостойно их поведение порядочных людей, и не допускать впредь повторения таких безобразий.

Автомобиль есть одно из великих и полезнейших изобретений последнего времени, он сохраняет и заменяет живую силу людей и лошадей, и надо не только не препятствовать распространению этого изобретения, но, напротив, всячески поощрять его.

Определив особым, изданным мною, обязательным постановлением, порядок движения автомобилей по проезжим дорогам и через населенные пункты, дающий населению полную гарантию безопасности от движения этого рода экипажей, я буду строго преследовать уклонение владельцев и управляющих автомобилями от исполнения этих правил, но в то же время считаю долгом предостеречь и населе-

ние вверенной мне губернии от каких-либо диких и безобразных выходок по отношению к автомобилистам. Виновные в озорстве обязательно будут обнаружены и подвергнуты самому строгому наказанию без всякого снисхождения».

14 января губернским инженером назначен был Н. Г. Фалеев. Я остановился на нем, так как знал его за честнейшего и высоко порядочного человека, кроме того, он очень хорошо был знаком со всей подноготной строительного отделения, знал все его дефекты, и я надеялся, что он искоренит все зло, царившее в нем, поможет вывести разные недостойные приемы, практиковавшиеся некоторыми инженерами. В конце концов, я все же не вполне был им удовлетворен, так как ожидал от него большего. Он вел дело очень добросовестно и честно, но слишком много говорил в ущерб делу и излишней придирчивостью раздражал своих подчиненных, будучи чересчур мелочен.

15 января открылась очередная сессия Московского губернского земского собрания под председательством А. Д. Самарина, в новом составе гласных, избранных на трехлетие 1910—1912 гг.

Открывая собрание, я обратился с приветствием к новым гласным по случаю избрания их на почетную и ответственную роль губернских гласных и от души пожелал им успеха в предстоящих им трудах на пользу земского дела. Затем я им сказал: «Будучи уверен в продуктивности ваших занятий, я не могу удержаться от пожеланий равномерности в ваших работах. Предыдущая сессия именно этой равномерностью в своих занятиях и не отличалась. Сессия тянулась больше месяца, задерживала гласных в Москве, что невыгодно отражалось на работе в уездах, на местах, нарушая правильное течение земского дела в губернии. Поэтому я и желаю вам, прежде всего, равномерности в вашей работе. Объявляю собрание открытым».

По приведении гласных к присяге открылось первое заседание, и гласные приступили к работам. Собрание продолжалось до 4 февраля и рассмотрело почти все предложенные ее вниманию доклады. Работа на этот раз шла дружно, успешно, почти все предложения губернской управы собранием были приняты. 18 января гласный Н. Н. Хмелев обратился к собранию с речью по поводу ознаменования памяти А. П. Чехова следующего содержания: «Вчера вся Россия чествовала 50-летие со дня рождения знаменитого русского писателя А. П. Чехова. Я считаю должным, чтобы и Московское губернское земское собрание по случаю этого дня помянуло Антона Павловича. Этот большой писатель и редкой отзывчивости и доброты человек был земским деятелем Московской губернии, и вот эту сторону его жизни я хочу напомнить собранию. Когда в 1892 и 1893 гг. холера посетила Московскую губернию, Антон Павлович устроил у себя в имении, в селе Мелихово Серпуховского уезда, наблюдательный амбулаторный пункт, к которому, по его просьбе,

был приписан район селений, и два лета ежедневно вел здесь, конечно безвозмездно, регулярный прием больных и нес службу как рядовой врач, войдя в состав уездного санитарного совета, и те, которые принимали участие в заседаниях его, нередко имели счастье видеть в своем обществе земского врача — добровольца А. П. Чехова. В своих рассказах «Мужики», «На дне» и др. Антон Павлович жуткою правдою изобразил темноту народного невежества, власть предрассудков и суеверий, страшную скудость и узость умственной жизни крестьянской массы. Возможность перемены к лучшему он, как и все мы, видел только в создании школ, и вот, будучи человеком очень небогатым, он, отчасти уделяя личные свои средства, отчасти привлекая пожертвования, построил в своей округе три новых прекрасных школьных здания и пожертвовал их серпуховскому земству. Не довольствуясь такой работой добровольца, Антон Павлович, по роду своих занятий и по своим отношениям связанный совсем другими интересами, пожелал принять участие в земском деле, во всем его объеме, и вступил в число гласных Серпуховского земского собрания. Жестокая хроническая болезнь вскоре заставила Антона Павловича оставить Московскую губернию и искать возможности продолжения жизни в более мягком климате Юга, а на 45-м году он уже покинул земной мир, оставив в нем неумирающую по себе память не только своим громадным художественным талантом, но и редко встречающимся сочетанием качеств души, богатой, мягкой, чуткой, отзывчивой к человеческим страданиям и стремившейся к свету и божественной правде. Помянем сегодня в лице А. П. Чехова нашего товарища и, как мы это всегда делаем по отношению к товарищам, отзываемым от нас в иную жизнь, сосредоточимся на несколько мгновений в благоговейном молчании и встанем в его память».

Собрание почтило вставанием память А. П. Чехова. Затем Н. Н. Хмелев добавил, что Антон Павлович при жизни указал, как бы следовало почтить его память после смерти: он устраивал земские школы и при них библиотеки, а после его смерти была передана земству некоторая сумма на библиотеку его имени. Поэтому гласный предложил земскому собранию устроить несколько земских библиотек имени А. П. Чехова и вопрос о количестве библиотек, месте их устройства и ассигновании необходимой суммы на их открытие и содержание передать для разработки губернской земской управе. Собрание единогласно приняло предложение Н. Н. Хмелева и поручило управе представить свои соображения об устройстве народных библиотек имени А. П. Чехова.

После этого горячие дебаты вызвало предложение губернской управы об ассигновании Московскому обществу грамотности единовременного пособия в размере 300 руб. на покрытие расходов по устройству съезда деятелей по обучению взрослых. Сумму эту губернская управа предложила ассигновать Обществу грамотности,

председателем которого состоял князь Павел Долгоруков. Гласные правой группы единодушно восстали против предложения управы, а гласные левой группы энергично поддерживали это предложение.

В результате, после весьма страстных прений, большинством 25 голосов против 21, постановлено было 300 руб. Обществу грамотности выдать. Правая группа осталась недовольна таким решением и подала особое мнение: «С таким постановлением большинства губернского земского собрания, — говорилось в этом мнении, — мы не согласны и полагаем, что губернское земство, назначая денежное пособие на осуществление того или иного начинания, не может относиться безразлично к направлению деятельности тех лиц и учреждений, от коих начинание исходит, и что, таким образом, самое обстоятельство назначения денежного пособия Московскому обществу грамотности, председателем коего состоит князь Павел Долгоруков, содержит уже в себе выражение сочувствия и доверия направлению деятельности означенного общества. Не разделяя ни в малейшей степени такого доверия, мы считаем недопустимым подкреплять обаянием земской поддержки сомнительный, с нашей точки зрения, почин этого общества, а потому остаемся при мнении, что вышеприведенное предложение губернской управы подлежало бы отклонению». Особое мнение подписали: барон Н. Г. Черкасов, граф Ф. А. Уваров, Ф. И. Тютчев, С. Н. Кологривов, барон В. Д. Шеппинг, граф П. С. Шереметев, П. А. Тучков. Ф. В. Шлиппе, Н. И. Андросов, князь С. Б. Мещерский, Я. В. Ильин, князь А. Д. Голицын, граф В. В. Мусин-Пушкин, А. М. Катков, П. А. Базилевский, П. П. Патрикеев, В. П. Ярыгин, Х. Х. Русанов и С. Г. Варженевский.

Следующие два дня собрания были посвящены обсуждению крайне интересного доклада управы о введении участковой агрономии, что и было принято собранием, которое при этом постановило, чтоб каждый агрономический участок, в течение первого же года его учреждения, был снабжен необходимым для демонстративных целей инвентарем, коллекциями наглядных пособий для бесед и чтений по естествознанию и сельскому хозяйству и библиотекой справочных изданий; что касается расходов, то 2/3 единовременных, по оборудованию участков, должно лечь на губернское земство, а 1/3 — на уездное.

27 января в собрании рассматривался вопрос о выдаче из средств губернского земства приплат старообрядческим законоучителям, наравне с православными законоучителями. Этот вопрос, как один из принципиальных, возбудил страстные дебаты, продолжавшиеся более двух часов. Вопрос этот возбужден был Богородским уездным земским собранием еще два года тому назад и передан был на рассмотрение губернской управы и комиссии по народному образованию, которые и предложили собранию ходатайство бого-

родского земства отклонить. Много было разговоров о веротерпимости, говорили, что, если собрание откажет в выдаче дополнительного вознаграждения старообрядческим законоучителям, то этим самым возбудит антагонизм между старообрядческим и православным населением. Особенно горячо защищал ходатайство богородского земства гласный этого уезда Г. С. Ламакин.

Председатель собрания А. Д. Самарин доказывал, что совещание не идет вразрез с указом 17 апреля [2]. Веротерпимость, по его словам, одно, а содействие к распространению старообрядческого вероучения — другое. Земство, как учреждение государственно-общественное, должно оказывать содействие господствующей религии — православной. Если оказывать помощь старообрядческим вероучителям, то нужно ее оказывать и законоучителям других толков и согласий, которых так много, что иногда в одной семье существует несколько толков. «Затем, — прибавил Самарин, — кто будет контролировать знания по закону Божьему старообрядческих детей?» Н. Ф. Рихтер, присоединяясь к мнению Самарина, говорил, что дети старообрядцев хорошо изучают закон Божий и у православных священников, а обучаясь у своих священников мало успевают в нем.

В заключение дебатов собрание огромным большинством не согласилось с управой и признало, чтобы дополнительное вознаграждение из средств губернского земства выдавалось старообрядческим учителям так же, как и законоучителям православным, и чтобы они приглашались в земские школы на общих основаниях с преподавателями других предметов (т. е. подлежали бы контролю училищного совета и инспектора).

26 января Н. Ф. Рихтер довел до сведения собрания, что от почетного попечителя земского Кустарного музея С. Т. Морозова поступило заявление о новом крупном пожертвовании: «Придя к убеждению в крайней необходимости организации широкой постановки кредита для возникающих в Московской губернии кустарных артелей, складочных, потребительно-складочных и других товариществ и думая, что потребность эта не удовлетворяется существующими в губернии учреждениями и едва ли будет удовлетворена предполагаемыми земскими кассами мелкого кредита, которые должны будут действовать в точных рамках нормального устава, я желаю прийти на помощь земству в деле организации кустарного кредита взносом 100 тысяч руб.». Далее С. Т. Морозов в своем заявлении указал условия, на которых он жертвует эту сумму, и в заключение выразил пожелание, чтобы выдача ссуд из фонда началась в течение наступившего 1910 г.

Н. Ф. Рихтер предложил собранию принять пожертвование на указанных условиях и выразить С. Т. Морозову глубочайшую благодарность, присвоив учреждаемому фонду имя С. Т. Морозова. Собрание единогласно без баллотировки приняло это предложение.

Гласный Н. Н. Хмелев сказал по этому поводу обширную речь, в которой изобразил деятельность С. Т. Морозова по укреплению и поднятию кустарной промышленности, отметив, что Сергей Тимофеевич не только оказывал земству помощь в этом деле крупными пожертвованиями, доходившими в общей сумме до полмиллиона рублей, но и принимал самое живое участие в осуществлении мероприятий земства, влагая в это дело всю свою душу. Гласный предлагал поручить губернской управе при выражении глубокой благодарности Сергею Тимофеевичу отметить, что земское собрание не столько благодарит его за крупные денежные пожертвования, сколько за его личное участие в делах поднятия кустарной промышленности в губернии. Собрание единогласно приняло предложение Н. Н. Хмелева.

По окончании же рассмотрения доклада управы о кустарной промышленности собрание приступило к обсуждению вопроса о содействии крестьянским хуторским и отрубным хозяйствам. Вопрос вызвал долгие и оживленные дебаты. Председатель собрания А. Д. Самарин довел до сведения собрания, что вопрос этот обсуждался в созванном им совещании, при участии управы и приглашенных гласных, и был тогда решен в положительном смысле. Гласные граф П. С. Шереметев, Ф. В. Шлиппе, князь С. Б. Мещерский, М. А. Нарожницкий, Н. Ф. Рихтер и граф Ф. А. Уваров, поддерживая предложения совещания, доказывали, что хуторские и отрубные хозяйства, как новая форма землепользования, вызываемая потребностями времени, заслуживают сочувствия и поддержки земства, которое никогда не отказывало в помощи отдельным группам крестьян, переходившим на многопольное хозяйство, заводившим травосеяние. Они находили, что совещание совершенно правильно трактует, предлагая выдавать пособия уездным земствам на экономические мероприятия только в том случае, если отрубщики и хуторяне будут пользоваться ими одинаково с общинниками. Гласный Н. Н. Хмелев предлагал собранию признать, что помощь хуторянам и отрубным хозяйствам обеспечивается агрономической организацией московского земства, которая считает необходимым оказывать содействие всем крестьянам, как общинникам, так и хуторянам.

В заключение дебатов собрание огромным числом голосов приняло предложение совещания. Предложение же Н. Н. Хмелева было отклонено большинством против 16 голосов.

3 февраля собрание закончило обсуждение сметных докладов и приступило к выборам должностных лиц. Н. Ф. Рихтер обратился к собранию с речью, в которой высказал, что теперешняя управа вступила в исполнение своих обязанностей в тяжелое для земства время. Она была беспартийной и своей задачей поставила, чтобы земская деятельность была свободна от какого-либо партийного направления. Все, что прежде было сделано хорошего, управа поддерживала и развивала, а что она внесла нового, об этом пусть

судит само собрание. Губернское собрание настоящей сессии рассматривало все доклады по существу без всякой партийной окраски, и дело шло дружно, мирно, спокойно. Такая деловая работа не могла не оставить приятного впечатления у губернской управы, и за это она не может не выразить признательности земскому собранию.

По запискам на должность председателя губернской управы были предложены: Н. Ф. Рихтер — 54 голосами, А. М. Чернов — одним и Ф. В. Шлиппе — одним голосом. Когда председатель спросил Н. Ф. Рихтера, желает ли он баллотироваться, то последний ответил: «Три года назад я заявлен был 41 голосом из 80 и рискнул баллотироваться, а теперь получил 54 голоса, и потому, тем более, должен изъявить согласие на баллотировку». По окончании баллотировки Н. Ф. Рихтер избран был на должность председателя губернской управы большинством 58-ти против 26-ти. Избрание это собрание приветствовало громкими аплодисментами. Н. Ф. Рихтер благодарил собрание за оказанную ему честь, заявив, что будет трудиться по мере сил и здоровья.

В члены губернской земской управы избранными оказались все прежние члены управы: М. А. Нарожницкий — 66 голосами, А. Е. Грузинов — 64-мя, А. В. Выборни — 60-ю, М. М. Людоговский — 59-ю и С. К. Родионов — 55-ю. Избрание их приветствовалось рукоплесканием. Заступающим место председателя губернской управы избран был А. Е. Грузинов.

Я лично, как губернатор, был весьма удовлетворен таким результатом выборов и приветствовал от души вторичное избрание Рихтера, благодаря председательству коего, настроение в земских сферах изменило свой резкий и политиканствующий характер на спокойно деловой. Он сумел твердой рукой направить курс земского дела к целям, поставленным создателем Земского положения императором Александром II, и смело отбросить все наносные, чуждые земским задачам, мутные течения, порожденные невзгодой «освободительного времени». В этой достойной работе Рихтер встретил полную поддержку в председателе губернского земского собрания А. Д. Самарине, благодаря чему общий тон и направление занятий губернского земского собрания приняли серьезную деловитость, немедленно отразившуюся и на деятельности всех земств.

Не богатый новыми впечатлениями 1910 г. был, тем не менее, для земства весьма продуктивным в смысле развития некоторых отраслей земского ведения, в особенности народного образования. Уезды покрылись сетью школ и народных библиотек, созданных, правда, главным образом, при посредстве казенных ассигнований, везде были организованы народные чтения, курсы для учителей, сделан был почин учреждения профессиональных и ремесленных школ и т. д.

В последний день земского собрания, перед его закрытием, обсуждался вопрос об учреждении опеки над имуществом светлей-

шего князя Меншикова-Корейш. Случай этот являлся разительным по Клинскому уезду, где светлейший князь Меншиков-Корейш, владевший майоратным имением более чем в 20 000 десятин земли, в течение целого ряда лет не уплачивал никаких сборов и накопил таким образом более 150 000 руб. недоимки; всякие меры взысканий не давали никаких результатов, так как майоратная земля продана быть не могла, все же доходы выбирались князем обычно вперед, а движимости, подлежащей продаже, не было. Возбужденные земством ходатайства об учреждении администрации или опеки над имением по разъяснению Сената, что за неплатеж недоимок таких ограничений владения учреждаемо в майоратных имениях быть не может, удовлетворения не получили, испрашивать мне всевысочайшего соизволения учреждения опеки за расточительность не представлялось возможным, потому что причиной неплатежа сборов была не расточительность князя, а те неблагоприятные условия, при которых он принял во владение имение, и потому земство питало, единственно только, надежду на милость Государя — разрешение князю продать часть земли, о чем он сам вошел с всеподданнейшим ходатайством. Такой исход дела вывел бы из затруднительного положения клинское земство, стесненное в своих оборотах, благодаря непоступлению в кассу такой громадной суммы, и был бы благоприятен для князя, дав ему возможность привести в порядок свои запутанные денежные дела.

В своем всеподданнейшем отчете я подробно изложил все это дело, и Государю угодно было против этого места в отчете собственноручно написать: «представить разъяснения».

Совет Министров, рассмотрев высочайшую отметку, постановил запросить по сему делу министров внутренних дел и юстиции. К сожалению, переписка затянулась до того, что чрез два года, когда я получил высшее назначение, результата возбужденному ходатайству еще не было.

В день закрытия собрания, 4 февраля, депутация из 33 гласных Московского губернского земского собрания явилась на квартиру Д. Н. Шипова для приветствия его как земского деятеля, чтобы выразить сожаление, что земское собрание прошло без его присутствия на нем. Как я говорил в своих воспоминаниях за 1909 г., Шипов был забаллотирован в гласные последовательно в 2 уездах, а когда был избран в губернские гласные по Волоколамскому уезду не как гласный, а как сверхштатный член управы, то присутствием не был допущен. Сенат разрешил это дело в его пользу только к апрелю 1910 г., так что в этой сессии он принимать участия не мог.

Депутация поднесла Шипову адрес следующего содержания: «Глубокоуважаемый Дмитрий Николаевич. Московское губернское земское собрание сессии 1910 г. оканчивается в Вашем отсутствии, и мы чувствуем живое желание высказать Вам глубокое огорчение, что, несмотря на определенно выраженное желание Волоколамского

земского собрания, Вам было отказано в возможности принять участие в занятиях губернского земского собрания после 32 лет непрерывной в нем работы. В первый раз, начиная с 1877 г., московское губернское земство не могло воспользоваться знаниями, опытностью, энергией, талантом, с которыми Вы прокладывали новые пути в земском деле, развивали и углубляли старые, соответственно тому, усвоенному Вами взгляду, что земство есть общественный союз жителей одной местности для удовлетворения необходимых хозяйственных и культурных нужд населения и создания возможно благоприятных условий его жизни, покоящейся на сознании нашего нравственного долга в отношении окружающих: «Земская идея, — высказали Вы, — по существу своему — идея нравственная, и потому-то земское дело является всегда живым и воспитывает в людях желание работать для других и веру в торжество альтруистических идей. Только сознание людьми требований нравственного закона служит надежным основанием для единения людей и соединяет их в крепчайшие союзы». И вся Ваша деятельность в земстве есть проведение в жизнь этих прекрасных идей. Такая цельность характера и действий в наше время неустойчивости или же партийной односторонности, страстности мысли, — явление редкое, светящее как маяк среди сумерек современной политической и общественной жизни, и потому мы особенно сожалеем, что именно теперь Вы были лишены возможности продолжать Вашу широкую земскую работу. Мы хотим верить, дорогой Дмитрий Николаевич, что разъединяющие общественные силы борьба и нетерпимость, устранившие Вас от земской работы, уступят место сознанию, что общественная работа может быть благотворной и жизненной только тогда, когда в основе ее не будет озлобления и мстительности и когда к этой работе будут возвращены насильно устраненные теперь общественные работники. Мы верим, Дмитрий Николаевич, что уже в ближайшую сессию мы вновь увидим Вас в нашей среде». Адрес этот подписали: Ф. Е. Клейст, Н. Н. Хмелев, И. Б. Меснер, С. Г. Смирнов, А. Р. Расторов, В. Н. Никитин, Н. П. Стариченков, В. М. Духовской, Я. Н. Сергеев, С. М. Богатырев, С. А. Соколов, Н. Н. Фирсов, Д. С. Пашкевич, С. А. Шлиппе, Н. А. Каблуков, А. А. Эйлер, Ф. А. Головин, М. М. Щепкин, Н. М. Перепелкин, Л. Л. Катуар, Н. И. Астров, М. Н. Поливанов, И. И. Калединов, В. А. Бахрушин, А. Д. Алферов, А. И. Геннерт, М. В. Челноков, П. П. Щапов, Т. Е. Гоголев, Я. В. Ильин, В. Н. Писарев, Г. С. Ламакин и В. Д. Шервинский.

Пока в Москве шло земское собрание, в Петербурге разыгрался целый скандал во время заседания Государственной Думы при прениях о местном суде. Во время голосования вопроса о цензе член Думы Коваленко 1-й хотел прибавить: «и евреев». Эту поправку большинство предлагало отклонить, но Коваленко продолжал на-

ставивать. Тогда на трибуну вошел Марков 2-й и сказал: «Вы напрасно хотите отбрыкаться от еврейского вопроса. Он во весь рост поставлен жизнью, русским народом».

Шингарев с места: «Союзом русского народа».

Марков 2-й: «Трусливое закрывание глаз по такому вопросу положительно недостойно этого собрания, которое многими из вас именуется высоким».

Милюков с места: «А вы его как именуете?»

Марков 2-й: «Внесенная поправка знаменует собой громадное, величественное мировоззрение нашего могучего русского народа. Вы отлично знаете, что русский народ в его массе не желает стать подчиненным рабом иудейского паразитного племени. Потому-то вы и боитесь сказать здесь громко что-нибудь об этом племени, ибо вы слишком, может быть, от него зависите, от этого паразитного племени».

Председательствовавший князь Волконский: «Член Государственной Думы Марков 2-й, покорнейше прошу быть более осторожным в ваших выражениях и не забывать, что вы находитесь в Государственной Думе и говорите с трибуны».

Марков 2-й: «Я обращаюсь не к Государственной Думе, а к некоторым ее членам».

Возглас слева: «Это недопустимо с кафедры».

Марков 2-й: «Уважение, которое я питаю к Государственной Думе...»

Князь Волконский: «Член Государственной Думы Марков 2-й, покорнейше прошу прочесть наказ и узнать, что обращаться к отдельным членам Думы не допускается».

Марков 2-й: «Наказа я читать не буду, ибо он незаконен». *(Шум)*.

Князь Волконский: «Покорнейше прошу не шуметь. Член Государственной Думы Марков 2-й, раз Председатель Государственной Думы предлагает вам ознакомиться с наказом, а вы говорите, что читать не будете, потому что он незаконен, это по меньшей мере невежливо, а потому, во избежание выслушивания подобных речей, лишаю вас слова».

Марков 2-й, сходя с трибуны, кричит: «Поздравляю Думу с председателем шабесгоем! *»

Крики: «Вон! Вон! Исключите его!»

Марков кричит октябристам: «Вы — шабесгои!»

Крики: «Вон! Исключите!»

Марков кричит: «Жидовские наемники!»

Общее волнение.

Князь Волконский: «В качестве председательствующего Государственной Думы считаю первой своей необходимостью и обязаннос-

* Шабесгой — наемный работник, который выполняет во время праздников все работы по дому, которые закон воспрещает евреям.

тью защищать достоинство того учреждения, в котором, по воле Государя императора, мы имеем честь сидеть. Слова, сказанные членом Государственной Думы Марковым 2-м, непозволительны по форме и по существу, они оскорбляют Государственную Думу, а потому предлагаю исключить его на 15 заседаний».

Шум, рукоплескания слева и в центре, протесты справа.

Марков 2-й: «Я имею право слова, — и затем, войдя на трибуну, — Вам угодно было зажать рот голосу русского человека в угоду презренного жидовского племени. Я рад с вами расстаться на 15 заседаний, жидовские прихлебатели».

Марков 2-й был исключен подавляющим большинством Думы.

30 января исполнилось 40-летие артистической деятельности Марии Николаевны Ермоловой, но она отклонила всякое чествование и рано утром уехала к Г. Н. Федотовой. Поэтому все приезжавшие выразить ей чувства уважения и почитания ее таланту и поздравить ее с редким юбилеем не заставали ее дома. Среди этих лиц были представители театров, литературы, административные и общественные деятели и много-много других.

Малый театр приветствовал М. Н. Ермолову телеграммой: «Дорогая Мария Николаевна. Мы не можем отказаться от радости принести Вам сегодня нашу сердечную любовь, нашу сердечную дружбу и наши горячие пожелания сил и здоровья на счастье нашего дорогого театра. Будьте сильны и бодры неизменно, как неизменна к Вам любовь наша».

Художественный театр — двумя вазами с цветами и приветствием за подписью всех артистов, с К. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко во главе: «Бесконечно счастливы приветствовать Вас со всей искренностью нашей любви и преданности. Скромно следующие за Вами, Вашим теплом согретые, Вашей верой вдохновляемые».

Александрийский театр — депешей: «Все наши мысли сегодня с Вами, великая краса, слава и гордость нашей сцены и жизни».

К этому дню я и приурочил открытие 2-го губернского съезда земских начальников Московской губернии для объединения их деятельности и разрешения возникавших на местах вопросов, касавшихся, главным образом, перехода крестьян к улучшенным формам землепользования. Кроме земских начальников в съезде, по моему приглашению приняли участие все предводители дворянства, члены судебного ведомства, непременные члены землеустроительных комиссий и чины губернской администрации. Перед началом съезда в Чудовом монастыре состоялось торжественное молебствие, к которому были приглашены мною все участники съезда, а затем в усыпальнице великого князя Сергея Александровича отслужена была панихида по державном основателе института земских начальников Александре III и великом князе Сергее Александровиче.

В 2 часа дня съезд открылся в белом зале генерал-губернаторского дома. [...] В 8 часов вечера в генерал-губернаторском доме состоялся обед, на который, кроме участников съезда, я пригласил и председателей земских управ. За обедом играл оркестр оперы Московского столичного попечительства о народной трезвости.

На другой день съезд погрузился в занятия, которые в течение последующих четырех дней велись весьма интенсивно, с большим успехом и подъемом. Съезд значительно объединил деятельность земских начальников, разрешил все возникшие на местах вопросы, касавшиеся, главным образом, выхода крестьян из общины и перехода их к улучшенным формам землепользования, а ответная телеграмма Государя подняла дух у земских начальников, вызвав в них прилив энергии и бодрости к работе.

Представителем от Министерства внутренних дел был командирован состоявший при земском отделе чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел Н. А. Пантелеев, который принимал участие во всех работах съезда. Его участие было очень ценно, тем более, что держал он себя с удивительным тактом, скромно и в высшей степени доброжелательно.

3 февраля А. Д. Самарин устроил у себя раут, на который пригласил всех членов съезда, а 5 февраля, по окончании занятий, члены съезда в колонном зале «Эрмитажа» устроили товарищеский обед, на который пригласили А. Д. Самарина, Н. А. Пантелеева и меня. Обед был очень оживленный, много было произнесено речей, тостов, вспоминали разные эпизоды из деятельности земских начальников, чувствовалось общее дружеское единение. Один из старейших земских начальников Московского уезда Чижов огласил при этом написанное им стихотворение, в котором он в юмористическом виде невинного свойства, перечислив ряд моих распоряжений, описал незавидное положение земского начальника того времени:

ЧТО БЫЛО И ЧТО СТАЛО

В былые времена был на Руси начальник;
Он суд творил и страху наводил:
Сажал в холодную — кто был охальник,
В почетной должности с усердием служил.
    И кой-какой порядок был:
    Мужик и подати платил,
    И дороги все чинил,
    И изрядно водку пил.
Всюду были урожаи,
С сеном были все сараи.
    А теперь пошло другое,
    Что-то странное такое,
    Чего трудно и понять...
    И чего нельзя объять...
И суровые приказы,
И сердитые наказы

Так и сыплются из вазы,
Как лекарство от заразы:
Недоимки выбивай,
Недоборы выбирай,
На пожары выезжай,
Все наделы выделяй,
Все вершочки вычисляй,
Хуторочки насаждай,
Переделы проверяй,
Урожаем заправляй,
Магазины обмеряй,
Всех улиток убивай,
И поля обсеменяй,
Поселенцев отправляй,
Жен с мужьями разлучай,
Бабам паспорт выдавай,
Полпивные открывай,
Циркуляры исполняй,
Перед всеми отвечай,
Свои деньги проезжай,
О награде не мечтай,
И по шее ожидай.
Мужиков сажать не смей,
К ним почтенье ты имей.
Стало власти никакой...
Лезь хоть в петлю головой.
Дрожь и холод пробирает,
Как, бедняга, он вздыхает...
И никто помочь не хочет...
А мужик над ним хохочет.
Речет строго губернатор:
«Ты какой администратор?
Живо, рысью, дуй в карьер.
Гоп. Махай через барьер».
И начальник стал тужить,
Что невмочь ему служить.
Быть может, новые законы
Оградят его препоны,
Но об этом не мечтай,
А скорее удирай.

В. Ч.

По истечении некоторого времени я получил от министра внутренних дел нижеследующее письмо, доставившее мне большое удовлетворение: «Милостивый государь Владимир Федорович. Ознакомившись с постановкою дела на происходившем под председательством Вашим съезде земских начальников Московской губернии и находя ее вполне правильной и целесообразной, я, вместе с тем, не могу не признать и саму работу съезда весьма продуктивной, как в целях объединения, усовершенствования и подъема деятельности местных органов крестьянских установлений, так и в видах ознакомления центральных учреждений с местными условиями и нуждами крестьянского быта. Приписывая столь полезные результаты продуманному отношению к крестьянскому делу и энергичному его веде-

нию со стороны Вашего превосходительства и Ваших ближайших сотрудников в лице губернского и уездных предводителей дворянства, равно непременных членов губернских присутствий и землеустроительной комиссии и других должностных лиц, привлеченных Вами к работам по упомянутому съезду, прошу Ваше превосходительство передать мою благодарность должностным лицам крестьянских установлений, особливо земским начальникам, кои своими трудами содействовали плодотворной деятельности съезда. Примите уверения в совершенном почтении и искренней преданности П. Столыпин».

18 февраля чрез Москву провозили тело знаменитой артистки В. Ф. Комиссаржевской. Она скончалась 42 лет от роду в Ташкенте от гангренозного заражения, заразившись там во время своей артистической поездки, в полном расцвете своего таланта.

Смерть ее, такая неожиданная, произвела на всех, ее знавших, и почитателей ее таланта удручающее впечатление. На площади между Казанским и Николаевским вокзалами собралась такая толпа, желавшая проникнуть на перрон Казанского вокзала к приходу поезда с останками артистки, что когда я приехал, то с трудом мог проникнуть на платформу, где уже собрались представители администрации, литературного и артистического мира и общественные деятели. Из театрального мира были артисты Малого театра: Массалитинова, Горев, Бравич и др., из Художественного — Станиславский, Книппер, Коренева; из Незлобинского — Рощина-Инсарова; Корша — Блюменталь-Тамарина; Московского балета — Федорова 2-я, Балашова; от Литературно-художественного кружка — Н. Н. Баженов; от Театрального общества — А. А. Бахрушин. Тут же находилась и сестра покойной Н. Ф. Снарская и ее брат. Когда подошел поезд, то у траурного вагона была отслужена лития, пели студенты; вместе с прахом приехали и 13 человек ее осиротевшей труппы. По окончании литии гроб вынесли на руках и при пении «Святый Боже» перенесли на Николаевский вокзал в другой траурный вагон, приготовленный к отправлению в Петербург. Здесь многочисленные депутации возлагали венки — от труппы Веры Федоровны, от Г. Н. Федотовой, М. Н. Ермоловой, всех театров, от общественных деятелей, периодической печати, студентов Московского университета и др. Под пение «Вечная память» молодежи поезд двинулся. Хоронили ее в Александро-Невской лавре.

22 февраля в Петербурге при обсуждении сметы Министерства внутренних дел в Государственной Думе произошел инцидент с Пуришкевичем. Докладчик бюджетной комиссии князь Голицын в заключительном своем слове сказал, что он должен был бы подвести итог прениям, но эту задачу уже выполнил, и выполнил блестяще, предыдущий оратор. Поэтому он и решил ограничиться только несколькими замечаниями и, первым долгом, заявил, что возражать

на нападки, которые были направлены по его адресу в некоторых речах, он не будет. Он только заявил, что появление таких речей и ораторов он объясняет тем, что во всяком обществе можно встретить представителей и потомков трех сыновей Ноя [3].

Как только он это произнес, послышался возглас Пуришкевича: «Один из них на трибуне».

Князь Голицын вспыхнул. «Член Государственной Думы Пуришкевич, — обратился председательствовавший Шидловский, — Вы сделали замечание совсем непозволительного характера».

— «Я ничего непозволительного не сказал», — ответил Пуришкевич.

«Покорнейше прошу не вступать со мной в пререкания, — сказал Шидловский и затем, обращаясь к Думе: — Я покорнейше просил бы, господа, предложить члену Думы Пуришкевичу оставить зал заседания».

На правых скамьях шум. «За что? За что?» — кричал Пуришкевич.

«Вам угодно воспользоваться словом?» — спросил Шидловский Пуришкевича.

«Я должен объяснить, но не могу же я быть с князем Голицыным на одной трибуне, — сказал Пуришкевич, после чего, по уходе князя Голицына, вошел на трибуну со словами: — Господа члены Государственной Думы. Князь Голицын позволил себе здесь весьма недвусмысленно указать на то, что упреки, которые ему бросались с правой стороны, бросались, очевидно, от одного из сыновей Ноя. Я на это счел своим долгом заявить, что если есть где-нибудь сыновья Ноя, то один из них на трибуне, т. е. ответил Голицыну тем же, что он сказал. Который из сыновей, я не сказал, но у Ноя было три сына: Сим, Хам и Иафет. Он мог свободно выбрать любого. Я не виноват, что он оскорбился, поняв сам, который он сын».

Пуришкевич покинул зал, будучи удален большинством 135 голосов против 85.

23 февраля в Москву прибыл эмир Бухарский. Согласно правилам, на вокзале эмира должен был встречать вице-губернатор, губернатор же обязан был ему сделать визит во дворце, тотчас по приезде, после чего эмир обязан был отдать визит. Командующему войсками эмир должен был первым сделать визит. Так все, согласно этикету, и было сделано. Как только эмир прибыл во дворец в Кремль, я приехал его приветствовать, был им принят. Разговор происходил при посредстве переводчика, хотя эмир говорил недурно по-русски, но, согласно этикета при бухарском дворе, в официальных случаях эмир не мог говорить иначе, как по-бухарски. Но он не выдерживал до конца своей роли и под конец переходил на русскую речь. На другой день эмир заехал ко мне в мое отсутствие из дому и оставил мне карточку, а перед своим отъездом прислал золотую звезду с алмазами.

24 февраля хоронили В. А. Бахрушина. Это был видный городской деятель, образованный, широкой благотворительности. Я с ним близко познакомился, когда он был избран в члены Комитета Московского столичного Попечительства о народной трезвости от Совета торговли и мануфактур в качестве представителя промышленных заведений. С первых же дней вступления в ряды членов Комитета В. А. Бахрушин принял деятельное участие в работе Попечительства, аккуратно посещая все заседания Комитета и близко принимая к сердцу все возникавшие вопросы. Когда же я, в заседании 17 октября 1909 г., предложил ввести в число задач, обслуживаемых Попечительством, организацию труда и развлечений для подростков из неимущих и малоимущих классов населения Москвы, то В. А. Бахрушин горячо поддержал мое предложение, ухватившись за него и высказав, что для этой цели крайне важно было бы организовать ремесленный труд в легкой интересной форме.

Борьба с пьянством и преступностью, по его мнению, действительно бы облегчилась, если перенести эту борьбу на отроческий возраст. Последствием этого предложения было образование особой комиссии для организации труда и развлечений подростков. В. А. Бахрушин являлся весьма деятельным членом этой комиссии и принялся очень энергично за работу. В первом же заседании комиссии он, обрисовав настоящее положение вопроса о низшем образовании для населения г. Москвы и отметив близость радикального разрешения этого вопроса путем введения всеобщего образования, высказался за обращение сил Попечительства, главным образом, на устройство профессиональных ремесленных училищ для детей послешкольного возраста. Затем он высказал мысль о необходимости провести в жизнь нового учреждения Попечительства принцип платы за все, что будет дано, хотя бы самой минимальной, а также и платность труда сотрудников, без чего, по его убеждению, невыполнима правильная регулярная работа. Далее он, развивая мысль, что человек может любить и интересоваться делом только тогда, когда ему будет предоставлена свобода творить, находил, что начать нужно с малого. Достаточно было бы начать новое дело при одной из читален и, только по выяснению условий, необходимых для правильного развития дела, приступить к расширению его.

Все мысли В. А. Бахрушина и были проведены в жизнь Попечительства. К сожалению, неожиданная и безвременная кончина В. А. Бахрушина, последовавшая 21 февраля 1910 г., приостановила его дальнейшую деятельность, и Комиссия почувствовала себя сильно осиротевшей. Мы, все деятели по Попечительству о народной трезвости, глубоко и искренно оплакивали кончину нашего дорогого сотрудника.

Отпевание происходило в церкви Пятницкого городского попечительства о бедных, в той самой церкви, где он был церковным

старостой и где он, почувствовав себя дурно, скончался. Погребение состоялось в семейном склепе под алтарем Скорбященского храма при Бахрушинской больнице.

25 февраля ночью произошел трагический случай с моим другом Михаилом Петровичем Степановым, состоявшим при великой княгине Елизавете Федоровне, едва не стоивший ему жизни. М. П. Степанов был вечером в гостях у московского коменданта, засидевшись у которого вышел довольно поздно и, сев в свою карету, приказал ехать домой в Кремль. Кучер поехал по линии трамваев, направляясь к Боровическим * воротам и не обращая внимания, что сзади его шел трамвай. Трамвай же, идя полным ходом под гору, не мог, по-видимому, остановиться и налетел на карету. Карета была разбита вдребезги, кучер и М. П. Степанов выброшены, лошади изранены. Кучер Яков Семенов попал под предохранительную решетку трамвая, которую вожатый не успел опустить, и его, несчастного, протащило под решеткой шагов 15; его подняли в бессознательном положении, отвезли в 1 Градскую больницу, где он, не приходя в себя, скончался. М. П. Степанов каким-то чудом остался жив, ему только порезало руки и лицо осколками стекол. Произведенным расследованием виновным, конечно, оказался погибший кучер, а вожатый прав — свидетелей не было и потому в пользу несчастного кучера никто не мог сказать ничего.

23 февраля Измайловская опытная пасека, почетным попечителем коей пожизненно состоял я, понесла тяжелую утрату в лице скончавшегося достойного и всеми уважаемого Федора Семеновича Мочалкина, который, заведуя пасекой в течение 30 лет, превратил ее своими трудами и средствами из захудалого учреждения в такое образцовое, что известность о пасеке распространилась далеко за пределы России. Проникнутый идеей насаждения в России правильного пчеловодства, Ф. С. Мочалкин учредил при пасеке ежегодные бесплатные курсы по пчеловодству, которые дали России ряд опытных пчеловодов.

Опытная Измайловская пасека возникла по инициативе Г. А. Александрова на средства А. И. Евсеева, известных пчеловодов, по планам архитектора П. С. Кампиони. Местом для пасеки был избран Измайловский лес, любимое охотничье местопребывание царя Алексея Михайловича, имевшего здесь и дворец и, по преданию, пасеку.

Начало устройству пасеки было положено в 1864 г., днем же ее открытия и основания считалось 27 июля 1865 г. — день тезоименитства покровителя Общества акклиматизации животных и растений великого князя Николая Николаевича старшего, который 3 октября того же года посетил лично новоустроенную пасеку. В 1867 г. на пасеке была устроена первая выставка пчеловодства, не только на

* Так в тексте. Правильно: Боровицким.

пасеке, но и вообще в России. В 1868 г. была устроена новая выставка, затем снова в 1878 г.

В 1887 г. отделение пчеловодства, основанное при Обществе акклиматизации в 1882 г., при посредстве опытной пасеки устроило первую в мире передвижную выставку пчеловодства на барке, посетившей 8 селений, расположенных по берегам реки Москвы. В 1894 г. была вторая и в 1896 г. третья передвижная выставка, причем последняя имела вид палатки и перевозилась в Смоленской губернии на лошадях и по железной дороге. После этого пасека принимала участие и на многих других выставках.

С 1885 г. пасекой управлял незабвенный Ф. С. Мочалкин, который в 1896 г. избран был пожизненным заведующим пасекой. Каждое лето, в мае и июне месяцах, на пасеке велись воскресные беседы с демонстрацией главнейших приемов рационального пчеловодства. На пасеке рациональному пчеловедению ежегодно обучались около 10 лиц. Они принимались из окончивших с успехом курс, в крайнем случае церковно-приходской школы, должны были быть не моложе 17 лет и способными к физическому труду. Продолжительность курса: начало — приблизительно 10—15 апреля, а для учителей 1 мая, конец — сборка пчел на зимовку осенью. Поступавшие пользовались бесплатным помещением и учебными пособиями. Желавшие устроиться с продовольствием могли иметь у пчеловода ужин, обед и два раза в день кипяток для чая за 10 руб. в месяц. Практические работы на пасеке начинались с 7 часов утра, продолжаясь до 9-ти; затем с 10 до 12-ти, с 2-х до 4-х и с 5-ти до 7 вечера. По окончании курса лица, его прошедшие, подвергались испытанию и получали свидетельства, соответственно своим знаниям.

Я первый раз познакомился с пасекой в 1906 г., приехав на пасеку по приглашению покойного Ф. С. Мочалкина летом, 25 июля. В этот день всем практикантам, которых было в то время 11 человек, было произведено выпускное испытание. По просьбе Мочалкина, я принял на себя председательствование в экзаменационной комиссии, в состав коей входили тогда инспектор сельского хозяйства Н. А. Крюков, профессор зоологии Н. А. Кожевников, директор Зоологического сада В. А. Погоржельский, ботаник И. Ф. Мейснер, сам Мочалкин и садовод П. И. Орлов.

Ознакомившись подробно с пасекой, я вынес удивительно отрадное впечатление, а в следующем году я уже был избран пожизненным почетным попечителем и председателем правления комитета пасеки, после чего стал бывать на пасеке довольно часто, входя во все ее нужды и принимая близко к сердцу ее интересы. Каждый мой приезд на пасеку был для меня настоящим отдыхом; иметь же дело с достойным тружеником Ф. С. Мочалкиным, отдавшим все свои силы и знания пчеловодству, несмотря на его несколько настойчивый характер, было всегда приятно. Узнав о его кончине, я искренно скорбел. Вспоминая сейчас Ф. С. Мочалкина, перед моими

глазами встает эта светлая личность, столь много работавшая и, по скромности своей, старавшаяся всегда оставаться в тени.

Отпевание Мочалкина происходило в приходском храме, почтить его память явились все, кто только соприкасался с ним, все его оплакивали и отдавали должное его памяти. Хоронили его на Ваганьковом кладбище. Профессор Кулагин сказал при этом очень прочувствованную речь, посвященную памяти покойного, указав, что незабвенный Федор Семенович, сам вышедший из народа, насаждал среди крестьян пчеловодство, всю свою жизнь посвящал себя благосостоянию народному.

На ближайшем заседании комитета, происходившем у меня 11 марта и посвященном памяти Ф. С. Мочалкина, заведующим пасекой был избран профессор Г. А. Кожевников, а членом правления — И. С. Мочалкин, брат покойного.

3 марта в Государственном Совете прошел законопроект о попудном сборе с товаров в пользу городов. Этот законопроект защитники интересов городов давно уже хотели провести. Еще покойный великий князь Сергей Александрович, в бытность свою московским генерал-губернатором, очень ратовал за него для г. Москвы, и ему в Министерстве финансов это было обещано. В. И. Ковалевским в свое время была составлена особая докладная записка, в которой упоминалось, что московскому генерал-губернатору проведение закона о попудном сборе было категорически обещано. По докладе этой записки графу Витте, этот последний положил резолюцию: «Не согласен. Мало ли что было обещано». Это вызвало тогда большой конфликт между Витте и великим князем. В 1910 г., много лет спустя, этот законопроект, прошедший в Думе, рассматривался в Государственном Совете. Витте опять горячо возражал, находя, что этот сбор окажет влияние на железнодорожный тариф. Все же, большинством голосов против Витте, поляков и представителей торгово-промышленной группы, законопроект прошел.

В тот же самый день, 3 марта, в Государственной Думе в Петербурге произошел целый скандал при обсуждении сметы Министерства народного просвещения. Речь министра А. Н. Шварца не понравилась части членов Думы, которых раздражило пренебрежительное отношение Шварца к некоторым пожеланиям Думы. Шварц находил их противоречащими и несоответствовавшими делу.

Затем выступил член Думы Пуришкевич и стал говорить об академическом студенческом движении, во главе которого стояли он, Замысловский, Марков 2-й и Гижицкий и которое создалось благодаря тому, что студенчество в стенах высшей школы не находило поддержки, так как профессорский Академический союз привел к тому, что в высших школах распорядителями явились левые, а левое студенчество — это «все, — по словам Пуришкевича, — евреи, а над ними профессора, среди коих тоже немало евреев, и поэтому в университетах воцарилась анархия». При этом, как

иллюстрацию, Пуришкевич привел пример, что «в Петербургском университете среди членов Совета старост на юридическом факультете находится женщина-еврейка, которая носит название «юридической матки» и находится в близких физических сношениях со всеми членами Совета».

В Думе поднялся шум, крики: «Негодяй!» «Вон его!»

Пуришкевич кричал: «Это верно, господа, правда, верно!»

Опять крики: «Негодяй! Вон!»

Пуришкевич: «Нет, я не уйду».

Председателю, Хомякову, кое-как удалось успокоить членов Думы, и он сказал: «На совести того, кто говорит, лежит ответственность».

Оппозиция негодовала. Депутаты, с Милюковым во главе, требовали лишить слова Пуришкевича, а справа кричали Милюкову: «Пошел вон!»

Хомяков обратился к Милюкову: «Член Государственной Думы Милюков, прошу Вас держать себя прилично».

Правые на это аплодировали, Пуришкевич хохотал. Началось препирательство Хомякова с Милюковым, переходившее почти в брань. В конце концов Хомяков объявил перерыв на час. По возобновлении заседания Хомяков, ознакомившись со стенограммой, лишил слова Пуришкевича, а Милюкову поставил на вид самым серьезным образом, что такие действия, как его, «недопустимы и постыдны со стороны человека, который должен был бы...»

Милюков с места начал протестовать, опять поднялись крики; Хомяков тогда, передав председательство Шидловскому, удалился.

Последствием этого все фракции оппозиции решились обратиться к Хомякову с открытым письмом, указав на недопустимость выражения «постыдно» по адресу такого незапятнанного политического деятеля, каким был Милюков. Правые, в свою очередь, подали протест против действий Хомякова за то, что перерывом заседания он не дал возможности министру народного просвещения воспользоваться статьей 40, чтобы обратиться к Думе с заявлением, которое тот хотел сделать.

Как результат всего этого — Хомяков решил уйти и подал в отставку. Он не мог остаться Председателем, так как оказался под протестом и левой, и правой групп, что значительно превосходило центр.

7 марта на место Хомякова избран был А. И. Гучков, большинством 221 голоса против 68-ми. 12 марта Гучков первый раз председательствовал в Думе и произнес длинную пространную речь. Он говорил, между прочим, о темных силах, парализовавших и искажавших думскую работу, говорил, что он сосчитается с ними, затем говорил о приверженности к конституционному строю, но высказал при этом, что к парламентаризму относится отрицательно. По отзывам большинства, речь его произвела хорошее впечатление, ее находили конституционной и корректной.

12 марта я получил предложение министра внутренних дел, за отказом генерала от инфантерии Глазова, взять на себя председательствование в Особом совещании по выработке мер реставрации испорченной живописи в храме Христа Спасителя и предотвращении таковой порчи в будущем. Такое предложение мне было не особенно по душе, так как ведению дел в этом совещании я не сочувствовал, да и считал себя совершенно некомпетентным в этом деле. Отклонить же от себя эту честь я не мог, и потому пришлось, весьма нехотя, взять на себя эту трудную и ответственную задачу. Будучи завален массой дел по всевозможным отраслям, я боялся также, что еще новое и столь сложное дело будет мне не по силам.

В это время в храме Христа Спасителя шли работы по реставрации попорченной живописи на огромной иконе «Тайная вечеря». Потом предстояло восстановить живопись и на других иконах, а главное, переустроить отопление, так как именно благодаря несовершенству его и происходила порча живописи. Большую помощь в этом деле мне оказал губернский инженер Н. Г. Фалеев, который помог мне разобраться в этом сложном деле и советами которого я все время пользовался.

В 1909 г. мною было издано обязательное постановление о полицейских сторожах в дачных местностях и в тех крестьянских селениях, в коих имелись дачи. Мера эта была вызвана малочисленностью полиции в уездах и чрезвычайно быстро развивавшейся дачной жизнью, так, в одном Московском уезде было 65 дачных поселков и в остальных уездах 23 поселка. Между тем штат полиции — один урядник на волость и некоторое количество стражников — не в состоянии были обслуживать столь густонаселенные пункты, какими являлись дачные места.

Согласно обязательного постановления эти 88 дачных поселков обслуживались 912 стражниками на 304 поста. Весной 1910 г., после года опыта в этом отношении, убедившись, что сами владельцы дач и поселков прониклись необходимостью иметь полицейских сторожей, так как многие, по собственному почину, стали увеличивать у себя утвержденный мною штат, а в местах, где они не были введены обязательным постановлением, сторожевая охрана вводилась самими владельцами, я нашел возможным отменить изданное мною постановление, обратившись к населению губернии со следующим объявлением:

«7 июля 1909 г. мною было издано обязательное положение о полицейских сторожах в дачных местностях и в тех крестьянских селениях, в коих имеются дачи. Ныне, убедясь, что население вполне осознало пользу и необходимость постовой службы, что видно из того, что оно по собственному почину вводит сторожей в разных местах, последствием чего явилось значительное уменьшение воровства и хулиганства в дачных местностях, я признал возможным

Храм Христа Спасителя

отменить сказанные постановления об обязательном содержании сторожей с тем, чтобы сами владельцы дач, сельские общества и общества благоустройства ведали охрану поселков, нанимая от себя сторожей и при содействии полиции наблюдая за исполнением ими своих обязанностей.

Объявляя о сем, напоминаю населению вверенной мне губернии о крайней необходимости, ради охранения имущества и безопасности, не только сохранить постовых сторожей в тех местах, где они уже имеются, но и увеличивать их число, по мере надобности, и завести их там, где их еще нет. Только при хорошей сторожевой службе можно создать спокойную жизнь в поселках, а от этого условия зависит и самое благосостояние дачевладельцев. В ту местность, где воровство и хулиганство, дачники не поедут, и цены на дачи упадут. А поэтому дачевладельцам и крестьянам, отдающим свои дома под дачи, надо самим позаботиться о своих интересах и о безопасности своих жильцов.

Сторожевая служба уже введена и пользу свою доказала, стоит только поддержать ее, а это не так трудно, потому что она при справедливой и добровольной раскладке ложится на каждого владельца самым незначительным бременем».

Население откликнулось на мой приказ с большим сочувствием и, до конца моего губернаторства, у меня не было ни одного случая, чтобы где-либо владельцы отказывались содержать сторожей. Случаи грабежей в поселках почти не имели места.

14 марта Москва встречала короля сербского Петра I. Это радостное событие восторженно отозвалось в сердцах всех истинно русских людей первопрестольной, и везде, куда ни появлялся король, толпы народа встречали его с горячим искренним чувством. Действительно, древняя русская столица встречала в своих стенах первого короля Сербии из славной династии Карагеоргиевичей, 40 лет находившегося в изгнании и возвратившегося на родную ему Сербскую землю. Посещение Москвы Петром I, потомком героя, положившего начало освобождению Сербии от турецкого ига и тем самым способствовавшего возрождению всего южного славянства, невольно будило в душе каждого русского воспоминание о роли Москвы в общественном деле. Именно в сердце России, в старой Москве, зародилось то могучее славянофильское движение, которое 34 года назад, когда пробил роковой час последней борьбы за освобождение сербской нации, охватило все слои русского общества и подняло на защиту Сербии от турецкого нашествия до 10 000 русских добровольцев.

Ровно в 9 часов утра с императорским поездом прибыл король Петр Сербский. Вместе с королем прибыли: премьер-министр Никола Пашич, лидер Радикальной партии с самого ее основания, бывший несколько раз Председателем Скупщины, сербским посланником в Петербурге, министром-президентом и просто министром;

затем Милован Милованович — министр иностранных дел, крупный политический деятель и тонкий дипломат, и лица свиты, а также и посланник в Петербурге Попович.

На перроне вокзала был выстроен почетный караул от Лейб-гренадерского Екатеринославского полка, на правом фланге коего были выстроены все должностные военные лица во главе с генералом Плеве. Должностные лица и городской голова находились на платформе, сербская же колония ожидала прибытия короля в парадных комнатах вокзала.

Король вышел из вагона, хор музыки заиграл встречу, а затем сербский гимн. Поздоровавшись со всеми нами, собравшимися для встречи, сербский король прошел по фронту почетного караула, принял ординарцев и затем пропустил мимо себя караул церемониальным маршем, поблагодарив по-русски: «Спасибо».

В парадных покоях король был встречен восторженными криками «Живио» сербской колонии. С вокзала король проехал в Иверскую часовню и оттуда в отведенное ему помещение в Кремле. Отдохнув немного, король отправился к обедне в Успенский собор, после осматривал соборы, посетил усыпальницу великого князя Сергея Александровича. В час дня у короля состоялся завтрак, к которому были приглашены, кроме лиц свиты короля, князь Одоевский-Маслов, заведовавший дворцовой частью в Москве, его помощник К. К. Истомин и я. Король был очень любезен, держал себя чрезвычайно просто, но казался крайне утомленным.

В 3 часа дня король принимал депутацию от городского управления, которая поднесла хлеб-соль, причем городской голова обратился к королю со следующими словами: «Древней Москве, первопрестольной столице русской, всегда были близки судьбы братских славянских народов. Горячо приветствуя ваше величество и, в лице вашем, сербский народ, я от имени московского городского управления прошу ваше величество, по древнему русскому обычаю, принять хлеб-соль».

Король отвечал на сербском языке, благодарил за привет, выражая радость находиться в Москве — сердце России, центре православия. Король высказал сожаление, что недостаток времени лишает его возможности остаться дольше в Москве и осмотреть ее сокровища. Затем король продолжал беседу с Н. И. Гучковым на французском языке и, на приглашение посетить Третьяковскую галерею, ответил согласием. Посещение состоялось на другой день.

По осмотре Оружейной палаты король проехался по улицам Москвы в коляске и был везде встречаем с восторгом. В 7 часов вечера у короля состоялся обед, на который были приглашены все должностные лица г. Москвы и городской голова, а затем король присутствовал в Большом театре, где шел балет «Спящая красавица».

На другой день король, осмотрев на Варварке дом бояр Романовых, проехал в Сербское подворье, где уже шло богослужение. При

входе короля в церковь, его осенили знаменем добровольцев, ходивших в 1876 г. в Сербию. Король занял почетное место, и знамя поставили около него. После обедни король беседовал с представителями сербской колонии и направился к стоявшей группе учащейся в Московском университете молодежи. Со студентами король был весьма милостив. Он вошел в самую середину группы, беседовал, шутил, расспрашивал, ходят ли студенты в церковь, советовал молодежи учиться и, набравшись знаний, возвращаться скорее в Сербию, послужить родной стране, советовал в молодые годы заниматься науками, а не политикой.

Простившись с сербской колонией, которая восторженно провожала его величество гимном, король посетил несколько магазинов наиболее известных русских фирм. С большим интересом осматривал король Кустарный музей московского губернского земства. Художественные работы кустарей его чрезвычайно заинтересовали. Председателем губернской земской управы Рихтером была преподнесена его величеству хлеб-соль на оригинальном блюде. Король осмотрел все отделы выставки, интересовался подробностями и приобрел некоторые изделия в русском стиле и характерные русские игрушки.

После завтрака с градоначальником, князем Одоевским-Масловым, и мною в «Эрмитаже», король принимал во дворце депутацию московского дворянства в составе исправляющего должность губернского предводителя дворянства князя С. Б. Мещерского, уездных предводителей графа М. А. Олсуфьева и барона В. Д. Шеппинга, секретаря дворянства А. В. Макарова и депутата Е. М. Пржевальского. Депутация поднесла королю хлеб-соль на деревянном блюде с серебряными украшениями и эмалевым снимком Кремля.

В 7 часов вечера король отбыл на Брянский вокзал. Вся площадь перед вокзалом была сплошь усеяна народом, приветствовавшим короля, весь перрон вокзала был красиво убран сербскими национальными флагами и материями сербских цветов. Все утопало в зелени. Сербская колония встретила короля криками «ура» и «живио».

Из вагона король обратился к провожавшим с несколькими словами: «Мне очень жаль, что я так мало был в вашей среде, где так умеют любить своих братьев. Спасибо. Прощайте, — а обратившись к сербам: — Любите и милуйте друг друга, а студентов прошу учиться и заниматься», — при этом шутливо погрозил им пальцем. «До свидания на родине», — прибавил им король.

25 марта скончался вице-губернатор А. С. Федоров. Он заболел еще 5 месяцев тому назад, когда с ним случился первый удар. Потом он стал поправляться и последнее время чувствовал себя хорошо, стал выезжать, как вдруг новый удар постиг его в самый день Благовещения. Он скончался 52 лет от роду.

А. С. Федоров получил образование в Императорском Алек-

сандровском лицее в Петербурге, был одно время товарищем прокурора в Тверском окружном суде, а с 1891 г. по 1905 г. состоял чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе великом князе Сергее Александровиче, а с назначением меня губернатором в 1905 г. был назначен вице-губернатором.

Отец его, Сергей Петрович Федоров, был также московским вице-губернатором в 60-х годах истекшего столетия. Федоровы были коренные москвичи.

Среди товарищей лицея и своих сослуживцев он пользовался не только симпатиями, но и уважением, благодаря скромному характеру, доброте и утонченному джентльменству. Ему пришлось перенести много тяжелого после смерти отца, оставившего вдову и несовершеннолетних братьев совсем разоренными. Александр Сергеевич взял на себя все заботы и, проникнутый скорбью и любовью к своим близким, особенно к своей горячо любимой матери, он принял на себя иго семейного горя, посвятив все лучшие годы своей жизни исключительно заботе о них. Выхлопотав матери пенсию и непрестанно ей помогая, устроив братьев в учебные заведения, он разделял с ними свои скромные служебные заработки. Это дело любви он творил тихо и скромно, находя в то же время возможным помогать и каждому страждущему, обращавшемуся к нему за помощью. Он был человеком глубоко верующим и религиозным.

Отпевали его в церкви Ржевской Божьей Матери, в присутствии его многочисленных сослуживцев, друзей и близких. Хоронили 27 марта в Алексеевском монастыре.

На место Федорова, как я уже упоминал в своих воспоминаниях за 1909 г., был назначен А. М. Устинов. Когда А. С. Федоров заболел и, по мнению врачей, дни его были сочтены, я тогда же остановился на мысли провести в вице-губернаторы А. М. Устинова, и, как только бедный Федоров скончался, я позвонил по телефону П. А. Столыпину в Петербург и, доложив о кончине Федорова, просил, в личное мне одолжение, назначить на его место Устинова, что к моему большому удовлетворению и было им исполнено.

Оказалось, что обратился я к Столыпину как раз вовремя, так как не успела еще весть о кончине Федорова получить должное распространение, как со всех сторон к Столыпину посыпались всевозможные ходатайства от разных влиятельных лиц, не исключая и великих князей, о назначении на эту должность всевозможных кандитатов. Как мне говорил сам Столыпин, он очень был рад моему непосредственному обращению к нему с просьбой за Устинова, так как это дало ему возможность отклонить все ходатайства, обращенные к нему, и пресечь дальнейшие, не возбуждая против себя неудовольствия, так как назначение уже состоялось.

31 марта в Петербурге, в Государственной Думе, происходили прения по поводу запроса о новых Правилах применения статьи

96-ой Основных законов, измененных в прошлом, 1909 г., после конфликта в Совете Министров.

Член Думы социал-демократ Покровский, говоря по этому поводу и отметив постепенное передвижение курса правительства направо, закончил свою речь словами: «Если октябристы и теперь промолчат, то лучше уже им прямо провозгласить лозунг — «Долой народное представительство, да здравствует министерская передняя!»

Националист Л. А. Половцев не усматривал в Правилах 24 августа нарушения конституции, так как «в Российском государстве таковой нет», — сказал он. Как только он произнес эти слова, справа раздались ожесточенные аплодисменты. «И не было конституции», — кричал кто-то. «И не будет», — воскликнул Пуришкевич.

«Наш государственный строй, — продолжал Половцев, — самодержавно-представительный», — и затем принялся развивать свой взгляд.

Затем на кафедру вошел Милюков и большую часть своей речи посвятил юридическому анализу наших Основных законов. По его мнению, в новых Правилах 24 августа можно усмотреть отступление от смысла закона, и потому акт этот надлежало бы считать незакономерным. Перейдя затем к отношению партий к запросу правительства по поводу этих Правил, он говорил, что, отвергая запрос, все эти партии сыграли в молчанку, благодаря чему наросло много неопределенности, неясности. «Куда же идет наша государственность? — задал вопрос Милюков. — Не идет ли на смену октябристам более правая сила? Вот ужасное сообщение «Русского знамени» [4], что Государь и наследник состоят членами «Союза русского народа», не опровергнуто», — добавил Милюков.

«Потому что это правда», — крикнул Пуришкевич. На правых скамьях поднялся шум.

«Обвинение монарху, — продолжал Милюков, — что он состоит членом союза убийц и погромщиков».

При этих словах правые, вскочив с места, стали потрясать кулаками, слова: «сволочь», «мерзавец», «морду побью», «жидовский наемник», «скотина», «последний зуб выбьем» и другие ругательства раздавались в воздухе.

Милюков, выждав данный ему срок для речи, сошел с кафедры, правые кричали ему вслед «мерзавец» и «подлец».

Когда наступила тишина, на кафедру вошел П. А. Столыпин и произнес речь в защиту изданных Правил по применению статьи 96 и в конце своей речи подчеркнул, что до сих пор Дума всегда относилась с уважением к прерогативам верховной власти — вождя армии, а правительство, со своей стороны, никогда не покушалось на права Думы. Речью Столыпина все было исчерпано, и понемногу страсти улеглись. Запрос был отвергнут.

8 апреля в Москву к великой княгине Елизавете Федоровне приехала из-за границы ее сестра принцесса Ирина Прусская, чтобы присутствовать на другой день при посвящении великой княгини в настоятельницы устроенной ею обители милосердия. После встречи на вокзале принцесса проехала в Николаевский дворец, где ей отведено было помещение.

9 апреля во вновь оборудованной Марфо-Мариинской обители сестер милосердия, устроенной на средства великой княгини Елизаветы Федоровны, состоялось посвящение «на служение Богу и ближнему» великой княгини и 18 сестер обители.

В храме обители было отслужено торжественное всенощное бдение епископом Трифоном в сослужении настоятеля храма отца Митрофана Сребрянского и других священников. Перед великим славословием великая княгиня и 18 сестер обители дали торжественный обет посвятить себя служению ближнему. А на другой день, 10 апреля, великая княгиня дала обет управлять основанной ею обителью.

В этот день в 9 с половиной часов утра прибыл митрополит Владимир. После встречи началась обедня. Великая княгиня и все сестры были в светлых одеждах. На голове апостольник — белый полотняный платок, покрывавший голову; на груди кипарисовый восьмиконечный крест с изображением — на лицевой стороне Спаса Нерукотворного и Богоматери, с омофором, простершей руки; на оборотной — изображение святых Марфы и Марии и слова Господней заповеди о любви к Богу и ближним. Поверх апостольника длинное покрывало, спускавшееся с головы до пояса. Такие покрывала носили женщины в древние времена. Покрывало и платья были шерстяной серой материи.

На малом входе с Евангелием протодиакон храма Христа Спасителя подвел великую княгиню к алтарю. Положив три земных поклона, великая княгиня подошла к митрополиту Владимиру и на его вопрос дала обет управлять обителью милосердия в духе православной Церкви до конца дней своей жизни.

Митрополит, сняв с великой княгини крест и покрывало сестры, прочитал особую молитву и, возложив на нее настоятельский крест и покрывало, провозгласил «Аксиос» (достойная). Этим обряд окончился.

Было трогательно, умилительно, у многих на глазах были слезы. Принцесса Ирина, видимо, была очень взволнована. Волнение от чего-то совершившегося крупного, хорошего, чувствовалось всеми. Присутствовали только лица свиты покойного великого князя и самые близкие.

В конце обедни все принявшие обет сестры во главе со своей новой настоятельницей приобщались Святых Тайн.

После обедни все были приглашены к чаю. В два часа дня великая княгиня и сестры ездили в Чудов монастырь и усыпальницу великого князя.

Совершенный чин принятия обета служения Богу и ближним, делам милосердия не был, как многие тогда думали, посвящением в сан диаконисс. Посвящение в сан диаконис церковной иерархии, чин, совершавшийся над женщиной, вел свое начало от апостольских времен. В диаконисы вступали женщины, избиравшиеся на служение Церкви. Над ними совершался особый чин посвящения — они вводились в алтарь чрез Царские врата и причащались в алтаре вместе с диаконами. Но этот чин совершенно оставлен нашей Церковью, Русская Церковь никогда его не знала.

Великая же княгиня принесла тогда только обет посвятить себя делу служения Богу и ближнему, чин этого посвящения был составлен епископом Трифоном и утвержден митрополитом Владимиром.

В Марфо-Мариинской обители насчитывалось к тому времени 45 сестер, из коих обет приняли 18. Остальные остались на воспитании, с тем чтобы приготовиться к принятию на себя обета 1 октября, в день храмового праздника обители.

С этого дня великая княгиня совсем поселилась на Ордынке, покинув Николаевский дворец, и вся ушла в заботы о своем новом детище — обители настоящего милосердия в полном смысле этого слова.

Во второй половине апреля в техническом училище в Москве открылась выставка по воздухоплаванию. Это была первая выставка, собрано было много интересного, все это было еще так ново, воздухоплавание делало только свои первые шаги.

Россия, конечно, сильно отстала от Запада, но интерес к воздухоплаванию был такой огромный, что все надеялись, что Россия догонит Запад. Одновременно с выставкой на скаковом поле происходили пробные полеты бипланов. Публика наводняла Ходынское поле в течение нескольких дней, когда Уточкин летал на своем биплане. Мне хотелось испробовать впечатление от полета и, сговорившись с Уточкиным, я приехал на Ходынское поле к вечеру. Биплан Уточкина был системы «Фарман», весил он 30 пудов, площадь поверхности 40 кв. м, наибольшая скорость около 100 км (92 версты). Пилот сидел впереди, пассажир сзади, несколько выше и на крошечном велосипедном сиденье, упора почти никакого, ноги можно было упереть в тоненькую жердочку, а руками держаться за такие же тоненькие поперечные жердочки. Казалось, что эти жердочки сейчас сломаются. Вокруг была пустота, только одни проволоки, скреплявшие разные части аэроплана между собой. Когда я с большим трудом пролез чрез все эти проволоки и уселся на этом крошечном сиденье, то почувствовал такую неловкость и неустойчивость, что чуть было не смалодушничал и не слез. Стыд перед Уточкиным и публикой, которой все же собралось порядочно, взял верх, и я остался. Мотор был сзади. Уточкин попросил меня снять шапку, боясь, что ее у меня сорвет ветром и она попадет в мотор.

Так без шапки я и полетел. Сначала было очень неприятно, пока биплан катился по земле, такое чувство, что вот сейчас от толчка я вылечу. Но вдруг как-то неожиданно толчки прекратились, стало сразу как-то удобно сидеть, я посмотрел вниз — земля быстро уходила от нас. Адский шум мотора и страшный ветер мешали сосредоточиться, но чувство было удивительно приятное, уже не казалось, что я кувыркнусь, явилась устойчивость, уверенность. Чем дальше летели, тем больше было уверенности, я даже отнимал иногда руку от жерди, за которую держался. Мы описали круг и спустились. Спуск был неприятен, особенно когда коснулись земли. Стало даже досадно, что вернулся так скоро на землю.

После меня Уточкин взял помощника градоначальника Модля и Е. Л. Гришинскую, молодую, красивую женщину, чудно игравшую на арфе. Она тоже решилась испробовать впечатление от полета. С ней Уточкин летал смелее, он поднялся вдвое выше, чем со мной, и сделал несколько кругов.

К этому же времени относится и учреждение в Москве Общества воздухоплавания, председателем коего был избран командующий войсками П. А. Плеве.

6 мая молодое, только что возникшее Общество воздухоплавания, среди членов которого был и я, чествовало Уточкина в ресторане «Яр». Он произвел очень хорошее впечатление своей скромностью и непосредственностью. Сам он был человек совершенно необразованный, теория воздухоплавания и детали машины ему мало были знакомы, он и не углублялся в это, находясь всецело в руках своего механика иностранца, который его, без сомнения, эксплуатировал. Уточкин производил впечатление очень доброго, доверчивого человека. Он был просто очень смелый, отчаянный по характеру спортсмен.

9 мая он участвовал в полетах в Москве в последний раз. Публика наполняла в этот день аэродром; площадь перед трибунами тоже кишела народом, которого было даже больше, чем бывало на «Дерби». Ходынское поле было также полно бесплатной публикой. Уточкин должен был, согласно программе, продержаться в воздухе целый час, проделывая разные эволюции. Он сразу поднялся довольно высоко и как-то моментально вылетел из круга, скрывшись с глаз платной публики и доставив этим большое удовольствие бесплатной, наполнявшей Ходынское поле. Более получаса публика ждала Уточкина, который совсем скрылся из глаз. Явилось даже опасение, не случилось ли чего с ним. Полковник Модль на автомобиле поехал его разыскивать, конные городовые поскакали тоже в разные стороны. Беспокойство оказалось напрасным. Уточкин просто совершил полет над городом; он полетел на Пресню, оттуда над Ваганьковым кладбищем сделал круг и, направившись к Всехсвятскому, вернулся обратно. Его возвращение вызвало общий крик восторга, его биплан, освещенный лучами заходившего солнца,

эффектно выделялся на небосклоне. Над публикой он совершил несколько фигурных эволюций, потом сразу спустился вниз и пролетел низко, всего в нескольких метрах над головами зрителей, вызвав страшный переполох, потом опять поднялся на площадку аэродрома. На другой день он уехал в Харьков.

В начале мая состоялся пробег автомобилей Москва — Тула — Орел. Участвовало много машин, все обошлось благополучно. На шоссе близ г. Тулы стоял граф Л. Н. Толстой, приехавший из Ясной Поляны, чтоб посмотреть пробег. Это доставило гонщикам большую радость. Один из автомобилистов, проезжая мимо Толстого, замедлил ход и приветствовал великого писателя от имени всех участников гонки. «Благодарю вас, господа, — сказал им Толстой, — но зачем вы так тихо едете, ведь вы отстанете». По прибытии в Орел все участники гонки послали графу Толстому депешу. [...]

7 мая, в день погребения в Лондоне скончавшегося английского короля Эдуарда VII, в англиканской церкви св. Андрея в Москве была отслужена торжественная заупокойная служба. Весь храм был задрапирован траурными материями, убран живыми цветами, преимущественно белыми. Ближе к амвону, вместо катафалка был возложен большой крест из белых лилий, роз и ландышей. В вестибюле храма, среди зелени, на щитах английских национальных флагов — портрет короля Эдуарда VII. Храм был переполнен: великая княгиня Елизавета Федоровна, в своем одеянии сестры Марфо-Мариинской обители, со своей помощницей по обители В. С. Гордеевой, все московские власти и представители сословий, вся английская колония и много молящихся.

При входе всем были розданы книжки, украшенные траурной виньеткой и содержавшие в себе весь чин заупокойной службы. Богослужение было совершено пастором англиканской церкви Уайбером, по тому же чину, по которому оно совершалось в этот же день в Лондоне, у тела почившего короля. Богослужение прошло очень торжественно при чудной игре на органе и пении церковного хора, между песнопениями пастор произнес слово, посвященное памяти короля.

6 мая в Клинском уезде, при деревне Лачикиной, в имении Скворцова, в моем присутствии, состоялось открытие первой колонии для лиц, отбывших наказание в тюрьмах, которым некуда было деваться. Эта колония была организована Обществом ремесленных и земледельческих колоний. Призреваемых, ко времени моего посещения, было уже 17 человек, из коих 2 женщины. Колония не задавалась широкими целями, развивалась в скромных размерах, ограничившись на первое время огородом и небольшим молочным хозяйством.

По открытии колонии, я проехал к предводителю дворянства барону В. Д. Шеппингу, а вечером возвратился в Москву. Когда я приехал на станцию Подсолнечное и сел в свой вагон, то до

прихода поезда оставалось еще с получаса. Для прицепки к поезду мой вагон повезли на другой путь, и когда вагон остановился у платформы, а я стоял у окна, любуясь заходившим солнцем, то услыхал вдруг разговор двух каких-то крестьян на платформе: «Чаво этот вахон катают?» — «Как чаво? В ем губернатор сидит». — «Так чавожь его катают?» — «А очень просто, нажрался у Шеппинга, теперь спит, а его и катают».

Исправник Берс (брат С. А.Толстой), стоявший возле меня, был крайне шокирован и не знал, что предпринять. Я его успокоил, рассмеялся и сказал, что меня это только забавляет и доставляет большое удовольствие слышать такой непосредственный разговор. Приехав в Москву, я всех потешал этим рассказом.

13 мая в Петербурге состоялось торжественное освящение памятника императору Петру I, сооруженного чинами Лейб-гвардии Преображенского полка в воспоминание 200-летия со дня Полтавской битвы. Памятник был сооружен в саду перед казармами полка на Кирочной улице.

В 11 часов утра все 4 батальона полка со всеми историческими знаменами, начиная с петровских, построились на 3 фаса, покоем. На правом фланге оркестр музыки и все начальство — временно командовавший войсками генерал Газенкампф, командир корпуса генерал-адъютант Данилов, начальник дивизии генерал Мрозовский и командир бригады Зайончковский; на левом фланге — прежде служившие в полку офицеры, пажи, будущие офицеры полка и инвалиды Николаевской Чесменской богадельни — преображенцы. У самого входа в сад, с улицы, была устроена палатка для приглашенных дам. Правее палатки, в ожидании Государя, находилось дежурство, составленное из преображенцев — генерал-адъютанта графа Татищева, меня — дежурного Свиты генерала и флигель-адъютанта Нарышкина.

Памятник Петру I был закрыт пеленой, которую поддерживали два рослых преображенца в морских рубахах с красными воротами — гребцы с преображенского катера, готовые сдернуть покрывало по первому сигналу.

Издали послышалось «ура» заполнявшего все смежные улицы народа — ехал Государь. Раздалась команда «На караул», забили барабаны, музыка заиграла встречу, сменившуюся гимном, склонились старые знамена. Государь, приняв рапорт командира полка генерала Гулевича, пошел по фронту полка, здороваясь с каждым батальоном отдельно.

После обхода опять раздалась команда «На караул», музыка заиграла «Коль славен» — двигался крестный ход. Началось молебствие с коленопреклонением. При пении «вечная память» Петру I спала завеса, покрывавшая памятник, и взорам присутствовавших представился Петр I, во весь рост, в преображенском мундире своей эпохи, опиравшийся на трость, на гранитном пьедестале.

Послышалась вновь команда «На караул», забили барабаны, раздались звуки Петровского Преображенского марша — это полк отдавал честь своему державному основателю, и лишь смолкла музыка, грянули стройные залпы всех 4 батальонов. Затем вновь обнажили головы — провозглашено было «Многая лета Российскому воинству», после чего под пение «Спаси, Господи» окропили памятник святой водой.

Картина была удивительно красива — в саду, среди зелени, при ярком солнце, три линии преображенцев в мундирах с красной грудью и новых киверах, блестящие разнообразные парадные мундиры, группы великих князей и военных, белые платья дам, все это вместе окружало небольшой, но внушительный памятник Петру I, а за решеткой сада стояла густая толпа народа.

Начался церемониальный марш, все 32 знамени прошли во главе полка. После парада в офицерском собрании состоялся завтрак в высочайшем присутствии.

На лицевой стороне памятника была надпись: «Державному основателю — преображенцы», на обратной: «Сооружен в благополучное царствование Николая II, в 200-летнюю годовщину Полтавской битвы»; с обеих сторон слова Петра Великого, справа: «А при Полтавской баталии сражался я с полком моим, лично был в великом огне», а слева: «По́том трудов моих создал я вас».

12 мая, после долгого розыска, арестован был убийца пристава Белянчикова (см. воспоминания за 1909 г.) Иван Журавлев при обстоятельствах, изложенных в нижеследующем моем приказе по полиции: «12 минувшего мая, благодаря бесстрашному самоотвержению надзирателя Московской сыскной полиции Муратова, поразившего всех геройским исполнением долга службы и совести, был задержан и передан в руки правосудия известный целым рядом злодейств Иван Журавлев. С радостным чувством осведомились, конечно, все чины полиции вверенной мне губернии о задержании человека, рукой которого еще так недавно был убит их товарищ по службе, становой пристав Московского уезда Белянчиков. Но это чувство удовлетворения, испытываемое всеми чинами уездной полиции, положившей столько труда на поиски Журавлева, омрачено будет вестью о преступных действиях урядника Михаила Клопичева, содержавшегося на средства Гефсиманского скита и обслуживавшего район местности монастырей Черниговского, Вифанского и Киновии. Дознание, произведенное по моему поручению, коллежским асессором Даксергофом, установило, что в минувшем 1909 г. Журавлев провел много времени в указанной местности, открыто посещая монастырские странноприимные дома, и вообще, не стесняясь, по-видимому, постоянным присутствием в ней полиции, в виде урядника Клопичева. Судебное следствие выяснит степень и характер виновности последнего, но и ныне я усматриваю трусливое, с его

стороны, бездействие власти, имевшее крайне важные последствия, ибо, не будучи задержан своевременно, Журавлев мог совершить ряд новых злодеяний, которые и заключил 12 мая убийством надзирателя Муратова. Не считая возможным оставлять в рядах вверенной мне полиции человека, столь существенно нарушившего ее традиции — верности долгу и бесстрашного служения общественному благу, — я приказал полицмейстеру Сергиевского Посада уволить Клопичева от должности урядника, возбудив уголовное против него преследование.

В это же время, я не могу оставить без внимания и образ действия ближайшего начальника Клопичева — пристава Сергиевского Посада Базилева, которого считаю виновным в серьезном нерадении к службе и в слабом надзоре за подчиненными. За указанный проступок я смещаю Базилева с должности пристава Сергиевского Посада на должность полицейского надзирателя при фабрике Товарищества Воскресенской мануфактуры при Нарофоминском отделении Верейского уезда».

20 июня я присутствовал на открытии первого крестьянского приюта, основанного на средства крестьян трех волостей Бронницкого уезда, близ станции Быково. Этот добрый почин крестьян следует отнести заботам земского начальника того участка Зволинского, который все интересы крестьян и их нужды принимал всегда очень близко к сердцу. В приюте ко времени его открытия было около 10 детей-сирот, не имевших родных. Дело надзора и уход за ними, установленные в приюте, не оставляли желать лучшего. Попечителем приюта крестьяне избрали Зволинского, который проявлял к этим детям прямо отеческие заботы.

В средних числах июня Императорским автомобильным обществом в С.-Петербурге был устроен пробег автомобилей С.-Петербург — Киев — Москва — С.-Петербург. В Москву гонщики ожидались 24 июня.

В 3 часа дня Московский клуб автомобилистов получил извещение, что гонщики следуют благополучно и выехали из Рославля. Об этом мне было доложено, и я выехал к месту финиша, который был назначен под Москвой на перекрестке дорог за Серпуховской заставой. Тут была арка с надписью «Добро пожаловать».

К месту финиша, кроме меня, приехали командовавший тогда войсками генерал Плеве, градоначальник Адрианов, представители города, земства и члены автомобильного клуба.

В 4 часа 45 минут взвился флаг — это был сигнал, что приближается первая машина, и чрез несколько минут у места финиша остановился командорский автомобиль, в котором сидели Н. К. фон Мекк, командир гонки, Стевенс и Шульгин. Главный командор всего пробега и инициатор его флигель-адъютант Свечин, отдававший весь свой досуг делу автомобильного спорта, к сожалению, должен был отстать вследствие несчастия, случившегося с ним по

дороге в Киев, в 15 верстах от Чернигова. Свечин, управлявший сам машиной, как полагали, задремал от усталости, и автомобиль его, следуя по прекрасному шоссе, вдруг свалился под откос. Машина разбилась, ранены были Свечин, шофер и контролер. У бедного Свечина оказался перелом двух ребер, кровоизлияние в плевре и кровоподтек в глазу, у шофера повреждена была почка, а у контролера переломлена ключица.

Они все были помещены в дом губернатора в Чернигове и окружены тщательными заботами. Свечин, благодаря Бога, скоро оправился, но это падение сильно отозвалось на его и без того слабом здоровье.

Первой машиной после командорской пришла «Опель» с владельцем Рунцем, затем прибыл Валенский на «Гагенау» и Ниточкин на «Блерио», затем уже остальные, всего прибыло 18 машин. Всех встречали очень горячо, музыка приветствовала каждый автомобиль тушем. В 6 часов 45 минут все машины направились в Москву, по всему пути густые толпы народа их приветствовали. В 8 часов машины были уже в Манеже, а гонщики разместились в отведенной им гостинице.

На следующий день Московский автомобильный клуб чествовал всех прибывших обедом в большом зале «Эрмитажа». Центральное место занимала княгиня Долгорукова, единственная женщина, участвовавшая в пробеге и все время сама управлявшая машиной. Обед был очень оживленный. Гонщики и шоферы-иностранцы разместились за отдельными столиками, по национальностям.

Была масса тостов, очень оживленно сменявшихся один за другим, в конце концов пили и за русского мужика, всюду радушно встречавшего гонщиков. Мое настроение было немного омрачено хулиганской выходкой какого-то субъекта в пределах Московской губернии. Не доезжая 50 верст до Москвы, в автомобиль № 24 кем-то брошен был букет с камнем внутри, который попал управлявшему машиной Церени прямо в глаз. Автомобиль, шедший со скоростью 65 верст в час, лишился руля, так как Церени, будучи ошеломлен, выпустил его из рук и чуть было не полетел в канаву; по счастию, Церени успел схватить руль, и несчастие было избегнуто.

28 июня назначена была гонка на скорость на 2 версты, такая же гонка была и в Киеве, но там всего на одну версту. К 10 часам утра, моменту выезда машин, у Манежа собрались густые толпы народа, такие же толпы стояли по всему пути следования машин по направлению к Тверской заставе.

В 11 часов все 37 машин двинулись в путь, имея во главе командорский автомобиль с Н. К. фон Мекком, и направились к селу Никольскому, где был финиш пробега. За этими машинами следовало еще столько же, если не больше, автомобилей с частными лицами и членами клуба.

Около места финиша поставлен был огромный шатер — рес-

торан, затем два ряда лож и отгороженное место для платной публики. Участвовавшие в гонках направились по направлению к Химкам.

Когда все было готово и Н. К. фон Мекк собирался дать сигнал к началу гонки, случился неожиданный казус. Я обратил внимание, что не вижу кареты «скорой помощи»; оказалось, распорядители гонки совсем о ней забыли. Как ни упрашивали меня, говоря, что у них есть врач, фельдшер, все медикаменты, я не поддался их мольбам и заявил, что, пока кареты «скорой помощи» не будет, начать гонку я не разрешаю. Стали тогда звонить по телефону и вызвали из Сущевской части карету «скорой помощи». Так как в то время еще не было автомобилей «скорой помощи», то, пока карета приехала, прошло больше часа времени. Распорядители были недовольны, публика косилась на них, осуждая их в недостаточной предусмотрительности, бранили, конечно, и меня за мой формализм. Зато хозяин ресторана был в восторге, так как не будь такой задержки, никогда бы он не получил столько прибыли. Наконец показалась карета «скорой помощи», гонка началась.

Первая машина Шишкина сделала 2 версты за 1 мин. 54 сек.; затем Рингса — в 1 мин. 7 и 4/5 сек.; Валенский на машине типа «Принц Генрих» — в 1 мин. 2 и 2/5 сек.; Пеге — в 1 мин. 4 и 1/5 сек. Последний получил первый приз Московского автомобильного клуба, так как у него машина имела всего 16 сил, а у Валенского 22 силы.

После этого состязания пустили москвичей — автомобиль Фейделя прошел расстояние в 54 сек., Рябушинского — в 55 и 4/5 сек., маленький автомобиль Жемлички, в 6 сил, — в 1 мин. 54 сек. Вся гонка, к счастию, обошлась без аварий, ничто не омрачило праздника.

На следующий день после гонки все 37 машин, пришедшие в Москву, двинулись в путь. Я командировал чиновника особых моих поручений в г. Клин, где автомобили имели 15-минутную остановку, чтоб приветствовать гонщиков на границе губернии и пожелать им дальнейшего благополучного следования, а княгине Долгоруковой передать от меня букет с пожеланием счастливого пути.

28 июня исполнилось столетие со дня основания Странноприимного дома графа Шереметева [5], этого памятника благотворительности рода Шереметевых, находившегося на Сухаревской площади и соединявшего в себе большой храм, больницу и богадельню.

После торжественного богослужения — литургии и молебствия, отслуженных митрополитом Владимиром в сослужении епископов Анастасия и Трифона, в присутствии великой княгини Елизаветы Федоровны, представителей администрации, общественных и сословных учреждений, массы приглашенных и потомков основателя Странноприимного дома графа Шереметева, состоялось торжественное заседание, открытое попечителем графом С. Д. Шереметевым.

По открытии заседания я огласил высочайший рескрипт, данный на имя графа Сергея Дмитриевича Шереметева. «Граф Сергей Дмитриевич. В царствование блаженные памяти прадеда нашего императора Александра I состоялось открытие благотворительной деятельности Странноприимного дома графа Шереметева, устроенного и вполне обеспеченного к дальнейшему существованию иждивением действительного тайного советника и обер-камергера графа Шереметева, неустанными заботами и трудами коего положено было прочное основание учреждению, оказавшему за время своего 100-летнего существования сотням тысяч страждущих и больных людей врачебную помощь, престарелым беднякам — приют и убежище, неимущим невестам нуждавшихся семейств и обедневшим ремесленникам — денежное вспомоществование. Вспоминая с отрадным чувством постоянные заботы о Странноприимном, в Москве, доме графа Шереметева почивших учредителей и попечителей его, считаю долгом выразить Вам, исполняющему в настоящее время обязанности попечителя сего учреждения, мою сердечную признательность за труды Ваши на пользу названного дома. Призывая Господнее благословение на дальнейшее преуспеяние учреждения, празднующего ныне свою 100-летнюю годовщину, пребываю к Вам неизменно благосклонным. Николай».

По окончании чтения рескрипта к графу Шереметеву обратился митрополит Владимир и, сказав краткое слово, благословил его иконой Иерусалимской Божьей Матери, после чего секретарь торжественного заседания Виноградов прочел краткий отчет о деятельности Странноприимного дома за истекшие 100 лет. В результате выяснилось, что все расходы за 100 лет выразились в сумме более 6 миллионов руб., причем благодеяниями дома воспользовались более двух миллионов человек.

По выслушании отчета начались приветствия. Первым приветствовал Странноприимный дом и попечителя оного я, от имени Председателя Совета Министров Столыпина и от себя лично. Затем главный смотритель дома, почтенный А. И. Гучков, прочел графу Шереметеву адрес от служащих и призреваемых, А. Д. Самарин — адрес от московского дворянства, в котором подчеркивалась связь между дворянством и Странноприимным домом, так как согласно положению о доме, главный смотритель избирался Московским губернским дворянским собранием из числа дворян Московской губернии. После адреса дворянства шли приветствия от многочисленных депутаций: городского управления, почти всех больниц г. Москвы, Московского университета и т. д. Большую речь произнес профессор Шервинский, 25 лет назад получивший возможность преподавать в Шереметевской больнице медицину студентам-медикам Московского университета.

По окончании приветствий и чтения полученных письменных поздравлений и депеш, обхода больницы и богадельни все, не

исключая и призреваемых, были приглашены к завтраку, который был накрыт в огромном зале Странноприимного дома.

Невольно вспоминалась на этом празднике светлая личность покойного Бориса Сергеевича Шереметева, бывшего в течение четверти века главным смотрителем Странноприимного дома и скончавшегося в этом же доме в глубокой старости, 28 декабря 1906 г., не дожив 3,5 лет до настоящего праздника.

Я познакомился с Борисом Сергеевичем, как только приехал в Москву, назначенный адъютантом великого князя Сергея Александровича в конце 1891 г., и сразу почувствовал к нему необыкновенное влечение, так как от него веяло всегда таким задушевным благородством и отеческой добротой. Хотя между нами была огромная разница лет, — он родился на 40 лет раньше меня, — но то обстоятельство, что мы оба были пажами и оба по выходе из корпуса служили в Преображенском полку, нас сблизило настолько, что за одним из обедов, когда я был у него, он предложил мне выпить на брудершафт и потребовал, чтобы и я непременно говорил ему «ты».

Когда ему было уже под восемьдесят, то иногда память ему изменяла, он очень любил вспоминать свою службу в Преображенском полку и, забывая разницу наших лет, обращался ко мне: «А помнишь ты капитана Лужина, он не твоей ли ротой командовал?» — спрашивал он меня, на что я пресерьезно ему отвечал: «Нет, не помню, я его немного не застал в полку». Этот капитан Лужин умер за 20 лет до моего рождения.

Борис Сергеевич был очень радушным, гостеприимным и хлебосольным хозяином, жил он скромно, так как средства у него были крайне ограничены. Тем не менее он очень любил, когда к нему приезжали обедать, это доставляло ему удовольствие. Обед был всегда простой, но сытный, подавали, как я помню, такие блюда, как полба в горшке или зеленая каша из ржи. На закуску, в посту, бывали очень вкусные биточки из мелко рубленных грибов. Старая семейная водка «Шереметевский набор» неизменно стояла на столе — это была настойка на восьми каких-то травах. Борис Сергеевич любил потчевать кахетинским, а после обеда обязательно надо было выпить наливочки. В доме веяло патриархальной стариной, чтились семейные традиции, чувствовался уголок старой Москвы.

Он очень любил играть в винт или в пикет, за картами засиживались у него иногда далеко за полночь. У него были и оригинальные черты, например, он так и не собрался ни разу к московскому генерал-губернатору, покойному великому князю Сергею Александровичу, и сетовал, что великий князь не посещает Странноприимного дома. Наконец, уже несколько лет спустя, по своем приезде в Москву, великий князь приехал-таки первый, а Борис Сергеевич так и не собрался к нему.

Главным смотрителем Странноприимного дома он был избран Московским дворянским собранием в 1881 г. и на этой должности

оставался до конца своей жизни, снискав общее расположение среди всех служивших, а также и призреваемых. Его отношение к Странноприимному дому, к служащим один из врачей больницы, покойный доктор Зерцев, охарактеризовал в своей застольной речи, которую он произнес в день именин Бориса Сергеевича, когда к нему собирались все служащие. В этой речи * он, между прочим, говорил: «Вы принимаете нас не с официальной только любезностью, как начальник принимает подчиненных, но принимаете всех дружески, можно сказать, по-приятельски, как внимательный и гостеприимный хозяин принимает приятных и дорогих ему гостей... как высокогуманный, внимательный человек вообще и, наконец, как гостеприимный и всегда радушный хозяин. Вы своим теплым участием, простотой и сердечностью привлекаете, привязываете нас к себе, сближаете нас вокруг себя в одно дружное и согласное сообщество, в одну, можно сказать, близкую вам семью. Это дружеское, простое, не связанное официальностью соединение всех служащих в Странноприимном доме, это, начатое вами, сближение нас, и начальствующих, и подчиненных, это сплочение всех деятелей нашего учреждения в один согласный кружок, в одну семью, должно благотворно повлиять и на нас самих, на нашу общую деятельность, должно благодетельно отразиться и на нашем учреждении... Врожденная вам благородная деликатность относительно ваших сослуживцев, ваша утонченная внимательность к подчиненным, ваше радушие, простота и сердечность ко всем нам искренно привязывает нас к вам... ваши великодушные, глубокоразумные и истинно гуманные усилия не останутся бесплодными. Они достигнут предназначенной вами цели и принесут плоды для любимого всеми нами Странноприимного дома».

Я очень любил бывать у него, его приветливость и ласка так всегда тянули к нему, он любил рассказывать про прошлое, рассказывал как-то образно, совсем другим языком, чем говорили в то время другие. У него был большой музыкальный талант, много романсов переложены были им на музыку, все его музыкальные произведения проникнуты большим чувством. Женат он был на Ольге Николаевне Шиповой, родной сестре земского деятеля Дмитрия Николаевича Шипова, единственная его дочь Дарья Борисовна была замужем за вице-губернатором А. С. Федоровым, а один из трех сыновей его, Василий Борисович, был моим ближайшим и дорогим мне помощником по Попечительству о народной трезвости.

Осенью 1906 г. Борис Сергеевич стал заметно слабеть, он уже не выходил из своей комнаты, ясно сознавая, что жить ему осталось недолго, но продолжал внимательно следить за всем, что происходило. 23 декабря ему исполнилось 84 года, с этого дня он уже не

---

* Я ее взял из прекрасного издания графа С. П. Шереметева «Борис Сергеевич Шереметев». *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

покидал постели, по временам терял сознание. 28 декабря, в 11 часов утра, он позвал своих сыновей, но ни одного из них не было, он благословил свою жену и, тихо вздохнув, скончался. Так кончил жизнь этот чудный, кристальной души человек. И как его недоставало на этом празднике 100-летия Странноприимного дома.

28 июня был оригинальный юбилей в России, юбилей русского аршина. Ровно 100 лет назад, в 1810 г., в этот день аршин наш в 16 вершков внесен был в Государственный Совет, и, по рассмотрении его в заседании, постановлено было ввести единообразную аршинную меру. Новые аршины должны были вводиться по губерниям сразу, чтобы в целой губернии одновременно изъяты были бы старые аршины и заменены новыми. Цена заклейменного аршина была 1 руб. серебряной монетой. До этого поговорка «Каждый человек на свой аршин мерит» была совершеннейшей правдой. По Уложению царя Алексея Михайловича в 1649 г. решено было «в версте учинить по 1000 саженей, а сажень, чем мерить землю или иное что, делать в 3 аршина». Такие железные аршины выдаваемы были тогда из таможни всем приезжавшим иногородним торговым людям на время их торговли в Гостином дворе. При отъезде же аршины должны были быть возвращаемы обратно в таможню. Их было, конечно, мало, и потому у многих торговцев были незаконные свои аршины или же, большей частию, они отпускали товар на «локти», но ведь и локоть локтю рознь.

Во всеобщее употребление новые аршины вошли только к концу царствования Александра I, а во времена Николая I уже во всех магазинах были клейменые аршины. Строжайшее наказание постигало тех торговцев, у которых клейменого аршина не было.

29 июня 3-й гренадерский Перновский, короля Фридриха Вильгельма IV, полк праздновал 200-летний юбилей со дня своего основания. В 1710 г. императором Петром I из 8 отборных гренадерских рот разных полков был сформирован гренадерский полк. При Петре Великом рослые, отважные, сильные люди, которые во время сражения, подойдя близко к неприятелю, бросали в ряды его ручные бомбы или гранаты, назывались «гренадеры», полки же, составленные из таких людей, — «гренадерскими». Впоследствии, когда появились дальнобойные ружья, звание «гренадерские» оставлено было как почетное. В 1772 г., когда полк с берегов Балтийского моря был переброшен к Каспийскому для Персидского похода, он получил название Кексгольмского. С 1756 по 1762 г. полк участвовал в Семилетней войне [6] с немцами, предводимыми великим полководцем Фридрихом Великим, причем полк принял участие во взятии Берлина. В 1806 г. полк разделен был пополам — одна часть названа «Перновским мушкетерским полком», переименованная в 1861 г. в «Перновский пехотный полк», а в 1813 г. за боевые отличия назван «Перновским гренадерским полком».

Когда в 1818 г. наследный прусский принц Фридрих Вильгельм (родной брат императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I) был назначен шефом полка, то полк стал называться «Гренадерским наследного принца Прусского», а по вступлении наследного принца на престол, в 1840 г., полк получил прежнее название «Перновского». В 1811 г. Фридрих Вильгельм скончался, но в память дружбы с покойным Государем Николаем I полку было оставлено на вечные времена имя короля. С 1864 г. полк стал называться «3-м гренадерским Перновским, короля Фридриха Вильгельма IV, полком».

С утра площадь Ходынского поля, перед полком, была красиво разукрашена, так же как и все расположение полка. После торжественного молебствия, отслуженного перед выстроенным полком, и освящения нового, высочайше пожалованного Георгиевского знамени, состоялась передача этого знамени полку, по особому церемониалу, и присяга всем полком этой новой полковой святыне.

По провозглашении здравиц Государю и шефу полка императору Вильгельму II, представитель германского императора фон Гинце сказал небольшую речь, вручив полку от имени шефа золотой кубок. После этого товарищ городского головы Брянский благословил полк от города иконой святого великомученика Георгия — покровителя Москвы и поднес серебряную братину. Старший брат Перновского полка — Кексгольмский гренадерский полк, праздновавший в Варшаве 200-летие со дня своего основания в этот же день и приславший депутацию, поднес перновцам серебряную маску Петра Великого. Бывшие командиры полка поднесли бронзовую статую Петра I, а бывшие офицеры — дорогой ларец для хранения высочайших грамот. Командир полка полковник Рерберг на все приветствия отвечал с поразительным умением и талантом.

В 1 час дня в офицерском собрании состоялся торжественный завтрак, на котором было произнесено очень много речей и приветов. Перновцы, во главе со своим командиром полка, проявили широкое радушное гостеприимство. Вечером были спектакли для нижних чинов, а в офицерском собрании состоялся бал; я вернулся домой тотчас после завтрака.

3 июля, в день 100-летия со дня рождения князя Владимира Андреевича Долгорукова, более 40 сословных, общественных благотворительных обществ приняли участие в чествовании памяти своего бывшего генерал-губернатора, пользовавшегося большой популярностью в Москве за время своего служения первопрестольной в течение четверти века.

В домовой церкви генерал-губернаторского дома была отслужена торжественная заупокойная обедня, а после нее панихида, в присутствии чинов администрации, бывших сослуживцев покойного, многочисленных представителей разных учреждений и общества. Бывший духовник князя, протоиерей Зверев, сказал про-

чувственное слово по адресу покойного. В вестибюле был выставлен портрет князя, увенчанный его гербом и с датами: 1810—1910 гг., а также и фотографический снимок с его кабинета. Все это утопало в зелени и цветах.

С 13 по 21 июля я уезжал из Москвы отдохнуть в Курскую губернию. Вскоре, как я вернулся, 25 июля, в Москве скончался знаменитый артист Малого театра комик М. П. Садовский от кровоизлияния в мозгу, на 63-м году своей жизни. Москва лишилась выдающегося таланта, это была невознаградимая потеря для Малого театра. Друзья его отца — Островский, Писемский и др. — развили в нем любовь к литературе и литературному труду, сценическую же свою карьеру он начал с 20-летнего возраста, выступив в первый раз на сцене артистического кружка на Тверском бульваре в роли Андрея «В чужом пиру похмелье». На императорской сцене первый его дебют был в Малом театре в роли Подхалюзина в «Свои люди — сочтемся». Большова играл тогда его отец, сам Пров Михайлович Садовский. Зачислен в труппу Малого театра Садовский был только в 1870 г.

Я хорошо знал Садовского, часто встречался с ним в Английском клубе, он был очень интересный, остроумный и забавный собеседник и удивительно милый и симпатичный человек. А на сцене это было наслаждение его смотреть, особенно в пьесах Островского. В последний раз он выступал в 1909 г. на своем юбилейном спектакле. После этого спектакля он сразу как-то потух, и видно было, как он угасал, как слабел. Он стал все реже бывать в «Эрмитаже», где его всегда можно было застать между 12 и 2 часами дня за его столиком за «шпруделем», а потом он вскорости слег, и столик его, за которым все москвичи привыкли видеть Садовского, окончательно опустел. 24 июля ему стало значительно хуже, а 25 числа Садовского уже не стало.

28 июля его отпевали в церкви Благовещения на Тверской. Не только храм, но и весь сквер возле, все окружавшие улицы и переулки были запружены народом, вся Москва пришла отдать последний долг любимому артисту. У Малого театра была отслужена лития, после чего процессия, сопровождаемая десятками тысяч народа, двинулась на Пятницкое кладбище, где и предали его тело погребению, близ могилы отца. Когда опустили гроб, то седой как лунь старик Т. И. Лесин, горячий поклонник Михаила Провича и его отца, сказал последнее «браво» гордости и славе Малого театра.

Очень хорошо охарактеризовал Садовского в своем письме на имя вдовы, незабвенной, тоже теперь умершей, Ольги Осиповны, председатель Общества любителей российской словесности Грузинский: «Незабвенный Михаил Прович был дорог Обществу любителей словесности не только как его член, но и как артист редкого таланта, и как даровитый литератор. Тонкое художественное его чтение, с которым он выступал в наших заседаниях, живо со-

хранилось в памяти всех нас, и тяжело при мысли, что не раздастся этот чудный голос, умевший одними словами, звуками нарисовать полный характер и ярко воплотить полускрытую мысль писателя или поэта. Еще сильнее чувствует эту потерю и скорбь всякий, кто видал Михаила Провича на сцене. А кто не видел, не восхищался им там, в его излюбленном царстве театра, который был его призванием, его душой, его жизнью?»

Да, это было верно, я лично всегда буду говорить до конца своей жизни: я счастлив, что видел Садовского.

29 июля в Москву приезжал Н. Д. Чаплин, управлявший в то время Межевой частью, для ревизии губернской чертежной и межевых работ. Я очень был рад этому приезду, так как, во-первых, очень уважал и любил Н. Д. Чаплина не только как начальство, но и как человека, во-вторых, я рад был показать ему нашу работу по межеваниям и в губернской чертежной.

Чаплин был человеком в высшей степени доброжелательным, высоко порядочным, ко мне относился всегда с большой предупредительностью и всегда шел навстречу всем моим ходатайствам по служебным вопросам. Я чувствую к нему до сих пор бесконечную благодарность.

Его сопровождали два ревизора: А. А. Кофод * — знаток хуторского хозяйства, и Н. П. Рудин, бывший у меня губернским землемером, о котором я упоминал в воспоминаниях за 1909 г.

Для обревизования землемерных и землеустроительных работ мы объехали с Чаплиным на автомобиле большой район. В Московском уезде Чаплин осмотрел работы сначала в селе Спас-Котове, где крестьяне перешли на отруба, затем в Кучках, где осмотрел участки в натуре, обревизовав склад земледельческих орудий, устроенный землеустроительной комиссией, и посетил еще фабрику Крестовниковых. Из Московского уезда мы проехали в Бронницкий в деревню Колонец, перешедшую на хуторское хозяйство. Чаплин очень остался доволен всем виденным, и мне его отзыв о наших работах доставил большое удовлетворение. Затем Чаплин обревизовал губернскую чертежную, проверил до 150 межевых дел и также не мог сделать никаких замечаний. Это было большой радостью и поощрением для меня и моих сотрудников, действительно работавших не за страх, а за совесть.

Ко дню Преображенского полкового праздника я выехал в Петербург и 6 августа присутствовал на церковном параде родного мне полка. В этот день состоялось также и производство в офицеры пажей и юнкеров, окончивших курс и выдержавших экзамен для производства в первый офицерский чин.

По окончании церковного парада Государь обратился к выстро-

* После Октябрьской революции он в течение ряда лет был советником в датском посольстве в Москве *(Примеч. В. Ф. Джунковского.)*

енным пажам и юнкерам со следующей речью: «В предстоящей вам службе служите честно и верно, исполняйте долг ваш изо всех сил, с полным разумом и усердием, веруйте в Бога и в величие нашей могучей Родины, относитесь с уважением к вашим начальникам и с товарищеским чувством друг к другу, во всех родах оружия, будьте отечески строги и справедливы к подчиненным вам нижним чинам. Прежде всего имейте примером ваших доблестных предков, которые умели служить России и своим царям. Желаю вам от души полного успеха, поздравляю вас с производством в офицеры». Громкое «ура» было в ответ на это царское приветствие. Русская армия получила в свои ряды более 1000 молодых офицеров.

Вечером 6 августа в офицерском собрании Преображенского полка состоялся товарищеский обед, затянувшийся далеко за полночь. Было очень оживленно, я встретился со многими старыми друзьями. На другой день я получил приглашение к высочайшему обеденному столу в Петровском зале Большого Петергофского дворца, данному в честь чрезвычайного великобританского посольства, приехавшего в Петербург с извещением о вступлении на престол короля Георга. На время парадного обеда я был назначен дежурным Свиты генералом и посему участвовал в высочайшем выходе к столу. Государь был в мундире своего шефского Скотс-Грея полка с английской лентой ордена Подвязки через плечо.

В день, когда я возвратился в Москву, 9 августа, я получил донесение, что при проезде в скором поезде греческой королевы Ольги Константиновны, между Москвой и Волоколамском, брошен был камень, который пробил стекло в вагоне, в котором ехало ее величество. Конечно, это было крайне неприятно, и я принес мои извинения королеве, так как этот случай произошел в пределах вверенной мне губернии. По расследовании оказалось, что это дело было рук мальчишек 9—12 лет села Спаса, которые забавлялись киданием камней в проходившие поезда. Мальчик, бросивший камень, был обнаружен и сознался. Я вызвал к себе родителей этого озорника и сделал им должное внушение.

18 августа в Москву, проездом на Дальний Восток, приехал П. А. Столыпин. Я встретил министра в Можайске и сопровождал его до Москвы, где его ожидали А. В. Кривошеин, приехавший в Москву накануне, градоначальник Адрианов, директор лицея Кассо и другие лица.

Прямо с вокзала Столыпин проехал в земский музей, где был встречен председателем губернской управы Н. Ф. Рихтером и попечителем музея С. Т. Морозовым. Последний давал объяснения, указав, что музей, главным образом, содействует местным кустарным промыслам, но что теперь к музею начинает тяготеть вся кустарная Россия. Столыпин очень подробно все осматривал, все его очень удовлетворило, пробыл он в музее довольно долго, после чего проехал в Иверскую часовню и усыпальницу великого князя. Затем

П. А. Столыпин на Колонецких хуторах
в Бронницком уезде. 1910 г.

он посетил великую княгиню Елизавету Федоровну в ее обители на Ордынке и сделал визит Плеве и митрополиту.

Покончив с визитами, Столыпин с Кривошеиным и со мной в автомобиле проехал в Бронницкий уезд в хуторской поселок Колонец. Старейший из хуторян крестьянин Лощенков и местный староста поднесли Столыпину хлеб-соль с просьбой повергнуть к стопам Государя верноподданнические чувства всех хуторян. Столыпин проявил большой интерес к новым хуторянам, посетил нескольких из них, осматривал их поля, огороды, расспрашивал о причинах, побудивших их перейти на хутора, и т. д. Находившиеся тут же непременные члены землеустроительных комиссий и агрономы давали объяснения, затем были показаны местные плоды и овощи, выросшие уже на новых огородах, и склад сельскохозяйственных машин. Жизнь кипела на хуторах, владельцы коих с большим удовлетворением рассказывали об успехах своих на земле. Столыпин остался крайне доволен всем виденным.

На обратном пути Столыпин, по моей просьбе, посетил крестьянский приют близ Быкова, о котором я писал выше.

В 8 часов вечера в «Эрмитаже» состоялся обед, на который были приглашены Адрианов, Гучков и я; в 10 часов министр отбыл в экстренном поезде вместе с Кривошеиным на Дальний Восток. Посещение Столыпиным хуторов мне доставило большое удовольствие, он с таким доброжелательством отнесся к работам землеустроительных органов, что влил в них еще большую энергию.

1 сентября в Филях, на том самом месте, где в 1812 г. князь М. И. Кутузов, собрав военный совет, решил для спасения Отечества пожертвовать Москвой и произнес знаменитые слова: «Приказываю отступать», состоялась закладка часовни.

Погода была дивная, солнечная. Из храма Христа Спасителя Обществом хоругвеносцев, которым и сооружалась часовня, двинулся крестный ход. Красота была поразительная, когда крестный ход, выйдя из-за Дорогомиловской заставы, стал подыматься к Поклонной горе, и масса хоругвей, украшенных гирляндами живых цветов, на протяжении полуверсты, блестела на солнце. Десятки тысяч народа сопровождали крестный ход. В это время в местной церкви кончалась обедня, которую служил митрополит Владимир. Он же и совершил закладку часовни в присутствии чинов высшей администрации Москвы, представителей города и толп народа.

6 сентября телеграфное известие из Парижа сообщило о кончине нашего посла в Париже А. И. Нелидова. Я его хорошо знал, познакомившись с ним в самый расцвет его дипломатической деятельности, когда он был послом нашим в Константинополе, в последние годы истекшего столетия.

Тогда в петербургских кругах внимательно прислушивались к его голосу, так как он пользовался громадным влиянием в Порте,

держал русское знамя очень высоко, чему я как раз был свидетелем, будучи командирован во главе отряда Красного Креста на Греко-турецкую войну [7] в 1897 г. А. И. Нелидов был убежденным сторонником русско-французского сближения, почему его назначение в Париж вызвало живую радость в парижских русофильских кругах. Я лично принял очень близко к сердцу кончину достойного, честнейшего дипломата, вспоминая с благодарностью его отеческое отношение, которое он проявил ко мне в Константинополе, когда я заболел тифом.

На место Нелидова послом в Париж назначен был А. П. Извольский, бывший министром иностранных дел. Я его в то время совсем не знал, познакомившись с ним уже впоследствии, когда в бытность мою товарищем министра внутренних дел пришлось с ним столкнуться по службе — об этой нашей встрече я буду говорить в свое время. Министром иностранных дел на место Извольского назначен был С. Д. Сазонов, весьма порядочный, честный, не глупый, сторонник национальной политики, но склонный к поддержке англо-русского сближения. Впечатления талантливого дипломата он не производил.

20 сентября в Москву заехал П. А. Столыпин, возвращаясь с Дальнего Востока. На Казанский вокзал в ожидании прихода его поезда собрались градоначальник, я, помощник градоначальника, вице-губернатор и другие лица. По приходе поезда Столыпин пригласил градоначальника, меня, Гучкова и Кассо к завтраку к себе в вагон, после чего в автомобиле проехал к великой княгине Елизавете Федоровне и в Александровский институт к своей родственнице начальнице института О. М. Веселкиной.

Около 5 часов дня в генерал-губернаторском доме состоялся прием должностных лиц и нескольких депутаций. Так как в прошлый свой приезд Столыпин не успел принять чинов генерал-губернаторского управления, то теперь все чины, во главе с управлявшим тогда канцелярией С. М. Борденавом, были представлены министру мною, после чего министр обошел весь дом генерал-губернатора, который как раз перед тем был отремонтирован.

В 7 с половиной часов у меня состоялся обед. Были Столыпин и Кривошеин с сопровождавшими их лицами, Адрианов, Самарин, Устинов, Гучков, Рихтер, управлявший моей канцелярией Степанов и дежурный чиновник особых моих поручений.

Столыпин был очень в духе, довольный своей поездкой, подробно осмотрел мой дом, интересуясь моим распределением времени, и очень удивился, увидя телефонный аппарат на ночном столике у кровати. Когда я ему объяснил, что это добавочный телефон от служебного, находящегося внизу в дежурной, и что соединяется он непосредственно со служебным только на ночь, то он нашел это уже чересчур. Я ему объяснил, что нахожу это очень удобным — по ночам зря, по ничтожным поводам, телефонировать не будут,

а в важных случаях, по крайней мере, нет проволочки, я сразу непосредственно получаю то или иное известие и могу сразу ответить и сделать то или иное распоряжение.

В 11 часов вечера с экстренным поездом Столыпин уехал в Петербург.

25 сентября ушел Шварц, и на место министра народного просвещения назначен был директор лицея цесаревича Николая Кассо. Я хорошо знал Кассо, так как, будучи попечителем лицея, за незамещением должности генерал-губернатора, мне приходилось иметь с ним дело. Это был умный и очень образованный человек, чрезвычайно скромный. Уроженец Бессарабской губернии, он, по окончании университета, пробыл два года в Берлине, изучая римское право, после чего был назначен доцентом в Дерптский университет, затем переведен был в Харьков на кафедру русского гражданского права, с назначением директором лицея. Это был честнейший и благороднейший человек, прямой, весьма консервативных взглядов и твердого характера, но не упрямый, каким был Шварц, кроме того, это был человек и доброжелательный. В Думе, если можно так выразиться, он пришелся не ко двору, так как держался очень самостоятельно — левые его не поддерживали, так как он был не ихнего лагеря, а правые — так как держался он от них в стороне, не подыгрывался к ним.

25 сентября в Петербурге на аэродроме произошел глубоко трагический случай. В этот день происходили полеты лучших военных пилотов. Среди них первое место занимали капитан Мациевич и поручик Руднев. Мациевич окончил Технологический институт, затем поступил во флот, блестяще окончил Морскую академию, прошел курс воздухоплавания в Париже и вернулся в Петербург со званием пилота. Никто, никогда не летал с такой уверенностью как Мациевич. Всегда очень сдержанный, он был скромным, искусным механиком и великолепным воздухоплавателем; никто с ним сравниться не мог. Но по убеждениям это был социалист-революционер и, по сведениям Департамента полиции, состоял в партии, будучи видным ее членом. В этот день на аэродром приехал Столыпин. Мациевич его встретил и спросил его, улыбаясь и глядя ему прямо в глаза, как описывает это Курлов в своих воспоминаниях, решится ли он совершить с ним полет. Столыпин, хотя и был предупрежден директором Департамента полиции, что Мациевич эсер, но, по свойственному ему характеру идти навстречу опасности, он согласился. Описав одну дугу, Мациевич спросил Столыпина, не желает ли он продолжать полет. «Мне стоило больших трудов, — сказал Столыпин, рассказывая этот эпизод, — остаться спокойным, но я ответил, что больная рука моя не дозволяет дальнейших полетов». Мациевич благополучно спустился.

Спустя некоторое время после полета поручика Руднева, вдруг,

неожиданно для всех, Мациевич, всегда спокойный и не гонявшийся за призами, объявил судьям о своем желании оспорить у поручика Руднева рекорд на высоту. Все были этим удивлены, но отнеслись к этому с большим интересом, в нем все были более чем уверены.

Мациевич сел в свой аппарат, сразу взял высоту, и вдруг, на высоте 600 м, произошло что-то непонятное — он упал из аппарата и камнем полетел вниз, за ним летела серая масса аэроплана. Все замерли, побежали к месту падения, где лежал окровавленный разбитый труп. Был ли это несчастный случай, что неправдоподобно — слишком Мациевич был искусный механик, строго обдумывавший каждый поворот руля, или же это было наказание за то, что видный член Партии социалистов-революционеров не воспользовался удобным случаем погубить Председателя Совета Министров, — это навсегда останется тайной погибшего.

Покойному было всего 34 года, после него остались вдова и сын. На четвертый день его хоронили, я в это время был в Петербурге. Отпевали его в церкви морского ведомства св. Спиридония, хоронили в Александро-Невской лавре.

Я встретил процессию на Невском; колоссальная толпа шла за гробом, весь Невский был запружен, всякое движение прекратилось. Гроб утопал в зелени и цветах, ехало еще несколько колесниц с венками. Среди венков были венки от П. А. Столыпина и от великого князя Александра Михайловича, от последнего с надписью: «Моему верному помощнику».

На кладбище произнесены были речи. Н. А. Морозов-шлиссельбуржец [8], отбывший 20-летнее заключение, произнес стихи:

В лазури голубой заоблачной страны,
Над бедною землей твой сильный дух летел,
И вверх направил ты полет аэроплана,
И гордой высоты ты новой жертвой пал.
Мы видели не раз в воздушном океане,
Как проносился ты, с рукою на руле,
Как исчезал в сгустившемся тумане,
И чужд казался ты оставленной земле.
А для тебя — вверху раскрывшейся и странной
Казалася земля в далекой глубине.
Искал ты для людей страны обетованной
Средь дальних облаков, в безбрежной вышине,
И с этой вышины, бесстрашной и свободной,
Грядущих лучших дней ты видишь красоту.
И не забудем мы пример твой благородный,
И будем, как и ты, стремиться в высоту.

26 сентября в Москве состоялась закладка почтамта — нового грандиозного сооружения. Закладка представляла собой весьма оригинальное зрелище: она происходила не на фундаменте, как обыкновенно, а на третьем этаже уже почти под крышу возведенного здания. Была устроена большая площадка с навесом из брезен-

тов на случай дождя. Московский почт-директор В. Б. Похвиснев встречал всех приглашенных со свойственным ему радушием.

Из Петербурга приехал начальник Главного управления почт и телеграфов Севастьянов. Все московские власти и представители сословных и общественных учреждений были налицо. На фоне общей картины стояла группа чинов почтово-телеграфного ведомства.

Молебствие и закладку совершал преосвященный Анастасий, который произнес небольшую речь, взглянув на постройку почтамта как на акт человеколюбия — до того ужасны были условия работы несчастных чиновников в полуразрушенном здании старого почтамта.

После закладки все были приглашены на квартиру Похвиснева, где хлебосольная и гостеприимная хозяйка, жена Похвиснева, со своими милыми дочерьми окружила гостей вниманием и радушием.

Новое здание почтамта представляло из себя нечто грандиозное, оно заняло целую десятину, центральный зал с тройной зеркальной крышей представлял собой площадь в 450 кв. саженей, а чтобы снег никогда не задерживался на крыше, предположено было снабдить ее трубчатой сетчаткой, чрез которую во время снега пропускался бы пар. Новое это здание обязано исключительно энергии и настойчивости В. Б. Похвиснева.

В средине сентября я получил приглашение от председателя Комитета по сооружению в г. Ревеле памятника императору Петру I на освящение означенного памятника и участие в торжествах 28—29 сентября, по случаю 200-летия присоединения Эстляндии к Российской империи [9]. Губернатором в Ревеле был мой товарищ по корпусу и по полку и мой большой друг И. В. Коростовец, почему я и решил воспользоваться приглашением и, получив на это разрешение министра внутренних дел, поехал в Ревель, куда и прибыл накануне начала торжеств, 27 сентября. Остановившись в Вышгородском замке, я прожил несколько дней, окруженный необыкновенным радушием, гостеприимством и заботливой лаской дорогих хозяев — моего друга Коростовца и его семьи. В этот же день прибыл в Ревель и представитель Государя — великий князь Константин Константинович, которому были отведены покои в том же Вышгородском замке.

По приезде великого князя в замке состоялся прием должностных лиц, а вечером в соборе состоялась заупокойная всенощная.

На другой день, после обедни в соборе, в 2 часа дня, совершена была у домика Петра Великого в Екатеринентале, торжественная панихида «по императоре Петре I, вождех и воинах его». К этому времени великий князь и все приглашенные съехались к домику, где, на площадке пред ним, выстроены были войска, морские команды, учебные заведения, депутации. В этом домике, в тени столетних, облепленных смоляными заплатами каштанов жил, 197 лет тому

назад, Петр I. Домик был побелен и подновлен, в нем сохранились кровать, на которой спал Петр Великий, туфли его и деревянный шкапчик, собственной его работы.

По окончании панихиды и провозглашения «вечной памяти» Петру I, при салюте с судов, стоявших на рейде, все потянулись в город. Город в это время был уже весь разукрашен флагами, гирляндами, арками, все имело праздничный вид, а чудное яркое солнце заливало своими лучами принарядившийся город и море. Вечером, после всенощной в соборе, в городской ратуше в 8 часов в честь великого князя от города был дан обед, на который было приглашено ограниченное число лиц, а в 10 часов в помещениях городского реального училища состоялся грандиозный раут, на котором присутствовал весь город.

29 сентября, в день 200-летия взятия г. Ревеля русскими войсками, великий князь и все приглашенные присутствовали на литургии в Александро-Невском соборе, по окончании которой вышел из собора крестный ход и направился к Петровской площади, к месту открытия памятника. За крестным ходом следовали великий князь и все находившиеся в соборе приглашенные. По всему пути, по красивому Комендантскому спуску, были выстроены шпалерами учебные заведения. Толпа народа стояла сзади, все крыши, даже купол кирхи святого Иоанна, были усеяны народом. Зрелище было удивительно красивое.

По вступлении крестного хода на помост у памятника началось молебствие с коленопреклонением. После многолетия была провозглашена «Вечная память». Как только протодиакон ее провозгласил, пелена, покрывавшая памятник, спала, и взорам присутствовавших представилась грандиозная бронзовая фигура Петра I, дышащая мощью, одухотворенная исторической правдой. Постамент — простая неотесанная гранитная глыба. По отдании войсками чести памятнику, салюта со всех судов, находившихся на рейде, при колокольном звоне всех церквей, преосвященный, окропив памятник и мраморную доску с наименованием войсковых частей, принимавших участие в осаде и взятии Ревеля, во главе крестного хода направился обратно в собор, войска же стали строиться к церемониальному маршу, а к памятнику выставлены были почетные часовые в форме петровского времени, с алебардами.

По возложении к памятнику венков различными депутациями войска продефилировали мимо державного преобразователя России.

С торжества открытия памятника все приглашенные отправились в Ревельское русское собрание, где состоялся завтрак, устроенный местным русским обществом. После завтрака на выставочной территории Эстляндского сельскохозяйственного общества состоялось открытие юбилейной выставки садоводства. Выставка была довольно скромная, небольшая, но устроена она была с большим вкусом. Кроме выставки садоводства, в этот же день открылась

историческая выставка в доме Братства черноголовых *. Эта выставка была поразительно интересна, на ней собраны были предметы, имевшие отношение к эпохе Петра Великого, а также и к более ранней. В этой выставке приняли участие, кроме Братства черноголовых, и Архив эстляндского дворянства и литературного общества и др. Масса гравюр, утвари времен владычества шведов, средневековые модели кораблей бременских и любекских купцов, старинных рукописных торговых книг, ценнейших документов, картин, портретов, всевозможные кубки — серебряные, оловянные, медные, деревянные — среди них большой деревянный бокал в виде козульей ноги с крышкой. Этот бокал осушил Петр Великий 26 декабря 1741 г. при принятии его в число почетных членов Братства ревельских черноголовых. Затем интересна трость Петра Великого из Падиса. История ее такова: в сильном гневе император, отправляясь в 1715 г. из Гапсаля, через Падис, в Балтийский порт и предполагая, что неисправность по доставке лошадей является виной владельца Падиса, ударил его этой палкой; когда же выяснилась невиновность последнего, император предложил ему испросить себе любую милость. Томас фон Рамм, тогдашний владелец Падиса, вежливо попросил у императора палку, от которой он только что невинно пострадал.

В конце концов выставку дополняли колоссальная коллекция древних монет и медалей, выставленных по эпохам, начиная с монет 1350 г., среди них монеты магистров Тевтонского ордена, епископа Эзельского, 1560-1563 гг., королей шведских и большая коллекция русских монет и медалей, начиная со времен Алексея Михайловича.

Великий князь Константин Константинович, по осмотре выставки, вписал свое имя в книге Братства, где дважды расписался Петр Великий, а затем старшина Э. К. Шпорледер, выпив из Петровского кубка за здоровье Государя, предложил и великому князю выпить из него и этим самым причислиться к почетным братьям этого древнего Братства черноголовых.

В 6 часов вечера состоялся обед в Дворянском собрании, а в 8 часов в Екатеринентале, перед дворцом, соединенные хоры народных училищ и певческих обществ «Гусли», «Меннергезангферейн», «Лидершафель», обществ «Пандорин», «Эстония» и «Лотус» устроили факельцуг ** с пением серенады. Это шествие было удивительно оригинально и красиво. Дворец в это время залит был лучами прожекторов судов, стоявших на рейде. Суда эти все были

---

* Это старинная корпорация шварцгауптеров (черноголовых), по организации своей — военно-торговое общество, вероятно, основанное еще в XIV в. для обороны города, оно давно утратило свое значение. Черноголовых в то время было 126 при 122 старшинах, из которых один назывался ротмистром. Сейчас это, в сущности, клуб, в число членов коего принимают с большим разбором *(Примеч. В. Ф. Джунковского)*.

** Факельцуг (fackelzug — *нем.*) — факельное шествие.

иллюминованы и сияли разноцветными огнями, отражавшимися в воде. Общая картина была поразительно красива. Торжество закончилось раутом в Братстве черноголовых.

На следующий день, 30 сентября, великий князь Константин Константинович, губернатор Коростовец, мой друг Зейме, с которым я вместе приехал, и я ездили на автомобиле в имение князя Волконского «Фаль» к завтраку, а 1 октября, после парадного обеда у губернатора, великий князь и мы все, приехавшие на торжество, выехали в Петербург.

3 октября я уже был в Москве. В этот день в Москве, в Национальной гостинице, скоропостижно скончался первый Председатель Государственной Думы С. А. Муромцев. Неделю перед тем он переехал из дому в эту гостиницу, так как к семье его приехали родственники, которым он уступил свою комнату. Смерть последовала от паралича сердца.

7 октября его хоронили. Погребение состоялось в Донском монастыре. Густые толпы народа сопровождали его тело, такие же толпы стояли по всему пути. Гроб утопал в венках. На могиле многочисленный ряд ораторов сменял друг друга, распорядителем был А. Р. Ледницкий, который старался удерживать ораторов от политических выступлений. Первым говорил Мануйлов, затем С. И. Филатов, Ф. И. Родичев, Ф. Ф. Кокошкин, профессор Гродескул, граф Л. А. Комаровский. Все шло гладко, пока не вышел Ф. А. Головин, сразу резко уклонившийся в политику, так что представителю полиции, присутствовавшему тут же, пришлось несколько раз его останавливать.

После Головина студенты Московского университета Гзовский и Петербургского — Аполлонов своими резкими речами не только вызвали вмешательство полиции, но и Ледницкого, который просил их перестать говорить. Затем опять пошло гладко. Выступали Н. Н. Щепкин, В. Н. Малянтович, А. А. Кизеветтер, В. А. Фальборк, профессор Н. А. Кулагин, но как только заговорил один из студентов, то тотчас же был лишен слова представителем полиции. Тогда выступили князь Долгоруков, П. Н. Милюков, С. П. Бондырев, Н. И. Астров и И. А. Кистяковский, после чего представитель Украины, начавший говорить по-хохлацки, был остановлен полицией, и последним оратором был представитель от Холмщины, так как тут уже выступил помощник градоначальника Модль и, резко оборвав говорившего, приказал прекратить дальнейшие речи, принявшие чисто агитационный характер.

В Государственной Думе 15 октября, в первом ее заседании по кончине Муромцева, к Председателю Думы поступило два заявления: от левых групп с просьбой почтить память Муромцева, а от правых о недопущении чествования памяти, с предупреждением, что они, в противном случае, устроят скандал. По открытии заседания князь Волконский (председательствовавший) заявил, что пред-

ставители кадетов подали заявление о желании почтить память первого Председателя Думы. «Не касаясь имени того, кого предлагают почтить, — сказал князь Волконский, — позвольте мне высказать по этому поводу свой взгляд. Если нет полного единодушия, то я не считаю себя вправе почтить память кого бы то ни было. Господа, если ко гробу усопшего подходят споря, то не лучше ли не подходить совсем? В то же время у меня не только есть сомнение в единодушии, но у меня есть полная уверенность в неединодушии. У меня есть письменное доказательство. Вот почему я не считаю себя вправе сделать заявление Государственной Думе, а прошу секретаря доложить текущие дела».

Левая половина залы обнаружила признаки негодования. Милюков крикнул по адресу Председателя : «Позор!», крайние левые его поддержали. Вслед за сим вся оппозиция оставила зал заседания и отправилась в церковь служить панихиду по Муромцеве; к ним присоединился и Гучков.

В средине октября Москва обогатилась новым чрезвычайно оригинальным и интересным музеем. А. А. Бахрушин, известный в Москве своей обширной деятельностью в самых разнообразных отраслях, как художественных, так и благотворительных и общественных, в которых он принимал участие, а также и в театральном мире, который был его стихией, принес в дар Императорской Академии Наук устроенный им Литературно-театральный музей, с условием, чтобы этот музей, представлявший собой колоссальный интерес и собранный в течение нескольких десятков лет неутомимыми трудами А. А. Бахрушина, оставался бы в Москве.

Передаче этого музея Академии Наук предшествовало заседание в Павловском дворце 9 октября под председательством августейшего президента Академии, великого князя Константина Константиновича. На этом совещании, созванном для выработки проекта положения о принесенном А. А. Бахрушиным в дар Академии Литературно-театральном музее в Москве, ближайшей задачей коего было соединение в одном месте необходимых материалов по разработке истории изящной литературы, преимущественно драматической, а также театра вообще, и русского в частности, было постановлено: управление музеем предоставить правлению в лице председателя, 2 ученых хранителей и 3 членов из состава попечительного совета музея, из коих председатель, по кончине А. А. Бахрушина, который как основатель музея являлся первым председателем, подлежал избранию Академией. При музее предположен был попечительный совет под председательством почетного попечителя музея, пожизненно А. А. Бахрушина, в случае же его смерти почетное Попечительство переходило пожизненно к его жене В. В. Бахрушиной, а затем к сыну — Ю. А. Бахрушину.

Постановление совещания, по рассмотрении его Отделом русского языка, передано было в общее собрание членов Академии

Наук, которое, согласившись с проектом положения о музее, направило его на окончательное утверждение в Государственную Думу. Таким образом музей упрочил свое существование, а А. А. Бахрушин, еще при своей жизни, оставил навсегда памятник, свидетельствовавший о неутомимой просвещенной деятельности основателя музея.

Я помню, какое громадное впечатление на меня произвел музей, когда я первый раз с ним ознакомился. Просто не верилось глазам, что энергией и любовью одного человека можно было собрать все, что я видел. И этой нелегкой кропотливой работой собирания ценных материалов по театру А. А. Бахрушин занимался скромно, незаметно для других, делал все это как будто между прочим, так как в одно и то же время работал и в городской думе в качестве гласного, и во многочисленных благотворительных учреждениях, всюду внося только одно хорошее, полезное, жизненное. Он нигде не работал бесследно, всегда работал с полным сознанием и желанием принести пользу, без реклам и полный душевного благородства. И хотя он бывал иногда и резок на заседаниях, но эта резкость никогда не шокировала людей дела, она исходила от прямоты его характера, честности и неумения подыгрываться, а за это его можно было только больше уважать.

30 октября в Москве распространилось известие, что граф Л. Н. Толстой покинул Ясную Поляну, скрылся, не простившись с семьей, а оставив только письмо на имя своей жены графини Софьи Андреевны, в котором он в трогательных выражениях прощался с ней и детьми и говорил, что при условиях и обстановке, которые идут вразрез с проповедоваемыми им идеями, он не может жить, как должен жить истый христианин, и потому он на склоне дней своей жизни уходит из мира.

Это известие произвело очень большую сенсацию во всех кругах. Через несколько дней стало известно, что Толстой очутился на станции Астапово, где его поместили в квартире начальника станции после того, как он в пути заболел воспалением легких.

Оказалось, что Толстой 28 октября, рано утром, покинул Ясную Поляну и со своим доктором Маковецким проехал на лошади 8 верст до станции Щекино, где в ожидании поезда долго ходил по платформе, переутомился, сильно озяб, и когда, наконец, поместился в вагоне, то от усталости прямо упал на предложенную ему доктором Маковецким подушку. От Щекино до Горбачево он ехал по железной дороге довольно удобно, а от Горбачево до Козельска в грязном вагоне 3 класса, переполненном рабочими, в страшной духоте. Из Козельска он проехал в Оптину Пустынь на лошадях и посетил старца иеромонаха Иосифа, переночевав у которого, проехал к своей сестре монахине в Шемординский монастырь. От сестры он выехал обратно на Козельск и ехал под проливным дождем. Из Козельска по железной дороге в Дворики, потом на

станцию Волово, откуда направил путь к Ростову-на-Дону, но по дороге заболел воспалением легких, и на станции Астапово его, больного, вынесли из вагона и устроили в доме начальника станции.

В это время его догнала его дочь Александра Львовна. Потом приехала в Астапово графиня Софья Андреевна и все дети, но кроме Александры Львовны, доктора Маковецкого и приехавшего Черткова, никого к нему не допускали до последнего дня его жизни, когда уже не оставалось надежды на его выздоровление. Пока Толстой лежал больной в Астапове, в Синоде шли переговоры иерархов православной Церкви. Преосвященный Парфений Тульский, который недавно еще, по просьбе Толстого, посетил его в Ясной Поляне, говорил, что Толстой вовсе не так враждебно относится к Церкви, как раньше, и если бы те люди, которые его окружали, были бы иначе настроены, то, по его мнению, Лев Николаевич вернулся бы в лоно Церкви. Но В. Г. Чертков, имевший большое влияние на писателя и деспотически к нему относившийся, держал Толстого твердо в своих руках. Толстой, по мнению преосвященного Парфения, весь был во власти Черткова, а этот последний принял непримиримую позицию относительно Церкви.

Синод просил старца Иосифа проехать к Толстому, который, как известно, очень почитал старца, надеясь, что ему удастся повлиять на Толстого, вернуть в лоно Церкви. Но старец Иосиф был нездоров, и потому на станцию Астапово приехал настоятель Оптиной Пустыни отец Варсонофий, но окружавшие Толстого так его и не допустили, не дали Толстому и депеши, посланной ему Синодом.

7 ноября Толстой скончался. Преосвященный Парфений прибыл уже после его кончины, так что напутствовать его не мог, но он и не надеялся на возможность этого, так как окружавшие его Чертков, Маковецкий, Александра Львовна решительно никого не допускали к нему, всячески стараясь поддерживать в умирающем писателе отрицательное отношение к Церкви, не желая, чтобы он вернулся к ней. Даже жена Толстого была допущена к умирающему мужу только тогда, когда настала агония. Деспотизм окружавших проявился во всей своей силе, и это по отношению к человеку, проповедовавшему «непротивление злу».

Погребение состоялось в Ясной Поляне. Под пение «Вечная память» опустили в могилу тело великого бессмертного писателя.

На всеподданнейшем докладе министра внутренних дел о кончине графа Толстого Государь написал: «Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего во время расцвета своего дарования, в творениях своих, родные образы одной из славнейших годин русской жизни. Господь Бог да будет ему милостивым судией».

В губернской земской управе известие о кончине великого писателя пришло как раз во время съезда председателей земских управ.

Н. Ф. Рихтер предложил почтить память Толстого вставанием и послать депешу семье, что и было исполнено. Депеша гласила: «Свершилось... Не стало великого писателя земли Русской Льва Николаевича. В этот исторический момент, полный исторического значения, собравшиеся в Москве представители земства, преклоняясь перед волей Провидения, испытывают потребность выразить волнующие их чувства и просят семью покойного Льва Николаевича принять выражение их глубокой скорби и участие в постигшем их неутешном горе. Тяжесть утраты, понесенной нашей Родиной, еще слишком свежа, чтобы можно было оценить ее значение. Соединяемся все в благоговейном пожелании, да будет легка незабвенному Льву Николаевичу та земля, тревогами мирской суеты и неправдами которой так тяготилась и болела его высокая душа, преисполненная любовью к ближнему, и да найдет она, в лучшем мире, то успокоение, которое здесь она себе не нашла».

В Государственном Совете, в заседании 10 ноября, Председатель Акимов, докладывая о кончине Толстого, произнес следующую речь: «7 ноября, при совершенно исключительных обстоятельствах, доходящих до трагизма, скончался на 83 году своей жизни граф Л. Н. Толстой. Оставляя в стороне сочинения его по вопросам религиозным и политическим, вызвавшие как со стороны православной Церкви, так и со стороны консервативных кругов нашего общества суровые осуждения, никто, однако, не может отрицать того, что другие произведения пера усопшего обессмертили его имя, стяжав ему всемирную славу великого гениального писателя. Этими последними произведениями восторгались и будут восторгаться многие поколения.

Россия, как родина графа Толстого, должна сильнее других стран чувствовать тяжелую утрату родного ей гения. Из слов, начертанных его императорским величеством Государем императором на всеподданнейшем докладе о кончине Льва Николаевича, видно, что чувство глубокого сожаления о смерти великого писателя проявлено и с высоты Престола нашего Отечества. Господа, перед свежей могилой не время являться судьями над вольными и невольными заблуждениями графа Толстого в его сочинениях. Непреложно остается одно — Россия в лице Льва Николаевича утратила гениальнейшего писателя и великого художника слова. Вот, милостивые государи, основание, обязывающее меня предложить Государственному Совету почтить вставанием память великого писателя земли Русской». Встали все, за исключением двух-трех крайних правых.

Отголоски 905 года, правда редко, но иногда и прорывались. Так случилось и с земской библиотекой в местечке Благуша, где обнаружены были запрещенные книги. По этому поводу я обратился к Московской уездной земской управе со следующей бумагой:

«Всегда сочувственно относясь к делу распространение народных библиотек в губернии, я беспрепятственно разрешал Московской уездной земской управе открывать земские публичные библиотеки и утверждал устав их, надеясь, что новое учреждение действительно послужит просвещению населения.

Очевидно, эти надежды не оправдались. При обследовании, произведенном по моему поручению в Благушинской общественной библиотеке, обнаружен, кроме нескольких совершенно запрещенных книг, целый ряд тенденциозно подобранных изданий, распространения коих среди населения, в особенности в такой местности, как Благуша, должно несомненно возбуждать беспокойство среди населения. Такие книги усмотрены мной в отделах 5, 6 и 8 каталога.

Кроме сего, управление делами библиотеки поручено лицу, явно неблагонадежному. У заведующего библиотекой Сладкопевцева найдены были запрещенные книги, и хотя таковые находились не в помещении библиотеки, но одно нахождение их у заведующего достаточно говорит об его направлении. Таким образом, Благушинская библиотека, при тех условиях, при которых она функционирует в настоящее время, может приносить только вред населению, а не пользу.

Этот, выяснившийся характер деятельности библиотеки на Благуше дает невольно повод сомневаться в закономерной и полезной деятельности остальных земских общественных и уставных библиотек. Я совершенно уверен, что уездная земская управа, дорожа сохранить новые просветительные учреждения, примет все меры к изъятию из библиотек всех тех изданий, которые представляются нежелательными к распространению в народе. В этих целях я прошу управу произвести просмотр каталогов всех библиотек, а мне представить список всех заведующих библиотеками.

Что касается закрытой мною Благушинской библиотеки, то открытие ее может последовать лишь под условием изъятия из обращения всех книг, означенных в 5, 6 и 8 отделах каталога, о чем управе надлежит войти ко мне с особым представлением».

В начале ноября месяца я получил от министра внутренних дел приглашение принять участие в заседаниях 5-й сессии Общего присутствия Совета по делам местного хозяйства, назначенной к открытию 9 ноября для рассмотрения законопроектов о продовольственной реформе и коммунальном кредите.

Ко дню открытия сессии я выехал в Петербург. Заседания сессии на этот раз затянулись, так как, помимо этих двух законопроектов, предложенных ее вниманию, некоторые члены Совета, в числе которых был и я, были привлечены еще к работе по вопросу о предупредительных против холеры мерах и по обсуждению предположения Министерства торговли и промышленности о дальнейшем устройстве поверочного дела в империи, в части, касавшейся организации надзора за обращающимися мерами и весами, размера

вознаграждения в возмещение расходов городским и земским общественным учреждениям по означенному надзору, а также отвода этими учреждениями помещений для временных отделений.

Так как сессия затянулась, то я два раза в течение ее принужден был ездить в Москву на один день по срочным делам и потом опять возвращаться.

Состав этой сессии был почти тот же, что и предыдущих, только губернаторов вместо 10 было всего 6: пермский — Лопухин, петербургский — Зиновьев, саратовский — граф Татищев, тверской — фон Бюнтинг, черниговский — Маклаков (будущий министр) и я.

Сессия открылась 9 ноября в помещении Совета речью министра внутренних дел статс-секретаря П. А. Столыпина:

«Открывая 5 сессию Совета по делам местного хозяйства, я прежде всего обращаю ваше внимание, господа, на то особливое значение, которое имеют вопросы, подлежащие вашему обсуждению. Они касаются близкой местным людям экономической области, поэтому правительство с особым вниманием отнесется ко всем вашим замечаниям и ко всем поправкам, которые будут иметь жизненный характер.

Я остановлюсь сначала на проекте организации кредита для земств и городов. Правительству точно так же, как и вам, известно, насколько на местах выдвигаются теперь все новые потребности, насколько местное население ждет и требует от местных органов все новых шагов на пути усовершенствования местной жизни. Правительству точно так же, конечно, известно, насколько мало на местах средств, да едва ли обращение на одно поколение расходов по длительным предприятиям может считаться и справедливым. Поэтому на помощь местным средствам должен и может прийти организованный долгосрочный кредит. Но долгосрочным кредитом до настоящего времени пользовались одни города. Притом доступен он одним крупным городам, которые выпускали облигационные займы, реализуя их, однако, не всегда на выгодных основаниях. Насколько эта операция затруднительна, видно уже из того, что до июля месяца 1909 г. из 895 городов империи воспользовались этого рода кредитом всего только 57 городов. Что касается земств, то вам известно, господа, что земства этой формы кредита совсем не знают, если, конечно, не считать займов из собственных капиталов, редких займов под залог недвижимых имуществ и случайных небольших ссуд из сумм Государственного казначейства. Между тем, наравне с предприятиями по городскому и санитарному благоустройству, наравне с законным стремлением городов к монополизации городских предприятий, земства, со своей стороны, не могут оставаться равнодушными к властно выдвигаемым жизнью потребностям местного населения.

Сознавая это, правительство всегда шло навстречу земству, оказывало и, конечно, будет оказывать ему помощь в таких облас-

тях, как, например, область всеобщего обучения, организации агрономической помощи, устройство гужевых дорог и т.п. Но не погаснет ли земская самодеятельность, если земства ограничатся ролью распорядителей ассигнованного казною кредита, поневоле частичного, и будут лишены возможности восполнить его со своей стороны до полного обеспечения нужд земских плательщиков. Правительство сочло себя, во всяком случае, обязанным эту возможность облегчить, как земствам, так и городам, путем предоставления им кредита не случайного, но организованного, доступного и дешевого.

Что касается форм этого кредита, то он может быть, во-первых, частно-акционерный, затем взаимно-общественный и, наконец, государственный. Не отказываясь от частного кредита со стороны земельных банков, правительство, вместе с тем, не может не отдать себе отчета в некоторой опасности предоставления частным банкам монопольных прав в этой области. Правительство точно так же не может не обратить внимания на невольное, притягательное для частных капиталов свойство крупных центров, крупных предприятий, независимо даже от предмета и целесообразности самой ссуды, самого займа. Наконец, правительство не может не учесть сугубой опасности предоставления частным банкам, частным предприятиям экзекуционного права по отношению к недоимочным земствам и городам. Взаимоотношение в этом вопросе частных капиталов и правительства вызвало в среде ведомств различные взгляды по отношению даже к земельным банкам; поэтому было признано целесообразным и в этом частном вопросе выслушать авторитетное мнение Совета по делам местного хозяйства.

Что касается взаимно-общественного кредита, то, конечно, к нему нельзя относиться иначе, как с полнейшей симпатией. Но надо помнить, как бедна Россия деньгами, надо помнить, как трудно такому предприятию реализовать свои займы за границею, надо, наконец, помнить, что во Франции, стране свободных денег, такого рода займы облагаются чрезвычайно тяжелым 7% налогом. При этом надо, точно так же, не забывать, что и в западных государствах такая форма муниципального взаимно-общественного кредита нигде до настоящего времени не осуществлена в чистой своей форме, и что повсеместно муниципальный кредит вошел в жизнь при полном содействии со стороны государства. Мыслимо ли при таких обстоятельствах правительству укрываться за идею взаимно-общественного кредита и уклоняться от предложения организации правительственной. Это было бы недостойным умыванием рук со стороны правительства, и потому оно выработало схему кредита государственного. Схема эта, конечно, вами уже изучена, и я на ней поэтому подробно останавливаться не буду. Зиждется она, как известно, на принципе ограниченной ответственности казны с депонированием казною на 10 млн. руб. государственной ренты и с заимствованием из Государственного казначейства еще 10 млн. руб. на краткосроч-

ные ссуды. Земства и города привлекаются к участию в деле путем 5% удержания с каждой выдаваемой ссуды. Одновременно предположено привлечь представителей земств и городов как к контролю и ревизии операций, так и к управлению банком. Наконец, вопрос о принудительном взыскании недоимок облечен в комбинацию одинаково удобную и для государства, и для органов самоуправления.

Наряду с этим капитальным для местного самоуправления вопросом, вам придется еще обратить ваше внимание на другой важный вопрос — об организации оснований помощи населению в случае неурожая. В новой постановке вопроса правительство отказывается от прежнего принципа обязательности для государства представления продовольственных и семенных ссуд всему населению безотносительно к тому, посильны ли для него эти ссуды, но с затаенной задней мыслью об обязательности для государства безвозвратной помощи населению из неистощимых средств Государственного казначейства.

Правительство переходит теперь к другому принципу — к принципу самопомощи, который должен выразиться в накоплении каждым участником этой самопомощи в личную собственность до 6 пудов зерна или эквивалентной нормы денежной суммы.

Что касается необычных недородов, то, в случаях нужды, предполагается, конечно, и помощь извне. Она будет заключаться, согласно проекту, во-первых, в предоставлении оборотных средств тем, для кого кредит посилен, в трудовой помощи тем, кто может отплатить за эту помощь только своим мускульным трудом и, наконец, в благотворительной помощи для лиц совершенно беспомощных. Спорным вопросом является тут, кто, собственно говоря, должен осуществлять эту помощь.

Для правительства совершенно ясно, что централизация этого дела невозможна, что тут необходима активная деятельность, активная помощь со стороны местных деятелей. Между тем, повторяю, едва ли земствам пристало быть исключительными расходчиками казенных денег, тем более, что при оказании помощи населению из средств всего государства не был бы, конечно, положен предел тому развращающему началу казенного социализма, которое царило в этом деле у нас до настоящего времени. К тому же едва ли для земств может быть особенно отяготительным двух-трех-процентное к земским сметам отчисление на этот предмет. Надо помнить, что безвозвратными являются только расходы на благотворительную помощь, так как продажа хлеба по заготовительной цене или кредитные операции не требуют безвозвратных затрат. Что касается общественных работ, то они, конечно, соответствуют уже вполне назревшим нуждам населения. Но я прошу вас, господа, обратить внимание и на то, что правительство не задалось мыслью переложить всю тяготу помощи населению в неурожайные годы на скуд-

ные средства земских учреждений и, в этих видах, проектом предусматривается помощь государства в форме не только ссуд земствам на льготных основаниях, но и безвозвратных ему пособий.

О способе финансирования земств вам придется иметь суждение также и при рассмотрении хорошо известного вам Устава о гужевых дорогах, 10 и 11 главы которого трактуют, кроме вопросов натуральной повинности, также и вопрос о некотором вспомоществовании со стороны казны, путем сметных ассигнований на дело устройства путей государственного значения, и вопрос о предоставлении земствам сборов с железнодорожных грузов, взамен сборов мостовых и шоссейных, на предмет поддержания других гужевых путей.

На рассмотрении этих вопросов закончится, господа, деятельность Совета по делам местного хозяйства настоящего состава. Вспоминая с благодарным чувством об его трудах, я не могу не обратить внимания на то, что через его рассмотрение прошли в течение 4-х сессий вопросы громадного государственного значения. Начали вы с проектов административного переустройства села, волости, местного управления, земских выборов, введения Земского положения в Западном крае, введения в губерниях Царства Польского Городового положения. Но переходя от неизбежного изменения внешних форм местной жизни, вы теперь дошли до нового фазиса ваших работ: упорядочения и оживления экономического бытия нашей деревни и города. И это только первые шаги. На этом пути впереди еще большая бодрая работа. В ней и впредь правительство рассчитывает идти вместе, рука об руку, с представителями местного самоуправления».

После речи Столыпина член Совета Н. Ф. Рихтер обратился к нему со следующими словами: «Сознавая важность дарованного нам участия в совместной с правительством разработке предложенных на наше обсуждение законопроектов, члены Совета уполномочили меня просить ваше превосходительство всеподданнейше повергнуть его императорскому величеству чувства беспредельной преданности и благодарности за оказанное нам высокое доверие и полную нашу готовность к вящему успеху предстоящих занятий, приложить приобретенные нами опытом жизни знания и неизменную любовь к Престолу и Отечеству».

Передав председательствование заступавшему место председателя начальнику Главного управления по делам местного хозяйства С. Н. Гербелю, Столыпин объявил перерыв заседания.

После перерыва С. Н. Гербель предложил для предварительной разработки законопроектов, по числу последних, разбиться на три комиссии. Согласно сему предложению, члены Совета и распределились на три комиссии: 1. Комиссия по проекту об организации кредита для городов и земств, в которую вошел я, под председательством барона Меллер-Закомельского. 2. Комиссия по проекту о продовольственной реформе под председательством Ю. В. Шид-

ловского и 3. Комиссия по проекту о реорганизации постановки дорожного дела в земских губерниях, под председательством князя И. А. Курагина.

Вопрос об организации кредита для городов и земств заключался в учреждении особого государственного банка для удовлетворения городов и земств в кредите, что и было принято общим присутствием единогласно.

Проект продовольственной реформы возбудил особенно большой интерес; суть его заключалась в том, что самообеспечение населения должно быть осуществляемо путем обязательного накопления личных запасов. Большое разногласие между представителями министерств внутренних дел и финансов и членами Общего присутствия произошло по поводу установленного комиссией размера общего по империи продовольственного капитала в 60 миллионов руб. и проектируемого ежегодного ассигнования из средств Государственного казначейства для доведения означенного капитала до указанной нормы. Особенно горячо высказывался против этих постановлений комиссии товарищ министра финансов Н. Н. Покровский, который предлагал даже вопрос о размере общего по империи продовольственного капитала и порядке его образования оставить открытым, переработав его по взаимному соглашению финансового ведомства и Министерства внутренних дел, но подавляющим большинством членов Совета это было отклонено и мнение комиссии принято.

По проекту Устава о гужевых дорогах Общее присутствие признало его составленным ясно, жизненно и приняло его с самыми ничтожными поправками.

24 ноября состоялось последнее заседание, и пятая сессия, окончив свои занятия, закрылась.

Я не тотчас уехал из Петербурга, задержанный делами в Министерстве торговли по поводу предстоящего 100-летнего юбилея Московской практической академии, и потому 26 ноября, в день празднования ордена Св. Георгия Победоносца, был на высочайшем выходе в Зимнем дворце.

Этот выход всегда был одним из самых красивых и торжественных. В нем, кроме обычных особ первых трех классов, придворных чинов, лиц Свиты и военных чинов, участвовали и все, как состоявшие на службе, так и бывшие в отставке, военные и гражданские чины, имевшие орден Св. Георгия или знак отличия военного ордена (солдатский Георгий), а также имевшие и золотое оружие, украшенное бриллиантами, — все они участвовали в шествии, предшествуя Государю, среди коих были и преклонные старики в формах времен Николая I и Александра II, что придавало выходу очень оригинальный, непривычный глазу вид, были и безрукие, и с искусственными ногами или просто с торчащей палкой вместо ноги, на костылях. Кроме того, в Георгиевском зале выстроены были взводы и полуроты

от частей войск, составленные из георгиевских кавалеров, а в Николаевском зале находились состоявшие в запасе и отставные нижние чины, имевшие знаки отличия военного ордена, среди них всегда было много калек.

Высочайший выход проследовал из внутренних покоев по всем залам Зимнего дворца до собора, откуда по приложении ко кресту и окроплении святою водою Государь и вся царская семья, предшествуемые духовенством, при пении «Спаси, Господи» возвратились в Георгиевский зал, где было совершено молебствие, по окончании которого митрополит окропил святой водой все знамена, штандарты и выстроенные войска. После этого духовенство возвратилось в собор, а Государь остался в зале, чтобы присутствовать на торжественном отнесении знамен и штандартов, по окончании какового возвратился во внутренние покои.

В 6 с половиной часов вечера в Николаевском зале в высочайшем присутствии состоялся обед для кавалеров Св. Георгия, как офицерского, так и солдатского; за столом георгиевские кавалеры занимали места не по старшинству чинов или звания, как было принято при дворе, а по степеням ордена, начиная со старших, по правую и левую руку Государя.

В то время кавалеров Георгия 1-й степени не было, последний был великий князь Михаил Николаевич, скончавшийся в 1909 г., 2-ую же степень имели только двое: граф Д. А. Милютин и А. Н. Куропаткин.

Обеденный стол был очень красиво убран, вся сервировка, специальная для георгиевского обеда столовая посуда Императорского завода, вся с орденскими знаками Св. Георгия. Меню было разукрашено георгиевскими лентами с изображением разных воинских подвигов.

Для нижних чинов по окончании выхода устроен был обед от высочайшего имени в Народном доме императора Николая II, после которого состоялся спектакль. Обед посетил Государь, вызвав этим среди героев — георгиевских кавалеров, стариков и молодых, чувства неописуемого восторга.

27 ноября в I Департаменте Правительствующего Сената слушалось заключение товарища обер-прокурора Сената по вопросу о предании суду Рейнбота и Короткого. Председательствовал сенатор Шольц, заключение давал сенатор Добровольский. В основание всех суждений легло заключение, представленное обер-прокурором Уголовного кассационного департамента сенатором Н. З. Шульгиным. После небольших прений Сенат постановил предать суду как Рейнбота, так и Короткого.

3 декабря привезли в Москву по Николаевской ж.д. тело бывшего видного государственного деятеля графа Д. М. Сольского для погребения его в Алексеевском монастыре. Глубоко уважая покойного, я поехал на вокзал встретить его тело. Одновременно с телом

прибыла и вдова покойного графиня М. А. Сольская, рожденная Мясоедова, и близкие родные: граф Е. Н. Адлерберг, С. А. Воронин и В. И. Исаков. Погребение состоялось на другой день.

Граф Сольский представлял из себя человека превосходного сердца, громадных познаний, был высококультурным и честным государственным деятелем. Он был чужд бюрократических интриг, чиновничьей хитрости и отказа в своих мнениях, в зависимости от случайных настроений. Все, кто только его знал, глубоко его почитали и уважали.

17 декабря исполнилось 100 лет со дня основания Московской практической академии коммерческих наук, попечителем коей я состоял. Еще задолго до этого дня в академии готовились к юбилею, а я несколько раз ездил в Петербург хлопотать о наградах старейшим членам Общества коммерческих знаний, членам попечительного совета, преподавателям и др. Все эти хлопоты были обставлены большим формализмом, то чин не подходил, то не хватало несколько месяцев для междунаградного срока, все это были препятствия, которые надо было преодолеть, все это отнимало много непроизводительного времени.

Ко дню юбилея готовилось и роскошное издание истории академии за 100 лет [10], готовилась выставка ученических работ, одним словом, все были заняты, а так как все требовало моего согласия, то я часто ездил в академию и за всеми этими приготовлениями к юбилею невольно сблизился с ней, сблизился со всеми деятелями в ней.

Над составлением истории академии работала комиссия под председательством инспектора А. В. Казакова, разные отделы были поручены отдельным членам комиссии: так, составление общей истории академии и ее значение как образовательного учреждения за 100-летнее ее существование взял на себя сначала преподаватель истории В. И. Пичета, а потом докончил А. В. Казаков. Отдельные части труда распределены были следующим образом: а) летопись храма при академии и очерк преподавания закона Божьего взял на себя протоиерей Диомидов (настоятель храма); б) художественную часть — М. В. Маймистов; в) очерк истории преподавания иностранных языков — Ф. М. Мирчинк; г) постановки воспитательного дела — Я. П. Ремпетер и А. Г. Морген; д) преподавания товароведения и химии — профессор П. П. Петров и А. В. Новицкий; законоведения, коммерческой географии и истории торговли — А. Д. Солодовников, истории — В. И. Пичета, механики — профессор Н. Е. Жуковский и т. д.; е) экономическую часть истории академии — А. В. Прокофьев, он же взял на себя и очерк преподавания бухгалтерии и коммерческой арифметики. Благодаря такому распределению история вышла очень содержательная, издана она была очень хорошо, наполнена художественно исполненными портретами государей, начиная от Александра I, некоторых особ им-

ператорского дома, попечителей, начиная от Валуева и кончая мною, министров финансов и торговли, а также и всевозможных фотографий и видов из жизни академии.

Юбилей такого исключительного учреждения, оригинального по своей конструкции, представлял несомненно исторический интерес.

Академия обязана была своему существованию уроженцу Западной Пруссии К. И. Арнольду, который еще в 1804 г., близко сойдясь с представителями московского купечества того времени и заручившись содействием крупных коммерсантов, особенно Куманина, открыл на Солянке коммерческий пансион. Пансион этот, задавшись целью «образования юношей, желавших вступить в купеческое звание», и явился зародышем будущей академии. В 1806 г. по ходатайству Арнольда Александр I даровал пансиону наименование «Практической коммерческой академии», переименованной в 1835 г. в «Практическую академию коммерческих наук».

Молодой пансион привлек крупные пожертвования, купечество стало охотно отдавать туда своих детей для обучения коммерческим наукам. В 1810 г. чрез сенатора П. А. Валуева, который был и главноначальствующим над Оружейной палатой, купечество обратилось к императору Александру I с ходатайством о даровании академии 50 000 руб. на покупку дома и о принятии академии под покровительство Валуева.

Указом Александра I от 17 декабря 1810 г. из частного пансиона академия превратилась в учреждение государственное, с определенными правами и привилегиями, почему этот день и считается днем основания академии.

С первых же дней академия проявила редкую самобытность. Комиссия, в составе представителей купеческого сословия и профессоров университета, в конце 1810 г. постановила «никогда не пользоваться никакой постоянной казенной субсидией». И это постановление свято соблюдалось за все время существования академии.

Тогда же было образовано и Общество любителей коммерческих знаний, с целью оказывать академии материальную поддержку, и долгое время Практическая академия была единственным в России учебным заведением, существовавшим на средства московского общества. Но не сразу она окрепла, вместе с Россией она пережила разруху 1812 г., и во время пожара Москвы дом на Солянке, где помещалась академия, сгорел дотла. В огне погибла и ценная библиотека академии в 4000 томов.

Во время директорства Арнольда питомцами ее были лишь дети купцов и богатых мещан, все науки, за исключением закона Божьего, преподавались на немецком языке. Система же отметок была архаически-курьезная: хороший ответ отмечался ±; отличный —; дурной ответ 0; самый дурной $\bar{0}$. Обращение с учениками тоже соответствовало дореформенному времени, наказывали «очень чув-

ствительно»: били по щекам или же, глядя по удобству, кулаком «где придется». Московское купечество, узнав о применении телесных наказаний, отнеслось к этому с осуждением и в 1813 г. издало постановление, «чтобы никто из учителей учеников не бил, под опасением строжайшего наказания».

Состав преподавателей отличался разнообразием: наряду с видными профессорами университета были лица, окончившие лишь губернскую гимназию или имевшие аттестат Московской гражданской палаты. Вознаграждение профессора получали «глядя по человеку», определенного оклада не было, большей частью от 200 до 300 руб. ассигнациями в год. Один из воспитателей взялся преподавать немецкий язык «за стол и квартиру». В 1839 г. академия купила, со ссудой от казны в 150 000 руб., дом графа Мамонова на Покровском бульваре, и 31 августа 1847 г. занятия начались уже в новом доме.

Последние 25 лет жизнь академии ознаменовалась крупными реформами, многие из них произведены были при содействии покойного великого князя Сергея Александровича, бывшего попечителем академии в течение 14 лет. В 1906 г. директор А. С. Алексеев ушел, и выбор коллегии пал на профессора А. Н. Реформатского. Его четырехлетняя, до юбилея, деятельность явилась выполнением широко задуманной программы преобразований, главным образом учебного плана, о котором я буду говорить ниже. В 1908 г. образовалось Общество вспомоществования нуждающимся воспитанникам, так как к этому времени состав учеников значительно демократизировался, и двери академии открылись для бедных семей. В 1910 г. закрыт был пансион.

За все время своего существования академия, с материальной стороны, вела всегда «борьбу за существование», выходя из финансовых затруднений с честью. Один из первых щедрых жертвователей был «греческий дворянин и кавалер» З. П. Зосима, поддерживающий академию еще до утверждения ее устава, внесший в общем 172 000 руб. Затем самую большую поддержку академии оказывало Московское купеческое общество взаимного кредита, которое до самых последних дней существования академии отчисляло в ее пользу из прибылей капитала 5%.

В итоге маленький пансион 1810 г., с 30 учащимися, обремененный долгами, чрез 100 лет, ко дню своего юбилея, обратился в обширную академию, помещавшуюся в собственном доме, с более чем 300 учениками и с капиталом в 187 856 руб.

Руководимая выдающимися педагогами, администрация академии с начала 60-х годов проявила много инициативы, самостоятельности и старания идти по стопам вождей новой русской школы Д. Н. Ушинского и Н. И. Пирогова. Из педагогов-администраторов за это время выделились И. М. Живаго, бывший в течение 30 лет инспектором, Н. А. Сергиевский и М. Я. Китара. С именем послед-

него неразрывно связана эра гуманизма и отречения от старозаветной школы. Твердой рукой проводя начала общественного пробуждения в самих учащихся, то, что называется общественным мнением (одной из мер Китары было отдавать шалуна или провинившегося на поруки классу), Китара внес много света в жизнь академии, значительно ее облагородив.

Моя работа в академии ко дню юбилея была вполне налажена. Получая за каждую четверть подробные отчетные ведомости по каждому классу отдельно, я мог следить за жизнью каждого из них, а периодические доклады директора А. Н. Реформатского и мои личные наблюдения дополняли общую картину и знакомили меня с настроением.

До 1910 г. при академии существовал интернат, что придавало всему учреждению семейный характер, воспитанники теснее сплачивались между собой, считали академию своим родным домом. К моему большому сожалению, Совет академии вошел ко мне с представлением о закрытии интерната, мотивируя, главным образом, свое ходатайство колоссальным дефицитом и невозможностью, вследствие увеличивающейся с каждым годом дороговизны жизни, сводить концы с концами. Как мне ни жаль было, но идти против постановления Совета, требовать от Общества любителей коммерческих знаний, чтобы оно нашло требуемую сумму для сохранения пансиона, — а сумма требовалась около 14 000 руб. в год, — я не счел себя вправе, и потому должен был с грустью согласиться — интернат был упразднен.

Правда, это дело дало возможность все внимание обратить на учебную часть, а главное, сохранить параллельные классы, иначе пришлось бы ради пансиона сократить эти параллели, и тогда в некоторых классах сидело бы до 50—60 учеников, что, конечно, вредно отозвалось бы на преподавании, норма же количества учеников при параллелях была в среднем от 20 до 30.

Затем можно было расширить и экскурсии по естественным и прикладным наукам, для чего был выработан следующий план: а) для I класса — 4 экскурсии за город для выяснения основных элементов ландшафта, работы воды, ветра, леса и т. п., осмотр водопровода, метеорологические наблюдения над жизнью реки Москвы (замерзание, вскрытие, осенний лед и т. п. явления); б) для II класса — 2 экскурсии (за город и в Ботанический сад, для ознакомления с типичными представителями растительных ландшафтов); в) для III класса — Ботанический сад (более детальное изучение растительности), Зоологический сад и музей, Этнографический музей, музей Попова (Строгановское училище); г) для IV класса — Музей Александра III (искусство Запада) совместно с историком, Этнографический музей (славянские народы), озеро в селе Косино; д) для V и VI классов — 2 экскурсии за город: 1 по географии и 1 по естествоведению, 2 этнографических в музей Даш-

кова (Европейская Россия и окраины); Зоологический музей, Кустарный музей и кустарное дело в Сергиевом Посаде; е) для VII и VIII классов, при участии в экскурсиях историков и экономистов, — экскурсии на фабрики и заводы московские и подмосковные.

Кроме того, были намечены и дальние экскурсии: 1. Для среднего возраста: Петербург с ближайшими частями Озерного края и Финляндии, Северный район, Рижский, Новгородский, Малороссийский, Крым, Волга. 2. Для старшего возраста: Центральный промышленный, Донецкий районы и Туркестан.

Этот широкий план экскурсий, конечно, не мог быть выполнен полностью в первый же год, но экскурсии по Москве и в ее окрестностях были приведены в исполнение. Дальние экскурсии возбудили особенно большой живой интерес среди учащихся, я заранее всегда сносился с начальником дороги или Министерством путей сообщения, и мне всегда удавалось устроить и льготный проезд, а иногда и бесплатный, и обставить поездку возможными удобствами. Экскурсии устраивались частью на средства родителей, частью за счет академии, частью на средства экскурсионного фонда, который был специально для сего собран.

Юбилей не только не отвлек от главной педагогической работы, но даже содействовал ей, так как составление исторических очерков постановки преподавания отдельных учебных предметов и, особенно, организация юбилейной выставки учебного дела заставили лишний раз пересмотреть существовавшее положение дела. [...]

К концу 1910 г. фактически проведенные преобразования оказались настолько существенными, что потребовалась серьезная переработка программ и всего учебного плана. Этот пересмотр был произведен, и новые программы были выработаны и утверждены мною. Основная задача преобразований заключалась в том, чтобы придать преподаванию большую жизненность и наглядность и чрез это вызвать в учащихся больший интерес к преподаваемому и большую самодеятельность, и в конечном итоге повысить общий уровень их развития.

Помимо реформ по учебной части, было обращено много внимания и на воспитательную сторону. Посещая академию и обходя классы, я обратил внимание на некоторую распущенность воспитанников двух старших классов, которые держали себя не как воспитанники среднего учебного заведения, а подыгрывались под студентов. Это вносило большой диссонанс на общем фоне воспитания. Я обратил внимание, что и форму они себе придумали под студенческую, причем одевались небрежно, ходили расстегнутые, космытые. Мне это крайне не понравилось, и я решил прежде всего поставить их в известные рамки и ввести точно определенную форму одежды. Существовавшая форма меня не удовлетворяла, я находил ее неудобной и непрактичной, не подходящей для работы. Не желая

также таким сравнительно пустяком возбуждать молодежь, я присмотрелся сначала к тем формам, которые старшие классы сами себе придумали: это была тужурка военного образца, которую носили более половины старших классов, потому я решил на этой тужурке и остановиться и ввел ее официально для двух старших классов. В парадных же случаях оставил бывший мундир с шитым воротником, признав его необязательным, дабы не вводить в расход родителей. Старшие классы были вполне удовлетворены и довольны. Я потребовал только, чтобы они всегда были застегнуты на все пуговицы и не ходили бы разгильдяями. Это стоило немалого труда и настойчивости, но в конце концов удалось добиться. В средних классах осталась прежняя форма с небольшими изменениями. Вместо однобортного мундира — двубортный, что было практичнее и красивее. В маленьких классах серые рубашки и такие же брюки. Когда после юбилея академия получила звание «Императорской», то на головных уборах — фуражках прибавлены были на тулье небольшие императорские короны, что доставило большое удовольствие воспитанникам, и они с гордостью носили эту эмблему царского к ним доверия. Ко дню юбилея все воспитанники были уже одеты в установленную форму.

Приглашения на юбилей были разосланы еще за месяц представителям всех высших просветительных учреждений и обществ, всем сколько-нибудь известным коммерческим училищам, Купеческому обществу и лицам купеческого сословия, некоторым научным обществам, как-то: Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии, Испытателей природы и другим, бывшим преподавателям, почтенным общественным деятелям — бывшим воспитанникам или их ближайшим родственникам, имевшим отношение к академии, отдельным представителям различных ведомств г. Москвы, видным деятелям просвещения и представителям министерств торговли и промышленности и финансов. [...]

Накануне юбилея я получил от министра торговли депешу, что по всеподданнейшему его докладу, согласно моего ходатайства, Государю благоугодно было всемилостивейше даровать академии ко дню юбилея наименование «Императорской». Эта царская милость меня страшно обрадовала, так же как и всех членов попечительного совета, с которыми я тотчас по телефону поделился этим радостным известием о последовавшем столь необычном монаршем внимании к академии.

17 декабря торжество началось в храме академии торжественной обедней, которую служил преосвященный Анастасий в сослужении с настоятелем храма отцом Диомидовым и местным духовенством. После молебствия перешли в актовый зал: здесь на высокой эстраде, украшенной зеленью, с бюстами императоров Александра I и Николая II по бокам, за длинным столом поместились во главе со мной все члены Попечительного совета, почетные гости и высшее учебное начальство.

В зале, в первых рядах, поместились градоначальник Адрианов, губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин, представитель Биржевого общества А. Г. Крестовников, Купеческого — С. А. Булочкин, много профессоров высших учебных заведений и т. д. Затем преподаватели настоящие и бывшие и др. Воспитанники окружали эту группу приглашенных, заняв отведенные им места с боков и сзади, все были в новеньких мундирах, что красиво гармонировало с нарядной массой, сидевшей в креслах.

Когда все уселись на свои места, я открыл торжественный юбилейный акт речью. [...]

После моей речи директор А. Н. Реформатский огласил телеграммы, полученные от великой княгини Елизаветы Федоровны, великого князя Константина Константиновича, преосвященного Трифона, министра торговли, министра финансов и командующего войсками Плеве. Затем выступил с речью старший инспектор училищ Министерства торговли Малинин и от имени этого министерства приветствовал академию. После чего прочитан был ряд многочисленных депеш.

По окончании чтения от Попечительного совета академии говорил В. Г. Сапожников, после чего выступил внук основателя академии Арнольд, с несколько нескромной речью, восхваляя своих предков за заслуги их в деле образования. Затем шли приветствия от Московского купеческого общества, Биржевого, Ремесленного, Мещанского, от Сельскохозяйственного института, Коммерческого, Университета Шанявского и т. д. Всех приветствий было более ста, одно из последних было от родителей учеников, очень трогательно сказанное одним из родителей, П. Н. Синицыным.

После приветствий прочитан был краткий исторический очерк жизни и деятельности академии за сто лет, и смешанный хор воспитанников академии и любителей исполнил специально написанную к этому дню кантату. Затем была произведена выдача ежегодных наград воспитанникам, удостоенным их по окончании курса или при переходе в высший класс. Воспитанники подходили и получали от меня награды. Акт закончился гимном, по прослушании которого я прочел текст составленной мной депеши на имя Государя императора. Как только я окончил чтение, зал огласился громкими криками «ура», слившимися со звуками гимна, повторенного несколько раз. [...]

По осмотре выставки ученических работ состоялся в «Эрмитаже» обед, устроенный Советом академии, на котором было очень оживленно, чувствовалось большое дружное единение, речи сменялись одна за другой.

На другой день для воспитанников был устроен спектакль в Народном доме, на который мною были приглашены и все преподаватели, и члены Общества любителей коммерческих знаний, и Попечительного совета. В антрактах от имени великой княгини Елизаветы Федоровны воспитанникам подавалось угощение. Всем

присутствовавшим роздано либретто оперы, изданное Попечительством. Этим закончились празднества, оставившие в воспитанниках хорошее, бодрое воспоминание.

Юбилейные торжества доставили и мне большое удовлетворение. Они как-то еще более сблизили меня с академией, я почувствовал, что для академии я стал своим, близким, и к моему голосу стали прислушиваться уже не из-за любопытства, как мне казалось вначале, а признавая мой авторитет.

В дни юбилейных торжеств академии в судебной палате, в особом присутствии по 2-му Уголовному департаменту, с участием сословных представителей, назначено было к слушанию на 18 декабря дело рузского предводителя дворянства князя Павла Долгорукова и земских начальников того же уезда Космовского и Васильева, исправника Полонского и бывшего податного инспектора В. Н. Шрамченко по обвинению их, в качестве председателя и членов Рузского уездного съезда, в превышении власти, выразившейся в раздаче крестьянам в 1905 г. продовольственного капитала. Дело слушалось в течение двух дней, я присутствовал все время. Представителями от дворянства на суде был Н. Н. Кисель-Загорянский, а от города В. Ф. Малинин.

Формулировка обвинения заключалась в том, что князь Долгоруков, председатель Рузского уездного съезда, и остальные привлеченные, как члены съезда, постановили выдать крестьянам ссуды из продовольственного капитала без всякой проверки их нужды, и притом наличными деньгами, а в некоторых случаях, даже помимо земского начальника, причем выдача эта имела характер не ссуды, а просто каждый крестьянин получил обратно все, внесенные им в капитал, взносы.

Князь Долгоруков в самом начале заседания возбудил ходатайство о дополнительном вызове свидетеля земского начальника Мартынова, а Космовский — земского начальника Языкова, которые бы удостоверили, что и они выдали крестьянам такие же ссуды, а однако привлечены не были. Палата обвиняемым в этом отказала.

Все обвиняемые говорили, что нужда была острая, народ волновался. Свидетели же показывали, что выдача ссуд производилась кому нужно и кому не нужно было, и делалось это потому, что крестьяне настойчиво требовали. А настойчивость эта, по словам многих свидетелей, навеяна была политическими агитаторами, которых видели разъезжавшими среди крестьян, причем один из таких агитаторов разъезжал даже на лошади князя Долгорукова. Последний это отрицал, говоря, что такой слух вызван был тем, что он дал свою лошадь знакомому студенту, которого и приняли за агитатора.

Некоторые свидетели уверяли, что князь Долгоруков сам признавал, что особой надобности в выдаче ссуд не было и в другое время они, конечно, выданы бы не были, а тогда правительство, по мнению Долгорукова, было некрепко, и Центральный Комитет

Партии народной свободы находил необходимым раздавать продовольственные капиталы.

Секретарь съезда Стриженов говорил, напротив, в пользу Долгорукова, утверждая, что ни одной неправильной ссуды выдано не было. Крестьяне утверждали, что нужда была очень острая, что «не запомнят такого тяжелого года». Выяснилось из показаний некоторых свидетелей, что крестьяне, требуя возврата капитала, обступили густой толпой съезд, а потом и самого князя Долгорукова, эти же свидетели утверждали положительно, что известный агитатор Балашев ездил на лошади князя Долгорукова.

Долгоруков протестовал, говоря, что вовсе не под влиянием толпы был роздан капитал. «Я толпы не боялся, — уверял он, — да и вообще в уезде было вполне спокойно, и роздан был капитал только вследствие острой нужды, и деньгами, а не хлебом, так как последнего большими партиями купить было нельзя». Долгоруков протестовал относительно того, что Центральный Комитет кадетской партии постановил выдавать продовольственные капиталы, но потом взял слово «измышление» назад, сказав, что непременный член Полянский не так его понял, когда он говорил о взглядах кадетской партии.

В последнем слове все подсудимые не признали себя виновными. Космовский сказал: «Господин прокурор, видно, судит по себе; если бы он был в 1905 г. земским начальником, то может быть и струсил бы. А мы работали по мере сил. Мы были свободными членами присутствия, и Долгоруков влиять на нас и прижимать нас не мог».

Князь Долгоруков в своем последнем слове указал на то, что одно предание его суду по 2 части 341 статьи лишило его, в течение 5 лет, избирательных прав, где он был лишен возможности служить по земству, где он всегда с такой охотой и любовью работал, а без общественной деятельности он чувствует какую-то беспочвенность. Он находил, что понесенная им кара уже достаточна и что она и тех, кто добивался лишить его избирательных прав, могла бы удовлетворить.

По довольно долгом совещании Особое присутствие вынесло приговор: князя Долгорукова отрешить от должности по суду, Космовскому и Васильеву объявить выговор, а Полонскому и Шрамченко замечание.

20 декабря Москва получила в дар еще новое грандиозное учреждение. Последовало торжественное открытие новой, устроенной по последним методам, образцовой больницы на пожертвованный для сего Солдатенковым капитал. Больница эта была сооружена на Ходынском поле, вне города, в здоровой местности и составила гордость Москвы.

На торжество съехалось много приглашенных — все представи-

тели высшей администрации, медицины, архитектурного мира были налицо. Всех гостей приветливо встречал главный врач Ф. А. Гетье, много потрудившийся вместе с хирургом В. Н. Розановым над созданием этой образцовой больницы. Гетье, Гучков — городской голова и Малинин — член управы объясняли и показывали все гостям. После подробного осмотра всех, уже вполне готовых, построек, ознакомления с разнообразными по целям помещениями в них, гости были приглашены в главный административный корпус, в зал конференции, где им любезно был предложен чай, закуски и шампанское.

Последовал ряд речей. Н. И. Гучков, указав на своевременность открытия больницы, каковая чувствовалась городом, преследуемым целым рядом эпидемий, отчего все больницы были страшно переполнены, сказал, что как раз в этот момент, переживаемый городом, частное лицо пришло на помощь Москве своими колоссальными средствами и создало эту грандиозную больницу. «Во славу и память того, — произнес Гучков, — кто ее создал, за процветание больницы я и поднимаю бокал». После Гучкова говорил Гетье за постоянное объединение общественных сил и представителей практической науки, в результате чего явилась новая больница — новое украшение Москвы, а затем, поднимая бокал за Гучкова, он указал на ту деятельную благотворную роль, которую сыграл Гучков в деле сооружения больницы, в бытность свою еще гласным. Говорили еще многие другие из присутствовавших, чай затянулся благодаря радушию представителей города и новой больницы.

27 декабря Арнольдо-Третьяковское училище глухонемых праздновало 50-летний юбилей своего существования. Это образцовое училище для глухонемых, под дирекцией скромного, почтенного труженика и знатока воспитания глухонемых Ф. А. Рау, помещалось в Москве на Донской улице.

В Москве начало обучения глухонемых было положено в 1831 г. бывшим надзирателем Петербургского училища глухонемых Антоном Корси. 24 апреля 1860 г. в Москву приехал директор частного училища глухонемых И. К. Арнольд, сын основателя Практической академии, о котором я говорил выше, со своими 5 глухонемыми учениками, а 1 августа того же года он же открыл в Москве училище, переименованное впоследствии, в 1900 г., в Арнольдо-Третьяковское, так как П. М. Третьяков был во главе благотворительного комитета, на попечении коего состояло училище и на покрытие расходов коего он ничего не жалел.

Юбилей был отмечен выставкой ученических работ и всероссийским съездом деятелей по воспитанию, обучению и призрению глухонемых. В день юбилея, после торжественного богослужения в домовом храме училища, состоялся акт в присутствии представителей администрации, города, благотворительных учреждений и т. д. Председатель Попечительного совета почтенный М. Л. Лосев открыл заседание приветствием по случаю исполнившегося 50-летия

и благодарил всех отозвавшихся на приглашение Попечительного совета. Директор Рау прочел краткий исторический очерк, посвятив и несколько слов тем успехам, которые сделала наука для воспитания и обучения глухонемых за последние годы. Преосвященный Анастасий отметил особые заслуги тех людей, которые посвящают себя тяжелому труду воспитания глухонемых, усматривая в этом их труде подвиг истинного христианства.

После преосвященного говорил я, от имени состоявшего под моим председательством Московского отделения попечительства о глухонемых. Председателем этого отделения я был с первых дней моего губернаторства, оно не было связано с должностью губернатора и перешло ко мне как бы по наследству от Кристи, который меня уговорил взять на себя председательство, а члены Попечительного совета Московского отделения меня упросили, обещав, что для меня это не прибавит никакой работы, они будут работать и преподносить мне готовое. Я и согласился. Действительно, все члены, среди коих большинство было дам преимущественно немецкой колонии, работали более чем добросовестно и всеми силами старались выполнить свое обещание. Я, в буквальном смысле слова, шефствовал, и только. Когда собирались ко мне на заседание, отдавал час или два этому делу, получая действительно все готовое, все члены собирали всегда много денег, хлопотали, суетились, и наши две школы, можно сказать, процветали. Я сам ничего не делал, только выражал всегда благодарность. Не могу не вспомнить и сейчас с горячей благодарностью М. Г. Иокиш, С. П. Гейс, С. А. Юнкер — старушку 80 лет, не пропускавшую у меня ни одного заседания, всегда бодрую, милейшую, ее милых дочек Генриетту Львовну Веррейкен и Адель Львовну Леве, казначея Ю. Л. Арндта и многих других членов совета, отдававших большую часть своего времени на пользу несчастных глухонемых.

После меня говорил Н. И. Гучков о деятельности самоотверженных работников по призрению глухонемых и поставивших училище на недосягаемую высоту.

Затем и само училище демонстрировало наглядно свои успехи и завоевания науки по обучению глухонемых. Первый адрес прочла девочка-глухонемая, за ней прочел адрес мальчик-глухонемой, а потом и взрослый. Второй из них поразил всех — он прочел адрес великолепно, нельзя было думать, что это читает глухонемой, до того правильны были все интонации, другие же двое обладали всеми свойствами глухонемых: неясность произношения горлом и с несоответствовавшей интонацией.

В заключение Лосев благодарил всех и предложил осмотреть ученическую выставку. Она оказалась очень интересной: большая коллекция сапожных изделий, переплетных, типографских, много работ глухонемых, обучившихся писанию на «Ремингтоне», много диаграмм и т. д.

1910 год кончился для московского общества печально — скончалась всеми уважаемая, весьма почтенная, благороднейшая и добрейшая Екатерина Петровна Ермолова, объединявшая все московское высшее общество, не забывавшая и меньшую братию, расточавшая вокруг себя много добра. Она скончалась на 82-м году своей честной, благородной, скромной жизни 28 декабря в своей квартире в Трубниковском переулке. Она пользовалась большим уважением во всех кругах, была камер-фрейлиной Государынь императриц, которые ее глубоко чтили. В Москве она была известна своим близким, деятельным, несмотря на свои годы, участием во многих благотворительных обществах. Вся старая Москва пришла поклониться ее гробу, отдать последний долг этой честнейшей и благороднейшей женщине, от которой веяло всегда только необыкновенной добротой и всепрощением. 31 декабря ее похоронили в семейном склепе в Покровском монастыре. Великая княгиня Елизавета Федоровна провожала ее тело до самого места ее упокоения.

Глава 7

1911 год

Кружок деятелей по борьбе со школьным алкоголизмом. — Открытие «Яра» — 40-летний юбилей ученой деятельности профессора Н. Е. Жуковского. — Трагическое происшествие в Бутырской тюрьме. — Очередное Московское дворянское собрание. — Губернское земское собрание. — Университетские беспорядки. Уход профессоров. — Циркулярное письмо Столыпина на имя губернаторов. — 50-летие со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости. — Приезд великой княгини Марии Александровны и Виктории Федоровны. — Представление Государю. — Рескрипт моей сестре. — Введение земских учреждений в Западном крае. Конфликт в Государственном Совете. Применение 87 статьи. Запросы Государственного Совета и Государственной Думы. Уход Гучкова. — Выборы нового Председателя Думы. — Похороны Г. И. Кристи. — Кончина богородского исправника Бабина. — Прибитие мраморной доски на стене Николаевского дворца в память рождения царя-освободителя в этом дворце. — Дело А. А. Рейнбота. Кончина профессора В. О. Ключевского. — Отъезд в отпуск. Мое путешествие за границей. — 10-летие существования Московского столичного попечительства о народной трезвости. — Перелет Петербург — Москва. — Кончина М. Ф. Морозовой. — Открытие памятника историку Н. М. Карамзину в Остафьеве. — Закладка больницы в память 300-летия дома Романовых. — Закладка Народного университета имени А. Л. Шанявского. — Юбилей начальника станции Москва Московско-Курской ж. д. — Выставка аквариумов и растениеводства. — Всероссийский съезд по народному образованию в Москве. — Поездка моя по Звенигородскому и Московскому уездам. — Бракосочетание князя Иоанна Константиновича с королевной сербской Еленой Петровной. Указ об изменении правил вступления в брак членов императорского дома. — Нападение на пристава Гончарова. — Мой приказ по поводу стрельбы на воздух. — 26 августа в Бородино. — Покушение на Столыпина. Его кончина. — Макаров — министр внутренних дел. — Мой приказ о нарушении евреями закона о посещении сельских местностей. — Убийство князя П. Н. Трубецкого его собственным племянником В. Г. Кристи. — Увольнение П. Г. Курлова, назначение И. М. Золотарева. — Кончина В. В. Петрова. — Выступление А. А. Макарова в Думе по вопросу об убийстве Столыпина. — Заседание Думы по делу социал-демократической фракции 2-й Думы. — Кончина художника В. А. Серова. — Кончина Н. Ф. Рихтера. — Высочайший проезд через Москву. — Отъезд мой в Курскую губернию. Заключение. — Первые дошедшие до меня определенные слухи о Распутине.

В первых числах января профессор А. А. Корнилов, председатель Кружка деятелей по борьбе со школьным алкоголизмом, тесно связанного с Московским столичным попечительством о народной

трезвости, задумал широкий план для борьбы с этим злом и, составив подробную докладную записку о школьном алкоголизме с приведением весьма интересных статистических данных, не только касательно России, но и других стран, намеревался эту записку разослать членам Государственной Думы и Государственного Совета, дабы заинтересовать их и попытаться этот вопрос провести в жизнь законодательным путем.

Данные, приведенные А. А. Корниловым, были прямо потрясающими. По Московской губернии оказалось, что из 18 334 мальчиков в возрасте от 8 до 13 лет употребляли алкогольные напитки 12 005, или 65%; из 10 404 девочек — 4994, или 47%. Кроме того, анкеты по Московской губернии дали возможность заключить, что школьники умели различать вкус различных алкогольных напитков, некоторые предпочитали пиву водку, другие говорили о вкусе вина и т. д. В городских училищах оказалось положение еще менее утешительным, процент пивших был гораздо значительнее.

Кружок деятелей по борьбе со школьным алкоголизмом, после долгого обсуждения о мерах борьбы с развивающимся народным пьянством, остановился на факте нараставшего детского алкоголизма, как наиболее угрожающем моменте, и поставил себе целью сколь возможно способствовать выяснению этого явления, выяснению его причин, его следствий и мер, которыми можно было бы с ним бороться. Что касается до этих последних, то кружок считал, что они могут быть очень разнообразны: среди них самый важный — введение противоалкогольного обучения в школах для учеников и лекций об алкоголизме в учительских семинариях — для учителей. Конечно, обучение не могло устранить алкоголизма, но можно сказать наверное, что без этого обучения отрезвление невозможно. Необходимость антиалкогольного обучения сознавалась и в других странах, например, в Германии, Баварии, Саксонии, Вюртемберге, в Англии, Франции, Италии, в Голландии, Австрии, Венгрии, Сербии, Японии и других странах, где хотя и не было отдельных часов для преподавания антиалкоголизма, но где министерскими циркулярами и другими предписаниями учение об алкоголе и его последствиях преподавалось при разных случаях в течение преподавания других предметов.

Кружок признавал необходимым иметь при школах в библиотеках антиалкогольный отдел, где была бы специальная литература для учителей, понятная и для учеников, с некоторыми важными диаграммами.

Может быть, было бы желательно, чтобы при школах создались трезвенные общества родителей, которые бы тесно примкнули или сливались с таковыми же при церковных приходах и в которых учителя и священники, от времени до времени, собирали родителей и учеников для совместной беседы об алкогольных вопросах. Тако-

вые собеседования существовали уже в Германии, Люксембурге, Голландии, Норвегии и Сербии с большим успехом.

Развитие физических упражнений, таких как спорт, игры, военная гимнастика, которые отвлекали бы молодежь от алкоголя, по мнению кружка, были бы очень важны, а также признавалось полезным и устройство школьных союзов трезвости, или как самостоятельной единицы, или же как одно из требований при организации других союзов, например, какого-либо спорта, гимнастики, музыки и пр. Такие союзы трезвости между молодежью народных училищ были особенно распространены в Англии, где одних членов насчитывалось до 3 миллионов (Банд оф Хоп), во Франции — около 73000, в Норвегии около 4000, в Соединенных Штатах, Германии, Дании, Голландии, Венгрии, Румынии, Швеции и пр.

В заключение профессор Корнилов приглашал собрать комиссию из компетентных лиц разных ведомств, которая рассмотрела бы вопрос о детском алкоголизме вообще, о мерах борьбы с ним, выяснила бы этот вопрос, по возможности, со всех сторон, выработала бы программу борьбы со школьным алкоголизмом и, не откладывая в долгий ящик, как это почти всегда у нас делается, приступила бы, с Божьей помощью, к осуществлению намеченных задач.

Докладная записка эта была подробно рассмотрена в особом заседании компетентных лиц в председательствуемом мной Попечительстве о трезвости и затем направлена в законодательные учреждения, как материал при обсуждении законопроекта о борьбе с пьянством. Этот Кружок под председательством достойного глубочайшего уважения профессора А. А. Корнилова работал с необыкновенной любовью над этим трудным вопросом, в существование которого общество как-то мало верило и подвергало сомнению его значение. Тем более почин, сделанный А. А. Корниловым, заслуживал уважения.

В начале января в Москве состоялось открытие грандиозного загородного ресторана «Яр» [1], вернее, вновь выстроенного, можно сказать без преувеличения, дворца, на месте старого «Яра», столь знакомого москвичам, с историческим «Пушкинским» кабинетом, где в свое время наш великий поэт не раз слушал цыган.

Хозяин «Яра», А. А. Судаков, обставил открытие своего учреждения особенно торжественным образом, начав с молебствия и пригласив всю московскую администрацию, все высшее общество и постоянных посетителей «Яра». После молебствия гостям был предложен завтрак, накрытый на 600 человек. Градоначальник Адрианов и я сочли неуместным присутствовать на таком торжестве и потому не поехали, ограничившись, в ответ на приглашение, телеграммами. Командующий же войсками генерал Плеве не счел возможным отказаться от приглашения, так как Судаков, будучи церковным старостой лагерного храма, много жертвовал на него.

Плеве не только присутствовал на молебствии и открытии, но остался и к завтраку. Меншиков в «Новом времени», а также и многие другие газеты возмутились таким торжеством по случаю открытия ресторана, назвав это торжество «языческим»; досталось очень и Плеве, прохватили и меня с Адриановым за наши телеграммы.

16 января в Москве чествовали профессора Н. Е. Жуковского по случаю 40-летия его служения науке. Весь ученый мир, представители всех университетов России, ученых обществ и т. д. в большой аудитории Политехнического музея чествовали маститого юбиляра как одного из замечательных русских людей, заслуженного профессора, известного во всем мире своими трудами по гидродинамике и аэродинамике. За последние годы перед своим юбилеем Н. Е. Жуковский обратил особое внимание на себя своими теоретическими работами по воздухоплаванию, его работы легли в основу практических опытов воздухоплавания того времени. Он первый ввел строго научный курс авиации.

Чествование происходило в объединенном заседании всех ученых обществ Москвы. После вступительного слова профессора Андреева и речи самого юбиляра, посвященной истории преподавания механики в Московском университете за последние 50 лет, последовал ряд приветствий и адресов. Первое приветствие было от Академии Наук, за подписью президента великого князя Константина Константиновича, затем от министра народного просвещения. Депутация Московского университета поднесла адрес с подробной оценкой заслуг юбиляра; Императорское техническое училище поднесло диплом на звание почетного члена и ученый знак инженер-механика; далее шли другие высшие учебные заведения, среди них и Николаевская морская академия. После высших учебных заведений следовали московский городской голова и много других представителей, среди которых был и я, приветствовавший юбиляра как попечитель Императорской московской практической академии, в стенах которой Н. Е. Жуковский в течение 40 лет преподавал механику воспитанникам старших классов, снискав себе общее уважение и привязанность.

Н. Е. Жуковский был действительно выдающимся не только как ученый, но и как человек. Он обладал необыкновенной скромностью, весь уйдя в науку. Я раза три присутствовал на его уроках в академии. Помню, когда первый раз я вошел в класс на его урок, то меня неприятно поразило, что ученики не сидели на своих местах, а, слушая профессора, окружали его, сидя вокруг него в разных позах. Мне это показалось нарушением дисциплины, непорядком. Но я ничего не сказал и сел за одной из свободных парт, прося продолжать урок. По мере того, как шел урок, а я наблюдал, мое первое впечатление стало быстро сглаживаться, я сразу почувствовал, что профессор и группа учеников, окружавшая его,

составляли одно неразрывное целое, все воспитанники одинаково жадно, с напряженным вниманием вслушивались в слова своего учителя, ничто их не отвлекало, они задавали вопросы, получали разъяснения, это был не холодный урок, это была интереснейшая живая беседа. Жуковский удивительно умел привлекать к себе молодежь и заинтересовать их чистой наукой, весьма наглядно передавая им научные истины. Он никогда не пользовался дешевыми способами приобрести популярность у молодежи либеральничанием и политиканством, к чему прибегали многие из профессоров того времени и чего, к сожалению, не был чужд и директор академии А. Н. Реформатский.

21 января днем у меня дома было совещание с предводителями дворянства по поводу предстоящего празднования 50-летия со дня освобождения крестьян.

Не прошло и получаса с момента начала заседания, как ко мне позвонил по телефону тюремный инспектор и доложил, что в каторжном отделении Бутырской тюрьмы беспорядки, ранен надзиратель, а каторжане забаррикадировались. Приказав инспектору немедленно отправиться в тюрьму и оттуда мне доложить подробности, я продолжал заседание, хотя на сердце у меня было очень тревожно и я с нетерпением ждал телефонного доклада. Наконец раздался телефонный звонок, и я узнал от тюремного инспектора, что арестанты заперлись и держат у себя заложниками двух обезоруженных ими надзирателей. Меня это крайне удивило. «Ломайте же дверь и входите», — приказал я. Тюремный инспектор Захаров ответил на это, что в таком случае они могут убить надзирателей. Усмотрев из этих слов нерешительность и неумение выйти из создавшегося положения, я приказал в таком случае ничего не предпринимать и ждать моего приезда. Вернувшись опять в заседание, с трудом сохраняя хладнокровие, я ускорил рассмотрение остававшихся вопросов и, закрыв заседание, быстро поднялся в верхний этаж, чтобы проститься со своими, и, помолившись, отправился в тюрьму. По мере того, как я ехал, в душе у меня становилось все спокойнее и увереннее, и когда я вышел из саней и принял рапорт от начальника тюрьмы, то спокойствие овладело мною вполне. Расспросив о положении дела, я узнал, что беспорядки произошли во время работ в столярной мастерской, где находилось 47 каторжан.

Участие в насилии над надзирателями, по мнению начальника тюрьмы, принимали только трое из них, которые в настоящую минуту и стоят у входной двери, стреляя изредка из глазка по поднимающимся по лестнице. Относительно судьбы надзирателей он высказал предположение, что они убиты. Пройдя через двор, я поднялся по лестнице, направляясь ко входной двери в мастерскую на третий этаж. Площадка перед этой дверью была довольно обширна, в правом углу ее, прижавшись к стенке, стояли тюремный

инспектор, 4 помощника начальника тюрьмы, товарищ прокурора, несколько надзирателей и солдат из караула. В глазке двери видно было дуло револьвера, но ни одного выстрела, пока я шел по лестнице, в меня произведено не было. Из этого я вывел заключение, что, очевидно, у них уже наступила реакция, и потому, вероятно, удастся обойтись без кровопролития. Подойдя к прятавшейся группе, я поздоровался с ними. В это время почему-то тюремному инспектору Захарову вздумалось объявить арестантам, что приехал губернатор, на что послышался ответ в вызывающем тоне: «Мы сами это видим». Подойдя к двери, я спросил у них: «Сколько у вас убитых надзирателей?» — «Четыре», — последовал ответ. «А сколько револьверов?» — «Три». — «Где же четвертый?» — «У старшего одна шашка была, револьвера не было». Из этого ответа мы узнали, что старший Шкляев тоже был в мастерской, вероятно, случайно прошедший туда проверить арестантов. Хладнокровие, с которым стоявший у двери арестант-убийца отвечал, было ужасно. Но одно меня удовлетворило, что говорил он правду, а то, до моего прихода, никаких определенных ответов они не давали. Переменив тон с вопросного на требовательный, я сказал: «Немедленно откройте дверь (дверь была заперта изнутри) и отдайте мне револьверы, даю вам три минуты на размышление, после чего дверь будет сломана, и кровь ваших товарищей падет на вас». Они замялись, стали между собой шептаться. Потом послышался голос: «А бить нас не будут, истязать не будут?» — «Бить вас, конечно, не будут, истязать также, вы будете преданы суду».

Пошептавшись опять, они заявили, что отдадут револьверы мне непосредственно в руки. Я им ответил: «В таком случае отворяйте же и впустите меня». Они отворили дверь, и один из трех арестантов, когда я вошел, протянул мне все три револьвера, которые я и передал начальнику тюрьмы. В револьверах оставалось еще 11 зарядов. Я в душе благодарил Бога, который помог мне выйти без кровопролития из создавшегося трагического положения. Но Курлову, в то время бывшему товарищем министра внутренних дел и заведовавшему делами полиции, не понравилась моя тактика, я получил от него секретное письмо, в котором он написал, что «при условиях, при коих учинено убийство тюремных надзирателей, скорее всего казалось бы необходимым применить оружие, а не прибегать к переговорам с арестантами».

Арестанты же учли с благодарностью мой образ действий, и когда в 1919 г., 8 лет спустя, уже после переворота меня судили в Московском революционном трибунале по обвинению в действиях против пролетариата в бытность мою губернатором, двое бывших каторжан из этой группы, занимавшие в то время видные посты, П. П. Ягодзинский и В. М. Козицкий явились в трибунал, помянув меня добрым словом.

По передаче мне револьверов передавший их арестант заявил

мне, что в убийстве надзирателей принимали участие только они трое, остальные же 44 были только зрителями. Приказав поместить этих троих в одиночные камеры, я вошел в мастерские, но, к удивлению, не увидал ни одного арестанта, оказалось, что они со страха попрятались кто под кровати в камерах, кто под столы, кто под верстаки. Приказав им выйти, проверив их, я направился далее. Тут моим глазам представилась ужасающая картина — в четырех разных местах лежали несчастные убитые надзиратели, вокруг двоих лужи крови; зияющие раны свидетельствовали, как зверски они были убиты. Оттуда я отправился с тюремным инспектором и прокурором в одиночный корпус на допрос убийц. Первый отказался отвечать, держал себя вызывающе, а когда я ему сказал, что раз он не даст никаких показаний, то виновными будут считаться все 47, бывшие в мастерских, он стал протестовать против этого, но показаний все же не дал. Второй говорил, что убийство было ими совершено в протест к тюремному режиму и от ненависти к заведовавшему каторжным отделением, затем стал говорить, что жизнь надоела, что, в сущности, надзиратели были хорошие, добрые. Когда же я его спросил: «Если тебе жизнь надоела, то зачем же ты загубил четыре неповинные души, а не лишил себя жизни?» На это он рассмеялся и цинично произнес: «Зачем я буду лишать себя жизни, на это палач есть». Затем я его спросил, отчего они выбрали надзирателей, которые, по его словам, были добрые, а не убили начальника тюрьмы, инспектора или хотя бы меня — ведь это имело бы более смысла, он замялся и сказал: «Эти к нам ближе». На вопрос же, почему они, убив надзирателей, так просто сдались, он ответил, что потому что дали мне слово сдаться, и при этом прибавил: «А вот вы не сдержали вашего слова. Вы объявили, что нас истязать не будут, а засадили в одиночку, — это тоже истязание».

Третий оказался самый упорный и самый умный, но все же в конце концов проговорился, сказав, что они хотели бежать, когда же они убедились, что бегство не удалось, так как дверь они открыть не могли, то решили сдаться и не убили меня, считая это уже бесцельным. Затем мы опять пошли к первому, который на этот раз разговорился и с каким-то удовольствием стал рассказывать, как они убивали надзирателей. Было очень противно слушать; я вышел из камеры и отправился в больницу, куда перевезли пятого надзирателя, раненного тремя пулями. Этот надзиратель, Веселов, как оказалось на следствии, спас положение, предотвратив побег, поступив геройски, с полным присутствием духа.

Как выяснилось, произошло все следующим образом: трое из находившихся в столярной мастерской задумали бежать и решили убить трех надзирателей, которые были с ними, воспользоваться их одеждой и выйти из тюрьмы, пользуясь темнотой. Для этого один из трех убийц заявил надзирателю Курдееву, что ему надо стеклянной

бумаги для полировки. Надзиратель пошел в каморку, где хранились запасы, арестант пошел за ним и схватил его сзади за горло с такой силой, что хрящи оказались все сломанными, другой же арестант в это время ударил его молотком по голове. Отобрав у убитого револьвер, убийцы вышли из каморки, один из них крикнул, что с надзирателем сделалось дурно, а другой спрятался в шкаф с револьвером. Два надзирателя пошли в каморку, тотчас им вслед раздались выстрелы, один был убит наповал, другой ранен, его добили тут же стамесками. Покончив с тремя, бросились к четвертому надзирателю и убили его в тот момент, когда он намеревался ударить в тревожный сигнал; это был старик 67 лет. На выстрелы из сапожной мастерской прибежал надзиратель Веселов, и, как только вошел, был сражен тремя пулями, отчего упал на колени. Не потеряв присутствия духа, Веселов вышел из камеры и захлопнул дверь, затем, уже обливаясь кровью, сообразил, что у арестантов имеются ключи и они могут открыть дверь. Дабы предупредить возможность побега, он, собрав последние силы, всунул свой ключ в замочную скважину, благодаря чему арестантам путь к побегу был закрыт, у другой же двери был висячий замок снаружи.

Этому герою я в тот же день дал 100 руб. награды и представил его к Георгиевской серебряной медали «За храбрость».

Арестанты, убившие надзирателей, были преданы военно-окружному суду и приговорены: двое — к смертной казни, третий — к 20-летним каторжным работам.

На другой день я приехал опять в тюрьму, чтобы проверить настроение как арестантов, так и надзора. Обошел все камеры каторжан, всматриваясь в каждого из них, и с теми, кто не смотрел мне в глаза, я заговаривал, задавая некоторые вопросы. Настроение оказалось у них подавленное, растерянное. Собрав надзор, я призывал их не падать духом, стараясь их ободрить, и потом посетил семьи убитых.

Днем была отслужена панихида — все четыре гроба поставлены были рядом в тюремной церкви и усыпаны цветами. Похороны были 23 января, несмотря на 16° мороза, по всему пути от тюрьмы до Лазаревского кладбища стояла сплошная толпа народа. Впереди колесниц с четырьмя гробами двигалась конно-полицейская стража Московского уезда, за гробами родные, начальствующие лица и взвод надзирателей с оркестром музыки, игравшим похоронный марш. [...]

После погребения убитых надзирателей тюремный надзор обратился ко мне с просьбой повергнуть к стопам Государя верноподданнейшие чувства их беспредельной любви и преданности и твердое, непоколебимое желание служить Престолу и Родине верою и правдою, не страшась смерти, что мною и было исполнено. В ответ я удостоился получить нижеследующую всемилостивейшую депешу: «Передайте членам тюремного ведомства города Москвы мою бла-

годарность за выраженные верноподданнические чувства, высоко ценю их тяжелую и ответственную службу. Николай».

Этот трагический случай заставил меня обратить внимание на постановку постовой службы надзирателей в тюрьмах, вследствие чего и были приняты некоторые меры предосторожности для предотвращения повторения подобных происшествий. Для вооруженных постовых надзирателей устроены были оградительные решетки; надзиратели, которые непосредственно соприкасались с каторжанами, были обезоружены, дабы лишить возможности этих последних воспользоваться огнестрельным оружием надзирателей. Но так как арестанты, работая в мастерских, имели все-таки в своем распоряжении всевозможный инструмент, которым, при желании, могли лишить жизни каждого из служащих в тюрьме, принужденных, в силу своих обязанностей, обходить все ее помещения, то совершенно оградить лиц тюремного надзора от нападений, конечно, не представлялось возможным. Это обстоятельство значительно усугубляло тяжесть службы чинов тюремного ведомства.

Отсутствие специальных помещений для мастерских в значительной степени препятствовало возможности занять арестантов работами. А так как продолжительное бездействие, помимо того, что расслабляло организм и делало его более восприимчивым ко всякого рода заболеваниям, весьма пагубно отражалось на поведении и нравственности заключенных, то я приказал для работ использовать коридоры и некоторые спальные помещения, стеснив несколько последние, что тоже было нехорошо. Зато арестантский заработок за 1911 г. достиг почти 200 000 руб., увеличившись с 1909 г. на 95%; кроме того, занятие работами значительно отразилось и на поведении заключенных — число проступков и дисциплинарных взысканий уменьшилось наполовину.

К июлю месяцу больной вопрос о мастерских разрешился во вполне благоприятном смысле: смета и планы на новое грандиозное здание для мастерских при Бутырской тюрьме были утверждены, и можно было приступить к постройке. Работа закипела, и к 1 октября можно было назначить закладку новых зданий. Все здания сооружены были по проекту архитектора Б. А. Альберти и представляли собой: огромное здание в пять этажей со всеми новейшими усовершенствованиями на 2000 рабочих и другое здание в два этажа для женской больницы (до того времени было только женское отделение при мужской больнице). На торжестве закладки присутствовал прибывший из Петербурга начальник Главного тюремного управления С. С. Хрулев и представители судебного ведомства прокурор палаты А. В. Степанов и окружного суда В. А. Брюн де Сент-Ипполит.

В этом же году Москву посетил президент берлинской полиции вместе с двумя берлинскими профессорами гражданского и уголовного права, между прочим, у них было разрешение и для осмотра

тюрем, которыми они очень интересовались. В течение двух дней они, со свойственной немцам аккуратностью и любознательностью, осмотрели Бутырскую тюрьму и тюремную больницу. Когда они уезжали, я просил их прислать краткое откровенное описание того впечатления, которое они вынесли от осмотра наших тюрем. Они любезно это исполнили, прислав на имя тюремного инспектора следующее изложение на немецком языке, переведенное, по моему поручению, на русский язык:

«Я тем охотнее исполняю желание тюремной администрации изложить письменно и сообщить ей наши впечатления при осмотре тюрьмы, что, благодаря стараниям и обстоятельному руководству администрации, мы получили по возможности точную и, сравнительно с краткостью времени, бывшего в нашем распоряжении, полную картину устройства тюрьмы.

Самые постройки хороши, светлы, просторны и совсем не страдают обычным в тюрьмах дурным запахом. В высшей степени удивительно, что главное здание, построенное еще во времена императрицы Екатерины II, до сих пор еще соответствует потребностям, хотя, конечно, и не новейшим. Этот факт доказывает, что еще в те времена благородные и гуманные убеждения старались смягчить и сделать более человечной тяжелую участь всех тех несчастных и заброшенных.

Коридоры и лестницы отдельных зданий сплошь широки, а в новых частях даже расточительно широки, высоки, светлы и согреваются водяным отоплением. Благодаря таким размерам, во всяком случае, достигается то, что в зданиях везде господствует хороший воздух. Странным кажется немецкому глазу то обстоятельство, что в старых частях здания коридоры часто уставлены мебелью (скамьями, шкафами), а часто также и сырыми материалами. На мой взгляд, это потому непрактично, что, во-первых, вследствие этого страдает обозримость, так как за мебелью легко могут скрываться заключенные, а, во-вторых, в особых случаях, как например во время пожара, эти предметы могут препятствовать к немедленному очищению тюрьмы. Кроме того, и во время возмущения, которое всегда является возможным, первым условием для успешной борьбы с ним является, по моему мнению, обозримость коридоров.

Отдельные камеры — очень велики и просторны. Широкие и высокие окна дают много воздуха и света: величина камеры, во всяком случае, предоставляет каждому заключенному достаточно простора для движения. Находящийся в каждой камере клозет действует гигиенично и без запаха.

Мебели везде очень много. Кровати практичны, так как они кажутся эластичными. На ней подушка и шерстяное одеяло. Подножьем для кровати служит открываемый ящик, в котором заключенные могут сохранять часть своих вещей. По-моему, очень гуманно, что пользование кроватью разрешается и днем, что в Пруссии

разрешается только в случае болезни или специального разрешения. Стол, скамейка и находящаяся над ними лампа — хорошего и правильного размера, точно так же и стенная доска и полки, на которых лежат или висят посуда и прочие предметы употребления.

Кухня велика и просторна. Все принадлежности сохраняются в большой чистоте. Вызывает удивление и доказывает большую заботливость существование второй кухни для всех тех, кому тюремная пища вредна или кто пользуется правом иметь собственную еду.

Во всех зданиях находятся ванны и души, причем я обратил мое особое внимание на то, что ванны очень хорошие. Там, где работают совместно, находится общая умывальня, рядом с ней ряд клозетов. Все эти помещения велики и светлы.

За каждым отделением тюрьмы находится двор, окруженный забором, который достаточно велик для прогулок заключенных, так как последним ежедневно разрешается получасовая прогулка.

Обращение с заключенными мне кажется отличным. Прежде всего я обратил внимание на то, что общительный характер русского народа принимается настолько во внимание, что совместное заключение является правилом, а заключение в одиночку встречается редко. Возможность разговаривать с товарищами несомненно облегчает тяжелое положение заключенного. С другой стороны, опять-таки, не следует упускать из виду опасности такого совместного пребывания, выражающейся в возможности устройства побега или возмущения. Кроме того, на почве такого совместного пребывания легко могут возникнуть и половые извращения.

Наблюдение за заключенными производится таким большим числом служащих, что возможно, что эти опасности и парализуются. Во-вторых, в высокой степени благодетельными являются для заключенных работы, причем, очевидно, обращается внимание на индивидуальные наклонности и прежние занятия каждого, чем достигается большое разнообразие в занятиях. В-третьих, заключенных очень хорошо кормят, даже лучше, чем это бы следовало. Например, они три раза в неделю получают мясо, что, по нашим постановлениям, слишком много и даже не безопасно, так как заключенные очень часто в тюрьме едят лучше, чем они привыкли к этому на воле, и у них могут возникать потребности, которых они не смогут удовлетворить по получении свободы. В-четвертых, заключенному разрешается пользоваться частью своего заработка на предметы известной роскоши (чай, сахар, папиросы и т. п.). В-пятых, я считаю очень гуманным и человеколюбивым, что им разрешается читать и писать, а также курить во время прогулок. Наконец, забота о заключенных, которая проявлялась при нас во многих крупных и мелких вещах, особенно ярко еще выразилась в том, что неграмотным и лицам, не владеющим русским языком, дается школьное образование. Не требует особого подчеркивания, ввиду набожного и церковного характера русского народа, то обстоятельство, что

церковная служба совершается как для лиц христианских вероисповеданий, так и для евреев.

Служащие, насколько это, по крайней мере, было доступно нашему наблюдению, обращаются с заключенными гуманно и даже по-отечески. Дисциплина кажется хорошей и добровольной, а не вынужденной и поддерживаемой частыми дисциплинарными наказаниями. Что касается служащих, то обращает на себя внимание чересчур большой их штат, содержание которого должно сильно отражаться на бюджете. Это большое число служащих объясняется, вероятно, неудобством наблюдения за заключенными в более старых частях здания. Однако и в более новых частях, где с известных центральных пунктов обозревается все, наблюдается также излишек их. Но об этом я, вследствие краткости времени, окончательно судить не могу.

Очень хорошее впечатление, наконец, производит больница, построенная в виде павильона, расположенная среди зелени и приятно отличающаяся своими простыми симпатичными формами от строгих очертаний тюремных зданий. Но при подобном роде строения у меня возникают опасения, что все части сделаны из дерева, а потому в случае пожара легко могут возникать паника или возмущение. Кроме того, и спасение тяжелобольных является затруднительным. Операционная зала светла и просторна, но я сомневаюсь, соответствуют ли потребностям приспособления для стока воды. Сооружения для освещения нет, так что ночные операции, которые все-таки возможны, исключаются. В этом отношении удовлетворять потребностям могло бы только электричество, так как газ, в соединении с испарениями хлороформа и эфира, создает ядовитые газы. Напротив операционного зала находим вполне соответствующее требованиям помещение для стерилизации и дезинфекции. Кроме того, существуют аптека и комната для хранения инструментов. Деление павильонов соответственно различным родам болезней (заразных и простых) кажется строго проведенным. Обращение с больными, очевидно, очень хорошее. Число врачей и прислужников соответствующее.

В общем московское тюремное дело производит впечатление, что в нем господствуют гуманные соображения и, насколько позволяют род строения и пространство, оно устроено в соответствии с новейшими требованиями. А главным образом, здесь во всех отношениях стремятся к достижению второй цели наказания, связанного с лишением свободы, а именно к исправлению заключенных.

К сожалению, время не позволило узнать обо всем в подробностях, а в особенности о том, существует ли попечительство для освобожденных преступников, которое помогло бы им вновь приобретать гражданское положение и охраняло бы их от рецидивов. У нас такое попечительство организовано в виде обществ и присоединено к тюремной администрации. Но если мы, таким образом,

и не получили исчерпывающего впечатления и, вследствие краткости времени, бывшего в нашем распоряжении, получить не могли, то все-таки то, что мы видели, достойно присоединяется к тем великим впечатлениям, которые произвело на нас могущественное Русское государство, маленький кусочек которого мы имели счастье видеть, и которые неизгладимо останутся в нашей памяти. Бехерер, президент полиции Нейкельн. Берлин».

Относительно патроната, о котором упомянул президент берлинской полиции, то этот вопрос стоял у нас еще не на должной высоте. Несмотря на изданные по сему поводу правительством правила об открытии обществ патроната, последние возникали и развивались у нас слабо. Между тем, при надлежащей организации, они могли бы спасти от преступной деятельности и тюрьмы большинство тех лиц, которые попали на путь преступления случайно, по нужде или по неблагоприятно сложившимся обстоятельствам. Докладывая об этом обстоятельстве в своем всеподданнейшем отчете, я указывал на желательность преобразования существующих комитетов и отделений Попечительного о тюрьмах общества путем освобождения их от лежащих на них по закону обязанностей хозяйственно-контрольных и возможно большего поощрения тех отдельных лиц, которые будут выделяться своей плодотворной деятельностью в этом направлении.

Вместе с сим в своем всеподданнейшем отчете я упомянул и о ненормальном положении малолетних преступников за отсутствием казенного приюта для них и недостатка мест в исправительных приютах, почему их приходилось содержать при тюрьмах, где их трудно было отделить от взрослых, как того требовал закон. Чтобы выйти из этого положения и предупредить развращающее влияние взрослых арестантов на детей, большею частью вследствие нужды и отсутствия должного попечения выброшенных на путь преступности, я считал неотложно необходимым скорейшее устройство казенного исправительного приюта, где дети могли бы быть возвращены к честной жизни и стать полезными членами общества и государства. Я позволил себе также высказать мысль, что некоторую поддержку государству и обществу в этом отношении могли бы оказать наши монастыри, в которых, повидимому, возможно было бы разместить преступных детей, причем содержание их вызвало бы со стороны монастырей очень незначительный расход. К сожалению, я должен был указать во всеподданнейшем отчете, что предложение это не встретило сочувствия среди черного духовенства, и на мое обращенное к ним воззвание монастыри Московской епархии предпочли вносить со всей епархии 600 руб. в год на содержание преступных детей в исправительных приютах, и один лишь Соловецкий монастырь, находящийся в ведении Московской синодальной конторы, изъявил согласие принять к себе пять мальчиков.

Государь отчеркнул это место моего отчета и собственноручно приписал сбоку: «Почему?» Отметка эта была сообщена министру юстиции и обер-прокурору Святейшего Синода для доставления Совету Министров сведений и соображений, подлежавших представлению на высочайшее благоусмотрение Государя императора.

24 января открылось Московское губернское дворянское очередное собрание. В 11-м часу утра ко мне приехали двое старейших дворян сообщить, что дворяне собрались в Колонном зале Благородного собрания. Я тотчас же отправился в собрание и, объявив очередное собрание открытым, пригласил дворян к богослужению и принятию присяги в Чудов монастырь. После литургии епископ Трифон привел дворян к присяге и отслужил молебствие святителю Алексию. По окончании богослужения все пошли в храм-усыпальницу, где в присутствии великой княгини Елизаветы Федоровны была отслужена панихида по великом князе Сергее Александровиче.

В исходе второго часа дня было открыто заседание. Губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин предложил дворянам выразить во всеподданнейшей телеграмме верноподданнические чувства самодержавному монарху, которому московское дворянство было и будет всегда верно. Предложение губернского предводителя принято было единодушно, после чего А. Д. Самарин огласил и текст всеподданнейшей телеграммы. Телеграмма была выслушана стоя и покрыта восторженным «ура». [...]

Затем А. Д. Самарин сделал доклад о разных событиях и делах в жизни московского дворянства за последние два года со времени чрезвычайного собрания. Он доложил, что великая княгиня Елизавета Федоровна пожаловала московскому дворянству для хранения в депутатском собрании вазу, которая была поднесена в Москве генерал-адъютанту князю Воронцову, посланному Государем объявить первопрестольной радостную весть о рождении великого князя Сергея Александровича. Кроме того, ее высочество пожаловала два портрета великого князя и свой, которые и помещены в депутатском собрании.

Первым после этого обсуждался доклад о помещении иконы св. Алексия митрополита и лампады в храм Воскресения Христова на месте убиения императора Александра II в Петербурге. История этой иконы была такова. В апреле 1881 г. московское дворянство, в память того, что в Бозе почивший Государь император Александр Николаевич после крещения был положен в раку св. Алексия митрополита, постановило сделать для предположенного к построению храма икону св. Алексия митрополита в дорогой ризе и к ней бронзовый вызолоченный киот и аналой или лампаду, для чего и было ассигновано 5000 руб.

В 1887 г. эта икона, стоимостью в 4000 руб., через особую депутацию была преподнесена императору Александру III. Приняв

святую икону, его величество приказал, по окончании постройки храма Воскресения Христова на Екатерининском канале, поместить ее там на видном месте. Между тем А. Д. Самарин, посетив храм Воскресения, по тщательном осмотре его не нашел там иконы московского дворянства и от ктитора храма узнал, что эта икона не значится даже и в описи церковного имущества. Тогда, по ходатайству графа С. Д. Шереметева перед Государыней императрицей Марией Федоровной, были приняты тщательные меры к розыску иконы, и она была найдена в ризнице Аничкова дворца, после чего и помещена на видном месте, за левым боковым клиросом в храме Воскресения.

Далее длинный ряд обмена мнениями в собрании вызвал вопрос о пожертвовании на возведение памятника на Красной площади в Москве патриарху Ермогену и архимандриту Дионисию, согласно предложению Археологического общества, ко дню 300-летия со времени избавления России и Москвы от польского владычества.

Собрание предводителей и депутатов высказалось в том смысле, что постановка памятника в виде статуй лицам монашеского звания и духовного сана неуместна с точки зрения православной Церкви, а тем более недопустима постановка памятника лицам, признанным Церковью святыми. Архимандрит же Дионисий был уже причислен к лику святых, а о признании Ермогена святым в последнее время стали настоятельно говорить, и в этом смысле народное убеждение ярко сказывалось в притоке к его гробнице в Успенском соборе многочисленных богомольцев. Поэтому собрание постановило ассигновать 3000 руб. на памятник, но при условии, если он не будет представлять собою статуи.

26 января собрание рассматривало доклады об участии московского дворянства в предстоящих юбилеях 1812 и 1813 гг. 27 января — о дворянской кассе для вспомоществования недостаточным дворянам Московской губернии, а 28 января — обширный доклад по обзору деятельности Московского дворянского института имени Александра III в память Екатерины II, причем собрание постановило выразить почетному члену правления графу С. Д. Шереметеву благодарность за предоставление воспитанницам летнего помещения в имении Остафьево и за постоянные заботы о нуждах института.

После этого произведены были выборы на уездные должности. Результат выборов оказался следующий: по Московскому уезду предводителем дворянства избран был П. А. Базилевский, кандидатом к предводителю Л. М. Савелов, помощником предводителя князь В. В. Голицын, депутатом — князь Б. А. Голицын. По Богородскому уезду: предводителем дворянства — П. Н. Кисель-Загорянский, кандидатом к нему — С. Д. Самарин, депутатом — Н. И. Андросов. По Бронницкому уезду: предводителем дворянства — А. А. Пушкин, кандидатом к предводителю — князь А. А. Прозо-

ровский-Голицын, помощником предводителя — А. А. Варгин, депутатом — П. А. Агапов, кандидатом к нему — граф Б. С. Шереметев. По Верейскому уезду: предводителем дворянства — К. В. Шлиппе, кандидатом к нему — А. А. Шлиппе, помощником предводителя — А. А. Шлиппе, депутатом — генерал-лейтенант В. М. Пржевальский, кандидатом к нему — генерал-лейтенант С. П. Беликов. По Волоколамскому уезду: предводителем дворянства — князь С. Г. Мещерский, кандидатом — князь А. Д. Голицын, помощником предводителя — князь А. Д. Голицын, депутатом — Д. В. Телегин. По Дмитровскому уезду: предводителем дворянства — граф М. А. Олсуфьев, единогласно, кандидатом к нему — А. В. Макаров, помощником предводителя — Ф. И. Тютчев и он же депутатом, единогласно. По Звенигородскому уезду на должность предводителя баллотировались граф П. М. Граббе и граф П. С. Шереметев, получившие одинаковое число голосов, почему пришлось прибегнуть к жребию. По жребию предводителем вновь избран был граф П. С. Шереметев, а граф П. М. Граббе — кандидатом, помощником предводителя избран Т. Г. Карлов и депутатом — П. Ф. фон Штейн. По Коломенскому уезду: предводителем дворянства — Д. А. Бутурлин, кандидатом к нему — генерал-майор Н. В. Тихонов, помощником предводителя — А. Р. Расторов, депутатом — В. А. Расторов. По Клинскому уезду: предводителем дворянства — барон В. Д. Шеппинг, помощником предводителя — М. А. Нарожницкий и депутатом — князь Ю. М. Козловский. По Можайскому уезду: предводителем дворянства — А. К. Варженевский, единогласно, кандидатом — Н. Н. Полянский, помощником — С. Г. Варженевский, депутатом — М. М. Людоговский. По Подольскому уезду: предводителем дворянства — А. М. Катков, кандидатом — В. П. Ярыгин, депутатом — А. П. Сабуров. По Рузскому уезду: предводителем дворянства — граф Б. Б. Мусин-Пушкин, кандидатом — Н. С. Румянцев, помощником — С. А. Шлиппе, депутатом — Н. С. Румянцев. По Серпуховскому уезду: предводителем дворянства — П. А. Янов, единогласно, кандидатом — Н. Н. Хмелев, помощником — В. П. Писарев, депутатом — П. П. Костылев.

29 января состоялись выборы губернского предводителя дворянства. Подавляющим большинством 222 голосов против 25-ти избран был А. Д. Самарин. Его столь блестящее избрание было покрыто долго не смолкавшими аплодисментами и взрывом восторга.

30 января сессия была закрыта, после чего в Чудовом монастыре отслужена была обедня и молебствие. Днем вновь избранные предводители, их помощники и депутаты посетили меня, а вечером я был приглашен на обед, который московские дворяне давали в честь А. Д. Самарина, вновь избранного на должность губернского предводителя.

Обед состоялся в Колонном зале Благородного собрания, в нем приняло участие свыше 100 человек. Играл струнный оркестр Алек-

сандровского училища. Первый тост был провозглашен мною за Государя, второй — графом С. Д. Шереметевым за императриц и наследника. П. А. Базилевский пил за Самарина, который отвечал глубокой благодарностью и поднял бокал за процветание дворянства. Затем последовал ряд тостов, среди них особый тост за А. Д. Самарина провозгласил князь С. Г. Мещерский, сказавший, что дворяне спокойно могут разъехаться по домам, зная, что дворянское дело находится в надежных руках, а В. П. Лясковский поднял бокал за ныне здравствующих братьев Самариных, выразив пожелание, чтобы будущее поколение их также доблестно служило Престолу и Родине, как служили их деды и ныне служат их отцы.

1 февраля с запозданием на два месяца открылась очередная сессия губернского земского собрания. Собрание это было открыто мною следующей моей речью: «Господа губернские гласные. Открывая губернское земское собрание в 1908 г., я обращал внимание собрания на необеспеченность пригородов в пожарном отношении. В настоящее время этот вопрос прекрасно разрешен взаимным соглашением земства с городом. Но назрел еще один, более насущный, вопрос — это необходимость дать пригородам правильную медицинскую помощь.

Вам известно, как несовершенно поставлена она там. Эпидемия сыпного тифа, охватившая в настоящее время все пригороды, свидетельствует сама за себя. Несмотря на то, что мне, как стоящему во главе губернии, несомненно, ближе интересы губернии, нежели города, я, по чувству строгой справедливости, должен сказать, что губернское земство, получая от города более миллиона сбора, почти ничего не сделало для оздоровления пригородов и установления правильной постоянной медицинской помощи. В пригородах нет ни одной больницы губернского земства. Я не хочу этим сказать, что город в этом случае совершенно не должен прийти на помощь земству. Напротив, город заинтересован в оздоровлении пригородов гораздо больше, нежели губерния, так как население в них почти исключительно городское, а поэтому, конечно, медицинская помощь в пригородах должна быть оборудована совместно городом и земством.

К этой серьезной работе я и призываю губернское земское собрание и не сомневаюсь, что оно в своих начинаниях встретит полное сочувствие со стороны городского управления. При дружном взаимодействии двух общественных учреждений борьба с эпидемиями в пригородах будет так же успешна, как она успешно ведется в губернии. И в минувшем году холерные заболевания, благодаря усилиям земских врачей, были быстро прекращаемы. И вот об этой прекрасной работе земских врачей я и хотел засвидетельствовать перед сегодняшним собранием.

Затем мне бы хотелось сказать еще несколько слов относительно агрономической помощи крестьянскому населению. Почти всеми

уездами, по предложению Председателя Совета Министров, был обсуждаем вопрос об оказании помощи вновь возникающим отрубным и хуторским хозяйствам. Этот вопрос будет представлен также и вашему рассмотрению. Значительное развитие единоличного владения в губернии выдвигает этот вопрос на первую очередь. К сожалению, надлежит упомянуть, что обсуждение его в некоторых земских собраниях велось с особой страстностью, не вызываемой обстоятельствами дела. Правительство вовсе не настаивает на исключительности помощи хуторянам и на обособленности ее от общих земских агрономических и экономических мероприятий. Напротив, оно идет на передачу вновь образованных агрономических мероприятий земству и лишь указывает на необходимость поддержать на первых порах новую, еще не окрепшую форму землевладения, положенную в основу преобразования народного быта. Такая поддержка со стороны земства была бы делом простой справедливости, так как на хутора и отруба идут преимущественно лица, желающие работать, желающие улучшить свое хозяйство. Как же не поддержать этих пионеров в сложном деле устройства их на новых началах. Я обращаю внимание собрания на этот крайне важный вопрос, тем более, что от благоприятного его разрешения зависит и слияние агрономических организаций — правительственной и земской.

С пожеланием вам, господа, полного успеха в предстоящих трудах, я, на основании статьи 69 Положения о земских учреждениях, объявляю Московское губернское очередное земское собрание открытым».

Открыв собрание, я уехал; председательское место, за непоследовавшим еще утверждением А. Д. Самарина губернским предводителем, занял П. А. Базилевский, и гласные приступили к занятиям.

Первым актом собрание почтило вставанием скончавшихся: С. А. Муромцева, как бывшего губернского гласного, затем страхового агента Григорьева и «великого художника слова Л. Н. Толстого», память которого почтена была вставанием большинством собрания против двух гласных — графа П. С. Шереметева и А. М. Каткова, а также и представителя духовного ведомства отца Доброва.

2 февраля был перерыв собрания, в этот день я давал обед вновь избранным предводителям дворянства, их помощникам и депутатам, пригласив и председателей земских управ. На другой день земское собрание возобновилось и продолжалось до 19 февраля — дня празднования 50-летия освобождения крестьян. Собрание прошло гладко и деловито, только М. В. Челноков, который органически не выносил спокойного, делового ведения дел и всегда старался внести во всякое собрание агитационный характер и лягнуть администрацию, выступил довольно неуместно, делая выпад относи-

тельно моей речи, обращенной к гласным и помещенной в протокол предыдущего заседания. [...]

В конце января во всех высших учебных заведениях не только Москвы, но и других университетских городов неожиданно как-то вспыхнули среди молодежи волнения; началось брожение, большая часть молодежи решила бастовать, срывать лекции, другая, меньшая, группа стремилась к занятиям. Профессора продолжали читать лекции, имея иногда в аудитории всего несколько человек слушателей, а так как бастовавшие студенты начали даже производить насилия, избивая своих товарищей, желавших заниматься, не допуская профессоров в аудитории и т. п., то в университет введена была полиция для охранения аудиторий во время чтения лекций и ареста студентов, призывавших к насилию.

28 января Совет университета в лице ректора Мануйлова, его помощника Мензбира и проректора Минакова, боясь потерять свою популярность и быть обвиненными в допущении полиции в университет, заявили о своем выходе в отставку, мотивируя свой уход: 1) создавшееся положение делало невозможным для выборной университетской администрации выполнять возложенные на нее обязанности; 2) выход в отставку ректора, его помощника и проректора является неизбежным результатом создавшегося положения. Одновременно с сим Совет постановил ходатайствовать о временном закрытии университета ввиду повышенного настроения учащихся.

29 января в Москву прибыл новый попечитель учебного округа А. А. Тихомиров; в этот день некоторые из профессоров, читавшие до сих пор лекции, под влиянием вынесенного накануне Советом постановления, отказались читать лекции под охраной полиции.

30-го было получено известие, что ходатайство о временном закрытии университета отклонено.

1 февраля появилось воззвание от студентов-академистов: «Русские университеты переживают тяжелое время, они перестали быть храмом науки, аудитории обращены в центры незаконных сборищ, наши университеты погибают. Студенчество катится по наклонной плоскости, подталкиваемое всевозможными подпольными коалиционными комитетами, устрашающими студентов и питающими их едкой политикой, а оно, студенчество, соглашаясь на забастовку, служит, таким образом, невольным и послушным орудием политических партий. До сих пор московские академисты были молчаливыми зрителями, теперь же, после признания профессорами своего бессилия восстановить спокойное течение академической жизни, мы поднимаем свой голос, призывая студенчество присоединиться к девизу: «Родина, честь, наука. Долой забастовку!»

Через несколько дней получено было известие, что отставки профессоров Мануйлова, Мензбира и Минакова приняты и они уволены не только от должностей, но и от кафедр с причислением их к министерству. Это известие вызвало огромное волнение в универ-

ситете, где никак не ожидали столь решительного и активного оборота против лиц, для демонстрации покинувших свои ответственные должности в такой серьезный момент, и 35 профессоров левого крыла решили последовать демонстративному поступку Мануйлова, Мензбира и Минакова и подать прошения об отставке с кафедр. Совет командировал депутацию к министру народного просвещения просить оставить Мануйлова, Мензбира и Минакова при университете, но депутация принята не была, тогда Мануйлов, за болезнью профессора Зернова, сдал должность декану графу А. А. Комаровскому.

Оборот дела оказался весьма печальным. А весь сыр-бор загорелся из-за того, что пресловутая автономия [2], до которой наши университеты в то время еще не доросли, была использована студентами исключительно в том смысле, чтобы свободные сходки по частным студенческим делам явились ширмой всяких посторонних совещаний, прежде всего политических. Понятно, что на сходках толковали и о революционных предприятиях. Было известно, что за границей революционеры постановили произвести атаку на слабую сторону государственного строя России. А так как слабой стороной являлись автономные университеты, то их и наметили в первую голову. Как только стало заметно исключительно революционное направление сходок, то появился циркуляр, отменявший их на время. Этого было достаточно — циркуляр вызвал протест, и студенчество реагировало на него забастовкой.

10 февраля в заседании Совета университета, созванном для обсуждения положения, принимал участие и попечитель округа А. А. Тихомиров, как профессор университета, который высказал мнение, что Мануйлов, Мензбир и Минаков сделали большую ошибку, подав прошение об отставке, а другие профессора, последовавшие их примеру, сделали еще бóльшую. Поэтому он призывал профессоров, подавших прошения, не отказать подписать, наравне с оставшимися профессорами, воззвание к студентам о прекращении забастовки, дабы студенты не считали, что профессора ушли из солидарности к забастовке молодежи. Но согласия на это с их стороны не последовало, и Совет ни к какому решению не пришел.

Никакие хлопоты перед правительством, чтобы оно просило профессоров не уходить, не возымели действия; студенческое движение было сочтено явно революционным, а уход профессоров — делом, вредным для государства, поощрением революции и недопустимым в такой момент, когда, казалось, профессора должны были бы всеми мерами успокоить молодежь, а не поддерживать их революционные поступки демонстративным уходом. Правительство усмотрело в этом уходе профессоров угрозу и признало необходимым остаться твердым, не испугаться ее, определенно этим высказав свой взгляд на студенческие беспорядки.

Только к 1 марта жизнь в университете стала понемногу нала-

живаться, забастовка прекратилась, занятия начались, но уход видных деятелей науки, конечно, не мог не оставить зияющей раны на научной жизни университета, пока время эту рану не зарубцевало. История со временем произнесет справедливый приговор поступку профессоров и принятому правительством решению.

30 апреля в заседании Совета университета были произведены выборы ректора. Избранным оказался профессор Любавский, старейший из деканов, человек весьма твердого характера, хороший администратор, по политическим взглядам октябрист.

В конце февраля я получил от Председателя Совета Министров циркулярное письмо от 17 февраля 1911 г. №5/1341, разосланное всем губернаторам, которое я привожу целиком, как противовес обвинениям Столыпина в реакционном направлении в последний год его жизни:

«На основании статьи 118 Положения о земских учреждениях губернаторам принадлежит дискреционное право утверждения лиц, избранных подлежащими земскими собраниями в председатели уездных управ. Право это предоставлено губернаторам в целях устранения нежелательных для государственных интересов проявлений выборного начала. В соответствии с сим и пользование этим правом должно быть ограничено лишь случаями, когда утверждение избранного земским собранием лица не отвечает интересам государственного порядка.

Между тем имеющиеся в моем распоряжении данные свидетельствуют об усвоенном некоторыми губернскими начальствами чрезвычайно широком понимании и пользовании предоставленным им статьей 118 правом. Так, некоторые из губернаторов оставляли без утверждения лиц, суждение о политическом направлении которых основывалось не на фактических данных, а на предположениях или сведениях, недостаточно проверенных. Другие шли в этом направлении еще дальше, входя в оценку нравственных и служебных качеств земских избранников и даже степени их материальной обеспеченности или хозяйственных способностей.

Явное несоответствие такого понимания статьи 118 вышеуказанной, положенной в ее основание, мысли законодателя, а равно то особое значение, которое я придаю правильному ее применению, побуждают меня подробнее остановиться на раскрытии действительного ее смысла в целях уяснения истинного ее значения.

Не подлежит, прежде всего, никакому сомнению, что оценка служебных качеств и материальной обеспеченности лиц, избираемых на земские должности, принадлежит исключительно земскому собранию. Ввиду сего на последнем, а не на губернаторе, и лежит ответственность, в случае причинения действиями избранного лица какого-либо ущерба интересам земства. Нравственные качества избранных лиц могут служить препятствием к утверждению в выборных должностях лишь в той мере, в какой Устав о службе граждан-

ской устанавливает вообще недопустимость в сем отношении на государственную службу или же в случаях явного, фактами подтверждаемого, предосудительно-порочного их поведения. В дальнейшую же и ближайшую оценку нравственного облика земских избранников губернатор входить не должен, ибо и в этом случае ответственность за их действия лежит на земском собрании, а не на губернаторе. Последнему, как имеющему по закону надзор за деятельностью земских управ и других органов земского управления, вменяется в сих случаях в обязанность сугубое осуществление этого права надзора.

Таким образом, с точки зрения интересов государственного порядка, главнейшим образом контролю губернаторов должна подлежать политическая сторона деятельности избранных земством лиц. Однако и в этих пределах требуется большая осторожность и осмотрительность. Случаи неутверждения должны быть обусловлены наличностью данных, определенно устанавливающих политическую неблагонадежность избранных лиц, основанных на явных, надлежащим образом проверенных фактах, а не относящихся к области предположений. В противном случае всегда неизбежно известное неудовольствие со стороны общественных кругов и крайне тягостное для представителей власти обвинение в произволе, вносящие во взаимоотношения общества и администрации совершенно нежелательный разлад и недоверие.

При этом не следует упускать из внимания и соображения о том, что неутверждение избранных лиц в большинстве случаев влечет за собою замещение выборных должностей земского управления по назначению, и хотя такой порядок представляется иногда неизбежным, однако его применение надлежит ограничивать лишь случаями крайней необходимости, так как успех земского дела требует прежде всего полного единодушия и дружной работы земского собрания и его управы. Между тем подобных отношений не всегда можно ожидать между земским собранием, составленным из выборных гласных, и управою, образованною из лиц, назначенных административной властью. Кроме того, в сих случаях на органы правительственной власти ложится вся тяжесть ответственности, и не только за закономерность, но и за целесообразность действий лиц, назначенных на выборные земские должности.

Все изложенное с достаточною, казалось бы, ясностью очерчивает те пределы, коими должно быть ограничено пользование губернскими начальствами предоставленным им статьей 118 Положения о земских учреждениях правом, и я прошу на будущее время принять эти указания к руководству, причем ввиду тождественности условий, определяющих порядок утверждения выборных лиц городских самоуправлений, этими же указаниями надлежит руководствоваться и при утверждении сих последних.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем уважении и преданности. П. Столыпин».

19 февраля вся Россия как один человек праздновала 50-летний юбилей со дня памятного, незабвенного дня, когда в 1861 г. императором Александром II был подписан знаменательный манифест «О даровании помещичьим крестьянам прав состояния свободных сельских обывателей». Манифест этот в большинстве местностей России был опубликован только 5 марта, в последний, так называемый «прощеный» день масленицы. Но юбилейным днем, конечно, надлежало считать именно 19 февраля, когда самодержавный монарх России единоличной властью коснулся одного из устоев дореформенной России — помещичьей собственности, поскольку она выражалась в праве владения людьми; когда одним росчерком пера разрушена была старая система государства, опиравшаяся на рабский, подневольный труд, и положено было начало совершенно новому строю.

Ко дню юбилея был опубликован высочайший манифест на имя Председателя Совета Министров Столыпина.

«Петр Аркадьевич. Блаженныя памяти дед мой, император Александр Второй, в царственном попечении о своих верноподданных, манифестом 19 февраля 1861 г. даровал крепостным людям права свободных сельских обывателей и положил прочное основание устройству их быта, обеспечив их земельным наделом.

Преклоняясь перед величием подвига незабвенного царя-освободителя, я в настоящий знаменательный день вспоминаю с признательностью всех его сподвижников в разработке и исполнении крестьянской реформы. Господу Богу угодно было благословить успехом их труды. С отрадным чувством останавливаюсь я и на заслугах в этом святом деле благородного российского дворянства, бескорыстная готовность коего отказаться от крепостного права засвидетельствована в 1861 г. с высоты Престола.

Благодетельное преобразование, возвещенное 50 лет тому назад, открыло путь для всего позднейшего законодательства по устроению крестьян. Следуя в этом близком моему сердцу деле мудрым заветам в Бозе почивающих деда и родителя моих, я поставил себе целью завершение предуказанной еще в 1861 г. задачи — создать в лице русского крестьянина не только свободного, но и хозяйственно сильного собственника. В сих видах, наряду с отменой круговой поруки, сложением выкупных платежей и расширением деятельности Крестьянского поземельного банка, я признал благовременным: отменив наиболее существенные стеснения в правах крестьян, облегчить им выход из общины, а также переход на хуторское и отрубное хозяйства; в связи с этим приняты меры к насаждению в земледельческой среде мелкого кредита и распространение в ней сельскохозяйственных усовершенствований и познаний. В успехах прошлого я вижу залог дальнейшего развития и убежден, что правительство

приложит и впредь все силы к правильному разрешению всех важных для сельского населения вопросов, возникающих сообразно потребностям времени.

Ныне, в день полувековой годовщины освобождения крепостных людей, совпадающей с пятидесятилетием образования установлений по крестьянским делам, я выражаю мое совершенное благоволение всему личному составу учреждений, преемственно осуществляющих задачи, положенные в основу преобразования 19 февраля 1861 г., в твердой уверенности, что эти учреждения будут непоколебимо стоять на страже гражданского порядка в сельских местностях России, почерпая свои силы в любви к Отечеству и вере в его великое будущее.

Пребываю к вам неизменно благосклонный Николай».

Одновременно был опубликован рескрипт на имя члена Государственного Совета сенатора Семенова-Тян-Шанского, маститого старца, единственного оставшегося в живых непосредственного участника реформы, заведовавшего делами редакционных комиссий [3]. Ему был пожалован высший царский орден Св. Андрея Первозванного.

Все остальные, удостоенные высочайших наград, были лица, принимавшие участие по приведению в действие положений 19 февраля 1861 г. о крестьянах. Среди них были генерал-адъютант П. П. Дурново, получивший орден Св. Владимира I степени, и сын великого поэта генерал от кавалерии А. А. Пушкин — орден Св. Александра Невского с бриллиантами. Первый из них, бывший московский генерал-губернатор, о котором я говорил в своих воспоминаниях за 1905 г., был одним из вестников «воли». Сорок флигель-адъютантов были разосланы по всем концам России для разглашения манифеста 19 февраля. Сорок блестящих офицеров разнесли во все углы огромной империи радостную весть о крестьянской свободе. Тридцать девять из них ко дню юбилея покоились в земле, только Дурново дожил до 50-летия реформы. Ему было всего 25 лет, когда он в качестве флигель-адъютанта был отправлен в область Войска Донского для оглашения манифеста.

В Москве празднование состоялось с исключительной торжественностью. Еще в конце 1910 г. начались приготовления к празднованию в Московской губернии полувекового юбилея крестьянской реформы. В ряде совещаний было выяснено, что московское городское управление и уездные земские управы предполагают организовать празднование в городских и земских учебных заведениях, время празднования было определено различно, ввиду того, что 19 февраля приходилось в субботу на масленице. В некоторых местностях предполагалось приурочить к 5 марта — дню обнародования манифеста на местах, в других — к 16 февраля, роспуску учеников на масленицу.

В столице празднества назначены были на 19 февраля, а накану-

не, 18 февраля, постановлено было совершить заупокойное богослужение по императоре Александре II и всем сподвижникам его реформ в Чудовом монастыре, а после панихиды назначено было возложение венков к подножию памятника царю-освободителю.

Согласно выработанного плана, 18 февраля, в пятом часу дня в храме Чудова монастыря в Кремле была совершена торжественная панихида по императоре Александре II, его сотрудникам по освобождению и благоустройству крестьян. Вся паперть храма была уставлена венками депутаций, приготовленными для возложения к подножию памятника царю-освободителю. Но один громадный фарфоровый венок из красных и желтых роз и белых хризантем с надписью на лентах: «Бессмертному в сердцах народа» уже красовался у подножия памятника. Этот венок возложила депутация от партии крестьян, объединенных на почве манифеста 17 октября, в первом часу дня, после панихиды в храме Василия Блаженного.

Во время панихиды в Чудовом монастыре находились все военные и гражданские власти, предводители дворянства, земские начальники, представители города, земства и т.д., а также и приглашенные мною со всей губернии волостные старшины и председатели волостных судов, всего около 300. Перед началом панихиды епископ Трифон произнес краткое слово, указав, что «основным даром души покойного императора Александра II было милосердие, а самым важным и великим делом его было освобождение крестьян от крепостной зависимости». Епископ кончил свое слово призывом руководствоваться и в личной, и в общественной жизни заветами покойного императора — заветами милосердия и любви.

По окончании панихиды началось торжественное возложение депутациями венков к подножию памятника. Громадная площадь перед памятником была усыпана песком и огорожена цепью, за которой теснились толпы народа. Длинной лентой от Чудова монастыря до памятника царю-освободителю растянулись следовавшие одна за другой группы депутатов, несших венки. Расшитые золотом мундиры чередовались с поддевками. Стройно подходили депутации к памятнику, возлагали венки, и подножие памятника быстро покрылось серебром, лаврами и лентами белого и национальных цветов.

Первым был возложен громадный венок депутацией, во главе со мной, от губернских крестьянских учреждений с надписью на лентах: «Царю-освободителю». Затем депутацией, во главе с губернским предводителем дворянства А. Д. Самариным, был возложен такой же лавровый венок с надписью на белых лентах: «Императору Александру II», далее следовали венки от крестьян, сопровождаемые громадной толпой волостных старшин и председателей волостных судов, с надписями на лентах: «От благодарных крестьян Московской губернии», «От крестьян Рузского уезда» и т. д. После этого проследовали депутации с венками в следующем порядке:

депутация от московского городского общественного управления во главе с Гучковым, с громадным лавровым венком, с надписью на лентах: «Царю-освободителю», депутация от губернского земства с таким же лавровым венком и с такою же надписью, депутация от Биржевого комитета с таким же венком, депутация от мещанского общества, ремесленников г. Москвы, от московского ямского общества с венком из живых цветов — желтых роз и белых левкоев и гиацинтов, с надписью на лентах: «Незабвенной памяти царя-освободителя», депутация от Московского столичного попечительства о народной трезвости с лавровым венком, комитет «Союза 17 октября» с большим серебряным венком, изображавшим переплетенную лентой пальмовую и дубовую ветви, и множество других.

В пять с половиной часов шествие закончилось, разошлись депутации, а к памятнику хлынула огромная толпа народа, окружавшая Царскую площадь. До позднего вечера толпа то прибывала, то убывала.

Прибывшие в столицу волостные старшины и председатели волостных судов были размещены на ночлег в помещениях, любезно предоставленных им городским общественным управлением. На следующее утро, в 9 часов, представители крестьянских учреждений, как и накануне, были собраны во дворе дома генерал-губернатора, откуда поуездно отправились в Успенский собор на литургию и молебствие. На богослужении присутствовали все власти Московской губернии, а также прибывшие в Москву мировые посредники первого созыва, земские начальники и т.д.

К началу молебна Царская площадь вся была заполнена толпами, стекавшимися со всех сторон к воздвигнутому «любовию народа» памятнику, и весь день Кремль был переполнен народом, приходившим посмотреть и помянуть добрым словом царя-освободителя.

По окончании молебствия волостные старшины и председатели судов направились в Российское благородное собрание, где в верхних залах им было предложено угощение от московского дворянства. А. Д. Самарин, обратившись к ним с приветственным словом и указав, что в этот знаменательный день он приветствует вековую связь между дворянами и крестьянами, объединенными любовью и преданностью к своему Государю, провозгласил здравицу за царя. Затем Самарин прибавил, что московское дворянство радуется, видя у себя крестьян, и указав на то, что это единение служит доказательством, что между обоими сословиями нет и не было розни, поднял бокал за крестьян Московской губернии. От имени крестьян отвечал рогачевский волостной старшина, после чего волостной старшина Страхов предложил выпить за здоровье А. Д. Самарина, нынешнего предводителя, племянника незабвенного для всего крестьянского мира Юрия Федоровича Самарина, видного деятеля по реформе крестьян [4].

Памятник Александру II. 1911 г.

Во втором часу дня в Благородное собрание начали съезжаться дворяне с семьями; при входе в Екатерининский зал всем гостям вручалась «Памятка московского дворянства к 50-летию освобождения крестьян от крепостной зависимости». Когда все собрались, отслужена была панихида по царе-освободителе и всем московским дворянам, принимавшим участие в разработке и проведении в жизнь Положения 19 февраля.

В половине третьего в большом Колонном зале собрания состоялось торжественное заседание губернского присутствия, перед началом которого было отслужено молебствие в Екатерининском зале.

После молебствия все приглашенные перешли в Колонный зал. Здесь, на особом возвышении, покрытом красным сукном, был установлен портрет царя-освободителя, богато украшенный тропической зеленью. Перед портретом были размещены два ряда кресел и стол, на котором лежало историческое перо, которым царь-освободитель начертал свое имя на Положении 19 февраля 1861 г. Справа от стола, в тропической зелени, была помещена кафедра для лиц, имевших доклады.

Огромный красивый зал собрания, залитый электрическим светом, был переполнен приглашенными лицами. В первом ряду, перед столом, за которым заняли места члены губернского присутствия, поместились преосвященные епископы Московской епархии — Трифон, Анастасий и Василий, командующий войсками Московского военного округа генерал от кавалерии П. А. Плеве, командир гренадерского корпуса генерал от инфантерии Э. Б. Экк, московский градоначальник генерал-майор А. А. Адрианов, московский городской голова Н. И. Гучков, почетный опекун генерал от кавалерии А. А. Пушкин, директор Исторического музея князь Н. С. Щербатов и много других приглашенных, среди них предводители и депутаты дворянства с супругами, земские начальники, волостные старшины, председатели судов и т.д.

На эстраде, за столом, разместился состав губернского присутствия, приблизительно в составе прежнего присутствия по крестьянским делам [5]. Председательское место занял я, рядом со мною, справа занял место губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин, слева — московский вице-губернатор А. М. Устинов; тут же поместились председатель Московского окружного суда В. А. Брюн де Сент-Ипполит, управлявший казенной палатой Н. Н. Кутнер, начальник Московского управления земледелия и государственных имуществ И. И. Акоронко и заместитель председателя Московской губернской земской управы А. Е. Грузинов. Сзади сели члены губернской земской управы С. К. Родионов и М. М. Людоговский и некоторые члены губернских учреждений. Для бывших мировых посредников первого созыва [6] были поставлены кресла, отдельно, впереди.

В 2 с половиной часа я объявил торжественное заседание откры-

тым. [...] После этого я предложил выслушать высочайший рескрипт, данный Государем на имя Председателя Совета Министров П. А. Столыпина, по прочтении которого я провозгласил «ура» Государю, причем оркестр и синодальный хор, находившиеся на хорах, исполнили национальный гимн. Тогда по желанию всех собравшихся составлена была депеша Государю с выражением беззаветной преданности его величеству всего собрания и готовности отдать все силы на служение царю и Родине. По одобрении текста депеша была послана. [...] Следующая речь была губернского предводителя дворянства егермейстера высочайшего двора А. Д. Самарина. [...] Речь А. Д. Самарина была покрыта долго не смолкавшими аплодисментами. Затем выступил заместитель председателя губернской земской управы А. Е. Грузинов.

Торжественное заседание закончилось речью вице-губернатора А. М. Устинова, который сделал исторический очерк всех губернских учреждений от начала крестьянской реформы до наших дней, всех последовательных начинаний в деле устроения крестьянства. Затем были оглашены телеграммы от бывших мировых посредников В. К. Шлиппе и князя Н. П. Трубецкого, после чего я обратился с несколькими благодарственными словами к московскому дворянству, любезно и гостеприимно предоставившему дом российского благородного дворянства для юбилейного собрания, и объявил торжественное заседание Московского губернского присутствия закрытым.

После заседания волостные старшины и председатели волостных судов были приглашены в Народный дом Московского столичного попечительства о народной трезвости имени наследника цесаревича, где им предложен был обед. Большая столовая народного дома, украшенная по стенам портретами наследника, была уставлена столами для обедающих, на которых были расставлены приборы с вензелями Попечительства, бутылки с фруктовыми водами и квасом. Возле приборов были положены меню, украшенные портретами Александра II и наследника цесаревича Алексея Николаевича. Обед состоял из трех блюд: щи рыбные, пирожки, осетрина заливная, навага жареная, салат — яблоки, компот из фруктов, чай.

Во время обеда я провозгласил здравицу Государю и всему царствующему дому, а затем за московское крестьянство в лице присутствующих представителей. Рогачевский старшина очень сердечно благодарил, а потом, вспоминая заботы дворянства и мировых посредников, обратился со словами благодарности и пожелания здоровья к присутствовавшему на обеде к бывшему мировому посреднику А. П. Борзову, который растрогался до слез.

Прямо с обеда крестьяне отправились в Императорский Большой театр на парадный спектакль. По высочайшему повелению второй ярус лож и половина партера были предоставлены им. С глубоким вниманием следили они за действием на сцене. По

отзывам некоторых, многие их них до сего не были ни разу в театре, другие были очень давно. Спектакль начался гимном «Боже, царя храни», трижды повторенным по единодушному требованию всего зала, под громовые клики «ура». Затем взвился занавес — и на сцене вокруг бюста царя-освободителя сгруппировались в живописной живой картине все народности, населявшие Россию. Во время этой живой картины солисты, хор и оркестр исполнили кантату, специально написанную для этого дня на текст высочайшего манифеста 19 февраля. После живой картины была представлена опера «Жизнь за царя». Этим закончились празднества 50-летнего юбилея освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Вместе с личными впечатлениями о всем виденном и слышанном крестьяне увезли с собой для раздачи своим односельчанам и составленную, по моему поручению, краткую брошюрку об истории возникновения крепостного права в России и о действительном его значении.[...]

7 марта в Москву прибыла великая княгиня Мария Александровна с августейшей дочерью Викторией Федоровной. Встретив их высочества на вокзале, я проводил их до Николаевского дворца, где им отведено было помещение в бывших покоях великой княгини Елизаветы Федоровны. В тот же день их высочества у меня обедали, обед вышел экспромтом, так что пришлось порядком посуетиться, чтобы успеть все приготовить. Обед был на 26 приборов. Я был очень счастлив принять у себя великую княгиню Марию Александровну. Она была единственной дочерью императора Александра II, я ее глубоко почитал, с нею всегда было так приятно говорить, она на все смотрела просто, практически жизненно, и во время разговора с нею казалось, что говоришь не с дочерью императора, а с простой смертной. Кроме того, она нежно любила своего брата, покойного великого князя Сергея Александровича, и потому ко мне, как к его адъютанту, относилась с поразительной добротой. Обед удался вполне, все поспело вовремя. Великие княгини были очень в духе и просидели у меня до 11 часов вечера.

На другой день я выехал в Петербург, так как 9 числа мне назначен был прием у Государя. Я представил Государю всеподданнейший отчет за истекший год и просил разрешения заграничного отпуска на 2 месяца для лечения в Наухгейме. Государь был очень милостив, выслушал мой доклад о состоявшемся праздновании 50-летия освобождения крестьян и разрешил мне отпуск.

13 марта моя сестра удостоилась получить нижеследующий рескрипт от императрицы Александры Федоровны, как действительный член Императорского женского патриотического общества. «Евдокия Федоровна. 13 марта 1886 г. вы вступили в состав Императорского женского патриотического общества в качестве помощницы попечительницы Петербургской школы. С самого начала принятия вами сего звания и доныне вы относились с неизменной

отзывчивостью и неослабной заботливостью ко всему, что касалось нужд и интересов школы. Близкое знакомство вас с задачами Патриотического общества и сердечная любовь к благому делу воспитания и обучения детей неимущих родителей дало вам возможность содействовать в значительной мере преуспеянию Петербургской школы и вызывать интерес к последней и других лиц. Эти заслуги ваши, отмеченные всемилостивейшими пожалованиями вам Мариинских знаков отличия беспорочной службы за 15 и 20 лет, вменяют мне, как покровительнице его Совета, в приятный долг выразить вам, в день исполнения 25-летия службы вашей в Петербургской школе, душевную мою благодарность за вашу продолжительную полезную деятельность по обществу. Пребываю к вам неизменно благосклонной. Александра».

Я был очень счастлив за мою сестру этим знаком августейшего внимания, так как моя сестра действительно всю свою душу вкладывала во всякое дело, которое брала на себя.

1 марта в Государственном Совете рассматривался законопроект о введении земских учреждений в Западном крае, прошедший уже через Государственную Думу. Правое крыло Государственного Совета резко пошло против этого законопроекта, и в результате он был отклонен, несмотря на весьма пространную убедительную, в защиту закона, речь Председателя Совета Министров.

Для Столыпина это был большой удар, так как он считал введение земства в западных губерниях актом первостепенной государственной важности. Не желая уступить, он решился на смелый шаг. Испросив высочайшее повеление на роспуск законодательных палат на три дня, с тем чтобы в течение этого перерыва провести отклоненный законопроект по 87 статье Основных законов, Столыпин этим маневром вышел из создавшегося положения, но положение свое не упрочил.

11 марта последовал высочайший указ о роспуске на три дня Государственной Думы и Государственного Совета, а 14 марта опубликован был на основании 87 статьи Основных законов высочайше утвержденный законопроект о введении земств в Западном крае.

Законодательные палаты взволновались, усмотрев в действиях Совета Министров со Столыпиным во главе незакономерное пользование 87 статьей, нарушение Основных законов. Государственный Совет, отклонивший законопроект, счел себя даже оскорбленным таким оборотом дела, а Председатель Думы А. И. Гучков решил сложить с себя полномочия.

1 апреля Столыпин отвечал на запрос Государственного Совета, а 24 апреля по тому же поводу выступил в Государственной Думе. [...] Разъяснения Столыпина, несмотря на ясность и искренность его речи, были признаны неудовлетворительными, и Государственный Совет нашел, что они не поколебали запроса.

А. И. Гучков пошел в своем протесте дальше и подал в отставку. 22 марта произведены были новые выборы Председателя Думы. Большинством 199 голосов против 123-х избран был М. В. Родзянко. Тотчас же по избрании он обратился к Думе со следующей речью:

«Господа члены Государственной Думы, приношу вам глубокую благодарность за доверие ваше, которым вам угодно было призвать меня на высокий и ответственный пост Председателя Государственной Думы. Я без колебаний и сомнений подчиняюсь вашей воле, но не в силу преувеличенных убеждений и уверенности в самом себе, а в силу моей твердой веры в вас, господа члены Государственной Думы, и в непоколебимой уверенности, что в трудные минуты нашей общей жизни вы никогда не откажете в вашей поддержке вашему Председателю и не будете слишком строго судить невольные ошибки. Господа народные представители, я верил и верю в жизненную мощь и государственную важность для нашей Родины представительного строя, дарованного Святой Руси непреклонной волей и мудростью нашего великого Государя. Но никогда эта вера не была так во мне крепка, как в эти дни тревог и опасений — хочу верить, напрасных, но все же жгучих и тяжелых. Моя вера укрепилась той силой духа, тем дружным подъемом воли и мысли, которые объединяют нас, без различия наших политических верований, которые так ясно выразились в эти последние дни. И думается мне, что нам не надо поэтому страшиться будущего. Государственная Дума, справедливая и полная веры в себя, в свои силы, будет спокойно осуществлять великое дело высшего государственного и политического значения, а мы все обязаны быть верными и стойкими стражами ее. Пусть, господа, дружное наше согласие поможет еще и в том, чтобы сгладить все лежащие внутри нашей повседневной работы шероховатости. Они могут и должны быть побеждены нашими общими дружными усилиями, дабы Дума была выше всяких упреков, хотя бы изредка омрачающих великое дело ее. Да поможет нам Бог. Еще раз благодарю вас, господа, и низко кланяюсь».

Речь произвела очень хорошее впечатление, и Дума наградила нового Председателя бурными овациями.

В Москве в это же время были произведены выборы в Государственную Думу на место покинувшего Думу Головина. Избран был Тесленко, ставленник кадетской партии.

20 марта в Москву для погребения привезли тело скончавшегося в Петербурге Г. И. Кристи, бывшего до меня московским губернатором. Он скончался сравнительно еще молодым от грудной жабы. На вокзале ко времени прихода поезда собралось очень много его бывших подчиненных и сослуживцев, а также и чинов полиции, среди коих он оставил по себе очень добрую память; все пришли отдать последний долг всегда снисходительному и благожелательному своему бывшему начальнику.

В середине апреля скончался богородский исправник Н. А. Бабин, о котором я упоминал в своих воспоминаниях за 1909 г., когда он подвергся травле членов Коломенского отдела «Союза русского народа» и чуть было не попал под суд благодаря кляузам, которые мне удалось пресечь. [...]

17 апреля, в день рождения в Бозе почившего императора Александра II, состоялось торжество прибития мраморной доски на стене Николаевского дворца в память того, что в этом дворце в 1818 г. родился великий князь Александр Николаевич — будущий император Александр II. После торжественного молебствия и освящения доски, доска была прибита, на ней надпись: «Царь-освободитель император Александр Николаевич родился в этом дворце 17 апреля 1818 г.».

Вокруг дворца были выстроены Александровское военное училище и части войск, шефом которых был почивший в Бозе Государь. Были высшие власти, представители города и члены Исторического общества. Профессор Цветаев произнес краткую речь, познакомив с историей сооружения памятной доски по инициативе Комиссии исторических надписей. Парад принимал командир 25-го армейского корпуса генерал Зуев.

28 апреля в Москве в судебном присутствии Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената с участием сословных представителей началось слушанием дело бывшего московского градоначальника отставного генерал-майора А. А. Рейнбота и его бывшего помощника отставного полковника В. А. Короткого по обвинению их в преступлениях по должности. Дело слушалось в Екатерининском зале здания Судебных установлений и продолжалось до 17 мая.

Рейнбот обвинялся: 1) в ряде нарушений кассовых правил, каковые были допущены в казначейской части Московского градоначальства, а также в противозаконных действиях, допущенных им при расходовании отпускавшихся на нужды того же градоначальства кредитов; 2) в превышении власти при разрешении административным порядком дел о нарушении обязательных постановлений по санитарной части, по извозному промыслу и содержанию ассенизационных обозов; 3) в том, что для привлечения пожертвований в особый благотворительный фонд на устройство в Москве Приюта для престарелых чинов полиции и школы для их детей, помимо сбора денег через полицейские участки, мерами притеснения и угроз от лица градоначальника и его помощника Короткого, к делу пожертвований было привлечено несколько групп обывателей: содержатели домов терпимости и квартир свиданий, содержатели ассенизационных обозов и ломового извоза, содержатели заведений трактирного промысла и представители администрации столичных московских клубов.

После допроса многочисленных свидетелей 12 мая начались

прения сторон. Обвинитель, товарищ обер-прокурора Сената Носович, указав на целый ряд случаев превышения власти и недопустимых правонарушений, вывел заключение, что все это было сделано Рейнботом, главным образом, для искания популярности. Закончил же он свою обширную речь сожалением, что такой богато одаренный и талантливый человек, как Рейнбот, позволил себе опуститься настолько, что из героя обратился в деятеля, очутившегося на скамье подсудимых.

Представители защиты Минятов и Карабчевский горячо защищали своего доверителя. Минятов в заключение своей речи сказал, что Рейнбот был популярен и, может быть, даже слишком популярен для того, чтобы не явилось желание уничтожить его еще более популярным обвинением. «И вот, я утверждаю, — добавил он, — что общественная сторона этого дела достаточно выяснена, и вам, господа сенаторы и сословные представители, надлежит сказать ваше последнее слово. Но те, кто вручил вам полномочия, чтобы обличить в этом деле ложь и произвол, те, может быть, не вполне ясно представляют себе все размеры лжи и произвола, которые вы установите в вашем приговоре. Бывают эпохи, когда вынуждены молчать все общественные силы, когда вынуждена молчать наука, молчат даже законодательные учреждения. Я оканчиваю лишь просьбой вынести тот приговор в этом деле, на который рассчитывают обвиняемые и который приветствует защита, как устранение того произвола, который был до сих пор. Мы ждем приговора, который будет встречен, как истинный праздник правосудия».

Карабчевский говорил вслед за Минятовым. Приведя ряд данных в защиту, он закончил свою речь словами: «Если Рейнбот и виновен в некоторых мелких прегрешениях, то потерпел он за это страшно. Высота падения делает более жгучей боль, которую испытывает падающий. Человек, стоявший высоко, пал ниже, и боль для него чувствительнее. Я полагаю, что то зло, если он его причинил кому-нибудь, неизмеримо ниже того зла, которое на него обрушилось».

Затем было предоставлено последнее слово подсудимым. Рейнбот сказал: «Четыре года надо мной тяготеют все обвинения, которые прошли сейчас перед Правительствующим Сенатом. Четвертый год я подвергаюсь этим оскорблениям, этим унижениям, о которых говорила моя защита. Здесь же, в зале, мне было брошено тяжкое оскорбление уже личного свойства обвинителем, который сказал, что я скрыл концы, прося ревизии сенатора. Я здесь доказал документально, что и было подтверждено свидетельскими показаниями, что я оставил открытыми книги на моем столе, когда я ушел из стен градоначальства. Я ушел из градоначальства, оставив его так, как оно было в минуту подачи моего прошения об отставке. Эти концы я передал сенатору Гарину, чтобы по ним дойти до правды. Я жду приговора Правительствующего Сената. Моя совесть совершенно покойна».

17 мая вынесен был приговор, одинаковый и Рейнботу, и Короткому: по лишении всех особых прав и преимуществ, заключить в исправительное арестантское отделение на 1 год, но предварительно представить на всемилостивейшее Государя императора воззрение на предмет смягчения приговора заменой исключением из службы. Такой приговор по своей суровости явился полной неожиданностью, все полагали, что Рейнботу грозит только отрешение от должности.

Едва председательствовавший сенатор Гераков прочитал слова: «исправительное арестантское отделение», как в огромном зале заседания пронесся гул, послышались восклицания, кто-то ахнул, порядок сразу нарушился. Председатель прекратил чтение и предупредил, что если тишина не восстановится, то он очистит зал от публики. По водворении тишины он продолжал. Когда весь приговор был прочитан и было объявлено, что прежние залоги Рейнбота и Короткого остаются в силе, то публика бросилась и окружила Рейнбота, его обнимали, целовали, пожимали руки...

Так закончилось дело бывшего московского градоначальника, принесшего несомненную пользу городу в 1906 г. и ценимого в Москве администратора. Помощник Рейнбота, отставной полковник Короткий, судившийся вместе с ним, был присужден к одинаковому наказанию, хотя его преступления значительно превосходили преступления его начальника. Но я считаю, что это было справедливо, так как Короткий, не имевший ни малейшего понятия о полицейской службе, будучи в полку скромным офицером без всяких средств, попав в обстановку совершенно для него новую, полную широких соблазнов, не устоял и покатился под гору. Он был свидетелем, как его начальник генерал Рейнбот швырял деньгами, никогда не стесняясь в средствах, как он жил широко, никогда не задумываясь над вопросом, законно или незаконно то или иное его распоряжение, которое, ему казалось, для дела ли или для популярности ему было нужно, — все это, конечно, такого человека, как Короткий, который хотя и был безусловно честным офицером в полку, но, очевидно, без строгих принципов, не могло не развратить, он счел долгом следовать за своим начальством на кильватере, а так как средств у него не было (у его жены тоже), которые он мог бы безнаказанно расходовать, то, естественно, соблазн был велик, и Короткий пошел по наклонной плоскости, запутавшись, под влиянием шатких принципов своего начальника, в своих взглядах и перестав понимать, что честно и что бесчестно. Поэтому я не могу держаться в этом деле того взгляда, что Короткий подводил Рейнбота, как многие это думали. Я думаю, что Короткий явился жертвой Рейнбота, и потому Сенат совершенно правильно отнесся к ним обоим одинаково, хотя преступления Короткого были рельефнее.

18 июня Государь помиловал обоих — и Рейнбота, и Короткого.

18 мая в Москве скончался В. О. Ключевский, почетный член

Московского университета и заслуженный профессор русской истории. Имя его пользовалось заслуженной и почетной известностью, благодаря его ученым трудам, курсам истории и целому ряду поколений его учеников. Он профессорствовал в течение 40 лет и скончался на 71 году своей честной, трудовой, на пользу родной истории, жизни. Весть о его смерти вызвала большую скорбь. Отпевали его в университетской церкви, хоронили в Донском монастыре.

Я узнал о его кончине в самый день моего отъезда за границу, так что, к сожалению, был лишен возможности помолиться у его гроба и отдать последний долг. Мне это было очень досадно, так как я хранил в своем сердце глубокое уважение и почитание к В. О. Ключевскому, вспоминал всегда с таким благодарным чувством его интересные лекции в доме генерал-губернатора, при жизни великого князя Сергея Александровича, который был его большим почитателем и иногда приглашал его по вечерам. Эти вечера бывали очень интересны. Ключевский обыкновенно бывал очень в духе, очень много читал и рассказывал. Мы слушали его всегда с наслаждением и волнующим интересом.

14 мая я выехал в разрешенный мне двухмесячный отпуск, намереваясь проделать лечение в Наухгейме. По дороге я остановился в Берлине, где провел целый день. Берлин, как город, мне всегда очень нравился, особенно своей чистотой и порядком на улицах.

По приезде я тотчас же отправился в гостиницу «Континенталь» узнать об А. А. Козлове (бывшем московском генерал-губернаторе) и был весьма обрадован, застав его дома, по данному мне адресу. Он тоже обрадовался мне, и мы условились встретиться к обеду в «Континентале». Отлично пообедав и дружески наговорившись, я проехал в больницу какого-то известного профессора, где находился на излечении П. Н. Дурново, бывший министр внутренних дел, бывший тогда в опале (ему было предложено выехать за границу после конфликта в Государственном Совете по поводу законопроекта о введении земств в западных губерниях).

Я застал Дурново в полутемной комнате, ему предстояла очень серьезная глазная операция. Мой визит его, по-видимому, очень тронул, он был очень одинок в Берлине, так как кроме А. А. Козлова, который мне и сообщил о нем, его никто не навещал. О политике я с ним не говорил, он слишком болезненно относился к этому вопросу, а меня предупредили, что всякое волнение ему очень вредно. Операция обошлась благополучно, и П. Н. Дурново вернулся в Петербург поправившимся. Мое посещение в такое тяжелое для него время оставило в нем благодарное ко мне чувство, и когда я уже был товарищем министра внутренних дел, то, несмотря на некоторую разность наших взглядов относительно ведения дел в Департаменте полиции, он всегда относился ко мне не только доброжелательно, но и предупредительно.

В Наухгейм я приехал 16 мая, очень хорошо устроился, застал своего старого доктора Янковского, который и прописал мне обычное лечение. Приходилось вставать в 6 часов утра, пить молоко с яйцом в 6 с половиной, принимать ванну в 7 с половиной, потом лежать час, но не спать, массаж, прогулка, обед в 1 час, затем отдых в течение часа, прогулка, фрукты в 5 часов, ужин в 7 часов вечера, а в 10 стакан молока и спать. По истечении каждых шести дней полагался день полного отдыха; этими днями я пользовался, чтобы куда-нибудь съездить, так как в Наухгейме было чересчур тоскливо.

Я навестил моего товарища по полку графа Муравьева — полтавского губернатора, который лечился в Хомбурге — это местечко совсем близко от Наухгейма, всего 2 часа езды по железной дороге. Курорт этот не представлял собой ничего особенного, был значительно меньше Наухгейма и для более легких больных, поэтому и вся жизнь там и режим были другие. Потом я совершил и более дальнюю поездку, навестив моих друзей Белевских, у которых под Баден-Баденом была своя вилла.

Граф Белевский был сыном великого князя Алексея Александровича и дочери поэта Жуковского. Все его детские и юношеские годы протекли за границей в Бадене. По кончине матери его дядя, Павел Васильевич Жуковский, привез его в Россию, где не отец его, а дядя, великий князь Сергей Александрович, принял в нем большое участие и, проявив к нему чисто отеческое отношение, вывел его в люди, если только можно так выразиться. Великий князь помог ему довершить образование, затем для отбытия воинской повинности устроил его вольноопределяющимся в Сумской драгунский полк, квартировавший в Москве, а затем, когда он произведен был в офицеры, взял его к себе в ординарцы, а затем и в адъютанты. Будучи адъютантом, граф Белевский женился на фрейлине великой княгини Елизаветы Федоровны княжне Трубецкой. Эта была очень счастливая пара. Великий князь и тут проявил много нежной заботы и ласки к своему племяннику, приняв самое близкое, непосредственное участие в этой помолвке; приискал им небольшой скромный особнячок и обставил его всеми удобствами и уютом, вдаваясь при этом в самые мелкие детали. До кончины великого князя они оставались в Москве, после чего переехали в Баден, где приобрели себе очень красивую виллу.

В этой вилле я и посетил их, приехав к ним совершенно для них неожиданно. Вилла и вся окрестность поразили меня своей красотой. Мы не видались шесть лет, так много было пережито за это время, что было что пересказать друг другу. Детей узнать нельзя было, до того они за это время выросли. Я пробыл у них сутки и с сожалением покинул их гостеприимный кров, чтобы вернуться в Наухгейм.

Узнав от них, что в Бадене проживает принцесса Мария Максимилиановна Баденская, с которой моя сестра была особенно близка и которая и ко мне всегда проявляла большое внимание,

я решился ее навестить. Спросив по телефону, в котором часу ее величество разрешит мне приехать к ней, я в назначенный час был у нее. Она была изумлена видеть меня у себя, засыпала меня вопросами о моей сестре, долго меня не отпускала и, прощаясь со мной, выразила надежду скоро свидеться в России, куда она собиралась поехать через две недели, чтобы провести часть лета у брата своего князя Георгия Максимилиановича на Сергиевской даче близ Петергофа, где гостила в то время и моя сестра. Принцесса Мария Максимилиановна была старшей дочерью великой княгини Марии Николаевны (дочери Николая I от брака ее с герцогом Лейхтенбергским), вышла замуж за принца Баденского, овдовела. От этого брака у нее были сын и дочь. Сын Макс, впоследствии владетельный герцог Баденский, фигурой и лицом удивительно напоминал своего прадеда Николая I, пользовался во всей Германии большим уважением и после отречения Вильгельма II в 1918 г. некоторое время стоял во главе вновь сформированного министерства, в роли президента.

Вернувшись в Наухгейм, несколько освеженный после поездки в Баден, я продолжал свое лечение. Возвращаясь как-то домой после ванны, я вдруг вижу, что ко мне бежит навстречу хозяин виллы, где я жил, и держит как-то особенно почтительно конверт, адресованный на мое имя. Оказалось, что это было письмо от обер-гофмаршала великого герцога Гессенского с извещением, что его высочество приезжает в Наухгейм и приглашает меня к завтраку в Курхаус к 12 часам. Хозяину страшно хотелось узнать, что может мне писать обер-гофмаршал их Государя. Я удовлетворил его любопытство, сказав, что это приглашение к завтраку. Надо было видеть, как его лицо озарилось, он несколько раз произнес: «Das ist eine sehr grosse Ehre, eine sehr grosse Ehre» («Ведь это очень большая честь, очень большая честь»), и мне казалось, что он очень удивляется моему хладнокровию. Когда было время одеваться, чтобы идти, то он страшно волновался, все прибегал ко мне, спрашивая, не надо ли мне чего, потом очень почтительно проводил меня.

Оказалось, великий герцог, узнав, что я в Наухгейме (ему об этом написала сестра его великая княгиня Елизавета Федоровна), и не имея возможности пригласить меня в Вольфсгартен (летнее его пребывание), так как это время совпало с его объездом Великого герцогства (во всем герцогстве было всего 5 небольших городов), решил свидеться со мной в Наухгейме. Великий герцог вместе с великой герцогиней и лицами свиты направлялись в Гисен — это один из более или менее значительных городов герцогства, в котором было много ученых обществ и университет. В Гисене их высочества устроили благотворительный базар в пользу туберкулезных и собирались прожить там несколько дней.

Их высочества были ко мне очень предупредительно любезны,

это произвело сильное впечатление на окружавших немцев, и на другой же день местные власти поспешили ко мне с визитом.

Чтобы отблагодарить их высочества, я решил проехать в Гисен на базар, а так как в материальном отношении я, конечно, не мог принести базару много пользы, то уговорил одну богатую американку мистрисс Форд, очень милую женщину, с которой я познакомился у госпожи Старк, поехать со мной. Она очень обрадовалась, и мы с ней отправились. Базар мне напомнил наши московские, но в гораздо более скромном виде. Давка была невообразимая, особенная теснота была у стола их высочеств. Весь Гисен счел своим долгом прийти купить что-нибудь из рук своих Государя и Государыни. Мы не могли подойти, но великий герцог увидал меня издали и крикнул на всю залу: «Djoun, non, comme c'est aimable!» («Джун, нет, как это любезно!») Тотчас все расступились, чтобы дать мне дорогу, и со всех сторон послышалось: «Wer ist da?» («Кто это?») Американка моя была в восторге, я ее представил великой герцогине, и она накупила у нее множество нужных и ненужных вещей. Мы обошли весь базар, выпили чаю и вернулись в Наухгейм; езды было всего полчаса.

По окончании моего лечения я поехал в Виши навестить моего большого друга, жену поэта, Екатерину Алексеевну Бальмонт, у которой очень хорошо отдохнул и нравственно, и физически. Виши мне очень понравилось и поразило меня своей дешевизной после Наухгейма; я отдохнул там и от чересчур большой немецкой аккуратности, которая под конец меня утомила не меньше самого лечения.

Из Виши я проехал через Женеву на Бувер, Бригг, где переночевал, чтобы на лошадях совершить путь в Гешенен через перевал. Путь по Ронской долине по своей красоте был прямо фееричен. Особенное впечатление на меня произвел Ронский ледник. Я первый раз в жизни был в таком леднике; когда я вошел в грот и в галерею из сплошного льда, такого красивого, прозрачно-голубого, то мне показалось, что я нахожусь в каком-то фантастическом мире. К сожалению, не весь путь был удачен, местами стоял такой густой туман, что, кроме спины кучера, я вокруг себя ничего не видел; особенно сильный туман был, когда я проезжал через Чертов мост. Это было особенно досадно, так как место это по историческим воспоминаниям меня более всего интересовало. Я все-таки слез на мосту и прошел к памятнику — барельефу, сооруженному в скале Военно-историческим обществом в память перехода Альп русскими войсками во главе со знаменитым Суворовым [7]. Памятник я мог разглядеть, но вокруг стоял непроницаемый туман.

Из Гешенена я проехал, уже по железной дороге, на Цюрих, Мюнхен, Вену, где остановился на сутки. Здесь у меня произошла необычная встреча. Переходя площадь Св. Стефана, я вдруг увидал

какого-то человека, выходившего из церкви, небольшого роста, в сером пиджаке, в высоких сапогах, с котомкой в руках и с жестяным чайником на веревочке. Я сейчас же узнал в нем русского и окликнул его — он страшно обрадовался, в свою очередь, сказал мне: «Ох, вы по-русски говорите, какое счастье, а то вот я все ищу магазин Перлова и не могу найти». — «Зачем тебе магазин Перлова?» — спросил я. «Да вот я еду в Ниццу, не знаю, как дальше ехать, а мне один пассажир сказал в поезде: доедешь до Вены, найди там магазин Перлова, там говорят по-русски, и тебе все объяснят; вот я и хожу все утро, и все спрашиваю — Перлов, Перлов, а меня никто не понимает».

Оказался он крестьянином Харьковской губернии, Лебединского уезда, села Верховлянка Ефимом Пузыней; он рассказал, что рядом с их селом имелась барская земля, несколько десятков десятин, которые владелица отдавала в аренду; срок кончался, он захотел ее взять в аренду и написал владелице в Ниццу, а та — очевидно, самодурка — написала ему: «Приезжай ко мне в Ниццу — тогда и переговорим». Вот, он взял триста рублей и поехал.

Меня это очень заинтересовало, и я взял его к себе в гостиницу, расспросил подробности и повел его в контору спальных вагонов, чтобы взять ему билет. Я посоветовал ему взять спальное место, чтобы проехать без пересадки до Ниццы, и обещался посадить его в вагон — поезд отходил вечером. Когда я вел переговоры с барышней, продававшей билеты, он уселся на диван, а когда я ему сказал, что надо заплатить 110 крон, то он преспокойно, не обращая внимания на публику, стал снимать сапог, затем — разворачивать сомнительной чистоты портянку и, обнажив ногу, поднял ее, показывая мне: «А ведь хорошо я деньги прячу, по крайней мере не украдут». У него на икре ноги были привязаны три сторублевые бумажки. Все смотрели на эту сцену с удивлением и некоторой брезгливостью, а я с трудом сдерживался, чтобы не расхохотаться. Он мне передал 100-рублевую бумажку, которую я передал барышне за билеты. Она без большого удовольствия взяла бумажку двумя пальцами. Он так же спокойно завернул ногу в портянку, одел сапог, и мы вышли из конторы. В тот же вечер я отвез его на вокзал и, усадив его в вагон, объяснил ему все, что ожидало его в дороге.

Приблизительно через полгода я получил от него письмо из деревни. В этом письме он извещал меня, что очень удачно устроил свое дело в Ницце, заключил договор и переехал в новый дом, отслужив молебен за мое здоровье, так как не встреться он со мной, «то умереть бы ему на Венских полях». Потом он всегда присылал мне поздравительные письма к Пасхе и Новому году, а когда я был назначен в Петербург, то он приехал и преподнес мне хлеб-соль с чудной художественной солонкой.

Из Вены я проехал через Будапешт в Белград, где переночевал в какой-то гостинице, на вид крупной, но с отсутствием самых

элементарных удобств. Белград мне страшно не понравился, поразил меня своей грязью и грубостью сербов, я рад был, когда мог усесться на пароход, чтобы уже водою, по Дунаю и Черному морю, вернуться в Россию. Пароход от Белграда до Галаца был австрийский, грязный, скверный, кормили дорого и отвратительно, но воздух был чудный, и на палубе было очень приятно сидеть и любоваться берегами. С волнением проезжал я все те места, где проходили русские войска в 1877—78 гг.: место переправы у Систова, крепость Рущук, Никополь и др. В Рущуке я выходил и ездил осматривать город. Болгары оказались гораздо более дружелюбными, чем сербы, и предупредительнее.

В Галаце я пересел на русский пароход и сразу почувствовал себя как в раю. Дивный пароход, чистота, кормили, сравнительно с австрийским, прямо на убой, все казалось так вкусно, хорошо, дешево. Мне отвели чудную каюту, пароходная команда и капитан были предупредительно любезны; это путешествие от Галаца до Одессы было прямо очаровательно.

В гирлах Дуная останавливались в городке Вилково — это русская Венеция. Я никогда не слыхал об этом городке и был поражен. Весь городок состоял из каналов с узкими тропинками у изб и домов, у некоторых же домов и тропинок не было. Через каналы перекинуты были полукруглые мостики, передвижение совершалось исключительно на лодках. Жители оказались очень добродушными, все малороссы, старообрядцы, все очень зажиточные; я посетил некоторых, посмотрел, как они живут, купил чудной икры, свежей и паюсной, прямо задаром, сколько мне помнится, по 20 коп. за фунт. Одно было неприятно — это комары, они облепляли с ног до головы, я не знал, как от них отделаться. А местные жители, особенно девушки, все с ветками в руках, отгоняя комаров, смеялись, когда я хлопал себя по лицу, по шее, чтобы избавиться от них, и говорили: «Поживите у нас, живо привыкнете».

В Одессе я узнал о кончине великой княгини Александры Иосифовны, вдовы великого князя Константина Николаевича. Она скончалась 23 июня, на 81 году своей жизни; 30 июня ее похоронили в Петропавловской крепости. Мне было очень жаль, что я не мог отдать ей последний долг и помолиться у ее гроба, вспомнив ее благодарной памятью за ее внимание, проявленное в отношении меня в начале восьмидесятых годов, когда я, будучи камер-пажом, состоял при ее высочестве.

Заехав в Курскую губернию и пробыв в деревне у друзей до 8 июля, я возвратился в Москву.

1 июля исполнилось 10 лет со дня основания Московского столичного попечительства о народной трезвости, которое начало свою деятельность с введения винной монополии в Москве и Московской губернии 1 июля 1891 г. Высочайше утвержденный устав возлагал на Московское попечительство заботы об ограждении ра-

бочих классов столицы от злоупотребления спиртными напитками при помощи следующих мероприятий: 1. Распространять среди населения Москвы здравые понятия о вреде неумеренного потребления крепких напитков. 2. Изыскивать средства для предоставления населению г. Москвы возможности свободное время, с пользой для себя, проводить вне питейных заведений. 3. Иметь попечение об открытии и содержании лечебниц для страдающих запоем. 4. Оказывать содействие учреждениям и обществам, деятельность которых направлена к достижению целей Попечительства.

Сообразно этим положениям, Московское попечительство и разделило характер своей работы на 4 отдела. 1. Озабочиваясь распространением здравых понятий о злоупотреблении спиртными напитками путем организации просветительных учреждений: читален, библиотек, народных чтений, школ и курсов, старалось прежде всего поднять нравственный уровень населения. 2. Открытые Попечительством народные дома в населеннейших рабочим людом пунктах столицы, с высокими, опрятными, светлыми помещениями, с читальнями-библиотеками, с дешевою и здоровою пищею, с народными гуляньями, концертами, спектаклями и пр., дали возможность попечительству приучить и воспитать рабочий элемент столицы проводить свой досуг в облагораживающей его обстановке. 3. Для более активной борьбы с алкоголизмом как болезнью была открыта лечебница для алкоголиков на Новинском бульваре, советы и лечение в которой производились бесплатно. 4. Обществам и учреждениям, преследовавшим цели, одинаковые с Попечительством, выдано было в течение 10 лет денежных пособий 108 750 руб.

Небольшой сравнительно период деятельности Московского попечительства, а также ограниченность средств по отношению к такому густо населенному центру, как Москва, не дали возможности Попечительству развернуться во всю ширь и охватить все районы города, благодаря чему остались еще не использованными целые кварталы, но Попечительство не теряло надежды, что с Божьей помощью и трудами своих сотрудников ему удастся если и не использовать самому все эти, лишенные пока учреждений Попечительства районы города, то помочь материально частным обществам, которые взяли на себя открытие в этих местах учреждений, преследовавших одинаковые с Попечительством цели.

За все время своего существования Московское попечительство получило от Министерства финансов 5 000 000 руб. и на эти деньги оборудовало и содержало в течение 10 лет до 15 народных домов со столовыми, чайными, читальнями и библиотеками, устраивало народные гулянья, спектакли, концерты, народные чтения, воскресные школы, общеобразовательные курсы для рабочих и т. д., причем Попечительством были приобретены в собственность два владения, стоимостью в 755 000 руб.

Чайная Московского столичного попечительства
о народной трезвости

Народные дома, столовые и чайные

Включая в программу своей деятельности открытие народных домов, столовых, чайных, Московское столичное попечительство о народной трезвости преследовало, главным образом, цель отвлечения рабочего и бедного люда, которым изобиловала Москва, от посещения всевозможных заведений, торгующих спиртными напитками. Считаясь для этого с известными привычками и вкусами этой части населения, а вместе с тем желая вызвать в них чувства порядочности и опрятности, Попечительство старалось приспособить для этой цели как внутренний распорядок в этих учреждениях, так и создать для сего наиболее подходящую обстановку. Прежде всего, считая, что одним из самых важных средств для борьбы с алкоголизмом являлся подъем питания рабочего, Попечительство озаботилось, чтобы в народных домах каждый посетитель мог получить за минимальную, доступную ему цену здоровую, гигиеничную пищу.

Таким образом, руководящими началами внутреннего устройства этих учреждений и были приняты и проведены в жизнь следующие положения: 1. Учреждения должны были функционировать круглый год с раннего утра и до 9 часов вечера. Вход бесплатный. 2. Помещения должны быть светлы, просторны, с хорошей вентиляцией и безукоризненной чистоты. 3. Принос спиртных напитков не мог быть допускаем, также должна была преследоваться и брань между посетителями. 4. К услугам посетителей для чтения должны были находиться тут же, в столовых и чайных, ряд газет и журналов. 5. Горячие кушанья, чай, молоко, хлеб и разные холодные закуски должны были отпускаться по минимальным ценам. 6. Вся прислуга должна была быть на жалованьи и не должна была требовать на чай. При выборе района и местности, в которых открывались эти учреждения, Попечительство руководилось близостью рабочих центров и рынков, а затем уже сама жизнь указывала, насколько данный район оказывался подходящим.

В течение 10-летнего периода с 1901 г. были последовательно открыты и функционировали следующие учреждения (во всех, кроме Смоленской столовой, были читальни-библиотеки):

Грузинский народный дом. Открыт был 18 сентября 1901 г. При нем сад на полутора десятинах, в котором летом устраивались спектакли и гулянья, а зимой — каток. В зимнее время народный дом открывался и на ночь для извозчиков. Закрыт он был в сентябре месяце 1907 г., вследствие открытия в этом же районе народного дома в собственном владении Попечительства. Средняя посещаемость одной только столовой за все время существования дома была по 2252 человека в день.

Сухаревский народный дом. Открыт был 10 сентября 1901 г. Помещался на Сухаревской площади в арендуемом помещении. В одной

из зал приспособлена была сцена, на которой по праздникам ставились драматические спектакли. Средняя посещаемость была 2112 человек в день.

Трубный народный дом. Открыт был 4 декабря 1901 г. Помещался в арендуемом помещении на Трубной площади. Средняя посещаемость за все время была 2054 человека в день.

Хитровская чайная. Открыта была 4 декабря 1901 г., при ней была контора для найма рабочих. Помещалась она на Хитровом рынке. Закрыта была в октябре месяце 1906 г., когда контора для найма рабочих безвозмездно была передана городскому самоуправлению и остальное помещение отведено было под библиотеку-читальню. За все время существования чайной средняя посещаемость была по 642 человека в день.

Немецкий народный дом. Открыт был 12 декабря 1901 г. Помещался в арендуемом помещении близ Немецкого рынка. Средняя посещаемость за все время была по 1000 человек в день.

Спасский народный дом. Открыт был 12 декабря 1901 г. Помещался у Спасской заставы в арендуемом помещении. Вследствие сравнительно малой посещаемости и не оправдывающихся, таким образом, расходов, был закрыт по окончании контракта в ноябре 1906 г. Средняя посещаемость была по 698 человек в день.

Даниловский народный дом. Открыт был 19 декабря 1901 г. Помещался в арендуемом помещении в Даниловской слободе. Закрыт был в октябре 1906 г. по той же причине, как и Спасский народный дом. Средняя посещаемость была по 680 человек в день.

Александровский народный дом. Открыт был 21 декабря 1901 г. Помещался в арендуемом помещении на Александровской улице, близ Марьиной рощи. К большому сожалению, закрыт был 6 февраля 1904 г. по требованию московского обер-полицеймейстера, основанному на акте строительной комиссии, признавшей помещение опасным в техническом отношении. Средняя ежедневная посещаемость была по 1277 человек в день.

Хитровский народный дом. Открыт был 21 декабря 1901 г. Помещался в арендуемом помещении на Хитровом рынке. При нем существовал платный ночлежный приют для крестьян, прибывавших на заработки в Москву. Средняя посещаемость была по 1335 человек в день.

Бутырский народный дом. Открыт был 4 февраля 1902 г. Помещался в арендуемом помещении за Бутырской заставой. Средняя посещаемость за все время была по 771 человеку.

Садовнический народный дом. Открыт был 4 февраля 1902 г. Помещался в арендуемом помещении в Замоскворечье, близ Толкучего рынка. В одной из зал имелась сцена, на которой по праздничным дням ставились драматические спектакли. Средняя посещаемость в день была по 1002 человека.

Дорогомиловский народный дом. Открыт был 25 мая 1902 г. Поме-

щался в арендуемом помещении близ Дорогомиловской заставы. Средняя посещаемость была по 930 человек в день.

Смоленская столовая. Открыта была 25 мая 1902 г. Помещалась в арендуемом помещении на Смоленском рынке. Средняя посещаемость была по 962 человека в день.

Сергиевский народный дом. Открыт был 10 октября 1904 г. Помещался он на Ново-Слободской улице, близ «Подвесков», во владении, которое с 1906 г. было приобретено Попечительством в собственность за 250 тыс. руб. В доме имелся театр, в котором зимою давались оперные и драматические спектакли. Летом в саду устраивались народные гулянья. Средняя посещаемость столовой народного дома была по 1054 человека.

Алексеевский народный дом. Народный дом этот, специально выстроенный для целей Попечительства, естественно, являлся более всех соответствующим своему назначению. Средняя посещаемость столовой была по 2011 человек в день.

Народные развлечения

При учреждении Московского столичного попечительства о народной трезвости, одновременно с открытием народных домов и просветительных учреждений, намечалась также и задача о предоставлении рабочему люду разумных, здоровых и дешевых развлечений. На первых порах своей деятельности по устройству этих развлечений на помощь Попечительству пришла Московская городская управа, предложив бесплатное пользование залою в работном доме в Сокольниках, что дало возможность уже в 1901 г. устроить 7 концертов (духовных и светских). Кроме того, в этом же году было устроено еще одно народное гулянье в Манеже; посетителей на этих концертах и гуляньях перебывало 28 103 человек.

Поставив задачей своей деятельности и заботу о доставлении народу разумных развлечений, как имеющих огромное значение в деле духовного его развития, Попечительство исходило из мысли, что воспитание возможно только при строго художественных исполнениях и что грубые и лубочные зрелища совершенно непригодны в этом отношении. Исходя из этого положения, Попечительство в следующем, 1902 г., при посредстве лучших антреприз г. Москвы устроило ряд общедоступных развлечений, а именно: 14 концертов русских композиторов в работном доме; 4 концерта «исторических» в помещении цирка Соломоновского; 5 спектаклей (феерии) в Интернациональном театре; 37 оперных спектаклей в театре Солодовникова; 3 оперных спектакля в «Аквариуме» и одно народное гулянье в Манеже — всего 64 развлечения.

Устройство развлечений при посредстве частной антрепризы продолжалось и в последующие годы, но опыт показал, что при данных условиях, помимо дефицитов, является еще и то неудобство, что при определенном, выговоренном у антрепризы по кон-

Чайная на Хитровом рынке
(Фото из альбома, преподнесенного В. Ф. Джунковскому
14 апреля 1902 г.)

тракту количестве спектаклей, не представлялось уже возможным, в случае надобности, увеличить это количество, а потому Попечительство решило устроить собственный театр с постоянной оперной труппой и оркестром, что и было приведено в исполнение в 1904 г.

Из устроенных народных развлечений в 1902, 1903 и 1904 гг. следует отметить грандиозные гулянья, поставленные известным знатоком и мастером народного театра, покойным М. В. Лентовским, в городском Манеже. Здесь были поставлены «Снегурочка», «Бедность не порок» Островского, «Русская свадьба в исходе XVI века» Н. Сухонина, «Архангельский мужик М. В. Ломоносов» и «Севастополь» — историческая хроника Оленина, а также торжественная увертюра «1812 год» П. И. Чайковского и проч.

Гулянья эти привлекали толпы народа, но, к сожалению, несмотря на их успех, пришлось от них отказаться, так как устройство их требовало неимоверных затрат, а главное, они не могли выдержать непомерно высокой арендной платы за Манеж — 36 000 руб.; повышать же входную плату значило бы лишить народ возможности посещать эти гулянья.

Кроме оперных спектаклей, концертов и гуляний, устраиваемых частными антрепренерами в саду Грузинского народного дома, на открытой сцене давался дивертисмент, привлекавший много народа, а при аудитории этого дома ставились драматические спектакли.

Открытая сцена Грузинского народного дома, привлекая большое количество посетителей, меняя постоянно программу и характер увеселений, положила начало собственному большому оперному делу Попечительства. Начиная с 1903 г., сцена эта все время переустраивалась и расширялась, а к 1911 г. опера в народных развлечениях занимала первенствующее место и летом ставилась в театре на открытой сцене нового Алексеевского дома, зимой же — в Сергиевском народном доме. Оперные спектакли, в особенности летом, привлекали огромное количество посетителей, число которых по праздничным дням иногда превышало 15 тысяч человек.

Драматические спектакли ставились в Сергиевском и Алексеевском народных домах один раз в неделю и с 1911 г., усиленные с высочайшего разрешения артистами Императорского Малого театра, были очень популярны. Сплошь и рядом билеты на эти спектакли разбирались за несколько дней до спектакля. Кроме этих драматических спектаклей, с 1906 г. в Сухаревском народном доме, а с 1909 г. и в Садовническом, по праздничным дням ставились также драматические спектакли, для чего были устроены сцены в залах каждого дома.

Все дело народных развлечений находилось в ведении особой Комиссии, состоявшей из членов комитета Попечительства по выбору и членов соревнователей — знатоков театрального и музыкаль-

ного дела, среди них был директор Московской консерватории М. М. Ипполитов-Иванов, любезно согласившийся в 1910 г. вступить в число членов.

Народные чтения

Народные чтения со световыми картинами велись под наблюдением особой Комиссии, председателем которой состоял директор народных училищ г. Москвы. По характеру своему чтения устраивались по следующим отделам: духовно-религиозно-нравственные, исторические, биографические, географические, по естествоведению, по борьбе с злоупотреблениями спиртными напитками и беллетристические. Сопровождались чтения, во время антрактов, пением и музыкой.

Чтения производились в некоторых народных домах и в некоторых других пунктах города: в казенных винных складах, на фабрике Цинделя и др. Лекторами для народных чтений выбирались особые лица, удовлетворявшие требованиям Комиссии, и допускались к чтению лишь по испытании в присутствии всех членов. Озабочиваясь получением лучших сочинений по всем отраслям знания и не ограничиваясь для этой цели каталогом, Комиссия народных чтений объявила конкурс на составление двух народных чтений: одно — популярно-научного характера по исследованию и выяснению вреда и последствий пьянства с медико-гигиенической, экономической, социальной и этической точек зрения, и другое — показательного характера — о вреде пьянства и его пагубных последствиях в виде художественного рассказа.

Комиссией народных чтений в течение 5 лет со дня открытия ее действий использован был почти весь каталог книг, одобренных для чтения в народных аудиториях, а потому в 1906 г. назрел вопрос о реорганизации чтений. В октябре 1906 г. одному из членов Комиссии предложено было разработать предложения о желательных изменениях в постановке народных чтений и по этому поводу им была составлена докладная записка, которая и послужила основанием для образования первого, по времени возникновения, отдела Комитета, получившего назначение организовать «народные курсы», а также и заведовать ими. (О деятельности «народных курсов» и вечерних школ я скажу подробно, когда коснусь просветительного отдела.)

При центральном складе Попечительства имелся также собственный богатый склад картин и фонарей, которыми пользовались разные учреждения, благотворительные общества, церковно-приходские и земские школы и войсковые части.

Отдел народного просвещения

Считая, что чтение может удовлетворить один из главных запросов человеческого духа — запрос на знание и на отдых, в котором

обновлялись бы его душевные силы, Попечительство устроило читальни, библиотеки, школы и народные курсы при всех народных чайных и столовых, где только это было возможно. Под читальни отводились большие светлые помещения, вмещавшие от 75 до 150 человек посетителей. Устраивая таким образом читальню, Попечительство заботилось о том, чтобы трудящийся народ находил в читальне все удобства для чтения. Кроме этого Попечительство прилагало все старания, чтобы и сама обстановка в читальне — свет, тишина и спокойствие — влияла благотворно на душевное состояние отдыхающего человека.

После шума и гула на фабрике, тяжелого спертого воздуха мастерской Попечительство предлагало рабочему чистое, светлое помещение, где он, без помехи, мог сосредоточиться в чтении. Такая обстановка действовала благотворно на душевное настроение человека, потому что изолировала его от впечатлений рабочего дня и от той домашней обстановки, в которой отдыхал рабочий класс в Москве. Привлекая человека культурной своей стороной, читальни повышали и запросы на культурное времяпрепровождение. Всего было устроено десять библиотек-читален. Открыты они были ежедневно с 11 часов утра до 10 часов вечера, с тем расчетом, чтобы трудившийся целый день человек мог и после работы посетить читальню в будни. Не взирая на долгий рабочий день, народ охотно шел в читальни и в будни. По-видимому, обстановка в читальне привлекала его, и в чтении он находил источник духовного наслаждения. Посещение читален в будни вечером особенно характеризовало отношение рабочего к чтению и самую потребность чтения. Тяжелый труд, который он оставлял за собой, когда приходил вечером в читальню, казалось бы, должен был отнять желание идти в читальню, но число вечерних посещений в читальнях доказывало, что читальни достигали своей цели: они привлекали и удерживали рабочих от развлечений менее высокого свойства. Для того же, чтобы достигнуть этого, Попечительство должно было с особенным вниманием отнестись к каталогу книг в читальнях и сделать его интересным.

В первые же годы деятельности читален было замечено, что состав книг, ограниченных до 1905 г. в народных читальнях каталогом книг, одобренных Ученым комитетом Министерства народного просвещения, не всегда удовлетворял посетителей. Это происходило отчасти оттого, что книги были недоступны пониманию народа, частью и оттого, что они не отвечали ближайшим интересам его. Для помощи читателям в выборе книг в той постепенности, которая нужна была для понимания и усвоения ее, а также и для удовлетворения запросов на знание, особенно важного для них, Попечительство издало «Толковый указатель книг для чтения» и «Общества сельских хозяев в деревне».

Для удобства тех лиц, которые почему-либо не могли посещать

читальни для чтения, были устроены библиотеки для выдачи книг на дом. Возможность пользоваться книгами дома, в семье, отвечала, по-видимому, все более и более усиливавшемуся интересу к чтению. Книга входила в домашний обиход простолюдина, разумно заполняла досуг его и вызывала стремление к самообразованию. Поддерживая грамотность среди взрослого населения, чтение естественно выдвигало в народе и запросы на систематическое образование. Такое образование могла дать только школа.

Отвечая и на эту потребность школьного образования, Попечительство устроило воскресные школы для малограмотных, а потом, когда хорошо грамотные стали обращаться в воскресные школы в целях дальнейшего образования, открыты были вечерние классы по расширенной программе; они явились естественным продолжением занятий в воскресной школе. В курс вечерних классов введено было изучение общеобразовательных предметов в строгой последовательности для того, чтобы у учащихся от знаний оставалось связное целое. Школьное образование Попечительства ставило себе задачей — дать всякому желавшему учиться, по возможности, то, что ему нужно было, в наиболее доступном изложении и в известной законченной форме. Все, что можно было сделать для наглядности в преподавании, Попечительство старалось делать в своих школах. Преподавание географии, истории, художественное чтение литературных произведений сопровождались световыми картинами и экскурсиями по музеям, занятия физикой — опытами с приборами из физического кабинета, который устроен был при одной из читален. Учебный отдел имел в своем распоряжении 7 фонарей и 5443 световые картины.

По мере того, как развивалась школьная деятельность Московского попечительства, выступали и новые запросы учащихся к предметам обучения, запросы, вытекавшие прямо из жизни рабочего народонаселения. Ученики-рабочие с фабрики и ремесленники обращались в школы за профессиональным образованием. Они высказывали желание слушать курсы по физике, химии, механике, электротехнике и другим предметам в том объеме, который, конечно, не мог укладываться в курс общеобразовательной школы. Поэтому Попечительство, идя навстречу запросам трудящегося населения г. Москвы на теоретические и практические знания в области техники и естествознания, открыло народные курсы.

Приглашенные для этой цели преподаватели-специалисты читали такой курс по требуемому предмету, который давал основательное представление о значении науки, исходя из окружавшей жизни человека и его труда. Таким образом создались технические и общеобразовательные курсы, вполне доступные для рабочего люда. При технических курсах устроены были и занятия по черчению. Преподаватели вели уроки, приноравливаясь к профессиям слушателей. Большинство из них — слесари, литейщики и рабочие при

машинах. Они вычерчивали чертежи с частей машин. Особенно ценили они занятия черчением, так как практически они при этом знакомились с устройством машин. Для большей наглядности в преподавании и усвоения теории, по прохождении известного отдела, преподаватели делали с рабочими экскурсии на заводы и в мастерские, где лекции читались уже наглядно, с объяснениями на машинах.

На общеобразовательных курсах лекции читались по естествоведению, коммерческой географии, по химии, физике, ботанике, зоологии и медицине. Особенное внимание было обращено на преподавание гигиены. Наука о здоровье человека, влияние среды, окружающей человека, на его здоровье, заразные болезни и меры борьбы с ними были предметом лекций по гигиене.

Главным и одним из самых могущественных способов борьбы с алкоголизмом являлось сознательное отношение человека к употреблению алкоголя. Поэтому, преследуя главную свою задачу — отвращение народа от пьянства, Московское попечительство особенно заботилось пробудить сознание вреда неумеренного употребления алкоголя. Специально приглашенные врачи читали лекции об алкоголизме как о народном бедствии и о мерах борьбы с ним. Популярно изложенные, сопровождаемые световыми картинами, лекции очень привлекали народ и собирали многолюдную аудиторию.

Для отвлечения народа от кабака и пивных лавок, куда он шел, потому что чувствовал необходимость известного подъема, веселья и жизнерадостного настроения, устраивались литературные вечера. В тех же читальнях, куда охотно шел обыватель, слушатели знакомились, в художественном исполнении, с произведениями Пушкина, Жуковского, Никитина, Кольцова, Чехова и др. Успех таких чтений был удивительный. Так как они устраивались по воскресным и праздничным дням, то желающих слушать было так много, что помещение не вмещало количества всех стремившихся на эти чтения. Расходилась публика чрезвычайно довольная. Расчет на подъем настроения слушавших оправдывался. Вместо кабака многие шли в читальню и, слушая, воспринимали произведения великих русских писателей, которые могли возбудить то прекрасное и высокое, что поднимало человека над тяжелой действительностью и обновляло его душевные силы.

Отделом народного просвещения все 10 лет заведовала М. А. Сабашникова, вложившая в это святое дело всю свою душу. Я не мог поэтому не обратиться к ней с нижеследующим письмом: «Глубокоуважаемая Маргарита Алексеевна. Сегодня исполняется десять лет со дня открытия первой библиотеки-читальни Комитета Московского столичного попечительства о народной трезвости. Вам поручена была нашим Комитетом организация библиотек-читален и заведование ими, и это задание Вы исполнили не только быстро, открыв

в течение восьми месяцев десять народных библиотек-читален, но Вы исполнили этот ответственный и хлопотливый долг по строго продуманной программе, благодаря чему эти наши просветительные учреждения, едва открывшись, сразу же стали в первые ряды среди однородных с ними, и с того времени, на протяжении всех 10 лет, они, по справедливости, были гордостью нашего Комитета.

Поставленный высочайшей волею сначала товарищем председателя, а затем председателем нашего Комитета, я должен был и оценивать все Ваши проекты и поверять деятельность заведоваемых Вами учреждений, и потому теперь, оглядываясь на истекшее десятилетие, я имею право уверенно сказать, что Вы не только трудились, не щадя своих сил, часто даже во вред своему некрепкому здоровью, но в деле народного просвещения г. Москвы Вы успели уже оставить несомненно крупный след. Вами создана была не только сеть безукоризненно организованных библиотек-читален, но постепенно, по мере растущего в населении спроса, Вами развернута была целая сеть народных школ разных типов — от воскресной школы для неграмотных до систематических курсов для взрослых.

Ваша лучшая награда — это, конечно, блестящее состояние того дела, которому Вы десять лет отдавали все Ваши силы и всю Вашу любовь, но, дорогая Маргарита Алексеевна, позвольте же мне от лица Комитета и от себя выразить Вам, как слуге того дела, которому все мы служим, глубочайшее уважение и сердечную признательность за столь преданное выполнение миссии, данной Вам Комитетом десять лет тому назад. В своих заботах о дальнейшем развитии и процветании дела нашего Попечительства я ничего другого не могу пожелать для просветительных его учреждений, как видеть их в Вашем заведовании еще многие, многие годы. Да пошлет же Вам Господь необходимые для этого силы».

Отдел подания помощи и лечения алкоголиков

Борьба с алкоголизмом поставлена была в двух направлениях, а именно: общественном и индивидуальном. Как общественное явление, алкоголизм — народное бедствие, требовавшее очень серьезных предупредительных мер; как индивидуальное явление, алкоголизм — болезнь, а алкоголик — больной, которого следует лечить. Исходя из этих положений, Московское попечительство и предприняло попытки оказания медицинской помощи алкоголикам, на первое время ограничившись амбулаториями для приходящих больных. Чрезвычайные трудности, с которыми сопряжено было собирание сведений о дальнейшей судьбе лечившегося в амбулатории алкоголика, бездомного, безработного, нередко нарочно скрывавшего свое имя и местожительство, в лучшем же случае просто переходившего с места на место, с квартиры на квартиру — делали почти невозможным добросовестное решение самого главного вопроса: о степени пользы, приносимой амбулаторными лечеб-

ницами и о проценте достигаемых ими полных выздоровлений. Совершенно, однако, иначе представлялась польза от лечебниц для приходящих больных, если говорить лишь о временных задержках алкогольного отравления, об отказе от вина на 3, 6, 9 месяцев, даже на 1-2 года. В Попечительстве имелось много точных доказательств в пользу бесспорного, притом огромного целебного действия алкогольных амбулаторий в этом отношении.

Исходя из этих соображений, Московское попечительство предприняло соответствующие шаги к расширению деятельности путем открытия двух новых амбулаторий. Этому начинанию Попечительства пошло навстречу московское городское общественное управление, согласившееся предоставить две лучшие свои амбулатории, при Яузской и Старо-Екатерининской больницах, для вечернего приема алкоголиков врачами Попечительства. Попечительство надеялось, что следующее десятилетие его деятельности ознаменуется в деле лечения алкоголиков устройством образцовой стационарной лечебницы и образцового комбинированного лечебного заведения при Алексеевском народном доме, план коего был уже разработан.

Функционировавшая же лечебница для алкоголиков при Московском попечительстве была открыта 3 ноября 1903 г. В 1911 г. персонал лечебницы, состоявший при ее возникновении из двух врачей, состоял уже из: консультанта, врача-распорядителя (он же принимал третью часть больных) и двух врачей. При лечебнице имелась довольно благоустроенная водолечебница и электролечебный кабинет. Была и библиотека по вопросам алкоголизма, содержавшая довольно много книг, из коих некоторые были довольно ценны; выписывались и несколько иностранных и русских журналов, имевших отношение к лечению алкоголизма. Приобретались, по мере возможности, и аппараты для физического и психического исследования алкоголиков, так например, приобретен был в Мюнхене силомер с автоматической записью доктора Вейлера, и в Цюрихе — психогальванический аппарат доктора Верагута. За счет Московского попечительства в 1908 г. был издан под редакцией профессора А. Минора перевод книги «Serieux: L'Alcool» («Серьезно: Алкоголь»).

Противоалкогольный музей

В конце 1910 г. Кружком деятелей по борьбе со школьным алкоголизмом, о котором я говорил в своих воспоминаниях за 1910 г., был открыт музей, в котором собраны были статистические материалы и разнообразные показательные препараты и модели, имевшие отношение к борьбе с алкоголизмом. Музей этот был открыт для бесплатного посещения публики, где давались объяснения членами кружка, а кроме того при музее организованы были и лекции для учителей и учительниц.

Вышеизложенное представляет собой краткий обзор всей де-

ятельности Московского столичного попечительства за первые 10 лет его существования. Может быть, в этой деятельности и были ошибки, но во всяком случае, это были ошибки невольные и происходившие не от недостатка преданности и любви к делу, а вследствие его новизны. Я могу сказать, по совести, что со стороны деятелей Попечительства были приложены все усилия, дабы использовать получаемые им из Министерства финансов ежегодные крупные субсидии возможно целесообразнее и соответственно тем задачам, кои были поставлены в основу попечительств о народной трезвости при учреждении их.

Поэтому Комитет Московского попечительства и остальные его деятели, на границе двух десятилетий своей работы, смогли спокойно сознавать, что долг свой по отношению к порученному им делу они выполнили честно, по мере своих сил и разумения, не рекламируя себя, а скромно работая, несмотря на тяжелые условия, в коих им приходилось работать последние годы, когда им пришлось испытать немало угнетавших и парализовавших энергию и инициативу впечатлений, когда их деятельность не встречала объективной оценки и нападки сыпались со всех сторон. К счастью, в этих нападках и обвинительных материалах можно было найти скорее усилия к разрушению и голословные обвинения, но не материалы для созидания. Все это, конечно, не могло не наводить на грустные мысли, и надо было иметь много веры в свое дело, чтобы стойко работать и не опускать рук, что я и отметил в своей речи на Противоалкогольном съезде в С.-Петербурге в 1909 г.

Насколько угнетающе, вследствие такого взгляда на Попечительство, пришлось работать последние годы, настолько радостно было работать вначале. Помню я, с какими радостными надеждами Комитет начал свою деятельность под руководством своего первого председателя, глубокоуважаемого, незабвенного А. А. Бильдерлинга, которому Попечительство обязано своими первыми шагами и организацией всего дела. Он вдохновлял всех к работе тем глубоким уважением, с каким относился к работе каждого, как членов Комитета, так и всего персонала служащих, и тем неограниченным доверием, которого не могли не чувствовать все. Благодаря этому все работали не за страх, а за совесть, и это данное первым председателем направление сохранилось до конца.

Московское попечительство пользовалось в то время большой поддержкой со стороны покойного великого князя Сергея Александровича, московского генерал-губернатора. В рескрипте, данном его высочеством генералу от кавалерии А. А. Бильдерлингу в апреле 1904 г., в день оставления им должности председателя, видны та исключительная забота великого князя о делах Попечительства и то значение, которое он придавал его деятельности на благо населения г. Москвы. Нечего и говорить, что безвременная кончина великого князя была невознаградимой потерей для Попечительства.

Нельзя было не вспомнить добрым словом бывшего московского обер-полицеймейстера, покойного Д. Ф. Трепова, его в высшей степени сочувственное отношение к делам Попечительства и редкую предупредительность. В бытность его обер-полицеймейстером вблизи наших учреждений никогда не допускались питейные заведения, точно так же не допускались они в тех районах, которые Попечительство намечало для своих целей.

Большую утрату отдел народного просвещения понес в лице скончавшегося за эти 10 лет существования Попечительства члена Комитета А. И. Кирпичникова; да будет вечная память незабвенному члену Попечительства.

Вспоминая деятелей Попечительства, бывших налицо ко дню 10-летия, я с особым чувством уважения должен упомянуть имена дорогих мне и незабвенных сотрудников: К. Ф. Шрамма, бывшего в течение 10 лет председателем Ревизионной комиссии; Н. К. фон Вендриха, сначала члена Ревизионной комиссии, а затем товарища моего по званию председателя; врача А. А. Реми, лечившего в течение 10 лет безвозмездно всех служащих Попечительства; отставного генерал-майора Н. Я. Кудрявцева — председателя Совета по управлению народными домами и работавшего, не покладая рук, с огромной пользой для дела, несмотря на преклонный свой возраст; М. А. Сабашникову, о которой я уже говорил выше; В. Б. Шереметева, 10 лет стоявшего во главе канцелярии, преданного и дорогого мне ближайшего сотрудника; а также и А. Н. Осткевича-Рудницкого и Г. И. Опарина, незаменимых работников по своим специальностям бухгалтерии и счетоводству и преданности делу, и всех остальных служащих в Попечительстве.

Так как 1 июля меня не было в Москве, то празднование юбилея было отложено до 15 июля. В этот день, в 3 часа дня, в Алексеевском народном доме было отслужено молебствие членом Комитета протоиереем Н. А. Любимовым, причем пел оперный хор Попечительства под управлением режиссера, артиста Императорского Большого театра В. С. Батюшкова.

После ряда приветствий по моему адресу состоялось торжественное заседание Комитета попечительства, на котором я, в нескольких словах, кратко, очертил деятельность Попечительства за 10 лет и благодарил всех дорогих сотрудников моих. Затем была рассмотрена и утверждена смета на следующий год.

Вечером состоялось бесплатное гулянье в Алексеевском народном доме для служащих Попечительства и их семейств, причем оперной труппой была исполнена опера «Дубровский». У меня в этот день состоялся обед, на который были приглашены все члены Комитета и сортудники по Попечительству.

За несколько дней до этого праздника, 11 июля, состоялся перелет Петербург — Москва; это был первый русский перелет на такое огромное расстояние. В нем принимали участие 8 пилотов, но

только один из них — А. А. Васильев, на «Блерио» [8], совершил весь путь без аварий, вылетев из С.-Петербурга 10 июля в 3 часа 37 минут дня и прилетевший в Москву в 4 часа 18 минут утра 11 июля. Отважный летчик первым проложил русскую воздушную дорогу между двумя столицами, оставшись победителем.

Получив известие, что Васильев вылетел из последнего места своей остановки, я выехал на автомобиле в 3 часа утра на Ходынское поле. Чуть рассветало, было прохладно, на аэродроме было еще тихо, публики почти не было, только у деревянного павильона бродили десятки фигур — чины исполнительного комитета и представители администрации аэродрома. Понемногу начала собираться и публика. Все устремили свои взоры по направлению к Всехсвятскому, с волнением ожидая появление аэроплана. Но вот на горизонте, высоко на небе, образовалась точка, которая все увеличивалась. Сомнений не было — это был аэроплан. Еще несколько минут, и можно было уже разглядеть очертания аэроплана. А когда послышался и шум мотора, восторг толпы неудержимо вырвался из груди, крики, аплодисменты понеслись в воздух. Аэроплан летел неровно, его словно как бы бросало из стороны в сторону, моментами он как бы нырял. Но вот лес над Всехсвятским пройден, шум мотора стал доноситься явственнее, и аэроплан стал быстро спускаться, направляясь к белым флажкам вблизи павильона.

Публика неудержимо бросилась к месту спуска. Авиатор с аэропланом был уже на земле, он бросил руль и, обернувшись, смотрел на публику усталым взглядом. В течение нескольких минут он сидел как бы застывши на своем маленьком, высоком сиденье. А шапки летели вверх, махали платками, аплодировали, кричали от восторга...

Наконец Васильева осторожно сняли, поддерживая за руки. Он неуверенно ступил на землю. Представители Общества воздухоплавания заключили его в объятия, подошел и я, обнял его, приветствуя с победой. Вид у Васильева был ужасный: бледное, измученное лицо, красные, воспаленные глаза. Весь окоченелый, направляется он к павильону. Как только вошел он в павильон, то неудержимо начал нервно, жутко рассказывать о беспорядках, царивших в организации перелета, он говорил, что нигде на остановках не было ничего приготовлено; не было бензина, не было механиков; не было костров, фейерверков для обозначения мест; бранил генерала Каульбарса, который стоял во главе организационного комитета, приписывая все неудачи остальных летчиков плохой организации.

На другой день выяснилась судьба остальных летчиков: молодой пилот Шиманский погиб, не успев вылететь из круга, еще в Петербурге; Лерхе, Уточкин и Слюсаренко получили увечья, особенно тяжкие получил Уточкин, упав с аппаратом в 30 верстах от Новгорода, у него оказалась поврежденной спина, перелом ключицы, вывих коленной чашки и сотрясение мозга. Его привезли

в Москву в лечебницу Бакунина, где я его и навестил во время его болезни несколько раз. Остальные летчики — Кампо Сципио, Костин и Агафонов долетели до Валдая и не могли продолжать полетов из-за порчи моторов.

На другой день я получил депешу от Государя императора: «Передайте авиатору Васильеву мое искреннее поздравление с победой на перелете Петербург — Москва и мою благодарность за готовность и впредь работать на пользу отечественного воздухоплавания, успехи и развитие которого близки моему сердцу. Николай».

Я поехал лично к Васильеву и прочитал ему депешу Государя. Он так был счастлив, в таком был волнении от неожиданности такого монаршего внимания, что совсем растерялся; я ему отдал депешу на память.

18 июля скончалась Мария Федоровна Морозова, на 85-м году своей жизни. В ее лице купеческая Москва потеряла одну из своих видных и ярких представительниц. По смерти мужа она энергично продолжала всю огромную торговлю и промышленные дела, став во главе крупной русской мануфактуры «Савва Морозов и сын» и лично принимала участие во всех делах. Широкой популярностью пользовалась она и как благотворительница — целый ряд просветительных учреждений связан был с ее именем. Морозовские клиники на Девичьем поле, Рогожское кладбище со всеми благотворительными учреждениями, больницы, приюты, грандиозный ночлежный дом — на всем лежала печать щедрости покойной. Она особенно покровительствовала молодежи, учредила стипендию, благодаря коей ежегодно один из окончивших курс Земледельческой школы получал возможность съездить за границу поучиться. Но и помимо этой стипендии, сколько она вносила денег для уплаты за учеников, которым угрожало увольнение за невзнос платы, сколько родительских слез она осушила, сколько юных сил вывела она на культурную дорогу. Многие из них даже не знали, чья рука вывела их на эту дорогу. Она была так высока, что «умела» помогать, она понимала человеческую душу, и потому от нее было легко принимать, она свято исполняла завет, который преподавала и другим, что «люди должны помогать друг другу». Она была одним из столпов старообрядчества, происходя из старинной московской старообрядческой семьи Симоновых. Оставила она 50-миллионное состояние. После ее кончины осталось у нее свыше 50 внуков и столько же правнуков.

21 июля ее отпевали и хоронили на Рогожском кладбище в фамильном склепе. Вся Москва — ученая, благотворительная и купеческая, вся московская администрация, все пришли поклониться ее гробу и отдать последний долг этой необыкновенной старушке, в глазах коей светилась живая, чуткая, отзывчивая душа.

19 июля в 3 верстах от станции Щербинка Московско-Курской ж. д. в имении графа Шереметева Остафьево, Подольского уезда, родовой вотчине князей Вяземских, состоялось открытие памятника

историографу Н. М. Карамзину, который был женат на сестре поэта князя П. А. Вяземского. Первые 8 томов «Истории государства Российского» были написаны Карамзиным в Остафьеве. Здесь же навещал его и князя Вяземского наш великий поэт А. С. Пушкин, жилет которого, простреленный на дуэли, и трость хранились в Остафьеве, в Карамзинской комнате.

Памятник был исполнен по проекту князя П. П. Вяземского, по рисунку академика Панова в форме гранитного постамента красного цвета, в стиле ампир, соответствовавшем эпохе постройки остафьевского дома. Вверху на постаменте — 7 томов «Истории» Карамзина и свиток рукописи неоконченного 8 тома. С лицевой стороны памятника — бронзовый медальон с изображением Карамзина в венке, с надписью: «Карамзину. 1811 —1911». На обратной стороне слова из письма Карамзина: «Остафьево достопамятно для моего сердца — мы там наслаждались всею приятностью жизни, немало и грустили, так текли средние, едва ли не лучшие лета моего века, посвященные семейству, трудясь и чувствуя общее доброжелательство, в тишине страстей и мятежа. Карамзин».

При открытии памятника присутствовали родные внучки поэта князя П. А. Вяземского — графиня Е. П. Шереметева и А. П. Сипягина, граф С. Д. Шереметев, владелец Остафьева, со всей семьей, Самарин, поэт граф Голенищев-Кутузов, внучка поэта А. С. Пушкина — Анна Александровна Пушкина, родные Шереметевых, представители ученых учреждений и я. После открытия памятника профессор Киевского университета Б. С. Иконников произнес обширную речь о значении Карамзина как историка, а профессор С.-Петербургского университета С. Ф. Платонов — о причинах литературных и исторических успехов Карамзина. Граф П. С. Шереметев отпечатал к этому дню очень интересный труд: «Карамзин в Остафьеве», который он любезно раздавал присутствовавшим.

Это скромное торжество оставило во мне очень приятное волнующее воспоминание о том славном времени, когда в этом уютном, стильном остафьевском доме с его старинным парком жил и работал первый историограф Российского государства Н. М. Карамзин. Я глубоко был признателен дорогому графу С. Д. Шереметеву, что он пригласил меня разделить это редкое торжество со всей его семьей.

22 июля состоялась закладка больницы в память 300-летия царствования дома Романовых при Покровской общине. По совершении митрополитом Владимиром литургии в Покровском храме все духовенство и приглашенные лица перешли во двор Покровской общины, где и состоялась закладка больницы на земле, входившей когда-то в состав вотчины боярина Никиты Романовича.

24 июля в Москве состоялась закладка здания Народного университета Шанявского на Миусской площади. Для сего городом безвозмездно был уступлен участок земли размером в 5 100 кв.

саженей. Здание, стоимостью в 500 000 руб., строилось по проекту профессора А. Л. Эйхенвальда, фасад же и художественная отделка принадлежали проекту гражданского инженера И. А. Иванова-Шица. Наблюдение за постройкой поручено было архитектору-строителю А. Н. Соколову. Всей постройкой заведовала особая комиссия под председательством М. В. Сабашникова.

С обеих сторон главного здания намечены было две пристройки: с левой стороны для специально оборудованного Химического института имени В. А. Морозовой, пожертвовавшей для сей цели 50 000 руб., и с правой стороны — для Педагогических курсов имени Королевых, так же на особо пожертвованный для сего семьей Андреевых капитал в размере 100 000 руб. Главная аудитория в два света предположена была на 500 человек, затем аудитория В. К. Рота, С. В. Сабашникова, графа Л. Н. Толстого и С. А. Муромцева.

Место закладки было красиво убрано национальными флагами. Гирлянды зелени красиво переплетали шатер, в котором причтом церкви Василия Кесарийского был отслужен молебен в присутствии представителей администрации, города, профессуры, преподавателей и др. После молебствия состоялась закладка, первый камень положил городской голова Н. И. Гучков, затем градоначальник Адрианов, попечитель округа Тихомиров, я, В. К. Рот, Н. В. Давыдов и др.

Когда подали шампанское, городской голова провозгласил тост за Государя императора, причем хор исполнил гимн. Затем последовал ряд тостов и речей. Не без оригинальности была речь попечителя округа А. А. Тихомирова. Приветствуя правление университета и город с закладкой нового просветительного учреждения, он сказал, что идея создания народных университетов принадлежит англичанам, которые выразили эту идею в двух словах: «University Extension» (распространение просвещения среди народных масс). Кончил же он свою речь словами: «Как во всяком деле, так и в деле народного просвещения, есть опасная сторона. Университет есть лаборатория мысли, вырабатывающая научные воззрения. А в научных вопросах правда и заблуждения всегда чередуются. И когда эти заблуждения проникают в народные массы, тогда является настоящая опасность. Я не хочу высказывать опасения и призываю деятелей университета Шанявского всегда помнить об ответственности перед Богом за различные омрачения. Пусть же их не будет в народном университете».

1 августа состоялся редкий юбилей. С. И. Игнатов, начальник пассажирской станции Москва Московско-Курской ж. д., праздновал 40-летний юбилей своей службы на Курском вокзале, где он начал свою службу в 1861 г. мальчиком-телеграфистом. С. И. Игнатова знала вся Москва, и все относились к нему с одинаковым уважением и любовью. Всегда ровный, спокойный, готовый каждому прийти на помощь, он всегда находился на месте, терпеливо выслу-

шивая каждого обращавшегося к нему за тем или иным содействием. Я с особенной радостью поехал его поздравить с редким юбилеем. В парадных комнатах вокзала, по желанию всех служащих, глубоко почитавших своего начальника, было отслужено молебствие. Приехал и Адрианов — градоначальник и много других лиц, желавших его почтить. Были очень трогательные речи, подношения, которые Игнатов принимал с присущей ему скромностью. Между подношениями был и мой образ святого Сергия Преподобного, который я просил его принять от меня на благополучное дальнейшее его служение.

13 августа в Зоологическом саду открылась очень богато обставленная и прекрасно устроенная выставка аквариумов и растениеводства. Организована она была Обществом любителей аквариумов и комнатных растений. Цель выставки была привитие интереса к этим видам пособия для естественных наук, поднятие значения этой «прихоти», как ранее называли аквариумы и террариумы, в глазах школьной молодежи.

Выставка была очень интересна, богато обставлена. В одном из павильонов, в жарком бассейне «Виктория Регия» красиво распустила свои бутоны и распластала в воде красивые, крепкие листья, а в особо устроенном болотце готовился расцвесть привезенный каспийский лотос. В другом павильоне были собраны всевозможные виды орхидей из Ботанического сада. Среди различных коллекций были очень ценные коллекции индийских, африканских и бразильских насекомых, затем коллекции рыб, морских животных и т. д. Целый павильон был отведен для школьного аквариума с целью убедить каждого, как просто и легко каждый интересующийся природой ребенок может набрать коллекцию водных обитателей и приготовить десятки любопытных препаратов. Выставка привлекла массу посетителей; вплоть до самого ее закрытия 11 сентября выставка всегда была переполнена народом. Из Петербурга приехал и главноуправляющий земледелием А. В. Кривошеин, которого я и сопровождал по выставке как почетный ее председатель.

16 августа в Москве открылся Всероссийский съезд по народному образованию, устроенный по инициативе Московского губернского земства. Еще задолго до открытия съезда были выработаны программа и положение о нем, подвергшиеся тщательному, всестороннему рассмотрению с моей стороны и представленные затем на утверждение министерства.

Так как такие съезды обыкновенно служили всегда удобным способом для единения неблагонадежных в политическом отношении элементов, а также и предлогом для публичных выступлений против действий и начинаний правительства, то, естественно, я все внимание свое обратил на то, чтобы положение о съезде было так составлено, чтобы оно парализовало эти нежелательные явления. В этом отношении я встретил полную поддержку со стороны уважа-

емого председателя губернской управы Н. Ф. Рихтера, который, конечно, был заинтересован в том, чтобы съезд из-за каких-то никому ненужных выступлений не был закрыт до окончания занятий. Одной из мер предосторожности было предоставление права решающего голоса только выборным от земства и учреждений, а не всем участникам съезда. Затем, съезд этот в смысле надзора был изъят из ведения градоначальника и всецело передан в мое ведение, так что представителя полиции на нем не было, а моим представителем был непременный член М. Н. Оловенников, о тактичности и деловитости которого я уже не раз упоминал в моих воспоминаниях. Ему был отведен особый небольшой стол на той же эстраде, где заседал и президиум съезда. За этим столом Оловенников поместился с двумя своими секретарями. К его столу был проведен и особый прямой телефон от меня, дабы, в случае каких-либо сомнений, он мог всегда снестись со мной. Я считал необходимыми все эти предупредительные меры, так как непременно хотел провести этот съезд, не прибегая к репрессивным мерам. И действительно, благодаря всем этим мерам, а также и несомненно благодаря энергии, твердости и авторитету председателя съезда Н. Ф. Рихтера, который сдерживал участников съезда в надлежащих границах, можно было закончить работу съезда покойно, не прибегая ни к каким репрессивным мерам.

Съезд открылся в зале Романова на Малой Бронной улице; съехалось до 300 человек, из них 200 с правом решающего голоса. Перед открытием преосвященным Анастасием отслужено было молебствие. Он же принял участие в съезде в качестве представителя духовного ведомства. На молебствии присутствовали градоначальник и я. Когда по окончании молебствия все заняли свои места, Н. Ф. Рихтер обратился к собравшимся со вступительной речью.

Он указал на историю возникновения съезда, ход организационных работ по его подготовке и на стоящие перед ним задачи. Он коснулся и тех трудностей, которые пришлось встретить организаторам съезда извне и, так сказать, внутри своей же земской среды. Так много трудностей встретило бюро при проведении устава съезда, что пришлось пойти на уступки правительству и отказаться даже от мысли предоставления права решающего голоса всем участникам съезда, а не одним только земским выборным. «Неожиданно пришлось встретить препятствия, — говорил Рихтер, — и в своей среде: некоторые уездные земства и три губернских отказались участвовать в съезде. Это было бы еще ничего. Губернские эти земства даже старались повредить съезду. Они делали на собраниях постановления и доводили до сведения высшего правительства, что съезд противозаконен. Но все трудности миновали. Съезд разрешен, собрался, и это уже факт огромного значения. Правительство признало многолетнюю деятельность земств в деле народного образования и теперь считает нужным с земством считаться».

Интерес, по словам Рихтера, к съезду был выдающийся. Духовное ведомство, Министерство народного просвещения, Дирекции народных училищ и много других учреждений прислали своих представителей.

Перейдя к характеристике программы съезда, Рихтер сказал, что она так велика, что уже теперь для бюро выяснилась необходимость остановить внимание съезда лишь на самых существенных вопросах программы, отложив менее существенные, в надежде, что съезд этот не будет последним. «Но как вести такой сложный и большой съезд? — задал вопрос Рихтер и продолжал: — Во время организационнных работ раздавались предсказания, что съезд невозможно будет довести до конца, что его закроют». Но собравшимся, по мнению Рихтера, надо употребить все усилия, чтобы предсказания эти не сбылись и чтобы съезду удалось возможно более сделать для народного образования.

Рихтер заявил, что из экономии времени бюро нашло нужным поступиться традицией, и все приветствия будут отпечатаны и розданы членам съезда. Этим путем, по его мнению, удастся избегнуть многих недоразумений, не придется разбиваться на партии и группы, не находящие оснований в том деле, ради которого все собрались.

Закончил он свою речь благодарностью ко всем представителям земств и признательностью «приглашенным» участникам съезда, ради любви к делу народного образования согласившимся принести свои познания и опыт на этот съезд, несмотря на то, что их лишили голоса.

Речь Рихтера принята была с большим одушевлением, и он был избран председателем съезда, товарищами к нему Е. П. Ковалевский и А. Д. Алферов, а секретарем — А. М. Обухов. Съезд тотчас приступил к занятиям, разделившись на пять секций: 1. По вопросу продолжительности курса, программе экзаменов и т. п. — под председательством А. Т. Лелюхина. 2. По вопросу подготовки и положении учащихся — под председательством Ф. Ф. Ольденбурга. 3. По вопросу о внешкольном образовании — под председательством П. П. Добросельского. 4. По вопросу о всеобщем обучении — под председательством С. И. Анциферова, бывшего директора департамента Министерства народного просвещения. 5. По вопросу об управлении школой и посреднической деятельности под председательством члена Государственной Думы А. А. Федорова.

Съезд проявил большую работоспособность, занятия его шли беспрерывно до 30 августа включительно, и разрешил он все предложенные его вниманию вопросы.

Большие прения в общем собрании вызвал вопрос о предложенном бюро 6-летнем курсе в низших школах. Большинством голосов это предложение было отвергнуто и постановлен был 4-летний курс. Затем 20 августа очень страстные дебаты произошли по вопросу

о церковно-приходских школах. Несмотря на блестящую речь преосвященного Анастасия, все же большинством голосов постановлено было объединить все школы, не исключая и церковно-приходских, в ведение и под надзор училищных советов.

30 августа съезд закрылся, окончив свои занятия. Я был очень счастлив, что удалось довести съезд до конца и что он действительно был исключительно деловой. Левые газеты были недовольны съездом, находили, что от него веяло скукой, им недоставало, как всегда, какого-нибудь выступления на политической почве, которое дало бы им пищу для зажигательных статей.

Пока шли заседания съезда, я 20 августа совершил небольшую поездку верхом по Московскому и Звенигородскому уездам для осмотра школ и больниц. В Звенигородском уезде я посетил две школы — лайковскую и подушкинскую, обе школы произвели на меня отличное впечатление своей чистотой, опрятностью и полной подготовленностью к началу занятий.

В Московском уезде, левом по составу гласных, я, к сожалению, опять должен был убедиться, что беспорядок и хаос в школьном деле у них продолжается: в ромашковской школе производился крупный ремонт, который не мог быть окончен к началу занятий, при этом все учебные и наглядные пособия, книги и карты были свалены в беспорядке в одну кучу, рядом с перекладываемой печью, отчего вся пыль от печи ложилась на пособия. В дорогомиловской школе вся мебель оказалась поломанной и в хаотическом беспорядке. Только ромашковскую больницу я нашел в образцовом порядке.

Вернувшись, я написал Московской уездной управе, что «при таком содержании школьных принадлежностей непроизводительно тратятся земские деньги, и, конечно, не хватит никаких средств для постоянного обновления имущества, столь небрежно хранимого», и предложил немедленно привести все в порядок к началу занятий.

В этот же день, проезжая по Звенигородскому уезду, я был крайне удивлен, увидев на одной из фабрик швейцарский флаг. Это меня возмутило, и я отдал следующий приказ по полиции: «При проезде по Звенигородскому уезду мимо шелкокрутильной фабрики Биллиона я обратил внимание на вывешенный на здании фабрики швейцарский флаг, который, по словам сопровождавшего меня земского начальника, был замечен им и раньше. Обращая внимание на незаконное действие владельца фабрики, не согласное с законом (Собрание узаконений от 7 мая 1883 г. за № 45, статья 441), ставлю это на вид бывшему звенигородскому исправнику, ныне богородскому, князю Вадбольскому, и ныне занимающему должность звенигородского исправника Рубцову; объявляю «замечание» приставу 2-го стана Звенигородского уезда Алексееву-Войцеховскому, а уряднику Павловской волости объявляю «выговор». Предписываю звенигородскому исправнику немедленно сорвать (это выражение взято было из закона) швейцарский флаг, обязав подпиской заведывающе-

го фабрикой Биллиона не помещать его впредь на зданиях фабрики и привлечь к ответственности виновного».

11 августа в Петергофе состоялось бракосочетание князя Иоанна Константиновича с королевною Еленой Петровной Сербской. Я не решился уехать из Москвы во время съезда по народному образованию, и потому не присутствовал на этом торжестве.

16 августа опубликован был высочайший указ, изменявший редакцию примечания к статье 88 Основных законов, согласно которого все члены Российского императорского дома лишены были права вступать в брак с лицами, не принадлежавшими к царствующему или владетельному дому. Указ 16 августа сохранял это только для великих князей и великих княжен, а князья и княжны императорской крови, таким образом, были свободны от этого обязательства. Последствием этого указа княжна Татьяна Константиновна вышла замуж за князя Багратиона-Мухранского — корнета Кавалергардского полка.

22 августа произошло дерзкое нападение на пристава Гончарова в Рузском уезде, в виду чего мною был отдан следующий приказ по полиции: «22 минувшего августа, утром, близ станции Румянцево Виндавской ж.д. неизвестными злоумышленниками было совершено вооруженное нападение на проезжавшего по Волоколамскому шоссе пристава 1-го стана Рузского уезда Гончарова, коему выстрелами из револьвера причинены были тяжелые раны. В ночь на 24 августа неизвестные преступники, проникнув через окно в дом крестьянина деревни Савино, Лучинской волости, Звенигородского уезда Ивана Ильина, зверски убили дочь его и зятя и ранили старуху жену Ильина. Добытые первоначально сведения и обстановка преступления убедили полицию, что они являются делом организованной шайки злодеев, к раскрытию коей были приняты должные меры. Особенно энергично повел розыски звенигородский исправник Рубцов, в течение нескольких дней выслеживавший преступников, как в пределах Звенигородского, так и Рузского уездов. 31 минувшего августа, возвращаясь ночью совместно с приставом Алексеевым-Войцеховским в г. Воскресенск, исправник, в полумраке, на возвышенности с левой стороны шоссе, заметил неизвестного ему человека. Занятый всецело мыслью об обнаружении преступников, титулярный советник Рубцов направился к неизвестному, намереваясь выяснить его личность, но последний открыл беглый огонь из револьвера, ранив одним из выстрелов пристава Алексеева-Войцеховского в левую руку, после чего он скрылся в глубоком овраге, поросшем кустарником. Как исправник, так и раненый Алексеев-Войцеховский, бросились преследовать злоумышленника, но, к сожалению, темнота ночи помешала им достигнуть успеха. До утра продолжались розыски преступников, в которых принимал деятельное участие и пристав Алексеев, отказавшийся ехать в город к врачу для перевязки раны. Чинам полиции удалось в ту же ночь

задержать одного из членов шайки — крестьянку Марию Дмитриеву. Благодаря добытым от нее сведениям, 3 сентября чинами Московской сыскной полиции арестованы были в столице и прочие члены шайки, совершившие ряд грабежей и убийств. Я особенно подробно излагаю историю этого дела, дабы чины полиции вверенной мне губернии узнали о самоотверженных действиях звенигородского исправника Рубцова и пристава 2 стана того же уезда Алексеева-Войцеховского, доказавших своим бесстрашием перед опасностью сознание долга перед присягой и совестью. Выражаю поименованным лицам мою сердечную благодарность и предлагаю моей канцелярии выдать им в награду: титулярному советнику Рубцову 150 руб. и приставу Алексееву 100 руб. Вместе с тем мною отдано распоряжение о представлении последнего к награде на основании I пункта 394 статьи Учреждения орденов и других знаков отличия».

В последних числах августа я узнал об имевшем место случае стрельбы чинами полиции в воздух для устрашения. Считая такой порядок недопустимым, я отдал следующий приказ: «Ввиду ставшего мне известным случая стрельбы одним из стражников «в воздух», в целях устрашения преступника, еще раз напоминаю всем чинам уездной полиции, что огнестрельное оружие отнюдь не может быть в целях запугивания кого-либо. Право носить оружие должно почитаться особой честью, и прибегать к нему следует в крайних случаях, точно указанных в законе, отнюдь не стреляя при этом «на воздух», а действуя огнем прямо и решительно. Всем уездным исправникам предлагаю принять меры к тому, чтобы нижние чины полиции усвоили твердо правила действия оружием».

На 26 августа, день Бородинской битвы, я ездил в Бородино по приглашению командира Лейб-гвардии Павловского полка на открытие памятника павловцам, павшим в 1812 г. на Утицком кургане.

В это время на Бородинском поле все приводилось в порядок к 100-летнему юбилею, который предстояло праздновать в следующем году, возобновлялись укрепления, ремонтировался памятник, строилось шоссе, приезжали войсковые депутации для выбора мест под памятники и т. д.

Приехав в Бородино вечером 25-го, я к 8 часам утра следующего дня был уже на батарее Раевского, куда к этому времени прибыл крестный ход из села Бородина. Была отслужена панихида по всем, чьи кости лежали в одной братской могиле кургана Раевского. На панихиде присутствовали: профессор Военной академии генерал Колюбакин, секретарь Особого комитета 1812 года капитан Афанасьев, местные власти — предводитель дворянства Варженевский, председатель управы и др., а также и П. А. Тучков, внук одного из братьев Тучковых, героев Бородина. По провозглашении вечной памяти героям военачальникам: князю Кутузову, князю Багратиону,

Николаю и Александру Тучковым, Ивану Краснову, графу Кутайсову, князю Кантакузену, Ивану Палицыну и всем павшим в этот памятный день героям и отслужении литии у могилы князя Багратиона, крестный ход направился в Спасо-Бородинский монастырь.

Погода была чудная. В Семеновском овраге — месте отчаянной атаки маршалов Даву, Нея и Жюно — крестный ход несколько задержался в ожидании выхода из монастыря епископа Можайского Василия, в предшествии которого крестный ход и вошел в монастырь. Началась обедня.

В это время на берегу Колочи, за селом Бородином происходило скромное торжество — депутация Несвижского полка выбирала место для памятника.

99 лет назад в этот день, в 5 часов утра, близ деревни Семеновской грянул первый выстрел и почти одновременно дивизия Дельзона атаковала село Бородино, где стояли гвардейские егеря. Егеря были застигнуты врасплох и смяты французами, почти все офицеры выбыли из строя. В помощь двинули несвижцев, которые вновь заняли Бородино. Вот этот подвиг Несвижский полк и хотел увековечить. Местный священник отслужил панихиду, а офицеры и солдаты, прибывшие из Москвы, выступили и обозначили место для постановки памятника.

В 4-м часу дня состоялось освящение и открытие памятника героям павловцам на Утицком кургане. На это торжество прибыли 40 низших чинов Лейб-гвардии Павловского полка при 8 офицерах с командиром полка Свиты генералом Некрасовым во главе. Затем соратники павловцев — 9-го Сибирского и 10-го Малороссийского полков, по полуроте, и один депутат от Лейб-гвардии С.-Петербургского полка, также сражавшегося на этом кургане с Павловским полком.

В то время, когда 99 лет назад в Семеновском овраге шли отчаянные атаки французов, пытавшихся сбить центр русской армии, Понятовский двинулся на Утицу и взял ее. Генерал Тучков отошел на расстояние орудийного выстрела и послал к Кутузову просить подкрепления. Кутузов направил 17-ю дивизию Олсуфьева. Взяв дивизию графа Строганова и два полка 17-й дивизии, Тучков во главе Павловского и гренадерских полков ударил в штыки, смяв французов, но сам поплатился жизнью; его заменил Багговут. Понятовский отступил к Ельне, русские заняли Утицу. В память этого подвига павловцы и соорудили памятник на Утицком кургане. После молебствия, под пение «Вечная память» героям-павловцам, защитникам Утицы, спала пелена, и взорам присутствовавших открылась гранитная скала. Оркестр заиграл «Коль славен». У вершины скалы барельеф — каска-гренадерка и латы, с другой стороны — соответствующая надпись и имена героев.

По возложении венков, под звуки «Коль славен», командир полка передал памятник в мое ведение как начальника губернии. Я,

в свою очередь, обратился к бородинскому волостному старшине и утицкому сельскому старосте, выразив надежду, что население примет меры к сохранению этого памятника в должном порядке. Этим торжество окончилось, и я возвратился в Москву.

В августе месяце, в конце, Государь император с августейшей семьей выехал на Юг, чтобы посетить Киев, Чернигов, Овруч и затем проехать в Крым. В Киеве предстоял ряд торжеств; высочайшее пребывание там было предположено в течение нескольких дней.

Согласно высочайшего повеления, по представлению Столыпина, начальником всей охранной службы назначен был Курлов — товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов, которому, таким образом, подчинены были все представители киевской администрации, он же подчинялся непосредственно дворцовому коменданту, а через него — министру двора. Выходило, что генерал-губернатор — начальник края, генерал-адъютант Трепов был не только обойден, но у него отняты были даже права, принадлежавшие ему по закону. Естественно, что Трепов счел себя оскорбленным и в этом духе и написал письмо П. А. Столыпину, усматривая в отнятии у него высшего надзора и наблюдения за охраной Государя признание его непригодным для того поста, который он занимал. Уйти с поста в такой момент он не счел себя вправе и потому решил, подавив в себе свою обиду, исполнить высочайшее повеление в точности.

Как пишет в своих воспоминаниях Курлов [9], Трепов встретил его любезно и с первых слов заявил ему, что готов исполнять его распоряжения, как приказания своего «начальства». Курлов, в ответ на это, передал письмо Столыпина и сказал, что возложенное на него высочайшим повелением поручение ни в коем случае не умаляет прав Трепова как начальника края, что он лично не будет играть никакой роли во время празднеств и что в пределах вверенного Трепову края он не примет никаких мер без того, чтобы предварительно не заручиться его согласием, что единственная цель высочайшего приказа заключалась в том, чтобы устранить всякие местные трения, которые, как показала практика, будто бы возникали в подобных случаях. По моему мнению, трения, наоборот, именно могли возникать особенно остро тогда, когда местные власти устранялись. Конечно, Трепов отлично понимал, что это все одни красивые фразы, имевшие цель позолотить пилюлю, и значение они могли иметь только для сохранения внешних отношений, для дела же такая постановка вопроса об охране могла быть только вредна.

Такой порядок дела охраны я наблюдал еще в Полтаве, когда точно так же Курлову были подчинены все власти, когда губернатор был также отстранен от распоряжений по охране, и ему была оставлена только почетная роль, когда даже все входные билеты на разные торжества были за подписью Курлова. Граф Муравьев,

бывший в то время полтавским губернатором, будучи человеком очень ленивым и избегавшим ответственности, нисколько не претендовал на свое устранение и даже был очень этим доволен, находя для себя это более удобным, но в Киеве Трепов так легко с этим примириться не мог.

Неправильное по существу и логике решение Столыпина, закрепленное высочайшим повелением, устранявшее местные власти, не замедлило сказаться и на деле, а неправильная постановка дела охраны, недостаточная осторожность в пользовании сотрудниками, некоторый азарт, которым многие розыскные жандармские офицеры руководились часто для своих личных целей, вернее, для карьеры, и который не преследовался Курловым (бегство каторжанок из женской тюрьмы под покровительством Московского охранного отделения, о чем я писал в своих воспоминаниях за 1909 г.), не могли не привести к катастрофе, особенно когда во главе Киевского охранного отделения находился такой отрицательный тип, как Кулябко.

1 сентября в Киеве в городском театре был назначен торжественный спектакль в высочайшем присутствии. В заседании, собранном по этому поводу, была избрана особая комиссия (см. воспоминания Курлова, стр. 144), под председательством губернатора, для распределения билетов. В состав этой комиссии вошел полковник Спиридович, родственник Кулябко, как представитель дворцового коменданта, и статский советник Веригин, уполномоченный Курловым. Конечно, эти два лица и были вершителями раздачи билетов.

На другой день, утром, после спектакля, вся Россия содрогнулась, прочитав телеграмму министра императорского двора, посланную всем губернаторам: «Первого сентября во время второго антракта парадного спектакля в киевском городском театре на жизнь Председателя Совета Министров П. А. Столыпина было произведено покушение. Услышав выстрел, его величество Государь император вошел в ложу. Публика, находившаяся в театре, преисполненная верноподданнических чувств к особе Государя императора, потребовала исполнения народного гимна. Неоднократное пение всеми присутствовавшими сменялось пением молитвы «Спаси, Господи». Его величество изволил отвечать несколько раз публике поклонами, после чего отбыл с великими княжнами и августейшими особами из театра во дворец».

Вслед за этой телеграммой стали поступать подробности покушения. Оказалось, что после 2-го действия «Сказки о царе Салтане» передние ряды партера во время антракта опустели, П. А. Столыпин остался в партере и, стоя спиной к оркестру, опершись на барьер, разговаривал с графом Потоцким. Возле них никого не было.

В это время к ним подошел молодой человек и, приблизившись почти вплотную, быстро протянул руку по направлению к Столыпи-

ну. Блеснул револьвер, раздались два коротких, сухих выстрела. Столыпин остался стоять, только еще больше выпрямился, поднял высоко левую руку и сделал вид, будто хотел двинуться в направлении, куда бежал преступник, но, очевидно, не мог. Он остановился, бледный, но спокойный, потом резким движением расстегнул китель и снял его. Над правым карманом белого жилета виднелось красное пятнышко. Тут только стало ясно, что произошло покушение. Сняв китель, он повернулся к царской ложе и перекрестил ее, но тотчас стал, видимо, слабеть и опустился в кресло. Через две-три минуты профессора и врачи, находившиеся в театре, осторожно вынесли его в коридор и положили на пол. Столыпин сильно страдал, но, по словам профессора Рейна, сказал: «Передайте Государю, что я рад умереть за него». Еще через несколько минут его в карете «скорой помощи» отвезли в частную лечебницу доктора Маковского. Положение раненого было признано очень тяжелым. Одна пуля ранила его в грудь и застряла в позвоночнике, другая, ранив его в руку, попала в ногу музыканта Верглера. Опасались поранения печени, что и оказалось впоследствии.

Семья Столыпина находилась в имении Ковенской губернии. Она тотчас же выехала к больному. После того, как Столыпина увезли в больницу, Государь появился в царской ложе. Это появление Государя вызвало неудержимый взрыв восторга, оркестр заиграл гимн, повторенный по требованию публики много раз; крики «ура», пение «Спаси, Господи» потрясали театр. Государь несколько раз раскланялся с публикой и покинул театр, спектакль был прерван.

На другой день Государь, посетив в больнице раненого Председателя Совета Министров, выехал в Овруч, по возвращении оттуда, 3 сентября, прямо с вокзала проследовал опять в больницу Маковского и вторично посетил П. А. Столыпина. На парадном обеде во дворце в этот день музыка, по желанию Государя, была отменена.

В Москве известие о злодейском покушении передавалось из уст в уста, все слои общества одинаково негодовали. В 12 часов дня в церкви генерал-губернаторского дома было совершено молебствие о здравии Столыпина. Храм был переполнен молящимися. По желанию присутствовавших, после молебствия в Киев на имя Председателя Совета Министров П. А. Столыпина была отправлена телеграмма за подписью градоначальника и моею с пожеланиями скорейшего выздоровления и с выражением чувств глубокого возмущения. Губернский предводитель А. Д. Самарин отправил от имени московского дворянства депешу П. А. Столыпину с выражением сочувствия и пожеланием выздоровления. Послал телеграмму от имени московского городского управления и городской голова Н. И. Гучков, в которой выразил соболезнование и твердую надежду на выздоровление. Н. Ф. Рихтер послал П. А. Столыпину

П. А. Столыпин

телеграмму следующего содержания: «Потрясенные ужасным злодейством, жертвою которого сделались Вы, многоуважаемый Петр Аркадьевич, просим Вас принять наше искреннее соболезнование. Выражаем надежду, что Всевышний охранит Вас и пошлет Вам скорое выздоровление. Рихтер». От ректора университета была послана следующая телеграмма: «От имени Императорского Московского университета приношу Вашему высокопревосходительству глубокое соболезнование по поводу злодейского покушения на Вашу жизнь и горячее желание скорейшего выздоровления и восстановления сил на благое служение Государю и Отечеству. Ректор Любавский».

В тот же день меня посетил бельгийский генеральный консул Ван-Шерпенцель-Тим и выразил соболезнование по поводу покушения на Столыпина от имени всех иностранных представителей.

Во временное председательство Совета Министров вступил В. Н. Коковцов, Министерство же внутренних дел поручено было Крыжановскому, к которому я и обратился с просьбой разрешить мне отлучку в Киев.

Получив на это согласие, я тотчас же выехал в Киев, но уже не застал Столыпина в живых. Он скончался 5 сентября. Первое время он не верил в свое выздоровление, на другой день у него блеснула надежда, но скоро угасла. Утешениям врачей П. А. не верил и говорил: «Я знаю, что приближается смерть», и сделал все распоряжения. Глубокое сочувствие всего Киева его трогало. Он выразил желание быть похороненным в Киеве, несмотря на то что в Москве находился семейный склеп Столыпиных. Воля почившего была свято выполнена. Первоначально предполагалось похоронить его у Аскольдовой могилы, но потом, по высочайшему повелению, для погребения отвели место в лавре, рядом с исторической могилой Кочубея и Искры. Вынос тела из лечебницы и перенесение его через весь город в Киево-Печерскую лавру представляли величественное, высокотрогательное зрелище. Здесь был весь русский Киев и множество прибывших. По всем улицам, сплошной стеной, стояли десятки тысяч народа. Настроение благоговейное. В иных местах, при приближении гроба, народ становился на колени. Слышались возгласы: «Прости, страдалец». Военные оркестры непрерывно играли «Коль славен» и похоронный марш.

Я был счастлив, что мог отдать последний долг дорогому незабвенному Петру Аркадьевичу Столыпину, которого я чтил всем сердцем, которого считал вечным рыцарем России. Ничто не смущало и не искушало его чистой совести. Это был действительно рыцарь, в полном смысле этого слова, без страха и упрека; это был, кроме того, доблестнейший воин Русского государства, хоть он и не носил военного мундира. Он был в непрерывном бою со времени вступления в должность министра внутренних дел и притом в бою на самые разнообразные фронты. Прямо перед собой он имел

революцию; с боков под него подкапывались темные невежественные круги, интриги двора тоже не оставляли его в покое.

В таких условиях роль вождя ему была не легка. Среди всех этих врагов его высокая фигура стояла твердо и спокойно, не колеблясь и не дрожа. Дважды кровь его и его близких была пролита во имя долга службы России. Он доказал, что гражданское мужество может граничить с героизмом. С самого вступления его на пост Председателя Совета Министров мысль о покушении на Столыпина зрела постоянно у революционеров, какая-нибудь организация всегда стремилась устранить его с поста. Первое покушение на жизнь Столыпина, прогремевшее по всему миру, — это грандиозный взрыв дачи министра на Аптекарском острове, когда так тяжело пострадали его дочь и сын; затем, в декабре того же года, Боевая дружина во главе с П. П. Добржинским должна была убить Столыпина, но, к счастью, дружина эта вовремя была арестована. В последних числах июня месяца 1907 г. в Петербурге был захвачен летучий отряд, сформированный Партией социалистов-революционеров «для устранения» Столыпина. В декабре 1907 г. задержан был член Боевой организации Трауберг, организовавший отряд, главное назначение которого было убийство Столыпина. Затем следовал еще ряд разных групп, деятельность которых удавалось предупредить.

Любопытный факт рассказан был в предсмертной исповеди организатором «Северного боевого летучего отряда Трауберга» Карлом об одном из неудавшихся покушений на П. А. Столыпина. Выслеживая П. А. Столыпина, революционеры обратили внимание на частое посещение им одного дома, где он появлялся у окна квартиры второго этажа. Революционеры сняли квартиру в доме напротив. В квартире этой поселился член отряда, известный в своем кругу как отличный стрелок. Ему было поручено застрелить П. А. Столыпина. Целую неделю проводил стрелок с винтовкою в руках у окна, неотступно следя за П. А. Столыпиным, почти ежедневно приезжавшим в наблюдаемую квартиру, но выстрела не последовало. Когда же возмущенный его бездействием Карл потребовал объяснения, стрелок, кстати сказать, юноша из хорошей семьи, со слезами на глазах поведал, что ему ежедневно приходится наблюдать сцену, как П. А. Столыпин любовно ухаживает за тяжело больной старой дамой, как подкатывает ее на кресле к окну и как к нему ласкаются дети. Он так растроган этой картиной, что рука его не поднимается на убийство. Не в меру чувствительного стрелка поспешили удалить, но, пока был найден заместитель, дама, оказавшаяся близкой родственницей П. А. Столыпина, куда-то выехала, и план убийства Столыпина расстроился.

Иностранная печать отозвалась на кончину Столыпина с большим сочувствием, газеты были полны негодования. В газете «Times»[10] помещена была следующая статья: «Весть о покушении

на П. А. Столыпина встречена была с негодованием серьезной частью европейской печати. В России и повсюду за границей покушение вызвало негодование, которое еще усиливается обстановкой, в которой было совершено покушение. Поступок убийцы показывает, что он не учел перемены, происшедшей в России с назначением П. А. Столыпина премьером. Еще несколько лет тому назад подобное покушение нашло бы себе сочувственный отклик в широких слоях; в настоящее время оно лишь вызвало взрыв энтузиазма и чувство преклонения перед заслугами П. А. Столыпина. Соотечественники П. А. Столыпина и друзья России должны быть благодарны ему, как спасителю России в критический момент ее истории. Взрыв недовольства, последовавший за применением 87 статьи в деле учреждения земств в Западном крае, лучше всего показывает, как укрепились идеи конституционализма в России за время правления П. А. Столыпина. Пять лет тому назад создание представительного учреждения с законодательными правами казалось многим опасным опытом, а теперь существование Государственной Думы настолько окрепло, что нарушение их, даже в вопросе, который был решен Думой в одинаковом с премьером смысле, вызвало движение, результатом которого едва не явилась отставка П. А. Столыпина. Недовольство, вызванное применением 87 статьи, должно умолкнуть перед голосом сочувствия, вызванного покушением. Английский народ не может не сочувствовать П. А. Столыпину, так как качества, присущие его характеру, особенно близки англичанину. Скромный и сдержанный, он доказал, что его не сдвинут с пути долга ни опасность, ни затруднение. Ум его отличался той реальностью мышления, которая, по мнению англичан, является основой всякой настоящей государственной деятельности. Мы уважаем его за его патриотизм, за преданность своему Государю».

Вернувшись в Москву после похорон Столыпина, 13 сентября, я отдал следующий приказ по полиции: «5 сентября от ран, нанесенных рукою убийцы, скончался Председатель Совета Министров статс-секретарь Петр Аркадьевич Столыпин. Чувствами глубочайшей скорби и острого негодования отозвалась Россия на весть о предательском нападении на почившего. В течение нескольких дней мысль всех русских людей была прикована к Киеву, где медленно угасал верный бесстрашный слуга Престола и Родины. Бесконечно тяжело было сознавать, что темные силы, враждующие с Русским государством, вновь стремятся поставить преграды творческой работе правительства, направленной к лучшему строению народной жизни. Скорбные чувства всего русского общества, конечно, разделяют и чины полицейских учреждений Московской губернии. Но рядом со скорбью в сознании их должно подниматься и другое чувство — обязанности, налагаемой на них печальным событием.

Первейший долг полиции — стоять на страже государственного

порядка, отстаивая его всеми силами своего ума и воли. Не легка эта обязанность, и немало верных сынов России пало жертвами бесстрашной борьбы с крамолой. Но никакие угрозы и беды не могли поколебать их в исполнении долга верноподданнической присяги. И ныне безвременная смерть главы правительства высоким примером своим может только укрепить дух отваги в среде полицейских чинов.

П. А. Столыпин как герой относился все время к мучительным страданиям. Сильный духом патриотизма, он в предсмертные минуты думал прежде всего о нашем возлюбленном Государе, которому верой и правдой прослужил всю свою жизнь. «Счастлив умереть за царя», — произнес он, чувствуя приближение кончины.

Будем же, следуя его доблестному примеру, бесстрашно бороться с врагами Престола, какие бы опасности ни возникали на пути исполнения нашего долга. Нам хорошо памятно, как, по убеждению почившего, все лица, облеченные властью, должны относиться к разрушителям государственного порядка. Пускай же слова его: «Не запугаете» будут всегда нашим крепким девизом в служебной деятельности. Подлое убийство, совершенное в Киеве, свидетельствует, что крамольные силы вновь приступили к своей разрушительной работе. Но они встретят дружный отпор со стороны тех, на ком лежит первейшая обязанность открыть эти силы и содействовать их уничтожению. К вам, чины уездной полиции, как к старшим, так и младшим, обращаюсь я с призывом — с особой энергией нести теперь свою службу. Зорко следить за тем, что происходит во вверенных вам районах, дабы предатели-убийцы не могли наносить свои удары верным слугам царя и России».

Убийство Столыпина еще раз доказало преступную политику охранных отделений, когда во главе их ставились молодые розыскные офицеры, у которых отсутствовала та доля порядочности, которая необходима во всяком деле, не исключая и дело розыска, и отсутствие которой способствует развращению человека, и потому требует особенно твердых принципов, дабы не дать такому офицеру пойти по наклонной плоскости. Таковым был и подполковник Кулябко, пользовавшийся репутацией слабого, малоспособного жандармского офицера и попавший в начальники Киевского охранного отделения исключительно благодаря своему родству с полковником Спиридовичем, заведовавшим в то время дворцовой охраной при дворцовом коменданте Дедюлине и пользовавшимся у последнего большим авторитетом как прекрасно осведомленный в деле розыска офицер. С нравственной стороны Спиридович, к сожалению, оставлял желать многого. Надо было иметь много характера, чтобы уметь использовать такого человека, как Спиридович, с пользой для дела, не упуская его из рук и держа на известной границе. Дедюлин же для сего был чересчур мягкого характера и весь находился во власти Спиридовича, который был полным хозяином в деле охраны.

Убийцей Столыпина оказался Богров, агент охранного отделения. Следствие, произведенное следователем по важнейшим делам жандармским полковником Ивановым, выяснило, что точное его имя — Мордко Гершевич Богров. Убийство особенно ужасно своей простотой и легкостью, с какою оно было совершено.

В бытность студентом Богров участвовал в революционных организациях, несколько раз был арестован, но всегда очень скоро получал освобождение. Богров состоял членом революционного совета студенческих представителей в разгар студенческих беспорядков в Киевском университете в 1906 и 1907 гг. Одновременно он был и агентом-сотрудником Киевского охранного отделения. По утверждению начальника названного охранного отделения подполковника Кулябки, Богров тогда выдал многих серьезных политических преступников и этим заставил относиться к нему с полным доверием. После 1907 г. Богров агентом не состоял, но Кулябко утверждает, что продолжал от поры до времени пользоваться его услугами. Перед покушением Богров только что приехал из Петербурга, где жил его брат, крещеный, женатый на русской киевлянке. Явясь к Кулябке, он сказал следующее: «Петербургские социалисты-революционеры решили убить Столыпина и Кассо. Для осуществления приговора в Киев командирована революционерка, носящая прозвище Нина Александровна, сопровождаемая революционером с кличкой Николай. Я могу предложить услуги по наблюдению за прибывшими, которых знаю в лицо, и выдам их, если они появятся подле Столыпина или Кассо». Кулябко отнесся к его словам с полным доверием и поручил Богрову охрану Столыпина. О готовящемся покушении Кулябко доложил секретарю Столыпина Граве и адъютанту, что для охраны Столыпина приняты все меры. Богрову был выдан билет в сад Купеческого собрания. Богров сказал Кулябко, что ему необходимо хорошо изучить наружность Столыпина, ему тогда был выдан билет и в театр, за час до начала спектакля. Следствием было установлено, что Богров волновался, колебался. Сам он признался, что он — социалист-революционер, что, прибыв в театр и увидев слабость охраны, стал думать о совершении более ужасного покушения, но от этого его удержала боязнь еврейского погрома. Установлено было, что после первого акта Богров вышел из театра, причем при выходе билет у него был отобран. По-видимому, он осматривал подъезд царской ложи. Когда он решил пойти обратно в театр, полицейский офицер не пустил его. Тогда Богров предъявил билет агента охранного отделения, но, несмотря и на это, полицейский офицер не пустил Боргова, а позвал Кулябко. Тот приказал пустить Богрова. Во время второго антракта Богров ходил по коридору. Здесь его встретил Кулябко и сказал: «Сейчас конец антракта, а следующий и последний акт будет очень коротким, — идите на площадь и стерегите Нину Александровну у подъезда». Богров ответил: «Хорошо», повернулся, пошел по коридору в про-

тивоположную от Кулябки сторону и направился прямо в партер к Столыпину.

Для всякого, даже неопытного человека ясно, какая преступная небрежность проявлена была со стороны чинов охраны, которые, впустив в театр своего секретного сотрудника эсера, не установили за ним должного наблюдения. Невольно зарождается в этом деле подозрение, что Кулябко и Спиридович задумали схватить прибывших террористов, о которых заявил им Богров, на месте предполагаемого преступления, решив, что это будет эффектнее (а в этом грешили всегда большинство охранников), поэтому они и не пытались арестовать мнимых террористов на квартире Богрова и даже не проверили перекрестным наблюдением, правду ли доложил Богров о прибывших террористах — до того они, очевидно, были заняты мыслью отличиться эффектным арестом. Конечно, быть может, это мое предположение ошибочно, но, ознакомившись с разными случаями деятельности охранных отделений в бытность мою товарищем министра, мне кажется, это возможно.

Все, что пишет Курлов в своих воспоминаниях об этой, более чем печальной, трагедии, как он старается выгородить себя, не говорит в его пользу, а собственные его слова, приведенные на стр. 162, которые он в свое оправдание заявил обер-прокурору Сената Кемпе, что он никогда не был руководителем полиции, так как во главе ее стоял сам министр, могут показаться, что Курлов пытается свалить вину на покойного министра, а это прием уже более чем недостойный. Естественно, что Кемпе после этого заявления, ничего не ответив Курлову, вышел из комнаты. Было бы гораздо более достойно, если бы Курлов не пытался себя выгораживать, а всю вину взял бы на себя, но на это у него не хватило гражданского мужества, и потому вся та преданность и признательность, которые он проявляет в своих воспоминаниях к Столыпину, значительно теряют свою цену.

Вновь назначенный министром внутренних дел А. А. Макаров представлял из себя человека спокойного, серьезного, с весьма определенными взглядами, но не государственного ума. Это был аккуратнейший, честнейший и добросовестнейший кабинетный работник, вдумчивый и независимый. Полицейское дело он знал очень хорошо, гораздо лучше Столыпина, и более интересовался им, тогда как Столыпин, к сожалению, слишком положился на Курлова, предоставив ему полную инициативу, вполне ему доверившись. Он и пал жертвой этого доверия.

В конце сентября месяца ко мне стали поступать сведения об участившихся посещениях евреями сельских местностей, что являлось прямым нарушением правил, причем они для сего пользовались обходом законов. Для предупреждения подобных случаев я издал по полиции следующий предупреждающий приказ: «Согласно действующим узаконениям, евреи купцы первой и второй гильдии, не

принадлежащие к составу купечества г. Москвы и Московской губернии, могут приезжать в пределы ее для покупки товаров с соблюдением условий, изложенных в законах. Главнейшим из этих условий является право приездов означенных лиц исключительно в уездные города губернии. Между тем, из поступавших ко мне в разное время сведений я усматриваю, что некоторые купцы-евреи, несмотря на явное запрещение закона, посещают по торговым делам и сельские местности, прибегая для этой цели к двум способам: 1) поселившийся в каком-нибудь городе купец-еврей в течение дня выезжает внутрь уезда, возвращаясь ночевать в город; и 2) означенные лица останавливаются на одной из станций железнодорожных линий, проходящих через Московскую губернию, и, пробыв несколько часов в сельских местностях по торговым делам, проезжают дальше, не предъявляя местной полиции своих документов. Подобный способ действий является особенно предосудительным, ибо он в большинстве случаев указывает на желание евреев посещать губернию тайно от местной полиции, обязанной проверять документы прибывших и выяснять наличность условий, поставленных законом для приездов купцов-евреев в Московскую губернию. Признав необходимым пресечь возможность повторения отмеченных мною незаконных действий некоторых лиц, предлагаю всем уездным исправникам принять безотлагательно меры к тому, чтобы: 1) евреи купцы I и II гильдий, как черты оседлости, так и внутренних губерний России, прибывающие для покупки товаров в один из уездных городов Московской губернии, обязывались немедленно подпиской не отлучаться никуда за пределы городской черты, хотя бы и на самое короткое время; 2) установить особое наблюдение за теми местностями, где замечено временное появление евреев, приезжающих со станций железных дорог, причем тем из них, кои вообще имеют право посещать по торговым делам уездные города, предлагать немедленно оставить сельские местности, удаляя их принудительно только в случае отказа исполнить законное требование полиции. Что же касается евреев, ни при каких условиях не имеющих права появляться в Московской губернии, то таковых надлежит, на точном основании 174 статьи Устава о паспортах, выселять мерами полиции в места постоянного их жительства и привлекать их к ответственности в указанном законом порядке. Поручая настоящее дело особому вниманию уездных исправников и прочих чинов уездной полиции, предупреждаю, что неисполнение моих требований будет рассматриваться мною как серьезный проступок перед лицом службы».

Этот мой приказ возбудил в некоторых газетах нерусского направления негодующие статьи, но они могли обрушиться на меня только с бессильной злобой, так как упрекнуть меня в незаконности или превышении власти они не могли.

Вопрос относительно прав евреев в сельских местностях возник

и на почве ходатайств промышленных товариществ о предоставлении им права приобретать недвижимую собственность в пределах Московской губернии. Законом 10 мая 1903 г. воспрещено было евреям приобретать в собственность недвижимые имущества вне городских поселений в губерниях, не входивших в черту еврейской оседлости. Издание этого закона явилось событием чрезвычайной важности, ибо он останавливал стремление еврейства повсеместно захватить земли в свои руки. Но за последнее время, в 1911 г., жизнь выдвинула один вопрос, имевший прямое отношение к закону 10 мая 1903 г. и требовавший безотлагательного разрешения, почему я и упомянул о нем в своем всеподданнейшем отчете за 1911 г. Возник он на почве ходатайств некоторых промышленных товариществ о предоставлении им права приобрести собственность в пределах губернии. При возможности для евреев быть владельцами неограниченного числа паев промышленных товариществ, удовлетворение подобного ходатайства, в некоторых случаях, влекло бы за собой фактический переход в руки евреев земель во внутренних губерниях России, в явное нарушение закона. С формальной же точки зрения, наличие хотя бы одного еврея в составе пайщиков товарищества давало основание к воспрещению товариществу приобретать недвижимую собственность вне городов. Но, как ни велика казалась опасность от сосредоточения земель в руках евреев, нельзя было в то же время не признать, что стеснение промышленных товариществ в праве приобретения земель, потребных для нужд принадлежавших им фабрик и заводов, являлось весьма нежелательным с точки зрения как частных, так и государственных интересов, тормозя развитие русской промышленности. По-видимому, являлось настоятельно необходимым в законодательном порядке установить гарантии к тому, чтобы евреи впредь не могли являться пайщиками товариществ, кои желали владеть недвижимостью вне городов. Цель эту, по моему мнению, можно было достигнуть установлением строгих уголовных кар за нарушение изданного в этом смысле закона и обязанием евреев, применительно к статье 785 закона о состоянии, продавать паи, перешедшие к ним по наследству. До издания же закона единственным выходом из положения являлось разрешение в каждом отдельном случае вопроса о том, действительно ли данному товариществу необходимо приобрести землю в пределах губернии для нужд предприятия и в каком именно количестве десятин земли.

Государь на моем отчете соизволил сделать отметку, обратив внимание на этот вопрос министров внутренних дел, торговли и промышленности и юстиции.

4 октября в Новочеркасске произошла потрясающая драма. В. Г. Кристи, сын бывшего московского губернатора покойного Г. И. Кристи, убил своего родного дядю, князя П. Н. Трубецкого, бывшего московского губернского предводителя. Известие это было сооб-

щено мне телеграммой, так как семья эта была мне очень близка. Жена В. Г. Кристи, рожденная Михалкова, была внучкой бывшего несколько трехлетий предводителем дворянства Звенигородского уезда В. С. Михалкова. Отец же ее, А. В. Михалков, заболел психическим расстройством, и над личностью его и имуществом была наложена опека. Опекуном был назначен я, так же как над детьми его, сыном и дочерью. Таким образом, все заботы об их семье легли на меня, и я, естественно, принимал очень близко к сердцу все интересы семьи, радости и горести коей были и моими радостями и горестями. До самого замужества М. А. Михалковой я был ее опекуном, так как она вышла замуж за Кристи, не достигнув еще гражданского совершеннолетия.

Скоро пришли и подробности этой драмы в Новочеркасске, где в это время находились все родственники героя Отечественной войны, атамана В. В. Орлова-Денисова, по случаю перевезения его праха из Харьковского собора в Новочеркасск для помещения его в особо сооруженный, по инициативе Донского казачества, мавзолей, вместе с прахами и других героев — Платова, Бакланова и Ефремова. Торжества по сему поводу должны были продолжаться три дня. В день помещения праха, 4 октября, состоялось заупокойное богослужение, а на другой день — день празднования тезоименитства августейшего атамана казачьих войск, Донское казачество предполагало дать обед в честь собравшихся потомков доблестных казаков, 6 же октября князь П. Н. Трубецкой, как старший из потомков, намеревался дать ответный обед Донскому казачеству.

На это торжество, кроме князя Трубецкого и части его семьи, приехал и прямой потомок В. В. Денисова, граф В.П.Орлов-Денисов, приехали и сестры князя П. Н. Трубецкого — С. Н. Глебова и М. Н. Кристи и сыновья последней, среди них и В. Г. Кристи с женой, моей бывшей опекаемой. Все они остановились в Новочеркасске в Европейской гостинице и проводили время все вместе. После перенесения праха Трубецкие, вместе с Кристи и его женой, обедали в ресторане той же гостиницы.

Вечером 3 октября, во время ужина, молодой Кристи обращал на себя всеобщее внимание своей нервностью, видно было, что он чем-то расстроен. То же было и за обедом 4 октября, особенно он стал нервничать, когда услыхал, что его дядя князь П. Н. Трубецкой предложил его жене прокатиться на автомобиле. Около 5 часов дня Трубецкой с женой Кристи отправился кататься по Новочеркасску на автомобиле, выехали за город, а в 7-м часу приехали на вокзал, где у князя Трубецкого стоял специальный вагон, в котором он приехал со своей семьей. Они вошли в вагон, чтобы напиться кофе. Когда проводник вагона ходил за кофе на вокзал, и произошла драма.

Оказалось, что В. Г. Кристи, как только его дядя с его женой уехали на автомобиле, пустился на лихаче в погоню за автомобилем

Трубецкого и, проследив, как они поехали на вокзал, явился туда, вбежал в вагон и одним выстрелом убил своего дядю. После чего, крикнув: «Сказал — убью и убил», выскочил из вагона и, явившись в полицию, заявил об убийстве и был арестован.

Несчастная жена Кристи, как только увидела своего мужа с искаженным лицом, бросилась, чтобы остановить его, но тот ее оттолкнул, защитить князя она не успела. Когда проводник принес кофе, то князь Трубецкой был мертв — смерть последовала мгновенно, пуля попала в сердце.

В. Г. Кристи и его жена были резкой противоположностью. Насколько она была живой, жизнерадостной, несколько беспечной и, пожалуй, легкомысленной, настолько он отличался малой общительностью, замкнутостью, а главное, от него веяло скукой, он всегда находился под влиянием какой-нибудь идеи, одно время увлекался толстовством, по внешности же был тихим и скромным. Последний год ему все казалось, что жена его обманывает, хотя на это у него не было никаких оснований. Он следил за ней, раздражал ее своей ревностью, а у молодой женщины, после целого периода замкнутой жизни, проявлялась жажда развлечений. Ей было всего 25 лет, а у нее уже было трое детей; на почве воспитания детей у нее всегда были недоразумения с мужем, что тоже влияло на их отношения. А так как она была красивой, интересной и остроумной женщиной, то с ней все находили гораздо больше удовольствия проводить время, чем с ним, человеком, не представлявшим собой никакого интереса как человеком недалеким. Это его, конечно, раздражало, и он глупо ревновал. Она же, в свою очередь, иногда и забавлялась, нарочно возбуждая его ревность, играя, таким образом, с огнем. С князем Трубецким ей было просто весело, и их отношения, безусловно, были вне всяких подозрений. Он был отличным семьянином, счастливым мужем и отцом, был на 30 лет старше жены своего племянника.

Я лично никогда не симпатизировал В. Г. Кристи и вовсе не был в восторге от его брака с моей опекаемой, не надеялся на их счастье, а когда он стал прибегать к разным странностям, то сделался мне прямо антипатичен, и мне стоило большого труда быть умиротворяющим звеном в их семейной жизни.

Получив известие о выезде М. А. Кристи из Новочеркасска, я выехал ей навстречу вместе с ее братом В. А. Михалковым в Голутвин. Она очень обрадовалась, увидя нас, страшно расплакалась, но потом успокоилась и с полной уравновешенностью рассказала нам, как произошла драма. До боли жаль было бедную женщину, но еще более было жаль князя Трубецкого, так глупо, так бессмысленно погибшего от шальной пули, пущенной в него под влиянием бредовой идеи недалекого человека. Большую потерю понесли в его лице общество и все знавшие его, он отличался всегда мягким, примирительным характером на всех поприщах своей де-

ятельности: и когда он был московским губернским предводителем дворянства, и в последнее время, когда был членом Государственного Совета, где он немало способствовал организации группы центра и играл довольно заметную роль. В частной жизни это был милейший, радушный, гостеприимный хозяин, редкий образец общительности, отличный семьянин, всего два года назад они дружно справили серебряную свадьбу.

Как невыносимо было жаль всю семью его, особенно оставшуюся так неожиданно вдовой княгиню А. В. Трубецкую. Она не была в Новочеркасске, она приехала как раз накануне драмы в Москву из имения, чтобы дождаться возвращения мужа и ехать с ним в Петербург. И вдруг... Узнав о несчастии, убитая горем, она тотчас выехала в Новочеркасск.

3 октября тело покойного прибыло в Москву для погребения в Донском монастыре. К приходу поезда дебаркадер был переполнен депутациями от благотворительных и учебно-воспитательных учреждений московского дворянства: институтки, воспитанники 7-й гимназии, пансион-приюта и детских приютов, служащие и призреваемые. Тут же были почти в полном составе уездные предводители дворянства и депутаты во главе с губернским предводителем А. Д. Самариным. Особую группу составили члены Государственного Совета: граф С. Д. Шереметев, Г. А. Крестовников, Н. С. Таганцев, С. С. Манухин и М. А. Стахович, возложившие два венка — от Государственного Совета и, отдельно, от группы членов центра Государственного Совета. Оба венка из живых цветов. Думская фракция октябристов командировала в Москву на похороны Трубецкого в качестве своего представителя члена Государственной Думы Ю. П. Глебова. Кроме того, из членов Государственной Думы были: Н. А. Хомяков и В. А. Маклаков. Представителем городского общественного самоуправления явился городской голова Н. И. Гучков, привезший для возложения на гроб почившего огромный венок из лавров и пальм. Губернское земство представлял член управы С. К. Родионов. Все высшее московское общество было налицо.

На платформе сплошь были установлены венки: от московского дворянства — на бархатном плато серебряный венок из сплетающихся дубовых и пальмовых ветвей, венок от предводителей дворянства и депутатов — из живых цветов с розами, от графов Орловых-Денисовых — с надписью на ленте «Дяде» венок из орхидей; от детей Приюта имени наследника-цесаревича и его августейшей невесты; от института московского дворянства, от московской дворянской опеки, «От благодарных воспитанников московского пансион-приюта — своему незабвенному пожизненному попечителю». Затем были венки: от дворянского убежища имени М. П. Филатьевой; от дома призрения В. В. Казакова, от Петровско-Александровского приюта; от богадельни имени Нечаевой; «От благодарного

общества бывших воспитанников Петровско-Александровского пансион-приюта»; от педагогического состава дворянского пансион-приюта с надписью: «Осуществившему основы идеального воспитания»; от дворянской богадельни имени М. Ф. Оболенской; от Селезневского учреждения; от Глебовых и т. д. Дети почившего принесли венок из ландышей с лаконической надписью «Папе».

Когда поезд подошел, все обнажили головы в благоговейном молчании, из вагона вышла вдова усопшего с двумя сыновьями — офицером Лейб-гвардии Атаманского полка и студентом. После литии поставили гроб на траурную колесницу, которая направилась к Донскому монастырю. Только в исходе второго часа процессия достигла врат Донской обители. Тело покойного здесь было встречено архиепископом Алексеем с братиею. Гроб в это время держали крестьяне села Узкого, возложившие венок. Прах покойного помещен был в Соборном храме, который был украшен тропическими растениями. В храме началась панихида. Возложено было еще несколько венков: серебряный — от кавказской экономии и от присяжного поверенного Винокурова, с надписью: «Доброму человеку, золотому сердцу». Я возложил белые хризантемы. При литии у здания Благородного собрания служащими в депутатском присутствии был также возложен роскошный венок. Погребение состоялось на другой день.

В. Г. Кристи содержался некоторое время в заключении, но, в конце концов, дело его было прекращено. Жена с ним разошлась и поселилась в родовой усадьбе своего отца Назарьеве с двумя детьми; старшего бабушка отняла у нее в день драмы в Новочеркасске, это была для нее новая драма. На этом вопросе я совершенно разошелся с семьей Кристи. Только через несколько лет, когда ребенок стал в тягость бабушке, она его отдала матери.

М. А. Кристи вышла затем замуж за П. В. Глебова, тоже племянника князя П. Н. Трубецкого, от которого у нее теперь еще двое сыновей. Сейчас, когда я пишу эти строки, она овдовела и живет в деревне, уйдя в воспитание своих пятерых детей, выходя из трудного положения воспитания, связанного с материальной стороной, с большим достоинством и честью. Первый ее муж жив, как говорят, женился, к детям своим забот не проявляет.

14 октября последовал высочайший приказ об увольнении генерала Курлова от должности товарища министра и командира Корпуса жандармов. Должности эти были разделены — товарищем министра с заведованием делами полиции был назначен прокурор Новочеркасской судебной палаты И. М. Золотарев, а директором Департамента полиции С. П. Белецкий. Командиром же Корпуса жандармов был назначен генерал Толмачев из Сибири. Эта комбинация была весьма неудачной. Во-первых, разделение двух тесно связанных между собой величин — полиции и Корпуса жандармов, было вредно для дела, так как неминуемо должно было вызывать

трения; во-вторых, и назначения этих лиц, каждого в отдельности, нельзя было не признать неудачными.

Золотарев представлял из себя весьма образованного, начитанного юриста; как человек, он не оставлял желать лучшего, это был благороднейший и честнейший во всех отношениях человек, и иначе как с глубоким уважением к нему относиться нельзя было. Но, по природе своей, он был человеком ленивым и дело не любил, предпочитая покойную, комфортабельную жизнь. Он все предоставлял директору Департамента полиции, сам работая мало. А между тем Белецкий был хотя и великолепным работником, поразительной трудоспособности, но за ним необходимо было смотреть в оба, так как никакими средствами для достижения своих целей он не брезгал. Золотарев же шефствовал, но не работал.

Толмачев представлял собой тип администратора и военачальника совершенно отрицательного свойства, бесчестного он ничего не сделал, да и хорошего тоже. Конфликтов у него с Департаментом полиции не было, так как он по Корпусу жандармов беспрекословно исполнял все требования последнего. Он очень дорожил своим положением и хорошей материальной обеспеченностью, а дальше этого он не шел.

18 октября в Москве скончался В. В. Петров — помощник московского градоначальника, на 58-м году своей честнейшей жизни. Это была выдающаяся личность по своим нравственным качествам. Свою службу он, главным образом, провел при губернаторе, будучи непременным членом губернского присутствия. Когда ж образовано было градоначальство, то он перешел в новое управление в той же роли непременного члена по городским делам. При Рейнботе выдвинут был на пост помощника градоначальника. Надо отдать справедливость — лучшего выбора Рейнбот сделать не мог. Это был кристальный человек, от которого не только всякая нечисть, но и малейшие компромиссы отскакивали. Ни одного комочка грязи, которая была развернута Гаринской ревизией, не пристало к В. В. Петрову. Он вышел из ревизии кристально чистым. При всей своей сухости и педантичности он отличался редкой отзывчивостью, был безукоризненным чиновником; всегда ровный, внимательный, деликатный, всего себя отдававший службе, он представлял собой образец редкого трудолюбивого служаки.

На его место назначен был управляющий канцелярией градоначальника Заккит, также весьма достойный человек и безукоризненно честный.

16 ноября в Государственной Думе выступил министр внутренних дел А. А. Макаров с ответом на запрос об убийстве Столыпина. Он говорил об отдельных мелочах, о нарушенном чинами охраны циркуляре и недопустимости совместительства обязанностей секретного сотрудника с обязанностями агента охраны, обходя молчанием крупные вопросы, не говоря о виновниках, и так как он говорил

слабым, неавторитетным голосом, ничего нового в речи своей не сказал, то речь его не произвела впечатления, ее нашли слабой по существу, простой отпиской. После него выступили ряд ораторов, произошло несколько неприличных выходок, кончившихся скандалом, повлекшим за собой удаление на 15 заседаний одного из членов Думы.

В этот же день, а затем и 18 ноября, в Думе при закрытых дверях обсуждались запросы третий и четвертый по делу о социал-демократической фракции 2-й Думы. Запрос гласил, что в газетах русских и заграничных появилось разоблачение бывшего секретного сотрудника С.-Петербургского охранного отделения Бродского о том, что вся история с военной организацией и о революционном наказе Петербургского гарнизона (см. воспоминания мои за 1907 г.) была замышлена и инсценирована Петербургским охранным отделением с целью провокации.

Когда открылось заседание 18 ноября, то вся оппозиция, недовольная закрытием дверей, негодующе покинула зал заседания. Остальная часть Думы, бывшая против запроса, находившая, что на основании каких-то газетных статей и слов уволенного агента недостойно для Думы предъявлять запрос правительству, отклонила спешность и передала запрос единогласно в комиссию, иначе говоря, погребла его.

22 ноября в Москве на 46-м году своей жизни скончался известный талантливый художник В. А. Серов. Он был сын знаменитого композитора, автора «Рогнеды» и «Юдифи». С ранних лет он проявлял художественные дарования. В Париже, куда он попал еще юношей, в нем принял участие Репин, который с тех пор очень с ним подружился и покровительствовал его таланту. Через год они вместе попали в Абрамцево — имение С. И. Мамонтова. Историческое это имение, где Гоголь писал «Мертвые души», ранее принадлежало Аксакову, с переходом же к Мамонтовым Абрамцево явилось центром музыкальной и художественной жизни. Пребывание в Абрамцеве и связь с Мамонтовыми, а через них и с Третьяковым, были серьезным этапом в жизни молодого художника. После этого он сразу двинулся по художественному пути, имя его быстро стало известным.

В его произведениях ярко сказывались черты его характера — беззаветная искренность и честность, не допускавшие никаких компромиссов. В последнем я мог убедиться лично, когда после мученической кончины великого князя Сергея Александровича я по поручению великой княгини приехал к нему просить его не отказать написать портрет великого князя, который всегда был горячим поклонником таланта Серова, особенно после портрета Александра III, поразительно написанного Серовым и висевшего всегда в служебном кабинете великого князя прямо против входа. В. А. Серов выслушал меня, призадумался, потом ответил мне: «Сейчас не

могу, слишком сильно впечатление его кончины, передайте великой княгине мои извинения, но я не в силах сейчас писать его портрет, может быть, потом, погодя, я и смогу, но сейчас, нет...» С грустью я выслушал его слова, мне было тяжело огорчить великую княгиню, ей так хотелось иметь портрет мужа именно работы Серова.

24 ноября его хоронили в Донском монастыре, после отпевания в Крестовоздвиженской церкви на Воздвиженке. Множество верных почитателей его таланта, вся художественная и артистическая Москва собрались отдать последний долг таланту и хорошему человеку. В гробу лежал большой венок от президента Императорской Академии Художеств великой княгини Марии Павловны. Лучшие его произведения сейчас находятся в Музее императора Александра III в Петербурге и в Третьяковской галерее в Москве. К сожалению, его дивный портрет Николая II, висевший в комнатах императрицы в Зимнем дворце, во время революции был разорван ворвавшимися туда революционерами.

В это же время со сцены сошел в могилу маститый земский деятель Н. Ф. Рихтер. 22 ноября его постигли два удара, один за другим, он впал в бессознательное состояние. 23-го его не стало. Для меня как губернатора, для всех земских деятелей, для земского дела вообще, это была невознаградимая потеря. Он был известен как земский деятель, уважаемый всей Россией; он бережно вел земское хозяйство, вел его ревниво. Человек с большим характером и самообладанием, прямой, отлично знающий дело, глубоко веруя в собственный опыт и как неутомимый работник, казалось, он не искал и не нуждался в помощниках. Отличительной чертой его характера была вера в собственные силы, в свою правоту и любовь к самому процессу земской работы, любовь, доходившая до ревности, — это последнее вызывало даже конфликты с его сотрудниками. Земство, и в частности московское, потеряло в нем крупного работника, преданнейшего своему делу. Для меня его кончина была искренним горем, мы с ним жили и работали очень дружно и спокойно. 26-го его хоронили. Из Петербурга с венком от Министерства внутренних дел, которое очень ценило Рихтера, командирован был начальник Отдела земского хозяйства, член Совета Якимов. Погребение состоялось в имении покойного Медведково, в 8 верстах от Москвы, за Крестовской заставой. Тело предали земле при свете факелов. Мир праху твоему, честный деятель.

18 декабря, в 5 часов 20 минут утра проследовал через Москву Государь император с августейшей семьей, возвращаясь из Ливадии в Царское Село. Императорский поезд имел 15-минутную остановку у платформы императорского павильона. Я не сопровождал поезда, получив депешу министра двора ввиду ночного проезда не беспокоиться. Поэтому я находился на платформе, объехав накануне весь путь, поверяя охрану.

22 декабря я выехал на праздники Рождества в Курскую губернию.

1911 год, подаривший недородом многие области Европейской России, был вполне благоприятным для Московской губернии. Урожай оказался даже лучше урожая благополучного в этом отношении 1910 г., и только урожай фруктов, составлявший для некоторых уездов губернии, с развитым садоводством, значительное подспорье в крестьянском хозяйстве, обманул ожидания и получился ниже среднего. Травосеяние же, являющееся одной из важнейших отраслей хозяйства, достигло в некоторых уездах высшей степени развития и, с захватом под посев трав почти всей площади пригодной земли, развивалось все больше в смысле технического улучшения хозяйства и урегулирования севооборота.

Землеустройство в 1911 г. оказалось чрезвычайно успешным, как по площади вообще произведенных в натуре работ, так и, что особенно было важно, по числу вновь образованных единоличных крестьянских хозяйств на надельных землях, общая цифра которых за один год превысила сумму тех же цифр за три предшествовавших года. Это обстоятельство, несомненно, указывало на жизненность землеустроительной реформы, на ее будущность и на приобретенное землеустроительными комиссиями доверие у народа. Работы на местах в 1911 г. протекали при спокойном и доброжелательном к ним отношении со стороны крестьян и других заинтересованных лиц, без проявления каких-либо недоразумений и с весьма малым количеством жалоб, поступавших в высшие инстанции на постановления уездных землеустроительных комиссий. С изданием Положения о землеустройстве 29 мая 1911 г., чрезвычайно расширившего полномочия землеустроительных комиссий, распространившего компетенцию их на все земли вообще, землеустроительные комиссии могли принимать к своему производству многие ходатайства крестьян и мелких собственников других сословий, которые до этого времени должны были оставаться неудовлетворенными.

В этом году оказалось даже возможным на многих хуторах и отрубах, просуществовавших уже несколько лет, проверить результаты хозяйств на новых началах, не говоря уже о резко проявленном подъеме хозяйственной энергии самих владельцев участков. Повсеместно бросалось в глаза повышение хозяйственной культуры, применение улучшенных способов обработки земли, введение в севооборот новых культурных растений и определенное стремление к повышению производительности земли. В тех же местностях губернии, где издавна земледельческий промысел был вытеснен фабричным, переход к единоличному владению произвел переворот в понятиях крестьян, и в запущенных ранее полях целых селений, после разбивки их на участки, образовался ряд благоустроенных хозяйств с правильным и сложным севооборотом, до введения огородных растений включительно.

В 1911 г. впервые в Московской губернии хозяева-крестьяне в лице владельцев хуторов и отрубов разных уездов имели возмож-

ность принять участие в устроенной в сентябре месяце в Москве выставке садоводства и огородничества, причем многие получили почетные и денежные награды.

Так быстро развивались единоличные хозяйства. Уже не приходилось прибегать к уговорам крестьян, они сами шли навстречу, а между тем, года два перед тем приходилось сталкиваться с разными сомнениями крестьян на этой почве и невежеством. Помню такой забавный случай: под влиянием прочитанной в Подольском уезде лекции по землеустройству крестьяне огромного селения решили все перейти на отруба и составили приговор. Когда же приехали землемеры для производства плана работ, то оказалось, что под влиянием какого-то агитатора большинство домохозяев отказалось; кажется, из 50 желавших перейти на отруба осталось всего 15. Конечно, это было очень досадно, но я держался того взгляда, чтобы никогда не уговаривать к переходу, чтобы переход всегда был исключительно добровольный, поэтому непременный член и заявил, что раз они не хотят, то это их добрая воля, принуждать их не будут, и предложил им разойтись. Остались только желавшие перейти, остальные отошли на некоторое расстояние, но остановились и стали наблюдать издали. Переговорив с домохозяевами, переходившими на отруба, землемер наставил фотографический аппарат и предложил им сняться группой. Крестьяне всегда очень любили сниматься. Как только отошедшая группа крестьян увидала фотографический аппарат, то один за другим стали возвращаться. Землемер спросил у них, что им надо; они сказали, что тоже хотят сняться. Но землемер не согласился, говоря, что будет снимать только отрубников. Тогда те начали шептаться и потом вдруг заявили, что согласны идти на отруба, и просили их снять. Один при этом откровенно заявил: «Мы ведь знаем, зачем вы снимаете эту группу. Вы представите ее губернатору, а губернатор спросит: «А где Сидоров? Где Пономарев? Где Семенов?» и т. д. Нет, не желаем отвечать, все переходим на отруба, снимайте».

Эту группу мне поднесли мои землеустроители, как доказательство, что и фотографический аппарат является средством для поощрения к переходу к единоличному владению. В конце концов, все эти отрубники через год освоились со своим новым хозяйством, были очень довольны и вспоминали свои сомнения с большим конфузом.

Кончая свои воспоминания за 1911 г., я хочу еще прибавить, что в этом году до меня впервые стали доходить определенные слухи о Распутине [11]. До этого времени я всем этим слухам не придавал никакого значения, считал их простыми сплетнями и возмущался, когда связывали его имя с именем Государыни или Государя.

Он появился, по-видимому, в 1908 г., первый раз под видом странника, прибывшего из Тобольской губернии для сбора на храм. Так как покойный великий князь Дмитрий Константинович имел

склонность принимать странников, то Григорий Распутин проник к нему. По слухам, Распутин собрал тогда деньги и уехал. Приехав вновь, он попал к настоятелю храма при Рождественских бараках, отцу Роману Медведеву, которому своими взглядами и разговорами очень понравился, затем, через жену этого священника познакомился с О. В. Лахтиной, которая совершенно подпала под влияние Распутина и благодаря коей он, можно сказать, и приобрел известность. Приезжая в Петербург, Распутин, по-видимому, часто останавливался у нее. Это было вроде штаб-квартиры. Отсюда пошли следующие знакомства.

К этому времени относится его сближение с ректором Феофаном, покровительство Распутина епископом Гермогеном и иеромонахом Илиодором. Через Феофана Распутин попал к великим княгиням Анастасии и Милице Николаевнам, которые довольно долгое время были под его гипнозом и, как говорят, ввели его к императрице Александре Федоровне. Увлечение великих княгинь, рожденных черногорских княжон, продолжалось до тех пор, пока Распутин не распоясался и не стал поносить покойного отца Иоанна Кронштадтского, которого они почитали как святого. Этого было достаточно — великий князь Николай Николаевич приказал его больше не пускать. Великие княгини совсем отошли от Распутина и пытались возбудить против него и императрицу и Государя, но было уже поздно, в Распутина уже верили, он сумел составить себе прочное положение у императрицы, так что попытки великих княгинь кончились неудачей и послужили только причиной немилости к ним со стороны императрицы и Государя.

К Столыпину тоже отношение несколько изменилось после того, как он представил Государю докладную записку со справкой из Департамента полиции о частной жизни Распутина, его кутежах, любовных похождениях, сношениях с разными авантюристами, которые пользовались им для своих целей. Государь, выслушав доклад, не сказал ни слова, а велел перейти к докладу о текущих делах, показав этим свое невнимание и недовольство.

К началу 1912 г. Распутин уже приобрел большое влияние, и про него стали ходить самые неблагоприятные слухи. Проверить их мне не представлялось возможным, так как никаких столкновений у меня с ним быть не могло. Если он приезжал в Москву, то я этого и не знал. Москва была в ведении градоначальника, а в пределы губернии он не ездил, и я его никогда не видал. До назначения моего товарищем министра я никакого отношения до Распутина и его поведения не имел, но в душе у меня, благодаря доходившим до меня слухам, которые, к сожалению, оказались хотя и преувеличенными, но верными, составилось о Распутине совершенно определенное мнение, и относительно него у меня составилась такая же определенная тактика моего поведения без всяких компромиссов, если бы он решился когда-нибудь явиться ко мне.

Глава 8

1912 год

50-летний юбилей артистки Малого театра Г. Н. Федотовой. — Губернское земское собрание. — Акт в Лицее цесаревича Николая. — Кончина графа Д. А. Милютина. — Первый запрос в Думе о Распутине. — Уход Ф. В. Шлиппе, назначение Г. Г. Языкова. — Депутация муниципалитета г. Парижа в Москве. — Инцидент со мной в Петербурге. — Организация «Дня белой ромашки». — Приезд герцога Мекленбург-Шверинского Иоганна с супругой герцогиней Елизаветой. — Фельдшерский съезд. — Совет по делам местного хозяйства. — Уход Н. П. Зуева и назначение С. П. Белецкого директором Департамента полиции. — Назначение графа Татищева начальником Главного управления по делам печати. — Высочайший проезд через Москву. — Дело П. Г. Курлова в I Департаменте Государственного Совета. — Гибель «Титаника». — Приезд В. Н. Коковцова в Москву. — Приезд министра юстиции И. Г. Щегловитова. — Освящение храма в честь Покрова при Марфо-Мариинской обители. — Кончина Н. К. фон Вендриха. — Ленские события. — Уход помощника военного министра Поливанова. — Дело о розыске похищенной в Казани чудотворной иконе Божьей Матери Казанской. — Кончина датского короля. — Освящение нового здания почтамта в Москве. — Высочайший приезд в Москву и освящение памятника Александру III. — Высочайший выход в Успенский собор. — Посещение дворянского института. — Освящение памятника императору Александру III. — Поднесение иконы наследнику цесаревичу и обед волостным старшинам. — Парадный обед. — 31 мая, прием депутаций. — Открытие Музея изящных искусств. — Отъезд императрицы Марии Федоровны. — Назначение наследника цесаревича шефом Киевского полка. — Отъезд генерала Экка из Москвы. — Перелет Дыбовского Севастополь — Петербург. Прилет в Москву. — Отъезд мой в Петербург на празднование 25-летия со дня вступления Государя императора на службу в Преображенский полк. — Кончина Ф. В. Дубасова. — Открытие и освящение памятника М. Д. Скобелеву. — Поездка моя в Тарусу. — Перевезение праха героя 12 года генерала Неверовского из Галле и погребение в Бородине. — Кончина барона Бильдерлинга. — Открытие и освящение памятника царю-освободителю в Бородине. — Лесные пожары в губернии. — Приезд Пуанкаре — премьер-министра Франции.

Встретив Новый год в Курской губернии, я к 6 января вернулся в Москву и принял участие в Крещенском параде и в крестном ходе из Успенского собора на Москву-реку.

8 января в Малом театре происходило чествование маститой артистки Г. Н. Федотовой по случаю 50-летия ее славного служения искусству в стенах Малого театра. Более пятидесяти лет назад

молоденькая воспитанница Московского театрального училища Гликерия Николаевна Позднякова, как рассказывали ее современники, во время одного из гаданий на Новый год, написала: «Дай Бог мне быть хорошей актрисой». И она не только сделалась хорошей актрисой, а стала знаменитостью; с первых же шагов своих в театральном училище она была признана лучшей по классным успехам и по способностям к сцене, а 8 января 1862 г., на 16-м году своей жизни она в бенефис своего учителя, Н. В. Самарина, уже дебютировала на сцене Малого театра в пьесе Боборыкина «Ребенок», вызвав среди публики взрывы восторга.

В 1863 г. она вышла замуж за А. Ф. Федотова, только что поступившего на сцену, а в следующем году у нее родился сын, которого она обожала и который, к ее неутешному горю, скончался так преждевременно в расцвете сил и таланта (см. мои воспоминания за 1909 г.). Ранний брак не отдалил ее от сцены, и в течение первых 10 лет ее имя, приобретшее уже заслуженную славу, не сходило с афиши. Когда Островский написал пьесу «Василиса Мелентьева», то главную роль он вручил Г. Н. Федотовой.

Я увидал Г. Н. Федотову в первый раз в 1892 г., когда она в день своего бенефиса выступила в пьесе Ибсена «Северные богатыри». Посещая затем часто Малый театр, я перевидал ее во всех пьесах ее разнообразного репертуара. Ее игра доставляла всегда большое наслаждение и поднимала настроение редкой задушевностью и искренностью.

Вся Москва, любившая Малый театр и десятки лет его посещавшая, собралась чествовать маститую юбиляршу, которая после семилетнего отсутствия своего вследствие тяжкой болезни впервые решилась выступить в день своего юбилея.

Спектакль начался картинами из хроники Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», она участвовала во второй картине, в сцене встречи Самозванца с царицей-матерью. Как только поднялся занавес, все находившиеся в зрительном зале поднялись как один человек; гром долго не смолкавших аплодисментов приветствовал дорогую артистку, которая, приподнявшись с кресла, низко кланялась публике. А по окончании действия началось чествование. В центре сцены, боковые кулисы которой были раздвинуты до последней степени, в кресле за столом сидела Г. Н. Федотова. Направо и налево от нее стояли артисты и артистки Малого театра и многочисленные депутации.

Первым выступил А. И. Южин и блестяще произнес следующую речь: «Многочтимая Гликерия Николаевна. Малый театр переживает сегодня один из знаменитых дней своего существования, он празднует вместе со всем обществом полувековую деятельность одной из немногих величественных сил русского театра, являющейся не только его украшением, но и основой его значения, его просветительной работы и, наконец, его славы. Вы были воплотительницей

целого ряда чарующих образов драматической поэзии. Последовательным переходом от Офелии через Катерину и Беатриче, Клеопатру и леди Макбет и целым рядом шекспировских ролей вы закончили этот великий цикл матерью Кориолана и сковали величественную, сверкавшую творчеством, цепь образов гениального драматурга. И нет европейского классика, в творения коего вы не внесли бы всего, что может драматическому поэту дать сценический художник. Катерина Островского была одним из первых ваших созданий, и последняя пьеса его «Не от мира сего» прошла с вами же в роли Ксении Кочуевой, а в промежутке двадцати трех лет вашей работы, совпавших с его работой, опять драгоценные звенья чудной цепи: Василиса и Лидия, Тугина и Кручинина. От Грибоедова до Льва Толстого русские классики видели в вас свою воплотительницу. Опять блестящая цепь из родных алмазов русских драматических поэтов. Вы «Ребенком» начали ваше проникновение в душу современной вам русской женщины. И как многогранно, как изумительно разнообразно вы отразили ее во всей полноте ее переживаний в творчестве современных русских писателей на протяжении почти полувека.

В трудной работе, выпавшей на долю русского актера, над пьесами современного европейского репертуара вам принадлежит одно из первейших мест. Некоторые писатели, старавшиеся изменить старинные формы, в вас, Гликерия Николаевна, нашли неожиданную и верную союзницу. В первый раз в Москве в ваш бенефис раздались речи Ибсена в «Северных богатырях». И первый поклон от Малого театра той артистке, которая из всех данных ей Богом талантов ни одного не зарыла в землю. Второй поклон — одному из крупнейших членов нашей труппы, преемственно хранившему и хранящему благоговение к этим подмосткам, смотрящему на дело артиста как на торжественное служение родной земле.

И мы знаем, что из всех здесь сегодня вас окружающих товарищей по делу вряд ли найдется хотя бы один, который не работал бы с вами у вас дома после спектакля, десятки раз повторяя одну и ту же сцену, добиваясь решить труднейшие задачи творчества. Трудная это была, но и радостная работа, не забудет ее Малый театр никогда. И теперь, сохранив весь блеск и силу вашего ума и таланта, всю глубину вашей любви и веры в театр, но оторванная внешними злыми условиями вашего недуга от непосредственного участия в нашем деле, вы неутомимо продолжаете работать с каждым молодым дарованием нашей сцены, не отказывая никому в вашей бесценной помощи — ни начинающему актеру, ни вашим старым товарищам.

Да, наш второй поклон доблестному члену нашего театра, его слуге, его украшению, все, без тени преувеличения, все — и дух, и тело отдавшего ему, и ему одному.

Ваш недуг — это почетные раны бесстрашно отдавшей всю

свою жизнь на большое и светлое дело. И им — этим ранам — третий и низкий поклон от Малого театра».

Гром аплодисментов огласил зал. После Южина выступила М. Н. Ермолова и очень трогательно, с особенной задушевностью, произнесла следующие слова: «А теперь не от имени нашего театра, от нас, ваших товарищей, примите горячий братский привет. Вы опять среди нас, на этих подмостках, в нашей работе. Вы по-прежнему сильны духом и внутренней мощью, по-прежнему блещут ваши глаза, звучит по-прежнему ваш голос. Мы верим, что и те внешние причины, которые мешают вам теперь быть среди нас постоянно, уступят нашему страстному желанию видеть вас в деятельной активной работе. Мы жаждем и ждем вашего возвращения. Нам нужно ваше дорогое участие, ваша любовь к нам, ваша поддержка в тяжелые минуты. И нам светлее и легче были бы труды и борьба вместе с вами. Мы ждем вас, дорогой, испытанный, любимый и любящий друг».

После этого О. А. Правдин прочел депешу от Н. И. Гучкова от имени Москвы, а К. Н. Рыбаков — от старейшей бывшей артистки Малого театра П. А. Рыкаловой. Этот привет, по-видимому, страшно взволновал Гликерию Николаевну, напомнив ей старые далекие годы.

Затем выступил П. Д. Боборыкин от Общества любителей российской словесности и окончил свою речь словами: «По праву вы были достойной питомицей Щепкина, были верны традициям его. Честь вам и слава». В ответ на это растроганная юбилярша передала ему, как автору первой пьесы, в которой она дебютировала 50 лет назад, венок с надписью: «8 января 1862 г. («Ребенок»), воспитанница Позднякова — 8 января 1912 г., Гликерия Федотова».

После этого следовал ряд депутаций от различных театров, обществ, Московского университета, адрес которого прочел Н. М. Падарин и который кончался словами, что Московский университет преклоняется перед неувядаемой славой и перед неоценимыми заслугами гениальной художницы русской сцены.

От состоявшегося под моим председательством Попечительства о народной трезвости, которое было тесно связано с Малым театром благодаря драматическим спектаклям в Народном доме, в которых принимали участие артисты Малого театра, выступил мой товарищ по должности Н. К. фон Вендрих, так как я как военный не счел себя вправе официально выступить на сцене театра, и потому я приветствовал Гликерию Николаевну после, когда она после чествования перешла в директорскую ложу.

Под конец приветствий вызвало бурю аплодисментов появление на сцене С. И. Мамонтова, который, выступая от имени московской публики, просил Гликерию Николаевну принять пожертвование на учреждение стипендии ее имени и имени ее покойного сына при филологическом факультете Московского университета.

По окончании всех приветствий юбилярша взволнованным, но твердым голосом, низко поклонившись, произнесла: «Потрясенная, растроганная тем вниманием, которым я окружена сейчас, приношу свою душевную и безграничную благодарность всем почтившим меня; благодарю и вас, моих дорогих товарищей; да пошлет вам Бог сил для неустанного служения тому делу, которому мы служим и в которое все мы безгранично верим». Ее слова вызвали аплодисменты, обратившиеся в грандиозную манифестацию. Занавес несколько раз то опускался, то поднимался.

9 января открылось очередное губернское земское собрание под председательством губернского предводителя А. Д. Самарина. Открывая собрание, я обратился к гласным со следующим словом, посвященным памяти Н. Ф. Рихтера: «Открывая настоящее губернское земское очередное собрание, я считаю своим нравственным долгом выразить перед вами, господа губернские гласные, мое чувство глубочайшего сожаления о кончине незабвенного Николая Федоровича. Эта потеря огромная и трудно заменимая как для московского земства, так и для всей земской России, так и для правительства. Большой ум, твердая воля, колоссальная работоспособность и выдающееся знание земского дела выдвинули покойного Николая Федоровича не только в первые ряды земских деятелей, в тесном смысле этого слова, но, скажу без преувеличений, и в ряды заметных государственных деятелей, опытностью которого во многих случаях пользовались правительственные сферы и к мнению которого прислушивались. Не останавливаясь на заслугах покойного перед лицом земства, которые известны вам лучше, чем мне, я скажу, что лично я как начальник губернии питаю особенно благодарную память к Николаю Федоровичу, советом и помощью сделавшего для меня легким трудное ведение сложного земского дела и с большим тактом умевшего всегда согласовать трудно примиримые подчас требования формальностей закона с современными условиями жизни. Почтим же благодарною памятью дорогого Николая Федоровича, всю свою жизнь и все силы посвятившего земской работе. Объявляю настоящее губернское земское собрание открытым».

Когда я уехал из собрания и гласные заняли свои места, то исправляющий должность председателя губернской земской управы А. Е. Грузинов обратился к собранию с речью: «Скорбным словом приходится начинать настоящее губернское земское собрание. Скончался Николай Федорович Рихтер. Земство понесло невознаградимую потерю. Утрата слишком свежа, и горечь разлуки слишком близка нам, чтобы мы могли в данную минуту подводить итоги его многообразной и плодотворной деятельности. Одно можно сказать, что ушел большой человек, обладавший колоссальным опытом са-

мых разнообразных познаний и поразительной трудоспособности. Ушел человек, с беззаветным самоотвержением посвятивший земскому делу всю свою жизнь до самой последней минуты своего существования. Ушел великий труженик, равного которому вряд ли найти. Ушел, быть может, именно потому, что слишком много сил отдавал любимому делу. Губернская управа просит почтить память Николая Федоровича Рихтера вставанием».

Все встали. Грузинов продолжал: «Между экстренной сессией и текущей скончался бывший председатель Московского губернского земского собрания, в течение долгих лет с честью занимавший эту должность, князь Петр Николаевич Трубецкой. Мы все помним характерную фигуру Петра Николаевича, помним его умелое председательствование и то благодушное отношение, которое зачастую вело к благополучному разрешению острых вопросов, возникавших в собрании. Губернская управа просит почтить вставанием память почившего».

Все встали. Вслед за тем почтили вставанием память скончавшихся М. М. Фирсова, С. Н. Коншина и Г. И. Кристи, после чего А. Е. Грузинов доложил собранию доклад управы об увековечении памяти Рихтера помещением его портрета в управе, постановкой памятника на его могиле и принятии на средства земства расходов по его похоронам. Собрание единогласно приняло это предложение и для разработки всех вопросов избрало комиссию в составе А. Д. Самарина, графа П. С. Шереметева, графа Ф. А. Уварова, Г. Б. Месснера, М. М. Щепкина, П. А. Пузыревского, Н. И. Гучкова, А. И. Геннерта и В. П. Ярыгина. Затем перешли в другой зал, где была отслужена панихида по почившим земским деятелям. По окончании панихиды, когда гласные опять заняли свои места, председатель собрания А. Д. Самарин обратился к гласным со следующей речью:

«Значение Николая Федоровича как земского работника и общественного деятеля очерчено было только что розданным докладом и словами, сказанными в начале собрания А. Е. Грузиновым. Я, как председатель губернского земского собрания, который естественно близко стоял к работе Николая Федоровича, в особенности в течение земских собраний, считаю своим нравственным долгом почтить его память именно здесь, в этом зале, где почти 40 лет он неустанно работал на пользу земского дела. Я думаю, что память о таком человеке несомненно должна сохраниться в истории земства не только московского, но и земств всей России, и думаю, что его неустанная работа и преданность земскому делу должны послужить поучительным примером для всех работников на этом деле. Сейчас мы приняли предложение о помещении портрета Николая Федоровича в губернской земской управе. Тем самым мы сохраним для будущих поколений всем нам знакомый характерный облик, столь хорошо нам памятный. Но для человечества вообще, чтобы со-

хранить память о Николае Федоровиче, этого недостаточно; его имя нужно связать навсегда с живым земским делом и притом с таким, которое отвечало бы самым насущным потребностям жизни населения губернии. Конечно, в настоящее время невозможно, мне кажется, обсуждать то или другое предложение, которое могло бы быть сделано по этому поводу, и я не думаю сам от себя вносить какое-либо предложение, но полагал бы, что земскому собранию следовало бы избрать в настоящем заседании комиссию в небольшом составе, например, в составе 5 лиц, для того чтобы разработать этот вопрос и в течение этой же сессии представить свои соображения, которые собрание разрешило бы в настоящей же сессии».

Собрание присоединилось к предложению Самарина и затем перешло к очередным докладам; собрание продолжалось до февраля месяца, никаких особенно страстных дебатов не было, оно носило чисто деловой характер и успело рассмотреть все сметные доклады, а также несколько других.

13 января под моим председательством состоялся торжественный годичный акт в Лицее цесаревича Николая. На акте присутствовало много приглашенных — командующий войсками генерал Плеве, учебное начальство, бывшие питомцы лицея, представители дворянства, профессора и т. д. По открытии заседания директор лицея профессор Гуляев доложил краткий отчет о состоянии лицея в минувший год, назвав его счастливым и сообщив, что 3 июня 1911 г. окончившие курс воспитанники университетского отделения с директором во главе имели счастие представиться Государю императору в Петергофе, причем его величество изволил осчастливить их следующими словами, которые начертаны на мраморной доске в зале лицея: «Мне доставило большое удовольствие, господа, видеть в первый раз у себя выпуск воспитанников московского лицея. Я хочу выразить вам мою благодарность за ваше отличное поведение и успехи в науках, но особенно за ваше примерное поведение в те страдные годы, которые переживала Россия. Выражаю в вашем лице благодарность воспитавшему вас заведению. Желаю успеха в вашей жизни и предстоящей вам службе».

Звуки гимна и громкое «ура» были ответом на эти слова. По окончании заседания я объявил воспитанникам, что освобождаю их от занятий на три дня, что вызвало с их стороны взрыв восторга.

25 января в Симеизе, своем крымском имении, скончался фельдмаршал граф Д. А. Милютин — последний гигант эпохи великой реформы. Русский народ и русское общество, прощаясь навсегда с верным сподвижником Александра II, никогда не забудут светлого, благородного образа престарелого фельдмаршала, имя которого было всегда окружено всеобщим уважением.

Граф Милютин скончался на 94-м году своей жизни, заболев острым воспалением легких. Жена его, страшно встревоженная

опасной болезнью графа, не отходила от его постели, пока окончательно сама не ослабла и, почувствовав себя дурно, внезапно тихо скончалась. Это было 23 января, за два дня до кончины мужа; старушке был 91 год. От графа скрыли кончину его жены, сказав ему, что она заболела и слегла; это его, по-видимому, очень мучило, и он все время очень тревожился и справлялся о ней до последней минуты своей жизни. Так одновременно отошли в другой мир два друга, прожившие последние 30 лет безотлучно вместе, душа в душу, не выезжая из своего родного Симеиза. Графиня за 10 лет до своей кончины лишилась зрения, но это не мешало ей интересоваться всем; специальные лектрисы читали ей массу книг, а письма под ее диктовку писали ее дочери, княгиня Шаховская и княгиня Долгорукая.

31 января, в 10 с половиной часов вечера с экстренным поездом Московско-Курской ж.-д. тела усопших прибыли в Москву. На вокзале к приходу поезда собралось все военное начальство с командующим войсками генералом Плеве во главе, прибыли и градоначальник, и я, и представители города. На платформе выставлен был почетный караул от 2-го гренадерского Ростовского полка с хором музыки. Под звуки «Коль славен» были вынесены оба гроба и перенесены в парадные комнаты вокзала, задрапированные черным сукном и украшенные целым лесом мирт и лавровых деревьев. Гробы, усыпанные цветами, были поставлены на катафалки, а у гроба фельдмаршала встало почетное дежурство и знаменщик Ростовского полка со знаменем. Вокруг на подушках разложены были ордена покойного и среди них золотой фельдмаршальский жезл, усыпанный бриллиантами.

После панихиды все разъехались, чтобы вернуться к утру для участия в перевезении тел; остались только почетный караул и дежурство. На другой день, 1 февраля, состоялось перевезение тел почивших для погребения в Ново-Девичьем монастыре. С раннего утра к гробу стали стекаться и начальство, и депутации. В это время в Москве находилась французская депутация от г. Парижа во главе с президентом парижского муниципалитета г. Ф. Русселем — они тоже явились на вокзал поклониться праху престарелого фельдмаршала. Первый венок из белых лилий и ландышей возложен был генерал-адъютантом бароном Мейендорфом от Государя императора, затем генерал Степанов возложил крест из живых цветов от великой княгини Елизаветы Федоровны, после чего Ф. Руссель — свой венок от Парижа с французскими национальными лентами; далее следовало множество других венков. По возложении венков и отслужении литии гробы были вынесены; гроб фельдмаршала установлен был на лафет 1-й батареи 2-й гренадерской Артиллерийской бригады, гроб графини — на катафалк.

За гробом шло высшее военное начальство, родные, депутации и пр., затем следовали: 1-й гусарский Сумской полк и 1-я гренадерская Артиллерийская бригада. Впереди несли ордена и фельдмар-

шальский жезл. Толпы народа стояли по пути, другие сопровождали процессию. Хоры музыки попеременно играли похоронный марш. Около университета, почетным членом которого состоял почивший фельдмаршал, была отслужена лития.

По прибытии процессии к Ново-Девичьему монастырю гробы были сняты с лафета и катафалка, и под пение «Святый Боже» и звуки «Коль славен» процессия направилась к приготовленным могилам. Тут произошло нечто совершенно неожиданное: когда стали опускать останки почивших, то оказалось, что могилы были сделаны недостаточного размера и гробы в них не помещались. Произошло это вследствие того, что обе могилы были приготовлены распоряжением покойного графа лет 10 тому назад, когда хоронили его сына; сделаны были они солидно, обложены кирпичом и цементированы, так что для расширения могил требовалось немало времени. Пришлось перенести тела усопших в церковь и отложить погребение. При этом мне пришлось выдержать большой спор с монахинями и духовенством, которые не соглашались поставить тело графини, как лютеранки, в церковь. Мои указания, что стояли же они рядом в православном храме, когда их венчали, оказали свое действие, и они, наконец, согласились. Погребение состоялось 3 февраля уже при скромной обстановке.

25 января в Думу поступил запрос о Распутине, вследствие появившегося о нем письма в № 19 «Голоса Москвы» [1] от 24 января под заглавием «Голос православного мирянина», за подписью редактора-издателя «Религиозно-философской библиотеки» М. Новоселова. Номера этой газеты были конфискованы, так как перед тем от редакторов газет были взяты подписки, что они о Распутине ничего печатать не будут. В этом последнем распоряжении некоторые члены Думы и усмотрели незакономерность по отношению к печати и предъявили запрос, который, по рассмотрении его Думой, большинством голосов против одного голоса барона Н. Г. Черкасова и был принят и признан спешным.

Это был очень неосторожный шаг Государственной Думы; первый раз законодательная палата затронула в своем запросе интимную сторону жизни царской семьи и этим невольно заронила в сердцах некоторых кругов России тень недоверия, неуважения к монарху. Надо удивляться, как Председатель Думы М. В. Родзянко, принадлежа к центру, не учел этого и не принял со своей стороны должных мер, чтобы предотвратить это нежелательное явление. С запросом ничего не вышло, результата никакого не было, но внесших запрос это и не интересовало — то, чего им надо было, было сделано. Газеты разнесли по всем уголкам России факт запроса Государственной Думы о Распутине, и вокруг его имени стали громоздиться всевозможные легенды и грязные инсинуации, зачастую далеко не соответствующие истине и дискредитирующие Престол.

Высшие правительственные сферы также оказались несостоятельными в этом болезненном для России и для всех любящих свою Родину вопросе, некоторые по малодушию, другие по непониманию серьезности положения. Таким образом, «Распутиниада» росла, захватывая все большие и большие круги.

28 января, к моему большому сожалению, Ф. В. Шлиппе получил новое назначение в Петербург на должность вице-директора в Министерстве земледелия. Таким образом, Московская губернская землеустроительная комиссия лишилась своего непременного члена, который был убежденным вдохновителем реформы по введению единоличных хозяйств в губернии, который так блестяще проводил ее и своими знаниями, опытом и поразительной тактичностью поставил землеустроительное дело в Московской губернии на неизмеримую высоту.

Радуясь за него и поздравляя министерство с приобретением такого образованного, талантливого и прекрасного сотрудника, я глубоко скорбел, что принужден был с ним расстаться. На его место, по моему ходатайству, назначен был лучший и способнейший из непременных членов уездных землеустроительных комиссий Г. Г. Языков, который ревностно продолжал политику Ф. В. Шлиппе и, к моему большому удовлетворению, сумел поддержать землеустроительное дело губернии на той же высоте; но таланта Шлиппе у него не было.

30 января в Москву приехала депутация от парижского муниципалитета во главе с президентом муниципалитета Ф. Русселем. Это был ответный визит московскому городскому самоуправлению.

Французская колония во главе с французским генеральным консулом графом де Ла Валикур устроила по этому случаю банкет в «Эрмитаже». Обед носил интимный характер, помимо французов приглашено было очень немного гостей, среди них был городской голова Н. И. Гучков и я. Все залы ресторана красиво были убраны растениями. Стол, накрытый на 80 приборов, утопал в цветах. Все было устроено красиво, изящно, как умеют это делать французы. Обед прошел очень оживленно. Первый тост за Государя императора провозгласил граф де ла Валикур, затем Гучков — за Президента Республики, а я — за французскую колонию. Последний тост был за дорогих гостей, провозглашенный председателем французской колонии, моим большим другом, П. К. Жиро.

С банкета все отправились в городскую думу, где городское управление устроило блестящий раут. Малый думский зал был красиво убран русскими и французскими флагами и гербами, в центре, на столе, стояла освещенная электричеством громадная глыба льда с крюшоном. Кабинет городского головы был обращен в зимний сад.

Во время раута городской голова Н. И. Гучков, передавая Ф. Русселю подарок от города Москвы — художественный ларец

в древнерусском стиле, обратился к французским гостям со следующей речью на французском языке: «Городское общественное управление древней столицы России — Москвы, принимая у себя сегодня представителей муниципалитета Парижа, чудной столицы и гордости Франции, выражает им чувства самой глубокой симпатии. Москва — сердце России, Москва, которая во все времена являлась верной выразительницей всего того, что чувствовала вся Россия, в данный момент, исполняя возложенную на нее историческую задачу перед дружественной дорогой Францией, шлет свой привет и привет всей России. Да будет этот момент еще одним ярким доказательством этой неразрывной и прочной дружественной связи, которая существует между двумя великими народами — французами и русскими. Да будет эта связь между ними прочнейшим залогом не только их собственного благополучия, но и благополучия всего мира».

Ф. Руссель отвечал: «Я был чрезвычайно тронут простотой и сердечностью приема, который нам оказан с первого момента прибытия нашего в Москву. Здесь поднесен Парижу чудный дар, в котором выразилось искусство ваших художников. Я не знаю, чем мне более гордиться в данный момент — тем ли, что я являюсь представителем Парижа, или тем, что меня так сердечно принимают в Москве. Я должен отдать предпочтение, по-видимому, второму моменту. Муниципалитет Парижа уже хранит одну реликвию из России — от Кронштадта. Теперь мы получаем другую, с изображением Георгия Победоносца, поражающего дракона, и с двуглавым орлом, парящим над гербом Москвы. Ваза Кронштадта имеет политическое значение, как эмблема союза двух наций. Этот же новый дар знаменует интимный союз двух городов, имеющий первенствующее значение в обеих странах. Интимная дружба между этими двумя городами является залогом дружбы двух великих наций — России и Франции».

Гимн и «Марсельеза», чередовавшиеся между собой и повторенные несколько раз, были ответом на речь Русселя. Затем состоялся небольшой концерт при участии хоров Императорской русской оперы, а также и малороссийского и цыганского, кончившийся балетным отделением с характерными танцами. Все чувствовали себя очень непринужденно, в воздухе царила атмосфера искренности и горячей симпатии к французам, которые привлекали к себе своим изяществом и экспансивностью.

1 февраля в 5 часов дня у градоначальника в честь французов состоялся чай, а затем у городского головы — прощальный обед. Прямо с обеда французские гости проехали на вокзал и отбыли из Москвы.

В первых числах февраля я ездил по делам службы в Петербург, где со мной случился следующий инцидент. Проезжая на таксомоторе по площади Мариинского театра, мой шофер наскочил на сани извозчика, в результате чего у него оказалась сломанной

оглобля; выйдя тотчас из мотора и убедившись, что несчастий с людьми не было, я спросил извозчика, что стоит оглобля, и уплатил ему ее стоимость. Извозчик был удовлетворен, казалось бы, инцидент исчерпан, тем более, что я передал городовому мою визитную карточку с адресом, а номера автомобиля и извозчика были известны. Но не в пример ретивый городовой предложил нам всем отправиться в участок для составления протокола. Я, конечно, подчинился, и вот все мы явились в 3-й участок Казанской части. Пристава в участке не оказалось, за ним послали, мне предложили в общей приемной стул, на котором я и просидел с полчаса до прихода пристава. Когда он пришел, составили протокол, и меня отпустили. Меня этот инцидент позабавил и дал мне лишний случай убедиться, как инструкции, на основании коих, как оказалось, городовой поступил правильно, страдают отсутствием самой элементарной логики. Я говорил по этому поводу с градоначальником Драчевским, но тот со мной не согласился.

8 февраля секция по борьбе с туберкулезом Московского отдела высочайше утвержденного Русского общества охранения народного здравия обсуждала вопрос об организации «Дня белой ромашки». Был избран комитет под председательством моей сестры Е. Ф. Джунковской; товарищами председателя избраны были А. А. Бахрушин и Л. Н. Княжевич, казначеем — И. Д. Морозов и секретарем — Д. Б. Егоров. Комитет привлек к работе многочисленную армию сотрудников, весь город был разделен на районы. Обратился комитет и ко мне за разрешением организовать «День белой ромашки» в различных местах Московского и смежных с ним уездов. Я, конечно, с радостью пошел навстречу этому доброму делу и отдал распоряжение по полиции об оказании полнейшего содействия организаторам этого дела, а в самый «День белой ромашки» — продавцам цветка. «Днем белой ромашки» было назначено 20 апреля, успех превысил ожидания, и сбор в размере 156 000 руб. оказал секции значительную помощь. Надо отдать справедливость — все слои населения единодушно откликнулись на призыв комитета, каждый счел своим долгом внести свою лепту в пользу несчастных больных туберкулезом.

9 февраля в Москву из Петербурга прибыл владетельный герцог Мекленбург-Шверинский Иоганн с супругой герцогиней Елизаветой в сопровождении лиц свиты. Приезд их считался неофициальным, цель — осмотр Троице-Сергиевой лавры. 10 февраля, на другой день их приезда, в экстренном поезде они и отправились в сопровождении меня. Герцог и герцогиня проявили огромный интерес ко всем достопримечательностям лавры и расспрашивали обо всем. Мне приходилось давать все нужные объяснения, хотя среди монахов и был один, владевший хорошо французским языком. Они отслужили молебен у раки преподобного Сергия, прикладывались к мощам, затем осматривали ризницу, покои митрополита,

трапезную, проехали на лошадях к Черниговской Божьей Матери и в Вифанию. Они очень подкупали своей любознательностью и большим сочувствием и благоговением, которые они проявили к древним русским святыням.

По окончании осмотра святынь я предложил им проехать в мастерские кустарей Сергиева Посада. Они пришли в восторг от виденного, особенно интересовались они научным музеем, где наглядно можно было видеть постепенную работу кустарных игрушек. Накупив много русских кустарных вещей и игрушек, они отбыли в Москву. В 8 часов вечера они обедали у меня и в тот же день выехали в Петербург. Приехав к обеду, герцог любезно передал мне футляр с орденскими знаками ордена Льва I степени.

В феврале месяце назначен был в Москве разрешенный министром внутренних дел съезд фельдшеров и акушерок. Узнав, что в означенном съезде хочет принять участие земский фельдшерский персонал, я, не считая это законным, обратился с циркулярным предложением к губернской и уездным земским управам о недопустимости участия земского фельдшерско-акушерского персонала на съезде. Съезд был крайне озадачен таким моим запрещением, тем более, что, как оказалось, он более всего надеялся на участие именно огромного состава земских служащих. По этому поводу у меня была депутация, но я категорически заявил ей, что изменить свое распоряжение не могу, так как общество фельдшеров и фельдшериц, устраивавших съезд, зарегистрировано было в порядке Временных правил 4 марта 1906 г. [2], 9 статья коих запрещает участие в таком обществе лицам, состоящим на службе в правительственных учреждениях, а Сенат, кроме того, подкрепил эту статью разъяснением, что это относится и к земским служащим.

В феврале месяце я был приглашен министром внутренних дел принять участие в занятиях весенней сессии Общего присутствия Совета по делам местного хозяйства, назначенной к открытию 14 февраля. К этому дню я прибыл в Петербург. В эту сессию был внесен ряд законопроектов, среди них особенного внимания заслуживали: жилищный устав, устав попечения о народной трезвости, о земских оценках, о новых правилах взаимного страхования и санитарный устав.

Эта сессия была первая после кончины незабвенного Петра Аркадьевича Столыпина, по инициативе коего были организованы совещания при Совете по делам местного хозяйства, и поэтому, естественно, что все собравшиеся невольно чувствовали в душе отсутствие вдохновителя работы дорогого Петра Аркадьевича. Председатель — министр внутренних дел сенатор А. А. Макаров при открытии этой сессии обратился к членам Совета. [...]

Засим барон В. В. Меллер-Закомельский, по уполномочию членов Совета, просил сенатора А. А. Макарова повергнуть к сто-

пам его императорского величества Государя императора их верноподданнические чувства, а гофмейстер В. А. Драшусов выразил желание членов Совета отслужить панихиду об упокоении душ умерших статс-секретаря П. А. Столыпина и бывших членов Совета Н. Ф. Рихтера и С. Н. Межакова-Каютова.

В удовлетворение этих просьб сенатор А. А. Макаров огласил проект телеграммы на высочайшее имя и сообщил, что предположенная панихида будет отслужена на следующий день в десять с половиной утра в церкви Министерства внутренних дел. Передав после этого председательствование заступающему место председателя товарищу министра в должности гофмейстера А. Н. Харузину, сенатор А. А. Макаров объявил перерыв заседания.

По возобновлении заседания А. Н. Харузин предложил для предварительной разработки законопроектов разбиться на три комиссии. Согласно этому предложению члены Совета, по заявленному каждым желанию, образовали три комиссии в нижеследующем составе: I. Комиссия строительно-страховая и по проекту Положения о справочном отделе под председательством барона В. В. Меллер-Закомельского. II. Комиссия врачебно-санитарная под председательством С. А. Бекетова. III. Комиссия попечения о народной трезвости, в которую вошел я, под председательством Ю. Б. Шидловского. После выборов комиссий заседание было закрыто.

На следующий день все собрались в церковь Министерства внутренних дел на панихиду, после которой приступили к занятиям. Занятия шли успешно, но отсутствие П. А. Столыпина на заседаниях Общего присутствия и С. Е. Крыжановского, назначенного государственным секретарем, сильно отражалось; не чувствовалось того подъема настроения, того оживленного обмена мнениями, которыми отличались прежние сессии, а А. Н. Харузин вел заседания без должной энергии, слишком по-чиновничьи. Занятия продолжались до 4 марта включительно. Состав Общего присутствия был приблизительно такой же, как и прежних присутствий, только представители ведомств были другие, и среди губернаторов тоже были перемены. В Петербурге губернатором был граф Адлерберг, значительно уступавший своему предшественнику А. Д. Зиновьеву и в знаниях, и в опыте. Затем был харьковский губернатор М. К. Катеринич, уже немолодой, дельный, но как-то не отдававший себе отчета в современном положении дел, несколько отставший, но со взглядами очень честными. Н. А. Маклаков — черниговский губернатор, человек безусловно чистый и порядочный, но по молодости своей несколько опрометчивый. На заседаниях этой сессии я сошелся с ним очень близко и подружился с ним, и когда он в высказываемых им мнениях по молодости иногда слишком горячился, то я его сдерживал. Из остальных губернаторов впервые появился на заседаниях Совета А. Н. Хвостов, нижегородский губернатор. Это был тип совершенно отрицательный, и я от него сторонился. Он очень плохо

себя поставил в Нижнем и вел себя по отношению крайних правых партий не как губернатор, а как член их партии, был бестактен и окружал себя самыми недостойными и сомнительными личностями. Для Совета это не было приобретение, кроме вреда делу он своим присутствием ничего не принес.

Переходя затем к законопроектам, рассмотренным в сессии, то все они подвергались сравнительно малым изменениям и дополнениям. В проекте «Положения о взаимном земском страховании» определенно указывалось на то, что взаимное земское страхование имеет целью не только возмещение владельцам убытков, причиненных пожаром в застрахованных имуществах, но и принятие противопожарных мер, на которые, кроме запасного страхового капитала, допускалось расходование, до известных пределов, и текущих страховых средств. Затем проектом, как и уже действующим законом, предусматривались три вида страхования: обязательное, дополнительное и добровольное, но в правилах каждого из этих видов страхования вводились некоторые изменения. Так, по обязательному страхованию губернским земским собраниям предоставлялось право исключать из сего вида страхования некоторые категории строений, представлявшиеся для земств опасными или нежелательными рисками. Далее, заключение дополнительного, сверх окладной нормы, страхования строений, подлежавших обязательному страхованию, ставилось в зависимость от желания владельца и согласия на то подлежащего земства. Наконец, по добровольному страхованию проект предоставлял губернским земским собраниям значительную свободу в установлении видов и категорий имуществ, территорий и лиц, на которых распространялся означенный вид страхования, а также по установлению условий заключения и прекращения страхования. Кроме того, по проекту предусматривалось учреждение страховой агентуры с более широкими полномочиями по ведению страхового дела. Комиссия одобрила основные положения проекта и лишь по отдельным статьям внесла некоторые изменения и дополнения.

В связи с этим законопроектом был рассмотрен проект правил о строении в сельских местностях. Главные отличия от действовавшего тогда закона состояли в том, что проект придавал распланированию селений значение обязательной земской повинности, в то же время составление планов зависело от усмотрения земств. Такую постановку дела следовало считать значительным улучшением, ввиду того, что уездные земские управы, на обязанности которых лежало составление планов, материально не были заинтересованы в сокращении опустошительности сельских пожаров, чего нельзя было сказать про губернские земства, в ведении которых находилось земское взаимное страхование. Наконец, проект предоставлял органам, ведавшим строительную часть, право останавливать неправильное возведение построек, а постройки, возведенные с наруше-

нием строительных правил, приравнивались к угрожающим и подлежавшим соответственному исправлению или сломке.

Предложения строительно-страховой комиссии разошлись с основными положениями проекта по двум принципиальным вопросам. Во-первых, по статье 20 проекта, обязывавшей земские собрания определить срок, в течение которого все селения губернии должны быть распланированы, причем постановления земских собраний по сему предмету подлежали утверждению министра внутренних дел. Комиссия, признавая в принципе обязательность для земств составления планов, находила нецелесообразным установление для этого какого-либо срока и не усматривала необходимости в представлении на утверждение министерства постановлений земских собраний по сему вопросу.

Во-вторых, по статье 28, допускавшей обращение усадебной земли под улицы, площади и переулки не иначе, как с согласия владельцев этих усадеб, комиссия признала возможным, в исключительных случаях, допускать и принудительное отчуждение усадебных земель в целях урегулирования селений. Против последнего, т. е. допущения принудительного отчуждения, члены присутствия — председатель Казанской губернской земской управы Н. А. Мельников и Тверской — В. Ф. Гаслер и Н. А. Маклаков горячо возражали. Я присоединился к ним и еще 6 членов присутствия, и мы все подали по сему поводу следующее особое мнение:

«Отсутствие планов не является единственной причиной опустошительности пожаров в селениях. Различные бытовые особенности, употребление горючего материала для устройства крыш и т. п. являются условиями не менее благоприятными для этой опустошительности. Нельзя забывать, что наш государственный строй зиждется на принципе неприкосновенности собственности, и по действующему законодательству принудительное отчуждение допускается при наличии особенно важных государственных и общественных надобностей. Поэтому было бы весьма рискованным прибегать к этой мере при осуществлении какого-либо переулка или площади в селении, т. е. в случаях сравнительно мелочных, и приучать население к мысли, что всякое неудобство, возникающее из-за этого, может быть всякий раз устранено принудительным отчуждением этой собственности. Ввиду этого редакция проекта министерства, по нашему мнению, более правильна».

По законопроекту о мерах санитарной охраны воздуха, воды и почвы комиссия единогласно признала выдвинутые законопроектом задачи отвечающими давно назревшей [необходимости] пополнить пробелы действовавшего санитарного законодательства и определенно указать обязанности, которые лежат по охранению народного здравия на правительственных и общественных учреждениях. Сущность законопроекта, в принятой комиссией редакции, заключалась в том, что законом предполагалось возлагать на общес-

твенные учреждения, на началах общественности, заботы по проведению санитарных мер по охранению воздуха, воды и почвы, с отнесением расходов на те общины, которые были заинтересованы в проведении этих мероприятий, при том условии, что в случае недостаточности средств у общин на помощь последним пришли бы земские кассы, а затем и средства Государственного казначейства. При этом главнейшее возражение по существу законопроекта сводилось к вопросу о том, будет ли для земства посильно оказание пособия недостаточным общинам, причем указывалось на вытекавшую отсюда необходимость фиксации участия государства в расходах по осуществлению требований закона; кроме того возражения касались предоставляемого общественным учреждениям права свободного распоряжения частной собственностью в видах охраны источников водоснабжения.

По законопроекту о справочном отделе Общее присутствие присоединилось к мнению комиссии и признало, что справочный отдел своею деятельностью не только вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды при его учреждении, но и успел уже стяжать общие симпатии в среде земских и городских деятелей, имевших неоднократно случаи на практике убедиться в полезной деятельности отдела. Общее присутствие, признав единогласно предположенное преобразование справочного отдела из учреждения временного в постоянное своевременным, в целях, главным образом, упрочить дальнейшее его существование и развитие в удовлетворение действительным потребностям на местах по получению из центральных учреждений сведений по делам справочного характера, приняло без изменения правила проекта Положения о справочном отделе.

По законопроекту Устава о попечении о народной трезвости: по рассмотрении положений Государственного Совета, которые легли в основу законопроекта, были внесены только три существенных изменения: во-первых, принята обязательность уездных земских и городских комиссий попечения о народной трезвости; во-вторых, признано необходимым, чтобы отпускаемые из казны средства на борьбу с пьянством ассигновывались не в сметном порядке, а в виде ежегодного известного процента с дохода от казенной винной монополии, с тем чтобы лишь потребные на ту же надобность дополнительные суммы испрашивались в сметном порядке; наконец, в-третьих, проектированные на случай явного бездействия земских и городских учреждений в деле попечения о трезвости особые временные комитеты, как нарушающие идею самоуправления, были признаны излишними.

На роль же правительства в деле борьбы с народным пьянством определились две точки зрения: большинство комиссии считало, что на обязанности правительства лежал лишь отпуск средств местным органам попечения о народной трезвости и поверка отчетности по израсходованию этих средств. Соответственно с этим комиссией

были исключены те статьи проекта, которые предоставляли правительству фактическое участие в деле попечения о народной трезвости, устанавливающие право министра внутренних дел преподавать местным органам руководящие указания в этом деле. При такой постановке попечение о народной трезвости приравнивалось бы к тем отраслям местного хозяйства, в которых земские и городские учреждения являлись вполне самостоятельными. Однако такой взгляд нельзя было признать правильным в виду того, что такая самостоятельность предоставлялась самоуправлениям далеко не во всех отраслях местного хозяйства: в деле народного образования, например, на земских и городских учреждениях лежали лишь чисто хозяйственные функции, руководство же и распоряжение этим делом по существу возложены были на правительственные органы. Поэтому меньшинство комиссии полагало, что и в деле попечения о народной трезвости правительство не может быть устранено от фактического участия в самом ведении этого дела.

Накануне окончания сессии все члены Общего присутствия были приняты Государем императором в Зимнем дворце, причем его величество очень мило беседовал с некоторыми земскими и городскими деятелями и, отпуская нас, выразил нам признательность за наши труды. В память этого приема по высочайшему повелению всем членам присутствия были разосланы фотографические снимки Государя императора с печатью министра двора и с соответствующей надписью.

25 февраля директор Департамента полиции Н. П. Зуев был назначен сенатором, а его место занял С. П. Белецкий; такого рода замена была неудачна, Белецкий был на месте как вице-директор, но на самостоятельную роль и столь ответственную должность его отнюдь нельзя было назначать. Я еще вернусь к нему, когда буду писать мои воспоминания по должности товарища министра, и потому теперь распространяться не буду. Вице-директорами назначены были Кафафов и Виссарионов, первый из них — по заведованию личным составом — был на месте, но второй совершенно не подходил к занимаемой должности, он своими отрицательными качествами дополнял Белецкого, но был менее вредным. Я о нем тоже буду говорить ниже, когда служебные дела меня столкнут с ним.

14 марта саратовский губернатор граф С. С. Татищев назначен был начальником Главного управления по делам печати. Как губернатор это был весьма толковый, знающий, отличался большим тактом и умеренностью, отлично управлял такой сложной и трудной губернией, каковой была Саратовская, держал себя самостоятельно и с большим достоинством, несмотря на свою молодость. Ему было всего 39 лет, когда он получил назначение на пост начальника Главного управления по делам печати. В этой должности, которая совершенно была не по нем, он ничем себя не проявил, так как дело

было для него чуждое, не по его характеру, но и на этой должности он держал себя с тем же неизменным благородством, которое было отличительной чертой его характера и которое передавалось невольно и его подчиненным.

В ночь на 16 марта через Москву и Московскую губернию проследовал императорский поезд с их величествами и августейшей семьей, направляясь в Севастополь. Поезд имел десятиминутную остановку в 12 часов 25 минут ночи у платформы императорского павильона.

20 марта в I Департаменте Государственного Совета рассматривалось дело о П. Г. Курлове, статском советнике Веригине, полковнике Спиридовиче и подполковнике Кулябко. Председательствовал А. А. Сабуров, заключения давали министр юстиции И. Г. Щегловитов и товарищ министра внутренних дел И. М. Золотарев. Результатом этого совещания было представление на высочайшее усмотрение о предании их всех суду по обвинению в превышении власти и бездействии, повлекших за собой убийство Председателя Совета Министров во время парадного спектакля в киевском городском театре 1 сентября 1911 г.

Государь император на всеподданнейшем докладе I Департамента Государственного Совета положил резолюцию: «Дело генерала Курлова, полковника Спиридовича и статского советника Веригина оставить без последствий».

2 апреля телеграф принес потрясающее известие о гибели океанского парохода «Титаника» в открытом океане. Идя в Нью-Йорк, пароход этот наткнулся на ледяную глыбу, 1 апреля, в 11 часов 40 минут вечера. Ночь была холодная, при звездном ясном небе, море тихое. В 2 часа ночи пароход пошел ко дну. Из 330 пассажиров I класса спаслось 210, II класса из 320 — 125 и из 700 палубных спаслось всего 200, из 940 человек команды спаслось только 210. Капитан Смит, по отзывам спасшихся, действовал геройски, он до последней минуты распоряжался спасением людей, не покидая поста. Когда вода достигла верхней палубы, он выстрелил себе в рот и упал в море.

Эта катастрофа вызвала во всем мире содрогание и всеобщее сочувствие, во всех странах оказались родные, оплакивавшие своих погибших.

3 апреля в Москву прибыл Председатель Совета Министров В. Н. Коковцов и остановился в Национальной гостинице *. Первый день Коковцов посвятил учреждениям финансового ведомства, во второй день своего пребывания, утром, принимал депутации от

* Имеется в виду гостиница «Националь» на углу Тверской улицы и улицы Охотный Ряд.

московского губернского земства во главе с А. Е. Грузиновым и от московского дворянства с А. Д. Самариным во главе.

На заявление представителей земства, что правительственный законопроект по местному самоуправлению их не совсем удовлетворяет, так как в нем на нужды земства недостаточно обращено внимания, В. Н. Коковцов сказал, что этот законопроект еще не окончательно разработан и что он признает необходимым облегчить положение промышленности предоставлением земствам права облагать [сборами] лишь фабричную недвижимость — фабричные здания, что же касается фабричных машин, то он против их обложения. Он заявил при этом, что русская промышленность и так уже достаточно несет платежей в земскую кассу, сама получая от земства не так уже много. «Но, конечно, — прибавил Коковцов, — потери земства, как последствие этого, должны быть возмещены». Он полагал, что земству должна быть предоставлена бо́льшая доля участия в промысловом обложении, а кроме того, те огромные суммы, которые ожидались от 6% обложения недвижимых имуществ, могли бы быть, в известной степени, уступлены земствам. После приема депутаций Коковцов со своим секретарем Дориаком и адъютантом Офросимовым завтракали у меня. К завтраку я пригласил также градоначальника Адрианова, А. Д. Самарина, управлявшего казенной палатой Н. П. Кутлера, вице-губернатора Устинова и управлявшего моей канцелярией С. В. Степанова.

В день отъезда Коковцова был обед у городского головы Н. И. Гучкова. Обед был очень парадный, нарядный, приглашены были гласные Московской городской думы А. Л. Катуар, А. И. Геннерт, И. В. Вишняков, С. П. Патрикеев, М. Б. Живаго, Г. А. Крестовников, барон А. Л. Кноп, Н. И. Прохоров, представители военного ведомства, генералы Зуев и Экк, заведовавший дворцовой частью князь Одоевский-Маслов, А. Д. Самарин, товарищ городского головы В. Д. Брянский, управлявшие казенной палатой и Государственным банком Кутлер и Светлицкий, почт-директор В. Б. Похвиснев, А. И. Гучков, Н. П. Шубинский, Адрианов с женой и я с сестрой.

После обеда снимались группой в большой зале уютного старинного боткинского дома, где жил Гучков. В этот же вечер Коковцов уехал. Как он терял при сравнении со Столыпиным, — это был очень корректный, аккуратный петербургский чиновник, безусловно умный, но и только.

5 апреля в Москву прибыл министр юстиции И. Г. Щегловитов для осмотра судебных установлений, Межевой канцелярии и тюрем. В первый день своего приезда он осматривал судебные установления и знакомился с делами Межевой канцелярии. Второй день он посвятил осмотру тюрем и посетил тюремную инспекцию. Во время осмотра Бутырской тюрьмы присутствовал при отправке партии ссыльно-каторжан на Амурскую ж. д.; всем виденным, к моему большому удовлетворению, он остался очень доволен. Завтракал он

в этот день у меня, я пригласил еще управлявшего тогда Межевой частью милейшего Н. Д. Чаплина, приехавшего вместе с министром, прокуроров — палаты А. В. Степанова и окружного суда В. А. Брюн де Сент-Ипполита, А. А. Адрианова, А. Д. Самарина, тюремного инспектора А. А. Захарова и управлявшего моей канцелярией С. В. Степанова.

Вечером был обед у А. В. Степанова, к которому были приглашены высшие чины судебного ведомства и я. Обед носил совершенно интимный характер, без всякой официальности. Прямо с обеда Щегловитов проехал на вокзал для отбытия в Ливадию. Он производил странное впечатление своей манерой говорить со всеми заискивающим тоном, он хотел нравиться, но это ему не удавалось, оставался какой-то осадок.

8 апреля при торжественной обстановке совершено было освящение нового храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы при Марфо-Мариинской обители. Освящал митрополит Владимир, после чего он отслужил обедню и молебствие в сослужении епископов Анастасия и архимандрита Чудова монастыря Арсения и местного духовенства. Присутствовала настоятельница обители великая княгиня Елизавета Федоровна со всеми сестрами обители; среди приглашенных находились депутации от полков — Черниговского гусарского и Киевского гренадерского.

Храм этот был воздвигнут в парке Марфо-Мариинской обители по планам академика А. В. Щусева в старинном псковско-новгородском стиле. Он был хорошо виден с Большой Ордынки сквозь скромные деревянные ворота в древнерусском стиле. Внутри храм был расписан академиком М. В. Нестеровым, им же написаны были и иконы в иконостасе. Все они написаны с какой-то необыкновенной душевной чистотой, которая проглядывает в каждом штрихе; чувствуешь, как делаешься лучше и чище, смотря на них. Особенное впечатление производит «Святая Русь», которая невольно возбуждает столько дум и столько самых светлых мыслей.

Храм как снаружи, так и внутри поражает своей скромностью, простотой, цельностью. Все соответствует одно другому — и утварь, и одежды, и иконостас, и вся скульптура — все в одном стиле, все дополняет одно другое. Над центральной частью храма возвышается одна большая глава, а две меньших — над звонницами и еще одна, малая, рядом с большой, над ризницей.

Очень трогательно описано впечатление от храма в книжке, посвященной этому дню духовником Марфо-Мариинской обители протоиереем Митрофаном Серебрянским [3]. Приведу некоторые его слова: «Как ясно здесь выражена древнерусская мысль: не разбрасываться. Да, древняя Русь не рассеивалась: ее все думы, вся любовь были сосредоточены только вокруг Господа Христа, пришедшего в двух естествах от Святыя Девы для вечного спасения

людей. Вера и любовь ко Христу, самая нежная любовь к Богоматери с дерзновенной надеждой на ее ходатайство перед Сыном за немощи и грехи людей — вот чувства, которые наполняли все существо древнерусского человека. Они проникали во всю его личную внутреннюю жизнь; они были центром воспитания и жизни его семьи; они же были основанием и общественного его служения. Так думали и так любили все русские люди от царя и патриарха до самого последнего простеца. Этим жива была Русь и звалась по праву святая, имея от Христа и его Пречистой Матери благословение и помощь, с которыми все пережила и все победила.

О, какой вздох сокрушения вырывается из груди русского человека XX века при этих воспоминаниях и при виде того, как в бегстве от Христа теперь так много гибнет русских людей, так колеблется Россия. Как хочется крикнуть: «Соберись, Русь, снова ко Христу и его Пречистой Матери. К ним устреми свои думы и желания. Их светом просвети себя. Их любовью согрей себя. Их законом укрепи себя в жизни и деятельности». И снова засияет Русь тогда, снова станет христолюбивой, победоносной, святой».

Описав подробно весь храм, он кончает: «Да, архитектура, скульптура, орнаментовка, картины, иконы, утварь — все вместе совершенно захватывает душу, отрывая ее от житейской суеты, уныния и скорби и властно влечет идти к Господу, взяться за его всесильную руку и шествовать вместе с Богоматерью, святыми и всеми людьми в вечный рай Христа со святым упованием на помощь благодати Господней, которая всегда была, есть и будет с русским народом. Слава Богу, помогшему заложить и окончить сей дивный храм благодати небесной. Пресвятая Богородица покроет трудившихся в созидании его и молящихся в нем честным своим омофором».

9 апреля скончался Николай Карлович фон Вендрих. Его кончина меня глубоко огорчила. Мы с ним так дружно работали в Попечительстве о народной трезвости, где он был моим товарищем по должности председателя. Он был видным общественным деятелем, в течение 35 лет был мировым судьей, пользуясь огромным авторитетом, был гласным городской думы в течение нескольких четырехлетий. Это был честнейший человек, справедливейший; к его честному голосу все прислушивались, и скромности при этом он был поразительной. Он не выносил никакой несправедливости и выходил из себя, если замечал ее. Многие не уживались с ним, так как он был ворчлив и иногда несдержан, мелочен, но все эти его недостатки тонули в безбрежном море его непомерных качеств, его глубокого благородства и честности.

11 числа его хоронили в Алексеевском монастыре. Все Попечительство в полном составе, все служащие, так как я сделал распоряжение о закрытии на день его похорон всех учреждений,

пришли почтить его память. Великая княгиня Елизавета Федоровна, в благотворительных учреждениях коей он тоже работал с неутомимой энергией, присутствовала на панихидах и похоронах и возложила на гроб крест из живых цветов. Мир праху твоему, честный, дорогой труженик!

На место Н. К. фон Вендриха, по моему ходатайству, был назначен В. Б. Шереметев, управлявший до того канцелярией Попечительства с самого его основания. Я очень был рад, что ходатайство мое было уважено, это несколько ободрило и Василия Борисовича, который после неожиданной кончины своей жены (она скончалась от сыпного тифа в 1911 г.) находился в неутешном горе, оставшись один с четырьмя малолетними детьми. Его покойная жена была на редкость умная, чуткая и благороднейшая женщина, чудная жена и мать. Все служащие приветствовали назначение В. Б. Шереметева, который пользовался среди них большой любовью. Управляющим канцелярией был мною назначен В. Д. Шереметевский, аккуратнейший и добросовестнейший работник и прекрасной души человек.

3 апреля в Бодайбо Иркутской губернии на Ленских приисках произошли весьма печальные события: после длительной забастовки на приисках при возникших беспорядках местные власти применили оружие, в результате чего оказалось до 200 убитых [4].

Известие это вызвало большие волнения по всей России, печать, конечно, поспешила переусердствовать и представить эти события в сильно преувеличенном виде. В Государственной Думе реагировали на это печальное событие особенно сильно, и почти все фракции предъявили запросы. Дума запросы приняла. Министр внутренних дел А. А. Макаров решил тотчас выступить, не дожидаясь положенного для ответа срока, надеясь этим успокоить разгоревшиеся страсти, но вышло обратное. Страсти еще больше разгорелись от неудачной его речи, вернее, неосторожно брошенной фразы.

Взойдя на трибуну, Макаров обратился к членам Думы со следующей речью: «В общественной жизни бывают события, которые властно овладевают нашими чувствами и вызывают стремление узнать во что бы то ни стало настоящую правду, как бы горька она ни была. Правительство считает поэтому необходимым выступить сегодня с объяснениями по запросам о прискорбных ленских событиях, несмотря на то, что вы приняли запрос только вчера. Я называю эти события прискорбными, так как они повлекли 163 смерти. Ничего, кроме искренней печали, они вызвать не могут, и правительство в этом отношении разделяет чувства Государственной Думы».

Далее министр сказал: «До забастовки на приисках в министерстве не было указаний на ненормальные отношения между администрацией приисков и рабочими, в чем нет ничего удивительного, потому что Ленские прииски находятся в особых условиях: они отстоят за 1800 верст от губернского центра, от которого они к тому

же два раза в год бывают отрезаны бездорожьем. Но ваш запрос сводится к обвинению не в бездействии, а в превышении власти. С целью строгого расследования истины генерал-губернатору поручено, несмотря на бездорожье, посетить лично Ленские прииски совместно с прокурором палаты и представителями Министерства торговли. Органы власти обвиняются во вмешательстве в мирную обстановку и неправильном применении оружия. Но протекала ли она на самом деле мирно? Она началась 29 января 1912 г. на Андреевском прииске, где среди других требований было выдвинуто требование 8-часового рабочего дня. К 9 марта забастовало в общей сложности 6000 рабочих, во главе их стал стачечный комитет. Против него в марте было возбуждено преследование по 3 пункту статьи 125 Уголовного уложения за устройство сообщества, возбуждающего к стачке.

Возглас слева: «А закон 2 декабря?»

Закон 2 декабря 1905 г. сделал ненаказуемым самое участие в стачке, а возбуждение к стачке остается уголовно наказуемым. Поэтому возбуждение преследования против стачечного комитета было совершенно правильно, но на практике оказалось безрезультатным вследствие недостатка полиции. Из-за этой недостаточности горный исправник вынужден был отказать и в производстве обысков, и в производстве арестов, о чем прокурор суда и донес министру юстиции. Благодаря такому положению настроение рабочих стало угрожающим и возникло опасение о возможности порчи и даже истребления машин. Из Киренска была вызвана воинская команда и на прииски были командированы весьма известный и популярный в Сибири инженер Гульчинский и ротмистр Трещенков.

Возглас слева: «И этот весьма известен».

В конце марта бесчинства толпы дошли до того, что она останавливала пассажирские поезда, не допуская вновь нанятых рабочих до работ. Инженер Гульчинский старался добиться соглашения администрации приисков с рабочими, но безуспешно. К 1 апреля положение на прииске стало невозможным. Иркутский губернатор, относившийся все время благожелательно к рабочим, вынужден был 2 апреля телеграфировать ротмистру Трещенкову о необходимости арестовать стачечный комитет. Арест произведен в ночь на 4 апреля, а днем 4 апреля произошли события, повлекшие за собой 163 смерти. Во всех трех телеграммах, полученных оттуда, указывалось, что толпа вела себя вызывающе и угрожающе. Поведение рабочих вызывалось не арестом стачечного комитета, а полным сознанием безнаказанности. По словам товарища прокурора, толпа вела себя так, что если бы войска не стреляли, то солдаты могли бы быть сметены толпой. После первого залпа толпа легла, а затем двинулась на солдат с криками «ура». Видя угрожающее поведение толпы, солдаты волновались, требуя разрешения стрелять.

(Шум слева.)

Сделано было еще три залпа. Толпа рассеялась и оставила на

месте много кирпичей, кольев, палок. Где же незаконное вмешательство в мирно протекавшую забастовку? Да и вряд ли можно говорить о мирно протекавшей забастовке. Среди 10 арестованных членов комитета 3 были осуждены за пропаганду и принадлежность к Социал-демократической партии. Несколько наиболее важных членов комитета скрылись. Среди них и член Второй Думы Баташов, присужденный к каторге Особым присутствием Сената за принадлежность к военной организации».

Сильный шум слева, возгласы: «Провокация, провокация!»

Затем Макаров перешел ко второй части запроса — о превышении власти и заявил, что оружие было применено правильно, все требования закона были выполнены, и продолжал: «Все телеграммы свидетельствуют о том, что войска были бы смяты, если бы оружие не было применено, и что солдаты волновались, требуя разрешения стрелять. Что сказала бы Государственная Дума, если бы толпа, окружив войска, обезоружила бы солдат? Она сказала бы, что правительство бездействовало. *(Одобрение справа.)* По дополнительным сведениям с места, целью скопища 4 апреля было захватить оружие у солдат и разгромить народный дом, где сидели арестованные. Воин и оружие нераздельны. Потеря оружия — позор для воина. Войсками не шутят. *(Аплодисменты справа.)* Когда потерявшая рассудок под влиянием злостных агитаторов толпа набрасывается на войска, тогда войску ничего не остается делать, как стрелять. *(Шумные аплодисменты справа.)* Так было, так будет и впредь. *(Аплодисменты справа.)* Глубоко прискорбные события 4 апреля должны лечь, по моему крайнему убеждению, не на тех, кто распоряжался воинской командой, а на агитаторов, уже сидящих в тюрьме, и на трусливо бежавшего Баташова, и на всех тех, кто с ним...» С этими словами министр покинул трибуну при аплодисментах справа и на скамьях националистов и при шиканье и свисте слева.

Объяснения министра не удовлетворили большинства Думы, и слова его «так было и так будет» перетолкованы были совершенно в другом смысле и явились навсегда преградой между ним и Думой. Я не берусь судить о печальных событиях на Ленских приисках, так как боюсь ошибиться в оценке событий. Слишком хорошо надо знать местные условия, чтобы дать справедливое заключение. Одно несомненно, что в Сибирь всегда назначали провинившихся в Европейской России чиновников, то же практиковалось и относительно жандармских офицеров. П. А. Столыпин, и тот грешил в этом отношении: однажды на докладе о непристойных действиях известного жандармского офицера Мясоедова он положил резолюцию: «Перевести его не ближе меридиана Самары». Этот взгляд и губил все дело на окраинах, куда, казалось бы, следовало назначать именно лучших и опытнейших людей, так как им приходилось работать вдали от надзора и проявлять гораздо больше самостоятельности, чем в центральных губерниях, где они были на виду.

28 апреля помощник военного министра генерал Поливанов был

освобожден от занимаемой им должности с назначением в Государственный Совет. Отношения его с военным министром Сухомлиновым последнее время становились все более и более натянутыми, по мере того, как популярность Поливанова в думских кругах росла и он стал сближаться с А. И. Гучковым. Сухомлинов, боясь растущего влияния Поливанова и интриг с его стороны, что было вполне возможно, поспешил с ним расстаться. Помощником военного министра был назначен генерал Вернандер, честнейший, но гораздо менее способный, чем Поливанов.

В 1911 г. или в начале 1912-го, не помню точно, в Московскую пересыльную тюрьму с партией арестованных прибыл Леонид Кораблев, присужденный за ряд вооруженных грабежей к бессрочной каторге. Его имя было связано с делом о похищении в Казани из женского монастыря чудотворной иконы Божьей Матери Казанской, и он, как только прибыл в тюрьму, стал делать намеки, что икона вовсе не сожжена, как показал на допросе один из участников ограбления монастыря, и он может указать место, где эта икона находится. Я сначала не обращал внимания на эти разговоры, пока не узнал, что по указаниям Кораблева настоятель церкви пересыльной тюрьмы отец Николай Смирнов ходил на какую-то конспиративную квартиру в Марьиной роще, где ему была показана очень старинная икона Казанской Божьей Матери. Посещение этой квартиры было обставлено большой таинственностью. Отец Николай Смирнов явился на перекресток двух улиц, где его встретили двое и, завязав ему глаза, привезли куда-то, как ему показалось, в Марьину рощу, в какой-то дом, ввели его в комнату, где развязали глаза, затем принесли ему икону и дали осмотреть. Он обратил внимание, что икона была действительно Казанской Божьей Матери, старинная, покоробленная, с обтертыми углами, из которых два верхних, особенно левый, значительно обветшалые; в месте прикладывания к ней — углубление или впадина продолговатой, в ширину, формы; вокруг головы Божьей Матери и Спасителя и их одежды разные орнаменты. Это было 16 марта. По осмотре им иконы его таким же манером, с завязанными глазами, отвели на какую-то улицу, недалеко от Бутырской тюрьмы.

Я высказал и тюремному инспектору, и священнику мое неудовольствие по этому поводу, находя недостойным для сана священника быть орудием какой-то шайки темных личностей, тем более что раз отец Николай Смирнов никогда не видал похищенную икону, то ему нельзя было и судить, действительно ли ему показали подлинную икону. Поэтому я запретил отцу Николаю продолжать принимать какое-либо участие в этом деле. Зная же, что великая княгиня Елизавета Федоровна принимала очень близко к сердцу все дело о похищении иконы, я поехал ей доложить об этом случае. Великая княгиня полагала, что вполне возможно, что икона не была сожжена, а продана старообрядцам, как некоторые полагали, а потому придала значение показаниям Кораблева, который именно

и утверждал это. Через некоторое время великая княгиня направила ко мне игуменью Казанского монастыря Варвару вместе с монахиней, очень хорошо знакомой с иконой, которая дала мне подробные сведения об иконе, размере ее, иконописи и т. д. В это же время приезжал ко мне и иеромонах Илиодор, столь нашумевший в г. Царицыне, который вместе с епископом саратовским Гермогеном задался целью восстановить икону Казанской Божьей Матери. Он показался мне не совсем нормальным человеком с блуждающими глазами, но держал себя он у меня вполне прилично и даже скромно. Он сказал мне, что вместе с епископом Гермогеном, сосланным уже в то время, как мне помнится, в какой-то монастырь, они разыскивают икону, и потому он желал бы иметь свидание с ссыльно-каторжным Кораблевым.

Свидание я разрешил, на этом свидании Илиодор, расспросив Кораблева об иконе, обещал ему от себя и епископа Гермогена выхлопотать у Государя императора полное помилование как ему, так и его товарищам, если икона будет найдена. После же свидания Илиодор, посетив меня, в разговоре со мной высказал мысль, что в сущности безразлично, будет ли икона подлинная или поддельная, что важно лишь восстановить святыню.

Эти слова Илиодора мне показались до того циничны, что я решил вмешаться в это дело, чтобы не допустить наглого обмана. Я проехал в Петербург и, доложив Государю как обстоятельства дела, так и разговор Илидора со мной, просил его величество, в случае, если бы Кораблев дал верные указания, по которым икона была бы найдена или же доставлена мне, разрешить мне войти со всеподданнейшим ходатайством о смягчении участи Кораблева, но, конечно, только в том случае, если по тщательной экспертизе оказалось бы, что икона подлинная. Получив согласие на это, я вернулся в Москву.

В апреле месяце в Москву приехал от имени епископа Гермогена священник Востряков, но я его не допустил к свиданию с Кораблевым, решив отстранить от этого дела духовных лиц после высказанных мне Илиодором соображений.

Кораблев в это время обратился ко мне через тюремного инспектора с просьбой выслушать его. Я приказал тогда доставить его ко мне в губернаторский дом с конвоем и принял его с глазу на глаз, чтобы дать ему возможность высказаться совершенно откровенно. За время существования губернаторов это был первый случай, что арестант ссыльно-каторжного разряда, не отбывший даже еще кандального срока, вошел в кабинет губернатора.

Кораблев мне рассказал целую историю, как икона была продана старообрядцам, и что, по его сведениям, она в то время должна была находиться в селении Кимры Тверской губернии, что следовало бы там учредить наблюдение за торговцами братьями Девятовыми, которые хотя и не старообрядцы, но им должна была быть

передана икона некоей Кочетковой, очень богатой старообрядкой, которая играла немаловажную роль в деле приобретения ее. Он говорил очень много, но связать все было трудно, затем просил дать ему свидание с сестрой, чтобы узнать от нее, где, в каком месте была показана икона отцу Николаю Смирнову. В общем он произвел на меня впечатление человека, к показаниям которого следовало отнестись очень осторожно. Я ему сказал, что он может рассчитывать на смягчение своей участи, но не на полное помилование, в случае, если икона будет доставлена мне и по экспертизе будет признана подлинной. А для того, чтобы он мог в этом отношении свободно действовать, то я разрешаю ему иметь неограниченные свидания с его матерью и сестрой, которым он может давать какие угодно поручения в течение месяца. Затем, когда я его вызвал еще раз, он мне сказал, что дело идет очень хорошо, что мать сторговалась с держателями иконы, и они обещали ей отдать икону за 20 000 рублей, каковые деньги он просил передать матери. Я ему ответил, что вперед никаких денег уплачено быть не может. В результате он обещал, что икона будет доставлена мне на следующей неделе. Но неделя прошла, а иконы не было. Кораблев мне написал тогда, что задержка произошла вследствие того, что от епископа Гермогена, который имел будто бы переговоры с держателем иконы, не прибыл ожидаемый им посланец и что он клянется прахом отца своего в том, что икона со дня прибытия посланца будет отдана мне в течение трех дней.

Я решил подождать еще месяц и, если результата и тогда не последует, просить о переводе Кораблева в другую тюрьму, поставив на этом деле крест и прекратив с ним переговоры. Но Главное тюремное управление предупредило меня и, очевидно, по чьим-то проискам, прислало мне нижеследующую бумагу от 1 мая 1912 г. за № 248:

«Совершенно секретно. Спешно. Московскому губернатору.

Вследствие личных объяснений с Вашим превосходительством по поводу ссыльно-каторжного арестанта Леонида Кораблева, дальнейшее пребывание которого в Московской центральной тюрьме Вы, со своей стороны, также признавали бы вредным, имею честь уведомить Вас, что господин министр юстиции признал соответственным перевести названного арестанта в другое место заключения.

Ввиду изложенного Главное тюремное управление просит Ваше превосходительство сделать распоряжение о переводе Кораблева с этапом 4 сего мая в ведение орловского губернатора для помещения в местную временную каторжную тюрьму. О предстоящем переводе в Орел Кораблев не должен быть предупреждаем заблаговременно, и распоряжение это может быть ему объявлено непосредственно перед отправкой и сдачей конвою на этап. В период времени между получением настоящего отношения и отправкой по

назначению, Кораблеву не должны быть разрешаемы переписка и свидания с кем бы то ни было, но после отправки Кораблева ближайшие его родственники (мать и сестра) могут быть поставлены в известность о состоявшемся распоряжении относительно перевода его в Орел.

Благоволите, Ваше превосходительство, предложить администрации Московской центральной пересыльной тюрьмы подвергнуть Кораблева перед сдачей конвою самому тщательному обыску и убедиться в исправном и прочном состоянии наложенных на него ножных и ручных оков, а также предупредить конвой о необходимости иметь за Кораблевым в пути самый бдительный надзор в предупреждение нападения на конвой и побега. После отправления Кораблева в Орел не откажите немедленно уведомить Главное тюремное управление. Начальник главного тюремного управления Хрулев».

Я был крайне возмущен таким неправильным освещением моего разговора с начальником Главного тюремного управления, которому я именно говорил, что хочу довести дело о розыске иконы раз и навсегда, до конца, и потому прошу оставить Кораблева в Москве, пока вопрос не будет исчерпан. [...]

Так и не удалось выяснить это дело до конца, и вопрос об иконе окончательно заглох. Симулировал ли Кораблев, какую роль играли епископ Гермоген с иеромонахом Илиодором в этом деле, все это, благодаря вмешательству министра юстиции, не удалось установить. Я лично остался при убеждении, что епископ Гермоген и иеромонах Илиодор задумали устроить шантаж с иконой, выдав фальшивую за подлинную, и, опасаясь, что их действия будут мною раскрыты, повлияли на министра юстиции, который и удалил Кораблева из Москвы.

2 мая телеграф известил о кончине короля датского Фредерика VIII, брата вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Он скончался при совершенно исключительных обстоятельствах. Возвращаясь из Ниццы в Копенгаген, король с семьей остановился в Гамбурге и вышел прогуляться, но с ним сделалось дурно, и он упал на глазах у полицейского. Этот последний поспешил к нему на помощь и, так как он был без сознания, то, не найдя на нем никакого удостоверения личности, отвез его в ближайшую больницу, где король, не будучи никем узнан, скончался.

Королева Луиза и принцы, обеспокоенные продолжительным отсутствием короля, обратились к властям города. После продолжительных поисков нашли тело короля в морге. Внезапная кончина короля вызвала в Дании искреннейшую скорбь, король пользовался большой любовью у народа. На престол вступил Христиан X.

11 мая в Москве в евангелическо-лютеранской церкви святых Петра и Павла состоялось торжественное заупокойное богослужение. Храм был задрапирован черным крепом и убран датскими

флагами и тропическими растениями. Пел любительский хор общества «Лидертафель», солисткой выступила меццо-сопрано госпожа Барт. Вся московская администрация, военная и гражданская, вся датская колония во главе с консулом господином Ферстером была налицо. Присутствовала и депутация от Сумского гусарского полка, шефом которого состоял покойный король.

Назначенное в Москве на 15 мая открытие памятника Александру III, по высочайшему повелению, было перенесено на 30 мая.

К 14 мая грандиозное здание Московского почтамта было закончено отделкой, и в этот день состоялось торжество его освящения. Из Петербурга прибыли начальник Главного управления почт и телеграфов Севастьянов и строитель почтамта председатель технико-строительного комитета Л. Н. Новиков. Собрались все власти и много приглашенных. Молебствие отслужено было преосвященным Анастасием, после чего он окропил святой водой все помещение нового почтамта.

Когда было подано шампанское и провозглашены были обычные тосты, начальник Главного управления почт и телеграфов обратился к группе чиновников почтамта и произнес не совсем подходившую к моменту речь, бестактно вспомнив их забастовку 1905 г., когда, по его выражению, «волки в овечьей шкуре нашли себе добычу в их среде и вовлекли их в преступные союзы под флагом заботы об улучшении их экономической жизни».

Новое сооружение прибавило Москве еще одну достопримечательность. Нигде в мире до сего такого почтамта не было. Даже берлинский почтамт, славившийся своими размерами и усовершенствованиями, не имел такого грандиозного зала для почтовых операций.

Весь май месяц первопрестольная столица готовилась к достойной встрече своего монарха. То было первое высочайшее посещение столицы после грустных дней 1905 г. Почти десять лет прошло со времени последнего посещения Москвы Государем, а за время моего губернаторства это было в первый раз. В Москве предстояло открытие и освящение памятника императору Александру III, членом комитета по постройке которого состоял и я, а затем предстояла поездка в Свято-Троицкую Сергиеву лавру. Лавра находилась в пределах губернии, а потому вся ответственность по охранению порядка ложилась на меня, так же как и все заботы об охране, согласно нового взгляда министерства после киевской катастрофы.

Киевские торжества, так печально окончившиеся, ясно доказали, что курловская система охраны, когда местные власти устранялись от дела и ответственности, в корне неправильна, и потому министерство решило отказаться от этой системы. Этому решению в значительной мере способствовал и новый товарищ министра

И. М. Золотарев, заменивший Курлова, человек серьезный, спокойный и невластолюбивый. По новой выработанной инструкции хозяином в деле охраны являлась местная власть, коей подчинялись все органы охраны не только местной жандармской власти, но и чины охраны Управления дворцового коменданта, поступавшие в распоряжение губернатора или градоначальника с момента вступления в наряд, причем количество их, инструкции им и чинам Корпуса жандармов и все наряды утверждались заранее губернатором или градоначальником. При этом все решительно билеты для входа на торжества в присутствии Государя выдавались исключительно за подписью и ответственностью губернатора или градоначальника.

От такой системы получалась цельность. Роль министерства сводилась к утверждению всех представлений и предположений местной власти по охране, к усилению местной полиции командированием чинов из других мест и отпуску необходимых средств. А затем за министерством оставалось высшее наблюдение, но без вмешательства в распоряжения местной власти. Я несколько раз ездил в Петербург для переговоров с министром и Департаментом полиции по делам охраны и, должен сказать, встречал с их стороны не только полное сочувствие всем моим предположениям и распоряжениям, но и предупредительность. Также и со стороны Министерства двора и дворцового коменданта.

За месяц еще до посещения Государем императором Москвы и Сергиева Посада я оповестил жителей Посада о предстоящем в мае приезде их величеств, обратясь к ним со следующим объявлением от своего имени: «В предстоящем мае месяце императорские величества с их августейшей семьей изволят посетить Сергиев Посад для поклонения мощам преподобного Сергия Радонежского чудотворца. Объявляя о столь счастливом событии жителям Посада, приглашаю их достойно приготовиться к встрече высочайших гостей и принять все зависящие от них меры к обеспечению спокойного и радостного пребывания их в Посаде. В этих целях приглашаю жителей Посада озаботиться, по мере средств и возможности каждого, приведением в благопристойное и опрятное состояние улиц, тротуаров и внешнего вида домов, лавок и заборов, а ко дню царского приезда украсить свои жилища флагами, вензелями, материями и проч.

Я твердо уверен, что жители Посада во время приезда и пребывания в их городе их императорских величеств и царского семейства проявят по случаю выпавшей на их долю высокой чести истинную верноподданническую радость и радушие, которые прежде всего заключаются в соблюдении полного порядка и безусловного подчинения всех как чинам местной полиции, так и особо назначенным мною, по случаю царского приезда в Посад, лицам.

Я ни одной минуты не сомневаюсь в том, что жители Посада в сознании святости места их жительства, где почивают мощи великого святителя русского, и в любви и преданности Престолу,

сделают все от них зависящее для приятного высочайшего пребывания их императорских величеств в Посаде».

За несколько дней до высочайшего приезда в Москву съехались почти все особы императорского дома и прибыли воинские эшелоны от гвардейских частей для участия в торжестве открытия памятника Александру III. Среди них были и родные мне преображенцы, офицеров коих я пригласил к себе, и они, к моей большой радости, прожили у меня несколько дней.

Наконец настал радостный для первопрестольной день 28 мая. В этот день прибыли в Москву их величества с наследником цесаревичем и великими княжнами Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией Николаевнами. Почти одновременно из Дании изволила прибыть Государыня императрица Мария Федоровна.

В ожидании приезда за последние два дня Москва совершенно преобразилась. Все общественные и правительственные учреждения, частные дома, не только на главнейших улицах, но и на второстепенных, были украшены флагами и транспарантами. Наиболее тщательно были украшены дома по пути следования их величеств от царского павильона до Кремля и от Боровицких ворот до места памятника императору Александру III.

По всему пути от Николаевского вокзала до Кремля установлены были огромные стяги и мачты, украшенные государственными гербами и вензелями их величеств. Между этими стягами, мачтами и трамвайными столбами протянуты были очень красиво гирлянды из зелени и разноцветных маленьких флагов. У Каланчевского переезда были поставлены два пирамидальных обелиска, богато украшенных живописными фризами, изображавшими Георгия Победоносца. Фасад думского здания был превращен в сплошную декорацию, убранную с большим вкусом. Платформа царского павильона была убрана роскошно. Длиннейший перрон весь пестрел тысячами флагов. Особенно выделялся убранством центр перрона, обращенный в шатер. По всему перрону, обтянутому красным сукном, протянуты были дорогие ковры. В цветнике перед павильоном на высоких мачтах развевались флаги, среди клумб, на одной из них составлен был из цветов вензель их величеств, на другой — государственный герб. На платформе был выставлен почетный караул от 1-го Лейб-гренадерского Екатеринославского императора Александра I полка со знаменем и хором музыки на правом фланге.

По пути следования расставлены были шпалерами войска от царского павильона до Большого Кремлевского дворца. Войска стояли по одной стороне пути, по другой же стороне, против войск, лентой тянулись воспитанники и воспитанницы учебных заведений всех ведомств, а также городских училищ и школ. Все со значками и флагами. Сзади шпалер войск и детей тротуары были заняты густой толпой. До 11 часов дня доступ на все улицы и площади был беспрепятственный.

Около часу дня к павильону стали съезжаться все лица, коим надлежало участвовать во встрече их высочеств. Помимо обычных лиц на майские торжества были приглашены лица, состоявшие в Свите покойного императора Александра III: 17 генерал-адъютантов, 1 Свиты генерал-майор и до 30 лиц, состоявших в Свите, а затем выбывших. Затем были еще приглашены: статс-секретарь граф С. Ю. Витте, А. С. Ермолов, обер-гофмейстеры: князь Репнин, Танеев, Нечаев-Мальцев и фон Кауфман, обер-егермейстеры: граф С. Д. Шереметев, граф Голенищев-Кутузов-Толстой и Н. Балашов. От Государственного Совета 22 члена по назначению и 22 по выборам; от Сената — 10 сенаторов и от Государственной Думы — 60 членов Думы.

В исходе второго часа вся платформа и парадные комнаты были наполнены встречавшими лицами. Около двух часов к императорскому павильону стали подъезжать высочайшие особы, первой прибыла великая княгиня Елизавета Федоровна в своем светлом одеянии настоятельницы Марфо-Мариинской обители.

Ровно в 2 часа 27 минут при звоне колоколов всех московских церквей императорский поезд плавно подошел к перрону. Раздалась команда «На караул», оркестр заиграл встречу, знамя склонилось. Вагон Государя остановился как раз против шатра. Государь вышел из вагона в мундире Лейб-гренадерского Екатеринославского полка, принял рапорты от командующего войсками генерала Плеве, от градоначальника и от меня, после чего, поздоровавшись с Председателем Совета Министров и министрами, пошел по фронту почетного караула. Громкое, радостное «Здравия желаем вашему императорскому величеству» было ответом екатеринославцев на приветствие Государя, и одновременно раздались звуки гимна, с которыми слились крики «ура».

Приняв на левом фланге караула рапорты от ординарцев и посыльного, Государь обошел лиц своей Свиты и военных и затем пропустил караул церемониальным маршем.

Императрица Александра Федоровна с наследником, одетым в матросскую форму с надписью на морской фуражке «Штандарт», и великими княжнами, выйдя из вагона, вошла в павильон и обходила присутствовавших дам.

В это время с противоположной стороны полотна железной дороги, по передаточной ветке, прибыл второй императорский поезд, в котором из Дании следовала Государыня императрица Мария Федоровна с великой княгиней Марией Александровной, герцогиней Саксен-Кобург-Готской, августейшей сестрой императора Александра III. Государыню сопровождали: фрейлина графиня О. Ф. Гейден и Свиты генерал-майор князь Оболенский. Государыня императрица Мария Федоровна при выходе из салон-вагона была встречена Государем, Государыней императрицей Александрой Федоровной и особами императорской фамилии, лицами Государевой Свиты и высшими чинами, собравшимися на перроне.

Затем Государь император, обойдя членов Совета Министров и других лиц, направился к депутациям. Губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин поднес Государю императору хлеб-соль на деревянном, художественной работы блюде с надписью: «Самодержцу Всероссийскому — московское дворянство». Вручая хлеб-соль, Самарин обратился со следующими словами: «Радостно встречая царскую семью в стенах первопрестольной столицы, московское дворянство бьет челом своему самодержавному царю и в знак любви и неизменной преданности просит принять по старинному обычаю хлеб-соль».

Городской голова Н. И. Гучков, поднося Государю хлеб-соль на деревянном блюде, украшенном видом Иверской часовни и городской думы, обратился к нему со следующей речью: «Ваше императорское величество, великий Государь. Первопрестольная верноподданная столица ваша Москва имеет счастье вновь приветствовать в древних стенах своих своего обожаемого монарха и драгоценное августейшее семейство его. По древнему обычаю от имени населения Москвы имею счастье просить ваше императорское величество милостиво принять нашу хлеб-соль. Древняя Москва бьет челом вашему императорскому величеству».

На блюде губернского земства вырезаны были следующие слова: «Великому Государю бьет челом московское земство».

Исправляющий должность председателя губернской земской управы сказал при поднесении хлеба-соли следующую речь: «Великий Государь. Впервые вместе с наследником Престола вы изволили осчастливить Московскую губернию своим посещением. Встречая ваше величество и вашу державную семью по старому русскому обычаю хлебом-солью, мы счастливы от лица земства Московской губернии повергнуть к стопам вашим чувства беспредельной радости и верноподданнической преданности».

Приняв хлеб-соль, Государь обошел лиц, собравшихся для встречи, удостаивая всех милостивыми словами. Около 3 часов их величества с августейшей семьей отбыли с вокзала в Кремль в открытых колясках. В первом экипаже следовали: Государь император с Государыней императрицей Александрой Федоровной, наследником цесаревичем и великой княгиней Ольгой Николаевной. Во втором — Государыня императрица Мария Федоровна с великим князем Михаилом Александровичем и великой княгиней Ксенией Александровной. В третьем экипаже следовала великая княгиня Елизавета Федоровна с великими княжнами Татьяной Николаевной, Марией Николаевной и Анастасией Николаевной. Затем следовали экипажи министра двора, дежурства и др. Впереди на известном расстоянии от Государя ехал градоначальник, стоя в экипаже.

Весь путь был усыпан песком. Здороваясь с частями войск, ехал Государь среди восторженных криков «ура», сливавшихся с звуками гимна. По мере следования царской семьи народный энтузиазм

возрастал все более и более. Шел мелкий дождик, прибивший пыль, Государь ехал тихо, так что каждому было легко разглядеть его и всю августейшую семью.

У Иверской часовни царские экипажи остановились. Государь император и Государыни императрицы, наследник цесаревич, великая княгиня Елизавета Федоровна и Ксения Александровна и великие княжны, великий князь Михаил Александрович вошли в часовню и были встречены преосвященным Трифоном, епископом Дмитровским, с крестом и святой водой.

Приложившись ко кресту, Государь император два раза опустился на колени перед чтимою святыней — чудотворною иконой Иверской Божьей Матери и приложился к иконе. За его величеством приложились к иконе остальные члены царской семьи. Преосвященный Трифон, соборне с братиею Перервинского монастыря, совершил краткое молебствие Богоматери, после которого протодиакон Большого Успенского собора К. В. Розов провозгласил царское многолетие. Синодальный хор в белых кафтанах под управлением Н. М. Данилина многократно исполнил «Многая лета». Молебствие закончилось пением «Спаси, Господи, люди твоя».

В момент выхода Государя из Иверской часовни Вознесенская площадь представляла собой удивительно красивое зрелище. Блестели шитые золотом мундиры офицеров гвардейских полков, стоявших шпалерами, сверкало оружие войск на появившемся после дождя ярком солнце, развевались школьные знамена, а по обеим сторонам Иверской часовни расположились красавцы конвойцы его величества в красных кафтанах, а по левой стороне часовни, у проезда через ворота стояли земские начальники, волостные старшины со всей России и типичные станичные атаманы с их булавами в руках, с самых отдаленных окраин нашей Родины, в разнообразных формах.

У памятника на месте мученической кончины великого князя Сергея Александровича царские экипажи вновь остановились. Их величества и их высочества вышли из колясок к монументу-кресту. Здесь священник 5-го гренадерского Киевского полка, в котором почивший великий князь состоял шефом, А. Я. Климовский, совершил литию. Пел хор вольноопределяющихся Киевского полка.

Против памятника была выстроена 1-я рота Киевского полка с командиром полка полковником фон Эттером на правом фланге. Поздоровавшись с киевцами, Государь и высочайшие особы проследовали в Чудов монастырь. У входа в храм высокопреосвященный Владимир, митрополит Московский и Коломенский, приветствовал их величества кратким словом, в котором сказал, что Чудов монастырь, храня в своих стенах мощи святителя Алексия, митрополита Московского, имя которого носит наследник цесаревич, стал особенно близким и родственным царской семье.

При пении хором Чудова монастыря святителю Алексию «Яко

сокровище пребогатое» Государь, а за ним и вся августейшая семья прикладывались к мощам святителя Алексия. Затем высокопреосвященный Владимир, соборне с братиею Чудова монастыря, в золотистых облачениях, совершил молебствие. На наместнике Чудова монастыря архимандрите Арсении было облачение из фиолетового бархата, вышитое жемчугом, — дар императрицы Александры Федоровны.

Из Чудова монастыря все высочайшие особы с великой княгиней Елизаветой Федоровной проследовали внутренним ходом в храм-усыпальницу, к могиле почившего великого князя Сергея Александровича. В храм вошли также министр двора, дворцовый комендант, дежурство, бывшая свита великого князя и прислуга двора его величества, как бывшая, так и состоявшая в то время.

После литии у гробницы Государь и Государыня подробно осмотрели храм-усыпальницу и отбыли в Большой Кремлевский дворец. У собственного его величества подъезда был выставлен почетный караул от 12-го гренадерского Астраханского имени Александра III полка. Государь император, выйдя из коляски, обошел почетный караул, здороваясь с астраханцами. Музыка играла встречу и народный гимн. Полковое знамя склонилось пред державным вождем Русской армии. Его величество пропустил астраханцев церемониальным маршем и, поблагодарив их за прохождение, вошел во дворец, где был встречен заведовавшим придворною частию в Москве генерал-лейтенантом князем Н. П. Одоевским-Масловым, помощником начальника дворцового управления генерал-майором К. К. Истоминым и другими чинами дворцового управления.

Вечером Москва была во многих местах блестяще иллюминована. Особенно эффектно были иллюминованы купол Румянцевского музея, губернское правление, городская дума, где по архитектурным линиям горел ряд многочисленных электрических лампочек. Весь вечер по главным улицам двигались несметные толпы народа.

На другой день пребывания их величеств, в день рождения великой княжны Татьяны Николаевны, состоялся высочайший выход в Успенский собор к литургии. В 9 часов утра ударили в большой колокол Ивана Великого, и по всей столице поднялся «красный звон», не умолкавший до начала царского выхода.

По площади от Красного крыльца к Успенскому собору и далее, до Чудова монастыря, сооружен был помост, обнесенный решеткой. Помост был устлан красным сукном, решетка окрашена в белый цвет.

В начале десятого часа залы Кремлевского дворца стали заполняться приглашенными на выход, в это же время прямо в Успенский собор проехали кавалеры ордена Св. Андрея Первозванного, все министры, Председатели Государственного Совета и Думы, сенаторы, почетные опекуны и статс-секретари.

В Екатерининском зале собрались придворные дамы; в Андре-

евском — военные; в Александровском — супруги дворян, городские дамы и др.; в Георгиевском — гражданские чины, дворянство, земство и представители городских самоуправлений; во Владимирском — представители сословий и обществ.

В 11 часов из внутренних покоев через Екатерининский зал, Кавалергардскую комнату, Андреевский, Александровский, Георгиевский и Владимирский залы, Святые сени и Красное крыльцо в Успенский собор последовал высочайший выход. Во главе шествия шли камер-фурьеры, два церемониймейстера, обер-церемониймейстер барон Корф, придворные кавалеры, вторые чины двора, гофмаршал граф Бенкендорф, первые чины двора и др. В предшествии обер-гофмаршала князя Долгорукова следовали: Государь в форме гренадерского Астраханского полка под руку с императрицей Марией Федоровной, позади Государя министр двора барон Фредерикс и дежурство: генерал-адъютант князь Белосельский-Белозерский, Свиты генерал Петрово-Соловово и флигель-адъютант князь Долгорукий; за императрицей — обер-гофмейстер князь Шервашидзе. Далее следовала императрица Александра Федоровна с наследником цесаревичем, который был в форме стрелков императорской фамилии. Затем попарно шли остальные особы императорского дома, придворные дамы, лица Свиты и т.д.

Когда их величества поравнялись с группой московских дворян, московский губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин обратился к Государю с приветствием: «Ваше императорское величество. Сегодня в стенах древнего Кремля вас приветствует вместе с московским дворянством все российское дворянство в лице своих предводителей, собравшихся со всех концов России. Нас соединило здесь единодушное желание воздать всеподданнейший долг священной памяти царя самодержца Александра III. Благоговейно склоняясь перед светлой красотой его царственного облика и перед спокойным величием его царственного подвига, мы в настоящие торжественные дни, посвященные его памяти, особенно проникаемся его великими заветами и с чувством сердечной благодарности вспоминаем его всемилостивое благоволение и доверие к старому служилому сословию. Верные началам, завещанным нашей историей, мы все одушевлены горячим желанием, по примеру наших предков, не за страх, а за совесть служить вам, Государь, на общее благо всей Русской земли».

На это приветствие Государь, обратившись ко всему залу, ответил: «Сердечно благодарю всех собравшихся сегодня в Кремле по случаю освящения памятника моему горячо любимому отцу. Сердечно благодарю все объединенное здесь дворянство за выраженные чувства преданности и искренней любви Престолу и Родине и уверен, что эти исконные заветы преданности и верности передадутся и последующим поколениям». Под громкие крики «ура» Государь проследовал дальше.

При приближении их величеств к группе представителей московского городского управления шествие остановилось. Городской голова поднес хлеб-соль и приветствовал его величество следующими словами: «Великий Государь! После долгих сумрачных серых дней опять взошло красное солнышко над священными стенами Кремля. Опять увидала первопрестольная столица в древних стенах своих своего обожаемого царя и драгоценную семью его. С чувством безграничной радости и благодарности встречает верноподданная Москва своего великого Государя, милостиво даровавшего народу своему обновление. Сегодняшний день будет занесен в летописи русского народа как счастливейший. Да направит Господь дальнейшие пути твои, великий Государь, на счастие твоего народа. Не откажи милостиво принять московскую хлеб-соль».

Затем, обращаясь к наследнику цесаревичу и передавая икону святителя Алексия, городской голова сказал: «Ваше императорское высочество. Да благословит вас Всевышний и да напутствует вас великий святитель московский Алексий в путях ваших на радость августейшим родителям вашим и на благо русского народа».

Передачей иконы городской голова исполнил постановление Московской городской думы, ходатайствовавшей о разрешении в ближайший приезд их величеств в Москву Московской городской думе в полном составе поднести их величествам икону святителя Алексия для августейшего новорожденного от города Москвы.

Во Владимирском зале Государь император принял хлеб-соль от московского ямского общества, мещан, ремесленников и депутаций от старообрядцев, и перед выходом в Святые сени — от Биржевого общества и купеческого сословия.

Войдя в Святые сени, Государь поздоровался с выстроенным там караулом Александровского военного училища и направился к вышедшему к нему с крестом и святой водой духовенству придворных соборов и церквей. Приложившись к кресту, их величества вышли на Красное крыльцо. Как только на Красном крыльце появился Государь, то глубокая тишина, царившая на площади, дрогнула под звоном всех златоглавых церквей кремлевских. Потрясающее «ура», восторженно приветствовавшее их величества, как-то сразу вырвалось из груди народа, заполнявшего площадку и Царскую площадь. Под эти несмолкающие крики «ура» шествие медленно начало спускаться по красивой величественной лестнице, направляясь к Успенскому собору. К сожалению, градоначальник не рассчитал и, очевидно, под влиянием своего охранного отделения допустил на площадку между соборами против Красного крыльца публику только по билетам и в недостаточном числе, отчего площадка была далеко не полна.

У южных врат собора их величества были встречены митрополитом Владимиром, обратившимся к Государю со следующими словами: «Благочестивейший Государь. Еще в древности один из великих

мудрецов заметил, что царь в своем царстве то же, что солнце в природе. Солнце зайдет на западе за горизонтом, и всюду мрак и темнота, все живущее предается бездеятельности и сну. Солнце затмится луною, и у всей природы печальный вид. Среди дня наступает ночь, везде недоумение и страх... Солнце скроется за тучу, и уже не так ясно, не так отрадно, не то небо, не та земля, не те все вещи. Таково солнце по действию на природу; таков и царь по действию на его верноподданных. Опытно изведала это за последние года наша первопрестольная Москва, когда после разразившейся над ней революционной тучи она, быть может, в наказание за то, что не сумела предотвратить ее, в течение 8 лет была лишена твоего лицезрения. Невесело, тоскливо, сумрачно было за это время и в наших душах, как в природе без солнца, и чем тягостнее было это состояние, тем сильнее была жажда твоего лицезрения. Но вот, наказав нас «краткия печали посещением», милосердный Господь всеобильно наполнил сердца наши радостью и веселием, даровав нам утешение в виде тебя на нашем патриотическом торжестве со всем твоим домом. Говорю «всеобильно», потому что всегда светлое твое лицезрение ныне светит нам новым, особенно ярким лучом. Среди твоего благословенного семейства древняя столица первый раз видит Государя наследника, эту светлую свою надежду, этот плод горячих своих молитв, это сокровище русского сердца. Видит она это и с чувством невыразимой радости усматривает здесь исполнение над тобой древнего благословения: «Созижду в род и род Престол твой, и будут сынове и дщери твои яко новосаждения масличны, яко тако благословится царь, бояйся Бога».

Благочестивейший Государь. Взгляни на эти жаждущие взоры, коими объемлет народ тебя и твое семейство, прислушайся к этому громогласному взрыву неудержимого восторга, коим он напутствует тебя в этот храм твоего царского освящения, и утешься мыслью, что в этой царской молитве твоей ты не будешь одинок, но всеобщая наша радость, воспламенив благочестивые сердца, устроит из них одно кадило перед Богом, чтобы вознести к Престолу его благости фимиам твоего сердца».

По окончании слова митрополит поднес древний животворящий крест для целования. Приложившись к святому кресту, их величества вошли в собор и встали впереди патриаршего места.

После литургии было отслужено молебствие, после чего, приложившись к чудотворной иконе Владимирской Божьей Матери и мощам, их величества, в предшествии митрополита и придворных чинов, проследовали в Чудов монастырь приложиться к мощам святителя Алексия. Затем, пройдя внутренним ходом в Николаевский дворец, высочайшие особы отбыли в экипажах в Большой Кремлевский дворец. Народ, наполнявший площадь, восторженно приветствовал их величества.

В тот же день Государь и Государыни императрицы вместе

с другими особами императорского дома посетили институт московского дворянства для девиц благородного звания имени императора Александра III, в память императрицы Екатерины II. В ожидании высоких гостей в вестибюле института собралось правление института в составе губернского предводителя дворянства А. Д. Самарина, графа С. Д. Шереметева, П. А. Базилевского, барона В. Д. Шеппинга, князя В. А. Голицына, Е. М. Пржевальского и П. А. Янова. Здесь же находилась и начальница института О. А. Талызина; на верхней же площадке собрались дворяне Московской губернии с женами, преподаватели и родители учащихся. Институтки ожидали их величеств в храме, выстроенные рядами.

За полчаса до прибытия высоких гостей приехали министр внутренних дел, наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков и много других приглашенных, затем, незадолго до 4-х часов, прибыли особы императорского дома.

В 4 часа крики «ура» известили о приближении их величеств. Государь с императрицами Марией Федоровной и Александрой Федоровной и великими княжнами Ольгой и Татьяной Николаевнами прибыли на автомобилях в сопровождении барона Фредерикса, генерала Дедюлина и дежурного флигель-адъютанта князя Долгорукова. Перед парадным входом в институт был сооружен белый шатер, декорированный зеленью и национальными флагами.

Высокие гости были встречены губернским предводителем А. Д. Самариным, подавшим императрице Марии Федоровне рапорт о состоянии института, и начальницей института О А. Талызиной. Тут же находилось все правление института. Их величества поднялись во второй этаж, в институтскую церковь, у входа которой были встречены настоятелем храма, священником Дмитриевым с крестом и святой водой, который произнес краткую приветственную речь, отметив знаменательное значение этого дня в жизни института.

В храме находились воспитанницы института с педагогическим персоналом; весь храм был красиво убран гирляндами из зелени и цветов. Началось молебствие, пел хор воспитанниц. После «многолетия» провозглашена была «вечная память» императрице Екатерине II и императору Александру III. После молебствия их величества и августейшие особы направились в дортуары и обошли все помещения института и лазарет. В гимнастическом зале Государю, Государыням императрицам и великим княжнам поднесены были ученические рукодельные работы.

Затем высокие гости проследовали в актовый зал и заняли места в первом ряду. Началось концертное отделение, которое открыл хор воспитанниц, исполнивших «Старец Серафим» М. М. Ипполитова-Иванова, а затем «Жаворонок» В. С. Калинникова. Затем воспитанницы педагогического класса Володимерова 1-я и Володимерова 2-я исполнили две вещи С. В. Рахманинова на двух роялях: «Романс»

и «Тарантеллу» из второй сюиты и «Светлый праздник» из «Фантазии». Пианисток снова сменил хор воспитанниц, исполнивший «Ангела» того же Рахманинова. Концерт закончился хором воспитанниц института, исполнившим «Привет царю», написанный А. Д. Кастальским на слова воспитанницы педагогического класса Переслегиной.

По окончании концерта А. Д. Самарин обратился к его величеству с благодарственным словом по случаю посещения института: «Ваши императорские величества. Нынешний день светлыми, неизгладимыми письменами запечатлеется в летописях Московского дворянского института. Милостивым посещением ваших императорских величеств завершается создание института, и сегодня он окончательно призывается к жизни и к службе Родине. Отныне все, кому вверены заботы об институте, будут с еще большим рвением стремиться к тому, чтобы институт был всегда достоин тех великих имен, которые он носит.

Повергая пред вашими императорскими величествами горячую благодарность за великую милость, оказанную дворянству посещением института, я от имени московского дворянства возглашаю: «Да здравствует Государь император, Государыни императрицы и вся царская семья на многие годы. Ура!»

Раздалось громкое «ура» с большим воодушевлением. Потом с большим воодушевлением исполнен был народный гимн, покрытый новым восторженным «ура».

Затем их величества и все гости направились чрез коридор и парадную лестницу в приемную и оттуда в столовую и в сад. Сад был роскошно убран тропическими растениями и цветами. На обширной террасе под красивым портиком с колоннами, покрытой малиновым ковром, для их величеств и их высочеств был накрыт роскошный чайный стол. Для остальных гостей в саду, в аллеях, были устроены открытые буфеты. Все было удивительно красиво, изящно, чувствовался необыкновенный подъем, и при этом все чувствовали себя непринужденно, благодаря радушному гостеприимству дворян.

Их величества и августейшие особы уехали в 6 часов вечера при восторженных криках «ура» всех собравшихся воспитанниц, навсегда сохранивших в своих сердцах дорогое внимание к ним царя и цариц. От института до Кремля их величества ехали среди необъятных толп народа, заполнявшего все улицы.

30 мая в Москве в высочайшем присутствии состоялось торжественное открытие и освящение памятника императору Александру III, согласно высочайше утвержденного церемониала.

Памятник Александру III — великому миротворцу сооружен был на средства, собранные повсеместной подпиской, на каковую последовало высочайшее соизволение 26 октября 1894 г. По день открытия памятника поступило: пожертвований деньгами 1 428 033

руб. 25 коп. и процентными бумагами — 193 400 руб., а всего 1 621 433 руб. 25 коп. Процентов с означенной суммы за все время поступило 767 586 руб. 27 коп. Из этой суммы на гранитные работы израсходовано было 1 016 784 руб. 51 коп.; на каменные работы — 220 237 руб. 79 коп.; на бронзовые — 257 559 руб. 22 коп. Остаток 169 320 руб. 50 коп. оставлен был как капитал на содержание памятника.

Постройкой памятника ведал особый комитет, который был образован в 1894 г. одновременно с открытием добровольной подписки на сооружение в Москве памятника царю-миротворцу. Комитет этот под председательством генерал-губернатора, покойного великого князя Сергея Александровича был образован высочайшим повелением для сбора пожертвований на сооружение памятника. Когда в 1895 г. итог поступивших средств превысил полтора миллиона рублей, то рескриптом на имя великого князя Государь велел приступить к подготовительным работам по изготовлению проекта памятника. С того момента, помимо сбора пожертвований, к комитету перешли функции по изготовлению проекта, а по изготовлении самого проекта памятника также и по сооружению его. После безвременной кончины великого князя Сергея Александровича председателем комитета назначен был великий князь Михаил Александрович, заместителем же его гофмейстер А. Г. Булыгин, бывший помощник московского генерал-губернатора. Членами комитета ко дню открытия памятника состояли: генерал-адъютант Арсеньев, инженер-генерал Воронцов-Вельяминов, инженер И. Ф. Рерберг, гофмейстер В. К. Истомин, А. Д. Самарин, градоначальник А. А. Адрианов, городской голова Н. И. Гучков, мануфактур-советник С. А. Протопопов — он же и казначей, и я. Управляющим делами комитета состоял А. П. Гжельский. Строителем памятника был профессор А. П. Померанцев. Автором же его — академик скульптор А. Опекушин, получивший звание академика за бюст цесаревича Николая Александровича и статую Петра Великого. Ему тогда было всего 34 года. Из числа работ маститого скульптора известен всем москвичам памятник Пушкину на Тверском бульваре, затем памятник Лермонтову в Пятигорске. Ко дню открытия памятника Александру III Опекушину было 72 года. Отливалась статуя в бронзолитейной и гальванопластической фабрике фирмы «А. Моран преемник» в Петербурге. Исполнителем моделей для бронзы был академик скульптор А. Обер.

Памятник представлял собой грандиозную статую императора Александра III на высоком гранитном пьедестале. Царь-миротворец изображен был сидящим на троне в мантии с императорской короной на голове, держа в руках скипетр и державу. Все детали как самого памятника, так и пьедестала его и спускающейся гранитной лестницы были выполнены безукоризненно, все дышало художественностью. Над сооружением памятника работали очень долго,

но зато работы были выполнены более чем добросовестно, а работать под руководством такого человека, каким был А. Г. Булыгин, было для всех одно удовольствие.

В день, назначенный для открытия памятника, в 8 часов утра пять пушечных выстрелов из орудий с Тайницкой башни оповестили Москву о готовящемся торжестве. Погода вполне благоприятствовала торжеству — стоял ясный, солнечный день, жар умерялся близостью Москвы-реки и легким ветерком. Уже с 9 часов утра к месту открытия памятника и к противоположному берегу на набережную стал стекаться народ, почти одновременно стали съезжаться приглашенные лица на автомобилях и в экипажах, двигались и отряды войск в блестящих разнообразных формах для участия в параде.

На обширной площадке между храмом Спасителя и Всехсвятским проездом, по обе стороны помоста, покрытого красным сукном, и посреди клумб и газонов, окружавших памятник, размещались лица, приглашенные на торжество. С левой стороны грандиозной гранитной лестницы, ведшей от подножия памятника к Москве-реке, разбит был белый шатер для царской семьи. Шатер был отделан в стиле Александровской эпохи и украшен золотым государственным гербом; подле шатра, на столе, покрытом красной бархатной скатертью, лежали футляры с медалями для Государя и особ императорской фамилии. Около самого храма Спасителя разместились институтки в красивой группе, заняв ступени паперти западных врат собора. Учащиеся городских училищ были со своими знаменами.

С площадки памятника открывался великолепный вид на Замоскворечье, золото куполов кремлевских церквей ярко сияло, освещенное лучами солнца. Монументальный памятник Александру III был закрыт пеленой, которую поддерживали матросы.

Внизу, по набережной, прилегающей к храму Спасителя, и по площади, на которой сооружен был памятник, были расставлены войска. На правом фланге первое место было занято ротой дворцовых гренадер и взводами Собственного его величества конвоя и полка. Далее, военно-учебные заведения, гвардейские части, прибывшие из Петербурга, Царского Села и Варшавы, войска местного гарнизона, гвардейская кавалерия, взводы из разных кавалерийских армейских частей и артиллерия. Собранные из разных частей войска представляли в высшей степени красивое зрелище по разнообразию форм и молодецкой выправке. Командование всеми войсками и парадом было возложено на генерала Плеве.

К 10 часам утра в храме Спасителя собралось все духовенство во главе с митрополитом Владимиром, а в 11-м часу съехались статс-дамы, камер-фрейлины, фрейлины, Кабинет Министров в полном составе, первые и вторые чины двора, придворные кавалеры великокняжеских дворов и Свита Государя и великих князей.

Памятник Александру III в Москве. 1912 г.

В это же время на отведенных местах у памятника собрались все остальные приглашенные, среди них были представители дворянства, земства, городского и сельского населения со всех концов России, Московская городская дума в полном составе и представители всех сословий, депутации от учреждений и обществ имени Александра III, земские начальники Московской губернии в полном составе и других губерний, волостные старшины и т. д. Особо почетное место было отведено особам Свиты почившего императора и депутациям от частей войск, в которых Александр III состоял шефом.

Комитет по сооружению памятника ожидал прибытия их величеств у входа на помост. Устроенные в трех местах вдали от памятника трибуны были заняты по преимуществу дамами из разных слоев столичного населения. Все были в светлых платьях. В половине одиннадцатого площадка у памятника представляла редкую по красоте картину. В это время в храм Христа Спасителя стали прибывать особы императорской фамилии.

В 10 часов 54 минуты отдаленные звуки «ура» возвестили о выезде Государя из Кремля. У Каменного моста Государь вышел из экипажа, принял рапорт генерала Плеве и обошел войска, здороваясь с каждым взводом отдельно, музыка играла поход.

Обойдя войска, Государь сел в экипаж и подъехал к храму Спасителя одновременно с императрицей Марией Федоровной. Императрица Александра Федоровна с наследником цесаревичем прибыла непосредственно к месту сооруженного памятника.

Войдя в храм с императрицей Марией Федоровной, Государь был встречен митрополитом Владимиром со крестом и святой водой. По встрече из храма Христа Спасителя вышел крестный ход. С ближайших церквей раздался колокольный звон, войска отдали установленную честь, раздались звуки «Коль славен». В предшествии митрополита шли Государь и императрица Мария Федоровна в сопровождении министра двора барона Фредерикса и дежурства — генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, Свиты генерала Волкова и флигель-адъютанта графа Шереметева. Государь был в форме Астраханского полка. Затем следовали особы императорского дома.

У помоста их величества были встречены августейшим председателем комитета по сооружению памятника великим князем Михаилом Александровичем и членами комитета. По вступлении крестного хода на помост началось благодарственное Господу Богу молебствие с коленопреклонением, при чтении особо положенной молитвы протодиакон Розов провозгласил многолетие, а затем «вечную память» в Бозе почившему императору Александру III.

Все опустились на колени. В этот момент матросы начали снимать пелену, скрывавшую памятник; им это удалось не сразу, на помощь матросам подбежали офицеры, и покрывало было сдернуто.

Взорам присутствовавших открылся величественный монумент, изображавший царя-миротворца восседающим на троне в порфире и короне, со скипетром и державой в руках. Порфира спускалась справа одним концом на пьедестал, исполненный из красного гранита. На пьедестале надпись: «Благочестивейшему самодержавнейшему Государю нашему императору Александру Александровичу всея России 1881—1894».

Гранитный пьедестал возвышался на таком же массивном постаменте, по углам которого помещены были выдающиеся по своим размерам и исполнению двуглавые орлы с распростертыми крыльями, постамент имел три ступени. Украшением пьедестала служили гербы, прекрасно исполненные. У памятника с южной стороны устроена была балюстрада и лестница, спускавшаяся на набережную. Массивные фонари украшали площадку. С боковых сторон устроена была невысокая стенка из серого гранита, отделявшая монументальную площадку от общего соборного сквера.

Как только была снята пелена, послышалась команда «накройся», после чего по команде Государя императора: «Всем парадом, слушай, на караул», — войска взяли «на караул», раздались чудные звуки Преображенского марша, салюты из орудий, загудели колокола храма Спасителя и всех церквей московских.

Под эти звуки и несмолкаемые крики «ура» митрополит Владимир окропил памятник святой водой, обойдя его по постаменту кругом, за митрополитом следовал Государь. Но вот опять, по знаку Государя, воцарилась тишина, протодиакон Розов провозгласил многолетие Всероссийскому воинству и всем верноподданным, после чего митрополит, осенив крестом войска и всех присутствовавших, возвратился с духовенством в храм Спасителя.

По окончании церковного торжества Государь с прочими особами императорского дома осматривал памятник, после чего великий князь Михаил Александрович представил Государю всех нас — членов комитета. Государь очень милостиво беседовал с Опекушиным и Померанцевым, выражая им свое большое удовольствие. После поднесения медалей, выбитых по случаю открытия и освящения памятника, Государь направился к войскам, которые уже приготовились к церемониальному маршу. Встав во главе войск, державный вождь русской армии лично повел войска церемониальным маршем и, отсалютовав памятнику, пропустил все войска мимо себя. Благодаря участию гвардейских частей парад отличался редким блеском, поразившим москвичей.

После церемониального марша Государь снова поднялся к памятнику. У памятника с левой стороны выстроился весь состав комитета с августейшим председателем во главе. Сюда подошли городской голова, члены управы и гласные городской думы. Когда к этому месту приблизился Государь с императрицами и наследником цесаревичем, то товарищ августейшего председателя комитета

по сооружению памятника гофмейстер А. Г. Булыгин прочитал текст акта о передаче памятника в ведение городского управления, составленный в следующих выражениях:

«Государь император 2 марта сего года высочайше повелеть соизволил сооруженный в г. Москве памятник в Бозе почившему императору Александру III передать в заведование московского городского управления. Во исполнение сего высочайшего повеления, ныне, в день торжественного освящения памятника, созданного на всенародные обильные пожертвования, стекавшиеся со всех концов необъятной России, комитет по сооружению памятника передает его городу Москве.

В удостоверение сего составлен настоящий акт для вечного хранения при делах московского городского управления, на которое отныне монаршею милостью возложена забота об этом драгоценном народном достоянии. Председатель комитета Михаил. Члены комитета: Дмитрий Арсеньев, Алексей Воронцов-Вельяминов, Иван Рерберг, Александр Булыгин, Владимир Истомин, Александр Адрианов, Владимир Джунковский, Александр Самарин, Николай Гучков, Степан Протопопов».

Чтение акта было покрыто криками «ура». Акт начертан был на пергаменте, украшенном художественным орнаментом. Великий князь поднес пергамент Государю императору, а его величество вручил его городскому голове Н. И. Гучкову.

Городской голова обратился к его величеству со следующими словами: «Ваше императорское величество. Город Москва — сердце России — с чувством глубочайшей признательности приемлет из драгоценных рук вашего императорского величества сооруженный русским народом памятник своему великому царю-миротворцу. Ваше императорское величество и русский народ могут быть вполне уверены в том, что этот памятник — драгоценное народное достояние — будет храниться в верных надежных руках».

Гласные городской думы покрыли слова городского головы кликами «ура». Акт заключен был в изящный ларец.

Августейший председатель комитета великий князь Михаил Александрович поднес букеты Государыням императрицам от комитета по сооружению памятника. По окончании церемонии передачи памятника городу их величества отбыли в Кремль, восторженно приветствуемые народом.

В это время представители города, приняв в свое ведение новый памятник, принимали затем депутации и венки, возлагавшиеся к подножию памятника. Депутаций было свыше 80. Первыми возложены были красивые венки сербскими и болгарскими депутатами: «Благодарна Сербиа — Неговом величанству императору Александру III» и от «Признателни български народ — насино царь-освободител августейши сподвижник в освободителна та война, царю-миротворцу». Далее, серебряный венок с золотым крестом и изображением Нерукотворного Спаса от представителей право-

славных восточных Церквей Константинопольской, Александрийской, Иерусалимской, Сербской и Греческой — «Великому защитнику православия и благодетелю Церкви, благочестивейшему венценосному императору Александру III миротворцу» и т.д. Все венки были размещены по пьедесталу кругом в два ряда и представляли красивое зрелище, затем они были переданы на хранение в Музей изящных искусств имени Александра III.

Так окончилось торжество открытия памятника величайшему монарху своего времени, которого весь мир признал таковым, который в последние годы своей недолгой жизни победил все и всех, и притом не воинскими подвигами, не криками, не бьющимися эффектами, а своей кротостью, своей честной безукоризненной жизнью, светлой сознательной душой своей. Как супруг, как отец, как патриарх своего царственного рода, во всем он являлся высоким примером. Его твердость была такова, что исчезала всякая мысль о сопротивлении ему. Но и доброта его была беспредельна, прощение личных обид доходило у него до неизмеримой христианской высоты. Правдивость и прямота, безупречная честность были отличительными чертами его характера. Он всего себя посвятил государственному служению, засиживаясь за делами до глубокой ночи, живя исключительно для России, которую любил как истинный русский человек, в полном смысле этого слова. Он был настоящим самодержцем в идеальном смысле этого слова, все его помыслы были направлены к тому, чтобы доказать, что монархия есть идея подчинения интересов и желаний высшей правде. И этой правдой и глубокой верой в Бога, перед которым одним он несет «ответ», было преисполнено все его существо.

В этот же день, 30 мая, в третьем часу дня на внутреннем дворе Большого Кремлевского дворца, у церкви Спаса на Бору, состоялось поднесение иконы московским дворянством наследнику цесаревичу и затем обед для волостных старшин Московской губернии и старшин других губерний, станичных атаманов и представителей инородческого населения.

Перед выходом Государя во дворе собрались Председатель Совета Министров, представители Министерства внутренних дел и дворцового ведомства. Тут же находился и губернский предводитель А. Д. Самарин. Государь император вышел с наследником цесаревичем. Московский губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин, обратившись к его величеству, произнес следующую речь: «Благоверный Государь наследник. Сердечно радуется московское дворянство, видя тебя в стенах древнего Кремля. Ты в первый раз посещаешь нашу первопрестольную столицу, поклоняешься ее святыням, знакомишься с памятниками ее славного государственного прошлого и в наглядных образах познаешь значение Москвы — собирательницы Русской земли. Какие это знаменательные дни в твоей жизни. Дай Бог тебе сохранить о них светлую память.

В знак нашей любви к тебе и в память о первом твоем посещении Москвы мы просим принять от нас эту святую икону. Ты видишь на ней изображение Божией Матери Владимирской — самой древней нашей святыни. Ее окружают святые угодники и чудотворцы земли Московской и среди них святитель Алексей, твой небесный молитвенник и покровитель. В лице их тебя благословляют Московский Кремль, Троицкая обитель преподобного Сергия и другие близкие к Москве твердыни народного духа.

Вспоминая Москву и ее святыни, молись пред этой иконой и пребывай в единении духа с угодниками Божиими и великими строителями Святой Руси. В общении с ними да укрепится в тебе живая связь с православною Церковью и с русским народом и милость Божия да возрастит тебя на радость и утешение твоим венценосным родителям, на благо и славу всей Русской земли».

Наследник цесаревич и Государь император приложились к святой иконе. Вместе с иконой А. Д. Самарин поднес наследнику цесаревичу изящное издание «Икона пресвятыя Богородица Владимирския и собора московских чудотворцев».

Поблагодарив А. Д. Самарина в самых милостивых выражениях, Государь направился к особо устроенной палатке, где были собраны старшины. Государь с наследником обошел всех собранных старшин, после чего, подняв чарку, обратился к ним с несколькими словами: «Я очень рад вас видеть здесь, в Москве, на освящении памятника покойного моего батюшки. Выражаю всем, которые служили при нем, мое сердечное спасибо за их верную и преданную службу. Надеюсь, что вы завещаете и детям вашим так же верно служить царям и Родине. Пью за ваше здоровье и за нашу родную матушку Россию».

Раздалось восторженное «ура». Старшина Московской губернии и старшина Херсонской губернии провозгласили здравицы Государю и наследнику. Тосты были покрыты восторженными криками «ура» и звуками гимна, и Государь и наследник удалились во внутренние покои, а старшины разместились за накрытыми столами. Меню обеда состояло из свежих щей, кулебяки, жареной курицы и сладкого пирога. Перед каждым прибором стояла бутылка кваса и 1/2 бутылки мадеры. Кроме того, каждый обедавший получил по коробке сластей. Приборы, на которых обедали, старшины взяли себе на память.

В 7 часов вечера у их величеств состоялся большой парадный обед в Кремлевском дворце. Столы были накрыты в огромном Георгиевском зале и богато убраны живыми цветами и сервированы старинным серебром. Всех приглашенных было свыше 500.

Когда их величества вышли из внутренних покоев и в сопровождении лиц царской семьи проследовали к столу, то все приглашенные стояли уже у своих мест. Высочайший стол на 85 приборов находился посреди зала и расположен был покоем.

Центральное место за столом занимали Государь и Императрица Александра Федоровна. Императрица Мария Федоровна по случаю траура на обеде не присутствовала. По левую сторону Государя сидели великая княгиня Анастасия Михайловна, великий князь Павел Александрович и т. д. По правую сторону ее величества — великий князь Михаил Александрович, великая княгиня Мария Александровна и т. д. Против их величеств занимал место министр двора барон Фредерикс, справа от него В. Н. Коковцов, слева митрополит Владимир и т. д.

За обедом хором и оркестром Императорского Большого театра была исполнена музыкально-вокальная программа исключительно из произведений русских композиторов.

После обеда на огромной террасе Кремлевского дворца был подан кофе, во время которого Государь обходил гостей, милостиво беседуя с ними. В 10-м часу их величества удалились во внутренние покои, в это время вся Москва загорелась разноцветными огнями иллюминации. Я прямо с обеда проехал в Алексеевский народный дом, где специально для волостных старшин, приехавших на торжества со всех концов России, устроен был оперный спектакль. Представлена была опера «Жизнь за царя». В антрактах им подавали угощения.

Так окончился день 30 мая, оставивший во всех радостное чувство исполненного долга перед памятью царю-миротворцу. Все принимавшие какое-либо участие в сооружении памятника получили высочайшие награды или благоволения. [...]

Я, лично, получил следующее выражение монаршего внимания, изложенного в рескрипте великого князя Михаила Александровича от 30 мая за № 3408: «Владимир Федорович, Государь император, по представлению моему о полезных трудах Ваших по комитету сооружения памятника в Бозе почившему императору Александру III, всемилостивейше соизволил изъявить Вам высочайшую его императорского величества благодарность. О таковом монаршем соизволении уведомляю Вас. Уважающий Вас Михаил».

К моей большой радости, мой ближайший сотрудник вице-губернатор А. М. Устинов, согласно моего представления, пожалован был в звание камергера двора его величества.

31 мая утром в Кремлевском дворце был назначен прием различных депутаций. Небольшая часть из них была принята Государем во внутренних покоях дворца, другая же часть в Екатерининском зале. Среди первых был, между прочим, и потомственный почетный гражданин К. А. Старцев с двумя сыновьями.

К. А. Старцев имел свое большое дело в Москве по воску и меду, был человеком, фанатически преданным царю и царскому семейству, глубоко религиозный. В этом же духе он воспитывал и своих детей, семья отличалась большой патриархальностью.

Еще до моего губернаторства, когда я был еще адъютантом при

великом князе Сергее Александровиче и Государь император с царской семьей встречали в Москве Пасху, ко мне приехал Старцев и привез мне восковые церковные свечи желтые и красные из собственного воска, прося меня не отказать чрез великого князя поднести свечи Государю императору для службы Страстной и Пасхальной недель. Я доложил великому князю, и в результате Государь принял свечи — Старцев был в восторге. После этого ежегодно Старцев чрез меня доставлял Государю во время великого поста сначала одни свечи, а потом стал подносить и мед. Все это всегда бывало в удивительной упаковке: видно было, с какой заботливостью и любовью Старцев все это укладывал. Я обыкновенно давал ему письмо на имя гофмаршала, и он все это вез в Петербург, получал высочайшую благодарность, а иногда удостаивался и высочайших подарков, и счастливый возвращался в Москву. Так шли года. Когда он узнал о предстоявшем высочайшем приезде в Москву по случаю торжества открытия памятника Александру III, то сейчас же явился ко мне и рассказал, что он имеет в виду поднести Государю серебряный улей художественной работы и приехал спросить моего совета. Я ему ответил, что вряд ли это будет возможно, так как Государь не любит ценных подношений и всегда таковые отклонялись, что есть и распоряжение о том, чтобы хлеб-соль подносили только на деревянных блюдах. Он очень был огорчен этим, стал говорить, что это исключительный случай, что он уже заказал Хлебникову этот улей, что этот улей может иметь научное значение, так как он на нем намерен изобразить историю работы пчелы и т. д. Я обещал ему поговорить с министром двора и, если представится возможным, доложить и Государю.

В результате всего этого высочайшее разрешение последовало, и Старцев сиял от счастия. Я рассказал Государю, с какой любовью Старцев обдумал все детали этого улья, как он хлопотал, и Государь назначил ему отдельный прием в 10 часов утра и разрешил ему прибыть вместе с двумя сыновьями, что особенно хотелось Старцеву.

Старцев просил меня поехать с ним во дворец, не веря своему счастью и боясь, чтобы там не вышло какого недоразумения. Я согласился. Он обещал за мной заехать со своими сыновьями. Каково было мое удивление, когда 31 мая в 8 часов утра мне доложили, что Старцев уже приехал. Я вышел к нему, он очень торжественно стоял вместе со своими двумя сыновьями и еще с каким-то молодым человеком. Оказалось, он привез фотографа и просил меня сняться с ними группой, поставив улей перед нами на стол.

Мы уселись в зале под портретом Государя, впереди поставили стол и на нем установили улей, сыновьям он приказал встать по бокам и немного сзади. Так нас и сняли, потом он мне прислал эту группу на память. Улей действительно был художественно исполненный, поразительной работы. Все детали обыкновенного ульяколоды с соломенным прикрытием были соблюдены в точности. Мы

Улей, преподнесенный Старцевым наследнику царевичу Алексею. 1912 г.

вместе приехали во дворец с собственного его величества подъезда, и ровно в 10 часов Государь их принял. Аудиенция была более чем милостивая, Государь довольно долго с ними беседовал и совсем обворожил их, представил их и наследнику, и великим княжнам, которые все любовались чудным ульем. Они вышли такие счастливые, что приятно было на них смотреть.

В 11 часов начался общий высочайший прием в Екатерининском зале. Государь принял 14 депутаций. Наследника цесаревича, который по временам страдал из-за больной ноги, нес на руках его дядька боцман Деревенко. Было больно видеть наследника в таком положении.

Я участвовал в составе нескольких депутаций: от высочайше утвержденного особого комитета по устройству в Москве Музея 1812 г., в качестве председателя исполнительной комиссии оного, от комитета Московского столичного попечительства о народной трезвости, как председатель оного (комитет приносил благодарность его величеству за оказанную милость присвоением августейшего имени наследника цесаревича народному дому и подносил его высочеству альбом с видами народного дома его имени), и от Московского отдела Попечительства Государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых, в качестве председателя оного (отдел подносил его величеству хлеб-соль на резном деревянном блюде, работы глухонемых). Затем я присутствовал при поднесении наследнику цесаревичу игрушек кустарного производства от Московской губернской земской управы.

В тот же день в 3 часа дня при торжественной обстановке в высочайшем присутствии состоялось открытие грандиозного Музея изящных искусств имени императора Александра III.

Мысль об учреждении «эстетического музея» при Московском университете, сначала в области европейского ваяния, принадлежала княгине Зинаиде Александровне Волконской, рожденной княгине Белосельской-Белозерской, как это пишет профессор Цветаев в своей брошюре об истории созидания музея [5]. Она составила программу этого музея, которая и была напечатана в Москве в 1831 г. [6], и много хлопотала, еще живя в Риме, в правительственный сферах Петербурга и Москвы об осуществлении своей идеи, поддерживаемая как отечественными, так и иностранными художниками и учеными. Но, к сожалению, княгине Волконской пришлось разочароваться в своих мечтах, и она принуждена была оставить эту, живо охватившую ее заботу.

Далее профессор Цветаев пишет, что если первая мысль о музее для Москвы родилась в голове княгини Волконской, то первая значительная денежная жертва на осуществление этой идеи (150 000 руб.) была принесена в 1894 г. В. А. Алексеевой, москвичкой купеческого круга. По ее предсмертной просьбе новый музей назван именем императора Александра III, бренные останки которого,

следовавшие из Крыма в Петербург, находились в Москве в те дни, когда угасала жизнь этой щедрой дарительницы Московского университета. Профессор Цветаев, по мысли которого при университете существовал в то время кабинет изящных искусств, не мог удовлетвориться жалким подобием музея и начал энергично агитировать за создание специального музея изящных искусств. К счастью, идеей основания музея заинтересовался великий князь Сергей Александрович и чрез него такой крупный собственник и общественный деятель, как Ю. С. Нечаев-Мальцев. Их участие привлекло массу жертвователей, но душой дела и главным жертвователем от начала до окончания постройки оставался Ю. С. Нечаев-Мальцев, вложивший в это дело более миллиона рублей.

Заботами о постройке музея заведовал специально высочайше утвержденный комитет, который выделил из себя строительную комиссию. Строился музей по плану академика Р. Р. Клейна, который совместно с директором музея И. В. Цветаевым детально ознакомился с планами веех крупнейших музеев, встретив большую поддержку таких специалистов, как германский археолог Дернфельд и консерватор дрезденского «Альбертина» Трей.

Вначале предполагали, что музей будет служить исключительно для учебных нужд студентов университета, но широкий приток пожертвований сделал возможным превратить музей в национальное учреждение, для которого желателен был самый широкий приток публики. Этот новый музей, целью которого было распространение эстетического развития и знаний в области изящных искусств, явился новым богатым просветительным украшением Москвы наряду с Румянцевским музеем и Третьяковской галереей.

Посещение музея было назначено на 3 часа дня, но съезд министров, высших придворных чинов, представителей ученых обществ и учреждений, придворных и городских дам и лиц московской администрации и сословных учреждений начался с 2-х часов. На Волхонке, против здания музея выстроен был огромный хор учащихся московских учебных заведений, который должен был исполнить при приезде в музей их величеств приветственную кантату М. М. Ипполитова-Иванова. Около трех часов в музей прибыли особы императорского дома.

Ровно в 3 часа дня донесся отдаленный гул «ура», и через несколько минут автомобиль их величеств показался в средине Волхонки, и хор воспитанников запел кантату. Выйдя из автомобиля, Государь император с императрицей Марией Федоровной проследовали в сквер перед музеем, где были встречены комитетом по сооружению музея во главе с Ю. С. Нечаевым-Мальцевым, поднесшим императрице букет. За Государем следовало дежурство: генерал-адъютант светлейший князь Голицын, Свиты генерал князь Юсупов и флигель-адъютант Мандрыка.

В центральном зале музея, красиво декорированном тропичес-

кими растениями, состоялось молебствие, отслуженное митрополитом Владимиром, после чего их величества и их высочества в сопровождении Ю. С. Нечаева-Мальцева и профессора И. В. Цветаева осматривали музей.

Осмотр занял больше часу, он начался с зала имени императрицы Марии Федоровны, в котором были собраны образцы греческой скульптуры («зал Олимпии»), затем следовал «зал Фидия» с собранием копий греческого Парфенона, «зал Праксителя», зал древнегреческих надгробных памятников, «зал Лизиппа», «зал Ниобид», «зал Афродиты Милосской и Лаокоона», «Пергамский зал», «Римский зал», зал древнехристианского искусства средних веков — этот зал сооружен был в честь наследника цесаревича, «зал итальянского Возрождения Кватроченто», «зал Микеланджело»; спустившись затем в нижний этаж и пройдя читальный зал, их величества осматривали «зал Возрождения Германии и Франции», «зал Эгинистов», «зал греческой архаики» (3000—5000 лет до Р. Х.), «Ассирийский зал», сооруженный в честь великой княгини Елизаветы Федоровны на средства С. А. Протопопова, и «Египетский зал» имени Ю. С. Нечаева-Мальцева. Все залы были уже наполнены коллекциями, и хотя это были все копии, но производили они большое впечатление.

Простившись с сопровождавшими их лицами и поблагодарив их, их величества около 5 часов отбыли из музея.

В тот же день в 10 1/2 часов вечера Государыня императрица Мария Федоровна с великой княгиней Марией Александровной, великим князем Михаилом Александровичем и великой княгиней Ксенией Александровной отбыли в Гатчину. В царском павильоне к этому времени собрались особы императорской фамилии, лица Свиты, министры, начальствующие лица и др. Как только императорский поезд отошел, я переоделся и с экстренным поездом Ярославской ж. д. выехал в Сергиев Посад, где все уже было готово к встрече высоких гостей. Посещение Свято-Троицкой Сергиевой лавры должно было состояться на другой день.

Еще задолго до этого дня в Посаде лихорадочно готовились. Посад пообчистился, городское управление исправило мостовые, тротуары, домовладельцы тоже не поскупились, каждый, по мере своих средств, как-нибудь да украсил свой дом, привел наружный его вид в порядок.

За три дня до высочайшего посещения я обратился к населению Посада с новым объявлением, извещая жителей о дне посещения Государем императором Троицкой лавры. Это объявление я приказал расклеить в огромном количестве не только в Посаде, но по всем окрестным деревням 10-верстового радиуса, чтобы собрать в Посаде возможно больше народа. Я более всего боялся, что даже если на встречу стекутся все жители Посада (около 30 000 человек), то и тогда они не смогут наполнить весь путь следования и большую городскую площадь и может показаться пусто. [...]

Командированные мною чиновники особых моих поручений под руководством вице-губернатора согласно моим указаниям подготовили все для встречи. В смысле охраны я не допустил никакого вмешательства со стороны Департамента полиции, заручившись для сего согласием министра внутренних дел А. А. Макарова и взяв на себя всю ответственность. Когда же за неделю до высочайшего приезда ко мне приехал вице-директор Департамента полиции Виссарионов, то я не пустил его одного в Сергиев Посад, а поехал с ним вместе на автомобиле и не отпускал его от себя ни на шаг, чтоб он не мог сделать каких-либо распоряжений помимо меня. Я вызвал всех начальников участков по охране, назначенных мною, и они при мне делали доклады вице-директору.

Никаких репрессивных мер по отношению к разным лицам Посада и уезда, считавшимся у жандармских властей неблагонадежными, принято не было, я разрешил только за некоторыми установить наблюдение, не ограничивая ни в коем случае свободы их передвижения. Полицию Сергиева Посада я увеличил за счет других уездов. Жандармский надзор в уезде находился в руках полковник Мадатова, человека серьезного, опытного, далекого от интриг, поэтому и с этой стороны я был спокоен, мне удалось достигнуть того, что он действовал в полнейшем контакте с уездной полицией.

Программа пребывания Государя императора в Посаде, по поручению министра двора, была мною составлена за месяц и послана в Ливадию, где в то время находилась царская семья. Программа удостоилась высочайшего утверждения, но меня смутило, когда я прочел, что для переезда от станции железной дороги до лавры и обратно для их величеств и лиц Свиты будут поданы автомобили собственного его величества гаража. Я находил совершенно невозможным, чтобы переезд этот совершен был в автомобилях, тем более что этот способ передвижения на таком небольшом расстоянии, как от станции до лавры, не вызывался и необходимостью. А между тем в Сергиевом Посаде, где будет собран исключительно простой деревенский народ, въезд русского царя на автомобиле, к каковому передвижению в то время в деревнях еще не привыкли и которое среди крестьян вызывало всегда враждебное чувство, могло произвести нежелательное впечатление. Я написал поэтому убедительные письма начальнику канцелярии Министерства двора и дворцовому коменданту, прося доложить Государю мои сомнения. В ответ на это я, к моему удовлетворению, получил депешу из Ливадии от 20 мая, что проезд их величеств и их высочеств со станции Сергиево последует в экипажах.

Так как высочайший приезд в Сергиево назначен был в 2 часа дня, то я утром 1 июля успел все осмотреть, проверить и к часу дня, ко времени прихода экстренного поезда с Председателем Совета

Министров В. Н. Коковцовым и министрами внутренних дел и путей сообщения, быть на станции.

К этому времени к приему высоких гостей все уже было готово. Сергиев Посад был неузнаваем. Летний пассажирский вокзал был превращен в роскошный павильон, убранный национальными флагами, устланный коврами и декорированный лавровыми деревьями. Весь путь от вокзала до лавры был украшен мачтами с флагами и арками. Вблизи Пятницкой церкви сооружена была большая арка со словами из зелени: «Боже, царя храни». За этой аркой близ лавры была другая, украшенная разноцветной материей, которая красиво выделялась среди массы флагов, развевавшихся непрерывной цепью по сторонам улиц по пути Государя. Как только с лаврской колокольни увидали, что на горизонте показался императорский поезд, то ударили в большой 4000 пудовый колокол и из всех храмов начали выносить иконы и хоругви, среди которых были все самые древние.

Троице-сергиевские хоругвеносцы, в их темных кафтанах, обшитых по борту и вокруг талии серебряным галуном, вытягивались по монастырскому двору к монастырским воротам. Вскоре после этого по настланному красному сукну, предшествуемый хором певчих и многочисленными иеромонахами, наместником лавры и архимандритами для встречи к вратам обители подошел митрополит Владимир. В это самое время могучий удар главного колокола и присоединившийся к нему перезвон меньших колоколов всех храмов возвестил Посаду о прибытии императорского поезда.

В 2 часа 30 минут Государь, императрица, наследник цесаревич, августейшие дочери и великая княгиня Елизавета Федоровна в сопровождении министра двора и лиц свиты вышли из салон-вагона. Я подошел с рапортом, а затем поднес императрице букет цветов. Их величества проследовали в павильон, где были выстроены депутации — от дворянства, городского управления, земства и монархического союза, тут же находились и должностные лица Посада.

Исправляющий должность предводителя дворянства Ф. И. Тютчев обратился к его величеству со следующими словами: «Ваше императорское величество. Верноподданное дворянство Дмитровского уезда безмерно счастливо выпавшею на его долю высокой честью приветствовать вас, Государь, ее величество Государыню императрицу и Государя цесаревича в преддверии обители преподобного Сергия — великого святителя и печальника за землю Русскую. Дозвольте мне, Государь, от лица дворянства Дмитровского уезда повергнуть к стопам вашего величества неизменно одушевляющие нас чувства любви и преданности Престолу и Отечеству и просить всемилостивейше соизволить принять от нас хлеб-соль». Государь благодарил за приветствие.

Городской посадский староста, поднося хлеб-соль, сказал: «Ва-

ше императорское величество, граждане Сергиева Посада, искренне и глубоко радуясь снова видеть вас с вашей августейшей семьей в обители великого угодника и молитвенника земли Русской преподобного Сергия, всеподданнейше просят ваше императорское величество милостиво принять от них хлеб-соль».

Председатель Дмитровской уездной земской управы Поливанов обратился к его величеству со следующими словами: «Дмитровское земство счастливо приветствовать ваше императорское величество здесь, у стен Троице-Сергиевой лавры — этого древнего оплота России, где предки наши положили кости свои за спасение Родины. Выражая свои верноподданнические чувства, просим ваше величество по старому обычаю принять хлеб-соль».

Затем депутации кустарей учебной мастерской Сергиева Посада поднесли хлеб-соль и корзину с художественно исполненными искусственными грибами. Кустарь Жуков удостоился поднести наследнику цесаревичу модель Владимирского моста с заводным поездом.

По представлении должностных лиц их величества и их высочества в сопровождении лиц свиты и министров сели в поданные коляски и направились к лавре. По пути следования с правой стороны от вокзала выстроены были школы абрамцевская, ахтырская, рождественская, городские женское и мужское училища, мужская и женская гимназии. По левой стороне сплошной стеной стоял народ.

Спереди в некотором отдалении от царского кортежа ехал я, стоя в коляске. В первом экипаже сидели их величества, наследник и великая княжна Ольга Николаевна, во втором — великая княгиня Елизавета Федоровна с великими княжнами Татьяной, Марией и Анастасией Николаевнами. Энтузиазм был неописуемый, Государь ехал среди восторженных криков «ура» такого огромного количества народа, какого я не ожидал. Увидя это море голов, заполнявших большую лаврскую площадь, я успокоился.

У святых врат лавры их величества и их высочества вышли из экипажа и были встречены митрополитом Владимиром и епископом Федором — ректором Московской духовной академии. После небольшой приветственной речи митрополита их величества направились к Троицкому собору. По бокам всего пути к собору расположены были студенты Московской духовной академии, воспитанники Вифанской семинарии, воспитанники и воспитанницы Сергиево-посадского дома призрения, братия обители и семьи служивших в Сергиевом Посаде лиц.

После краткого молебствия и прикладывания к святым мощам печальника земли Русской преподобного Сергия митрополит благословил Государя чудной иконой с следующей надписью на серебряной доске: «Точный снимок с чудотворного образа явления Божией Матери преподобному Сергию, находящегося над южными дверьми

в иконостасе Троицкого собора Святотроицкой Сергиевой лавры, который находился при войсках во время военных походов: 1) в 1654 г. против поляков, 2) в 1703 г. против шведов, 3) в 1812 г. против французов, 4) в 1855 г. в Севастополе, 5) в 1877 г. на Балканах и 6) в 1904 г. против Японии. Сей список поднесен его императорскому величеству Государю императору Николаю Александровичу 1912 г. июня 1 дня».

В Троицком соборе, кроме лиц свиты, представителей Посада и отдельных обществ присутствовали и профессора Духовной академии. По выходе из собора Государю императору имели счастье представиться волостные старшины, председатели волостных судов и сельские старосты Дмитровского уезда с четырьмя земскими начальниками, поднесшие хлеб-соль на блюде с изображением пахаря; на полотенце, которым была покрыта хлеб-соль, была надпись: «От верноподданных и благодарных крестьян Дмитровского уезда Славному — долгие дни». [...]

Общество хоругвеносцев поднесло просфору на резном блюде. Троицкое общественное добровольное пожарное общество удостоилось поднести хлеб-соль и вид Троице-Сергиевой лавры наследнику. Поднося хлеб-соль, крестьяне тесным кольцом окружили Государя, который очень милостиво и просто с ними беседовал.

В митрополичьих покоях, куда Государь прошел по приеме депутаций, состоялся прием их величествами начальницы дома призрения Е. П. Гончаровой и игуменьи Хотьковского монастыря матери Никандры, поднесшей их величествам и их высочествам подарки из ручных работ сестер Хотьковского монастыря. Пробыв около 15 минут в покоях митрополита, их величества отбыли на станцию, провожаемые братией монастыря и дружными несмолкаемыми криками «ура» толп народа.

Прощаясь со мной, Государь выразил мне свое удовольствие, что наконец он увидел народ, а не одну полицию. Я был глубоко счастлив этим дорогим словам Государя, так как главным образом, стремился, чтобы народу было как можно больше.

В 4 часа дня при громовых криках «ура» императорский поезд отошел от станции, направляясь в Царское Село.

Как только поезд отошел, я был окружен крестьянами и жителями Посада, и меня стали просить послать депешу Государю с выражением радости населения по поводу посещения Посада их величествами.

В ответ на эту посланную мной депешу я удостоился получить на другой же день следующий ответ: «Вместе с моей семьей сохраню радостное чувство посещения святой обители и совместной молитвы с жителями Сергиева Посада, которым поручаю передать мою благодарность за выраженные чувства преданности. Николай».

Так отрадно прошли эти пять дней пребывания царской семьи в Москве, оставившие в сердцах всех самое дорогое воспоминание.

После отхода императорского позда из Сергиева Посада, минут через 20, я выехал в Москву в экстренном поезде министра путей сообщения. Вечером в тот же день я получил от министра внутренних дел А. А. Макарова следующее письмо от 1 июня, за № 23: «Милостивый Государь Владимир Федорович. Государь император, оставшись вполне довольным образцовым порядком во время пребывания их величеств в Свято-Троице-Сергиевой лавре, в первый день сего июня высочайше повелеть соизволил объявить Вашему превосходительству высочайшую благодарность его императорского величества. За последние семь лет, стоя во главе Московской губернии, Ваше превосходительство несомненно проявили выдающуюся энергию и распорядительность во всех отраслях управления, и ныне та высота, которой, благодаря Вашим непосредственным и неустанным заботам, достигла постановка полицейского дела в губернии, удостоилась особого монаршего внимания, выразившегося в столь милостивой оценке трудов Ваших и подведомственных Вам чинов. Считаю для себя приятным долгом сообщить от этом Вашему превосходительству, прося принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности. А. Макаров».

Столь лестная оценка моей деятельности явилась исключительно благодаря действительно дружной и самоотверженной работе моих подчиненных. Успех в Сергиевом Посаде явился результатом трудов моих дорогих сотрудников: вице-гебурнатора Устинова, чиновников особых моих поручений Даксергофа, Андросова, Шереметевского и всех чинов полиции; не было ни интриг, ни споров, каждый заботился только о том, как бы лучше выполнить то, что ему поручено, не заглядывая в дела других.

5 июня я обратился с следующим приказом по вверенной мне полиции: «1 сего июня мною получено от министра внутренних дел следующее уведомление: «Государь император, оставшись вполне довольным порядком при посещении Свято-Троице-Сергиевой лавры, объявляет высочайшую благодарность его императорского величества Вашему превосходительству, а прочим начальствующим лицам московской уездной полиции и Отдельного корпуса жандармов монаршее благоволение. Нижним чинам означенных полиций и Корпуса его величество жалует по одному рублю на человека.

С чувством глубочайшей радости узнал я о столь высокой к нам милости монарха. Моменты пребывания царской семьи в пределах Московской губернии останутся, конечно, для каждого из нас самым светлым воспоминанием. В это время служба полиции достигла своего высшего назначения, ибо она приобщилась к охране священной особы своего Государя, и эту исключительно важную и почетную задачу все чины полиции и Отдельного корпуса жандармов, привлеченные к охране порядка в Свято-Троице-Сергиевой лавре и по пути следования их императорских величеств через губернию, выполнили со свойственным им патриотическим воодушевлением,

напрягая все свои силы и действия в тесном дружном единении. Для русского человека нет большей радости, как слышать слово одобрения из царских уст. И я глубоко счастлив тем, что могу разделить это отрадное чувство вместе с чинами полиции и Корпуса жандармов, столь благородно и ревностно исполнившими высший долг своей службы. Всем начальствующим лицам, до коих относится высочайшая милость, мною будет вручена копия настоящего приказа. Пожалованные его императорским величеством нижним чинам рубли будут выданы по принадлежности через мою канцелярию».

В день отъезда их величеств из Москвы, 1 июня, утром 5-й гренадерский Киевский ее императорского высочества великой княгини Елизаветы Федоровны полк получил приказание Государя императора явиться в полном составе к 11 часам утра в Кремль и построиться перед Большим Кремлевским дворцом. Государь император, выйдя из внутренних покоев в сопровождении наследника цесаревича, великих князей и лиц свиты, направился к полку и, обойдя киевских гренадер и поздоровавшись с ними, объявил, что шеф полка ее императорское высочество великая княгиня Елизавета Федоровна, решив посвятить себя исключительно делам религии и благотворения, просила освободить ее от шефства, но что духовную связь с полком она навсегда сохранит. В ознаменование же первого приезда в Москву наследника он его назначает шефом полка. Громовое «ура» было ответом на эти слова державного вождя. Осчастливленный полк прошел церемониальным маршем перед своим новым шефом и возвратился в казармы.

В этот же день Гадон, уволенный от службы в 1906 г. за беспорядки в Преображенском полку (см. воспоминания за 1906 г.), был возвращен на службу прежним чином генерал-майора с назначением в Свиту. Также и Озеров.

16 июня из Москвы уехал генерал Экк, назначенный командиром 7-го Армейского корпуса. Гренадерский корпус в лице его потерял дорогого, горячо любимого начальника. К моменту его отъезда на Курском вокзале собралось множество его сослуживцев и подчиненных, все одинаково сожалели об его уходе. Проводы его носили самый сердечный характер, он оставил в душе каждого, кто только имел к нему какое-либо отношение, благодарное воспоминание. На его место был назначен генерал Мрозовский, по мягкости характера резкая противоположность Экку.

В этот же день в Москву ожидали прилета лейтенанта Дыбовского, который летел на «Ньюпоре» из Севастополя в Петербург. Из Тулы он должен был вылететь в 5 часов дня и быть в Москве в 7 часов вечера. К этому времени по шоссе по направлению к аэродрому неслись автомобили, ехали экипажи, извозчики, шли толпы народа пешком. На аэродроме же висел синий флаг (отмена полета), пока не сообщили по телефону из Тулы, что Дыбовский

вылетел. Тогда взвился оранжевый флаг (полет состоится). Это было в 5 часов 10 минут дня. К этому времени собралась уже масса публики, на кругу кипела жизнь вовсю, прибыли терские казаки — конные стражники Московского уезда, приехал и я на автомобиле, поздоровался со стражниками, принял рапорт от исправника и выслушал его доклад о принятых мерах по пути перелета, на случай, если бы понадобилось оказать какую-либо помощь. Затем приехал командующий войсками Плеве, профессор Н. Е. Жуковский, Ю. А. Меллер и другие члены Общества воздухоплавания.

Когда все съехались в ожидании прилета отважного пилота, вдруг совсем неожиданно налетел шквал: все заволокло облаками пыли, потемнело в воздухе, но это продолжалось не более 10—15 минут, стало опять светло, но сильный ветер не унимался. Жутко стало за судьбу летчика. Около 7 часов его еще не было, невольно все стали тревожиться. Я позвонил по телефону в Подольск, откуда мне ответили, что Дыбовский пролетел над Подольском в 6 с половиной часов. Тогда я позвонил в Царицыно — Дыбовский еще не пролетел — так ответили со станции. Невольно зародилась тревога; от Подольска до Царицына более 10—15 минут он пролететь не мог. Очевидно, катастрофа. Ю. А. Меллер решился поехать разыскивать летчика, с ним сели еще двое, и они уехали. Оказалось, что Дыбовский, попав в шквал, сначала пробовал из него выйти, спустился ниже, но ветер был такой резкий, что он решил не бороться с ним и спустился благополучно, не долетев до Царицына, в 21 версте расстояния от Москвы, где его и нашел Ю. А. Меллер со своими спутниками. Как ни упрашивали они Дыбовского долететь до Москвы, он не согласился и обещал вылететь в 6 часов утра на другой день.

На другой день с раннего утра опять аэродром наполнился народом, собрались все члены Общества воздухоплавания, приехал и я. Прошло томительных два часа, наконец по телефону сообщили, что он пролетел над Царицыным в 8 часов утра, затем через некоторое время сообщили, что он пролетел над Симоновым монастырем. В это время туман, бывший с утра, настолько сгустился, что вдаль ничего не было видно. Пошел сильнейший дождь, и со станции Люблино сообщили, что Дыбовский упал близ станции в болото.

Я сел в автомобиль и поехал с двумя членами Общества воздухоплавания к месту катастрофы. В это время аппарат находился уже на сухом месте, и было приступлено к его починке, Дыбовский был невредим. Оказалось, что когда туман и дождь не давали ему возможности ориентироваться над городом, он решил повернуть и спуститься около Люблина на луг, где он видел, что крестьяне косили траву, не предполагая, что это болото. Аппарат и завяз в болоте, откуда его едва вытащили. К 6 часам вечера все было в порядке, и Дыбовский мог вылететь. Аэродром, таким образом,

третий раз наполнялся публикой, с нетерпением ожидавшей своего героя.

Я приехал на аэродром, как только мне сообщили, что Дыбовский вылетел из Люблина, и подъехал как раз вовремя. «Ньюпор» очень красиво летел под умелым управлением Дыбовского, который сделал плавный поворот, очень ловко спланировал и сел как раз против членской беседки.

Толпа неудержимо бросилась, так что мне с депутацией с трудом удалось пробраться к нему. Познакомившись с ним уже накануне, я обнял его, поздравляя с прилетом в Москву, и тут же вручил ему золотой кубок — приз великого князя Михаила Александровича, а профессор Н. Е. Жуковский передал ему золотой жетон от Общества воздухоплавания и сказал приветственное слово. Офицеры авиационной школы подняли Дыбовского на руки и понесли к беседке, после чего посадили его в автомобиль и провезли мимо всей публики под неумолкавшие крики восторга. В членской беседке приготовлена была закуска от членов Общества. Первый тост был за Государя, второй за великого князя Михаила Александровича, третий за отважного летчика Дыбовского. Публика не расходилась, пока Дыбовский не уехал, и провожала его шумными овациями. В Петербург Дыбовский полетел только через неделю, так как аппарат потребовал серьезной починки. Он спустился в расположении Красного Села.

В тот же вечер, когда прилетел Дыбовский в Москву, я выехал в Петербург, получив приглашение на церковный парад Лейб-гвардии Преображенского полка, назначенный в высочайшем присутствии в Петергофе 18 июня, в день, когда исполнилось 25 лет со дня вступления на действительную службу в Лейб-гвардии Преображенский полк Государя императора в бытность его наследником цесаревичем.

В 1887 г. наследник цесаревич Николай Александрович, 19 лет, вступил на службу младшим офицером роты его величества, в каковой должности отбыл лагерный сбор, а затем в следующем году командовал ротой его величества, а в 1892 г. назначен был командиром 1 батальона того же полка. Кончина императора Александра III 20 октября 1894 г. застала его высочество на этой должности. В память этого, вступив на Престол и назначив себя шефом полка, Государь император продолжал числиться командиром 1-го батальона, фактический же командир батальона, согласно высочайшего повеления, именовался командующим батальоном, так было и до последних дней царствования Николая II.

В память этого дня, когда 25 лет назад Государь император вступил на службу в полк, и состоялся церковный парад полку в высочайшем присутствии в Петергофе. В летней парадной форме выстроились преображенцы на площадке у церкви дворца покоем, тылом к фрейлинским домам, фронтом к парку, в составе 4 баталь-

онов с хором музыки на правом фланге и с полковыми знаменами и галерным флагом. На правом фланге полка стали военный министр Сухомлинов, августейший главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, командир корпуса генерал Безобразов, начальник дивизии Олохов. У правого фланга прибытия Государя ожидало дежурство: генерал-адъютант принц А. П. Ольденбургский, Свиты генерал Озеров и флигель-адъютант принц П. А. Ольденбургский. На левом фланге полка стали прежде служившие в полку, среди которых был и я.

Против дворца была разбита царская палатка. Между ней и фронтом приготовлено было место для молебствия и стояло духовенство в красных парчово-бархатных ризах с вытесненными дубовыми листьями — эмблемами полка. Возле палатки сгруппировалась Государева Свита и военное начальство, свитные фрейлины. Прибыл великий князь Михаил Александрович. К 11 часам прибыли их величества Государыни императрицы, великие княгини Мария Александровна и Ксения Александровна и августейшие дочери Государя.

Музыка заиграла петровский Преображенский марш. Вслед за сим подъехал Государь император с наследником цесаревичем. Как Государь, так и наследник были в преображенской форме с Андреевской лентой через плечо. Раздалась команда «на караул», музыка заиграла встречу, знамена склонились. Государь, приняв рапорт от командира полка Свиты генерала Гулевича, пошел по фронту полка, здороваясь с каждым батальоном отдельно. Радостно раздались бравые отклики преображенцев, звуки «Боже, царя храни» и «ура» огласили площадку.

По обходе фронта состоялось молебствие, пели преображенцы-певчие, вызванные для сего из строя. После многолетия протопресвитер обошел фронт, окропляя святой водой. Государь следовал за ним по фронту.

Когда духовенство удалилось, послышалась команда: «К церемониальному маршу». Забили барабаны. Государь встал во главе 1-го батальона и прошел впереди его, салютуя императрицам. Полк два раза, поротно, развернутым строем и во взводной колонне прошел мимо своего шефа. Затем последовал относ знамен. Государь поблагодарил полк в самых милостивых выражениях за ревностную и верную службу и блестящий парад. С места парада полк прошел в Верхний сад, где в аллеях были накрыты столы, уставленные яствами для нижних чинов.

Подойдя к столам, Государь еще раз обратился со словами благодарности к полку, поднял чарку за славу и процветание полка и за здравие родных ему молодцов-преображенцев. Громовое «ура» огласило сад. Командир полка возгласил здравицу за державного шефа, за Государынь императриц и за августейшего преображенца наследника цесаревича. Вслед за сим в Большом Петергофском

дворце состоялся высочайший завтрак для офицеров полка и прежде служивших, после чего Государь и императрицы за кофе на террасе беседовали с офицерами.

За завтраком играли Придворный симфонический оркестр и хор музыки Преображенского полка. Меню завтрака было следующее: Potage St.-Germain. Petits pâtés. Saumon à la Parisienne. Langue de veau Richelieu. Fraises rafraîchies. Crême Chantilly. Dessert *.

Ободренный и осчастливленный царским вниманием полк возвратился в Красное Село — место своего лагерного расположения.

На другой день я собирался выехать обратно в Москву, но получил печальное известие о кончине дорогого незабвенного Федора Васильевича Дубасова, бывшего московского генерал-губернатора, которого я глубоко уважал и искренне любил и со всей семьей которого был очень дружен. Эта грустная весть заставила меня отложить отъезд, и я тотчас поехал на квартиру покойного, чтоб выразить мое глубокое соболезнование вдове — дорогой Александре Сергеевне и всей семье его и поклониться его праху.

Ф. В. Дубасов скончался в своем доме на Сергиевской улице, хворал он уже с начала года и по болезни перестал даже посещать заседания Государственного Совета, где он играл весьма заметную роль в правых группах, которые постоянно прислушивались к его честному голосу. Морское ведомство потеряло в его лице выдающегося русского, в полном смысле этого слова, моряка, прославившего свое имя геройством и храбростью. Кто в России не знал имена доблестных Дубасова и Шестакова, так геройски взорвавших и потопивших турецкий броненосный монитор «Сейфи» на Дунае, в 1877 г. [7]. Эта безумная смелость и отвага, проявленные ими в начале войны, и крупная удача при этом вызвали общее удивление и восхищение и доставили молодым тогда морякам мировую славу.

Он скончался на 67-м году своей честной, мужественной и стойкой жизни. Об его заслугах в должности московского генерал-губернатора и об его нравственных качествах я уже писал в своих воспоминаниях за 1905—1906 гг. В Москве его кончина вызвала большое сожаление во многих кругах, в Петербург выехало несколько депутаций, среди них и А. Д. Самарин с венком от московского дворянства. Отпевание и погребение происходили 21 июня в Александро-Невской лавре, отпевали в Тихвинской церкви. Среди венков выделялся венок от императрицы Марии Федоровны, возложенный состоявшим при ее величестве князе Оболенским.

24 июня в Москве состоялось открытие памятника народному герою и полководцу генерал-адъютанту М. Д. Скобелеву, которого Москва, ровно 30 лет перед тем, провожала в последнее убежище. Смерть похитила «белого генерала» тогда так неожиданно, ему было всего 39 лет и он находился в полном расцвете сил.

* Меню завтрака: суп «Сен-Жермен». Пирожки. Лосось по-парижски. Говяжий язык «Ришелье». Свежая клубника. Крем «Шантильи». Десерт.

Скобелев был ярким выразителем гордого духа Русского воинства, верившим и внушавшим веру в его непобедимость. Под его начальством наши войска всегда побеждали, и побеждали не только потому, что были правильно направляемы на неприятеля, а потому, что Скобелев обладал редкой способностью вызывать в них наибольшее напряжение мужества и одушевление, внушая им, что на войне надо все забыть и только воевать. Много говорили и писали о заботливости Скобелева к солдатам и офицерам, но одновременно с этими качествами у него была особенная сила вдохновлять русского солдата, вести его в бой и внушать ему, что бой есть награда для каждого настоящего воина.

После рыцарских подвигов и побед под Плевной, Шейновом и Ахал-Теке он стал любимцем не только войск, но и народа русского. Возвращение его из-под Геок-Тепе было сплошным триумфальным шествием, всегда и везде его встречали с необыкновенным восторгом. Облик «белого генерала» вырисовывался как сказочный призрак. И вот в сердце России, в Москве, ему воздвигнули памятник, этому легендарному любимцу народа, герою России.

С утра 24 июня погода стояла прекрасная, соответствовавшая праздничному настроению. Толпы народа заполняли все вокруг. На площади красиво пестрели разнообразные войска, группы приглашенных и депутаций. Памятник был закрыт полотнищами, с четырех углов с высоких мачт спускались пестрые гирлянды маленьких разноцветных флагов. От памятника протянуто было красное сукно к широкому настилу для богослужения, возле настила поставлен был навес — шатер, увенчанный георгиевской хоругвью в зелени, цветах и флагах, входы в него осенены были хоругвями в древнерусском стиле. Справа от шатра находилась группа родных и сподвижников, среди них сестра героя княгиня Белосельская-Белозерская с мужем и сыном, бывшие адъютанты Скобелева генералы Маслов и Ушаков, затем приглашенные. Тут же находился и комитет по сооружению памятника: председатель генерал Щербачев, члены: генерал Колюбакин, генерал Баев, полковник Воронцов-Вельяминов, Никольский, Попов и Симонов и капитан Левашко, представитель города гласный Кузнецов и скульптор подполковник Самонов. Из окон генерал-губернаторского дома смотрели институтки. Слева от палатки находились генералы и начальствующие лица города, дворцовые гренадеры, служившие в полках Скобелева, депутации, городская дума в числе 145 человек и т. д. Парадом командовал генерал Горбатовский, кавалер ордена Св. Георгия 3-ей степени. Командующий войсками генерал Плеве, в ожидании прибытия великого князя Михаила Александровича, занял место на правом фланге войск.

Ровно в 12 с половиной часов дня прибыл великий князь Михаил Александрович — представитель Государя императора. Приняв рапорт от генерала Горбатовского, его высочество пошел по фронту

войск, здороваясь с каждой частью отдельно. Обойдя войска и поздоровавшись с начальствующими лицами, великий князь направился в церковь Козьмы и Дамиана, где был встречен митрополитом Владимиром с крестом и святой водой; в предшествии митрополита, великий князь вышел из собора с крестным ходом по направлению к памятнику под звуки «Коль славен» хоров музыки. Началось молебствие. Кроме митрополита служили протопресвитер военного и морского духовенства отец Шавельский — герой Тюренчена во время японской войны и архимандрит Сербского подворья. Когда протодиакон возгласил «Воину Михаилу вечная память», пелена, покрывавшая памятник, стала постепенно спадать и появилась бронзовая фигура «белого генерала» на коне на высоком постаменте. Затихло пение, послышалась команда «накройся». Великий князь обнажил шашку и скомандовал всему параду «на караул». Забили барабаны, музыка заиграла Кавалергардский марш — войска отдали честь своему герою. После многолетия всему воинству митрополит осенил крестом войска и народ, окропил памятник святой водой и в предшествии крестного хода возвратился в церковь. Войска опять взяли «на караул», и великий князь провозгласил здравицу Государю императору, громкое «ура» и звуки гимна огласили воздух.

Затем состоялся осмотр памятника и представление членов комитета великому князю, после чего генерал Щербачев подал его высочеству акт о передаче памятника городу, а великий князь с своей стороны передал этот акт в руки городскому голове. Н. И. Гучков, принимая акт, произнес следующие слова: «Ваше императорское высочество. Памятник, сооруженный герою Скобелеву, является памятником геройской доблести русской армии, одним из легендарных вождей которой был великий Скобелев — плоть от плоти и кровь от крови великого русского воинства, во все времена самоотверженно служившего обожаемому царю и дорогой Родине. Москва, древняя столица России, счастлива, что на ее долю выпадает быть хранительницей этого памятника, этого драгоценного народного достояния».

После этого великий князь обошел депутации и сподвижников Скобелева, беседуя с ними и расспрашивая об участии их в скобелевских походах. По прохождении войск церемониальным маршем состоялось возложение венков к подножию памятника. Первый серебряный венок был возложен сестрой покойного героя — княгиней Белосельской-Белозерской, затем следовали многочисленные воинские депутации. Среди надписей выделялись «Белому генералу, умиротворившему Фергану, обогатившему туземное население и вставившему жемчужину Востока в корону русского царя», «Незабвенному витязю освободительной войны, славному генералу Михаилу Дмитриевичу Скобелеву благодарный болгарский народ. Ловча, Плевна, Шейново». Гора венков закрыла все подножие памятника.

М. Д. Скобелев

Памятник изображал «белого генерала» на скачущей лошади среди боя. Под ногами его оружие убитых богатырей, разбитые пушечные лафеты и т. д. Скобелев с обнаженной шашкой как бы мчится впереди войск в атаку — сюжет заимствован из знаменитого боя на Зеленых горах под Плевной 27 августа 1877 г., когда на Скобелева обрушились все армии Осман-паши. Несколько ниже Скобелева расположены были его «чудо-богатыри» — солдаты, идущие в атаку. Лица у всех серьезные, сосредоточенные. На лицевой стороне была надпись: «Михаилу Дмитриевичу Скобелеву. 1843—1882», тут же и барельефы: «Штурм Геок-Тепе, 12 января 1881 г.», «Атака Зеленых гор» и «Сражение при Шейново-Шипка 28 декабря 1877 г.». На оборотной стороне выгравированы были слова из одного из приказов Скобелева: «Напоминаю войскам, что скоро и нам может предстоять боевое испытание; прошу всех об этом знать и крепить дух молитвою и размышлением, дабы свято до конца исполнить, что требуют от нас долг присяги и честь русского имени». Около приказа этого был ряд барельефов: «Скобелев под Хивой 26 мая 1873 г.», «Штурм Андижана 8 января 1876 г.» и др. По бокам гранитного пьедестала другие барельефы: «Переход через Дунай у Зимницы 15 июня 1877 г.», «Скобелев под Плевной» и т. д.

Прекрасную по содержанию телеграмму прислал на имя председателя комитета генерала Щербачева преклонный старец, слепой на оба глаза генерал Е. В. Богданович: «Сегодня светлый праздник русской славы. Сегодня, в сердце России, в колыбели нашей государственности освящен памятник беспримерному любимцу русского воинства герою Зеленых гор и Геок-Тепе, бессмертному «белому генералу» Михаилу Дмитриевичу Скобелеву. Среди бесчисленных препятствий пролагая пути к своим победам, обезоруживая зависть и недоверие своими блистательными успехами, он превзошел все ожидания соотечественников, оправдав прозорливые надежды, возлагавшиеся на него еще с первых его шагов покорителем Хивы генерал-адъютантом Кауфманом. И потому всем нам, ставящим мир превыше всего, можно с законной гордостью вспомнить, что мир покупается только победоносною войною. Мы не страшимся провозгласить нашу незыблемую веру, что если будет на то воля Божья и во имя будущего мира разразится новая война, появятся новые Скобелевы, чтобы стать во главе христолюбивого российского воинства и повести его, по царскому слову, под знаменем животворящего креста на честную брань и славную победу. Перед священным памятником того, на ком почил дух великого Суворова, кто всею жизнью своею явил, что не оскудела на бранном поле героями Русская земля, да воспламенятся родные дружины беззаветною готовностью жить, умирать и побеждать за веру, царя и Отечество».

Тотчас после открытия памятника я выехал в г. Серпухов, где мне нужно было осмотреть вновь отстроенную Солодовниковскую

Открытие памятника генералу М. Д. Скобелеву
в Москве. 1912 г.

больницу. Оттуда я верхом, на своей лошади, высланной по железной дороге на станцию Серпухов, проехал в г. Тарусу Калужской губернии, в имение маркизы Кампанари, расположенное очень красиво на левом берегу Оки. Имение это находилось от Серпухова в расстоянии 40 верст, путь лежал по очень красивой дороге, сначала по Московской губернии, потом по Тарусскому уезду Калужской губернии; погода была чудная, я взял с собой одного стражника и наслаждался тем, что мог ехать, никем не узнаваемый и не по службе, а для своего удовольствия и отдыха. Но не долго это продолжалось. Приближаясь к г. Тарусе, уже в Калужской губернии, я заметил по параллельной мне дороге группу всадников, которая вдруг повернула по направлению ко мне, без дороги, прямо лугом. Оказалось, что это местный исправник с тремя стражниками, который, подъехав ко мне, отрекомендовался. Мне эта встреча была очень неприятна, я понял, что серпуховский исправник, очевидно, не утерпел и имел нескромность предупредить по телефону своего соседа, что я выехал в его уезд. Я поздоровался с исправником и спросил его, откуда он едет. Он не моргнув ответил, что объезжал свой уезд и возвращался в г. Тарусу, как вдруг так неожиданно увидел меня. Я сделал вид, что поверил случайной встрече, и предложил ему доехать до Тарусы вместе, благо оставалось не более 2-х верст. Подъезжая к Тарусе, я увидал над городом сплошное облако пыли, между тем ветра не было, в воздухе была полная тишина. Оказалось, обыватели усердно мели улицы, и так как вся эта местность очень песчаная, то, естественно, подняли страшную пыль. Я спросил исправника, чем объясняется такое усердие жителей — на что он опять, не моргнув ни одним глазом, с гордостью ответил, что у него заведен такой порядок, по которому горожане обязаны два раза в неделю очищать все улицы от мусора, и потому у него город всегда безукоризненно чист, но что если б он знал о моем проезде, то отложил бы эту чистку до другого дня, и потому он извиняется за пыль.

Сделав вид, что я ему верю, я ему сказал не без иронии, что вот какой он счастливый, что ему удалось водворить такой порядок, а я вот не могу добиться, чтобы в Серпухове обыватели мели улицы. На это он, не поняв иронии, ответил очень довольным голосом: «Да, ваше превосходительство, это верно, нелегко добиться, бывал я в Серпухове, там действительно грязновато». Меня это очень позабавило, я простился с исправником в г. Тарусе, не позволив ему сопровождать меня дальше и сказав ему, что пробуду в его уезде сутки, но что я прошу, если он желает мне доставить удовольствие, то забыть о моем существовании. Он не совсем все-таки забыл обо мне, так как на другой день, проезжая по району Калужской губернии, я иногда видал в отдалении прятавшихся от меня стражников. Въехав в свою губернию, я уже чувствовал себя спокойнее, не

боясь такой «слежки» или «охраны», так как я свою полицию приучил не быть любопытными и сопровождать меня только в тех случаях, когда я находил это нужным.

8 июля в Бородине ожидалось прибытие из Германии останков героя 1812 года генерал-лейтенанта Неверовского для погребения их на месте Бородинского поля сражения. Вследствие этого я выехал в Бородино еще накануне в специальном поезде, в котором выехали также командующий войсками генерал Плеве, князь Н. А. Багратион — потомок командовавшего одной из армий под Бородином, гласный городской думы Литвинов, члены Кружка ревнителей памяти Отечественной войны во главе со своим председателем генералом Яковлевым, члены Военно-исторического общества, секретарь особого Комитета 12-го года Афанасьев и др.

На станции Бородино для отдания почестей уже находился батальон 6-го гренадерского Таврического полка и артиллерия из Клементьевского лагеря. Наш поезд прибыл на станцию Бородино в 4 часа утра, а в 4 часа 58 минут утра с противоположной стороны подошел почтовый поезд, к которому было прицеплено два вагона — один траурный, с останками генерала Неверовского, другой — с депутациями, сопровождавшими останки. Депутации эти были от Лейб-гвардии Павловского полка с бароном Клодтом, 48-го Одесского пехотного императора Александра I с капитаном Гассе и 24-го Симбирского пехотного имени генерала Неверовского с штабс-капитаном Валлером во главе. Это все были полки, стяжавшие славу Неверовскому.

В присутствии этих депутаций в Галле, где был похоронен генерал Неверовский, скончавшийся от ран, полученных им в сражении под Лейпцигом в 1813 г., останки были вырыты и переложены в новый цинковый гроб. При вскрытии могилы найден был весь скелет и видна была рана на берцовой кости, от которой и скончался Неверовский. От гроба, платья следов не было. Могила в Галле, по словам прибывших, содержалась очень хорошо, на ее месте городское управление Галле собиралось поставить памятник с соответствующей надписью. В проводах останков Неверовского участвовала 8-я германская дивизия из Торга и пятитысячный гарнизон; по всему пути на всех остановках были оказываемы почести.

Когда траурный вагон был отцеплен и открыт, прибывшим духовенством Спасо-Бородинского монастыря была отслужена лития, и гроб был вынесен и поставлен на лафет 1-й батареи 2-й гренадерской Артиллерийской бригады и украшен венками, которых было до 18; среди них поражал простотой венок императора Вильгельма из дубовых листьев и белых увядших роз, перевязанных простой бечевкой, на лентах вензель императора. Затем еще венок от г. Галле и немецкого гарнизона. На площадке против станции

выстроен был батальон Таврического полка, войсками командовал генерал Михно.

Шествие двинулось по вновь построенному от станции шоссе, направляясь к Спасо-Бородинскому монастырю: зрелище было очень трогательное, певчие пели «Святый Боже», музыка играла похоронный марш, войска плавно шествовали за останками героя.

В монастыре гроб был внесен в церковь Спаса Нерукотворенного, в котором была отслужена панихида, после чего останки на руках были перенесены на Семеновскую флешь, которую сто лет перед тем так геройски защищал Неверовский. На самой этой флеши, восстановленной уже к юбилею гренадерскими саперами, и была приготовлена могила. Когда в нее опустили останки, полковник Афанасьев произнес слова, посвященные памяти героя. Он сказал: «Под Красным он отразил 40 атак лучшей кавалерии Европы, а 26 августа под Бородином оборонял эти флеши, назначенные ему для вечного упокоения. Тут недалеко у памятника лежит прах командовавшего армией Багратиона. И он, видя эти почести, которые мы отдаем его генералу, сказал бы ему теперь: спасибо тебе, Дмитрий Павлович, спасибо, что ты заслужил это, защищая царя и Отечество».

Войска в это время выстраивались к церемониальному маршу, после чего генерал Плеве повел их мимо могилы Неверовского, салютуя под звуки полкового марша Лейб-гвардии Павловского полка. После этой печальной, но и радостной в то же время церемонии пили чай у игумении, и затем все отбыли в Москву.

13 июля в Царском Селе скончался генерал от кавалерии барон А. А. Бильдерлинг, бывший председатель Московского столичного попечительства о народной трезвости, под руководством которого я начал свою деятельность по насаждению в г. Москве трезвости, будучи назначен его товарищем по званию председателя. Его полная благородства фигура была хорошо памятна москвичам. Это был человек весьма образованный, с кристальной, чистой душой. Строгий к себе, чрезвычайно скромный, он был очень снисходителен к ошибкам других. Кроме того, как художник-акварелист, он пользовался большим успехом на выставках, все его произведения отличались жизненностью и были тщательно всегда отделаны. Все Московское попечительство, которое любило и помнило своего незабвенного первого председателя, было очень огорчено его кончиной, во всех домах и учреждениях были отслужены панихиды и на гроб почившего был возложен венок особой депутацией, отправившейся на похороны. Я лично глубоко оплакивал его и выехал в Петербург отдать последний долг дорогому Александру Александровичу.

22 июля крестьяне села Бородино пригласили меня на открытие и освящение памятника царю-освободителю в их селе против волост-

ного правления. После торжественно отпразднованного в 1911 г. 50-летия со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости один за другим открывались и освящались памятники царю-освободителю в разных волостях, целая сеть памятников покрыла Московскую губернию, большею частию это были бронзовые бюсты на небольшом пьедестале. Такой же памятник сооружен был и крестьянами села Бородино. Открытие было обставлено большой торжественностью. Волостной старшина Ефимов, обратившись ко мне после освящения памятника, сказал, что воспоминание об историческом событии освобождения крестьян не могло не отозваться и в сердцах бородинских крестьян особенной любовью к царю-освободителю, и просил меня повергнуть к стопам Государя их верноподданнические чувства.

Местный священник отец Страхов напомнил собравшимся, что бородинский дворец в 1839 г. был куплен у помещика Воейкова для наследника цесаревича Александра Николаевича и сделался его собственностью, что в том же году, будучи наследником, Александр II пробыл некоторое время в Бородине, а затем, будучи уже императором, бывал неоднократно, проявляя большие заботы к храму, который был полон высочайшими подарками и драгоценностями.

Торжество прошло очень дружно, крестьяне проявили большое гостеприимство и радушие, предложив гостям, среди которых, кроме меня, были предводитель дворянства, председатель управы, земские начальники и другие лица, чай и закуску в волостном правлении.

Конец июля месяца Московскую губернию постигло стихийное бедствие — вследствие сильной засухи (в течение 6 недель не было ни одного дождя) начались лесные пожары. Бороться с ними было очень трудно, горели леса понизу и поверху, горели и торфяные болота, последние главным образом. Все население было мобилизовано на борьбу со стихией, два полка пехоты побатальонно были командированы в разные места, полиция буквально сбивалась с ног. В течение 5 дней, день и ночь, я объезжал одно место пожарища за другим и на лошадях, и на автомобиле, направляя помощь то в одну, то в другую сторону, лично руководя распределением сил. Меня сопровождал состоящий при мне В. Д. Шереметевский. Главное внимание мое было обращено, конечно, на села и деревни, дабы спасти их от огня, и это мне удалось, благодаря энергичному содействию местного населения, под умелым и сердечным руководством земских начальников и чинов полиции.

Много жутких впечатлений пришлось мне пережить при моих разъездах, особенно по ночам, когда на темном небосклоне отражался лесной пожар, шедший по верху; солдаты едва успевали делать широкие просеки, чтобы останавливать огонь. Иногда же и это не помогало, и огонь перебрасывало через просеку. Но еще

более жуть брала, когда огня видно не было, когда горели корни деревьев, под землей, когда огонь шел в глубине. Бывало, идешь по лесу, кажется, будто ничего, вдруг какое-нибудь гигантское дерево падает, ломает по пути другие, и из земли неожиданно вырывается пламя огня. А то в другой раз — идешь по лугу, вдруг нога проваливается и из ямы вырывается пламя. В таких случаях приходилось делать глубокие канавы, иногда в несколько аршин глубины. Только в самых последних числах июля удалось справиться с этим стихийным бедствием. Оно охватило главным образом Богородский, часть Московского и Звенигородский уезды.

1 августа в Москву приехал Председатель Совета Министров Франции Пуанкаре в сопровождении директора дипломатической канцелярии Дешнера, секретаря Кабинета Люка, представителя французского посольства в Петербурге графа де Сортижа и капитана французской службы Маршаля.

Этому посещению господина Пуанкаре предшествовала целая переписка Министерства иностранных дел со мной, причем подчеркивалась желательность, чтобы Москва и представители администрации проявили по отношению к влиятельному представителю Франции самое широкое гостеприимство и радушный прием. Кроме того, министерство просило меня отвести и помещение для главы французского Кабинета в доме генерал-губернатора и обставить все его поездки возможным комфортом. Таким образом, все хлопоты легли на меня. Благодаря такому чудному и аккуратному человеку, каким был управлявший в то время канцелярией генерал-губернатора С. М. Борденав, мне удалось очень хорошо устроить помещение для г. Пуанкаре в генерал-губернаторском доме, обставив его всеми удобствами и необходимым уютом, устроить буфет, чтобы во всякое время он мог иметь кофе, чай, необходимые закуски и вина. Для сего я сговорился с гостиницей «Дрезден», хозяин которой и устроил небольшое свое отделение в генерал-губернаторском доме.

Для встречи Пуанкаре на вокзале собрались представители французской колонии во главе с генеральным консулом графом де Ла-Валикуром, городской голова Н. И. Гучков, Адрианов и я. После взаимных приветствий я сел с господином Пуанкаре в автомобиль и проводил его в генерал-губернаторский дом, где все было приготовлено для его приезда. Тут я представил ему управлявшего канцелярией С. М. Борденава, смотрителя дома С. И. Козлова и адъютанта генерал-губернатора штабс-ротмистра князя Оболенского, которого я назначил состоять при господине Пуанкаре во все время пребывания его в Москве. Проводив его в отведенные ему комнаты и посетив также комнаты, отведенные лицам, приехавшим с ним, я просил их считать себя как у себя дома и уехал к себе.

В час дня для прибывших гостей у меня состоялся завтрак. Кроме господина Пуанкаре и сопровождавших его лиц — директора дипломатической канцелярии министра Дешнера, секретаря Люка, членов посольства графа де Сортижа и капитана Маршаля, я пригласил еще французского консула графа де Ла-Валикура, вице-консула Луи д'Арке, представителей французской колонии Виктора и Павла Жиро, нашего посла в Париже Извольского, барона де Бая — уполномоченного Музея 1812 года во Франции, князя Одоевского-Маслова, заведовавшего дворцовой частию, командира 35-го Армейского корпуса генерала Зуева, А. Д. Самарина, А. М. Устинова, Н. И. Гучкова, директора Архива Министерства иностранных дел князя В. Е. Львова, директора Исторического музея князя Н. С. Щербатова, управлявшего моей канцелярией С. В. Степанова и назначенного мною состоять при господине Пуанкаре князя Оболенского. Из дам были только моя сестра и племянница.

За завтраком я обратился к господину Пуанкаре на французском языке с небольшой речью, в которой сказал, что я счастлив приветствовать его в сердце России — в Москве, рад чести, выпавшей на мою долю, принимать его у себя и очень надеюсь, что он сохранит о Москве хорошее воспоминание. В заключение я выпил за его здоровье, за преуспеяние Франции — нашего друга и союзницы. Пуанкаре ответил мне, поблагодарив за мои добрые пожелания, глубоко его тронувшие. Он высказал чувство радости, что ему представилось возможным, в течение столь непродолжительной, к его великому сожалению, поездки, доехать до Москвы. Он сказал, что он знал, что Москва — сердце России и что он привез с собой в эту столицу наилучшие чувства Франции. Затем, подняв бокал, он пил за мое здоровье и за преуспеяние их друга и союзницы — России.

Пуанкаре — это было восходящее тогда светило Франции, только недавно перед тем он принял председательство в Совете Министров и портфель министра иностранных дел. Он производил впечатление человека большого государственного ума, внешностью он не поражал, он не был представителен, не был элегантен, вид у него был простоватый, но лицо его было очень выразительно, производило сильное впечатление, взгляд его выражал большую твердость и могучую волю. Когда он говорил, то говорил очень красиво, умно, изящно и убедительно, с поразительно ясной логикой, не оставлявшей сомнений, в его словах чувствовался какой-то бодрый патриотизм, вызывавший к нему чувство симпатии. Даже когда он просто обменивался любезностями, эти ничего не представлявшие слова в его устах приобретали значение, производили впечатление какой-то силы, властности. После первых разговоров с Пуанкаре я почувствовал к нему большую симпатию, он мне показался не только умным, но и честным по взглядам и верным человеком, и я от души

желал, чтобы предсказания о том, что он являлся тогда самым серьезным кандидатом в президенты Республики, исполнились, чтобы во главе союзной нам Республики стал такой верный и честный президент.

После завтрака господин Пуанкаре в сопровождении Гучкова и меня совершил поездку на Воробьевы горы и Рублево, где осматривал водопровод, потом пил чай у Гучкова в имении, находившемся в нескольких верстах от Рублева.

В 8 часов вечера в «Эрмитаже» состоялся банкет, устроенный французской колонией. Было удивительно красиво, зала была изящно декорирована, у каждого прибора лежало красивое меню. Первый тост был произнесен Пуанкаре за Государя, второй — Адриановым за Президента Республики Фальера, третий — мною за Пуанкаре. Звуки гимна и «Марсельезы» несколько раз чередовались. Затем встал генеральный консул граф де Ла-Валикур и произнес следующую речь: «Господин Председатель Совета Министров, милостивые государыни и дорогие соотечественники, на мою долю выпала великая честь принять, в качестве представителя местной французской колонии, Председателя Совета Министров господина Пуанкаре, идеального главу правительства, одно имя которого заставляет биться сильнее от радости и гордости сердца всех французов. Одновременно с этим на меня выпала другая незабвенная миссия — представить великому мужу, который так стоит на страже нашего национального достоинства, избранную колонию, высокий патриотизм которой стал легендарным. Эти оба события произошли как раз во время исторической поездки, которая, как мы это угадываем, будет иметь глубокое и решительное значение. Русский посол в Париже господин Извольский и московские власти любезно приняли наше приглашение, благодаря чему придали нашему банкету еще больший блеск. Мы сердечно благодарим их за это новое проявление солидарности. Россия и Франция будут праздновать вскоре серебряную свадьбу своего союза. Это освящение временем радостно позволяет мне назвать сегодня наш стол семейным.

Ваше присутствие среди нас, господин министр, дает повод вашей всегдашней готовности всецело отдаваться общественным делам. Приняв власть, вы принесли в жертву ваши личные интересы. Вы совладали с чувством семейной привязанности и героически продолжали свое дело в час, когда смерть похитила одного из светил ученого мира Франции, об утрате которого мы вспоминаем с горем.

Лихорадочная деятельность, присущая вам, присуща также всем сферам здешней колонии. Начиная с рабочего и служащего и кончая владельцем завода и директором банка, все мы одинаково ревностно работаем, чтоб не быть побежденными соперниками.

Благодаря этому растут и развиваются, к чести Франции, наши заводы и другие учреждения. Это, в миниатюре, произведение того, к чему должен стремиться народ, желающий заслужить уважение других и сыграть свою роль на всех путях прогресса. Какие же творения колонии я могу назвать: французские стипендии, общество благотворительности, приходские учреждения, общество взаимопомощи, убежище для учительниц и стариков, морскую лигу «Alliance française» («Французский союз»), Русско-французскую торговую палату. Всеми этими учреждениями руководят глубоко преданные своему делу соотечественники. Не буду называть их имен. Ваше посещение для всех нас послужит воздаянием и придаст нам еще больше бодрости и силы.

Позвольте мне приветствовать нашего маститого посла, который остался в Петербурге и просил меня сказать колонии, что он очень сожалеет о своем отсутствии. Я начал свою службу под его начальством и горжусь, что был учеником такого учителя. Позвольте мне воздать должные почести господину Дешнеру, который управляет под руководством министра большой дипломатической и консульской семьей.

Дорогие соотечественники! Мой голос был одиноким и слабым, но вы сделаете его настолько мощным, насколько это подобает в минуту такого празднества, и будете сердечно приветствовать вместе со мною Францию и Россию».

Затем говорил Гучков, приветствуя небольшой речью Пуанкаре, после чего встал сам Пуанкаре и произнес следующее: «Милостивые государи и государыни. Дорогие соотечественники. Я очень рад, что смог принять ваше любезное приглашение, глубоко меня тронувшее. Когда я получил в Париже ваш далекий призыв, я сразу почувствовал, сколь велика его сердечность. Я понял, что если б мне не удалось проехать до Москвы, ваши патриотические чувства были бы этим оскорблены, а я лишил бы себя при этом большого удовольствия. Если вам, живущим и работающим вдали от Франции, мой приезд доставит полное и понятное удовлетворение, как прямой знак солидарности и симпатии, то для меня это — удобный случай ознакомиться с полем широкой и плодотворной деятельности людей, полных инициативы и предприимчивости. Вы давали и несете дружественному вам народу вашу энергию и ваш творческий дух. Наш консул справедливо заметил, что московско-французская колония одна из лучших и наиболее состоятельных во всем мире. Она — жемчужина, примыкающая к древним жемчужинам этой столицы. В священных местах, где находится, по словам губернатора, сердце России, живет часть Франции. Среди многочисленных исторических воспоминаний, нахлынувших на меня, восстали в моей памяти и те события, годовщина которых будет праздноваться через несколько дней. Прошло целое столетие с тех пор, как в этой местности

большая армия мерилась силами с благородными сынами России. Обе стороны проявили много мужества, выносливости и самоотречения. В жертву приносилось все, и это вызывало восторги потомства. В эту великую эпоху, когда оба народа будут иметь случай вспоминать о геройских смертях, Россия и Франция могут найти только новые основания для взаимного уважения. Будучи глубоко привязанными к нашей Родине, вы в то же время питаете и чувство любви к России. Это чувство крепнет с каждым днем, так как вы отлично знаете страну и находитесь в постоянном общении с жителями России. В вашем лице символически сливаются души двух союзных народов. Я пью за колонию и за городское самоуправление, которое меня так гостеприимно приняло. Я пью за неразрывный союз России с Францией».

Речь Пуанкаре, произнесенная удивительно приятным мягким голосом, с особенным изяществом, вызвала единодушные возгласы восторга. После речи премьера несколько теплых слов сказал председатель французского благотворительного общества господин Жиро. Когда он кончил, поднялся Пуанкаре и, заявив, что Президент Французской республики пожаловал господину Жиро за особые его заслуги орден Почетного Легиона, прикрепил орден к петлице фрака Жиро. Новые бурные аплодисменты по адресу Жиро — любимца французской колонии — раздались в зале, все бросились со своих мест пожать руку новому кавалеру Почетного Легиона.

Заключительный тост был произнесен Пуанкаре за русских и французских женщин. Банкет затянулся до 10 часов, после чего Пуанкаре с прибывшими с ним лицами, Извольский, Гучков, Адрианов и я отправились к «Яру», где Пуанкаре слушал русский и цыганский хоры. Только в начале второго часа я его проводил в генерал-губернаторский дом.

На другой день с утра Пуанкаре осматривал Кремль, соборы, дворцы, очень подробно осмотрел патриаршую ризницу, которая его очень заинтересовала. Объяснения давал иеромонах Варсонофий, хорошо владевший иностранными языками. Затем Пуанкаре проехал в Исторический музей и был встречен князем Н. С. Щербатовым — директором музея и мною, как председателем исполнительной комиссии по устройству выставки 1812 г. Пуанкаре именно эту выставку и хотел посмотреть. Объяснения давал барон де Бай — француз, который, состоя членом-соревнователем Комитета по устройству Музея 12 года в Москве, являлся вместе с тем и официальным корреспондентом для Франции. Благодаря его неутомимым трудам, он пробудил среди военных кругов и исторических кружков в Париже большой интерес к устраиваемому музею, последствием чего в музей поступило очень много предметов, гравюр, писем, коллекций эпохи войны 1812 г., любезно присланных соотечественниками барона де Бай. Ко времени посещения господи-

ном Пуанкаре музей представлял уже очень большой интерес и был довольно полон. После осмотра музея состоялся завтрак у градоначальника А. А. Адрианова, затем посещение французской колонии, осмотр Кустарного музея и Третьяковской галереи. В последней он проявил большой интерес к памятникам русской живописи, обнаружив при этом поразительную осведомленность в этой области.

В тот же вечер он уехал в Петербург с севастопольским поездом. Прощаясь со мной, он меня очень благодарил за гостеприимство и, узнав от меня, что я в тот же вечер собираюсь тоже ехать в Петербург, пригласил меня на другой день на крейсер «Конде», стоявший на Кронштадтском рейде, к прощальному завтраку, который он давал в честь Совета Министров на крейсере. Поблагодарив его за любезное приглашение, я в тот же вечер с курьерским поездом выехал в Петербург.

Приехав в Петербург, я узнал, что все министры идут в Кронштадт на яхте морского министра «Нева», на этой же яхте отбывает и господин Пуанкаре со своей свитой. Коковцов же с Макаровым идет на своей яхте таможенного ведомства. Я решил присоединиться к ним, протелефонировав предварительно Коковцову, который меня любезно пригласил на свою яхту.

В час дня на крейсере «Конде» состоялся парадный завтрак, накрыт он был на 50 приборов на задней палубе под сенью огромного орудия. Палуба была покрыта брезентом и коврами. Столы были удивительно красиво и изящно убраны цветами, исключительно белыми и красными розами. Пуанкаре очень любезно меня встретил, выразил большое удовольствие, что я смог приехать, и сказал, что теперь он надеется, что я приеду к нему в Париж. Завтрак был очень оживленный, русские чередовались с французами, я сидел между двумя французскими офицерами. Соседи мои оказались очень милыми собеседниками и весьма любезными хозяевами. Они мне рассказали, как накануне на крейсере обедало 120 русских матросов, которые сидели вперемешку с французскими, как сначала они сидели сосредоточенно, серьезно, все молчали, не понимая языка друг друга. Но после второго блюда оживление стало расти, и они стали отлично столковываться друг с другом, а под конец пошло уже такое дружное братание, танцы, пение, что было радостно на них смотреть.

Мне было удивительно приятно за завтраком, чувствовалась такая искренность отношений, такая сердечность, погода была чудная, стол характерно французский, так напоминал Париж, странным как-то казалось на фоне Кронштадта чувствовать себя на заграничной территории. После завтрака осматривали крейсер и на палубе снялись группой. Только около 4 часов мы все покинули крейсер, последним был морской министр Григорович. Пуанкаре вышел на трап и, прощаясь, очень благодарил всех. При отъезде нас

оркестр играл гимн, а крейсер салютовал 19 выстрелами. Русский крейсер «Аврора», стоявший тут же на рейде, отвечал «Марсельезой» и стольким же числом выстрелов. Минута была очень торжественная. Обратный путь до Петербурга я сделал на яхте морского министра «Нева». В 4 часа 30 минут дня господин Пуанкаре покинул русские воды.

Покончив в Петербурге со служебными делами, касавшимися Бородинских торжеств, я вернулся в Москву, где все свое внимание сосредоточил на подготовке к этим торжествам, передав все текущие дела по губернии вице-губернатору А. М. Устинову, на которого возложил и прием должностных лиц и просителей в течение всего августа месяца. Я лично ограничил свои приемы исключительно делами, касавшимися празднования столетия Отечественной войны.

Примечания

В. Ф. Джунковский и его воспоминания

[1] *Блок А.* Записные книжки. 1901—1920. М. 1920. С. 354.

[2] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 826. Д. 38. Л. 6-7.

[3] Там же.

[4] История Москвы. Краткий очерк. 3-е изд. М. 1978. С. 182.

[5] Настоящее издание. Т. 1. С. 429 —431.

[6] Там же. С. 483.

[7] В ответ на просьбу А. Ф. Бенкендорфа об инструкции Николай I, вынув из кармана свой носовой платок, сказал: «Утирай слезы несчастным».

[8] Настоящее издание. Т. 2. С. 124.

[9] «Утро России». 1 февраля 1913 г.

[10] Настоящее издание. Т. 2. С. 125.

[11] ГА РФ. Ф. 102. Д. 916. Л. 79.

[12] Настоящее издание. Т. 2. С. 178.

[13] Падение царского режима. Материалы Чрезвычайной следственной комиссии. Т. 4. М.: Л. 1925. С. 207.

[14] Настоящее издание. Т. 2. С. 179

[15] Там же. С. 256

[16] На докладе Председателя Совета Министров И. Л. Горемыкина Николай II написал: «Командировать Свиты генерал-майора Джунковского с предоставлением ему полномочий, данных в 1907 г. генералу Таубе» (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 7. 1914 г. Оп. 7. Д. 964. Л. 49 об.). Генерал-майор Таубе получил полномочия применить вооруженную силу, что он и сделал для подавления бакинской забастовки в 1907 г.

[17] *Бадаев А. Е.* Большевики в Государственной Думе. Л. 1929. С. 309.

[18] Настоящее издание. Т. 2. С. 570.

[19] Там же. С. 636.

[20] Там же. С. 636 —637.

[21] ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—1 об.

[22] Там же. Д. 326. Л. 27.

[23] Там же. Д. 59. Л. 192 об.

[24] Там же. Д. 7. Л. 3.

[25] Розенталь И. С. Страницы жизни генерала Джунковского // Кентавр. 1994. № 1. С. 94.

[26] ГА РФ. Ф. 10035. Д. П-53985. Л. 79, 82, 214 и др.

[27] Там же. Л. 40—44, 63.

[28] Там же. Л. 9, 57, 66, 70—74.

[29] Там же. Л. 82 об. — 83.

[30] Там же. Л. 147, 167.

[31] Настоящее издание. Т. 2. С. 91.

[32] *Брачев С.* Дело академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117. (В статье неправильно приведены инициалы В. Ф. Джунковского — П. К. Джунковский).

[33] Записки Михаила Васильевича Сабашникова. М. 1995. С. 496.

[34] Там же. С. 498.

[35] ГА РФ. Ф. 826. Д. 37—59.

[36] *Жирнов Е.* Процедура казни носила омерзительный характер. // Комсомольская правда. 28 октября 1990 г. С. 2.

[37] ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 59. Л. 361.

[38] В 1995—1996 гг. З. И. Перегудовой, И. М. Пушкаревой и Л. И. Тютюник были опубликованы отрывки из воспоминаний В. Ф. Джунковского: Празднование 300-летнего юбилея Дома Романовых в Москве в воспоминаниях В. Джунковского // Дом Остроухова в Трубниках. Альманах 1995. М. 1995. С. 295—312; Из записок московского губернатора // Наука и жизнь. 1996. № 8. С. 108—118; В. Джунковский. Наводнение в Москве в 1908 году // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. М. 1996. С. 447—455.

Глава 1. 1905 год

[1] *«Освобождение»* — русский двухнедельный журнал, издавался сначала в Штутгарте, затем в Париже под ред. П. Б. Струве группой русских либеральных земцев в 1902—1905 гг. Журнал подготовил создание «Союза освобождения», органом которого стал с лета 1903 г.

[2] *Градоначальства* учреждались на основании закона от 8 июня 1889 г. Они существовали в С.-Петербурге, Москве (с 1 января 1905 г.), а также в крупных портовых городах России (Одессе, Севастополе, Николаеве, Керчи, Ростове-на-Дону, Баку, Ялте) и возглавлялись градоначальником, назначаемым: в Петербурге и Москве — непосредственно императором, в других городах — по представлению министра внутренних дел. При градоначальстве состояли: канцелярия, чиновники особых поручений и лица, исполняющие технические обязанности, — техники, землемеры и др., а также присутствия — совещательное и по врачебно-санитарной части, врачебно-санитарный комитет, врачебно-полицейский комитет, адресный

стол и ряд других учреждений полицейского характера. В ведении градоначальника, кроме полиции, находился надзор за городским самоуправлением. Градоначальнику, как и губернатору, было предоставлено право издавать обязательные постановления, вызывать войска для охраны порядка, когда полицейских сил оказывалось недостаточно, собственной властью решать ряд других вопросов.

[3] *...так называемой «зубатовщины»...* — «Зубатовщина», или политика «полицейского социализма», заключалась в насаждении легальных рабочих организаций («товариществ») под опекой охранных отделений. Инициатором их создания в 1901 г. был начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов, поддержанный некоторыми правительственными кругами. Но эти методы привели к обратному результату: они привлекли внимание еще более широких и отсталых слоев рабочих к социальным и политическим вопросам. Правительство не рискнуло продолжить эксперимент и в 1903 г. ликвидировало зубатовские организации. Однако впоследствии они возрождались, в частности в Петербурге, в форме «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», организованных Гапоном, «шендриковских» организаций в Баку в 1904—1905 гг.

[4] *Николаевский дворец* — так назывался Архиерейский дом в Московском Кремле после того, как к нему в 1824 г. был надстроен третий этаж. Разобран в 1929 г., а на его месте и на месте Вознесенского и Чудова монастырей было построено здание Школы командного состава Красной Армии имени ВЦИК.

[5] *Московское столичное попечительство о народной трезвости.* — Попечительства о народной трезвости были учреждены в Москве и в других городах Российской империи в соответствии с уставом 20 декабря 1894 г. для борьбы с алкоголизмом и пропаганды трезвого образа жизни, в связи с разрешением «казенной продажи питий», т. е. введением акциза на водку, средства от которого шли в государственную казну. Попечительства организовывали народные дома, где можно было культурно провести досуг, дешевые столовые и чайные с читальнями и библиотеками, а также занимались просвещением малоимущих слоев городского населения.

[6] *...главноуправляющим Собственной его императорского величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии...* — Собственная его императорского величества канцелярия по учреждениям императрицы Марии была организована указом 12 августа 1880 г. из IV отделения Собственной его императорского величества канцелярии. Это отделение было образовано в 1842 г. для попечительства о благотворительных учреждениях, созданных на личные средства императрицы Марии Александровны, жены Александра II, для бедных, сирот и инвалидов, а также для развития женского образования. Канцелярия состояла в непосредственном ведении императора, возглавлялась Опекунским советом во главе с главноуправляющим (с правами министра) и имела два присутствия — в С.-Петербурге и Москве. В ведении канцелярии находились высшие учебные заведения (Александровский лицей, Женский педагогический институт и др.), средние учебные

заведения для женщин — женские институты и женские мариинские гимназии, профессиональные и низшие учебные заведения, Гатчинский сиротский институт, а также органы призрения слепых, глухонемых, престарелых и увечных — богадельни, больницы, приюты и проч. Канцелярия была упразднена в апреле 1917 г.

[7] *...выезд с пристяжной заменил выездом в дышло...* — это означает, что выезд с двумя лошадьми (одна — основная, другая, идущая рядом, — пристяжная) был заменен выездом с одиночной оглоблей в парной упряжи. Дышло тянуло передок упряжи, направляя за собой всю повозку.

[8] *...состоялось в Москве чрезвычайное дворянское собрание* (Московское дворянское собрание, Московское благородное собрание, Благородное собрание). — Дворянские собрания — съезды дворянских губернских и уездных обществ — были обычные и чрезвычайные. В них участвовали все местные потомственные дворяне, которые выбирали губернских и уездных предводителей дворянства.

[9] *Манифест и указ Правительствующему Сенату от 18 февраля (3 марта) 1905 г.* были опубликованы одновременно. Манифест был оглашен в церквах и призывал от имени Николая II искоренить крамолу во имя «укрепления истинного самодержавия», «усугубить бдительность по охране закона, порядка и безопасности». Указ Сенату разрешал частным лицам и организациям подавать на имя царя предложения об усовершенствовании государственного благоустройства. Стремление к реформам объявлялось «похвальным радением об общей пользе и нуждах государственных». Одновременно Николай II подписал рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина о созыве совещания для выработки условий создания всесословного законосовещательного представительного органа (названного впоследствии Государственной Думой) из «достойнейших, доверием народа облеченных людей при непременном сохранении незыблемости основных законов империи».

[10] *...после Цусимской катастрофы.* — Речь идет о поражении русского флота 14 — 15 мая 1905 г. в Корейском проливе у острова Цусима во время Русско-японской войны 1904—1905 гг. за раздел Кореи.

[11] *...Манифест о распечатании старообрядческих храмов.* — 17 апреля 1905 г. Николай II подписал указ Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости», в одном из пунктов которого предлагалось: «Распечатать все молитвенные дома, закрытые как в административном порядке, не исключая случаев, восходящих через Комитет министров до высочайшего усмотрения, так и по определениям судебных мест». В Москве при Рогожском кладбище находилась одна из самых авторитетных и влиятельных старообрядческих общин, поэтому здесь этот указ был встречен с особым воодушевлением.

[12] *...с радостной вестью о взятии Геок-Тепе.* — Речь идет о штурме и взятии в 1881 г. (после трехлетней осады) войсками генерала М. Д. Скобелева крепости Янги-Шаар (Геок-Тепе). В результате этой победы к России был присоединен г. Мерв.

[13] *...закон 18 февраля о призыве выборных...* — Речь идет о манифесте, указе и рескрипте А. Г. Булыгину 18 февраля 1905 г. *(См. примеч. 9.)*

[14] *...один из броненосцев — «Потемкин», вместе с одним миноносцем отказались идти со всей эскадрой в Севастополь...* — 14—25 июня 1905 г. на эскадренном броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический» произошло революционное восстание матросов. К нему присоединился миноносец № 267, стоявший рядом на рейде. Отказавшись идти в Севастополь, команды этих военных судов направились в революционную Одессу, где стали ждать подхода всей эскадры и общефлотского восстания на Черном море, но этого не произошло. «Потемкин» и миноносец № 267 ушли в Румынию за углем и продовольствием, но помощи там не получили. Спустя одиннадцать дней моряки сдали корабль румынским властям и сошли на берег в качестве политических эмигрантов.

[15] *...С. Ю. Витте назначен был уполномоченным для мирных переговоров в Вашингтоне.* — Сергей Юльевич Витте (1849—1915) — государственный деятель, министр путей сообщения, министр финансов, Председатель Комитета министров (с октября 1905 г. по апрель 1906 г. — Совета Министров). Во время Русско-японской войны, когда в июне 1905 г. президент США Т. Рузвельт предложил свое посредничество в примирении России и Японии, С. Ю. Витте был назначен главным уполномоченным по ведению мирных переговоров и 6 июля выехал в Вашингтон. В результате 23 августа 1905 г. был подписан Портсмутский мирный договор.

[16] *«Русские ведомости»* — общеполитическая газета, орган либеральной московской профессуры и земских деятелей. Издавалась в Москве с 1863 г. по март 1918 г. С конца 1905 г. стала органом Конституционно-демократической партии (кадетов). *(См. примеч. 21.)*

[17] *«Московские ведомости»* — одна из старейших русских газет, издавалась в 1756—1917 гг., сначала при Московском университете. За исключением 1779—1789 гг., когда газета находилась в аренде у Н. И. Новикова, и 1840-х гг., когда в ее редактировании участвовал Е. Ф. Корш, отражала правительственный курс. Наиболее ярко это проявилось в 1850—1887 гг. при редакторах М. Н. Каткове и П. М. Леонтьеве. В последующие годы редакторами газеты были С. А. Петровский, В. А. Грингмут, Л. А. Тихомиров. Закрыта в конце 1917 г.

[18] *27 августа опубликован был указ Сенату, устанавливавший временные правила для управления университетами на началах автономии.* — Указом Правительствующего Сената от 27 августа 1905 г. «О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения», принятым в связи с начавшейся забастовкой высших учебных заведений, были отменены многие статьи университетского устава 1884 г. Была восстановлена университетская автономия (выборность ректора и профессуры, самостоятельность в решении научных, учебных и административно-хозяйственных вопросов и проч.).

[19] *3 октября на митинге в Военно-медицинской академии в Петербурге был решен вопрос о политической забастовке, после чего забастовка начала охватывать всю*

железнодорожную сеть. — Здесь смешано несколько фактов. 20 сентября (3 октября по н. ст.) в Петербурге на Всероссийском съезде делегатов пенсионных касс от железных дорог обсуждался вопрос о всеобщей забастовке на железных дорогах. 3 октября (16 октября по н. ст.) в Петербурге началась забастовка печатников, которая переросла в середине октября в городскую всеобщую политическую стачку, сопровождавшуюся митингами, в том числе и в Военно-медицинской академии. Решение же о всеобщей забастовке на железных дорогах вынесло Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза *(см. примеч. 44)* в ночь с 6 на 7 октября 1905 г. в Москве. Это решение, наряду с постановлением Московского комитета РСДРП 6 октября об объявлении всеобщей политической стачки на железных дорогах Московского железнодорожного узла, положило начало Всероссийской октябрьской политической забастовке. 12 октября началась всеобщая стачка на железных дорогах Петербургского железнодорожного узла.

[20] *...заявление от Рабочего правления...* — Речь, вероятно, идет о городском Стачечном комитете, созданном в Москве во время Всероссийской октябрьской политической стачки.

[21] *Конституционно-демократическая партия* (кадеты, с января 1906 г. — Партия народной свободы) — ведущая партия русской либеральной интеллигенции и буржуазии. Образована 12 — 18 октября 1905 г. в Москве на I Учредительном съезде уполномоченных «Союза освобождения» и земцев-конституционалистов. Выступала за конституционную монархию, парламентское, правовое государство. Лидеры: П. Н. Милюков, В. Д. Набоков, А. И. Шингарев и др. Запрещена в России в 1918 г.

[22] *Крестьянский союз* (Всероссийский крестьянский союз) — массовая политическая, революционно-демократическая организация, образованная 31 июля — 1 августа 1905 г. в Петербурге. На Учредительном съезде присутствовало свыше 100 крестьян из 22 губерний Европейской России, которые избрали Главный комитет из 5 интеллигентов (С. П. и В. П. Мазуренко, В. Ф. Краснов, С. В. Куренин, Ф. Медведев) и 3 крестьян (А. Овчаренок, Г. Шапошников, Хомутов). В руководстве союза преобладали представители демократической, беспартийной, отчасти эсеровской интеллигенции. Прекратил существование в 1918 г.

[23] *Союз союзов* — политическая организация буржуазной интеллигенции России, созданная на съезде 8-9 мая 1905 г. в Москве. Вначале объединяла 14 профессионально-политических союзов, возникших в конце 1904 — начале 1905 г. при активном участии «Союза освобождения»: академический, адвокатов, агрономов и статистиков, врачей, ветеринаров, железнодорожных служащих, журналистов и писателей, земцев-конституционалистов, женского равноправия, равноправия евреев, инженеров и техников, конторщиков и бухалтеров, учителей и фармацевтов. Впоследствии в «Союз союзов» вступили Крестьянский союз *(см. примеч. 22)*, союзы лесоводов, служащих правительственных учреждений, учителей низшей и средней школы. Главной политической задачей «Союза союзов» был созыв Уч-

редительного собрания, избранного всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. В Центральное бюро «Союза союзов», возглавлявшееся П. Н. Милюковым, входили: А. А. Бранд, А. И. Венцковский, С. М. Клячко, Л. И. Лутугин, Д. Ф. Сверчков, Н. Д. Соколов и др. Прекратил деятельность в 1906 г., в связи с оформлением политических партий.

[24] *Манифест 17 октября 1905 г.* «Об усовершенствовании государственного порядка» предоставлял населению России «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», привлекал к выборам в Государственную Думу те классы населения, которые были совсем лишены избирательных прав, и обещал «дальнейшее развитие начала общего избирательного права». Устанавливалось «как незыблемое право, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы». Манифест был подготовлен на основе доклада Председателя Комитета министров С. Ю. Витте, представленного Николаю II 13 октября 1905 г., в котором указывалось, что «Россия переросла форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы», что «укрепление важнейших основ политической жизни общества должно последовать путем нормальной законодательной разработки», что «заботой правительства должно являться практическое водворение в жизнь главных стимулов гражданской свободы».

[25] *...мер, предрешенных указом 12 декабря.* — Речь идет об указе «О выборах в Государственную Думу» 11 декабря 1905 г., которым были внесены изменения в «Положение о выборах в Государственную Думу» от 6 августа 1905 г. Указ этот, несмотря на увеличение числа городских избирателей, сохранял куриальную систему выборов; они оставались многостепенными, не всеобщими и не равными.

[26] *Бюро революционных союзов.* — Речь идет о Центральном бюро «Союза союзов» *(см. примеч. 23)*.

[27] *Вольное экономическое общество (ВЭО)* — первое в России и одно из старейших в мире экономическое общество (вольное — независимое от ведомств), было учреждено в 1765 г. в целях рационализации сельского хозяйства, распространения агрономических знаний и повышения производительности труда. ВЭО начало деятельность объявлением конкурсных задач среди русских и иностранцев по вопросам землевладения и земледелия. Наиболее удачные ответы, так же как и статьи ученых и практиков в области сельского хозяйства, печатались в «Трудах ВЭО» и приложениях к ним. Общество собирало и публиковало статистико-географические исследования и описания различных регионов страны по специально разработанным анкетам. В XIX в. ВЭО обсуждало вопросы развития крестьянской поземельной общины, организовывало сельскохозяйственные выставки, комитеты помощи голодающим. В 1861—1915 гг. в работе общества принимали участие Д. И. Менделеев, В. В. Докучаев, А. М. Бутлеров, П. П. Семенов-Тян-Шанский, М. М. Ковалевский и др. В 1915 г. деятельность общества фактически прекратилась, а в 1919 г. оно было ликвидировано.

[28] *Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов в Петербурге.* — Совет рабочих депутатов в Петербурге во главе с Исполнительным комитетом был одной из первых массовых выборных политических организаций трудящихся, возникших в Петербурге в ходе Всероссийской политической стачки 13 октября 1905 г. Петербургский Совет насчитывал к середине ноября 1905 г. 562 депутата, представлявших до 200 тысяч рабочих 147 фабрик и заводов столицы, а также рабочих 34 мастерских, 16 профсоюзов. В Совет входили представители всех революционных партий и их центральных комитетов. Он находился в контакте с влиятельными массовыми организациями — Всероссийским крестьянским союзом *(см. примеч. 22)* и Всероссийским железнодорожным союзом *(см. примеч. 44)*. Председателем Совета рабочих депутатов в Петербурге был вначале беспартийный Г. С. Хрусталев-Носарь, позднее, после его ареста 26 ноября 1905 г., Совет возглавила председательская коллегия — так называемый «Трехглавый президиум», в который вошли Л. Д. Троцкий, Д. Ф. Сверчков, П. А. Злыднев. Исполнительный комитет Совета был ликвидирован полицией 3 декабря 1905 г. на основании указа от 2 декабря, вводившего «Временные правила о наказуемости наиболее опасных проявлений участия в забастовках». Поводом послужило присоединение Совета к «Финансовому манифесту» революционных организаций, предлагавших населению изымать вклады из сберегательных касс и требовать «при любых расчетах всей суммы только звонкой монетой». При разгоне Петербургского совета, заседавшего в помещении ВЭО *(см. примеч. 27)*, 230 его депутатов были арестованы.

[29] *«Известия Совета рабочих депутатов»* — информационный бюллетень, официальный орган Петербургского совета рабочих депутатов *(см. примеч. 28)*, издавался с 17 октября по 14 декабря 1905 г. Вышло 10 номеров. № 11 был конфискован во время печатания. «Известия» требовали созыва Учредительного собрания, создания демократической республики, 8-часового рабочего дня, передачи земли крестьянам, а в декабре 1905 г. обратились к рабочим и солдатам с призывом к вооруженному восстанию. Постоянной редакции не имели. Печатались самочинным путем в типографиях разных газет.

[30] *...при участии Женевского революционного комитета.* — Речь идет о заграничной организации Партии социалистов-революционеров, возможно, о ее законспирированной «Боевой организации» во главе с Г. А. Гершуни, Е. Ф. Азефом, Б. В. Савинковым.

[31] *Совет трехглавого президиума.* — Речь идет о председательской коллегии Петербургского совета рабочих депутатов, возникшей после 26 ноября 1905 г. *(см. примеч. 28)*.

[32] *«Начало»* — ежедневная легальная социал-демократическая меньшевистская газета, издавалась в Петербурге с 13 ноября по 2 декабря 1905 г. Редакторы-издатели: Д. М. Герценштейн, С. Н. Салтыков при участии П. Б. Аксельрода, Ф. И. Дана, Л. Г. Дейча, Н. И. Иорданского, Л. Д. Троцкого и др. Выпущено 16 номеров.

[33] *«Новая жизнь»* — первая легальная большевистская газета, издавалась

в Петербурге с 24 октября по 3 декабря 1905 г.; с № 9 — орган Центрального комитета Российской социал-демократической партии. Редакторы-издатели: Н. М. Минский, М. Ф. Андреева, с № 9 В. И. Ленин, М. М. Литвинов. В редакционную коллегию входили М. С. Ольминский, В. В. Воровский, А. В. Луначарский, активное участие в газете принимали А. М. Горький, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов. Выпущено 28 номеров; тираж достигал 80 тысяч. 2 декабря 1905 г. официально запрещена правительством.

[34] *«Сын отечества»* — ежедневная либеральная газета, издавалась в Петербурге с 18 декабря 1904 г. С. П. Юрицыным; фактическим редактором был Г. И. Шрейдер. С 1905 г. выходила двумя изданиями. В ноябре 1905 г., когда в состав редакции вошли Н. Н. Русанов, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, В. М. Чернов, газета становится органом Партии социалистов-революционеров. Прекратилась 2 декабря 1905 г.

[36] *«Русь»* — ежедневная либеральная (позднее — кадетского направления) газета, издавалась в Петербурге с декабря 1903 г. по 1905 г. редактором-издателем А. А. Сувориным; после перерыва с 1906 по 1908 г. — М. М. Крамалеем и С. А. Изнаром.

[37] *«Наша жизнь»* — ежедневная политическая газета, близкая к левому крылу Конституционно-демократической партии, выходила с перерывом в Петербурге с 6 ноября 1904 г. по 11 июля 1906 г. Издатель — профессор Л. В. Ходский, редактор — В. В. Водовозов.

[37]«Свободное слово» — ежедневная газета, орган московских большевиков, издавалась с 1 по 4 июня 1906 г. (выпущено 4 номера). В газете участвовали: А. М. Горький, В. И. Ленин, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский, М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, В. А. Шанцер и др.

[38] *«Свободный народ»* — ежедневная политическая и литературная газета кадетского направления, издавалась в Петербурге в первой половине декабря 1905 г. Приостановлена на № 3; с 15 по 21 декабря 1905 г. возобновлена под названием «Народная свобода»; вышло 6 номеров. Редакторы: П. Н. Милюков, И. В. Гессен.

[39] *«Русская газета»* — социал-демократическая газета, выпускалась в 1904 — 1906 гг. в Петербурге Л. Д. Троцким.

[40] *Всероссийский крестьянский съезд* — съезд Всероссийского крестьянского союза *(см. примеч. 22)* состоялся нелегально в Москве в марте 1906 г.; на нем присутствовали представители от местных крестьянских комитетов 18 губерний России.

[41] *Всероссийский съезд представителей городов и земств.* — Речь идет о съезде в мае 1905 г. земских и городских деятелей, участвовавших в оппозиционном движении, первый съезд которых состоялся 6—9 ноября 1904 г. На майском съезде 1905 г. была составлена верноподданническая петиция к царю с призывом к незамедлительному заключению мира с Японией и обновлению государственного строя путем привлечения общественности к законодательной деятельности, в целях «сохранения внутреннего мира и спасения престижа власти». Для представления петиции была избрана

депутация из 14 членов, принятая Николаем II 6 июня 1905 г. в Петергофе. Здесь С. Н. Трубецкой произнес от имени земцев речь , которая имела большой общественный резонанс. Съезды земских и городских деятелей собирались в июле, сентябре и ноябре 1905 г. и прекратились после образования Конституционно-демократической партии *(см. примеч. 21)*, в которую вступили многие члены земского движения.

[42] *...а когда окончательно попал им в лапы, кончил самоубийством.* — Речь идет о самоубийстве текстильного фабриканта-миллионера Саввы Тимофеевича Морозова (1862—1905). Он был известен своим сочувствием революционерам и неоднократно делал значительные пожертвования на их нужды. В общественных кругах ходили разные слухи о причинах его смерти.

[43] *Исполнительный совет (Комитет, Исполнительная комиссия) Совета рабочих депутатов в Москве.* — Исполнительный комитет возглавлял Совет рабочих депутатов в Москве, образованный 21 ноября 1905 г. для руководства стачечной борьбой и подготовки вооруженного восстания. В Совет входило 170 депутатов от 80 тысяч рабочих 184 фабрик и заводов города. Постоянного председателя Исполнительного комитета не было; среди членов Исполнительного комитета и депутатов Совета были М. И. Васильев-Южин, М. Ф. Владимирский, А. И. Горчилин, З. Я. Литвин-Седой, В. Л. Шанцер (Марат) и др. После разгрома восстания прекратил свою деятельность. Последний пленум Исполнительного комитета состоялся 15 декабря 1905 г.

[44] *Бюро Железнодорожного союза.* — Речь идет о Центральном бюро Всероссийского железнодорожного союза — первой всероссийской профессиональной организации железнодорожников (1905—1907), образованном 20 — 21 апреля 1905 г. на I его съезде.

[45] *«Союз русских людей»* — одна из первых монархических шовинистических организаций в черносотенном движении; возник в 1905 г. и действовал в Москве. Члены «Союза русских людей» сами в черносотенных погромах не участвовали, но были их идеологами. На III съезде четырех монархических организаций, состоявшемся в начале октября 1906 г. в Киеве, 12 из 106 делегатов представляли «Союз русских людей». В то время как другие монархические организации быстро растворялись в общем монархическом движении, «Союз русских людей» был довольно устойчив и просуществовал долго.

Глава 2. 1906 год

[1] *...6 января.* — Речь идет о православном празднике Богоявления (Крещения Господня), который отмечался 6 января по старому (19 января по новому) стилю.

[2] *...порядок выборов.* — Порядок выборов в Государственную Думу устанавливался «Положением о выборах в Государственную Думу» от 6 августа 1905 г. и указом 11 декабря 1905 г. В соответствии с ними принималась

многоступенчатая куриальная система выборов: были образованы землевладельческая, городская, крестьянская и рабочая курии, которые избирали своих представителей в Государственную Думу. Выборы депутатов от крестьян проходили в три этапа: сначала сельские общества избирали своих представителей на волостные сходы, на которых выбиралось по два уполномоченных от каждой волости на свой уездный съезд. На каждом из трех уездных съездов (уездных землевладельцев, городских избирателей и крестьян) избирались выборщики в губернское избирательное собрание, и только они выбирали из своей среды депутатов Государственной Думы от губернии (области).

[3] *Статья 87, которой покойный П. А. Столыпин не раз пользовался для спешного проведения разных законопроектов.* — Статья 87 Свода основных законов Российской империи позволяла правительству в чрезвычайных обстоятельствах обращаться непосредственно к императору, который имел право издавать указы в перерывах между сессиями Государственной Думы. Формально они затем должны были быть утверждены Государственной Думой и Государственным Советом. П. А. Столыпин, в бытность премьер-министром, использовал 87 статью 19 августа 1906 г. для проведения указа о военно-полевых судах; 27 августа 1906 г. по той же статье был принят указ о передаче Крестьянскому банку части казенных земель для продажи крестьянам; 9 ноября 1906 г. — указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» и др.

[4] *Императорское училище правоведения в Петербурге* — сословное учебное заведение закрытого типа в системе Министерства юстиции для детей потомственных дворян. Основано в 1835 г., имело 7-летний курс обучения. В подготовительных классах и на младшем курсе преподавались общеобразовательные предметы в объеме гимназического курса; на старшем курсе главные предметы, связанные с правоведением, давались в объеме университетского образования, преподавались также судебная медицина, политическая экономия, законы о финансах, история вероисповеданий, история философии, история права. Среди окончивших училище были И. С. Аксаков, А. Н. Апухтин, А. М. Жемчужников, В. О. и М. Е. Ковалевские, К. П. Победоносцев, В. В. Стасов, А. Н. Серов, П. И. Чайковский и др.

[5] *...образцовая деятельность крестьянских учреждений во главе с уездным съездом.* — Крестьянские учреждения — волостные сходы, волостные правления, волостные суды с 1889 г. находились в ведении земских начальников. В волости, как низшей административно-территориальной единице *(см. примеч. 9 к гл. 3)*, не было представительных органов — земств. С 1890 г. крестьяне не имели и своего уездного съезда, а гласные от крестьян в земство назначались губернатором. Указом 6 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей» был восстановлен уездный избирательный съезд от сельских обществ. Председательствовал на нем уездный предводитель дворянства. Таким образом повышалась его роль

в надзоре за всеми выборными органами крестьянского самоуправления. *(См. также примеч. 14.)*

[6] *Земские начальники* — представители судебно-административной власти в губернии. Должность земского начальника была введена в ряде губерний центральной России законом от 12 (24) июля 1889 г. Земские начальники назначались губернатором, как правило, из потомственных дворян, владевших недвижимой собственностью, по согласованию с губернским и уездным предводителями дворянства и утверждались министром внутренних дел; подчинялись губернатору и губернскому присутствию. В руках земских начальников сосредотачивалась административная власть над органами крестьянского общественного управления (контроль за деятельностью сельских и волостных правлений, утверждение должностных лиц и волостных судей). Земским начальникам передавались и функции мировых судей.

[7] *Волостные правления* — исполнительные органы крестьянского общественного управления были учреждены «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г. Состояли из волостного старшины, всех старост волости и волостного писаря. В их ведение входили: контроль за взиманием податей и недоимок, продажей крестьянского имущества в счет недоимок, учет нижних чинов запаса и проч. При волостных правлениях находились арестные помещения («холодные»), где содержались все арестанты волости. С 1874 г. волостные правления подчинялись уездным по крестьянским делам присутствиям, т. е. фактически уездным предводителям дворянства, а с 1889 г. — земским начальникам.

[8] *Государственный Совет.* — Речь идет о реорганизованном в 1906 г. Государственном Совете, статус которого определялся двумя законодательными актами: «О переустройстве учреждений Государственного Совета» (20 февраля 1906 г.) и «Учреждение Государственного Совета» (23 апреля 1906 г.). Государственный Совет рассматривал законопроекты, предварительно одобренные Государственной Думой, и мог сам выступать с законодательной инициативой по вопросам внутренней и внешней политики, требующим отмены, изменения или разъяснения действовавших законов (кроме Основных законов), рассматривал и утверждал ежегодные сметы государственных доходов и расходов. Половина членов Государственного Совета назначалась императором, другая половина избиралась от каждого губернского дворянского собрания, от академиков и профессоров университетов, от крупнейших организаций промышленников и торговцев, от духовенства. В Государственном Совете были представители от финляндского Сейма. Члены Государственного Совета избирались на 9 лет, каждые три года одна треть его состава обновлялась.

[9] *4 марта 1906 г. были опубликованы временные правила об обществах и союзах, а также о собраниях.* — «Временными правилами об обществах и союзах» устанавливался порядок регистрации их уставов и программных документов. Для этого учреждались губернские по делам об обществах и со-

юзах присутствия, которые осуществляли также контроль за их деятельностью.

[10] *Петербург и Петербургская губерния объявлены были в положении чрезвычайной охраны, а Киевская губерния — на военном положении.* — В соответствии с «Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., «в случае преступных посягательств против государственного строя или безопасности частных лиц и имуществ» в отдельных местностях временно могло быть введено положение «исключительной» или «чрезвычайной охраны». Право введения «исключительной охраны» предоставлялось генерал-губернаторам и министру внутренних дел, «чрезвычайной охраны» — Комитету министров (с 1906 г. Совету Министров). Первое вводилось на один год, второе — на шесть месяцев, но сроки могли быть продлены. В местностях, где устанавливалось *исключительное положение*, значительно расширялись пределы власти генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников: они могли закрывать торгово-промышленные предприятия, органы печати, запрещать собрания, подвергать подозреваемых лиц штрафу, аресту или высылке в административном порядке. В местности, объявленной на положении *«чрезвычайной охраны»*, генерал-губернатор мог создавать специальные военно-полицейские команды, освобождать от должности не только чиновников, но и должностных лиц земского и городского самоуправления, налагать секвестр на недвижимое и арест на движимое имущество. «Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении» 18 июня 1892 г. устанавливали еще одну форму исключительного положения — *военное положение*, когда вся полнота власти передавалась военным учреждениям и по отношению к гражданским лицам применялась военная юрисдикция (военные суды).

[11] *«Правительственный вестник»* — газета, издававшаяся в Петербурге в 1869 — 1917 гг., отражала официальную точку зрения правительства на события и факты внутренней и международной жизни, публиковала распоряжения и сообщения правительства, телеграммы из-за границы. С 1907 г. издавалась ежедневно; с 1906 г. при «Правительственном вестнике» выходило приложение «Русское государство».

[12] *«Польское коло»* (kolo — буквально круг) — название польской парламентской фракции в I—IV Государственных Думах; представители польских демократических и социалистических кругов в Думе в Польское коло не входили.

[13] *«Нива»* — еженедельный иллюстрированный журнал для семейного чтения. Выпускался в Петербурге с 1870 по 1918 г. издательской фирмой А. Ф. Маркса. Журнал пользовался большой популярностью среди различных слоев читателей, тираж его превышал 200 тысяч экземпляров. Имел много различных приложений, в том числе собрания сочинений русских и иностранных писателей-классиков.

[14] *...предоставлено было крестьянам, обладающим установленным цензом помимо надельной земли, участвовать во вторых земских избирательных съездах, независи-*

мо от участия их в выборах гласных от сельских обществ уезда. — Указом 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий» расширялись избирательные права зажиточных крестьян. Они выбирали уполномоченных от сельских обществ и, кроме того, получили право участвовать во втором уездном избирательном съезде. Таким образом, на крестьян, обладающих определенным имущественным цензом, распространялось действие Земского положения 12 июня 1890 г. *(См. примеч. 5 и примеч. 19 к гл. 5.)*

Глава 3. 1907 год

[1] *...посторонних влияний, с которыми бороться было бы невозможно и благодаря коим ушел и Бирилев.* — Речь идет, по-видимому, о традиционных претензиях великих князей на руководство морским ведомством; такое положение сохранялось и после отставки в 1905 г. главы этого ведомства генерал-адмирала великого князя Алексея Александровича.

[2] *«Союз русского народа»* — массовая монархическая, шовинистическая организация, оформившаяся в октябре — ноябре 1905 г. в Петербурге и других городах России для борьбы с революционным движением. «Союз» объединял часть реакционно настроенного населения, использовал в своих целях и деклассированные элементы, применял методы политического террора, организовывал еврейские погромы. Основателями «Союза» были врач А. И. Дубровин (председатель Главного совета); помещик, окончивший историко-филологический факультет, член I—IV Государственных Дум В. М. Пуришкевич (заместитель председателя Главного совета). «Союз» существовал за счет казенных субсидий, частных пожертвований и членских взносов (неимущие члены от них освобождались). На III съезде монархических организаций в начале 1906 г. «Союз русского народа» был самой представительной организацией, насчитывая 67 делегатов из 106. IV съезд этих организаций, состоявшийся в апреле — мае 1907 г. в Москве, признал программу «Союза» образцом для остальных монархических организаций. В 1908 г. из «Союза русского народа» выделился «Союз Михаила Архангела» во главе с В. М. Пуришкевичем, а в 1910 г. — «Всероссийский дубровинский союз русского народа в Петербурге». Как и все другие монархические организации, «Союз русского народа» был распущен после Февральской революции.

[3] *...читаю Часы, Апостол...* — «Часы» — богослужение 1, 3, 6 и 9-го часа дня. По составу службы одного и того же дня бывают схожи, но в разные дни в году они не одинаковы (бывают «часы» трипсалмные, повседневные, великопостные, бывают «часы» без псалмов (пасхальные). «Апостол» — христианская богослужебная книга, включающая часть Нового Завета: Деяния и Послания апостолов и Апокалипсис. Входит в круг чтения православной Церкви.

[4] *...коснулся законопроектов, кои им были проведены по 87 статье.* — См. примеч. 3 к гл. 2.

[5] *Победоносцев Константин Петрович* (1827—1907) — видный государственный деятель России. Окончил Училище правоведения, в 1860—1865 гг. — профессор кафедры гражданского права в Московском университете. Преподавал законоведение великим князьям, в том числе наследникам престола, будущим императорам Александру III и Николаю II. С 1868 г. — сенатор, с 1872 г. — член Государственного Совета, в 1880—1905 гг. — обер-прокурор Синода. После манифеста 17 октября 1905 г. вышел в отставку. Убежденный монархист и консерватор, непримиримый противник западничества, а также суда присяжных, свободы печати, сторонник клерикального начального образования. В государственной и общественно-политической деятельности — последователь идеи «православие, самодержавие и народность», автор манифеста 29 апреля 1881 г. «Об укреплении самодержавия».

[6] *Московская казенная палата.* — Казенные палаты — губернские органы Министерства финансов России, учреждены в 1775 г. Занимались отчетностью по приходу и расходу сумм в подведомственных губернских и уездных казначействах, наблюдением за поступлением государственных доходов (без права сборов), производили многие операции по торгам на казенные подряды и поставки, налагали взыскания за нарушение уставов казенного управления. Исполнительной власти не имели, требования их приводились в исполнение полицией. При казенных палатах состояли податные инспектора и податные присутствия. Ликвидированы в 1917 г.

[7] *Крестный ход на Ходынском поле* состоялся в память о катастрофе 18 мая 1896 г. в Москве в дни коронации Николая II, когда при раздаче «царских подарков» началась давка, в результате чего, по официальным данным, 1389 человек погибли, а 1300 человек получили тяжелые увечья и ранения.

[8] *Землеустроительные комиссии* — губернские и уездные органы Комитета по землеустроительным делам Главного управления землеустройства и земледелия. Были учреждены по указу 4 марта 1906 г. для улучшения условий землевладения и землепользования, размежевания надельной земли, устранения чересполосицы и т. д. В дальнейшем они играли заметную роль в проведении в жизнь Столыпинской аграрной реформы: оказывали содействие Крестьянскому банку в перепродаже помещичьей земли крестьянам, сдаче им в аренду казенных земель, а также в организации переселения малоземельной деревенской бедноты и т. д.

[9] *...вопрос о мелкой земской единице.* — Съезд земских и городских деятелей, состоявшийся в Петербурге 6—9 ноября 1904 г., отметил большое значение земских и городских учреждений и поставил задачу превращения их в подлинные органы местного самоуправления. В резолюции о реформе государственного строя подчеркивалось, что для этого необходимо: «а) чтобы земское представительство было организовано не на сословных началах и чтобы к участию в земском и городском самоуправлении были привлечены все наличные силы местного населения; б) чтобы земские учреждения были приближены к населению путем создания мелких земских единиц на началах, обеспечивающих их действительную самодеятель-

ность». Разрабатывая реформу местного самоуправления, П. А. Столыпин в заявлении 24 августа 1906 г. и в правительственной декларации 6 марта 1907 г. отмечал, в частности, необходимость «ячейки, в которой население могло бы найти удовлетворение своих простейших нужд». Такими установлениями, по проекту Министерства внутренних дел, должна была явиться «бессословная, самоуправляющаяся волость, в качестве мелкой земской единицы». После роспуска 2-й Государственной Думы этот проект был забыт. Всесословное земство было введено после Февральской революции, и волость стала единицей всесословного самоуправления вплоть до административно-территориальной реформы 1928—30 гг.

[10] *...вопрос о переселенческом деле* касался возможности переселения крестьян из центральных губерний на государственные и кабинетские земли в Сибири и Средней Азии. Он активно дебатировался в правительственных кругах после Крестьянской реформы 1861 г. и решался неоднозначно: до 1906 г. правительство ограничивало переселенчество, опасаясь, что помещики могут лишиться дешевых рабочих рук, и разрешало в порядке исключения переселяться только экономически зажиточным крестьянам, которые на новом месте могли обзавестись хозяйством. С 1906 до 1917 г., когда проводилась Столыпинская аграрная политика, правительство стало поощрять переселение безземельных и малоземельных крестьян из центральных губерний на окраины государства, надеясь ослабить аграрный кризис и предотвратить выступления крестьян против помещиков.

[11] *«Апостол».* — Речь идет об одной из первых печатных книг на Руси, изданной в 1564 г. первопечатником Иваном Федоровым совместно с его помощником Петром Мстиславцем. *(См. также примеч. 3.).*

[12] *...очень много народа, преимущественно «союзники».* — Речь идет о членах монархических организаций: «Союза русских людей», «Союза русского народа» и др. *(см. примеч. 45 к гл. 1, примеч. 2 к гл. 3, примеч. 10 к гл. 4).*

[13] *...чтобы Думу из орудия контрреволюции обратить в орудие революции.* — Речь идет об изменении тактики большевиков в отношении Государственной Думы. Опасаясь, что конституционные надежды народных масс приведут к спаду революции, начавшейся в 1905 г., большевики призвали к бойкоту выборов в I Государственную Думу, считая ее «орудием контрреволюции», «ширмой между деспотизмом и революцией» . Тактика бойкота Думы была отменена на IV съезде РСДРП (Стокгольм, апрель 1906 г.), и во II—IV Государственных Думах имелись социал-демократические фракции.

Глава 4. 1908 год

[1] *Гоф-фурьер* — в придворном штате служитель, заведовавший ближайшей прислугой.

[2] *Камер-фурьер* — в придворном штате служитель, заведовавший комнатным убранством; назначались из гоф-курьеров и камердинеров.

[3] *...закон 9 ноября о выходе из общины.* — Речь идет об указе 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона,

касающихся крестьянского землевладения и землепользования», введенном в действие в период между I и II Государственными Думами по 87 статье Основных законов. *(См. примеч. 3 к гл. 2.)* Указ положил начало Столыпинской аграрной реформе. Он предоставлял крестьянам право выхода (выдела) из общины и закрепления земли в личную собственность на правах выкупа по цене 1861 г., т. е. более низкой, чем в 1906 г.

[4] *...весьма ценную книгу по истории городского самоуправления.* — Речь идет о книге: М. П. Щепкин. Общественное хозяйство города Москвы. Т. 1—4. М. 1888, 1890, 1893, 1901.

[5] *В память распечатания храмов 17 апреля 1905 г.* — См. примеч. 11 к гл. 1.

[6] *Русско-турецкая война 1877*—1878 гг. была вызвана подъемом национально-освободительного движения на Балканах против турецкого ига; закончилась Сан-Стефанским мирным договором, по которому России была возвращена часть Бессарабии, потерянная в Крымской войне 1855—56 гг. Болгария по этому договору получила независимость.

[7] *«Черная сотня».* — В политическом лексиконе XX в. — название участников монархических организаций, крупнейшими из которых были: «Союз русского народа», «Союз русских людей», «Союз Михаила Архангела» *(см. примеч. 45 к гл. 1, примеч. 2 к гл. 3, примеч. 10 к гл. 4)* и др.

[8] *Гамбетта* (Gambetta) Леон (1838—1882) — один из видных деятелей французской Республиканской партии, член Правительства национальной обороны во время Франко-прусской войны 1870—1871 гг., премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881—1882 гг.

[9] *«Колокол»* — ежедневная монархическая, шовинистическая газета. Выходила в Петербурге с 24 декабря 1905 г. по март 1917 г. Издатели: Н. Д. Облеухов, В. М. Скворцов, редакторы: Ю. А. Скворцова, Е. М. Братин.

[10] *«Союз имени Михаила Архангела»* («Русский народный союз имени Михаила Архангела») — монархическая, шовинистическая организация, возникшая в начале 1908 г. в России в результате раскола «Союза русского народа» *(см. примеч. 2 к гл. 3)* во главе с В. М. Пуришкевичем; членами «Союза» были также священники И. И. Восторгов, Г. Г. Замысловский, В. Г. Орлов. «Союз» был назван в честь небесного покровителя первого царя династии Романовых. Имел Главную палату из 14 членов и местные отделы — в Москве, Одессе, Киеве. Свою задачу «Союз» видел в «верном служении Церкви, царю и Родине», в пропаганде монархических идей. «Союз» признавал необходимость Государственной Думы, избранной по закону 3 июня 1907 г., настаивая на полном лишении избирательных прав евреев и ограничении представительства Польши и Кавказа. Члены «Союза» выступали в газете «Колокол» *(см. примеч. 9)* и других монархических органах печати, проводили собрания, чтения, беседы, массовые антисемитские кампании (например, в связи с «делом Бейлиса»). Прекратил свое существование в марте 1917 г.

[11] *...находившемуся в должности в одном классе с ним...* — Согласно «Табели о рангах», утвержденной 24 января 1722 г. и действовавшей (с неболь-

шими изменениями) вплоть до Февральской революции, в России все гражданские чиновники и военные распределялись по 14 классам. Первые четыре класса были привилегированными, так как чин IV класса давал право на потомственное дворянство.

Глава 5. 1909 год

[1] *Дамский комитет великой княгини Елизаветы Федоровны.* — Благотворительная организация, учрежденная великой княгиней Елизаветой Федоровной — вдовой великого князя Сергея Александровича. Комитет занимался сбором средств на дома призрения, детские приюты, организацией помощи больным и раненым и проч.

[2] *...что Толстой отлучен от Церкви...* — Отлучение Л. Н. Толстого от Церкви произошло 24 февраля (9 марта) 1901 г. по представлению Синода. Активную роль в этом сыграли петербургский митрополит Антоний (Вадковский) и обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев *(см. примеч. 5 к гл. 3)*. Л. Н. Толстому вменялось в вину то, что он не разделял некоторые догматы православной Церкви и своим учением «сам себя отторг от всякого общения с Церковью православною» и отторгает верующих, приобщая их к своей вере («толстовству»). Церковь предлагала Л. Н. Толстому «раскаяться и восстановить свое общение с православной Церковью».

[3] *Александровский институт* — сословное учебное заведение для женщин. Основан в 1804 г. как Александровское женское училище; в 1861 г. училище было преобразовано в привилегированный Институт закрытого типа для девиц из дворянского сословия. Институт готовил учителей для средних женских учебных заведений, а ученицы, успешно кончавшие 8-й педагогический класс, могли преподавать в младших классах гимназий.

[4] *«Подвиг генерала Костенецкого в бою под селом Бородино»* — картина художницы В. П. Самокиш-Судковской, выполненная по рисунку Н. С. Самокиша. На ней изображен генерал-лейтенант Василий Григорьевич Костенецкий (1769—1831), прославившийся в Отечественную войну 1812 г.; в Бородинском сражении он был командиром Либавского и Софийского полков, а после гибели генерала А. И. Кутайсова принял на себя командование всей артиллерией русских войск. Картина хранится в Москве в музее «Бородинская битва».

[5] *...картина изображала генерала Бибикова.* — Речь идет о картине художника Н. Н. Каразина, которая хранится в Москве в музее «Бородинская битва». Генерал от инфантерии Дмитрий Гаврилович Бибиков (1792—1870) был в Отечественную войну 1812 г. адъютантом генерала от инфантерии графа М. А. Милорадовича.

[6] *Положение Совета Министров о порядке направления финляндских дел, касавшихся интересов империи...* — Речь идет о законе 20 мая 1906 г., которым отменялись указы и постановления правительства, принятые без согласия финляндского Сейма. Через месяц, 20 июня 1906 г., Николай II утвердил принятую Сеймом конституцию Финляндии, предусматривавшую введение

однопалатного Сейма (вместо сословного четырехпалатного), избираемого на основе всеобщего, равного избирательного права всеми гражданами с 24-летнего возраста.

[7] *Общество любителей российской словесности* — научно-литературное объединение, возникшее в 1811 г. при Московском университете; членами общества являлись крупные русские ученые, писатели. Деятельность общества прекратилась в 1930 г.

[8] *...на сообщении Столыпина об участии Милюкова, Набокова и князя Павла Долгорукова в Парижской конференции социалистов-революционеров и об их стараниях помешать удачной реализации русского займа за границей.* — П. А. Столыпин упомянул о Парижской конференции, организованной социалистами-революционерами в сентябре 1904 г. Конференция совпала по времени с русско-французскими переговорами о размещении во Франции русского займа на сумму в 800 миллионов франков (300 миллионов руб.). Во французской печати тогда же появились высказывания присутствовавших на конференции П. Н. Милюкова, В. Д. Набокова, П. Д. Долгорукова, выражавших недовольство русского общества политикой правительства и войной, и тем самым могущие помешать получению кредита.

[9] *«Былое»* — журнал, в котором публиковались документы, воспоминания и исследования по истории русского освободительного движения XVIII — начала XX в. Первые 6 номеров были изданы В. Л. Бурцевым в Лондоне и Париже в 1900—1904 гг. С 1906 г. выходил в России с подзаголовком «Журнал, посвященный истории освободительного движения» под редакцией В. Я. Богучарского, П. Е. Щеголева, В. Л. Бурцева тиражом до 30 тысяч экземпляров. В 1908—1913 гг. издавался вновь в Париже (№№ 7—15), а с июля 1917 г. до начала 1926 г. — в Петрограде под редакцией П. Е. Щеголева, В. Л. Бурцева, В. В. Водовозова и Е. В. Тарле. Всего вышло 35 номеров.

[10] *...изменить приговор в смысле лишения прав и ссылки на поселение.* — А. А. Лопухин (1864—1928), о котором идет речь, — бывший директор Департамента полиции, был судим за помощь, оказанную социалистам-революционерам в разоблачении многолетнего секретного сотрудника этого учреждения — Е. Ф. Азефа. В 1909 г. А. А. Лопухин по приговору суда был сослан в Сибирь, но после пересмотра дела в 1912 г. помилован и восстановлен в правах.

[11] *Великий Сибирский путь.* — Речь идет о построенной в 1901— 1905 гг. Сибирской железной дороге (протяженностью в 7400 км), имевшей большое значение для экономического освоения Сибири и ее заселения.

[12] *В Государственном Совете выступал редко, примыкая к «диким».* — «Дикими» в Государственном Совете называли крайне правых — националистов (А. С. Стишинского, А. Д. Оболенского 2-го, П. Н. Трубецкого и др.).

[13] *Когда я содержался в Бутырской тюрьме после переворота...* — В. Ф. Джунковский содержался в Бутырской тюрьме три года (с небольшими перерывами для лечения) с сентября 1918 г. по ноябрь 1921 г. *(Подробнее об этом см. в предисловии.)*

[14] *...особы первых четырех классов...* — *См. примеч. 11 к гл. 4.*

[15] *...чрезвычайная охрана была заменена усиленной.* — *См. примеч. 10 к гл. 2.*

[16] *Полтавская битва* — сражение между русскими и шведскими войсками 27 июня (8 июля) 1709 г. в ходе Северной войны 1700—1721 гг. В этом сражении русские войска одержали блестящую победу.

[17] *«Апостол», «Деяния».* — «Апостол» — *см. примеч. 3 к гл. 3.* «Деяния» — Деяния апостолов — книга евангелиста Луки, являющаяся продолжением третьего Евангелия и повествующая о деяниях апостолов Петра и Павла в 33—63 гг. Деяния апостолов, как и четыре канонических Евангелия, входят в круг чтения православной Церкви в течение всего года, а также читаются и на разные случаи: при совершении таинств крещения, брака, при освящении церкви и т. д.

[18] *...Шипов в своих воспоминаниях.* — Речь идет о книге: *Д. Н. Шипов.* Воспоминания и думы о пережитом. М., Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918.

[19] *...принимал участие гласный, лишившийся ценза...* — В соответствии с Земским положением 12 июня 1890 г. для избрания членов (гласных) уездного или губернского земских собраний организовывались два уездных съезда: первый — для дворян (потомственных и личных) и второй — для всех прочих жителей уезда (кроме крестьян), обладающих определенным имущественным цензом (от лат. census — оцененное имущество). Этот ценз предполагал владение в течение года земельным наделом (размер его был различным в разных уездах), недвижимостью или определенной суммой годового дохода. Утратив эту собственность частично или полностью, гласный утрачивал и ценз, т. е. соответствующие права избирать и быть избранным.

[20] *...начиная с многострадальных дней севастопольских и кончая Карсом в Русско-турецкую войну.* — Речь идет о героической 349-дневной обороне г. Севастополя в 1854—1855 г., когда русские войска во главе с В. А. Корниловым и П. С. Нахимовым отражали атаки объединенных англо-франко-турецких войск. Во время этой же Крымской войны 1853—1856 гг., после пятимесячной осады русскими войсками под командой генерала Н. Н. Муравьева была взята крепость Карс с 33-тысячным турецким гарнизоном во главе с Вассиф-пашой.

[21] *...за принадлежность к Боевой организации.* — Имеется в виду террористическая Боевая организация Партии социалистов-революционеров (эсеров), организованная в 1901 г. и занимавшая в ней автономное положение — имела свой устав, кассу, явки, адреса, квартиры. Ее руководителями были Г. А. Гершуни и Е. Ф. Азеф, который одновременно являлся осведомителем Департамента полиции. Боевая организация впервые заявила о себе в апреле 1902 г. убийством министра внутренних дел Д. С. Сипягина. Ее жертвами стали также министр внутренних дел В. К. Плеве, харьковский губернатор князь И. М. Оболенский, уфимский — Н. М. Богданович, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович и др. Боевой организацией было совершено до 200 террористических актов. В конце 1905 г. Боевая организация была официально распущена.

[22] *...Курлов в своих мемуарах.* — Речь идет о книге: *П. Г. Курлов.* Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира Корпуса жандармов. Пг.: М., 1923.

Глава 6. 1910 год

[1] *...300 лет со дня снятия осады с Троице-Сергиевой лавры.* — Во время польско-литовской интервенции в Россию (1607—1610 гг.) 23 сентября 1608 г. польские войска во главе с Я. П. Сапегой и Лисовским осадили Троице-Сергиеву лавру. После 16-месячной осады и неудачного штурма в июле 1609 г. они были вынуждены в 1610 г. отойти от лавры, а затем и уйти из России.

[2] *Указ 17 апреля 1905 г. о старообрядцах.* — См. примеч. 11 к гл. 1.

[3] *...трех сыновей Ноя...* — Согласно библейской легенде о всемирном потопе, три сына Ноя — Сим, Хам и Иафет стали родоначальниками современного человечества. В. М. Пуришкевич в своей речи весьма прозрачно намекает на имя «Хам», которое в просторечии имеет оскорбительный смысл.

[4] *«Русское знамя»* — монархическая, черносотенная газета, печатный орган «Союза русского народа» *(см. примеч. 2 к гл. 3)*, издавалась с 1905 по 1917 г.

[5] *Странноприимный дом графа Шереметева* — больница для бедных, построенная в 1810 г. графом Н. П. Шереметевым в память умершей его жены, известной актрисы, в прошлом крепостной, П. И. Жемчуговой (ныне — больница им. Н. В. Склифосовского в Москве).

[6] *Семилетняя война* (1756—1763 гг.) захватила почти все страны Европы; Россия выступала против Пруссии на стороне Австрии и Франции. В ходе войны 28 сентября (10 октября) 1760 г. русские войска заняли Берлин.

[7] *Греко-турецкая война 1897 г.* возникла из-за острова Крит, закончилась в том же году мирным договором, заключенным при посредничестве России.

[8] *Морозов-шлиссельбуржец.* — Речь идет о Николае Александровиче Морозове (1854—1946), русском революционере-народнике и ученом (почетный член Академии наук СССР с 1932 г.). В 1882 г. Н. А. Морозов был приговорен к бессрочной каторге и отбывал заключение в Шлиссельбургской крепости до октября 1905 г. В условиях одиночного заключения, сохраняя бодрость духа и огромную умственную энергию, занимался наукой.

[9] *...по случаю 200-летия присоединения Эстляндии к Российской империи.* — Эстляндия была присоединена к России в 1710 г. в ходе Северной войны 1700—1721 гг., начатой Россией против Швеции за выход к Балтийскому морю. Двухсотлетие присоединения Эстляндии к России отмечалось в 1910 г.

[10] *...издание истории академии за 100 лет.* — Речь идет о Московской 9практической академии коммерческих наук, созданной в 1806 г. на базе

Московского коммерческого училища, образованного в 1804 г. К столетию академии в 1906 г. вышло юбилейное издание, рассказывающее о ее роли в развитии коммерческого образования в России: Московская практическая академия коммерческих наук. М., 1906.

[11] *Этнографический музей Дашкова.* — Создан в 1860-х гг. в Москве директором Московского публичного и Румянцевского музея Василием Андреевичем Дашковым (1819—1896) при содействии Общества любителей естествознания при Московском университете; особенно активно работал после Московской этнографической выставки 1867 г. С именем В. А. Дашкова связано также устройство особой галереи «Дашковское собрание изображений русских деятелей».

Глава 7. 1911 год

[1] *В начале января в Москве состоялось открытие грандиозного загородного ресторана «Яр»...* — В XIX в. ресторан «Яр» располагался на углу Неглинной улицы и Кузнецкого моста, затем был перенесен на Петровку, оттуда — в Петровский парк за Тверской заставой.

[2] *...пресловутая автономия...* — Речь идет об автономии российских университетов, восстановленной указом 27 августа (9 сентября) 1905 г. *(см. примеч. 18 к гл. 1).*

[3] *...на имя члена Государственного Совета сенатора Семенова-Тян-Шанского, маститого старца, единственного оставшегося в живых непосредственного участника реформы, заведовавшего делами редакционных комиссий.* — Речь идет о Петре Петровиче Семенове-Тян-Шанском (1827—1914) — русском географе, статистике, ботанике, энтомологе, члене Государственного Совета с 1897 г. Накануне реформы 1861 г. он был членом-экспертом Редакционной комиссии, которую возглавлял Я. И. Ростовцев.

[4] *...Юрия Федоровича Самарина, видного деятеля по реформе крестьян.* — Ю.,Ф. Самарин (1819—1876) — русский общественный деятель, историк и публицист, славянофил. Накануне крестьянской реформы 1861 г. он активно работал в Редакционной комиссии, созданной для подготовки реформы; в 1866—1876 гг. избирался гласным Московской городской думы и Московского губернского земского собрания.

[5] *...в составе прежнего присутствия по крестьянским делам...* — Губернские по крестьянским делам присутствия — местные огланы Министерства внутренних дел, были созданы Положением 19 февраля 1861 г. для рассмотрения жалоб на решения мировых посредников и уездных мировых съездов *(см. примеч. 6).* Уездные по крестьянским делам присутствия учреждались Положением 27 июня 1874 г. вместо мировых посредников. Осуществляли контроль за взиманием казенных сборов и повинностей, надзор за органами крестьянского самоуправления. Уездное по крестьянским делам присутствие состояло из председателя — уездного предводителя дворянства, непременного члена, уездного исправника, председателя уездной земской управы и одного из почетных мировых судей по приглашению министра юстиции.

Губернское по крестьянским делам присутствие было апелляционной инстанцией. Во главе него стоял губернатор, в состав входили вице-губернатор, губернский предводитель дворянства, управляющий казенной палатой и государственным имуществом, прокурор и товарищ прокурора окружного суда, председатель губернской земской управы и непременный член. Упразднены «Положением о земских участковых начальниках» 12 июня 1889 г., к которым и перешли их функции.

[6] *Для бывших мировых посредников первого созыва...* — Мировой посредник — должностное лицо в системе местного управления в России. Должность была учреждена вместо мировых судей для реализации крестьянской реформы 1861 г. Назначались губернатором и утверждались Сенатом. Мировые посредники наблюдали за поземельными отношениями между помещиками и крестьянами, разбирали тяжбы и споры между крестьянами, а также осуществляли контроль за органами крестьянского самоуправления. Институт мировых посредников был упразднен в 1879 г., а в 1889 г. на смену им пришли земские начальники.

[7] *...к памятнику — барельефу, сооруженному в скале Военно-историческим обществом в память перехода Альп русскими войсками во главе со знаменитым Суворовым.* — 14 (26) сентября 1898 г. на берегу реки Ройса (Швейцария), недалеко от Чертова моста, состоялось открытие памятника, сооруженного швейцарским архитектором и скульптором Чокке. Барельеф представляет собой распластанный на скале 12-метровый крест. Под ним огромными бронзовыми буквами надпись по-русски: «Доблестным сподвижникам генералиссимуса фельдмаршала Суворова-Рымникского, князя Италийского, погибшим при переходе через Альпы в 1799 году». Рядом — бронзовый меч с лавровым венком. Русское военно-историческое общество было основано в августе 1907 г. в целях изучения военно-исторического прошлого русского народа. Работой общества руководили: Д. А. Скалон (председатель), А. З. Мышлаевский (товарищ председателя), с 1912 г. — Н. П. Михневич.

[8] *«Блерио»* — тип самолета, названный по имени конструктора француза Луи Блерио (1872—1936).

[9] *...Как пишет в своих воспоминаниях Курлов. — См. примеч. 22 к гл. 5.*

[10] *«*Times*» («Время»)* — ежедневная английская газета, выходит с 1785 г. по сей день; с начала XX в. — орган Консервативной партии; имеет своих корреспондентов во многих странах.

[11] *...до меня стали доходить определенные слухи о Распутине.* — Григорий Ефимович Распутин (Новых) (1869—1916) — крестьянин Тобольской губернии, сыгравший роковую роль в судьбе русской монархии. Приобрел большое влияние на Николая II и императрицу Александру Федоровну, пользуясь своей способностью облегчать страдания больного гемофилией наследника царевича Алексея. Убит 16 декабря 1916 г. великим князем Дмитрием Павловичем, В. М. Пуришкевичем и Ф. Ф. Юсуповым (младшим).

Глава 8. 1912 год

[1] *«Голос Москвы»* — ежедневная политическая газета, орган партии «Союз 17 октября» (октябристов), издавалась с 23 декабря (5 января) 1906 по июнь 1915 г.

[2] *Временные правила 4 марта 1906 г. — См. примеч. 9 к гл.2.*

[3] *...в книжке, посвященной этому дню духовником Марфо-Мариинской обители протоиереем Митрофаном Серебрянским.* — Речь идет о книге отца Митрофана Серебрянского (1870 — 1948) «Марфо-Мариинская обитель милосердия». М. 1914.

[4] *Расстрел рабочих на Ленских приисках* произошел 4 (17) апреля 1912 г. По другим сведениям, было убито 25 и ранено 270 человек.

[5] *...как это пишет профессор Цветаев в своей брошюре об истории создания музея.* Речь идет о небольшой книжечке: *И. Цветаев.* Музей изящных искусств имени императора Александра III в Москве. М. 1912. (13 стр.).

[6] *Она составила программу этого музея, которая и была напечатана в Москве в 1831 г.* — Зинаида Александровна Волконская (1792 —1862) еще в 1825 г. начала хлопотать об основании русского общества для устройства национального музея и для обнародования памятников старины. Программа музея позднее вошла в «Сочинения княгини Зинаиды Волконской» (Карлсруэ. 1865).

[7] *...Дубасова и Шестакова, так геройски взорвавших и потопивших турецкий броненосец монитор «Сейфи» на Дунае в 1877 г.* — Федор Васильевич Дубасов (1845 —1912) — русский адмирал, в начале Русско-турецкой войны в 1877 г. командовал отрядом мелких судов и ставил минные заграждения на реках Дунае и Сереже. 14 мая 1877 г. он вместе с лейтенантом Шестаковым взорвал и потопил турецкий броненосный монитор «Сейфи».

Содержание

Владимир Федорович **Джунковский**

ВОСПОМИНАНИЯ

Том первый

Записи Прошлого

Редактор *А. Панина*
Художественно-технический редактор
З. Теплякова
Корректоры *Б. Тумян, А. Киселева, Ю. Баклакова*

Лицензия № 060446 от 03.12.91

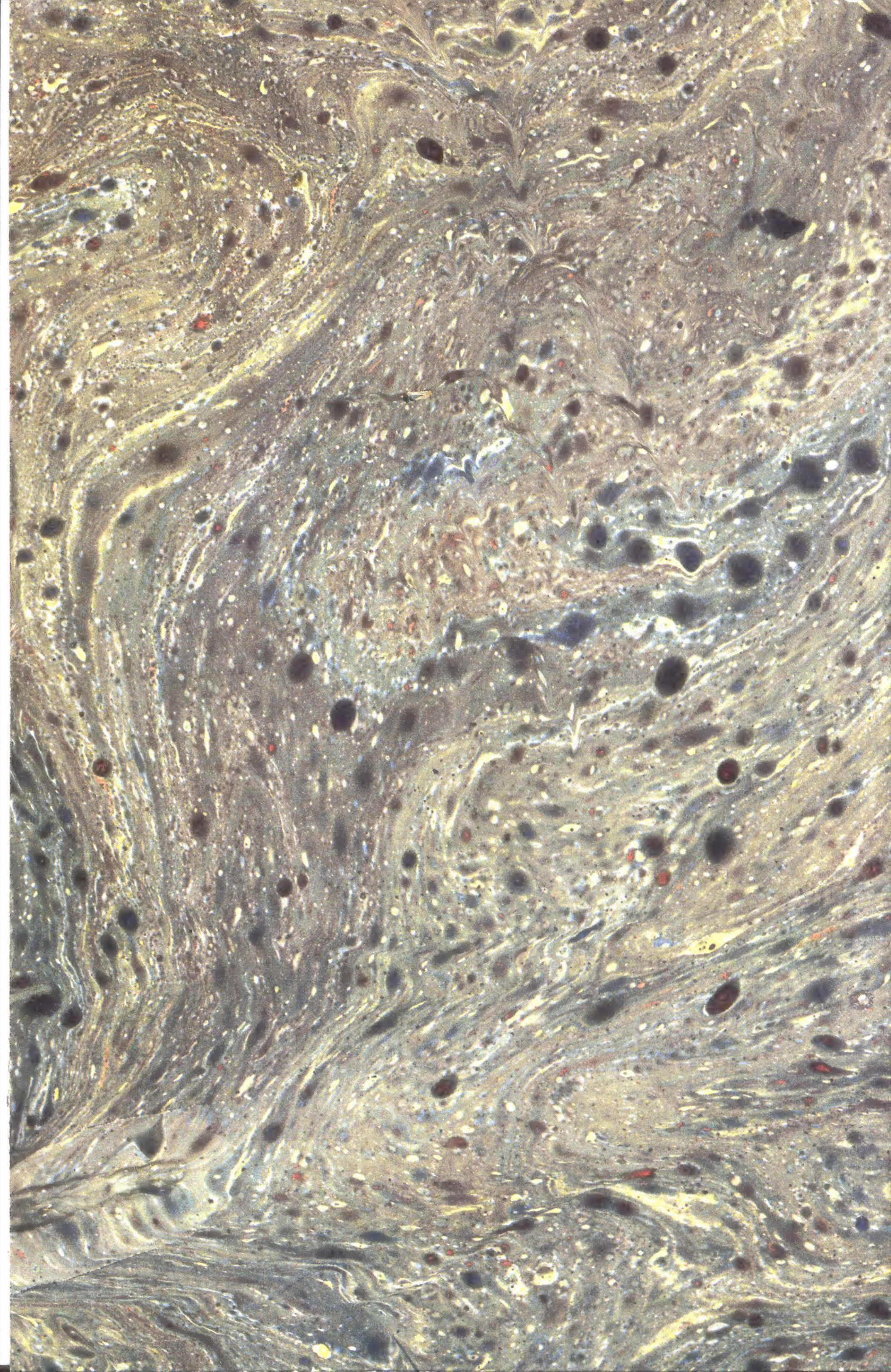
Подписано в печать 15.05.97. Формат 60 × 90[1] / 16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Баскервиль».
Усл. печ. л. 46. Уч.-из. л. 50,78.
Тираж 5100 экз. Заказ № 2735.

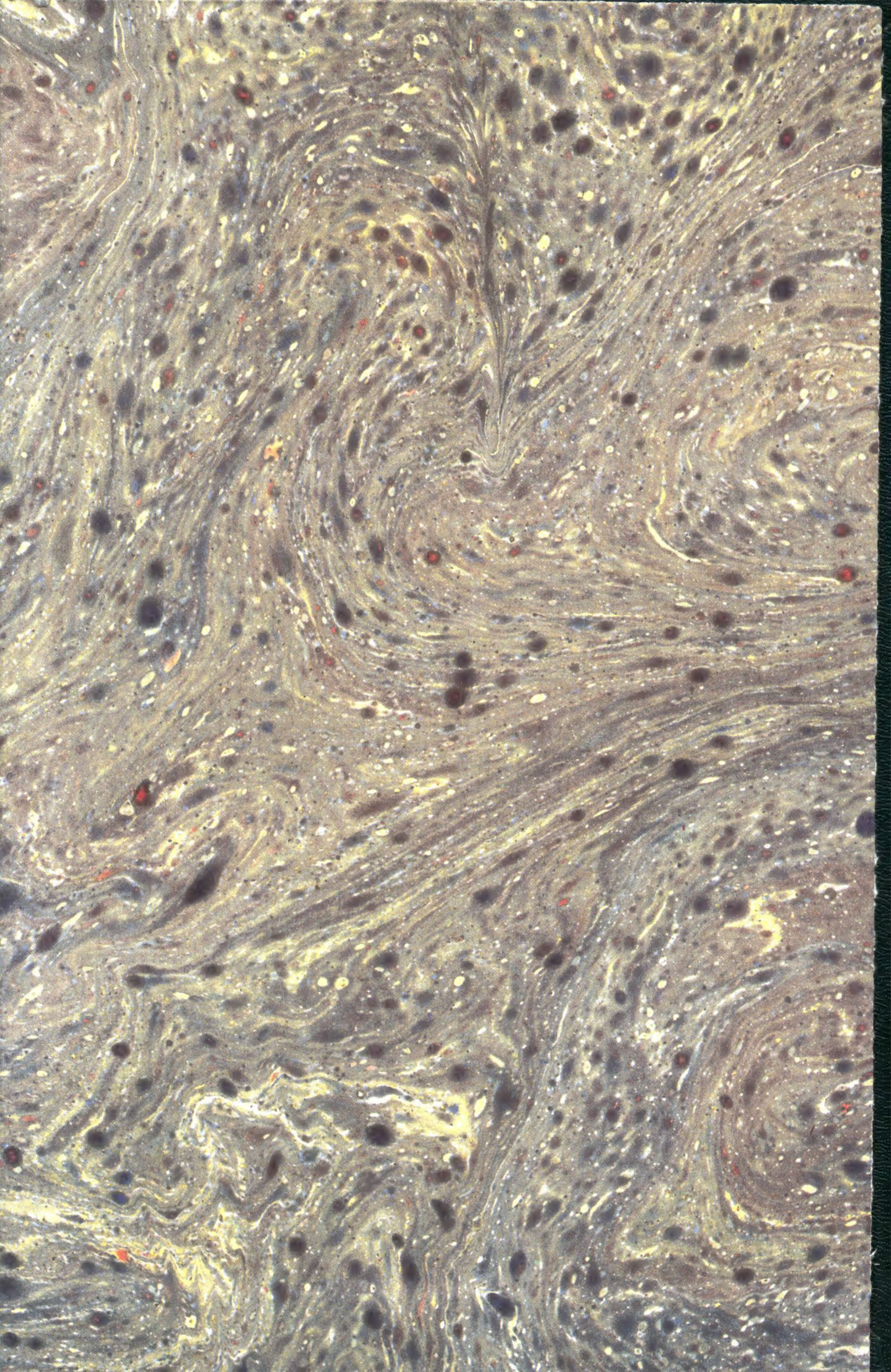
Издательство имени Сабашниковых
119146 Москва, Фрунзенская наб., 38/1
Тел.: 242-59-63

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ПФ «Красный пролетарий»
103473 Москва, Краснопролетарская, 16

Джунковский Владимир Федорович
Д42 Воспоминания: В 2 т. Т. 1. Под общей ред. А. Л. Паниной; предисловие и примеч. И. М. Пушкаревой и З. И. Перегудовой. Археограф. подготовка текста А. Л. Паниной. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. — 736 с.: ил. — (Записи Прошлого).
ISBN 5-8242-0043-2

В. Ф. Джунковский — генерал-майор Свиты, московский губернатор в 1905 —1912 гг., товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов в 1913 —1915 гг. Впервые публикуются два тома его воспоминаний за 1905 —1915 гг., где нашли отражение важнейшие события политической, общественной и культурной жизни России. Центральное место в мемуарах занимает Москва, которой посвящен целиком первый и часть второго тома. Книга иллюстрирована фотографиями из Государственного архива Российской Федерации.

I В. Ф. Джунковский ВОСПОМИНАНИЯ